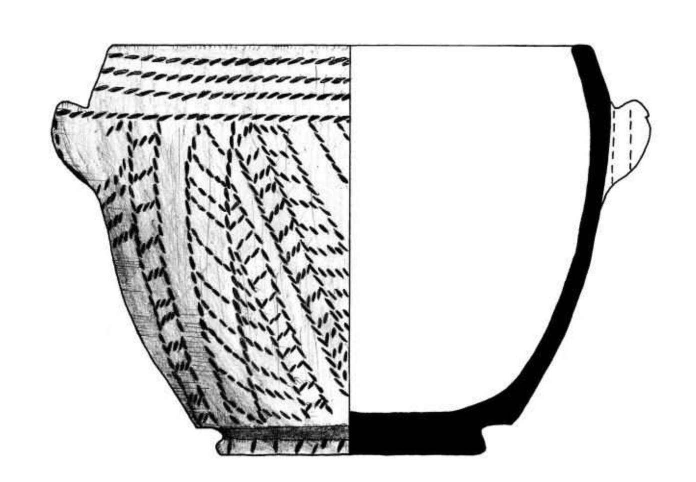
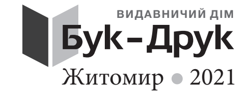

Светлана Иванова
ИСТОРИЯ НАСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
в конце IV–III тыс. до н. э.
ИСТОРИЯ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-
ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
Светлана Иванова

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Иванова С.В.

ИСТОРИЯ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В КОНЦЕ IV–III ТЫС. ДО Н. Э.

Житомир ● 2021

УДК 903'1(477.7-15)"-3/-2"
І-20

Іванова С. В.
І-20 Історія населення Північно-Західного Причорномор’я наприкінці IV–III тис. до н. е. – Житомир: ТОВ «Видавничий дім “Бук-Друк”», 2021. 424 с., іл.

ISBN

Монографія присвячена реконструкції культурно-історичних процесів в Північно-Західному Причорномор'ї наприкінці IV-III тис. до н.е. Встановлено, що інтеграційні процеси в пізньому енеоліті привели до формування в регіоні буджацької культури (ямної культурно-історичної спільноти), на основі місцевого протобуджакского горизонту. Проаналізовано взаємозв'язки і взаємовпливи населення Північно-Західного Причорномор'я та інокультурного оточення. Це дало можливість дійти висновку, що у розглянутий час мала місце не навала «курганних культур» зі степових територій в західному напрямку, але торгова колонізація, в основі якої був обмін природними ресурсами – металів Балкано-Карпатського ареалу і солі з солеродних лиманів Північно-Західного Причорномор'я. Розгляд археологічної ситуації на тлі кліматичних коливань дозволив автору створити нову коректну модель культурно-історичних процесів, що мали місце в Південно-Східній Європі в IV-III тис. до н.е., дати оцінку і міграцій (як торговельної колонізації нових територій), і адаптаційних можливостей давнього населення Північно-Західного Причорномор'я, охарактеризувати провідну роль природних ресурсів та торгівлі в культурно-історичних процесах.

УДК 903 ' 1 (477.7) "– 3 / – 2"

Редактор
доктор історичних наук Отрощенко В.В.
Рецензенти:
доктор історичних наук Відейко М.Ю.
доктор історичних наук Котова Н.С.

Затверджено до друку Вченою Радою Інституту археології НАН України (протокол № 7 від 13.05.2021)

ISBN

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Анализ археологического материала и рассмотрение на его фоне культурных контактов и культурных трансформаций позволяет реконструировать историческое развитие региона в конце IV – III тыс. до н. э., а также показать роль населения Северо-Западного Причерноморья в культурно-исторических процессах Юго-Восточной и Центральной Европы.

В рассматриваемый хронологический период Северо-Западное Причерноморье являлось определенным очагом культурогенеза, ареалом формирования технологических инноваций, связанных с металлургией (особый очаг металлообработки), импульсы из которого распространялись в дальнейшем в различных направлениях. В конце IV – начале III тыс. до н. э. здесь обитало население усатовской культуры и некоторых других археологических культур и культурных групп энеолитической эпохи. В это же время формируется буджакская культура, одна из самых ярких культур не только в степном Причерноморье, но и во всем ареале ямной культурно-исторической общности. Со второй половиной III тыс. до н. э. соотносятся памятники отдельных катакомбных культур; Северо-Западное Причерноморья являлось крайним западным ареалом катакомбной культурно-исторической общности. Находки памятников ямной и катакомбной КИО в Подунавье, на Балканах, в Карпатской котловине, указывают на определенные взаимоотношения населения различных регионов.

Монография является первым комплексным обобщающим исследованием истории Северо-Западного Причерноморья конце в эпохи энеолита – раннем и среднем бронзовом веке (конец IV–III тыс. до н. э.). В ней проанализирован весь доступный археологический материал, в том числе полученный в результате полевых исследований автора, осуществлен критический обзор существующих точек зрения на актуальные аспекты темы, с учетом результатов новейших археологических и археометрических исследований. Был проанализирован протобуджакский культурный горизонт, выявлены истоки керамического комплекса буджакской культуры, определены хронологические и территориальные рамки этого явления, установлен круг синхронных культур на различных хронологических этапах. Сравнительный анализ керамических комплексов позволил уточнить направления, динамику и степень интенсивности связей усатовского, буджакского и катакомбного населения Северо-Западного Причерноморья.

Главная особенность культурно-экономической эволюции отдельных культурных сообществ раннего и среднего бронзового века (буджакская, катакомбные культуры) заключается в том, что качественно новый этап их существования приходится на период климатических изменений (аридизация, «событие 5300 cal BP») и регрессий Черноморского бассейна (Хаджибейская регрессия).

На основе археологического материала и данных естественных наук установлено, что аридизация принесла негативные последствия лишь для земледельческой экономики населения периодов позднего энеолита – раннего бронзового века. В Северо-Западном Причерноморе климатические изменения привели к расширению ареала степей, в том числе в Подунавье. Это стало причиной возрастания кормовой базы для скота и способствовало развитию подвижного скотоводства. Такие изменения способствовали не только вырабатыванию новых для данной территории моделей хозяйственной адаптации, широкому освоению степей, но и формированию торгово-обменных путей, связавших Северо-Западное Причерноморье как с западом (Балкано-Карпатский регион), так и (в меньшей степени) – с востоком, с ареалом Азово-Черноморских степей.

Актуальными темами древней истории являются причины и последствия миграционных процессов и увеличение мобильности населения с началом 3 000 ВС, изучение проблемы их отражения в археологическом материале. Регион Северо-Западного Причерноморья играем ключевую роль для решения, этих проблем, в силу локализации в контактной зоне между культурами РБВ Юго-Восточной и Центральной Европы и степями Евразии. Всесторонний анализ имеющихся на сегодняшний день данных позволяет утверждать, что климатические изменения способствовали расцвету степных сообществ. Это опровергает мнение о кризисной ситуации, которая, якобы, была вызвана аридизацией, заставившей носителей буджакской культуры частично переселиться на Запад.

Картографирование памятников и отдельных находок свидетельствует о том, что основной целью движения групп степного населения на запад была необходимость в металле (медь, серебро). Балкано-Карпатские металлургические очаги функционировали с периода раннего энеолита. Предметом обмена могла быть соль, добываемая степным населением в солеродных лиманах – уникальных природных объектах, где сбор соли не требовал дополнительных операций (выпаривание) с использованием дополнительных природных ресурсов (древесина). Приведенные факты свидетельствуют о том, что появление в Балкано-Карапатском регионе степного населения буджакской культуры Северо-Западного Причерноморья в значительной степени обусловлено торгово-обменными связями. Это предполагало установление мирных отношений с местным населением, что зафиксировано появлением синкретических мультикультурных памятников. Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической общности возник в результате упомянутых социально-экономических процессов.

Синтез археологических источников Северо-Западного Причерноморья и Балкано-Карпатского региона и современных данных археометрических исследований позволяют воссоздать историю населения регионов в IV–III тыс. до н. э.

Автор искренне благодарен друзьям и коллегам, чья помощь и консультации во многом помогли в процессе работы над темой, дирекции и сотрудникам Одесского археологического музея, Института археологии НАН Украины, Национального Музея Археологии и Истории Молдовы, Университета им. Адама Мицкевича, Археологического музея (г. Познань, Польша), Института археологии Польской Академии Наук (г. Краков, Польша) – за возможность ознакомиться с археологическими коллекциями и работать с архивными материалами, участникам археологических экспедиций, благодаря которым были раскопаны курганы и пополнены музейные коллекции.

ГЛАВА 1
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР И ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Северо-Западное Причерноморье долгое время рассматривалось лишь в контексте общеисторических построений, как территория, включенная в миграционные процессы, независимо от вектора их направления. Исследователями предполагалось в рассматриваемый нами период движение с запада на восток, с Одера до Днепра – «десятый поход», по периодизации Г. Косинны (Клейн, 2000), или с востока на запад, из восточноевропейской степи в Центральную Европу (Чайлд, 1952; 2005; Брюсов, 1952; 1956; 1965; Даниленко, 1955; Gimbutas, 1956; Гимбутас, 2006; Мерперт, 1965; 1968; 1974). Концепция В.Г. Чайлда – М. Гимбутас о движении населения «курганной культуры» на запад, разрушившего в итоге земледельческие цивилизации Балкан и приведшее к индоевропеизации значительных территорий, продолжает восприниматься неоднозначно в археологической среде – от критики (Манзура, 2000; Конча, 2001), до полной поддержки и использования в собственных исторических реконструкциях (Черных Е.Н., 1987; Меллори, 1997; Дергачев, 2000).

Со временем тезис о «поворотном моменте» в истории Юго-Восточной Европы, связанном с проникновением носителей степных культур на запад вызывает все большие сомнения (Титов, 1982; Збенович, 1987; Videiko, 1994; Rassamakin, 1999). Н.Я. Мерперт отмечал, что вопросы создания культурных общностей не могут решаться однозначно и связываться с единым источником, единой тотальной инвазией (Мерперт, 1987). Тем не менее, традиции оказываются сильнее фактов. В монографических и диссертационных исследованиях, обобщающих теоретических статьях продолжают развиваться идеи и пути масштабного передвижения носителей ямной культуры с востока на запад (Яровой, 1985; 2000; Рычков, 1990; Ричков, 1994; Алексеева, 1992, Субботин, 2000; Демченко, 2013 и др.). Реконструируются и локальные пути продвижения ямных племен в процессе освоения степей Украины, но в том же направлении восток-запад (Николова А.В., 1992, с. 7–8). Исследователи объясняют освоение ямным населением других территорий климатическими изменениями или новой культурной ситуацией: предполагается, что аридизация и давление (на позднем этапе) со стороны катакомбных племен вынудили ямные племена искать новые районы обитания; поиск новых пастбищ заставил степных скотоводов мигрировать на запад (Черняков, 1996, с. 63; Яровой, 2000, с. 42 и др.). Последовательно отстаивает теорию В.Г. Чайлда и М. Гимбутас В.А. Дергачев (Дергачев, 2000, с. 188–191); В.С. Бочкарев видит в появлении ямных памятников в Балкано-Карпатском регионе одну из наиболее масштабных миграций бронзового века (Бочкарев, 2002). Невозможность выделения «курганной культуры» и ее агрессии в западном направлении была убедительно обоснована И.В. Манзурой (Манзура, 2000). И.В. Палагута считает, что нет оснований говорить ни о «степной экспансии» на запад, ни о об освоении степей земледельческим населением: следует говорить о параллельном их сосуществовании в различные исторические эпохи. В то же время в энеолитическую эпоху балканские культуры выступают катализатором культурных процессов в Северном Причерноморье (Палагута, 2010, с. 15).

Генетический аспект. Интерес к этой теме возродился в последнее время, что связано с новыми возможностями генетических исследований и совместной работой генетиков и археологов. С точки зрения генетики, существует факт наличия общих генетических детерминант у носителей ямной культуры (ЯК) и культур шнуровой керамики (КШК). За время, прошедшее после выхода статей, которые показали эту связь (Allentoft et al., 2015; Haak et al., 2015; Mathieson et al., 2015), в обсуждениях этих результатов генетиками и археологами укрепилась общая идея. Согласно ей, причиной этой связи является происхождение носителей КШК от племен ЯК. Эта точка зрения развивалась параллельно с основной идеей о массовой миграции населения ЯК в Европу (Haak et al., 2015). Проблема в том, что, с археологической точки зрения, ни эта массовая миграция, ни происхождение

КШК от ЯК, не прослеживаются. Однако, если нет оснований говорить о масштабных миграциях, необходимо объяснить выводы генетиков о сходстве по генофонду населения культуры шнуровой керамики Европы с носителями ямной культуры и ряд других вопросов.

Согласно генетическим данным, общий генетический элемент ЯК и КШК начинает прослеживаться у некоторых представителей хвалынской культуры (ХК) с южного Урала (Самара) в энеолите (Mathieson et al., 2015). До его появления, генетической подосновой в Понто-Каспийском степи были детерминанты на основе местного мезо-неолита (EHG - Eastern Hunter Gatherers, восточные охотники и собиратели) с примесями европейского мезолита (WHG - Western Hunter Gatherers, западные охотники и собиратели), что характеризовало культуры, оставившие после себя могильники мариупольского типа (Mathieson et al. 2018). В начале энеолита в Самарской степи и, чуть позже (по данным, которые есть на сегодняшний день), в Днепровском Надпорожье и на Балканах (Варненский энеолитической могильник), появляется генетический элемент иранских неолитических фермеров с примесью кавказского элемента охотников и собирателей (Iran_N / CHG - Iranian Neolithic / Caucasus Hunter Gatherer). Этот элемент, вместе с местным генетическим компонентом EHG, становится преобладающим у самарских и нижнеднепровских носителей ЯК в раннем бронзовом веке. В то же время, к этому степному компоненту в генетике варненского и нижнеднепровского населения энеолита (а позже и ЯК), примешивается генетический элемент, характеризующий неолитических фермеров Анатолии и Европы. Происхождение ирано-кавказского элемента, начало (и локализация) его появления в Понто-Каспийском степи остается неясным. Неясным остается также и появление Анатолийского фермерского элемента в среде ямного населения юго-восточной Украины (Іванова, Нікітін 2020). Археологами подчеркивается, что данные aDNA были включены в чрезмерно обобщающие, упрощенные повествования, связанные с давно устаревшими культурно-историческими взглядами XX века на коллективную миграцию. Вся обстановка III тысячелетия до нашей эры в Европе лучше объясняется усилением транслокальных отношений, чем традиционными массовыми моделями миграции (Furholt, 2021).

Ямная культурно-историческая область/общность (ямная КИО). Памятники буджакской культуры Северо-Западного Причерноморья являются составной частью грандиозного явления, которое получило в научной литературе название ямная культурно-историческая область (общность). Именно с нею связан расцвет курганного строительства в степной зоне Восточной и Юго-Восточной Европы. Выделенная В.А. Городцовым более 100 лет назад (Городцов, 1905), ямная культура к настоящему времени представлена многочисленными захоронениями и редкими поселениями и стойбищами. Область распространения этих памятников граничит с Притобольем на востоке и рекой Тиса на западе. Северная граница памятников ямной культуры доходит до широты Киева, верховьев Дона, Самарской Луки на Волге. Основными «культурообразующими» чертами выступают курганное строительство, прямоугольные погребальные камеры, порой с уступом, каменное и деревянное их перекрытие. Умершие расположены в скорченном положении на спине, с наклоном набок, скорченно на боку. Традиционным в погребальном ритуале является использование охры, растительных подстилок и циновок; инвентарь (преимущественно, керамика) встречается относительно редко.

Н.Я. Мерперт установил границы ямной культурно-исторической области, которая ранее связывалась с междуречьем Волги и Днепра. Внутри нее были выделены девять локальных вариантов: Волго-Уральский, Предкавказский, Донской, Северско-Донецкий, Приазовский Нижнеднепровский, Крымский, Северо-Западный, Юго-Западный (Мерперт 1968, с. 7; 1974, с. 12–13). Памятники ямной КИО были разделены Н.Я. Мерпертом на три хронологических периода, основанием для этого послужило сопоставление обрядово-стратиграфических групп. По его мнению, самый ранний «общедревнеямный» горизонт отображал единство памятников на всей территории ямной КИО. На протяжении второго периода складываются локальные варианты, имеющие свои отличия и особенности, третий

период характеризуется катакомбным влиянием, формированием памятников ямно-катакомбного типа и, в конечном итоге, исчезновением ямной культурно-исторической области. Исследователь синхронизировал хронологические этапы с теми или иными археологическими культурами Восточной Европы, предполагая, что Волго-Уральские степи, где ямная культура фиксируется в наиболее «чистом» виде, являлись прародиной ямных племен, распространившихся оттуда на обширные территории в западном и юго-западном направлениях (Мерперт, 1974). Однако прослеживаются определенные несоответствия в этой схеме: первая хронологическая группа синхронизировалась Н.Я. Мерпертом с этапом Триполье BII и предшествовала Михайловскому поселению, вторая – с ранним этапом усатовской культуры (Мерперт, 1974, с. 59–80). Таким образом, уже на момент ее создания, концепция выглядела достаточно противоречивой, а материал, включенный в ямную культуру – неоднородным как в культурном, так и хронологическом аспекте.

Почти полное отсутствие в степной зоне Волго-Уралья (вплоть до середины 70-х годов) памятников эпохи энеолита затрудняло исследование проблемы происхождения на этой территории «классической» ямной культуры. Положение, казалось бы, изменилось с открытием хвалынской энеолитической культуры и выделением хвалынско-среднестоговской культурно-исторической общности (Васильев, 1981, с. 31–34). Вычлененяются в субстратный пласт, связанный с предыдущей энеолитической эпохой, те древнейшие погребения, которые Н.Я. Мерперт относил к I общедревнеямному горизонту (Мерперт, 1974, с. 77–79). Выделена и небольшая группа подкурганных захоронений, которые также связываются в культурно-хронологическом аспекте с памятниками хвалынской культуры, хотя радиоуглеродных дат для них не имеется (Дремов, Юдин, 1992, с. 36–37). Ряд археологов истоки ямной погребальной обрядности связывают с хвалынской культурой и памятниками т.н. хвалынско-бережновского типа (И.Б. Васильев, Н.М. Малов, В.В. Ставицкий, Н.Л. Моргунова). Исследователи «ямной прародины» все же признают, что погребения раннего этапа ямной культуры в очень малой степени демонстрируют черты наследственности от предшествующего периода, хронологический разрыв между энеолитическими хвалынскими древностями и ямными памятниками весьма значителен (Васильев и др., 2000, с. 13, 20). В образовавшийся интервал помещают памятники репинского и алтатинского типов, отмечая все же, что объяснить формирование ямного погребального обряда в этом регионе трудно (Юдин, 2006). В Саратовском Поволжье предполагается выделение «паницкого горизонта», который мог бы стать наиболее ранним пластом ямных древностей, предшествуя ямно-репинскому этапу, однако и этот в этом варианте имеются свои проблемы (Мимоход, 2009, с. 55). Заметим, что погребальные памятники хвалынской культуры располагались в лесостепной зоне; в собственно степной зоне Волго-Уральского междуречья, впоследствии освоенной ямными племенами, такие памятники не зафиксированы; имеющиеся немногочисленные энеолитические поселения степной полосы не дают полного представления о доямном культурном субстрате. Таким образом, по-прежнему остаются дискуссионными проблемы, связанные с хронологической лакуной между хвалынскими памятниками и раннеямными комплексами, различиями в погребальной обрядности обеих культур и керамических традициях (Турецкий, 2007; Мимоход, 2009, с. 53–54).

С точки зрения Н.Л. Моргуновой, внутри ямной культурно-исторической области выделяется два региона: западный (от Дуная до Днепра) и восточный (от Днепра до Урала). Именно их следует рассматривать как культурно-исторические общности (КИО), которые основаны на доямном (энеолитическом) единстве. При этом автор считает, что зарождение ямной культуры связано с восточной КИО, в западный ареал она является привнесенной, наслоившейся на местный субстрат (Моргунова, 2014, с. 9–12).

По мнению А.В. Файферта, не вызывает сомнений наличие местных корней у каждого регионального массива раннеямных памятников. Основой их формирования в Поволжье стали памятники хвалынско-бережновского типа, в Среднем Поднепровье, Среднем Подонье

и Подонечье – поздние памятники среднестоговской культуры, в Нижнем Поднепровье и Приазовье – памятники нижнемихайловского типа, памятники койсугского типа на левобережье Дона, которые можно синхронизировать с поздними этапами среднестоговско-хвалынской общности эпохи энеолита (Файферт, 2018, с. 11, 15). Ряд данных свидетельствует в пользу предположения как о полицентричности процесса возникновения ямной культуры, так и о естественном, эволюционном, характере её возникновения (Файферт, 2018, с. 21).

Получает развитие концепция о влиянии репинской культуры на формирование ямной (В.П. Шилов, В.А. Трифонов, П.Ф. Кузнецов, П.П. Барынкин, М.А. Турецкий, А.В. Файферт и др.). Сложение первой чаще всего связывают с Подоньем (Синюк, 1996) или с бассейном Северского Донца (Санжаров и др., 2000, с. 96). Керамику репинского типа в ямных погребениях Днепро-Волжского междуречья обычно считали ярким индикатором принадлежности комплексов к раннему этапу ямной культуры (Константінеску, 1984; Ковалева, 1989; Турецкий, 2007). В то же время дискуссия велась по поводу признания погребений с репинской керамикой следствием локального своеобразия памятников Орель-Самарского междуречья (Шапошникова, 1985), результатом миграции в Поднепровье населения репинской культуры (Рассамакін, 1997, с. 231–247) или ранним звеном в формировании ямной культуры Украины (Николова А.В., 2002, с. 56) и Южного Приуралья (Моргунова, 2002, с. 108; 2009, с. 25; 2014) Кузнецов, Хохлов, 2011; Кузнецов, 2013, с. 20). По мнению Н.Л. Моргуновой, в волжско-уральском варианте памятники репинского типа, включая как поселения, так и подкурганные погребения, демонстрируют культурное единство и могут рассматриваться в рамках раннего этапа ямной культуры (Моргунова, 2014а, с. 590).

На Средней Волге также известны погребальные комплексы ямной культуры, где обнаружена керамика репинского типа. Однако репинских поселений севернее Нижнего Поволжья не обнаружено. Исследователи отмечают, что на ранних этапах формирования классической ямной культуры можно говорить только об определенном влиянии репинской культуры (Васильев и др., 2000, с. 17–20). З.П. Марина, отрицая репинские миграции, пытается разрешить противоречия предположением о синстадиальности и общими закономерностями развития культур. Именно этим, на ее взгляд, объясняется сходство керамики раннеямных погребений и этнокультурных образований энеолита – раннего бронзового века в Днепро-Волжском междуречье (Марина, 2002).

Репинскую культуру чаще всего соотносят с этапом Триполье CII (Шапошникова, 1985; Рассамакін, 1997; Спицына, 2000). Этот этап датируется различными исследователями в различных хронологических интервалах, чаще всего 3500–2750 гг до н. э. (Videiko, 1999). Репинскую культуру датируют неоднозначно: 3400–2900 гг до н. э. (Кузнецов, 2013); 3800–3300 гг до н.э. (Моргунова, 2014а). В любом случае ареал репинской культуры несопоставим с ареалом ямной. Исследования последних десятилетий, увеличение источниковедческой базы, ее анализ и осмысление в историческом аспекте, на наш взгляд, не решили, а напротив, еще более обнажили существующие противоречия. Классические ямные памятники, возникшие, как считают на репинской основе, оказываются старше памятников смешанных, ямно-репинских, типов. В то же время распространение репинской культуры за пределами Среднего Дона А.Т. Синюк связывает с возросшей активностью ямного населения, оказывавшего давление на репинские племена (Синюк, 1981). Обрядовые инновации (смена вытянутых на спине погребений скорченными на спине, устройство курганных насыпей) можно рассматривать как следствие воздействия традиций древнеямной этнокультурной среды (Синюк, 1999). Эти положения слабо согласуются с той ролью репинской культуры, которая уготована ей другими исследователями.

Украинские исследователи полагают, что сложение ямной культуры происходило в Причерноморских степях на основе среднестоговской культуры (Лагодовська та ін., 1962; Телегін, 1973; Рычков, 1990) либо последняя рассматривалась как один из этапов ямной

культуры (Даниленко, 1974; Николова А.В., 2002). Полагают, что ямная культура могла быть результатом трансформации локальных культур энеолитического периода; на территории степной Украины в ней выделяется два основных субстрата – среднестоговский и репинский (Рассамакин, Евдокимов, 2001). Раскопки поселений на Северском Донце содержат немногочисленную ямную и репинскую керамику в смешанных слоях; при этом имеются более ранние слои только с репинской керамикой. По публикуемым радиоуглеродным калиброванным датам, период бытования репинской культуры в Подонцовье можно датировать 35–27 вв. до н. э., период сосуществования ямной и репинской культур приходится на период 28–27 вв. до н. э. (Манько, Телиженко, 2003, с. 61). Несколько более раннюю дату «контактного периода» дают погребения из Кременевки в Северо-Восточном Приазовье — 30–29 вв до н. э. (Kovalyukh, Nazarov, 1999). Таким образом, «контактный период» укладывается в диапазон 30–27 вв. до н. э. Возможно, следует говорить лишь о контактах и взаимодействии ямных и репинских племен на определенном этапе и в определенном ареале, индикатором чего служит репинская керамика. Все же большинство украинских археологов, считают репинские памятники отдельным культурным образованием, а не раннеямным хронологическим горизонтом. При таком подходе датировки репинской культуры не воспринимаются как хронологический индикатор определения времени раннего периода ямной культуры и не могут являться достаточным основанием для признания хронологического приоритета памятников Волго-Уральского региона.

Центр формирования ямной культуры некоторыми исследователями переносится на запад, в Попрутье: В.А. Сафронов и Н.А. Николаева считают, что она сложилась на основе культуры воронковидных кубков в степных и лесостепных районах, близких к Прикарпатью; в ней же зародился древнейший курганный обряд и основные типы керамики, известные в ямной культуре (Сафронов, 1989; Николаева, 2011). Эта теория была поддержана рядом исследователей (Шевченко, 1986; Трубачев, 1989), но не стала доминирующей. Впрочем, и Н.Я. Мерперт, выделяя ямную КИО, отмечает, что уже сами размеры ее территории исключают возможность сколько-нибудь полного культурного единства. Ее историю он представляет как процесс развития и взаимосвязей различных племенных групп, возможно, имевших разное происхождение (Мерперт, 1974, с. 125–128). В рамках ямной КИО каждая группа имела не только типологические (временные и этнокультурные) различия, но и свои исторические судьбы (Шишлина и др., 2001).

Между тем, не подтверждают миграционную концепцию распространения ямного населения из единого (восточного) центра и данные естественных наук (антропология, радиоуглеродное датирование). Имеющиеся ранние даты позволили предполагать одновременность памятников восточной и западной окраины ямной КИО (Черных Е.Н., Орловская, 2004, с. 93); одна столь же ранняя дата получена и для Поднепровья (Ніколова А.В., 2012). Особенно значимы данные антропологии, поскольку антропологический тип не может распространяться в новые регионы без физических носителей – людей (в отличие от артефактов, технических инноваций или религиозных установок). Поэтому именно распространение антропологических признаков может отображать движение народов. А.А. Хохлов выделил особый волго-уральский антропологический тип, характерный для ямного населения условной «прародины» ямной культурно-исторической области (Хохлов, 2013). А почти все антропологические типы ямного населения Украины имеют местные (но разные) корни и не были привнесены извне. Типы, характерные для восточных территорий (Нижнее Поволжье, Северо-Западный Прикаспий), в Украине компактно не представлены. Отдельные морфологические комплексы антропологических типов очень часто совпадают с определенными территориями. Для Северо-Западного Причерноморья характерно преобладание морфологических признаков, которые тяготеют к средиземноморской европеоидной расе. Такое же население проживало на самом юге Херсонской области и в Крыму, к нему относится запорожская группа памятников и погребения бассейна реки

Молочной. Истоки этого типа одни исследователи видят в Центральной и Южной Европе, другие связывают со сложными этническими процессами, которые происходили на юге Украины в более ранние эпохи, с определенным влиянием позднетрипольского населения и контактами с Закавказьем и Ближним Востоком (Давня історія України, т. 1, 1997, с. 381-383). Ощутимых следов участия восточных племен в процессе формирования ямной культуры Украины не установлено. Таким образом, нет оснований говорить о каком-либо массовом переселении народов на этом историческом этапе, за исключением отдельных местных перемещений (Круц, 1997, с. 381, 383). В какой-то степени этот тезис подтверждается данными археогенетических исследований (Иванова, Никитин, 2012). Косвенным аргументом можно считать и небольшое число ямных погребений, известных в Приуралье (по сравнению с другими территориями) – 162 погребения из 152 курганов, по данным на 2013 год (Моргунова, 2014, с. 36)

Напомним, что анализ керамики всего ареала ямной КИО показал ее неоднородность и выявил два региона с достаточно выраженной границей по Дону и Северскому Донцу (Мочалов, 2008, с. 35–36; 2009, с. 79).

Основную информацию о ямной КИО предоставляют погребальные комплексы. На сегодняшний день в рамках всей ямной КИО найдено лишь несколько поселений, например Михайловка III, Скеля Каменоломня (?), причем их нельзя связать исключительно с земледельческим населением. Данные трасологического исследования орудий труда позволяют говорить о Михайловке как о производственном центре, в котором сосредоточены различные ремесла (Коробкова, Шапошникова, 2005; Коробкова и др., 2005–2009, с. 185–206). Поселение расположено в Нижнем Поднепровье, в ареале, который давал возможность его населению контролировать переправу через Днепр (Болтрик, 1999, с. 46). На наш взгляд, такое расположение Михайловки может указывать и на существование торговых путей, которые использовало ямное население Нижнего Поднепровья. В этом случае поселение следует считать узловым пунктом в системе торговых связей региона, что, в целом, не противоречит его статусу производственного центра, а, напротив, дополняет его. Следует обратить внимание на Капуловское поселение, среди материалов которого имеется керамика ямной культуры, аналогичная верхнему слою Михайловки (Дровосекова, 2002, с. 133–136). Оно также расположено в месте удобной переправы, которая использовалась почти во все исторические эпохи (Болтрик, 2004, с. 38). Остальные известные поселенческие комплексы ямной культуры Причерноморских степей являются небольшими стойбищами, которые посещались из года в год или же были кратковременными. В последнее время их открыто достаточно много в Побужье, Нижнем и Среднем Поднепровье, на Северском Донце, в низовьях Дона.

Керамика ямного населения достаточно разнообразна, что позволило выделить общие и особенные типы, а с учетом их сочетания или преобладания поставить вопрос о существовании отдельных территориальных групп внутри ямной КИО, с присущими им связями и взаимодействиями (Ніколова А.В., Мамчич, 1997). Исследователями прослежена эволюция характеристик погребального обряда ямной культуры на территории Украины (Николова А.В., 1992; 1994).

Мы полагаем, что основные характеристики ямной КИО, в частности, стандарты погребальной обрядности, распространились достаточно быстро на огромной территории, наложившись на различные энеолитические субстраты (Иванова, 2006; 2006а; Иванова, 2015). Ритуальное единство во всем ее ареале совмещено с определенными отличиями в материальной культуре, прежде всего, в керамических комплексах (Иванова, 2005б; 2006). Особенно выражены эти отличия в Северо-Западном Причерноморье, что позволило выделить особую буджакскую культуру; этот вопрос будет подробнее рассмотрен в следующей главе.

Вычленение катакомбных памятников из массива подкурганных захоронений также связано с археологическими изысканиями В.А. Городцова на северо-востоке Украины

(Городцов, 1905). В дальнейшем многолетние исследования и накопление материала позволили уточнить ареал их распространения. На востоке катакомбные племена освоили территории Нижнего Поволжья и Подонья, на западе – перешли реку Прут, занимая в целом степную и отчасти лесостепную зоны Украины и России. Южная граница сопоставима со степным Крымом, северная проходит по верховьям рек Северский Донец, Орель, достигая среднего течения Дона. Преобладают погребальные комплексы в виде катакомб, чаще всего впускные в курганы более ранних культур, но выявлены и кратковременные стойбища, расположенные вдоль берегов рек, и единичные поселения. Первым катакомбным памятником, раскопанным в Северо-Западном Причерноморье, был т. н. Одесский курган в Слободке-Романовке (Добровольский, 1915).

Точки зрения авторов на проблемы происхождения катакомбной КИО отражают традиционные в археологии концепции – эволюционную и миграционную. Одни полагают, что катакомбная культура генетически восходит к ямной (Городцов, 1917; Кривцова-Гракова, 1938; Попова, 1955; Брюсов, Зимина, 1966; Евдокимов, 1979; Братченко, Шапошникова, 1985 и др.), другие считают ее в той или иной степени пришлой (Клейн, 1970; Сафронов, Николаева, 1981, и др.). Поиск исходных корней ведется в двух регионах: южных (Фисенко, 1967; Нечитайло, Гаджиев, 1990; Пустовалов, 1992) и западных (Клейн, 1970; Сафронов, Николаева, 1981; Сафронов, 1989; Санжаров, 1990; Николаева, 2011). Предполагается и энеолитическое (постмариупольское) наследие в формировании некоторых обрядовых черт и особенностей керамического комплекса (Ковалева, 1990; Братченко, 2001, с. 61). Наиболее необычную точку зрения о происхождении катакомбной культуры выдвинул Л.С. Клейн, предполагая миграцию ее носителей из Ютландии через равнину Дуная (Клейн, 1962; 1968).

Анализ территориального распределения ранних памятников катакомбных культур позволил выделить первичный очаг катакомбного культурогенеза в степной зоне Восточного Приазовья (от Кубани до Нижнего Днепра). Предполагается формирование на этой территории основных катакомбных культур (донецкой, днепро-азовской/ингульской и предкавказской) на основе взаимодействия вариантов ямной культуры и синхронных групп населения Предкавказья, в том числе новотиторовской культуры (Братченко, 2001, с. 73). С течением времени происходило продвижение носителей катакомбных культур из центра на периферии, где отмечены синкретичные ямно-катакомбные комплексы (Кияшко А.В., 2002, с. 11–15). Отмечают, что ведущая роль автохтонного населения в формировании катакомбных культур признается даже сторонниками внешних импульсов (Гей, 2011, с. 4).

Различия в культуре катакомбных племен в разных районах ее распространения позволили выделить в ней ряд локальных вариантов (Попова, 1955, с. 65–105; Латынин, 1964, с. 53–71), а позднее и «круг катакомбных культур с катакомбным способом погребения» (Клейн, 1970), их объединяют в катакомбную культурно-историческую общность (Шапошникова, 1971). Северо-Западное Причерноморье, включая немногочисленные памятники Румынии, является западной окраиной катакомбной КИО. Регион был освоен достаточно поздно, около середины III тыс. до н. э. (судя по имеющимся радиоуглеродным датам), преимущественно, населением ингульской катакомбной культуры.

1.1. Памятники Северо-Западного Причерноморья конца IV–III тыс. до н. э. и их интерпретация в работах исследователей

Северо-Западное Причерноморье выделяется во многих работах как особый географический и культурно-исторический регион, тем не менее, комплексные реконструкции его исторического развития немногочисленны. Внимание исследователей привлекала прежде всего типологическая характеристика памятников раннего и среднего бронзового века (Яровой, 1985; 2000), исторические реконструкции охватывали лишь часть территории, ограничиваясь государственными границами Республики Молдова (Dergačev,

1998; Дергачев, 1999). К тому же памятники правого берега Южного Буга необоснованно были исключены из анализа: граница с южнобугским вариантом ямной КИО проводилась по административной границе Одесской и Николаевской области (Шапошникова и др., 1986).

С увеличением числа раскопанных курганов непосредственно в Северо-Западном Причерноморье появились работы, посвященные их анализу и интерпретации. В них обращалось внимание на самобытность и культурное своеобразие памятников энеолита и раннего бронзового века, выделялись культурные варианты, культуры и культурные группы, присущие только этому региону. Была обоснована концепция данной территории как связующего звена между западным миром земледельцев и скотоводами степи (Шмаглий, Черняков, 1970), как «контактной» зоны различных культур (Дергачев, 1991). Предполагалось существование своеобразного «моста» Восток – Запад, функционировавшего, начиная с раннеэнеолитической эпохи и до позднего средневековья, с разной степенью интенсивности (Manzura, 1993). Инокультурные артефакты и подражания позволили исследователям реконструировать взаимосвязи различных групп населения Северо-Западного Причерноморья, исходя из имеющихся на то время хронологических схем (Патокова, 1979; Черняков, Тощев, 1985; Патокова и др., 1989; Петренко, 1989; Алексеева, 1976; 1984; 1992, Яровой, 1985; 2000; Дергачев, 1999 и др.). Памятникам региона уделялось определенное внимание в общих исследованиях, посвященных древней истории Украины, хронологии культур бронзового века (Отрощенко, 2001), реконструкциям отдельных аспектов социальной истории населения Причерноморский степей в раннем бронзовом веке (Пустовалов, 1995; 2000, 2005 и др.; Иванова 2001). Рассмотрены они и в монографических исследованиях, анализирующих отдельные эпохи (Даниленко, 1974; Збенович, 1974; Яровой, 2000; Rassamakin, 2004) или археологические культуры – ямную (Мерперт, 1974), новотиторовскую (Гей, 1999; 2000), донецкую катакомбную культуру раннего этапа (Братченко, 2001), катакомбную КИО в целом (Kaiser, 2003; Ślusarska, 2007).

Необходимо отметить, что работы, где имеются разделы, посвященные собственно истории Северо-Западного Причерноморья в конце IV – III тыс. до н. э., единичны (Manzura, 1993; Dergačev, 1998; Дергачев, 1999), монографические исследования на эту тему отсутствуют. Традиционно вопросы исторических реконструкций лишь затрагивались в работах, связанных с характеристикой культур эпохи палеометалла. Они в той или иной степени анализировались и в отдельных статьях, и в монографиях (и диссертационных исследованиях), посвященных некоторым культурам Северо-Западного Причерноморья – усатовской (Патокова, 1979; Патокова и др., 1989), ямной (Яровой, 1985; Иванова, 2001), катакомбной (Тощев, 1991; Tosčev, 1998), или же характеристике памятников энеолита – бронзового века Северо-Западного Причерноморья, а также Карпато-Поднестровья (Дергачев, 1986; Алексеева, 1992; Яровой, 2000).

Поздний энеолит – ранний бронзовый век. Достаточно долгое время к позднему энеолиту в Северо-Западном Причерноморье относили памятники усатовской и ямной культур. Со временем эти культуры стали датировать ранним бронзовым веком, хотя начало формирования усатовской культуры некоторые исследователи по-прежнему соотносят с поздним энеолитом. В дальнейшем были выделены погребения, относимые к «доусатовскому энеолиту», отмечена их неоднородность. Появились первые классификации, сперва ориентируемые исключительно на позу погребенного («вытянутые», «скорченные» захоронения); впоследствии энеолитический период был разделен на этапы (два или три, в зависимости от подхода автора), выделены культуры и культурные группы, соотносимые с этими этапами, как «доусатовские», так и синхронные усатовской культуре. Созданы культурно-хронологические схемы региона (Субботин и др., 1976, с. 186–201), причем практически каждый исследователь создавал свою, вкладывая свой смысл в одинаково звучащие названия. Так появились суворовская и утконосовская этнокультурные группы (Алексеева, 1976, с. 76–86; 1992, с. 26–50), суворовская группа памятников (Дергачев, 1986, с. 65–74), культурная группа Хаджидер (Петренко, 1989, с. 19), бессарабский вариант

культуры Чернавода I (Manzura, 1993, p. 28–30). Определены в Северо-Западном Причерноморье и захоронения культур, известных по другим регионам: новоданиловская, нижнемихайловская, постмариупольская (квитянская), животиловская (животиловско-волчанская) (Рассамакин, 1997, с. 273–295).

Первые исследователи усатовских памятников выделяли их в отдельную культуру (Болтенко, 1925, с. 48–56; Лагодовська, 1947, с. 47–57). Т.С. Пассек ввела в научный оборот термин «позднее Триполье» для характеристики финальных этапов развития трипольской культуры, разделив её на региональные и локальные образования (Пассек, 1949), после чего Е.Ф. Лагодовская включила усатовские древности в один из этих вариантов (Лагодовська, 1953). В.Г. Збенович рассматривал усатовское население как своеобразную культурную группу, в сложении которой принимало участие энеолитическое население степного Причерноморья и позднего Триполья (Збенович, 1974, с. 163). Такой таксономический подход к усатовским памятникам доминировал в среде исследователей достаточно долго, пока эти древности не были выделены в усатовскую локальную группу (Патокова и др., 1989, с.81), а в начале XXI века они вновь обрели статус культуры (Петренко, 2003; Бурдо, 2003).

Таким образом, ***усатовская культура*** является объектом исследования уже почти столетие, за это время накоплен достаточно обширный материал, он введен в научный оборот и анализируется в различных работах отечественных и зарубежных археологов. Разработана классификация керамики, ее стилей и орнаментации, рассмотрены и интерпретированы различные артефакты (Збенович, 1974; Патокова, 1979; Дергачев, 1980; Патокова и др., 1989; Дергачев, Манзура, 1991; Дергачев, 1999; Петренко, 2003 и др.). Наличие собственного очага металлообработки и достаточно многочисленных бронзовых изделий позволили Е.Н. Черных обосновать отнесение усатовской культуры к началу бронзового века Причерноморских степей (Черных Е.Н., 1966), а Л. Николовой спустя почти 40 лет включить её в состав Западнопонтийского горизонта раннего бронзового века (Nikolova L, 2005).

Существуют различные концепции происхождения усатовской культуры. Предполагалось, что основными компонентами в сложении усатовского комплекса были трипольские и степные племена (Збенович, 1974, с. 151; Патокова, 1979, с. 159–161); появление ее связывают с развитием памятников выхватинского типа (Дергачов, 2004, с. 111). Полагают, что культура Чернавода I частично завершилась в культуре Фолтешть-Чернавода II (за Дунаем) и в культуре Усатово – в Северо-Западном Причерноморье (Манзура 2001–2002, с. 484–485). По мнению исследователей, определенные категории усатовской керамики демонстрируют связи с культурами Чернавода I (Манзура, 2001–2002, с. 484–485), Чернавода III, Чернавода II, Эзеро XIII–VII, Баден I, Коцофени (Патокова, 1979, с.155, Патокова и др., 1989, с. 109–115), гординештской и выхватинской группами позднего Триполья, ямными племенами (Збенович, 1974, с. 160). В то же время появление культурной группы Фолтешть II связывают именно с влиянием усатовской культуры (Роман, 2010, с. 94). Высказывается предположение, что основным компонентом усатовской культуры являлась нижнемихайловская (Рассамакин, 1997, с. 289; Rassamakin, 2004).

Керамика усатовского типа известна в некоторых захоронениях румынской Молдовы (Burtânescu, 2002, pl. 1). В.А. Дергачев считает, что давление со стороны ямной культуры вызвало движение усатовских племен на юг, что подтверждается находками двух захоронений соответствующего облика в могильнике Дуранкулак (Дергачов, 2004, с. 114). Л. Николова предполагает перемещение населения усатовской культуры на юго-запад, выделяя усатовскую керамику в слое телля Дядово (Nikolova L, 2000, p. 1–8). П. Влодарчак отмечает нахождение керамики, сходной с усатовской, в культуре Злота на территории Малопольши (Wlodarczak, 2008, s. 520).

Памятники буджакской культуры. Со своеобразием памятников ямной КИО Северо-Западного Причерноморья были согласны практически все исследователи, которые привлекали эти комплексы к своим исследованиям (Мерперт, 1968; 1974; Шмаглий,

Черняков, 1970; Клейн, 1975; Тощев, 1982; Черняков, Тощев, 1985; Алексеева, 1984; 1992; Яровой, 1985; 2000; Дергачев, 1986; Рычков, 1990; Николова А.В., 1992 и др.). Парадокс заключается в том, что по сей день отсутствует единство в характеристике этой группы памятников. Их рассматривают как составную и неотъемлемую часть ямной КИО – с одной стороны, и как самостоятельную, отличную от нее культуру – с другой. Только за последние сорок лет применительно к ямным памятникам региона были предложены следующие определения:

1) курганная культура (Гимбутас, 2006 и др.);

2) культура погребений с охрой (Зирра, 1960; Häusler, 1976 и др.);

3) юго-западный вариант ямной КИО (Мерперт, 1968, с. 38–39), в котором в дальнейшем были выделены собственно ямный, позднеямный и постъямный этапы (Яровой, 1985, с.115; 1991а; 2000, с. 26);

4) нерушайская культура, включающая, возможно, более ранний баштановский этап (Клейн, 1975, с. 302–303);

5) буджакская культура (Черняков, 1979, с.9; Чмихов, Черняков, 1988, с. 93–97);

7) днестровский и буджакский культурно-хронологические варианты ямной культуры (Дергачев, 1986, с. 74–87);

7) днестро-дунайская культура (Алексеева, 1992, с. 59);

8) буджакская группа ямной культуры (Субботин, 2000, с. 352).

Исторические процессы. Большинство исследователей полагало, что на территорию Северо-Западного Причерноморья носители ямной культуры проникли с востока, однако связи с усатовским населением региона и культурами Карпато-Подунавья определили своеобразие местных памятников (Шмаглий, Черняков, 1970; Субботин, Черняков, Ядвичук, 1976; Яровой, 1985; Дергачев, 1986, Алексеева, 1992 и др.). Н.М. Шмаглий и И.Т. Черняков считали, что ямные племена появляются в Северо-Западном Причерноморье достаточно рано, в эпоху, шедшую за усатовской культурой или частично синхронно ей, а основные ямные погребения региона аналогичны найденным в Северном Причерноморье. В то же время в керамическом комплексе отсутствуют многие формы, которые присущи ямной культуре восточных территорий (Шмаглий, Черняков, 1970, с 96, 105). По мнению исследователей, на раннем этапе керамика отражает связи с восточным ареалом ямной культуры, а на позднем доминируют западные контакты. Имело место не только продвижение ямного населения в Балкано-Дунайскую область, но возвращение в Причерноморские степи. Погребальные комплексы в обобщающем анализе были объединены в три группы: первая соответствует «общедревнеямному горизонту» (по Н.Я. Мерперту), или временем Михайловка I, вторая группа хронологически близка первой, а третья сопоставима со вторым и третьим этапами, по периодизации Н.Я. Мерперта (Шмаглий, Черняков, 1970, с. 107). В дальнейшем И.Т. Черняков отмечал, что памятники региона связаны все же в большей степени не со степными культурами, а с Центральной и Юго-Восточной Европой (шнуровой керамики, шаровидных амфор, Эзеро, Чернавода III, Коцофени, Глина и др.). Погребальный обряд, который характеризуется сходными признаками, а также общие формы керамики из захоронений Северо-Западного Причерноморья, Молдовы, Добруджи, Мунтении и Северной Болгарии является доказательством близости культурных процессов, которые происходили в регионе. Амфоры, кубки с воронковидно расширяющимся горлом, цилиндрические кубки, украшенные шнуровым орнаментом, отражают связи с подкарпатской КШК (Черняков, Тощев, 1985, с. 18–19). Отсутствие поселений объясняется мобильным образом жизни, связанным с кочевым скотоводством (Шмаглий, Черняков, 1970, с. 108). В дальнейшем, синкретизм памятников позволил И.Т. Чернякову, вслед за Л.С. Клейном (Клейн, 1975, с. 302–303), выделить отдельную культуру в рамках ямной КИО, которой он дал название буджакская. В отличие от Л.С. Клейна, видевшего своеобразие во всем комплексе признаков, автор связывает с этой культурой лишь ямные памятники позднего этапа (Черняков, 1979, с. 8–10).

Л.С. Клейн пришел к выводу, что именно памятники Северо-Западного Причерноморья предоставляют материал для отказа от восприятия ямной культуры как единой этнокультурной общности. Анализируя результаты раскопок Днестро-Дунайской экспедиции, он выделяет новую культуру, которая на его взгляд, отлична от ямной, и предлагает именовать ее нерушайской. Особенностью её являются специфические формы керамики (банка, кубок, аск), связь с «погребениями с охрой» Болгарии, Румынии, Венгрии (Клейн, 1975, с. 302–302).

Первое монографическое исследование буджакских памятников региона было выполнено Е.В. Яровым, собравшим и обработавшим информацию о 1000 погребальных памятников. Им была выполнена классификация и анализ погребального инвентаря и обряда; выделены несколько обрядовых групп – с учетом расположения умерших и находок из захоронений (Яровой, 1985, с. 105–109). Энеолитический горизонт, по его мнению, представлен захоронениями с вытянутыми на спине костяками. К наиболее ранним буджакским комплексам исследователь отнес погребения со скорченными на спине костяками с восточной ориентировкой, к следующей хронологической группе – с аналогичной позой, но с западной ориентировкой. Более поздними по отношении к этой группе он считает впускные скорченные на спине захоронения и основные, где умерший уложен с наклоном вправо. Следующий хронологический горизонт представлен погребениями со скелетами, лежащими с наклоном вправо и влево, а также захоронениями со скорченными на спине костяками, которые являются впускными по отношению к лежащим с наклоном. Завершают колонку погребения со скорченными на правом и левом боку скелетами. Что касается керамики, то оказалось, что большинство форм посуды известно во всех группах, однако существует тенденция преобладания некоторых типов в одной из них. Сменяет буджакскую катакомбная культура (Яровой, 1985, с. 94–95).

Реконструируя историческую ситуацию в эпоху раннего металла (куда он включает погребения энеолита – средней бронзы), Е.В. Яровой к памятникам энеолитической эпохи региона относит три группы скотоводческого населения: немногочисленные новоданиловские памятники со скорченными на спине скелетами и достаточно разнообразным обрядом захоронения, постмариупольские – с вытянутыми скелетами и достаточно условную группу Хаджидер – Животиловка, куда он отнес все скорченные на боку захоронения. Более ранним горизонтом в этой группе он считает памятники типа Хаджидер (бессарабский вариант культуры Чернавода I, по классификации И.В. Манзуры), а более поздними – животиловские, хотя и их он считает предшествующими позднетрипольским памятникам. Исследователь предложил включить в хаджидерскую группу все скорченные на правом и левом боку погребения, исключая животиловские (Яровой, 2000, с. 14–18). Автор пишет о постепенном и длительном освоении Северо-Западного Причерноморья ямным населением, продвинувшимся с востока (Яровой, 1985, с. 110–115). Оно вступает в контакт с усатовскими племенами, в результате контактов в материальной и духовной культуре усатовского и ямного населения отразилось множество факторов взаимовлияния. Это могло произойти, по его мнению, только при условии мирного сосуществования в течение долгого времени. В погребальных памятниках Северо-Западного Причерноморья присутствовали и сосуды с несомненным влиянием раннебронзовых культур Подунавья, Балкан и Карпат. Освоив степные районы Северо-Западного Причерноморья, ямные племена продолжали движение на запад, о чем свидетельствует многочисленные ямные и погребения на территории Румынии, Болгарии, Венгрии. Основной причиной передвижения, по мнению исследователя, следует считать не военные походы, а поиски новых земель, пригодных для скотоводства – основной экономической базы кочевников. Внутри юго-западного варианта он выделил два условных региона: Бельцскую степь с прилегающими к ней северными районами (как зону контактов населения восточноевропейских степей и Карпатского бассейна), и Буджакскую степь (где особенно наглядно проявились влияния культур Подунавья и Балканского полуострова). По мнению

Е.В. Ярового, позднеямные и катакомбные племена сосуществовали в течение определенного времени, при этом наблюдались процессы ассимиляция двух культур при доминирующей роли катакомбных племен (Яровой, 1985, с. 110–116).

И.Л. Алексеева выделила несколько культур и культурных групп энеолита и раннего бронзового века (Алексеева, 1976; 1992). В утконосовскую этнокультурную группу ею включены основные погребения в овальных и прямоугольных ямах, со скелетами в скорченном положении на правом или левом боку, а также вытянутыми на спине, т.е. практически все энеолитические разновременные захоронения (кроме тех, что она включила в отдельную суворовскую культурную группу). Исследовательница предполагает участие утконосовских племен в сложении усатовской культуры (Алексеева, 1992, с. 39–50, 120). Синхронна утконосовской, по ее мнению, суворовская культурная группа (названная по погребению со скипетром из эпонимного могильника и одновременная ему). Она состоит из основных погребений в прямоугольных ямах под каменным или деревянным закладом; скелеты скорчены на спине, ноги согнуты (вправо или влево, распались ромбом), руки вытянуты вдоль туловища или одна из них лежит на тазовых костях или животе. Ориентировка восточная и западная, при доминировании последней (Алексеева, 1992, с. 29–30). Эти же самые черты характерны и для выделяемой ею более поздней днестро-дунайской культуры, которую исследовательница считает родственной ямной. В качестве субстрата И.Л. Алексеевой предполагается население, оставившее памятники суворовского типа и проникшие с востока древнеямные племена. Другой составляющей видится автору влияние культур балкано-дунайского ареала и культур шнуровой керамики (Алексеева, 1992, с. 58–59).

В.А. Дергачев для позднего энеолита и раннего бронзового века реконструирует несколько иную историческую картину. В энеолите им, также как и И.Л. Алексеевой, выделяется суворовская группа памятников, однако характеристика комплексов у исследователя несколько иная. Погребения, относимые к этой группе (подкурганные и грунтовые), совершены в прямоугольных и овальных камерах, в ней преобладают погребения, вытянутые на спине, но встречаются скорченные на спине, скорченные с наклоном набок, на боку. Преобладает восточная и северо-восточная ориентировка умерших, хотя встречается западная и северо-западная. Керамика немногочисленна, среди других находок – зооморфные скипетры, кремневые ножевидные пластины, скребок, наконечники стрел. Из меди были изготовлены шилья, браслет, гривна. В.А. Дергачев синхронизирует эту группу с Трипольем В-I и I древнеямным горизонтом, по классификации Н.Я. Мерперта, считая ее частью среднестоговско-хвалынской культурной общности. Автор полагает ее сложение в Северо-Западном Причерноморье, в качестве основных субстратов видит памятники мариупольского, среднестоговского и хвалынского типов. Население суворовской группы доживает до усатовской культуры или даже до финального Триполья (Дергачев, 1986, с. 70–73). Таким образом, в эту группу были включены различные и разновременные обрядовые и культурные традиции, практически – весь доусатовский энеолит. В дальнейшем исследователь суворовские памятники относит к единому культурно-хронологическому горизонту, который предшествует ямной культуре; в него включены новоданиловская и постмариупольская культуры (Дергачев, 1999, с. 194). Согласно мнению В.А. Дергачева, история Карпато-Поднестровья в период ранней бронзы связана с расселением и дальнейшим обитанием здесь племен ямной культуры, которые сменяют усатовское население, частично сосуществуя с ним. Этот процесс, начавшийся еще в эпоху расцвета усатовского и других позднейших вариантов трипольской культуры, вызвал военную ситуацию, проявившуюся в наличии укрепленных поселений (Дергачев, 1999, с. 205). Исходной территорией движения племен ямной культуры в Северо-Западное Причерноморье В.А. Дергачев считает Поингулье и Нижнее Поднепровье (Дергачев, 1986, с. 80), памятники которых, на его взгляд, обнаруживают сходство с комплексами Днестровско-Прутского региона по ряду признаков. Однако характеристика выделяемых автором днестровского и

буджакского локальных (и хронологических) вариантов (Дергачев, 1986, с. 75, рис. 18; с. 84, рис. 19) демонстрирует явные отличия их материальной культуры от южно-бугского варианта ямной КИО (Шапошникова и др., 1986).

Происхождение днестровского варианта рассматривается как результат влияния на культуру пришлого населения двух основных компонентов: местного позднетрипольского (Усатово) и культур шнуровой керамики. Определяющими его характеристиками являются следующие: основные или впускные погребения в курганах, в том числе предшествующих культур и культурных групп, скорченное положение на спине или с наклоном на бок, окраска охрой черепа, костей рук и стоп, преобладание западных ориентировок в основных погребениях, погребальные камеры (с уступами или без них), имеющие деревянное и каменное перекрытие. Порой, встречаются антропоморфные стелы и повозки. Основными типами керамики являются сосуды кубковидной формы, амфоры с шаровидным туловом и двумя ручками, сосуды баночных форм с коротким, отогнутым наружу венчиком, а также круглодонные сосуды. Из орудий труда он отмечает каменные топоры, кремневые наконечники стрел, скребки, ножевидные пластины, медные (?) ножи и шилья, медные, серебряные и золотые спиралевидные подвески. Появление амфор В.А. Дергачев связывает с влиянием культур шнуровой керамики и позднетрипольскими культурными группами, а кубков – с группой памятников типа Бурсучены, которые ранее считали усатовскими (Дергачев, 1986, с. 82), а теперь относят к животиловской культурной группе.

Памятники буджакского варианта исследователь характеризует следующим образом: впускные погребения, выполненные в прямоугольных ямах, часто с уступами, с деревянным или каменным перекрытием. Встречаются антропоморфные стелы и повозки. Скелеты уложены на спине с разворотом набок (поза, известная и в днестровском варианте), на правом и левом боку, слабо окрашены охрой. Доминирует ориентировка в западном секторе. Орудия труда и оружие этой группы сходны с днестровской: обушковые каменные топоры, кремневые наконечники стрел, скребки; но лишь в этой группе встречены кремневые топоры и костяные наконечники стрел. Украшения представлены медными пронизями и обоймами. Характерными типами керамики являются горшки с коротким, отогнутым наружу венчиком, чашевидные сосуды, т. н. «буджакские банки» и амфоровидные и сосуды с двумя или четырьмя ручками. По мнению исследователя, сложение позднего (буджакского) варианта, очевидно, связано с внутренней эволюцией днестровского, под продолжающимся интенсивном влиянии КШК.

В.А. Дергачев реконструирует исторические процессы в рассматриваемом регионе следующим образом. Он полагает, что ямное население распространяется по территории Карпато-Поднестровья, затем по Дунаю и через межгорные дороги в Восточных Карпатах продвигается в Трансильванию, Фракию, в Югославское Подунавье и Потисье. В результате этой миграции полностью прекращается влияние на Карпато-Днестровский регион культур Подунавья и Трансильвании, имевшие место в предшествующие периоды. Основные контакты и взаимодействия теперь ориентированы на периферийные общности среднеевропейского происхождения – прежде всего, на культуру шаровидных амфор, население которой обитало в верховьях Днестра и Прута. Это подтверждается многочисленными находками сосудов КША в ямных погребениях севера региона. Еще более существенны контакты с носителями культур шнуровой керамики, которые сменили культуру шаровидных амфор. Ямные племена воспринимают основные (шаровидные и кубковидные) керамические формы КШК, сохраняя свою погребальную обрядность. Формируется днестровский вариант ямной культуры, одновременно с ним на правобережье нижнего Прута появляются памятники типа Фолтешти II, керамика этого типа, по мнению В.А. Дергачева, имеет сходство с материалами днестровского варианта. В это время вновь восстанавливаются контакты между населением междуречья Днестра и Прута, с одной стороны, и культурными общностями нижнего Подунавья — с другой. К этому времени, по мнению В.А. Дергачева, относятся первые проникновения в регион восточного населения

катакомбной культуры, которые усиливаются на буджакском этапе, когда катакомбные племена распространяются до Прута и севера Молдовы. На финальном этапе ямные памятники региона демонстрируют двустороннюю связь – с комплексами катакомбной культуры и бабинской культуры (многоваликовой керамики). В связи с этим исследователь предполагает одновременность катакомбных и ямных памятников региона в течение определенного времени и сохранение последних вплоть до появления бабинских комплексов (Дергачев, 1986, с. 74–87; 1989). В.А. Дергачев указывает и на вероятность ассимиляции катакомбного населения ямными племенами (Дергачев, 1986, с. 110). Заканчивая обзор раннебронзовой эпохи, исследователь отмечает, что в ее финале на левобережье среднего Прута формируется единецкая культура, восходящая генетически к культуре Хатван, памятники которой известны в Северо-Восточной Венгрии. Переселение, по мнению исследователя, могло осуществляться через северную Трансильванию по Сучавской горной дороге (Дергачев, 1986, с. 111; 1999, с. 207–208).

Характер миграционных процессов. Миграцию определяют как перемещение населения на большие расстояния, причем отличают длительные постепенные перемещения (колонизация), и достаточно быстрые, которые и предлагается считать собственно миграциями (Матюшин, 1996, с. 140). Термин «колонизация» применяют не только к эпохе греческих мореплаваний, но и к мезолитической эпохе (Смынтына, 1999), и к позднему энеолиту (Манзура, 2003–2004). Таким образом, именно интенсивность процесса и временной интервал, в который он укладывается, являются определяющими при разграничении миграции и колонизации, при сходном отражении их в археологическом материале.

В современной демографии, рассматривая характер миграций, выделяют следующие виды: эпизодическая, маятниковая, сезонная и постоянная (безвозвратная). Эпизодические миграции являются нерегулярными по времени и необязательно имеют одни и те же направления. К сезонным миграциям (как правило, связанным с сельским хозяйством) относят перемещения населения в те места, где имеются определенные объемы сезонных работ. К маятниковым (иначе двухтактным) миграциям относят перемещения «к месту притяжения» и возвращения назад, например, регулярные перемещения к месту работы на какой-то срок, а затем возвращение к месту жительства. Безвозвратный вид миграции, в сущности, является переселением, иногда ее называют полной миграцией. Естественно, виды миграции не изолированы друг от друга и один вид миграции может превращаться в другой (Рыбаковский, 2003). Мы полагаем, что и применительно к археологическим реконструкциям миграций следует по возможности определять ее виды, поскольку связаны они зачастую с различными факторами.

Д. Энтони, отмечая невозможность создания единой теории миграций, выделяет локальные и дальнедистанционные миграции, определяя их как социальный процесс. Исследователь выделяет две группы факторов, которые стимулируют миграции: «pull» (притягивающие) и «push»(вынуждающие) (Anthony, 1997, p. 22–26). Одна из первых и наиболее полных научных оценок миграций в русскоязычной литературе была сделана Л.С. Клейном, им проанализированы структуры, типологии, причины и последствия этого явления (Клейн, 1978; 1999). С упомянутой выше концепцией В.Г. Чайлда – М. Гибутас, демонстрирующей разрушительный характер миграционных процессов, в которых участвовало население ямной культуры, долгое время были связаны представления большинства археологов, изучавших данную эпоху. В этих построениях волны-нашествия, направленные на Балканы, не миновали территорию Северо-Западного Причерноморья. Н.Я. Мерперт, также уделивший внимание типологии миграций (Мерперт, 1978а), считал территорию Северо-Западного Причерноморья «плацдармом» вторжения степных племен в Подунавье и на Балканы (Мерперт, 1982, с. 329). Иными видятся причины упадка и исчезновения балканских культур в наши дни – предполагаются климатические, социальные, экономические изменения (Николова Л., 2000, с. 449; Николова Л., 2001–2002; Todorova,

2003), а представления о мощной волне мигрантов сочетаются с тезисом о мирном сосуществовании местного и пришлого населения, их взаимодействии и трансформации (Коробкова и др, 2005–2009, с. 224). В этом контексте актуальным выглядит вывод Е.Н. Черных о том, что необходимы достаточно серьезные причины для возникновения дальних миграций, которые исследователь охарактеризовал как «тест на выживаемость» (Черных, 1989, с. 22–23). Обосновывается гипотеза о миграции как инструменте преодоления демографического кризиса, с учетом роли демографического фактора в истории. Предполагается, что потребность в дальних походах возникает при развитии диспропорции полов в обществе, при маскулинизации общества: в походах и передвижках участвовало именно избыточное мужское население (Кислый, Каприцын, 1994, с.147; Кислый, 2011, с. 102–104).

Исторические судьбы. Как мы отмечали, существует точка зрения об ассимиляции ямного населения катакомбным (Яровой, 1985), а также противоположная – ассимиляция катакомбного ямным (Дергачев, 1986). В то же время предполагается, что в сложении юго-западного варианта культуры многоваликовой керамики (куда относятся и памятники Северо-Западного Причерноморья), главную роль играла ямная культура при определенной роли катакомбной (Березанская и др., 1986, с. 12, 41). Эта точка зрения не является общепринятой: так, достаточно поздним временем (и независимо от ямного населения) датирует сложение бабинской культуры В.В. Отрощенко (Отрощенко, 2001, с. 15). Р.А. Литвиненко (несмотря на раннюю датировку им появления бабинских памятников региона – 22 в ВС), отрицает в Северо-Западном Причерноморье контакты ямной и бабинской культур (Литвиненко, 2009, с. 16).

И.Т. Черняков полагал, что продвижение носителей катакомбной культуры на запад сопровождалось не только ассимиляцией местных культур, но и вытеснением части буджакских племен в Балкано-Подунавье и Прикарпатье, отмеченное находками степных подкурганных «погребений с охрой» в Румынии, Болгарии, Югославии и Венгрии. Эти значительные передвижения населения в конце III – начале II тыс. до н. э. имели важнейшее значение в переоформлении балкано-дунайских культур раннебронзового века, в котором приняли участие и вытесненные из Северного Причерноморья племена. С этими перемещениями он связал появление в Малой Азии индоевропейского хеттского населения, ахейцев в Микенах. Довольно быстрое исчезновение катакомбной культуры в начале П тыс. до н. э. определялось, на его взгляд, обратным резким воздействием сжатой «демографической пружины» степного населения из Балкано-Дунайского региона, которое приняло участие в создании новой культурно-исторической общности, известной как культура многоваликовой керамики. Эта обратная западная «волна» достигла Волжско-Уральского региона. Исследователь отмечает, что новое переоформление было связано с какими-то определенными политическими событиями, переселениями отдельных групп индоевропейского населения (Черняков, 1996, с. 59–61).

Катакомбная КИО, представленная несколькими культурами, при несомненном доминировании ингульской, в Северо-Западном Причерноморье является пришлой, поэтому вопросы ее сложения или направления миграций лишь отчасти касаются истории региона. Высказанная Л.С. Клейном гипотеза о западном происхождении катакомбной культуры (Клейн, 1968) была подвергнута сомнению уже Н.М. Шмаглием и И.Т. Черняковым, при анализе подкурганных захоронений региона (Шмаглий, Черняков, 1970). Критика ее содержится и в работах Г.Н. Тощева (Тощев, 1982; 1987; Toscev, 1998). Большинство исследователей предполагает продвижение катакомбных племен на территорию Северо-Западного Причерноморья с востока (Яровой, 1985, с. 115; Тощев, 1991, с. 97; 2000, с. 102; Дергачев, 1986, с. 109; Субботин, 2000, с. 364 и др.). На поздний характер катакомбных памятников региона указывали многие исследователи (Тощев, 1981; 1982, с.17; Субботин, 2000, с.376; Яровой, 2000, с. 31–32). С.Н. Братченко и О.Г Шапошникова полагали, что в периферийных областях, в частности, в Северо-Западном Причерноморье, процесс

формирования культур несколько запаздывал (Братченко, Шапошникова, 1985, с. 418). Тем не менее, отмечалось и наличие небольшой группы ранних памятников (Тощев, 1982, с.11; Toščev, 1998, p. 55; Дергачев, 1986, с. 109).

По мнению Е.В. Ярового, можно говорить о неоднородности носителей катакомбной КИО. Он отмечает, что данные планиграфии и стратиграфии показывают одновременность захоронений со скорченными и вытянутыми костяками в ареале Северо-Западного Причерноморья, вне зависимости их соотношения на других территориях (Яровой, 2000, с. 28). По его мнению, массив катакомбных памятников не разделяется по хронологическому признаку. При этом лишь Г.Н. Тощев считал памятники региона столь отличными от других регионов, что их следует выделять в отдельную «одесскую» группу (Тощев, 1991, с. 97). Более традиционна точка зрения о том, что они не отличаются от других памятников западного ареала катакомбной КИО, хотя и обладают некоторым своеобразием (Субботин, 2000, с.376). Гомогенность основной массы комплексов В.А. Дергачев объяснял недолговременным обитанием носителей катакомбной культуры в междуречье Днестра и Прута. Сравнительный анализ местных памятников с комплексами сопредельных территорий не дает оснований для выделения их в локальный вариант (Дергачев, 1986, с. 107).

Культурные контакты. Исследователи раннего бронзового века Северо-Западного Причерноморья считают возможным сосуществование буджакского и катакомбного населения на позднем этапе буджакской культуры. Г.Н. Тощев полагал «чересполосность» их сосуществования в Северо-Западном Причерноморье (Тощев, 1979, с. 36–37). Им выделяются определенные регионы, например Ялпуго-Кагульское межозерье, зоны между Прутом и Кагулом как своеобразные «резерваты» буджакской культуры, куда не проникли катакомбные племена (Тощев, 1991, с. 97). Автор считает, что имеющиеся материалы указывают не на смену одной культуры другой, а на их территориальное сосуществование на определенном отрезке времени. В могилах двух культур встречены сопоставимые формы сосудов и некоторых других артефактов, сходные черты ритуала (Тощев, 1991, с. 96; Toščev, 1998, p. 51–69). Е.В. Яровой приходит к выводу о сосуществовании на позднем этапе племен катакомбной и буджакской культур и об определенном катакомбном влиянии на буджакское население региона (Яровой, 1985, с. 94). Л.В. Субботин отмечает более чем столетние контакты катакомбных племен с буджакскими, которые, по его мнению, не могли не повлиять на сложение некоторого культурного своеобразия первых (Субботин, 1993; 2000, с. 376). В.А. Дергачев предполагает проникновение катакомбного населения на позднем этапе ранней бронзы, в период существования буджакского варианта ямной культуры, по его классификации (Дергачев, 1986, с. 85; 1999, с. 207). Для других территорий Причерноморских степей существует две точки зрения – о частичной одновременности двух культурных массивов (Пустовалов, 1992; 1995; 1998; 2000; 2003; 2005; Рычков, 2002; Черных Е.Н., Орловская, 2004) и о кратковременном сосуществовании позднеямного и раннекатакомбного населения лишь на некоторых территориях (Ніколова А.В., Черних Л.А., 1997). Отмечается, что чересполосное сосуществование ямных и катакомбных памятников не подтверждает их одновременности (Отрощенко, 2001, с.19). Впрочем, радиоуглеродные даты позволили уточнить время существования катакомбной КИО в интервале 2700–2000 гг до н. э., т.е. синхронно ямной КИО в течение достаточно долгого времени (Отрощенко и др., 2008, с. 245).

Предполагаются контакты катакомбного населения Северо-Западного Причерноморья с кругом культур шнуровой и постшнуровой керамики (Toscev, 1998, p. 55). С.С. Березанской высказывалось мнение о необходимости включения катакомбной КИО в круг культур шнуровой керамики (Березанская, 1998, с. 61), возможно влияние катакомбных культур на формирование культуры Злота в Малопольше (Klochko, Kośko, 2009, p 299–300) или же на появление там обряда погребения в катакомбах (Ślusarska, 2007, p. 63). Участие в этих процессах населения Северо-Западного Причерноморья исследователями особо не

оговаривается, но исключать такую возможность не следует. Отдельные находки в погребениях региона свидетельствуют о контактах с культурой шаровидных амфор (Островерхов, Сапожников, 1990). Но основные связи можно видеть с исходной территорией, расположенной восточнее рассматриваемого региона.

Исторические судьбы. Исследователи указывают на вероятность ассимиляции катакомбного населения ямными племенами (Дергачев, 1986, с. 110), и на обратный процесс (Яровой, 1985, с. 115). Предполагается участие катакомбного населения в сложении бабинской культуры (Братченко, 1977; Тощев, 1982; Отрощенко, 2001; Литвиненко, 2009 и др.).

1.2. Факторы и модели исторического развития Северо-Западного Причерноморья в позднем энеолите – раннем бронзовом веке

В.А. Дергачевым и И.В. Манзурой построены модели культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья – региона, лишь частично совпадающего с Северо-Западным Причерноморьем. Одна из этих моделей, отражая внутреннюю самобытность и внутренние особенности, представляет регион как часть единой системы (Manzura, 1993), другая рассматривает внешние факторы, оказывавшие стимулирующее воздействие на его развитие (Дергачев, 1999).

И.В. Манзура полагает, что в среднем энеолите сформировалась коммуникационная система («мост» Восток – Запад), где Карпато-Поднестровье выступает своеобразным индикатором культурных процессов в европейских массивах и в то же время – передаточной средой, внутри которой культурная трансформация выглядит особенно динамичной и разносторонней. В период энеолита и раннего бронзового века развитие локализовавшихся тут групп определялось взаимодействием двух культурных блоков – восточноевропейского и балкано-дунайского. На каких-то этапах в этот процесс вклинивались импульсы, восходящие прямо (а чаще – опосредованно, через лесостепные формирования Карпато-Днестровских земель) к общностям центральноевропейского круга (Манзура, 1992; Manzura, 1993). Исследователь считает, что эффективность системы возрастала при распаде самостоятельных культурных единиц и на начальном этапе развития новых локальных образований; напротив, окончательное оформление региональных структур сразу ограничивало поток взаимосвязей, подрывая целостность всей системы. Период активного функционирования системы отмечен образованием суворовской группы, кризис проявился в возникновении бессарабского локального варианта культуры Чернавода I. С усатовской культурной группой связано начало восстановления системы Восток – Запад, с днестровской группой ямной культуры – ее полное восстановление. Кризисное состояние отражено в формировании буджакской группы, в последующей (через определенное время) её дезинтеграции и появлении катакомбной КИО.

В свою очередь, В.А. Дергачев также отмечал, что в Карпато-Подунавье наблюдается взаимодействие различных культурных общностей, а сам регион проявляется как зона взаимодействия нескольких культурно-исторических факторов (Дергачев, 1999, с. 211–212). Доминирующим во все рассматриваемые автором эпохи (от неолита до античности) был юго-восточноевропейский, такое его положение связывают с подверженностью Юго-Восточной Европы импульсам со стороны передовых культурных центров (Средиземноморье, Передняя Азия). Восточноевропейский фактор был вторым по значению; третий (среднеевропейский) был достаточно второстепенным. Роль каждого фактора менялась в различные эпохи, ослабевая или усиливаясь, блокируя друг друга; во взаимосвязи они образовывали единый культурно-исторический контекст, характеризующий особенности развития Карпато-Подунавья (Дергачев, 1999, с. 211–218).

В сходном ключе с моделями И.В. Манзуры и В.А. Дергачева (применительно к одному субъекту – ямной (буджакской) культуре Северо-Западного Причерноморья)

рассматривает культурную ситуацию П. Влодарчак. Он отмечает воздействие четырех факторов – местного позднетрипольского (Усатово), восточного, связанного с Причерноморскими и Прикаспийскими скотоводческими степными сообществами, западного – с ранним бронзовым веком Анатолии и Балкан, и северного, который определяется появлением в непосредственной близости от региона культуры шаровидных амфор (Wlodarczak, 2010, s. 302–303). Работа исследователя посвящена лишь одному аспекту – взаимоотношения носителей ямной культуры с южными группами населения культуры шнуровой керамики и не претендует на воссоздание культурной ситуации и культурно-исторических процессов в Северо-Западном Причерноморье.

Подводя итог историографического обзора в целом, отметим, что взгляды разных исследователей, порой, достаточно противоречивы. Это касается и культурной атрибуции одних и тех же типов керамики, и их соотнесения с ранним и поздним этапом буджакской культуры, и вопросов происхождения других артефактов (например, каменных шлифованных топоров или кремневых наконечников стрел). К тому же за годы, прошедшие со времени публикации большинства работ, сменились исторические парадигмы, появились новые хронологические и культурно-исторические схемы развития отдельных регионов, увеличилась археологическая база данных.

Все это делает актуальным реконструкцию истории Северо-Западного Причерноморья в конце IV – III тыс. до н. э., на основе выявления внутренних закономерностей развития культурно-исторических общностей, изучения механизма миграций, культурных связей и трансформаций. Эта реконструкция возможна на основе анализа источниковедческой базы, рассмотрения и сопоставления новых концепций происхождения, развития и синхронизации археологических культур, сопоставительного анализа материальной культуры. Такой комплексный подход продемонстрировал успешную возможность исторической интерпретации археологических данных при написании монографических исследований по древней истории Украины не только в энеолите и бронзовом веке, но и в другие эпохи (Толочко, 1997–2000; Толочко, 2008).

1.2.1. Обмен и торговля в древних обществах

Для реконструкции истории населения Северо-Западного Причерноморья в конце III-IV тыс. до н. э. важны возможные его связи с соседними регионами, а также характер этих связей, степень их интенсивности. Используемый в работе подход к имеющемуся археологическому материалу, интерпретация контактов и переселений в Балкано-Карпатский регион как колонизации новых территорий, построенных во многом на обменных отношениях, заставляет остановится более подробно на вопросах исследования обмена и торговли в древних обществах.

Восстановить даже в неполном объеме систему торгово-обменных отношений населения Юго-Восточной Европы в IV–III тыс. до н. э. достаточно сложно; необходимо привлечение не только традиционных (сравнительно-типологического, корреляционного, картографического и пр.), но и естественнонаучных методов для анализа сырья и артефактов, а также условий залегания и районов распространения полезных ископаемых и минералов, которые могли быть объектами обмена. Немаловажными элементами в процессе реконструкции являются данные этнологии и истории первобытного общества: следует иметь в виду, что до нас доходят только те свидетельства, которые могут сохраняться. Обмен пищевыми продуктами или органическими материалами может быть реконструирован или воссоздан гипотетически, основываясь на косвенных данных. В любом случае, для осуществления обменных операций необходимы были с одной стороны, спрос на продукцию, а с другой – наличие транспортной и торговой инфраструктуры, которая доставляла бы грузы пользователю.

Обмен – в узком смысле – переход продуктов труда из собственности одних лиц в собственность других, возмещаемый встречным движением материальных благ. Исторически первой формой обмена был обмен подарками, или дарообмен, суть которого

состояла в создании новых или поддержании старых социальных связей; дарообмен всегда был связан с множеством обычаев и ритуалов и имел совершенно отчетливую этническую специфику. Самой известной и широко распространенной формой обмена был товарообмен, или обмен товаров, который существовал и существует в обществах самых различных типов. Если при дарообмене возможно встречное движение одних и тех же вещей, то при товарообмене всегда противостоят друг другу разные потребительские стоимости, т.е. он предполагает уже зачаточную форму общественного разделения труда и производственной специализации человеческих коллективов. Сперва обмен ведется нерегулярно, и пропорция, в которой обмениваются товары, является во многом случайной. Более поздняя стадия характеризуется тем, что обмен ведется систематически, часть продукта начинает создаваться специально для обмена. Пропорции, в которых один товар обменивается на другой, становятся все более устойчивыми. Следующий этап эволюции товарообмена характеризуется появление всеобщей формы стоимости, когда появляется (или выбирается) товар, который становится всеобщим эквивалентом. В таком качестве выступают соль, скот, ткани, металлические изделия и пр. (Семенов, 1986, с. 93–96). Когда роль всеобщего эквивалента окончательно закрепляется за одним единственным товаром, последний становится деньгами.

По этнографическим данным для обществ, находящихся на стадии первобытной родовой общины (земледельцам, скотоводам, охотникам, собирателям), возможны три разные системы обмена.

1) Межобщинный (внутри самой народности, племени), исходя из того, чем богаты; такой обмен зачастую мог не иметь хозяйственной ценности и служил для создания или укрепления социальных связей.

2) С ближайшими иноэтничными соседями, в этом случае уже присутствует специализация и поставляются те предметы обмена, которых нет в других обществах.

3) Дальний обмен, с населением, обитавшим на значительном (до 500 км) расстоянии.

Первые две системы предполагают индивидуальное партнерство, вторая иногда требовала специальных «торговых походов», третья не могла существовать без дальних экспедиций; при этом в одном обществе могли существовать несколько видов обмена. Люди обменивали те предметы, которыми они были богаты, на то, в чем нуждались; в свете такого обмена особые преимущества получали группы, на территории которых находились какие–либо ценные природные ресурсы, в первую очередь соль. В ряде случаев отдельные этнические группы или общины, специализировавшиеся на межплеменном обмене, получали определенные преимущества в социальном развитии, выделялись богатством (Шнирельман, 1986, с. 341–344).

Основными объектами обмена в древних обществах, начиная с неолитической эпохи, служили качественный кремень, обсидиан, раковины различных сортов, минеральные красители, различные породы камня, который мог использоваться для изготовления шлифованных орудий, поделочные камни и готовые изделия. Керамика могла служить как объектом обмена, так и тарой для продуктов или каких-либо мелких артефактов. В энеолите к этим категориям добавляются металлы и изделия из них. Распространение артефактов на большие расстояния (до 1500–2000 км), может свидетельствовать о наличии разветвленной сети многоступенчатого обмена (Рындина, 1993). К примеру, предполагается влияние металлургии Эзеро (Фракия) на начало процесса освоения ямными племенами Каргалинского месторождения в Приуралье (Моргунова, Кравцов, 1994).

В раннем энеолите формируются не только торговые пути, связывающие население Балкано–Карпатского региона и Понтийских степей, но и выделяются особые группы населения, специализирующиеся на транзитном посредническом обмене. Д.Я. Телегин отнес к таким образованиям новоданиловскую культурную группу, поставив вопрос о специализации ее представителей в области кремнеобработки высококачественного донецкого сырья, предположив, что они снабжали население Нижнего Поднепровья и

энеолитические общины Предкавказья и Прикубанья металлическими изделиями, передавая им опыт металлообработки, связывая отдаленные точки «степного коридора», от Прикаспия до Низовьев Дуная и Варненских озер (Телегин, 1991). Считается, что появление золотых изделий в памятниках новоданиловского типа (погребения у Фундени, в Джурджулештах, Кривом Роге) связано с Варненским металлургическим очагом (Петренко, 1997, с. 31). Ю.Я. Рассамакин, рассматривая обменные отношения в энеолите между карпато-днестровскими и степными культурами, выделил эпоху престижного обмена, которая связана с периодом расцвета балканской металлургии и характеризуется широтой и интенсивностью культурных связей. По его мнению, социальная элита скелянской культуры (новоданиловская культурная группа) организовала разветвленную сеть торговли металлом, которая охватывала территорию от Балкан до Волги (т.е. протяженность составляла около 2000 км), объединив в ее рамках разрозненные локальные группы. Обменным эквивалентом металлу выступал кремень, при этом торговые маршруты пролегали через территории, занятые различными культурами, и скелянское население, проникая вглубь чужих территорий, основывало аналоги современных факторий. Картографирование погребений новоданиловской группы показало их размещение у древних транзитных путей, близ бродов и переправ (Rassamakin, 1999, p. 102–112). Различные аспекты этой концепции вызвали аргументированную критику у исследователей (Мовша, 2000; Манзура, 2000; Ковалева, 2012).

Т.Г. Мовша в своих работах уделила вниманеи и вопросам, касающимся обмена, в частности населения трипольско-кукутенской общности и Понтийских степей. Она отмечала, что в энеолите система обмена была довольно многообразной, отдельные общины одновременно входили с иноэтничным чужеродным населением в несколько систем межплеменного обмена. Исследовательница пришла к выводу, что обмен (который она относит к третьему типу, т.е. «дальние экспедиции») носил опосредованный характер, через представителей других дальних экспедиций, занимающих промежуточные отрезки пути. Экспедиции не преодолевали все расстояние от исходного пункта до конечного и в обратном направлении, а только отдельные участки маршрута дальнего пути. Подобные экспедиции, длившиеся по нескольку месяцев, планировались заранее из нескольких десятков мужчин, обладавших высоким статусом; руководили ими лидеры отдельных поселков (Шнирельман, 1986, с. 340–345). Поселения и погребальные памятники, расположенные у переправ, бродов и перевозов являются следами специально организованных экспедиций и охраняемых перевалочных пунктов в места природных ресурсов или готовых изделий (Мовша, 2000, с. 40–41). В контексте предложенной Т.Г. Мовшей реконструкции торгово-обменных связей археологические памятники и этнографические исследования удачно дополняют друг друга. По всей вероятности, таким же образом мог осуществляться обмен и в бронзовом веке, по крайней мере, в среде того населения, которое выступало активной стороной взаимодействия.

Активизация обменных процессов на территории Европы, особенно в начале III тыс. до н. э., была вызвана формированием и развитием морских взаимосвязей между различными зонами Средиземноморья (Maran, 2007), между Южной и Юго-Восточной Европой и Передней Азией (Kristiansen, Larsson, 2005, с. 139–140). Предполагают, что стимулом развития морской торговли в Средиземноморье бронзового века была престижность экзотических вещей (Knapp, 1998; 2004). Исследователи придают большое значение вопросам обмена металлами. Отмечая распространение меди из болгарских рудных источников в Молдове и Украине, Х. Тодорова считает, что Варненский лиман был исходным пунктом торговли меди уже в энеолите. По мнению исследовательницы, корабли могли осуществлять каботажное плавание в дельту Дуная, а далее распространение металла шло по рекам Прут, Сирет, Буг, Днестр (Тодорова, 1993, с. 15). Для энеолитической эпохи реконструируется система обмена высококачественным кремневым сырьем, заготовками и готовыми изделиями между различными общинами отдельных районов Европы.

Наибольшим спросом пользовался добруджанский кремень, кремень с Волыни и Подолии и донецкий кремень. Кремневым сырьем были обеспечены многие регионы трипольской общности, а те культурные группы, где сырье отсутствовало (Среднее Поднепровье), получали заготовки и готовые инструменты путем обмена. Вблизи выходов кремня археологами открыты специализированные мастерские массового производства кремневых изделий на обмен (Мовша, 2000, с. 40–44). Обсидиан был одним из основных предметов обмена в Европе, Передней Азии, Эгеиде с неолитической эпохи, а в некоторых регионах и с мезолитической. В раннем неолите на территории Центральных Балкан фиксируется распространение обсидиана на расстояние несколько сотен километров от его источников (Biagi et al., 2007). Археологические исследования позволили локализовать несколько центров по добыче обсидиана в энеолите и бронзовом веке и проследить особенности его распространения. Обсидиан, который известен на территории северо-восточной Венгрии (токайский), и восточной Словакии (карпатский), распространяется не только в среде энеолитических культур Карпатского бассейна, Польши, Западной Украины, но в V тыс. до н. э достигает и северного побережья Эгейского моря, торговый путь выстраивается через наземные маршруты, по крупным речным долинам (Kilikoglu et al., 1996, с. 343 – 349). Для Южной Европы в энеолите и раннем бронзовом веке также реконструируется торговая сеть, связанная с обсидианом. Характерной ее особенностью является тот факт, что разные сорта обсидиана (из разных источников) циркулировали в определенных регионах, при этом отдельные обменные сети не пересекались (Torrence, 1986; Шнирельман, 1988, с. 343). Еще один путь («янтарный») связывал регионы Северной и Южной Европы в более позднее время – во II тыс. до н. э.; он считается наиболее ярким примером европейской системы торговли и обмена в бронзовом веке (Czebreszuk, 2009; Jaeger, Czebreszuk, 2010). Из Средиземноморья в другие районы Европы поступали главным образом раковины типа Cardium, Columella rustica и Dentalium, а также, возможно, фаянсовые бусы и ткани; бусы, найденные в в Англии, имеют восточное происхождение (Титов, 1988). В III тыс. до н. э. начал формироваться, а во II тыс. до н. э. активно функционировал другой торговый путь – Бог–Буг, который проходил по Западному Бугу, Южному Бугу (Богу) и Черному морю, соединяя бассейны Балтийского и Средиземного морей. Посредством этого пути балтийский янтарь попадал в Восточное Средиземноморье, а средиземноморские металлические изделия – на Подолье (Клочко, 2008). Отдельные находки янтаря известны в Северном Причерноморье и в более раннее время (усатовская и ямная культуры), хотя источник их не определен.

«Соляные пути» реконструировать сложнее всего ввиду того, что этот продукт не сохранялся, а перевозка и переноска его могла осуществляться и без сосудов-контейнеров, которые бы маркировали подобные пути. Некоторые авторы считают, что именно с солью связаны первые отношения обмена в древних обществах (Saile, 2012, p. 231). Традиционно, несмотря на отсутствие прямых доказательств, сопоставляются регионы, где есть соль, с теми регионами, где она отсутствует (Cavruc, Harding, 2012, p. 173). В. Николов полагает, что обитателями селения Провадия (VI–V тыс. до н. э.) на западном побережье Черного моря, которые специализировались на добыче соли и торговле ею, были переселенцы из Фракии, где не хватало этого жизненно важного продукта, хотя условия для занятия земледелием и скотоводством во Фракии были намного лучше, чем в северо-восточной Болгарии (Nikolov, 2012, p. 14; p. 57, fig. 60). С населением поселка солеваров Провадия связывают Варненский некрополь, а его богатства – с обменом солью. Археологические исследования районов соледобычи и ближайших территорий, выявление импортов у населения, которое активно занималось добычей соли, способствовало реконструкции торговых путей. Один маршрут пролегал по реке Провадия до озера Белослав и далее на юг, вдоль черноморского побережья. Второй маршрут проходил через горные перевалы Старой Планины во Фракию, где существовали многочисленные ответвления этого пути (Nikolov, 2012, p. 58–59). В Центральной Европе наиболее ранние свидетельства добычи и обмена соли связывают с

культурами Лендель в Польше и Бернбург близ Халле, Центральная Германия (Saile, 2012, p. 233).

Нами уже высказывались предположения о том, что металлы и соль выступали основными предметами обмена населения Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке (Иванова, 2010; 2010а). Не так давно реконструкции обменных путей в Трансильвании во II тыс до н. э. были произведены В. Кавруком, который на основе многолетних полевых исследований смог обосновать добычу соли в производственных масштабах и обмен ее на олово (Каврук, 2011; 2012). «Соляные пути» проходили внутри Карпатской котловины (Трансильвания) и вдоль рек, связывающих Марамуреш и Трансильванию с районами Подунавья и Потисья, Богемией, Саксонией и Балканами (Каврук, 2012, с. 20, 32). Первый этап соледобычи он датирует в диапазоне 3200–2900 гг. до н. э. и связывает с культурой Коцофени. Потребителями этой соли было население, проживавшее на территориях Большой Венгерской равнины, на прилегающих к ней территориях Балканского полуострова и современной Словакии. Характерно, что был перерыв в добыче соли в интервале от 29 века до последней трети III тыс. до н. э. (Каврук, 2012, с. 29), т.е. в период пребывания в Балкано-Карпатском регионе населения ямной КИО. Исследователь отмечает, что на Балканском полуострове и Среднедунайской равнине месторождения соли отсутствуют или чрезвычайно бедны (Каврук, 2012, с. 21, с. 23, рис. 1) Возможно, не случайно, именно эти территории были освоены ямным населением, стимулируя развитие обмена природными ресурсами. Было выявлено соотношение между ритмами добычи соли и циркуляцией олова и оловянистых бронз в Карпатском бассейне в бронзовом веке (Каврук, 2012, с. 21).

Существовали и другие предметы обмена, движение которых происходило в рамках торговых сетей: нефрит, золото, раковины Spondylus и др. Исследователи приходят к выводу о том, что именно экономический аспект был причиной дальнедистанционных контактов населения в медном веке, а наличие стабильно функционирующей торговой сети связано со специализацией производства (Takorova, 2012, p. 124). Таким образом, уже энеолитическая эпоха предстает перед нами как эпоха развитых торговых связей. Эта картина в бронзовом веке оказывается еще более яркой.

1.3. Взаимодействие человеческих сообществ со средой обитания

Изучение вопросов роли природной среды в истории древних обществ ведется (в общем виде) в двух направлениях. Одно из них основано на рассмотрении взаимосвязей социумов с окружающей средой и занимается реконструкциями хозяйства, образа жизни древнего населения, воздействия его на окружающую природу и степень воздействия природы на человека. Другое детерминировано уровнем научно-технического прогресса и основано на применении методов естественных наук в археологии, получая информацию собственно из окружающей среды (особенности палеопочв, палинологических и геологических разрезов, стратиграфических скважин и пр.).

В 50–60-е гг. XX в. в науке начинает формироваться новое течение (впоследствии получившее название инвайроментализм), в основе которого лежит изучение взаимодействия человеческих сообществ со средой обитания. Его развитию способствовало накопление и совершенствование базы данных для воссоздания флоры, фауны, гидросетей, рельефа и климата эпохи голоцена. Истоки его видят в концепциях «школы культурного ландшафта», получивших распространение в 20–30-е гг. XX в. в США. Согласно этим концепциям, культурный ландшафт рассматривался как комбинация различных природных и культурных элементов, культурные и природные формы выступают и воспринимаются как единое целое (Исаченко, 1971, с. 287–288, Джеймс, Мартин, 1988, с. 447–448). Междисциплинарное изучение палеогеографического окружения древнего человека со временем становится основой оформившегося инвайроментального подхода в археологии. Со второй половины

70-х гг XX в. в рамках новой науки формируется два направления. Первое из них связано с изучением физико-географического аспекта (применительно к памятникам археологии), во втором доминирующей парадигмой является экологическая взаимосвязь человеческих сообществ и природного окружения. В отечественной археологии впервые метод палеоэкономического моделирования (на материалах палеолита и мезолита) был предложен С.Н. Бибиковым (Бибиков, 1969, с. 5–22). Исследователем было установлено, что окружающая среда не только влияет на формирование и развитие материальной культуры определенной группы населения, но и в то же время подвергается существенному изменению под воздействием человеческих коллективов.

Внимание к комплексному исследованию древних обществ было стимулировано и работами Л.Н. Гумилева (Гумилев, 1992 и др.), который полагал одними из главных составляющих методики изучения этногенеза не только археологические и исторические источники, но и сведения о вмещающем ландшафте, климате, географии, геологии. Несмотря на вполне справедливую и аргументированную критику идей автора другими специалистами (обзор критики: Кореняко, 2006), сам подход к материалу, несомненно, актуален и оказал воздействие на методику реконструкции древней истории. Важной вехой в исследованиях становится обоснование М.Г. Левиным и Н.М. Чебоксаровым концепции хозяйственно-культурных типов, согласно которой, население, проживающее в определенном природно-ландшафтном окружении на определенном этапе социально-экономического развития вырабатывает определенную модель поведения, или же хозяйственно-культурный тип (Левин, Чебоксаров, 1955, с. 3–17; Андрианов, 1968, с. 22–34; Чебоксаров, Чебоксарова, 1985). Благодаря этому начинают разрабатываться вопросы специфики хозяйственной деятельности конкретного населения на фоне таких аспектов как плотность населения, учет количества растительной и животной биомассы и пр. Такой подход становится основой моделирования систем жизнеобеспечения кочевого населения, а также степени оседлости населения в различные хронологические эпохи (Бибиков, 1969; Крадин, 1996; 2001; Гаврилюк, 1999 и др.).

Динамика развития археологических культур изучается и с позиций демоэкономики: в рамках системы «природа–общество» (в широком ее смысле) теперь рассматривают и собственно воспроизведение жизни, и смену качества населения (Кислий, 2005, 2009; 2012).

В то же время появляются археологические и исторические работы, так или иначе связанные с экологическим направлением, целью которого становится выявление и изучение связей между культурным объектом и окружающей физико-географической средой. Археологические памятники анализируются с учетом динамики природного окружения, в котором проходила жизнь их обитателей. Обосновывается понятие культурного и антропогенного ландшафта, одной из основных проблем этого направления становится установление объема и характера вмешательства человека в природные процессы (Мильков, 1970). В контексте изучения роли природного окружения в развитии первобытных и древних культур на передний план выступает понятие адаптации как процесса приспособления человека к условиям существования и как степени соответствия между организмом и окружающей средой (Гроссман, 1971, с. 40–41). Становится ясной невозможность ограничивать понятие адаптации только его биологическим смыслом. Исследователи приходят к выводу, что основным центром, в котором происходит приспособление к условиям существования, является общество как особый класс адаптивных систем. Этот вывод послужил основой концепции оптимизации хозяйственной стратегии с привлечением широкого круга наук (Долуханов, 1985, с. 55–62). Данные, получаемые с помощью естественных наук, служат основой для различного уровня реконструкций взаимодействия человека и вмещающего ландшафта. Под ним понимают часть природы, подвергнутую воздействию человека; с одной стороны, она теперь является сферой деятельности и пространством для жизни так называемого «человека хозяйствующего», а с другой – живым биологическим организмом (Кульпин, 2008, с. 197). Появляются исследования историко-

географического характера, посвященные реконструкции механизма и закономерностей антропогенизации ландшафтов, соответствующих каждой исторической эпохе. Все более обоснованной выглядит идея общей и взаимозависимой эволюции природы и общества (Пащенко, 2000, с. 57–62).

Особое внимание уделяется источникам минерального сырья; характеристика ресурсов определенного региона становится основой для моделирования системы жизнеобеспечения его жителей, включая особенности хозяйствования, степень оседлости и способа устройства поселений (Сминтина, 2004).

Достаточно много работ посвящено выявлению закономерностей географического распространения почв, исследуются процессы развития почвенного покрова и природной среды в целом, появляется возможность выявлять палеоэкологические кризисы и оптимумы (Демкин, Демкина, 1999; Демкин и др., 2004). На основе изучения палеопочв археологических памятников строятся региональные модели эволюции почв, которые отражают местные условия почвообразования в те или иные исторические эпохи (Золотун, 1970; Александровский, 1997; 2002). Отмечают, что магнитные свойства погребенных почв памятников археологии – это своеобразная «запись» климатических условий степей (Алексеев и др., 2004, с. 96–106). При исследовании строения и свойств почв используются химико-аналитические методы, а также минералогические, петрофизические и микробиологические характеристики (Демкина, Демкин 1999, с. 321–325).

При рассмотрении вопросов взаимовлияния, взаимодействия и взаимосвязи человеческой деятельности и изменений окружающей среды в древности одними из важнейших являются археолого-палинологические и палеоботанические исследования (Пашкевич, 1981; Кременецкий, 1991; Герасименко, 1997; 2004 и др.). Поскольку определенные виды растений отражают определенные ландшафты, возможна реконструкция динамики ландшафтно-климатических изменений на исследуемых территориях. Определение видового состава пыльцы позволяет восстанавливать хозяйственную деятельность человека: имеет значение не только наличие пыльцы культурных злаков, но и тех растений, которые отражают антропогенное воздействие человека на почву (эрозия, засоление). Достоверность выводов существенно повышается при привлечении данных абсолютной хронологии, датировке слоев палинологических разрезов, что в последнее время используется все чаще (Безусько, Безусько, 2000, с. 275–278; 2009, с. 400–405; Безусько и др., 2000, с. 284–287).

Таким образом, реконструкция хозяйства и экономики древних обществ в той или иной степени связана с реконструкцией климата и окружающего ландшафта, поскольку именно эти два фактора могут существенно влиять на основные занятия населения, образ жизни, динамику численности. Распространение и развитие воспроизводящего хозяйства детерминируется, с одной стороны, социальным устройством общества, его готовностью к инновациям, а с другой – определенными геоклиматическими условиями, которые способствуют (или препятствуют) земледелию и скотоводству. Географические условия и климат могут оказывать влияние на формирование хозяйственно-культурных типов, освоение различных форм воспроизводящего хозяйства, их сочетание и удельный вес в хозяйственной жизни социумов. Для степной зоны традиционным считается занятие скотоводством, при подсобной роли земледелия.

При экстенсивном скотоводстве человек (в тех или иных экосистемах) замещает крупных хищников на вершине так называемой биологической трофической пирамиды. В такой ситуации он вынужден подчиняться законам и правилам природного гомеостазиса, который влияет на соотношение между количеством (массой) растительной пищи – и числом травоядных и хищников (Кульпин, 2001, с. 75). Для понимания условий формирования быта степных народов, следует иметь в виду, что непрерывные кочевки – необходимое условие выживания крупного животного в степи; до появления человека степь находилась в состоянии устойчивого гомеостазиса – т.е. в динамическом равновесии, характерном для

сложных саморегулирующихся систем (Мордкович и др. 1997, с. 43, 75–76). Поэтому природные условия, в которых существовали ранние скотоводы степей, определили их подвижный образ жизни. В отличие от природных (естественных) систем, в современных и древних агроэкосистемах количество скота регулируется человеком. При этом пастбищные нагрузки часто могут превышаться, что, в конечном итоге, приводит к пастбищной дигрессии, которая является следствием множества причин. В их числе – рельеф, географическая зона, тип почвенного покрова, состав травостоя пастбища; количество и вид выпасаемых животных, приходящееся на единицу площади (т.е. нагрузка на пастбище), технология пастьбы (свободный или рациональный выпас), этология животных на пастбище. Выпас достаточно сильно влияет на процесс смены растительного покрова на пастбище. Вследствие перевыпаса урожайность пастбищ уменьшается в 6–8 раз, снижается засухоустойчивость угодий, что негативно отражается на самих животных (Юнусбаев, 2001). При пастбищной дегрессии видовое богатство степных фитоценозов падает, исчезают или резко уменьшается доля мезофитов и возрастает – ксерофитов, почва уплотняется и иссушается, при этом развиваются водная и ветровая эрозии; следствием этих процессов является уменьшение плодородия почвы (Чибилев, 1992). С распространением воспроизводящего хозяйства в степях Евразии формируется цельная система, в которой наблюдаются сложные экологические взаимосвязи между растительностью, животными и человеком. Именно поэтому анализ окружающей среды и климатических особенностей являются особенно актуальными при изучении истории населения на разных хронологических этапах, в частности – в рамках дописьменной истории. Полагают, что эволюция общества определялась характером взаимоотношений человека и природы (Кульпин, 2001, с. 74–76; 2008, с. 206), реконструкции этих взаимоотношений посвящены исследования различных гуманитарных и естественных наук.

1.3.1. Технология соледобычи по археологическим и письменным данным.

Для решения вопроса о возможности добычи соли в Северо-Западном Причерноморье населением раннего бронзового века, необходимо уделить внимание археологическим исследованиям в других регионах. Следует рассмотреть и письменные источники более поздних эпох, относящиеся к Северному Причерноморью. С добычей соли связывают развитие обменно-торговых отношений уже в неолите, т.к. имеются археологические подтверждения тому, что в это время искусственно сформированные соляные брикеты стандартных форм и размеров служили обменным эквивалентом (Tasič, 2000; Milisauskas, 2002, p. 210; Weller, 2015). Изучение распространения неолитических культур и расположения соляных источников на территории Центральной и Юго-Восточной Европы позволили исследователям прийти к выводу, что процесс неолитизации Европы в известной степени связан с добычей соли. Полагают, что культура Старчево-Криш сложилась в ареале, где отсутствуют какие-либо значимые источники соли, а продвижение ее в другие регионы (и тем самым – распространение неолитических инноваций) обусловлено поисками и освоением соляных источников (Tasič, 2000). В направлении районов соледобычи продвигались и носители других неолитических культур, в т.ч. Кардиал-Импрессо (Lazarovici, Lazarovici, 2011, p. 91–92). Предполагается, что в этот период соль могла служить эквивалентом таких природных материалов как яшма, обсидиан, радиоларит. Существует точка зрения, что распространение раковин Spondylus явилось побочным продуктом при доставке морской соли из Восточного Средиземноморья в Центральную и Северную Европу (Saile, 2008, p. 106–109).

Сопоставление памятников археологии и сведений о соляных источниках различных эпох позволяет уяснить, как и где могла осуществляться добыча соли в степном Причерноморье и в Юго-Восточной Европе в широком хронологическом диапазоне – на протяжении энеолита и бронзового века, рассмотреть процессы соледобычи населением Северо-Западного Причерноморья (Kavruk, Ivanova, Alexianu, 2018).

Вблизи соляного источника Солка-Слатина Маре (Сучава) было обнаружено

поселение и получены доказательства разработок соли от неолита и энеолита (культуры Старчево-Криш, Прекукутень и Кукутень) до средних веков, причем, горизонты, связанные с культурами раннего бронзового века, отсутствуют (Weller, Dumitroaia, 2005). Толстые слои кострищ указывали на использование высоких температур для получения процессов кристаллизации (выпаривание перенасыщенного раствора соли из соляных источников); многочисленные днища сосудов использовались как формы для получения брикетов. Исследователи считают, что соляные источники Карпат снабжали солью ареал трипольской культуры, а причерноморские лиманы – население степей (Mircea, Alexianu, 2007; Monach, Dumitroaia, 2007; Munteanu et al., 2007; Monah, 2008).

Поселение солеваров, датируемое серединой VI–Vтыс. до н. э. открыто в Болгарии, у озера Провадия (Nikolov, 2008; 2011; 2012; 2016). Найдены фрагменты посуды для выпаривания, химический анализ которой установил на поверхности наличие солей калия и хлорида магния, причем сосуды такого большого диаметра (40–50 см) на других поселениях (где добыча соли не зафиксирована) не встречены (Stoyanova, 2008, p. 13). Конечный продукт имел стандартный вид и размеры и предназначался для обмена. Центр добычи соли был окружен рвом, каменным валом и деревянным частоколом, покрытым толстым слоем глины. Предполагают, что богатство расположенного недалеко (около 20 км) знаменитого могильника культуры Варна могло быть основано на добыче и торговле солью, а у производителей были веские причины для создания этой трудоемкой оборонительной системы. В IV в. до н. э. добыча соли на этом месте возобновилась (Николов, 2008).

Имеются косвенные данные о добыче соли в Северном Причерноморье. Изучение торговых путей между Черным и Балтийским морями позволило исследователям прийти к выводу, что носители культур шнуровой керамики в раннем бронзовом веке совершали обмен кремня, янтаря и фаянса на соль Сиваша и низовьев Буга (Klochko, Kosko, 2009, p. 299). Отмечена возможность обмена населения Украины с Кавказом в бронзовом веке, учитывая имеющиеся залежи соли в Донецкой впадине, в Крыму и промыслы на Черном и Азовском морях (Нечитайло, 1991, с. 102).

Производственный поселок кобанской культуры со специфическими производственными постройками и инвентарем, связанным с выпариванием соли, был изучен в Абхазии (Соловьев, 1947). Имеются археологические свидетельства добычи соли в Юго-Восточной Европе для более поздних эпох, на некоторых поселениях, расположенных вблизи соляных озер Румынии и Болгарии (Monach, Dumitroaia, 2007; Gaidarska, Chapman 2007), хотя археологических подтверждений этому, кроме нескольких, описанных выше объектов, пока не обнаружено. Считают, что, несмотря на отсутствие следов солеварения, при локализации памятников вблизи соляных источников, можно предполагать, что жители занимались этим промыслом (Munteanu et al., 2007). В центральной Европе более распространенными археологическими памятниками, связанными с соляным промыслом, являются шахты (например, Зальцбург, Гальштадт, Величка, Солотвино). В то же время, при раскопках кельтского поселения вблизи Бад Нойхайм (Германия) были обнаружены остатки специального сооружения для выпаривания соли (Vogt, 1996, p. 181–182).

Соль выступала меновым эквивалентом металлов в разные исторические эпохи и в различных регионах (Moga, 2009). Так, в Трансильвании предполагается обмен соли на олово, на фоне широкого распространения оловянистых бронз, правда, источники получения олова пока однозначно не выделяются (Каврук, 2011, с.5–6, 41–42). Страбон отмечает, что финикийцы, обменивали соль, глиняную посуду и изделия из меди на олово и свинец (Strabo, Geogr. III, 5.11). Отметим, что олово выступало и в обменных операциях с серебром. Так, в III тыс. до н. э. значительная часть добываемого в Анатолии серебра в результате торговли уходила в Месопотамию, жители которой обменивали его на олово (Трейстер, 1996, с. 239). Это добавляет дополнительный штрих к теме получения серебра в Северо-Западном Причерноморье.

Первые письменные сообщения о добыче самородной соли в Северном

Причерноморье с торговыми целями относятся к античной эпохе. Геродот, описывая Борисфен, сообщает: «у устья его сами собой отлагаются огромные запасы соли». Эта соль добывалась ольвиополитами для личных и торговых нужд и вывозилась к скифам и грекам других городов Понта (Геродот, IV, 53). Археологами отмечается расположение курганов в Ольвии вдоль «соляного пути» (Boltrik, 2009, p. 402). Дион Хрисостом приводит данные, относящиеся к I–II вв н. э.: «Здесь же находится множество солеварен, где закупает соль большинство варваров, а также греки и скифы, живущие в Херсонесе Таврическом» (Dio Chrys., XXXVI, 3). Имеются сведения о добыче соли близ Херсонеса. Страбон отмечает «…Над этим заливом расположен лиман, где есть соляная варница» (Strabo, Geogr. VII, 4.7). В античную эпоху вблизи Херсонеса известно 12 соляных озер (Кадеев, 1970, с. 21). Косвенным указанием на добычу соли являются относящиеся к античному и византийскому времени вырубленные в известняке огромные ёмкости-цистерны для засолки рыбы, найденные в Херсонесе, Пантикапее, Тиритаке, Мирмекии (Кадеев, 1970, с.12).**.** Полагают, что рыболовный промысел на Боспоре известен с очень раннего времени, а вывоз соленой рыбы в амфорах из Пантикапея письменными источниками зафиксирован уже для IV в. до н. э. (Зубарь, Русяева, 2004, с. 177–178). В византийский период добыча соли уменьшается. Сосланный в Херсонес Таврический римский папа Мартин I (VII век н. э.) упоминает в письме о «суденышках», которые заходят сюда, чтобы уйти с грузом соли (Бородин, 1991, с. 173–190). По сведениям Константина Багрянородного, в X в. н. э. жители Херсона добывали соль и за пределами Крыма, на северном побережье Черного моря: «От реки Днепр до Херсона 300 миль, а в промежутке — болота и бухты, в которых херсониты добывают соль» (Const. Porph., De adm. imp. 42). Считается, что в это время оседлое и кочевое население Крыма, обеспечивало свои потребности в соли, получая её из Херсона (Романчук, 1976, с. 18). Монах-францисканец Гильомом де Рубрук (XIII в.), описывая Крым и Перекоп, отмечает: «На севере этой области находится много больших озер, на берегах которых имеются соляные источники; как только вода их попадает в озеро, образуется соль, твердая как лед; с этих солончаков Бату и Сартах получают большие доходы, так как со всей Руссии ездят туда за солью… Морем также приходит за этой солью множество судов, которые все платят пошлину по своему грузу» (Рубрук, 1997, с. 90–91). К концу XIII в. торговлю солью в Крыму монополизировали венецианцы. К конце XV в. относятся сведения Иосафата Барбаро: «Там [около перешейка к «острову Каффы»] находятся огромнейшие соляные озера, которые непосредственно тут же на месте и застывают» (Барбаро, 1971, с. 154). Места добычи соли на мелководьях к западу от Перекопа обычно отмечались на итальянских портоланах словом «saline». Доминиканец Эмиддио Доттелли Д'Асколи в XVII в. составил описание Черного моря и Татарии, где отмечает среди товаров «соль, обильно нагружаемую в Татарии для Константинополя и всего Чёрного моря» (Д'Асколи, 1902, с. 100). Эвлия Челеби, турецкий путешественник XVII века, описывал прибытие купцов из Крыма, торгующих солью и железом, в западную Грузию (Лазику), откуда затем караваны местных торговцев развозили товар на другие территории: «Вверх по ее течению, на восток и к границам Мегрелистана, на многочисленных лазских лодках увозят соль, железные и другие изделия, оружие и торгуют, обменивая их на [привезенные] из Мегрелистана и Гюрджистана самшит, мед, очищенный мед, невольниц и невольников» (Челеби, 1983, с. 46).

После присоединения Крыма к России (1783 г) появляются русскоязычные издания, посвященные Крыму. Павел Сумароков в 1800 году выпускает книгу «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году», в котором отмечает, что «Перекопские соленые озера первейшие по всему полуострову… Приезжающие из Польши и Малороссии промышленники ломают соль сами, отделяя оную просто от дна лопатами, а потом накладывают на фуры» (Сумароков, 1800, с. 40–41). Подробные и разносторонние сведения о соледобыче в Крыму находим у В.Х. Кондараки: «После разгрома генуэзцев и уничтожения их богатых факторий татары и турки, оставшиеся полными хозяевами Тавриды и Черного моря, поняли громадную выгоду, которую имели побежденные, и сами начали добывать

соль… Из сакских озер соль в основном шла в Турцию и Анатолию, из феодосийских же – на Кавказ и в окрестности Азовского моря, а из перекопских – в Литву, Малороссию и дальше. В Малороссию вывозили соль сами казаки…» (Кондараки, 1873, с. 12–13).

С XV в. до середины XIX в. в Украине существует особая категория населения – чумаки, торговцы или возчики, которые отправлялись на запряженных волами подводах к Чёрному и Азовскому морям, прежде всего за солью и рыбой, развозили их по торговым путям в различные регионы на ярмарки, перевозили и другие товары. Наиболее известные из «чумацких шляхов» – Черный шлях и Муравский. Первый тянулся от Волыни до Умани, по тропам, оврагам и берегам степных речек доходил до Балты а затем – до Днепра. Муравский шлях имел еще одно название – «Солоный путь», он шел из глубины Украины в Крым и к Азовскому морю. Занималось торговлей и запорожское казачество. Д.И. Яворницкий (Эварницкий) отмечает: «В XVII в. Гезлев становится значительным торговым центром. Сюда приходили корабли из Малой Азии, Константинополя, приезжали русские купцы... Оживленную торговлю с Крымом через этот порт вело запорожское казачество. Из Запорожья сюда привозили кожи, железо, оружие, полотно, хлеб, а вывозили сафьян и сафьяновую обувь, шелковые ткани и особенно в большом количестве соль» (Эварницкий, 1892, с. 490).

Таким образом, имеются многочисленные письменные источники о добыче соли в Северном Причерноморье в различные эпохи.

1.4. Методы исследования исторических процессов в позднем энеолите – раннем бронзовом веке

Множество существующих объектов реальности, разнообразие свойств и связей, которые им присущи, особенности закономерностей их функционирования и развития, а также множественность допустимых для исследователя углов зрения на них, обуславливают наличие значительного количества конкретных (специальных) научных методов (Ковальченко, 1987, с. 141). Одно из центральных мест в методологии истории занимает междисциплинарный аспект, т.е. включение в процесс познания методов других наук (географии, лингвистики, химии и физики металлов, социологии, экономической науки, математики и пр.). В археологии как исторической науке могут использоваться те же методы, но выбор специально-научных методов связан во многом с предметом и объектом исследования и его задачами.

Метод радиоуглеродного анализа. Анализ радиоуглеродных изотопов для датирования археологических артефактов или геологических слоев стало уже достаточно традиционным (Ramsey, 1995; 1998). Для этого используют сохранившиеся древесные или костные остатки, погребенные почвы, малакофауну и прочие органические остатки, порой – керамику. Датировка проводится в специальных лабораториях, путем измерения содержания в образце радиоактивного изотопа углерода с удельным весом 14 (C^{14}) по отношению к его стабильным изотопам. Археологи, как правило, пользуются полученными от физиков готовыми результатами. В отличие от первых опытов (1970–1980 гг. XX в.), более поздние результаты калиброваны, т.е. приведены в соответствие с календарными. Для того, чтобы иметь возможность сопоставления дат, полученных в разное время, отдельные опубликованные в литературе конвенционные даты нами калиброваны самостоятельно, с помощью программы OxCal 3.10 (табл. 2.1; 2.2). С помощью этой программы сделаны суммарные графики (рис. 1.1; 1.2) В настоящее время в лабораториях мира определяется поправка на резервуарный эффект, который может искажать реальную календарную дату. Резервуарный эффект связан с тем, что в Мировом океане достаточно медленно достигается «радиоуглеродное равновесие»: обмен углеродом между атмосферой и поверхностью происходит быстрее, чем между верхними и глубинными слоями. Это ведет к разнице в определении возраста земных и морских образцов, которая может составлять около 400 лет

(Шишлина и др., 2006). Поэтому при датировании радиоуглеродным методом костей животных и людей, в пищевом рационе которых доминировала морская или пресноводная рыба, наблюдается «мнимый возраст» – удревнение образцов.

В Северо-Западном Причерноморье датировки с поправкой на резервуарный эффект отсутствуют. Для ямных погребений лишь одного региона – Северо-Западного Прикаспия – имеется серия радиоуглеродных дат, выполненных с учетом резервуарного эффекта, по ним ямная культура этого региона датируется 3000–2350 гг до н. э. (Шишлина и др., 2006, с. 114). В единичных случаях резервуарных эффект учтен при датировании ямных погребений Днепро-Бугского междуречья (Ніколова А.В., 2012). Но определенный для буджакской культуры хронологический интервал (без учета резервуарного эффекта) не противоречат датировке памятников тех регионов, где этот эффект был рассчитан. В отдельных случаях археологический материал все же может не соответствовать полученным радиоуглеродным датам, что, возможно, связано именно с резервуарным эффектом.

Исследователи отмечают, что анализ характера калибровочной кривой свидетельствует о том, что на ней существуют уплощенные отрезки, и попадающие на нее даты имеют большую величину стандартного отклонения. Крутые части кривой попадают в этом промежутке времени только между 2920–2860 cal BC и 2480–2460 cal BC. Если дата попадает за пределы одного из этих отрезков – при калибровке получаются широкие временные интервалы, более чем в 100 лет (Кайзер, 2011, с. 18). Именно эта особенность, по мнению Э. Кайзер, создает впечатление, что ямные и катакомбные погребения были синхронны (Кайзер, 2011, с. 24). На наш взгляд, представления исследовательницы о невозможности сосуществования ямного и катакомбного населения чересчур категоричны, и ей приходится даты, которые не вписываются в ее гипотезу, признавать омоложенными. Если обратиться к работе М. Фургольта (Furholt, 2003, S. 5), на которую ссылается Э. Кайзер, то отметим следующее. М. Фургольт полагает, что плоские участки калибровочной кривой не следует трактовать «слишком жестко», а попадание дат на крутые участки, например между 2920 и 2880 BC, является большой удачей. Исследователь предлагает периоды, связанные с плоскими участками кривой, разбить на отдельные этапы и связать с археологическим материалом, совершенно не отрицая возможности применения метода радиоуглеродного датирования для данной эпохи и использования всего отрезка калибровочной кривой, соотнесенного с III тыс. до н. э. Заметим, что III тыс. до н. э. – это не единственный хронологический период, где на калибровочной кривой имеются плоские участки. Такая же ситуация характерна для рубежа III и II тыс. до н. э. Исследователи находят пути решения проблемы, предлагая для уменьшения погрешности использование метода дендрохронологии (Wlodarczak, 2007). К сожалению, на Украине этот метод только начал применяться при изучении хронологии ямной КИО (Ніколова А.В., 2012).

Р.А. Мимоход отмечает, что во всех случаях, когда имеются серии дат последовательно сменяющихся культур, мы получаем отрезки перекрывания длиной от 150 до 300 лет, которые не являются свидетельством их сосуществования, а относятся к ошибке метода (Мимоход, 2011, с. 44). Он полагает, что если традиционные археологические методы однозначно свидетельствуют о разновременности культур, то в графическом выражении серий радиоуглеродных дат это будет подтверждать расположение интервалов sum_probability в виде ступенчатой структуры. Иными словами, последовательную смену культур документирует наличие в графиках данных C^{14} «эффекта лестницы». При отсутствии «эффекта лестницы» или при перекрывании диапазона бытования культур более чем 300 лет мы можем говорить о синхронности культур (Мимоход, 2011, с. 45). Таким образом, возможно сопоставление массивов разнокультурных дат с учетом ошибки метода. Отрезок перекрывания буджакских и катакомбных памятников попадает в диапазон XXV–XX вв. BC, лестничный эффект отсутствует (рис. 1.2), следовательно, есть основания говорить о частичном сосуществовании двух культур, однако сам период сосуществования подлежит

уточнению при пополнении базы данных новыми датами, выполненными на современном уровне.

Несмотря на определенные сложности, метод радиоуглеродного датирования является одним из основных при определении хронологической позиции культур позднего энеолита, раннего и среднего бронзового века Северо-Западного Причерноморья.

Метод хронологии по гренландским кернам. Значимыми индикаторами в рамках этого метода выступают изотопы кислорода и водорода, входящие в молекулу воды, их свойства и взаимоотношение. Измерение содержания радиоизотопов дает возможность реконструировать такие параметры как количество осадков, относительная влажность, температура, а также динамические процессы их изменения. Изотопы имеют свойство накапливаться в своеобразных архивах, таких как: клетчатка годичных колец деревьев, океанические и озерные отложения, а также подземные воды, ледники и полярные льды, снег, пещерные отложения. Благодаря архивам можно обнаружить изменения их свойств, что, позволяет изучать климатические и гидрологические системы прошлого в динамике. При этом разворачивание отдельных палеоклиматических событий можно проследить с исключительной точностью – до года. Подобная точность дает все еще не до конца оцененные возможности реконструкции развития климата (Alley, 2000). Особый интерес представляют гренландские ледниковые керны и слоистые глины (варвы) европейских озер. Хронология таких колонок строится или исключительно на подсчете годовых или сезонных слоев отложений (визуальном или инструментальном), или на сочетании такого подсчета с иными методами: изотопного датирования (Meese et al., 1997; Rasmussen et al., 2006). Таким образом, хронология высокоточных климатических архивов уже является календарной. Подобные архивы удалены от изучаемого региона на довольно значительное расстояние. Однако особенно яркие палеоклиматические события, отраженные в упомянутых ледниковых кернах, были отмечены в разном виде для всего североатлантического региона, если не всего северного полушария Земли (Alley et al., 1995). Изотопные данные, которые были получены из кернов льдов полярных зон и кернов из низких широт дают сходные вариации температуры (рис. 1.3). Результаты исследования глубоководных скважин на дне Адриатического моря, озерных отложений в Болгарии (оз. Варна), горных палинологических колонок в Румынии находят близкое соответствие в Гренландской ледниковой хронологии (Asioli et al., 1999; Stefanova et al., 2006). Хронология озерных варв Швейцарии, Польши и Германии, имеющих высокое разрешение, как и климатические изменения, зарегистрированные по европейской дендрохронологии, хорошо соотносятся с хронологией ледникового керна GRIP (Joint European Ice Core Project). Считается, что выявленные колебания указывают на взаимосвязь климатических процессов на планете и существование весьма устойчивых общих тенденций (Гиббсон, Аггарвал 2001), что подтверждает правомерность использования хронологии гренландских кернов для европейских территорий. Эти положения позволяют нам привлечь изотопную информацию из гренландских кернов и озерных отложений других территорий для реконструкции климатических периодов прошлого в определенном геологическом и историко-археологическом регионе – Северо-Западном Причерноморье. Но такая общая модель должна корректироваться местными данными, которые могут предоставить палинологические колонки (Виноградова, 2008; Виноградова, Киосак 2010). Климатические осцилляции в работе строятся согласно гренландским ледниковым кернам NGRIP, GRIP, GISP2, по хронологии GICCOS. Калибровка дат и построение графиков – в программе OxCal. 4.1.

Рассмотрение культурно-исторической ситуации в эпоху палеометалла позволяет говорит о значимости реперных точек, известных как «событие 5300 calBP» и «событие 4200 calBP» (Иванова и др., 2011). Это наглядно демонстрируют графики различных климатических осцилляций (рис. 5.1; 5.2). Они отражают колебания температуры, изменение скорости аккумуляции, концентрации песка и пылевых частиц (параметры, связанные с

засушливостью) именно в реперных точках. На этих графиках изменения показателя дельты кислорода-18 (O^{18}) отражает колебания температуры; изменение скорости аккумуляции отражает влажность; изменение концентрации биогенного песка SiO2 является показателем, связанным с засушливостью климата; электропроводимость ECM выступает показателем, связанным с количеством пылевых частиц, увеличение его характеризует аридные периоды. Эти методики применены при сопоставлении климатических изменений с динамикой развития археологических культур.

В последние годы получает распространение достаточно перспективное направление – ***изотопный анализ*** костных останков человека, с помощью которого могут решаться достаточно широкий круг вопросов, связанный, прежде всего, с автохтонностью и миграциями древнего населения (Price et al., 2002). Обычно анализу подвергаются изотопы стронция и кислорода. Соотношения изотопов стронция Sr86/Sr87 может варьироваться в горных породах в зависимости от их возраста и времени формирования. В процессе выветривания стронций переходит в осадки и попадает в организмы животных и людей, где он хранится в твердых тканях, таких как зубы, частично заменяя в них кальций. При этом эмаль отражает диеты в первые годы жизни, а дентин – в момент смерти. Для многих областей Европы имеются базовые показания соотношения изотопов стронция. Если фиксируется достаточно выраженная разница, то можно идентифицировать место рождения и смерти отдельных людей. Изотопный состав кислорода (дельта O^{18}) в тканях организма тесно связан с питьевой водой, которую употреблял человек. На состав воды влияет много факторов, взаимодействовавших на местном уровне: влажность, температура, погодные условия, изменчивость климата, высота над уровнем моря и отдаленность от него. Эти данные также получают при анализе зубной эмали; сравнение базовых и конкретных данных может указать на географическое место происхождения человека. Оптимальным является сочетание изотопного анализа стронция и кислорода для получения более определенной информации (Gerling et al., 2012).

Метод расчета пастбищных угодий. Роль номадного животноводства в мире в настоящее время очень высока: этот вид хозяйства дает до 70–75 % мирового производства мяса, шерсти, шкур. При содержании на пастбищах продуктивность овец намного выше (на 25 – 40 %), чем при стойловом содержании. Пастбищный период для скота в лесной зоне продолжается от 125 до 150 суток, в лесостепях около 170, а в степях – около 200 (и более) суток. В полупустынной зоне скот можно выпасать около 250 суток, в тундровой и пустынной – в течение почти всего года. В горных районах пастбища используются для отгонного скотоводства исключительно в летнее время в течение двух–трех месяцев (Апальков, Смирнов, 1989). Урожайность пастбищ в разных зонах различна; так, в европейской степной зоне (с учетом направления с севера на юг) ковыльно-типчаковая и ковыльная растительность сменяются злаково-бобовую мезофильнаую. Урожай поедаемой массы 20 – 25 ц /га. Согласно имеющимся сведениям для азиатской зоны, урожай поедаемой массы может составлять около 10 – 18 ц / га, здесь преобладают ковыли, типчак, полынь, осочка и др. Эти пастбища наиболее продуктивны в весеннее и осеннее время для выпаса крупного рогатого скота. На юге, в зонах перехода от степей к полупустыням, располагаются лиманные луга. Их обычно использовали как пастбища в засушливые периоды, урожайность зеленой массы на них могла достигать 20 – 40 ц /га. В полупустынной зоне находятся полынно-злаковые, типчаково-ромашниковые и полынно-солонковые пастбища. Полынные и типчаковые типы пастбищ обычно используются для выпаса овец; а третий вид – для овец и верблюдов в осеннее и зимний период. Урожай зеленой массы на них около 8 – 10 ц /га. В пустынной зоне существует несколько видов пастбищ, которые используются для овец и верблюдов: эфемерные, полынные, полынно-эфемерные, полынно-злаковые, солонковые, травянисто-кустарниковые; при этом урожай поедаемой массы на них составляет около от 2 до 10 ц/ га (Апальков, Смирнов, 1989).

Во второй половине XX века для колхозных овцеводческих ферм расчет пастбищных

угодий проводился из условия 1,4 кормовых единицы в день на одну овцу. На 100 овец, при содержании в 1 кг травы 0,18 калорийных единиц (средняя питательность) требуется 1556 ц зеленой пастбищной массы в день, тогда в случае урожайности зеленой массы 25 ц / га, необходимая площадь пастбища на сто овец будет 62 га; нагрузка на пастбище составит 0,28 условной головы на 1 га (Демин, 1973). Натурный пастбищный эксперимент в Хомутовской степи (Донецкая область, Украина), проведенный с целью оптимизации параметров для настоящих (разнотравно-типчаково-ковыльных) степей, показал, что оптимальной пастбищной нагрузкой в данной экосистеме является одна лошадь на площадь от 5 до 11 га (Ткаченко и др., 2009). По данным современного мониторинга, на 100 га пастбищ в Бурятии (при урожайности 28 ц/га) выпасается: крупного рогатого скота тридцать четыре головы, тридцать овец и коз, пять лошадей, то составит 0,34 условных голов животных на 1 га пастбищ. (Потапов и др., 2000, с. 268–286). В рамках международного европейского проекта по комплексному использованию земель Евразийских степей обосновывается переход от стойлового содержания овец к системе рационального выпаса (что подразумевает выпас в пастбищных загонах). Так, рассчитано, что на территории Тарутинской степи (Одесская область) для содержания 218 голов овец требуется 65 га земли. Эта система рационального выпаса считается на треть эффективнее свободного выпаса, следовательно, при нем на этой же территории можно было бы выпасать лишь 146 овец, что составляет около 2 овец (или 0,34 усл. головы) на 1 га (Комплексное использование...с. 47). Как видим, цифры в разных ареалах степи сходны, что вероятно, связано с близкими показателями урожайности пастбища. В условиях полупустынных степей (покрытых типчаком и полынью) для прокорма одной особи крупного рогатого скота необходимо 4 га сбитых или 8–9 га очень сбитых пастбищ (Шилов, 1985, с. 28). В то же время в условиях пустынь Центрального Казахстана годичная потребность для обеспечения жизнедеятельности одной овцы требуется 20 га пастбищных угодий, а для конематки с потомством составляет около 34 га, при этом Н.Э. Масанов отмечает низкую продуктивную растительность травяного покрова – 1–3 ц/га (Масанов, 2000, с. 117).

Таким образом, для разных пород животных необходимо разное количество кормовых угодий; имеет значение и их возраст. С другой стороны, разные виды степей обладают различной урожайностью и калорийностью травостоя; что учитывается не всегда, и этнографические данные по продуктивности пастбищ полупустынь, порой, переносятся без всякой корректировки в другие природные зоны, хотя разница является довольно существенной. Специалисты выделяют различные типы степей, травостои которых отличаются по составу растительности и. соответственно, продуктивностью и кормовой ценностью (Юнусбаев, 2001).

Возможная нагрузка на пастбища обычно рассчитывается по традиционной формуле, используемой в современном сельском хозяйстве

$$Н = У : (Д \times К), \qquad (1.1)$$

где Н – продуктивность пастбища, У – урожайность кормов, Д – период пользования пастбищем, при этом условно принимается, что зимний сезон длится 90 дней, К – потребность животных в кормах, определяемая в кг или кормовых единицах (Демин, 1973).

Процентное соотношение животных в стаде ямных и катакомбных племен неизвестно, в дальнейших расчетах будем основываться на допущении преобладания в нем овец. Отметим, что потребность овец в кормах в различных работах определяется разной цифрой от 1,4 кормовых единицы в день (Демин, 1973) до 0, 91 кормовых единицы (Крадин, 2001). Варьирует и средняя питательность разных видов корма: 0,18 калорийных единиц в 1 кг зеленой пастбищной травы, которой одному животному в сутки надо 15,5 кг (Демин, 1973) и 0,32 калорийных единиц в 1 кг сухих зимних трав (ветоши), которых соответственно необходимо 4–5 кг. Используется условная пропорция для определения потребности в корме: крупный рогатый скот: лошадь: овца = 1 : 4,7 : 6,1.

Метод расчета возможной численности населения скотоводческих обществ. Достаточно традиционными являются расчеты возможной численности населения скотоводческих обществ путем вычисления продуктивности ресурсов пастбищ. Такой метод основан на моделировании энергетических процессов в экосистемах: ориентируясь на первичную биопродукцию аридных пастбищ, определяется вероятная численность домашних и диких животных, а также людей. Численность домашних животных зависит, в конечном итоге, от объемов пастбищных ресурсов, а нарушение равновесия экосистемы (к примеру, чрезмерное стравливание пастбищ) ведет к кризису системы. Экосистема обладает свойством независимо восстанавливать оптимальное соотношение между различными трофическими уровнями. Но если нет возможности откочевать на другие территории, животным не хватит кормов, что неизбежно приведёт к болезням и падежу скота. Это сразу же отразится на численности и благосостоянии самих скотоводов, но со временем может восстанавливаться баланс между тремя основными показателями: продуктивность пастбищ, поголовье животных и количество людей, которые кочевали на данной территории (Крадин, 2001). Таким образом, численность кочевников-скотоводов прямо опосредована количеством разводимых животных, поскольку населения в данном регионе может обитать столько, сколько возможно прокормиться за счет существующих в экосистеме ресурсов (Гаврилюк, 1999). Пастбищные нагрузки могут оказывать как благоприятное, положительное, так и негативное влияние на травостой. В первом случае, при соблюдении определенных норм для каждого вида пастбищ, уменьшается процент ветоши в травостое (это, в свою очередь, ведет к увеличению процента зеленого корма), уменьшается его закустаренность, возрастает доля бобовых растений и разнотравья, почва обогащается навозом. Во втором случае превышение пастбищной нагрузки ведет к отрицательным последствиям: перевыпас значительно угнетает растения и уплотняет почву; при многолетних перегрузках из травостоя исчезают злаки и бобовые, ковыли, а взамен них разрастаются сорные травы. Негативные тенденции нарастают: ухудшение почвенных условий ведет к замедлению отрастания отавы, уменьшается урожайность и качество пастбищ. В результате степь теряет устойчивость к засухе – а именно это является одним из её важнейших качеств (Черняховский, 2002).

Продуктивность пастбищ является важной составляющей демографической емкости ландшафта, т.е. максимального количество населения, которое может существовать на территории ландшафтной единицы при данном уровне развития производительных сил. Нагрузка (или емкость) пастбища, – это количество скота, приходящегося на 1 га пастбища в период выпаса. Формулой для ее вычисления пользуются и в настоящее время (Демин, 1973), и для реконструкции палеоэкосистем прошлого (Крадин, 1996; 2001; Гаврилюк, 1999). Сопоставив демографическую ёмкость ландшафта с предполагаемой плотностью населения, можно определить, была ли стабильна ли та или иная экосистема, или же находилась в кризисной ситуации. Применительно к теме работы, этот фактор имеет значение для реконструкции возможных причин миграций племен буджакской культуры на запад. В первом случае перемещение населения может объясняться экономическими факторами (поиск источников сырья, торговых партнеров), во втором случае это может быть поиск выхода из кризиса, связанного с климатическими и экологическим изменениями (аридизация климата, ухудшение кормовой базы, следствие перевыпаса и пр.).

Основываясь на расчетах пастбищной нагрузки, Н.Н. Крадин (на примере хунну) вычисляет минимальное и максимальное количество плотности населения на определенной территории (Крадин, 2001, с. 76–79). Минимальную плотность можно определить по следующей формуле:

$$\text{Числ.min} = (\text{Кс} \times \text{У} \times \text{Пзим}) : (\text{К} \times \text{Д}) \quad (1.2)$$

Для вычислений необходимо определить несколько составляющих: У – урожайность в килограммах или кормовых единиц на 1 га, К – суточная потребность в кормах (0,91

калорийных единиц), Д – количество зимних дней (90), Пзим – площадь имеющихся зимних пастбищ, Кс – коэффициент корректировки на социальное расслоение общества (0,0202 калорийных единиц). Необходимо учитывать, что продуктивность пастбищ зимой составляет 35–38 %от валового урожая трав (Крадин, 2001, с. 76). При производимых расчётах, величина урожайности пастбища (У) не должна приниматься за 100 %, поскольку такой вариант (стравливание всей травы) неизбежно привел бы к дигрессии пастбищ. Н.Н. Крадин предлагает для древности и средневековья принять коэффициент использования травяного покрова равный К тр.=0,3.

Метод реконструкции численности населения по материалам курганных могильников, разработанный С.Ж. Пустоваловым, базируется на учете общего количества курганов и определении по этим данным численности населения в разные эпохи – от энеолита до позднего средневековья (Пустовалов, 1999). Метод состоит из двух относительно независимых блоков. Первый из них имеет целью на основе общей численности курганов определить возможное количество населения, которое существует одновременно для каждого исторического периода (первоначальное количество). Второй блок помогает уточнить (на основе сравнения половозрастной пирамиды населения каждой археологической культуры или периода с моделью), все ли население хоронили в курганах. На основе этих данных исследователь определил окончательную численность населения для каждого периода. Автор метода, на основании результатов своих многолетних раскопок, определяет среднее число захоронений в кургане как 5,7. Имея данные о проценте погребений каждой археологической культуры (или исторического народа), он подсчитал вероятную численность захоронений каждой культуры. Сведения о том, сколько умерших похоронены в одной могиле, позволяют восстановить и количество всех умерших. При этом не учитывается динамика роста населения в пределах каждой из культур. Первичные данные о численности населения различных археологических культур, как полагает исследователь, должны быть проверены другими методиками, а именно анализом половозрастных пирамид каждой из археологических культур, с последующим сравнением данных с моделью – половозрастной пирамидой современных стран с подобным хозяйственно-культурным типом. Установление численности населения для разных курганных культур от энеолита до средневековья дало возможность С.Ж. Пустовалову определить его плотность. Согласно его подсчетам, средняя плотность населения колебалась в пределах от 1 человека на 100 кв. км для энеолита и сарматов, до 32,3 человек на 100 кв. км для скифов. Для ямного населения реконструирована плотность 20 человек на 100 кв. км, для катакомбного – около 22,6 чел. на 100 кв. км (Пустовалов, 1999, с. 17–32).

Подводя итоги историографическому обзору, можно констатировать, что, несмотря на имеющуюся обширную литературу, посвященную памятникам Северо-Западного Причерноморья позднего энеолита – раннего бронзового века, оказалось, что вне поля зрения исследователей осталось достаточно много вопросов. В частности, слабо освещены аспекты, которые можно включить в обобщающее понятие «культурно-исторические процессы», а именно: проблемы взаимодействия населения с носителями иных культурных традиций, проявление этих взаимодействий в материальной культуре, становление и развитие системы обмена, направление связей и культурно–экономические контактов, передвижки и миграции. Нуждаются в корректировке представления о климатических изменениях в регионе на протяжении конца IV – III тыс. до н. э., их влиянии на жизнь древнего населения и на среду обитания. И, наконец, отсутствуют монографические исследования, в которых, с учетом новых исследований и новых методик, на фоне уточненных европейских культурно-хронологических схем был бы обобщены, проанализированы и интерпретированы памятники Северо-Западного Причерноморья позднего энеолита – раннего и среднего бронзового века.

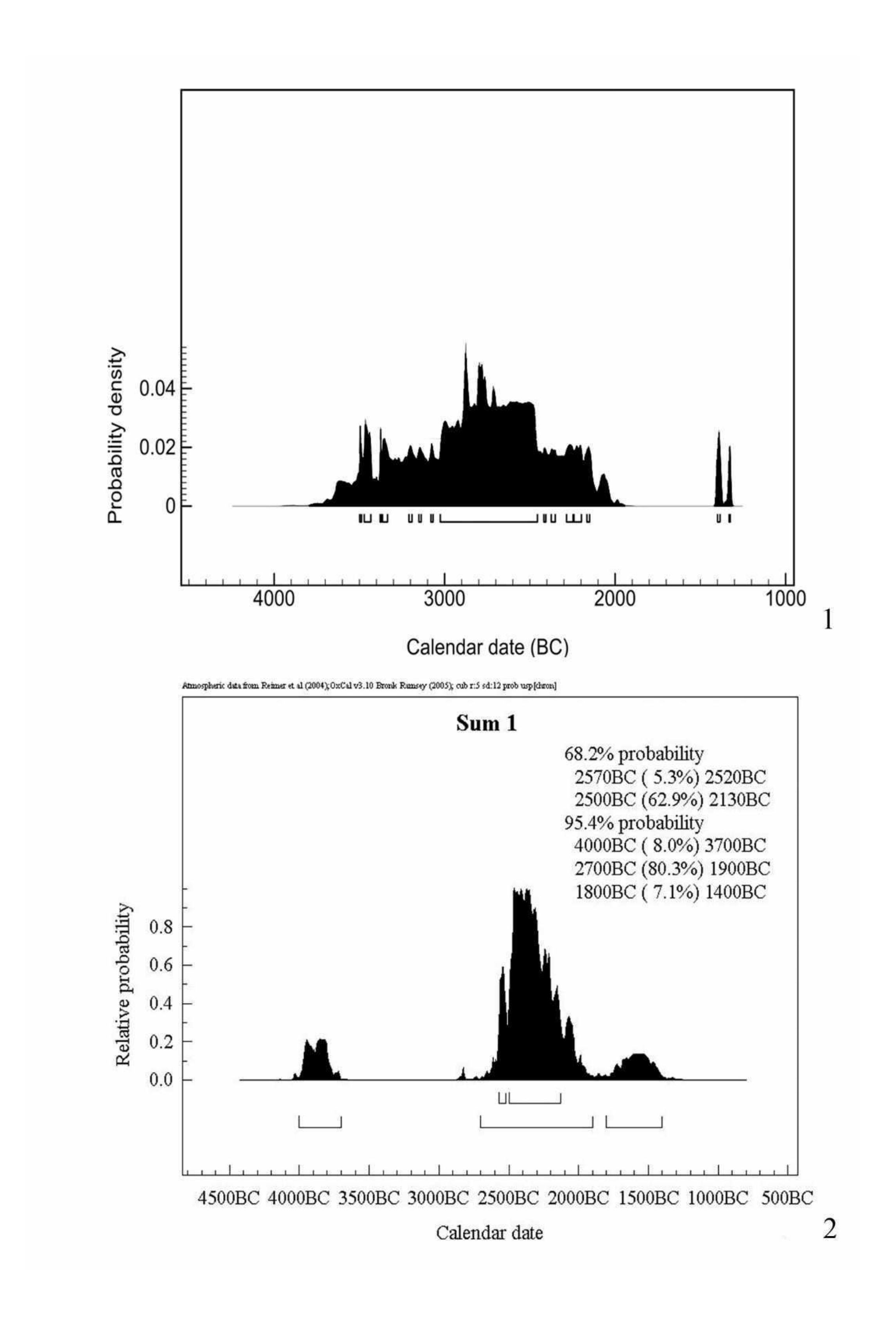

Рис. 1.1. Суммарные графики радиоуглеродных дат раннего и среднего бронзового века Северо-Западного Причерноморья:
1 - буджакская культура; 2 - катакомбные культуры

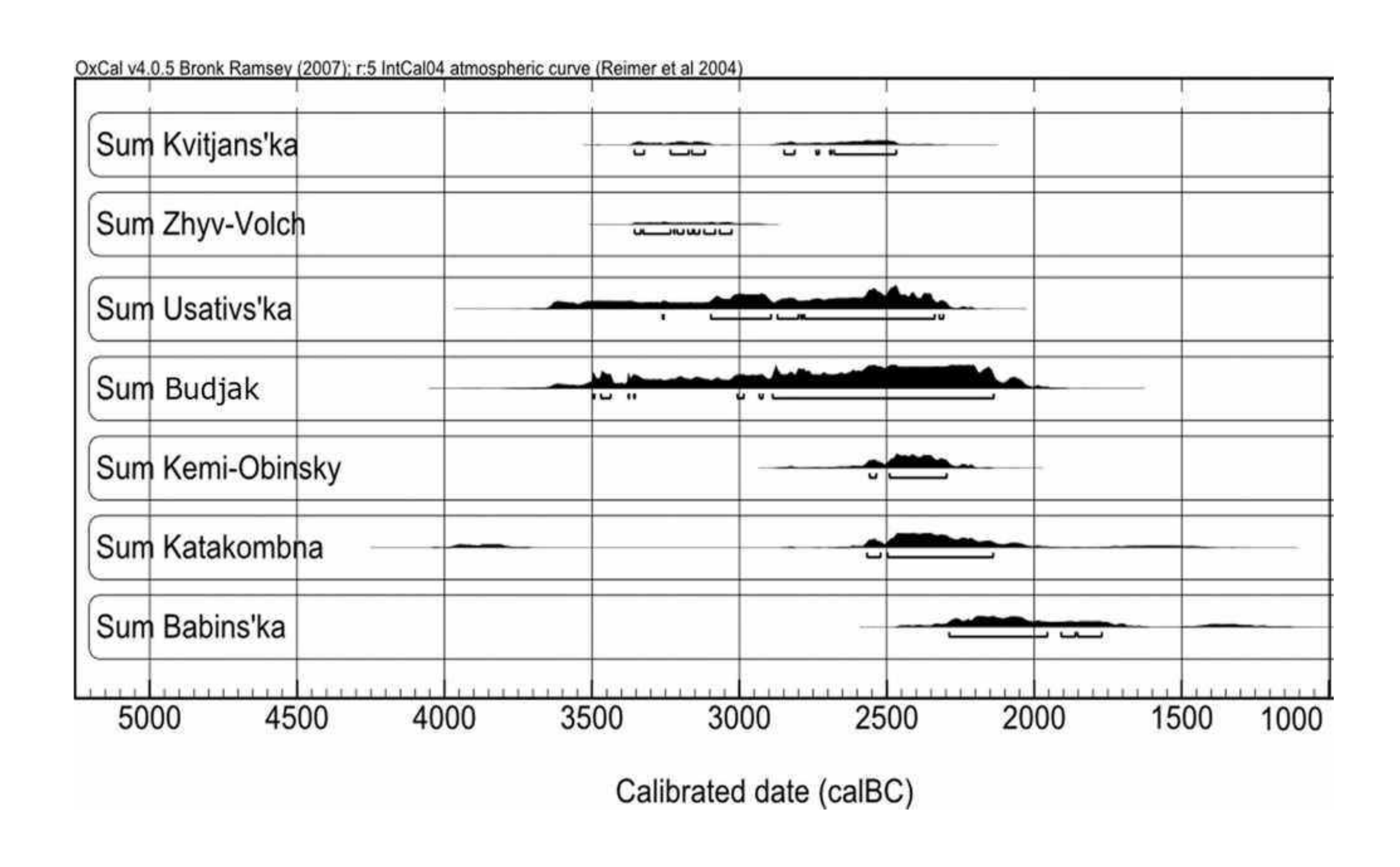

Рис. 1.2. Суммарные графики радиоуглеродных дат культур позднего энеолита, раннего и среднего бронзового века Северо-Западного Причерноморья

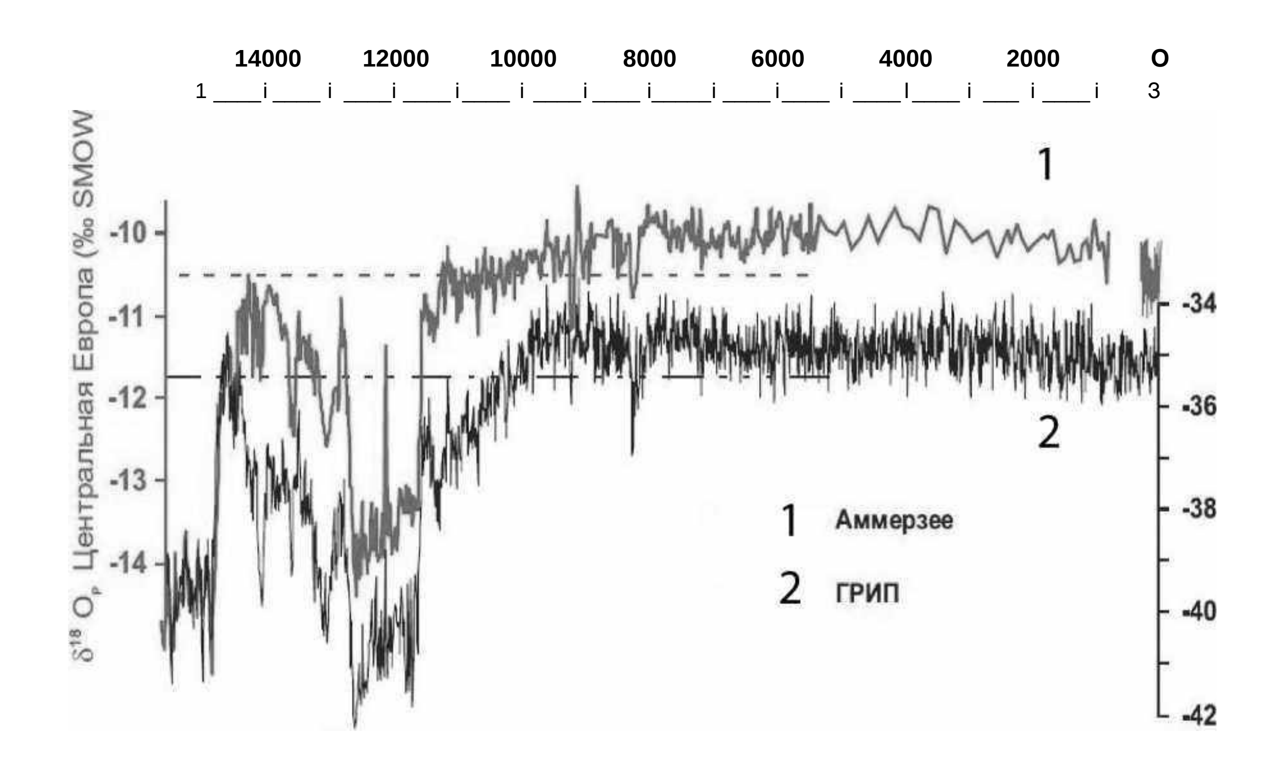

Рис. 1.3. Изменение изотопного состава в кернах льда и озерных отложениях:

1- изменение изотопного состава отложений в озере Аммерзее (Германия)

2 - изменение изотопного состава в кернах гренландского льда (ГРИП) Более высокие значения для дельта кислорода-18 соответствуют более теплым климатическим условиям. (по: Гиббсон, Аггарвал, 2001)

ГЛАВА 2
БУДЖАКСКАЯ КУЛЬТУРА
(ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ)

Памятники буджакской культуры расположены на северо-западе степного Причерноморья (рис. 2.1; 2.2). На наш взгляд, есть все основания выделить их в отдельную культуру, входящую в состав ямной КИО, учитывая сходство на уровне погребальной обрядности, при отличиях в материальной культуре.

2.1. Проблема выделения буджакской культуры

В работах, посвященных различным аспектам ямной культурно-исторической общности, памятники Северо-Западного Причерноморья неизменно выделяются как отдельная группа, характеризующаяся определенными характеристиками материального комплекса. Наблюдается парадокс: существование особой культуры было обосновано Л.С. Клейном (давшим ей название «нерушайская»), но наиболее употребительным в археологической среде оказалось название, предложенное впоследствии И.Т. Черняковым, в различных его модификациях (буджакская культура, группа, вариант). На наш взгляд, памятники региона заслуживают статуса особой культуры, за которой следует сохранить закрепившееся и достаточно привычное название буджакская.

В какой-то части дискуссии о правомерности выделения буджакской культуры лежат и в терминологической плоскости. В украинской археологии распространено представление о том, что культурно-историческая область состоит из отдельных культур, а культуры могут делиться на (локальные) варианты. В таком случае название «буджакская культура» является логичным, а выделение её вполне оправдано не только в силу определенных особенностей, но и в рамках системного подхода к реконструкции древней истории. Достаточно распространенным является определение археологической культуры как совокупности материальных памятников, которые относятся к одной территории и эпохе и имеют общие черты (Монгайт, 1967, с. 53–76.). Рассматриваемые комплексы сосредоточены на определенной территории (Северо-Западное Причерноморье), отличаются локальными особенностями, проявляющими с начального периода буджакской культуры, прежде всего – плоскодонной керамикой, характеризующейся выработанными в данном конкретном регионе специфическими формами (в отличие от яйцевидных или округлодонных форм других ареалов). Часть из них является своеобразной «визитной карточкой» данной культуры – амфоры, кубки, баночные сосуды с ручками-упорами с вертикальными сквозными отверстиями, неорнаментированные и украшенные шнуровым орнаментом. Контакты с инокультурным окружением отразились в наличии керамических типов, имеющих аналоги в синхронных культурах сопредельных и отдаленных территорий, в усвоении и переработке новых традиций. Отметим мнение исследователей, что одним из факторов в жизнедеятельности населения, который при благоприятных условиях может привести к формированию археологической культуры, является установление широких контактов с окружающим миром (Кислий, 2004, с. 327). Роль этого фактора в формировании буджакской культуры очевидна.

Имеются особенности и в погребальном ритуале – это преобладание западной ориентировки умерших, которая, в отличие от других территорий, распространилась в Северо-Западном Причерноморье уже на раннем этапе (Николова А.В., 1992). Как известно, ориентация умершего по отношению к сторонам света является значимой характеристикой при культурной интерпретации памятников. Это проявляется и в синхронных культурах других регионов. Именно ориентировка явилась, к примеру, основным признаком, отражающим культурную обособленность группы сходных по обряду новотиторовских и северокавказских погребений (Клещенко, 2011, с. 10–11).

Выраженные отличия в двух сферах – материальной (керамика) и обрядовой (ориентировка) позволяют говорить о буджакской культуре – как об особой типологической общности артефактов и как человеческом сообществе. В ряде работ буджакская культура – или культурная группа, вариант – соотносятся с поздним этапом ямной КИО (Черняков, 1979; Дергачев, 1986). Но, как показал анализ источников, свойственные этой культуре характерные черты проявляются уже на начальном этапе обитания в Северо-Западном Причерноморье буджакских племен.

Сопоставление основных керамических форм из погребений Северо-Западного Причерноморья и близлежащего Буго-Ингульского региона (южнобугский вариант ямной культуры) демонстрирует их существенное отличие (рис. 4.6). Близость проявляется лишь в некоторых типах плоскодонных горшков (из отделов I Б, II Б, по классификации О.Г. Шапошниковой), остальные совпадения немногочисленны. Основные наиболее выразительные типы буджакской керамики либо отсутствуют в южнобугском варианте ямной КИО, либо представлены единичными экземплярами, являясь импортом с запада (т.е. из буджакского ареала). Это относится, например, к банкам, цилиндрическим чашам, амфорам и амфоровидным сосудам. Амфоры небольшого размера, известные в южнобугском варианте ямной КИО, имеют другую форму, чем в буджакской культуре и совершенно другие ручки – с горизонтальными проколами; ручки в виде конических налепов единичны (рис. 4.6). В южнобугском варианте почти не известны каменные топоры, отсутствуют кремневые топоры-тесла, редки украшения из серебра. Таким образом, отличия буджакской керамики (и ассортимента других артефактов) от традиционных ямных форм подтверждают особый статус памятников региона и существование здесь особой культуры. Керамика является определяющим компонентом культурной или этнической дифференциации в различные хронологические эпохи и на разных территориях. Многие исследователи считают именно керамический комплекс особенно ценным источником информации для установления культурной принадлежности, хронологии, генетических и культурных связей древних обществ (Братченко, 1977; Пустовалов, 1982; Генинг В.Ф., 1992; Смирнов, 1996, Отрощенко, 2001).

Следует отдельно остановиться на регионе обитания буджакского населения. При выделении особого южнобугского варианта ямной КИО, в его состав включались памятники правого берега Южного Буга (Шапошникова и др., 1986). Границы между двумя культурными подразделениями ямной культурно-исторической общности (буджакская культура и южнобугский культурный вариант) проводились не по географическим объектам (в данном контексте – река), как это достаточно часто наблюдалось у древних народов, а по административной границе Николаевской и Одесской области. Исходя из этого, мы сочли возможным провести восточную границу буджакской культуры по Южному Бугу, включив в данную культуру памятники правобережья. Часть керамики из захоронений западного побережья вполне традиционна для буджакской культуры, но изредка встречались формы, характерные для южнобугского варианта и Днепро-Бугского междуречья в целом, что вполне объяснимо контактами с населением Буго-Ингульского региона.

2.2. Абсолютная и относительная хронология

Динамика культурных процессов более наглядно проявляется при систематизации имеющихся данных, выделении определенных (хронологических) этапов, их сопоставлении, выявлении особенностей и изменений культурной ситуации. Соотнесение археологических культур с теми или иными хронологическими периодами – процедура традиционная, но долгое время абсолютное датирование таких периодов было достаточно условным и существенно отличалось (и отличается) у разных авторов и для различных регионов. Казалось бы, с постоянным увеличением количества радиоуглеродных дат, решение этих проблем должно упроститься, но новые методики породили и новые сложности, связанные с

интерпретацией и верификацией имеющейся базы данных. Наиболее рациональным является сочетание различных методов хронологических определений: стратиграфического, сравнительно-типологического и пр. (Отрощенко, 2001). По крайней мере, такая практика уже получила распространение при анализе различных культур эпохи бронзы (Furholt, 2003; Wlodarczak, 2007; Макарович, 2007 и др.).

Для захоронений буджакской культуры Северо-Западного Причерноморья имеется около 40 достаточно корректных радиокарбонных дат (табл. 2.1; 2.2), они позволяют датировать буджакские памятники региона в диапазоне 3100–2200 ВС (Иванова, 2009; Іванова, 2010; Іванова, Савельєв, 2011; Иванова и др., 2012), что соответствует хронологической позиции ямных памятников Украины (Rassamakin, Nikolova A.V., 2008). Синхронность буджакской и катакомбных культур на определенном этапе подтверждается имеющимся сводом дат и сопоставлением их материальной культуры. Отметим не только нахождение в катакомбных погребениях буджакской керамики (Вишневое 17/36, Лиман 2/4), но и серию сосудов в буджакских комплексах, которая имеет параллели среди катакомбной керамики (Новоградковка 1/10, Саратены 1/13, Ковалевка IV, 1/11 и др.). Финал буджакской культуры синхронен начальному этапу культурного круга Бабино, в том числе и в Северо-Западном Причерноморье (табл. 3.2). Об этом свидетельствуют радиоуглеродные даты (Иванова, 2009), сходство некоторых форм керамики и погребальной обрядности. Например, амфорки из бабинских погребений Курчи 8/7, Алкалия 3/2, Плавни 10/3, Садовое 1/14 сходны с традиционными амфорками из буджакских захоронений. Банка с выделенным дном и насечками по венчику из бабинского погребения Струмок 5/6 аналогична сосуду из буджакского захоронения Оланешты 1/26 (Яровой, 1990, с. 151, рис. 65.2). Кубок из Мреснота могила 2/2 также имеет параллели в буджакской керамике. Исследователями отмечается в ряде случаев синкретизм в погребальном обряде, наличие захоронений, сочетающих буджакские и бабинские элементы – например, в курганах 4 и 16 у с. Брэвичень (Ларина и др., 2008, с. 30, 76), в кургане 4 у с. Оланешты (Яровой, 1990, с. 164–166). Таким образом, можно говорить о сосуществовании буджакского и катакомбного населения на протяжении второй половине III тыс. до н. э., которое продолжалось вплоть до появления в регионе бабинских памятников около XXII в. до н. э.

2.3. Материальная культура буджакского населения

К настоящему времени на территории Северо-Западного Причерноморья на 2013 год (по опубликованным данным) раскопано почти 500 курганов эпохи энеолита и раннего бронзового века, в них выявлено более 2600 захоронений буджакской культуры (рис. 2.2). При этом три четверти курганов сооружено собственно буджакскими племенами, в остальных случаях они использовали энеолитические или усатовские насыпи (Иванова, 2005г, с. 55).

Большинство курганов размещается вдоль рек и лиманов, на надпойменных террасах и лишь изредка – в поймах рек или на водоразделах, находясь на расстоянии 1–5 км от современных или древних русел рек. В Северо-Западном Причерноморье население буджакской культуры известно по курганным погребениям. На левом берегу Южного Буга имеются следы кратковременных ямных поселений – Ташлык II, Ташлык III (Шапошникова и др., 1986, с. 8). Возможно, сезонные поселения буджакских племен, по аналогии с другими регионами, могли располагаться в речных, озерных и лиманных поймах. Известно, что пойменные земли ввиду аккумуляции (отложения наносов) особенно плодородны и во многих местах используются как луговые пастбища для скота или для занятий земледелием. Поэтому сезонное обитания в поймах для буджакского населения было бы вполне логичным. Но трансгрессия Черного моря и изменение геоморфологической ситуации привели к исчезновению многих памятников бронзового века (Бруяко и др., 1991, с. 10). Отметим находки памятников разных раннебронзового века: Езерово, Езеро В, Михалич на

прибрежных подводных террасах западного побережья Черного моря (Дергачев, 2005, с. 22), затопленные поселения ямной культуры в Лесостепи (Сыволап, 2001).

Новейшие разработки геологов позволяют считать уровень Хаджибейской регрессии (синхронной времени обитания в регионе населения буджакской культуры) равным –17 м (Коніков, 2004), следовательно, к настоящему времени значительные прибрежные (равнинные) территории, бывшие сушей в раннем бронзовом веке, затоплены. Отсутствие поселений в Северо-Западном Причерноморье сочетается с фиксацией в буджакских захоронениях следов сооружений из шестов (в виде отверстий на дне могилы или уступа), видимо, имитирующих легкое жилище типа шатра или юрты (Іванова, 2001). Недолговечность материалов и краткий период обитания на одном месте, вероятно, и определили отсутствие культурного слоя. При устройстве зимников в поймах остатки растительности могли служить естественной преградой ветру, не требуя сооружения дополнительных заслонов для скота. Известно по данным этнографии, что еще в первой половине XX века пастухи Бессарабии зимовали со скотом в дунайских плавнях и на островах в дельте Дуная, поэтому не исключена вероятность подобных зимовок и в бронзовом веке.

2.3.1. Погребальные сооружения и погребальный обряд.

Курганы буджакской культуры чаще всего расположены группами, образуя могильники, известны и одиночные насыпи, хотя в силу антропогенного фактора первоначальная ситуация, скорее всего, искажена. Высота курганов составляет чаще всего от 1 до 3 м (при диаметре 30–60 м); лишь немногие курганы были выше 5м (имея 80–100 м в диаметре), известны и курганы высотой менее 1 м. Как элементы курганной архитектуры можно отметить рвы – кольцевые, с одной или несколькими перемычками. Погребения могли быть сгруппированы по дугам и окружностям (рис. 2.3), фиксируется последовательность размещения погребенных с ориентировкой по часовой стрелке или против (Дворянинов и др., 1981), а также по спиралям (Иванова, 2007а).

Погребальные камеры представляют собой ямы прямоугольных очертаний, другие формы редки. Около трети выполнены с уступами прямоугольной формы, известны округлые или квадратные уступы, единичны двухъярусные и трехъярусные уступы (рис. 2.4; 2.5; 2.9–2.12). Средние размеры могильной ямы составляют 1,8 х 1,2 м, уступа до 3 х 2,9 м. Встречается канавка по периметру или вдоль длинных сторон погребальной камеры, а также ямки на дне, стенках или уступе (рис. 2.12, 1). На дне могил – тлен от растительной подстилки, подсыпка охрой различных оттенков, на уступе зачастую прослежены остатки плетеной циновки (рис. 2.10, 4). Порой, под погребенным были обнаружены носилки из дерева (рис. 2.9, 1). Уникальными являются находки расписного покрывала в Маяках, 1/16 (Черняков и др., 1982), а также циновок с орнаментом – Семеновка 8/9 (Субботин, 1985, с. 64). Следы разнообразных ритуалов выявлены не только в погребальной камере, но и на ее перекрытии – остатки кострищ, кости животных, или их скелеты. Погребальные камеры часто имеют каменное или деревянное перекрытие (рис. 2.4); конструкция в виде лодки, найдена на перекрытии погребения 8/8 у с. Семеновки (рис. 2.5, 4). Деревянное перекрытие могло быть продольным или поперечным; каменное – из крупных и мелких камней, из обработанных плит, среди которых встречались и антропоморфные стелы (рис. 2.4; 2.6). Предполагается связь древнейшей антропоморфной монументальной скульптура с населением ямной общности (Чмыхов, Довженко, 1987, с. 130). Другие исследователи связывают стелы с энеолитической традицией, а использование их в погребальном обряде ямных племен считают вторичным (Яровой, 2000, с. 37–39). На наш взгляд, ямное население использовало более ранние стелы и в то же время изготавливало свои. В Северо-Западном Причерноморье, включая западный берег Южного Буга, на 2011 год известно находки 123

стел, происходящих из захоронений буджакской культуры[1]. Почти всегда стелы входили в состав перекрытия погребальной камеры, известны случаи совместного нахождения нескольких стел. В тех случаях, когда определен пол умершего, стелы соотносятся с захоронениями мужчин (Иванова, 2001, с. 106). Наиболее выразительны изображения на стелах из Крестовой могилы (Гудкова, 1993), Чобручей, Новоселовки, Утконосовки (Алексеева, 1992). В качестве атрибутов на них изображены топоры, из украшений – бусы.

В курганах Северо-Западного Причерноморья известны погребения в каменных ящиках (рис. 2.7; 2.8; 2.13). На наш взгляд, захоронения этого типа, в том числе, связываемые исследователями с традициями других культур (кеми-обинской, культурой шаровидных амфор) следует рассматривать в рамках буджакской культуры. Об этом свидетельствуют основные компоненты погребального обряда – способ захоронения, положение погребенного и погребальный инвентарь. Имеются каменные ящики с росписью на стенах, выполненной красной охрой, их относят к кеми-обинскому типу (Великозиминово 1/1, Старые Беляры 1/14, Алкалия 33/3, Катаржино 1/1). Лишь в одном случае (Старые Беляры) ящик имел каменное дно, обычен земляной пол гробницы с обмазкой глиной, подсыпкой песком, жерствой. Известно вторичное использование плит каменного ящика: так, в основном захоронении буджакской культуры из Великодолинского 1/1 части каменного ящика были применены как перекрытие, а плиты были оформлены в технике резьбы по камню, а не с помощью более распространенной росписи. Часть каменных гробниц соотносят с влиянием культуры шаровидных амфор – Татарбунары 1/2, Санжейка 1/8 (Субботин, 1995; Алексеева, 1992; Szmyt, 1999), Кубей 21/14 (Субботин и др., 1987). Радиоуглеродные даты (2700–2200 BC) этой группы захоронений синхронны периоду существования буджакских памятников региона (Szmyt, Chernyakov, 1999; Иванова и др., 2005, с. 98).

В 17 захоронениях Северо-Западного Причерноморья найдены остатки деревянных повозок — как колес, так и частей кузова (рис. 2.5, 1–2). Преобладают комплексы с четырьмя колесами от повозки, хотя зафиксированы случаи нахождения в захоронении трех (Холмское 2/10) и двух колес (5 погребений). Известны находки как сплошных колес, так и трехчастных, традиционно считающихся более поздними. Взаимосвязь между нахождением в захоронении повозки, значительного уровня трудовых затрат, неординарных черт ритуала, и раритетного инвентаря указывает на особое положение лиц, погребенных с повозками (Иванова, Цимиданов, 1993). Умершие чаще всего были уложены в позе «скорченно на спине», преобладали захоронения мужчин, хотя известны единичные женское и детское погребения. В инвентаре этой группы – медные артефакты (нож, шило), серебряные украшения, керамика, изделия из кости.

Нами учтено 2632 захоронений буджакской культуры (Приложение А), погребальные комплексы представлены преимущественно, индивидуальными захоронениями (рис. 2.4–2.5; 2.9–2.11; 2.13), реже – парными и коллективными (рис. 2.12), известны расчлененные погребения (рис. 2.12. 6) и кенотафы. Часть погребений разрушена и реконструировать позу, в которой был захоронен умерший, невозможно. Можно выделить пять основных вариантов положения умершего: 1) скорчено на спине, руки вытянуты вдоль туловища; ноги были поставленные коленями вверх, но упали в ту или другую сторону или распались (уложены?) ромбом (57,2 %); 2) с наклоном вправо – левая рука согнута в локте, кисть лежит в области таза, живота или груди; правая рука вытянута вдоль туловища (16,3 %); 3) ноги согнуты влево, у таза лежит правая рука (13,1 %); 4) на правом боку, с различным расположением рук (7,3 %); 5) на левом боку, с различным расположением рук (6,1 %). Внутри данных вариантов

1Благодарю за информацию С. Поповича, любезно предоставившего для ознакомления личный каталог.

прослеживают и более дробную градацию (Яровой, 1985); с другой стороны, их объединяют в три группы – на спине, на правом боку, на левом боку (Рычков, 1990, Николова А.В., 1992). Погребения 1-го варианта численно преобладают и в большинстве случаев являются основными для курганных насыпей. Известны также захоронения с расчлененными скелетами и кенотафы. Среди редких черт обряда отметим единичные случаи кремации и положения умершего сидя. С определенными позами погребенного более или менее четко соотносятся отдельные категории погребального инвентаря (некоторые типы сосудов и украшений), что позволили выделить обрядовые группы (Яровой, 1985, с. 95). Учитывая круговое расположение впускных захоронений (Дворянинов и др., 1981), можно констатировать, что ориентировка умершего значима, по большей части, для основных комплексов – либо впускных в центр курганной насыпи. Преобладают ориентировки западного полукруга, что является характерной особенностью Северо-Западного Причерноморья; около 20 % захоронений ориентированы в восточном направлении.

2.3.2. Обрядовые группы и курганная стратиграфия.

Существует тенденция в рамках Причерноморского ареала ямной КИО, в том числе и для буджакской культуры, связывать ту или иную позу умершего в захоронении (и, соответственно, обрядовую группу) с определенным хронологическим этапом. Так, скорченное положение на спине считалось характерным признаком раннего этапа, а скорченное на боку – позднего (Яровой, 1985; Николова А.В., 1992). При этом скорченное на спине с наклоном (вправо, влево) положение выделяли в отдельную группу (Яровой, 1985), относили к скорченному на спине раннему этапу (Алексеева, 1992) или к скорченному на боку позднему (Николова А.В., 1992). Впоследствии Е.В. Яровой изменил типологию и выделяет лишь три группы захоронений: скорченно на спине, с наклоном влево, с наклоном вправо, причем левосторонне расположенные погребения уже считаются им «постъямными» (Яровой, 2000, с. 20–24). В.А. Дергачев отнес погребения с наклоном набок и к раннему, днестровскому, и к позднему, буджакскому (по терминологии исследователя) вариантам одновременно (Дергачев, 1986, с. 76, 83). Но и приверженцы жесткого детерминизма (поза погребенного – хронологический этап) отмечают, тем не менее, наличие переменной стратиграфии (Яровой, 1985, с. 104; Николова А.В., Черных Л.А., 2012, с. 164), а также сохранение скорченного на спине положение скелета на позднеямном этапе (Яровой, 1985, с. 108). На основе такого достаточно противоречивого распределения захоронений авторами обосновывались собственные концепции культурной ситуации и хронологии памятников. Основным аргументом сторонников соотнесения позы погребенного с хронологическим фактором является тот факт, что погребения 4-й и 5-й групп чаще всего являются впускными. Совместные захоронения, или нахождение в одном стратиграфическом горизонте захоронений со скорченными на спине и боку костяками объясняют наличием краткого переходного периода (Николова А.В. и др., 2011, с. 150).

На шаткость такого критерия как поза погребенного для хронологического членения памятников обращал в свое время внимание Л.С. Клейн (Клейн, 1975, с. 302–303). В основе построений Е.В. Ярового и А.В. Николовой лежит статистическая информация о том, сколько раз погребения определенного типа перекрывали погребения другого типа (Яровой, 1985, с. 100–104; Николова А.В., 1992). Прежде всего, полученные исследователями данные не отражают такой важный аспект, как планиграфия. Между тем, размещение различных типов захоронений в рамках одного стратиграфического горизонта – явление достаточно распространенное (табл. 2.3). Однако учитывался лишь факт следования одного типа погребения за другим, и различные обрядовые группы одного и того же горизонта распределялись по разным графам, тем самым разрывая единый стратиграфический слой, что искажало реальную картину. В то же время А.В. Николова и Л.А. Черных приводят данные по стратифицированным курганам Северного Причерноморья: в 1121 случае скорченные на спине погребения предшествовали захоронениям, скорченные на боку, в 260 случаях наблюдалась «обратная стратиграфия», демонстрируя, таким образом, соотношение

4,3 : 1 (Николова А.В. и др., 2011, с. 150). Большинство основных захоронений в рамках ямной КИО соотносится с той обрядовой группой, где умершие скорчены на спине, и объяснение этому, на наш взгляд, лежит в социальной сфере (Иванова, 2000; 2001; 2002а; 2002в). Учет их исключительно в рамках хронологического показателя влияет на результат подсчетов. Радиоуглеродные даты указывают на сооружение курганов, в основании которых было погребение со скорченным на спине скелетом, не только в первой, но и во второй половине III тыс. до н.э., т.е. на позднем этапе. В то же время имеются захоронения со скорченным на боку умершими на раннем этапе (табл. 2.1; 2.2). Неизвестно, какой хронологический разрыв («шаг стратиграфии») между основным захоронением (скорченным на спине) и следующим за ним впускным (скорченным на боку). Они могут быть достаточно близки или даже одновременны, но могут и демонстрировать существенную разницу во времени. Имеет значение при статистической обработке материала преобладание в буджакской культуре, как и в ямной КИО в целом, погребений со скорченным на спине положением умершего, что уже заранее предопределяет результат сопоставления. Если обратиться к сведениям Е.В. Ярового, то на 1000 погребений в Северо-Западном Причерноморье приходится 60,4 %, относящихся к скорченным на спине, и 37,5 % тех, что относится к скорченным на боку или с наклоном набок (Яровой, 1985, с. 44–49). Эти массивы захоронений можно сопоставить по одному из характеризующих их признаков, в нашем случае – по частоте встречаемости в ранних слоях кургана. По законам математической статистики, сопоставлять можно лишь равновеликие выборки, в случае разновеликих их следует пропорционально перевзвесить (т.е. сделать поправку на пропорцию), для чего используют коэффициент нормализации (Чумичкин, 2009, с. 120–124). Тем не менее, подсчеты проводились исследователями без должной корректировки, необходимой для сопоставления разновеликих выборок. Сопоставление абсолютных чисел в данной ситуации отчасти искажает реальную картину. Но даже при таком подходе количество случаев переменной стратиграфии таково, что их нельзя интерпретировать как показатель всего лишь кратковременного сосуществования, а различие в позах погребенных трактовать исключительно как хронологический фактор.

Заметим, что в археологии известны аналогичные ситуации –доминирование одной из поз умерших в стратифицированных курганах синхронных культур эпохи ранней бронзы. Но интерпретации демонстрируют возможность корректного и вполне верифицированного подхода к материалу. Так, погребения северокавказской культуры Закубанья, так же, как памятники ямной КИО степной Украины, проявляют дисбаланс разных обрядовых групп при рассмотрении переменной стратиграфии. Однако автор исследования учел преобладание одного из типов в выборке, а также произвел статистический анализ с опорой на отдельные насыпи. Это позволило ему прийти к вполне логичному выводу об одновременном сосуществовании разных обрядовых традиций в рамках изучаемой им культуры (Клещенко, 2011, с. 12).

С другой стороны, на наш взгляд, в этом контексте малоинформативны однослойные курганы (состоящие из основного погребения и впускных в курганную насыпь), поскольку определить последовательность совершения впускных захоронений с разными обрядовыми традициями для однослойных курганов просто невозможно, а наличие курганной насыпи над умершим связано в значительной степени с его социальным статусом. Тем не менее, они были включены исследователями в систему статистических подсчетов.

Учет данных планиграфии при рассмотрении стратиграфических слоёв буджакских курганов демонстрирует совсем иную картину, указывая на одновременность различных позиций в рамках одного горизонта (табл. 2.3). Мы полагаем, что к единому стратиграфическому горизонту, включающему группу синхронных (в определенной степени) захоронений, следует относить условно «закрытые комплексы», т.е. группы погребений, перекрытые досыпкой. Под «закрытым» комплексом в археологии понимают группу относительно одновременно отложившихся предметов, например, культурный горизонт

памятника, если его датировка ýже других датировок, которые используются в исследовании. К «открытым комплексам» относят те комплексы, в которых одновременность помещения предметов проблематична (Бочкарев, 1991, с. 50–51). Мы отнесли к «открытым комплексам» горизонт впускных погребений в последнюю насыпь без дополнительных досыпок; они завершают строительство и использование кургана (в контексте буджакской культуры) и, чаще всего, не учитывались нами. Но в отдельных случаях эти впускные погребения могли привлекаться к стратиграфическому анализу. Это происходило лишь в случае их подчинения определенным правилам планиграфии – т.е. расположения по окружности или дуге, демонстрируя относительно одновременные комбинации. В иных ситуациях нет никаких данных об одновременности или последовательности захоронений с разными позициями погребенных из «открытых комплексов». Если в стратиграфическом горизонте имелись разрушенные захоронения, которые позволяли трактовать их двояко, эти горизонты исключались из наших подсчетов. Если имелась информация, независимая от существования разрушенных погребений, этот стратиграфический горизонт учитывался при анализе. Такой подход, безусловно, уменьшил количество учтенных курганов, но существенно повысил корректность выводов. В итоге можно констатировать существование в 95 % многослойных курганов наличие горизонтов, расположенных между двумя досыпками кургана или групп, со смешанными обрядовыми традициями, а также групп, объединенных правилами планиграфии, где также сочетаются различные позы умерших. Лишь небольшое количество курганов демонстрирует нахождение скорченных на спине умерших в более ранних, а скорченных на боку и с наклоном вбок – в более поздних слоях одного и того же кургана (табл. 2.3). Чаще всего это курганы с небольшим числом захоронений. Но встречаются и курганы, где присутствует лишь один вариант позы умершего, к тому же в разных курганах прослеживалось разное количество строительных горизонтов. Строительство курганов, количество досыпок, погребения в определенном секторе и в определенной позе – эти составляющие подчинялись традициям того или иного конкретного человеческого коллектива. При очень редких (в рамках ямной КИО) случаях перерезания одного погребения другим, в Северо-Западном Причерноморье известны варианты, когда скорченное на спине погребение нарушило комплекс со скорченным на боку скелетом: Семеновка, к. 11, погребения 7 и 5; Бравичены, к. 19, погребения 4 и 5. При разновременности этих позиций вероятность такой ситуации была бы ничтожно мала, не говоря уже о ее повторяемости. Керамика, имеющая параллели в других культурах, позволяет выделить захоронения раннего и позднего этапов. Такие комплексы также подтверждают наличие одних и тех же поз умерших (скорченные на спине, правобочные, левобочные) на всем протяжении существования буджакской культуры (рис. 4.17–4. 19).

Радиоуглеродный анализ основных погребений со скелетами, скорченными на спине, происходящих из курганов Кировоградского региона, продемонстрировал их достаточно поздний характер, в диапазоне 26–22 BC (Bunjatjan et al., 2006; Nikolova A.V., Kaiser, 2009).

Следовательно, можно говорить о существовании определенных правил сооружения кургана, начало строительства которого в большинстве случаев связано с той группой населения, которая хоронила покойных скорченно на спине. Такая традиция соблюдалась на протяжении всего времени существования ямной КИО в Азово-Черноморских степях. Мы интерпретировали такую ситуацию как связанную с социальной стратификацией общества и отражающую социальную позицию данной группы (Иванова. 2001, с. 148). С.А. Дворяниновым было высказано предположение, что различные позы погребенных отражают внутреннюю структуру родства (доклад на заседании отдела археологии Северо-Западного Причерноморья ИА НАНУ 5 февраля 1981 г.). Радиоуглеродные даты Северо-Западного Причерноморья, как отмечалось выше, подтверждают наличие скорченных на боку погребений на раннем этапе и сохранение позиции «скорченно на спине» на протяжении всего периода существования буджакской культуры (табл.. 2.1; 2.2). Причем этому есть и прямые подтверждения, то есть собственно датированные комплексы, и

косвенные – когда погребение со скорченным на спине скелетом имеет раннюю датировку и перекрывает при этом более раннее захоронение со скорченным на боку погребенным. Особенно наглядным будет рассмотрение тех немногих сложных стратифицированных курганов, где присутствуют данные радиоуглеродной хронологии (рис. 2.14).

Курган 1 у с. Маяки, могильник Маяки III (рис. 2.14. 1) состоит из семи насыпей (Черняков и др., 1982). В основном захоронении 10 умерший расположен скорченно на спине. Погребение 9 (со скорченным на спине скелетом) впущено в 6-ю насыпь. Сооружение более древней 3-ей насыпи связано с погребением 8, в котором умерший захоронен скорчено на левом боку. Следовательно, оба типа обрядов сосуществуют уже с довольно раннего времени, исходя из датировки погребения 9. Оно имеет дату широкого диапазона, и в ней следует отдать предпочтение ее верхнему горизонту, датируя захоронение около 31 в. до н. э..

Курган 19 у с. Новоселица (рис. 2.14. 2) состоит из шести насыпей (Субботин и др., 1995). В основном погребении 31 скелет скорчен на спине. В эту насыпь впущено три захоронения: 17 – скелет скорчен на правом боку, 26 – скорчен на спине, 30 – вытянут на спине. Имеются даты для захоронений из последующих насыпей, в них скелеты скорчены на спине. И в данной ситуации одновременность скорченных различных позиций умершего зафиксировано в ранний период (3360–3100 ВС), на начальном этапе буджакской культуры

Курган 17 у с. Вишневое (рис. 2.14. 3) насыпан в четыре приема (Дворянинов и др., 1985). Основные для 1-й и 3-й насыпей погребения 19 и 38 содержат скорченные на спине скелеты Впущенные в 3-ю насыпь захоронения расположены по двум окружностям – внешней и внутренней. Во внутренней погребенные скорчены на боку и ориентированы по часовой стрелке, во внешней – скорчены на спине и ориентированы против часовой стрелки Погребения перекрыты одной насыпью. Имеющиеся даты, наряду с данными планиграфии, свидетельствуют об их относительной одновременности.

Отметим курган 8 у с Семеновка, где для погребения 8 (скорченно на спине) имеется достаточно ранняя дата 3100–2910 ВС (неопубликована), оно является впускным в первую насыпь кургана, насыпанного над скорченным на боку скелетом.

Сочетание различных поз умершего в одном курганном горизонте или погребении отмечено в Буго-Ингульском междуречье (Шапошникова и др., 1977; 1986, с. 16–20), в Южном Приуралье (Кузнецов, 2008, с. 358), Северном Прикаспии (Шишлина, 2007, с. 67–68). «Доживание» скорченной на спине позы умершего до финала буджакской культуры подтверждается не только радиоуглеродными датами, но и присутствием в этой группе захоронений керамики, имеющей параллели в катакомбной посуде (например, Ковалевка II, 4/22, Ковалевка, IV 1/11). Другим аспектом этих связей является скорченная на спине поза в погребениях буджакско-катакомбного облика (например, Дубиново 1/11, Тараклия I, 1/18). Кроме того, в погребениях, демонстрирующих взаимосвязь буджакских и бабинских черт (курганы 4 и 16 могильника Брэвичень), также имеются скорченные на спине скелеты.

Сходную ситуацию можно отметить на других территориях. На одновременность бытования в Предкавказье в финале ямной культуры двух погребальных традиций (одна из которых – скорченно на спине, а вторая, связанная с влиянием северокавказской культуры – вытянуто) указывал в свое время Н.Я. Мерперт (1968). Ямно-катакомбные погребения Северо-Западного Прикаспия, выделенные впервые В.А. Фисенко (Фисенко, 1970, с. 65), характеризуются скорченным на спине положением скелета в сочетании с новым погребальным сооружением – катакомбой (Шишлина, 2007, с. 200). Катакомбная культура в Прикаспии датируется в диапазоне 2600–2350 ВС, северокавказская – 2500–2300 ВС (Шишлина, 2007, с. 386, 388).

Обобщая наши выводы и наблюдения других исследователей, можно отметить, что сосуществование и взаимосвязи всех обрядовых групп подтверждаются следующими наблюдениями.

1) наличие переменной стратиграфии (табл. 2.3);

2) данные стратиграфии: различные позы погребенных в большинстве «закрытых комплексов», т.е. в одном стратиграфическом слое, ограниченном досыпками (табл. 2.3);

3) данные планиграфии: различные позы погребенных при размещении захоронений по дугам и окружностям (табл. 2.3);

4) наличие (в разном сочетании) всех пяти вариантов в парных и коллективных захоронениях (например, Балабан 3/5, 8/2, Нерушай 9/74, 9/9, Корпач 2/13, Семеновка 2/3, Саратены 1/1 и др.).

5) поза «скорчено на спине» в синкретичных буджакско-катакомбных погребениях и бабинских захоронениях с ямными чертами (Дубиново 1/11; Брэвичень, к. 4, к. 16).

6) данные радиоуглеродного анализа (таб. 2.1; 2.2);

7) косвенные данные: сосуществование разных позиций погребенных на других территориях ямной КИО, как соседних (Шапошникова и др., 1986, с. 16–20), так и весьма отдаленных (Кузнецов, 2008, с. 358; Шишлина, 2007, с. 67–68), сохранение скорченной на спине позиции в поздних захоронениях ямной культуры Поднепровья, с керамикой эпишнурового облика (Бунятян, 2007, с. 92–93).

Приведенные сведения указывают на существование погребальных традиций, связанных с различным расположением умерших, на протяжении всего времени существования буджакской культуры. Уже высказывались предположения, что различное положение скелета следует объяснять исходя не только из хронологических признаков (Телегин, 1977). Другие исследователи также останавливались на этой проблеме, их точки зрения можно охарактеризовать следующим образом. Интерпретировать обрядовые группы исключительно в хронологическом аспекте нет оснований. Основные захоронения (для первой или последующих насыпей) выделяются уровнем трудовых затрат на погребение, и, следовательно, могут определяться социальным статусом умершего. Поза покойника и его ориентировка могут отражать не хронологическую, а социальную или этническую дифференциацию. Различная стратиграфическая позиция погребений в курганах (в том числе и с разными позами умерших) может быть не связанной с хронологическим аспектом. Вполне возможно объяснить ситуацию исходя из наличия определенных правил формирования подкурганных кладбищ у конкретных социумов на фоне поливариантности обрядовых традиций (Турецкий, 1992; Гей, 1999). В курганной стратиграфии могли отразиться различные элементы культуры у одной и той же группы населения (Гей, 2000, с. 20–21). Отказ от других факторов (социальных и, возможно, этнических) в пользу хронологического ведет к нивелировке различий внутри ямной области. Формирование курганного комплекса могло быть связано с социальным аспектом. Подтверждением этому выводу служит тот факт, что в курганах степной зоны Украины с определенными обрядовыми группами увязываются определенные сектора курганов (Николова А.В., 1992, с. 15; Николова А.В. и др., 2011, с. 150). Столь четкая организация сакрального пространства возможна именно при относительной одновременности совершения захоронений различных обрядовых групп, а выделение особых мест захоронения для определенных слоев населения традиционно свидетельствует о наличии в обществе социальной дифференциации. Исследователями собственно буджакских памятников высказывалось предположение о том, что различная поза умерших в рамках одного кургана может являться не хронологическим, а социальным фактором (Дворянинов и др., 1985, с. 168).

Хронологическое членение захоронений позволит прояснить некоторые проблемы формирования буджакской культуры, а также внутренней структуры ее носителей. В основе нашего подхода – сочетание стратиграфического метода с данными радиоуглеродного анализа и привлечение «хронологических реперов» – керамики и артефактов, которые имеют параллели в культурах Юго-Восточной и Центральной Европы и хронологическая позиция которых достаточно определенна. Эти вопросы будут рассмотрены нами далее, в главе 4.

2.3.3. Погребальный инвентарь.

Погребальный инвентарь присутствует более чем в половине буджакских комплексов, он представлен керамикой, орудиями труда, оружием, украшениями, выполненными из различных материалов, также известны артефакты сакрального и сакрально-производственного назначения, инсигнии власти (Иванова, 2001, с. 61–96). Керамика является преобладающей категорией погребального инвентаря, составляя более 40 % от общего числа находок. Всего в работе использованы данные о 467 сосудах буджакской культуры, происходящих из погребений и насыпей курганов Северо-Западного Причерноморья (Приложение Б). Техника изготовления керамики традиционна – вручную, с применением шамота, известняка или песка в качестве основного отощителя, с обработкой поверхности лощилом, шпателями, пучками растительности. Цвет поверхности варьирует от розовых и желтых оттенков до темно-серого. Поверхность некоторых категорий сосудов (банки) покрыта ангобом.

При создании в рамках нашей работы классификации керамики буджакской и катакомбной культур были учтены имеющиеся разработки по классификации посуды разных локальных вариантов ямной КИО и катакомбных культур на других территориях (Братченко, 1976; Шапошникова, 1986; Ніколова А.В., Мамчич, 1997; Пустовалов, 2001; Мочалов, 2008; 2009 и др.). Заметим, что в той или иной степени керамика рассматривалась в обобщающих работах, посвященных различным аспектам истории буджакской и катакомбных культур (Яровой, 1985; 2000; Дергачев, 1986; Тощев, 1982; 1991; Алексеева, 1992; Субботин, 2000).

С одной стороны, следует согласиться с мнением Л.С. Клейна о том, что универсальных принципов классификации археологических артефактов пока не существует (Клейн, 1979, с. 55; 1991). Достаточно часто археологическую классификацию понимают как иерархию классов, хотя это лишь один из ее вариантов, для которого существует специальный термин «таксономическая классификация». Типология термина «археологическая классификация» достаточно разнообразна, охватывая различные аспекты этого понятии (Бочкарев, 1991, с. 9–23). С другой стороны, имеются теоретические работы, обосновывающие основные принципы типологии и классификации, в том числе керамики, в которых краеугольным является понятие типа как системы, для которой характерно устойчивое сочетание признаков. Отмечают, что выделение того или иного типа сосудов должно быть основано, прежде всего, на создании его структурной схемы, т.е. на выделении его дискретных признаков, связанных между собой (Шер, 1966, с. 260). Такая методика успешно применяется при изучении керамики погребальных памятников эпохи бронзы (Мочалов, 2008).

Поэтому наш подход основывался не только на традиционном в археологии формально-типологическом методе, но и на использовании элементов системного анализа. Каждый тип керамики имеет определенную структуру, проявляющуюся в системе признаков – составных элементах сосуда. В зависимости от цели исследования может меняться количество и характер включаемых в классификацию признаков, выбор их связан с пониманием целостности исследуемого объекта (сосуда) как функциональной единицы, которая состоит из взаимосвязанных компонентов (Боковенко, 1991, с. 258). Мы полагаем, что для нашего исследования достаточным является выделение таких основных элементов сосуда как тулово, дно, венчик; их различные формы и размеры, будучи объединены в систему, являются структурной схемой того или иного типа сосуда. Отметим мнение специалистов о том, что при ручном и домашнем изготовлении керамики посуда демонстрирует большое разнообразие признаков, почти каждый сосуд индивидуален, морфологические характеристики часто неустойчивы (Мочалов, 2008, с. 27). Исходя из этого выделение более подробной градации нерационально, хотя возможно. Тулово сосуда рассматривается как доминирующая его часть, поскольку основной функцией и назначением сосуда является быть ёмкостью, дно и венчик имеют второстепенное значение. Дополнительным элементом являются ручки, т.к. они присутствуют не на всех сосудах,

выступая в то же время типообразующим признаком. Форма сосуда и его структура взаимосвязаны Рассмотрение структуры, т.е. сочетания различных морфологических признаков, характеризующих сосуд, лежит в основе системного подхода в построении различного рода классификаций керамики энеолита и бронзового века разных территорий – как западных (Czebreszuk, 1996, s. 11–33; Szmyt, 1999, p. 18–25, fig. 4–6; Манзура 2001–2002, с. 467–481; Hübner, 2005, S. 165–310; Wlodarczak, 2006, s. 13–20; Przybyl, 2009, p. 96–96, tab. 10–11), так и восточных (Мочалов, 2008, с. 28, табл. 5, с.47–48, табл. 14; с. 107, табл. 28). Это касается и морфологии сосудов, и их стилистики. В Северо-Западном Причерноморье системный подход применен В.Г. Петренко при классификации керамики и орнаментации усатовской культуры (Патокова и др., 1989, с. 105– 109, рис. 35–38).

В работе применена следующая иерархическая схема систематизации керамики (от высшего к низшему): отдел – категория – тип – вариант. Системный подход в сочетании с подобной схемой апробированы при анализе не только ямной керамики, но и посуды других культур эпохи бронзы в Волго-Уральском междуречье (Мочалов, 2008, с. 28).

В рамках и буджакской, и катакомбной культур мы используем сходные принципы построения классификации, поэтому во избежание повторений они изложены суммарно в данной главе. Естественно, что сами классификации в итоге будут отличаться, поскольку в их построении участвуют различные керамические комплексы.

В первую очередь, керамика делится на две большие группы по признаку оформления верхней части. В классификациях керамики эпохи бронзы за этими группами закрепился термин «отдел» (Братченко, 1976, с. 26–30; Шапошникова и др., 1986, с. 38–44; Пустовалов, 2001, с. 88; Мочалов, 2008, с. 26–28). Таким образом, в отдел 1 включены сосуды с шеей, в отдел 2 – бесшейные сосуды.

Следующим уровнем в построении классификации является выделение различных категорий посуды на основании морфологических признаков. В данной главе рассматривается керамика буджакской культуры. При ее анализе мы использовали разработки Е.В. Ярового (Яровой, 1985, с. 82–89) и В.А. Дергачева (Дергачев, 1986, с. 42–54), уточняя и систематизируя их.

В отделе 1 (сосуды с шеей) выделены следующие категории: горшки и горшковидные сосуды, амфоры и амфоровидные сосуды, кубки, кувшины, аски.

В отделе 2 (бесшейные сосуды) выделены следующие категории: банки, чаши, миски, кружки.

Имеются редкие керамические формы, представленные единичными экземплярами: прямоугольный сосуд-курильница, сосуды «с носиком», глиняные воронки, импортные сосуды необычных типов: кубок с ручками под венчиком, т. н. «кратеры», биконические чаши. Эти сосуды не рассматривались в рамках данной классификации.

Следующий уровень классификации представляет собой выделение типов в рамках каждой из категорий керамики на основе совокупности признаков, отражающих форму основных элементов сосуда – тулова, венчика, дна. Каждый элемент имеет несколько характеристик (группу признаков), их различное сочетание в тех или иных типах внутри одной категории является основой построения типологии.

Вариант определяется, исходя из стилистических признаков сосуда (орнаментация, если она присутствует).

Мы используем две типологические схемы для классификации керамики, которые характеризуют два выделенных отдела: в каждой из них использовались несколько отличные наборы морфологических признаков, связанных с профилировкой сосудов и их пропорциями (рис. 2.15). Для удобства систематизации разные признаки отмечены различными символами – прописными и строчными буквами латинского алфавита, римскими и арабскими цифрами. Комбинация различных морфологических признаков отражает структурную схему сосуда и служит основой выделения типа в рамках системного подхода.

В работе применена следующая иерархическая схема для выделения типа: отдел – группа признаков – признак.

Отдел 1. Сосуды с шеей.

Группа признаков 1 (критерием выделения является форма тулова и дна).

Признаки:

А – сосуды с плоским дном и сферическим туловом, когда наибольший диаметр тулова примерно равен высоте тулова или больше его (H2 : D3 = 0,9–1,1);

В – сосуды с плоским дном и овально-удлиненным туловом, при этом высота тулова больше диаметра венчика (H : D3 = 1,2–1,3);

С – сосуды с округлым дном. Незначительное количество такой посуды позволило нам объединить их в один тип, независимо от пропорций тулова.

Группа признаков 2 (критерием выделения являются пропорции тулова).

Признаки:

I – наибольшее расширение тулова приходится на его верхнюю треть – т. е. плечи (H3 > H2;

II – наибольшее расширение тулова приходится на среднюю часть сосуда (H3 = H2).

Группа признаков 3 (критерием выделения является форма венчика).

Признаки:

a – прямой цилиндрический венчик (D1 = D2);

b – отогнутый наружу венчик D1 > D2);

c – венчик S-видной формы (с загнутым наружу краем).

Группа признаков 4 (критерием выделения является высота венчика):

Признаки:

1 – высокий венчик (H1 : H = 0,3–0,4);

2 – короткий венчик (H1 : H = 0,1–0,2).

Отдел 2. Бесшейные сосуды.

Группа признаков 1 (критерием выделения является форма тулова и дна).

Признаки:

А – сосуды с плоским дном и сферическим туловом (а также «грушевидным» и «чугунковидным»);

В – сосуды с плоским дном и коническим туловом;

С – сосуды с плоским дном и биконическим туловом;

D – сосуды с плоским дном и цилиндрическим туловом;

Е – сосуды с округлым дном.

Группа признаков 2 (критерием выделения являются пропорции тулова).

Признаки:

I – наибольшее расширение сосуда приходится на его устье, это так называемые «открытые сосуды» (D1 > D2);

II – наибольшее расширение тулова приходится на его верхнюю треть – т. е. плечи (H3 > H2;

III – наибольшее расширение тулова приходится на среднюю часть сосуда (H3 = H2).

IV – тулово не имеет расширения, диаметр устья примерно равен диаметру тулова и диаметру дна или диаметр дна несколько меньше (D1 = D2 = D3).

Группа признаков 3 (критерием выделения является соотношение диаметра устья к высоте).

Признаки:

a – сосуды средних пропорций (H : D = 0,9–1,0);

b – сосуды высоких пропорций (H : D = 1,1–1,3);

c – сосуды приземистых пропорций (H : D = 0,7–0,8).

Группа признаков 4 (критерием является наличие или отсутствие поддона

1 – имеется поддон (выделенное дно)

2 – без поддона (дно не выделено)

Орнаментация относится к стилистическим признакам керамики. Она присутствует лишь на части сосудов и различается по технике выполнения декора и по орнаментальным композициям. Выделяются рельефная орнаментация (валики, порой, расчлененные), защипы, налепы, не имеющие функционального назначения (т.е. не ручки сосудов), и углубленная орнаментация (шнуровая, прочерченная, штампованная). Мотивы орнаментации и преобладание определенной техники в буджакской и катакомбных культурах, в основном, отличны. В буджакской керамике преобладает шнуровой вид орнаментации, иногда сочетающийся с отпечатками полой трубочки. Среди основных мотивов присутствуют выполненные отпечатками шнура горизонтальные ряды линий в верхней части сосуда (по венчику или близ устья), зачастую в сочетании с углами, зигзагами, треугольниками, косыми линиями, заполненными внутри также шнуровыми отпечатками. Реже встречаются рельефный (пальцевые защипы, валики) или прочерченный орнамент, но достаточно распространены насечки, углубления или защипы по краю венчика. Некоторые виды орнамента связаны с теми или иными категориями посуды, к примеру, шнуровой более характерен для банок и амфоровидных сосудов, налепные валики – для амфор, а насечки по краю венчика – для горшков.

Основываясь на описанных общих принципах классификации, обратимся собственно к керамике буджакской культуры.

Отдел: сосуды с шеей.

Горшки и горшковидные сосуды наиболее многочисленны – 161 экземпляр (или 34,5 % всего количества керамики), они варьируют по пропорциям и профилю (рис. 2.16–2.21). Преобладают плоскодонные сосуды, округлодонных известно около десятка, более половины из них сосредоточены на правом берегу Южного Буга, отражая связи с южнобугским вариантам ямной КИО и указывая на Побужье как на контактный регион двух культурных ареалов.

Можно отметить следующие типы горшков: 1) средних пропорций, с выделенными плечами и высоким венчиком, прямым, отогнутым наружу или S-видной формы (27,4 %) – AIa1, AIb1, AIc1 (рис. 2.16. 1–4; 11–23; 2.18. 1–4); 2) средних пропорций, с выделенными плечами и невысоким венчиком, прямым, отогнутым наружу или S-видной формы (35,4 %) – AIa2, AIb2, AIc2 (рис. 2.16. 5–10; 2.17; 2.18. 5–19); 3) средних пропорций с туловом округлых очертаний (максимальное расширение в средней части) и высоким венчиком, прямым, отогнутым наружу или S-видной формы (17,8 %) – AIIa1, AIIb1, AIIc1 (2.19. 1–17; 24, 25); 4) средних пропорций с туловом округлых очертаний и невысоким венчиком, отогнутым наружу или S-видной формы (9,7 %) – AIIb2, AIIc2 (2.19. 18–23; 27–31); 5) горшки высоких пропорций, чаще с выделенными плечами и невысоким, прямым или отогнутым наружу венчиком (9,7 %) – BIa2, BIb1, BIb2 (рис. 2.20. 1–11).

Короткий венчик различного профиля более характерен для сосудов с расширением в верхней трети тулова (с выделенными плечами), высокий венчик чаще встречается на горшках с расширением в средней части тулова. В целом, в этой категории посуды преобладают плоскодонные горшки с выделенными плечами и коротком венчиком, отогнутым наружу. Немногочисленны во всех типах горшки с прямым (цилиндрическим) венчиком, небольшую группу составляют горшки высоких пропорций, единичны приземистых очертаний.

Округлодонные горшки имеют разную форму тулова и венчика, объединяет их округлая форма дна (рис. 2.20. 12–20). Преобладают сосуды с выделенными плечиками, форма венчика разнообразна (CIa1, CIb1, CIb2): высокий прямой (рис. 2.20. 12–14) или отогнутый венчик (рис. 2.20. 15), невысокий отогнутый наружу венчик (рис. 2.20. 16–20). Сосуд из погребения Градище 1/16 имеет слабо выраженное дно и утолщенный венчик (рис. 2.20. 20), на сосуде из погребения Сергеевка 1/10 – наколы в месте перехода от венчика к тулову, сам венчик не сохранился (Дзиговський, Субботін, 1997, с. 172, рис. 2, 12).

В некоторых типах горшков выделяются варианты, где имеется орнамент (рис. 2.21). Но орнаментировано немногим более десятка сосудов; чаще всего это – насечки или отпечатки шнура на плечиках или под венчиком, иногда – елочные композиции или полуовалы (рис. 2.16. 1, 17, 18, 23; 2.18, 10, 11, 13). На шести экземплярах зафиксированы налепы в виде горошинок (рис. 2.16. 19; 2.17. 14), поверхность единичных сосудов оформлена пальцевыми защипами (рис. 2.17. 1) лощением или расчесами (рис. 2.16. 22). Распространены насечки, защипы или отпечатки шнура по краю венчика, так оформлены около трети горшков (рис. 2.18. 7, 9, 15).

Дно горшков крепилось снаружи к стенкам и заглаживалось, но почти на всех сосудах видны закраины. Помимо средних и крупных экземпляров, имеются небольшие, высотой до 10 см, но они единичны.

Амфоры и амфоровидные сосуды – 78 экземпляров (16,7 %). При соотнесении буджакской керамики с этой категорией мы исходим из общепринятого определения, что амфорой является сосуд крупных размеров с широким туловом, узким горлом и двумя ручками (Матюшин, 1995, с. 9). В энеолите и бронзовом веке, в отличие от античности, размер сосуда, ширина горла, наклон венчика и ширина тулова были разнообразны, стандарты, характерные для более поздних эпох, были не столь жесткими или вообще отсутствовали. Мы сочли возможным выделить три вида посуды в рамках этой категории: амфоры, амфоровидные сосуды, амфоры КША.

Амфоры (21 экз.) – высотой от 20 до 40–50 см (рис. 2.22). Ввиду небольшого количества они не составляют значительных серий (Иванова, 2013). Сводная таблица (рис. 2.23) позволяет предварительно выделить три типа – со сферическим туловом – AIa1, AIa2, AIIa1, AIIa2 (рис. 2.22. 1–3, 5, 6, 8), с овальным удлиненным туловом AIIc2, BIc2, BIIc1, BIIc2 (рис. 2.22. 12–15, 20) и промежуточный тип – Bib1, BIIb1, CIb1 (рис. 2.23). Обычно амфоры имеют цилиндрическое, реже отклоненное наружу горло и, преимущественно, плоское дно. Отметим некоторую биконичность тулова амфоры из Бурсучен 1/19 (рис. 2.22. 3), выраженное расширение в верхней трети тулова амфоры из Гура-Галбене 2/5 (рис. 2.22. 1). Амфора из погребения Ясски 5/26 уникальна и имеет яйцевидное неустойчивое дно (рис. 2.22. 10). Аналогии ей тоже единичны – амфора из Белозерки Херсонской области (Алексеева, 1992, с. 70, рис. 16, 4). Выделяется амфора из Казаклии 3/13 (рис. 2.22. 13), на тулове которой имеется роспись в виде полос, нерегулярно нанесенных коричневой краской (Дергачев, 1986, с. 46). Петлевидные ленточные ручки, иногда с канелюрами, чаще всего расположены в наиболее широкой части тулова амфор, иногда ниже (рис. 2.22). Наиболее распространенным элементом оформления амфор являются валики, переходящие с ручек на тулово (5 экземпляров) и имеющие вид «усов» или «рогов» (букрании?). Реже встречаются валики, опоясывающие горло (3 экземпляра), валики, соединяющие основание венчика с ручками (2 экземпляра). Из 21 экземпляра лишь 5 лишены какой-либо орнаментации, о двух отсутствуют сведения (Бурсучены), один представлен фрагментом нижней части (Белолесье).

Часть амфор изготовлена из плотного, хорошо отмученного теста и имеет розовую подлощенную поверхность (Белолесье к. 1, насыпь; Огородное, к. 1 насыпь; Градешка I, 5/11).

Отметим, что мы включили в каталог буджакских сосудов комплекс из амфоры и горшка, традиционно относимые к катакомбному погребению Траповка 1/18. Исследование полевой документации и фотоархива позволили В.Г. Петренко установить, что эти сосуды находились в отдельной яме, которая была перерезана входным колодцем катакомбного захоронения (Петренко и др., 2002, с. 61). Поэтому их следует относить к находкам из насыпи кургана и связывать, на наш взгляд, с буджакской культурой. Амфора имеет высокое цилиндрическое горло, опоясанное налепным валиком, концы которого спускаются по плечикам к ручкам, для удобства мы оставили за ней прежние координаты – Траповка 1/18 (рис. 2.22. 19).

Амфоровидные сосуды (57 экз.) – относительно небольшого размера экземпляры (высотой до 20 см), достаточно разнообразных конфигураций (рис. 2.24–2.27). Они не исчерпываются теми несколькими округлыми или овальными очертаниями корпуса, которыми традиционно представляют этот тип посуды в обобщающих работах (Яровой, 1985, с. 86, рис. 20. 6–8; Дергачев, 1986, с. 84, рис. 19А). Формы тулова в пределах даже этих традиционных форм очень разнообразны (рис. 2.24–2.26), некоторые из них повторяют типы горшков или кубков, отличаясь лишь прикрепленными к ним ручками (например, 2.24. 4, 13; 2.25 1, 7, 11, 17 и др.). Тем не менее, согласно приведенному выше определению признаков, характерных для амфор, они должны быть отнесены к данной категории керамики. Условно мы включили в нее сосуд из погребения Вишневое 17/4 (рис. 2.24. 21). В нем изначально отсутствует венчик, но конфигурация тулова не позволяет отнести его к банкам или другим бесшейным сосудам.

В большинстве своем амфоровидные сосуды имеют плоское дно, хотя известны экземпляры с округлым или яйцевидным (рис. 2.24. 17–20). Ручки (две, реже четыре, в единичном случае пять) расположены в средней части тулова или на плечиках, чаще всего это конические, пирамидальные или уплощенные парные налепы, в каждом из которых имеется одно или два вертикально проколотых отверстия. Реже встречаются псевдотуннельные и петлевидные ручки (рис. 2.24. 3, 18; 2.25, 17, 20), единичны ручки-«ушки» с горизонтальными проколами (рис. 2.24. 5,17), на одном сосуде известны «арочные» ручки (рис. 2.24. 2).

Значительные серии сосудов не выделяются ввиду большого разнообразия форм тулова. Тем не менее, можно отметить такие типы: 1) со сферическим или приземистым туловом, высоким цилиндрическим или небольшим отогнутым венчиком: AIa1, AIb1, AIIb1, AIIc2 (рис. 2.24); 2) с овально-вытянутым туловом и высоким горлом, прямым или слегка отогнутым наружу: BIa1, BIb1, BIIb1, BIIc1 (рис. 2.25). Характерно, что выделяются типы, где орнаментация тулова является традиционной и типы, где она отсутствует (рис. 2.26).

Имеются амфоровидные сосуды, украшенные шнуровым орнаментом по горлу и плечикам (рис. 2.25. 3, 18–20) или по всему тулову (рис. 2.24. 20; 2.25. 6,7) . Орнамент в определенной степени соотносится с известным на баночных сосудах – зигзаги, треугольники, но композиции в большинстве своем выглядят более простыми. Некоторые сосуды имеют лощеную поверхность красновато-коричневого цвета (Курчи I, 1/6; Градешка I, 5/1; Оланешты 14/1), что выделяет их из всей буджакской посуды, для которой такая обработка поверхности не характерна. Единична находка амфоровидного сосуда с большими петлевидными ручками, соединяющими край венчика и тулово – Ковалевка VIII, 1/24 (рис. 2.24. 18).

Амфоры КША (9 экз.) – это сосуды с выпуклым туловом и своеобразной орнаментацией, имеющей аналоги в керамическом комплексе культуры шаровидных амфор (рис. 2.27), есть и неорнаментированные экземпляры. Известны амфоры с 2 или 4 ручками, петлевидными или в виде налепов, расположенными, как правило, на плечиках. Они объединяются в два типа, согласно классификации М. Шмит (Szmyt, 1999, p. 126–127, fig. 37, 38).

Кубки и кубковидные сосуды – 38 экземпляров (8,1 %) – достаточно разнообразны по форме и размерам (рис. 2.28, 2.29). Традиционно к этому типу относят сосуды с округлым или вытянутым туловом и высоким, отогнутым наружу (или прямым) венчиком, в одном случае край венчика загнут вовнутрь (рис. 2.28. 13). Чаще всего кубки имеют стройные высокие пропорции, зафиксированы также округлые (рис. 2.28. 1,2), остроребeрные (рис. 2.28. 3,4) или приземистые формы тулова (рис. 2.28. 6–8, 13), но при этом венчик в кубках всегда составляет не менее трети всей высоты сосуда. По форме тулова можно условно выделить два типа: 1) с максимальным расширением в верхней трети тулова – AIb1 (рис. 2.28. 1–10) и с расширением в средней части тулова AIIa1, AIIb1 (рис. 2.28. 11–17). Большинство изделий имеют средние размеры, до 20 см высотой, есть экземпляры большей

и меньшей высоты. Известны кубки, орнаментированные оттисками шнура: в виде параллельных отпечатков по венчику и заштрихованных треугольников, опущенных вершинами вниз по плечикам (рис. 2.28. 15), зигзага (рис. 2.28. 5, 9), «елочки» (рис. 2.28. 6), древовидных отпечатков (2.28. 8,9). Иногда на венчиках имеются насечки (рис. 2.28. 11). Одним экземпляром представлен сосуд, украшенный по всему сосуду прочерченным орнаментом в виде параллельных горизонтальных линий – Каменка, к.1, насыпь (Алексеева, 1992, с. 32, рис. 17.1).

Аски (6 экз.). Этот тип сосудов также достаточно редкий и почти неизвестный к востоку от Южного Буга. Сосуды имеют петлевидную ручку, слегка скошенный венчик и почти всегда слегка асимметричное тулово (рис. 2.30. 1–6). Два экземпляра не орнаментированы (рис. 2.30. 1–6), на двух в месте перехода шейки в тулово имеются налепы в виде горошинок (рис. 2.30. 2, 4); еще на одном – ногтевые насечки в месте соединения тулова и венчика, который оказался обломанным в древности (рис. 2.30. 5). Наиболее выразителен аск из разрушенного кургана у с. Матроска (рис. 2.30. 1).

Кувшины (9 экз.) не имеют стандартной формы, в них отсутствует слив, некоторые из них достаточно приземистых очертаний, так что название это достаточно условно; объединяет их наличие выделенного венчика и петлевидной ручки (рис. 2.30. 9–15). Один фрагментированный экземпляр украшен оттисками шнура (рис. 2.30. 10). Два сосуда, помимо ручки, имеют (с противоположной от нее стороны) налеп (рис. 2.30. 14,15), причем в захоронении Струмок 1/3 налеп и стенка возле него, а также ручка и придонная часть украшены отпечатками шнура. Возможно, кувшинчиком следует считать острореберный орнаментированный сосуд из погребения Новые Раскаецы 1/4, но венчик его не сохранился, а автор раскопок относит его к кубкам (Яровой, 1990, с. 13, рис. 3.5).

Отдел: бесшейные сосуды.

Банки – 84 экземпляра (18 %) – бесшейные сосуды усеченно-конической или полусферической формы, с парными ручками-налепами (рис. 2.31–2.35). Они являются характерной керамикой именно буджакской культуры, порой, к ним применяется термин «буджакские банки». Доминируют средние размеры (до 20 см высотой), имеются и небольшие, высотой до 10 см. Чаще всего сосуды покрыты ангобом, цвет варьирует в пределах оранжевых и розовых оттенков, есть и сероглиняные изделия. Банки, как правило, имеют симметрично расположенные ручки в верхней части тулова, выделяются их три варианта: 1) уплощенные, т. н. «язычковые» ручки с одним или двумя вертикально проколотыми отверстиями; 2) ручки в виде конических налепов, также имеющие одно или два проколотых отверстия; 3) вертикальные псевдотуннельные ручки, которые, в свою очередь, могут быть одинарными или парными, в последнем случае – сдвоенными или отстоящими друг от друга. Их изготавливали путем прокола отверстий в вертикальных налепах по сырой глине, что хорошо заметно при визуальном изучении керамики. Пожалуй, лишь на одном экземпляре прослеживается близость к настоящим туннельным ручкам, свернутым в трубочки – Новоселица 19/19 (Субботин и др., 1995, с. 87, рис. 29. 5).

Можно отметить два вида этой категории сосудов – на поддоне и без поддона, внутри каждого вида выделяются типы в зависимости от сочетания характерных признаков, внутри типов известны орнаментированные и неорнаментированные варианты. Преобладают сосуды без поддонов, орнаментированы оба вида банок.

Вид 1 – банки на поддоне (32 экз.) характеризуется средними и высокими пропорциями (рис. 2.31, 2.32), по форме выделяются сферический тип AIa1, AIc1, AIIa1 (рис. 2.31) и усечено-конический тип BIa1, BIb1 (рис 2.32). В первом случае край венчика часто загнут вовнутрь (рис. 2.31. 10–13). Несколько экземпляров имеют цилиндрический облик – DIVa1 (рис. 2.32. 14–16). Этот тип банок орнаментирован чаще и разнообразнее, чем банки без поддона (орнамент присутствует на 2/3 экземпляров). Композиции наносили в шнуровой технике и с помощью отпечатков полой трубочки (рис. 2.31. 9, 13). Помимо традиционного

зигзага (рис. 2.31. 1, 10, 11), имеется елочный орнамент (рис. 2.31. 15; 2.32. 11) и горизонтальные повторяющиеся фризы из треугольников (рис. 2.31. 4, 12; 2.32. 12). Зачастую орнамент, расположенный под ручками, отличен от основной композиции, порой, орнамент наносили на «язычковые» ручки, причем даже на сосуды с неорнаментированным туловом.

Вид 2 – банки без поддона (52 экз.). Банки отличаются по пропорциям, размерам и конфигурации (рис. 2.33–2.34). Преобладают банки усечено-конической формы средних размеров BIa2, BIb2, BIc2 (рис. 2.34), реже встречаются банки сферической формы – AIc1, AIIa2, AIIb2, AIIc2 (рис. 2.33). Среди банок без поддонов известны сосуды со шнуровым орнаментом и без него, неорнаментированные экземпляры преобладают. Орнамент украшает полностью весь сосуд или только его верхнюю часть и достаточно разнообразен. Более простые варианты представляют собой параллельные горизонтальные отпечатки шнура (рис. 2.33. 4, 11, 12), древовидную композицию (рис. 2.34.3). На иных сосудах орнаментация более сложная: многорядные зигзаги, ромбы, шевроны (рис. 2.33. 5,9; 2.34. 1, 2, 11, 16). Помимо шнура, для нанесения орнамента использовали полую трубочку (рис. 2.34. 15). По-своему уникальны два сосуда – экземпляр с асимметричными насечками из Великозименово 1/2 (рис. 2.34. 12) и банка с двумя парами разных ушек из Мокра 1/3 (рис. 2.33. 13).

Чаши – 55 экземпляров (11,8 %) – представляют собой сосуды усечено-конической, реже полусферической формы, наибольший диаметр их не превышает высоту. Венчик у чаш может быть прямо срезан или слегка загнут вовнутрь, дно плоское, в единичных случаях округлое, высота варьирует в пределах 5–15 см. Выделяются чаши сферические AIa2, AIIIa1, AIIIa2 (2.36. 1–10), конические BIa1, BIa2, (2.36. 11–19) и цилиндрические DIVb1 (2.37. 7–10), последний тип самый малочисленный. Среди сферических выделяются две чаши, которые занимают промежуточное место между чашами и банками: форма, размеры и орнаментация сходны с баночными сосудами, но отсутствуют ручки, из-за чего они были включены в данную категорию посуды (рис. 2.36. 7,8). Преобладают средние пропорции сосудов, высокие экземпляры единичны. Имеются редкие формы с расширением в верхней трети тулова (рис. 2.36. 4.5; 2.37. 5,6). Изредка у чаш слегка выделено дно (рис. 2.36. 6, 12, 20, 21). Чаще всего поверхность хорошо заглажена.

Миски (13 экз.) – сосуды усечено-конической и полусферической форм, с диаметром устья или тулова, превышающим высоту изделия (рис. 2.37. 13–22). Имеются экземпляры с «открытым» (2.37. 13, 14, 2–22) и «закрытым» (рис. 2.37. 15–19) устьем. Чаще миски не орнаментированы, на трех экземплярах имеется пара проколотых отверстий. На трех мисках присутствует орнамент: в двух случае нанесен оттисками шнура (рис. 2.37. 16, 20), в одном – отпечатками типа «птичье перо» (рис. 2.37. 15).

Кружки представлены двумя экземплярами (рис. 2.30. 7, 8), они не имеют выделенного венчика, круглые в сечении петельчатые ручки прикреплены к средней части тулова. Миниатюрными размерами отличается кружечка из погребения Новоградковка 2/9 (рис. 2.30. 7).

Редкие формы. К ним относится два «кратеровидных сосуда», по терминологии автора раскопок (Agulnikov, 1995), украшенных насечками и ручками-налепами. Поверхность их лощеная, имеет оливковый цвет (рис. 2.39. 1, 2). Одним экземпляром представлен кубок с вытянутым горлом и миниатюрными ручками у края венчика, украшен насечками по плечикам и под венчиком (рис. 2.39. 3). Найдены две воронки и один небольшой фрагмент от третьей; воронки неорнаментированными, имеют парные асимметричные отверстия, край их по всему диаметру основания слегка закопчен, что позволяет интерпретировать их как курильницы. Курильницей являлся и сосуд прямоугольных очертаний с 12 налепами, имеющими отверстия для подвешивания и шнуровым орнаментом на внешней поверхности; внутренняя поверхность сильно закопчена (рис. 2.39. 9). Он уникален не только для буджакской культуры: такой тип посуды встречается достаточно редко во всем регионе ямной КИО в целом. Небрежно изготовленный сосуд в виде фляги с узким горлом также известен только в одном

экземпляре (рис. 2.39. 5). Из погребения Нерушай 9/49 происходит небольшой бесшейный сосуд с округлым дном, он орнаментирован оттисками тонкого шнура и слегка подлощен (рис. 2.39. 6). Сосуды «с носиком» представлены двумя экземплярами, один из них, помимо носика, имеет пару ручек-налепов. (рис. 2.39. 7, 8). Традиционно сосуды с носиком интерпретируют как поилки, но экземпляр из Белолесья 3/15 (рис. 2.39. 7) выделяется достаточно крупными размерами. Известны случаи, когда отверстия в сосудах служили для насаживания их на длинную ручку (Nikolov, 2012) – для удобства помещения сосуда в огонь, но копоть на данном конкретном сосуде отсутствует. Двумя экземплярами представлены чаши биконических очертаний, украшенные пышным шнуровым орнаментом в виде семиконечных звезд (рис. 2.39. 10, 11).

Отметим, что все основные типы керамики, помимо средних форм, представлены сосудами небольших (5–10 см) размеров. В некоторых культурах такие сосуды относят к индивидуальным, но наличие порошка охры в некоторых из них позволяет предположить вотивный характер – по крайней мере, для этих конкретных экземпляров.

Публикация полного каталога орудий труда, оружия и украшений (около 900 артефактов), с иллюстрациями и справочной информацией, выполненная Л.В. Субботиным, избавляет нас от необходимости рассматривать эти артефакты столь же подробно, как керамику (Субботин, 2003). Орудия труда и оружие, найденные в захоронениях буджакской культуры, изготовлены из кремня, камня, кости, металла (рис. 2.40,), украшения – из металла, кости и зубов животных, раковин, в единичных случаях – из природных материалов (рис. 2.41).

Орудия из кремня достаточно разнообразны. Известны скребки; некоторые из них определены как скребки для шкур и для дерева. Для обработки кости, рога и дерева использовались строгальные ножи, скобели, сверло-скобель, резцы-скобели, резец-скобель-нож. Преобладают кремневые орудия, выполненные на отщепах, изделия на пластинах единичны, два из них являются жатвенными ножами – Холмское 2/8, Алкалия 5/6 (рис. 2.40. 5). Особый интерес вызывает кремневый серп из погребения Утконосовка 1/6, изготовленный из пятнистой породы кремня (рис. 2.40. 4). Аналогии ему известны среди инвентаря Михайловского поселения. Из остальных находок отметим нуклеусы, отщепы с ретушью и без ретуши.

Среди каменных орудий труда преобладают растиральники и песты-растиральники (рис. 2.40. 14). Выделяют сельскохозяйственные орудия: пест-растиральник для зерна и растительных продуктов, растиральник для зерна, курант зернотерки, мотыги. Среди производственного инвентаря – растиральники или песты для медной руды в погребениях Гаваноасе 9/2, Доброалександровка 1/5, литейная форма для отливки долотовидного орудия в погребении Червоный Яр 1, 1/6 (рис. 2.40. 18). Имеется также пест-точило, растиральники-отбойники, отбойники, лощила-отбойники, лощила, в том числе – для обработки шкур. Известны две находки выпрямителей древков стрел (рис. 2.40. 19, 20) К ритуальному инвентарю можно отнести каменные растиральники и песты для охры. Среди костяных орудий труда отметим лощила, шилья, проколки.Трижды найдены тесла из металла (рис. 2.40 1), которые, скорее всего, были полифунциональными и могли использоваться как орудия труда и оружие (Алкалия 35/6, Бычок 1/6, Коржево 4/4). В захоронениях было найдено 16 ножей и 14 шильев (рис. 2.40. 2, 3, 15), изготовленных из меди (бронзы), в нескольких случаях в одном комплексе находился набор «шило+нож»: дважды – кремневые ножи и дважды – металлические. Типология ножей разработана достаточно подробно (Кореневский, 1976; Черных Л.А., 2009; Николова А.В., Черных Л.А., 2012), исследователями предполагается их полифункциональность и возможность использования в качестве орудий труда и оружия (Тесленко, 1998). Вопрос о функции шильев оказался наиболее дискуссионным. Интерпретации находок посвящена достаточно обширная археологическая литература; одни исследователи считают эти находки орудиями труда – плотницкими (Синюк, 1983, с. 165–172; Моргунова, Кравцов, 1994, с. 99) или кожевенными,

при этом трасологического изучения данных артефактов не производилось (Коробкова, Шапошникова, 2005, с. 224–225). Существует трактовка шильев (т. н. стержней-шильев) как наконечника стрекала (Отрощенко, Пустовалов, 1991; Отрощенко, Черных Л.А., 1998). Полагают, что нож и шило могли иметь сакральное значение и применяться в обрядах инициаций (Бесстужев, 1987). Высказано предположение, что умершие, погребавшиеся с шильями и иглами, были мастерами, занимавшимися сакральным шитьем изделий из кожи (Подобед, Цимиданов, 2009/2010, с. 109, 112–114). И, наконец, данная категория изделий могла использоваться в качестве отжимников при изготовлении кремневых артефактов (Иванова, Киосак, 2012).

К оружию в буджакских захоронениях относится 10 кремневых топоров, (предположительно, большинство из них изготовлено из серого волынского кремня), наконечники копий или дротиков, наконечники стрел (рис. 2.40. 9,11,12). Кремневые наконечники стрел (с прямым основанием или с выемкой) лишь в шести случаях фиксируются как погребальный инвентарь, в основном, они являлись причиной ранения и найдены в костях погребенных. Дважды наконечники стрел (как инвентарь) сочетались с другим оружием – кремневым топором (Алкалия 33/3, Рошканы 1/13). Костяные наконечники стрел лишь в одном случае были причиной ранения, в пяти они являлись инвентарем. В погребении Оланешты 8/7 найдена накладка для лука, остатки лука (с колчаном и стрелами) обнаружены в захоронении Алкалия 33/3 (Субботин, 2003, с. 192). Каменные шлифованные топоры (10 целых форм, 11 фрагментов и 4 заготовки) концентрируются, в основном, в Днестро-Дунайском междуречье, преобладают удлиненно-ладьевидные формы (рис. 2.40. 21). Для сравнения отметим, что на тысячу погребений ямной культуры соседнего, южнобугского, варианта приходится всего один комплекс с каменным шлифованным топором (Шапошникова и др., 1986, с. 47). В различных культурах эпохи бронзы они являются оружием и в то же время относятся к инсигниям власти. Имеются в буджакских погребениях каменные молоты, заготовки топоров и молота.

К ритуальному инвентарю мы относим фрагменты шлифованных топоров, некоторые из них применялись для растирания охры, экземпляр из Шевченково 3/11 трасологически определен как растиральник для медной руды (Субботин, 2003, с. 77). К артефактам, связанным с гаданием, относят астрагалы, а также набор разноцветных палочек из Велико-Зиминово 1/1. Предположительно, с ритуальной сферой могут быть связаны костяные штампы (?) из погребения Оланешты 8/7, которые лежали на бараньей лопатке, а также дудочка из человеческой кости (Вишневое 13/6). К ритуально-производственному инвентарю мы отнесли мотыги из кости и рога. Костяные трубочки (длиной от 2,5 до 7 см) определяются как рукояти (Субботин, 2000, с. 362), свирели или «флейты Пана» (Усачук, 1999, с. 70–88), но такие изделия трактуются и как приспособление для доения животных (Галкин, 1975, с. 186–192).

Известны находки костяных стержней (4 комплекса), один конец которых приострен, а второй оформлен в виде головки с помощью одного-двух пазов по бокам изделия (рис. 2.41. 12–18). Их интерпретируют как заколки, украшения головного убора, наборы спиц, гребни, детали ткацкого станка, колышки для растяжки шкур.

Металлические украшения достаточно разнообразны (рис. 2.41. 2, 3, 6–9, 11). Из меди изготовлены: составные браслеты из пронизей, обоймочек; цельные браслеты из проволоки; пронизи-бусины, бляшки, спиралевидные подвески, серьги, перстни. Из серебра изготовлены: спиралевидные подвески, серьги (округлые и серповидные). Найдены три захоронения со спиралевидными подвесками из золота (Глубокое 1/7, Плавни 26/7, Брэвичень 4/4). Отметим подвески из зубов животных – в четырех захоронениях из зубов оленя, в девяти – из зубов хищника (вид не определен); подвески из раковин, бусины костяные, из кварца (одна находка), из янтаря (одна находка).

2.4. Хозяйство населения буджакской культуры

Хозяйственную деятельность буджакских племен отражают, прежде всего, погребальный инвентарь, а также отдельные артефакты, которые использовались в погребальном обряде (например, каменные стелы, каменные и деревянные перекрытия могил, деревянные повозки). По ним мы можем судить, хотя и не в полной степени, о ремесленной деятельности населения. Другим аспектом, предоставляющим косвенную информацию, являются среда обитания и природно-климатические условия в Северо-Западном Причерноморье в раннем и среднем бронзовом веке, остеологические остатки и палеоботанические данные, определенные специалистами.

Несмотря на имеющуюся базу данных, демонстрирующую разнообразный набор орудий труда, известных буджакскому населению (Субботин, 2003), определение их функционального назначения не всегда возможно и из-за отсутствия больших серий трасологических определений. Отметим мнение исследователей, что полифункциональность орудий делает затруднительным вычленение производственных комплексов (Ковалева, 1983, с. 42). Тем не менее, имеются данные о развитой обработке кремня, камня, дерева, кости, металла, кожи, о наличии гончарства, плетения, ткачества2.

Камнеобрабатывающее производство. Из камня изготовлено 11,4 % всех изделий. Сырьем для каменных артефактов служили различные и широко распространенные породы камня – осадочные горные породы (песчаник, известняк, ракушечник), минералы (полевой шпат, серпентин, базальт, амфиболиты, диориты), гранит, диабазовый порфирит (Субботин, 2003, с. 19), долерито-диабазы и габбро-диабазы (Петрунь, 2005). Наиболее массовая категория каменных артефактов – растиральники, песты, отбойники, лощила, причем половина из них были бифункциональными в различных сочетаниях (лощило-отбойник, растиральник-отбойник и пр.). Выделяются каменные топоры, причем наличие заготовок позволило проследить технику их изготовления (обивка, пикетаж, шлифовка, сверление). К этой категории находок примыкают молоты и булава. Из других изделий следует упомянуть зернотерки, выпрямители стрел, наковаленки, боласы, представленные незначительным количеством. Единичным экземпляром представлена составная литейная форма (долото?). Навыки работы с камнем демонстрируют антропоморфные стелы и каменные ящики, обработанные плиты из перекрытий погребений.

Кремнеобрабатывающее производство. Из кремня изготовлены 25,8 % всех найденных артефактов. Для их изготовления использовалось сырье разного происхождения – из месторождений Среднего Поднестровья, северо-восточного Приазовья, Добруджи (Субботин, 2003, с. 13). Как и для ямной КИО в целом (Разумов, 2010, с. 12), для буджакской культуры традиционным является использование для изготовления орудий и оружия кремневых отщепов; пластинчатая техника почти неизвестна. Параллельно существуют и развиваются две технологии расщепления – изготовления сколов-заготовок и технология производства бифасов. Наличие нуклеусов (6 экз.) указывает на изготовление орудий на местах обитания, причем в пяти случаях нуклеусы связаны с погребениями мастеров кремнеобработки. В погребениях зафиксирован достаточно большое количество отщепов (16 %). Готовые изделия оформлены разными видами ретуши: притупляющей, приостряющей, уплощающей. Специальные исследования позволили установить использование металлических отжимников для снятия ретуши (Иванова, Киосак, 2012). При обработке отдельных видов изделий (топоры) использовалась техника шлифовки. В целом, из кремня были изготовлены скребки, проколки, скобели, резцы, ножи, серп и вкладыши составных серпов, топоры и тесла, Кремневые орудия использовались во многих сферах

2 Процентное соотношение различных видов артефактов указано без учета керамики

хозяйства буджакских племен – деревообработке, обработке кожи, кости, рога, земледелии. Из кремня изготавливалось и оружие – наконечники стрел, дротиков, топоры.

Косторезное производство. Изделия из этих материалов достаточно многочисленны (29,7 %), использовались кости, рога и зубы диких (волк, олень благородный) и домашних (конь, овца, коза, собака) животных, а также кости птиц; в одном случае – кость человека. Из рога изготовлены мотыги, из кости – наконечники стрел, проколки-шилья, заколки, трубочки (для доения или же т. н. «флейты Пана»), лощило, заколки, молоточковидные булавки, бусинки, пронизи, подвеска; из зубов делали украшения – браслеты, ожерелья (Субботин, 2003; с. 24–31). Техника и технологии работы с этими материалами разнообразны и сходны с той, что использовали племена ямной КИО в целом: подготовка сырья, изготовление полуфабрикатов, отделка (Березанская и др., 1984, с. 152). Буджакские племена знали техники расщепления, нарезки, сверления, пиления, шлифовки и полировки. Для работы с костью использовали ножи, пилки, скобели.

Обработка кожи, вероятно, достигла высокого уровня, учитывая находку в Холмском 1/7 кожаной ёмкости с тиснением. Но в большинстве случаев изделия из кожи (скорее всего – одежда и обувь) не сохранились, хотя известны орудия для обработки кожи (скребки, лощила). Ножи могли использоваться для раскроя, а шилья, проколки – для шитья.

Металлообработка. Изделия из металла (медь/бронза, серебро, золото), по сравнению с другими ареалами ямной КИО, достаточно многочисленны (около 300 артефактов, или 32,7 % находок), в основном это – разнообразные украшения, также известны ножи и шилья, топоры. Более половины металлических артефактов составляют изделия из меди и бронзы. Об освоении приемов металлообработки (при отсутствии собственной металлургической базы), а не заимствовании готовых вещей, свидетельствуют находки растиральников со следами медной руды, литейная форма для отливки втульчатого долотовидного орудия. В металлообработке использованы две основные технологические схемы – литье в сочетании с горячей ковкой и литье с упрочающей ковкой вхолодную (Каменский, 1990, с. 250).

Гончарное производство. Керамика является самой массовой категорией инвентаря (41 % всех находок). Сосуды изготавливались вручную, и даже внутри одного типа они достаточно разнообразны. Во многих случаях поверхность покрывалась ангобом, заглаживалась пучками растительности или лощилом, реже была подлощена. Орнамент чаще всего наносился оттисками шнура, отпечатками полой трубочки, зубчатым штампом. Технологические исследования керамики, которые позволили ли бы определить состав формовочных масс и технику конструирования, не проводились.

Ткачество, плетение. О наличии ткачества свидетельствует лишь одна находка – отпечаток орнаментированной ткани в погребении Маяки 1/16 (Субботин, 1993, с. 14). Плетение характеризуют циновки на уступах, порой орнаментированные, причем прослежена разная техника плетения (Субботин, 1993а). На сосудах известны отпечатки простого и витого шнура, трехрядной тесьмы.

Деревообработка представлена не только наборами орудий (строгальные ножи, пилки), но и деревянными изделиями (повозки, носилки, модель лодки, колчан, деревянная посуда), а также бревнами и плахами из перекрытий могильных ям. Масштабность этого вида деятельности указывает на устойчивые навыки работы с древесиной и знание её свойств.

Остеологические материалы, происходящие из памятников буджакской культуры немногочисленны: кости животных найдены в 47 погребениях (1,8 % от общего количества буджакских комплексов), определена лишь часть из них. В семи погребениях найдены кости лошади, в шести – быка, в трех – овцы, еще в 12 комплексах найдены овечьи астрагалы (по 1, 2, 6, 7 или 14 экз. в одном комплексе), которые уже относятся к инвентарю. Из лопатки козы изготовлено лощило (Надлиманское 10/7). Кости домашних были найдены и вне погребений – в насыпях курганов, во рвах, но эти находки немногочисленны: скелет целого коня (Баштановка, к.4), кости ног коня (Жовтневое, к. 4), черепа овцы, быка и коня, зубы овцы

(Лиман, к. 2, ров), выкладка из зубов лошади в кургане 1 у с. Хрустовая, количество особей не определено. Находки скелетов собак (Баштановка 7/16, Нерушай 9/9, Плавни 12/2) могут быть связаны как с пастушеством или охотой, так и с определенными религиозными воззрениями.

Палеозоологи отмечают неправомерность реконструкции форм и способов разведения домашних животных на основании погребальных памятников. Материалы из погребальных комплексов связаны непосредственно с погребальными обрядами. Построение модели состава стада на основании остеологического спектра предполагает учет дополнительных независимых данных археобиологии, археоботаники и археологии, которые осветили бы данные о других отраслях хозяйства населения, способ получения животных и пр. (Антипина, 2007, с. 297–300). Поэтому, на наш взгляд, можно лишь констатировать, что буджакские племена разводили овец, коз, крупный рогатый скот, лошадей. Орудия труда, оружие и украшения из кости соотносят с погребальном инвентарем. Кости или черепа животных имели иной семиотический статус, причем наряду с костями домашних животных в этом же контексте найдены кости диких (благородный олень, тур).

Традиционно археологами при реконструкциях системы хозяйств древних обществ используются этнографические данные, которые предоставляют разнообразные сведения о системах выпаса животных и сезонных перекочевках у скотоводческих народов (два или четыре раза в году, в широтном или меридиональном направлениях, круговое кочевание, передвижки на небольшие расстояния или на сотни километров). Реконструировать эти особенности скотоводческого хозяйства в полном объеме, имея в качестве основных археологических источников только погребальные памятники, практически невозможно. Поэтому мы попытаемся рассмотреть их в достаточно общем контексте, будучи ограниченными имеющимся материалом. Население Северо-Западного Причерноморья в эпоху ранней и средней бронзы считают скотоводами – исходя из климатических условий, экологии, географии региона. Соотнесение с определенным хозяйственно-культурным типом позволяет использовать достаточно широкий круг аналогий. Считается, что степи в раннем бронзовом веке были благоприятны для скотоводства, основанного на разведении овец и лошадей (Збенович, 1974, с. 111; Яровой, 1985, с. 110; 1991, с. 89–90). Для ямной КИО в целом имеются предположения, что хозяйство населения сочетало достаточно подвижное скотоводство и полуоседлое земледелие (Бунятян, 2001; 2002). Выводы Е.П. Бунятян, на наш взгляд, применимы и к племенам буджакской культуры.

Отметим, что стратегия природопользования древнего населения во многом определялась степенью воздействия на него природных процессов; именно подвижное скотоводство заполняет новую экологическую нишу, образовавшуюся вследствие аридизации климата. Накапливающийся со временем опыт экологической адаптации позволял вырабатывать формы и технологии ведения хозяйства в новой экологической ситуации, прежде всего – технологии выпаса. Ландшафтность, дифференциация растительного покрова и распределение атмосферных осадков по зонам и по сезонам уже изначально предполагали движение скотоводческого населения и перегон скота по определенным маршрутам. Варианты подвижного скотоводства достаточно разнообразны, они варьируют от круглогодичного выпаса на пастбищах до сезонного содержания животных у оседлого поселения. На меридиональный характер перемещений буджакского населения, возможно, указывают цепочки курганов, протянувшиеся вдоль рек по линии север – юг. В настоящее время многие курганы разрушены и распаханы, но представления о них дают трехверстовые военно-топографические карты Российской империи второй половины XIX века, где было нанесено значительное количество курганов и курганных могильников. В масштабах Северо-Западного Причерноморья такие цепи могут маркировать освоение региона вдоль рек, т.к. благоприятная для подвижного скотоводства природная среда не требовала передвижения на дальние дистанции, что видно на примере ногайцев,

обитавших здесь в позднем средневековье (Кушнір, 1999, с. 9; Гизер, 1999, с. 44–49; Кидирниязов, 2001, с. 18).

Палеоботанические и палинологические исследования свидетельствуют о существовании в буджакской среде земледелия. На керамике, происходящей из буджакских погребений, найдены отпечатки зерен, вилочек, соломы хлебных злаков: карликовой пшеницы, пшеницы-однозернянки, ячменя и проса (Кузьминова, Петренко, 1989, с. 119–120; Кузьминова, 1990, с. 261–263; Яровой, 1991). На стенках посуды из погребений низовий Днестра выявлены следы пыльцы культурных злаков (Кузьминова, 1990, с. 263). В то же время зафиксирована пыльца культурных злаков в том слое разреза близ озера Ялпуг, который относится к SB-2 (Волонтир, 1989). Косвенно наличие земледелия подтверждают специализированные орудия труда, хотя количество их невелико (жатвенные ножи, вкладыши серпов, серп, зернотерки). Как подсобные промыслы, по-видимому, были распространены рыболовство и собирательство. Полагают, что основными объектами охоты у древнего населения были те дикие животные, которые доминировали в регионе; в выборе объекта охоты важен был объем получаемого мяса (Секерская, 1989, с. 132). Но имеют значение и определенные ритуальные установки социума. Об этом свидетельствует контекст находок – включение костей диких животных в погребальный ритуал, причем не в качестве сопровождающей пищи. Известны находки целых скелетов животных, несъедобных частей туши (черепов, конечностей, зубов), размещение находок во рву, окружающем курган, ритуальные выкладки под курганной насыпью; из зубов оленя и волка изготовляли подвески (Иванова, 2001). Объектом охоты были и птицы; из их костей сделаны бусины, найденные в погребениях.

Таким образом, хотя погребальный обряд и не дает возможности максимально полной реконструкции хозяйства, можно отметить его достаточно высокий уровень, сочетавший в себе подвижное скотоводство, вероятно, отгонного характера, и земледелие, а также достаточно развитые ремесла, в том числе такие сложные, как металлообработка, обработка камня, деревообработка (при изготовлении трудоемких артефактов – каменных стел и повозок).

Таковы основные характерные признаки буджакской культуры Северо-Западного Причерноморья. Рассмотрение археологического материала предоставляет нам возможность подтвердить и обосновать предположение исследователей (Клейн, 1975; Черняков, 1979) о существовании в Северо-Западном Причерноморье особой культуры раннего бронзового века. В отличие от Л.С. Клейна, выносящего ее за рамки ямной культурно-исторической общности, мы считаем эту культуру составной её частью. В то же время анализ источников не согласуется с мнением И.Т. Чернякова о позднем характере буджакской культуры: возможна синхронизация её с ямной КИО в целом, а также выделение в ней раннего и позднего этапов. Хронологическими реперами при этом выступают не только радиоуглеродные даты, но и результаты сопоставления с кругом синхронных культур Балкано-Карпатского региона.

Таблица 2.1

Радиоуглеродные даты раннего этапа буджакской культуры

Адрес	No	BP	BC cal 1 сигма	Поза умершего
Маяки–82, 1/9	Ле–2328	4580 ± 40	3500–3120	Спина
Новоселица 19/7	КИ–1219	4520 ± 70	3360–3100	Спина
Лиман 2/2	КИ–2394	4490 ± 90	3350–3030	Спина
Петрешты 1/8	Лу–2472	4530 ± 50	3360–3100	?
Саратены 1/4	Лу–2476	4480 ± 50	3340–3040	Спина
Сычавка 1/22	Ki–16612	4580± 90	3500–3100	левостор.
Семеновка 11/6	КИ–1758	4400 ± 50	3100–2920	левостор.
Саратены 1/5	Лу–2459	4360 ± 30	3020–2910	Спина
Курчи 20/16	UB–3135	4290 ± 60	3020–2870	Спина
Курчи 20/16	КИ–3136	4204 ± 19	2890–2760	Спина
Вишневое 17/38	КИ–1738	4200 ± 80	2890–2630	Спина
Ревова 3/16	Ki–11059	4135±60	2863–2599	Спина
Новоселица 19/16	КИ–7080	4205 ± 55	2890–2680	Спина
Маяки II, 1/13	Ox–22955	4175±28	2880–2690	спина?
Новоселица 19/19	КИ–7085	4180 ± 60	2880–2660	Спина
Вишневое 17/38	КИ–7126	4105 ± 65	2860–2500	Спина
Вапнярка 4/16	Ki–15014	4050 ± 60	2630–2470	правостор.
Новоселица 19/19	КИ–7127	4055 ± 60	2770–2510	Спина
«Любаша», погр. 19	Ki–11249	4030±60	2657–2467	Пакет
Новоселица 20/8	КИ–7128	4005 ± 50	2580–2460	Спина
«Любаша» погр. 8	Ki–11177	3990 ± 70	2581–2455	Спина
Огородное 1/14	Ле–2323	3970 + 40	2570–2400	Спина

(источники: Черных и др., 2000; Яровой, 2000; Иванова, 2009; Іванова, Савельєв, 2011; Иванова и др, 2012; Петренко, Кайзер, 2012)

Таблица 2.2

Радиоуглеродные даты позднего этапа буджакской культуры

Адрес	No	BP	BC cal 1 сигма	Поза умершего
Сычавка 1/15	Ki–16610	3960 ± 80	2580–2300	левостор.
Вишневое 17/4	КИ–1217	3950 ± 90	2580–2300	Спина
Затока 1/14	КИ–6817	3920 ± 45	2470–2330	неизвестно
Ревова 3/7	Ki–11058	3910±60	2467–2305	левостор.
Вишневое 17/37	КИ–1439	3800 ± 120	2460–2040	правостор.
Затока 1/13	КИ–6816	3865 ± 50	2430–2250	неизвестно
Затока 1/17	КИ–6818	3840 ± 65	2410–2200	неизвестно
Вапнярка 4/18	Ki–15015	3880 ± 60	2470–2280.	левостор.?
Затока 1/17	КИ–6819	3865 ± 60	2430–2240	неизвестно
Новоселица 19/11	КИ–1220	3800 ± 60	2400–2130	Спина
Ревова 3/15	Ki–11060	3780±70	2327–2041	Спина
Затока 1/22	КИ–6821	3775 ± 60	2310–2100	неизвестно
Нагорное 15/10	Ле–2322	3790 ± 40	2290–2140	Спина
Затока 1/21	КИ–6820	3760 ± 45	2260–2090	неизвестно
Вишневое 17/36	КИ–1424	3700 ± 60	2200–1970	левостор.
Затока 1/22	КИ–6822	3810 ± 55	2370–2170	неизвестно
Старые Беляры,. 1/14, ск. 2, кеми-обинский тип	Ki–11209	4030±80	2855–2463	разрушен
Затока 1/1, кеми-обинский	Ki–6811	3900 ± 65	2367 ± 92	неизвестно
Затока 1/1, кеми-обинский	Ki–6812	3950 ± 60	2402 ± 97	неизвестно
Затока 1/2, кеми-обинский	Ki–6813	3930 ± 50	2392 ± 72	неизвестно

(источники: Chernyakov, 1999; Черных и др., 2000; Иванова и др., 2005; Іванова, Савельєв, 2011; Иванова и др, 2012)

Таблица 2.3

Стратифицированные курганы Северо-Западного Причерноморья, привлеченные к анализу

Курган	Переменная стратиграфия	Единый стратиграфический горизонт	Планиграфия (расположение по дуге, окружности)
Алкалия, к. 33	+	+	–
Алкалия, к. 5	–	–	–
Алкалия, к. 8	–	+	–
Балабанешты, к. 1	+	–	–
Баштановка, к. 4	+	–	–
Белолесье, к. 3	+	+	–
Белолесье, к. 4	–	+	–
Богатое, к. 2	–	+	–
Бравичено, к. 19	+	–	–
Бравичены, к. 11	+	–	–
Вишневое ,к. 17	+	–	–
Вишневое, к. 52	–	+	–
Вишневое, к. 56	–	+	–
Вишневое, к. 8	–	+	–
Глиное II, к. 1	–	–	+
Глиное II, к. 110	+	–	–
Глубокое ,к. 1	+	–	–
Градешка I, к. 5	+	+	–
Гура-Быкулуй, к. 3	–	+	–
Етулия, к. 1	+	–	–
Ефимовка, к. 10	–	+	–
Ефимовка, к. 9	+	+	–
Желтый Яр, к. 5	–	+	–

Продолжение таблиці 2.3.

Желтый Яр. К. 3	+	–	–
Каменка/Окница	–	+	–
Каменка/Окница, к. 7	+	+	–
Каменк/Окница, к. 1	+	–	–
Каменка/Окница, к. 6	–	+	–
Каушаны, к. 1	+	–	–
Кирилень, к.1	+	+	–
Кирилень, к. 2	+	–	–
Кирилень, к. 3	+	–	–
Ковалевка I, к. 4	+	–	–
Ковалевка II, к. 6	+	–	–
Ковалевка II, к. 8	+	–	–
Копчак, к. 1	+	–	–
Корпач, к. 2	+	+	–
Красное, к. 9	+	+	–
Кубей, к. 21	–	–	–
Кубей, к. 23	+	+	–
Лиман, к. 3	+	–	–
Маяки III, к. 1	+	–	–
Нагорное, к. 15	+	+	–
Нерушай, к. 9	+	+	–
Никольское, к.7	–	–	–
Новоселица, к. 19	+	+	–
Новые Дуруиторы, к. 5	+	–	–
Новые Раскаецы, к. 20	–	–	+
Оланешты, к. 1	–	–	+
Плавни, к. 8	+	+	–

Продолжение табл. 2.3.

Помазаны, к. 1	–	+	+
Пуркары, к. 1	–	–	+
Пуркары, к. 3	–	–	+
Светлый, к. 1	–	+	–
Семеновка, к. 2	+	+	–
Семеновка, к. 8	–	+	–
Семеновка, к. 11	+	–	–
Семеновка, к. 14	+	+	–
Струмок, к. 1	+	+	–
Тирасполь, к. 3	–	+	–
Траповка, к. 4	+	–	–
Траповка, к. 6	+	+	–
Урсоая, к. 1	–	–	–
Фрикацей, к. 1	+	–	–
Фрикацей, к. 2	+	–	–
Фрикацей, к. 4	+	–	–
Хаджидер, к. «Костюкова Могила»	+	+	–
Холмское, к.2	–	+	–

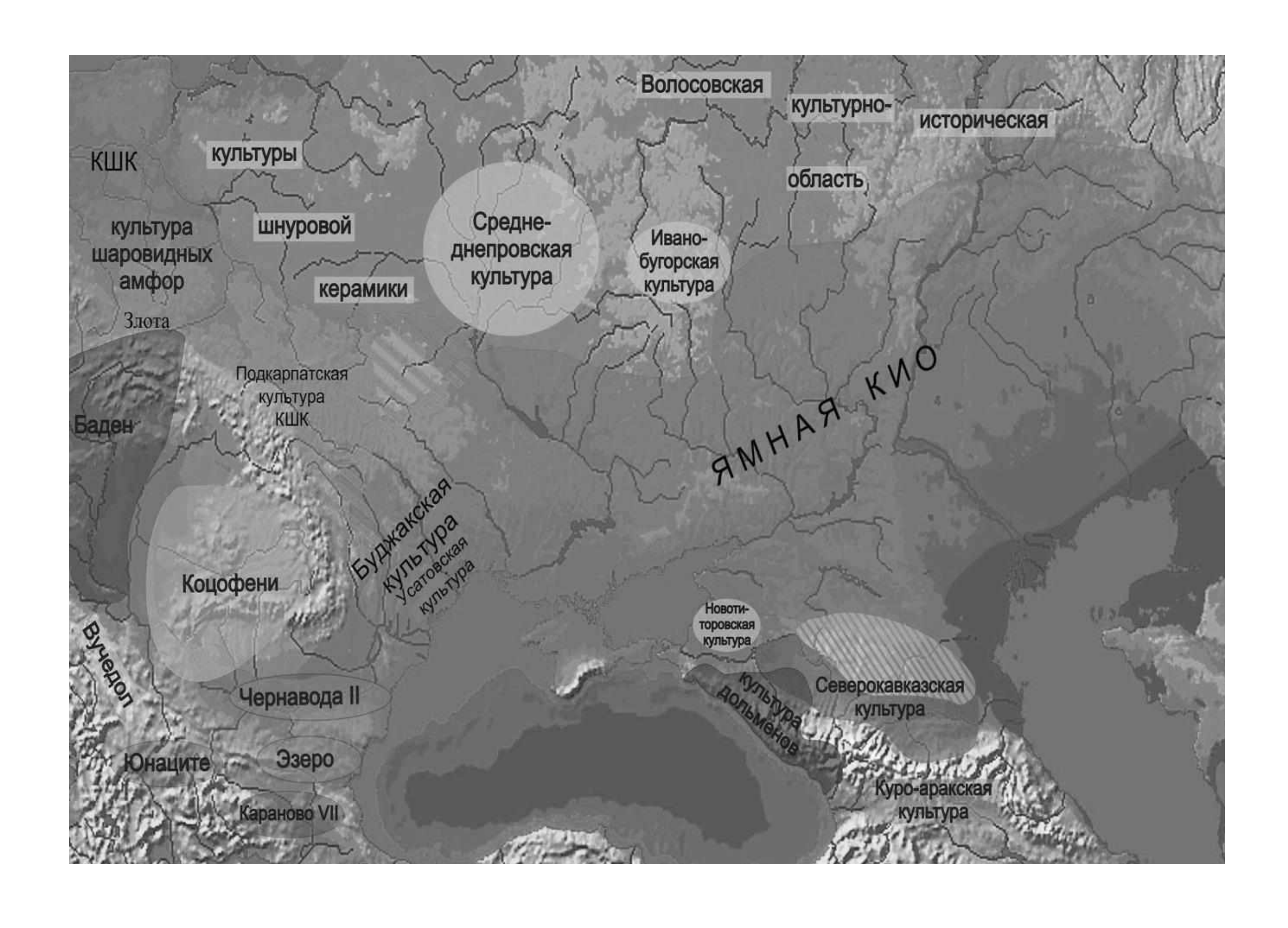

Рис. 2.1. Ямная КИО и ее окружение
(конец IV – первая половина III тысячелетия до н. э.)

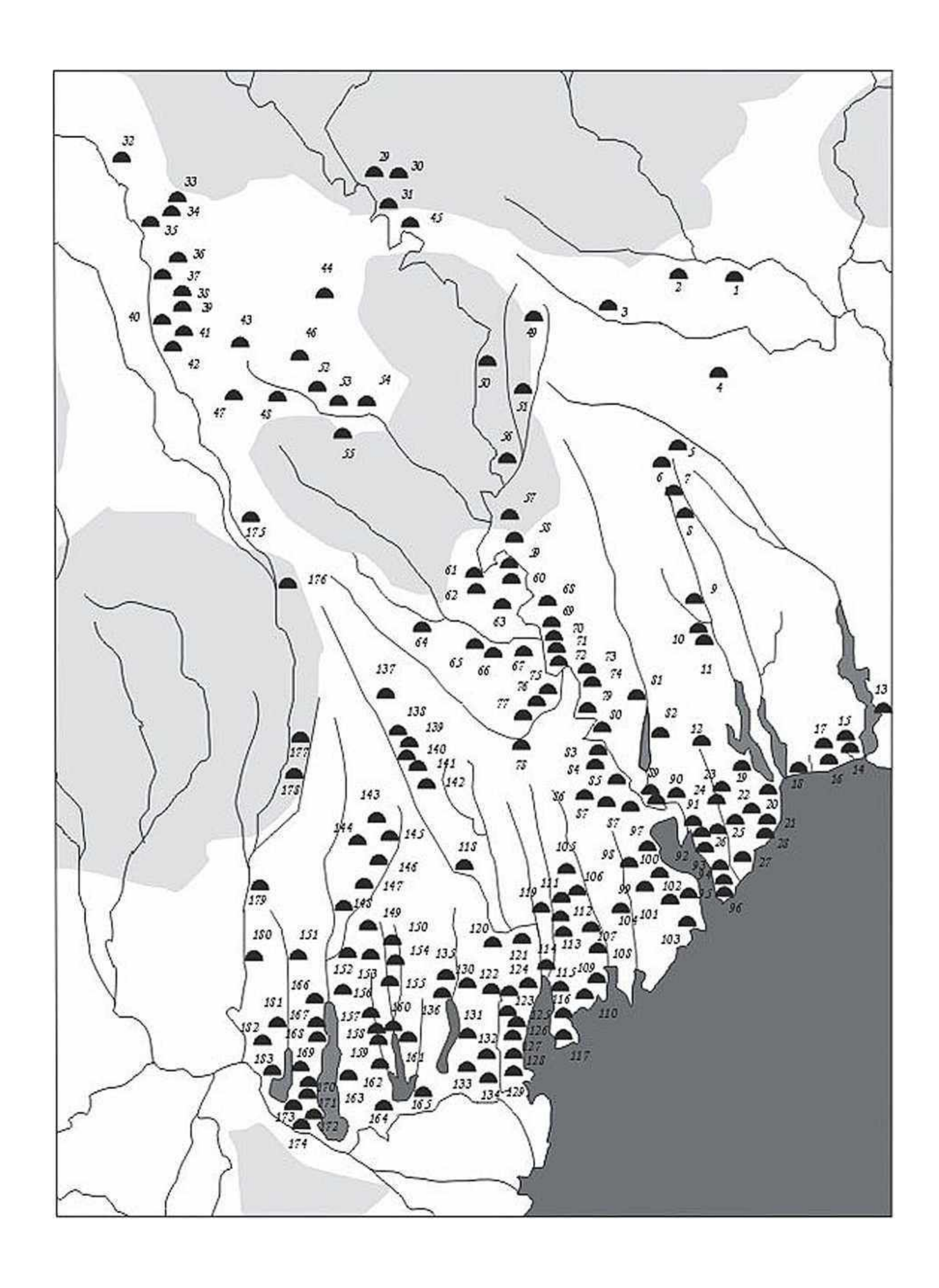

Рис. 2.2. Памятники буджакской культуры Северо-Западного Причерноморья

Аннотации к карте 2.2.

Памятники буджакской культуры Северо-Западного Причерноморья

1 – Дубиново; 2 – Неделково; 3 – Гольма; 4 – Агеевка; 5 – Григорьевка; 6 – Марьяновка; 7 – Новогригорьевка, курган «Любаша» 8 – Ревова; 9 Великозиминово; 10 – Катаржино; 11 – Бараново, курган «Солдатская слава»; 12 – Щербанка; 13 – Попильное; 14 – Кошары, Сычавка; 15 – Старые Беляры; 16 – Большой Аджалык; 17 – Вапнярка; 18 – Шевченково (Одесса); 19 – Холодная Балка; 20 – Слободка-Романовка; Одесский курган; 21– Черноморка; 22 – Дальник (Беляевский район); 23 – Мирное 24 – Петродолинское; 25 – Новая Долина; 26 – Новоградковка; 27 – Александровка, Великодолинское; 28 – Санжейка; 29 – Кузмин; 30 – Хрустовая; 31 – Каменка (Окница); 32 – Медвежа; 33 – Коржеуцы; 34 – Бурланешты; 35 – Тецканы; 36 – Ханкауцы; 37 – Корпач; 38 – Старые Куконешты; 39 – Щербаки; 40 – Думены; 41 – Новые Дуруиторы; 42 – Костешты, Новые Костешты, Ивановка; 43 – Яблона; 44 – Мэркулешты; 45 – Подойма; 46 – Фрунзены; 47 – Бурсучены; 48 – Мындрешты; 49 – Тимково; 50 – Мокра; 51 – Ново–Красное; 52 – Кодрул-Ноу; 53 – Чокылтяны; 54 – Бравичены; 55 – Орхей (Оргеев); 56 – Дойбань; 57 – Погребя; 58 – Красное; 59 – Коржево; 60 – Старые Дубоссары; 61 – Балабанешты; 62 – Чимишены; 63 – Спея; 64 – Кетросы; 65 – Новые Анены; 66 – Гура – Быкулуй; 67 – Рошканы; 68 – Бутор; 69 – Бычок; 70 – Никольское; 71 – Константиновка; Фрунзе 72 – Тирасполь; 73 – Парканы; Плоское; Терновка; Сербка; 74 – Слободзея; 75 – Хаджимус; 76 – Киркаешты; 77 – Урсоая; 78 – Каушаны; 79 – Чобручи; 80 – Глинное; 81 – Ново-Котовск; 82 – Лиманское; 83 – Пуркары; 84 – Новые Раскаецы; 85 – Оланешты; 86 – Хаджиллар; 87 – Капланы; 88 – Тудорово; 89 – Ясски; 90 – Беляевка; 91 – Маяки; 92 – Надлиманское; 93 – Ефимовка; Николаевка; 94 – Овидиополь; Дальник (Овидиопольский район); 95 – Роксаланы; 96 – Каролино-Бугаз; 97 – Семеновка; 98 – Подгорное; 99 – Карналиевка; 100 – Садовое; 101 – Турлаки; 102 – Молога; 103 – Затока (Аккембетский курган); 104 – Алкалия; 105 – Хаджидер; 106 – Сергеевка; 107 – Дивизия; 108 – Лиман; 109 – Желтый Яр; 110 – Вишневое, Кочковатое; 111 – Заря; 112 – Михайловка; 113 – Белолесье; 114 – Татарбунары; 115 – Заречное; 116 – Новоселица; 117 – Траповка; 118 – Березино; 119 – Сарата; 120; Арциз; 121 – Павловка; 122 – Борисовка; 123 –Виноградовка 124 – Баштановка; 125 – Струмок; 126 – Глубокое; 127 – Нерушай; 128 – Десантное; 129 – Приморское; 130 – Холмское; 131 – Червоный Яр; 132 – Мирное (Килийский район); 133 - Шевченково; 134 – Парапоры; 135 – Островное; 136 – Дзинилор; 137 – Гура-Галбене; 138 – Валя Пержей; 139 – Градище; 140 – Екатериновка; 141 – Чимишлия; 142 – Карабетовка; 143 – Комрат; 144 – Бешалма; Конгаз; 145 – Томай; 146 – Светлый; 147 – Казаклия; 148 – Балабан; 149 – Тараклия; 150 – Огородное; 151 – Гаваноасе; 152 – Копчак; 153 – Кубей; 154 – Кальчево; 155 – Банновка; 156 – Болград; 157 – Жовтневое; 158 – Каланчак; 159 – Каменка (Украина); 160 – Новокаменка; 161 – Суворово; 162 – Утконосовка; 163 – Озерное; 164 – Богатое; 165 – Кислица; 166 – Курчи; 167 – Мреснота Могила; 168 – Владычень; 169 – Нагорное; 170 – Чауш; 171 – Плавни; 172 – Новосельское; 173 – Орловка; 174 – Градешка; 175 – Петрешты; 176 –Кириленъ; 177 – Саретены; 178 – Крихана Веке; 179 – Зырнешты; 180 –Ваду-луй-Исак; 181 – Этулия; 182 – Жюржюлешть; 183 – Фрикацей

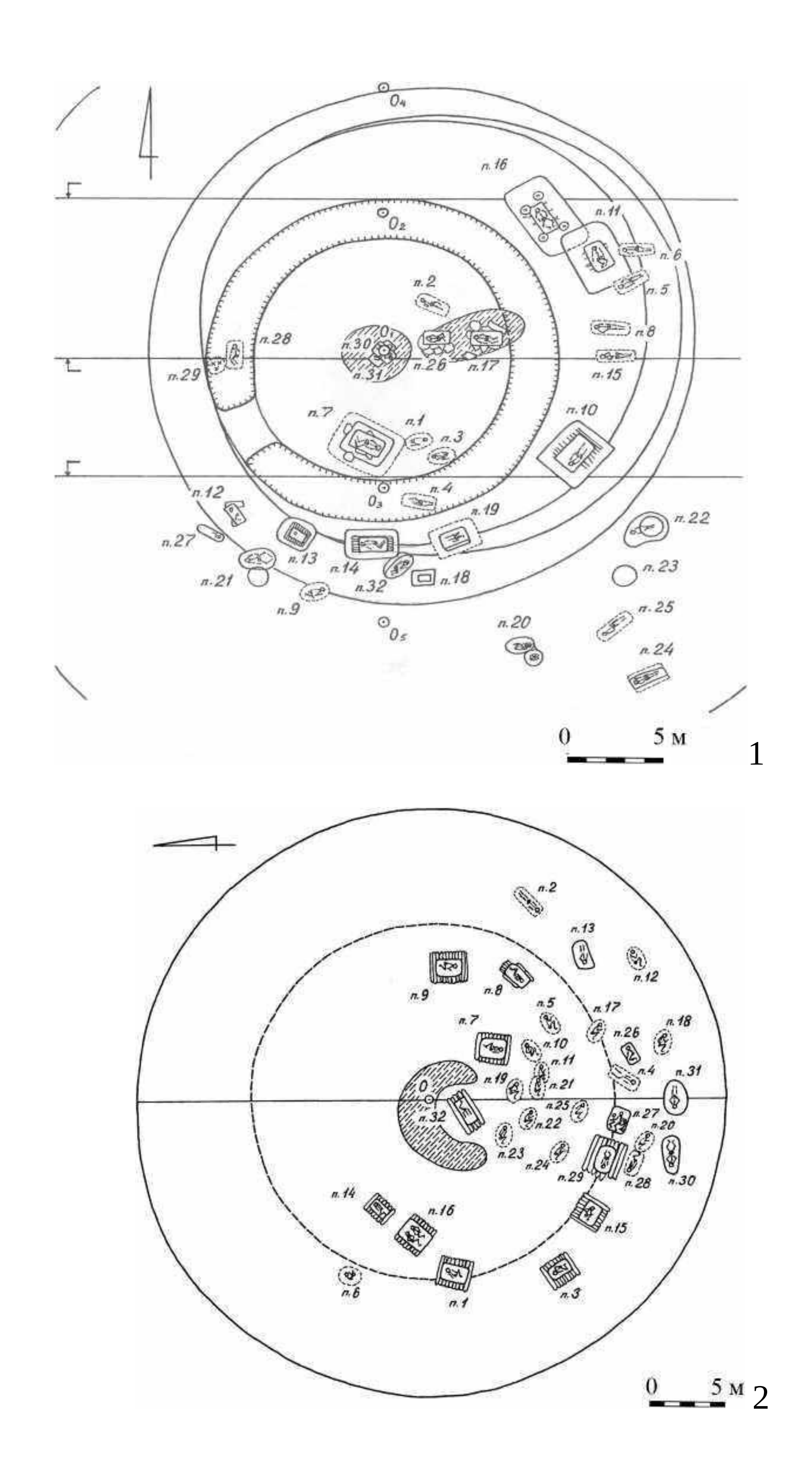

Рис. 2.3. Общие планы курганов буджакской культуры:

1 - Новоселица, к. 19; 2 - Оланешты, к. 1;
(по: 1 - Субботин и др., 1995; 2 - Яровой, 1990)

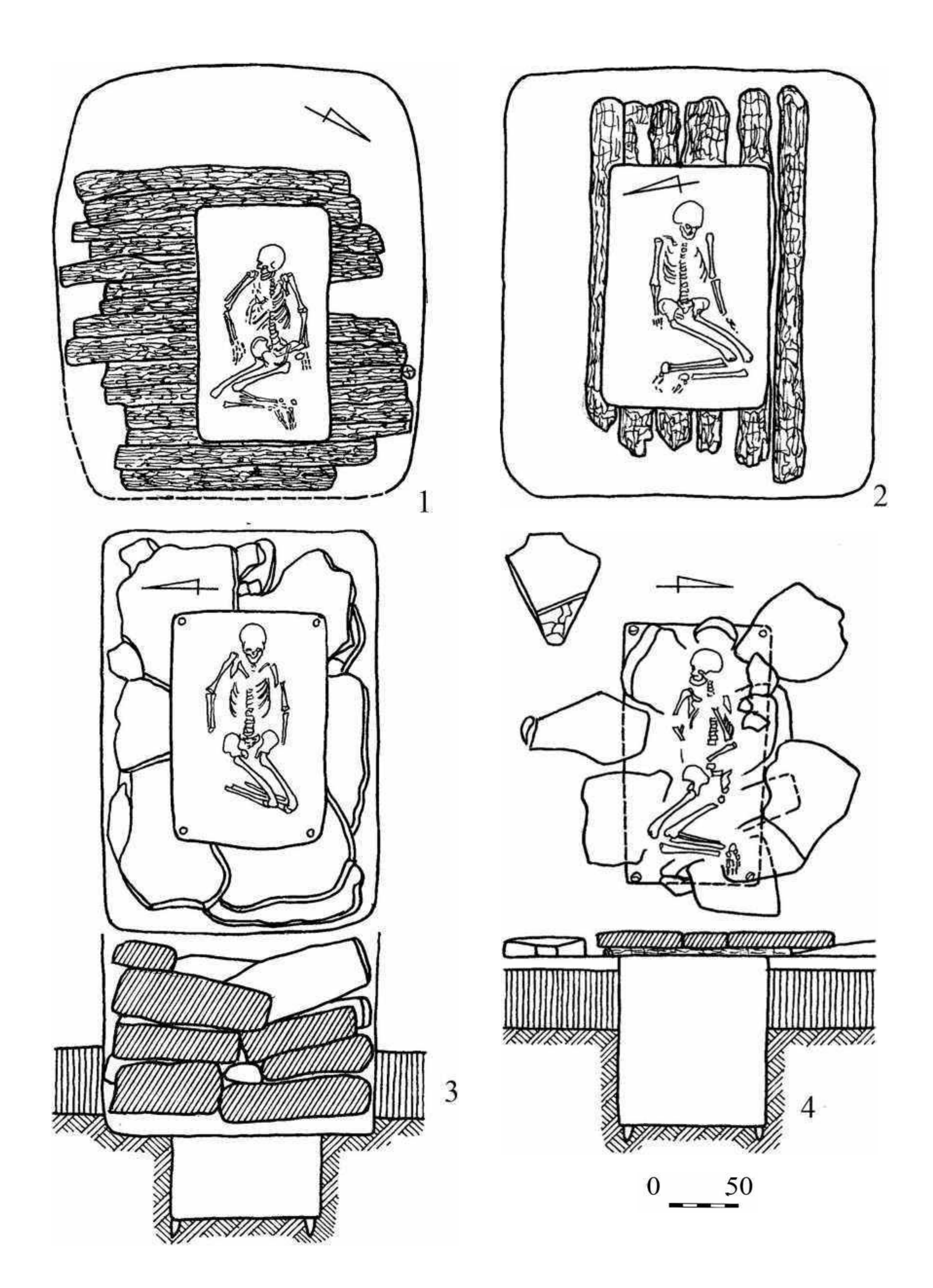

Рис. 2.4. Варианты перекрытия погребений буджакской культуры:

1 - Новогригорьевка («Любаша»), 2/8; 2 - Кубей 1/6; 3 - Белолесье 3/26; 4 - Новоселица 19/17;
(по: 1 - Иванова и др., 2005; 2 - Субботин и др., 1986; 3 - Субботин и др., 1998; 4 - Субботин и др., 1995)

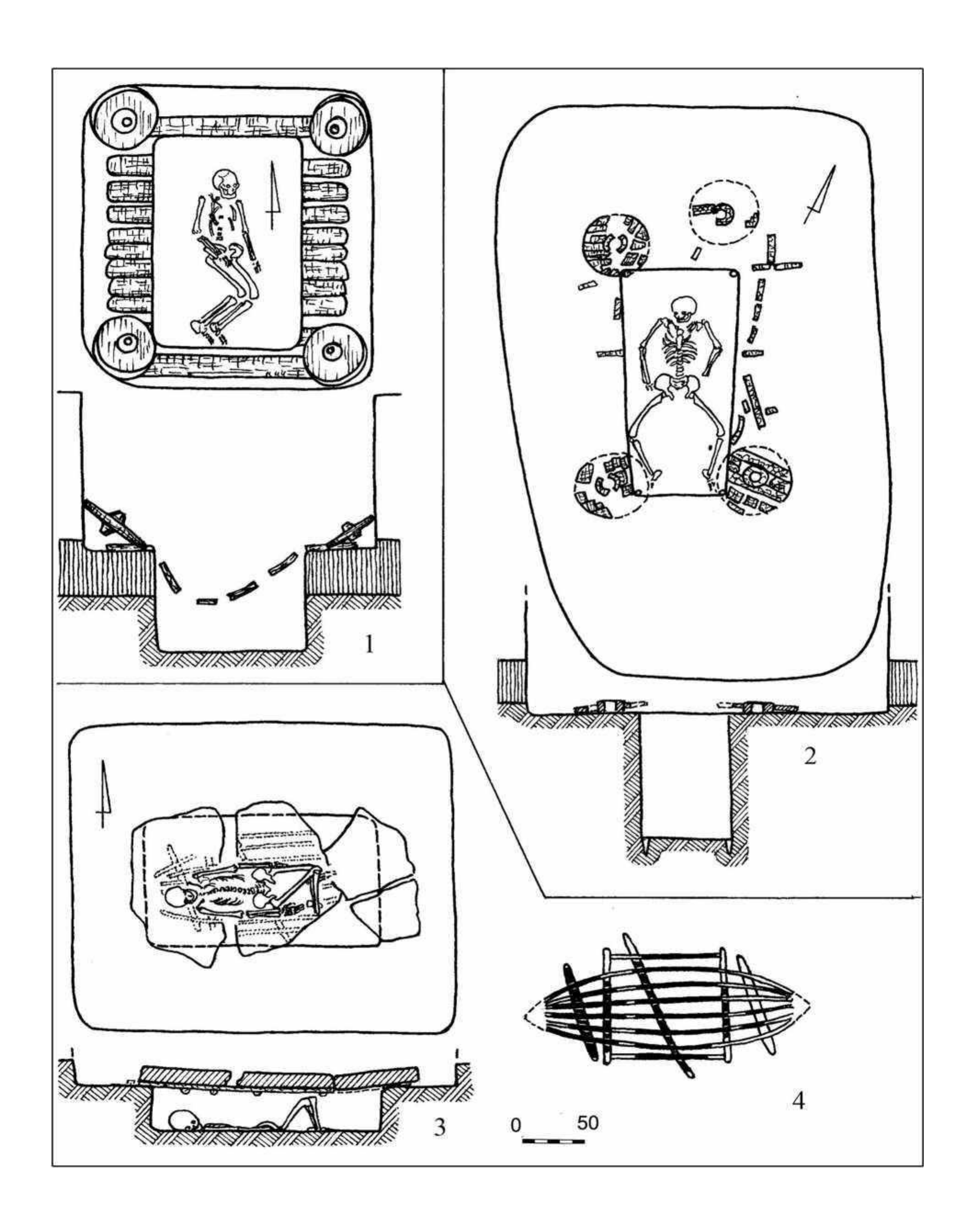

Рис. 2.5. Средства передвижения населения буджакской культуры:

1,2 — остатки деревянных повозок; 3,4 — носилки в виде лодки. 1 - Балабан 13/13; 2 - Новоселица 19/16; 3, 4 — Семеновка 8/8;
(по: 1 - Чеботаренко и др., 1989; 2 - Субботин и др., 1995; 3,4 - Субботин, 1985)

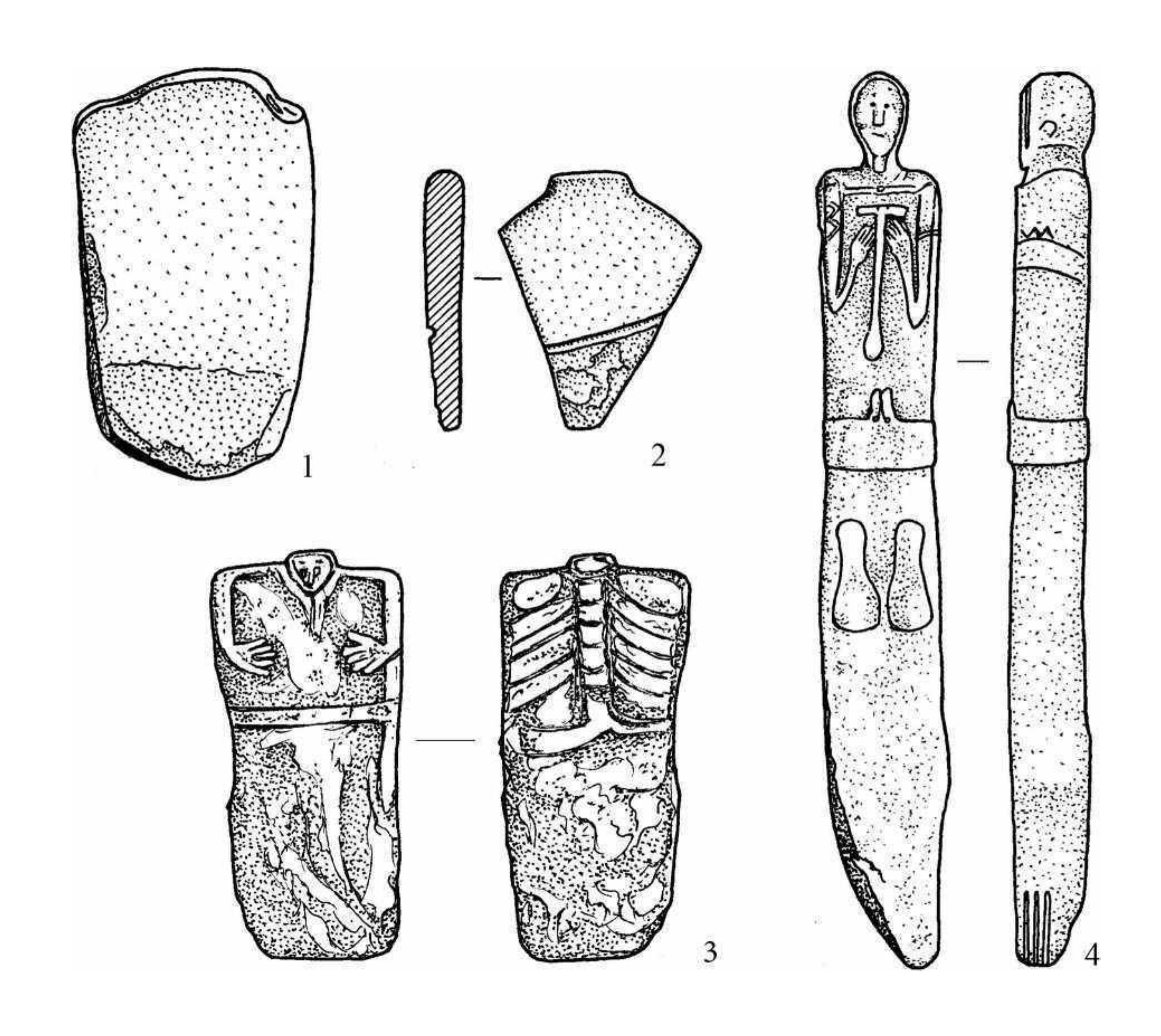

Рис. 2.6. Каменные антропоморфные стелы из погребений буджакской культуры:

1 - Новоселица 19/7; 2 - Новоселица 19/17; 3- «Крестовая могила», и. 8; 4 - Чобручи; (по: 1,2- Субботин и др., 1995; 3 - Гудкова, 1993; 4 - Новицкий, 1990)

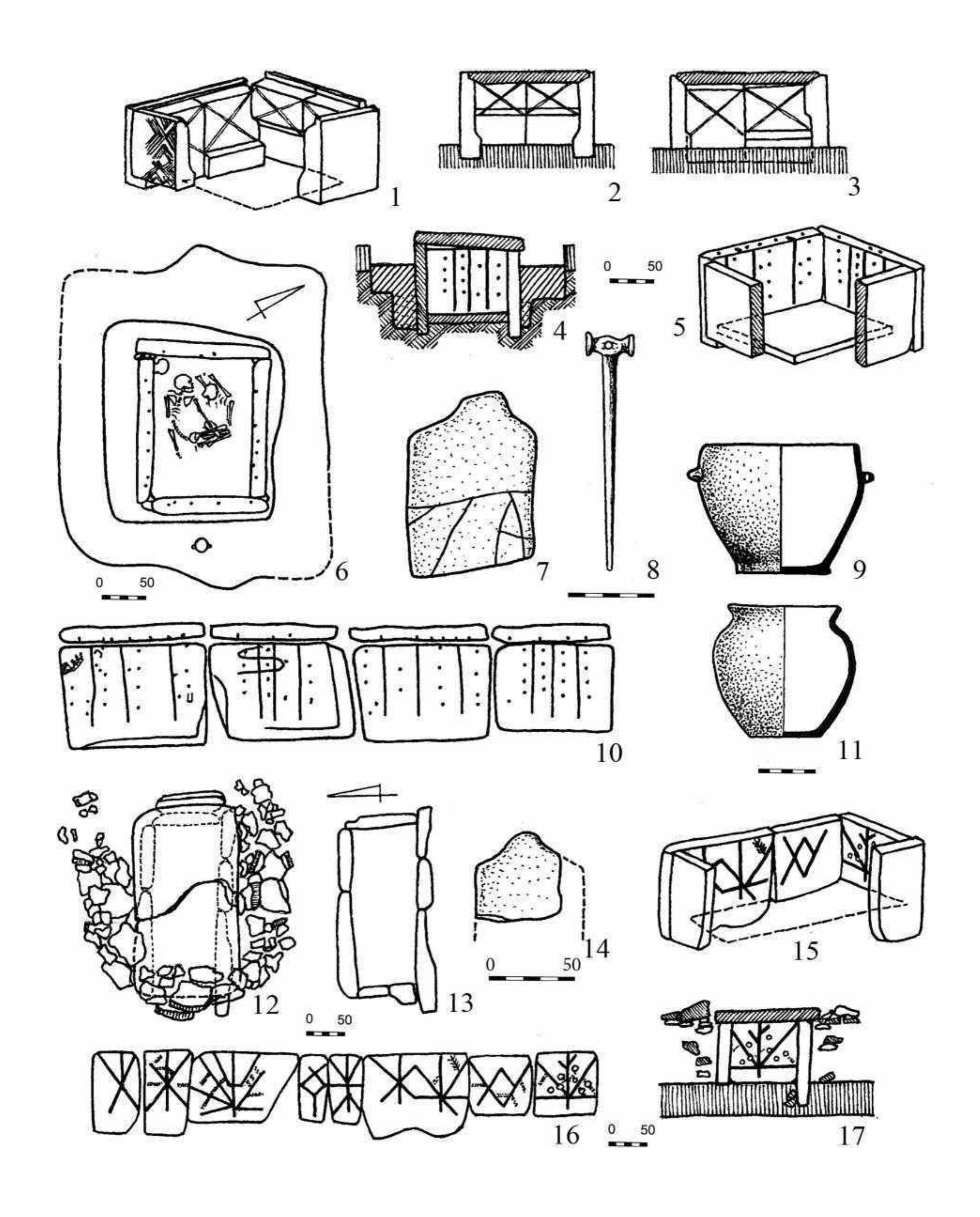

Рис. 2.7. Захоронения буджакской культуры в каменных ящиках:

1-3 - Великодолинское 1/1: реконструкция каменного ящика; 4—11— Старые Беляры 1/14: 4,5,10 - каменная гробница и плиты из нее; 7 - антропоморфная стела; 8 - костяная молоточковидная булавка, 9,10 - сосуды; 12-17-Великозимено во 1/1: 13,15-17 - каменная гробница, 14-антропоморфная стела;
(по: 1-3 - Субботин и др., 1976; 4/11 - Петренко, 1991; 12-17 - Иванова и др., 2005)

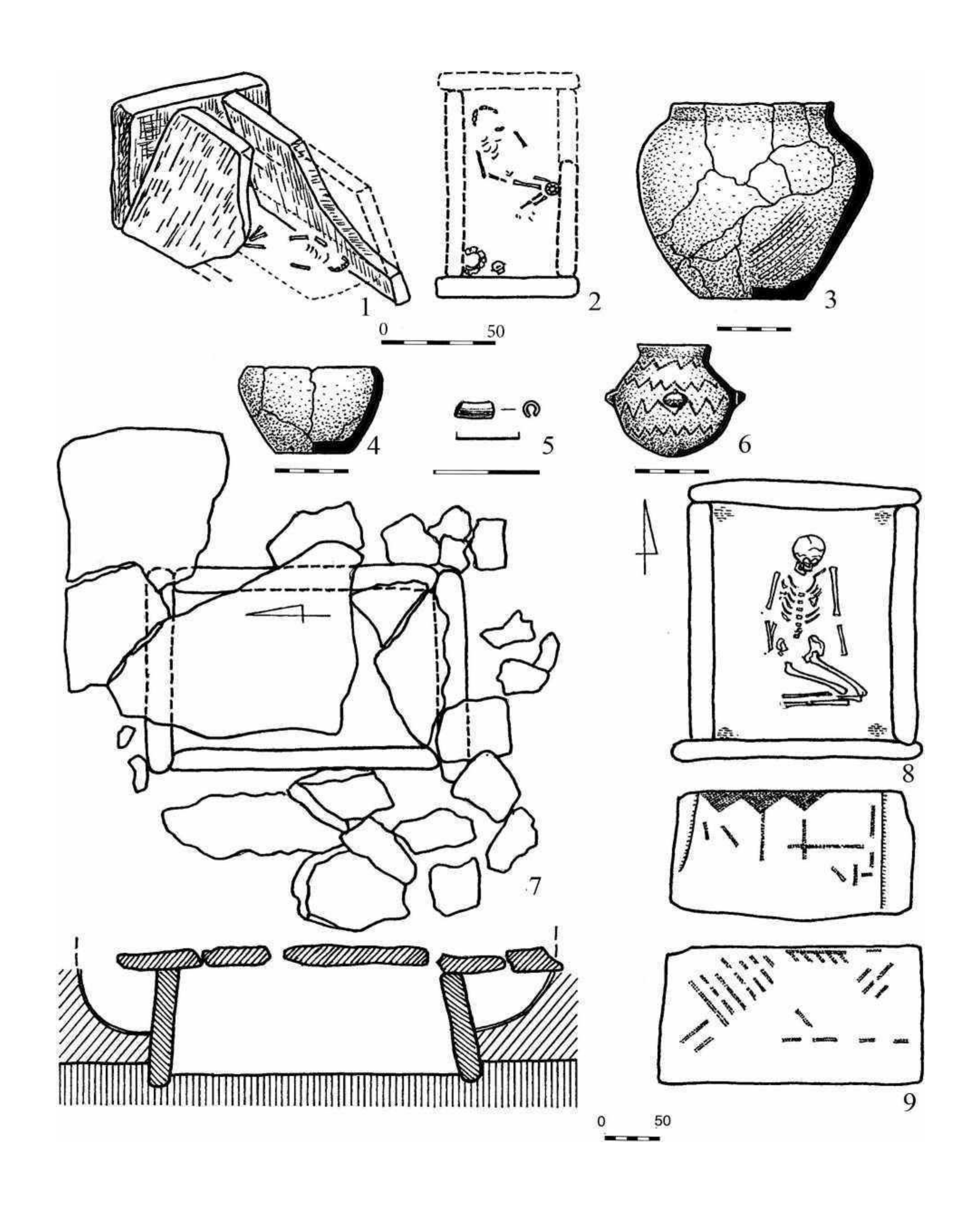

Рис. 2.8. Захоронения буджакской культуры в каменных ящиках:

1-6 - Бараново 1/9: 1,2 - каменная гробница, 3,4,6 - сосуды, 5 - медная пронизь; 7-9 - Катаржино 1/1: 7,8 - каменная гробница, 9 - роспись на плитах;
(по: Иванова и др., 2005)

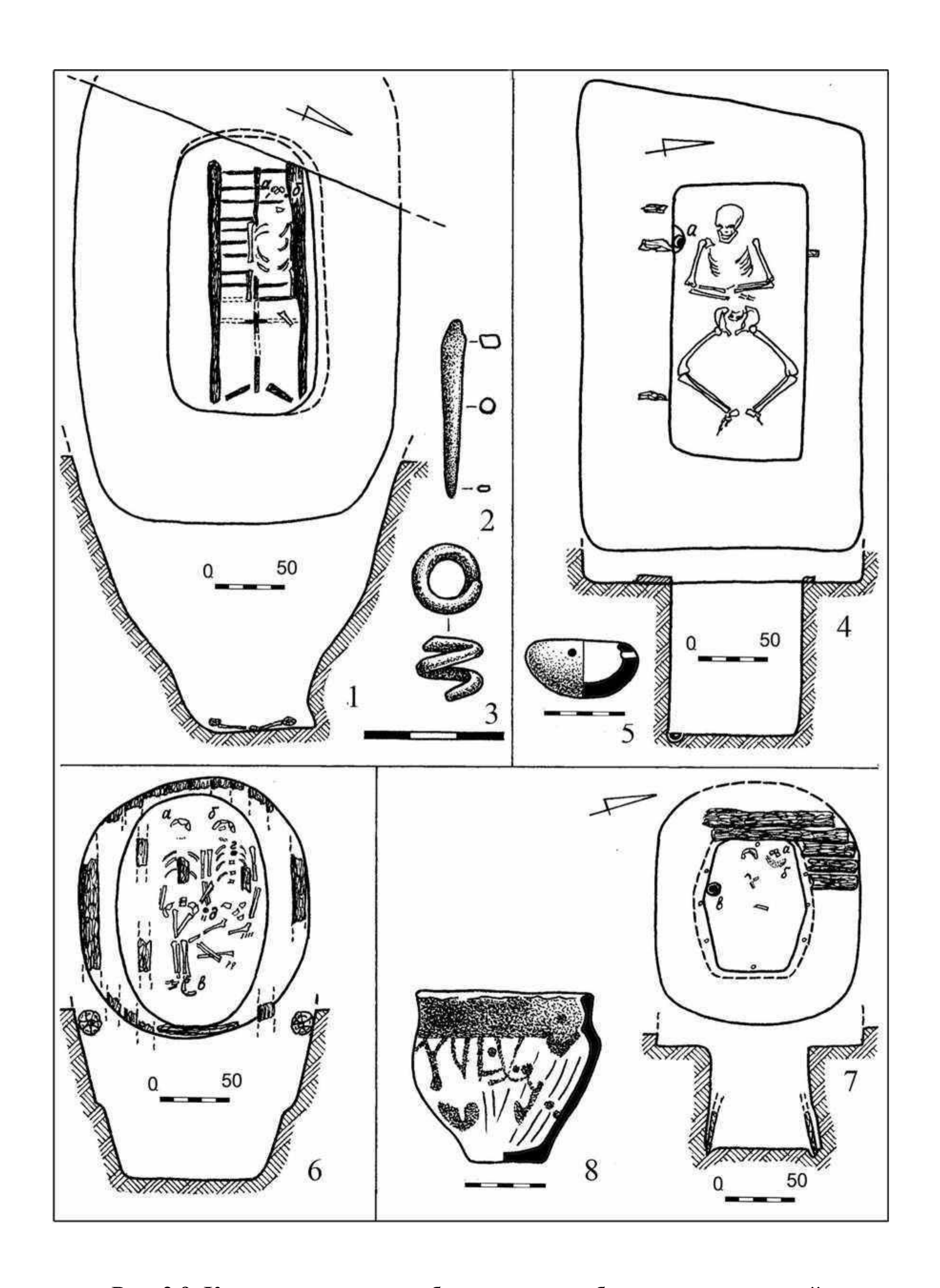

Рис. 2.9. Конструктивные особенности погребальных сооружений:

1-3 - Катаржино 1/11: 1 - план погребения; 2 - медное шило; 3 - серебряная спираль; 4,5 - Белолесье 3/8: 4 - план погребения; 5 - сосуд; 6 - Катаржино 1/21; 7,8 - Катаржино 1/9: 7 - план погребения; 8 - сосуд;
(по: 1-3; 6-8 - Иванова и др., 2005; 3-5 - Субботин и др., 1995)

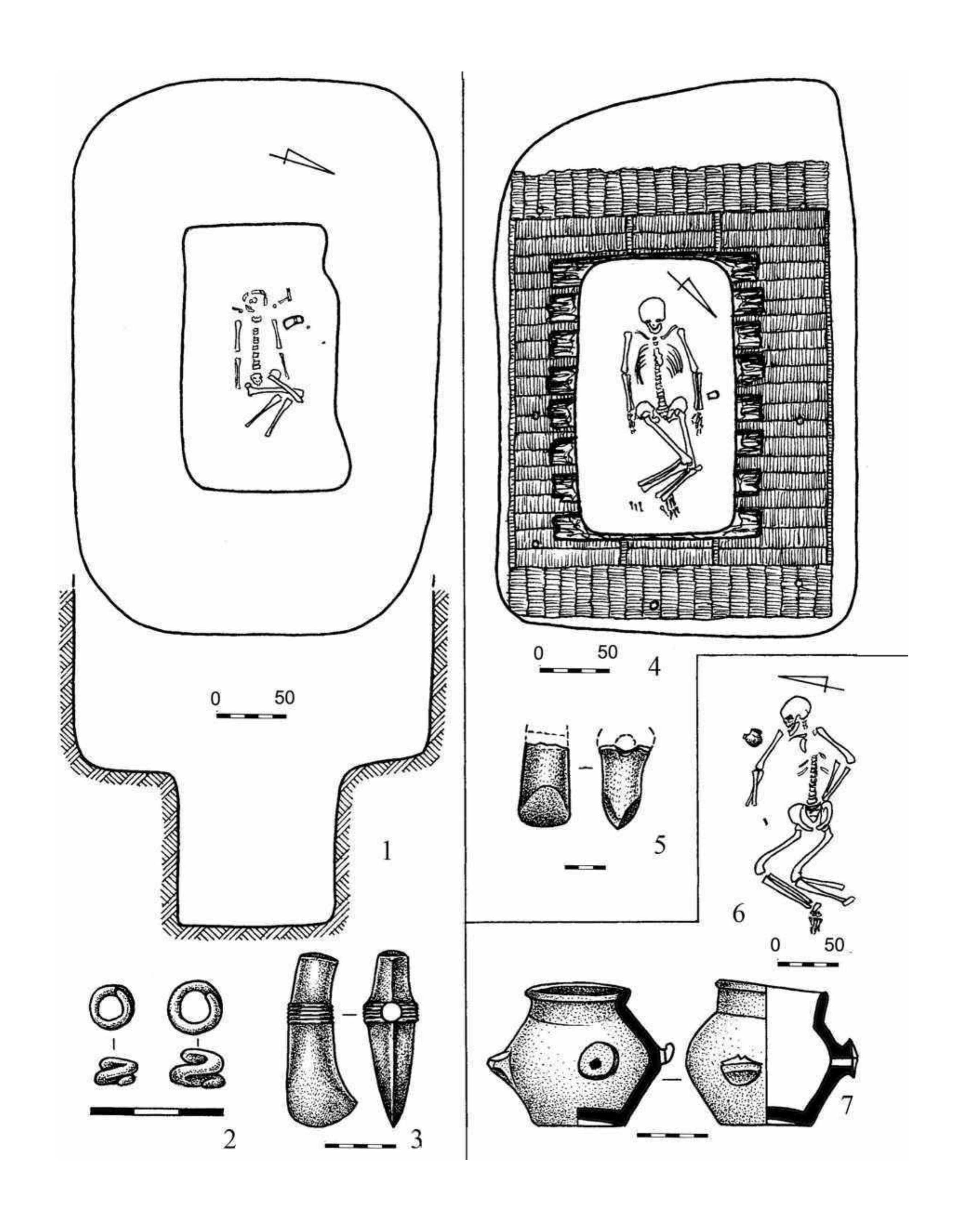

Рис. 2.10. Погребения буджакской культуры и инвентарь из них:

1-3 - Баранове 1/10: 1 - план погребения, 2 - серебряные спирали, 3 - каменный топор; 4,5 - Семеновка 14/12: 4 - план погребения, 5 - фрагмент каменного топора; 6,7 - Белолесье 3/15:6 - план погребения, 7 - сосуд; (по: 1-3 - Иванова и др., 2005; 4,5 - Субботин, 1985; 6,7 - Субботин и др., 1998)

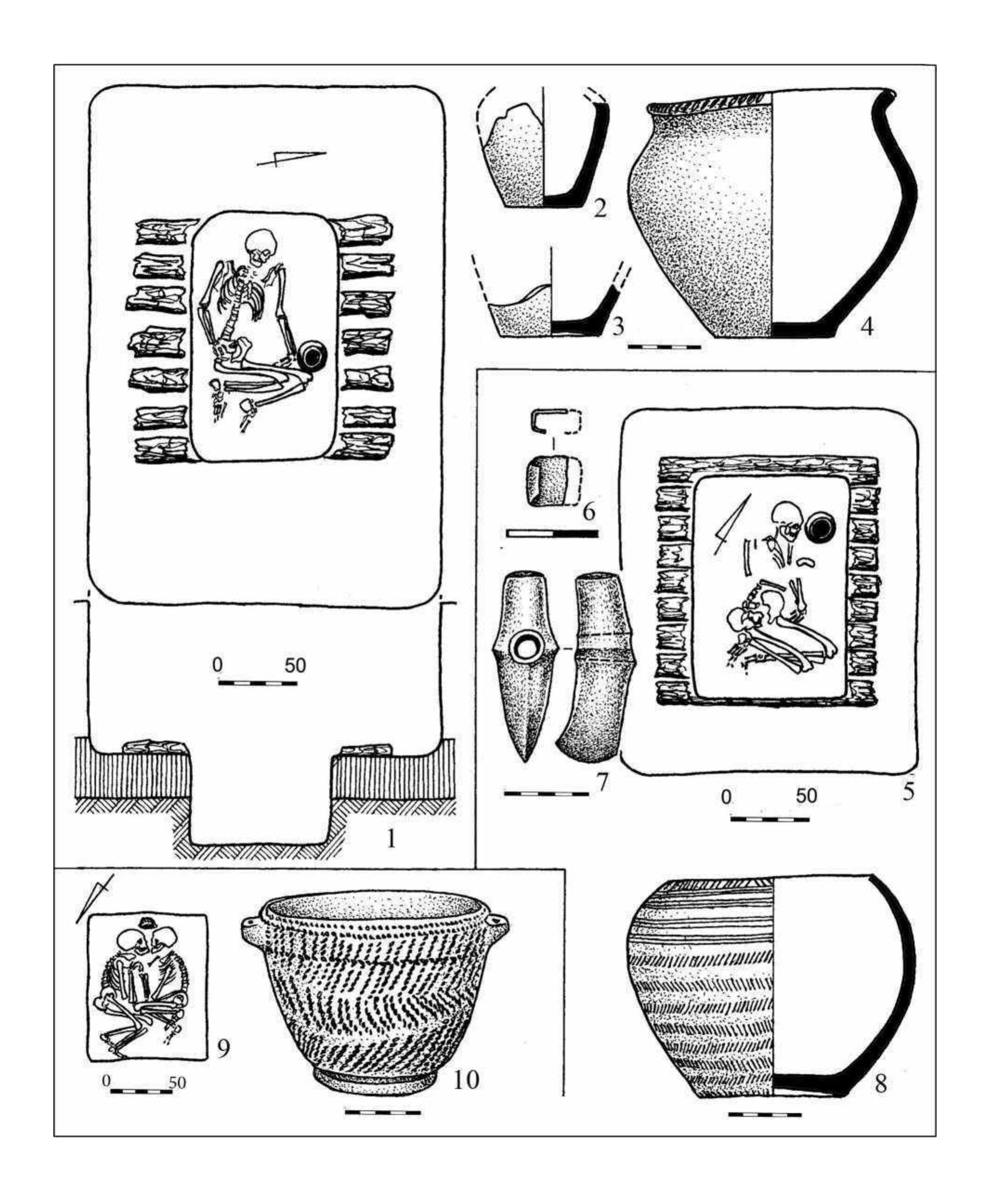

Рис. 2.11. Погребения буджакской культуры и инвентарь из них:

1-4 - Белолесье 11/9: 1 - план погребения, 2-4 - сосуды; 5-8 - Семеновка 8/16: 5 - план погребения, 6 - медная обойма,7 - каменный топор, 8 - сосуд; 9,10- Нерушай 9/74: 9 - план погребения, 10-сосуд;
(по: 1-4 - Субботин и др., 1998; 5-8 - Субботин, 1985; 9,10 - Шмаглий, Черняков, 1970)

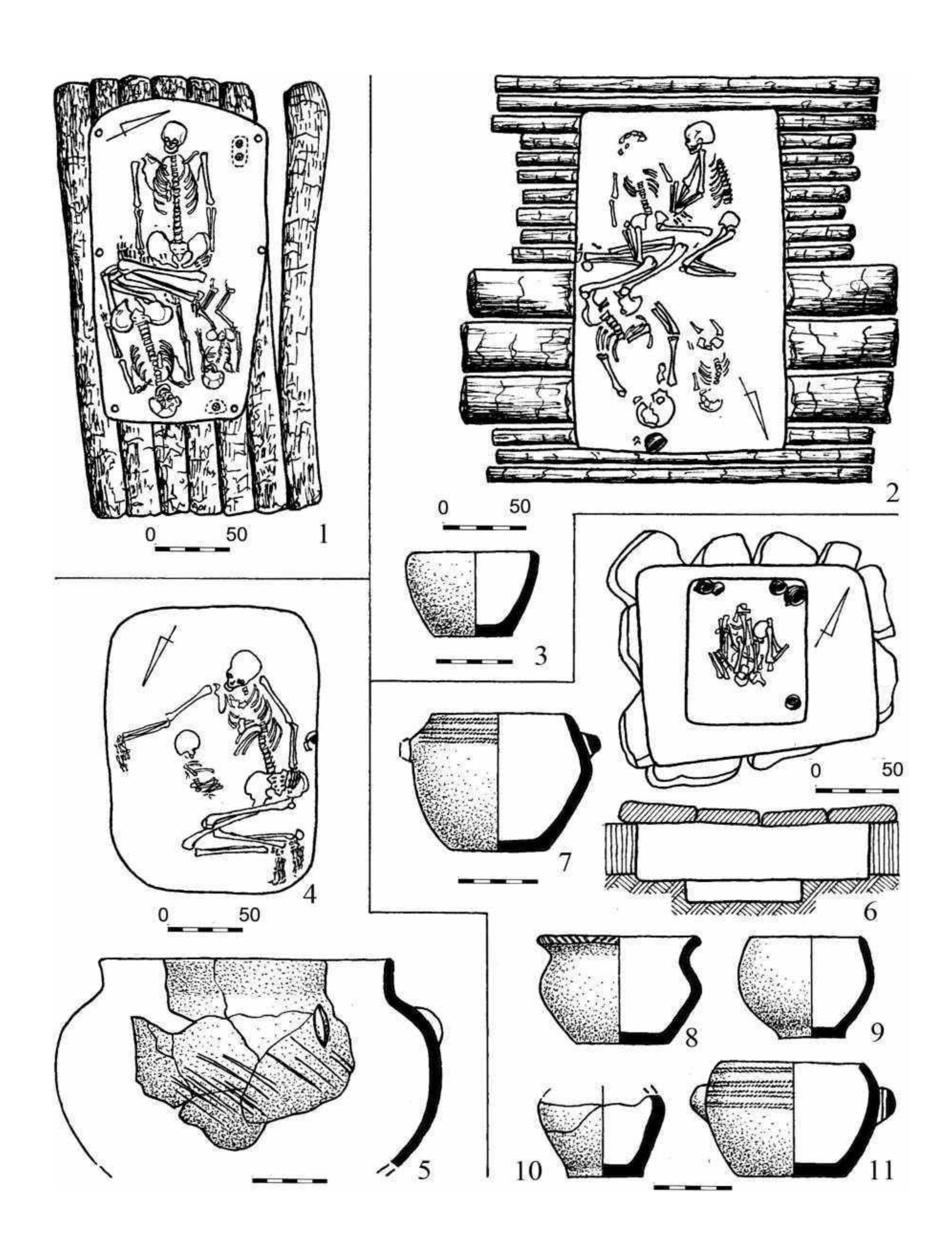

Рис. 2.12.Парные и коллективные погребения буджакской культуры и инвентарь из них:

1 - Красное 9/20; 2,3 - Семеновка 2/3: 2 - план погребения; 3 - сосуд; 4,5 - Нерушай 9/9: 4 - план погребения, 5 - сосуд; 6-11 - Траповка 1/8: 6 - план погребения, 7-11 - сосуды;
(по: 1 - Серова, Яровой, 1987; 2,3 - Субботин, 1985; 4,5 - Шмаглий, Черняков, 1970; 6-11 - Субботин и др., 1995)

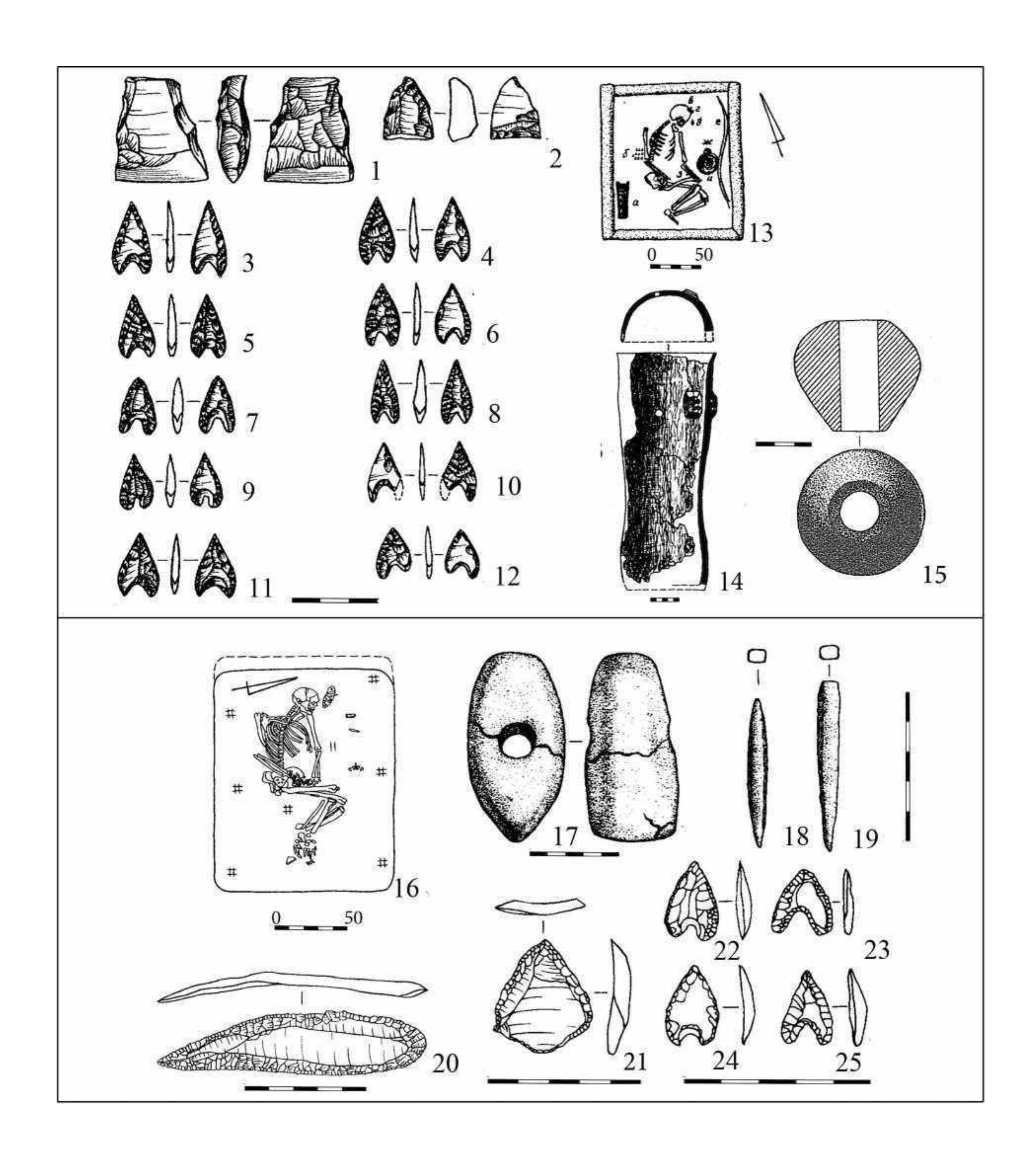

Рис. 2.13. Погребения буджакской культуры с оружием:

1-15 - погребение Ал калия 33/3; 16-26 - погребение Пуркары 1/38)
1 - топор кремневый; 2-12 наконечники стрел кремневые; 13 - план погребения; 14 - колчан деревянный; 15 - булава каменная; 16 - план погребения; 17 - топор каменный; 18, 19 - шилья бронзовые; 20 - нож кремневый; 21 - кремневая заготовка стрелы; 22-25 - кремневые наконечники стрел;
(по: 1-15 - Субботин, 2003; 16-25 - Яровой, 1990)

	№9 №11 №14	3500 – 3120
6	—	—
5	—	—
4	№5	—
3	№8	—
2	№6	—
1	№10	—

1

	№11 №13(?) №14 №28	2400 – 2130
6	№12 №10 №18(?)	—
5	№16 №19	2890 – 2680 2770 – 2510 2880 – 2660
4	№7	2770 – 2510
3	—	—
2	№30 №17 №26	—
1	№31	—

2

	№12 №6 №18 №20 №7	—
4	№42 №27(?) №17 №4 №36 №50 №37 №43 №49	2580 – 2300 2200 – 1970 2460 – 2040
3	№38	2890 – 2630 2860 – 2500
2	—	—
1	№19	—

Рис. 2.14. Схемы курганной стратиграфии и радиоуглеродная хронология:
1 - Маяки, к. 1; 2 - Новоселица, к. 19; 3 - Вишневое, к. 17

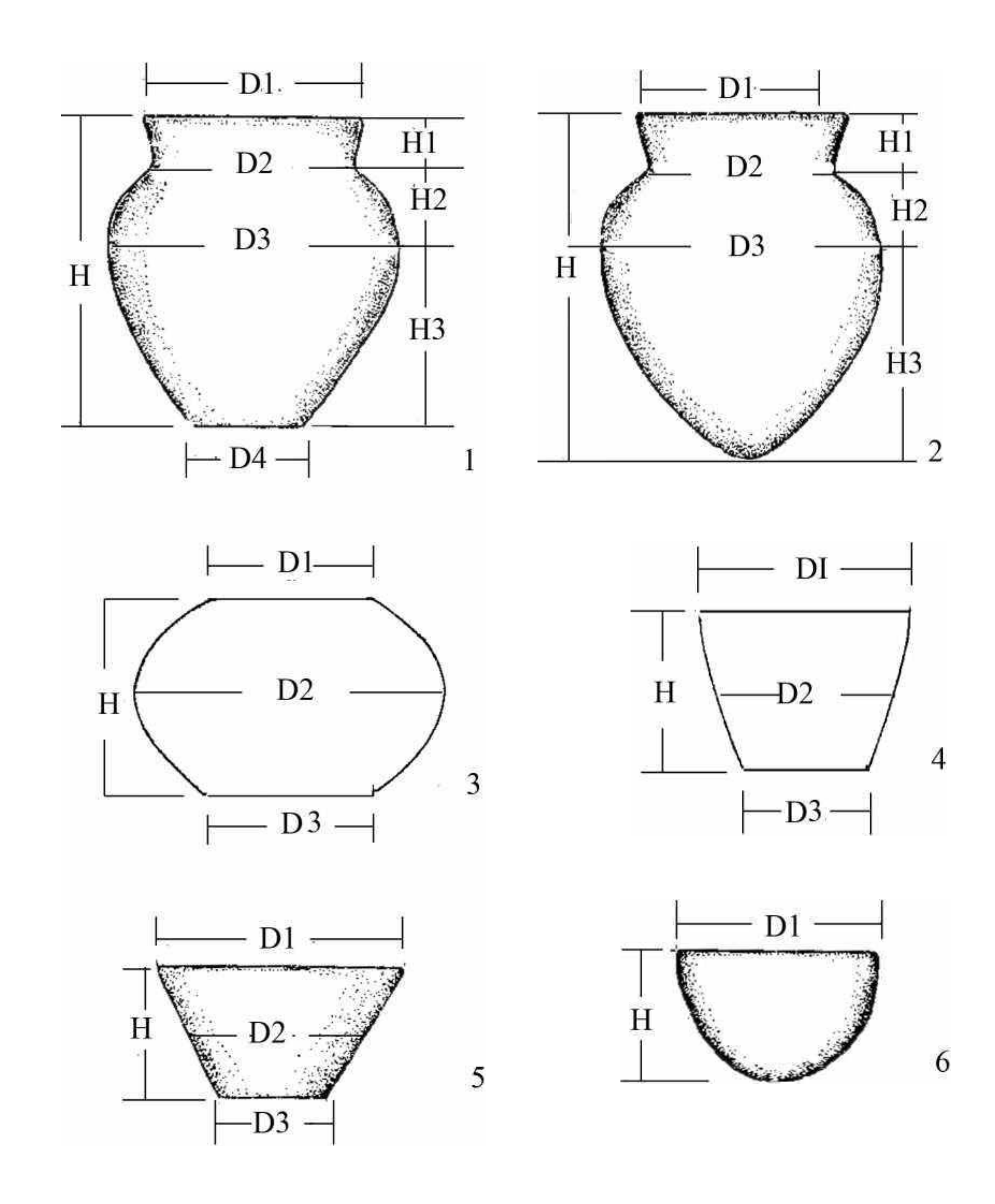

Рис. 2.15. Схема основных замеров керамики буджакской культуры:

1,2- сосуды с шеей; 3-6 - бесшейные сосуды

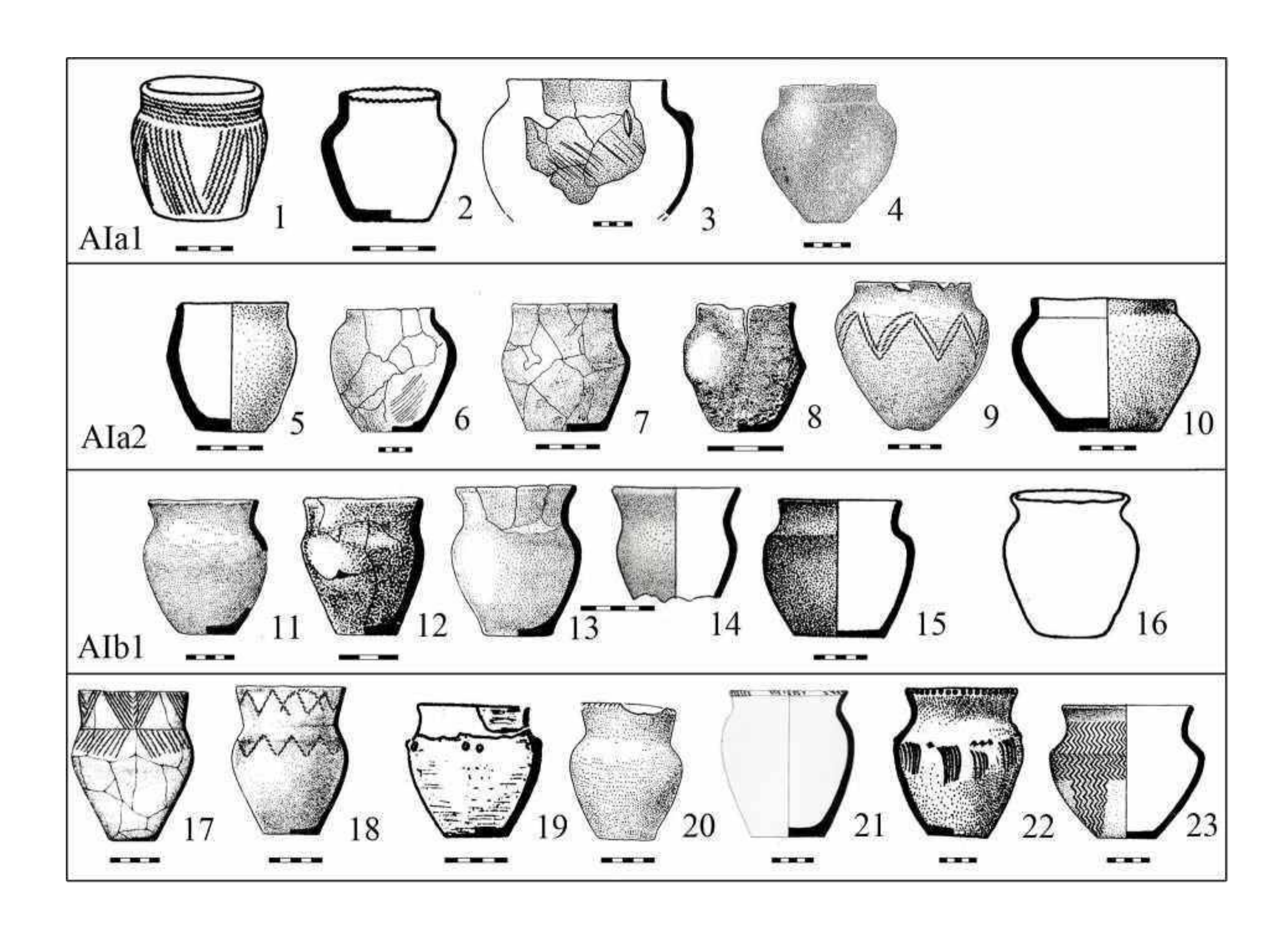

Рис. 2.16. Горшки из погребений буджакской культуры, тип А1

1 - Баштановка 7/21; 2 - Семеновка 19/3; 3 - Нерушай 9/9; 4 - Ковалевка II, 9/7; 5 - Траповка 1/18; 6 - Бараново 1/9; 7 - Оланешты, к. 3, насыпь; 8 - Оланешты 8/7; 9 - Ковалевка II, 1/10; 10 - Семеновка 19/9; 11 - Ковалевка VIII, 1/1; 12 - Оланешты 13/11; 13 - Оланешты 1/3; 14 - Червоный Яр I, к. 1, насыпь; 15 - Саратены 2/1; 16 - Болград 4/4; 17 - Оланешты 15/4; 18 - Оланешты 5/5; 19 - Плавни 9/7; 20 - Мефодиевка 3/4; 21 - Новоградковка 2/7; 22 - Петродолинское 1/4; 23 - Саратены 1/13; (по: 1,3- Шмаглий, Черняков, 1970; 2, 10 - Субботин, 1985; 4, 9, 11, 20 - Шапошникова и др., 1986; 5 - Субботин и др., 1995; 6 - Иванова и др., 2005; 7, 8, 12, 17, 18-Яровой, 1990; 10-Субботин, 1985; 14 - Алексеева, 1975; 15, 23 — Levitki et al., 1996; 16 - Субботин, Шмаглий, 1970; 19 - Андрух и др., 1985; 21 - Субботин и др., 1986)

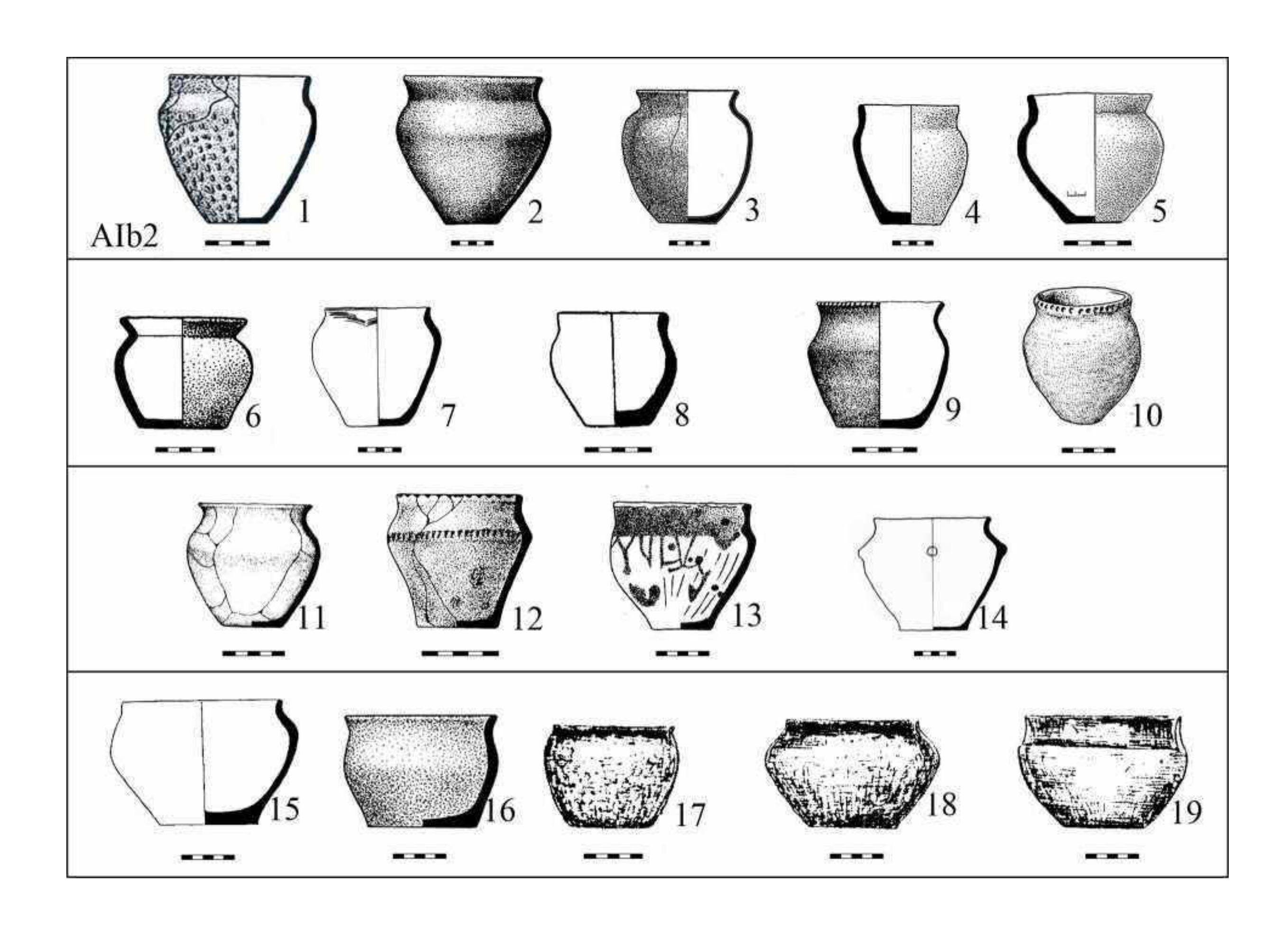

Рис. 2.17. Горшки из погребений буджакской культуры, тип А1:

1 - Бурлэнешть, к. 2, насыпь; 2 - Терновка II, 2/14; 3 - Саратены 2/1; 4 - Траповка 6/19; 5 - Новоселица 3/2; 6 - Семеновка 19/5; 7 - Дубиново 1/13; 8 - Кислица 8/6; 9 - Градешка I, 5/12; 10 - Покровка 1/15; 11 - Пуркары 3/9; 12 - Оланешты 13/8; 13 - Катаржино 1/9; 14 - Мреснота могила 1/3; 15 - Кубей 21/15; 16 - Новые Дуруиторы 4/2; 17- 19 - Гура- Быкулуй 8/6;
(по: 1- Демченко, Левицкий, 2006; 2 - Савва, Клочко, 2002; 3 – Levitki et al., 1996; 4, 5 - Субботин и др., 1995; 6 - Субботин, 1985; 7, 13 - Иванова и др., 2005; 8 - Гудкова и др., 1995; 9 - Субботин и др., 1995; 10 - Шапошникова и др., 1986; 11, 12-Яровой, 1990; 14 - Гудкова и др., 1984; 15-Субботин и др. ,1987; 16 - Демченко, 2007; 17- 19 - Дергачев, 1984)

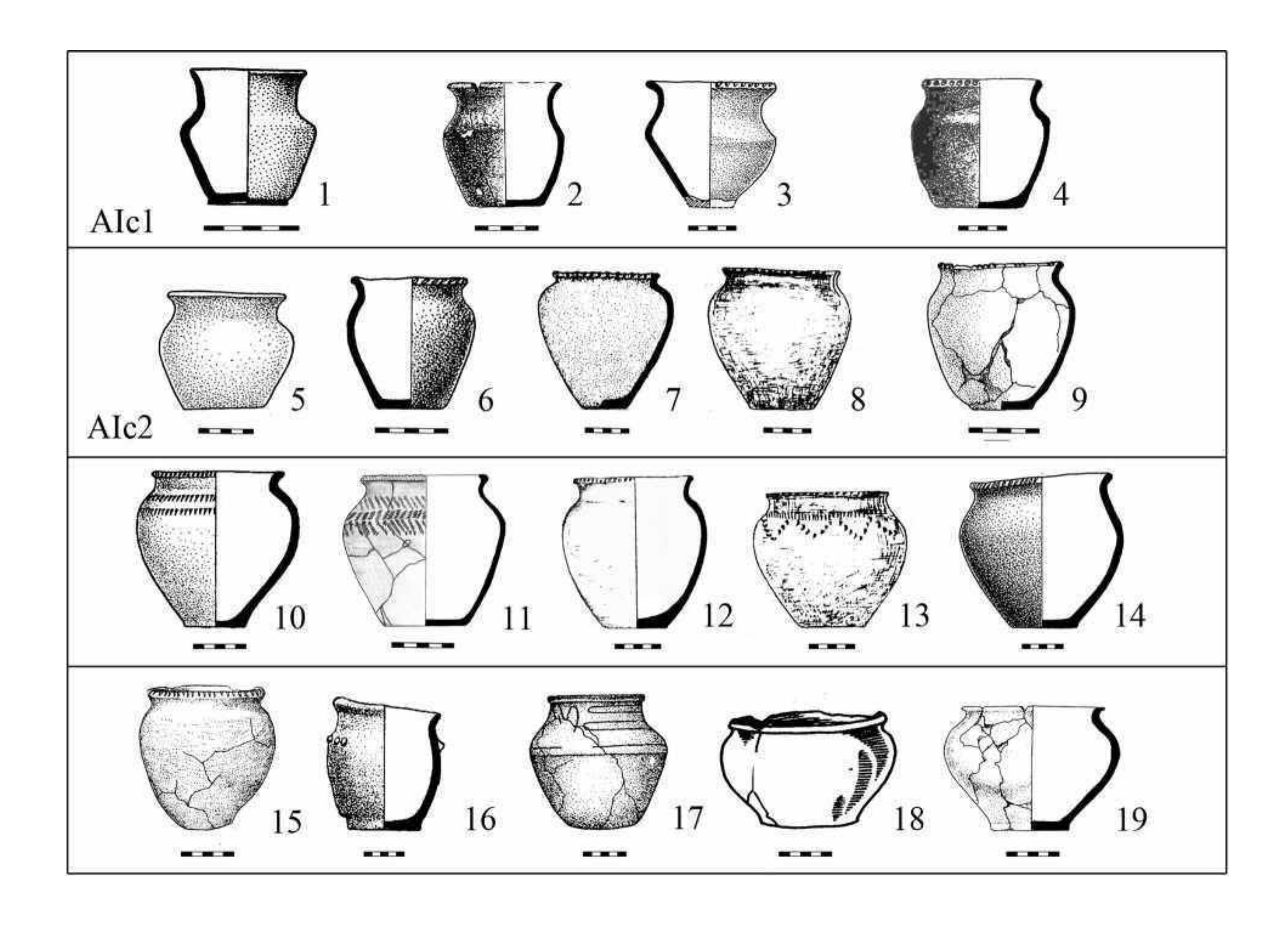

Рис. 2.18. Горшки из погребений буджакской культуры, тип А1:

1 - Семеновка 2/2; 2 - Кириленъ 3/22; 3 - Траповка 6/19; 4 - Мокра 1/6; 5 - Щербанка 1/9; 6 - Белолесье 1/5; 7 - Тирасполь 3/18; 8 - Гура-Быкулуй 3/6; 9 - Новоградковка 2/7; 10 - Новоградковка 1/4; 11 - Сычавка 1/10; 12 - Нагорное 15/12; 13 - Гура-Быкулуй, к. 6, насыпь; 14 - Белолесье 11/9: 15 - Ковалевка I, 2/2; 16 - Градешка I, 5/8; 17 - Саратены 1/13; 18 - Ефимовка 3/10; 19-Жюржюлешть, 3/13;
(по: 1 - Субботин, 1985; 2 - Абызова, Клочко, 2004; 3 - Субботин и др., 1995; 4 - Кашуба и др., 2001-2002; 5 - Бейлекчи, 1993; 6, 14 - Субботин и др., 1998; 7 - Савва, 1988; 8, 13 - Дергачев, 1984; 9, 10 - Субботин и др., 1986; 11 - Иванова, Савельев, 2011; 12 - Тощев, 1992; 15 - Шапошникова и др., 1986; 16 - Субботин и др., 1995; 17 – Levitki et al., 1996; 18- Шмаглий, Черняков, 1985; 19 - Хахеу, Попович, 2010)

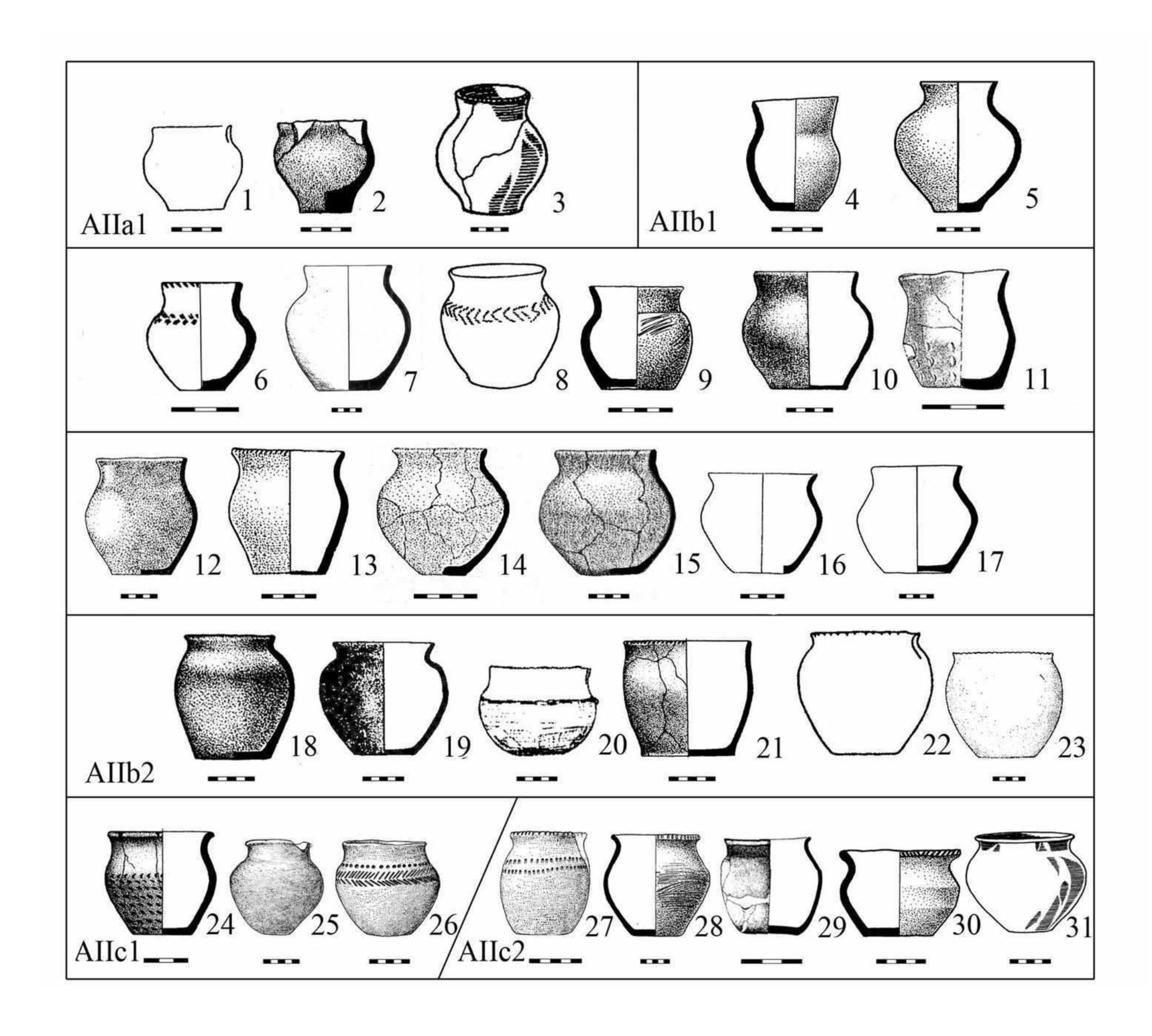

Рис. 2.19. Горшки из погребений буджакской культуры, тип АП:

1 - Тараклия I 1/2; 2 - Корпач 2/9; 3 - Ефимовка 10/6; 4 - Траповка 10/11; 5 - Желтый Яр 5/4; 6 - Гура-Галбене 2/11; 7 - Дальник 1/2; 8 - Нерушай 9/56; 9 - Вишневое 56/8; 10 - Талмаз 3/9; 11 - Бравичены 1/10; 12 - Оланешты 8/4; 13 - Градешка I, 5/12; 14 - Балабан 3/3; 15 - Балабан 4/5; 16 - Бравичены 6/4; 17 - Кубей 1/11; 18 - Никольское 16/17; 19 - Старые Беляры 1/14; 20 - Гура-Быкулуй 7/1; 21 - Саратены 4/11; 22 - Тудорово 2/4; 23 - Коржово 2/13; 24 - Саратены 3/4; 25 - Ковалевка VI, 4/11; 26 - Ковалевка II, 4/22; 27 - Ковалевка II, 8/4; 28 - Вишневое 52/3; 29 - Бравичены 23/3; 30 - Траповка 1/8; 31 - Ефимовка 3/10;
(по: 1, 6, 20, 22 - Дергачев, 1986; 2 - Яровой, 1984; 3, 31 - Шмаглий, Черняков, 1985; 4, 30 - Субботин и др., 1995; 5 - Субботин и др., 1981; 7 - Алексеева, 1992; 8 - Шмаглий, Черняков, 1970; 9, 28 - Субботин и др., 1998; 10 - Агульников, Яровой, 2004; 11, 16, 29 - Ларина и др., 2008; 12 - Яровой, 1990; 13 - Субботин и др., 1995; 14, 1 5 - Чеботаренко и др., 1989; 17 - Субботин и др., 1986; 1 8 - Агульников, Сава, 2004; 19 - Петренко, 1991; 21, 24 – Levitki et al., 1996; 23 - Борзияк и др., 1983; 25-27 - Шапошникова и др., 1986)

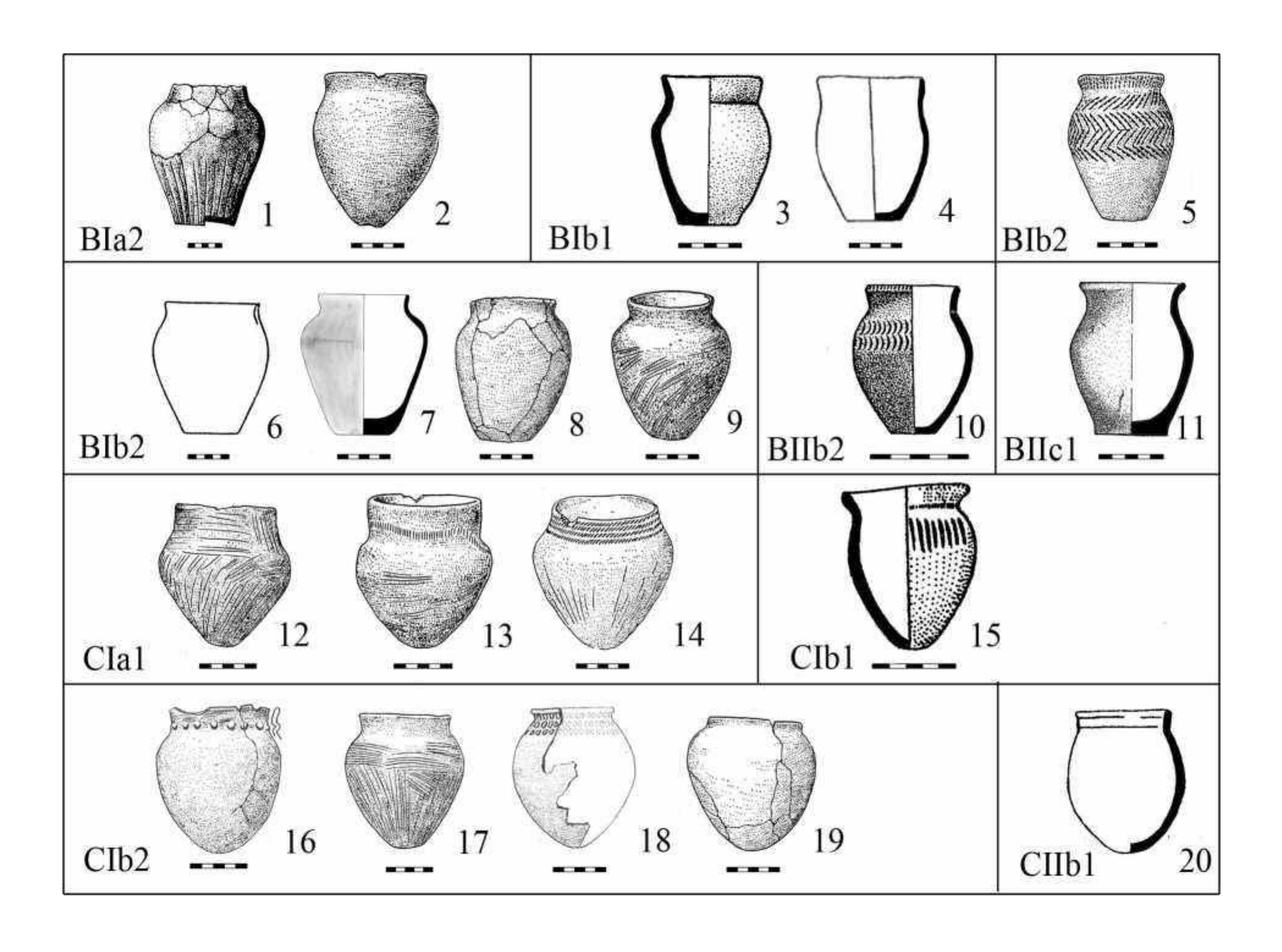

Рис. 2.20. Горшки из погребений буджакской культуры, типы B и C:

1 - Пуркары 2/9; 2 - Ковалевка III, 1/9; 3 - Семеновка 8/5; 4 - Плавни 8/26; 5 - Ковалевка IV, 1/13; 6 - Етулия 1/14; 7 - Вапнярка 4/18; 8 - Ковалевка I, 4/14; 9 - Ковалевка VIII, 1/13; 10 - Саратены 2/5; 11 - Бравичены 7/13; 12 - Ковалевка I, 1/11; 13 - Ковалевка II, 6/11; 14 - Ковалевка VI, 4/7; 15 - Дальник 3/1; 16 - Ковалевка VII, 4/14; 17 - Нечаянное 2/9; 18 - Ковалевка I, к. 2, насыпь; 19 - Ковалевкаї, 6/2; 20 - Градище 1/16;
(по: 1 - Яровой, 1990; 2, 5, 8, 9, 12-14, 16-19 - Шапошникова и др., 1986; 3 - Субботин, 1985; 4 - Андрух и др., 1985; 6 - Серова, 1981; 7 - Иванова и др., 2012; 10 – Levitki et al., 1996; 11 - Ларина и др., 2008; 15 - Алексеева, 1992;20 - Дергачев, 1999)

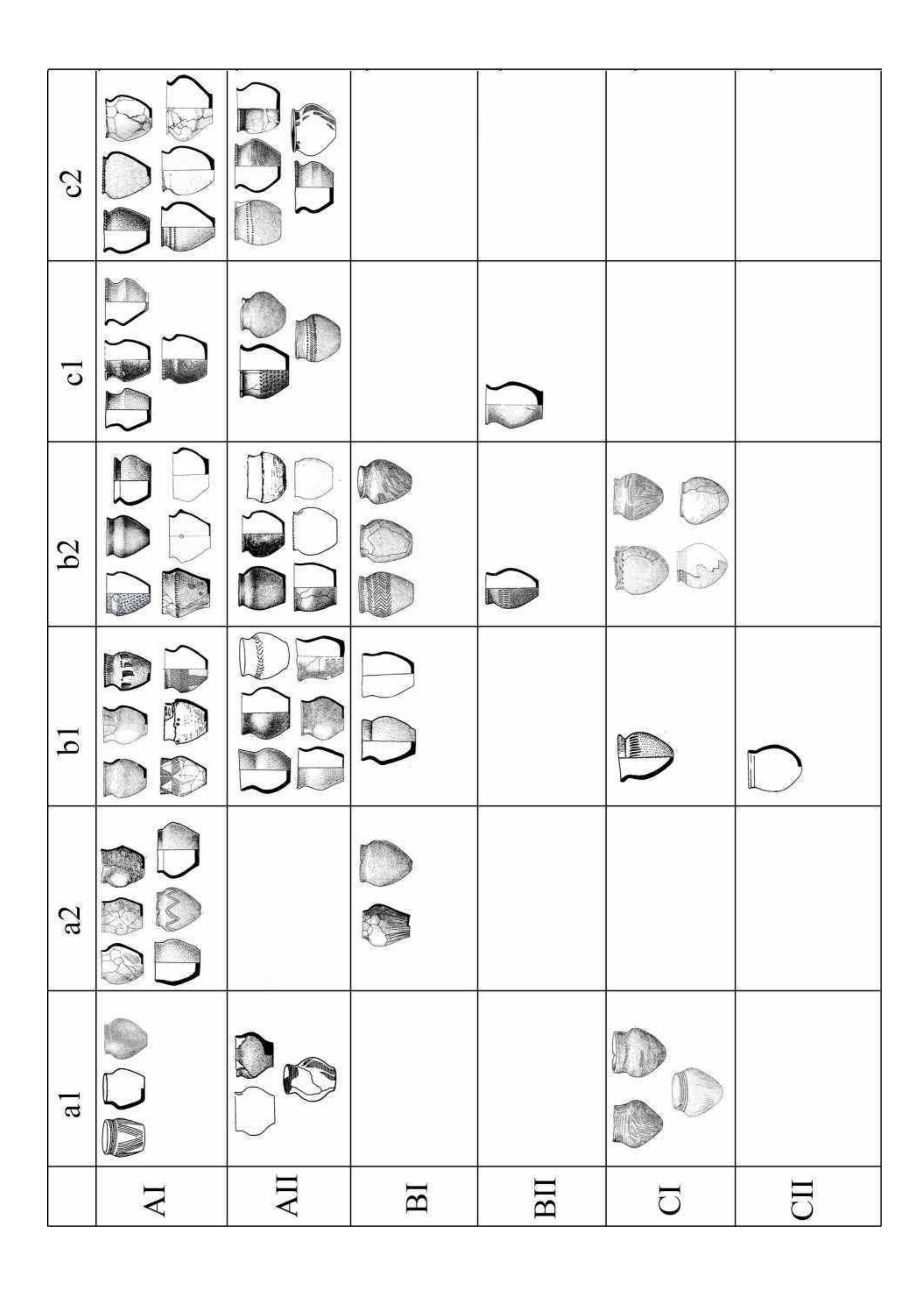

Рис. 2.21. Общая классификация типов горшков из погребений буджакской культуры

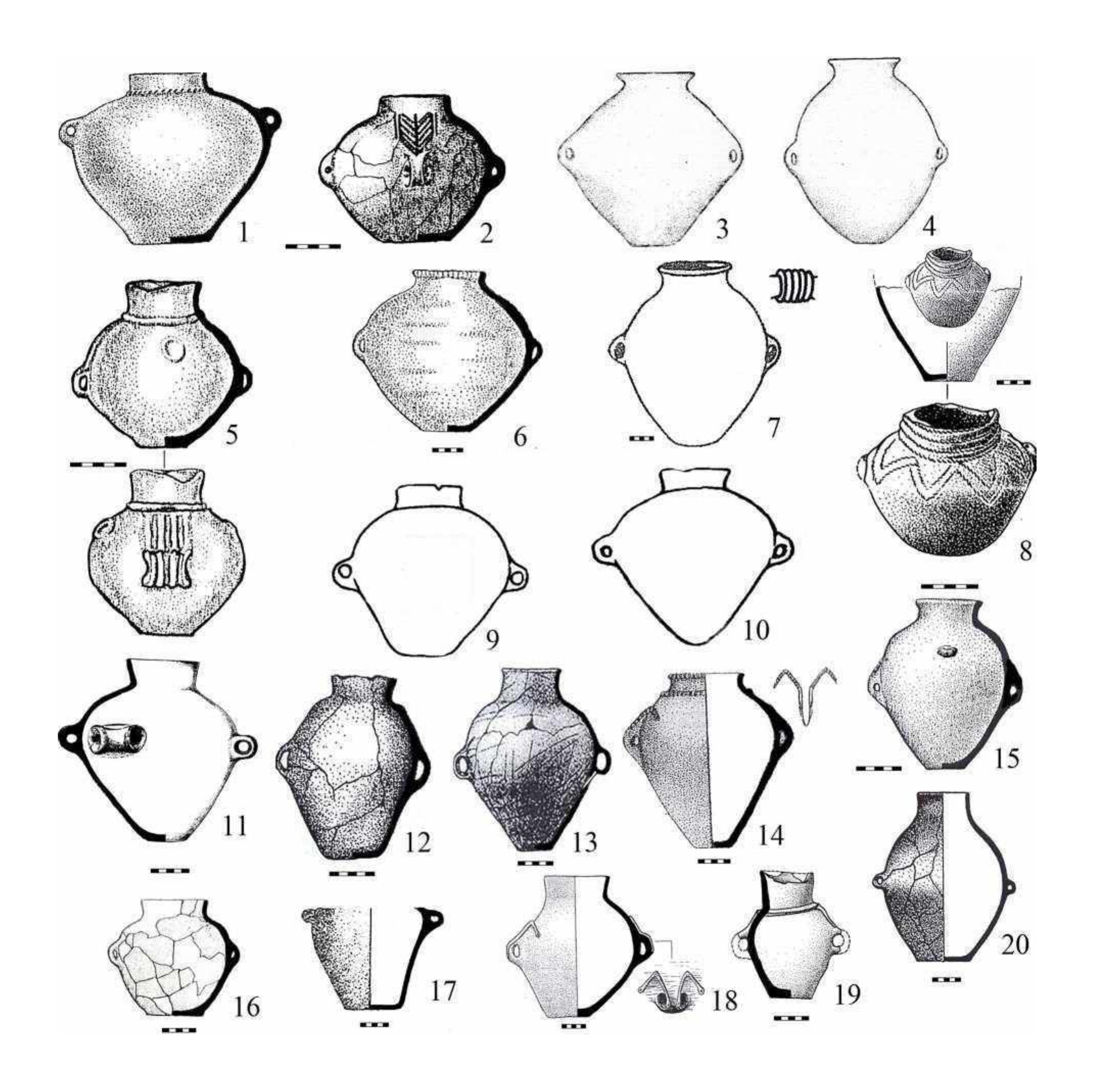

Рис. 2.22. Амфоры из буджакских захоронений:

1 - Гура Галбене 2/5; 2 - Оланешты 14/1; 3 - Бурсучены 1/19; 4 - Бурсучены 1/14; 5 - Каушаны 1/4; 6 - Каушаны 1/18; 7 -Ефимовка 10/7; 8 - Белолесье, к. 1, насыпь; 9 - Островное 2/12; 10 - Ясски 5/26; 11 - Огородное, к. 1, насыпь; 12 - Тараклия 10/19; 13- Казаклия 3/13; 14 - Каменка 6/18; 15 - Каменка 3/13; 16- Яблона 1/1; 17 - Курчи 1/6; 18 - Градешка I, 5/11; 19 - Траповка, к. 1, насыпь; 20- Саратены 2/10;
(по: 1-Дергачев, 1973; 2, 16-Яровой, 1990; 3, 4 - Яровой, 1985; 5, 6 - Чеботаренко и др., 1989; 7 - Шмаглий, Черняков, 1985; 8 - Субботин, 1998; 9, 10 - Алексеева, 1992; 11 - Субботин и др., 1983; 12 - Агульников, 2002; 13 -Агульников, 2008; 14,15- Манзура и др., 1992; 16-Яровой, 1983; 17 - Тощев, 1992; 18- Субботин и др., 1995; 19 - Субботин и др., 1995; 20 – Levitki et al., 1996)

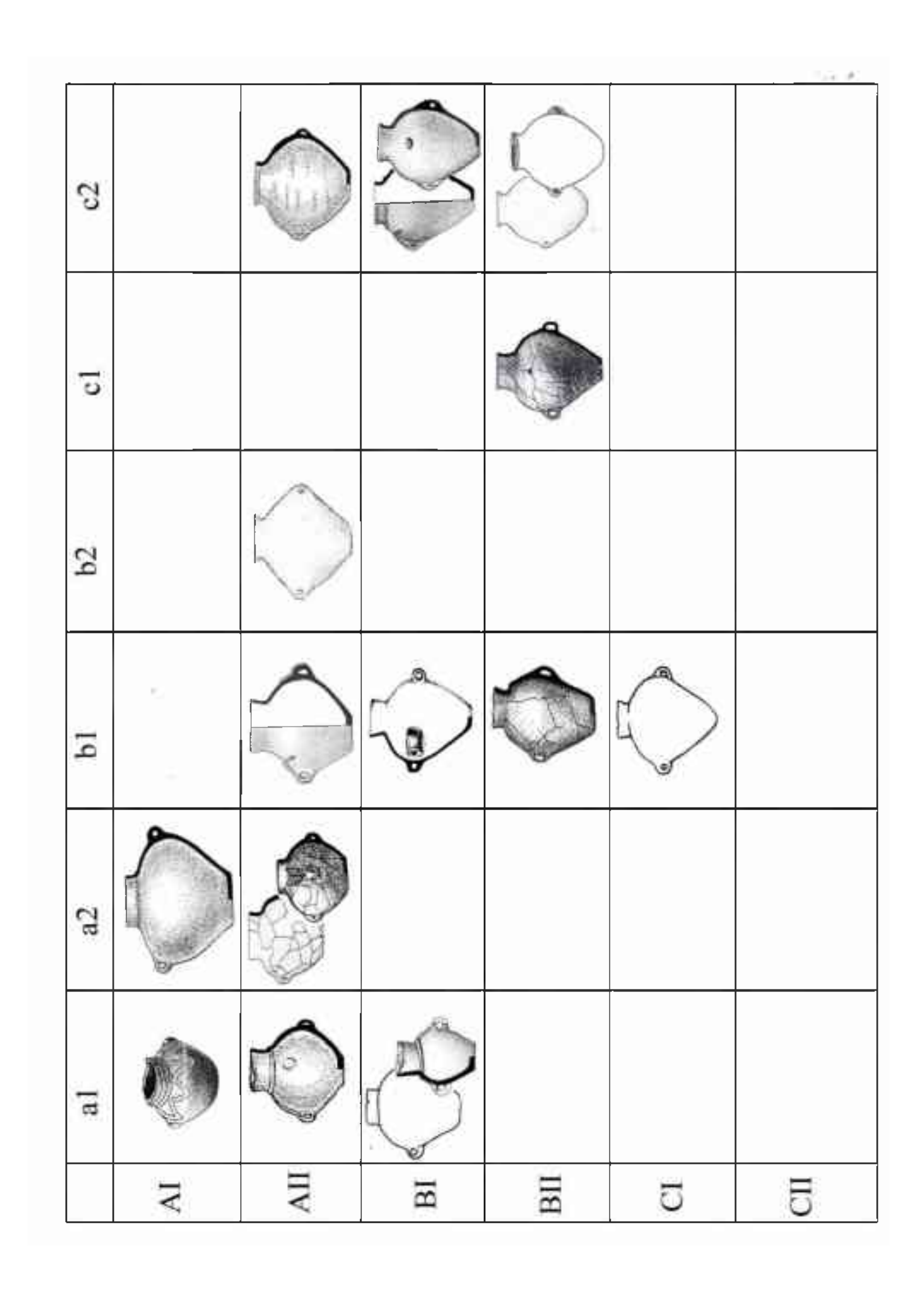

Рис. 2.23. Классификация амфор из погребений буджакской культуры

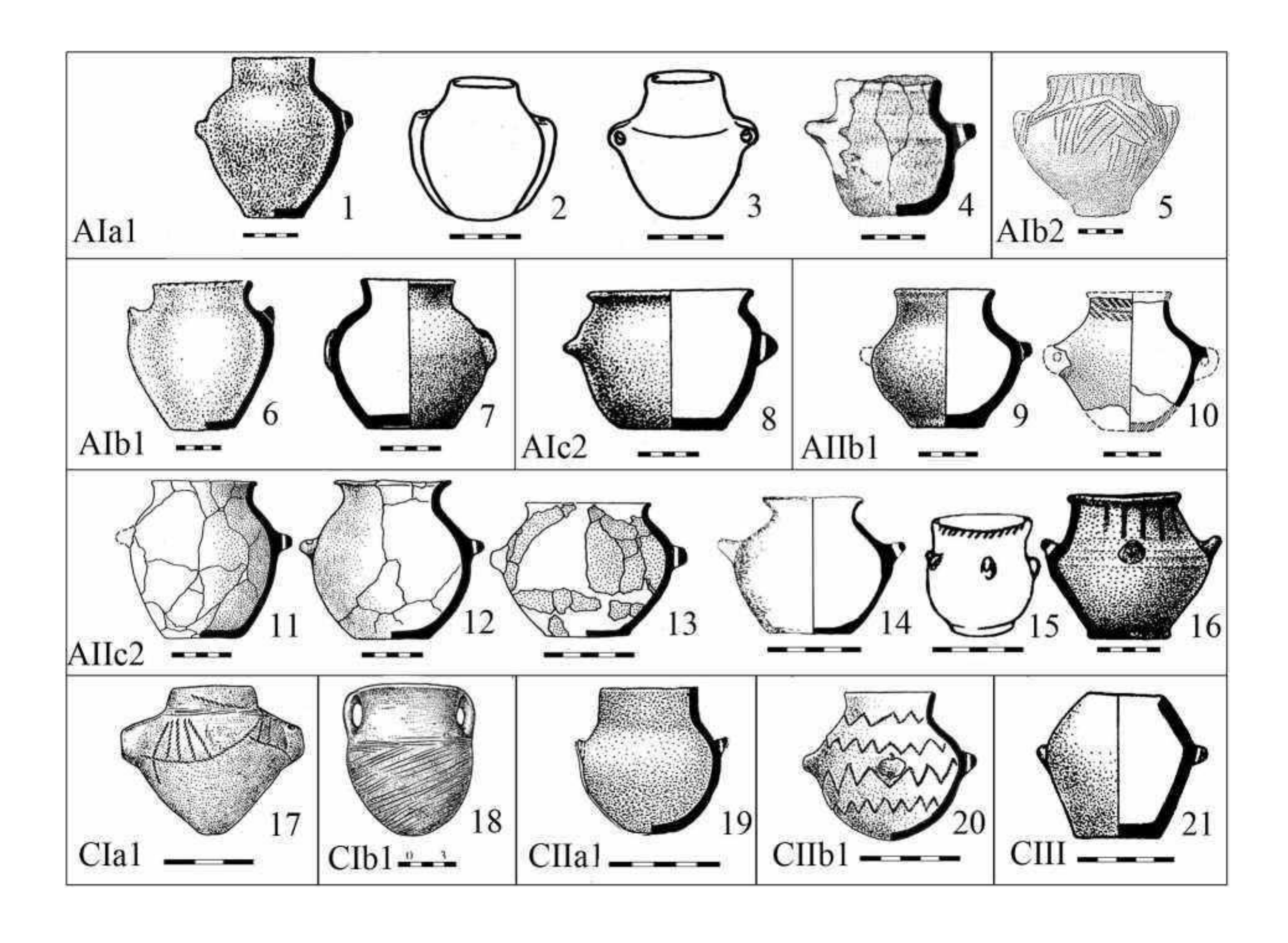

Рис. 2.24. Классификация амфор и амфоровидных сосудов из погребений буджакской культуры (типы А и С):

1 - Тараклия 1/17; 2 - Болград 5/6; 3 - Болград 3/1; 4 - Михайловка 3/6; 5 - Новогригорьевка 1/27; 6 - Гура-Быкулуй 7/1; 7 - Семеновка 14/5; 8 - Лиман 3А/17; 9 - Вишневое 52/40; 10 - Градешка I, 5/1; 11 -Ревова 3/7; 12 - Холодная балка 1/7; 13 -Любаша 2/3; 14 - Приморское 1/1; 15 - Баштановка 7/12; 16 - Семеновка 19/4; 17 - Ковалевка VII 4/2; 18 - Ковалевка VIII, 1/24; 19 - Molога 2/3; 20 - Баранове 1/9; 21 - Вишневое 17/4;
(по: 1 - Дергачев, 1999; 2, 3 - Субботин, Шмаглйй, 1970; 4 - Чеботаренко и др., 1989; 5, 17, 18 - Шапошникова и др., 1986; 6 - Дергачев, 1984; 7, 16 - Субботин, 1985; 8 - Субботин, Тощев, 2002; 9 - Субботин и др., 1998; 10 - Субботин и др., 1995; 11, 13, 20 - Иванова и др., 2005; 12 - Петренко, 2010; 14 - Чеботаренко и др., 1993; 15 - Шмаглий, Черняков, 1980; 19 - Малюкевич, Агульников, 2005; 21 - Дворянинов и др., 1985)

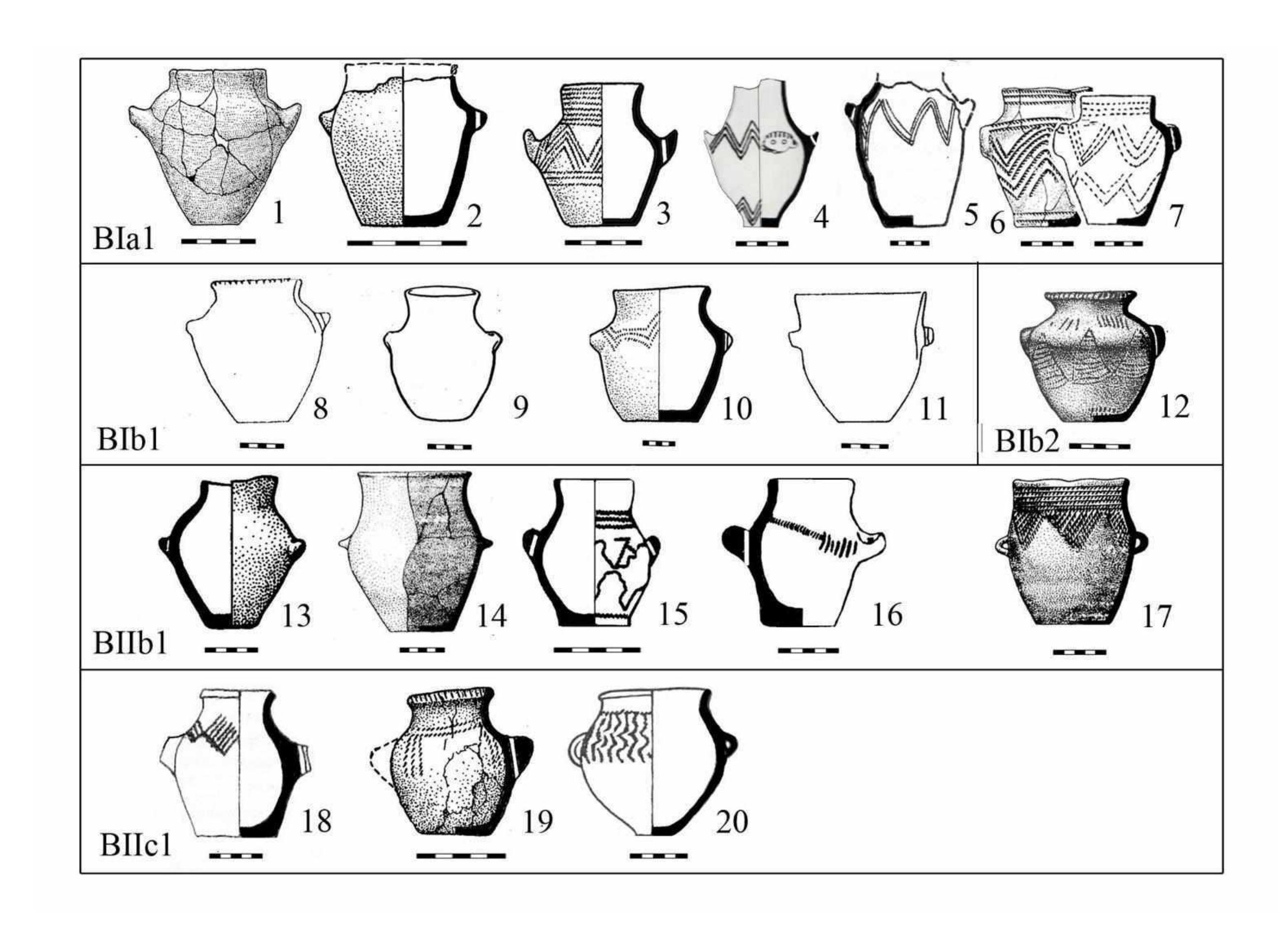

Рис. 2.25. Классификация амфор и амфоровидных сосудов из погребений буджакской культуры (тип В):

1 - Каменка (Николаевской обл.) 29/9; 2 - Градешка I, 5|2; 3 - Михайловка 3/6; 4 - Алкалия, к. 25, ров; 5 - Вишневое 11/4; 6 - Оланешты 1/15; 7 - Плавни 5/3; 8 - Тудорово, к. 2; 9- Болград 4/2; 10 - Кубей 1/16; 11 - Новокаменка 1/13; 12 - Никольское 16/16; 13- Семеновка 2/6; 14- Оланешты 1/27; 15 - Семеновка 2/2; 16-Семеновка 19/5; 17-Пуркары 1/28; 18 - Приморское, к. 1; 19- Хаджиллар 2/14; 20 - Холмское 2/13;
(по: 1 - Шапошникова и др., 1986; 2 - Субботин и др., 1995; 3 - Субботин, 2000; 4 - Субботин и др., 1987; 5 - Дворянинов и др., 1985; 6, 14, 17 - Яровой, 1990; 7 - Андрух и др., 1985; 8 - Дергачев, 1973; 9 - Шмаглий, Черняков, 1970; 10 - Субботин и др., 1986; 11- Шмаглий и др., 1971; 12 - Агульников, Сава, 2004; 13, 15, 16 - Субботин, 1985; 18-Чеботаренко и др., 1993; 19-Агульников и др., 2001; 20 - Черняков и др., 1986)

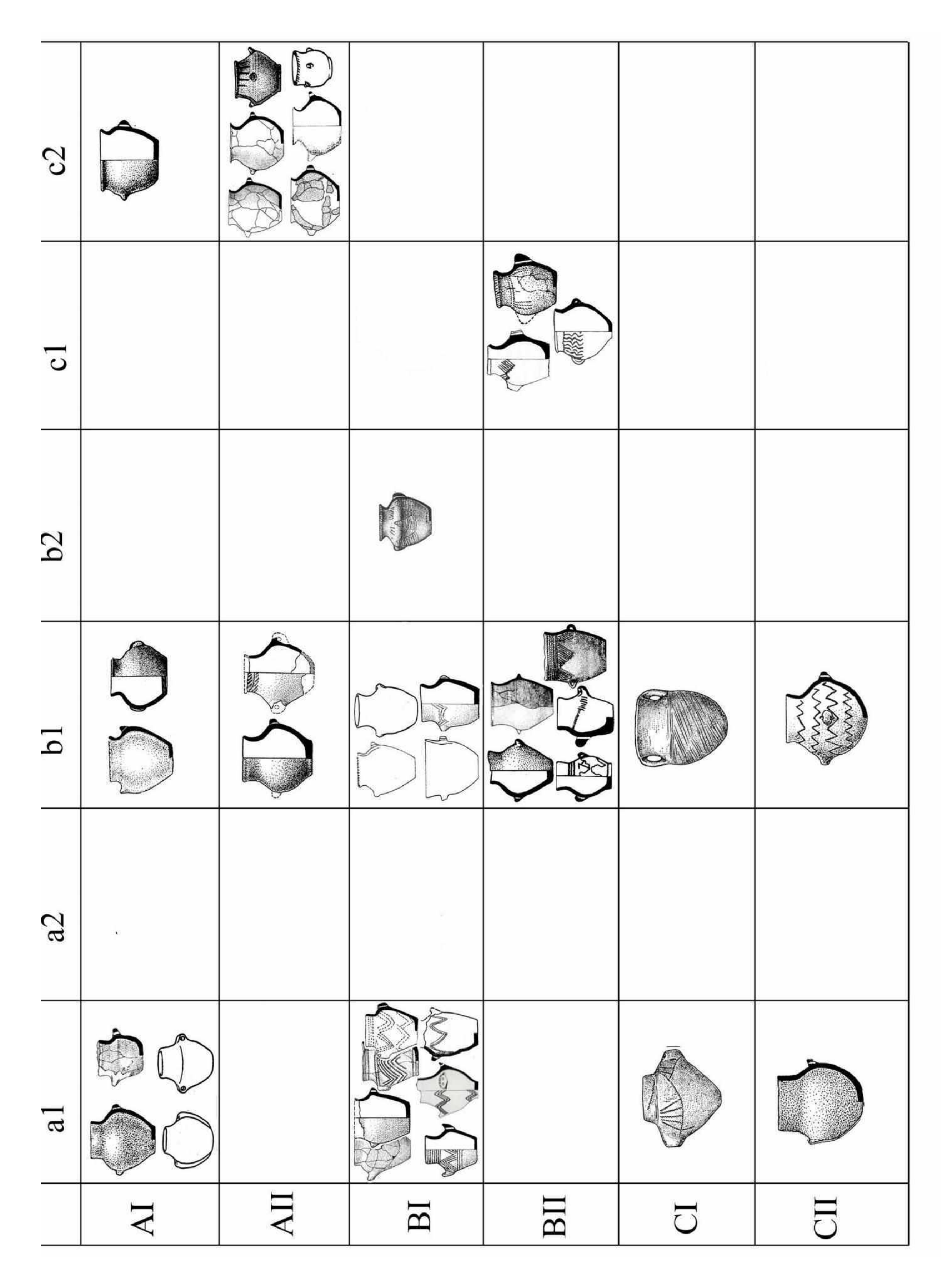

Рис. 2.26. Классификация амфоровидных сосудов из погребений буджакской культуры

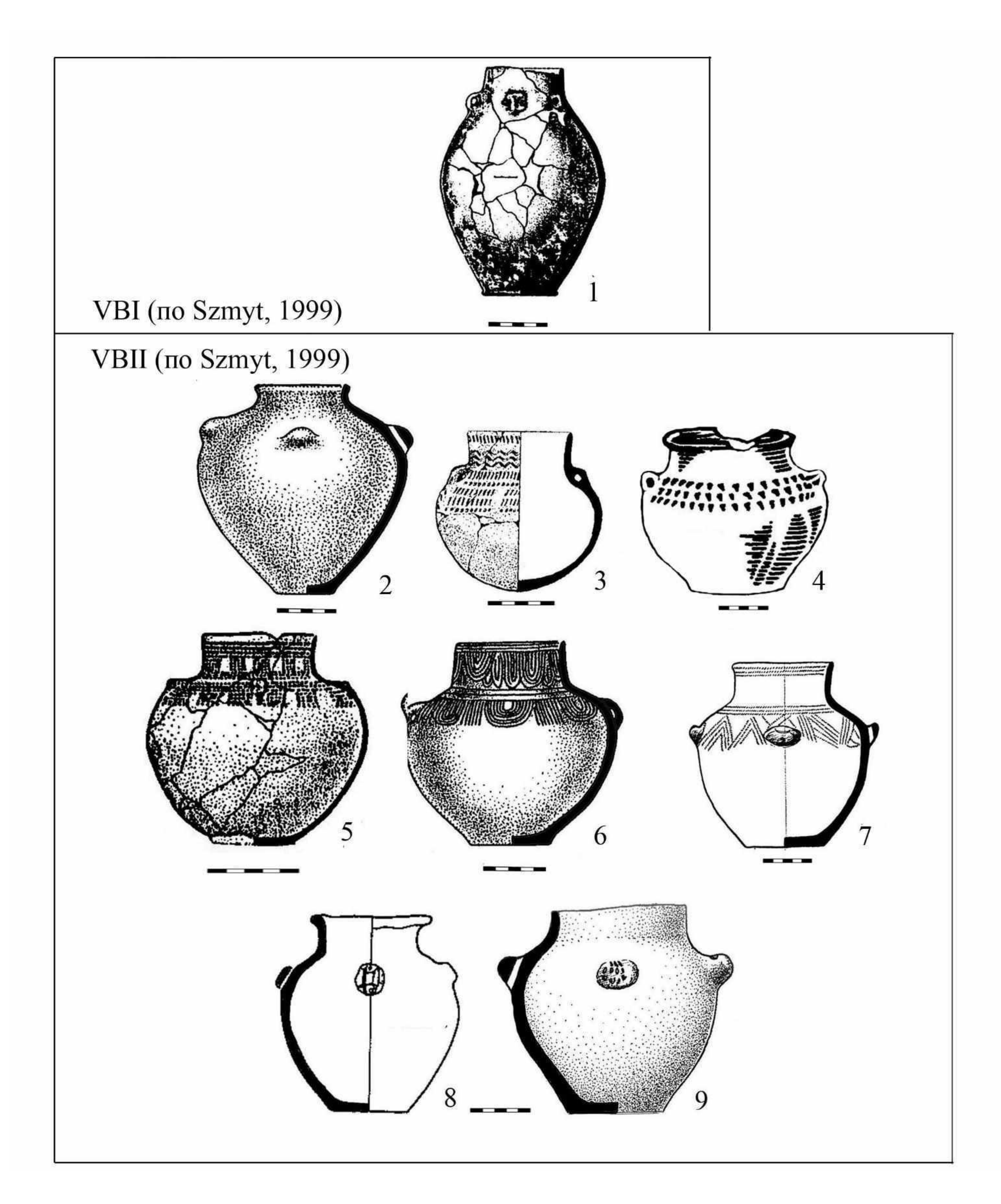

Рис. 2.27. Амфоры из погребений буджакской культуры, имеющие параллели в культуре шаровидных амфор

1 -Маркулешты 3/4; 2 - Корпач 2/13; 3 - Мокра 3/4; 4 - Ефимовка 2/14; 5 - Каменка (Окница) 3/14; 6 - Корпач 2/7; 7 - Градешка I, 5/11; 8 - Татарбунары 1/2; 9 - Новоселица 19/14;
(по: 1 - Бейлекчи, 1992; 2, 6 - Яровой, 1984; 3 - Кашуба и др., 2001-2002; 4 - Шмаглий, Черняков, 1970; 5 - Манзура и др., 1992; 7 - Субботин и др., 1995; 8 - Субботин, 1988; 9 – Субботин и др., 1995)

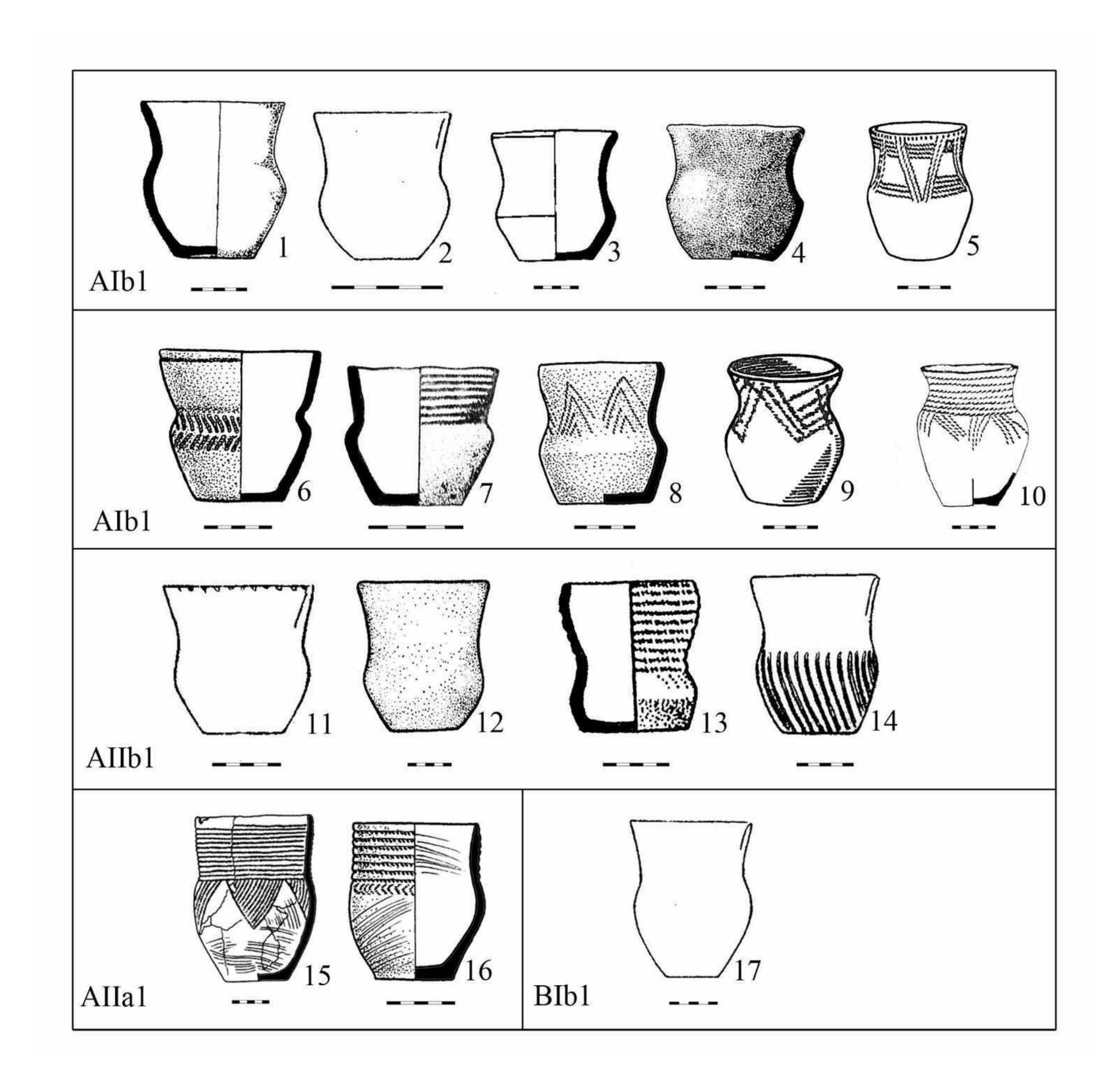

Рис. 2.28. Кубки из погребений буджакской культуры:

1 - Огородное III, 1/16; 2 - Беляевка 1/32; 3 - Холмское 1/16; 4 - Пуркары 1/21; 5 - Баштановка 7/12; 6 - Дивизия II, 2/5; 7 - Бутор 9/3; 8 - Траповка 4/5; 9 - Ефимовка 9/17; 10 - Курчи 3/9; 11 - Огородное II 1/14; 12 - Глубокое 2/8; 13 - Мирное 1/12; 14 - Парканы 87/1; 15 - Холодная балка 1/13; 16 - Траповка 6/20; 17 - Ясски 5/24;
(по: 1, 11 - Субботин и др., 1984; 2-Алексеева, 1971; 3 - Черняков и др., 1986; 4 - Яровой, 1990; 5, 12 - Шмаглий, Черняков, 1970; 6 - Субботин и др., 2001-2002; 7 - Мелюкова, 1974а; 8, 16 - Субботин и др., 1995; 9 - Шмаглий, Черняков, 1985; 10-Тощев, 1992; 13,17 - Алексеева, 1992; 14 - Тощев, 1987; 15 - Петренко, 2010)

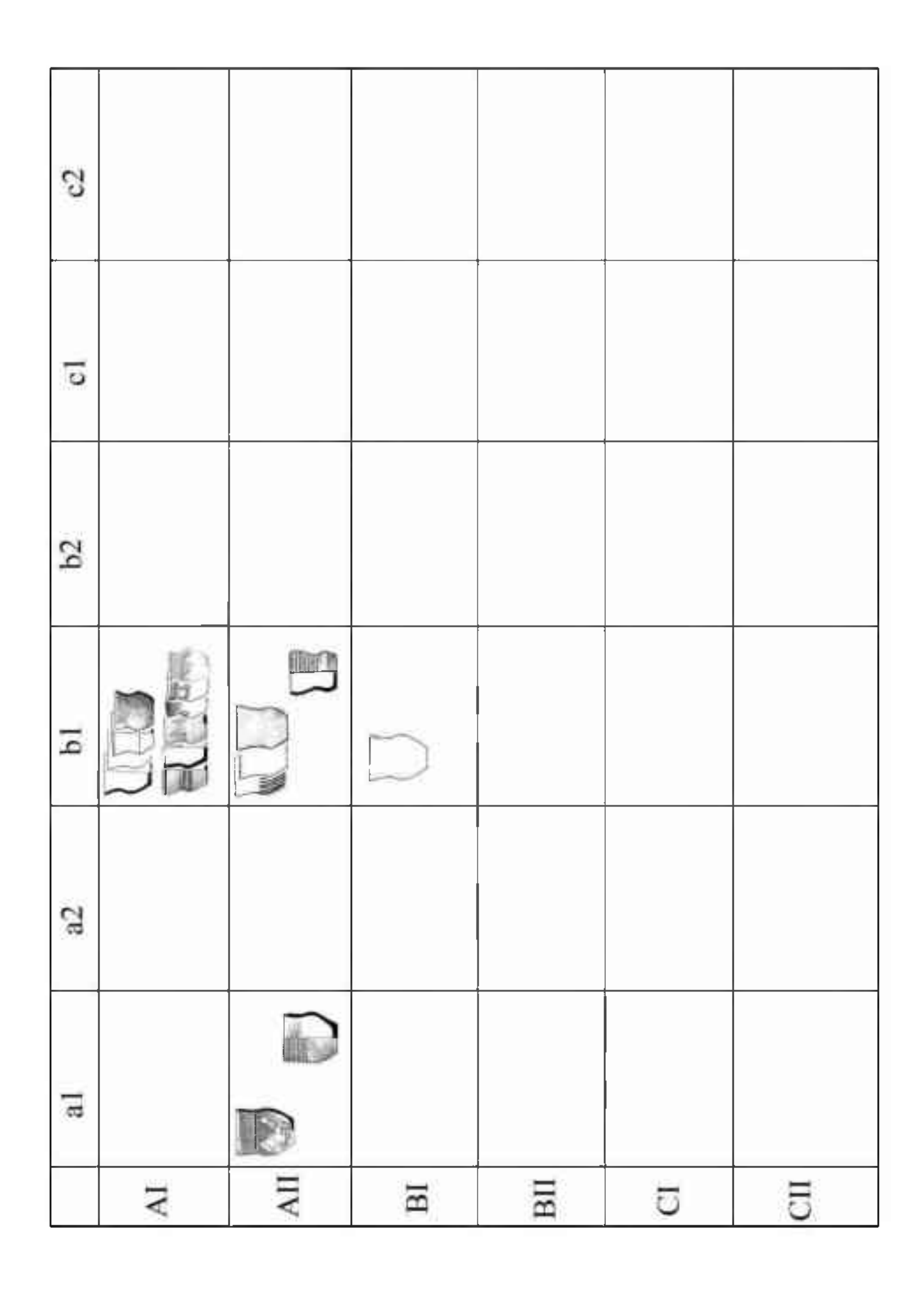

Рис. 2.29. Классификация кубков из погребений буджакской культуры

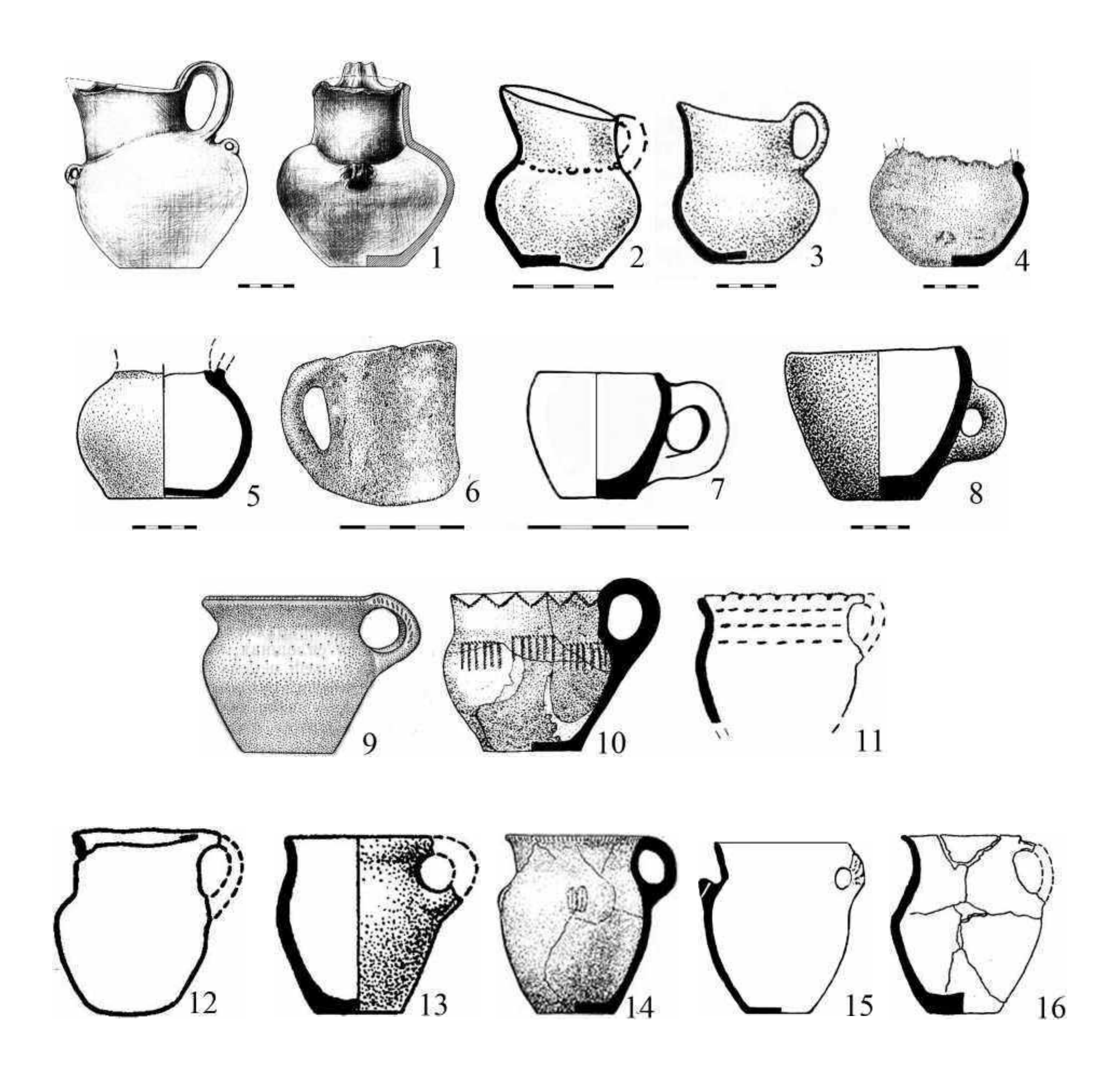

Рис. 2.30. Аскосы, кружки и кувшины из погребений буджакской культуры:

1-Матроска, к.1, разрушенное погребение; 2 - Кубей 21/5; 3 - Глубокое 2/11; 4 - Урсоая 3/6; 5 - ДивизияII, 5/7; 6 - Ковалевка I, 3/2; 7 - Новоградковка 2/9; 8 - Вишневое 54/1; 9 - Маяки III, 1/18; 10 - Оланешты 1/28; 11 - Фрикацей 1/5; 12 - Болград 1/12; 13 - Новоградковка 2/9; 14 - Тараклия 16/5; 15 - Струмок 1/3; 16 - Новая Долина 3/5;
(1 - фонды ОАМ, неопубликован; 2 - Субботин и др., 1987; 3 - Шмаглий, Черняков, 1970; 4 - Чеботаренко и др., 1989; 5 - Субботин и др., 2001-2002;6 - Шапошникова и др., 1986; 7, 13 - Субботин и др., 1986; 8 - Субботин и др., 1998; 9 - Зиньковский, Патокова, 1978; 10 - Яровой, 1990; 11 - Тощев, Сапожников, 1990; 12 - Шмаглий, Черняков, 1970; 14 - Agulnikov, 1995; 15-Гудкова и др., 1979; 16 - Петренко и др., 2002)

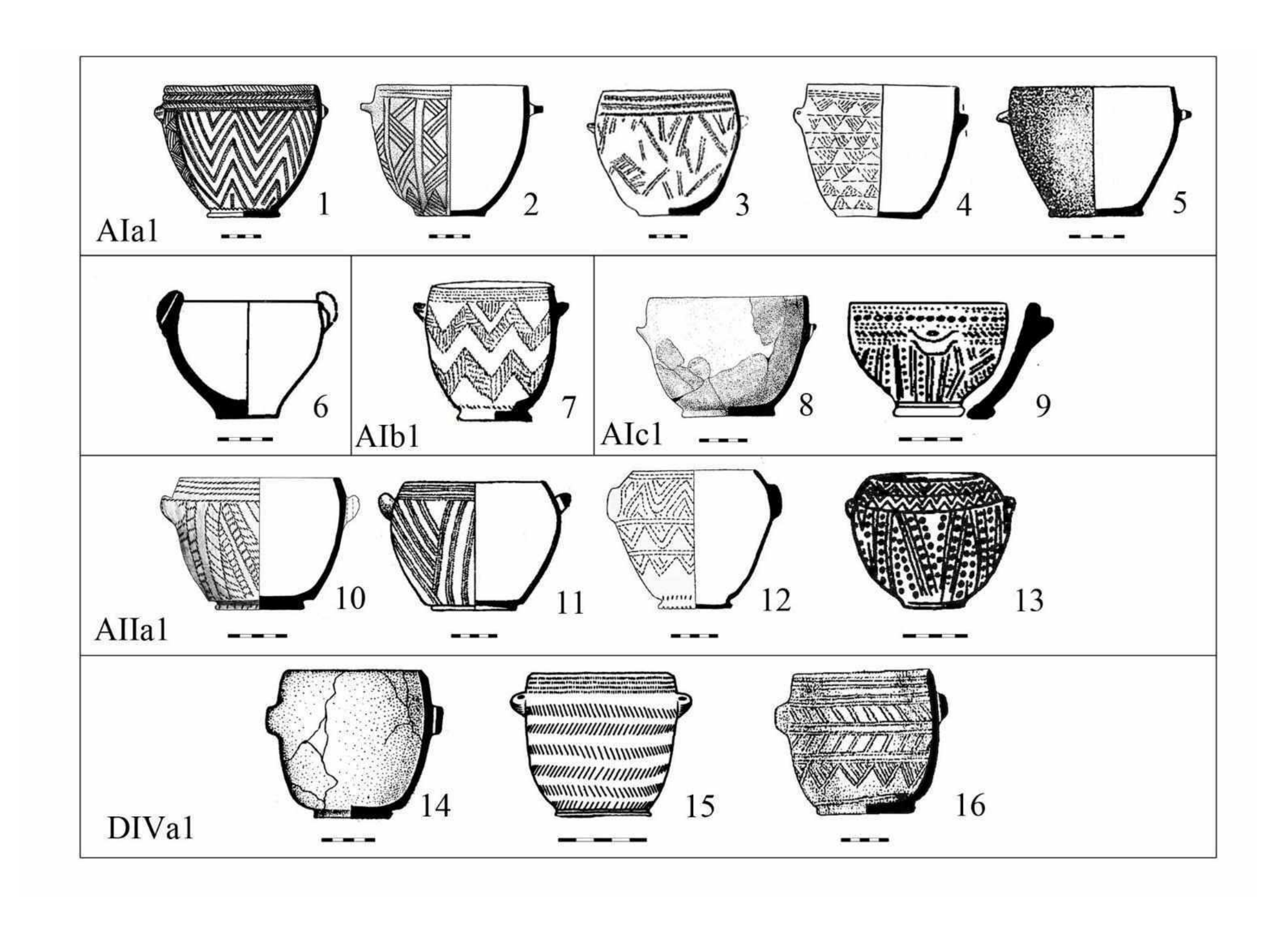

Рис. 2.31. Банки из погребений буджакской культуры, типы А и В:

1 - Семеновка 12/2; 2 - Дивизия 6/3; 3 - Плавни 9/12; 4 - Погребя 4/4; 5 - Старые Беляры 1/14; 6 - Вишневое 17/36; 7 - Ясски 2/5; 8 - Новые Раскаецы 2/12; 9 - Приморское 1/34; 10 - Сычавка 1/15; 11 - Алкалия 5/6; 12 - Нагорное 14/15; 13 - Ефимовка 2/14; 14 - Красное 9/23; 15 - Ефимовка 3/5; 16 - Григорьевка 1/12;

(по: 1 - Субботин, 1985; 2 - Субботин и др., 2001-2002; 3 - Андрух и др., 1985; 4 - Тощев, 1987; 5 - Петренко, 1991; 6 - Дворянинов и др., 1985; 7 - Алексеева, 1976; 8 - Яровой, 1990; 9 - Чеботаренко и др., 1993; 10 - Іванова, Савельев, 2011; 11 - Субботин и др., 1987; 12 - Тощев, 1992; 13, 15 - Шмаглий, Черняков, 1985; 14- Серова, Яровой, 1987; 16-Субботин, 1982)

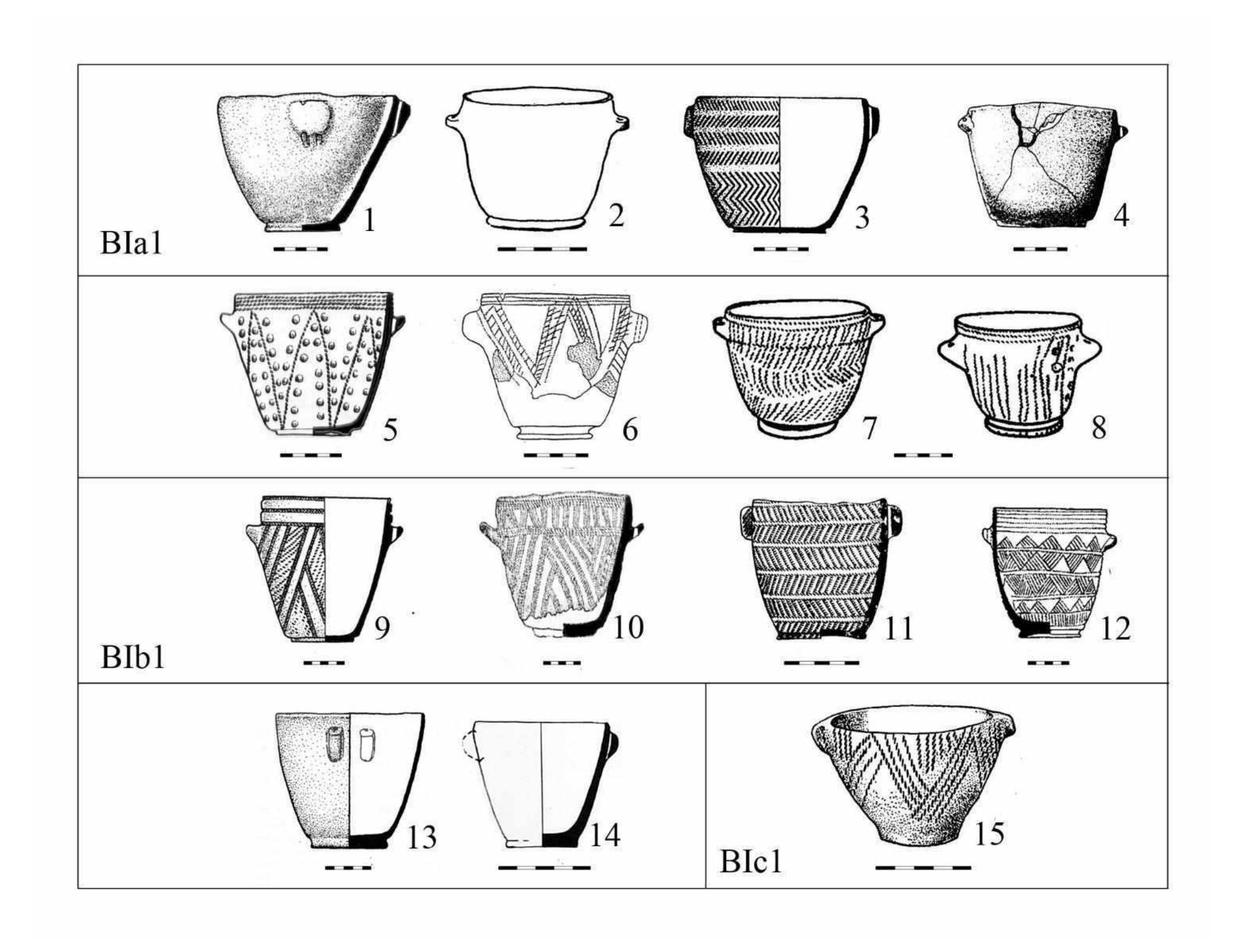

Рис. 2.32. Банки из погребений буджакской культуры, тип B:

1 - Бравичены 16/9; 2 - Баштановка 4/25; 3 - Саратены 6/4; 4 - Красное 9/23; 5 - Кирка 1/7; 6 - Новая Долина 3/3; 7 - Нерушай 9/74; 8 - Нерушай 9/56; 9 - Сергеевка 11/7; 10 - Урсоая 3/12; 11 - Пуркары 1/23; 12 - Семеновка 8/18; 13 - Никольское 10/4; 14 - Новоградковка 3/6; 15 - Ковалевка VIII, 1/10;

(по: 1 - Ларина и др., 2008; 2, 7, 8 - Шмаглий, Черняков, 1970; 3 – Levitki et al., 1996; 4 - Серова, Яровой, 1987; 5 - Дергачев, Сава, 2001-2002; 6 - Петренко и др., 2002; 9 - Дзиговський, Субботін, 1997; 10 - Чеботаренко и др., 1989; 11- Яровой, 1990; 12 - Субботин, 1985; 13 - Агульников, Сава, 2004; 14 - Субботин и др., 1986; 15 - Шапошникова и др., 1986)

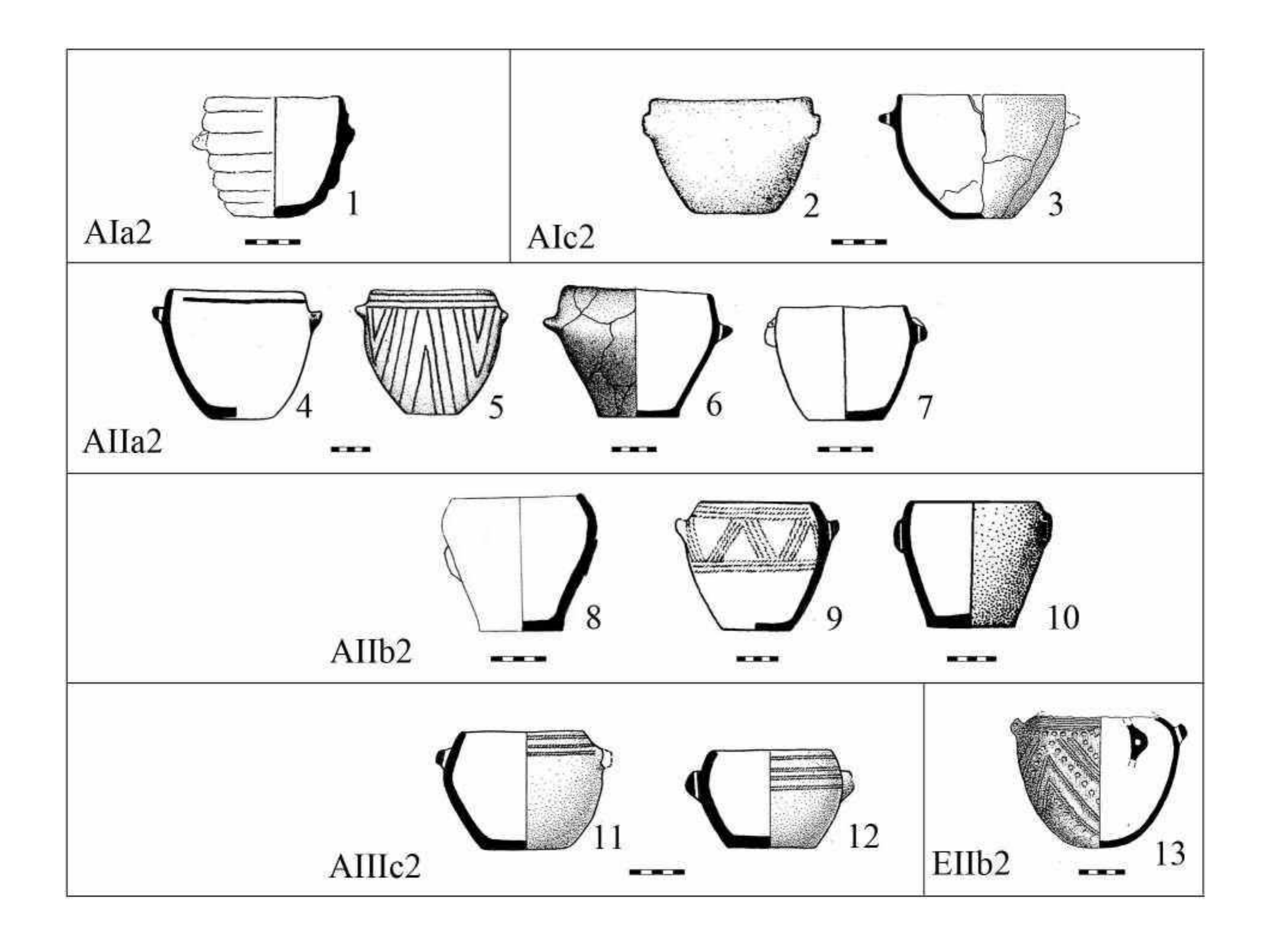

Рис. 2.33. Банки из погребений буджакской культуры, типы А и Е:

1 - Кислица 8/16; 2 - Гура-Быкулуй 3/2; 3 - Ревова 3/7; 4 - Семеновка 19/4; 5 - Глубокое 1/25; 6 - Саратены 3/13; 7 - Плавни 15/5; 8 - Нагорное 14/16; 9 - Светлый 3/10; 10 - Семеновка 2/2; 11, 12- Траповка 1/8; 13 - Мокра 1/3;
(по: 1 - Гудкова и др., 1985; 2 - Дергачев, 1984; 3 - Иванова и др.,2005; 4,10 - Субботин, 1985; 5 - Шмаглий, Черняков, 1970; 6 – Levitki et al., 1996; 7 - Андрух и др., 1985; 8 - Тощев, 1992; 9 - Манзура, 1984; 11,12 - Субботин и др., 1995; 13 - Кашуба и др., 2001-2002)

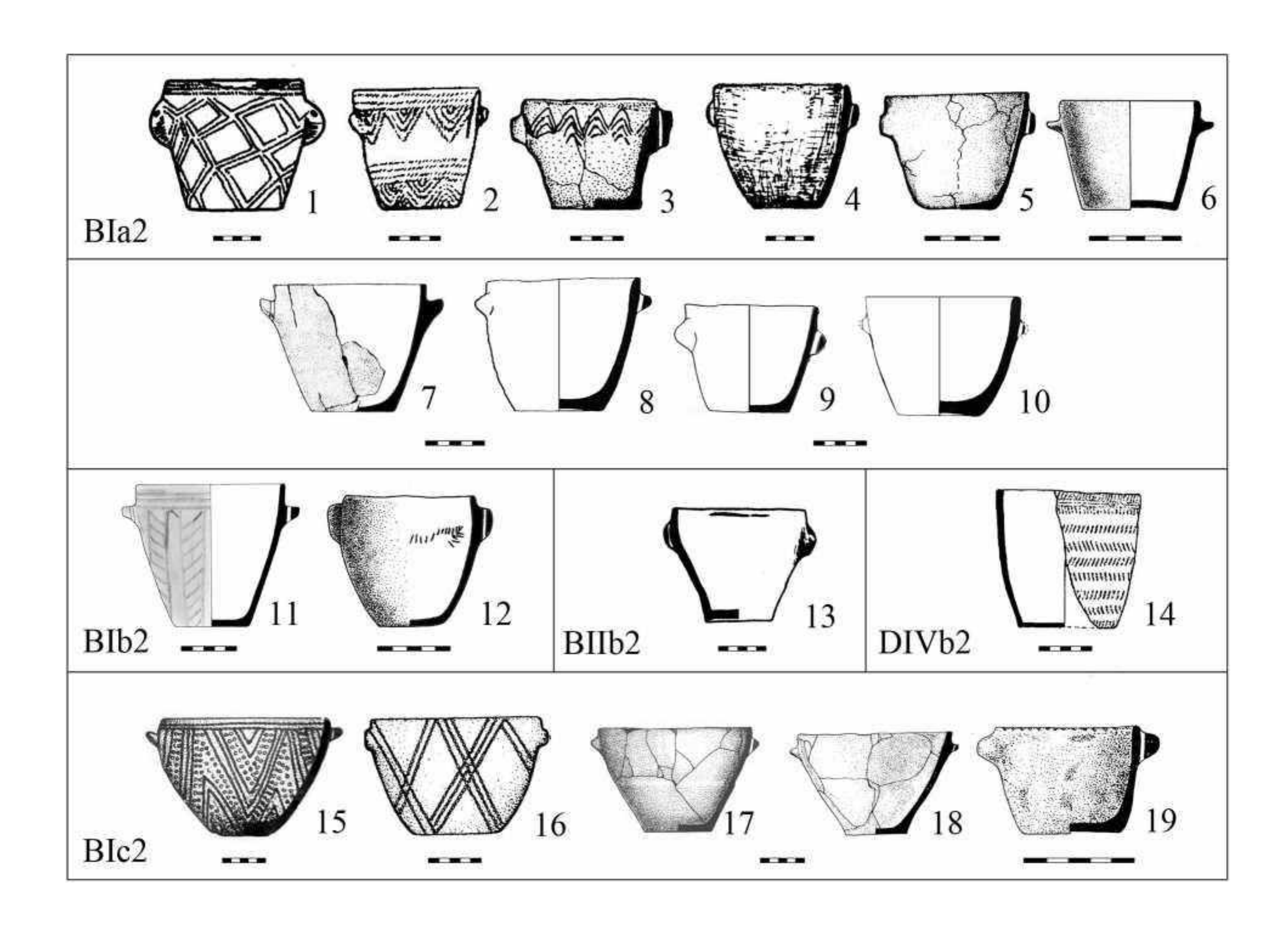

Рис. 2.34. Банки из погребений буджакской культуры, типы B и B:

1 - Гура-Быкулуй 5/13; 2 - Етулия II, 1/6; 3 - Капланы 1/15; 4 - Гура-Быкулуй 3/2; 5 - Красное 9/23; 6 - Жюржюлешть 2/14; 7 - Коржово 2/13; 8, 9 - Новоград- ковка 3/10; 10 - Новоградковка 5/3; 11 - Вапнярка 4/16; 12 - Великозименово 1/2; 13-Семеновка 14/21; 14 - Приморское 1/12; 15- Рошканы 1/13; 16-Гура-Быкулуй 5/13; 17 - Никольское 7/45; 18 - Оланешты 6/4; 19 - Оланешты 1/26;
(по: 1,4,16 - Дергачев, 1984; 2 - Борзияк, 1984; 3 - Агульников, 1984; 5 - Серова, Яровой, 1987; 6 - Хахеу, Попович, 2010; 7 - Борзияк и др., 1983; 8-10 - Субботин и др., 1986; 11 - Иванова и др., 2012; 12 - Иванова и др., 2005; 13 - Субботин, 1985; 14 - Чеботаренко и др., 1993; 15 - Дергачев и др., 1989; 16 - Дергачев, 1984; 17 - Агульников, Сава, 2004; 18 , 19 - Яровой, 1990)

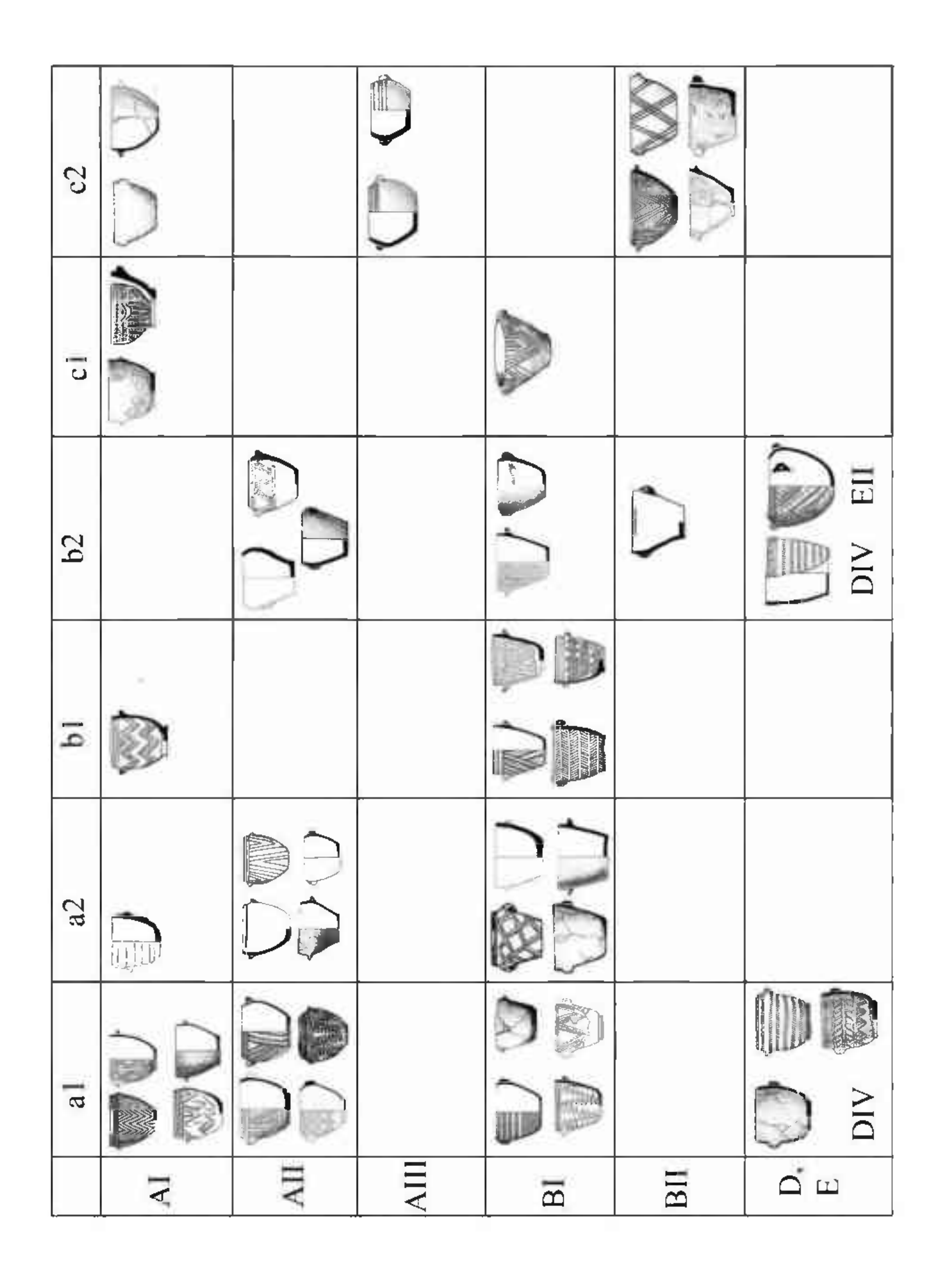

Рис. 2.35. Классификация банок из погребений буджакской культуры

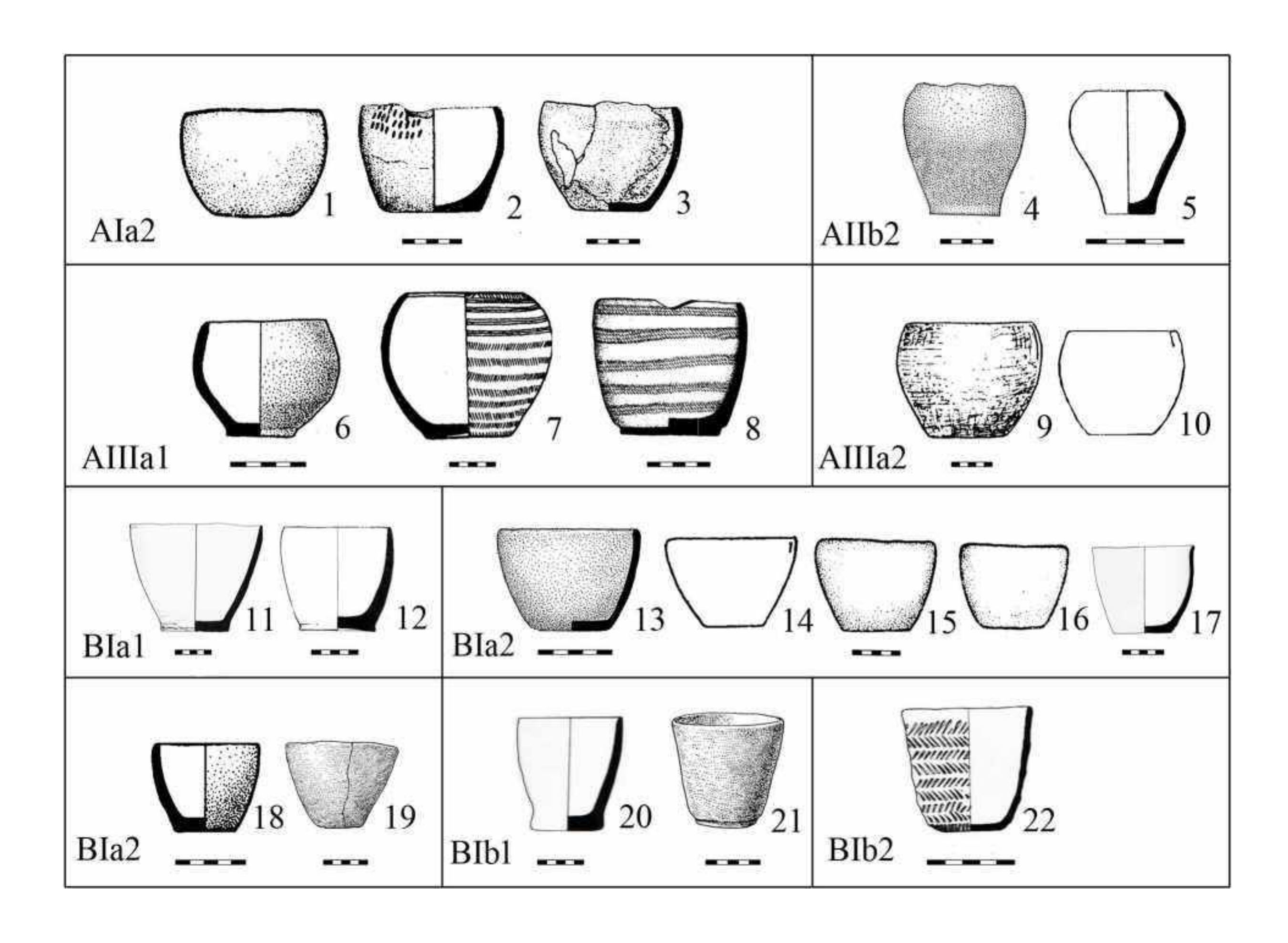

Рис. 2.36. Чаши из погребений буджакской культуры, типы А и В:

1 - Тудорово 1/2; 2 - Каменка 4/4; 3 - Оланешты 1/14; 4 - Маяки 1/18; 5 - Гура-Галбене 1/5; 6 - Траповка 1/8; 7 - Семеновка 8/16; 8 - Пуркары 3/9; 9 - Гура-Быкулуй 3/6; 10 - Одесский курган, и. 6; 11 - Хаджидер 13/8; 12 - Новоградковка 3/6; 13 - Молога 2/25; 14 - Тудорово 2/6; 15 - Беляевка 1/34; 16 - Чобручи 1/12; 17 - Новоградковка 1/10; 18 - Семеновка 2/3; 19 - Ковалевка VII, 4/4; 20 - Алкалия 4/2; 21 - Ковалевка II, 3/11; 22 - Новоградковка 2/9;
(по: 1,5,14,16 - Дергачев, 1973; 2 - Манзура и др., 1992; 3, 8 - Яровой, 1990; 4- Зиньковский, Патокова, 1978; 6 - Субботин и др., 1995; 7, 18 - Субботин, 1995; 9-Дергачев, 1984; 10 - Дергачев, 1986; 11 - Субботин и др., 1988; 12, 17 - Субботин и др., 1986; 13 - Малюкевич, Агульников, 2005; 15 - Алексеева, 1971; 19, 21 - Шапошникова и др., 1986; 20 - Субботин и др., 1987)

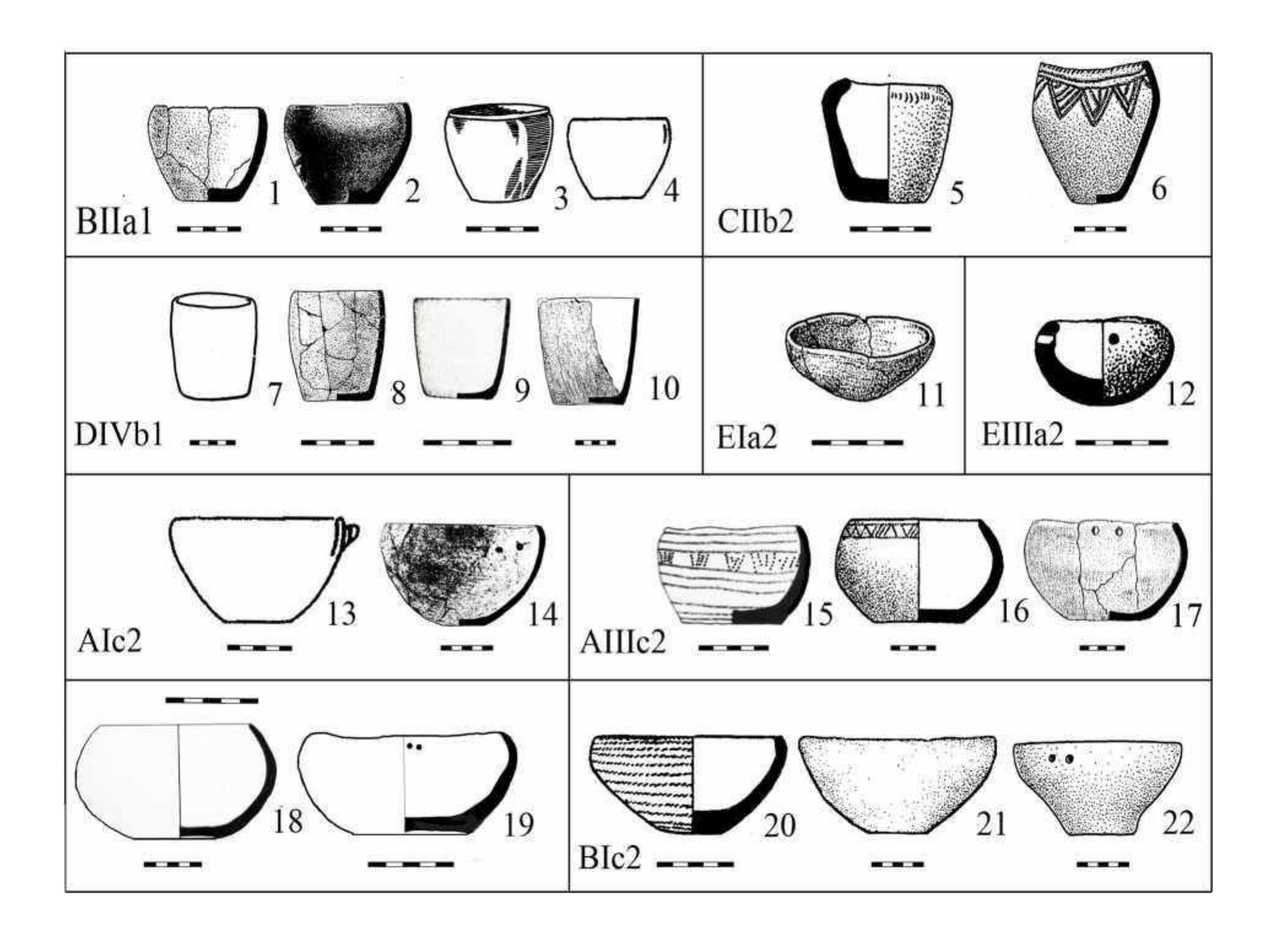

Рис. 2.37. Чаши (1-12) и миски (13- 22) из погребений буджакской культуры:

1 - Барановј 1/9; 2 - Казаклия 17/14; 3 - Ефимовка 3/5; 4 - Коржово 4/4; 5 - Вишневое 52/3; 6 - Молота 2/96; 7 - Болград 5/6; 8 - Оланешты, к. 13, насыпь; 9 - Красное 1/23; 10 - Ковалевка II, 3/11; 11 - Ковалевка VIII, 1/12; 12 - Белолесье 3/8; 13 - Беляевка 1/20; 14 - Холмское 2/8; 15 - Новоградковка 5/4; 16 - Михайловка 3/12; 17 - Хаджимус 2/13; 18 - Алкалия 8/3; 19- Новоградковка 5/3; 20 - Маяки III, 1/8; 21 - Холмское 5/14; 22 - Приморское 1/34;
(по: 1 - Иванова и др., 2005; 2 - Агульников,2011; 3,7 - Шмаглий, Черняков, 1970: 4 - Борзияк и др., 1983; 5 - Субботин и др., 1998; 6 - Малюкевич, Агульников, 2005; 8 - Яровой, 1990; 9 - Серова, Яровой, 1987; 10, 11 - Шапошникова и др., 12 - Субботин и др., 1985; 13 - Алексеева, 1971; 14, 21 - Черняков и др., 1986; 15, 19 - Субботин и др., 1986; 16, 20 - Черняков и др., 1982; 17 - Чеботаренко и др., 1989; 18 - Субботин и др., 1987; 22 - Чеботаренко и др., 1993)

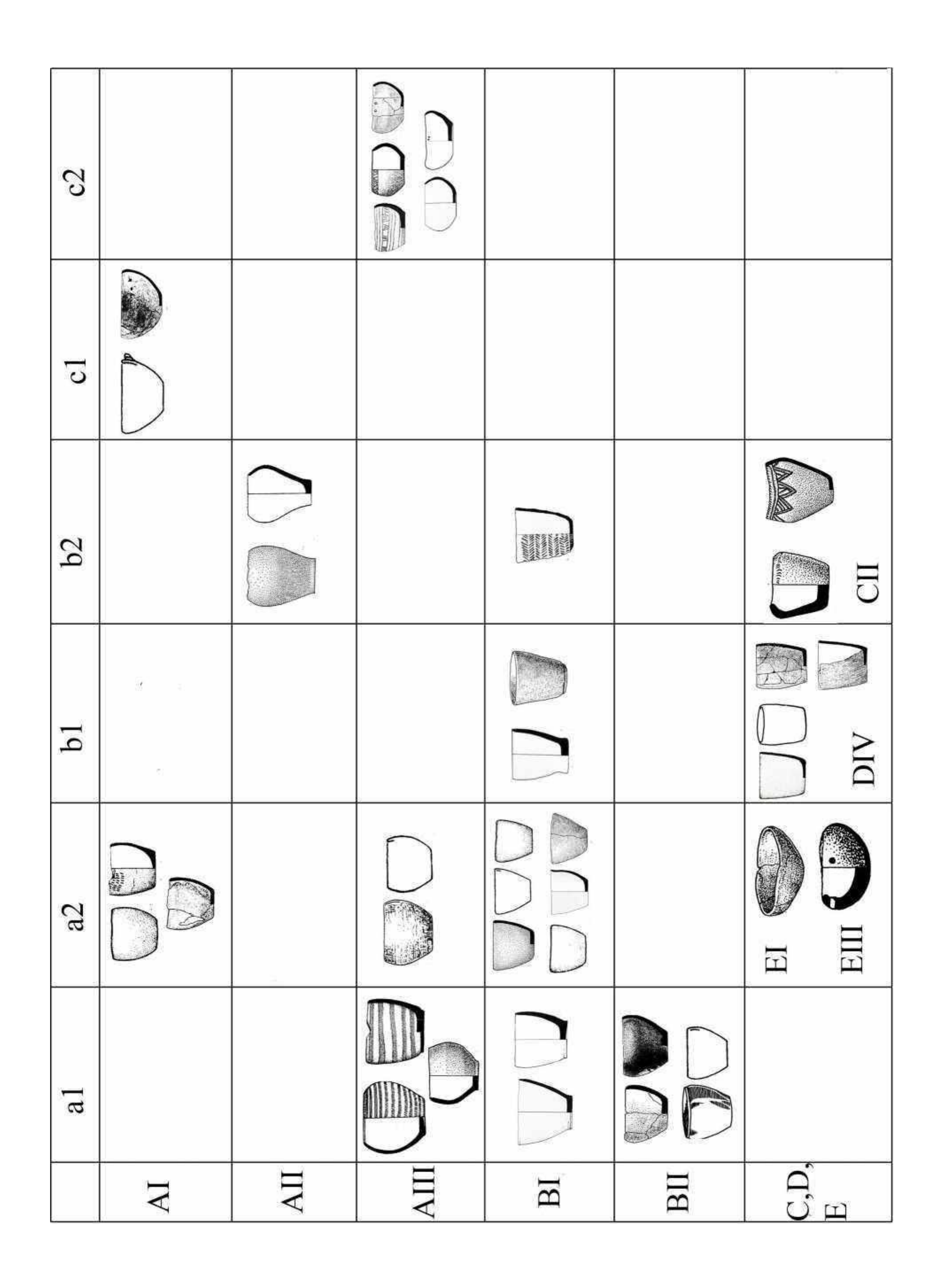

Рис. 2.38. Классификация чаш и мисок из погребений буджакской культуры

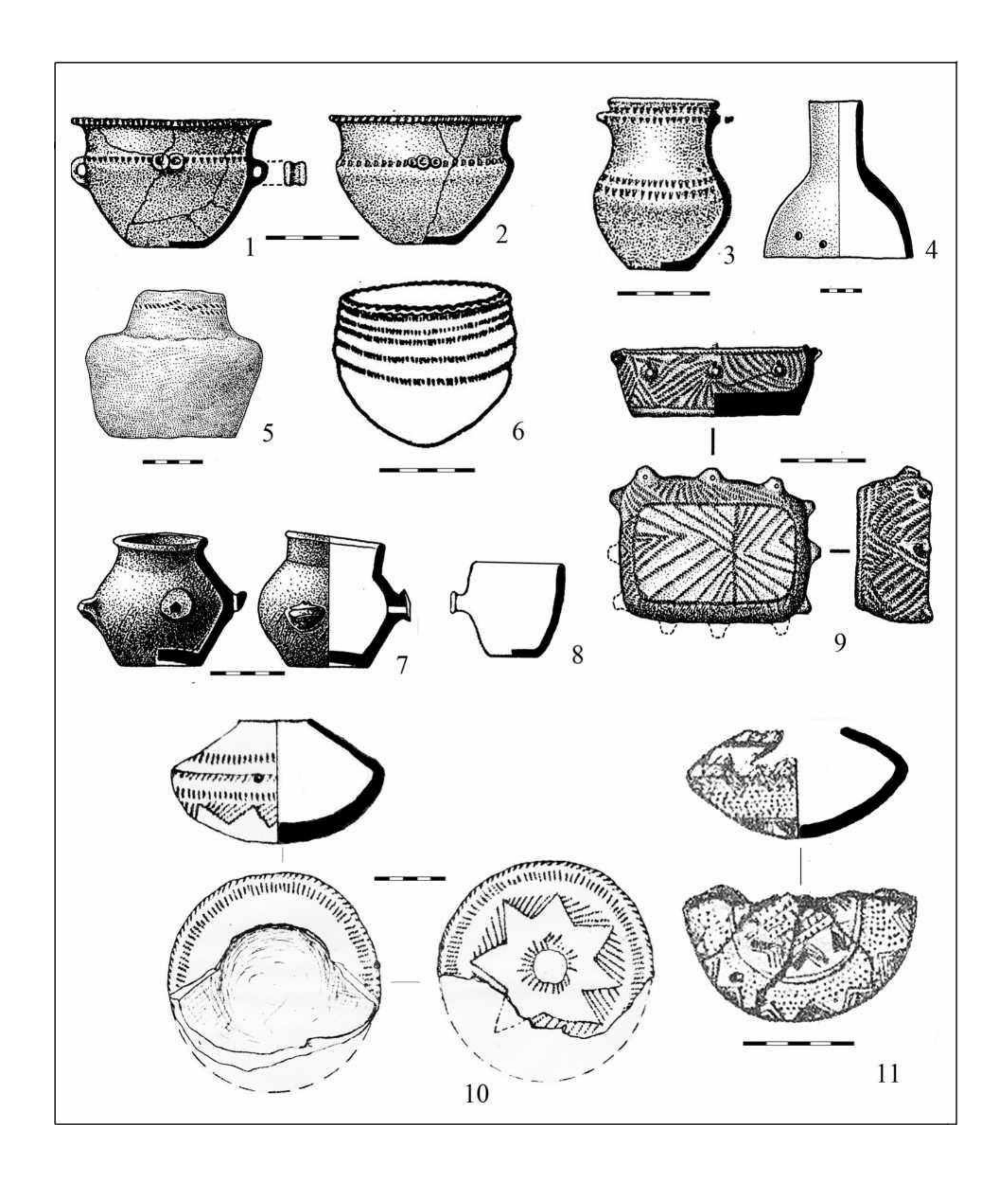

Рис. 2.39. Редкие формы керамики из погребений буджакской культуры:

1 - Тараклия 14/1; 2 - Казаклия 8/5; 3 - Тараклия 14/16; 4 - Новоградковка 1/10; - Ковалевка IV, 1/11; 6 - Нерушай 9/49; 7 - Белолесье 3/15; 8 - Тудорово 2/1; 9 - Григоровка 1/8; 10 - Курчи 3/8; 11 - Светлый 1/10;
(по: 1-3 - Agulnikov,1995; 4 - Субботин и др.,1986; 5 - Шапощникова и др.,1986; - Шмаглий, Черняков, 1970; 7 - Субботин и др, 1998; 8 - Дергачев, 1973; 9 - Агульников, Попович, 2010; 10 - Тощев, 1992; 11 - Манзура, 1984)

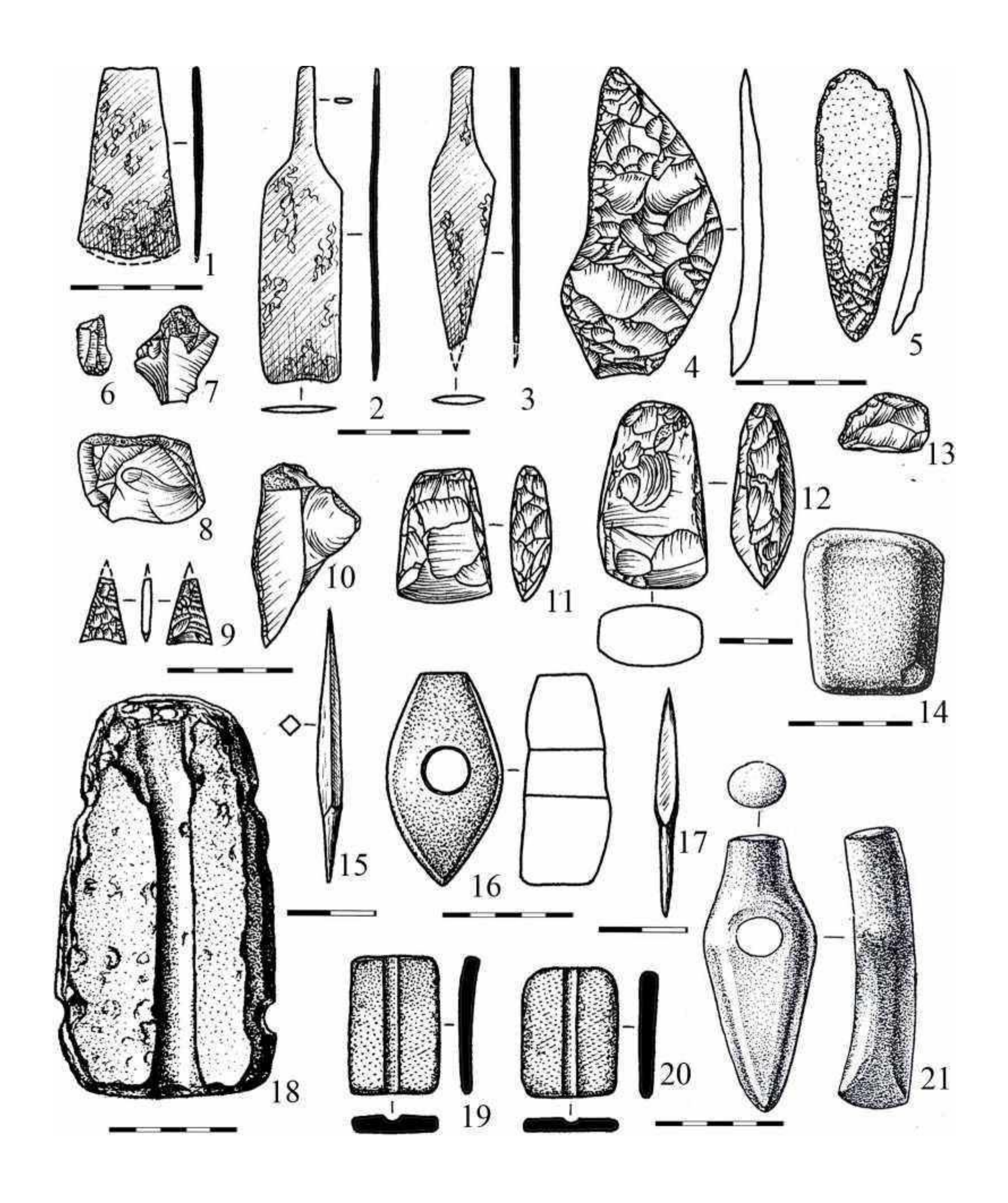

Рис. 2.40. Орудия труда и оружие из погребений буджакской культуры:

1 - Алкалия 35/6, тесло; 2 - Тараклия II, 10/19, нож-бритва; 3 - Фрикацей 4/12, нож-кинжал; 4 - Утконосовка 1/6, нож-кинжал; 5 - Холмское 2/8 жатвенный нож; 6 - Нагорное 14/16 нож; 7 - Вишневое 17/43, строгальный нож для дерева; 8 - Вишневое 1/43, пилка по дереву; 9 - Конгаз 11/5, наконечник стрелы; 10 - Чауш 20/2, скобель; 11 - Холмское 5/14, топор; 12 - Григорьевка 1/10, топор; 13 - Вишневое 17/43, скребок; 14 - Шевченково 3/11, растиральник для медной руды; 15 - Бравичены 7/2, шило; 16 - Светлый 3/25, топор; 17 - Глиное 1/1, наконечник стрелы; 18 - Червоный Яр I, 1/6, литейная форма для долотовидного орудия; 19,20 - Оланешты 6/2, выпрямители древков стрел; 21 - Алкалия 5/6, топор;
(по: Субботин, 2003);
(1-3, 15 - медь/бронза, 4-13 - кремень, 14,16,18-21 - камень, 17 - кость)

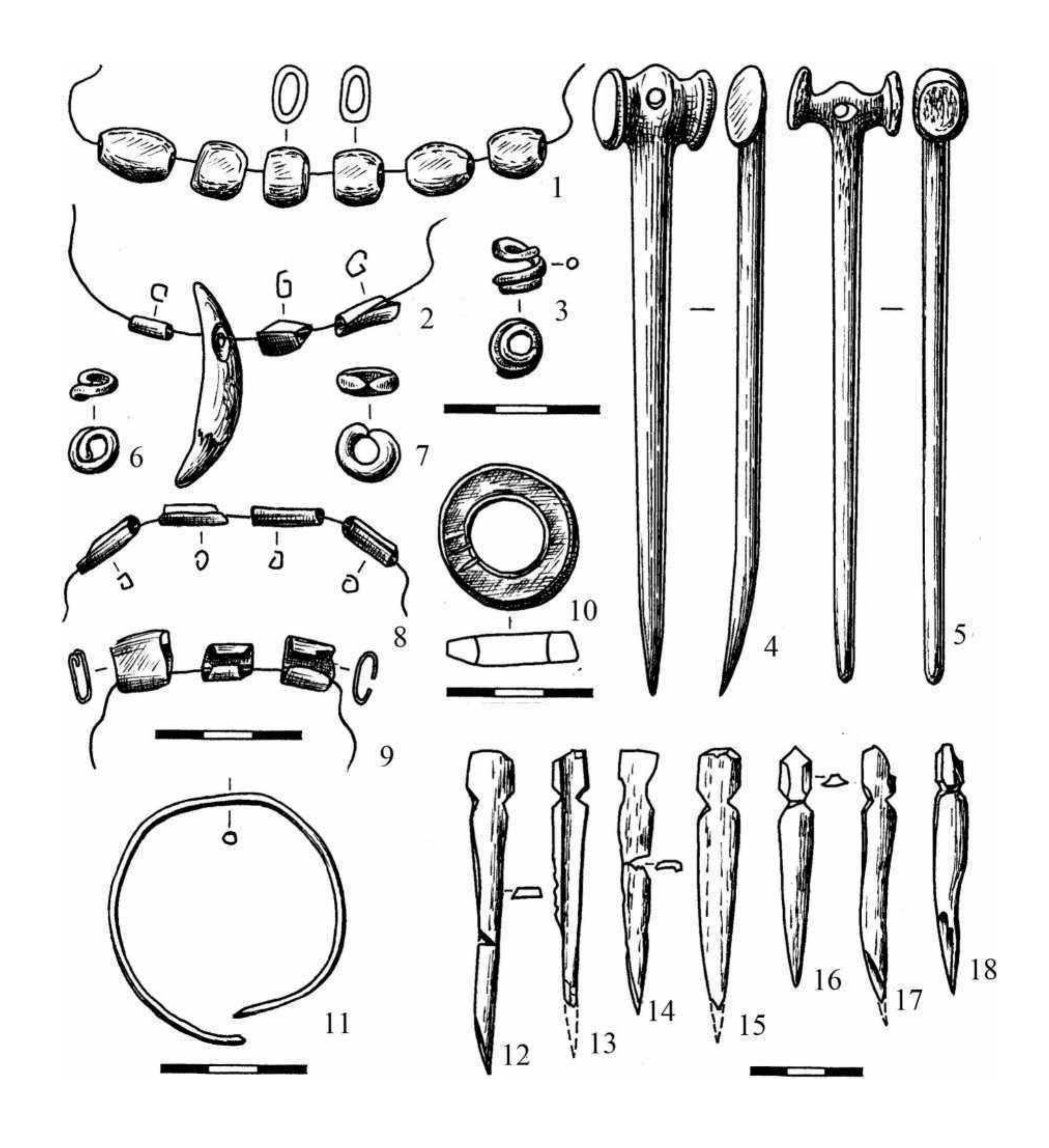

Рис. 2.41. Украшения и артефакты из кости и металла из погребений буджакской культуры:

1 -Новоселица 19/2; 2-Нерушай 10/14; 3 -Ясски 1/18; 4-Никольское 7/28; 5 - Старые Беляры 1/14; 6 - Гура-Быкулуй 3/13; 7 - Оргеев 1/2; 8 - Семеновка 8/15; 9 - Семеновка 2/2; 10 - Доброалександровка 1/5; 11 - Новые Раскаецы 1/11; 12-18 - Глубокое 1/21;
(по: Субботин, 2003);
(1, 4, 5, 12-18 - кость; 2 - медь, зуб хищника; 3, 7 - серебро; 6, 8, 9, 11 - медь; 10 - свинец)

ГЛАВА 3
КАТАКОМБНЫЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ)

Катакомбные памятники Северо-Западного Причерноморья являются западной периферией катакомбной культурно-исторической общности (рис. 3.1). Предполагается, что их следует обособить в «одесскую» группу (Тощев, 1991, с. 109). Более традиционна точка зрения, что эти комплексы не выделяются собственно из западного ареала катакомбной КИО, хотя и отличаются некоторым своеобразием (Дергачев, 1986, с. 107; Субботин, 2000; с. 376; Яровой, 2000, с. 32; Братченко, 2001). Рассматривая вопросы формирования катакомбной КИО, исследователи отмечают, что новое население, представлявшее собой раннекатакомбную культуру, с территории Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Подонья, распространилось на значительной части Украины, по двум берегам Днепра (Кияшко А.В., 1999; Братченко, 2001, с. 71–75).). Западнее Ингульца известны лишь одиночные погребения раннего этапа (Кайзер, 2011, с. 24). Расселение племен катакомбной КИО сопровождалось контактами с местным, преимущественно, ямным населением, индикатором чему является инвентарь (Братченко, 2001; Санжаров, 2001). Уже на раннем этапе катакомбная культура не является единой, в ней проявляются территориальные особенности, которые на следующем (развитом) этапе (2500–2300 ВС) привели к формированию отдельных катакомбных культур, характеризующихся относительно стабильными наборами признаков (Отрощенко и др., 2008).

3.1. Абсолютная и относительная хронология.

Исследователи определяют период существования катакомбной КИО в целом в рамках 2700–2000 ВС, с выделением раннего этапа – периода сложения катакомбных культур – в диапазоне 2700–2500 ВС (Отрощенко и др., 2008, с. 245–250). Вполне естественно, что на различных территориях время бытования однокультурных памятников может не совпадать. С другой стороны, в одних регионах контакты между двумя культурами могли отсутствовать вовсе, в других быть кратковременными, в третьих – более длительными. Следует отличать вопросы синхронности и вопросы культурных связей, поскольку первый аспект не обязательно предполагает второй.

Что касается проблем относительной хронологии, то по сей день дискутируются два вопроса. Первый из них касается соотношения ямных и катакомбных памятников, возможности культурных контактов и отражении их в археологических реалиях. Второй связан с хронологическим приоритетом тех или иных катакомбных культур. Предполагается как одновременное сосуществование носителей позднеямных и катакомбных традиций (Березанская, Шапошникова, 1957; Сафронов, 1979; Чмихов, Черняков, 1988; Пустовалов, 1998; Кияшко А.В., 1998; Гей, 2011 и др.), так и всего лишь кратковременные их контакты на некоторых территориях (Ніколова А.В., Черних Л.А., 1997, с. 108; Братченко, 2001, с. 62; Отрощенко, 2001, с. 19). В Северо-Западном Причерноморье данные курганной стратиграфии указывают чаще всего на более поздний характер размещения в курганах катакомбных погребений по сравнению с буджакскими, хотя хронологический разрыв между захоронениями двух культур в одном кургане неизвестен и может быть весьма незначительным. Синхронность определенной части погребальных комплексов обеих культур, судя по ряду признаков и радиоуглеродным датам, вполне очевидна; имеются импорты и определенная близость в материальной культуре и погребальных традициях (Субботин, 1993). В то же время часть исследователей полагает, что лишь переменная стратиграфия может указывать на сосуществование двух культурных массивов, а таких достоверных случаев не выявлено (Отрощенко, 2001; Клейн, 2009). Единичные случаи предполагаемой «переменной стратиграфии» получили иную, на наш взгляд, вполне убедительную (отрицательную) трактовку (Субботин, 2000, с. 375; Отрощенко, 2001, с. 33). В

то же время отмечается, что, несмотря на сходные принципы организации погребального пространства (расположение захоронений по дугам и окружностям), радиус катакомбной окружности, как правило, больше, поэтому невозможны наложения погребений двух культур, несмотря на их синхронность (Братченко, 2001).

Небольшая серия дат, полученная для Северо-Западного Причерноморья, укладывается в диапазон от 2580–2341 до 2267–1981 BC (Табл. 3.1), финал катакомбных культур в регионе смыкается с начальным этапом культурного круга Бабино (табл. 3.2). На более поздний характер памятников Северо-Западного Причерноморья по сравнению со всем ареалом катакомбной КИО указывали многие исследователи (Тощев, 1982, с. 17; Субботин, 2000, с. 376; Яровой, 2000, с. 34). Считают, что в периферийных областях, в частности Северо-Западном Причерноморье, процесс формирования культур несколько запаздывал (Братченко, Шапошникова, 1985, с. 418). Отмечают, что погребения Северо-Западного Причерноморья по особенностям обряда и инвентаря должны быть признаны несколько более поздними, чем древнейшие материалы в приазовском «очаге» катакомбного культурогенеза, и скорее сопоставимыми с начальными фазами локальных катакомбных культур развитого этапа общности (Гей, 2011, с. 5). Однако радиоуглеродные данные демонстрируют определенную синхронность катакомбных памятников достаточно отдаленных регионов, например, Калмыкии (Шишлина, 2007), Поднепровья (Bunjatjan et al., 2006) и Северо-Западного Причерноморья (Иванова, 2009). Таким образом, речь может идти лишь об отсутствии в регионе пласта раннекатакомбных или «предкатакомбных» захоронений. Впрочем, наличие небольшой группы ранних памятников отмечается исследователями (Тощев, 1982; Дергачев, 1986; 1999). Но в любом случае они являются более поздними по отношению к раннедонецким и раннеингульским комплексам. На наш взгляд, в Северо-Западном Причерноморье буджакское и катакомбное население сосуществовало в рамках второй половины III тыс. BC; уточнить интервал можно будет лишь при увеличении базы радиоуглеродных дат современного образца.

3.2. Материальная культура катакомбного населения Северо-Западного Причерноморья

Катакомбные памятники распространены по все территории северо-Западного Причерноморья (рис. 3.2). Нами учтено на 2013 год 520 погребальных комплексов (Приложение В). В ряде публикаций имеются лишь обобщенные сведения, поэтому они учитывались только при количественном подсчете захоронений, доступным для изучения оказались 474 погребения. Около 20 катакомбных захоронений известно на территории Румынии (Toscev, 1998; Burtânescu, 2002). В Северо-Западном Причерноморье присутствуют памятники, преимущественно, ингульской катакомбной культуры, единичными случаями представлены находки захоронений донецкой и манычской культур, а также, возможно, культурного типа Перун.

Катакомбное население очень редко возводило курганы. Имеющаяся точка зрения о наличии грунтовых могил (Тощев, 1991; Яровой, 2000; Субботин, 2000) оспаривается другими исследователями (Отрощенко, 2001). Имеются данные о расположении грунтовых погребений в прикурганном пространстве в могильнике Беленькое (Бруяко, Росохацкий, 2000, с. 568). Вполне можно согласиться с трактовкой захоронений из Слободзеи и Тараклии I как грунтовых прикурганных, ситуация с погребениями Выхватинцы, Тараклия, Монаши, Гарматское не вполне определенна.

Более чем в 50 курганных насыпях выявлено по 1 погребению, чаще всего в одном кургане размещалось от 1 до 5 могил. Более крупные могильники редки: Приморское, к.1 (11), Пуркары, к.1 (10), «Захаркина могила» у с. Лиман (10), Вишневое, к.17 (20). Предполагается незначительное количество (возможно, шесть) остатков кратковременных поселений, скорее – стоянок. Чаще всего они представлены небольшим количеством фрагментов катакомбной керамики в составе разновременных коллекций: Червона Украина, Тилигульский лиман,

Суворово III, озеро Катлабух в Придунавье, Усатово, Покровское и Мариновка – по берегам Куяльницкого лимана (Субботин, 2000; Бербек, Денисюк, 2009; Петренко, Кожухарь, 2012). Раскопками исследовано поселение Змеиная Балка близ Тилигульского лимана, возможно, оставленное катакомбным населением, для него имеется три радиуглеродные даты в диапазоне 23–22 вв ВС (Агульников, Редина, 2005; Говедарица, Манзура, 2010, с. 308). Заметим, что в Буго-Днепровском междуречье выявлено более 100 катакомбных летовок и поселений (Никитин, 1991).

Погребения обнаружены в курганах, расположенных на плато, водоразделах, берегах речных долин и лиманов (рис. 3.2). Известны также случаи их нахождения в естественном возвышении (Данчены), телле (Лишкотянка, Румыния), которые, вероятно, воспринимались катакомбным населением как курганы. Преобладают одиночные захоронения, известно около 40 парных и коллективных. В части погребений (29, или 5,7 %) поза умершего не восстанавливается, соотнести с определенной обрядовой группой можно 467 скелетов из одиночных и коллективных захоронений. Инвентарем сопровождалось более трети катакомбных погребений, преобладает керамика (Приложение Д),

Катакомбные захоронения чаще размещаясь по дугам или компактными группами в полах кургана, за окружностью, соотносимой с ямными погребениями, если они имеются (рис. 3.3). Преимущество отдавалось южному сектору кургана. Известно и радиальное расположение погребальных камер (Дубиново, к.1; Новая Долина, к. 3). Очень редко захоронения находились в теле курганной насыпи, такая ситуация возможна лишь в тех случаях, когда погребение выполнено в обычной яме; катакомбы чаще всего углублены в материк.

3.2.1. Погребальные сооружения и погребальный обряд.

Традиционно выделяется три типа погребальных сооружений: катакомбы, подбойные камеры и простые ямы. Преобладают катакомбы, к которым относится более 80 % могил (рис. 3.4–3.9). Входной колодец чаще всего имел округлую или овальную форму, прямоугольные (подтрапециевидные) единичны: Фрикацей 4/25, Старые Беляры 1/2 (рис. 3.9. 3). Он соединялся с погребальной камерой непосредственно или коротким (до 0,4 м длиной) дромосом, располагаясь у длинной стороны камеры (в редких случаях – у короткой стороны или угла). Исключения редки – Щербанка 1/28 с дромосом длиной около 1,5 м (рис. 3.6. 1). Вход из колодца в погребальную камеру могли закрывать каменной плитой или слоем камней с глиняной обмазкой, иногда – деревом, пробкой из глины или плотного чернозема (рис. 3.7. 5). Погребальные камеры, обычно, овальные или бобовидные. Сочетание различных конфигураций колодцев и погребальных камер проявляется в нескольких типах катакомб: 1) круглый или овальный колодец и овальная (подовальная) погребальная камера (рис. 3.8. 9); 2) круглый или овальный входной колодец и прямоугольная погребальная камера (рис. 3.9. 7); 3) прямоугольный/трапециевидный входной колодец и овальная камера (рис. 3.9. 1, 5); В Северо-Западном Причерноморье преобладают погребальные сооружения первого типа с овальным/округлым входным колодцем и овальной погребальной камерой. Почти все погребальные сооружения являются однокамерными катакомбами; двухкамерные катакомбы – явление исключительное (Тараклия II, 1/18, Гура-Быкулуй 5/11–12, 5/14–15). К подбойным могилам относятся сооружения с «навесным» («накладным») входным колодцем, при такой конфигурации в погребальной камере проявляется подбой. Простые могильные ямы могут быть достоверно атрибутированы в тех случаях, если у них имеется перекрытие, прослежен выкид по бортам ямы, достаточно большая глубина подтверждает отсутствие колодца. Неглубокие погребальные камеры, выявленные в придонной части оставляют место для двоякой их интерпретации.

Выделяется четыре основных варианта расположения погребенных: вытянуто на спине (куда мы относим и так называемую «позу бегуна», с одной из ног в согнутом положении) – 64 %; скорченно на спине (в том числе с ногами, расположенными ромбом) – 16 %; скорченно на спине с наклоном вправо, изредка на правом боку – 11 %; скорченно на спине с наклоном влево, изредка на левом боку – 4 %. Иногда трудно четко обозначить позу погребенного и

отличить слабоскорченное положение на спине от слабоскорченного на боку, или от скорченного на спине с небольшим наклоном. Лишь небольшая часть погребенных (3 %) уложена в «ямной позе» – скорченно на спине, но имеется достаточно большая группа, где положение умерших определяется как «слабоскорченное на спине». Именно поэтому у разных исследователей (В.А. Дергачев, Г.Н. Тощев, Е.В. Яровой) в аналитических обзорах катакомбных культур региона при сходном проценте вытянутых на спине захоронений, распределение по другим подгруппам существенно отличается. Порой, несколько позиций фиксируются в одном парном или коллективном захоронении (рис. 3.5. 7). Ориентировка умерших связана с планиграфией, расположением могил по дуге или окружности. Погребенные чаще всего ориентированы по часовой стрелке, и лишь изредка — против часовой. Среди основных захоронений известны северо-западная, северная, южная, юго-восточная и юго-западная ориентировки умерших. Умершие обращены лицевой частью ко входу погребальной камеры либо вверх. В единичных случаях выявлены моделированные черепа, без придания портретных черт – Ясски 5/8, 9, 12 (Алексеева, 1994).

3.2.2. Культурная атрибуция катакомбных захоронений.

К ингульской культуре относится 453 погребения (97,6 %). Основные типы погребальных сооружений представлены традиционными катакомбами овальной формы с округлым колодцем (рис. 3.5. 1), более редки простые ямы и ямы с подбоем. Порой, могильные ямы не прослеживаются (рис. 3.4. 1). Погребальный инвентарь в большинстве своем располагался в погребальных камерах, охра отмечена в трети захоронений, изредка она встречалась в виде комков, фиксировался растительный тлен на дне ямы, порой — угли. Преобладает вытянутое на спине положение умершего, небольшим количеством представлены правосторонне и левосторонне расположенные скелеты. По-видимому, с этой культурой надо связывать и скорченные захоронения. Позу скорченно на спине традиционно связывают с ямным влиянием. Погребения со скелетами, скорченными на спине с наклоном влево, на левом боку с разной степенью скорченности, находящиеся в Т-образных катакомбах, Л.А. Черных относит раннекатакомбным, на Правобережье они составляют от 60 до 74 %, на Левобережье их значительно меньше (Черных Л.А., 2007, с. 88–99). Но в Северо-Западном Причерноморье эта поза встречается совсем в других типах катакомб или в простых ямах, порой с подбоями, демонстрируя синкретизм и поздний характер таких погребений.

Имеются погребения со скелетами, скорченными на спине с наклоном вправо, на правом боку с разной степенью скорченности. Отметим, что такой позой характеризуется донецкая культура. Эта ее особенность, порой, абсолютизируется, и к ней относят все правобочные захоронения, независимо от формы погребального сооружения (Яровой, 2000). Но для донецкой культуры свойственны захоронения с прямоугольным или квадратным входным колодцем; на раннем этапе, помимо катакомб, известны погребения в прямоугольных ямах, порой, с заплечиками. Такое сочетание характеристик, на наш взгляд, не позволяет относить все правобочные захоронения к донецкой культуре, хотя можно предположить ее влияние, наряду с выраженными буджакскими чертами. Здесь следует упомянуть погребение Вишневое 17/31, со скорченным на правом боку скелетом, где в захоронении найден типичный сосуд буджакской культуры (рис. 4.25. 4, 5).

На наш взгляд, погребения донецкой культуры в регионе единичны и представлены небольшим числом памятников (рис. 3.9. 1–5). Такая ситуация вполне объяснима периферийностью и существованием массива ингульских памятников между ареалом основного распространения донецких памятников и Северо-Западным Причерноморьем. По сведениям С.М. Агульникова, к донецкой культуре принадлежат неопубликованные могильники Тецканы и Безеда на левобережье Среднего Прута.

Несмотря на наличие различных обрядовых групп, говорить об их хронологической или территориальной обособленности нет оснований. В рамках одного стратиграфического горизонта могут находиться захоронения, выполненные по разным канонам, особенно четко это фиксируется в крупных, стратифицированных курганах: Вишневое, к. 17; Лиман, к. 3А; Каушаны, к. 1; Приморское, к. 1; Пуркары, к.1. Одновременность различных обрядовых групп

подтверждается и радиоуглеродными датами, например, в кургане 1 у с. Дубиново (Иванова и др., 2005, с. 150). Отметим, что аналогичная ситуация прослеживается и для Поднепровья (Николова А.В., 2001, с. 105). Нет особых отличий и в инвентаре; напротив, известны находки донецкой керамики в вытянутых (ингульских) погребениях: Старые Беляры 1/17 (Петренко, 1991, с. 80, рис. 25) и ингульских орнаментированных сосудов – при скорченных на спине скелетах – Талмаз 3/15 (Агульников, Яровой, 2004, с. 29, рис. 6) или со скорченными на боку умершими – Коржеуцы 4/10 (Leviţki, Demcenko, 1994).

К манычской культуре можно отнести одно захоронение – Семеновка 9/1, где найден характерный сосуд реповидной формы с налепным валиком на средней части тулова (рис. 3.9. 6,7). Оно выделяется и формой погребального сооружения; эта особенность позволяет говорить не об импорте, а о возможных инокультурных элементах в катакомбной среде Северо-Западного Причерноморья (Субботин, 1985, с. 89–91). Нож манычского типа обнаружен в погребении Окница 3/5, но само погребение не имеет манычских черт.

К типу Перун относят одно, выполненное в катакомбе, детское погребение из кургана Новая Долина 1/12, со скорченным на правом боку скелетом и нетипичным инвентарем – серебряным кольцом и кубком со сферическим корпусом, украшенным оттиском перевитого шнура (рис. 3.12. 19). Этот сосуд, по мнению авторов раскопок, находит ближайшие аналогии на поселениях типа Перун в Поднепровье (Петренко и др., 2002). Уникальной для катакомбных памятников региона является спиралевидная подвеска из серебра (рис. 3.22. 6), хотя в восточных регионах катакомбной культуры такие находки традиционны.

3.2.3. Погребальный инвентарь.

Керамика является наиболее распространенной и информативной составляющей погребального инвентаря (160 экз.). Её классификация производилась по тому же принципу, что и для буджакской посуды. В отделе 1 (сосуды с шеей) основными категориями являются горшки, амфоры, чаши и чашевидные сосуды, кувшины; в отделе 2 (бесшейные сосуды) – чаши и чашевидные сосуды, корчаги. Отсутствуют кубки с выделенным дном, известные на восточных территориях. При анализе катакомбной посуды использованы следующие наборы морфологических признаков, связанных с профилировкой сосудов и их пропорциями, с учетом основных параметров (рис. 3.10).

Отдел 1. Сосуды с шеей

Группа признаков 1 (критерием выделения является форма тулова и дна).

Признаки:

A – сосуды с плоским дном и туловом сферических очертаний, диаметр дна приближен к диаметру венчика или намного меньше, наибольший диаметр тулова примерно равен высоте тулова или больше его (H2 : D3 = 0,9–0,7);

B – сосуды с плоским дном и туловом полусферических очертаний, диаметр дна приближен у диаметру венчика или намного меньше, наибольший диаметр тулова примерно равен высоте тулова или больше его (H2 : D3 = 0,9–0,7);

C – сосуды с плоским дном и биконическим туловом, когда наибольший диаметр тулова примерно равен высоте тулова или больше его (H2 : D3 = 0,9–1,1);

D – сосуды с плоским дном и реповидным приземистым туловом, когда диаметр тулова больше его высоты (H : D = 0,6–0,7; D1 : D3 = 0,4–0,6);

E – сосуды с плоским дном, средним или удлиненным туловом, при этом высота тулова больше его диаметра или близка ему (H : D3 = 1,1–1,3);

F – сосуды с округлым дном и сферическим туловом;

G – сосуды с округлым дном и полусферическим туловом.

Группа признаков 2 (критерием выделения являются пропорции тулова).

Признаки:

I – наибольшее расширение тулова приходится на его верхнюю треть – т. е. плечи (H3 > H2);

II – наибольшее расширение тулова приходится на среднюю часть сосуда (H3 = H2);

III – наибольшее расширение приходится на нижнюю треть тулова (H2 > H3).

Группа признаков 3 (критерием выделения является форма венчика)
Признаки:
a – прямой цилиндрический венчик (D1 = D2);
b – отогнутый наружу венчик D1 > D2);
c – венчик S-видной формы (с загнутым наружу краем);
d – воротничковый венчик.
Группа признаков 4 (критерием выделения является высота венчика):
Признаки:
1 – высокий венчик (H1 : H = 0,3–0,4);
2 – средний венчик (H1 : H = 0,2–0,3).
3 – короткий венчик (H1 : H = 0,1).
Отдел 2. Бесшейные сосуды.
Группа признаков 1 (критерием выделения является форма тулова и дна).
Признаки:
A – сосуды с плоским дном и сферическим или «реповидным» туловом;
B – сосуды с плоским дном и коническим туловом;
C – сосуды с плоским дном и биконическим туловом;
D – сосуды с округлым дном.
Группа признаков 2 (критерием выделения являются пропорции тулова).
Признаки:
I – наибольшее расширение сосуда приходится на его устье, это так называемые «открытые сосуды» (D1 > D2);
II – наибольшее расширение тулова приходится на его верхнюю треть – т. е. плечи (H3 > H2;
III – наибольшее расширение тулова приходится на среднюю часть сосуда (H3 = H2).
Группа признаков 3 (критерием выделения является соотношение диаметра устья к высоте).
Признаки:
a – сосуды средних пропорций (H : D = 0,9–1,0);
b – сосуды высоких пропорций (H : D = 1,1–1,3);
c – сосуды приземистых пропорций (H : D = 0,7–0,8).

Орнамент на сосудах чаще всего прорезной или в виде насечек, защипов, наколов, отпечатков полой трубочки (рис. 3.11–3.13, 3.15, 3.16) . Шнуровой орнамент использовался реже, чем прочерченный, но встречается на разных типах сосудов – горшках, амфорах, чашах, кувшинах. Известен т. н. «личиночный» орнамент (рис.3.12. 18), применялся и зубчатый штамп (рис. 3.11. 17; 3.12. 7). Порой, наблюдается сочетание шнурового и прочерченного видов орнаментации (рис. 3.16. 8, 9, 15, 16). При оформлении сосуда могла быть украшена его верхняя часть или все тулово. В орнаментальных композициях преобладают зигзаги, углы (рис. 3.12. 14, 17–21; 3.13. 12, 14, 15), елочный орнамент (рис. 3.11. 12, 13, 17, 18), реже встречаются овальные фестоны или волнистые линии (рис. 3.11. 6, 15; 3.13. 9, 17, 18; 3.15 1; 3.16. 3, 8, 10).

Помимо глиняных известны четыре сосуда из дерева полусферической формы (Дивизия II 5/4, Маяки III 1/12, Траповка 6/13, Фрикацей 4/25), в одном случае (Дивизия) на дне выполнен резной орнамент в виде цветка. В погребении из Фрикацея сосуд был скреплен бронзовыми заклепками.

Отдел 1. Сосуды с шеей.

Категория горшки и горшковидные сосуды наиболее многочисленна (103 экземпляра), они разнообразны по профилю и пропорциям; преобладают плоскодонные формы. Основные типы: 1) горшки средних пропорций, с выделенными плечами и невысоким венчиком, прямым, отогнутым наружу или S-видной формы – AIa2, AIa3, AIb1, AIb2, AIc2, (рис. 3.11. 5–17). Единичными случаями представлены горшки такого типа, но с высоким цилиндрическим венчиком – AIa1 (рис. 3.11. 1–4) или с воротниковидным венчиком – AId2, AId3 (рис. 3.11. 18,

19). Некоторые горшки орнаментированы по плечикам или по всему тулову. 2) горшки средних пропорций с туловом округлых очертаний (максимальное расширение в средней части) и невысоким венчиком, отогнутым наружу, S-видной или воротниковидной формы – AIIb2, AIIc1, AIIc3, AIId2, AIId3 (рис. 3.12. 3–21). Часть горшков имеет сферическую форму (рис. 3.12. 10–21). Прямой венчик встречен в единичных случаях, эти сосуды близки по профилю амфорам, но не имеют ручек – AIIa2 (рис. 3.12. 1,2). Орнамент чаще всего нанесен на сосуды, имеющие воротничковидный венчик и покрывает всю поверхность тулова. В этой группе имеется сосуд, опоясанный налепным валиком – Семеновка 9/1 (рис. 3.12. 10). 3) горшки приземистых очертаний, с полусферическим туловом – BIa1 (рис. 3.13. 1–6) с биконическим туловом – CIb2, CIb3 (рис. 3.13. 7–11). Они имеют небольшой прямой или отогнутый наружу венчик. 4) реповидные горшки, характеризующиеся широким приземистым туловом с максимальным расширением в верхнем, среднем или нижнем сегментах тулова – DId1, DIIb1, DIIb3, DIIa3 (рис. 3.13. 12–16). Венчик средний или короткий, отогнут наружу, все горшки орнаментированы. Небольшим количеством представлены горшки стройных пропорций (рис. 3.13. 17–19) и круглодонные со сферическим туловом (рис. 3.13. 20–22).

К категории амфор и амфоровидных сосудов отнесено 11 сосудов с туловом округлой формы, высоким прямым венчиком, они орнаментированы. Выделяется два типа. 1) наибольшее расширение тулова приходится на плечи – AIa1 (рис. 3.15. 1–7), 2) максимально расширение приходится на середину тулова – AIIa1 (рис. 3.15. 8–11). Амфоры в большинстве случаев имеют четыре ручки в месте наибольшего расширения, лишь иногда – две. Одна из амфор (рис. 3.15. 11) имеет параллели в категории сосудов, которые называют флягами; они известны и в ареале ингульской культуры, и в Нижнем Подонье (Братченко, 1976, с. 41; Братченко, Шапошникова, 1985, с. 417).

Чаши и чашевидные сосуды (36 экземпляров) есть как среди сосудов с шеей, так и среди бесшейных. Среди сосудов с шеей выделяется два типа: 1) средних пропорций со сферическим или полусферическим туловом, венчик средний, прямой или воротничковый (рис. 3.16. 1–3, 6, 7); 2) приземистых пропорций с полусферическим туловом, округлым дном и небольшим, отогнутым наружу венчиком (рис. 3.16. 4, 5). Все экземпляры орнаментированы, многие чаши имеют катушковидный «носик» с отверстием или одну ручку-налеп.

Несколькими экземплярами представлены одноручные сосуды (рис. 3.15. 12, 13), а также сосуды, имеющие параллели в буджакской культуре – банка (Вишневое 17/31), амфорка (Лиман 2/4).

Отдел 2. Бесшейные сосуды.

Чаши и чашевидные сосуды (38 экз.) в этом отделе можно разделить на два вида – небольшие неорнаментированные чашевидные сосуды и чаши крупных размеров, орнаментированные, близкие к тем, что были отнесены к предыдущему отделу (сосуды с выделенной шеей).

Чашевидные сосуды (рис. 3.15. 14–21) имеют средние и приземистые пропорции и плоское дно. Чаши (рис. 3.16. 8–16) имеют средние пропорции, сферическое, полусферическое и коническое тулово, плоское или округлое дно, венчик срезан прямо или слегка загнут вовнутрь. Все экземпляры орнаментированы.

Корчаги (рис. 3.15. 22, 23) представлены двумя экземплярами, это – биконические сосуды с четко выраженным ребром.

Орудия труда и оружие изготовлены из кремня, камня, металла, кости, раковин, однако находки эти немногочисленны. К оружию относят наконечники стрел, чаще всего находимые в наборах по несколько экземпляров (рис. 3.20. 1–8), кремневые клиновидные топоры из погребения Сергеевка 1/3 (рис. 3.18, 1–3), каменный плоский топор из Тараклии II, 1/11, каменные шлифованные топоры, которых известно в регионе около 30 экземпляров (рис. 3.19), булавы из погребений Дубиново 1/12, Корпач 3/7 (рис. 3.18. 2,3). Предположительно, кинжалом считают костяное острие крупных размеров из погребения Вишневое 17/15 (рис. 3.18. 7). Однако косой срез, образующий острие, заполирован; на наш взгляд, этот предмет

может быть, скорее, орудием – крупной проколкой (?). Металлические ножи, найдены всего в двух захоронениях; они, как и в ямной среде (и в рамках других культур бронзового века) могли быть полифункциональны (рис. 3.18. 5–6). Отметим погребение Тирасполь II, 1/1, с несколькими категориями оружия – металлический нож, стрелы, топор (рис. 3.4. 15–24)

Орудия труда представлены кремневыми ножами, пластинчатыми вкладышами, скребками, остриями (рис.3.21. 3,4), каменными зернотерками, наковаленками, растиральниками. Большинство кремневых находок – отщепы и пластины без ретуши. Изделия из металла редки – пробойник или отжимник-ретушер (рис. 3.21. 7), игла, ножи. Известен растиральник для медной руды, изготовленный из базальта, в погребении Траповка 4/14 (рис. 3.21. 1). Из клыков кабана выполнены скребки-лощила и скобели (рис. 3.4. 9; 3.21. 9), иглы, находившиеся в деревянном футляре (рис. 3.21. 6), проколки, а из створок морских и речных раковин – зубчатые штампы-орнаментиры (рис. 3.21. 8).

Украшения изготовлены из разных материалов. В категории металлических преобладают трубчатые пронизки, которые использовались в составе браслетов, бус, подвесок (рис. 3.22. 7), одним экземпляром представлены круглая бляха, браслет. Из кости изготавливали округлые «застежки» (рис. 3.22. 1), из зубов животных – ожерелья и подвески (рис. 3.22. 2–5, 8). Среди поделок упомянем глиняные кольцо и шарик. В 30 погребениях найдены кости животных (6,6 %), в 4 –астрагалы.

С буджакской культурой связывают появление в катакомбной среде нехарактерного для нее типа расчлененных захоронений (перезахоронений?), где кости уложены «пакетом». Такой обряд зафиксирован в совершенном в катакомбе погребении Лиман 2/4, которое сопровождалось буджакской амфоркой (Субботин, Тощев, 2002, с. 83).

Исследователи отмечают, что скорченное на левом боку положение, усиление скорченности ног погребенных, появление ям с уступами и подбоями на позднем этапе катакомбной культуры соответствуют основной характеристике памятников бабинской культуры (Отрощенко, 2001). Новый погребальный обряд, своеобразная революция в мировоззрении, сочетается с генетической преемственностью между катакомбными и бабинскими древностями (Литвиненко, 2002, с. 183–190; 2011, с. 179–200). В то же время предполагается, что ранние древности бабинской культуры по сути есть финальнокатакомбные, подвергшиеся внешнему инокультурному влиянию (Санжаров, 2011, с. 164–178). Такого облика позднейшие катакомбные захоронения известны и в Северо-Западном Причерноморье.

3.3. Хозяйство населения катакомбных культур в Северо-Западном Причерноморье

Незначительное количество погребений с орудиями труда, отсутствие бытовых памятников не дают возможности реконструировать экономику и хозяйство катакомбного населения региона в полном объеме. Тем не менее, можно говорить о достаточно разнообразной хозяйственной деятельности.

Камнебрабатыващее и кремнеобрабатывающее производство представлено каменными растиральниками, наковаленками, зернотерками, точилом, теслами, шлифованными булавами и топорам. При их изготовлении применялись традиционные техники (обивка, пикетаж, шлифовка, сверление). Нанесение рельефного орнамента на часть топоров свидетельствует о высоком уровне обработки камня. Кремневый инвентарь малочисленный и представлен всего несколькими категориями (наконечники стрел, пластины и пластинчатые вкладыши, ножи, скребки, отщепы).

Металлообработка. Ассортимент металлических изделий (из меди/бронзы) невелик и довольно беден, по сравнению с находками к востоку от Южного Буга. О местном изготовлении отдельных вещей может свидетельствовать находка песта для растирания медной руды (Траповка 4/14). Катакомбные племена, помимо меди, были знакомы с оловянистой бронзой (Субботин, 2000, с. 375). Серебряное украшение (спиральная подвеска) является импортом (Новая Долина 1/12).

Гончарное производство характеризуется разнообразными сосудами, украшенными в технике прочерченного и – реже – шнурового орнамента, наколами, поверхность часто покрыта разнонаправленными расчесами. Среди орудий труда гончара – скребок-лощило (Новые Раскаецы 1/12), орнаментиры (Лиман 3А/55).

Деревообработка представлена слабо, хотя в других регионах известны деревянные повозки катакомбной культуры. В погребениях были зафиксированы лишь единичные изделия – футляр из и коры и деревянные сосуды. О косторезном производстве можно судить по иглам, проколкам, пряслицу, лощилам и скобелям, подвесками из просверленных зубов животных. О существовании ткачества можно судить по наличию отдельных артефактов, например, костяного пряслица из погребения Ефимовка 3/6 (Шмаглий. Черняков, 1985, с. 101), о плетении – по отпечаткам шнура на сосудах, однако сами изделия, как правило, не сохраняются. Кремневые скребки для обработки кожи свидетельствуют о наличии этой отрасли ремесла, а костяные иглы и проколки указывают на пошивочное дело. В этом же контексте отметим остатки войлока в погребении Лиман 8/4 (Субботин, 1993, с. 15).

Выделяется погребение Никольское 8/11 (рис. 3.4. 1–14), которое авторы раскопок относят к захоронениям ремесленников (Агульников, Сава, 2004, с. 313). Найденные в нем «выпрямители древков стрел», по трасологическому определению, использовались для заточки и правки костяных и деревянных орудий (рис. 3.4. 2,3). Как лощила для изготовления керамики использовались подтреугольные изделия из песчаника (рис. 3.4. 7, 8, 10, 11). Орудие из клыка кабана предназначалось для формовки внутренней и внешней поверхности сосудов (рис. 3.4. 9).

Таким образом, ремесленная деятельность катакомбного населения Северо-Западного Причерноморья вполне сопоставима с производствами катакомбной КИО в целом (Березанская и др., 1994).

Традиционно считается, что хозяйство катакомбного общества являлось комплексным, скотоводческо-земледельческим при ведущей роли пастушеского скотоводства. Для катакомбной культуры в целом предполагается формирование степного трансгуманса, своеобразного разделения труда в общине, когда часть ее жила оседло, занимаясь земледелием, устройством быта, заготовкой кормов для животных, а другая часть, занятая скотоводством, вела подвижный образ жизни (Пустовалов, 2005). Выделяется три формы: ранняя – выгон (при разведении крупного рогатого скота), более поздними являются отгонное скотоводство с земледелием и подвижное овцеводство. Предполагается, что отгонный выпас скота, сначала проходил по маршрутам от приречных долин, в открытую степь, а позже – по меридиональным маршруту север-юг. На раннем этапе реконструируется двухтактное кочевание, когда население существовало в степи почти круглый год, спускаясь лишь изредка в поды и балки, в пойме проводили лишь зиму. Другим вариантом кочевания предполагается так называемый четырехтактный. При таком варианте зима и лето проводилась в пойме, а весна и осень – в открытой степи. Подтверждением этому служат кратковременные стоянки в степи и более-менее значительные катакомбные поселения вблизи рек на склонах плато или на краю пойм. Третий вариант перекочевок реконструируется для Поднепровья и связан с иссушением нижнеднепровских степей, что повлекло за собой изменения в системе хозяйствования. Полагают, что пойма стала использоваться лишь в зимнее время, а с весны начиналось продвижение на север, лето проводилось уже в среднем Поднепровье (Пустовалов, 2001–2002, с. 324–325; 2005, с. 125–126).

Для катакомбного населения Северо-Западного Причерноморья нет достаточных данных для конкретных выводов о характере скотоводства. Невыразительность остатков поселений в регионе заставляет нас обратиться к материалам соседних регионов. Считается, что поселения типа Матвеевка I на Южном Буге – базовые (зимники), в которых проходила основная хозяйственная деятельность человека и содержался скот на время неблагоприятных условий. Высок процент в стаде крупного рогатого скота, предположительно, используемого в качестве тягловой силы (Никитин, 1989). Среди артефактов трасологическим путем были выявлены орудия для горных разработок, для дробления и обогащения минералов,

металлообработки, обработки дерева и шкур (Никитин, Балушкин, 1990). Возможно, такая же модель существовала и в Северо-Западном Причерноморье. С другой стороны, археозоологи считают, что реконструировать формы и способы разведения домашних животных на основании изучения костных остатков из захоронений не представляется возможным (Антипина, 2007, с. 297), подробнее мы останавливались на этом аспекте в предыдущей главе. Для Северо-Западного Причерноморья мы можем лишь констатировать, что катакомбное население разводило крупный и мелкий рогатый скот, лошадей. Находки костей животных известны в 30 могилах Определены лишь немногие из них: овца (Оланешты 14/2, Вишневое 17/1, Великозименово 1/4); единственный раз зафиксировано погребение целой туши барана (Ясски, к. 3). Как кости козы/овцы определен остеологический материал из погребения Вапнярка 4/20, возможно с ним же связана находка скопления костей козы/овцы в насыпи кургана. Добавим к этому списку проколку из рога козы в погребении Желтый Яр 7/2а, а также овечьи астрагалы (Холмское 2/22; Рошканы 1/6; Вишневое 17/30, 32; Урсоая 3/13). Кости быка найдены четырежды (Великозименово 1/4 Вишневое 17/53; Новоселица 19/21, Лиман 3А/11), кости лошади трижды (Новоселица 19/22, Вишневое 18/9, Траповка 1/13). Уникальными для всего катакомбного мира являются захоронения лошади в кургане у с. Глиное (Яровой, Четвериков, 1996), жеребенка в комплексе «Любаша» 17/18 (Иванова и др., 2005, с. 85, рис. 55).

Наличие земледелия определяется по отпечаткам зерен злаков на посуде из погребений; можно говорить о том, что выращивались просо, ячмень, овес, чина, пшеница-однозернянка и двузернянка (Кузьминова, Петренко, 1989, с. 120; Кузьминова 1990, с. 263). Косвенно на увеличение доли растительных продуктов в пищевом рационе людей указывает рост процента больных кариесом, что прослежено по костным останкам (Круц, 1984). Полагают, что растительные орнаменты на керамике и топорах также могут указывать на роль злаков в хозяйстве катакомбного населения (Шарафутдинова, 1980). Имеются находки артефактов, связанных с переработкой зерна.

Охота и собирательство у катакомбных племен Северо-Западного Причерноморья представлены слабо, отметим скелет зайца-русака (Вишневое 17/40), скребки-лощила из клыка вепря (Новые Раскаецы 1/12, Никольское 8/11), кости птиц, подвески из зубов волка (4 экз.) и оленя (23 экз.), орнаментиры из морских раковин, украшения из раковин Unio.

Подводя итоги характеристики имеющихся источников – погребений катакомбных культур Северо-Западного Причерноморья, отметим, что, на наш взгляд, отсутствуют данные для выделения особой «одесской» группы памятников, как это предполагается некоторыми исследователями (Тощев, 1982; 1987). Можно отметить относительную бедность и невыразительность инвентаря катакомбных захоронений, редкость металлических изделий, что объясняется периферийностью региона в рамках катакомбного мира. Катакомбное (преимущественно, ингульское) население появляется в Северо-Западном Причерноморье позже, чем в других регионах – в середине III тыс. ВС. Мы полагаем, что оно сосуществовало с обитавшими здесь буджакскими племенами. Это отчасти согласуется с ситуацией в других регионах: исследователи предполагают тесные связи, даже симбиоз, ингульцев с поздними ямниками и донецкими катакомбниками на востоке Причерноморской степи (Гей, 2011, с. 7). Некоторые артефакты указывают на контакты с культурами соседних регионов – шаровидных амфор, шнуровой керамики, эпишнуровых культур. На наш взгляд, можно говорить и о связях со среднеднепровской культурой. Катакомбные культуры Северо-Западного Причерноморья выглядят как затухающий импульс с востока, о чем свидетельствует немногочисленность и единичное их присутствие за Дунаем. Ингульская и буджакская культуры исчезают почти одновременно, частично растворившись в сменившей их в последней четверти III до н. э. бабинской культуре (многоваликовой керамики).

Таблица 3.1

Радиоуглеродные даты катакомбных памятников Северо-Западного Причерноморья

Адрес	No	BP	BC cal –1 сигма
Вапнярка 4/3	Ki–15012	5090 ± 60	3970–3800
Вапнярка 4/3	Ki–15230	3960 ± 70	2580–2340
Ревово 3/13	Ki–11172	3940 ± 60	2495–2341
Дубиново 1/8	Ki–11200	3940 ± 70	2575–2349
Дубиново 1/12	Ki–11203	3900 ± 80	2471–2207
«Любаша», п. 17	Ki–11217	3890 ± 60	2495–2341
Катаржино 1/3	Ki–11250	3890 ± 60	2463–2297
Катаржино 1/3	Ki–11206	3300 ± 100	1685–1455
Старые Беляры 1/33	Ki–11208	3810 ± 80	2427–2071
Великозименово 1/4	Ki–11210	3780 ± 70	2327–2041
Дубиново 1/11	Ki–11202	3720 ± 70	2267–1981
Змеева балка, поселение	Hd–28320	3817 ± 30	2296–2202
Змеева балка, поселение	Hd–28427	3752 ± 20	2199–2139
Змеева балка, поселение	Hd–28461	3789 ± 22	2281–2149

(источники: Иванова и др., 2005;Говедарица, Манзура, 2010; Іванова, Савельєв, 2011; Иванова и др, 2012)

Таблица 3.2

Радиоуглеродные даты бабинской культуры Северо-Западного Причерноморья

Адрес	No	BP	BC cal –1 сигма
Затока 1/11	Кі– 6823	3795 ± 60	2215 ± 106
Затока 1/15	Кі–6824	3745 ± 50	2118 ± 79
Затока 1/16	Кі–6825	3780 ± 60	2166 ± 107
«Любаша», п.15	Кі–11201	3740 ± 70	2277–2033
Сычавка 1/21	Кі–16609	3680 ± 80	2200–1940
Затока 1/20	Кі–6826	3685 ± 45	2046 ± 75
Ревова 3/14	Кі–11175	3590 ± 70	2033–1799
«Любаша», п. 9	Кі–11173	3520 ± 80	1943–1741
Сычавка 1/18	Кі–16611	3490 ± 90	1920–1680
Вапнярка 4/6	Кі–15016	3470 ± 60	1880–1730
«Любаша», п. 3	Кі–11176	3080 ± 70	1415–1261

(источники: Chernyakov, 1999; Иванова и др., 2005; Іванова, Савельєв, 2011; Иванова и др, 2012)

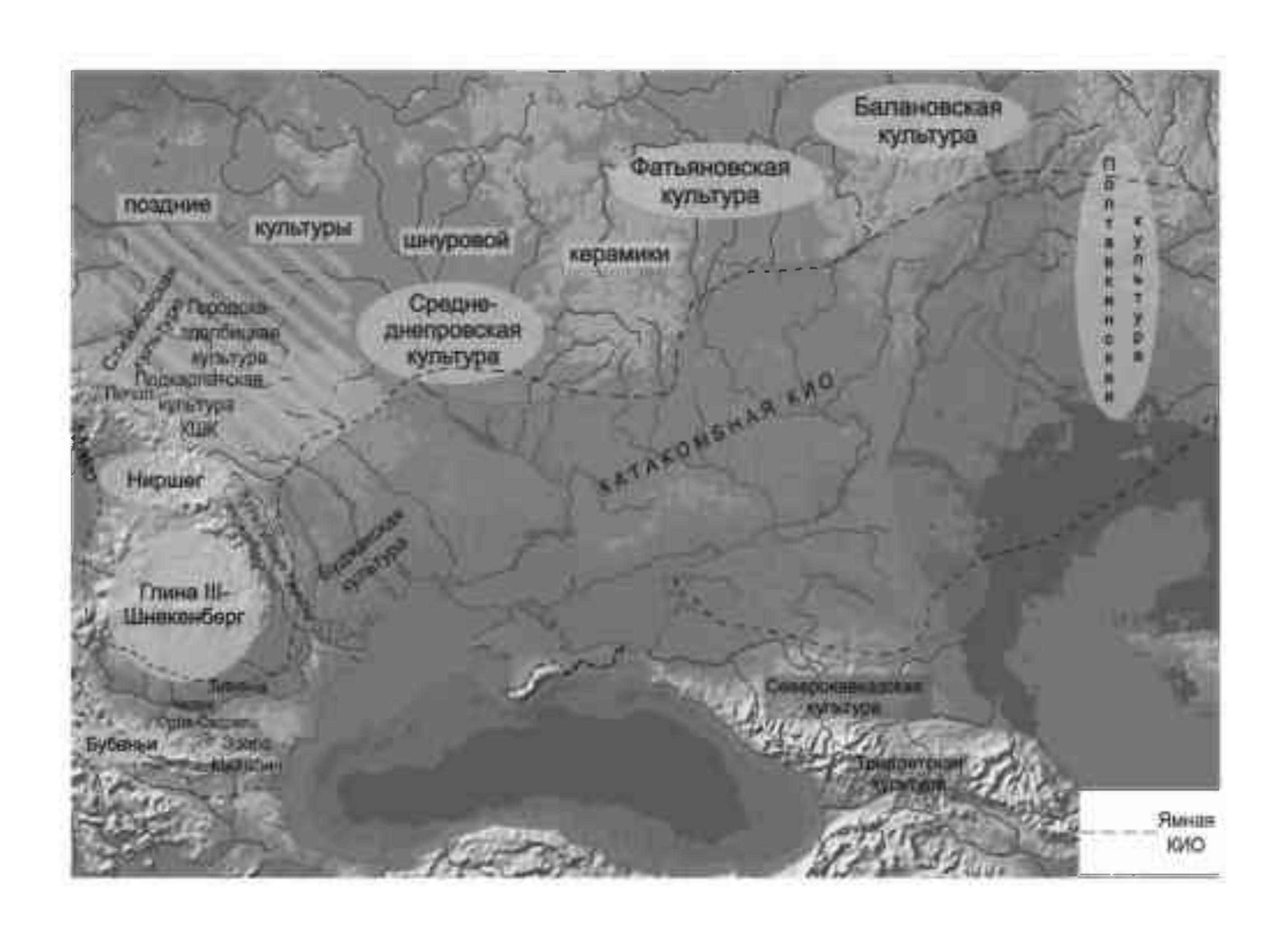

Рис. 3.1. Карта катакомбной КИО и синхронных культур (середина – вторая половина III тысячелетия до н. э.)

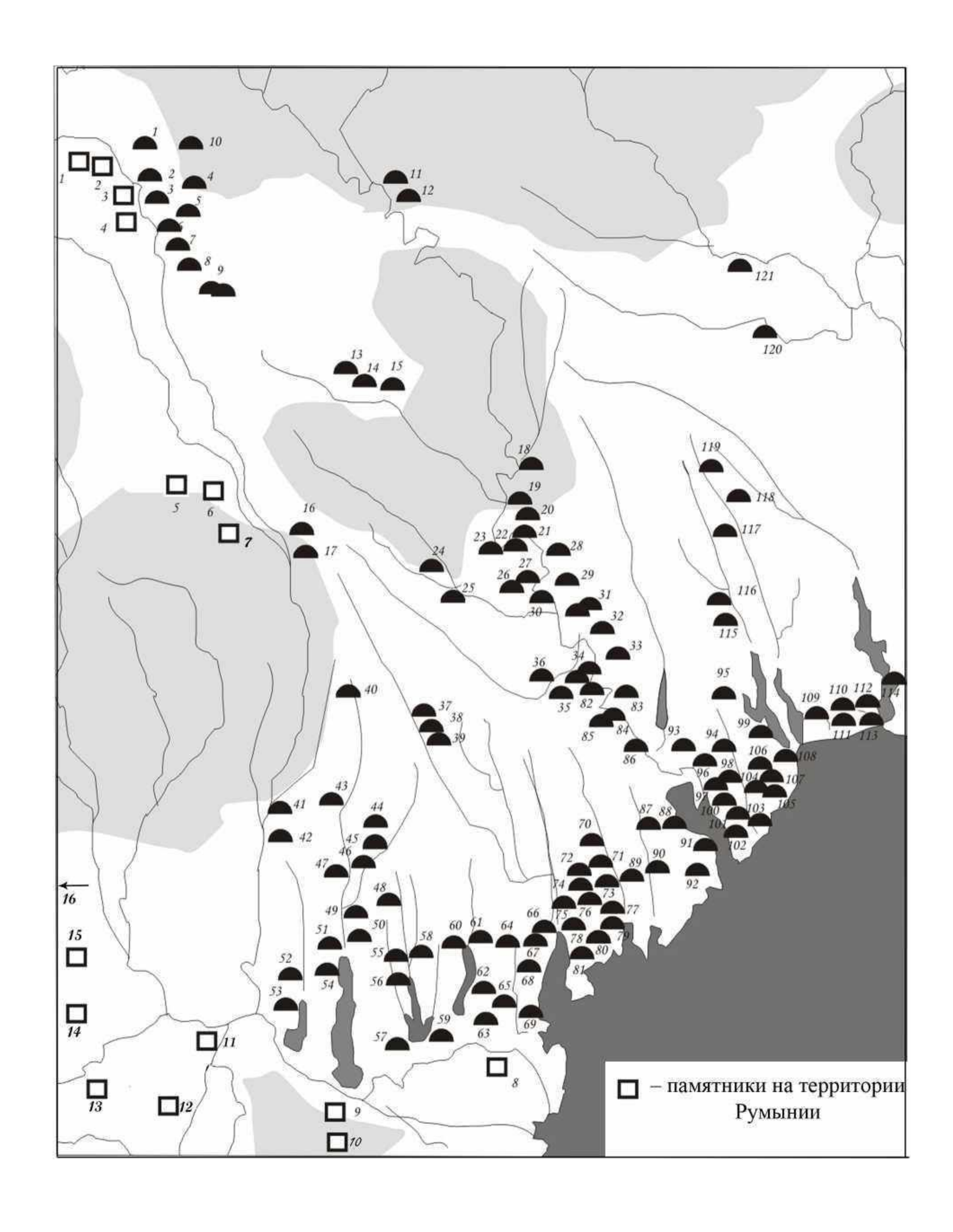

Рис. 3.2. Памятники катакомбных культур Северо-Западного Причерноморья

Аннотации к карте 3.2.

Памятники катакомбных культур Северо-Западного Причерноморья

1 – Медвежа; 2 – Котюжаны; 3 – Коржеуцы; 4 – Тецканы;5 – Безеда; 6 – Ханкауцы; 7 – Корпач; 8 – Старые Куконешты 9 – Думены; 10 – Дуруиторы, Новые Дуруиторы, Ивановка; 11 – Кузмин; 12 – Каменка (Окница); 13 – Кодрул-Ноу; 14 – Чокылтяны; 15 – Бравичены; 16 – Чоропканы; 17 – Кирилень; 18 – Гармацкое; 19 – Погребя; 20 – Красное; 21 – Коржово; 22 – Старые Дубоссары; 23 – Балабанешты; 24 – Данчены; 25 – Кирка, Мерень; 26 – Гура-Быкулуй; 27 – Спея; 28 – Буторы; 29 – Бычок; 30 – Рошканы; 31 – Никольское, Константиновка 32 – Тирасполь; 33 – Суклея; 34 – Чобручи; 35 – Каушаны, Кырнацены; 36 Урсоая; 37 – Гура-Галбене; 38 – Градиште; 39 – Чимишлия; 40 – Саретены; 41 – Дойна; 42 – Крихана Веке; 43 – Светлый; 44 – Томай; 45 – Казаклия; 46 – Тараклия; 47 – Балабан; 48 – Огородное 49 – Копчак; 50 – Болград; 51 – Курчи; 52 – Этулия; 53 – Фрикацей; 54 – Мреснота Могила; 55 – Васильевка; 56 – Утконосовка; 57 – Богатое; 58 – Суворово; 59 – Кислица; 60 – Дзинилор; 61 – Холмское; 62 – Червонный Яр; 63 – Парапоры; 64 – Виноградовка; 65 – Мирное (Килийский район); 66 – Борисовка; 67 – Баштановка; 68 – Струмок; 69 – Приморское; 70 – Хаджидер; 71 – Сергеевка; 72 – Михайловка; 73 – Дивизия; 74 – Белолесье; 75 – Татарбунары; 76 – Заречное; 77 – Лиман; 78 – Желтый Яр; 79 – Новоселица 80 – Вишневое, Кочковатое; 81 – Траповка; 82 – Талмаз; 83 – Глинное; 84 – Новые Раскаецы; 85 – Пуркары; 86 – Оланешты; 87 – Семеновка; 88 – Монаши; 89 – Алкалия; 90 – Дивизия II; 91 – Молога; 92 – Беленькое; 93 – Ясски; 94 – Щербанка; 95 – Березань; 96 – Маяки; 97 – Надлиманское; 98 – Ефимовка; Николаевка; 99 – Дальник (Овидиопольский район); 100 – Роксаланы; 101 – Петродолинское; 102 – Мирное (Беляевский район) Новая Долина; 103 – Новоградковка; 104 – Санжейка; 105 – Александровка; 106 – Холодная Балка; 107 – Великодолинское; 108 – Слободка-Романовка (Одесский курган); 109 – Шевченково (Одесса); 110 – Вапнярка; 111 – Большой Аджалык; 112 – Старые Беляры; 113 – Сычавка, Кошары; 114 – Попильное; 115 – Бараново, курган «Солдатская слава»; 116 – Катаржино; 117 – Великозименово; 118 – Ревова; 119 – Новогригорьевка, курган «Любаша»; 120 – Агеевка; 121 – Дубиново;

Румыния:

1 – Корлэтень; 2 – Слободзия-Хэнешти; 3 – Главанешти Веке; 4 – Якобени; 5 – Котаргачи; 6 – Валя Лупулуй; 7 – Холбока; 8 – Килия Веке; 9 – Лункавица; 10 – Михай Браву; 11 – Браилица; 12 – Хыршова; 13 – Лишкотянка; 14 – Смеени; 15 – Болотешти; 16 – Балдовинешти, Плоешти-Триаж.

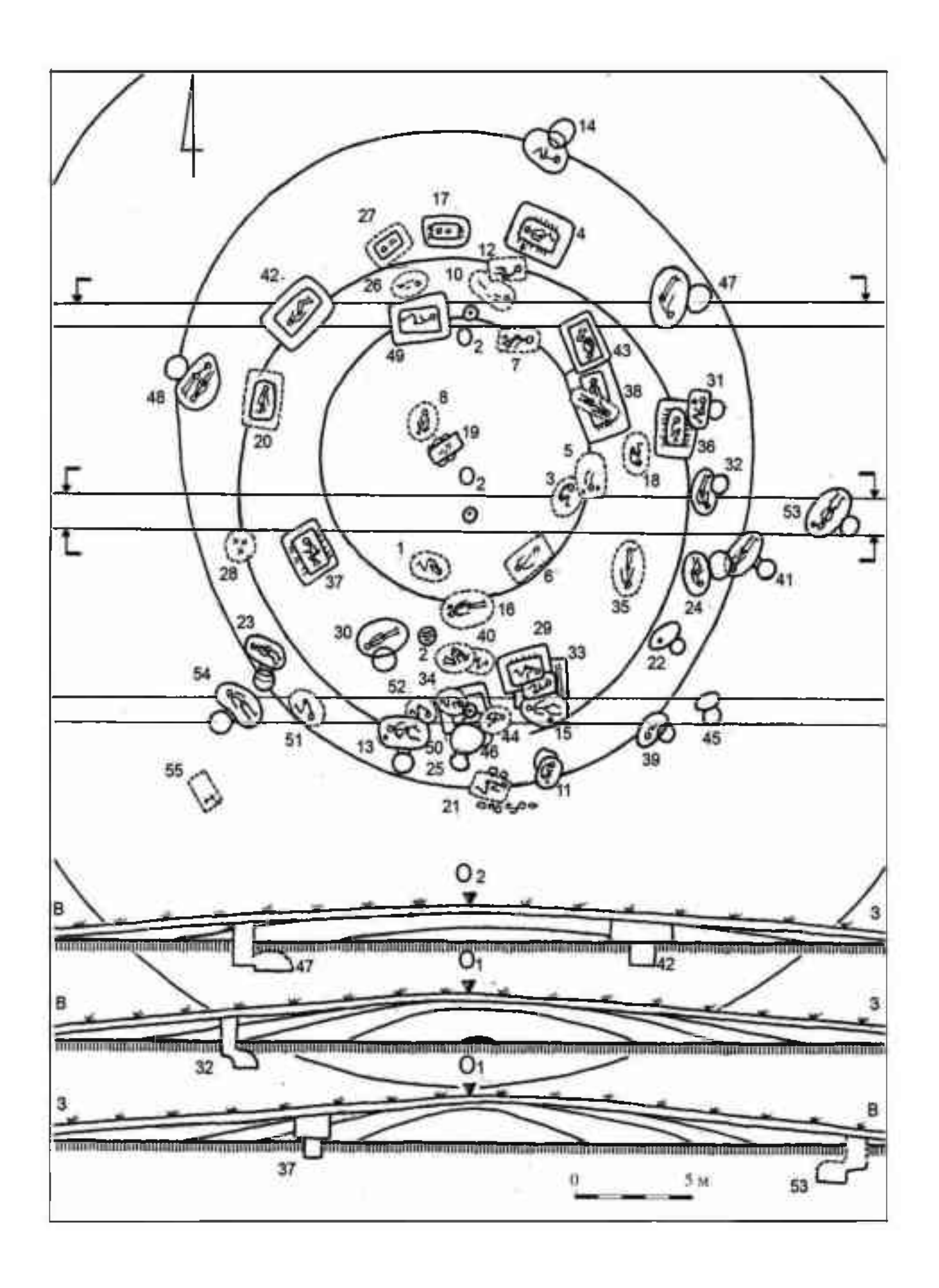

Рис. 3.3. Общий план кургана 17 ус. Вишневое;

(по: Дворянинов и др., 1985)

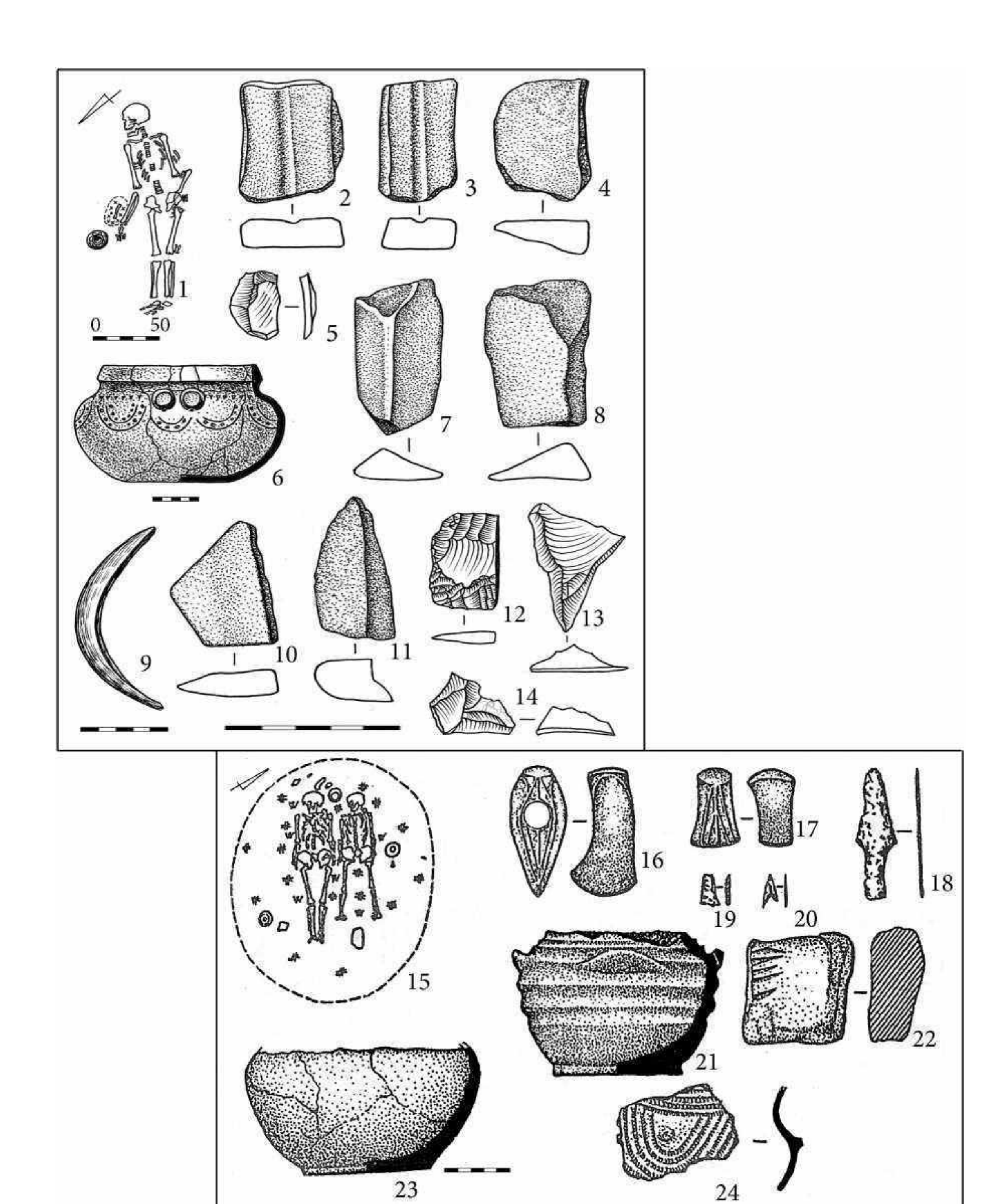

Рис. 3.4. Неординарные катакомбные захоронения с инвентарем:
1-14 - Никольское 8/11:1 - план погребения, 2,3 - выпрямители стрел, 4,7,8,10,11 орудия со следами сработанности, 5,13,14-отщепы, 9- скобель, 12-фрагмент тесла (по: Агульников, Сава, 2004);
15-24 - Тирасполь II, 1/1: 15 - общий план погребения, 16 - топор, 17 - фрагмент топора, 18 - нож, 19,20 - наконечники стрел, 22 - плитка песчаника с насечками, 21,23,24 – сосуды
(по: Савва, 1987);
(5,12,13,14,19,20 - кремень, 2,3 - тальк, 4,7,8,10, 11,22 - песчаник; 9- кость;
16,17 - камень, 18 - медь/бронза; 6, 21-24 - керамика)

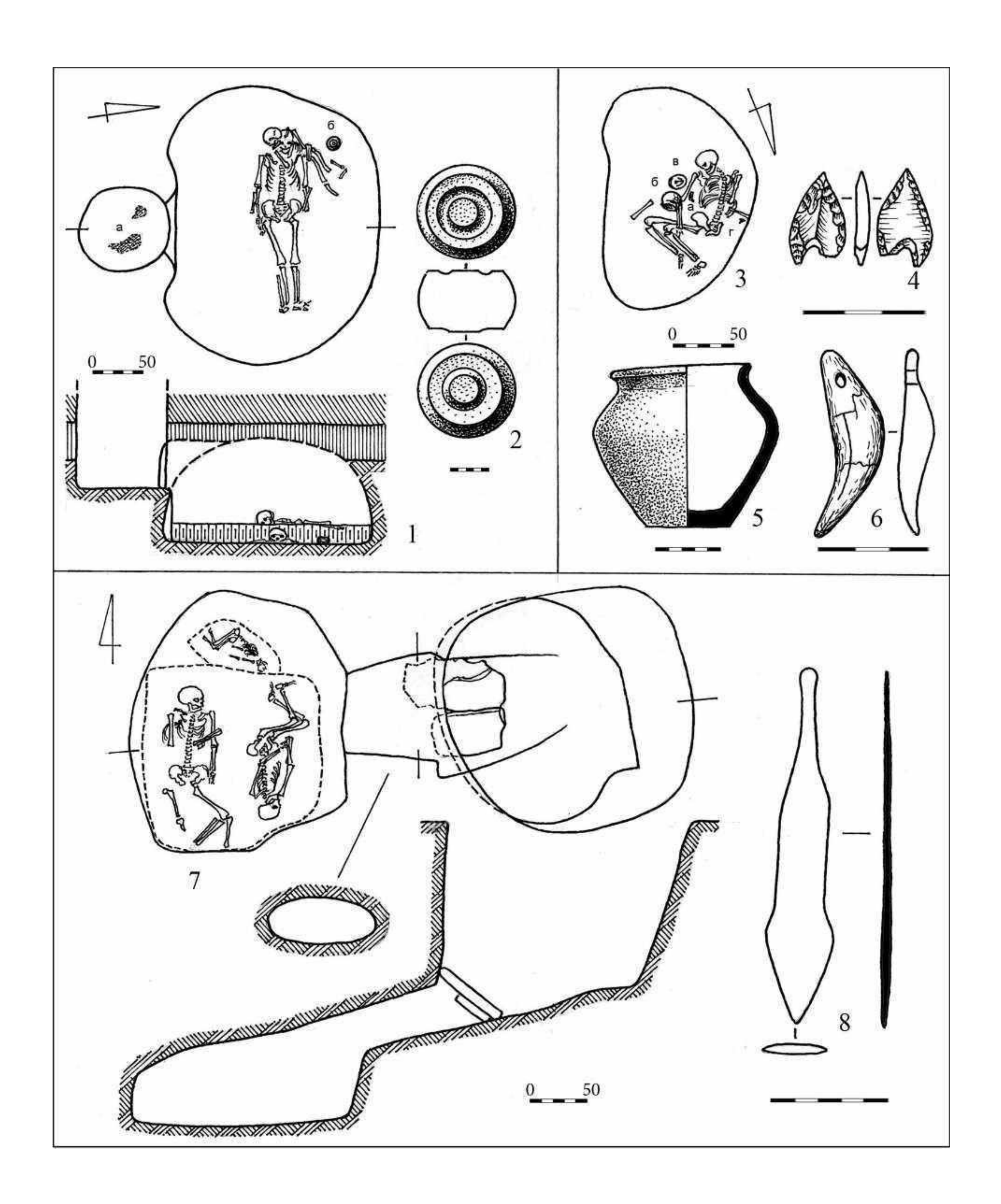

Рис.3.5. Катакомбные погребения с инвентарем:

1,2 - Траповка 4/14: 1 - план погребения, 2 - растиральник медной руды; 3-6 - Дивизия II, 5/4: 3 - план погребения, 4 - наконечник стрелы, 5 - сосуд; 6 - подвеска; 7,8 - Каменка (Окница) 3/5: 7 - план погребения, 8 - нож;
(по: 1,2 - Субботин и др., 1995; 3-6 - Субботин и др., 2001-2002; 7,8 - Манзура и др., 1992
(2 - базальт, 4 - кремень, 5 - керамика, 6 - зуб животного, 8 - бронза)

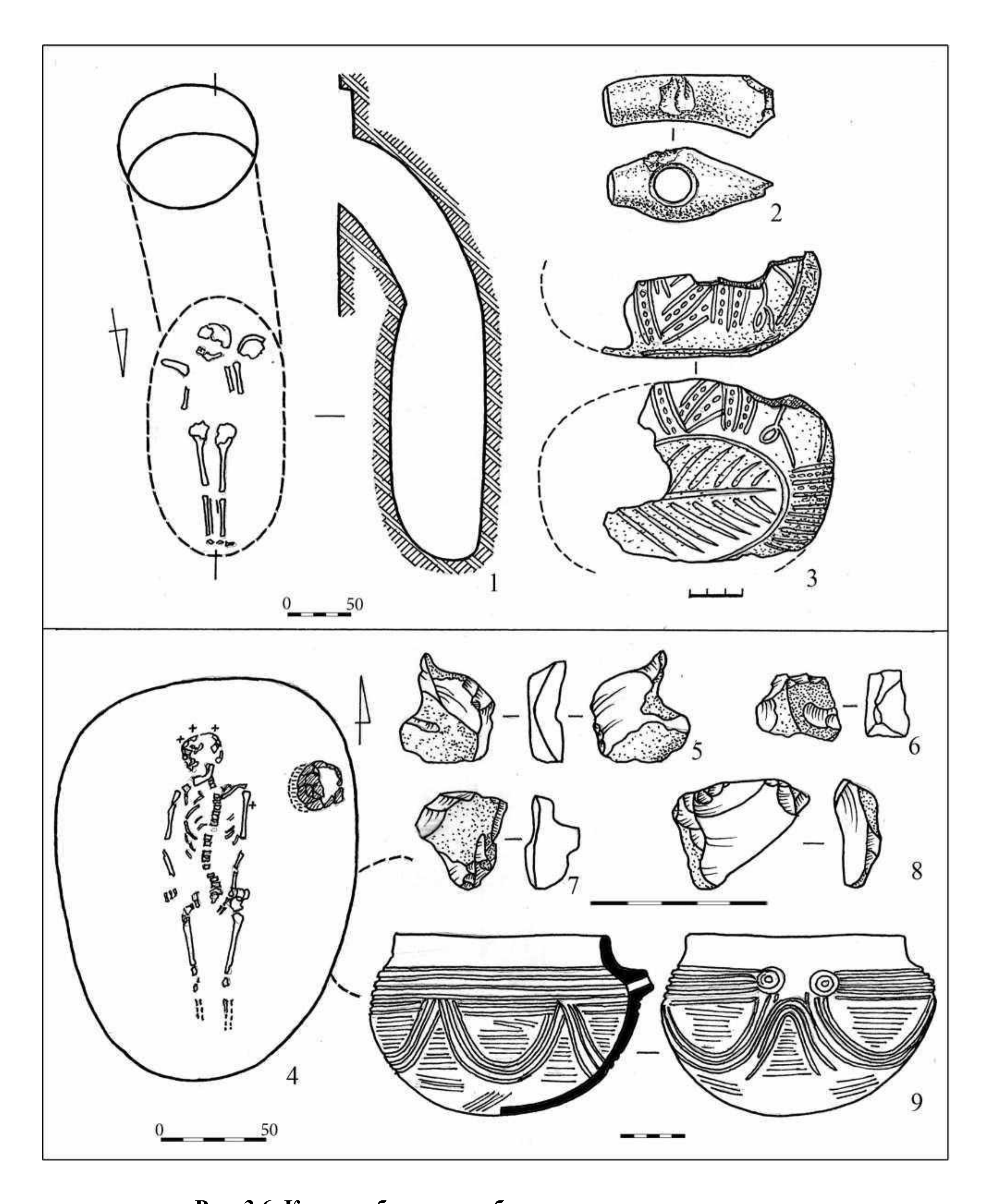

Рис. 3.6. Катакомбные погребения с инвентарем:

1-3 - Щербанка 1/28: 1 - план погребения; 2 - топор, 3 - сосуд; 4-9 - Ревова 3/13:
4 - план погребения, 5-8 - отщепы, 9 - сосуд;
(по: 1-3 - Бейлекчи, 1993; 4-9 - Иванова и др., 2005);
(3,9 - керамика, 2 - камень, 5-8 - кремень)

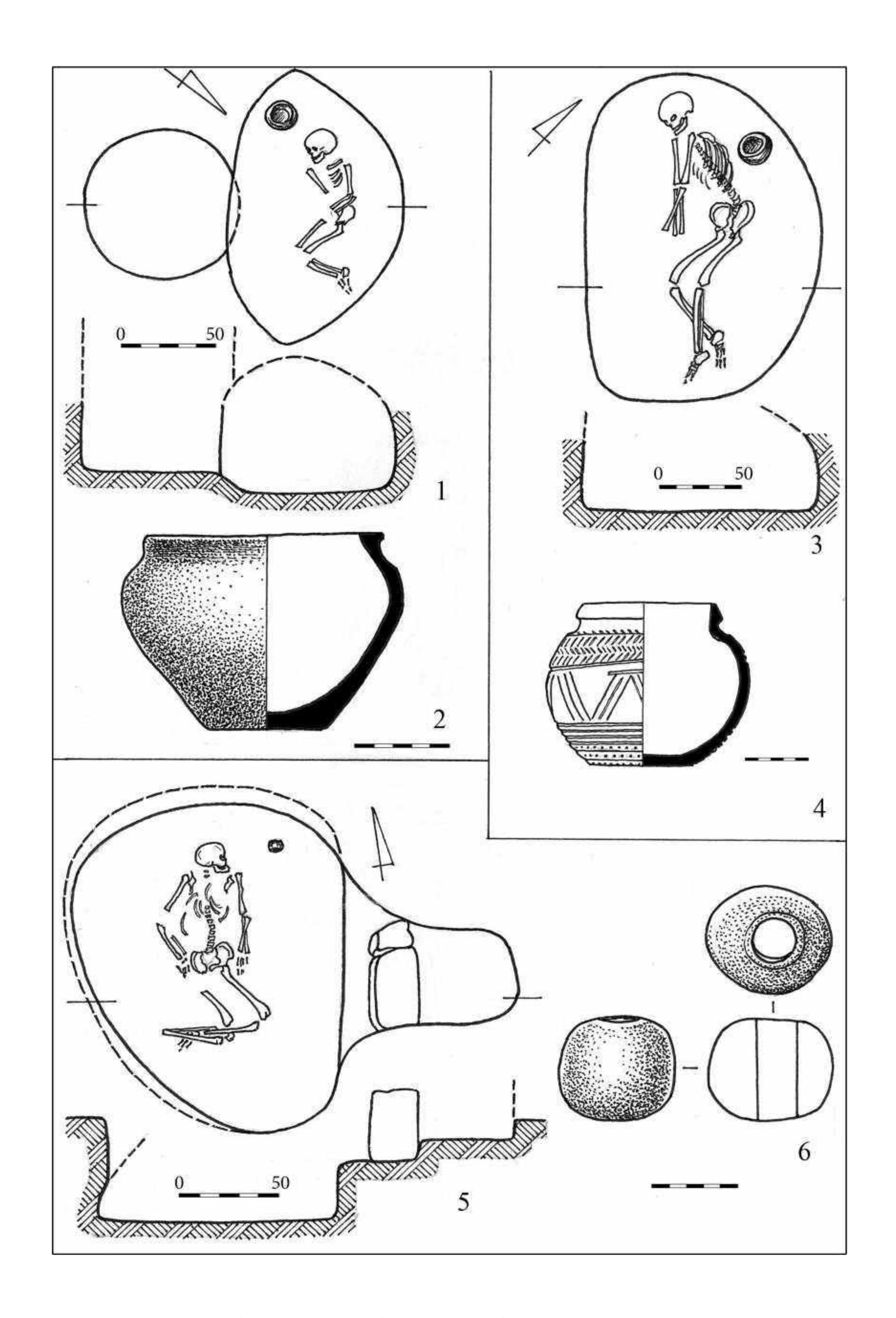

Рис. 3.7. Катакомбные погребения с инвентарем:

1,2 - Белолесье 3/11: 1 - план погребения, 2 - сосуд; 3,4 - Сергеевка 1/13: 3 - план погребения, 4 - сосуд; 5,6 - Дубиново 1/12: 5 - план погребения, 6 - каменная булава; (по: 1,2 - Субботин и др., 1998; 3,4 - Дзиговський, Суботін, 1997; 5,6 - Иванова и др., 2005)

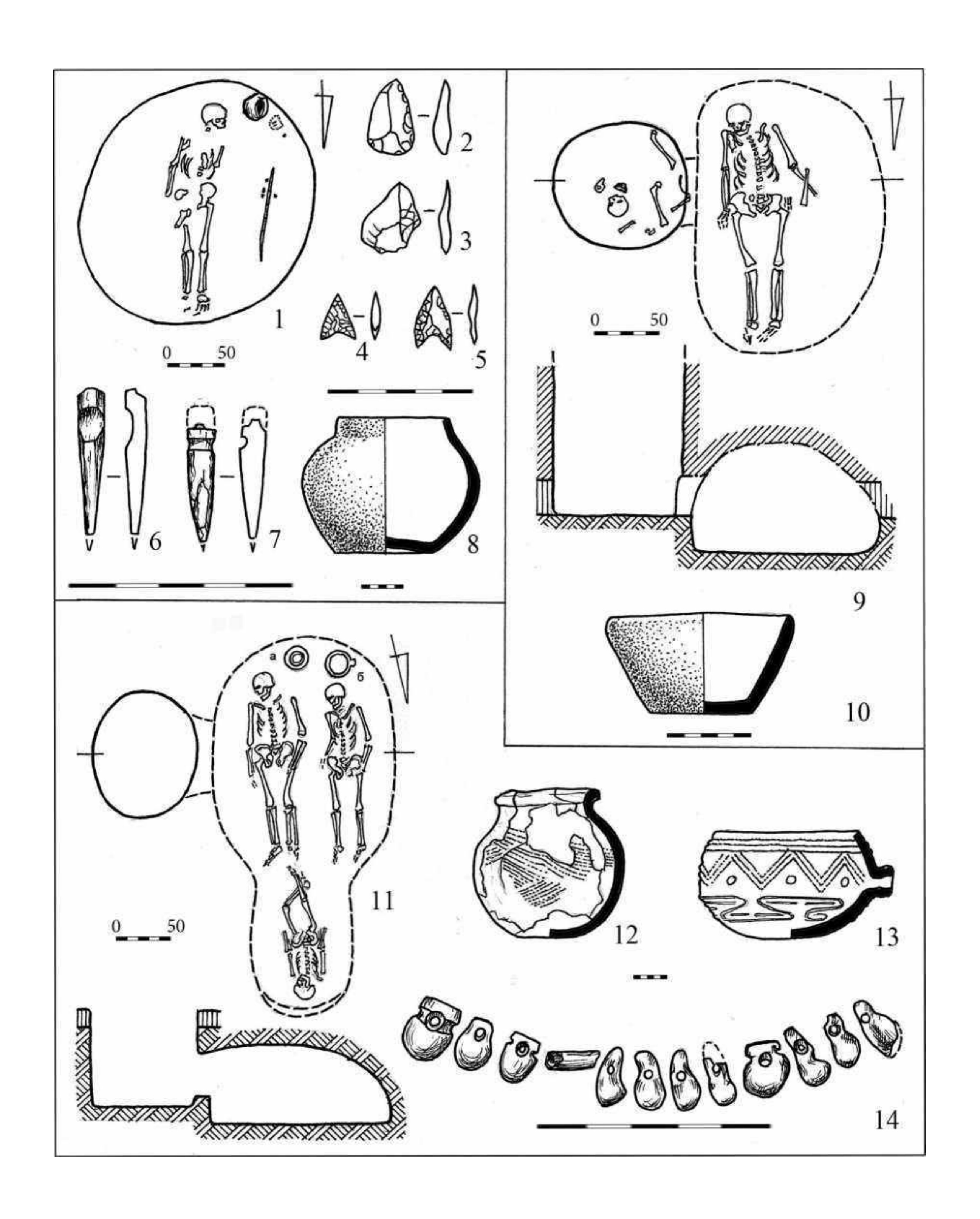

Рис. 3.8. Катакомбные погребения с инвентарем:

1-8 - Семеновка 14/16: 1 - план погребения, 2-5 - наконечники стрел, 6^7 - иглы, 8 - сосуд; 9-10 - Траповка 10/7: 9 - план погребения, 10 - сосуд; 11—14 — Урсоая 9/11: 11 - общий план, 12-13 - сосуды,, 14 - подвески из зубов оленя;
(по: 1-8 - Субботин, 1985; 9-10 - Субботин и др., 1995; 11-14 -Чеботаренко и др., 1989);

(2-5 - кремень, 6-7 - кость, 8,10,12,13 - керамика, 14 - зубы животного)

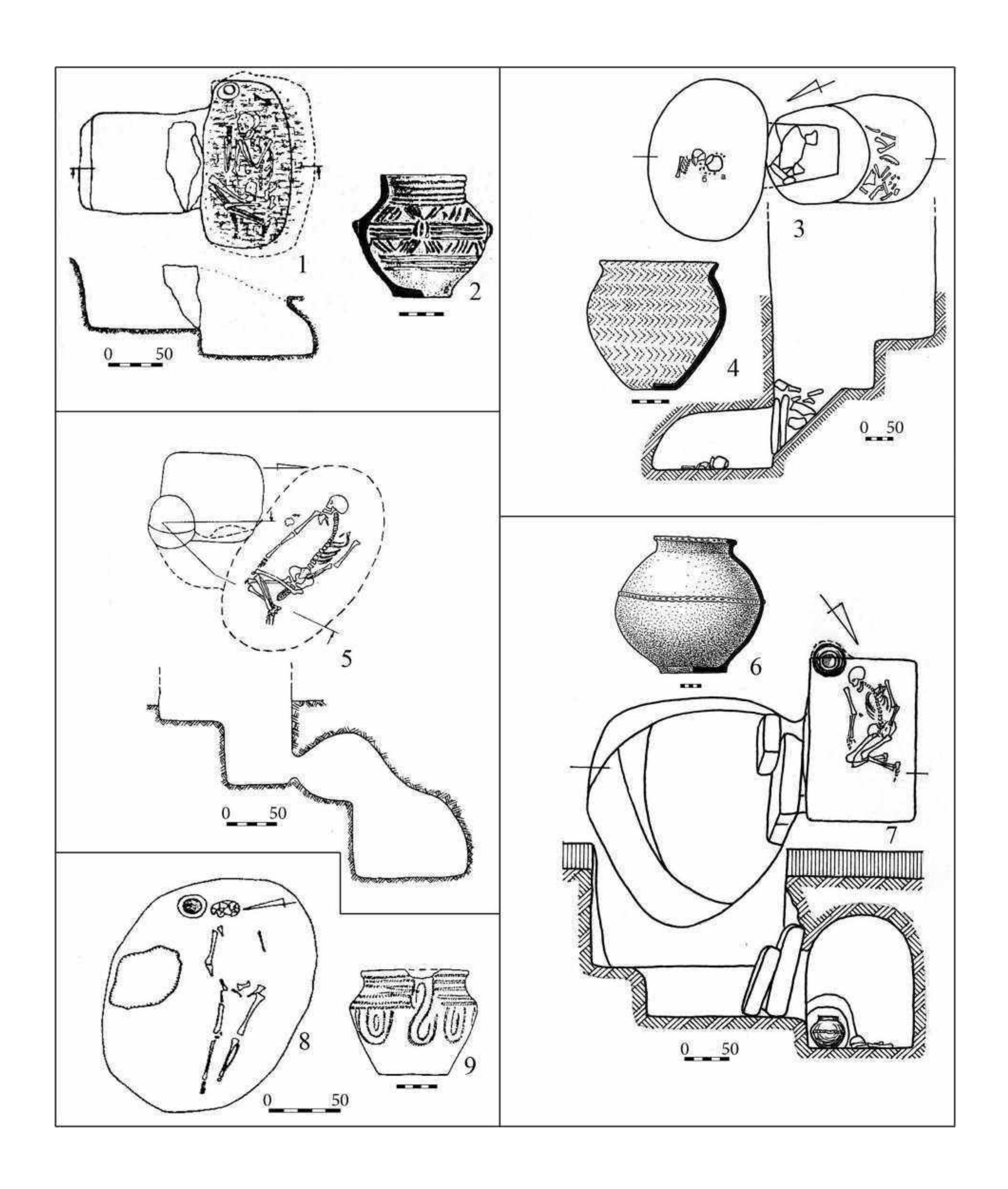

Рис. 3.9. Катакомбные погребенияс инвентарем:

1,2 - Коржеуцы 4/10: 1 - план погребения, 2 - сосуд; 3,4 - Великозиминово 1/4: 3 - план погребения, 4 - сосуд; 5 - Старые Беляры 1/2; 6,7 - Семеновка 9/1:6 — сосуд, 7 - план погребения; 8,9 - Старые Беляры 1/17: 8 - план погребения, 9 - сосуд;
(по: 1,2 – Levitki, Demcenko, 1994, 1994; 3,4,8,9 - Петренко, 1991; 6,7 - Субботин, 1985)

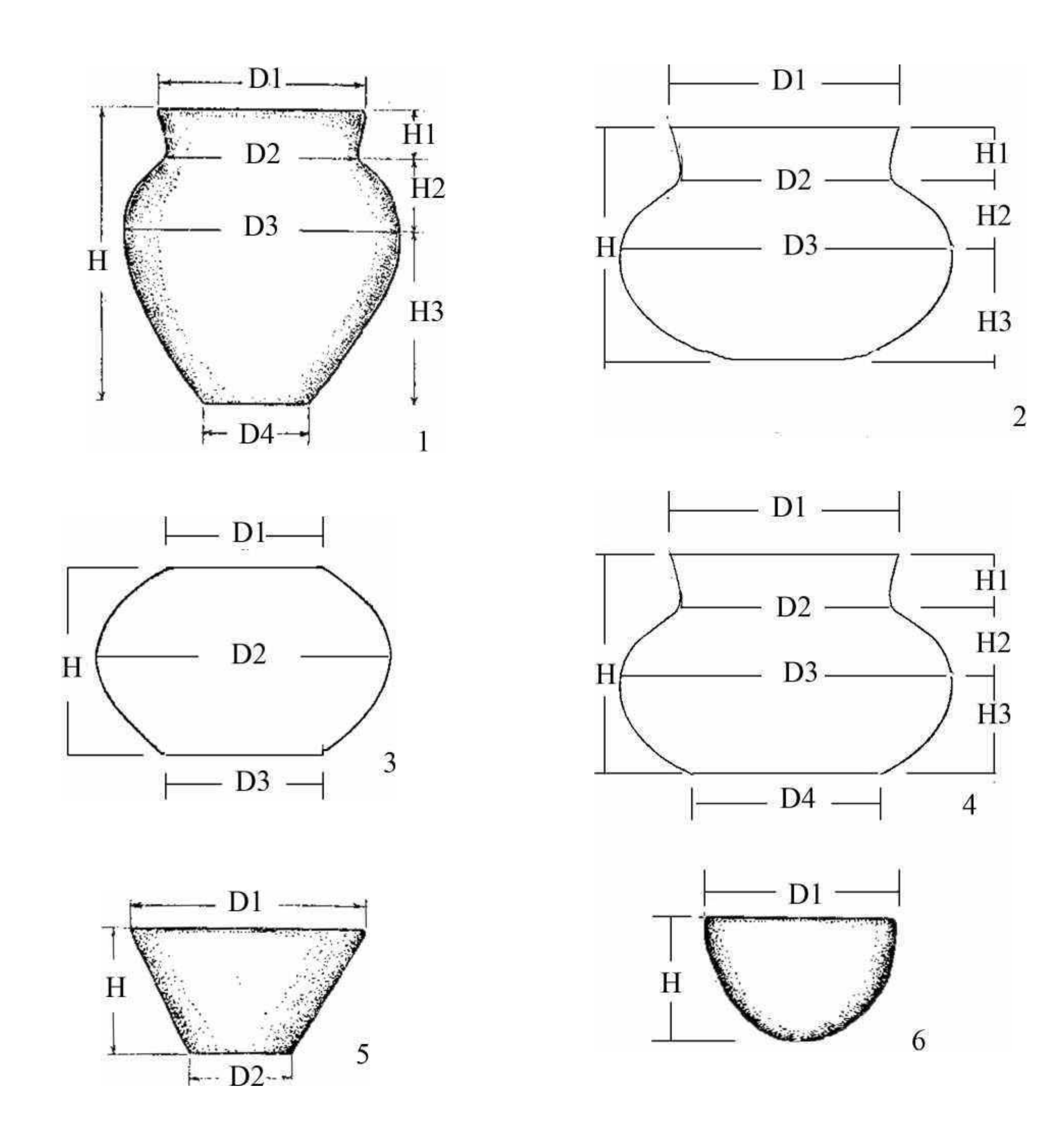

Рис. 3.10. Схема основных замеров керамики катакомбных культур:

1-4 - сосуды с шеей; 5, 6 - бесшейные сосуды

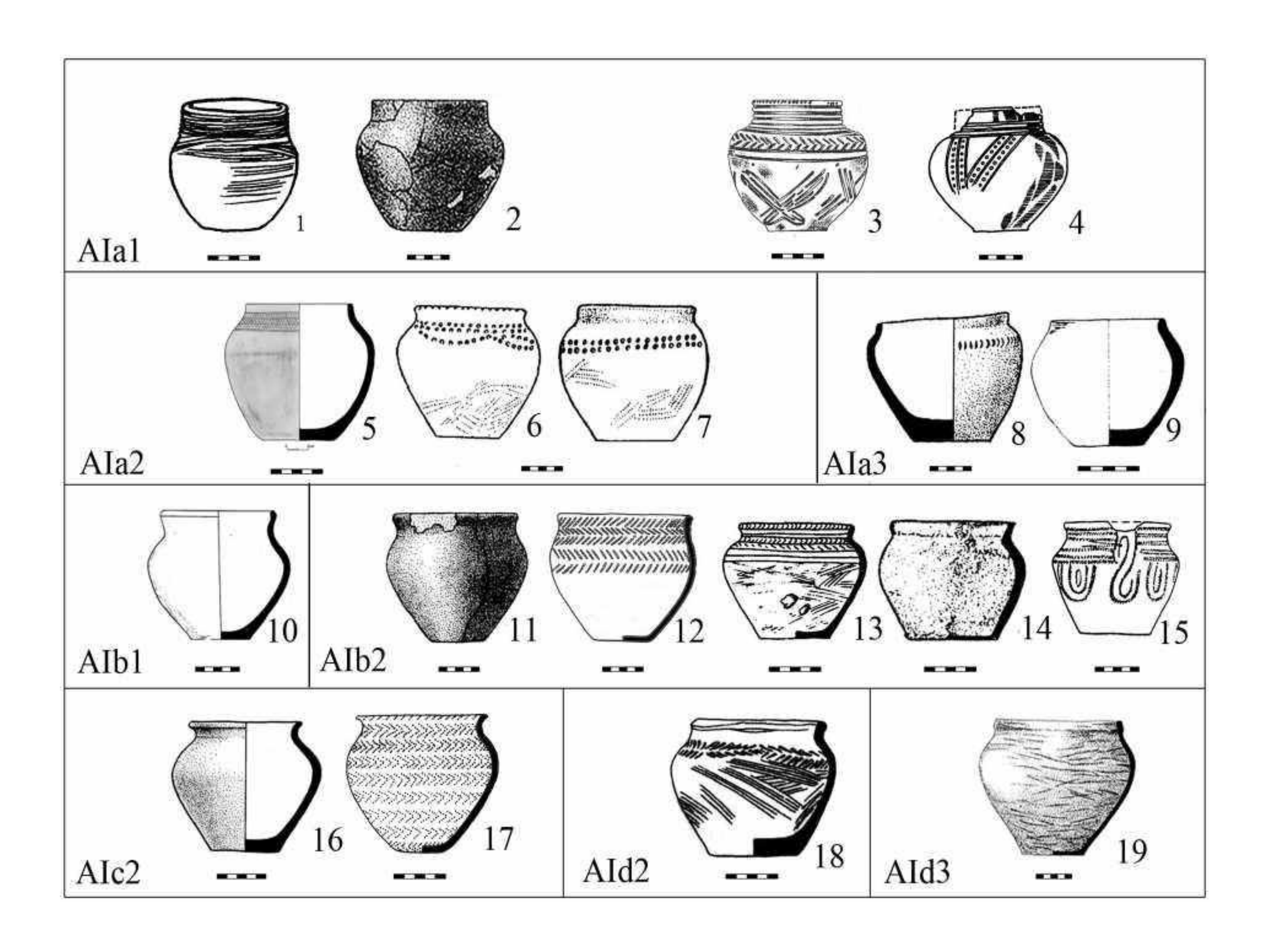

Рис. 3.11. Керамика из катакомбных погребений Северо-Западного Причерноморья, тип А:

1 - Огородное I, 1/12; 2 - Ковалевка VI, 2/25; 3 - Ковалевка III, 1/14; 4 - Ефимовка 3/3; 5 - Вапнярка 1/1; 6 - Ефимовка 2/1; 7 - Слободка-Романовка 1/14; 8 - Вишневое 17/15; 9 - Хаджидер, Костюкова могила, и. 30; 10 - Дальник 1/6; 11- Ковалевка II, 2/4; 12 - Мерень II, 1/4; 13 - Старые Беляры 1/20; 14 - Светлый 1/2; 15 - Старые Беляры 1/17; 16 - Белолесье 5/4; 17 - Великозименово 1/4; 18 - Дубиново 1/8; 19 - Новые Раскаецы 1/7;
(по: 1- Субботин и др, 1970; 2 - Ковпаненко, Гаврилюк, 2002; 3,11 - Ковпаненко и др., 1978; 4, 6 - Шмаглий, Черняков, 1985; 5 - Иванова и др., 2012; 7 - Тощев, 1987; 8 - Дворянинов и др., 1985; 9 - Субботин и др., 1988; 10 - Субботин, Дзиговский, 1989; 12 - Дергачев, Сава, 2001-2002; 13, 15 - Петренко, 1991; 14 - Манзура, 1984; 16 - Субботин и др., 1998; 17, 18 - Иванова и др., 2005; 19 - Яровой, 1990)

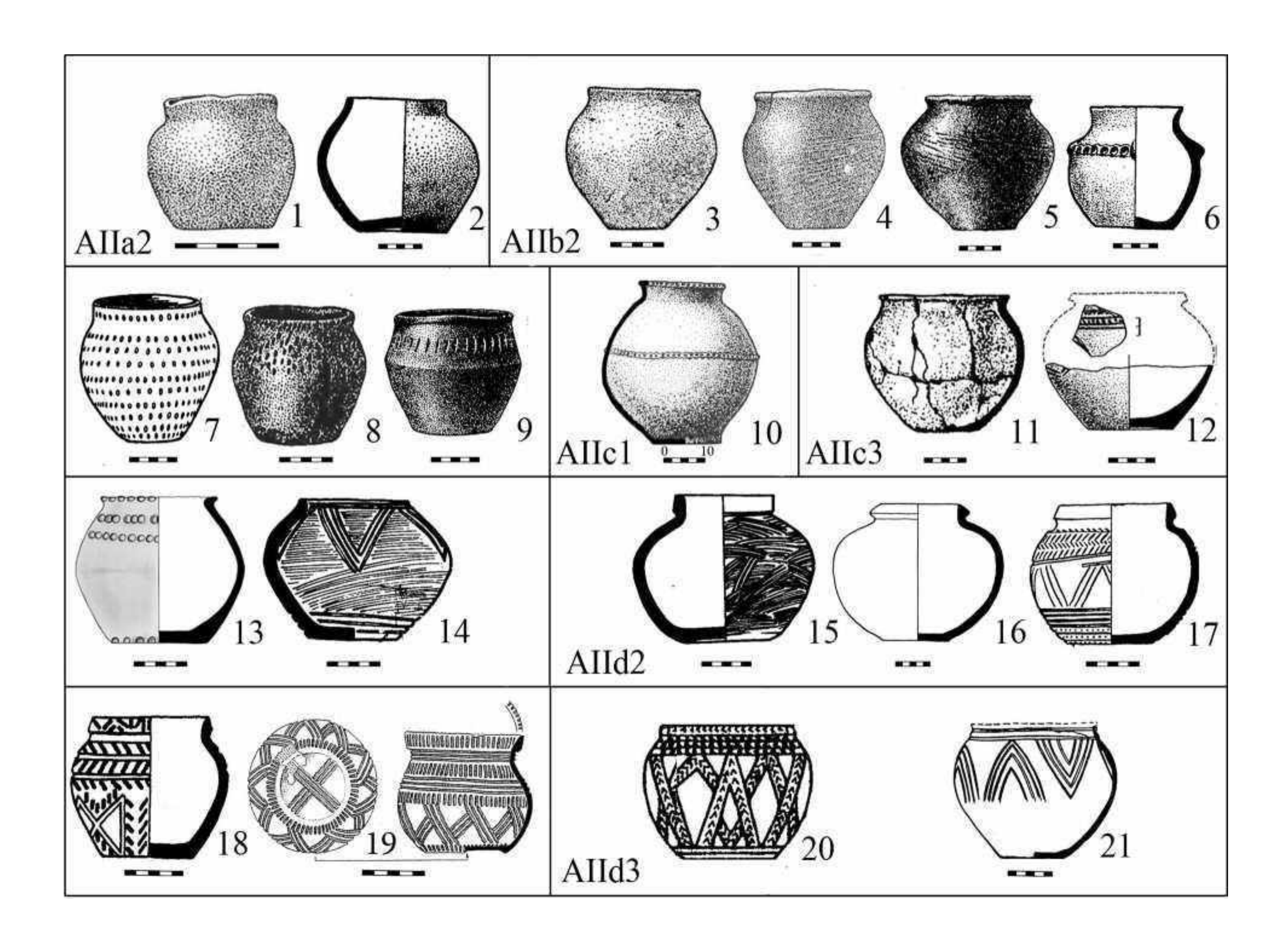

Рис. 3.12. Керамика из катакомбных погребений Северо-Западного Причерноморья, тип А:

1 - Ковалевка II, 6/13; 2 - Семеновка 14/16; 3 - Рошканы 1/6; 4 - Ковалевка I 4/17; 5 - Ковалевка VI, 2/8; 6 - Сергеевка 1/12; 7 - Ефимовка 2/17; 8 - Ковалевка VI, 2/26; 9 - Ковалевка VI, 4/5; 10 - Семеновка 9/1; 11 - Светлый 1/22; 12 - Лиман 3А/60; 13-Вапнярка 1/3; 14-Вишневое 17/5; 15-Вишневое 17/15; 16- Сергеевка 1/3; 17-Сергеевка 1/13; 18 - Лиман 3А/25; 19 - Новая Долина 1/12; 20 - Слободка—Романовка 1/14; 21 - Ефимовка 3/3;
(по: 1,4 - Ковпаненко и др., 1978; 2,10 - Субботин, 1985; 3 - Дергачев и др., 1989; 5, 8, 9 - Ковпаненко, Гаврилюк, 2002; 6, 16, 17 - Дзиговський, Субботін, 1997; 7, 21 - Шмаглий, Черняков, 1985; 11 - Манзура, 1984; 12, 18 - Субботин, Тощев, 2002; 13 - Иванова и др., 2012; 14, 15 - Дворянинов и др., 1985; 19 - Петренко и др., 2002; 20 - Тощев, 1987)

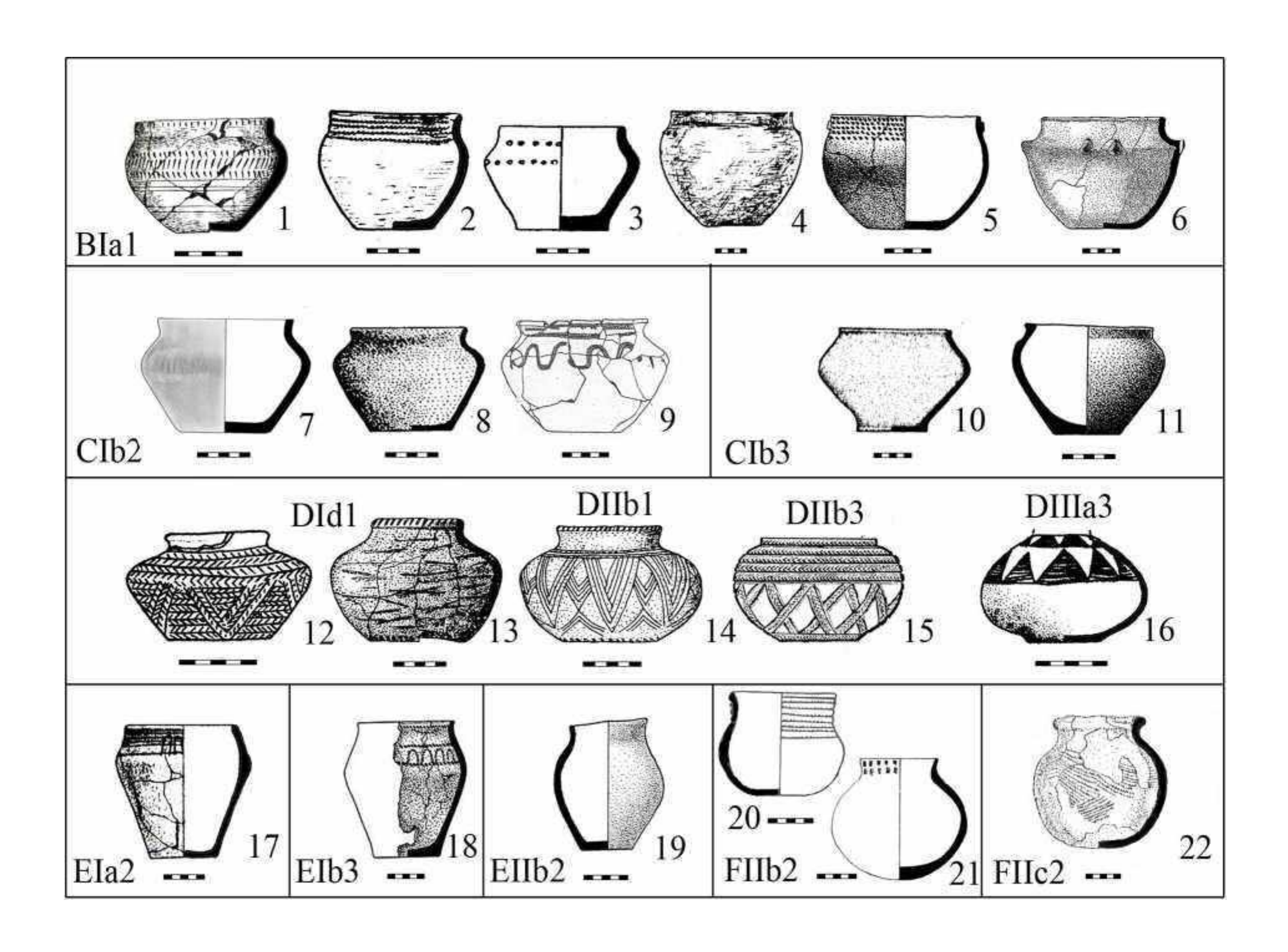

Рис. 3.13. Керамика из катакомбных погребений Северо-Западного Причерноморья, типы, B, C, D, E, F:

1 - Коржово 2/14; 2 - Медвежа 4/6; 3 - Кислица 8/8; 4 - Гура-Быкулуй 5/9; 5 - Никольское, к. 6, насыпь; 6 - Казаклия 17/11; 7 - Вапнярка 4/20; 8 - Старые Беляры 1/21; 9 - Ковалевка V, 3/4; 10 - Тирасполь 3/17; 11 - Белолесье 3/1E 12 - Старые Беляры 1/33; 13 - Пуркары 1/9; 14 - Глиное 1/43; 15 - Слободка- Романовка; 16-Холодная балка 1/21; 17 -Балабанешты 1/1; 18 - Новые Дуруи- торы 3/2; 19 - Траповка 1/13; 20 - Холмское 2/14; 21 - Хаджидер 13/3; 22 - Урсоая 3/11;
(по: 1 -Борзияк и др., 1983; 2 - Савва,Дергачев, 1984а; 3 -Гудкова и др., 1995; 4 - Дергачев, 1984; 5 - Агульников, Сава, 2004; 6 - Агульников, 2011; 7 - Иванова и др., 2012; 8, 12 - Петренко, 1991; 9 - Ковпаненко и др., 1978; 10 - Савва, 1987;
I - Субботин и др., 1998; 13 - Яровой, 1990; 14 - Яровой, Четвериков, 1996; 15 - Тощев, 1987; 16-Петренко, 2010; 17 - Агульников, Бейлекчи, 1987; 18- Демченко, 2007; 19 - Субботин и др., 1995; 20 - Черняков и др., 1986; 21 - Субботин и др., 1988; 22 - Чеботаренко и др., 1989)

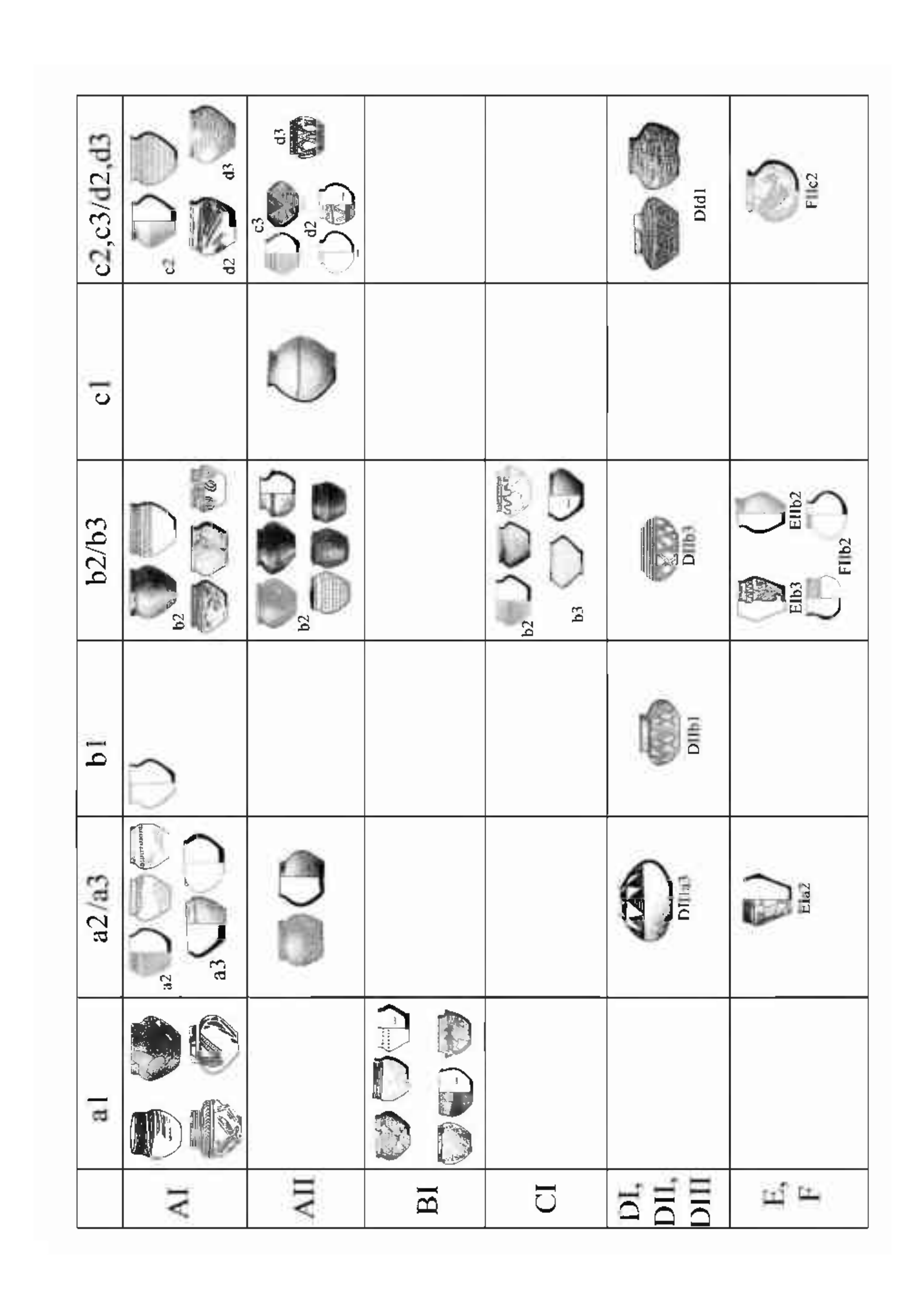

Рис. 3.14. Классификация горшков из погребений катакомбных культур Северо-Западного Причерноморья

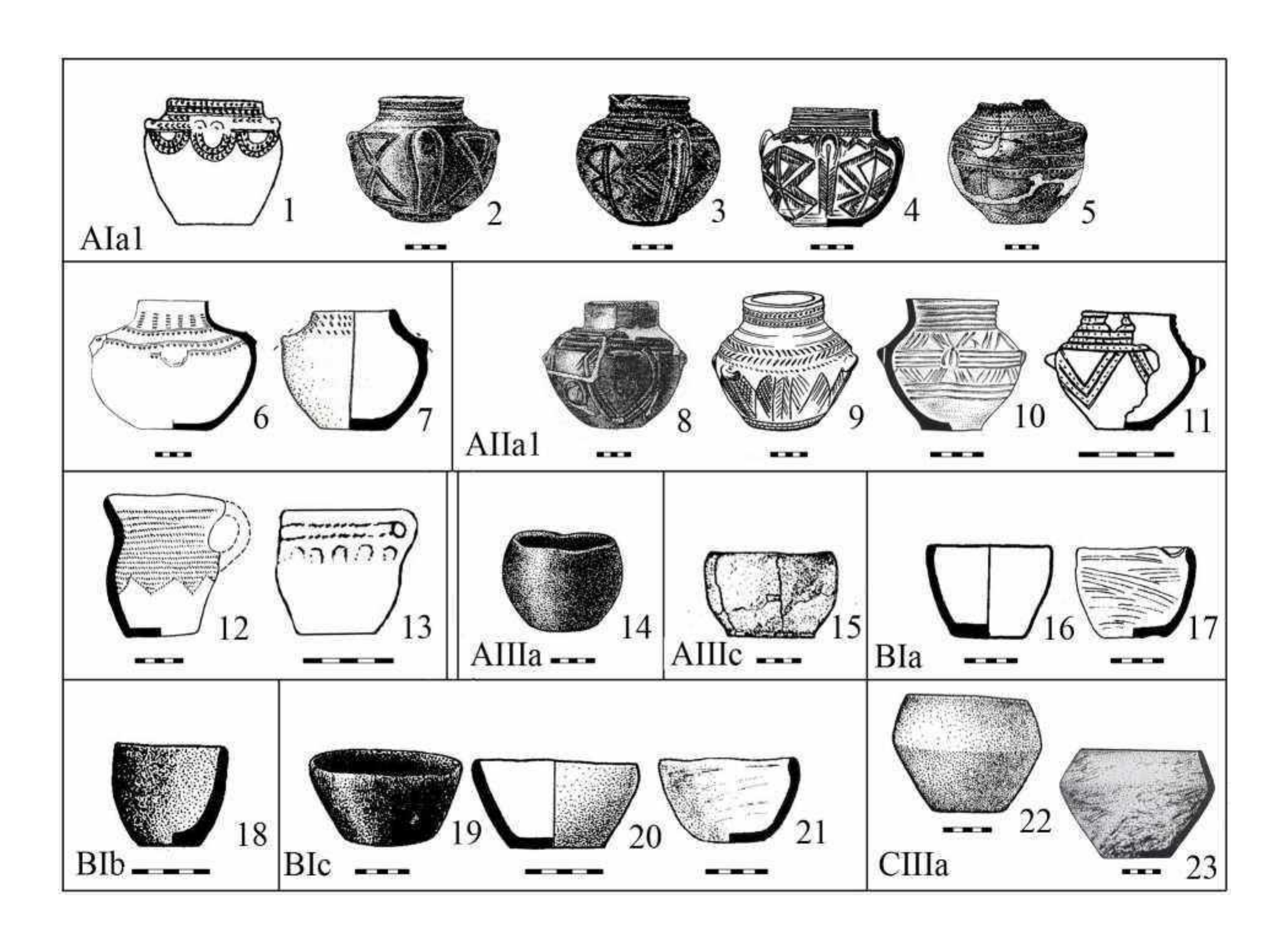

Рис. 3.15. Керамика из катакомбных погребений Северо-Западного Причерноморья, типы А, В, С:

1 - Новотарутино, случайная находка; 2 - Ковалевка VI, 2/30; 3 - Ковалевка VI, 2/33; 4 - Дубиново 1/11; 5 - Ковалевка VI 1/10; 6 - Хаджидер, Костюкова могила, п. 15; 7 - Ясски 5/12; 8 - Ковалевка VI, 1/9; 9 - Баштановка 1/20; 10 - Коржеуцы 4/10; 11 - Старые Беляры, к. 1, насыпь; 12 - Великодолинское 2/5; 13 - Светлый 3/17; 14 - Ковалевка VI, 4/6; 15 - Светлый 1/25; 16 - Вишневое 11/2; 17 - Холодная балка 1/22; 18 - Старые Беляры 1/33; 19 - Ковалевка VI, 2/31; 20 - Траповка 10/7; 21 - Холодная балка 1/26; 22 - Рошканы 4/8; 23 - Рошканы 3/10;
(по: 1 - Тощев, 1987; 2, 3, 5, 8, 14, 19 - Ковпаненко, Гаврилюк, 2002; 4 - Иванова и др., 2005; 6 - Субботин и др., 1988; 7 - Алексеева, 1976; 9 - Шмаглий, Черняков, 1970; 10 – Levitki, Demcenko, 1994; 11, 18-Петренко, 1991; 12-Субботин и др., 1976; 13, 15 - Манзура, 1984; 16 - Дворянинов и др., 1985; 17,21- Петренко 2010; 20 - Субботин и др., 1995; 22, 23 - Дергачев и др., 1989)

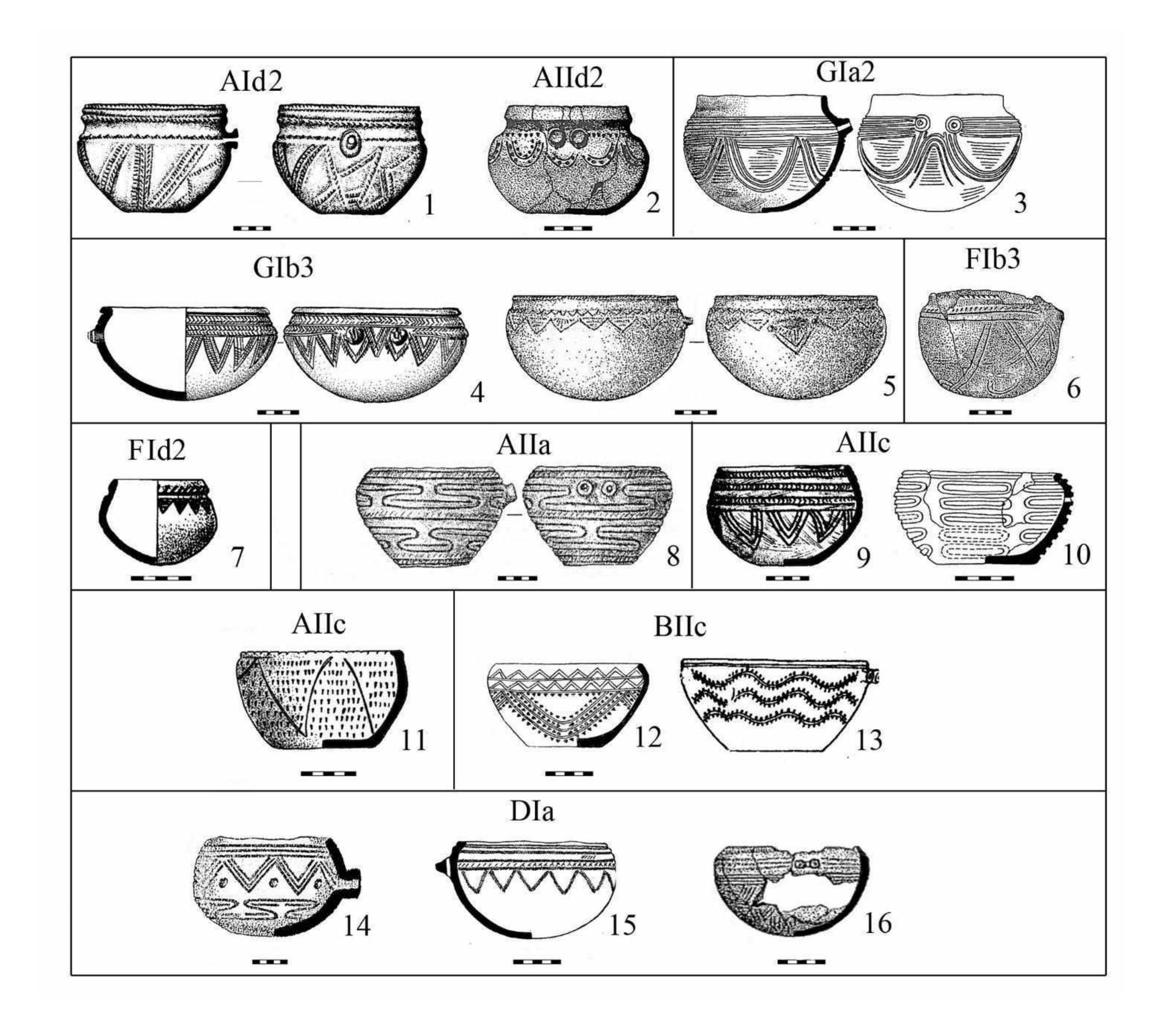

Рис. 3.16. Керамика из катакомбных погребений Северо-Западного Причерноморья, типы A, B, D, F, G:

1 - Пуркары 1/3; 2 - Никольское 8/11; 3 - Ревова 3/13; 4 - Траповка 10/1; 5 - Суклея 1/1; 6 - Ковалевка II, 6/13; 7 - Вишневое 17/53; 8 - Суклея 1/1; 9 - Холодная балка 1/21; 10 - Новая Долина 3/6; 11 - Великозименово 1/4; 12 - Хаджидер, Костюкова могила, и. 20; 13 - Монаши, и. 1; 14 - Урсоая 3/11; 15 - Новая Долина 3/8; 16 - Талмаз 3/15;

(по: 1-Яровой, 1990; 2 -Агульников, Сава,2004; 3 - Иванова и др.,2005; 4 - Субботин и др., 1995; 5, 8 - Яровой, 2008; 6 - Ковпаненко и др., 1978; 7 - Дворянинов и др, 1985; 9, 15 - Петренко, 2010; 10 - Петренко и др., 2002; 11 - Иванова и др., 2005; 12 - Субботин и др., 1988; 13-Кремер, 1971; 14 - Чеботаренко и др., 1989; 16 - Агульников, Яровой, 2004)

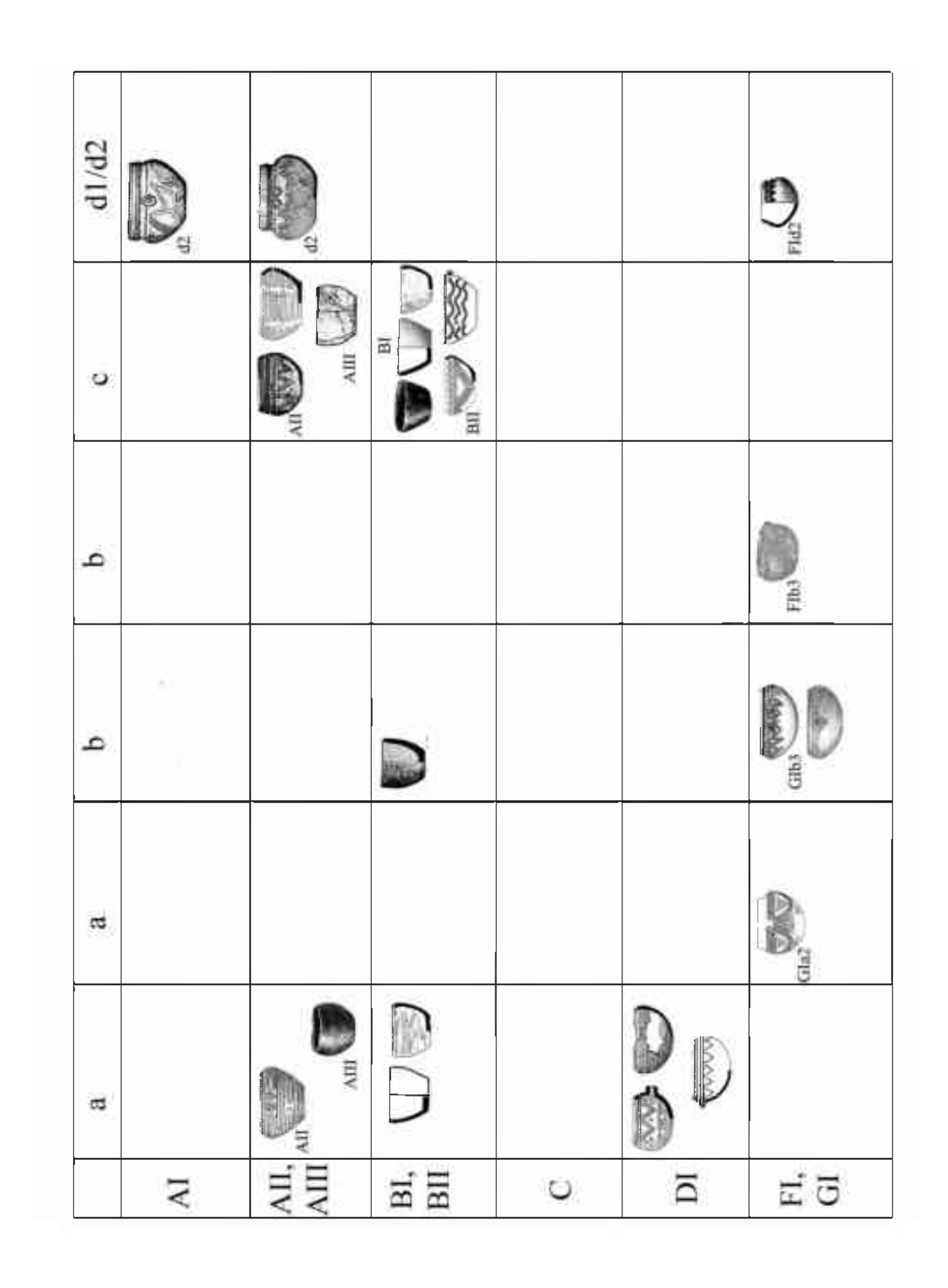

Рис. 3.17. Классификация чаш и чашевидных сосудов из катакомбных погребений Северо-Западного Причерноморья

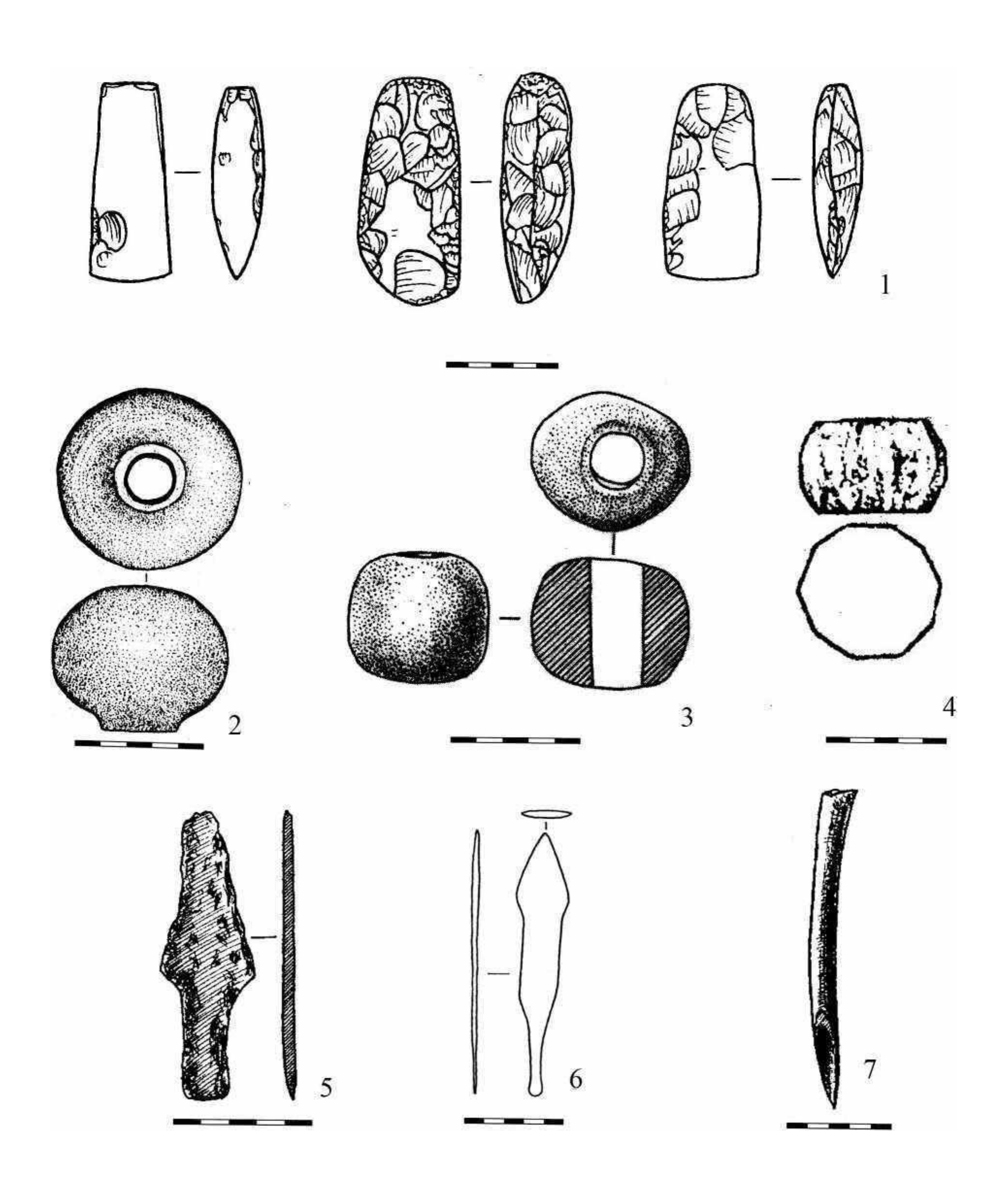

Рис. 3.18. Оружие из катакомбных погребений Северо-Западного Причерноморья:

1 - топоры; 2-3 - булавы; 4 - заготовка (?), 5,6 - ножи, 7 - кинжал (?), 1 - Сергеевка 1/3; 2 - Корпач 3/7; 3 - Дубиново 1/12; 4 - Светлый 1/2; 5 - Тирасполь. 3/1, 6 - Каменка (Окница) 3/5; 7 - Вишневое 17/5;
(по: 1 -Дзиговский, Субботин, 1997; 2 - Яровой, 1984; 3 - Иванова и др., 2005; 5 - Савва, 1987; 6 - Манзура и др., 1992; 7 - Дворянинов и др., 1985);
(1 - кремень, 2-4 - камень, 5-6 - медь, бронза; 7 - кость)

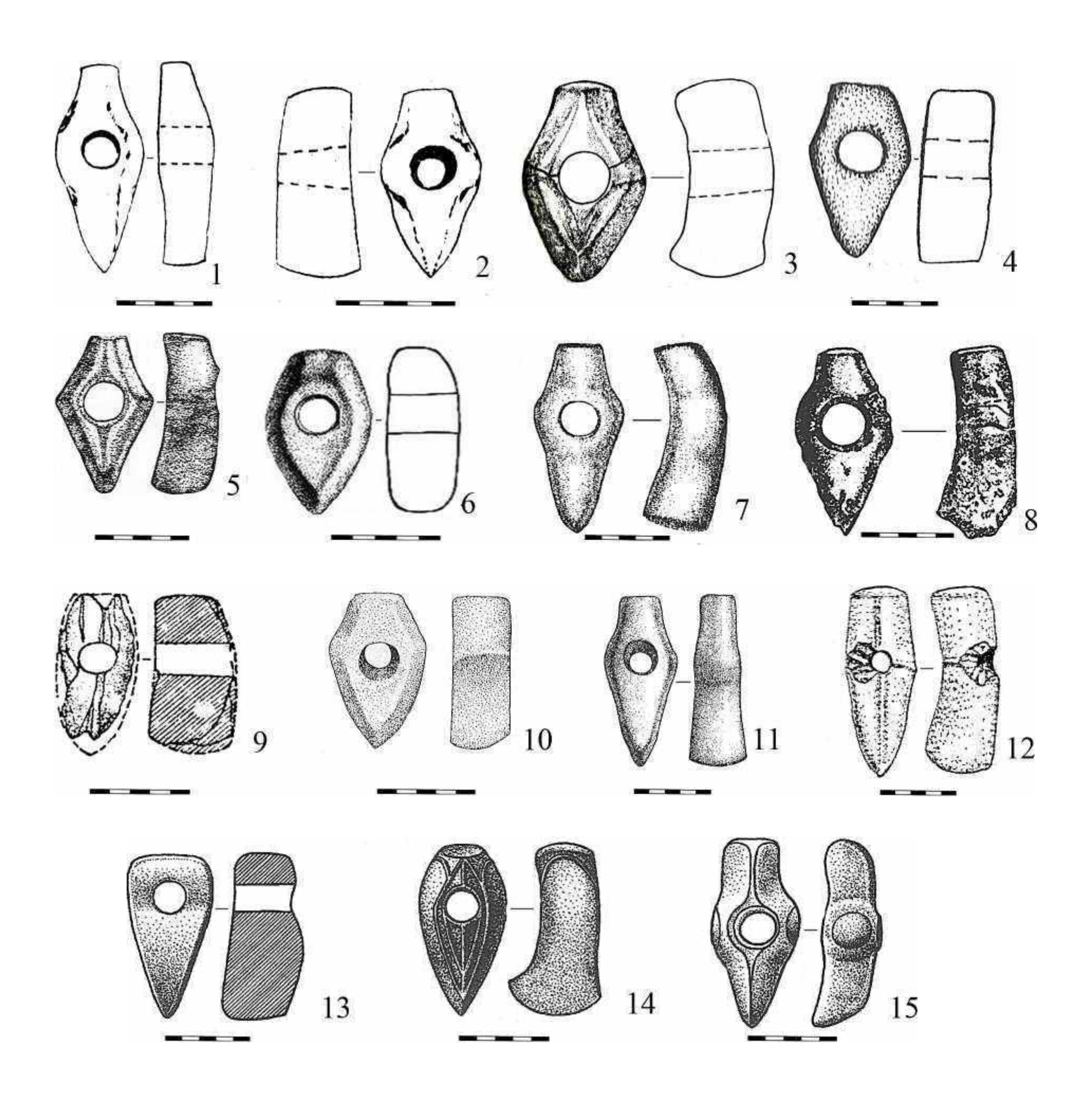

Рис. 3.19. Каменные топоры из погребений катакомбной культуры Северо-Западного Причерноморья:

1 - Хаджидер. Костюкова могила, и.8; 2 - Хаджидер ,Костюкова могила, и. 6; 3 - Коржево 2/14; 4 - Тараклия II, 3/18; 5 - Никольское 1/13; 6 - Казаклия 17/8; 7 - Урсоая 1/13; 8 - Щербанка 1/28; 9 - Траповка 6/13; 10 - Ефимовка 9/20; - Новые Раскаецы 1/12; 12 - Гура-Быкулуй 1/7; 13 - Приморское 1/14; 14 - Тирасполь 1/11; 15 - Холмское 2/24;
(по: 1,2 - Субботин и др.,1988; 3 -Борзияк и др.,1983; 4 -Агульников, Савва,1986; 5 - Агульников, Сава, 2004; 6 - Агульников, 2011; 7 - Чеботаренко и др. ,1989; 8 - Бейлекчи, 1993; 9 - Субботин и др., 1995; 10 - Шмаглий, Черняков, 1985; 11 - Яровой, 1990; 12 - Дергачев, 1984; 13 - Чеботаренко и др., 1993; 14 - Савва, 1987; 15 - Черняков и др., 1986)

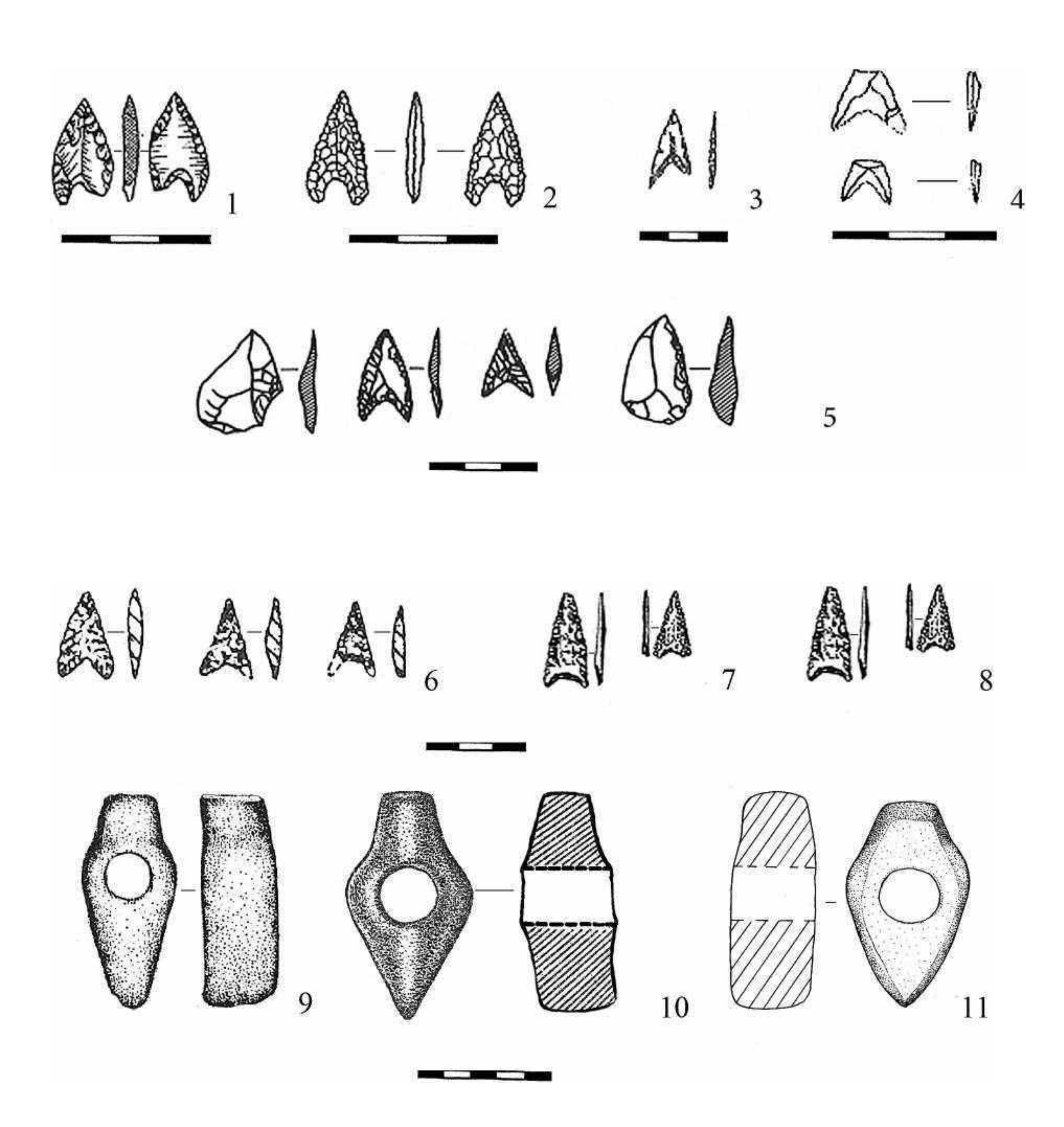

Рис. 3.20. Наконечники стрел и топоры из катакомбных погребений Северо-Западного Причерноморья:

1 - Дивизия 2,54; 2 - Кузмин 2/5; 3 - Тирасполь 3/1; 4 - Урсоая 3/13; 5 - Семеновка 14/16; 6 - Ханкауцы 1/8; 7,8 - Талмаз 3/15; 9 - Тирасполь 3/7; 10 - Котюжень 1/1; 11 - Ясски 2/14;
(по: 1 - Субботин и др., 2001-2002; 2 - Бубулич, Хахеу, 2002; 3,9 - Савва, 1987; 4 - Чеботаренко и др., 1989; 5 - Субботин, 1985; 6 - Дергачев, 1982; 7,8 - Агульников, Яровой, 2004; 10 - Агульников, 1992; 11 - Алексеева, 1976);
(1-8 - кремень; 9-11 - камень)

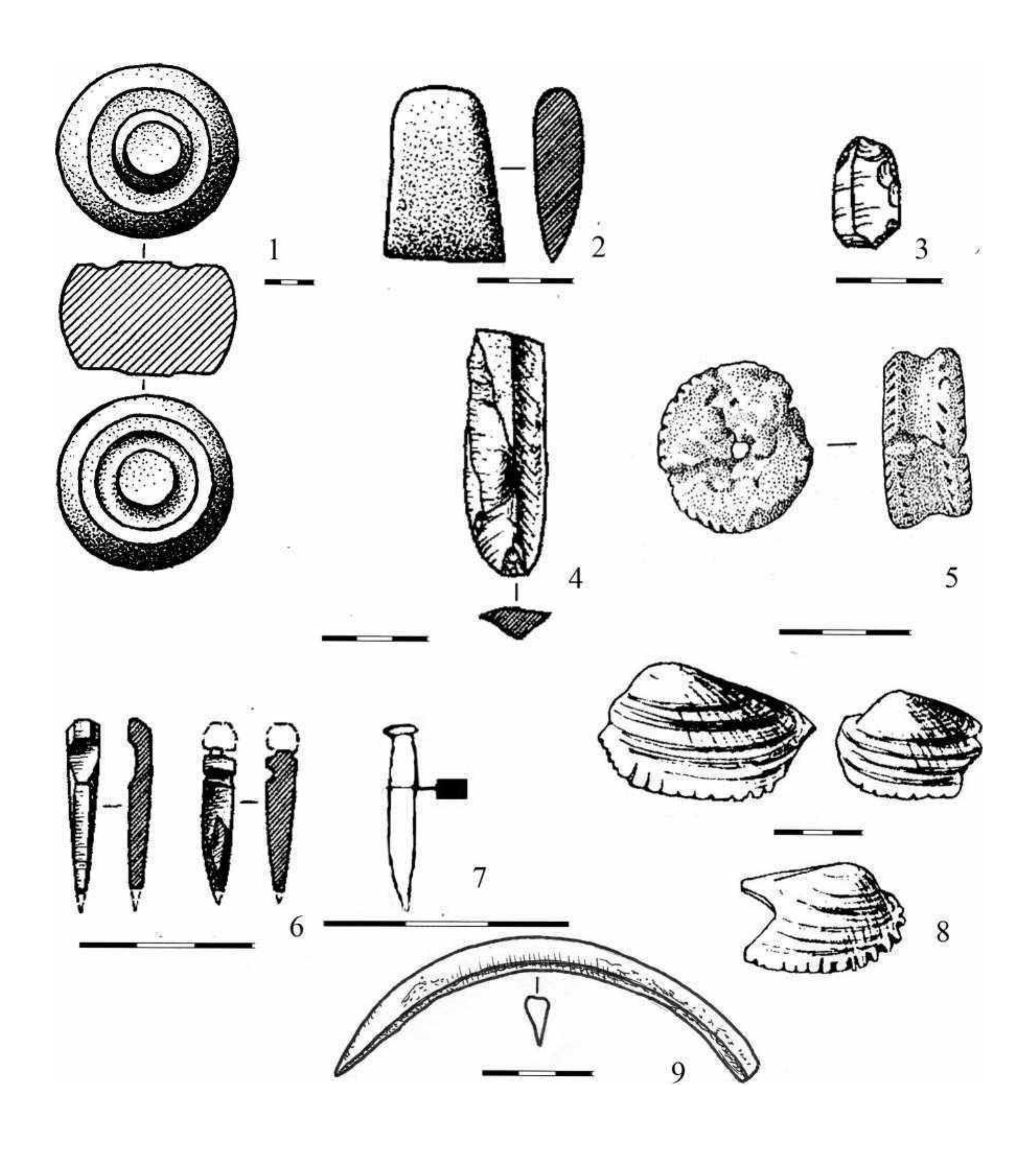

Рис. 3.21. Орудия труда из катакомбных погребений Северо-Западного Причерноморья:

1 - Траповка 4/14; 2 - Тараклия II, 1/11; 3 - Хаджидер, Костюкова могила, п.13; 4 - Вишневое 17/16; 5 - Ковалевка 2, 6/13; 6 - Семеновка 14/16; 7,8- Лиман 3А/55; 9 - Новые Раскаецы 1/12;
(1 - растиральник для медной руды; 2 - тесло; 3,4 - скребки; 5 - орнаментир (?); 6 - иглы; 7 - кованый пробойник (?); 8 - орнаментиры, 9 - скребок-лощило);
(по: 1 - Субботин и др., 1995; 2 - Агульников, Савва, 1986; 3 - Субботин и др., 1988; 4 - Дворянинов и др., 1985; 5 - Ковпаненко и др., 1978; 6 - Субботин и др., 1988; 7,8 - Субботин, Тощев, 2002; 9 - Яровой, 1990)
(1,2 - камень, 3,4 - кремень, 5, 6,9- кость, 7 - бронза, 6 - раковины)

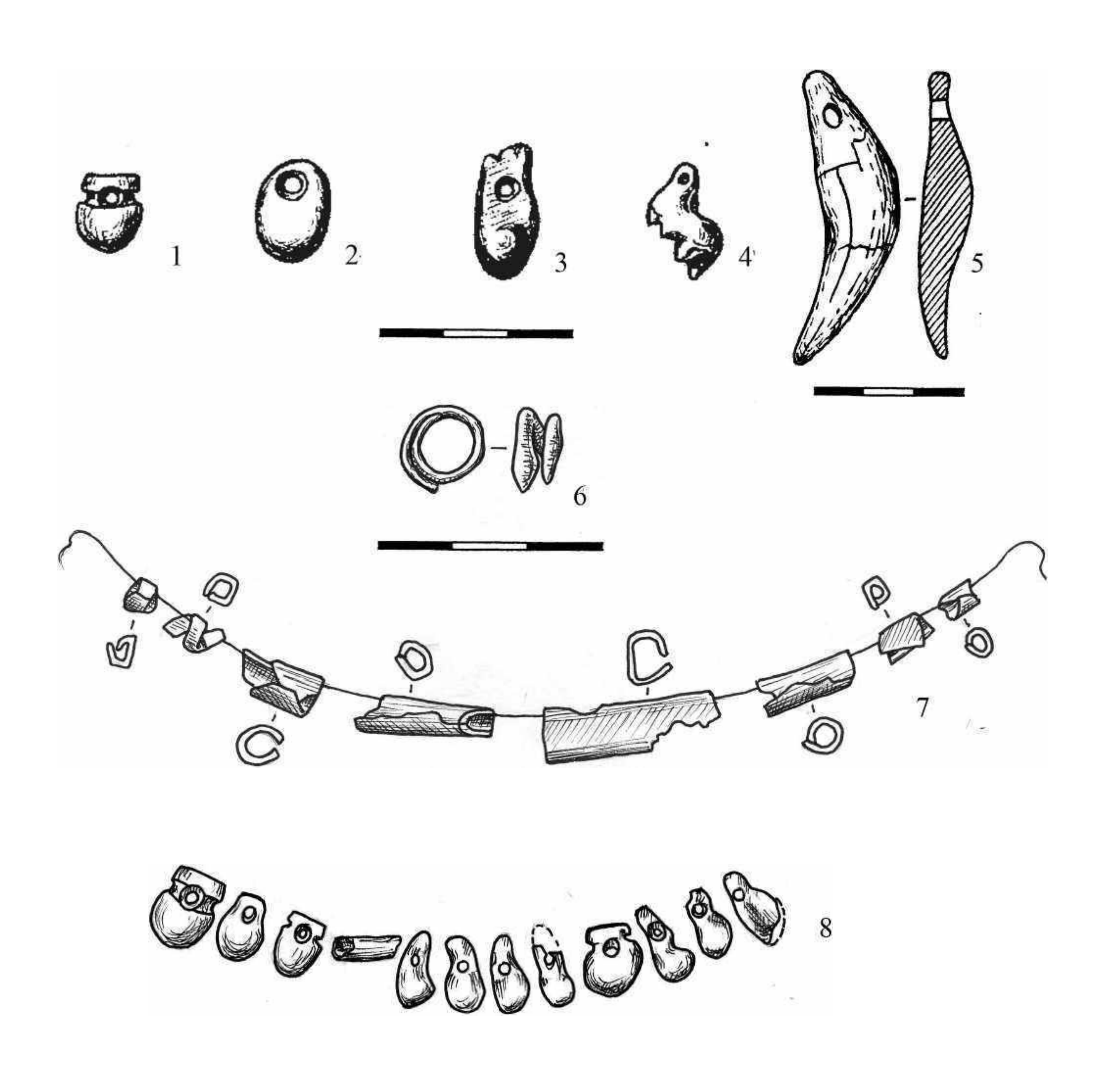

Рис. 3.22. Украшения из катакомбных погребений Северо-Западного Причерноморья:

1 - Урсоая 3/11, 3 - Хаджидер 13/3; 3 - Лиман 3А/54; 4 - Лиман 2/4;5-Дивизия II, 5/4;
6 - Новая Долина 3/12; 7- Чобручи 1/35; 8 - Урсоая 3/11;
(1-5,8 - подвески, 6 - спираль, 7- пронизи);
(по: 1,8 - Чеботаренко и др., 1989; 2 - Субботин и др.,1988;3,4 - Субботин, Тогцев, 2002; 5 - Субботин и др., 2001-2002; 6 - Островерхов и др., 2002; 7- Агульников, 1989);
(1-5, 8 - кость, 6 - серебро, 7- медь, бронза)

ГЛАВА 4
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И КОНТАКТЫ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В КОНЦЕ IV–III ТЫС. ДО Н. Э.

Динамика культурных процессов более наглядно проявляется при систематизации имеющихся археологических данных, выделении определенных этапов, их сопоставлении, выявлении особенностей и изменений культурной ситуации. Мы полагаем, что в историческом развитии Северо-Западного Причерноморья на протяжении конца IV–III тыс. до н. э. необходимо выделить два этапа, ранний (3100–2600/2500 ВС) и поздний (2600/2500–2200 ВС). Формирование буджакской культуры на основе местных энеолитических племен, инокультурные влияния, определившие своеобразный облик ее материальной культуры, начало продвижения на соседние территории – эти процессы были основным содержанием раннего этапа. Перестройка связей буджакского населения и новые направления контактов (отчасти – в связи с изменением культурной ситуации в Центральной и Юго-Восточной Европе), появление в ареале Северо-Западного Причерноморья катакомбного населения с востока, влияние этих событий на культурную ситуацию в регионе – определили отличительные особенности позднего этапа. Около 2200 ВС в Северо-Западном Причерноморье угасают буджакская и катакомбные культуры, появляется население культурного круга Бабино.

Важными хронологическими реперами являются импорты и подражания, параллели и общая стилистика в оформлении керамики буджакской культуры и культурных общностей соседних регионов. Именно анализ этих особенностей позволит достоверно соотнести буджакские комплексы с определенными культурами и, соответственно, с определенными хронологическими периодами. Граница между выделяемыми этапами буджакской культуры основана на сопоставлении с разработками европейских археологов; достаточное количество параллелей в материальной культуре делает такой подход вполне корректным и продуктивным.

В историческом развитии Юго-Восточной и Центральной Европы, согласно культурно-хронологическим схемам различных исследователей, выделяются два этапа (независимо от периодизации, применяемой конкретными авторами), условная граница между ними проходит около середины III тыс. до н. э. (2600/2500). Смысловая нагрузка репера (границы) отлична для разных территорий либо тех или иных авторских концепций, тем не менее, в наличии такого исторического перелома сомневаться не приходится (рис. Д.2–Д.5). Временем около 2500 ВС определяют начало раннего бронзового века (ЕВА) в Карпатском бассейне (Machnik, 1991, p. 181; Gogâltan, 1998, p. 195). Для территории Болгарии около 2500 ВС определяют переход от раннего к среднему бронзовому веку (Görsdorf, Bojadžiev, 1996). К этому рубежу относится смена ЕВА I на ЕВА II в Венгрии (Maran, 1998). Румынские археологи период от 3500 до 3000 относят к позднему энеолиту (Oancea, 1999). В раннем бронзовом веке Румынии выделяют два этапа: РБВ I – 2900/2800–2600/2500 ВС, и РБВ II – 2600/2500 –2100–2000 ВС (Burtănescu, 2002, c. 485–486; Liuşnea, 2007). Для бронзового века Северных Балкан и Подунавья в рамках раннего бронзового века (3600 – 2000 ВС) выделены следующие этапы: ранний бронзовый век I (РБВ I) –3600–3000 ВС; ранний бронзовый век II (РБВ II) – 3000–2500/2400 ВС; ранний бронзовый век III (РБВ III) – 2500/2400–2000 ВС (Nikolova L., 1999, p. 252–259; 2001).

Особое влияние на изменение археологической карты Европы (рис. Д.6), позволяя фиксировать данный хронологический рубеж, оказал распад в это время нескольких больших культурных общностей – Вучедол в центральноевропейском ареале, Коцофени и Чернавода II в Карпато-Дунайском. Формируется блок культур поствучедольского круга – Мако-Косиги-Чака, Шомодьвар-Винковци, Надьрев, Ниршег, Питварош, Чепель. В Карпато-Подунавье на чернаводском субстрате и при южном (эгейско-анатолийском) влиянии происходит образование культурного блока Глина III–Шнекенберг. С этим же рубежом связаны и изменения в ареале культур шнуровой керамики. Из наиболее близких

территориально отметим развитие богемско-моравской культуры, формирование локальных групп в Малопольше, со временем – сокальской группы (на основе поздних памятников КШК и среднеднепровской культуры) на Сокальском кряже. На территории Украины распространяются памятники подкарпатской культуры. Несколько позже (около 2350 ВС) прекращают существование подольская и волынская группы культуры шаровидных амфор. Угасание культуры шнуровой керамики связано с последней четвертью III тыс. до н. э. (отдельные культуры сохраняются лишь на востоке), формируется постшнуровой культурный горизонт (к нему относятся стжижовская, городско-здовбицкая культуры, почапская группа памятников). В это же время, в конце III тыс. до н. э., значительные европейские территории занимают унетицкая и межановицкая культуры, датируемые в диапазоне 2200–1800/1600 ВС.

Начало бронзового века для территории степной зоны Украины относят к 3400/3200 ВС, что соответствует началу этапа С-II по трипольской хронологии (Бурдо, Видейко, 1998; Videiko, 1999). Переход к среднему бронзовому веку датируется 2700–2500 ВС, а к позднему бронзовому веку – около 1800 ВС (Отрощенко та ін., 2008, с. 219, 245, 304).

В Карпато-Поднестровье, как считал В.А. Дергачев, изменение культурной ситуации происходит при переходе от раннего к позднему этапу раннего бронзового века (Дергачев, 1999, с. 205–209). Используемая исследователем периодизация основана на конвенционных датах, тем не менее, сопоставление ее с разработками других авторов показывает согласованность с аналогичными схемами для других регионов. Соответственно, в таком случае рубеж между этапами (днестровским и буджакским вариантами ямной культуры, по терминологии исследователя) датируется около 2500 ВС.

Характерно, что этот же рубеж проявился и при другом методическом подходе – систематизации базы радиоуглеродных дат, сопряженных с Циркумпонтийской металлургической провинцией. Для основной её части границу между ранним и средним бронзовым веком проводят в диапазоне 26–25 вв. до н. э. Для южной части Восточной Европы рубежом является дата 25/24 вв. до н. э., для Кавказа – 26 в. до н. э., для Северных Балкан, Подунавья и Анатолии – 26 в. до н. э. (Черных Е.Н. и др., 2000, с. 26). Дата 2600 ВС является пограничной между первым и вторым этапом и в развитии европейской металлургии, связанной с золотом и серебром (Primas, 1995, c. 81–88).

Таким образом, можно говорить об определенной синхронности ритмов культурно-исторического развития Северо-Западного Причерноморья и некоторых регионов Центральной и Юго-Восточной Европы в рассматриваемый период.

Другим аспектом хронологического анализа является рассмотрение погребальных комплексов данной исторической эпохи, расположенных на других территориях и связанных при этом с населением Северо-Западного Причерноморья. Артефакты, имеющие параллели в Северо-Западном Причерноморье, но найденные за его пределами, отражают хронологию памятников и культурные связи населения.

Реконструкция культурной ситуации в регионе в рассматриваемый период, как и выявление истоков формирования отдельных культур, невозможны без привлечения археологических данных прилегающих территорий. Для наглядности реконструкций в Приложении Д рассмотрено культурное окружение населения Северо-Западного Причерноморья в конце IV–III тыс. до н. э., представленное синхронными культурами Юго-Восточной и Центральной Европы.

По-видимому, история населения Северо-Западного Причерноморья была достаточно динамичной, что определялось взаимосвязями различных групп населения – с одной стороны и статусом региона как контактной зоны – с другой. Взаимодействия приводили не только к формированию новых культур или развитию уже существующих, но и были своеобразным катализатором экономического развития и изменения материальной культуры. Здесь проявлялось влияние нескольких культурно-исторических факторов, связанных с различными регионами Европы (Дергачев, 1999, с. 211–212; Wlodarczak, 2010, s. 302–303). Особенно выражены культурные взаимодействия в буджакской культуре, в меньшей степени

– в других культурах и культурных группах позднего энеолита – раннего и среднего бронзового века. Характерно, что в одних случаях имело место продвижение к границам региона нового населения (культура шаровидных амфор) и установление с ним определенных связей. В других случаях восприятие инноваций было связано лишь с проникновением незначительных групп буджакского населения в новые культурные ареалы (область культур шнуровой керамики). В третьих имела место колонизация новых территорий (Балкано-Карпатский регион), при сохранении связей с исходной (Северо-Западное Причерноморье). Эта специфика определила наш подход к анализу материала: одна и та же проблема анализируется в двух плоскостях: проявления контактов рассматривается как непосредственно в Северо-Западном Причерноморье, так и в других ареалах обитания выходцев из него – в Юго-Восточной и Центральной Европе.

4.1. Культурная ситуация в Северном Причерноморье в позднем энеолите – раннем бронзовом веке. Протобуджакский горизонт.

Согласно представлениям исследователей, в конце IV – начале III тыс. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье обитали носители усатовской культуры, с которой принято связывать начало бронзового века региона, позднетрипольское население, а также разрозненные позднеэнеолитические группы (нижнемихайловская, животиловская/животиловско-волчанская, постмариупольская/квитянская и др.), не составлявшие в целом культурного единства (рис. 4.1.).

Усатовская культура, пожалуй, наиболее полно обеспечена источниками и ее характеристики наименее противоречивы. Полагают, что наряду с трипольскими чертами в усатовской культуре проявляются традиции нижнедунайской культуры Чернавода I (Патокова, 1979; Петренко, 1989; Манзура, 1990). В.Г. Петренко выделил тип Хаджидер как один из субстратов усатовской культуры (Патокова и др., 1989, с. 114, 124), еще одним компонентом являются традиции населения, представленного так называемыми постстоговскими памятниками, которые, по его представлениям, существуют до финала Триполья С II. И.В. Манзура в качестве генетической подосновы выделяет бессарабский вариант культуры Чернавода I (Манзура, 2001–2002). Существует и точка зрения о том, что в сложении усатовской культуры участвовало население нижнемихайловской культуры (Рассамакiн, 1997; Rassamakin, 2004; Рассамакiн, 2008).

Основная территория распространения – в степной зоне от Дуная до Тилигула, с концентрацией памятников в Нижнем Поднестровье. Отдельные случайные находки известны к югу от дельты Дуная (Петренко, 2013а, с. 168-170). Помимо двух неординарных обрядовых центров Усатово и Маяки (Петренко, 2013а, с. 171-177, усатовская культура представлена почти исключительно захоронениями и несколькими пунктами находок керамики, которые интерпретируются как возможные остатки поселений (Патокова и др., 1989, с. 82, рис. 82). Следует признать собственно памятник Усатово уникальным явлением, аналогу которому нет в Северо-Западном Причерноморье. Лишь в определенной степени ему соответствует комплекс Маяки, являясь и несколько более поздним по времени. Усатовские подкурганные захоронения степной зоны достаточно своеобразны и неоднородны. Большинство памятников находятся в западном ареале региона, в Поднестровье и Днестро-Прутском междуречье. Парадоксом является тот факт, что к востоку от Поднестровья, несмотря на расположение здесь такого яркого памятника как Усатово, проявления усатовской культуры чрезвычайно малочисленны, группируясь вблизи Тилигульского лимана (Говедарица, Манзура, 2010; Петренко, 2012).

Культура характеризуется мегалитическими традициями в погребальной архитектуре, развитой бронзовой металлургией, керамическим комплексом, в котором сочетаются трипольские и степные элементы. Погребенных хоронили в простых ямах, иногда с подбоями, скорченно на левом боку, реже – на спине, преобладает восточная ориентировка погребенных. Прослежена роспись черепов охрой (Зиньковский, Петренко, 1987).

Керамический комплекс представлен столовой и кухонной посудой различных типов (рис. 4.2. 9–21). На основании анализа найденной в захоронениях усатовской культуры расписной керамики, исследователи прослеживают две относительно самостоятельные линии развития: днестровскую и прутскую. Первая (и основная) из них связана с традициями позднетрипольских памятников выхватинского и кириленского типов, причем она почти полностью отсутствует в западной части усатовского ареала. Выхватинские традиции распространяются, преимущественно, по линии север-юг, концентрируясь в Поднестровье, видимо, демонстрируя связь с выхватинским населением через связку памятников Оксентия-Голерканы-Выхватинцы. Вторая линия, восходящая к гординештской культурной группе, охватывает весь регион усатовской культуры, но в наиболее чистом виде встречается в дунайско-прутской зоне (Дергачев, Манзура, 1991, с. 11). Ареал их наибольшей концентрации связан с солеными лиманами юга Буджакской степи, где находится и крупный могильник у с. Желтый Яр. Причем эти линии развития не изолированы от собственно позднетрипольских культурных групп, т.к. тенденция упрощения со временем расписных элементов, характерная для Триполья, прослеживается и в усатовской керамике (Мовша, 1985). Вероятно, более поздними являются сосуды, где копируется сюжеты выхватинской и гординештской росписи, но выполненные в иной технологической манере (шнуровым или прочерченным орнаментом). Элементы культуры Чернавода отмечаются, прежде всего, в построениях орнаментальных схем (вертикальная зональность), размещении орнамента на горловине сосудов, оформлении венчиков (Патокова и др., 1989, с. 114–115).

Металлический инвентарь распространен и в Поднестровье (Суклея, Маяки, Пуркары, Тудорово), и в Попрутье и, собственно, в Буджаке (Нерушай, Огородное, Утконосовка). Среди находок – топоры, долота, ножи, шилья, трубчатые пронизи, кинжалы нескольких типов, среди которых выделяются экземпляры с костяной рукоятью – Огородное, Нерушай (рис. 4.2. 1–6). Наибольший интерес среди исследователей вызывают знаменитые кинжалы, т. н. анатолийского типа (с мышьяковым покрытием), которые считают импортом (Конькова, 1979; Рындина, 2002). Существует несколько гипотез их происхождения – переднеазиатское, центральноевропейское (из ареала культуры Бодрокерегстур), местное производство в Северо-западном Причерноморье (обзор гипотез см: Петренко, 2013, с. 203-205). Остальные изделия из меди и мышьяковой бронзы бесспорно относят к местному производству.

Несмотря на импортное сырье, Н.В. Рындина выделяет усатовский очаг металлообработки, имеющий специфические черты. Отмечают, что усатовская металлообработка сложилась в системе Циркумпонтийской металлургической провинции бронзового века, именно поэтому с усатовской культурой исследователи связывают его начало в Северо-Западном Причерноморье. В то же время были сохранены и отдельные навыки трипольских технологий (Рындина, 1993). По мнению В.Г. Петренко, усатовский металлообрабатывающий (и. вероятно, металлургический) очаг сложился на исходе этапа Триполье CI в Карпато-Дунайском бассейне, возможно – в Добрудже и на юге Буджака. Исследователь отмечает возможность использования более близких рудопроявлений, чем предполагалось ранее – Нижнее Подунавье, Приднестровье (Петренко, 2013, с. 149-151). Возможно существование центров кузнечно-литейного производства (Петренко, 2013а, с. 197). Украшения усатовской культуры изготовлены из различных металлов (серебряные и медные височные спиральные подвески, медные пронизки). По количеству серебряных украшений культура выделяется на фоне горизонта культур позднего энеолита – раннего бронзового века Юго-Восточной Европы (Петренко, 1997). Уникальны находки стекол и фаянсов, одним экземпляром представлена янтарная бусина. Достаточно многочисленны бусины из корралов (происходящих из мраморного или Эгейского моря), гагата, реже встречаются бусы из шлифованной кости и мраморовидного известняка. (Петренко, 2013а, с. 205).

Антропоморфная пластика своеобразна, представлена несколькими типами (Петренко, 2013а, с. 190, рис. 38); встречаются кубики и фигурки животных, другие изделия из глины.

Выделяется три ступени развития усатовской культуры. Древнейшие усатовские комплексы синхронны финалу Триполья CI, в целом культура существовала на протяжении всего этапа Триполье CII, что соответствует в абсолютных датах середине IV – первой четверти III тыс. до н. э. (Петренко, Кайзер, 2012, с. 55–57). Все же В.Г. Петренко сужает датировку усатовской культуры рамками 35 – 30 вв до н.э. (Петренко 2013а, с. 207). Ю.Я. Рассамакин полагает что финал усатовского феномена синхронен финалу постмариупольской, дереивской и поздней нижнемихайловской культур, т.е. связан с завершением позднеэнеолитической эпохи на рубеже 3000/2900 BC (Rassamakin, 2004, c. 213). Учитывая датировку буджакской культуры (как и ямной культурно-исторической общности в целом) 32/31 – 22 BC[1], можно говорить об определенном периоде сосуществования буджакской и усатовской культур. Об этом писали в свое время исследователи (Алексеева, 1978, с. 64; Яровой, 1985, с. 113). В.Г. Петренко выделил в усатовской культуре «древнеямный» компонент (Петренко, 2013, с. 168). В какой-то степени частичная синхронность подтверждается анализом артефактов, но более четко прослеживается в традициях металлообработки и источниках меди. Отметим, что П. Роман предполагает появление памятников типа Фолтешть II под влиянием усатовской культуры (Roman, 1981; Роман, 2010). Несомненный интерес представляют выводы П.Влодарчака о наличии усатовских черт в керамике культуры Злота; в качестве транслятора этих характеристик в ареал шнуровых культур он видит население культуры шаровидных амфор (Wlodarczak, 2008).

В это же время в Северо-Западном Причерноморье присутствует собственно позднетрипольское население, занимая свои географические ниши. С ним связаны, прежде всего, памятники гординештской, выхватинской и кириленской групп.

Памятники выхватинского типа, представленные поселениями и грунтовыми могильниками, известны на Среднем Днестре, от устья р. Реут на юге до г. Сороки на севере. На поселениях были найдены традиционные трипольские площадки и землянки, могильники характеризуются обрядом трупоположения в подовальных и прямоугольных ямах. Умершие чаще всего уложены скорчено на левом боку, хотя известны и скорченные на спине захоронения, ориентированы, преимущественно, на северо-восток. Коллекция орудий труда и оружия немногочисленна, металл редок, в инвентаре преобладает керамика (рис. 4.2. 22-30). Своеобразна роспись керамики темно-коричневой и красной краской, обычно, размещенная горизонтально. Антропоморфная пластика выделяется в особый (реалистический) выхватинский тип (Дергачев, Манзура, 1991, с. 10).

Памятники типа Кириленъ считаются промежуточными (в хронологическом плане) между выхватинскими и гординештскими, поэтому к ним в равной степени применяют определения «поствыхватинские» и «предгординештские». Керамика проявляет сходство с выхватинскими и усатовскими памятниками – с одной стороны, и гординештскими – с другой (рис. 4.2. 38-41). Эти наблюдения касаются как форм посуды, так и ее росписи. Генезис памятников типа Кириленъ связан с взаимодействием генетически разнородных традиций, которые присутствовали в выхватинском и брынзенском типах, культурах Усатово, Чернавода I и Фолтешть (Бикбаев, 1994, с. 68–69).

Памятники гординештского типа занимали Среднее и Верхнее Попрутье, Среднее и Верхнее Поднестровье и верховья Южного Буга. В основном, они представлены поселениями (в которых зафиксированы интрамуральные погребения), известны и редкие грунтовые и погребальные комплексы. Керамический комплекс представлен расписной столовой керамикой (повторяющей по некоторым признакам более раннюю брынзенскую) и кухонной посудой с примесью ракушки, шамота, песка (рис. 4.2. 31-37). Спецификой расписных традиций является геометрический стиль, рельефных – одиночные и парные бугорки-налепы на плечиках, защипы и ногтевые насечки по краю дна. Антропоморфная

[1] Буджакская культура появляется не позднее, чем ямная культурно-историческая общность в целом, последнюю датируют в диапазоне 3100–2200 BC (Rassamakin, Nikolova A.V., 2008).

пластика представлена разными типами, большинство украшений были обнаружены в кладе на поселении Цвикловцы. Происхождение этой группы связывают с предшествующими памятниками брынзенского и кириленского типов и влиянием со стороны западных культур, вероятно, позднелендельского круга (Дергачев, Манзура, 1991, с. 13).

Помимо позднетрипольских памятников, в Северо-Западном Причерноморье известны группы захоронений этого же хронологического периода, которые традиционно соотносят с поздним энеолитом. Они характеризуются различными обрядовыми традициями, культурная их принадлежность, порой, вызывает дискуссии.

Нижнемихайловская культура/Чернавода I представлена погребениями в овальных и прямоугольных ямах с разнообразной позой умершего (Котова, 2013, с. 14), или же только со скорченными на боку костяками (Рассамакин, 1997). Положение рук при этом несимметрично (рис. 4.4. 5–13). В инвентаре преобладает керамика разнообразной формы преимущественно с подлощенной поверхностью. И.Ф. Ковалева синхронизирует нижнемихайловскую и постмариупольскую культуры с томашевской и касперовской группами Триполья этапа CI (Ковалева, 2001, с. 20). Считается, что ее формирование может быть связано с Кавказом (Рассамакин, 1999), тем не менее, исследователи отмечают явное сходство части ее керамического комплекса с посудой культуры Чернавода I (Манзура, 2003–2004, с. 77).

Ю.Я. Рассамакин приходит к выводу, что нижнемихайловские племена создали своеобразный мост, связав Предкавказскую степь с Подунавьем, поддерживая контакты с майкопским и новосвободненским населением (Рассамакін, 1997, с. 288–289). Согласно мнению исследователя, территория распространения нижнемихайловской культуры охватывает юг степной зоны между реками Молочная и Дунай, по Дунаю она граничит в культурой Чернавода I и синхронизируется с финалом периода Триполье BII, Трипольем CI и CII. В.Г. Петренко считает, что Ю.Я. Рассамакин включил в нижнемихайловскую культуру памятники хаджидерского типа (Петренко, 2013, с. 168).

По мнению Н.С. Котовой, нижнемихайловская культура распространена на гораздо меньшей территории. Время ее существования определено исследовательницей периодом между 4150-3650 гг до н.э. Она видит определенное сходство между нижнемихайловской керамикой и посудой трипольской культуры периода BII, а также дереивской (Котова, 2013, с. 112). Таким образом, в соответствии с ее взглядами, ни территориально, ни хронологически памятники нижмихайловской культуры не могут быть отнесены к протобуджакскому горизонту (Котова, 2013, с. 104).

И.В. Манзура не согласен с локализаций нижнемихайловской культуры на территории Северо-Западного Причерноморья. По его мнению, такие памятники следует относить к выделенному им бессарабскому варианту культуры Чернавода I, который рассматривается им как основной генетический компонент усатовской культуры. С формированием усатовской культуры развитие культуры Чернавода I не завершилось, скорее всего, она существовала до последней четверти IV тыс. до н.э. Исследователь синхронизирует существование Чернаводы I с периодами Триполья от BI-BII до CII – т.е культура существовала почти все IV тыс. до н.э. Для поселения Орловка-Картал даты укладываются во вторую четверть IV тыс. до н.э. Эти даты по-видимому, подтверждаются и датами подкурганных погребений в Ревова и Катаржино. Развитие культуры Чернавода I завершается к началу бронзового века, но в некоторых регионах оно могло продолжаться (Манзура, 2013, с. 139).

Для нескольких позднейших подкурганных погребений Северо-Западного Причерноморья, возможно, являющиеся позднейшими проявлениями культуры Чернавода I, имеются радиоуглеродные даты в диапазоне 33-31 вв до н.э (например, Сычавка 1/22)[2]. В

[2] Благодарю И.В. Манзуру, высказавшего свое мнение по поводу культурно атрибуции данного погребения

Днестро-Бугском междуречье, по мнению И.В. Манзуры, наблюдается бытование памятников обеих культур (Манзура, 2003–2004, с. 77).

В.Г. Петренко в ареале Северо-Западного Причерноморья также локализует нижмихайловские памятники лишь в степной зоне междуречья Южного Буга и Днестра. Он отмечает их расположение в верхних стратиграфических горизонтах энеолитических курганов и датирует концом периода СII по трипольской хронологии (Иванова и др., 2005, с. 110).

Постмариупольская/квитянская культура/группа «вытянутых» захоронений. Группа «вытянутых» захоронений неоднородна ни в хронологическом, ни в типологическом отношении. Отметим наличие основных и впускных захоронений. Впускные захоронения всегда следуют во времени за позднеэнеолитическими скорченными (например, Новоселица 19/30) или вытянутыми (Белолесье 11/3,2) погребениями, а также за усатовскими (Желтый Яр 5/13), за ними следуют ямные погребения, порой, достаточно архаического вида (Этулия, к. 1). Это определяет положение основной части этой группы захоронений на хронологической шкале памятников Северо-Западного Причерноморья. Инвентарь их довольно невыразительный (изделия из кремня, керамика с примесью толченой раковины и гребенчатыми расчесами на поверхности). Несколько вытянутых захоронений обнаружено, судя по стратиграфии, и среди массива памятников ямной культуры региона, являясь, видимо, самыми поздними в этой достаточно разнородной и разновременной группе.

Помимо стратиграфических данных, значение имеет форма погребальной камеры, на различные ее варианты (прослеженные в Причерноморье в целом) исследователи обратили внимание достаточно давно (Николова А.В., Рассамакин, 1985, с. 52–53).

В Северо-Западном Причерноморье погребения с «вытянутым» обрядом захоронения (рис. 4.3), как полагают, существовали в течение длительного периода (энеолит и бронзовый век) и в разных культурах (Субботин, 1991, с. 72). В то же время И.Ф. Ковалева выделила их в территориальную группу постмариупольских погребений Северо-Западного Причерноморья, особенностью которой является более поздняя хронологическая позиция по сравнению с другими ареалами. В целом же, как указывалось выше, исследовательница синхронизирует постмариупольскую культуру с нижнемихайловской и памятниками позднего Триполья этапа СI, соответственно, предполагая ее большую древность, нежели ямная культура (Ковалева, 2002). Ю.Я. Рассамакин соотнёс «вытянутые» погребения с квитянской культурой, отмечая, что в Днестро-Прутском междуречье и низовьях Днестра набор основных признаков теряется (Рассамакин, 2000, с. 163–164) и синхронизируя «вытянутые» погребения Днестро-Дунайского междуречья с усатовской культурой (Рассамакiн, 2013, с. 29). Квитянскую культуру исследователь датирует в широком хронологическом диапазоне – Триполье ВII–СI/СII–СII (Рассамакiн, 2013, с. 38). И.В. Манзура считает, что в хронологическом отношении «вытянутые» захоронения соотносятся с разными периодами энеолита (Leviţki et al., 1996, с. 59–61). ОтмечаетсяИсследователь связывает происхождение традиций вытянутого обряда захоронений протобуджакского горизонта с влиянием населения нижнедунайского региона, либо же с местной (пруто-днестровского региона) мезолитической традицией, учитывая находку мезолитического могильника Сакаровка на севере Молдовы с аналогичным обрядом захоронения (Манзура, 2013, с. 151). асти захоронений позднего этапа к постмариупольской культуре (Манзура, 2010, с. 44). И.В. Манзура вполне справедливо полагает, что такие погребения не представляют некую единую археологическую культуру, а могут рассматриваться как принадлежащие к нескольким типологическим – и при этом разновременным – группам. Наиболее архаичной он считает группу захоронений в широких овальных ямах (синхронна этапу Триполье ВI). Захоронения в узких продолговатых ямах датируются в диапазоне от Триполье ВII до Триполье СII включительно. Позднейшая из них, в прямоугольных ямах, должна рассматриваться в границах раннего бронзового века и в рамках ямной культуры (Манзура, 2013, с. 150–151).

Для «вытянутых» погребений региона имеется несколько радиоуглеродных дат в диапазоне от 34 до 27 вв до н.э., которые Ю.Я. РРассамакін, 2013).

Животиловская (животиловско-волчанская) культурная группа также характеризуется положением умершего скорченно на боку, но руки его согнуты в локтях и кистями поднесены к лицу (рис. 4.4. 14–22). Преобладает южная ориентировка скелетов. В чертах этой группы прослежены и кавказские (майкопско-новосвободненские), и позднетрипольские черты (Ковалева, 1978). Для них характерно наличие в инвентаре особой категории находок – посоховидных костяных подвесок. Также известна находка амфоры местного производства (Богуслав 23/12), в которой видят параллели с культурой шаровидных амфор (Ковалева, 1991). Полагают особую роль животиловского населения в установлении связей между достаточно отдаленными территориями, распространении инноваций. Определенные контакты между позднетрипольскими обществами, степными племенами Поволжья и Причерноморья, носителями майкопской культуры Северного Кавказа были связаны с передвижениями животиловской культурной группы (Rassamakin, 2003, с. 50). Для нескольких захоронений с территории Северо-Западного Причерноморья имеются радиоуглеродные даты, соответствующие периоду Триполье СII (Петренко, Ковалюх, 2003, с. 108).

Памятники постстоговского типа представлены скорченными на спине погребениями с восточной ориентацией (рис. 4.4. 1–4), они характеризуются овальными или близкими к овалу погребальными ямами, полагают, что они генетически могут быть связаны со стоговской культурой. Эту традицию относят к среднему периоду медного века и считают, что отдельные группы населения дошли до берегов Южного Буга и Днестра, контактируя с носителями трипольской культуры на севере и нижнемихайловскими племенами на юге (Рассамакин, Евдокимов 2001). В.Г. Петренко, отмечая Днепровское Правобережье как основной регион их распространения, предлагает в Северо-Западном Причерноморье выделять их в тип Катаржино. Он считает, что вариант обрядовой традиции, во всей полноте представленный в комплексе Катаржино 1/10 (Иванова и др. 2005), существовал в рамках периодов Триполья СI и СII, примерно со второй трети IV тысячелетия до н. э. по калиброванной хронологии, хотя зародился, возможно, даже несколько ранее. В Северо-Западном Причерноморье выделяются две традиции ориентировки умерших – восток–северо-восток и запад–юго-запад. Исследователь отмечает вклад данной группы (где есть безынвентарные комплексы и захоронения с усатовской керамикой) в становление усатовской культуры, а также в генезис ямной культуры (Иванова и др. 2005, с. 110). Заметим, что данная традиция, определенно доживает до начального этапа буджакской культуры, где также зафиксированы подобные захоронения (рис. 4.5). По-видимому, на позднем этапе в результате взаимодействий с иными энеолитическими культурными группами, форма погребальной камеры постстоговких захоронений начинает несколько видоизменяться в направлении иной геометрической формы – подпрямоугольной (например, Никольское 10/5), или же принимает более удлиненные пропорции (Сычавка 1/9). Параллельно отмечается другая тенденция, когда положение скелета «скорченно на спине с наклоном набок» настолько приближается к постстоговскому варианту «скорчено на спине», что разница между ними еле уловима (например, упоминавшееся выше Сычавка 1/22). Для последнего комплекса имеется радиоуглеродная дата, указывающая на его достаточно поздний возраст в рамках энеолитического периода, фактически смыкающийся с ямными памятниками региона.

Помимо названных культур и культурных групп, имеются погребальные комплексы, соотносимые исследователями с поздним энеолитом, но не включаемых в те или иные культурные единицы в силу ряда причин (безынвентарности, невыразительности, разрушенности и пр.).

В частности, это относится и к захоронениям в прямоугольных камерах, со скорченными на спине костяками, предложенные критерии, по которым их можно соотносить с поздним энеолитом или ямной культуры не вполне обоснованы. Мнение

А.В. Николовой о том, что могильные ямы, характеризующиеся небольшой (до 0,6 м) глубиной являются признаком позднеэнеолитических захоронений, а более глубокие ямы связаны с ямной культурой (Bunjatjan et al., 2006, с. 61), не соответствует действительности, по крайней мере – в Северо-Западном Причерноморье.

Краткий обзор основных представлений специалистов о культурной принадлежности и синхронизации памятников, хронологически предшествующих буджакской культуре показывает дискуссионность проблемы, требующей дальнейшего исследования и анализа источников. Очевидны противоречивость культурной атрибуции погребений и невозможность дать однозначную трактовку протобуджакского горизонта, определяя возможный круг культур. Соответственно, механизм интеграционных процессов, приведших к образованию буджакской культуры, предположительно представляется лишь в общих чертах. С большой долей вероятности можно говорить о том, что культурные группы, предшествующие буджакской культуре, в той или иной степени причастны к ее формированию, что зафиксировано сохранением отдельных черт этих культур в погребальном обряде буджакского населения. Тем не менее, пока следует воздерживаться от однозначных определений при характеристике протобуджакского хронологического горизонта.

С одной стороны, этот горизонт отражает общие культурно-исторические тенденции степного Причерноморья в целом (интеграционные процессы различных культурных традиций – постмариупольской, нижнемихайловской, животиловской и др.), а с другой – отличается своеобразием, вызванным импульсами из ареала Трипольской культуры (выхватинской культурной группы на начальном этапе и гординештской – на позднем). Особый «колорит» придает также распространение населения – носителей культурных традиций Чернавода. В начале позднеэнеолитической эпохи, до начала появления выхватинских элементов, степь выглядит достаточно однородно. Распространены близкие по архитектурным формам курганы, одинаковая поза погребенного (слабо скорченно на боку или на спине с разворот на бок) и однотипная керамика: трипольская CI, Чернавода I. С началом формирования усатовской культуры ситуация в степи меняется, выделяется два достаточно самостоятельных ареала – Попрутье и Поднестровье, причем памятники Буджакской степи более тяготеют к Попрутью. В дальнейшем на Днестре появляется поствыхватинский пласт (Кирилень), на Пруте этот пласт отсутствует. В финале энеолитической эпохи распространяются комплексы типа Животиловка-Волчанск, погребения со скорченными на спине костяками.

В целом же можно констатировать, что рассматриваемый период в Северо-Западном Причерноморье характеризовался интенсификацией культурно-исторических и интеграционных процессов, приведших, в конечном итоге, к формированию буджакской культуры. Памятники, отнесенные к протобуджакскому горизонту, вероятно, можно рассматривать как субстрат для сложения буджакской культуры, хотя входящие в него памятники не составляли монолитного культурного единства, а степень «участия» того или иного населения различна.

4.2. Роль местного субстрата в формирование буджакской культуры

Мы полагаем, что буджакская культура сложилась на основе местного энеолита, и ее население не является пришлым с востока (Мерперт, 1974), воспринявшим отдельные инокультурные традиции (Шмаглий, Черняков, 1970, с. 95–108; Алексеева, 1992, с. 58–59; Субботин, 2000, с. 352). На местное происхождение населения указывают антропологические данные (Круц, 1997; Кузнецов, Хохлов, 2011), элементы погребальной обрядности и материальной культуры населения Северо-Западного Причерноморья позднего энеолита – раннего бронзового века. Особенности ранних буджакских комплексов могут указывать на истоки обрядовых черт и сложения материальной культуры. Следует остановиться на вопросе о том, какие именно энеолитические традиции были интегрированы

в новую культуру, сформировав в итоге тот стандарт, который был присущ ей на всем протяжении существования и который распространялся при продвижении ее носителей на новые территории.

Большинство позднеэнеолитических погребений являются подкурганными, чаще всего единственное основное захоронение находится в центральном секторе; иные ситуации являются, скорее, исключением из правила. Сходный принцип организации подкурганного пространства характерен для буджакского населения. Прослеживаются в буджакской культуре (на раннем этапе) мегалитические традиции, распространенные в позднеэнеолитическую эпоху (Манзура, 2003–2004, с. 77–80). Известна в позднем энеолите ориентировка умершего в западный сектор; именно западная ориентировка доминирует в буджакском погребальном обряде. Заметим, что ямы с уступами и заплечиками известны в подкурганных захоронениях энеолитической эпохи (Саратены 3/15, Бурсучены 1/21, Тараклия II, 10/16,17). В двух последних случаях погребения имели поперечное деревянное перекрытие, традиционное для погребальных камер ямной культуры. Наличие раннего (синхронного раннеямным памятникам других территорий) этапа в буджакской культуре региона подтверждается также особенностями курганной архитектуры: рвами, кромлехами, которые традиционно присущи энеолитической эпохе. Это позволяет предположить ранний характер основных захоронений в таких курганах (например, Лиман 2/10, окруженное рвом; Болград 3/2, Старые Куконешты 2/3 с кромлехами и др.).

Стратифицированные курганы энеолитической эпохи достаточно редки, но, тем не менее, они демонстрируют сосуществование и взаимодействие различных погребальных традиций, причем на достаточно обширной территории. Для Северо-Западного Причерноморья отметим курган 9 у с Красное, с сочетанием вытянутого и различных вариантов скорченного положения умершего. Сходная ситуация выявлена при изучении курганной группы Завадские Могилы на Степном Правобережье, а также в кургане 30 у с Малокатериновка, кургане 6 у с. Зеленый Гай (Берестнев, 2005). И.Ф. Ковалева отмечает имевшие место в позднем энеолите Днепро-Бугского региона активные процессы культурной интеграции и культурного взаимодействия, отразившиеся в существовании различных погребальных традициях в рамках одного кургана (Ковалева, 2001, с.19–20). С.И. Берестнев трактует различные позы погребенных в одном энеолитическом кургане как признак социальной дифференциации, а само строительство кургана (даже поэтапное) – как реализацию единой идеи (Берестнев, 2005).

В буджакских памятниках изредка сохраняется вытянутое расположение погребенных, видимо, отражая интеграцию носителей соответствущей энеолитической погребальной традиции. Имеются немногочисленные погребения, в которых скелеты лежат скорченно на боку с поднесенными к лицу кистями рук и с руками, протянутыми к коленям (Яровой, 1985, с. 35), что также может быть связано с сохранением энеолитических черт обрядности (животиловской – в первом случае, нижнемихайловской – во втором). Положение умерших, определяемое обычно как «на спине с наклоном», достаточно широко распространено в позднеэнеолитических и буджакских комплексах. В рамках буджакской культуры выделяется и небольшая, но выразительная группа захоронений, сохраняющая «постстоговскую» погребальную традицию – овальные ямы со скорченным на спине скелетом (рис. 4.5). Известны впускные и основные погребения, причем имеются, по-видимому, достаточно ранние, например основное захоронение 7 кургана 5 у г. Болград, окруженное кромлехом; основным также является погребение Шевченково 1/5. Впускными были захоронения Медвежа 4/2, Холмское 5/15, Приморское 1/4 и 1/2, Ефимовка 2/12. При этом впускные погребения постстоговского типа часто следуют за усатовскими (Холмское), позднеэнеолитическими и усатовскими (Приморское). Погребение Ефимовка 2/12 впущено в насыпь, сооруженную над захоронением ямной культуры. В кургане у с. Приморское, в одном стратиграфическом горизонте с захоронениями №№ 2 и 4 (постстоговского облика) присутствовали ямные погребения №№ 10 и 40, где скелеты также скорчены на спине, но лежат в овально-удлиненной и прямоугольной ямах (Чеботаренко и др., 1993, с. 49, рис. 2; с.

51, рис. 4). В погребении Никольское 1/9 интерес вызывает характерная трансформация формы ямы, когда длинные стороны еще передают овальную форму ямы, а короткие параллельны. Оно находится в ямном стратиграфическом горизонте, следующим за основным энеолитическим захоронением. Погребение постстоговского типа известно в Нижнем Подунавье, в погребении 2 кургана 1 могильника Плачидол I (Панайотов, 1989, с. 107, рис. 80). Отметим захоронения в ямах подовальных очертаний (прямоугольные с сильно закругленными углами), видимо отражающие переход от овальных к прямоугольным формам (Этулия 2/2). Особую группу составляют погребения с овальными и округлыми уступами, которые, вероятно, своеобразно отражают развитие постстоговской традиции в ямном контексте. Так, известны захоронения в овальных ямах с овальным уступом (Катаржино 1/21), прямоугольных ямах с овальным уступом (Холмское 3/6, Глубокое 3/9, Курчи 3/1), причем захоронение Курчи 3/1 было основным в кургане. Овальный уступ и погребальная камера трапециевидных очертаний выявлены в Тараклии I, 3/17. Во всех этих случаях скелеты лежали скорчено на спине. Интеграция и культурные трансформации, в конечном итоге, привели к появлению захоронений наиболее распространенной «ямной» погребальной традиции (скорченно на спине в прямоугольной яме). Сохранялись и другие энеолитические обрядовые традиции (скорчено на боку и с наклоном набок).

Порой, в тех курганах, строительство которых связано с позднеэнеолитическим населением и которые использовали в дальнейшем буджакские племена, не имеется центрального буджакского захоронения, что является обязательной чертой курганной планиграфии региона. Высказано предположение, что в этих ситуациях энеолитический курганный мемориал не воспринимался буджакским населением как чужой (Петренко, 2010, с. 362). Этот тезис также подтверждает местные энеолитические истоки буджакской культуры.

Имеются буджакские захоронения, близкие по времени предшествующим им энеолитическим (табл. 4.1; 4.2; 2.1; 2.2). Стратиграфическая позиция части ранних захоронений, имеющих радиоуглеродные даты, особенности курганной архитектуры позволяют относить такие погребения к протобуджакскому или раннебуджакскому горизонту (например, Семеновка 11/6; Лиман 2/2; Сычавка 1/22). Собственно ранние буджакские памятники синхронны раннеямным других регионов, сложение которых исследователи (после критического анализа массива радиокарбонных дат) определяют финалом IV тыс. до н. э. (Rassamakin, Nikolova A.V., 2008).

В обобщенном виде основные черты погребальной обрядности буджакской культуры можно охарактеризовать следующим образом: курганная насыпь, центральное расположение основного захоронения, деревянное (каменное) перекрытие прямоугольной погребальной камеры (треть захоронений выполнена с уступами), растительная подстилка под скелетом, применение охры, скорченное на спине или на боку положение умершего, преимущественно, западная его ориентировка, наличие основных и впускных погребений, порой, достаточно сложные курганы с несколькими стратиграфическим горизонтами. Все эти компоненты в различном их проявлении и сочетаниях присущи позднеэнеолитическим культурным группам региона; в буджакской культуре отдельные обрядовые черты складываются в единый комплекс.

Традиционно особая роль в формировании буджакских памятников отводилась усатовской культуре, синхронной позднеэнеолитическому горизонту, но соотносимой с началом раннего бронзового века Северо-Западного Причерноморья. Впервые тезис о сосуществовании усатовского населения и племен ямной культуры позднего этапа был сформулирован В.Г. Збеновичем (Збенович, 1974, с. 138–139). Н.М. Шмаглий и И.Т. Черняков предположили хронологический разрыв между усатовской и ямной культурами (Шмаглий, Черняков, 1970, с.93), хотя впоследствии И.Т. Черняков приходит к выводу о том, что остатки усатовских племен приняли участие на позднеямном этапе в формировании буджакской культуры (Черняков, 1979, с. 9). Сосуществование,

взаимовлияния на определенном этапе двух массивов предполагалось и другими исследователями (Яровой, 1985, с. 113; Дергачев, 1999, с. 205; Субботин 2000, с. 364).

Вероятно, усатовское население, при частичном его сосуществовании на финальном этапе с буджакскими племенами, было постепенно ассимилировано последним. Материальные следы усатовского влияния единичны. Можно указать на близость форм и параллели в оформлении некоторых буджакских и усатовских сосудов. Так, амфора из погребения Гура-Галбене 2/5 (рис. 4. 11, 1) имеет форму, сходную с амфорой из Пуркары 1/21 (Яровой, 1990, с. 67, рис. 29. 1). Светлоглиняная крупная амфора с овальным корпусом Казаклия 3/13 (рис. 4.11. 14) покрыта небрежной сетчатой росписью, отдаленно напоминающей гординештскую. Насечки по краям ручки и на тулове отчасти напоминают рельефное оформление других амфор из буджакских комплексов[3]. Сосуды из насыпи кургана 2 у с. Тудорово и из погребения Гура-Быкулуй 7/1 имеют на плечах конические налепы, подобные тем, что есть на некоторых сферических усатовских и позднетрипольских сосудах (Дергачев, Манзура, 1991, с. 213–215). Отметим основные усатовские погребения в этих курганах, что может объяснять механизм влияния. Амфорка из Хаджиллар 2/14 напоминает усатовскую по стилю орнаментации. Но состав теста и обработка поверхности упомянутой посуды отличны от традиционной усатовской керамики. Возможно, следует говорить о западном влиянии при восприятии и усатовским, и буджакским населением некоторых типов сосудов: так, амфоры и кубки являются распространенными формами керамики во всем балканском культурном ареале с достаточно раннего времени (Манзура, 2001–2002, с. 469–471). Сопоставимы усатовский и буджакский материальные комплексы по достаточно представительному набору однотипных серебряных украшений (спиралевидные подвески), на что обращалось внимание исследователей (Патокова и др., 1989, с. 101). Единичны случаи обнаружения буджакских артефактов в захоронениях усатовской культуры – например, медный нож ямного типа, найденный в усатовском погребении в Кошарах (Петренко, 2012). Этими немногочисленными примерами исчерпывается сходство двух отчасти синхронных культур раннего бронзового века Северо-Западного Причерноморья.

Предполагается, что отсутствие характерной усатовской или позднетрипольской керамики (или иных выразительных артефактов) в буджакских памятниках региона может указывать на определенные мировоззренческие установки (Яровой, 1985, с. 113). Заметим, что чаще всего культурные контакты выявляются археологами в результате сопоставительного анализа материальной культуры, при условии наличия импортов и подражаний. Однако этот аспект, выраженный в артефактах, не исчерпывает всего многообразия возможных отношений между человеческими коллективами. Свою «цену» имеют технологии и культурные связи, которые также могут передаваться при культурных взаимодействиях, не отражаясь при этом напрямую в археологическом материале. На наш взгляд, именно с таким специфическим компонентом усатовское население вошло в состав буджакской культуры: при отсутствии усатовской керамики, при иных погребальных ритуалах, буджакское население получило определенную методику металлообработки, сведения о цветных и драгоценных металлах. Исследование медных и бронзовых изделий усатовской и буджакской культур, происходящих из Северо-Западного Причерноморья, позволило исследователям прийти к выводу о единых источниках металла двух культур и о единых традициях его обработки (Каменский, 1990; Орловская, 1990). В буджакской коллекции имеются изделия из чистой меди и мышьяковой бронзы, при доминировании последних. Предполагается поступление чистой меди из Карпатского бассейна, а мышьяковой бронзы из металлургического очага Эзеро (Орловская, 1990, с. 294). Характерной особенностью металла усатовской и буджакской культур является повышенное содержание свинца по сравнению с источником (Каменский, 1990, с. 248). Несколько

[3] Благодарю С.М. Агульникова, любезно предоставившего фотографии амфоры из личного архива.

изделий из погребений ямной культуры характеризуются повышенным содержанием олова, возможно – в связи с полиметаллическом составом сырья (Ольговский, 1988, с. 138).

Традиции металлообработки в раннем бронзовом веке Северо-Западного Причерноморья основаны на сочетании двух схем; одна из них уходит корнями в Триполье (использование упрочняющей проковки вхолодную), другая является инновацией (горячая ковка); обе схемы зафиксированы и у буджакских, и у усатовских племен. Развитие этих традиций шло не изолировано, а по пути взаимопроникновения и взаимовлияния Ведущую роль играла более совершенная усатовская традиция. Возможно, вторая традиция зародилась непосредственно в Северо-Западном Причерноморье, и именно в буджакской среде (Каменский, 1990, с. 252). На наш взгляд, есть основания выделить единый северо-западный (усатовско-буджакский) очаг металлообработки, традиции и схемы которого, переплетаясь, использовались и в усатовской, и в буджакской среде. Этот очаг имеет свои особенности: если иные очаги Циркумпонтийской металлургической провинции демонстрируют полное отсутствие связей с технологиями предшествующей (Балкано-Карпатской) металлургической провинции, то население Северо-Западного Причерноморья продолжает развитие традиций предыдущего этапа, в то же время демонстрируя определенные инновации. Эти синкретические приемы были присущи металлургам и усатовской, и буджакской культур, хотя металлургия каждой из них имеет свои особенности и определенный набор металлических изделий. Отмечается достаточное владение технологией мастерами металлообработки, знающими свойства металлов и добавок и варьирующими температуру ковки в зависимости от состава, во избежание растрескивания металла при ковке (Каменский, 1990, с. 251–253).

В чем-то сходна ситуация с украшениями из серебра: только в усатовской (Петренко, 1997) и в буджакской (Иванова, 2007) культурах наблюдается концентрация серебряных изделий – на фоне синхронных культур не только Причерноморской степи, но и Карпато-Балканского ареала. Возможно, традиция (или мода) на серебряные украшения, наряду с информацией об источниках серебра, были получены буджакским населением от носителей усатовской культуры. Спектральному исследованию подверглись лишь три находки из буджакских погребений, в них зафиксирована повышенная концентрация меди – от 1 до 10 %, предполагается, что медь может являться искусственной добавкой к серебру (Ольговский, 1988). Чистое серебро – очень мягкий металл, по этой причине для прочности к серебру добавляют медь; добавление 5 % меди в два раза увеличивает твердость серебра. Считается, что оптимальным для упрочнения сплава является 3–5 % количество меди. К примеру, кинжал из погребения культуры Вучедол вблизи Мала Груда изготовлен из серебра с 5 % содержанием меди (Primas, 1995, p. 83). Но при изготовлении украшений добавка меди с целью упрочения металла, тем более в количестве 10 %, лишена смысла. Возможно, серебро для этих украшений было извлечено из полиметаллических (медно-серебряных) руд, известных в рудопроявлениях Юго-Восточной Европы.

И, наконец, есть основания предполагать, что из усатовской культуры в буджакскую перешли и связи с культурой Коцофени, которые у усатовского населения достаточно выражены. Это направление контактов пока слабо изучено, хотя В.Г. Петренко обратил внимание на отдельные аспекты. Так, рассматривая керамический комплекс, он выявил сходство шести типов посуды Усатово и Коцофени (Патокова и др., 1989, с. 115). Речь идет о типах Ie, IV, VIIIa1, XVIII, XXIV, XXV, по классификации П. Романа (Roman, 1976). Также исследователь отмечает близость ряда усатовских статуэток антропоморфным фигуркам культуры Коцофени (Патокова и др., 1989, с. 108). В Усатово найден глиняный предмет в виде ложки с ручкой-трубочкой, вероятно – сосудик для питья, хотя его интерпретировали как тигель (Патокова, 1979, рис. 54. 1), аналоги этому необычному изделию имеются в культуре Коцофени – «vas cu tub de scurgere», или «сосуд с трубкой» (Ciută, Marc, 2009, p. 29, fig. 1). Анализируя изделия из металла, В.Г. Петренко считает, что усатовские шилья и тесла имеют широкий диапазон аналогий, а вот черенковые долота следует связывать не с Кавказом, как это предполагалось, а с культурой Коцофени (Патокова и др., 1989, с. 100).

Возможно, данное направление культурных контактов было освоено буджакским населением под влиянием носителей усатовской культуры. Отметим и тот факт, что в Северо-Западном Причерноморья в раннем бронзовом веке находки янтаря зафиксированы лишь дважды – в захоронениях усатовской (Усатово 1-4) и буджакской (Холмское 2/8) культур. Следовательно, вполне возможно, что контакты буджакского населения во многом определены влиянием усатовской культуры. Разница в характере контактов между двумя культурами проявляется в том, что буджакское население активно продвигалось в различных направлениях, а движение усатовцев В.А. Дергачев отмечал лишь на финальном этапе. По его мнению, давление со стороны ямной культуры вызвало миграцию усатовских племен на юг, что документируется единичными комплексами могильника Дуранкулак в Северо-Восточной Болгарии (Дергачов, 2004, с. 111). Сходной точки зрения придерживается Л. Николова, отмечая некоторые параллели в керамике Восточных Балкан (Дядово) и Усатово и объясняя их миграциями усатовского населения на юго-запад (Nikolova L., 2000, p. 4.). П. Влодарчак не так давно выделил достаточно представительную серию керамики культуры Злота в Малопольше, в которой присутствуют усатовские элементы (Włodarczak, 2008, s. 520, rys. 3). Исследователь предполагает, что переносу усатовских традиций способствовали племена КША, продвижение усатовских племен в этом направлении не зафиксировано.

Отметим и роль животиловского населения, под влиянием которого, по мнению В.А. Дергачева, в буджакском инвентаре появились кубки (Дергачев, 1986, с. 82). На выраженное сходство форм ряда буджакских и животиловских кубков обращал внимание и В.Г. Петренко (Петренко, 1991а, с. 74). Ю.Я. Рассамакин также полагает, что благодаря животиловско-волчанской группе в степной зоне распространились некоторые специфические формы посуды, в том числе и кубки (Rassamakin, 2003, p. 55).

Таким образом, имеются артефакты, подтверждающие определенные связи буджакской культуры и предшествующего культурно-хронологического горизонта.

4.3. Хронологические реперы и периодизация буджакских комплексов

Хронологическое членение памятников буджакской культуры, выделение памятников раннего и позднего этапов имеют определенное значение при реконструкции процессов ее формирования и развития. Важными хронологическими реперами являются импорты и подражания, параллели и общая стилистика в оформлении керамики буджакской культуры – с одной стороны, и различных культур Центральной и Юго-Восточной Европы – с другой (рис. 4.7–4.12). Основное внимание при решении вопросов генезиса и развития культуры следует уделять керамике не только в силу того, что это – наиболее многочисленная категория находок, но и потому, что керамику традиционно считают индикатором культурных связей (Cotoi, 2008, p. 7).

Анализ артефактов, имеющих инокультурные параллели, позволит достоверно соотнести те или иные буджакские погребения с определенными хронологическими этапами, и такая ситуация выгодно отличает буджакскую культуру от всего ареала ямной КИО. Мы применили следующий методический подход при выделении раннего и позднего материальных комплексов буджакской культуры. Погребение, в котором присутствует культурный или хронологический маркер (инокультурный/подражательный артефакт или радиоуглеродная дата) может датировать и весь стратиграфический горизонт кургана, если оно включено в условно «закрытый комплекс» (т.е. в горизонт, перекрытый единой насыпью, либо в захоронение с несколькими предметами в погребальном инвентаре). В «открытом комплексе» (т.е. завершающем строительный горизонт кургана) ситуация определяется данными планиграфии: при наличии определенных правил расположения захоронений (по дуге, окружности) погребение-репер датирует весь комплекс взаимосвязанных погребений, при бессистемном расположении могил в последней насыпи кургана, датировка по импортному артефакту применима лишь к конкретному погребению.

Если погребение-репер соотносится с ранним этапом буджакской культуры, то все предшествующие погребения также соотносились нами с ранним этапом, но для последующих захоронений вопрос оставался открытым. Соответственно, если погребение-репер соотносится с поздним этапом, то к этому этапу относятся все последующие погребения, но открытым остается вопрос о предшествующих захоронениях. Сходным образом интерпретировались нами те курганы, в которых реперами выступают конкретные радиоуглеродные даты. Артефакты из продатированных слоев, в свою очередь, становились новыми реперами для других курганов. Такой комплексный подход, основанный на сочетании стратиграфического, сравнительно-типологического и радиуглеродного методов, является, на наш взгляд, наиболее приемлемым. Его применение позволило нам выделить ранние и поздние горизонты различных курганов и определить основные характеристики раннего и позднего этапов буджакской культуры (рис. 4.20; 4.21). Для ряда артефактов имеются и более узкие хронологические рамки (рис. 4.22; 4.23).

Погребения раннего этапа составили 43,2 %, позднего – 56,8 %.

4.4. Ранний этап буджакской культуры (конец IV – первая половина III тыс. до н. э.)

Рассмотрение посуды буджакской культуры позволяет выделить серии, которые являются спецификой буджакского керамического комплекса, и те сосуды, что возникли под влиянием инокультурного окружения, происхождение их не связано с местными традициями и традициями ямной КИО в целом. Но в силу того, что инвентарь присутствует не во всех захоронениях, а стратифицированные курганы достаточно редки, часть захоронений не может быть абсолютно надежно соотнесена с тем или иным этапом. Заметим также незначительное количество в буджакском керамическом комплексе собственно импортных сосудов. В большинстве своем посуда, стилистически близкая керамике синхронных культур, представляет собой имитацию, подражание или дериваты, тем не менее, определение истоков керамических традиций позволило нам привлечь их в качестве хронологических маркеров. Отличия между этапами связаны не только с изменением культурной ситуации в самом Северо-Западном Причерноморье, но и с изменением культурного окружения и, соответственно – изменением характера взаимосвязей. Это отразилось и в керамическом комплексе, и других артефактах. На раннем этапе выявляются параллели с культурами Коцофени, Костолац, культурой шаровидных амфор, Чернавода II, Езерово II, Эзеро (рис. 4.13), а также с культурами шнуровой керамики (рис. 4.15). При этом инокультурные формы керамики, маркируя захоронения раннего и позднего этапов, подтверждают существование одних и тех же поз умерших (скорченные на спине, правобочные, левобочные) на всем протяжении существования буджакской культуры – и на раннем, и на позднем этапах (например, рис. 4.17–4. 19).

4.4.1. Материальная культура раннего этапа.

Керамика раннего этапа (рис. 4.20; 4.22) представлена следующими формами.

Горшки, среди которых преобладают плоскодонные формы. Они характеризуются отсутствием унификации и достаточным разнообразием, как в форме тулова, степени наклона венчика, так и в орнаментации. Часть из них оформлена насечками, ногтевыми вдавлениями, налепными – «горошинками» по плечам, имеются горшки со шнуровой орнаментацией. Но все эти типы, в основном единичные, их следует признать заимствованием и подражанием, связанным с нижнедунайским ареалом. Единичным экземпляром представлен сосуд с гребенчатым орнаментом, венчиком репинского облика, с внутренним ребром (Черноморка, к. 1). Местными формами раннего этапа, вероятно, можно считать те типы, которые составляют устойчивые серии – это неорнаментированные горшки с небольшим слабо отогнутым, реже прямым венчиком, стройным туловом и плечами, расположенными в верхней трети тулова (рис. 2.16. 5–10; 2.17; 2.18. 5–19). Они составляют серии и имеют аналогии в соседнем Буго-Ингульском регионе (рис. 4.6.). Единичные горшки

этого этапа с высоким отогнутым венчиком имеют параллели в КША (рис.4.10 11–14), но эта форма не характерна для раннего этапа. К раннему этапу относятся и большинство круглодонных горшков (рис. 2.20. 12–20).

Банки и банковидные сосуды уже на раннем этапе характеризуются разными подтипами (с выделенным поддоном и без него), имеются орнаментированные экземпляры и без орнамента, с ручками-налепами различных конфигураций. Шнуровой орнамент сочетается на некоторых экземплярах с отпечатками полой трубочки (рис. 2.31. 13; 2.33. 13; 2.34. 15), однако такие типы орнаментации, вероятно, следует относить к концу раннего этапа из-за параллелей с катакомбной керамикой Подонья (Братченко, 1976, с. 44, рис. 20. 8).

Амфоры и амфоровидные сосуды разнообразны по форме и размерам. С ранним этапом можно связать амфоры со сферическим туловом и разной формой венчика, уплощенными ленточными ручками, порой, украшенные углубленным или шнуровым орнаментом, налепным валиком по краям ручек и тулову (рис. 4.11. 1–6, 8, 10, 11). Некоторые из амфор характеризуются удлиненной или яйцевидной формой тулова, они соотносятся уже с финалом раннего периода, с серединой III тыс. до н. э. На внешней поверхности амфоры из Казаклии 3/13 (рис. 4.11. 14) – роспись, нанесенная темной краской (в виде бессистемных полос); возможная близость к гординештской стилистике оформления определила раннюю позицию этой амфоры, несмотря на несколько иную, чем в позднетрипольском керамическом комплексе, форму тулова. С этим этапом, по мнению М. Шмит, соотносятся и достаточно разнообразные амфоры из буджакских погребений, имеющие параллели в КША (рис. 4.10). Можно отметить амфоровидный красноглиняный сосуд с аркообразными ручками (рис. 4.7. 9). В то же время уже известны небольшого размера амфорки (амфоровидные сосуды) с ручками-налепами, которые являются одним из характерным типов керамики буджакской культуры. Они имеют чаще всего отогнутый наружу венчик, округлое или удлиненное тулово, плоское дно, «язычковые» или псевдотуннельные ручки.

Кубки и кубковидные сосуды немногочисленны, но разнообразны, некоторые орнаментированы. Два сосуда со слегка расширяющимся горлом и высоко расположенными плечами, украшены рядами параллельных линий и отпечатками приостренной палочки в месте перехода от горла к тулову (рис. 4.12. 2, 3). Выделяется экземпляр из Дивизии II 5/8, с высоким расширяющимся горлом и елочкой из отпечатков шнура на плечиках (рис. 4.7. 15). Вероятно, к раннему этапу относится и какая-то часть неорнаментированных кубков.

Чаши и чашевидные сосуды с плоским или округлым дном, орнаментированные и без орнамента, распространены в буджакской культуре с раннего ее этапа. Орнаментированные чаши не составляют устойчивых серий, представлены единичными экземплярами. К таким относятся чаша из плотной глины, высоких пропорций с елочным орнаментом, нанесенным штампом, найденная в Новоградковке 2/9 (рис. 4.7. 3). Другая, происходящая из Новоградковки 5/4, украшена параллельными линиями и треугольниками, составленными из округлых отпечатков (рис. 4.7. 10). Две чаши биконической формы (рис. 4.7. 16) с закрытым устьем украшены шнуровым орнаментом в виде семиконечных звезд на днище (Курчи 3/8, Светлый 1/10).

Миски также известны с орнаментом и без него, выделяется достаточно своеобразный экземпляр из погребения Маяки III, 1/8, украшенный горизонтальными отпечатками шнура.

Кувшины и чашечка имеют петлевидные ручки, кувшины отличаются не только размером, но и выделенным венчиком, к краю которого крепилась петлевидная ручка (рис. 4.8. 1, 2).

Редкие формы керамики единичны. Это – фрагмент тонкостенного крупного сосуда из хорошо отмученной серой глины с продолговатым вертикальным налепом, происходящий из погребения Нерушай 9/9 (рис. 4.7. 1). Кратеровидные сосуды (рис. 4.8. 3, 4) с широким устьем и ручками-налепами на тулове, лощеной поверхностью сероватого цвета найдены в двух погребениях (Казаклия 8/5, Тараклия 14/1). Сосуд с высоким горлом и небольшими ручками у края венчика (Тараклия 14/16) известен в единственном экземпляре (рис. 4.7. 12),

хотя имеется достаточно грубое ему подражание – Дзинилор 9/12 (рис. 4.7, 13). С ранним этапом связывается и крупного размера аск с асимметричным туловом из кургана у с. Матроска.

Среди других артефактов раннего этапа выделяются изделия из металлов. Из меди/бронзы изготовлены трубчатые пронизи, небольшого размера (1–2 см) и удлиненные (3–4 см), спиралевидные подвески, ножи и шилья. Ножи известны двух типов – ножи-«бритвы» с параллельными лезвиями и ножи с овальным лезвием. Серебряные подвески-спирали (с различным количеством витков) появляются уже в первой четверти III тыс. до н. э., на это указывают радиоуглеродная дата (Курчи 20/16) и нахождение подвесок в одном стратиграфическом горизонте с амфорой раннего облика (Яблона 1/17). К середине III тыс. до н. э. распространяется новый тип подвесок (Зимнича), известны сочетания в одном комплексе подвесок двух типов.

В группе костяных изделий – лощило, бусины подцилиндрической формы, молоточковидные булавки. Изделия из кремня невыразительны и представлены, в основном, отщепами, хотя в одном захоронении их может находиться несколько десятков (Никольское 1/33). Из кремневых изделий известны нож и наконечник стрелы. Среди изделий из камня – каменный шлифованный топор, датирующийся 29 в. до н. э. (Бараново 1/10, дата не опубликована), растиральник, оселок, отметим и каменные перекрытия погребальных камер, каменные ящики, кромлехи, встречающиеся на раннем этапе. Часть антропоморфных стел найдена в курганах, где отсутствовали кромлехи, что исключает возможность их вторичного использования, предполагая специальное изготовление непосредственно буджакскими племенами. С этим же периодом соотносятся повозки, для некоторых из них (Курчи 20/16; Новоселица 19/16) имеются радиоуглеродные даты (табл. 2.1).

4.4.2. Контакты и связи на раннем этапе.

Помимо влияния культур местного энеолита и раннего бронзового века, которые мы отметили выше, на раннем этапе буджакской культуры реконструируется довольно широкий спектр контактов – как с Днепро-Бугской группой ямной КИО, так и культурами Юго-Восточной и Центральной Европы.

Наиболее выразительны в это время связи буджакской культуры с ***Балкано-Дунайским регионом*** (рис. 4.13). Банки и банковидные сосуды, возможно, могли быть связаны происхождением с посудой культур Коцофени и Костолац, где известны сходные (неорнаментированные) формы. Вероятно, с культурой Костолац может быть связан и фрагмент крупного сосуда с продолговатым вертикальным налепом (Нерушай 9/9). Восточная граница культуры Костолац проходила в Олтении; Н. Тасич отмечает курганы ямной культуры в Сербии, в ареале культуры Костолац, в том числе и на территории поселений, и предполагает контакты населения двух культур (Tasic, 1995). П. Роман включает сосуды сходного с буджакскими банками облика в тип XVII (Roman, 1976, p. 133, pl. 32. 8); в чем-то близки типы Ib2 (Roman, 1976, p. 117, pl. 12, 18) и IId (Roman, 1976, p. 120, pl. 15. 8, 14, 15). Они распространены во всем ареале культуры Коцофени, в том числе и на юге, в Подунавье (Коцофени-Магура болгарских археологов), где, скорее всего, и могли иметь место контакты двух культур. Отчасти близки неорнаментированным банкам чаши усечено-конического облика высоких пропорций, такие чаши П. Роман выделяет в тип XXV (Roman, 1976, p. 134, pl. 34. 5). Все же банки (достаточно разных форм) получили широкое распространение именно в буджакской среде, уже на раннем этапе на них появляется шнуровая орнаментация, украшающая всю поверхность сосуда, порой – в сочетании с отпечатками полой трубочки. Такой сосуд был найден в одном комплексе с амфоркой, соотносимой с КША – Ефимовка 2/14 (рис. 4.17. 14–16). Заметим, что сходный тип орнаментации сосудов известен на керамике донецкой катакомбной культуры Нижнего Подонья (Братченко, 1976, с. 38, рис. 15. 4; с. 40, рис. 17. 4; с. 44, рис. 20. 4, 8). Для трех банок, орнаментированных и без орнамента), имеются радиоуглеродные даты –Новоселица 19/19, Вапнярка 4/16, Старые Беляры 1/14 (рис. 4.18. 12–16), укладывающиеся в первую половину III тыс. до н. э. В могильнике Новоградковка сочетаются элементы керамики

позднего этапа Коцофени и катакомбных культур Подонья (глиняные неорнаментированные воронки раннего типа), что позволяет датировать его серединой III тыс. до н. э.

Два кубка с ручками у венчика также, по-видимому, связаны с культурой Коцофени (рис. 4.7. 12, 13), один является импортом (Тараклия 14/16), другой – достаточно грубым подражанием (Дзинилор 9/12). Уникальная амфора с аркообразными ручками (рис. 4.7. 9) связана происхождением с культурой Коцофени; П. Роман выделяет такую посуду в тип IXa (Roman, 1976, p. 130, pl. 27).

Только в ранних комплексах выявлен подтип чаш подцилиндрической формы (рис. 4.7. 2, 4). П. Роман относит сосуды такого облика к типу VIIa2 культуры Коцофени (Roman, 1976, p. 129, pl. 26). Эти формы неизвестны к востоку от Южного Буга: выделенные О.Г. Шапошниковой в особый отдел (V Б) единичные экземпляры связаны с правым (западным) берегом Южного Буга, и, следовательно, относятся к буджакской культуре (Шапошникова и др., 1986, с. 43, рис. 15). Две орнаментированные чаши (Новоградковка 2/9; Новоградковка 5/4), имеют аналогии в керамике позднего этапа культуры Коцофени. Одна из них – высоких пропорций с елочным орнаментом, нанесенным клиновидным штампом (рис. 4.7. 3), для посуды Коцофени более характерна вертикальная зональность такого вида орнаментации, хотя на позднем этапе (Коцофени III) распространяется и горизонтальная «ёлочка». Другая чаша, украшена точечным орнаментом («птичье перо»), аналогии такому орнаменту можно видеть на позднем этапе культуры Коцофени – фаза III a, причем как по технике, так по стилю и мотивам (рис. 4.7. 10).

Плоскодонные горшки буджакского керамического комплекса на раннем этапе характеризуются не только разнообразием, но и параллелями отдельных типов с синхронными культурами Карпато-Подунавья. Это – сосуды с насечками по краю венчика или по тулову, ногтевыми вдавлениями, налепными «горошинками» по плечам, которые могут быть связаны с традициями культуры Чернавода II и Коцофени (рис. 4.8. 5–10). Единичные горшки такого облика, отнесенные О.Г. Шапошниковой к отделу VA южнобугского варианта ямной КИО (Шапошникова и др., 1986, с. 42, рис. 15), происходят из памятников, расположенных на правом берегу Южного Буга и должны быть рассмотрены в рамках буджакской культуры.

В работах, посвященных раннему бронзовому веку Северо-Западного Причерноморья определенное внимание уделяется группе амфор крупных размеров со сферическим и овальным туловом, но интерпретация их, на наш взгляд не вполне определенна. Так, В.А. Дергачев соотносил амфоры, с ранним (днестровским, по терминологии автора) этапом ямной культуры (Дергачев, 1999, с. 208, рис. 28). При этом он отмечал близость амфор, украшенных налепными валиками, амфорам придунайской культуры Фолтешти II, а также амфорам КШК Богемии. Происхождение типов остальных амфор (которые он не вполне удачно назвал «шаровидные») исследователь связывал с сосудами КШК и с амфорами позднетрипольского керамического комплекса (Дергачев, 1986, с. 46, 82). Е.В. Яровой определяет такие амфоры как «шнуровые» (Яровой, 1985, с. 85–86) или овоидные (Яровой, 2000, с. 22). По его мнению, основные находки этих амфор связаны с так называемыми «постъямными» памятниками, в группе ямных памятников он отмечает лишь единичный случай находки подобной амфоры (Яровой, 2000, с.22–24). И.Л. Алексеева полагает, что ранними являются неорнаментированные амфоры с яйцевидным корпусом, аналогии им исследовательница видит в культуре Чернавода I и Фолтешть. Поздними она считает амфоры, украшенные шнуровым орнаментом, валиком у основания горла, насечками, отмечая при этом аналогии с культурой Чернавода III, что не может соответствовать хронологической позиции этих культур (Алексеева, 1992, с. 71–75).

Таким образом, мнения различных исследователей достаточно противоречивы и не всегда отвечают представлениям о хронологии Балкано-Дунайских культур, принятым в настоящее время (Görsdorf, Bojadžiev, 1996; Nikolova L., 2001).

На наш взгляд, часть этих амфор, как и амфор из керамического комплекса усатовской культуры, находят аналогии среди культур Карпато-Балканского региона,

причем, в достаточно широком хронологическом диапазоне (рис. 4.37–4.38). Вероятным является восприятие этой формы посуды населением усатовской и буджакской культур из близких источников, но в разное время. Оформление валиком (зачастую расчлененным), встречающееся в этой группе амфор, характерно для культур Фолтешть II-Чернавода II. Такое оформление изредка встречается во многих культурах эпохи бронзы истро-понтийского региона и к югу от Дуная: Глина, Жигодин, Ливезиль, Забала, Монтеору Ic4, Шнекнеберг А3 и В, Богданешти (Vasiliu, 2007, с. 115–116), а также в буджакской и катакомбной культурах степного Причерноморья. В то же время вертикальные валики на амфорах известны в конце фазы А1 – начале фазы В1 культуры Эзеро (Георгиев и др., 1979, с. 323, таб. 160). Именно из ареала культуры Эзеро предполагается распространение этой орнаментации к югу, вплоть до Греции, где он распространяется в комплексах Пефкакия–Магула (Vasiliu, 2007, с. 117).

Имеющиеся на части амфор ленточные ручки с валиками по краям, заходящими на тулово, ручки, украшенные канелюрами, известны в культурах Езерово II (рис. 4.37. 4–5) и Чернавода II-Фолтешть II (рис. 4.38. 9–11), но отсутствуют в усатовской культуре. Их происхождение исследователи связывают с культурой Чернавода III (Nikolova L., 1999), где были широко распространены ручки с каннелюрами (рис. 4.39. 8,9). М. Дину отмечает, что появление подобных ручек в культуре Глина III связано с восприятием ею традиций культуры Чернавода II, которую считают одним из компонентов Глины III (Dinu, 1974, p. 271). Такого облика амфоры предлагают выделять в тип Ливезиль (Ciugudean, 2011, p. 33 pl. 12). Ф. Буртанеску в качестве аналогий овальным амфорам вытянутых пропорций Северо-Западного Причерноморья приводит экземпляры, связанные с культурными группами Тырпешти (рис. 4.38. 17) и Забала (рис. 4.38. 12), которые, в свою очередь, сопоставимы с сосудами Фолтешть и Городиштя-Гординешти (Burtănescu, 2002, p. 166). Но они имеют лишь отдаленное сходство с «овальными» амфорами Северо-Западного Причерноморья. По мнению доктора Роксаны Мунтяну (Румыния), с нижнедунайской культурной группой Алдешти связаны амфоры из Болграда 3/1 (рис. 4.8. 14) и Плавни 12/9 (рис. 4.8. 15).

Синкретизм и сочетание разных традиций в рамках одного комплекса указывают, вероятно, на местное происхождение большинства амфор подобного облика. Например, в погребении Градешка I, 5/11 найдены две разнохарактерные амфоры. Одна из них, со сферической формы туловом, оформлена расчлененными валиками по краю ручек и на тулове (рис. 4.9. 13). Форма тулова и четыре крупных налепа приближают вторую амфору (рис. 4.11. 20) к выделяемому М. Шмит типу VIIB, который в Восточной Европе является трансформацией амфор КША с четырьмя ручками (Szmyt, 1999, 127, fig. 38). В то же время она имеет сходство со шнуровыми амфорами из Средней Германии (Matthias, 1982). Отметим, что сами ручки, т. н. «язычковые», уплощенные, сильно приподнятые вверх, почти не известны на других сосудах региона и сопоставимы с культурой Эзеро.

Некоторые редкие формы керамики также связаны с ранним этапом. Кратеровидные сосуды (рис. 4.8. 3, 4) являются импортом из ареала культуры Чернавода II (Agulnikov, 1995). Импортом является также и аск, сопоставимый с подобными экземплярами культуры Езерово II (рис. 4.8. 13). Причем аск демонстрирует связи достаточного раннего характера, поскольку исследователи (доктор И. Илиев и доктор Ст. Александров, Болгария) датируют его началом бронзового века Болгарии, этапом Эзеро А1 – между Чернавода III и Чернавода II. Перечисленные особенности позволяют отнести эту группу сосудов к первой половине III тыс. до н. э.

Подводя итоги, можно сослаться на мнение доктора Л. Николовой (Болгария), которая видит в буджакских сосудах восприятие и переработку отдельных элементов культур Балкано-Дунайского круга, а не импорт или копирование целых форм. Анализ ряда артефактов из меди/бронзы позволил определить источник поступления металлов в буджакскую среду – это металлургический очаг Эзеро, хотя специфику придает повышенное содержание свинца (Каменский, 1990, с. 247–248). Происхождение чистой меди связывают с Балканами, также предполагаются связи с месторождениями Кавказа и Южного Урала

(Ольговский, 1988, с. 139–140). Технологические схемы изготовления некоторых буджакских металлических артефактов имеют достаточно широкий территориальный и временной диапазон и встречаются как в северном, так и в южном блоке культур ЦМП (Орловская, 1990, с. 243). Следует рассмотреть и возможную связь металлургии культуры Коцофени и буджакской культуры; среди общих категорий вещей можно выделить сходного облика тесла и шилья (Roman, 1976, p. 113, pl. 8; Ciugudean, 2002, p. 104–105, pl. 1,2; Субботин, 2003, с. 224, табл. 41; с. 226, табл. 43). Исследователи отмечают тесные контакты с культурой Коцофени ямного населения Подунавья и Горной Фракии (Панайотов, 1989, с. 164), поэтому приоритет этих связей в буджакской культуре вполне закономерен. По мнению С. Игнатовой (Болгария), в культурах Эзеро и Юнаците имеются аналогии каменным шлифованным топорам удлиненных форм, в том числе и редкого типа с канеллюрами из погребения Бараново 1/10. В Балкано-Карпатским ареале (Трансильвания?), вероятно, находятся и источники буджакского серебра; наличие в регионе серебряных украшений уже на раннем этапе подтверждается радиоуглеродными датами (Иванова и др., 2005, с. 127, табл. 1). Незначительная часть желтого кремня, возможно, поступала в Северо-Западное Причерноморье из Добруджи (Субботин, 2003, с. 12–13).

Центральноевропейские связи. В керамическом комплексе буджакского населения имеется группа сосудов, преимущественно, амфор, которая имеет параллели в центральноевропейских культурах. Часть из них связана своим происхождением с культурой шаровидных амфор, они неоднократно и подробно рассматривались в научной литературе (Szmyt, 1999; 2000; 2002; 2009; Kośko, Szmyt, 2009). Выделяются импорты и подражания, фиксируются синкретические формы и проявление отдельных черт погребальной обрядности. Наиболее интенсивные связи между ямным (в первую очередь – буджакским) населением и обитавшей в непосредственной близости восточной группой КША, скорее всего, имели место в хронологическом диапазоне 2700–2500 ВС. Эти взаимосвязи привели к определенным культурным трансформациям (Szmyt, 2000, p. 461). М. Шмит отмечает в Северо-Западном Причерноморье сосуды, в форме и орнаментации которых отразились связи ямной КИО (т.е. буджакской культуры) и КША. Близки по форме сосуды из захоронений Ефимовка 2/14, Корпач 2/7 Окница (Каменка) 3/14, Новоселица 19/13, Маркулешты 3/4, Татарбунары 1/2, по оформлению – из погребений Корпач 2/7, Орхей 1/3, Каменка 445/7 (рис. 4.10). При этом сосуды из северных областей (Каменка, Корпач, Маркулешты и Орхей) имеют больше сходства с керамикой КША, чем сосуды из погребений прибрежных территорий (Szmyt, 1999, p. 152–154). Известны на раннем этапе горшки со шнуровой орнаментацией, стиль оформления которых сопоставим с керамикой культуры шаровидных амфор (рис. 4.10. 11–13). Аналогии выделенной посуде можно найти в подольской и волынской группах КША, вполне вероятна связь с сиретской группой КША, демонстрирующей достаточно ранние даты (Szmyt, 2009, 242–244), на это направление связей указывает, к примеру, амфора из захоронения Мокра 3/4, которая, как полагают авторы раскопок, является импортом из ареала сиретской группы (Кашуба и др. 2001–2002).

С КША связывают и кремневые топоры-тесла (Szmyt, 1999, p. 152), хотя с ними ситуация не так однозначна, учитывая распространение сходных изделий в культурах шнуровой керамики. Однако отсутствие тщательной обработки, шлифовки, заполированности, характерной для изделий КША, позволяет нам соотнести их с кругом культур шнуровой керамики; сходной точки зрения придерживается и С.Н. Разумов (Разумов, 2010, с. 17). Но уяснить хронологическую позицию большинства из них, исходя из стратиграфических данных или сопутствующего инвентаря, не представляется возможным. Их можно относить и к раннему, и к позднему этапам буджакской культуры в равной степени. М. Шмит выделяет и некоторые захоронения в каменных ящиках, которые, возможно, являются отражением связей с КША: Санжейка 1/1, Татарбунары 1/2 (Szmyt, 1999, p. 161–164). Резюмируя свои наблюдения, исследовательница отмечает, что прямые контакты населения КША и ямной культуры наблюдались только в двух регионах лесостепи – на правом берегу Среднего Днепра и в ареале между Прутом и Днестром (Szmyt, 1999, p.

184). Предполагается, что прослеживаются разнообразные контакты населения ямной культурно-исторической общности с племенами восточной группы культуры шаровидных амфор, продвинувшимися в причерноморский регион: соседские связи, семейный обмен, диффузия идей, военные конфликты. «Тактика контактов» в первой половине III тыс. до н. э. проявляется не только в приграничных регионах, регистрируется проникновение отдельных представителей КША глубоко в степь (Szmyt, 2009, p. 242–244). В то же время дальнедистанционные контакты проявляются и в движении ямного населения в ареал Великопольской низменности (Kośko, Szmyt, 2009, p. 212; Bátora, 2006, s. 190, obr. 134). Предполагается роль племен КША в распространении инноваций из отдельных ареалов степной зоны. В частности, с ней связывают появление усатовских черт в культуре Злота (Szmyt, 1999, p. 204; Wlodarczak, 2008, s. 520, ryc. 3).

Как мы отмечали выше, часть амфор из буджакских погребений, по мнению В.А. Дергачева, могут быть связаны с кругом шнуровых культур и в то же время находят параллели и в памятниках позднейшего Триполья (Дергачев, 1986, с.82). Судя по всему, это те из них, для которых характерны сферическое тулово, расположение ручек в средней его части, короткий венчик, достаточно широкое дно, иногда – шнуровой орнамент, например Оланешты 14/1 (рис. 4.11. 2), Бурсучены 1/19 (рис. 4.11. 3), Яблона 1/1 (рис. 4.11. 12). П. Влодарчак видит в них черты и общеевропейского горизонта, и усатовской культуры, датируя в диапазоне 2800–2700 BC (Ivanova, Kośko, Włodarczak, 2013). Некоторые амфоры демонстрируют наличие лишь определенной шнуровой стилистики или параллелей – Белолесье, к.1 (рис. 4.11. 8). В интервале 2600–2500 BC, вероятно, датируется амфора из Тараклии II, 10/19, она проявляет сходство с амфорой из погребения Нойзидль-ам-Зее (рис. 4.34. 6), инвентарь этого погребения соотносят с вучедольской культурой. Часть амфор можно датировать первой половиной III тыс. до н. э., без более узких привязок, прослеживаются параллели с культурами шнуровой керамики в целом: Гура-Галбене 2/5, Бурсучены 1/19, Островное 2/12. Для них характерны сферическое или немного вытянутое тулово, высокий или короткий венчик, максимальной расширение тулова приходится на его середину или верхнюю треть (Гура-Галбене 2/5), ручки могут размещаться в средней части тулова или на плечах, на них могут быть каннелюры. На некоторых экземплярах имеется желобок в месте перехода венчика в тулово (Тараклия II, 10/19, Островное 2/12) или налепной валик (Гура-Галбене 2/5). Амфора из погребения Ясски 5/26 уникальна, ее остродонность, возможно, связана с влиянием Днепро-Бугского ареала ямной КИО, где известны небольшие остродонные амфорки (рис. 4.6). В качестве аналогии исследователи приводят амфору из Белозерки Херсонской области (Алексеева, 1992, с. 70, рис. 16.4). При этом внешний вид, глина, цвет и обработка поверхности амфоры из Ясски 5/26 близки амфоре из Огородного III, 1/16, отличаясь лишь формой дна. Погребение Гура-Галбене 2/5 (рис. 4.11. 1) выделяется не только амфорой шнурового облика, но и характерной для КШК позой погребенного. С другой стороны, эта амфора имеет сходство с амфорами из усатовских погребений, например, Пуркары 1/21 (Яровой, 1990, с. 67, рис. 29. 1). Отдельные экземпляры по некоторым характеристикам сопоставимы с ранним этапом моравской группы КШК, т.е. с финалом первой половины III тыс. до н. э. (Ефимовка 10/7, Каушаны 1/4, 1/18). На одном из них – рельефный валиковый орнамент в виде окружности на тулове, валик также опоясывает горло и по плечам спускается к ручкам Каушаны 1/4 (рис. 4.11. 5); на другом орнаментирован край венчика Каушаны 1/18 (рис. 4.11. 6). Дополнительным хронологическим репером для амфор из Каушан является находка в основном погребении кургана 1 серебряных подвесок типа Зимнича. Полагают, что культурный тип Зимнича мог выступать связующим звеном и в хронологическом, и в генетическом плане между культурами Чернавода II и Глина III-Шнекенберг (Schuster, 2000, S. 9–19). Следовательно, датировать его можно около середины III тыс. до н. э., к этому же времени, вероятно, относятся и амфоры из этого кургана. С общешнуровым горизонтом КШК (Machnik, 1979, s. 344, ryc. 207) сопоставимы два кубка (Траповка 6/20 и Бутор 9/3), поэтому мы сочли возможным, отнести их к раннему этапу буджакской культуры. По мнению доктора

П. Влодарчака (Институт археологии, г. Краков), они имеют параллели с типом B1 среднеевропейских кубков, по классификации М. Бухвальдека (Buchvaldek, 1966, S. 138, Abb. 5).

Исследователи предполагали поздний характер связей КШК в восточном ее ареале с другими культурами, и объяснению этому видели в культурной ситуации. Я. Махник считал, что восточная группа культуры шаровидных амфор, обитавшая на Подолии и Волыни, выступала своеобразным барьером и создавала препятствие для проникновения туда племен культур шнуровой керамики. Межкультурные контакты стали возможны лишь после упадка КША во второй половине III тыс. до н. э. (Machnik, 1979, S. 57; 1999, p. 222, 250). Если придерживаться этой гипотезы, следовало бы признать, что контакты между ямным населением Степной Украины (в том числе буджакской культуры) и племенами культур шнуровой керамики могли иметь место только после того, как исчезла культура шаровидных амфор. М. Шмит датирует ее в диапазоне 2950–2350 BC (Szmyt, 1999), в таком случае контакты со шнуровыми культурами могли бы иметь место лишь на финальном этапе буджакской культуры.

Мы полагаем, что можно говорить о ранних связях буджакской культуры с КШК, которым не препятствовали заселенные территории в Прикарпатье. Это подтверждают находки в Северо-Западном Причерноморье амфор и кубков, имеющих параллели в шнуровой керамике раннего облика, в том числе найденные на севере региона (к примеру, Яблона 1/1). Амфоры КША раннего облика известны и на территории Винницкой области (информация С.Н. Разумова), составляя, таким образом, одно из звеньев цепи, связывающей буджакскую культуру с культурами центральноевропейского круга. Полученные сведения указывают на то, что контакты между населением буджакской культуры и культурами шнуровой керамики происходили на протяжении всего III тыс. до н. э.

Две уникальные биконические чаши (Курчи 3/8, Светлый 1/10) с закрытым устьем и шнуровым орнаментом в виде семиконечных звезд на днище (рис. 4.7. 16) имеют аналогии в ареале культуры Баден (в позднебаденском слое на поселении Кошич-Барче, Словакия), не являясь, собственно, ее продукцией (Vladar, 2008, s. 79, obr. 3). Исследователь данного памятника отмечает определенные связи населения культуры Баден и ямных племен: восприятием ямных традиций он объясняет появление немногих сосудов, украшенных шнуровой орнаментацией, а также шероховатую поверхность некоторых экземпляров (Vladar, 2008, s. 86).

Возможно, в культуре воронковидных кубков имеет параллели сосуд из погребения Дивизия II, 2/5 (рис. 4.7. 15), на достаточно поздний характер анклавов КВК (вплоть до второй четверти III тыс. до н. э.) в западной части Волынской возвышенности указывает М. Шмит (Шмит, 2001–2002, с. 257).

Восточное направление связей менее выражено, чем западное. Происхождение округлодонных сосудов в Северо-Западном Причерноморье следует связывать с Буго-Днепровским междуречьем, где имеются аналогии практически всем типам (к тому же около половины этих сосудов были найдены в пограничье с южнобугским вариантом ямной КИО). По подсчетам О.Д. Мочалова, на территории Украины яйцевидная и круглодонная посуда составляет 45,7 % всей известной керамики. В основном, она локализуется в восточной части Украины, приближенной к Донскому бассейну, составляя в Днепро-Бугском междуречье около 30 %, а в Северо-Западном Причерноморье – лишь 1,8 % (Мочалов, 2009, с. 80). Заметим, что плоскодонные горшки южнобугского варианта ямной культуры в большинстве своем генетически связаны с местными круглодонными и яйцевидными сосудами, отличаясь лишь уплощенным или плоским дном, подобные им формы неизвестны в Северо-Западном Причерноморье (рис. 4.6, отдел II Б). Тем не менее, некоторые типы плоскодонных горшков двух регионов имеют сходство. В основном это – неорнаментированные горшки стройных пропорций с отогнутым наружу венчиком (рис. 4.6, отдел I Б).

Несмотря на то, что амфоры известны и в Днепро-Бугском ареале ямной КИО, отличия между южнобугскими и буджакскими формами очевидны. Первые характеризуются

яйцевидным, скошенным ко дну туловом, петлевидными трубчатыми ручками или плоскими ручками с горизонтальными проколами; имеются экземпляры с округлым дном. Конфигурация тулова некоторых разновидностей амфор напоминает горшки южнобугского варианта. Такие типы в Северо-Западном Причерноморье единичны (рис. 4.6, отделы III А и III Б). Для буджакской культуры более характерны амфорки с округлым туловом и иными формами ручек, хотя наблюдается достаточное разнообразие форм. Чаши и чашевидные сосуды, с коническим туловом, с плоским или округлым дном имеют широкий хронологический диапазон бытования. Они известны и в усатовской культуре (Патокова и др. 1989, с. 106, рис. 36), и в майкопской (Кореневский, 2004, с. 173, рис. 43; с. 197, рис. 69. 1–12) и в бабинской (Савва, 1992, с. 35, рис. 8), и в буджакской (Яровой, 1985, с. 86, рис. 20. 1–3), и в ареале ямной КИО – например, в южнобугском варианте (рис. 4.6), в материалах верхнего слоя Михайловского поселения (Коробкова, Шапошникова, 2005, с. 73, рис. 38).

На востоке (Днепро-Бугский ареал) можно найти параллели в оформлении единичного плоскодонного сосуда высоких пропорций с гребенчатым орнаментом, репинского облика (Черноморка, курган 1).

С восточным регионом связано происхождение немногочисленных молоточковидных булавок, они имеют аналогии в погребениях и ямной и катакомбной КИО, в частности, и в южно-бугском локальном варианте (Шапошникова и др., 1986, с. 47–48). Для одного экземпляра (Старые Беляры 1/14) имеется радиоуглеродная дата: Ki-11209, BP 4030 ± 80 BP, 2855–2463 BC (Иванова и др., 2005, с. 142). Погребение Никольское 7/28 находилось в одном стратиграфическом горизонте с погребением с повозкой (Никольское 7/33). А.В. Николова полагает, что основная часть дат для повозок Северного Причерноморья укладывается в диапазон 2900–2500 ВС (Николова А.В., 2006, с. 85), в этом диапазоне, следовательно, можно датировать и погребение с булавкой, что соответствует и дате булавки из Старых Беляр. Третья булавка, достаточно редких (укороченных) пропорций, происходит из погребения Каменка 29/4, найденном на правом берегу Южного Буга. Она имеет сходство с экземпляром из захоронения в Блекендорф, Саксония-Анхальт. Захоронение сопровождалось раннешнуровым кубком, происхождение булавки связывают со степным Причерноморьем (Harrison, Heyd, 2007). Для него имеется дата KIA-162, 4080 ± 20 bp (Dresely, Müller 2001, S. 305, Abb. 12), или (после калибровки программой OxCal 3.10) 2840–2570 BC. Таким образом, распространение молоточковидных булавок в западном ареале следует признать достаточно ранним.

Из орудий труда отметим кремневый серп из пятнистого кремня, происходящий из захоронения Утконосовка 1/6, который, по мнению С.Н. Разумова, сходен с изделиями Михайловского поселения, также маркируя восточные связи буджакских племен. Полагают, что медные или бронзовые ножи-бритвы (Тараклии 10/19) имеют аналогии среди находок на поселении Михайловка (Коробкова, Шапошникова, 2005, с. 226, рис. 119. 23), в кургане у с. Балки Запорожской области, в Павловском могильнике Воронежской области, могильнике Герасимовка Оренбургской области (Орловская, 1990, с. 242). В то же время отмечают, что такие типы характерны для культуры Эзеро (Рындина, Дегтярева, 2002, с. 109), но предполагается их местное производстве в среде ямных племен (Кореневский, 1976; Николова А.В., Черных Л.А., 2012, с. 319). В Тараклии II 10/19 совместно с ножом-бритвой была найдена амфора шнурового облика, которую, по мнению П. Влодарчака, можно отнести к 2600–2500 ВС, что позволяет датировать весь комплекс в достаточно узком хронологическом диапазоне. Этим же временным отрезком исследователи датируют данный нож и исходя из обрядовых аналогий (Николова А.В., Черных Л.А., 2012, с. 313).

В.Ф. Петрунь определил сырье, из которого изготовлен топор с канелюрами из Бараново 1/10 как жильно-дайковую породу типа широко распространенных на Украине и сопредельных территориях групп базальтов, долерито-диабазов и габбро-диабазов. Ориентируясь на территориальную близость к месту расположения кургана основных магматических пород в пределах Украинского кристаллического щита, исследователь полагает, что можно допустить два варианта происхождения сырья топора. Во-первых, это

могут быть обнажения диабазов, простирающиеся от долины Днепра (от устья р. Самары), через область среднего течения Ингульца и Ингула до Южного Буга в районе р. Сороки, т.е. вдоль 48 параллели, во-вторых – Приазовский район (Петрунь, 2005, с. 202–203). Наличие нуклеусов и отщепов говорит о существовании местной кремневой индустрии, хотя есть вещи и импортного происхождения.

Для трех янтарных бусин из захоронения Холмское 2/8 источник происхождения не установлен, они уникальны для всего ареала ямной КИО. К раннему этапу мы отнесли этот комплекс по той причине, что находка янтарной бусины известна и в Усатово (Патокова и др., 1989, с. 102). Кварцевая бусина из могильника Градешка I, 5/1, скорее всего, связана с побужскими или приазовскими небольшими месторождениями Украинского щита, хотя и допускается ее происхождение с острова Наксос (Петрунь, 2000, с. 181).

4.5. Поздний этап буджакской культуры (вторая половина III тыс. до н. э.)

Во второй половине III тыс. до н. э. в культурной ситуации в Северо-Западном Причерноморье происходят определенные изменения. Ослабление или закат соседних культур предыдущего этапа, появление новых или перемещения уже известных – повлияли и на характер контактов и связей буджакских племен, и на облик материальной культуры в целом. В Северо-Западном Причерноморье в этот период по-прежнему доминирует буджакская культура, но, продвинувшись в середине III тыс. ВС с востока, распространяется катакомбное население, сосуществовавшее с буджакским в течение определенного времени. Изменения от раннего к позднему этапу проявляются в двух аспектах – развитие собственно буджакских характеристик и восприятие инокультурного влияния. Продолжаются связи с культурами шнуровой керамики, некоторое время – с культурой шаровидных амфор, устанавливаются контакты с культурами Глина III-Шнекенберг, Мако-Косиги-Чака. Культурные трансформации связаны с последней четвертью III тыс. до н. э., когда около 2200 до н. э. (также с востока) приходит новое население, сопоставимое с культурным кругом Бабино. Остатки буджакских и катакомбных племен, по-видимому, были ассимилированы пришельцами. Их история, как и история новых культурных образований Европы, связана уже со II тыс. до н. э.

4.5.1 Материальная культура позднего этапа.

Керамический комплекс на позднем этапе отличен от раннего: несмотря на существование тех же категорий посуды, но типы и варианты частично меняются. Разнообразнее становятся орудия труда, оружие, украшения (рис. 4.21; 4.23).

Горшки и горшковидные сосуды более унифицированы, представлены, преимущественно, неорнаментированными экземплярами стройных пропорций с высоким, отогнутым наружу венчиком, с максимальным расширением в средней части (рис. 2.19. 4–17). Некоторые горшки имеют выделенные плечи, расположенные в верхней части тулова и яйцевидной формы корпус (рис. 2.16. 11–23; 2.18. 1–4). В начальный период, видимо, сохраняются традиции раннего этапа – имеются немногочисленные горшки с защипами по тулову (имеющие прототипы в культуре Чернавода II), а также экземпляры с невысоким, слабо выраженным венчиком. Единичными случаями представлена шнуровая орнаментация (Баштановка 7/21). Часть горшков имеет приземистые пропорции.

Банки и банковидные сосуды представлены орнаментированными и неорнаментированными экземплярами, порой, они более приземистые, чем на раннем этапе, но, в целом, имеют сходный облик, выработавшийся ранее. Орнаментальные схемы, типы ручек аналогичны тем, что были известны на раннем этапе.

Амфоры и амфоровидные сосуды (рис. 4.11). К середине и второй половине III тыс. до н. э. можно отнести овальные экземпляры крупных амфор стройных пропорций, с высоким или коротким венчиком, чаще всего с узким дном (Траповка 1/18, Каменка 6/13, Каменка 3/13, Огородное III, к. 1, Саратены 2/10, Бурсучены 1/14). Последний экземпляр, вероятно, соотносятся с началом второй половины III тыс. до н. э., остальные датируются шире, в

диапазоне 2500–2200 ВС. Часть амфор имеет рельефный орнамент: в виде валика, опоясывающего основание венчика (Траповка 1/18, Каменка 6/18), валиков, соединяющих венчик с ручками (Траповка 1/18), валики-утолщения на ручках (Огородное III, к. 1), порой, эти валики продолжаются на верхней части тулова (Каменка 3/13, Каменка 6/18). На амфоре из Каменки 3/13, помимо двух традиционных ручек по бокам, между ними, на том же уровне, расположена третья ручка, представляющая собой традиционный для буджакских банок и амфорок уплощенный налеп с горизонтальным отверстием («язычковая ручка»). Две дополнительные («псевдотуннельные») ручки, по информации В. Синика, имеются на амфоре из кургана у с. Глиное (Республика Молдова, раскопки 2013 года).

В Северо-Западном Причерноморье орнаментация амфор распространена и на ранних, и на поздних типах амфор. Роспись (?) отсутствует в поздней группе, шнуровой и рельефный виды орнамента известны на раннем и позднем этапах буджакской культуры. Распространенным элементом являются валики, переходящие с ручек на тулово и имеющие вид «усов» или «рогов», реже встречаются валики, опоясывающие горло, валики, соединяющие основание венчика с ручками.

Асимметричное тулово имеет амфора из погребения Холмское 1/21 (рис. 4.9. 9). Трубчатые ручки, соединяющие край венчика с плечиками, и округлое дно отличают экземпляр из Ковалевки VII, 1/24, с правобережья Южного Буга (рис. 4.9. 7).

И, наконец, продолжают бытовать различные типы собственно буджакских амфорок (или амфоровидных сосудов) – как приземистых, так и стройных пропорций, с разными формами ручек, орнаментированных и без орнамента. Среди них имеется несколько экземпляров с редкими для региона трубчатыми петлевидными ручками. Помимо традиционных округлых форм тулова, появляются экземпляры, повторяющие очертания горшков или кубков, некоторые отчасти близки банковидным сосудам, хотя, в отличие от банок, они имеют выделенное горло (рис. 2.25. 6,7). Мы включаем их в данную категорию, исходя из приведенного ранее определения амфоры как двуручного сосуда с выделенным горлом.

Кубки достаточно разнообразны и имеют разные размеры, некоторые экземпляры достаточно крупные. Чаще это – неорнаментированные экземпляры, в одном случае (Холмское 1/16) – с выраженным ребром (рис. 2.28. 3). Часть сосудов достаточно стройных пропорций оформлена отпечатками шнура, размещенными на венчике и на тулове (рис. 4.12). Обычно на венчике расположены горизонтальные отпечатки шнура, на тулове – косые или в виде треугольников (Курчи 3/9, Холодная балка 1/13); имеются экземпляры, где на венчике, помимо горизонтальных линий, есть зигзаг (Баштановка 7/12) или отсутствуют горизонтали, а орнаментация представляет собой «древовидную» композицию (Ефимовка 9/17, Траповка 4/5). Каждый сосуд по своему уникален, несмотря на общую стилистику. Венчик в большинстве случаев отогнут наружу, лишь один экземпляр имеет приземистое тулово с ребром и высокий венчик, край которого загнут вовнутрь (Мирное 1/12). Выделяется кубок из насыпи кургана 1 у с. Каменка, где орнамент из параллельных прочерченных линий порывает всю поверхность сосуда (Алексеева, 1992, с. 32, рис. 17.2).

Чаши и миски, преимущественно, плоскодонны, неорнаментированы и не имеют особых отличительных черт, хотя достаточно разнообразны по пропорциям и размерам. Одна из них отличается от традиционных форм наличием ручек, которые приподняты над венчиком (рис. 4.9. 8)

Кувшины украшены шнуровой и рельефной орнаментацией. Близки стилистически два экземпляра (рис. 4.9. 1, 2), которые, кроме петлевидной ручки, на противоположной от нее стороне имеют налепы, в одном случае – небольшие парные (Тараклия 16/5), в другом – уплощенный налеп с вертикальным отверстием, украшенный отпечатками шнура (Струмок 1/3).

Редкие формы керамики на позднем этапе представлены несколькими формами. Это – аски двух типов: тип Зимнича, с округлым туловом и скошенным горлом, и типом Нова Загора, без выделенного горла, подцилиндрическим туловом со скошенным венчиком (рис.

2.30). Выделяется сосуд, сохранившийся не полностью, с биконическим остroреберным туловом и шнуровой орнаментацией – Новые Раскаецы 1/4 (Яровой, 1990, с. 13, рис. 3, 5). Параллели ему в какой-то степени можно найти в кувшинах моравской группы КШК, однако фрагментарность находки не дает возможности для однозначных сопоставлений. Другой биконический сосуд крупных размеров имеет ручки-налепы в месте наибольшего расширения тулова имеет некоторые параллели в бабинской керамике (рис. 2.24. 21).

Изделия из металла, кости, камня, кремня более разнообразны, чем на раннем этапе. Появляется новый тип металлических ножей – с овальной конфигурацией клинка, тесло удлиненных пропорций, известны шилья, цельные браслеты, изготовленные из меди/бронзы. На рубеже раннего и позднего этапов буджакской культуры появляется еще один тип серебряных подвесок – в один оборот с несомкнутыми концами (тип Зимнича). Среди костяных изделий – не только украшения, но и скребок (шпатель) для обработки поверхности керамики, фрагмент мотыги. Из камня продолжают изготавливаться топоры, но имеется и новый тип оружия – булава. Намного разнообразнее ассортимент кремневых изделий, по сравнению с ранним этапом. Это и оружие (кремневые топоры и наконечники стрел), орудия труда (скребок, нож, пилка, отбойник), есть изделия из дерева (колчан, блюдо). В погребальном обряде продолжают использоваться стелы. Отсутствуют повозки, сопоставимые с этим хронологическим периодом, хотя радиоуглеродному анализу подверглись лишь некоторые экземпляры.

4.5.2. Контакты и связи на позднем этапе.

Балкано-Карпатское направление контактов. На позднем этапе буджакское население устанавливает связи с синхронными культурами Карпатского бассейна (рис. 4.14). Отметим, что отдельные экземпляры керамики из буджакских захоронений этого периода имеет параллели с несколькими культурами одновременно, и это не удивительно. Эти культуры Я. Махник включает в так называемую «Европейскую цивилизацию раннего бронзового века», а близость керамических типов и сходство металлических артефактов является одной из характерных черт этой общности (Machnik, 1991, p. 174–181).

С культурным горизонтом Зимнича, связывающим культуры Чернавода II и Глина III, сопоставимы находки большинства асков из Северо-Западного Причерноморья, к этому типу относит Я. Махник первый из обнаруженных в регионе сосудов этого типа – Глубокое 2/8 (Machnik, 1991, p. 18–19). Остальные экземпляры ему подобны, отличаясь оформлением перехода от венчика к тулову – зафиксированы ногтевые насечки и шарики-«горошинки» из глины. Характерно, что аск из Кубея 21/5 выполнен из плотной глины желтоватого цвета, имеет хорошо заглаженную поверхность, из подобной глины изготовлен остроreберный кубок, происходящий из погребения Холмское 1/16 (рис. 4.7. 14). Аналоги этому кубку (и нескольким другим, имеющим приостренное ребро) можно найти в культуре Глина III-Шнекенберг и – отчасти – в культурной группе Роша. Сопоставимы с керамикой Глина III-Шнекенберг и несколько других сосудов (рис. 4.9. 8–10): асимметричная амфорка с узким горлом из плотной розовой глины (Холмское 1/21), чаша с выступающими над венчиком ручками (Вишневое 17/36), горшок с группами тройных округлых налепов по плечам (Петродолинское 1/4). С культурой Глина III-Шнекенберг сопоставляет О.Г. Шапошникова находку аска в захоронении Ковалевка I, 3/2, на западном берегу Южного Буга (Шапошникова и др., 1986, с. 59). Но на наш взгляд, форма его, скорее характерна для культур Балкано-Подунавья; исследователи связывают их с горизонтом Нова Загора – Тей IV (Кънчева, 1990), т.е., с достаточно поздним временем – последней четвертью III тыс. до н. э., следовательно, он может быть отнесен уже к финалу буджакской культуры (рис. 4.9. 6).

Одноручные сосуды с плоскими ручками и налепами на противоположной стенке также демонстрируют связи буджакского населения с Балкано-Карпатским ареалом (рис. 4.9. 1, 2). Сосуды сходного облика были достаточно подробно проанализированы Ю.Я. Рассамакиным и А.В. Николовой. Авторы считают их производными от сосудов с асимметричными ручками, распространенных в ряде культур Карпатского бассейна во второй половине III тыс. до н. э. (Rassamakin, Nikolova A.V., 2008). Но в Карпатском регионе

известны и гораздо более близкие по стилистике формы, имеющие, при разной конфигурации тулова, ручку и налеп с противоположной стороны. Такой тип посуды распространен в культурах Мако-Косиги-Чака, Глина III-Шнекенберг, Чепель (Machnik, 1991; Frînculeasa, 2011, p.65, fig. 3. 2,8). Сходного облика сосуд с ручкой и небольшим налепом известен на памятнике раннего бронзового века Хотница-Османски Дол в Северной Болгарии (Krauss, 2006). Еще один аналогичный сосуд был найден в погребении Голяма Детелина 2/24 в северо-восточной Фракии (Кънчев, 1995). Аналог им происходит из погребения Тараклия 16/5 в Северо-Западном Причерноморье (рис. 4.9. 2). Исследователями отмечались возможные посреднические функции ямного населения в передаче культурных влияний, происходящих из Карпатского ареала, вдоль Дуная и далее на восток, в понтийские степи (Rassamakin, Nikolova A.V., 2008, p. 69). В таком случае речь может идти, преимущественно, о племенах буджакской культуры. В пользу такого предположения свидетельствует и типичная для буджакской культуры «язычковая» ручка-налеп со сквозным отверстием на сосуде из захоронения Струмок 1/3, оформление его и ручки оттисками шнура. Такая орнаментация отсутствует на сходных эксземплярах, найденных к западу от Северо-Западного Причерноморья, но известна на востоке (Rassamakin, Nikolova A.V., 2008, p. 80, pl. 4), возможно, указывая на роль буджакских племен в изменении стилистики сосуда.

Часть амфор позднего этапа на наш взгляд, проявляют сходство с культурой Мако-Косиги-Чака (например, Каменка 3/13, 6/18 и др.). В этом контексте интересно сопоставить амфору из поселения этой культуры Баттонья (Vollman, 2009, S. 284, Taf. 2.12) с амфорой из Каменки 3/13 (рис. 4.9. 15); обе амфоры имеют дополнительный налеп, помимо двух петлевидных ручек, но в Баттонье он расположен на горле амфоре, а в Каменке – на ее тулове, в последнем случае он имеет вид типичной ручки с вертикальным сквозным отверстием, которая известна на буджакских банках и амфорках. Доктор Й. Батора (Братислава, Словакия) отметил, что часть из них по форме тулова и расположению ручек может быть сопоставлена с амфорами культуры Мако-Косиги-Чака. По его мнению, именно с нею связано происхождение этого типа амфор и в КШК Центральной Европы. Амфора из Саратены 2/10 сходна с аналогичными сосудами культуры Шомодьвар-Винковци (Kalicz-Schreiber, 1989, S. 281, Abb. 3. 16).

Кружка со шнуровым орнаментом из Оланешты 1/28 имеет параллели в погребальном инвентаре захоронения с охрой в Хыршова, Румыния (Roman et al., 1992, Taf. 63.3), в Северо-Западном Причерноморье такой тип посуды встречен лишь однажды. Единичным экземпляром представлена и асимметричная амфора из погребения Холмское 1/21, которую можно соотнести с культурой Глина III-Шнекенберг (рис. 4.9. 9). С этой археологической культурой можно связать и находки некоторых кубков. Модификацией амфоры единецкой культуры, вероятно, является сосуд с трубчатыми ручками, соединяющими край венчика с плечиками, который происходит с правобережья Южного Буга, Ковалевка VIII, 1/24 (рис. 4.9. 7). Округлое дно его, вероятно, появилось под влиянием ямных круглодонных сосудов соседнего южнобугского варианта ямной культуры. Происхождение единецкой культуры В.А. Дергачев связывает с культурами Карпатской котловины (Дергачев, 1986, с. 117), а Я. Махник – с территорией Нижнего Дуная, предполагая продвижение на север вдоль Прута (Machnik, 1991, p.42). Предполагается ее частичная синхронность позднеямному этапу (Демченко, 2008).

Тесло удлиненных пропорций, имеющее, на первый взгляд, сходство с теслами из Рыбаковского клада (культурный круг Бабино), тем не менее, было найдено в погребении Коржово 4/4, определенном авторами раскопок как ямное (рис. 4.19. 3, 4). Отметим, что такой тип тесла известен на Балканах в составе клада из Козарац (для него имеется радиоуглеродная дата 2586–2466 BC), причем подобные тесла известны и на памятниках культуры Шомодьвар–Винковци (Bátora, 2006, p. 39–40, obr. 22, 234 p. 54). Поэтому вполне возможно отнесение этого погребения к позднему этапа буджакской культуры (датируя в диапазоне 2500–2200 BC), учитывая несомненно ямный, а не бабинский обряд самого захоронения, а также связи с культурами Балкано-Карпатского региона в этот период.

Впрочем, сопоставление с Рыбаковским кладом также может быть актуальным, поскольку Р.А. Литвиненко отмечал прослеженные им параллели в погребальном обряде ямной и бабинской культур Днестро-Прутского региона, чему не противоречит и стыковка радиуглеродных дат (Литвиненко, 2009, с. 18). Параллели сосуду с биконическим остроребернымтуловом и шнуровой орнаментацией (Новые Раскаецы 1/4), как отмечалось выше, в какой-то степени можно найти в кувшинах моравской группы КШК, однако отсутвие верхней части сосуда не дает достаточных оснований для реконструкции на нем ручки.

Вероятно, именно балканским, а не только шнуровым или катакомбным влиянием (Алексеева, 1984; Черняков, Тощев, 1985) следует объяснять концентрацию каменных шлифованных топоров в Северо–Западном Причерноморье. Сходные формы (каменные и медные) известны в памятниках энеолита и раннего бронзового века Балкан (Рындина, Дегтярева, 2002). А в отдалении от Балканского ареала, например, в ямных погребениях Буго-Ингульского междуречья (Шапошникова и др., 1986) или Поднепровья (Ковалева, 1984) находки топоров единичны, несмотря на близость к региону среднеднепровской культуры шнуровой керамики, где такие артефакты распространены. Аналогичным образом в бытовых памятниках доямного времени проушные топоры широко распространены были лишь в самой западной периферии степной зоны. На востоке были в употреблении лишь кремневые и каменные плоские топоры. Топоры катакомбной культуры отличны от буджакских, исключая несколько форм, достаточно широко распространенных в пространстве и времени.

Кроме того, западные связи маркирует кремневое сырье: отмечается, что незначительная часть желтого кремня, вероятно, поступала в Северо-Западное Причерноморье из Добруджи (Субботин, 2003, с. 12–13). Наличие нуклеусов и отщепов говорит о существовании местной кремневой индустрии, хотя есть вещи и импортного происхождения.

Центральноевропейское направление контактов. Поиск аналогий т. н. «шнуровым» (или «овоидным», «овальным») амфорам из погребений буджакской культуры продемонстрировал сложность однозначного решения проблемы. Ведь этот тип посуды характерен не только для круга шнуровых культур, но широко представлен в культурах Балкано-Дунайского ареала (рис. 4.37; 4.38). Там находят аналогии и ручки части амфор (рис. 4.39). Визуальное изучение доступных экземпляров этого типа амфор позволяет говорить о разных технологических приемах и, следовательно, о возможности разного происхождения некоторых их них. Некоторые имели терракотовый цвет и лощение (Градешка I, 5/1; Курчи 1/6). Плотное тесто, хорошо заглаженная, порой, подлощенная поверхность серого цвета характеризует амфоры из погребений Градешка 5/11, Ясски 5/26, Огородное III, к.1; другие же экземпляры отличала шероховатая поверхность и бежевый (Ефимовка 10/7) или розовый (Островное 2/2) цвет поверхности. Одни амфоры имеют сходство с посудой нескольких культур (Чернавода II, КШК), сопоставление других достаточно условно в силу явных отличий. Эти типы амфор имеют параллели не только в КШК, но и в культурах Карпатской котловины – Мако-Косиги-Чака (Каменка 3/13, 6/18, Траповка, к. 1), в центральнобалканском ареале – Винковци (Саратены 2/10). Скорее всего, можно говорить о местном (но подражательном) производстве большинства амфор, с аналогиями в культурах Юго-Восточной и Центральной Европы, в основном – Балкано-Дунайского региона. Это проявилось и в оформлении амфор пластичным орнаментом, и в форме ручек, и в сочетании разнокультурных элементов в одном экземпляре. Особенно интересна в этом отношении амфора из Траповки 1/18 (рис. 4.9. 12), выполненная в шнуровых традициях, но имеющая слегка асимметричное тулово и скошенный венчик, что сближает ее с асками, известными в культура Нижнего Подунавья. Сосуд демонстрирует оригинальное сочетание нескольких керамических традиций и, вероятно, местное производство.

Достаточно редко амфоры вытянутых пропорций известны и собственно в комплексах культур шнуровой керамики (Buchvaldek, 1958). Тем не менее, форма тулова амфоры и стилистика ее оформления являются важным хронологическим признаком. Ранний этап (и «общеевропейский горизонт КША») характеризуется распространением амфор со сферическим туловом. Амфоры с удлиненным туловом являются несколько более поздними, их происхождение М. Бухвальдек связывает с культурами Нижнего Дуная, выделяя «дунайский тип», для которого характерен и рельефный (валиковый) орнамент, достаточно распространенный в синхронных культурах Нижнего Подунавья (Buchvaldek, 1997, S. 182). П. Влодарчак обращает внимание на тот факт, что «овальные» амфоры известны с раннего бронзового века практически во всей зоне Балкано-Карпатского бассейна, но в КШК обнаружены только в областях, прилегающих к зонам распространения ямной культуры – в Приднестровье и южных группах – Богемия, Моравия, Нижняя Австрия. При этом исследователь, выделяя «дунайский путь», отмечает и определенное влияние ямной культуры на формировании керамического комплекса в некоторых группах КШК. Именно посредством ямного населения культурами шнуровой керамики были восприняты типы амфор, характерные для карпатских культур и отдельные элементы погребальной обрядности. Более всего ямное влияние проявляется в моравской группе (Wlodarczak, 2010, p. 302).

Но направление по Дунаю или сквозь Карпатскую котловину, вероятно, не было единственным во взаимоотношениях буджакской культуры и культур шнуровой керамики. Находки на севере Республики Молдова амфор, сопоставимых со шнуровыми, маркируют северное направление контактов, вдоль Прута и Днестра. Исследователями отмечается Днестровский путь, связавший буджакскую культуру и КШК (Klochko, Kośko, 2009, p. 300). В этом контексте интересны находки в Среднем Поднестровье, в ямных погребениях Винницкой области (информация С.Н. Разумова). В курганном могильнике у с. Пороги найдены амфоры разного облика – как округлой формы, характерной для ранних типов КШК (Пороги 2/6), так и вытянутых пропорций, с расчлененным налепным валиком в основании венчика (Пороги 1/8). Возможно, эти погребения отмечают движение населения, связанного с разными культурными традициями. Уникальна ручка амфоры из Слободы Подлесской – в форме букрания, но, вполне вероятно, что с нею можно сопоставить ручки овоидных амфор Северо-Западного Причерноморья и сосудов культур Балкано-Карпатского бассейна – Чернавода III, Чернавода II, Глина III, на которых налепной валик достаточно схематично напоминает букрании (рис. 4.39).

Помимо параллелей в группе крупных амфор, отдельные элементы сходства, по мнению П. Влодарчака, прослеживаются и среди небольших амфорок и амфоровидных сосудов. Стилистика амфоровидного сосуда из Оланешты 1/15 (рис. 4.11. 19) сходна с сосудами среднегерманской группы КШК (рис. 4.16). Шнуровые традиции прослеживаются в оформлении амфорок Градешка I, 5/1 (рис. 4.11. 16), Михайловка 3/6 (рис. 4.11. 17), Никольское 16/16 (рис. 4.11. 18). Амфорка из Градешки I, 5/1 и фрагмент амфорки из Курчи 1/6 имели терракотовый цвет и лощение; их форма и оформление поверхности сопоставимы с центральноевропейскими экземплярами. Амфоровидный сосуд из погребения Пуркары 1/28 (рис. 4.11. 15) сходен с сосудом из позднешнурового погребения Викторов, к 8 (Machnik, 1960, s. 69–72). В свою очередь, он проявляет сходство с сосудами с территории Средней Германии (рис. 4.16), погребение с подобным сосудом датируется в диапазоне 2600–2500 BC: KI-4139, 3960 ± 85 bp (Dresely, Müller, 2001, S. 296, Abb. 3, S. 310, Abb. 17). Таким образом, вполне приемлема датировка сосуда из Пуркар серединой III тыс. до н. э. или несколько позже. Орнамент в виде заштрихованных треугольников, известный на некоторых «буджакских банках» (Семеновка 8/18), имеет параллели на сосудах из Средней Германии, из коплексов в районе Халле-Заале (Matthias, 1982, Taf. 60. 7; Buchvaldek, 1966, S. 133, Abb. 2), Богемии (Buchvaldek, 1966, S. 130, Abb. 1), хотя единичные случаи находок посуды со сходной орнаментацией зафиксированы на Сокальском кряже, где они являются импортом (Machnik, 2009, p. 215, fig. 1). Сходна стилистика в оформлении некоторых кубков Средней

Германии (Matthias, 1982, Taf. 54. 10; 109. 6) и Северо-Западного Причерноморья, в частности сосуда из Холодной балки 1/13 (рис. 4.12. 7), где горизонтальные отпечатки шнура (спиралью) расположены на венчике, а заштрихованные треугольникам вершинами вниз – на тулове. По мнению П. Влодарчака, влияние поздних культур круга КШК прослеживается на кубках из Баштановки 7/12, Курчи 3/9, Ефимовка 9/17, на местное производство их указывает не только форма сосудов, но и искажение орнаментальных схем, нарушение ритмики орнамента, расчленение горизонтального фриза зигзагом. Но тут следует отметить, что такие нарушения стандартов встречаются на перифериях КШК. Например, сходные «нестандартные» мотивы с нарушением орнаментального ритма зафиксированы на кубке, происходящем с территории крайней западной периферии КШК – из юго-западной части Германии, в ареале р. Таубер (Dresely, 2004, Taf. 10. 3). Горшок из погребения Баштановка 7/21, украшенный горизонтальными отпечатками шнура по прямому венчику и удлиненным зигзагом по тулову (рис. 4.12. 4) также имеет, по мнению П. Влодарчака, параллели в орнаментации на кубках поздней группы КШК Германии (Matthias, 1982, Taf. 29. 7).

Находки в буджакских погребениях кремневого оружия (топоры-тесла, наконечники стрел и дротиков), вероятно, в большинстве своем следует связывать с поздним этапом буджакской культуры. Исследователи считают, что все кремневые топоры-тесла с территории Северо-Западного Причерноморья, достаточно четко не дифференцируются и их можно предположительно относить и к КША, и к КШК (Szmyt, 2000, p. 453–455). Из всего комплекса каменных шлифованных топоров, по мнению В.В. Клочко, два могут быть сопоставлены со шнуровыми (Слободзея 1/19, Березино 1/2) и два определяются как ямно-катакомбные, типа Аккермень (Семеновка 8/16; Алкалия 5/6), указывая на их соотнесение со второй половиной III тыс. до н. э.

Выделяется два погребения, где представлены наборы оружия КШК: Пуркары 1/38 и Алкалия 33/3 (рис. 2.13). Полагают, что первое из них является свидетельством тесных контактов шнуровой и ямной (в данном случае – буджакской) культур позднего этапа (Клочко, 2006, с. 67). Во втором погребении набор оружия также можно считать позднешнуровым, хотя кремневый топор несколько короче шнуровых типов, а булава из черного диорита имеет сходство с катакомбными (Клочко 2006, с. 70). В то же время существует точка зрения, что наконечники стрел в раннем бронзовом веке не имеют четкой привязанности к определенным культурам (Разумов, 2010). Все виды оружия, в основном, концентрируются в Нижнем Поднестровье и в приморской части Буджака. Можно объяснять появление оружия в погребениях буджакской культуры на позднем ее этапе по-разному – и напряжением, возникшим в отношениями между различными группами населения, и заимствованием такого обычая из среды КШК, связи с которой достаточно выражены. По крайней мере, существует предположение о том, что миграции позднекатакомбного населения сопровождались резким всплеском милитаризации степи (Отрощенко и др., 2008, с. 274).

Прослеживается на позднем этапе и ***восточное направление связей*** буджакского населения – с носителями ямной КИО междуречья Южного Буга и Днепра. Округлодонный сосуд из погребения Нерушай 9/49, украшенный параллельными оттисками шнура (Шмаглий, Черняков, 1970, с. 21, рис. 15. 1), находит аналогии в ямной культуре Поднепровья – погребение Чкаловка I, 1/1 (Ковалева, Шалабудов, 1992, с.13, рис. 4. 4), а также в раннекатакомбных погребениях Северского Донца – Бирюково 4/7 (Братченко, 2001, с. 80, рис. 6. 8), Новоселовка 2/2 (Братченко, 2001, с. 98, рис. 24. 2). Плоскодонные горшки приземистых пропорций можно сопоставить с аналогичными формами, имеющимися в южнобугском варианте ямной КИО (Шапошникова и др., 1986, с. 41–22).

Сходен с изделиями, происходящими из слоя III Михайловского поселения (Коробкова, Шапошникова, 2005, с. 226, рис. 119. 22), нож из погребения Приморское 1/50 (Субботин, 2003, с. 225, рис. 42. 1). Остальные ножи (кинжалы), как и тесла, традиционны для ямной КИО, и в целом коллекция металлических артефактов из погребений Северо-

Западного Причерноморья морфологически соответствует циркумпонтийским категориям изделий (Орловская, 1990, с. 243).

Выявляются определенные контакты с Предкавказьем. Так, связи новотиторовской и буджакской культур отметил А.Н. Гей, считая, что они проявились и в круговой планировке подкурганных захоронений, и в керамической традиции – находках посуды, аналогичной банкам и некоторым другим сосудам буджакской культуры. Исходя из этого, исследователь предполагает участие новотиторовского населения в сложении буджакской культуры (Гей, 2000, с. 202). По-видимому, процесс был обратным, учитывая более ранний характер формирования буджакской культуры и достаточно выраженные западные аналогии (Костолац, Коцофени) буджакским банкам, этот тип посуды приводится А.Н. Геем в качестве свидетельств контактов (Гей, 2000, с. 143, рис. 43. 1). Кроме того, в новотиторовской керамике известны импорты или подражания не только собственно буджакской посуде, но и той посуде, которая и для территории Северо-Западного Причерноморья являлась импортом, будучи связанной и с культурой шаровидных амфор (Гей, 2000, с. 141, рис. 42. 2) и с культурами шнуровой керамики (Гей, 2000, с. 143, рис. 43. 3,10). По-видимому, буджакское население и в этой ситуации занималось трансфером инокультурных традиций, соединяя достаточно отдаленные ареалы. Орнамент на баночном сосуде из Лебеди 2/120 (Гей, 2000, с. 143, рис. 43. 6) выполнен в прочерченном, а не шнуровом стиле, как в Северо-Западном Причерноморье, но он, несомненно, схож с буджакским. Также отметим ручки с вертикальными проколами и поддон, отделенный бороздой, проведенной пальцем – то есть технологические приемы буджакского происхождения. Г.Н. Тощев высказал предположение о том, что Крым являлся транзитной территорией, связывающей степи Причерноморья с Предкавказьем (Тощев, 2007). Возможно, именно таким путем шло распространение буджакских традиций на восток. В этом контексте отметим погребение Источное 12/5 с кубком шнурового облика (Генинг, Корпусова, 1989, с. 33), аналогии которому есть в Северо-Западном Причерноморье, а также керамику из ямных погребений Крыма, сходную с буджакской (Тощев, 2007, с. 43, рис. 13. 10; с. 44, рис. 14. 1; с. 45, рис. 15. 7 и др.). А.В. Николова, анализируя ямную керамику степной Украины, указывает на сходство между Северо-Западным Причерноморьем, югом Херсонской области, Крымом (Ніколова А.В., Мамчич, 1997). И не случайным на фоне всех этих наблюдений выглядит распространение на этих территориях единого антропологического типа (Круц, 1997, с. 381) при достаточно пестрой картине антропологического состава населения ямной КИО (Круц, 1997, с. 380–383; Шишлина, 2007, с.121–122).

Но отметим и посредническую роль буджакского населения, благодаря которому связываются отдаленные регионы востока и запада. На это может указывать, к примеру, посуда карпатских культур, найденная вдали от мест её изготовления. Укажем на упоминавшийся сосуд культуры Мако из Софиевки 10/1, Херсонская область (Rassamakin, Nikolova A.V., 2008, p. 77, pl. 1). Интересны и сосуды из курганов Розкопана могила (Дружковка, Донецкая область), п. 13 (Полідович, 2011, с. 136, рис. 37. 3), Наташино 18/2, Крым (Тощев, 2007, с. 46, рис. 16. 5). Для первого из них (Софиевка 10/1) исследователи установили культурную принадлежность достаточно определенно. Для двух других мы можем указать аналогии – этот тип сосудов является одним из наиболее распространенных в культуре Глина (Ulanici, 1979, fig. 8. 3). Ю. Рассамакин и А. Николова предлагают несколько объяснений появления инокультурной керамики в ямных погребениях Степи, в том числе посредничество ямных племен (Rassamakin, Nikolova A.V., 2008, p. 69). Но в любом из отмеченных возможных вариантов в этих процессах должна была быть задействована территория Северо-Западного Причерноморья.

И, наконец, необходимо указать на буджакское наследие в бабинской культуре. Отчасти это проявляется в сходстве отдельных черт погребальной обрядности, на что в свое время обратил внимание Р.А. Литвиненко (Литвиненко, 2009, с. 18). В керамическом комплексе бабинской культуры имеются единичные находки банок, амфор, кубков. Эти

типы не характерны собственно для бабинской культуры, и, по-видимому, имеют истоки в буджакской керамике. Среди кубков есть грубо изготовленные экземпляры, что в какой-то степени традиционно для технологии изготовления посуды бабинского населения Северо-Западного Причерноморья, но встречаются и тонкостенные изделия, с хорошо заглаженной поверхностью. Некоторые из кубков найдены в погребениях со слабоскорченным положением скелета на боку (Петродолинское 2/1), которые исследователи относят к ранним (Савва, 1992, с. 145). Банка приземистых очертаний с насечками по венчику из бабинского погребения Струмок 5/6 является подражанием, поскольку техника ее изготовления является бабинской. Аналогией ей является сосуд из буджакского погребения Оланешты 1/26 (Яровой, 1990, с. 151, рис. 65. 2). При исследовании нами этого типа керамики выявлено, что в буджакской культуре при изготовлении банок стенки сосудов, как правило, крепились внахлест на дно, в банке из захоронения Струмок 5/6 наблюдается иной прием – края днища крепились снаружи к стенкам сосуда. Такая техника обычна при изготовлении бабинской керамики, при подобном креплении образуются закраины, которые заглаживаются с разной степенью тщательности. В сосуде из Струмка 5/6 закраина была нивелирована проведенной пальцем бороздой, таким приемом был выделен поддон. Несмотря на имитацию внешнего облика буджакской банки, красный цвет обжига, технологические приемы (как и грубое тесто) вполне соответствуют бабинской культуре. В могильнике Брэвичень выделяется группа погребений (курганы 4 и 16), сочетающая, по мнению исследователей, буджакские и бабинские черты погребальной обрядности (Ларина и др., 2008).

Источники сырья также отражают контакты населения. Среди находок из буджакских захоронений определены кремни, происходящие из нижнесеманских отложений среднего течения Днестра, а также Восточного Донбасса, Криворожского бассейна и отложений вдоль 48 параллели между Южным Бугом и Днепром. Халцедоновая пластина из Дубиново 1/5 и кремневый пластинчатый отщеп из Катаржино 1/16 близки кремневому сырью верхнесеманского возраста из долины Днестра, ниже по течению г. Могилева-Подольского. Пест-отбойник из погребения Ревова 3/4 изготовлен из кремнистой породы, выходы которой имеются в среднем течении Ингульца. Скребок из Ревова 3/7 изготовлен из сырья невысокого качества, обнажающегося в мергелях верхнемелового возраста в районе Лисичанск и Луганска (Восточный Донбасс) и восточнее, едва ли не до Поволжья (Петрунь, 2005, с. 200–202). Для этого погребения имеется радиоуглеродная дата, позволяющая отнести комплекс к позднему этапу буджакской культуры (Иванова и др., 2005, с. 62).

Таким образом, в развитии буджакской культуры можно выделить два хронологических этапа: ранний (3100 – 2600/2500 BC) и поздний (2600/2500 – 2200 BC). Отличительной чертой ее керамического комплекса является плоскодонность подавляющего большинства посуды. Уже на раннем этапе были выработаны специфические формы керамики, которые являются одними из определяющих при культурной атрибуции буджакских памятников – это так называемые буджакские банки, амфоры (преимущественно, сферических очертаний) и амфоровидные сосуды. Доминирующей формой керамики являлись горшки, в основном, стройных пропорций с небольшим, прямым или отогнутым наружу венчиком, в небольшом количестве были найдены округлодонные сосуды. Из других категорий посуды встречались кувшины, миски, чаши. Но среди чаш только на раннем этапе бытовал тип, характеризующийся туловом подцилиндрической формы. С этим же временем связаны металлические ножи определенной формы – «лопаткообразные» (или ножи-«бритвы») с прямоугольной или трапециевидной конфигурацией клинков, при этом встречались и ножи с овальным лезвием. В первой половине III тыс. до н. э. известны находки медных трубчатых пронизей, спиралевидных подвесок, шильев, а также украшений из серебра. С ранним этапом соотносятся находки в погребениях деталей деревянных повозок. Позы погребенных и черты ритуала достаточно разнообразны.

Материальная культура буджакского населения на позднем этапе несколько видоизменяется. В керамическом комплексе по-прежнему доминируют горшки и

горшковидные сосуды, но теперь они более унифицированы и представлены, преимущественно, неорнаментированными экземплярами стройных пропорций с высоким, отогнутым наружу венчиком, с максимальным расширением в средней части. Банки и банковидные сосуды, порой, более приземистые, чем на раннем этапе, но, в целом, имеют сходный облик, выработавшийся ранее. Среди амфор преобладают экземпляры стройных пропорций, с высоким или коротким венчиком, чаще всего с узким дном; амфоровидные сосуды не имеют выраженных отличий от раннего этапа. В целом, того же облика остаются чаши и миски. Среди кубков одним экземпляром представлен сосуд с острореберным туловом, известны кубки со шнуровой орнаментацией. Почти все аски также следует отнести к позднему этапу. Некоторые экземпляры посуды имеют параллели среди катакомбной и бабинской керамики, причем не только происходящей с Северо-Западного Причерноморья, но и с более отдаленных территорий. Расширяется ассортимент изделий из металла, кремня камня, кости, видоизменяются некоторые типы изделий. Медные/бронзовые ножи на позднем этапе характеризуются овальной формой клинка; к этому же этапу относятся цельные медные браслеты, тесло с удлиненным лезвием, неизвестные ранее. Среди изделий из камня новым типом является булава, среди кремневых – клиновидные топоры.

Таким образом, анализ археологического материала указывает на развитие и трансформацию материального комплекса буджакской культуры от раннего к позднему этапу, а также на изменение характера ее внешних связей.

4.6. Население катакомбных культур в Северо-Западном Причерноморье и его связи с культурным окружением

В керамическом комплексе катакомбного населения Северо-Западного Причерноморья проявляются восточное и западное направления связей, вполне естественным выглядит доминирование первого из них, поскольку памятники региона соотносятся, преимущественно, с ингульской культурой.

В ингульских погребениях имеются находки керамики других катакомбных культур. Сосуд с ёлочным орнаментом в раннекатакомбном захоронении Великозиминово 1/4 (рис. 3.11. 17) указывает на связи Северо-Западного Причерноморья с Поднепровьем и Нижним Подоньем, где такой тип посуды достаточно распространен (Братченко, 1976, с. 33; Братченко, 2003, с. 166, рис. 3; Болтрик и др., 1991, с. 80, рис. 13. 7; Кияшко А.В., 2002, рис. 106–111). Сосуд донецкой культуры найден в погребении 1/17 у с. Старые Беляры (рис. 3.11. 15), причем в кургане есть и собственно донецкие захоронения (Петренко, 1991, с. 80, рис. 25). Сосуд по особенностям орнаментации, вероятно, по аналогии с восточными регионами, относится к позднему этапу донецкой культуры. На такую хронологическую позицию этой группы посуды, по мнению исследователей, указывает отсутствие елочного орнамента между оттисками шнура на горле (Смирнов, 1996, с. 36; Цимиданов, 2011, с. 159–160). С восточными, предкавказскими, группами (включая манычский тип), связывает находку реповидного сосуда в погребении Холодная Балка 1/21 (рис. 3.13. 16) автор раскопок В.Г. Петренко, хотя он не исключает синкретичный характер изделия (Петренко, 2010, с. 363). Контактами с этим же регионом объясняется и появление манычского захоронения Семеновка 9/1 (рис. 3.12. 10), с характерным обрядом и керамикой. Сосуд из погребения Новая Долина 3/12 (рис. 3.12. 19), по мнению авторов раскопок, относится к типу Исковщина и фиксирует связи катакомбного населения Северо-Западного Причерноморья и Поднепровья (Петренко и др., 2002, с. 61). Некоторые (неординарные) черты ритуала тяготеют к востоку. Погребения с т. н. «охристо-глиняными масками», найденные в Ясском могильнике, сопоставимы с моделироваными черепами из погребений ингульской культуры в Приазовье, Поднепровье, Побужье и Поингулье (Алексеева, 1994, с. 103–105).

Единичным экземпляром представлен импорт из ареала культуры шаровидных амфор – сосуд Хаджидер, Костюкова могила, п. 15 (рис. 4.24. 1); еще один сосуд имеет параллели среди керамики этой культуры – Ясски 5/12 (рис.4.24. 2). Контакты могли иметь место как с

волынской или подольской группами КША, так и с сиретской, поскольку катакомбные памятники известны в Пруто-Карпатском регионе (Burtânescu, 2002, p. 501, 503). Параллели с кругом культур шнуровой керамики прослеживаются в кувшине из Великодолинского 2/5 (рис. 4.24. 3). Аналогии сосуду из Медвежи 4/6 (рис. 4.24. 4) можно обнаружить в среднеднепровской культуре (Артеменко, 1985, с. 366, рис. 99. 8), учитывая пересмотр датировки памятника Зеленки и его синхронизацию с катакомбными культурами (Бунятян, 2005). Сосуд из Холмского 2/14 (рис. 4.24. 5) сходен с сосудом из Кавско возле Дрогобыча (Machnik, 1999, p.240, fig. 8, 25). Такое сопоставление логично, учитывая поздний характер группы Кавско-Колпец, сочетающей в керамике шнуровые и среднеднепровские черты (Machnik, 1979, s. 60). Находки среднеднепровских сосудов в ингульских погребениях известны в Буго-Ингульском междуречье (Братченко, Шапошникова, 1985, с. 417). К тому же исследователями отмечается взаимовлияние ингульской катакомбной и среднеднепровской культур, проникновение катакомбного населения в Среднее Поднепровье (Бунятян, 2005, с. 34), поэтому приведенные нами аналогии вполне корректны. Следует отметить кружку-кубок из финальнокатакомбного погребения Суворово II, 1/3 (Шмаглий и др., 1971), аналогии этому уникальному для Северо-Западного Причерноморья сосуду имеются в керамическом комплексе культуры колоколовидных кубков на территории Малопольши. Для погребения этой культуры Самбожец 1/3, откуда происходит аналогичный кубок, имеется дата Ki 7923, 3850 ± BP, или 2460–2200 BC (Budziszewski, Wlodarczak, 2010, p. 176, т. 12). На возможное направление связей Северного Причерноморья и Малопольши (через Сокальский кряж) указывает погребение из Свенте на р. Сан, соединяющее в себе шнуровые, ямные и катакомбные черты (рис. 4.41. 12–16). Впрочем, находки, связанные с культурой колоколовидных кубков на севере региона (могильник у с. Коржеуць, Республика Молдова) (Демченко, 2009), позволяют предположить и непосредственные контакты. Сходного облика сосуд найден и в кургане у с. Глиное в Нижнем Поднестровье (Разумов и др., 2013).

Связи катакомбного населения с носителями буджакской культуры проявлялись и в буджакском керамическом комплексе (рис. 4.27), и в материальной культуре собственно катакомбных племен (рис. 4.25; 4.26). В катакомбных погребениях присутствует керамика буджакской культуры – преимущественно, амфоры и банки; при этом и позы в этих захоронениях сопоставимы с буджакскими (скорченно на спине). Характерно, что общие черты в обеих культурах проявляются в рамках тех курганных могильников, где присутствует большое число и катакомбных, и буджакских захоронений (например, могильники у сел Вишневое и Лиман). В некоторых захоронениях проявляется своеобразный синкретизм, например, уступ при погребении с входным колодцем в Тараклии 1/18 (рис. 4.26. 4). Две булавы, округлого и грушевидного типов, зафиксированные при вытянутом и при левосторонне скорченном скелетах, находят аналогии в донецкой катакомбной культуре, для которой эти типы, по мнению исследователей, являются типичными (Клочко, 2006, с. 75). Лишь в единственном погребении катакомбной культуры региона (Новая Долина 1/12) найдена серебряная спиральная подвеска, хотя в восточном ареале катакомбных культур они являются довольно распространенным украшением (Петренко и др., 2002). Поэтому логично предположить, скорее всего, местное происхождение серебра в среде носителей донецкой катакомбной культуры – Нагольный рудный район (Нагольный кряж) на Донбассе (месторождение полиметаллических руд, в т.ч. золота и серебра). С востоком, видимо, связаны и немногочисленные изделия из меди и бронзы.

Черенковый нож с раскованным окончанием клинка, т. н. «пламевидный» (рис. 3.5. 7,8), происходящий из коллективного погребения Каменка/Окница 3/5 (Манзура и др., 1992, с. 111, рис. 9) сходен с артефактами развитого этапа манычской катакомбной культуры, однако само захоронение характеризуется ранними чертами обряда, демонстрируя своеобразие катакомбных памятников Северо-Западного Причерноморья, длительность сохранения ранних черт (Братченко, 2001, с. 38).

С кругом эпишнуровых культур (и, возможно, один экземпляр – с КША) связана находка кремневых топоров-тесел из погребения Сергеевка 1/3 (рис. 4.24. 6–8). Они отличаются микроструктурами, типичными для исходно сеноманских, туронских и тортонских сицилитов Среднего Поднестровья (Петрунь, 2000, с. 181). Обратим внимание на редкость подобных находок собственно в катакомбной КИО, а также на тот факт, что именно на ареал Северо-Западного Причерноморья приходится концентрация кремневых топоров в ямное время. Среди представительной серии каменных шлифованных топоров большинство относится к ингульской культуре, но два экземпляра сопоставимы с артефактами КШК (рис. 4.24. 9, 10). Найденные изделия из добруджанского кремня (фрагмент тесла в Никольском 8/11, скребок из Думян 1/9) указывают на возможные связи Нижнего Поднестровья и Нижнего Подунавья в катакомбное время (Агульников, Сава, 2004, с. 213). В единичных случаях наблюдается заполнение орнамента на сосудах белой пастой (Великозименово 1/4). Проверка материала инкрустации показала, что она выполнена техногенным гипсом, полученным при обжиге природного гипса и смешении его с водой. Скопления его достаточно обычны в миоцен-плиоцен-плейстоценовых глинах и суглинках Северо-Западного Причерноморья (Петрунь, 2000а, с. 479).

Таким образом, и керамика, и изделия из камня и кремня демонстрируют определенные связи катакомбного населения Северо-Западного Причерноморья, чаще всего – с буджакской культурой. Отдельные находки связаны с культурой шаровидных амфор, среднеднепровской культурой и эпишнуровыми культурами, возможно также с культурой колоколоколовидных кубков. Однако, по интенсивности и выраженности этих связей катакомбные племена, несомненно, уступали буджакским. Исследователи отмечают, что скорченное на левом боку положение скелета, усиление скорченности ног погребенных, появление ям с уступами и подбоями на позднем этапе катакомбной культуры соответствуют основной характеристике памятников бабинской культуры (Отрощенко, 2001). Новый погребальный обряд, своеобразная революция в мировоззрении, сочетается с генетической преемственностью между катакомбными и бабинскими древностями (Литвиненко, 2002, с. 183–190; 2011, с. 179–200). В то же время предполагается, что ранние древности бабинской культуры по сути есть финальнокатакомбные, подвергшиеся внешнему инокультурному влиянию (Санжаров, 2011, с. 164–178). Такого облика позднейшие катакомбные захоронения известны и в Северо-Западном Причерноморье. Следует признать, что выразительных находок катакомбного облика в бабинской культуре региона почти не наблюдается; возможно, с катакомбным влиянием связаны некоторые бабинские сосуды низких пропорций. Несомненно, наследие буджакской культуры более ощутимо. В целом же, следует признать катакомбные памятники Северо-Западного Причерноморья (и немногочисленные погребения на территории Румынии) крайним западным ареалом катакомбной КИО. Особой специфики в материальной культуре региона не выявляется, а некоторое своеобразие в виде относительной бедности памятников может объясняться их периферийностью.

4.7. Население Северо-Западного Причерноморья в европейском контексте раннего бронзового века

В Балкано-Карпатском регионе на 2011 год известно более 500 погребений, которые исследователи соотносят с ямной культурой: около 150 в Румынии, 280 в Болгарии, 70 в Венгрии и 12 в Сербии (рис. 4.28). Памятники эти достаточно неоднородны, их анализу в конкретных регионах в свое время были посвящены отдельные работы (Escedy, 1979; Панайотов, 1989; Николова Л., 2000) или разделы монографических исследований (Dumitroaia, 2000; Burtânescu, 2002; Harrison, Heyd, 2007). На основе имеющихся к настоящему времени данных можно заключить, что расширение ямной ойкумены, продвижение населения на Балканы и в Карпаты произошло на раннем этапе ямной КИО, в

начале III тыс. до н. э. Большинство имеющихся дат укладывается в диапазон 29–24 вв до н. э. (табл. 4.3). Мы полагаем, что именно Северо-Западное Причерноморье было тем регионом, откуда происходило переселение на запад относительно небольших и достаточно мобильных групп людей. Именно ареал буджакской культуры является ближайшим к степной зоне Юго-Восточной Европы. К тому же, преимущественно, в нем, а не на других территориях ямной КИО, прослеживаются инокультурные влияния, а в памятниках Балкано-Карпатского региона известны параллели с буджакской керамикой.

4.7.1. Балкано-Карапатский вариант ямной КИО.

И. Панайотов предложил выделить памятники Болгарии в Нижнедунайский вариант ямной культуры (Панайотов, 1989). Мы полагаем, что все комплексы западного ареала (включая Нижнедунайский вариант) следует объединить в отдельный Балкано-Карпатский вариант ямной КИО, характерным признаком которого является синкретизм, слияние ямных и местных черт, что отразилось и в инвентаре, и в элементах погребальной обрядности. Другой особенностью являются продолжительные взаимосвязи с исходной территорией и различных ямных групп между собой; это позволяет говорить не о вторжении или миграции (как массовом переселении какого-то единого человеческого коллектива), а о постепенной колонизации определенных регионов, аккультурации и взаимовлиянии разных культур. Погребальный инвентарь был зафиксирован достаточно редко, керамика немногочисленна, тем не менее, в ней можно выделить две группы: имеющую параллели с буджакским керамическим комплексом (и шире – с ямной КИО) и имеющую местные корни (Heyd, 2008; 2011, p. 540–541). С первой из них связывают находки в погребениях Индепенденца-Муригиол, п. 4; Гурбанешты 2/3, 4; Плоешти-Триай 2/1949, п. 15, 20; Браилица, п. 34, 144 в Румынии; Горан-Слатина 3/3, Тырнава 2/1, Мадара 3/4 в Болгарии (рис. 4.30–4.32). С ямной КИО соотносят и редкие находки керамики со шнуровым орнаментом в Венгрии и в Сербии (Horvath, 2011). Со второй группой также связана серия сосудов. Типичная посуда культуры Коцофени III находилась в Горан-Слатина 2/4 и Тырнава, к. 1 (северо-восток Болгарии). К Эзеро В относятся находки керамики в Медникарово-Истрица 1/2, 3/2 во Фракии. С Фолтешти /Чернавода II сопоставляют находки из Болотешти, 2/7, 10, 12; Вэнетори, Могила Николае Току, п. 11 (румынская Молдова). Возможно, с культурой Глина (или Вучедол) связаны сосуды из Вербицы (Румыния) и Хырлец (Болгария). Керамика из Шарретудвари-Орхалом, п. 4, 7/7а, 9, 11 (Венгрия) атрибутирована как посуда культуры Мако и культурной группы Ливезиль.

В археологии известны разные варианты влияния переселений на облик материальной культуры местного населения и мигрантов, которые можно объединить в три группы. В одних случаях, когда доминирует автохтонное население, пришлое не оставляет заметных следов в материальной культуре местных жителей. В других случаях аллохтонное население сохраняет свою материальную культуру без значительных изменений, в третьих – наблюдается синтез пришлых и местных традиций. Объяснения следует искать в конкретных ситуациях. Для примера обратимся к синхронным культурным общностям. Так, на рубеже IV и III тыс. до н. э. формируется ядро отдельной (восточной) группы КША (на территории Волыни, Подолии и Молдавской возвышенности). Материальная культура в процессе миграций трансформируется незначительно, внешних влияний почти не отмечается. Причем новый ареал заселяется с такой интенсивностью, которая еще не встречалась где-либо еще в Восточной Европе (Шмит, 2001–2002, с. 257). Видимо, скорость миграции и переселение человеческих коллективов в полном составе повлияли на сохранение исходных компонентов. Культуру колоколовидных кубков в последнее время стали именовать традицией колоколовидных кубков из-за существенного разнообразия в ее материальной культуре на той огромной территории, где она была распространена. Я. Чебрушук отмечает, что мигранты представляли собой меньшинство в тех регионах, куда они проникали (Czebreszuk, 2004, p. 478). Переселение происходило небольшими группами (Heyd, 2005). Сходную ситуацию мы наблюдаем в Балкано-Карпатском ареале, где выделяются относительно небольшие анклавы переселенцев из ареала ямной КИО, обитавших в окружении

инокультурного населения. Происходит синтез традиций, это проявилось отчасти в погребальном обряде, и – в большей степени – в керамическом комплексе. Это не удивительно, учитывая, судя по данным антропологии, преобладание среди мигрантов мужчин, на фоне общеизвестного положения, что в традиционных обществах гончарство было уделом женщин. Аналогичные ситуации известны и в другие эпохи, например в скифских погребальных комплексах Предкавказья, где в мужских погребениях сохраняется обычный набор оружия, но керамика отлична на различных территориях и связана с местными традициями (Дьяконов, 1983). Видимо, не только экономические, но и брачные связи влияли и на социальные отношения местного и пришлого населения, и на материальную культуру пришельцев.

Картографирование курганов и могильников демонстрирует расселение ямных племен вблизи металлорудных зон. На наш взгляд, именно металл был основным аттрактором, определившим направления колонизации Балкано-Карпатского ареала населением ямной КИО, а также определяющим характер контактов пришлого и автохтонного населения. Эти взаимоотношения способствовали формированию Балкано-Карпатского ареала ямной КИО. Концентрация в буджакских погребениях изделий из серебра и меди (Субботин, 2003) подтверждает участие буджакских племен в этих процессах. Выделяются по количеству серебра на фоне синхронных культур и более ранние усатовские памятники (Петренко, 1997). Сторонники теории В.Г. Чайлда – М.Гимбутас продолжают отождествлять продвижение на запад с разрушительным вторжением, приведшим к гибели и трансформации ряда европейских культур (Дергачев, 2000 и др.). Н.Я. Мерперт верно определил ту территорию, откуда происходило движение степных племен на запад – междуречье Буга и Дуная – но и этот исследователь считал данный процесс вторжением (Мерперт, 1982, с. 329). Металлопроизводство предполагает освоение технологий, поэтому для получения определенных знаний, а также руды или готового металла, ямные племена должны были выстроить мирные и долговременные отношения с местным населением, базирующиеся на обмене, а не захвате. Расположение погребений и найденных в них украшений из серебра указывает на пути, по которым металлы поступали в Северо-Западное Причерноморье, а также возможные источники этих металлов (рис. 5.5; 5.13). Другим аспектом продвижения на запад было освоение новых пастбищ. Аридизация климата, несмотря на ее негативную трактовку частью исследователей, на самом деле явилась положительным фактором для экономического развития населения степных культур. Последовавшее расширение степной зоны, формирование зон полупустынь способствовали созданию экологической ниши, благоприятной для развития подвижного животноводства. При переходе к бронзовому веку наблюдается резкое увеличение численности населения (по сравнению с энеолитической эпохой), создаются условия для дальнедистанционных перемещений. Следствием возникновения новых климатических условий, новых потребностей (и возможностей) обществ и было продвижение племен буджакской культуры на запад. На этих вопросах более подробно мы остановимся в следующей главе.

Комплексный анализ памятников западного ареала ямной КИО позволит не только определить их статус (в культурном аспекте и в плане взаимоотношений человеческих коллективов), но и осветить вопросы формирования взаимосвязей между двумя ареалами – Балкано-Карпатским миром и Причерноморской Степью, и в первую очередь – с территорией Северо-Западного Причерноморья. Внутри Балкано-Карпатского варианта ямной КИО выделяются несколько регионов со своими характерными чертами.

В ***Пруто-Карпатском регионе*** захоронения ямной культуры концентрируются в двух зонах: Молдавская равнина на северо-востоке и междуречье Сирета и Дуная на юге. Таким образом, территория в целом была освоена ямным, населением, за исключением центральной части, где известны лишь единичные погребения близ переправы через Прут в районе Унгены-Яссы-Холбока. Объяснение, видимо, следует искать в сложившейся культурной ситуации: в центрально части румынской Молдове обитали носители культуры шаровидных амфор, в целом же окружение ямной культуры в Пруто-Карпатском регионе было

достаточно пестрым. Видимо, в связи с такой этнокультурной ситуацией появляются синкретические типы захоронений, где сочетаются бескурганный обряд захоронения с элементами ямного погребального ритуала и инвентарем, связанным с различными местными культурами (Burtânescu, 2002, p. 484). Особенностью этого региона является тесная связь с Северо-Западным Причерноморьем, выразившаяся в наличии керамики и артефактов, характерных для буджакской культуры. Курганы ямной культуры, чаще всего средних размеров, расположены вблизи берегов рек, локализуясь, порой, на энеолитических памятниках или памятниках культурной группы Тырпешти. Встречаются курганы с каменными кромлехами, кольцевыми рвами, достаточно часто фиксируются следы кострищ. Обычно в кургане находят 1–2 захоронения, хотя есть комплексы, включающие 5–10 могил (Главанешти Векь, Валя Лупулуй, Лиешти). В таких случаях погребения размещены по окружности кургана, или же в восточной части насыпи. Погребения чаще всего содержат останки одного погребенного, реже встречены коллективные захоронения и кенотафы. И в основных, и во впускных погребениях доминирует западная ориентировка. Погребальные сооружения представлены прямоугольными и подовальными ямами, имеющими, порой, каменное или деревянное перекрытие. В обряде часто применялась охра, фиксируется ее посыпка на дне погребальной камеры. Преобладают погребения с умершими, расположенными скорченно на спине (52 %), вторая по количеству группа – скорченные на боку (32 %), и лишь небольшая часть представлена захоронениями с наклоном набок (Burtânescu, 2002, p. 481–485). В погребальном инвентаре преобладает керамика: орнаментированные «буджакские банки», горшки, чаши, амфоры (рис. 4.29. 1–4). Металлические артефакты представлены почти исключительно украшениями (спиралями и серьгами). Изделия из камня и кремня немногочисленны – это, в основном, орудия для обработки кожи. Ф. Буртанеску справедливо полагает, что появление в регионе носителей ямной культуры произошло в результате миграции с территории Пруто-Днестровского междуречья (Burtânescu, 2002, p. 485).

Добруджа. В Северной Добрудже ямные памятники немногочисленны. Погребальный инвентарь в некоторых из них (Михай Браву, Лункавица, Налбант) отражает связи с культурой Чернавода II (Vasiliu, 1995a), керамика которой, порой, связывает комплексы двух регионов, распространяясь до Приднестровья. Характерны находки сосудов буджакского облика, известны кремневые наконечники стрел и каменный шлифованный топор. Погребальный обряд населения Южной Добруджи и северо-восточной Болгарии сопоставим с иными регионами обитания ямного населения. Наиболее распространены однослойные курганы высотой до 1,5 м, с одним или несколькими захоронениями, хотя известны насыпи, достигавшие 3 м. Основное погребение, как правило, располагалось в центре кургана. Могильные ямы – прямоугольных очертаний, с уступом или без него; реже встречены могилы овальной формы, на дне часто имелась подстилка из органических материалов, в некоторых захоронениях – следы покрова на костях скелета. Часть могил имела каменное или деревянное перекрытие. Преобладает положение умерших скорчено на спине, меньше погребенных на боку, еще реже встречено положение на спине с наклоном вправо или влево. Кроме того, известны трупосожжения и захоронения с вытянутым на спине обрядом захоронения. Порой, скелеты окрашены охрой (рис. 4.29. 5–7). Керамика из курганов отражает связи с культурами Эзеро и Езерово II, а также Коцофени (Николова Л., 2000, с. 434–437). В составе погребального инвентаря также были найдены украшения – серебряные, медные и золотые спиральные подвески и кольца. Известны ожерелья из металлических бусин, из зубов животных и человека, кости, горного хрусталя. В погребении Плачидол I, 1/1 (рис. 4.29. 8) на уступе погребальной камеры были обнаружены остатки деревянных колес от повозки (Панайотов, 1989, с. 100–103). Интерес представляют находки в насыпях курганов около десятка очень выразительных каменных стел (рис. 4.36. 2–7). Территория Добруджи особенно важна в качестве связующего элемента между Северо-Западным Причерноморьем и Балканами.

Памятники Олтении и Мунтении (рис. 4.30), расположенные вдоль северного побережья Дуная, частично демонстрируют восприятие традиций местных культур (Frînculeasa, 2007). Известны курганы с захоронениями ямной культуры – Аричешти-Рахтивань, Гурбанешти, Плоешти-Трияж, Смеень и др. (Simion, 1991; Roman et al., 1992; Frînculeasa, 2007). Керамика, сходная с буджакской, была найдена на памятниках местных культур (рис. 4.30). Прослежен грунтовый обряд в поликультурных могильниках Зимнича и Браилица (рис. 4.31). Предполагается, что в могильнике Зимнича представлен один из механизмов трансформации ямной культуры Балкан: грунтовые захоронения по «ямному» ритуалу (со скорченными на спине костяками) демонстрируют восприятие местного, грунтового, обряда захоронения (Alexandrescu, 1974). В инвентаре погребений – многочисленные сосуды, преимущественно аски, также горшки, кубки и сосуд с удлиненными (аркообразными) ручками, характерный для культуры Коцофени (рис. 4.31. 12). Представительна коллекция серебряных подвесок разного облика – спиральных и с несомкнутыми концами, известных как «тип Зимнича» (рис. 4.31. 15).

На ***западе Нижнего Подунавья*** обширные территории (Олтения, Северо-Восточная Сербия, Банат и Трансильвания) с конца IV и в первой половине III тыс. до н. э. вошла в ареал культуры Коцофени. Здесь выделяется могильник Тырнава, расположенный к югу от Дуная, где обнаружены погребения, демонстрирующие смешение различных культурных элементов (рис. 4.32). Контакты ямной культуры и позднего этапа Коцофени прослеживаются в могильниках Тырнава, Кнежа и Хырлец в Болгарии, Вербица в Румынии др. Отсюда можно было попасть на северное побережье Дуная (в Олтению), через Видинскую переправу, которой пользовались средневековые кочевники при набегах (Князькин, 2000). В то же время из этого региона могло осуществляться проникновение на территорию Баната и Восточной Сербии.

В ***Трансильвании*** раскопанных ямных курганов немного, они располагались в долине реки Муреш, близ гор Апусени, в Центральной и Северной Трансильвании (Ciugudean, 2011, p. 29). Все изученные памятники продемонстрировали материалы, сопоставимые с ямной культурой: центральное погребение под курганной насыпью, деревянное перекрытие, скорченное положение скелета, посыпка охрой. Инвентарь редок, найденные здесь серебряные височные подвески и антропоморфные стелы имеют аналогии в других регионах ямной КИО. Каменная скульптура, происходящая из Трансильвании (Байя де Криш), идентична известной на северо-востоке Болгарии (рис. 4.36. 1). Ее происхождение, наряду с несколькими менгирами, найденными в XIX веке, связывают с населением ямной культуры (Ciugudean, 2011). Отмечается влияние ямного погребального обряда на местные культуры, которые, наряду с кремацией, начинают использовать обряд ингумации, возводить земляные насыпи, взамен традиционных каменных (Ciugudean, 1996). С другой стороны, использование каменных покрытий в ямных курганах близ Апусени, порой – отсутствие могильных ям, демонстрируют выраженную местную компоненту в погребальных обычаях (Ciugudean, 2011, p. 29).

Горная Фракия является самым южным регионом в ареале Балкано-Карпатского варианта ямной КИО. В курганных могильниках найдена керамика, отражающая связи с культурами Коцофени и Эзеро, а также украшения в виде серебряных височных подвесок. Погребения выполнены по ямному обряду, хотя встречаются скелеты в сильно скорченном положении на боку, а также вытянутые, что характерно для местных земледельческих культур (рис. 4.33). В то же время засвиделеьствовано и обратное влияние – так, в грунтовом могильнике у г. Стара Загора, который соотносят с культурой Эзеро, как полагают, отразилось и ямные традиции (Катинчаров, 1987; Nikolova L., 1999, p. 352).

Предполагается, что ямное население проникло на территорию ***Сербии и Баната*** с Нижнего Подунавья и верховий Тисы (Srejović, 1994). Курганы изучены, преимущественно, в Восточной и Северной Сербии. Большинство курганов имеют размеры 3–8 м, диаметр 35–40 м. Умершие были уложены скорчено на спине, а в обряде использовалась охра. Анализ погребальных памятников позволил исследователям прийти к выводу, что, несмотря на

удаленность от основного ареала ямной КИО, здесь сохранились традиционные ямные черты погребальной обрядности (рис. 4.34. 17–19). При совершении погребений использовалось деревянное перекрытие, преобладает положение погребенных скорчено на спине, распространена посыпка охрой. (Tasić, 1995, p. 72–74; Nikolova L., 1999, p. 385–386). В Западной Сербии, в кургане Добрача были выявлены черты местных культур (кремация, керамика культуры Ватин), в сочетании с элементами, соотнесенными авторами раскопок с ямной культурой (кромлех, каменная конструкция над погребением). Отмечается также близость «степных» черт обряда этого памятника с курганами Рогойевач и Бар (Bogdanović, 1996).

В ***бассейн Восточного Потисья*** ямные племена, судя по радиоуглеродным датам, проникли в начале III тыс. ВС (Dani, Nepper, 2006; Wlodarczak, 2010, s. 304). Высота большинства ямных курганов находится в диапазоне от 1 м до 10 м, диаметр – между 20–70 м. Преобладает западная ориентировка умерших, в редких случаях – северная и северо-восточная. Многие захоронения разрушены, остальные демонстрируют скорченное на спине положение скелета с ромбическим положением ног, в прямоугольной (реже овальной) могильной яме, перекрытой деревом или циновкой, или же вообще не имеющей перекрытия (рис. 4.34. 14–16). В четырех захоронениях могильника Кетедьхаза были найдены остатки деревянных повозок (Escedy, 1979). Достаточно редкими являются погребения на боку или вытянутые на спине; известны одиночные и коллективные погребения (Horváth, 2011). Антропологический тип населения ямной культуры (европеоидный) отличен от местного и в дальнейшие эпохи не встречается, хотя анализ женских скелетов позволил предположить участие местного компонента в сложении ямной культуры Потисья (Zoffmann, 2000, p. 77). Тела погребенных покрыты охрой, охра встречена и в виде кусков, лежащих у плеча или черепа погребенного. В исключительных случаях зафиксирована ритуальная раскраска черепа (Horváth, 2011, p. 112, fig. 10). В погребальном инвентаре – цилиндрический бисер, изогнутые пластины из меди, ожерелье из зубов собаки; также известны астрагалы овец или коз. Антропоморфная стела сопоставима с найденными в Трансильвании, Добрудже хотя, возможно, следует обратиться и к монументальной скульптуре Западной Европы. В целом, отмечается близость ямных памятников Альфёльда – с одной стороны, и Олтении и Нижнего Подунавья – с другой (Horváth, 2011). В свою очередь, З. Сохацкий считает Альфёльд вторичным центром распространения степного населения в Юго-Восточной Европе (Sochacki, 1997, s. 58). Выделено несколько захоронений, в которых исследователи видят ямные черты, предполагая единичные продвижения ямного населения на запад от Альфёльда (рис. 4.34. 1–13). Это – погребения Генью (Gönyü) на границе Среднего и Верхнего Дуная – на западе Венгрии, Нойзидль-ам-Зее (Neusiedl-am-See), Бургенланд, в восточной Австрии; Эсслинг (Essling) близ Вены и Блекендорф (Bleckendorf), Саксония-Анхальт (Harrison, Heyd, 2007). Первые три погребения расположены на Среднем Дунае, продолжая «дунайский путь» ямных племен, последнее находится намного севернее. Как полагают, комплексы из Генью и Нойзидль-ам-Зее отражают сочетание ямных и вучедольских признаков, из которых ямными являются ингумация (на фоне принятой в культуре Вучедол кремации), центральное положение под насыпью, золотые спиральные подвески. В погребальном инвентаре Нойзидль-ам-Зее имеются золотая спиральная подвеска, кувшины, датируемые фазой Вучедол II – начальный этап пост-Вучедол, и амфора, которая сопоставима с посудой Мако-Косиги-Чака и Йевишовиче (Ruttkay, 2002, p. 150). В Эсслинге был был найден нож из мышьяковой бронзы, как полагают, манычского типа. Имеющиеся даты укладываются в диапазон 28–26 вв до н. э. (табл. 4.3).

Отмечают захоронения с ямными чертами в Средней Европе, на территории современных Чехии, Словакии, восточной Германии и Польши, однако там эти захоронения (около двух десятков) не составляют единой культурной группы и найдены в могильниках разных культур – КШК, культуры колоколовидных кубков, Нитра, унетицкая (Bátora, 2006, s. 190, obr. 134).

Суммируя имеющиеся данные, можно отметить, что в Балкано-Карпатском ареале выделяются группы памятников, демонстрирующие, по всей вероятности, компактное проживание ямного населения в определенных ареалах местных культур и связи с ними (КША, Коцофени, Эзеро, Баден, Костолац-Вучедол, Мако-Косиги-Чака и др.). Эти анклавы отражают длительное и стабильное проживание на новых территориях, т.к. кратковременные связи не оставили бы практически никаких следов. Такая структура исключает стихийность освоения территории и свидетельствует о целенаправленном расселении и длительном проживании на местах определенных групп населения, формировании разного рода связей (в том числе, связанных с обменом) и их стабильности. Археологические данные не подтверждают теорию нашествия ямных племен на запад, будь оно мирным «крупномасштабным» переселением или завоеванием. Речь может идти о постепенном и поэтапном освоении западных территорий, дальнейшем продвижении из одного освоенного региона в другой. Такие выводы подтверждаются и новейшими данными естественнонаучных исследований, в частности изотопным анализом, который был проведен для 20 погребений из ямных курганов Альфёльда. Антропологически были определены 14 скелетов из ямных погребений – три женских и одиннадцать мужских. Данные диеты (по соотношению изотопов стронция) и питьевой воды (по изотопам кислорода) позволили выделить останки людей, которые выросли непосредственно на Венгерской равнине, и мигрантов. В курганах могильника Кетедьхаза и некоторых других исследованные скелеты принадлежат местным жителям, то есть это было уже не первое поколение ямного населения в данном регионе. В кургане Шарретудвари Орхалом, напротив, преобладают пришельцы. Мигранты прибыли из различных географических регионов, лежащих непосредственно к востоку или северо-востоку. По мнению исследователей, наиболее вероятным представляется, что эти люди росли в восточной и южной частях Западных гор (Апусени), на высоте между 1100 и 1850 м над уровнем моря. Археологический материал позволяет авторам работы видеть контакты или даже интеграцию этого населения с культурной группой Ливезиль, памятники которой известны в Западных горах и близ них, на расстоянии около 200 км от кургана Шарретудвари. Например, поселок Ливезиль «Байя» находился на высоте 700 м над уровнем моря, его жители получали воду из источников, берущих начало на большой высоте и вследствие этого характеризующиеся меньшим значением изотопа кислорода дельта О18, чем на Большой Венгерской равнине. Радиоуглеродные даты позволяют говорить о разновременных захоронениях, следовательно, связи между двумя регионами были достаточно длительными и устойчивыми. Пол и возраст умерших (преобладание мужчин взрослого и зрелого возраста, отсутствие детей), доминирование позы умершего на спине с ногами, уложенными в форме ромба (frog-like), говорят о захоронениях людей, которые были лишь частью какого-то социального организма, являясь определенной (производственной?) группой. Исследователями предполагается два варианта интерпретации данных – погребенные участвовали в обмене товарами между степными и горными сообществами, либо являлись пастухами и занимались отгонным скотоводством, проводя зиму в Альфёльде (Gerling et al., p. 1104–1109).

Этнографы отмечают, что для Юго-Восточной Европы в предгорных и горных районах вплоть до XIX–XX вв. было характерно скотоводство отгонного типа с вертикальным сезонным перемещением пастухов со стадами по линии север – юг. Оно было обусловлено природно-климатическим фактором и вырабатывалось веками а, возможно, и тысячелетиями. При такой технике выпаса летние пастбища были высокогорными, зимние находились в низине, а поселения – на горных склонах, занимая промежуточное положение между ними (Гамкрелидзе, 1983). Широтные сезонные перемещения не зафиксированы. Поэтому, интерпретируя данные изотопного анализа, мы можем предположить, что ранний период жизни данных переселенцев был связан с пастушеством, что традиционно для скотоводческих обществ, причем ямное население в определенных ареалах развивало именно скотоводство с вертикальным сезонным перемещением. В зрелом возрасте мужчины могли освоить другие занятия (торговля и обмен, металлургия и пр.), с чем было связано их

пребывание в Альфёльде; перегон скота в западном направлении и на столь большое расстояние вызывает сомнения.

4.7.2. Взаимоотношение населения Балкано-Карпатского варианта ямной КИО с основными культурами Центральной и Юго-Восточной Европы.

Ямная КИО – культуры Чернавода II и Езерово II. Курганы ямной культуры Северной Добруджи (Михай Браву, Лункавица) и восточной Мунтении (Смеень) содержат керамику культуры Чернавода II. В двух грунтовых захоронениях из могильника Браилица (Мунтения), относящихся к культуре Чернавода II, были найдены подражательные кубки культуры шнуровой керамики (рис. 4.30. 11–14). Полагают, что их распространение вдоль Дуная следует связывать с населением ямной культуры (Wlodarczak, 2010). Сходного облика кубок найден в погребении с кремацией могильника Тырнава, которое связывают с культурой Коцофени (рис. 4.32. 9). Исследователи видят параллели между некоторыми сосудами из курганов ямной культуры в северо-восточной Болгарии с культурой Езерово II, а часть скорченных на боку погребений в ямных курганах объясняют контактами двух групп населения (Николова Л., 2000, с. 444).

Ямная культура – культура Эзеро. Археологические данные свидетельствуют о долговременном присутствии ямной культуры в Верхней Фракии, в ареале культуры Эзеро, условным центром которой считают район г. Нова Загора. Для культуры Эзеро известны поселения и слои теллей, погребальный обряд изучен недостаточно, по одному могильнику Стара Загора-Берекет, который относится к Эзеро AI (РБВ I), а также по погребениям на поселениях. Чаще всего, это – скорченные на боку скелеты. Возможно, скорченное на спине захоронение, выявленное в теле Эзеро, слой XIII, маркирует ямное население. Курганы с керамикой, характерной для культуры Эзеро A-BI, в таком случае, отражают наличие смешанного населения (Николова Л., 2000). Предполагается, что население ямной культуры в результате сезонных перекочевок могло проникать с территории северо-восточной Болгарии в ареал культуры Эзеро, обитая там в зимнее время (Nikolova L., 2010). Очевидным является мирное сосуществование двух культур, приведшее, в конечном итоге, к определенной их интеграции. Шнуровой орнамент в культуре Эзеро неизвестен в ранних слоях эпонимного памятника, а получил наибольшее распространение на втором этапе (Езеро, 1979). Существует предположение, что его появление свидетельствует о культурных контактах с Северным Причерноморьем (Катинчаров, 1987). В таком случае, речь может идти о населении ямной культурно-исторической общности.

Ямная культура – культура Коцофени (поздний этап). В разных местах обитания взаимоотношения между носителями ямной культуры и культуры Коцофени строились по-разному. В одних случаях отсутствуют (или сомнительны) контакты двух культур (могильники Горан-Слатина на севере Центральной Болгарии, Вербица в Олтении). В других – межкультурное взаимодействие привело к появлению синкретичных памятников. На раннем этапе сосуществование культур (конец РБВ I) проходило без активного взаимодействия, в дальнейшем традиционные элементы этих культур пребывают уже в нерасчлененном состоянии, хотя, возможно, эта фаза была не очень длительной (Николова Л., 2000, с. 440). Могильник Тырнава свидетельствует об отсутствии враждебных отношений между носителями культуры Коцофени и ямной (Катинчаров, 1987). Сосуды Коцофени известны в ямных погребениях 2 и 4 кургана 2 у с. Гурбанешты (рис. 4.30. 19) в Мунтении (Rosetti, 1959). И, наконец, весьма примечательно появление керамики культуры Коцофени в материалах ямных могильников других территорий. К таковым можно отнести погребения Горной Фракии, в ареале культуры Эзеро, и северо-восточной Болгарии, в ареале Езерово II-Чернавода II (Панайотов, 1989, с. 164), а также в Северо-Западном Причерноморье. Обратим внимание и на обкладку ям камнями в могильнике Тырнава (Панайотов, 1989) и в ямных курганах вблизи г. Ямбол во Фракии (Iliev, 2011), эти традиции фиксируют не просто передачу керамических форм, но и продвижение населения, а также контакты между достаточно отдаленными группами ямного населения на Балканах. Х. Чугудян полагает, что в Трансильвании группы ямного населения приняли участие в трансформации форм

погребальных сооружений культуры Коцофени на ее позднем этапе. Именно с ямным влиянием он связывает наличие больших земляных насыпей около поселений Шинкаи и Боарта (Ciugudean, 2011, p. 29). Время контактов двух культур определяют несколько по-разному: периодами Коцофени II (Wlodarczak, 2010, s. 317), Коцофени II–III (Николова Л., 2000, с. 440), Коцофени III (Панайотов, 1989, с. 161–163; Александров, 1994, с. 86–88). При этом следует иметь в виду, что угасание культуры Коцофени не связано с продвижением ямной культуры, а происходит независимо (Николова Л., 2000, с. 440–441).

Ямная культура – Болераз–Баден. Вопрос о возможности контактов ямного населения и культурного блока Болераз – Баден однозначно не решен. Небольшое количество керамических находок в Альфёльде затрудняет систематизацию и периодизацию имеющихся ямных захоронений, а также их датирование и установление культурных связей. Н. Калиц считает, что ямная культура появляется в регионе в период классического Бадена и бытует здесь на протяжении всего времени существования баденской культуры (Kalicz, 1998, S. 172, 174). Известно достаточно много случаев, когда курганы ямной культуры были расположены в местах проживания населения культуры Баден, на территории поселений или могильников. По мнению И. Эчеди, население разных культур избегало друг друга из-за разных стилей жизни, но в некоторых случаях была возможна особая форма симбиоза, что проявилось в перекрывании поселений курганами (Ecsedy 1979, p. 15, 19, 39). Д. Энтони полагает, что такая ситуация может быть интерпретирована как показатель социального отношения между двумя культурами, при подчиненном положении населения культуры Баден (Anthony, 2007, p. 137–138, 378–379). Мы полагаем наиболее обоснованной и отвечающей реальной ситуации точку зрения венгерской исследовательницы Т. Хорват. Географическое и хронологическое положение курганов ямной культуры и поселений культуры Баден позволило ей предположить, что курганы строились после оставления поселений, однако неизвестен хронологический интервал между двумя процессами. Исследовательница предполагает частичное сосуществование двух культур, но в своеобразной форме. Так, первое проникновение носителей ямной культуры происходило в период обитания на Большой Венгерской равнине населения культуры Баден, при этом мигрантами были заняты «ничейные земли». В дальнейшем, после исчезновения культуры Баден, ямная культура расселилась и на ее землях (Horváth, 2011, p. 89–90). Закрепившись на новой для себя территории Потисья, ямные племена использовали и в дальнейшем транзитные пути, что подтверждается археологически притоками нового населения из Причерноморья в Альфёльд, смешанными чертами на раннем этапе и типично ямными – на позднем (Тасич, 1987). Исследования последнего десятилетия подтвердили, пусть незначительные, контакты ямного населения и культуры Баден: на поселении позднего этапа Кошич-Барче в Словакии найдена керамика, происхождение которой связывают с ямной культурой (Vladar, 2008, 76–79). Некоторые сходные формы найдены и в ареале буджакской культуры (рис. 2.39. 10, 11).

Ямная культура – культура Глина III-Шнекенберг. П. Роман полагает, что с культурой Глина III-Шнекенберг следует связывать становление нового уровня развития доисторической металлургии, развитие торговых путей (Roman, 1986). Металлографический анализ позволил определить, что медь из Трансильванского очага, с которым было связано и население культуры Глина III-Шнекенберг, распространялась достаточно далеко и найдена в Верхнем Поднестровье, Попрутье, на Волыни (Рындина, 1980, с. 35). В Степном Причерноморье известны единичные находки сосудов, которые можно связать с культурой Глина, в том числе и в Северо-Западном Причерноморье (Холмское 1/16, 1/21). Я. Махник указывает на продвижение носителей культуры Глина III-Шнекенберг из Валахии вдоль р. Прут на Буковину и в Буджакскую степь (Machnik, 1991, p. 40). Это предполагает определенные связи населения двух культур. Тем не менее, проявления контактов на территории Карпатского региона отсутствуют: по-видимому, ямная культура занимала отдельные микрорегионы в ареале культуры Глина (Николова Л., 2000, с. 444). С другой стороны, предполагается, что под влиянием ямных племен произошло продвижение

культуры Глина III на запад, в ареал культуры Коцофени. Эти передвижки, возможно, приводят к более длительному развитию культуры Коцофени на западе, в Трансильвании, а также в Валахии (Schuster, 2000).

Ямная культура – Мако–Косиги–Чака. В начале бронзового века (по венгерской хронологии) на северо-востоке Венгрии формируется культура Мако; полагают, что под влиянием ямной культуры в ней происходят изменения: распространяется, наряду с кремацией, обряд ингумации. В то же время керамика культуры Мако и типа Ливезиль представлены в захоронении с ямными чертами в Шарретудвари-Орхалом (рис. 4.35). С другой стороны, традиция помещения богатого инвентаря в ямные могилы могла появиться под влиянием этих культур (Horváth, 2011, p. 91). Происхождение распространенных в культуре Мако кувшинов связывают с балканскими культурами, но передаточной средой считают ямные племена. Подтверждением этого тезиса является, к примеру, находка аналогичного кувшина в ямном погребении кургана Вербица в Олтении (Vollmann, 2009, S. 272). Модификацией известных в керамическом комплексе Мако кувшинов с небольшими ручками-налепами (Vladar, 1964; Vollmann, 2009, S. 284, Taf. 2.1), вероятно, являются известные в Северном Причерноморье сосуды, где налеп чаще всего оформлен шнуровым орнаментом (Санжаров, 2001, с. 30, рис. 8.1. 2; Rassamakin, Nikolova A.V., 2008, S. 80, Pl. 4). Кувшины с небольшими налепами, но без орнамента, известны на севере Болгарии, в слое поселения раннего бронзового века Хотница-Османски Дол (Krauss, 2006, Abb. 6.9), в ямном погребении Голяма Детелина 2/24 во Фракии (рис. 4.33. 4). Оба варианта кувшинов (с орнаментом и без него) имеются и в керамическом комплексе буджакской культуры (Струмок 1/3, Тараклия 16/5).

Ямная культура – Костолац–Вучедол. Немногочисленные раскопанные ямные курганы сосредоточены, в основном, на территории Северной и Северо-Восточной Сербии, в ареале распространения культур Костолац и Вучедол. Примечательно, что курган Ябука находился на территории поселения культуры Костолац, курган Панчево в Воеводине располагался непосредственно на жилище этой же культуры. В насыпи кургана Перлез была найдена керамика культуры Баден (Tasić, 1995). Эти комплексы напоминают ситуации размещения курганов на оставленных баденских поселениях в Альфёльде, на поселении культурной группы Тырпешти в румынской Молдове, Трипольской культуры Майданецкое и Доброводы в Украине, и, видимо, также не могут быть однозначно интерпретированы. Можно предположить, что сооружением кургана не в открытой степи, а на жилой территории, закреплялось право на земли, ранее связанные с жителями того или иного поселка. Н. Тасич полагает, что именно появление ямных племен имело особое значение для всего последующего развития Центральных и Западных Балкан и послужило катализатором культурных трансформаций. Контактами с ямной культурой в области Славония-Срем он объясняет преобразование культуры Костолац в культуру Вучедол, которая появляется первоначально в этом ареале, а затем – северной части Боснии и Сербии. На наш взгляд, автор, основываясь на теории В.Г. Чайлда и М. Гимбутас, все же преувеличивает роль ямного населения в культурных трансформациях на западе Балкан: для столь категоричных выводов нет достаточных данных. Во всех курганах наблюдается характерный обряд ямной культуры – скорченное положение скелета на растительной подстилке, посыпка охрой, деревянное, перекрытие над могильной ямой, серебряные и золотые височные подвески в погребальном инвентаре. Предполагается, что под влиянием ямных племен в культуре Вучедол распространяется курганный обряд при традиционных трупосожжениях (Батайника и Войка), в дальнейшем появляется и ингумация, причем известны не только индивидуальные, но и парные и тройные погребения **(**Tasić, 1995).

Ямная культура – культуры шнуровой керамики (КШК) и культура шаровидных амфор. Уяснению роли т. н. «степного фактора» (ямной культуры) в формировании КШК уделялось достаточно много внимания в исследованиях различных авторов. В основном, это касалось форм взаимодействия этих двух больших культурно-исторических областей. Отмечают две контактные зоны – Верхнее Поднестровье (Подолия) и Восточное Потисье, в

этих регионах ямное население соседствовало с восточнословацкой, моравской и нижнеавстрийской группами КШК. Мы полагаем, что прав П. Влодарчак, который обосновывает появление инноваций в южных регионах КШК (генезис курганного обряда, распространение индивидуальных погребений и некоторых других элементов материальной культуры, в частности, «овальных» амфор на фоне «тюрингских» амфор сферического облика) принятием новых идей из Карпатского бассейна и района Северных Балкан. В происходящих здесь трансформациях велика роль ямных племен, которые были передаточной средой, обеспечившей распространение инноваций (Włodarczak, 2010, s. 305). С другой стороны, для сложения групп КШК Моравии и Нижней Австрии большее значение имели связи именно с культурами Карпатского бассейна, синхронными с горизонтом Йевишовиче (поздняя фаза) – Мако-Косиги-Чака – Вучедол B – Шомодьвар – Ньиршег-Затин, ранняя фаза. (Włodarczak, 2010, s. 305). П. Влодарчак выделяет синкретичное население (названное им «курганными группами»), возникшее на основе ямной культуры и местных карпатских культур и оставившее курганы с вучедольской и поствучедольской посудой, керамикой Мако-Косиги-Чака. Ближайшей к ямным курганам Альфёльда является группа восточнословацких курганов (расстояние между двумя крайними памятниками около 60 км), тем не менее, выраженных ямных черт в этих курганах не выявлено. При этом ни одна из групп КШК не проявляет такой тесной связи с ямной культурой, как моравская; она относится к фазам IIIA и IIIB культур шнуровой керамики, что соответствует 2800/2700 – 2400 в абсолютных датах (Włodarczak, 2010, s. 310–315). Эти даты вполне сопоставимы с датировкой ямных погребений в Балкано-Карпатском регионе. В керамическом комплексе моравской группы редки амфоры и кубки, преобладают кувшины, керамика демонстрирует сходство с посудой, происходящей из «курганных групп» к югу от Карпат. Металлический топор из погребения Шаретудвари-Орхалом в Венгрии, где прослеживаются черты культур Мако и ямной (Dani, Nipper, 2006), сходен с каменными топорами моравской группы КШК (силезианский тип), которые, в свою очередь, близки более ранним формам топоров КШК. Известны они и в краковско-сандомирской группе, маркируя связи Моравии и Малопольши. Имеются медные ножи ямного типа (изогнутые или ножи-бритвы); они были найдены в курганах КШК Моравии и Нижней Австрии и погребении Мако-Косиги-Чака (рис. 4.36. 13–19). Предполагая как непосредственное их получение, так и посредством промежуточных культур, (Wlodarczak 2010, s. 311). Ножи ямного типа найдены в Олтении и Мунтении (рис. 4.36. 8–12; 5.14). Исследователи согласны с тем, что, несмотря на опосредованный характер воздействия, именно ямные племена внесли определенный вклад в формирование некоторых особенностей южного ареала КШК – сравнительно с центральным и северным районами шнуровых культур (Wlodarczak, 2010, s. 318).

В культуре шаровидных амфор отсутствуют выраженные следы контактов с ямным населением, хотя в буджакском керамическом комплексе имеется серия сосудов КША. Отмечают, что появление обряда посыпки охрой в некоторых погребениях может быть связано с влиянием ямной культуры (Szmyt, 1999).

По-видимому, население, продвинувшееся из Северо-Западного Причерноморья в Балкано-Карпатский ареал, построило мирные взаимоотношения со своими партнерами, органично вписавшись в контекст обществ Юго-Восточной Европы. По крайней мере, отсутствуют сведения о погребениях с наконечниками стрел в теле умерших, распространенных в различных регионах ямной КИО (лишь в захоронениях Северной Добруджи известны единичные находки оружия, но как сопровождающего инвентаря). Все же предполагается вытеснение ямными племенами населения культуры Чернавода III на запад, вплоть до Сербии и Баната (Srejović, 1976; 1994; Николова Л., 2000, с. 448–449), культуры Глина III – в ареал культуры Коцофени (Schuster, 2000). Мы полагаем, что вполне обоснована точка зрения тех исследователей, которые видят участие населения ямной КИО в процессах, происходивших в Балкано-Карпатском бассейне в эпоху ранней бронзы, включая возможные посреднические функции этого населения в передаче культурных влияний (Rassamakin, Nikolova A.V., 2008, p. 69; Wlodarczak, 2010). Немногочисленные даты,

ограничивающие время существования Балкано-Карпатского варианта ямной КИО 29–24 вв. до н. э. можно интерпретировать по-разному. С одной стороны, их все же немного – и появление новых датировок может изменить этот хронологический интервал. С другой стороны, финал его может быть связан с изменением культурной ситуации в регионе: наблюдаются расширение и безусловное доминирование культур поствучедольского круга, переход некоторых из них к пастушеству (например, культура Винковци). Подвижными скотоводами была и какая-то часть населения культуры Глина III-Шнекенберг, мобильный образ жизни был характерен для культурного блока Мако-Косиги-Чака, культурной группы Ниршег (Приложение Д). Возможно, эти изменения в хозяйственно-экономической ситуации и привели к деструкции Балкано-Карпатского варианта, при сохранении различных проявлений ямной культурно-исторической общности на других территориях.

4.7.3. Катакомбное население в Пруто-Карпатском регионе и Мунтении.

Памятники катакомбной культуры в Пруто-Карпатском регионе немногочисленны, составляя около трех десятков (рис. 4.40; 4.41). Возможно, их и несколько больше, но непрослеженные могильные ямы при отсутствии инвентаря заставляют с осторожностью подходить к подобным захоронениям при выделении катакомбных памятников из общего массива «захоронений с охрой» на территории Румынии. Расположены они, в основном, в румынской Молдове (16 захоронений, происходящих из 6 пунктов), концентрируясь близ переправ через Прут (Яссы-Унгены и на севере Молдовы). Одно погребение зафиксировано в Добрудже, вблизи переправы через Дунай (Килия-Векь). Остальные найдены в Мунтении – четыре захоронения известны в могильнике Смеени, три были впущены в телль Лишкотянка, одно – в кургане Балдовинешты и, возможно, катакомбные захоронения есть в могильнике Браилица. Раскопками 2011 г найдены три погребения в кургане близ г. Судиц, Бузэу (Frînculeasa, 2011a). Ф. Буртанеску полагает, что катакомбная культура в Молдове в течение какого-то времени развивалась параллельно ямной. Выделить какие-то хронологические этапы невозможно, но в целом он помещает катакомбные памятники в диапазон 2600–2200 BC (Burtânescu, 2002, p. 485–486).

Катакомбные погребения, в основном, впущены в курганные насыпи; в одном случае за курган был принят телль (Лишкотянка). Возможно, применялся и грунтовый обряд погребения (Браилица), воспринятый, как это прослежено в отношении буджакского населения, от местного культурного окружения. Погребальные камеры прослежены не всегда, известны катакомбы и овальные ямы (рис. 4.41. 4–6, 9, 11). Скелеты расположены в вытянутом и скорченном положении, порой, в рамках одного могильника, что указывает на относительную одновременность захоронений с разными позами умерших. Инвентарь представлен сосудами, в одном случае (Холбока 1/9) – каменной грушевидной булавой (рис. 4.41. 1–3). В насыпях нескольких курганов найдены каменные шлифованные топоры, преимущественно, ингульского типа, один (Слободзия-Хэнешти, к.3) может быть отнесен кругу КШК (рис. 4.40. 17). Погребения катакомбных культур на территории румынской Молдовы располагались в ареале культуры шаровидных амфор, возможно, отсюда (и посредством запрутского катакомбного населения) была получена амфора, найденная в могильнике Хаджидер, в Северо-Западном Причерноморье (рис. 4.24. 1). Большинство известных в Пруто-Карпатском регионе сосудов сопоставимы с катакомбной керамикой Северо-Западного Причерноморья; некоторые экземпляры, видимо, отражают влияние каких-то местных культур или культурных групп (рис. 4.40. 9, 11, 12). В целом, продвижение катакомбного населения на запад было незначительным, но контакты с другими культурами, несомненно, имели место.

Поскольку катакомбные культуры Северо-Западного Причерноморья, включая немногочисленные памятники Румынии, являются крайней западной периферией катакомбной культурно-исторической области, аналогии с катакомбным миром вполне естественны. Другим аспектом являются связи с культурами других регионов. Среди польских исследователей ведется дискуссия о происхождении катакомбного обряда на территории Малопольши и времени его появления в некоторых культурах. И если ареал

Причерноморских степей признан наиболее вероятной территорией, откуда этот обряд заимствован, то в определении конкретной культуры мнения исследователей разошлись. М. Шмит и П. Влодарчак, считая, что культура Злота, где зафиксирован этот тип погребальных сооружений, существенно старше катакомбной КИО, приходят к выводу о том, что источник данного типа обряда следует искать в Причерноморских культурах докатакомбного времени. М. Шмит, обращая внимание на связи КША и «пре-ямного феномена степной зоны» (имея в виду захоронение в катакомбе из Богуслава), считает, что этот комплекс проливает свет на генезис могил в культуре Злота (Szmyt, 1999, p. 204). П. Влодарчак отмечает, что могилы в форме катакомбы есть в курганах КШК на Сокальском кряже, а их конструкция находит ближайшие аналогии не в Малопольше, а степном Причерноморье. Осложняет решение проблемы отсутствие катакомбного обряда захоронения в КШК Верхнего Поднестровья, возможно – в связи с малоизученностью региона (Wlodarczak, 2006, s. 135). Зафиксировано только одно погребение с вытянутым положением умершего – центральное захоронение Палечницы, курган 2. Впрочем, механизм восприятии модели неизвестен (Ślusarska, 2007, p. 134). С миграциями катакомбного населения в Малопольшу связывают появление катакомбных могил в культуре Злота В. Клочко и А. Косько (Klochko, Kośko, 2009, p. 299–300). Новая (и пока единичная) находка погребения в Свенте (на р. Сан) демонстрирует сочетание шнуровых, ямных и катакомбных черт в одном комплексе (рис. 4.41. 12–16). Она позволила наметить возможные пути проникновения катакомбного населения в Малопольшу – вдоль долин Днестра и Сана или же вдоль долин Синюхи и Южного Буга (Косько та ін., 2012, с. 73). Радиоуглеродная дата захоронения определяет время проникновения синкретичного ямно-катакомбного населения финалом III тыс. до н. э. (Косько та ін., 2012 , с. 73–74).

Итак, с одной стороны, материальная культура населения Северо-Западного Причерноморья демонстрирует широкий круг контактов ее носителей, причем связи реконструируются при рассмотрении не только артефактов, но и происхождения сырья (металлы, кремень). Более выражены инокультурные параллели в усатовской и буджакской культурах, меньше они проявляются в других культурах и культурных группах энеолита и бронзового века. Исследователями отмечается особое значение культурных групп позднего Триполья, нижнемихайловской культуры и культуры Чернавода I и в формировании усатовской культуры (Дергачев, Манзура, 1991, с. 11; Манзура, 2001–2002, с. 484, Рассамакін, 1997), влияние культур Коцофени, Чернавода II-Фолтешти II, Эзеро на ее материальный комплекс (Патокова и др., 1989, с. 114–115). Для буджакской культуры на раннем ее этапе наиболее выраженными были связи с местными культурами позднего энеолита и ранней бронзы, а также с Балкано-Дунайским регионом, преимущественно – с культурами Коцофени III, Эзеро В, Езерово II, Чернавода II. На позднем этапе проявляются контакты с культурами Карпатской котловины – Глина III-Шнекенберг, Мако-Косиги-Чака, Шомодьвар-Винковци. На раннем и позднем этапах имели место взаимосвязи с культурой шаровидных амфор и культурами шнуровой керамики. На наш взгляд, характерной особенностью буджакской культуры была переработка инокультурных традиций, а не импорт керамики и артефактов, хотя и он имел место. Основная масса посуды, выделяющая Северо-Западное Причерноморье как особый регион в контексте ямной КИО, была изделиями местных гончаров. Состав глины и технологические приемы таких сосудов не отличаются от традиционных буджакских. Но в ней проявились и параллели с другими культурами, и подражания, и восприятие лишь отдельных элементов оформления керамики; порой, разнокультурные элементы сочетались в одном изделии. По-видимому, продолжались взаимоотношения с переселившимся на запад населением. На это указывают в ряде случаев близкие формы инокультурной керамики в ямных погребениях Балкано-Карпатского региона и в буджакских памятниках. В то же время были созданы специфические формы сосудов, характерные только для буджакского керамического комплекса. Можно говорить и о местной металлургии, выделении усатовско-буджакского очага металлообработки. Он характеризуется сохранением некоторых черт трипольской металлургии и определенными

инновациями в технологиях, такой синкретизм был присущ и усатовским, и буджакским мастерам.

С другой стороны, отражением культурных контактов являются также памятники ямного и катакомбного круга, расположенные в Юго-Восточной и Центральной Европе и связанные – в той или иной степени – с Северо-Западным Причерноморьем. Ямные погребения на территории Центральной Европы выделяются исследователями по характерной позе погребенного (скорчено на спине), центральному расположению в кургане, наличию могильной ямы (Harrison, Heyd, 2007). Их особенностью является синкретизм и восприятие некоторых местных черт обряда в контактных зонах, находки в погребальном инвентаре артефактов, связанных происхождением с автохтонным населением. Исследователи отмечают также «степной» импорт и «степные» влияния, проявившиеся не только в новом для Балкано-Карпатского региона погребальном обряде, но и в распространении шнуровой орнаментации особой стилистики (Morintz, Şerbănescu, 1974, p.71). Можно говорить об определенной синхронности развития Северо-Западного Причерноморья с другими европейскими территориями.

Анализ археологических источников и данные естественных наук не позволяют согласиться с гипотезой нашествия ямных племен на запад, независимо от его интерпретации – как мирного переселения или завоевания. На наш взгляд, можно говорить о постепенном и поэтапном заселении западных территорий, дальнейшем продвижении из одного освоенного региона в другой. Такой вывод основан не только на анализе материальной культуры, но и на данных естественных наук – в частности, на результатах изотопного анализа. При этом керамический материал буджакской культуры подтверждает связь этих анклавов с исходными территориями – с Северо-Западным Причерноморьем. Несмотря на определенные отличия в материальной культуре между памятниками отдельных регионов Юго-Восточной и Центральной Европы, имеется достаточно оснований объединить их в Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической области. В отличие от других ареалов ямной КИО, в буджакской культуре есть возможность синхронизации с широким кругом культур Юго-Восточной и Центральной Европы: инокультурные артефакты, присутствующие в погребениях, выступают своеобразными хронологическими реперами. Наряду с радиоуглеродными датами, они позволяют датировать захоронения и стратиграфические слои в курганах. Такой подход дал нам возможность достаточно определенно соотнести погребальный инвентарь с хронологическими периодами буджакской культуры, причем в некоторых случаях возможна и более узкая датировка, в рамках одного–двух столетий. Выделение (соотносительно с хронологическими периодами) раннего и позднего комплексов материальной культуры является одним из компонентов для реконструкции исторического развития Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке. Другим компонентом следует считать инокультурные связи, проявившиеся как в ареале обитания буджакской культуры, так и в Балкано-Карпатском регионе.

Таблица 4.1

Радиоуглеродные даты позднеэнеолитических культур Северо-Западного Причерноморья

Адрес	No	BP	BC cal 1 сигма	Культура
Саратены 2/3	Лу–2477	4530 ± 40	3360–3100	квиятнская
Вапнярка 4/4	Ki–15013	4100 ± 80	2870–2560	квитянская
Александровка, п. 17	Ki–9526	4010 ± 60	2621–2463	квитянская
Бурсучены 1/20	HD–19362	4548 ± 28	3345–3120	животиловская
Красное 9/10	HD–19389	4467 ± 34	3295–3040	животиловская
Бурсучены 1/21	HD–19933	4452 ± 22	3110±3030	животиловская
Саратены 4/8	Лу–2455	4410 ± 50	3148–3018	животиловская

(источники: Петренко, 2010; Иванова и др., 2012)

Таблица 4.4.

Радиоуглеродные даты памятников усатовской культуры

Памятник		Лаб. индекс	BP	BC
Усатово, к.I-12 (?)		UCLA-1642A	4330 ± 60	3020 – 2890
Городище Усатово – Большой Куяльник		Ki-11458	4270 ± 100	3030 – 2670
		Ki-11459	4520 ± 90	3370 – 3090
		Ki-11460	4410 ± 90	3320 – 2910
		Ki-11461	4350 ± 100	3270 – 2880
		Ki-11462	4540 ± 90	3370 – 3090
Городище Маяки	ров 1	Bln-629	4400 ± 100	3330 – 2900
	ров 1	ЛЕ-645	4340 ± 65	3080 – 2890
	ров 1	Ki-9751	4600 ± 90	3520 – 3110
	ров 1	Ki-9752	4490 ± 90	3350 – 3030
	ров 1?	UCLA-1642B	4375 ± 60	3090 – 2900
	ров 1?	UCLA-1642G	4375 ± 60	3090 – 2900
	ров 3	КИГН-282	4580 ± 120	3520 – 3090
	ров 3	КИГН-281	4475 ± 130	3360 – 3010
	ров 3?	Ки-870	4670 ± 110	3640 – 3350
	ров 4	Ki-9527	4380 ± 70	3100 – 2900
	рвы 1–3?	Ki-11463	4370 ± 100	3320 – 2880
		Ki-11464	4530 ± 90	3370 – 3090
		Ki-11465	4460 ± 90	3340 – 3020
		Ki-11466	4360 ± 90	3270 – 2880
Маяки, к.3, п.9		ЛЕ-2944	5080 ± 60	3960 – 3790
Маяки, к.7, п.2		OxA-22959	5530 ± 32	4450 – 4336
Маяки, к.9, п.2.		OxA-22960	5471 ± 24	4443 – 4239
Александровский к., п.35		Ki-9524	4720 ± 70	3640 – 3370
Александровский к., п.22		Ki-9525	4760 ± 70	3640 – 3380
Кошары II, п.220		Ki-11207	4300 ± 60	3020 – 2870
Садовое, к.1, п.29		Ki-9529	4900 ± 70	3770 – 3630
Данку 2, п.2		ЛЕ-1054	4600 ± 60	3510 – 3120
Утконосовка, к.3, п.2		Ki-11252	4830 ± 70	3700 – 3520
Аккембетский к., р.п. *		Ki-6800	4170 ± 60	2880 – 2670
Аккембетский к., р.п. *		Ki-6801	4095 ± 65	2860 – 2500
Аккембетский к., п.6 *		Ki-6802	4020 ± 65	2840 – 2460
Аккембетский к., п.6 *		Ki-6803	4090 ± 60	2860 – 2500
Аккембетский к., п.9 *		Ki-6804	3990 ± 60	2620 – 2350
Аккембетский к., п.10 *		Ki-6805	3930 ± 55	2550 – 2300
Аккембетский к., п.7 *		Ki-6806	3975 ± 55	2580 – 2350
Аккембетский к., п.7 *		Ki-6807	3950 ± 60	2570 – 2340
Аккембетский к., п.7 *		Ki-6808	3935 ± 45	2490 – 2340
Аккембетский к., п.23 *		Ki-6809	3920 ± 60	2480 – 2290
Аккембетский к., п.24 *		Ki-6810	3945 ± 50	2570 – 2340
Городище Маяки *		Ki-9753	4180 ± 90	2890 – 2630
Городище Маяки, ров 1? *		GrN-5126	3490 ± 35	1880 – 1760

* Сомнительные или некоторектные даты
(источник: Петренко, Кайзер, 2012)

Таблица 4.3

Радиоуглеродные даты погребений Балкано-Карпатского варианта ямной КИО

Памятник	Лаб. номер	BP	BC
Хаманджия	Bln-29	4090±160	2880–2460
Хаманджия	KN-38	4060±160	2880–2400
Хаманджия	GrN-1995	4280±65	3020–2760
Плачилол к.1	Bln-2501	4170±50	2880–2670
Плачидол к.2 кострище 2	Bln-2504	4260±60	2930–2690
Поручик Гешаново п.1	Bln-3301	4080±50	2860–2490
Поручик Гешаново, п.3	Bln-3302	4360±50	3080–2900
Поручик Гешаново п.4	Bln-3303	4110±50	2860–2570
Събрано ск. А	Ox A-23078	4395±28	3093–2920
Събрано ск. D	Ox A-22950	4394±28	3091–2921
Шарретудвари п. 4	deb-7182	4135±60	2870–2620
Шарретудвари п. 9	deb-6871	4060±50	2840–2490
Шарретудвари п. 10	deb-6639	4350±40	3020–2900
Шарретудвари п. 12 (энеолит?)	deb- 6869	4520±40	3350–3110

Продолжение таблицы 4.3.

Хайдюнанаш п. 1	Poz-31637	4270 ± 40	2920 –2870
Хайдюнанаш п. 2	Poz-31405	4210 ± 35	2890 –2860 2810– 2750 2720–2700
Кетедьхаза	Bln-609	4265±80	3020–2690
Падей	Bln-2219	4320±50	3020–2880
Нойзидль-ам-Зее п. 1	VERA -2213	4130±35	2860–2620
Нойзидль-ам-Зее п. 1	ETH -25186	4160±55	2880–2670
Блекендорф	KIA-162	4080±20	2840–2570

(источник: Черных и др., 2000; Stadler, 2002; Harrison, V. Heyd, 2007; Wlodarczak, 2010; Horváth, 2011; Христова, Узунова, 2012)

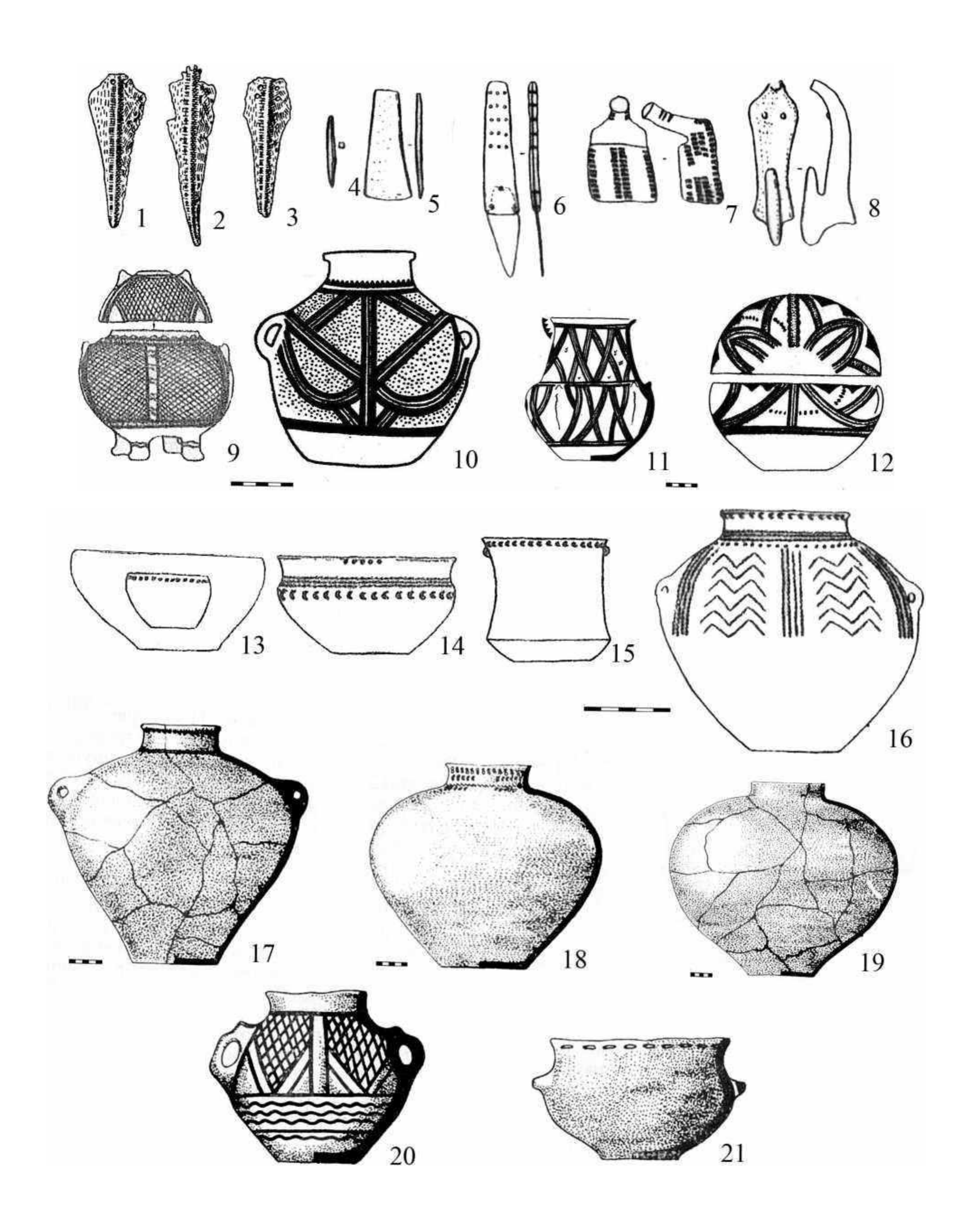

Рис. 4.1. Материалы, характеризующие усатовскую культуру:

1-3 - кинжалы «анатолийского» типа»; 4 - шило; 5 - тесло; 6 - нож; 7,8 - антропоморфные статуэтки; 9-21 - сосуды;

(по: 1-16 - Дергачев, Манзура, 1991; 17-21 - Яровой, 1990)

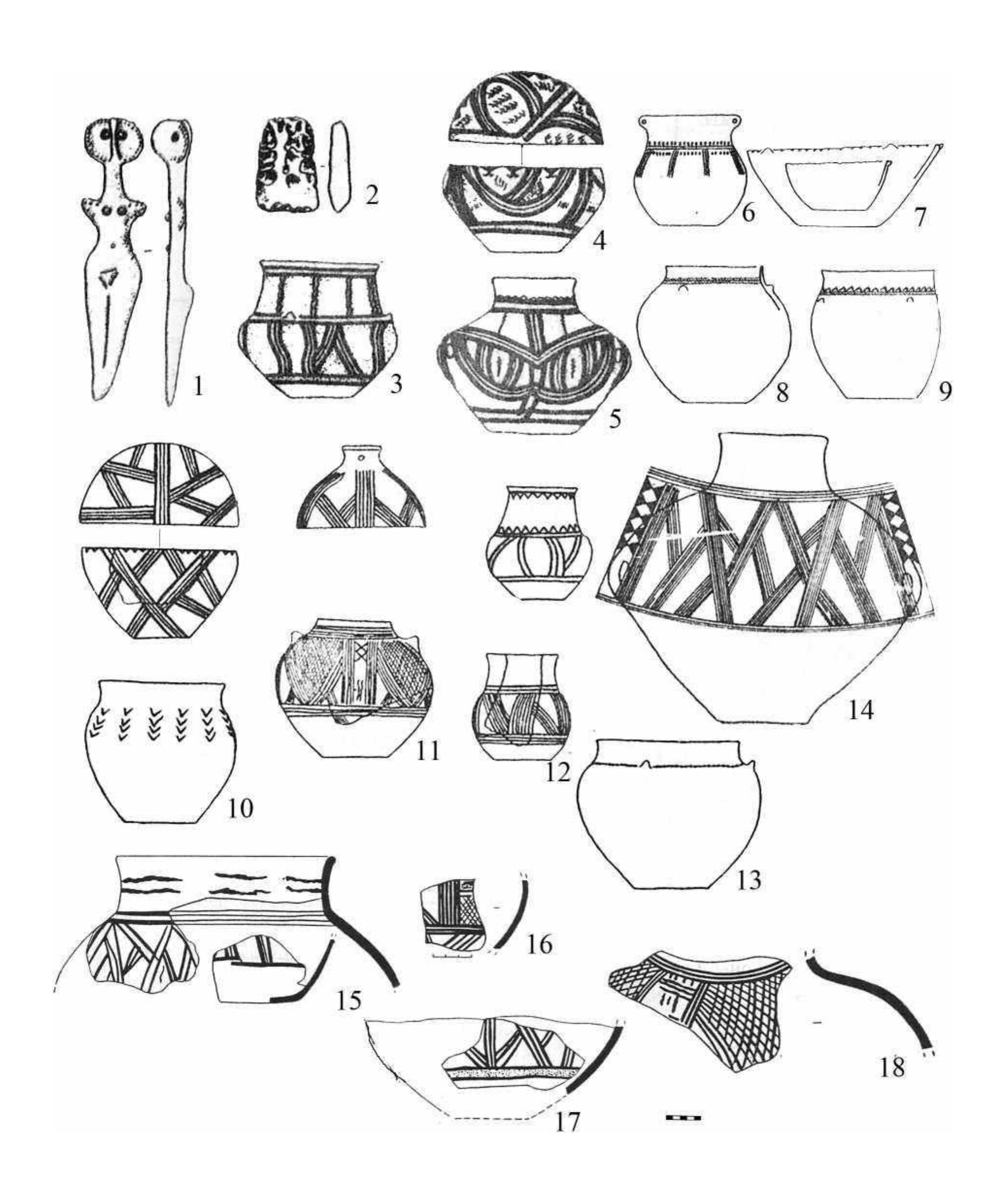

Рис. 4.2. Материалы, характеризующие позднетрипольские группы Северо- Западного Причерноморья:

1-9 - выхватинский тип памятников; 10-14 - гординештский тип памятников; 15-18 - кириленьский типа памятников; 1 - антропоморфная статуэтка; 2 - кремневое тесло; 3-18 - керамика;
(по: 1-14 - Дергачев, Манзура, 1991; 15-18 - Бикбаев, 1994)

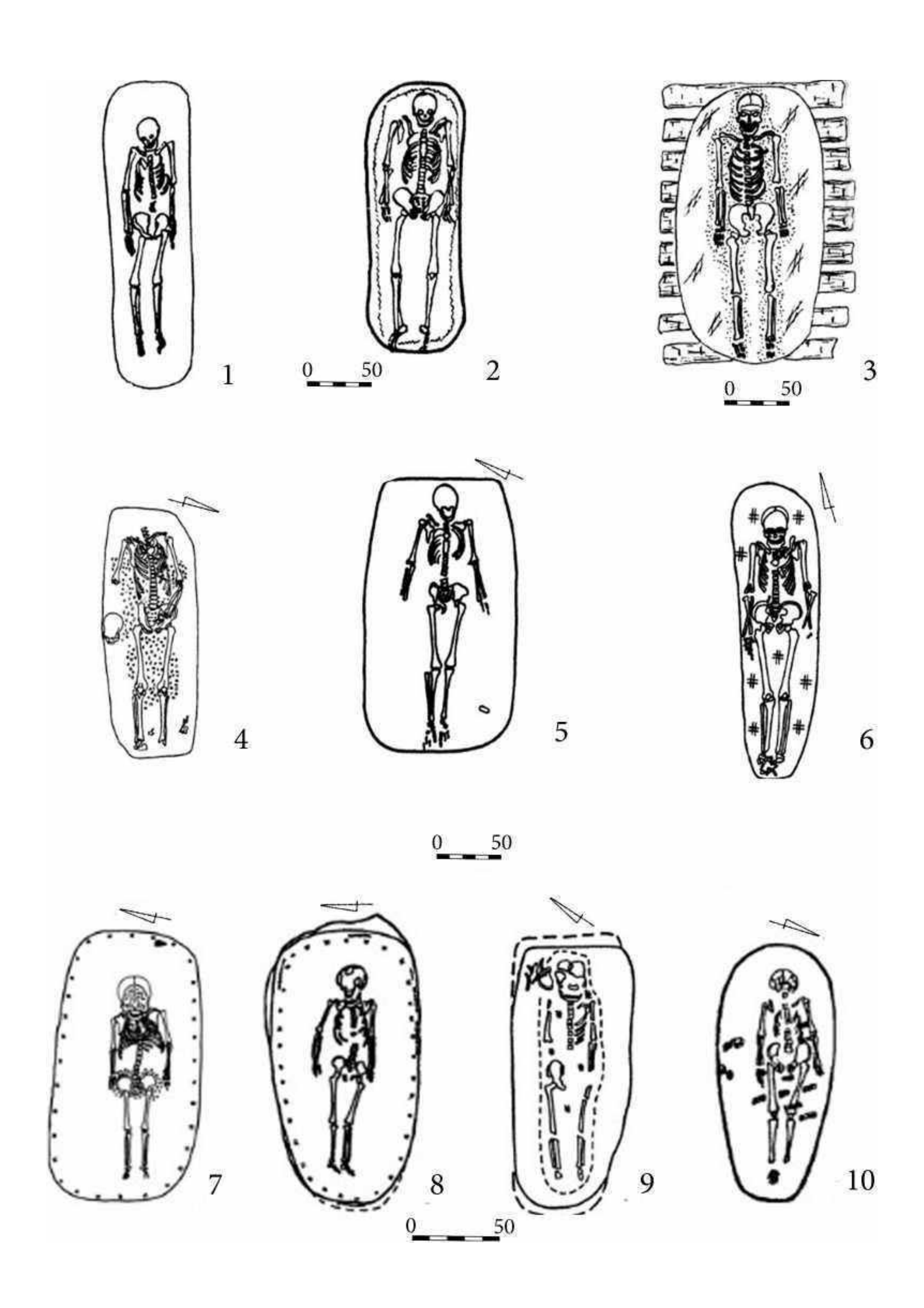

Рис. 4.3. Погребения с вытянутыми скелетами позднего энеолита и начала бронзового века в Северо-Западном Причерноморье:

1- Огородное III, 1/12; 2 - Тимково 1/5; 3 - Етулия 1/14; 4 - Окница 1/14; 5 - Вишневое 11/10; 6 - Никольское 8/7; 7 - Окница 6/24; 8 - Саратены 2/3; 9 - Кагул 1/15; 10 - Кочковатое 30/2 (по: Манзура, 2010)

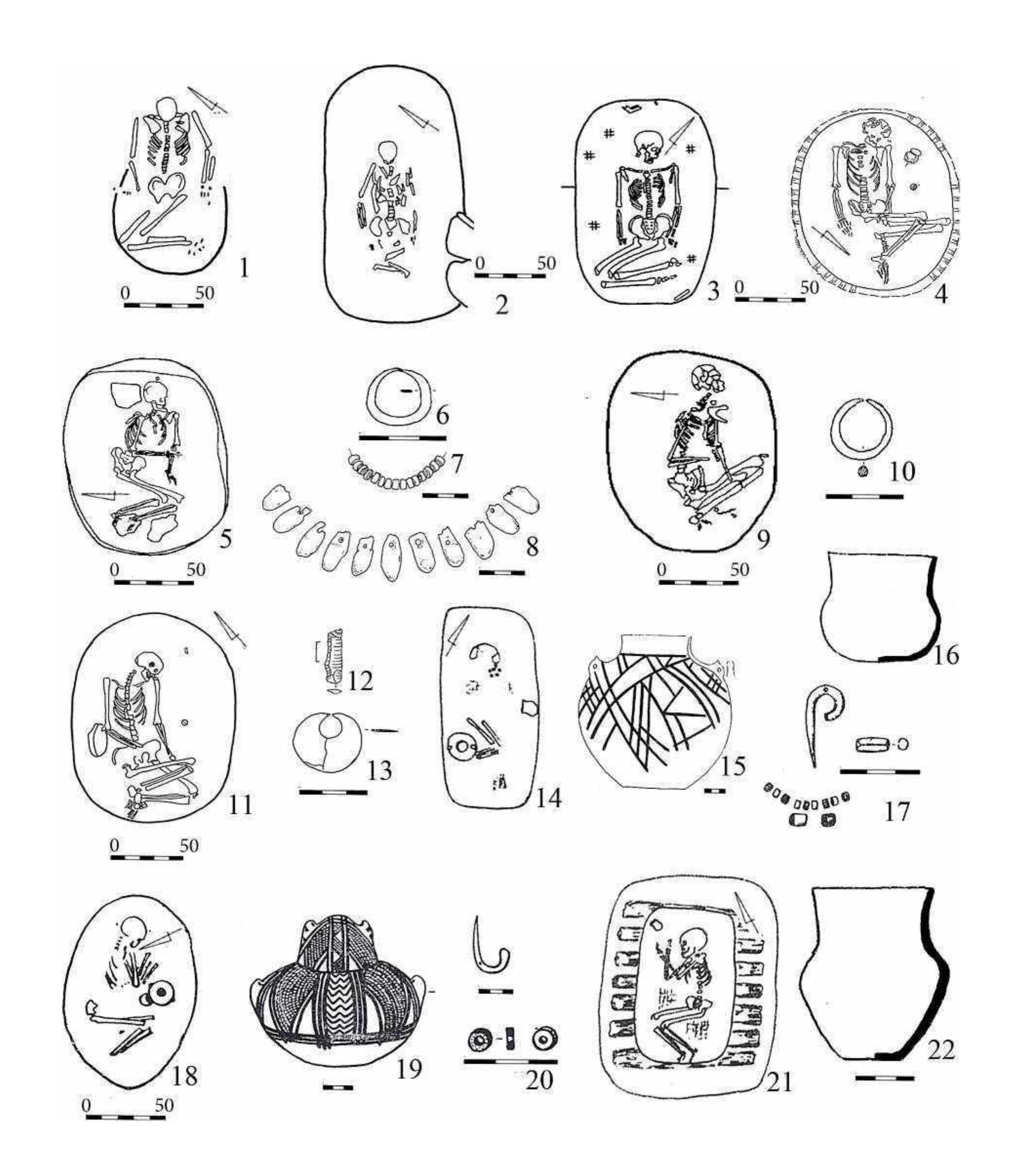

Рис. 4.4. Позднеэнеолитические памятники Северо-Западного Причерноморья:

1 - Кошары 3/6; 2 - Холмское 1/8; 3 - Никольское 1/5; 4 - Катаржино 1/10; 5-8-Саратены 1/14;9,10-Траповка 1/10;11-13-Ковалевка VII 4/32; 14-17 - Тараклия II 10/17; 18-20 - Болград 6/1; 21,22 - Тараклия II, 10/16;
1-4 - постстоговский тип; 5-13 - нижнемихайловский тип; 14-22 - животиловский тип;
(по: 1-13 – Rassamakin, 2004; 14-22 - Дергачев, Манзура, 1991)

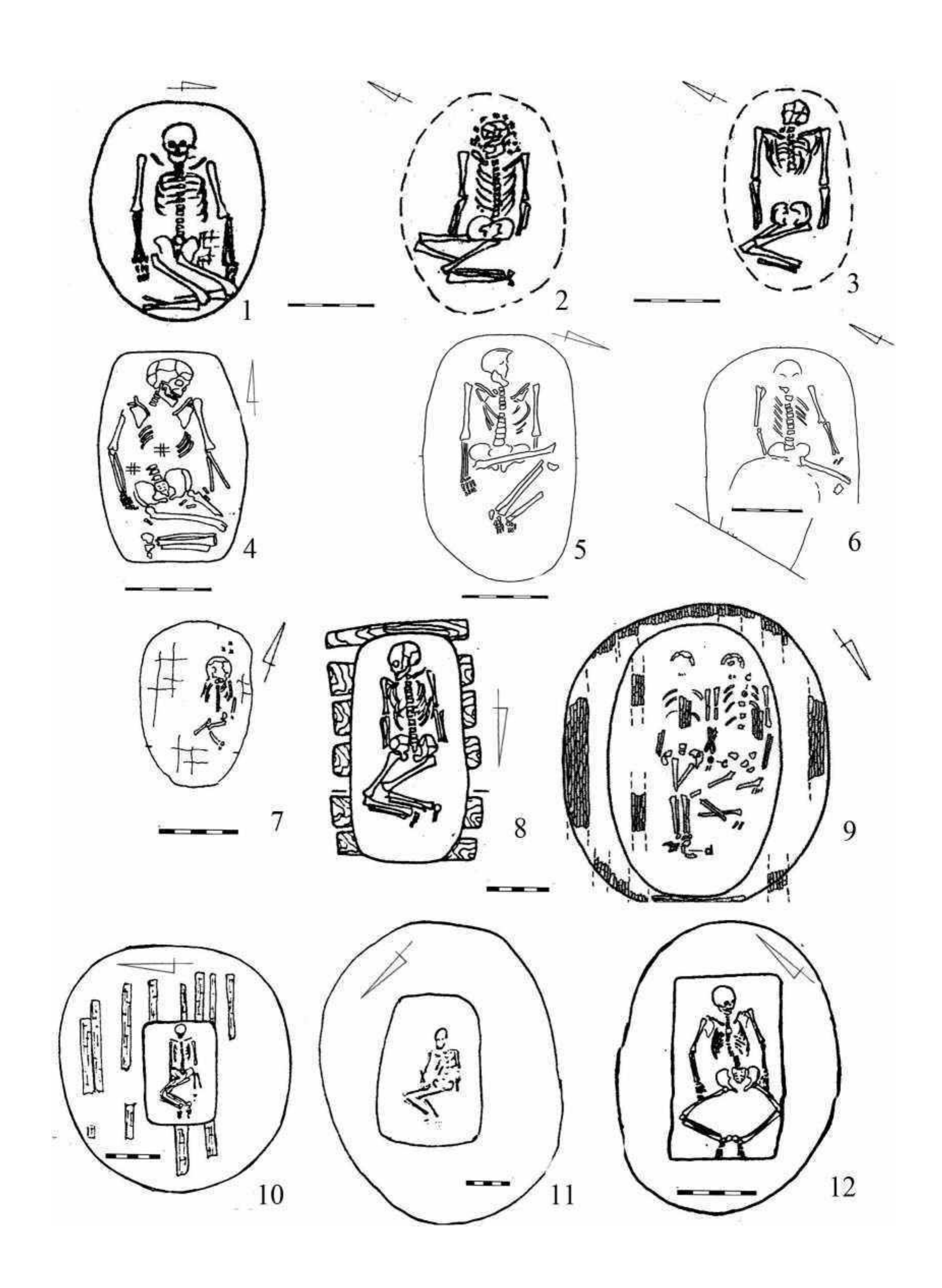

Рис. 4.5. Сохранение энеолитических (постстоговских) традиций в буджакской культуре:

1 - Медвежа 4/2; 2- Приморское 1/2; 3 - Приморское 1/4; 4 - Никольское 1/9; 5 - Сычавка 1/9; 6 - Сычавка 1/22; 7 - Плачидол 1, 2/1; 8 - Этулия 1/2; 9 - Катаржино 1/21; 10-Курчи 3/1; 11 - Тараклия 1,3/17; 12-Глубокое 1/9
(по: 1 - Савва, Дергачев, 1984а; 2,3 - Чеботаренко и др., 1993; 4 - Агульников, Сава, 2004; 5,6 - Іванова, Савельев, 2011; 7 - Панайотов, 1989; 8 - Борзияк, 1984; 9 - Иванова и др., 2005; 10 - Тощев, 1992; 11 - Дергачев, 1973; 12 - Шмаглий, Черняков, 1970)

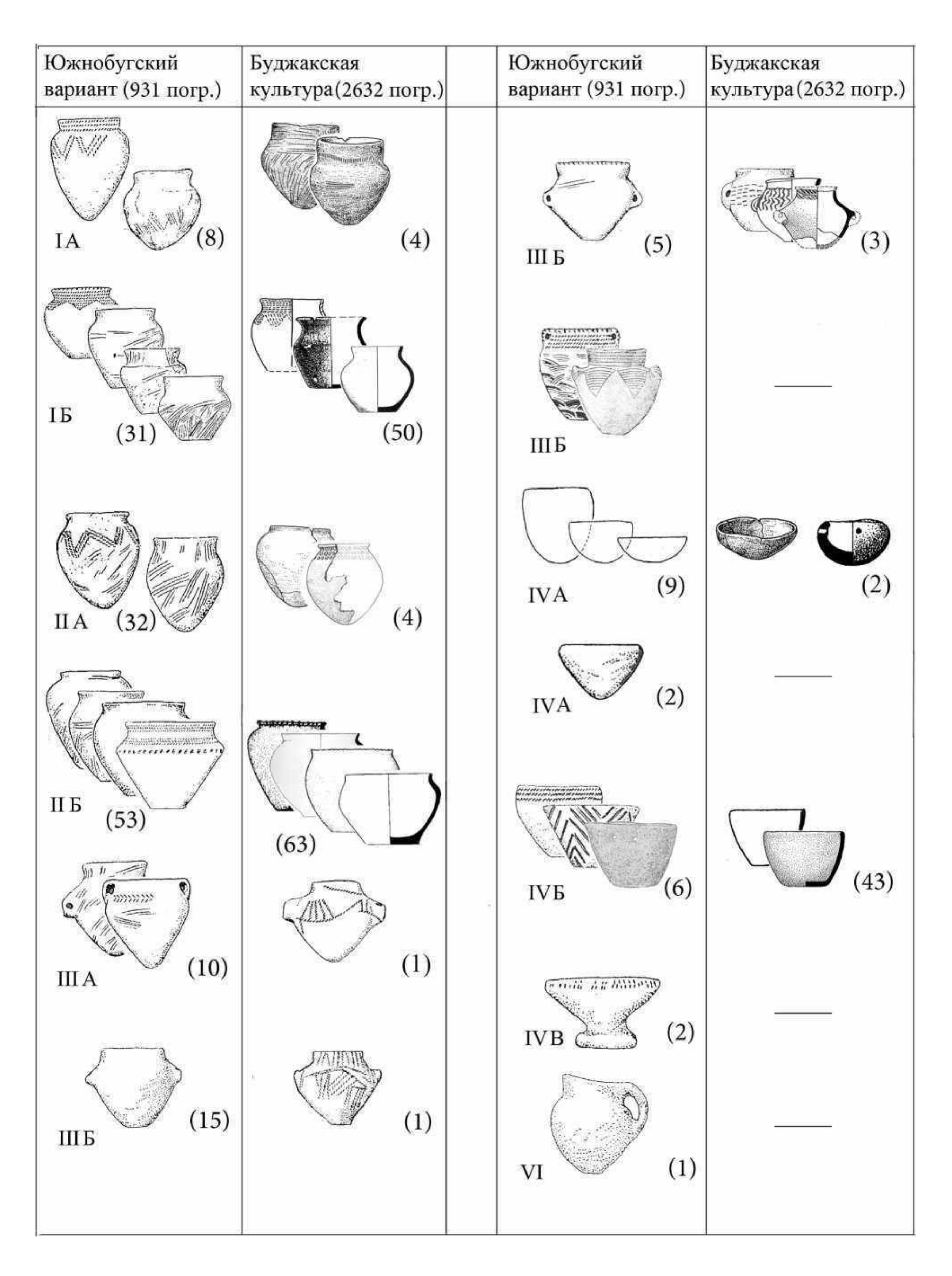

Рис. 4.6. Сравнительный анализ основных форм посуды южнобугского варианта ямной КИО (по: Шапошникова и др., 1986) и керамики буджакской культуры Северо-Западного Причерноморья

(в скобках - количество находок)

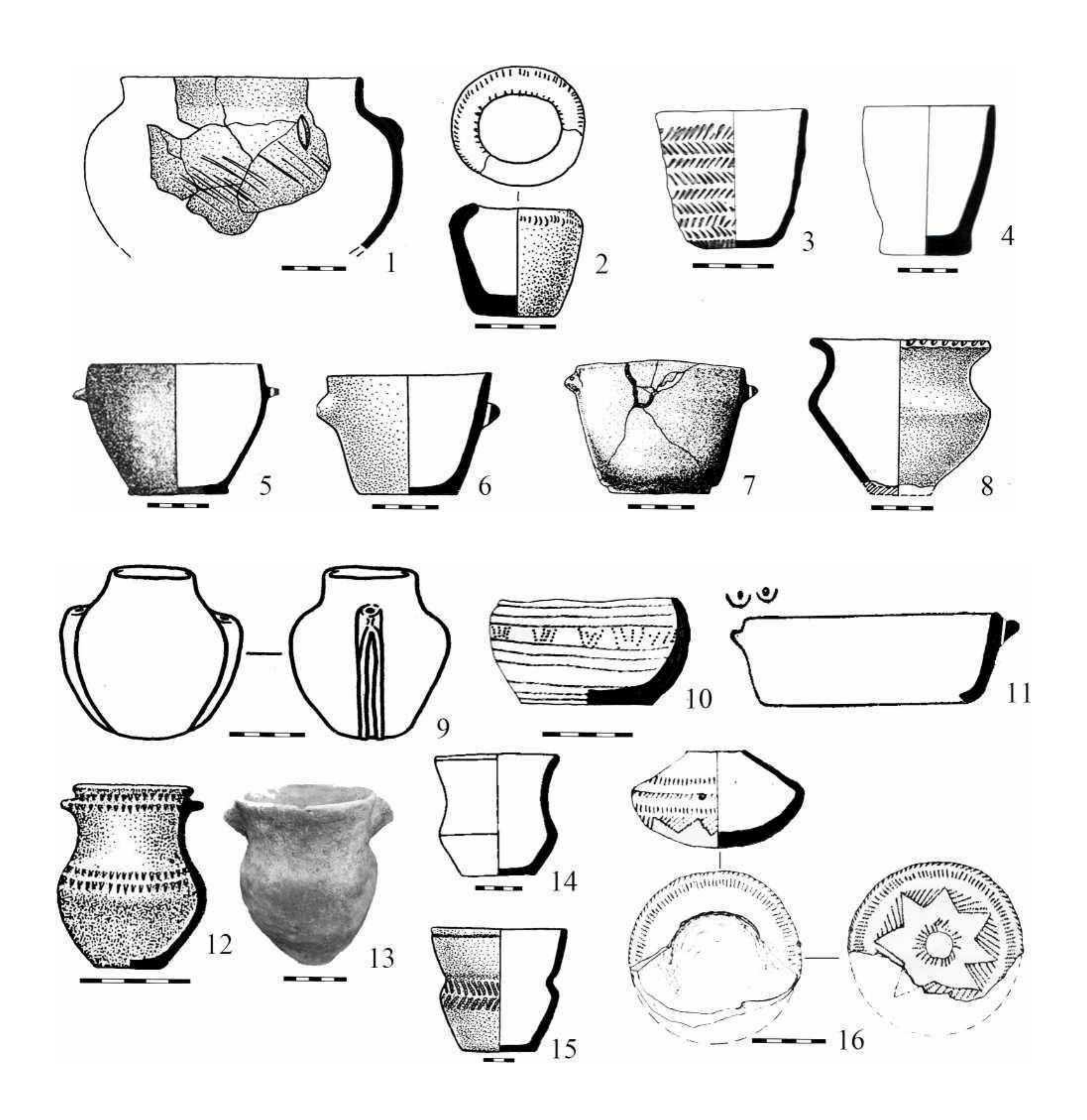

Рис. 4.7. Керамика буджакской культуры, имеющая параллели в культурах Балкано-Карпатского региона:

1 - Нерушай 9/9; 2 - Вишневое 52/3; 3 - Новоградковка 2/9; 4 - Алкадия 4/2; 5 - Старые Беляры 1/14; 6 - Новоградковка 5/3; 7 - Щербанка 1/10; 8 - Траповка 5/6; 9 - Болград 5/6; 10 - Новоградковка 5/4; 11 - Старые Дубоссары 1/38; 12 - Тараклия 14/16; 13 - Дзинилор 9/12; 14-Холмское 1/16; 15 - Дивизия II, 2/5; 16 - Курчи 3/8
(по: 1 - Шмаглий, Черняков, 1970; 2 - Субботин и др., 1998; 3, 6, 10 - Субботин и др., 1986; 4 - Субботин и др., 1987; 5 - Петренко, 1991; 7 - Бейлекчи, 1993; 8 - Субботин и др., 1995; 9 - Субботин, Шмаглий, 1970; 11 - Дергачев, 1986; 12 - Agulnikov, 1995; 13 -фонды ОАМ, фото С.В. Ивановой; 14 - Черняков и др., 1985; 15 - Субботин и др., 2001/2002; 16 - Тощев, 1992)

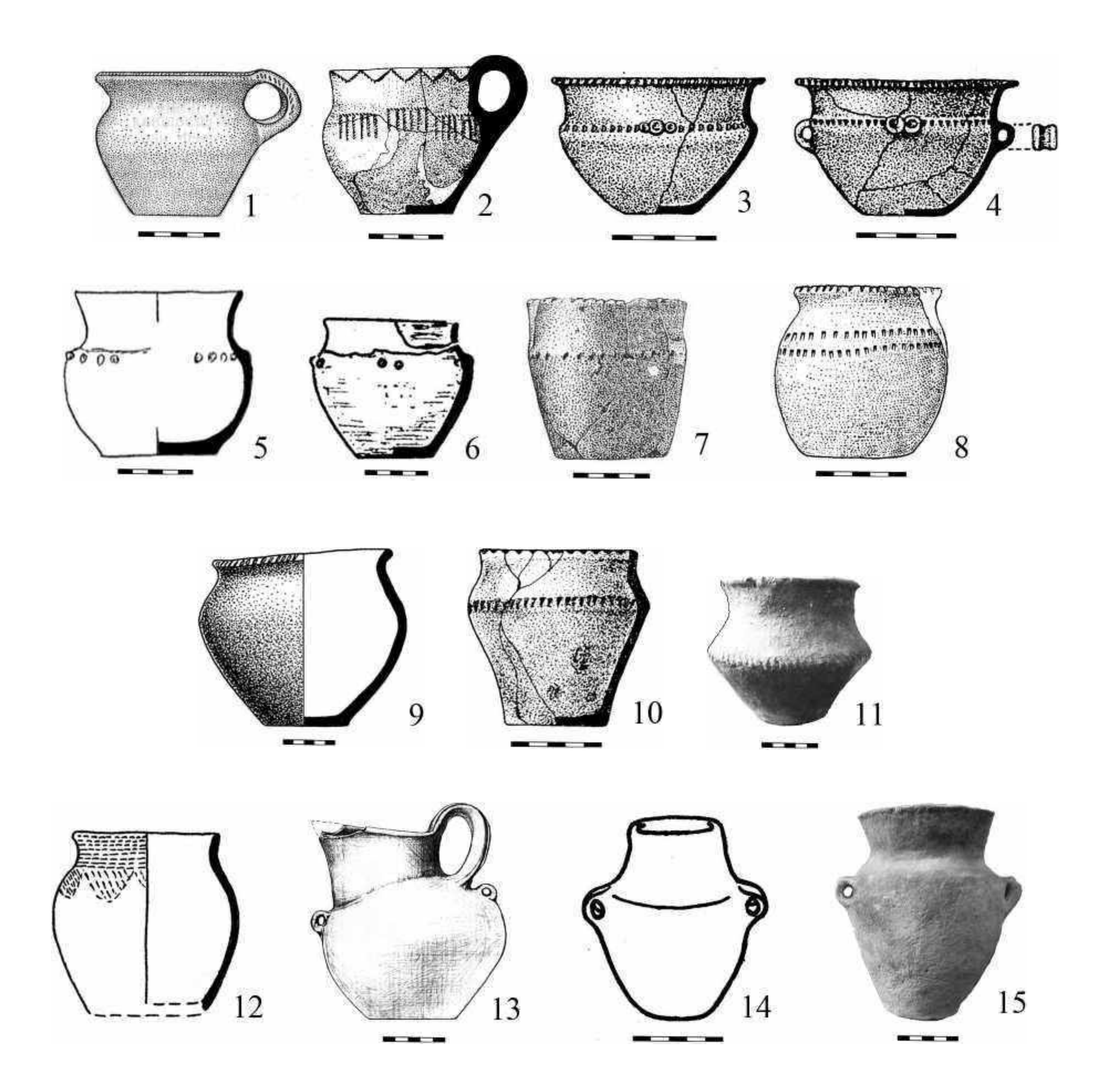

Рис. 4.8. Керамика буджакской культуры, имеющая параллели в Нижнем Подунавье и Пруто-Карпатском регионе:

1 - Маяки II 1 /18; 2 - Оланешты 1/28; 3 - Казаклия 8/5; 4 - Тараклия 14/1; 5 - Плавни 9/7; 6 - Медвежа 4/4; 7 - Ковалевка I, 3/8; 8 - Ковалевка II, 8/4; 9 - Белолесье 11/9; 10 - Оланешты 3/8; 11 - Николаевка 8/10; 12 - Глубокое, к. 2, насыпь; 13 - Матроска 1/1; 14 - Болград 3/1; 15 - Плавни 12/9;
(по: 1 - Зиньковский, Патокова, 1978; 2,10 - Яровой, 1990;3,4 -Ащйпікоу, 1995; 5- Андрух и др., 1985; 6 - Савва, Дергачев, 1984а; 7, 8 - Шапошникова и др., 1986; 9 - Субботин и др., 1998; 11, 15 - фонды ОАМ, фото С.В. Ивановой; 12 - Шмаглий, Черняков, 1970; 13 - фонды ОАМ, неопубликован; 14 - Субботин, Шмаглий, 1970)

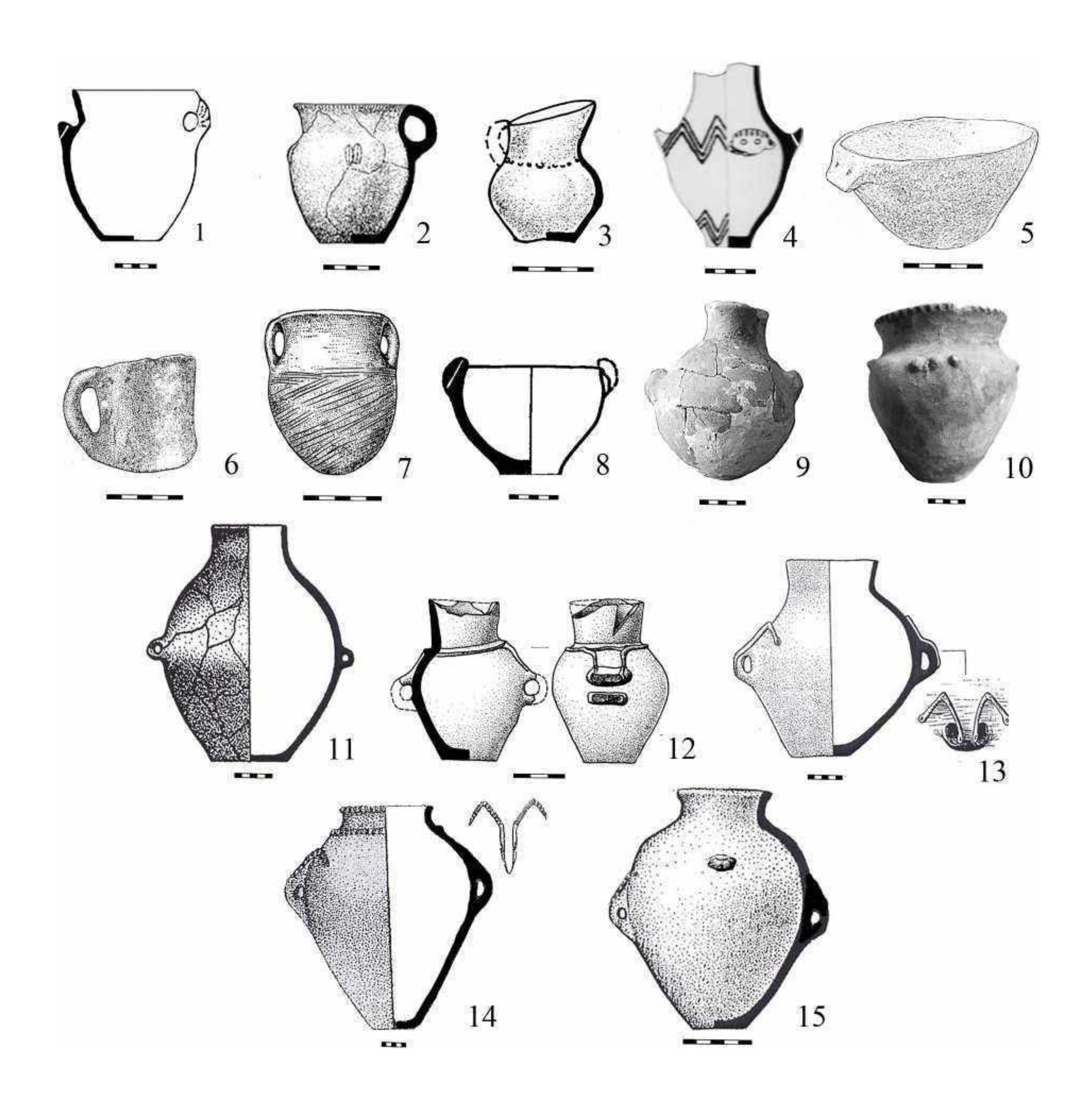

Рис. 4.9. Сосуды из буджакских захоронений, имеющие параллели в культурах Балкано-Карпатского региона:

1 - Струмок 1/3; 2 - Тараклия 16/5; 3 – Кубей 21/5; 4 - Алкалия, к. 25; 5 - Беляевка 1/20; 6 - Ковалевка 1, 3/2; 7 - Ковалевка VII, 1/24; 8 - Вишневое 17/36; 9-Холмское 1/21; 10 - Петродолинское 1/4; 11 - Саратены 2/10; -Траповка к. 1; 13-Градешка I, 5/11; 14 - Каменка 6/18; 15 - Каменка 3/13;
(по: 1 - Гудкова и др., 1979; 2 - Agulnikov, 1995; 3 - Субботин и др., 1986; 4 - Субботин и др., 1987; 5 - Алексеева, 1971; 6 - Шапошникова и др., 1986; 7 - Шапошникова и др., 1986; 8 - Дворянинов и др., 1985; 9, 10 – фонды ОАМ, фото С.В. Ивановой; 11 – Levitki et al., 1996; 12-Субботин и др., 1995; - Субботин и др., 1995; 14, 15 - Манзура и др., 1992)

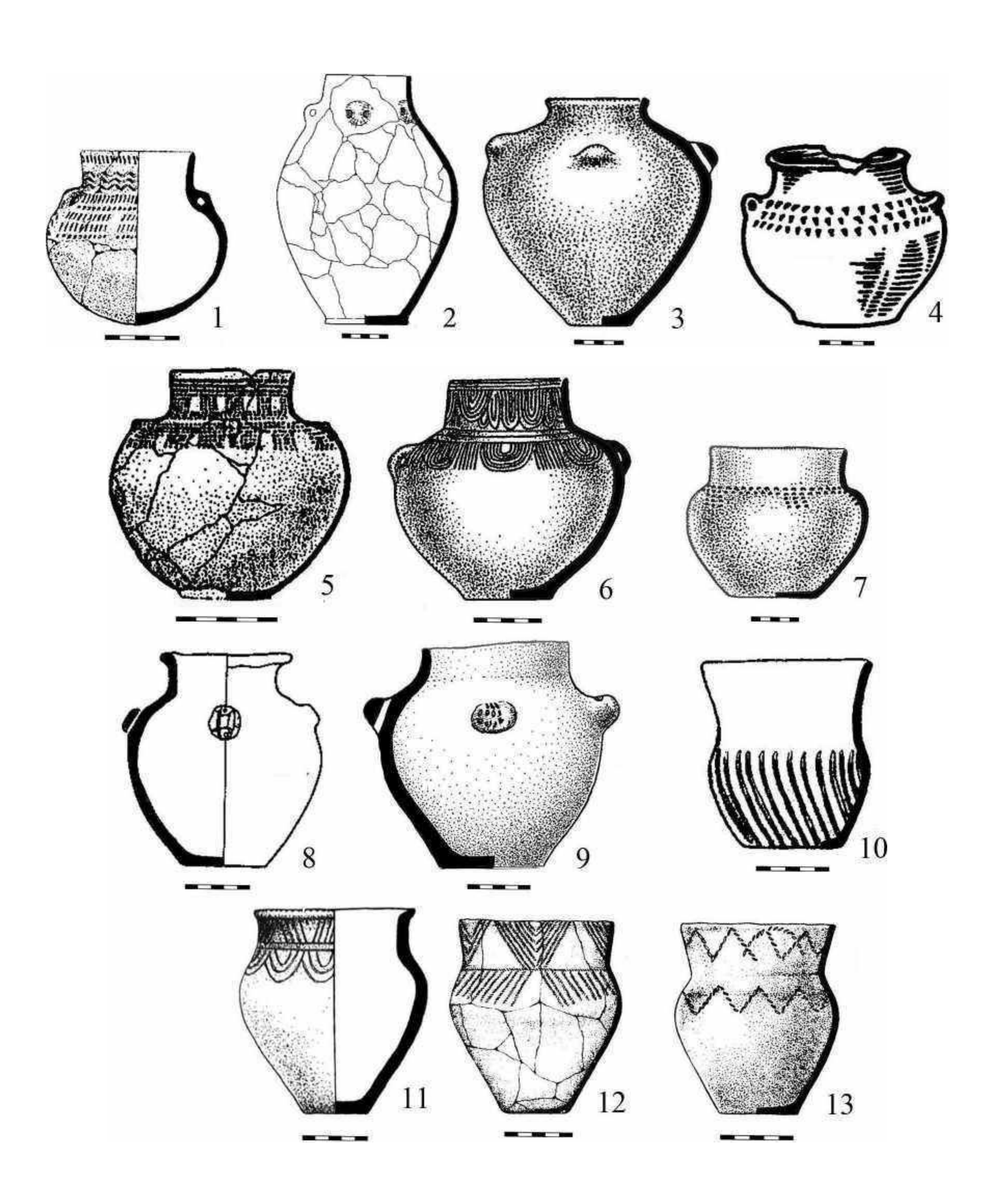

Рис. 4.10. Сосуды из буджакских погребений, имеющие параллели в культуре шаровидных амфор:

1 -Мокра 3/4; 2 - Маркулешты 3/4; 3 - Корпач 2/13; 4 - Ефимовка 2/14; 5 - Каменка 3/14; 6 - Корпач 2/7; 7 - Каменка 445/7; 8 - Татарбунары 1/2; 9 - Новоселица 19/14; 10 - Парканы 87/1; 11 - Орхей 1/3; 12 - Оланешты 15/4; 13 - Оланешты 5/5;
(по: 1 - Кашуба и др., 2001/2002; 2 - Бейлекчи, 1992; 3,6 - Яровой, 1984;4 -Шмаглий, Черняков, 1985; 5 - Манзура и др., 1992; 7 - Дергачев, 1999; 8 - Субботин, 1988; 9 - Субботин и др., 1995; 10 - Дергачев, 1973 ; 11 - Попович, 2008; 12, 13 - Яровой, 1990

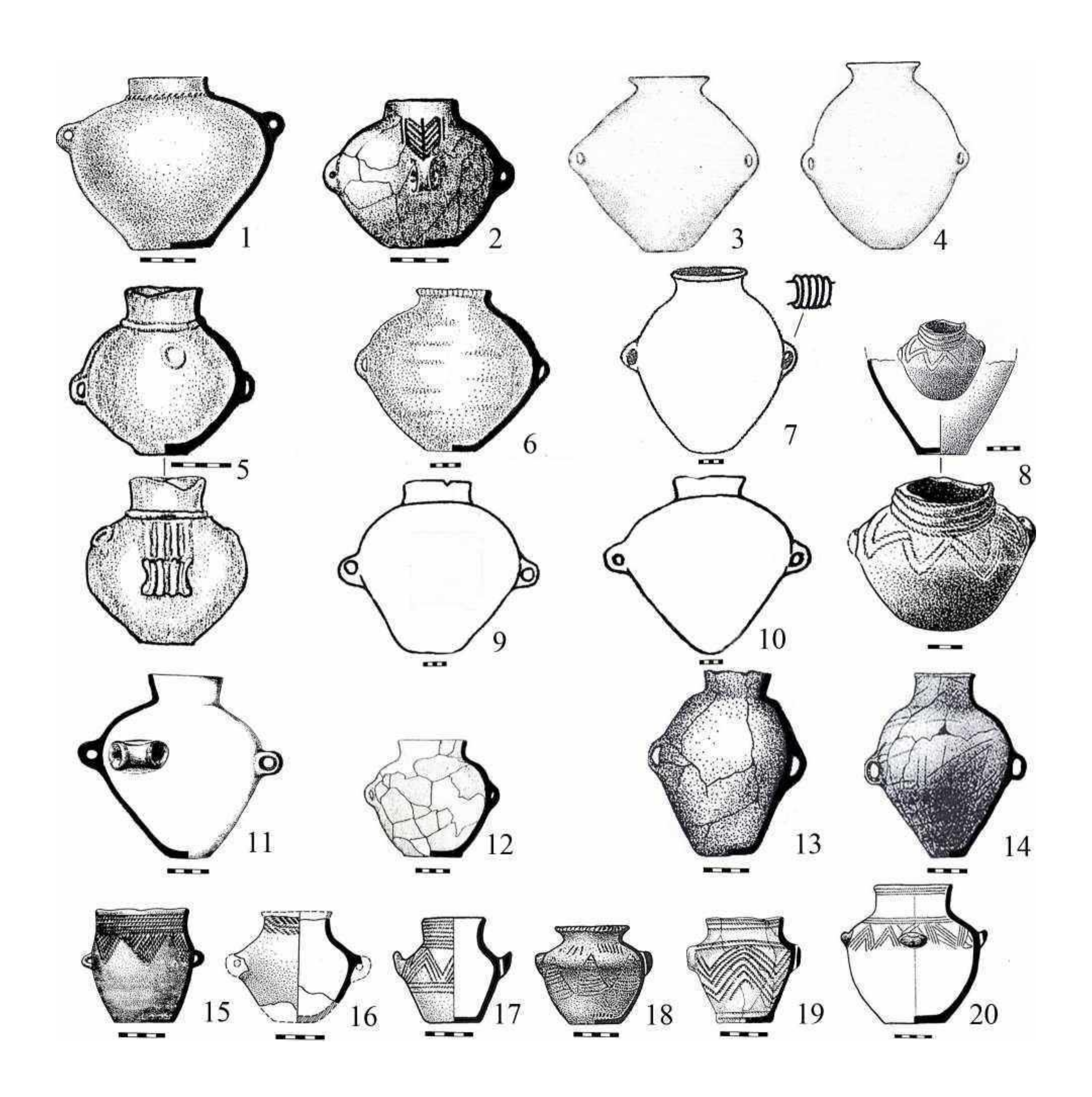

Рис. 4.11. Сосуды из буджакских захоронений, имеющие параллели в культурах шнуровой керамики:

1 - Гура Галбене 2/5; 2 - Оланешты 14/1; 3 - Бурсучены 1/19; 4 - Бурсучены 1/14; 5 - Каушаны 1/4; 6 - Каушаны 1/18; 7 -Ефимовка 10/7; 8 - Белолесье, к. 1, насыпь; 9 - Островное 2/12; 10 - Ясски 5/26; 11 - Огородное, к. 1, насыпь; 12 - 12-Яблона 1/1; 13- Тараклия 10/19; 14- Казаклия 3/13; 15-Пуркары 1/29; 16- Градешка I, 5/1; 17 -Михайловка 3/6; 18- Никольское 16/16; 19 - Оланешты 1/15; 20 - Градешка I, 5/11;

(по: 1-Дергачев, 1973; 2,16 - Яровой, 1990; 3,4 - Яровой, 1985; 5,6 - Чеботаренко и др., 1989; 7 - Шмаглий, Черняков, 1985; 8 - Субботин, 1998; 9, 10 - Алексеева, 1992; 11 - Субботин и др., 1983; 12 - Яровой, 1983; 13, 18 - Агульников, Сава, 2004; 14 - А^нінікоу, 1995; 15-Яровой, 1990; 16 - Субботин и др., 1995; 17- Субботин, 2000; 19 - Яровой, 1990; 20 - Субботин и др., 1995)

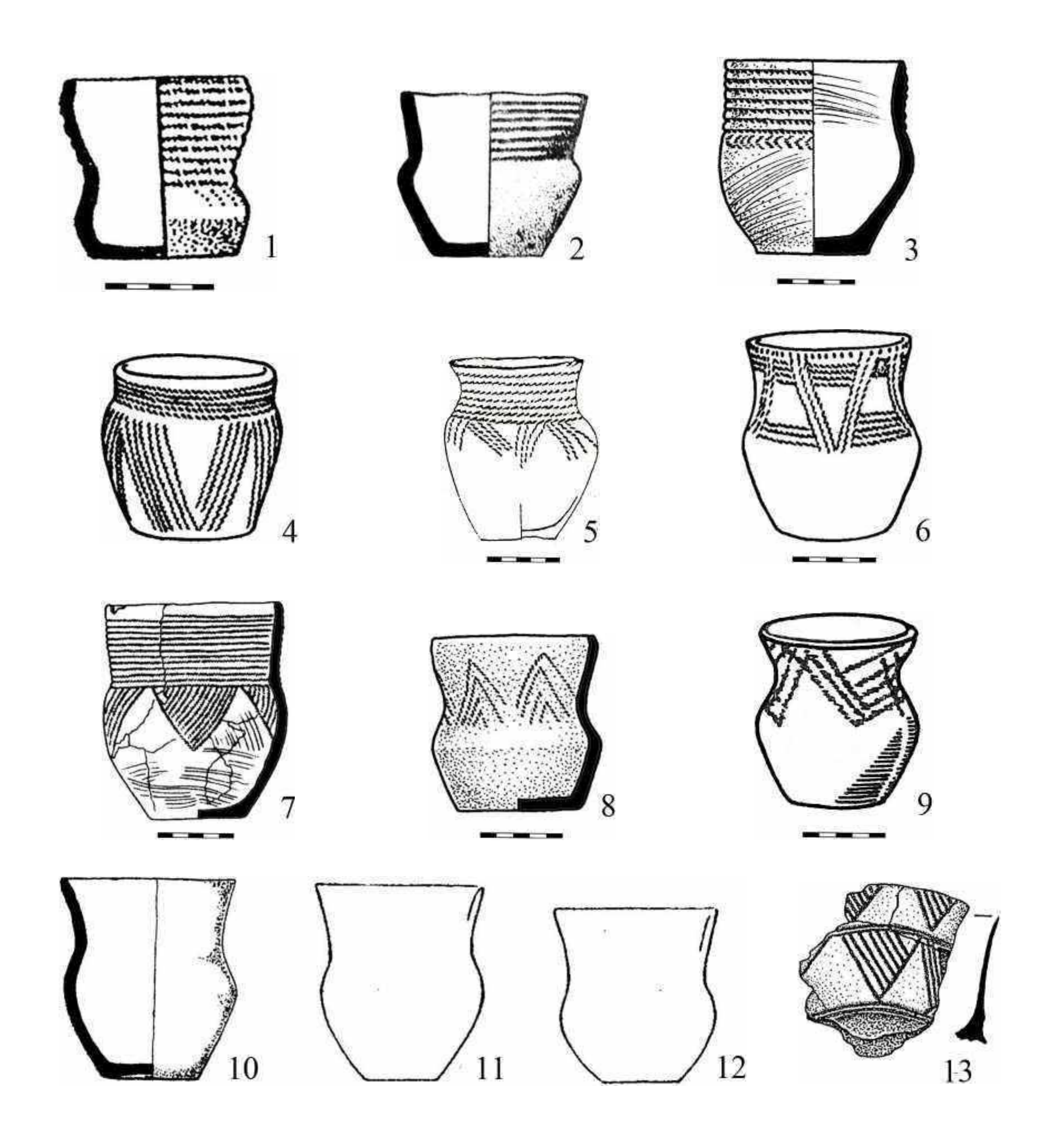

Рис. 4.12. Сосуды из буджакских погребений, демонстрирующие связи с культурами шнуровой керамики:

1 - Мирное 1/12; 2 - Бутор 9/3;3 - Траповка 6/20; 4 - Баштановка 7/21; 5 - Курчи 3/11; 6 - Баштановка 7/12; 7 - Холодная балка 1/13; 8 - Траповка 4/5; 9 - Ефимовка 9/17; 10 - Огородное III, 1/16; 11 - Ясски 5/26; 12 - Беляевка 1/32; 13 - Молога 2/3;
(по: 1 - Алексеева, 1992; 2 - Мелюкова, 1974а; 3,8 - Субботин и др., 1995; 4,6 - Шмаглий, Черняков, 1970; 5 - Тощев, 1992; 7 - Петренко, 2010; 9 - Шмаглий, Черняков, 1985; 10 - Субботин и др., 1983; 11, 12 - Алексеева, 1992; 13-Малюкевич, Агульников, 2005)

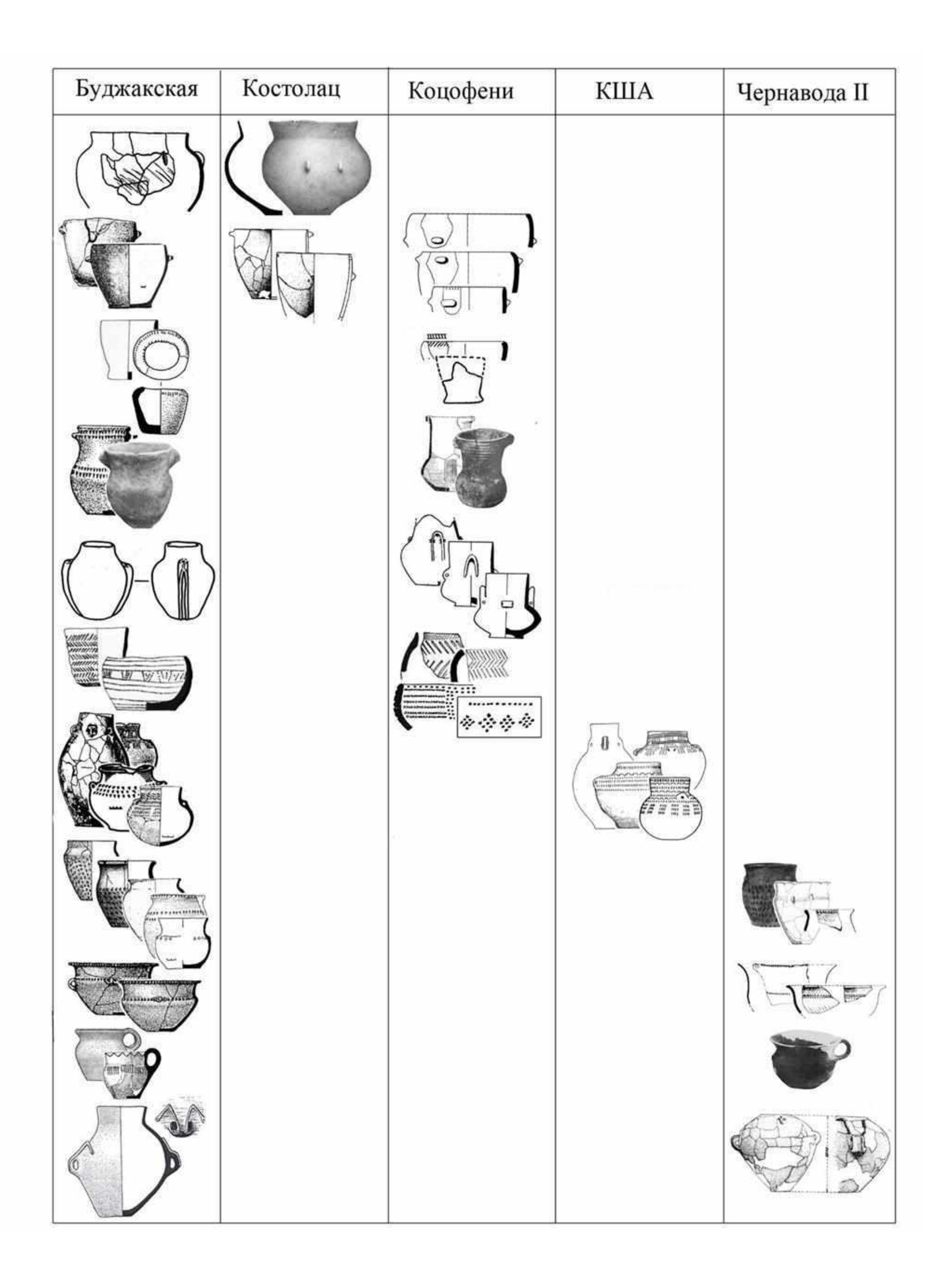

Рис. 4.13. Параллели в буджакской керамике и керамике культур Карпато-Дунайского региона первой половины III тыс. до и. э.

Буджакская культура	Глина III – Шнекенберг	Мако – Косиги – Чака	Шомодьвар – Винковци	Балкано-Дунайский Пруто-Карпатский регионы

Рис. 4.14. Параллели в буджакской керамике и керамике культур Карпато-Дунайского региона второй половины III тыс. до н. э.

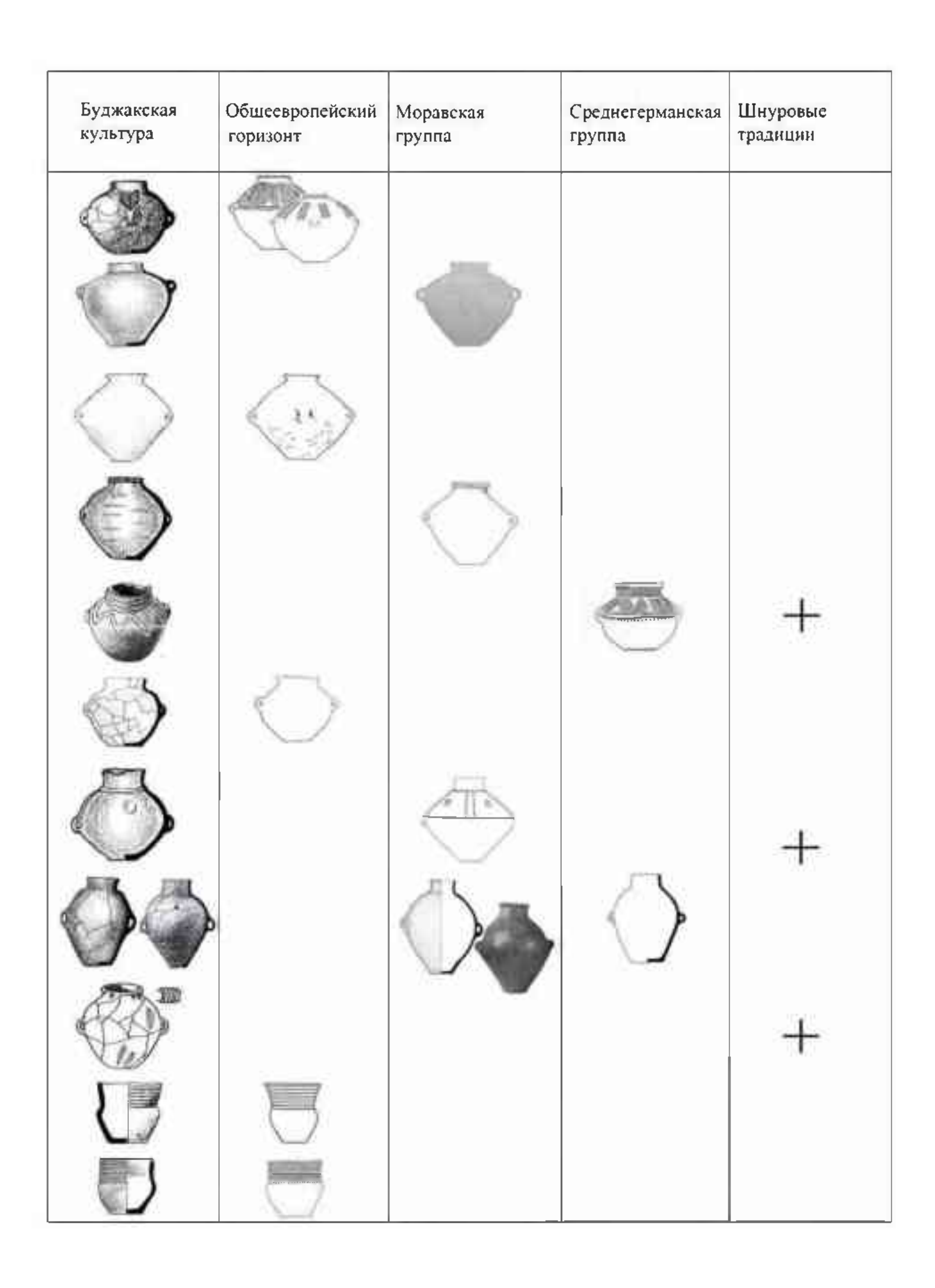

Рис. 4.15. Керамика из буджакских погребений и ее параллели в культурах шнуровой керамики. Первая половина III тыс. до н. э.

Буджакская культура	Моравская группа	Среднегерманская группа	Подкарпатская культура	Шнуровые традиции
				+
				+
				+
				+
				+
				+
				+

Рис. 4.16. Керамика из буджакских погребений и ее параллели в культурах шнуровой керамики. Вторая половина III тыс. до н. э.

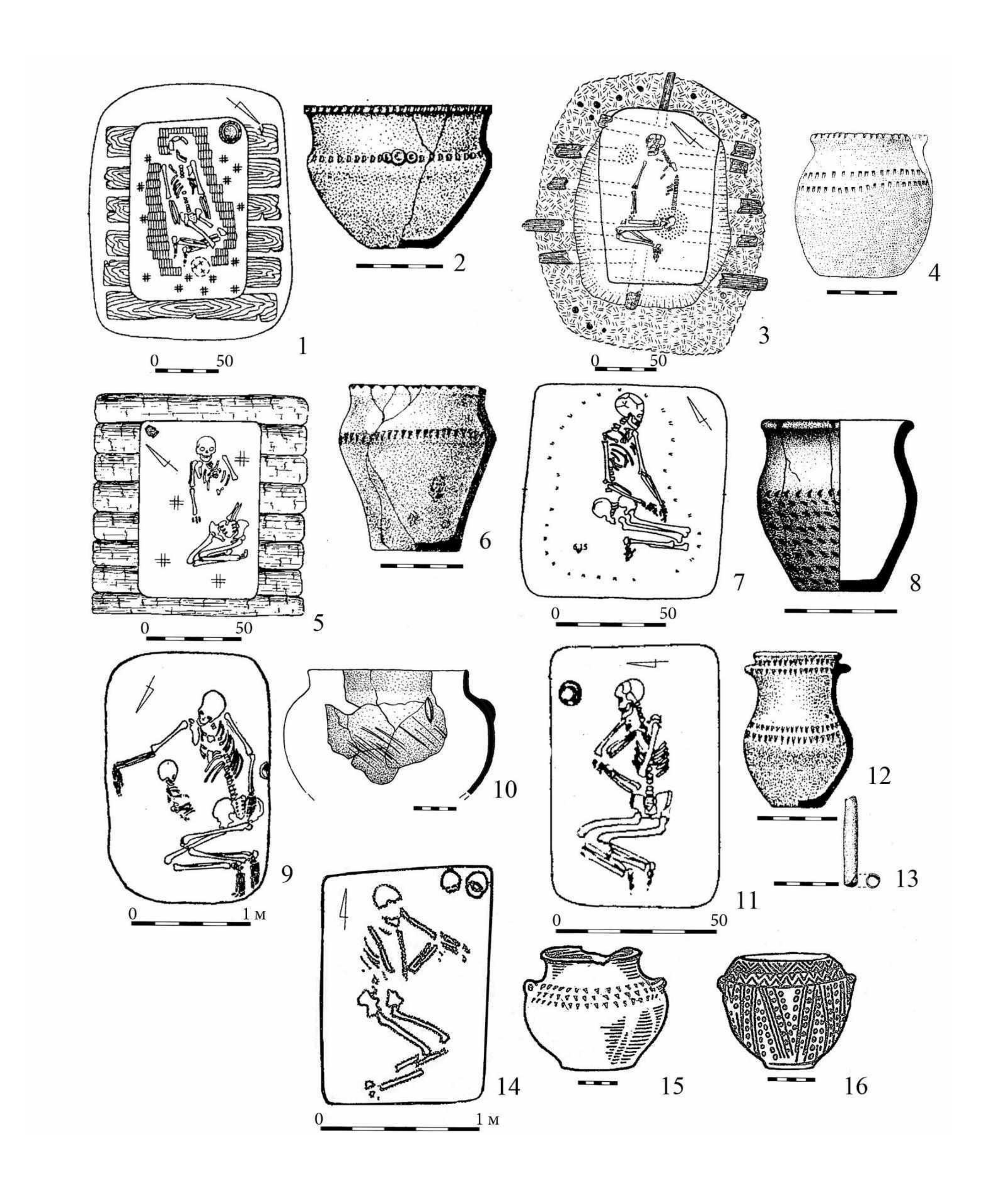

Рис. 4.17. Погребальные комплексы раннего этапа буджакской культуры:

1,2- Казаклия 8/5; 3, 4 - Ковалевка II 8/4; 5, 6 - Оланешты 13/8; 7, 8 - Саратены 3/14; 9, 10 - Нерушай 9/9; 11-13 - Тараклия 14/16; 14-16 - Ефимовка 2/14; (по: 1,2,13-15 - Agulnikov, 1995; 3,4 - Шапошникова и др.,1986; 5,6-Яровой, 1990; 7, 8 – Levitki et al., 1996; 9, 10 - Шмаглий, Черняков, 1970; 14-16 - Шмаглий, Черняков, 1985)

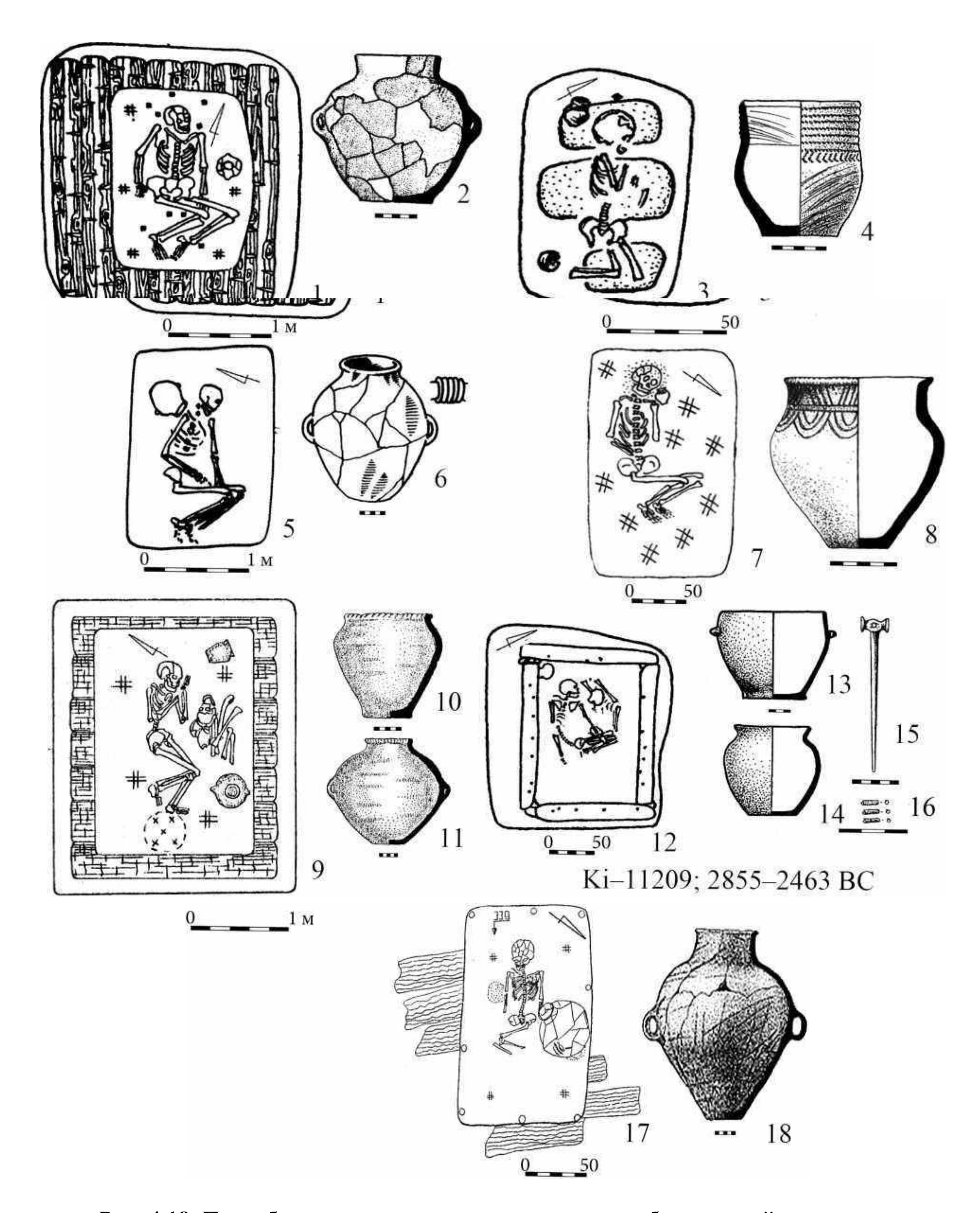

Рис. 4.18. Погребальные комплексы раннего этапа буджакской культуры:

1, 2 –
Яблона 1/1; 3,4 - Траповка 6/20; 5, 6 - Ефимовка 10/7; 7, 8 - Орхей 1/3; 9-11 - Каушаны 1/18; 12-16 - Старые Беляры 1/14; 17, 18 - Казаклия 3/13;
(по: 1, 2 - Яровой, 1983; 3, 4 - Субботин и др., 1995; 5, 6 - Шмаглий, Черняков, 1985; 7, 8 - Попович, 2008; 9-11 - Чеботаренко и др., 1989; 12 -16 - Петренко, 1991; 17, 18 - Агульников, 2008)

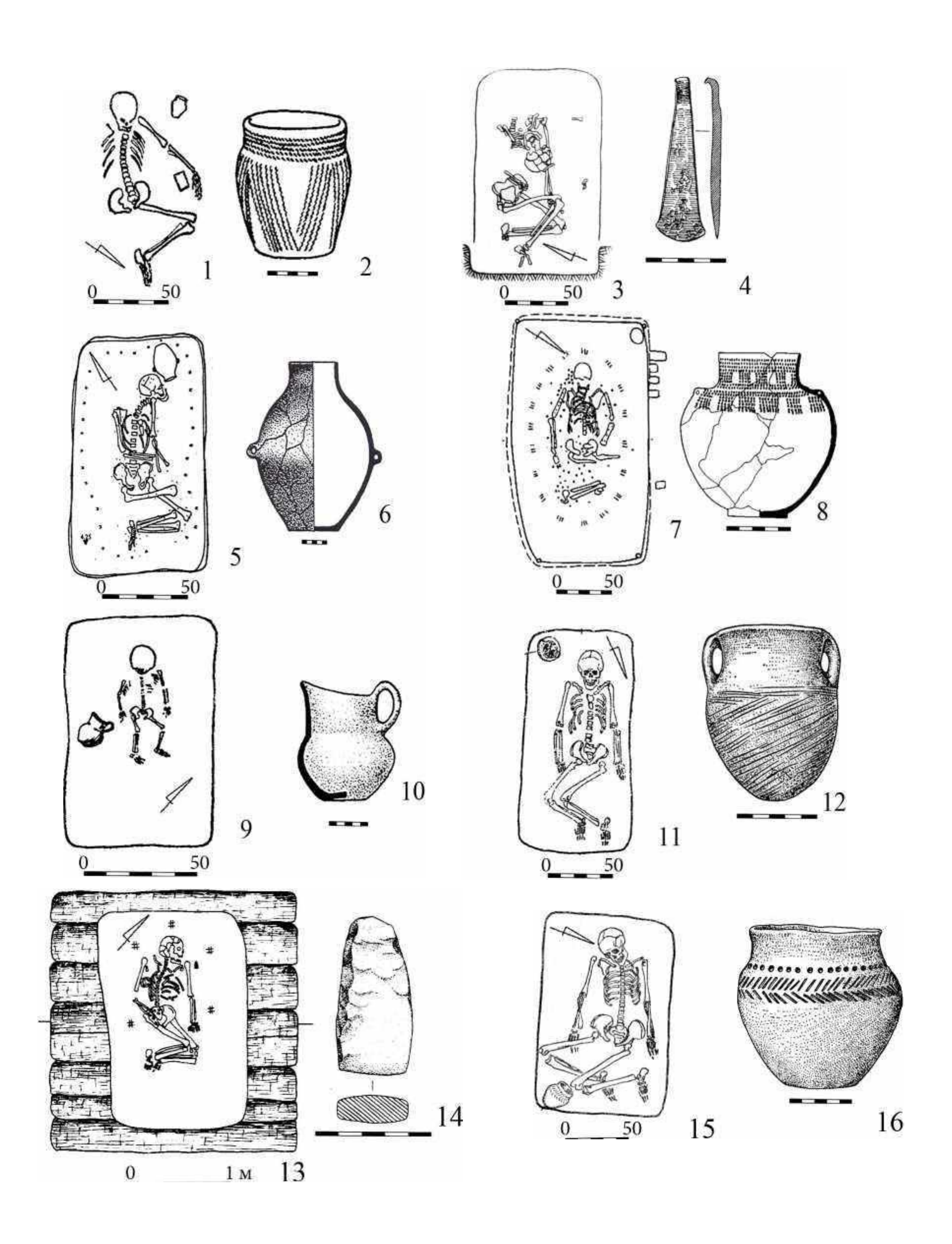

Рис. 4.19. Погребальные комплексы позднего этапа буджакской культуры:

1,2 — Баштановка 7/21; 3, 4 - Коржово 4/4; 5, 6 - Саратены 2/10; 7, 8 - Каменка 3/14; 9, 10 - Глубокое 2/11; 11, 12-Ковалевка VIII, 1/24; 13, 14-Пуркары 1/4; 15, 16 - Ковалевка II, 4/22; (по: 1,2,9,10 - Шмаглий, Черняков, 1970; 3,4 - Борзияк и др., 1983; 5,6 – Levitki et al., 1996; 7,8

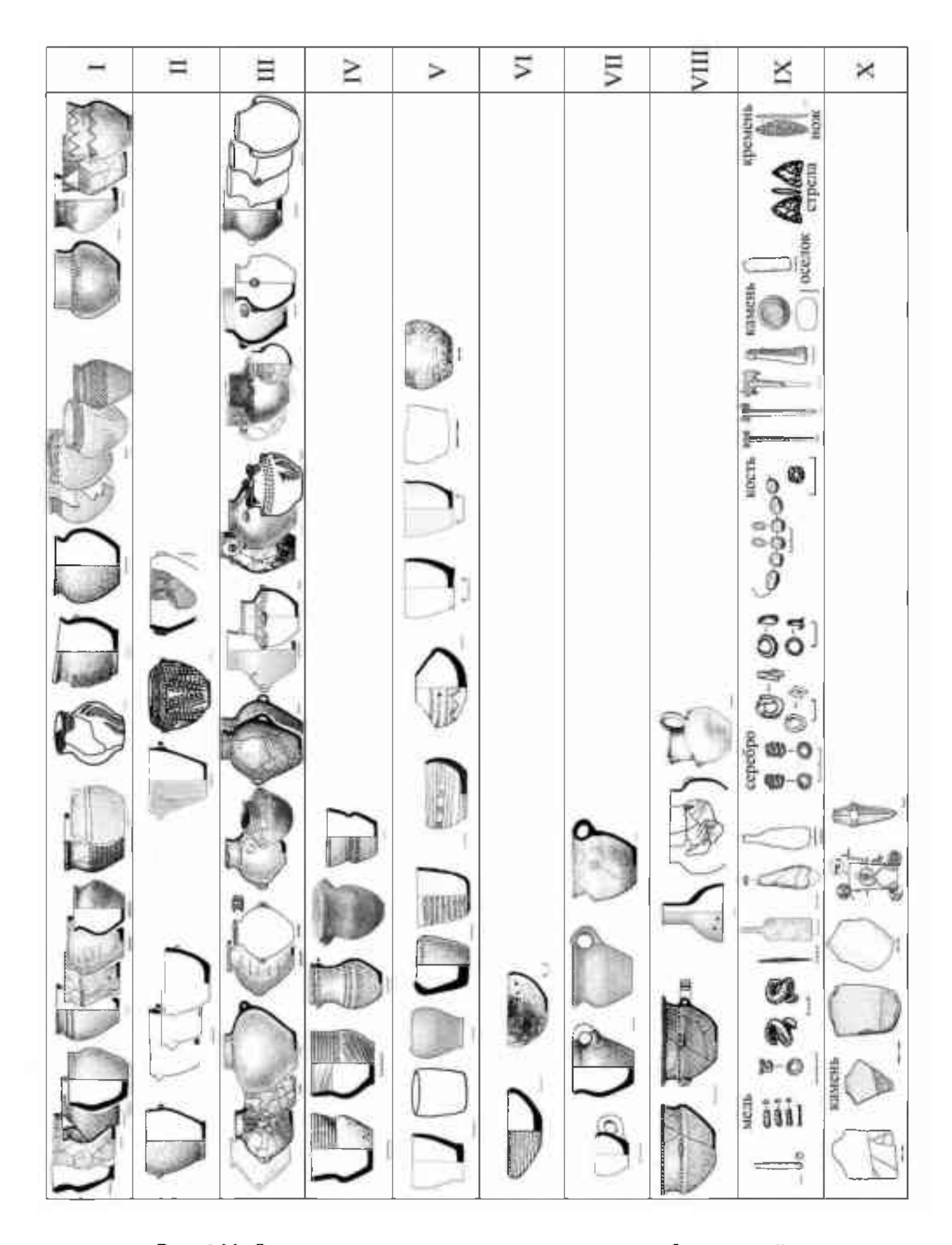

Рис. 4.20. Основные характеристики раннего этапа буджакской культуры

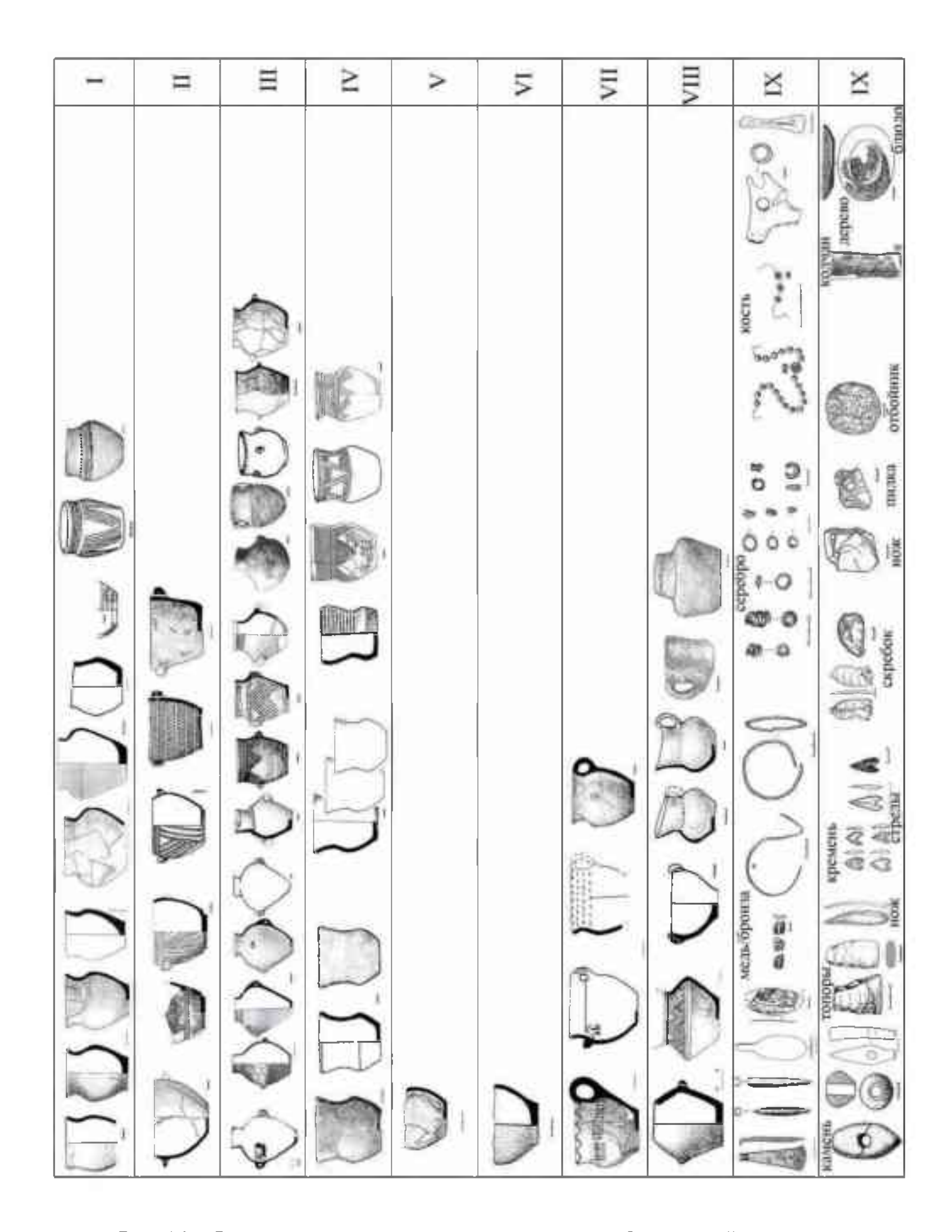

Рис. 4.21. Основные характеристики позднего этапа буджакской культуры

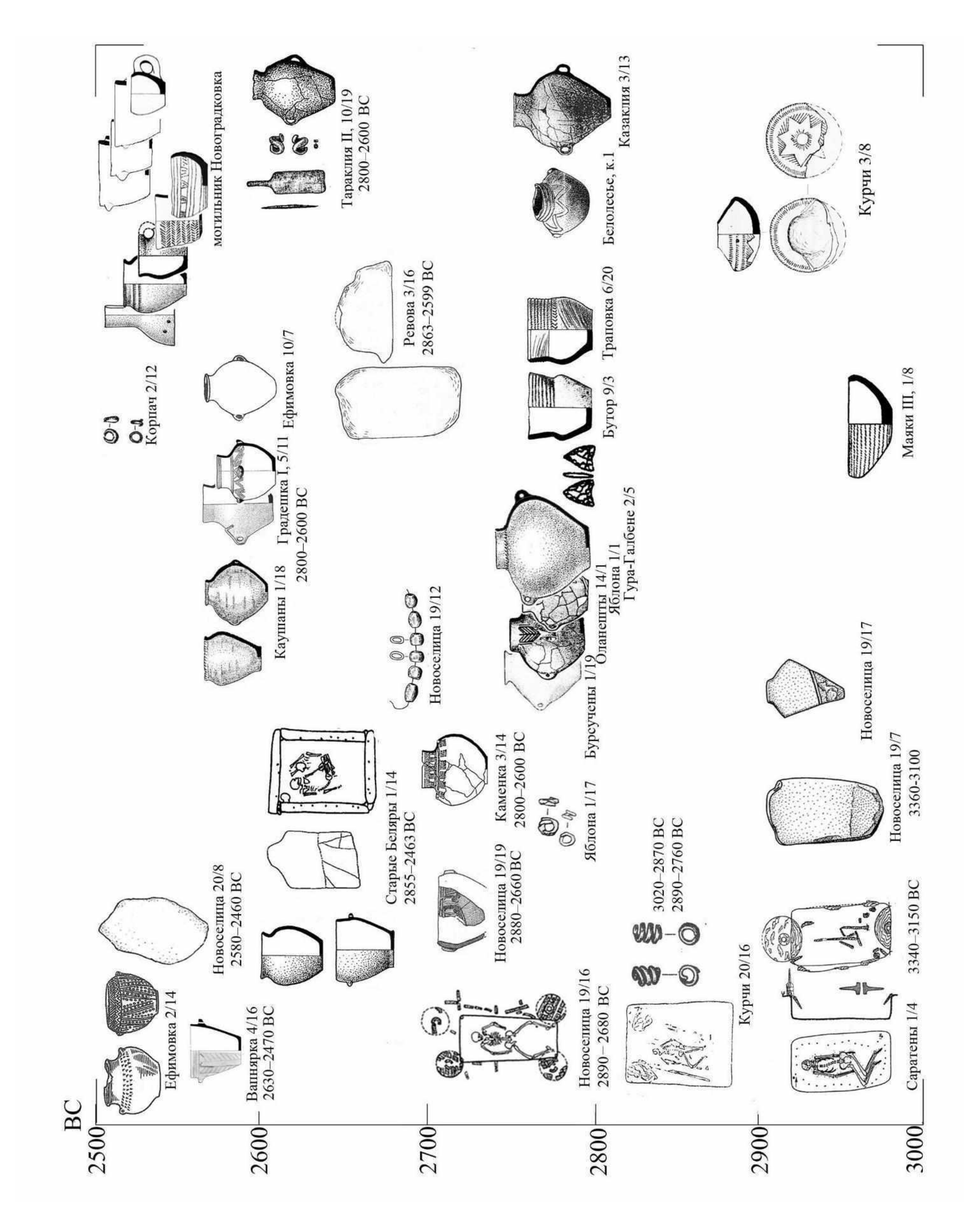

Рис. 4.22. Хронологическая позиция отдельных артефактов раннего этапа буджакской культуры (по данным стратиграфии и радиоуглеродного анализа)

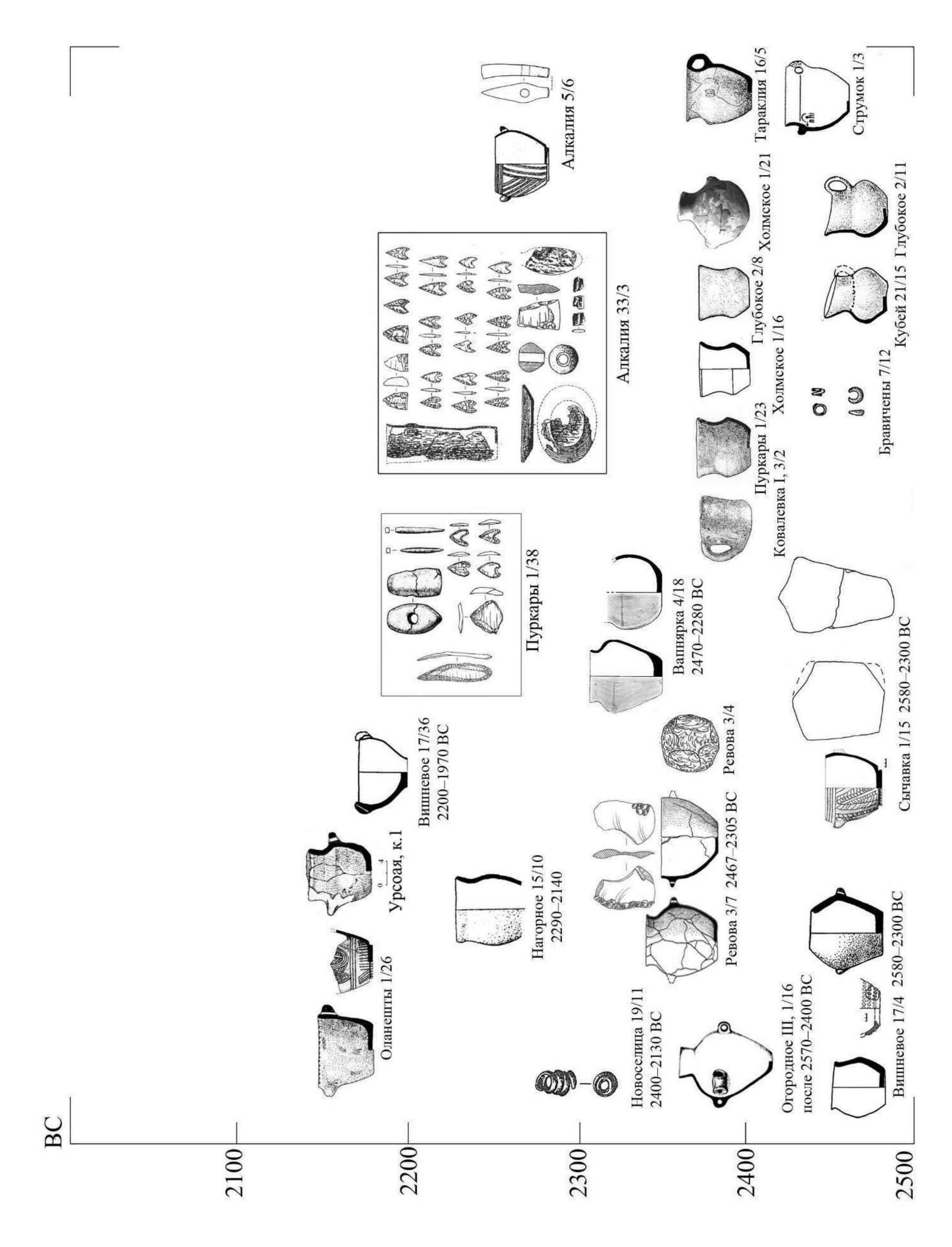

Рис. 4.23. Хронологическая позиция отдельных артефактов позднего этапа буджакской культуры (по данным стратиграфии и радиоуглеродного анализа)

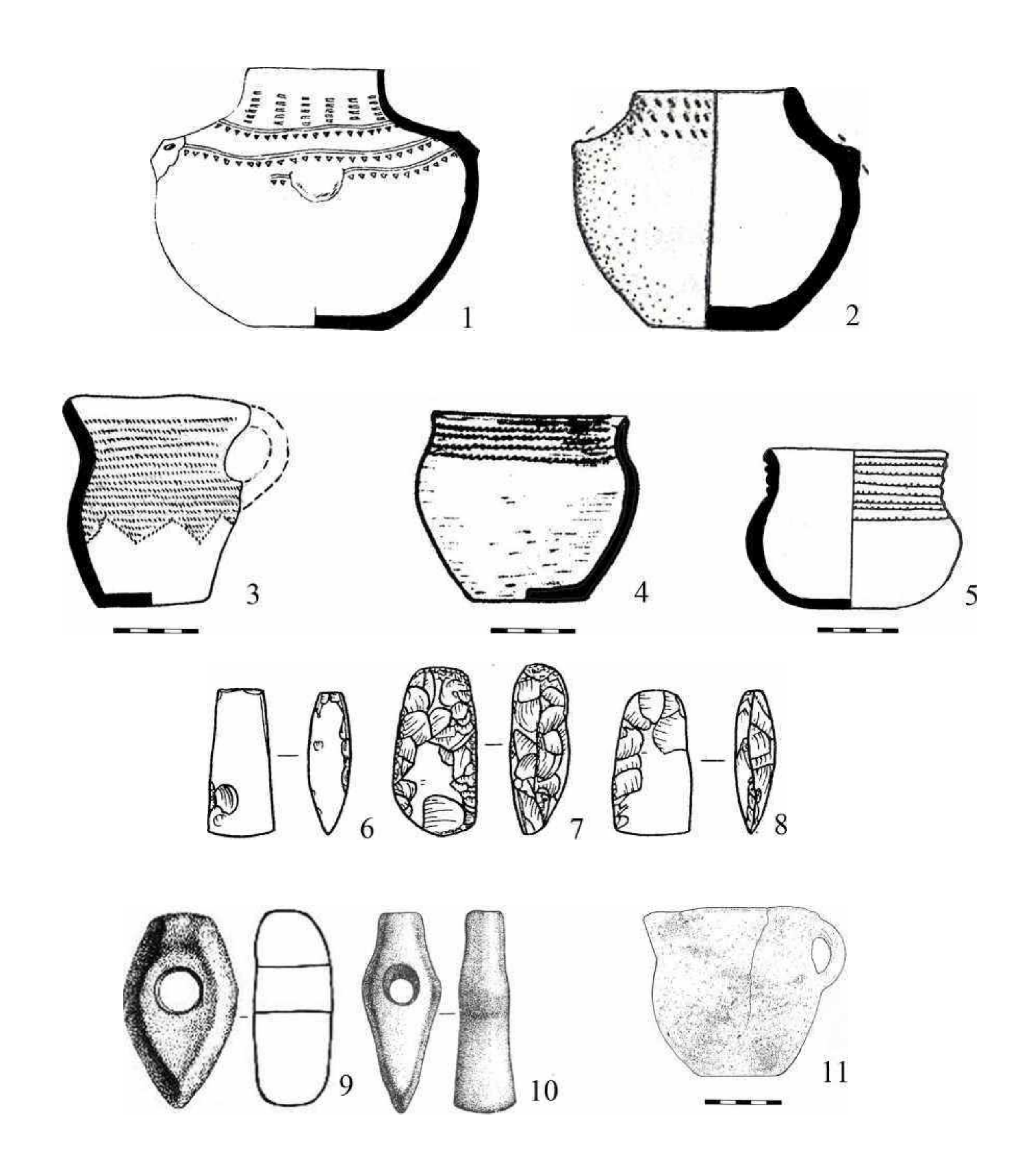

Рис. 4.24. Керамика и артефакты из катакомбных погребений Северо-Западного Причерноморья, имеющие параллели в других культурах:

1 - Хаджидер, Костюкова могила, и. 15; 2 - Ясски 5/12; 3 - Великодолинское 2/5; 4 - Медвежа 4/6; 5 - Холмское 2/14; 6-8 - Сергеевка 1/3; 9 - Казаклия 17/8; 10 - Новые Раскаецы 1/12; 11 - Суворово II, 1/3;
(по: 1 - Островерхов, Сапожников, 1990; 2 - Тощев, 1991; 3 - Субботин и др., 1976; 4- Савва, Дергачев, 1984а; 5, 9 - Черняков и др., 1986; 6-8 - Дзиговський, Суботiн, 1997; 10 - Яровой, 1990; 11 - Шмаглий и др., 1971)

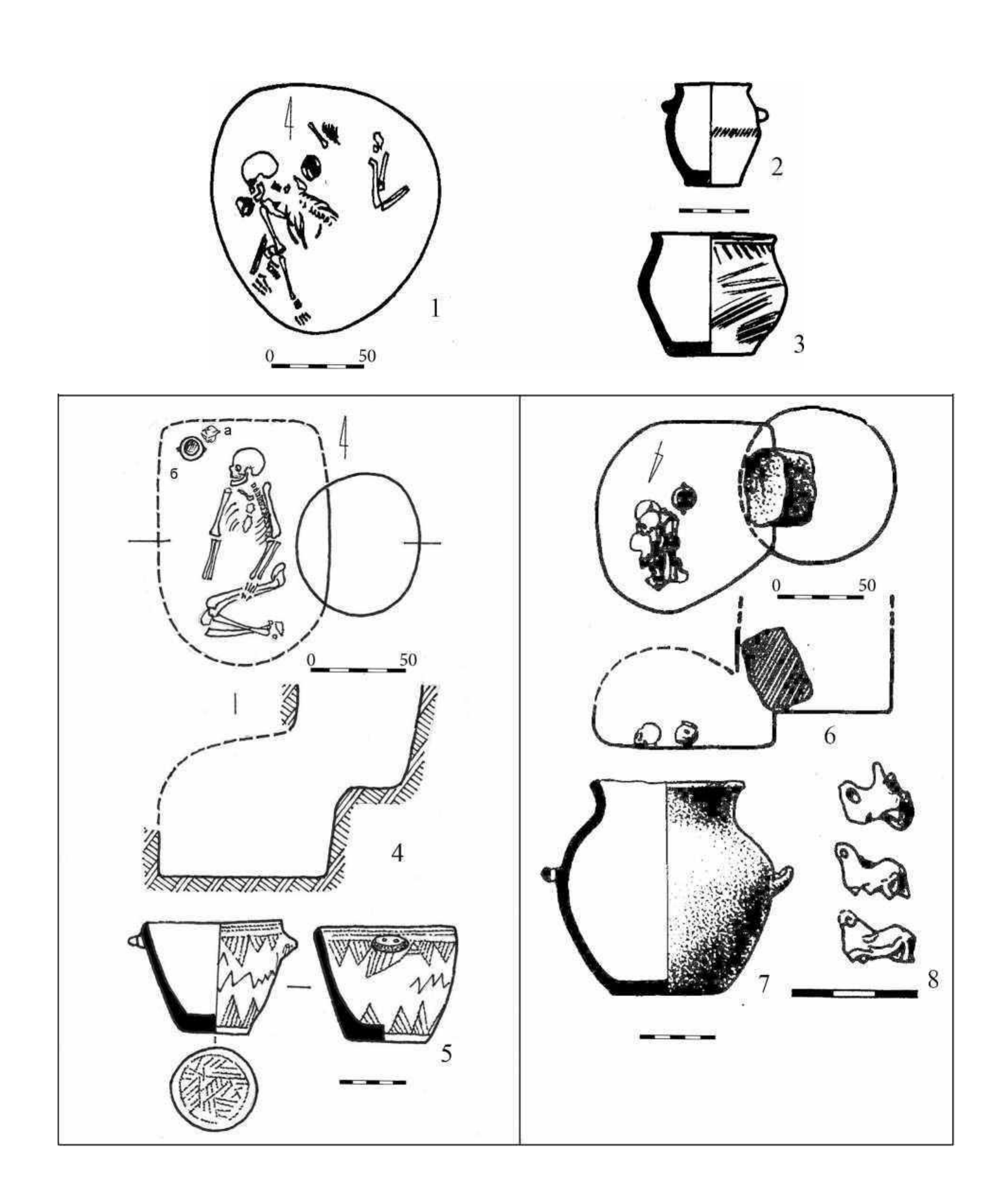

Рис. 4.25. Катакомбные погребения с буджакской керамикой:

1-3 - Вишневое 13/3; 4,5 - Вишневое 17/31; 6-8 - Лиман 2/4;
(по: 1,2 - Дворянинов и др., 1985; 3 - Субботин, Тощев, 2002)

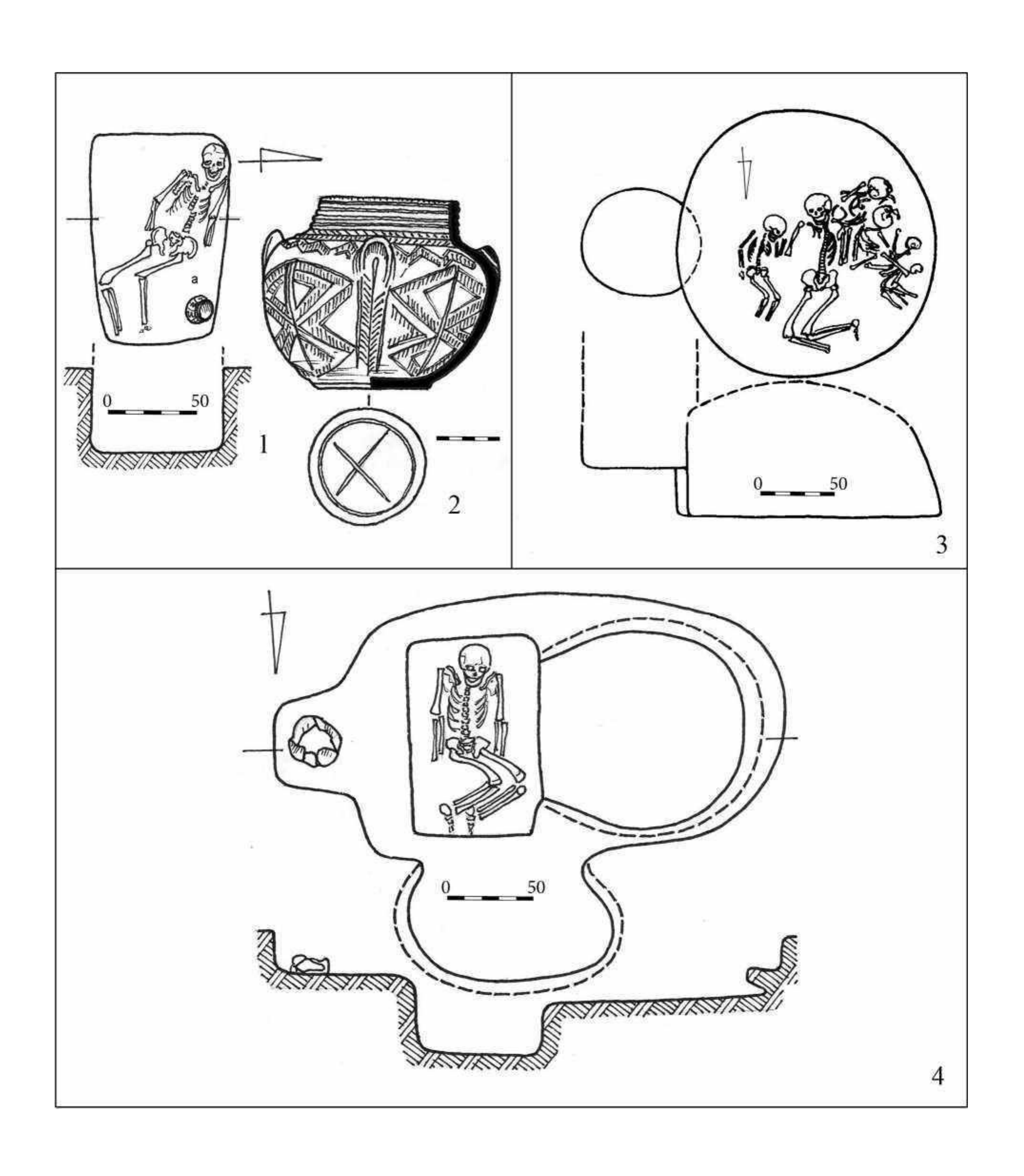

Рис. 4.26. Катакомбные погребения с чертами буджакской культуры:

1,2 - Дубиново 1/11; 3 - Лиман 3А/31; 4 - Тараклия I, 1/18;
(по: 1,2 - Иванова и др., 2005; 3 - Субботин, Тощев, 2002; 4 - Агульников, Савва, 1986)

Буджакская культура	Катакомбные культуры
1	6
2	7
3	а, б, 8
4	а, б, в, 9
5	10

Рис. 4.27. Буджакская керамика и ее аналоги в катакомбной культуре:

1 - Ковалевка 11,4/22; 2 - Вишневое 17/4; 3 - Саратены 1/13; 4 - Ковалевка IV, 1/11; 5 - Саратены 1/13; 6 - Холодная балка 1/18; 7 - Вишневое 17/5; 8а-Данче- ны, п. 308; 8 - Новая Долина 3/6; 9а - Пуркары 1/9; 96 - Глиное 1/43; 9в - Старые Беляры 1/33; 10 - Великозименово 1/4;
(по: 1,4- Шапошникова и др., 1986; 2, 7 - Дворянинов и др., 1985; 3, 5 – Levitki et al., 1996; 6 - Петренко, 2010; 8а - Дергачев, 1981; 86 - Петренко и др., 2002; 9а - Яровой, 1990; 96 - Яровой, 1984а; 9в - Петренко, 1991; 10 - Иванова и др., 2005)

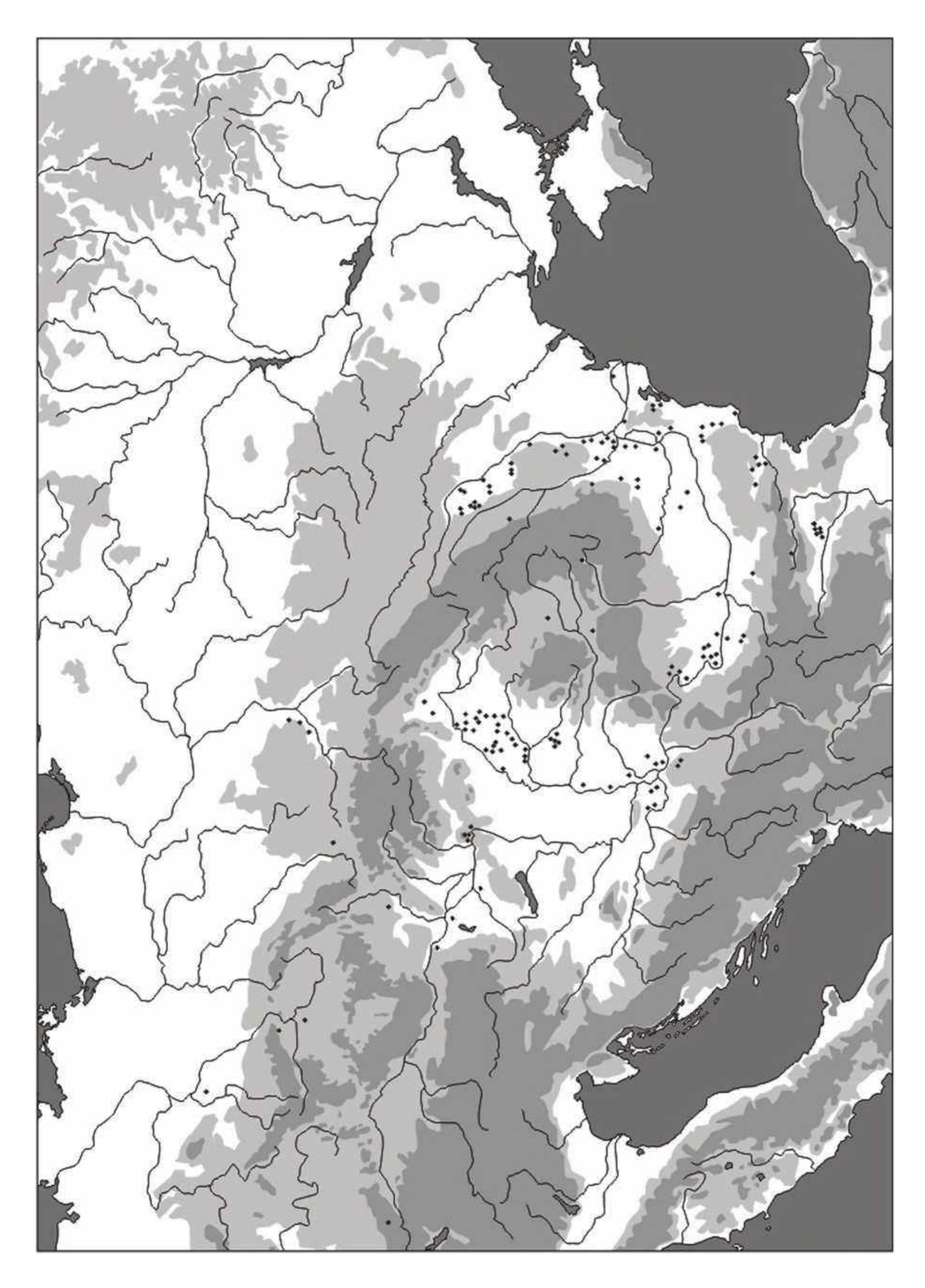

Рис. 4.28. Погребения Балкано-Карпатского варианта ямной культурно-исторической области

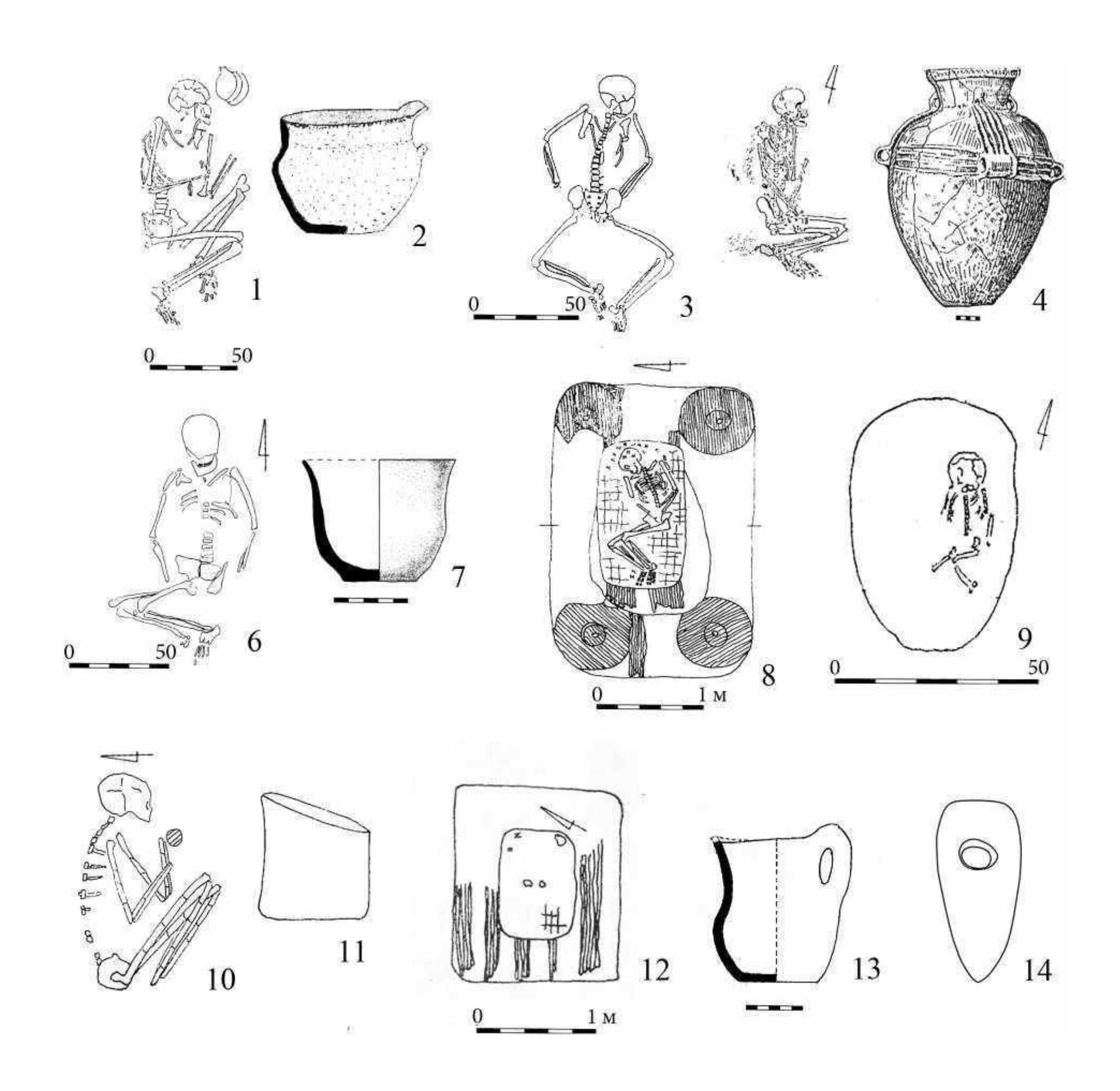

Рис. 4.29. Погребения Балкано-Карпатского варианта ямной КИО Румынской Молдовы и Добруджи:

1,2- Главанешти 1949, 1/1; 3 - Стойкань, п. 5; 4, 5 - Валя Лупулуй, п. 22; 6, 7 - Налбант 2/1; 8 - Плачидол 1/1; 9 - Плачидол 2/1; 10, 11 - Мадара 1/1; 12, 13 - Плачидол 2/7; 14 - Лункавица 1/8;
(по: 1-5 -Dumitroaia, 2000; 6, 7 - Vasiliu, 2008; 8-13 - Панайотов, 1989; 14 - Vasiliu, 1995b)

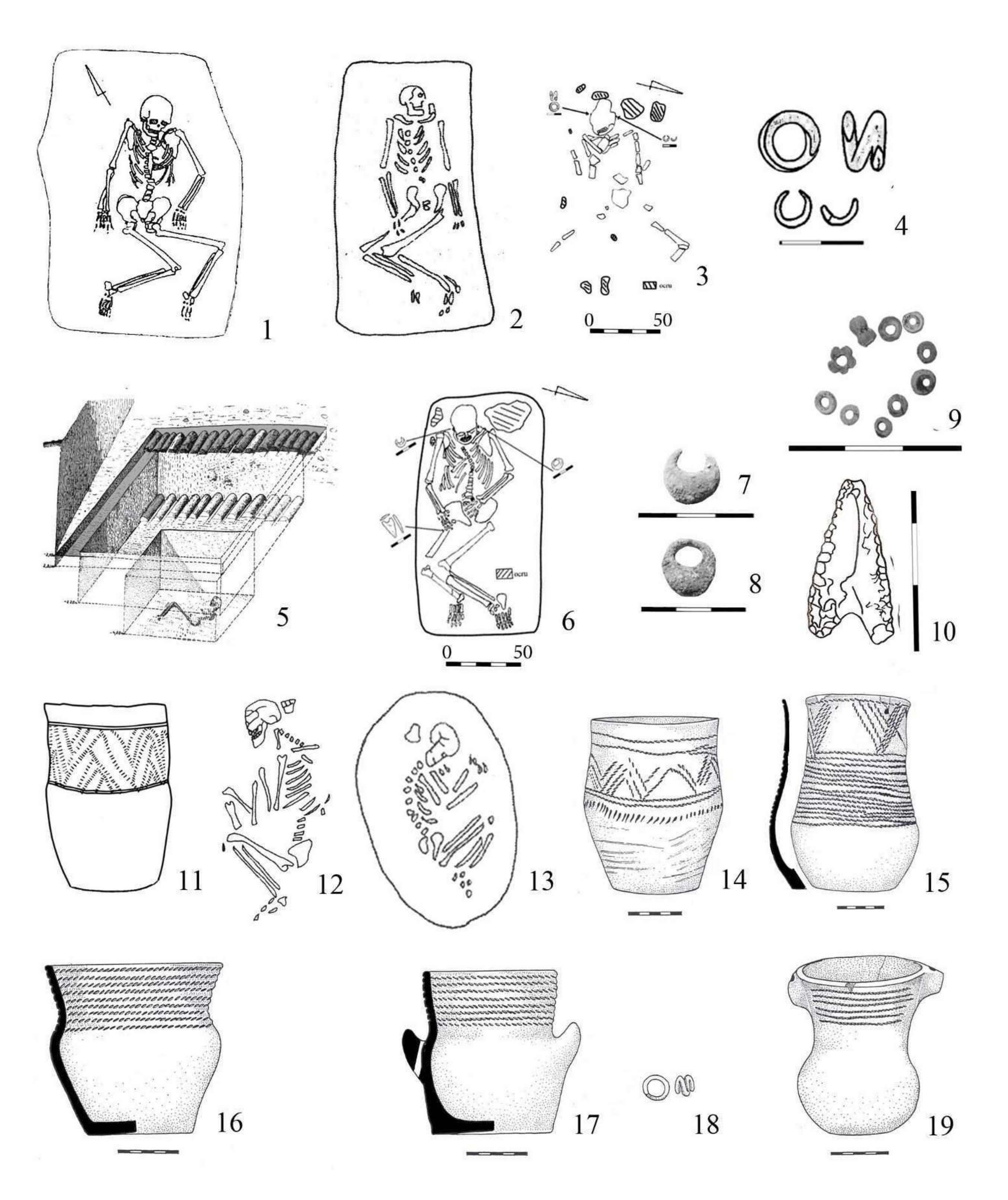

Рис. 4.30. Погребения Балкано-Карпатского варианта ямной КИО Олтении и Мунтении:

1 - Раст Сика де Кымп; 2- Браилица, и. 259; 3,4 - Аричешти Рахичевани 1/1; 5 - Гурбанешти 2/9; 6-10 - Аричешти Рахичевани 1/3; 11, 12 - Браилица, и. 34; 13, 14 - Браилица, и. 144; 15- Хыршова; 16 - Плоешти-Триай 1/20; 17, 18 - Плоешти-Триай, 1/15; 19 - Гурбанешти 2/4; (по: 1,5 - Зирра, 1960; 2, 11-14 - Hartuche, 2002; 3, 4, 6-10 - Frinculeasa, 2007; 15-19 – Roman et a1., 1992; 10, 11 - прорисовка по фото С.В. Ивановой)

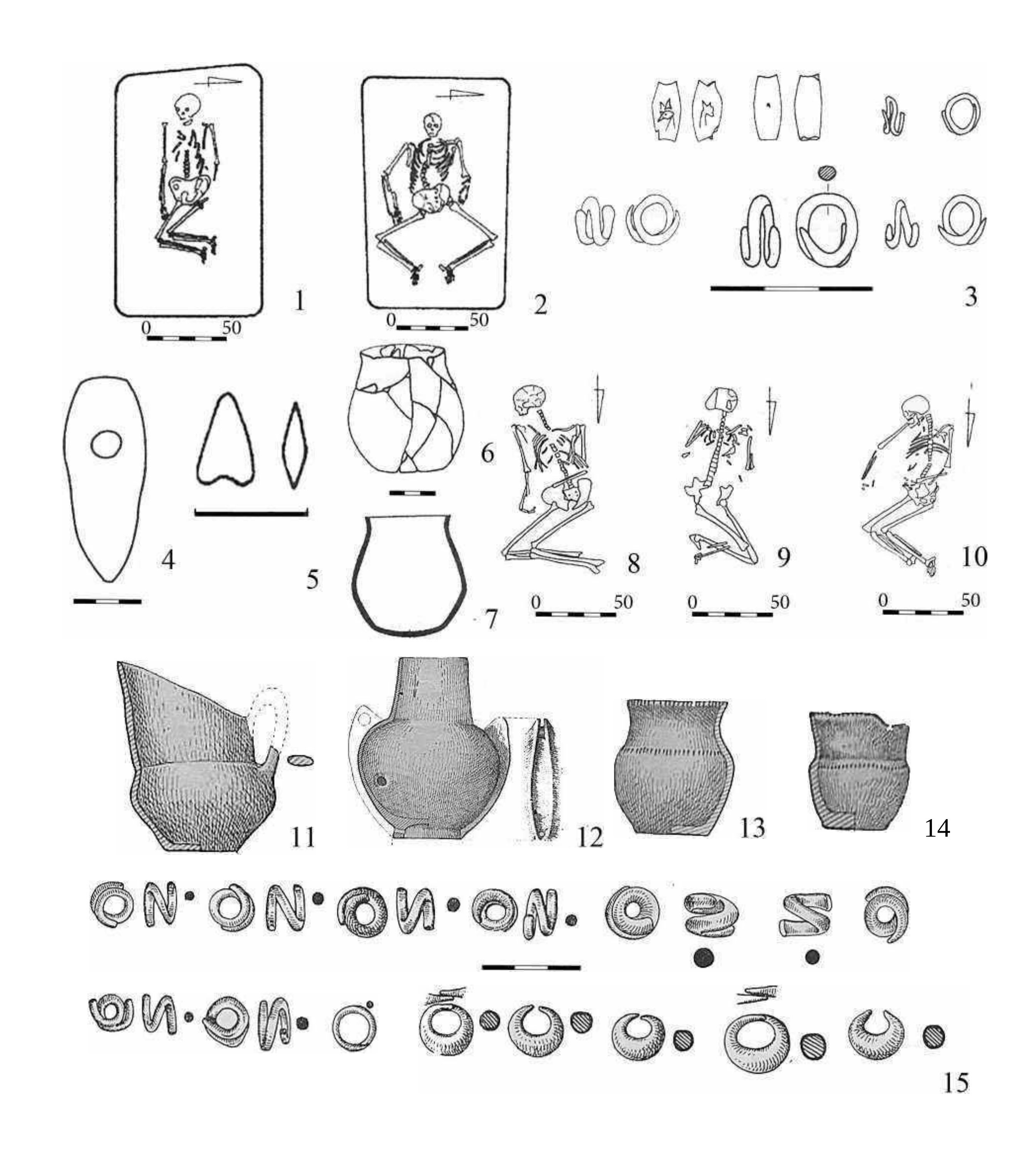

Рис. 4.31. Погребения Балкано-Карпатского варианта ямной культуры средней части Нижнего Подунавья:

1,2 — погребения могильника Горан-Слатина, 3 - серебряные и золотые украшения из могильника; 4 - молот из известняка (3/2); 5 - наконечник стрелы (8/2); 6,7 - сосуды; 8 - Зимнича п. 21; 9 - Зимнича и. 29; 10, 11 - Зимнича и. 48; 12 - Зимнича п. 4; 13 - Зимнича п. 23; 14 - Зимнича п. 49; 15 - серебряные спиральные подвески и серьги/подвески; (по: 1- Николова Л., 2000; 8-15 - Alexandrescu, 1974)

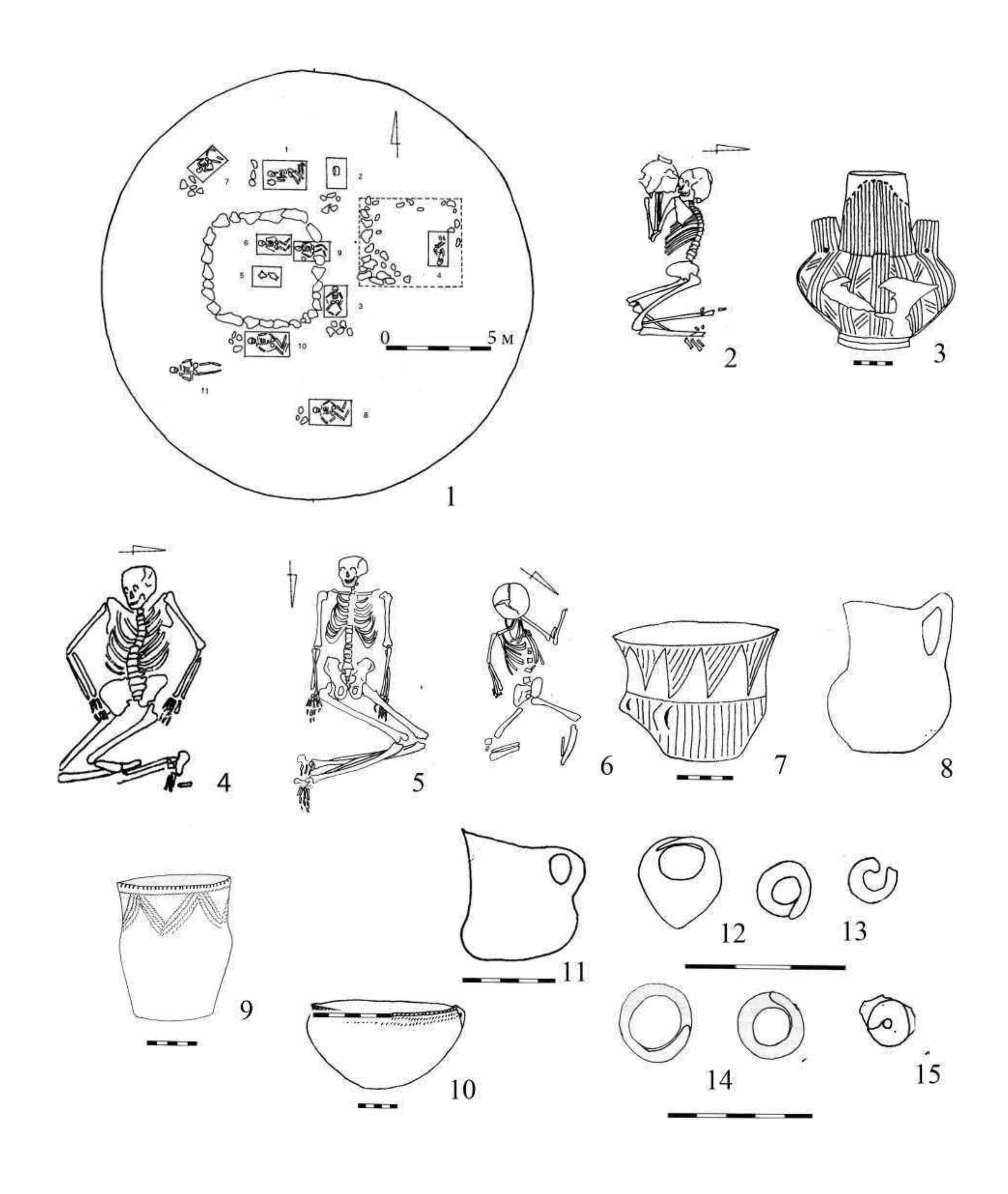

Рис. 4.32. Погребения Балкано-Карпатского варианта ямной культуры на северо-западе Болгарии:

1 - Тырнава, к. 1, общий план; 2, 3 - Тырнава 1/1; 4 - Тырнава 1/6; 5 - Кнежа 1/1; 6 - Тырнава 1/7; 7, 8 - Хырлец; 9 - Тырнава 2/1; 10 - Тырнава 1/2; 11- Тырнава 1/9; 12 - Тырнава 1/8; 13 - Тырнава 1/9; 14 - Тырнава 1/1; 15 - Тырнава 1/7 (12-золото, 13, 15-медь, 14-серебро); (по: Панайотов, 1989)

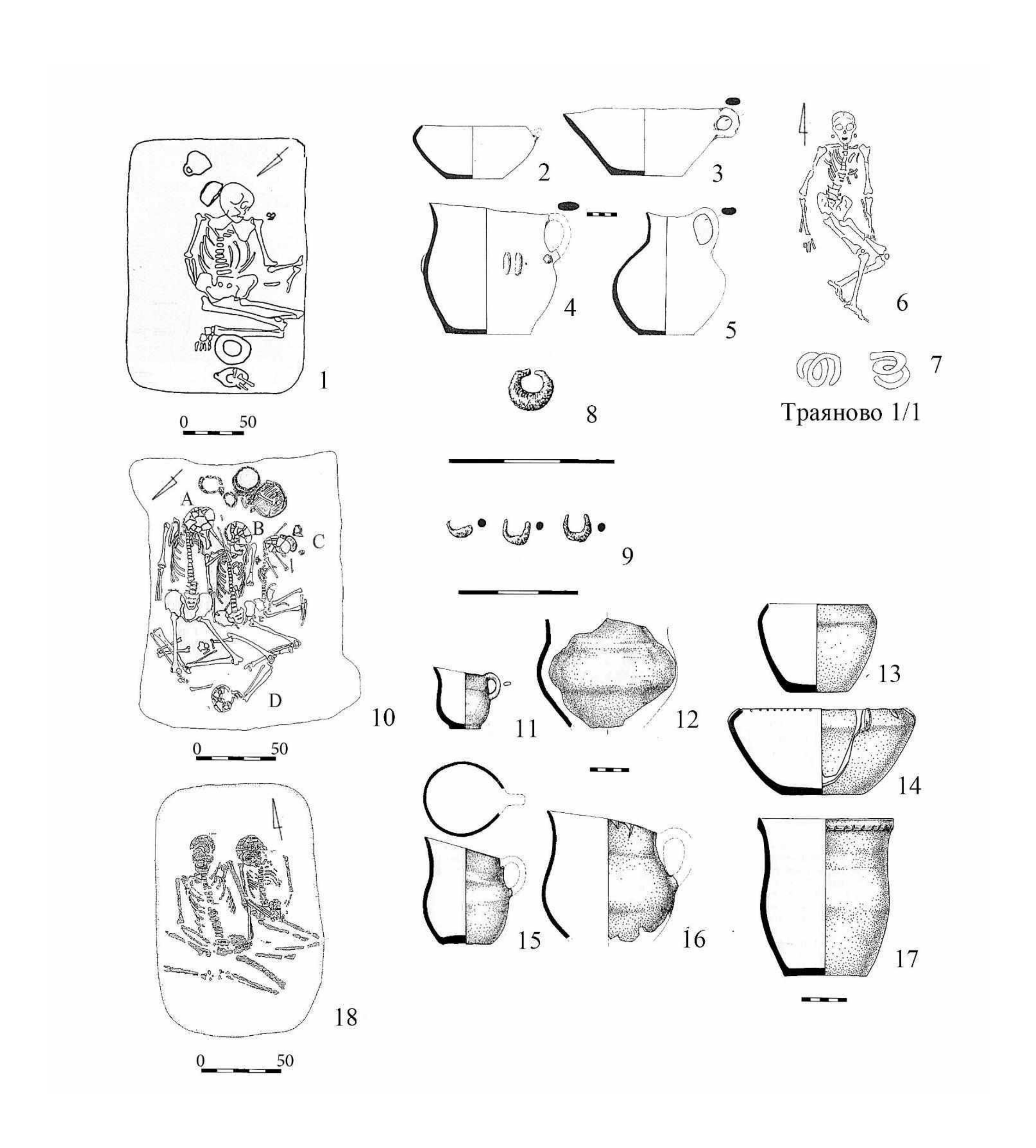

Рис. 4.33. Погребения Балкано-Карпатского варианта ямной культуры во Фракии:

1-5 - Голяма Детелина 2/24; 8 - Голяма Детелина 2/12; 9 - Голяма Детелина 2/30; 10-17 - Сыбрано п.1; 18-Бояново 1/17;
(по: 1-5, 8, 9 - Кънчев, 1995; 6, 7 - Панайотов, 1989; 10-17 - Христова, Узунов, 2012; 18 - Iliev, 2011)

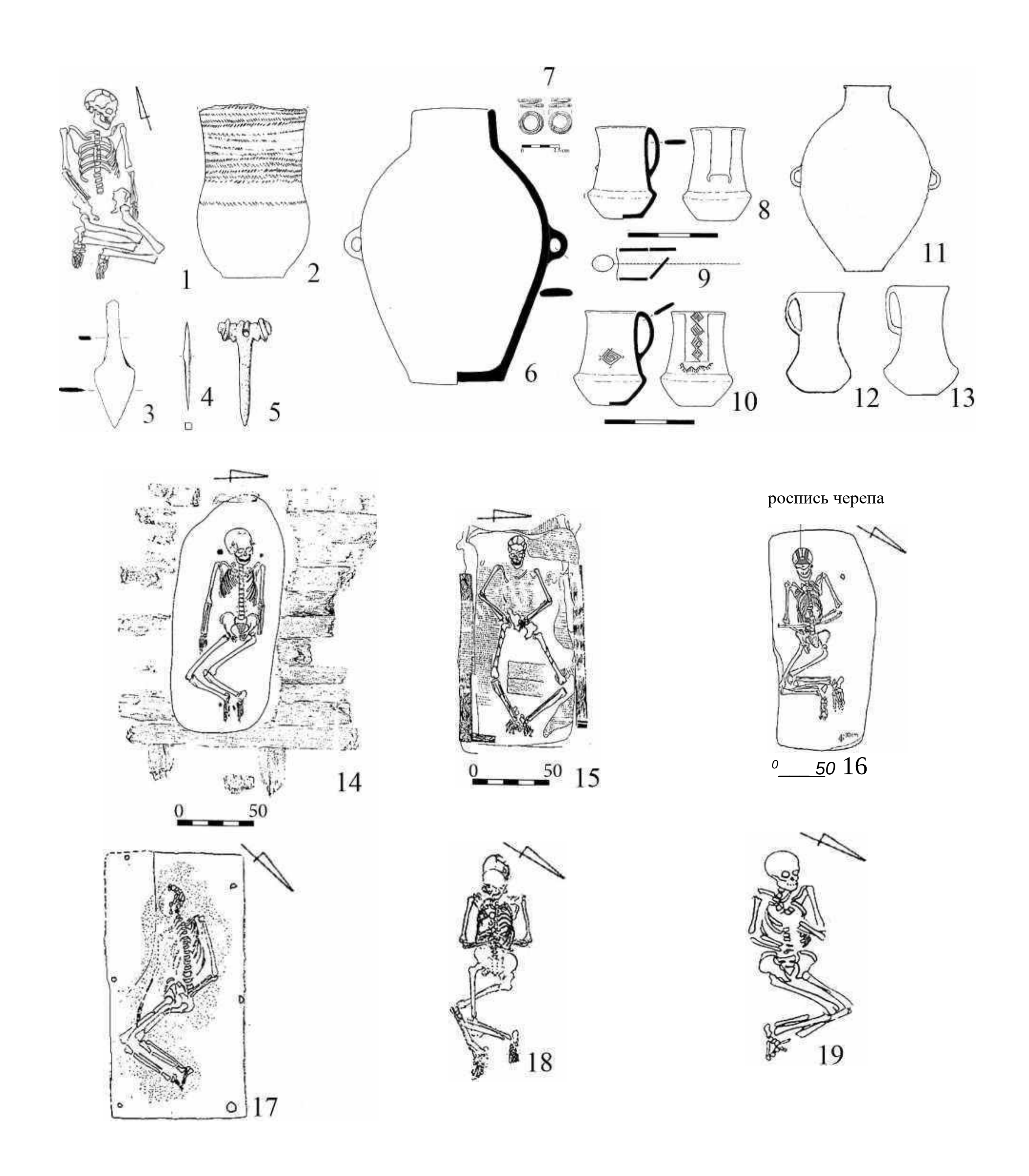

Рис. 4.34. Погребения и инвентарь Балкано-Карпатского варианта ямной культуры в Центральной Европе, Альфельде и Банате:

1-5 - Блекендорф; 6-10 - Нойзидль-ам-Зее; 11-13 - Генью; 14 - Кетедьхаза 3/1; 15 - Кетедьхаза 3/6; 16 - Деваванья 1/2; 17-19 - Банат;
(по: 1-13 - Harrison, Heyd, 2007; 14, 15 - Escedy, 1979; 16 - Horvath, 2011; 17-19 - Николова Л., 2000)

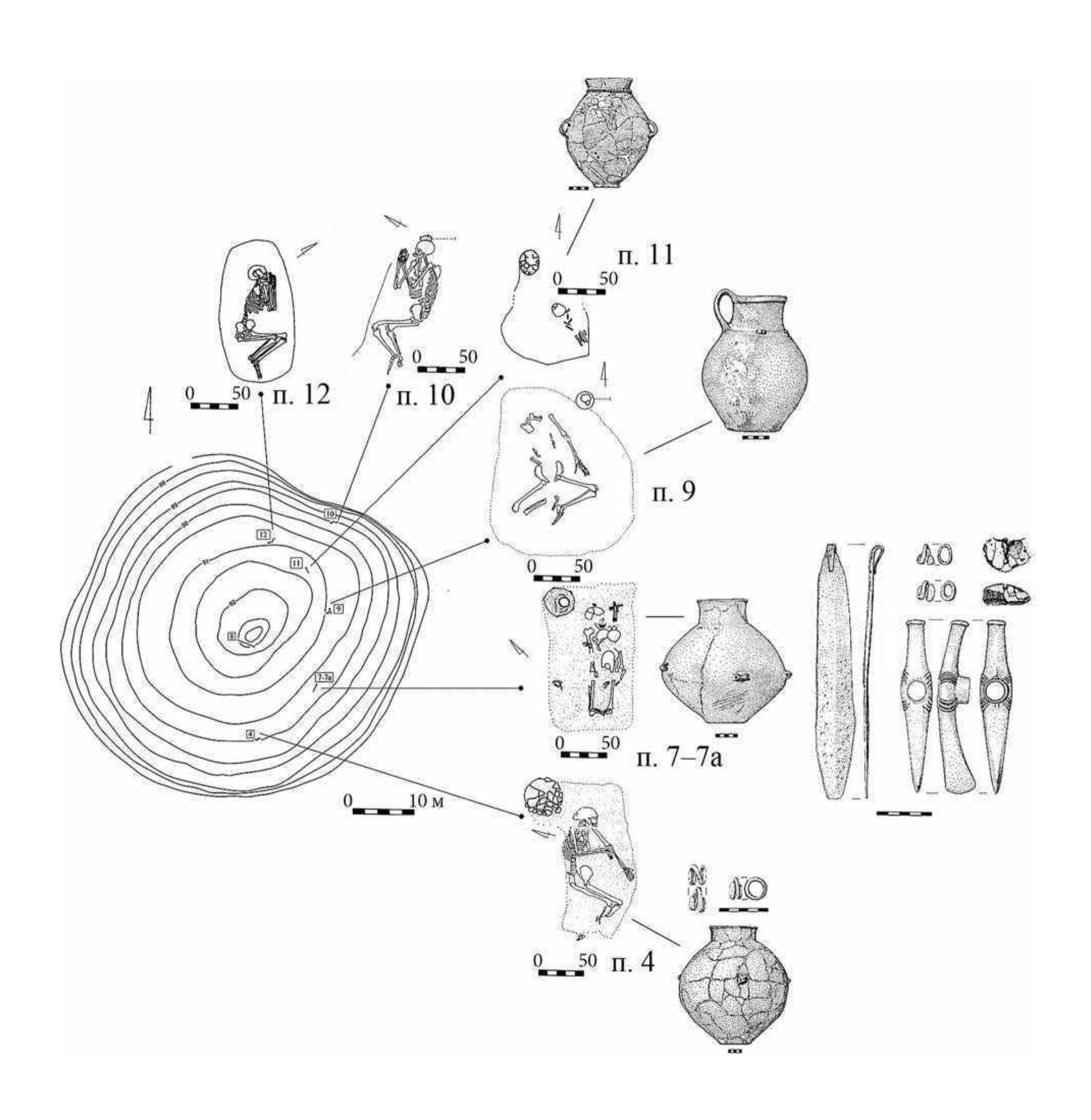

Рис. 4.35. Погребения кургана Шарретудвари-Орхалом
(по: Dani, Nepper, 2006; Gerling et al., 2012)

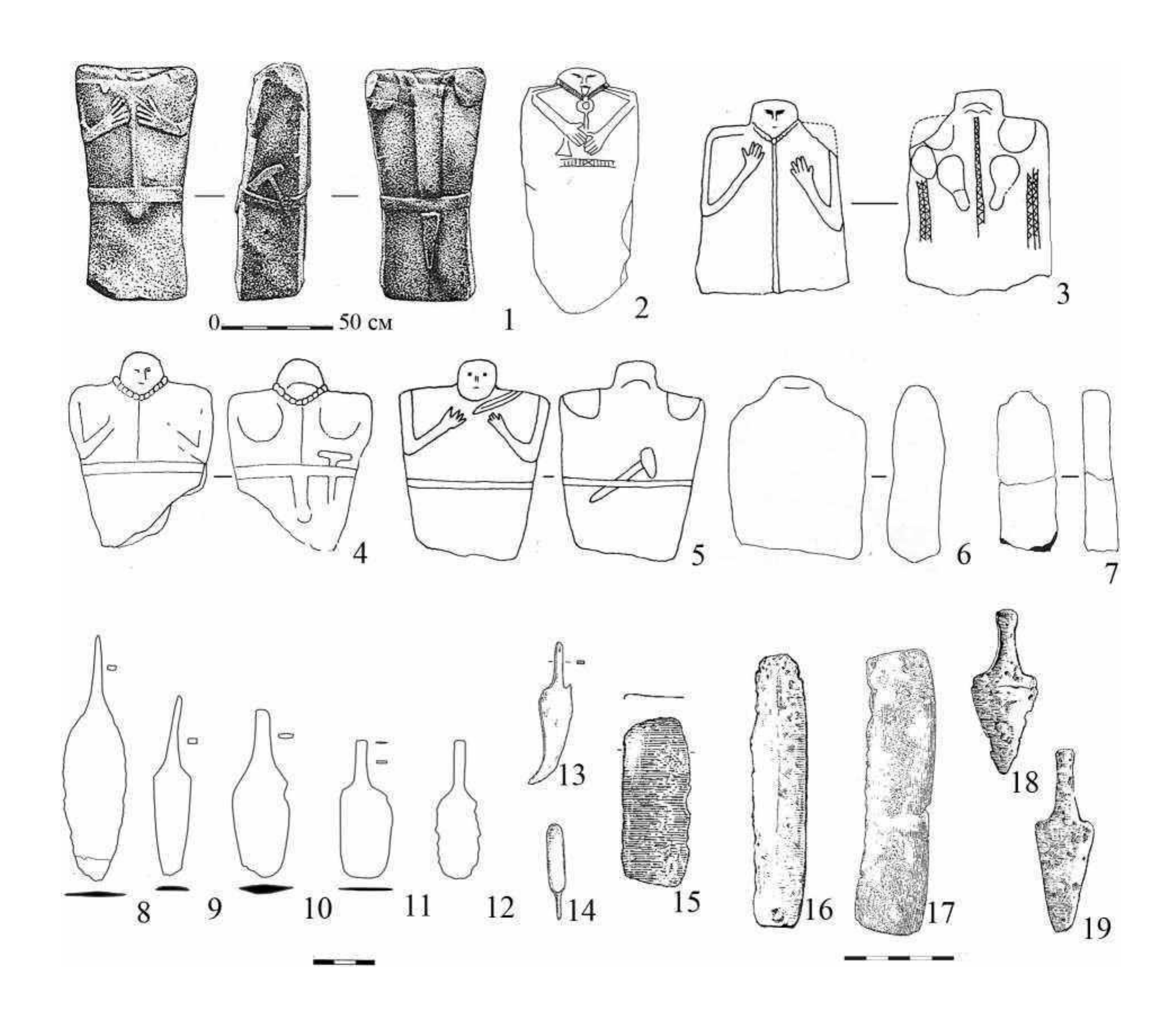

Рис. 4.36. Антропоморфные стелы и ножи ямного типа в Балкано-Карпатском регионе:

1 - Байя де Криш (Трансильвания); 2, 7 - Езерово III; 3, 6 - Плачидол 2/1; 4 - Езерово II; 5 - Невша; 8-12 - ножи с территории Олтении и Мунтении: 8 - Крачунель; 9 - Баиле Херкулане; 10 - Михай Витеазе; 11 - Одайя Туркулуй; 12 - Тырпешты; 13-18 - ножи из памятников моравской культуры КШК: 13 - Моркувки I, п. 1; 14 - Летонице, к. 6; 15 - Павлов, п. 5; 16 - Велешовиче, и. 77; 17 - Важаны-над-Литавой, и. 1; 18 - Кружек, и. 1; 19 - Велешовиче I, п.1 ; (по: 1 - Ciugudean, 2011; 2-7 - Панайотов, 1989; 8-12 - Bajenaru, Popescu, 2012; 13-18 - Wlodarczak, 2010)

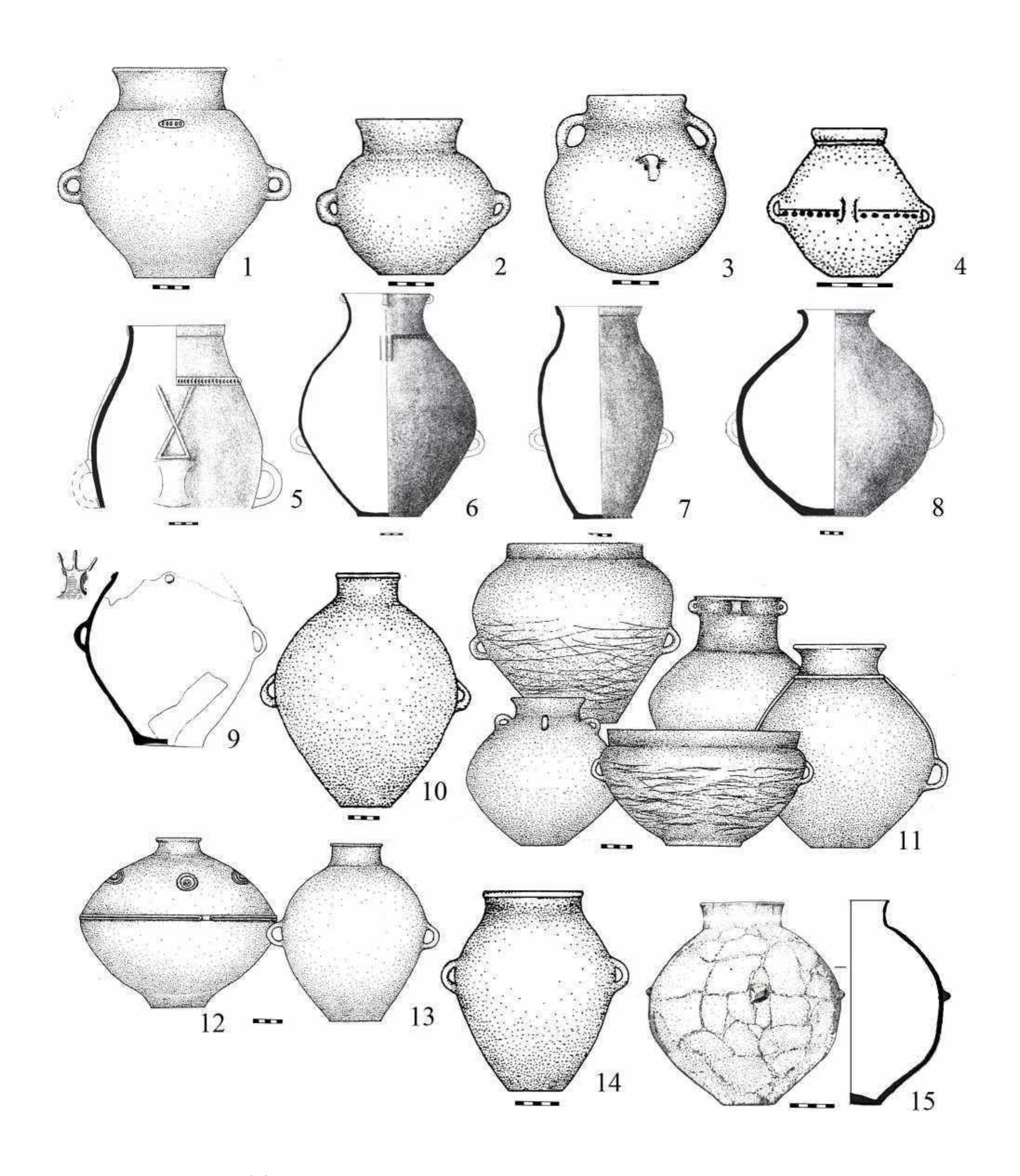

Рис. 4.37. Амфоры различных культур Карпатского ареала:

1,3- Бранец (Глина Ш-Шнекенберг); 2 - Брашов (Глина Ш-Шнекенберг); 4 -Наени (Глина Ш-Шнекенберг), 5-8 - Синкаи (Глина III); 9 - «Пестера Ваки» (Роша); 10, 11 - Шомодьвар-Винковци; 12, 13 - Чака (Мако-Косиги- Чака); 14 - Бекашмедьер, п. 172 (Чепель); 15 - Шаретудвари-Орхалом (Мако); (по: 1-4, 10-14- Machnik, 1991; 5-8 - Вегескі, Balazs, 2011; 9 - Roman, 1986; 15 - Dani, Neppeг, 2006)

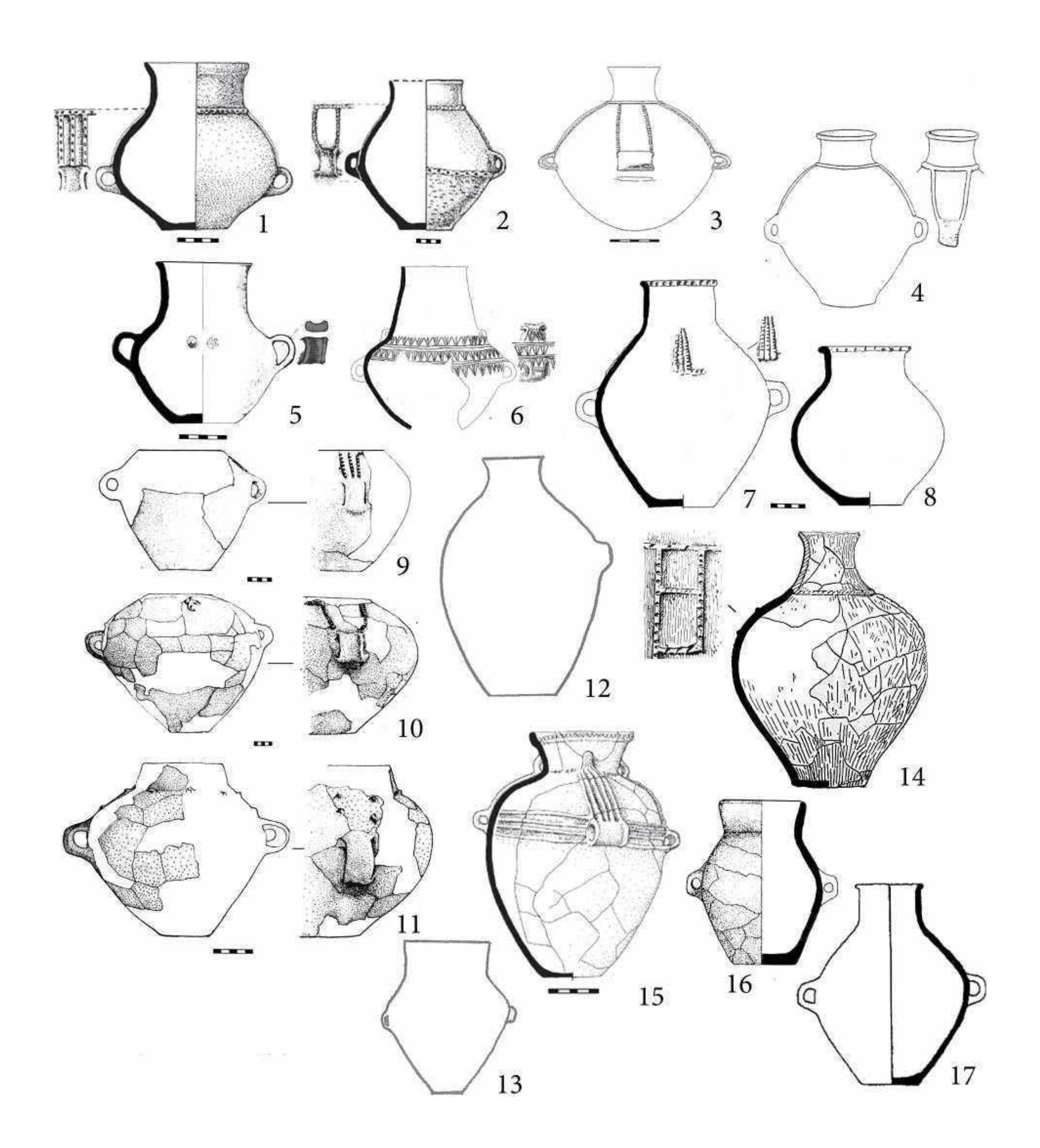

Рис. 4.38. Амфоры и амфоровидные сосуды Балкано-Дунайского региона:

1 - Ливезиль-Дялулул Сарбулуй; 2 - Хория (Добруджа); 3 - Певкакия Магула (Греция); 4 - Врдник (Сербия); 5 - Къндача (Брезово); 6 - Басараби (Коцофени Ша; 7, 8 - Тырпешти (тип Тырпешти); 9-11 - Фолтешти II; 12 - Забала (тип Забала); 13 - Байю (Коцофени); 14 - Кателу Ноу (Фолтешти II); 15 - Валя Лупулуй; 16 - Кар лиги-Алд ешти; 17 - Тырпешти (1, 2, 6-17 - Румыния; 5 - Болгария);
(по: 1-3 -Сш&ис1еап, 2011; 4- ВисйуаШек, 1997;5 - Стефанова, 2002; 6,13 - Котай, 1976; 7,8 - Витїїгоаіа, 2000; 9-11 - Реігезси-ОатЬоуйа, 1974; 12 - 8/екеІу, 1971; 14 - Ьеаііи, 1965 ; 15 - Уазїїии, 2007; 15 - Ніни, 1974; 16, 17 - Вигіанезси, 2002)

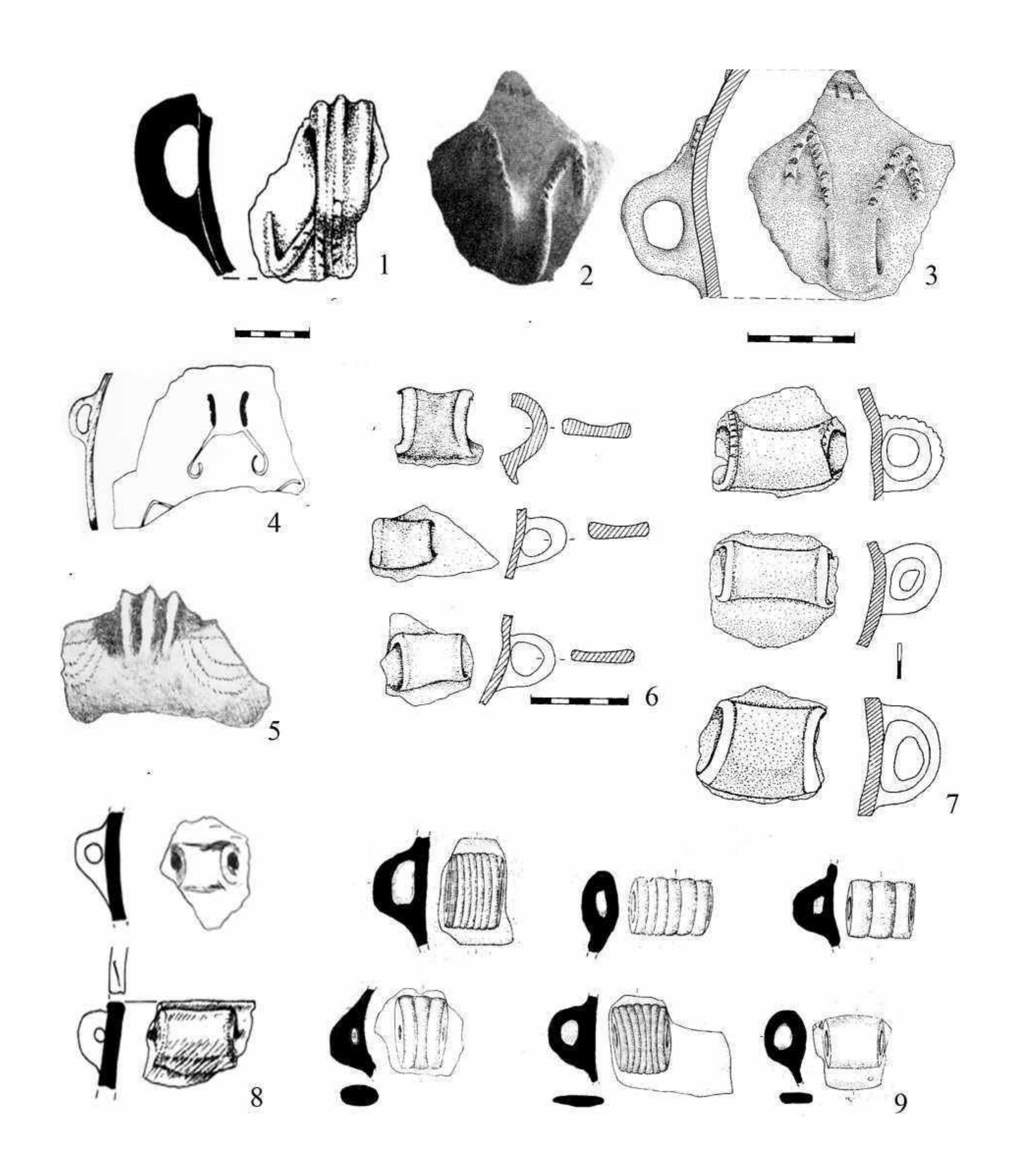

Рис. 4.39. Элементы оформления керамики различных культур, имеющие аналогии в буджакской культуре:

1 - Лункавица; 2,3 - Стойкань; 4,5 - Езерово II, 6 - Алдешти;7 - Богданешти- Тодоскану; 8 - Бада-Бунар (Чернавода III), 9 - Дуранкулак, слой II (Чернавода III). (по:1 -Vasiliu, 2007; 2 - Dinu, 1974a; 3 – Petrescu-Dimbovita, 1974; 4,5 - Tonceva, 1981; 6,7 - Burtanescu, 2002; 8 - Hristova, 2010, 9 - Драганов, 1990)

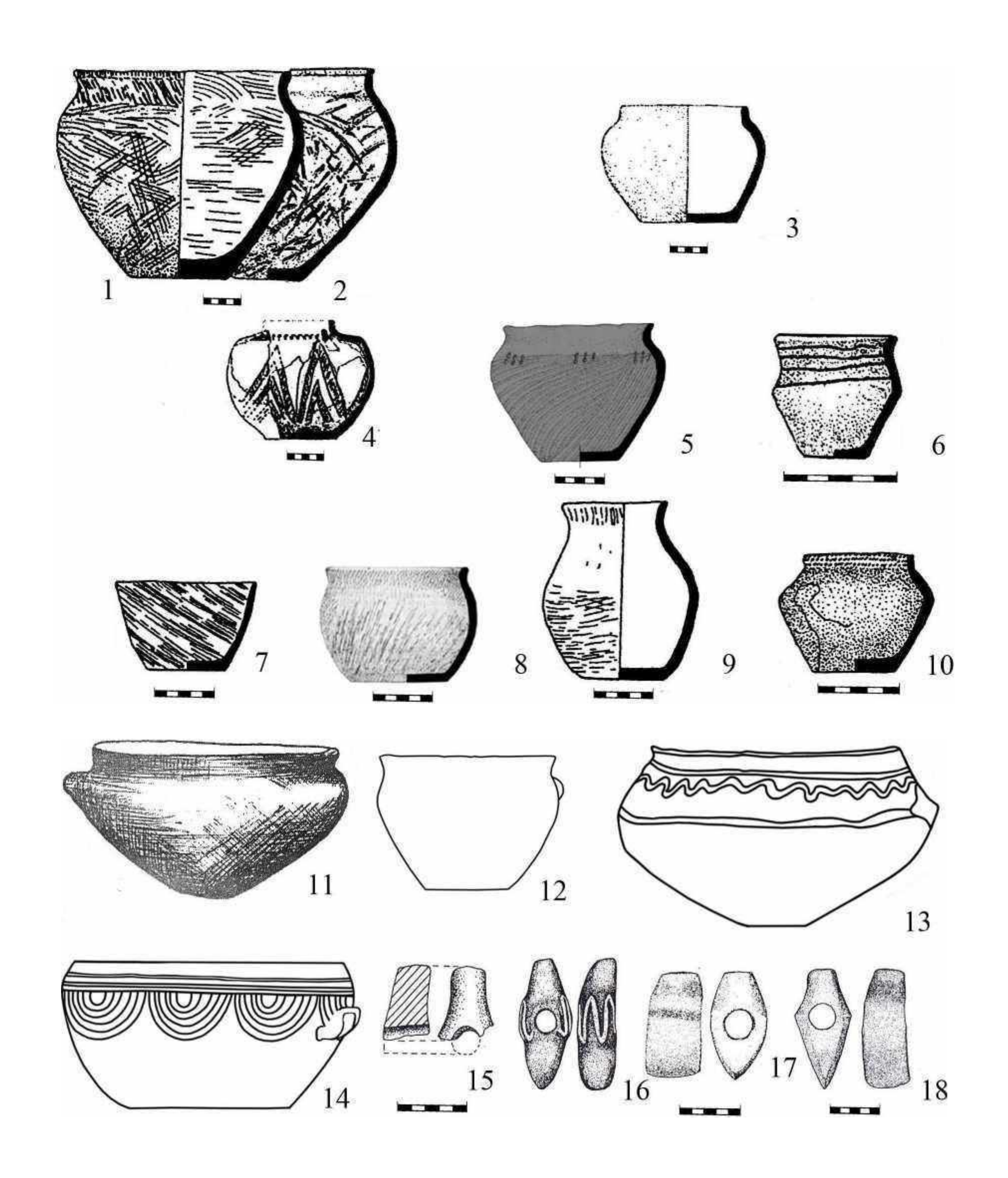

Рис. 4.40. Материалы, характеризующие катакомбные культуры в Карпато - Подунавье:

1 - Холбока 1/9; 2 - Якобени 1/19; 3 - Главанешти Веке 1949, 1/13; 4 - Котаргачи, к. 9, насыпь; 5, 8 - Судиц (Бузэу); 6 «Молдова», п.7; 7 - Холбока 1/35; 9 - Холбока 1/10; 10 - Валя Лупулуй; 11,12 - Лишкотянка, п.11; 13 - Лишкотянка, п. 13; 14 - Лишкотянка, п. 4; 15 - Валя-Лупулуй, насыпь; 16 - Лозна; 17 - Слободзия - Хынешти, к. 3, насыпь; 18 - Котаргачи, к. 8, насыпь (1-14 - керамика, 15-18- каменные шлифованные топоры);
(по: 1-4, 6,7, 9,10 - Burtanescu, 2002; 5,8 - Frinculeasa, 2011a; 11 -Toscev, 1998; 12-14 - Hartuche, 2002; 12-14 - прорисовка с фото С.В. Ивановой)

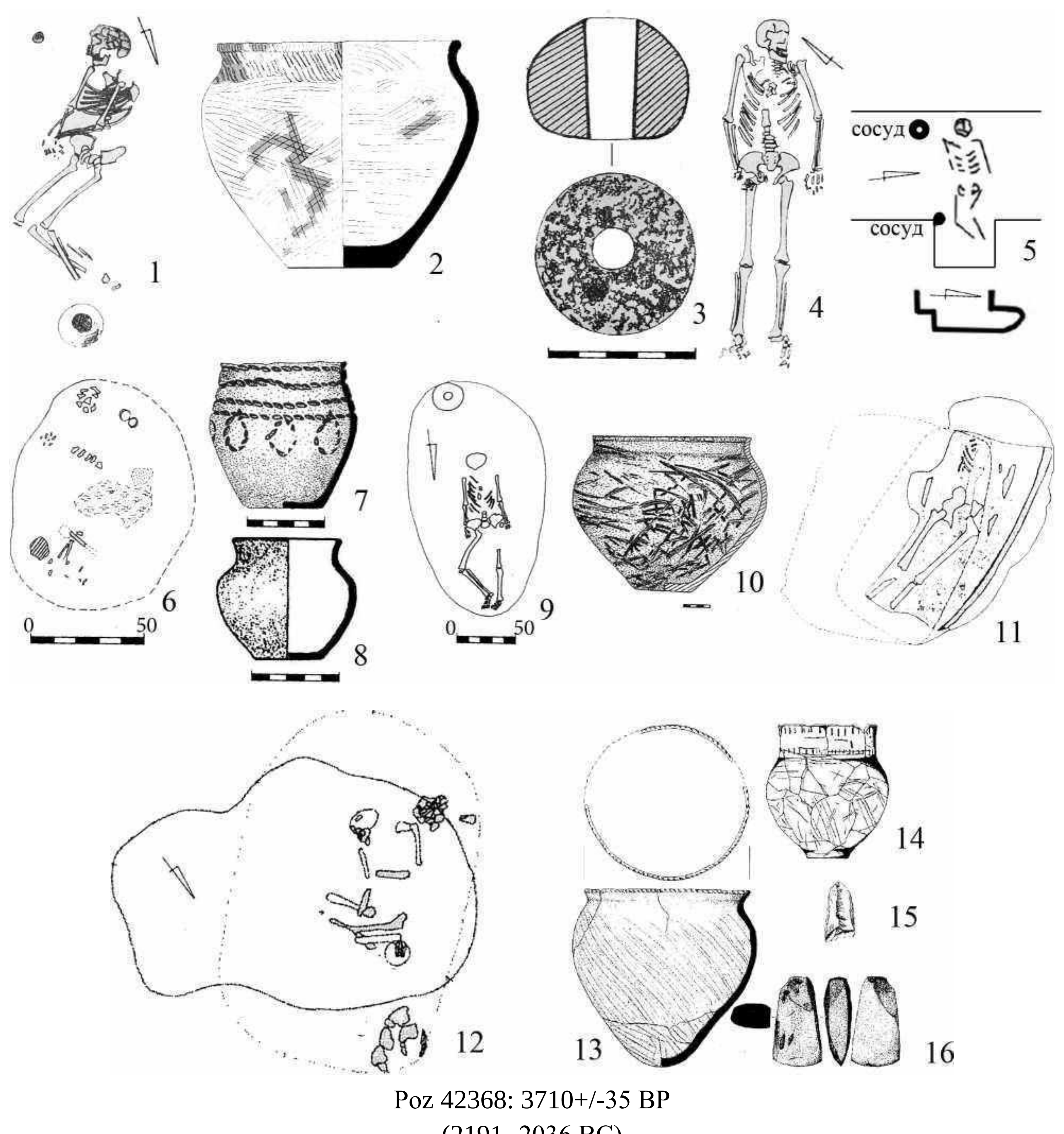

Рис. 4.41. Катакомбные погребения в Карпато-Подунавье и в бассейне р. Висла:

1-3 - Холбока 1/9; 4 - Холбока 1/33; 5 - Судиц, п. 7 ; 6-8 - Слободзия-Хэнешти; 9,10-Якобени 1/19; 11-Корлэтени 1/2; 12 - 16 - Свенте (р. Сан), объекты 1149 и 1149В;
(1,4,5,9,11,12— планы погребений; 2,7,8,10, 13,14— керамика, 3 - каменная булава, 15 - кремневая пластина; 16 - каменный топор);
(по: 1-4 - Зирра, 1960; 5 - Frinculeasa, 2011a; 6 -10 - Burtanescu, 2002; 11 - Dumitroaia, 2000; 12-16 - Косько та ін., 2012)

ГЛАВА 5
РОЛЬ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В КОНЦЕ IV–III ТЫС. ДО Н. Э.

На этапе С-II трипольской культуры началось особенно интенсивное освоение Северо-Западного Причерноморья позднеэнеолитическим населением. Несколько последовательных волн миграций из лесостепной зоны (выхватинская, а затем гординештская группы Триполья), наряду с мигрантами с востока (нижнемихайловская культура) и запада (культура Чернавода I) привели к формированию и дальнейшему развитию усатовской культуры. Однако финал трипольской культуры являлся не только периодом ее наибольшего территориального распространения во всех направлениях (на севере трипольцы продвинулись в лесную зону Волыни, на юге – в Причерноморскую степь), но и периодом серьезного кризиса. Попытки его разрешения были достаточно традиционны и неоднократно опробованными трипольским обществом. Исследователи отмечают, что увеличение населения при экстенсивном характере земледелия вело, прежде всего, к дисбалансу между обществом и природной средой, и далее – к обострениям отношений и конфликтам в человеческих коллективах. Полагают, что выходом из создавшейся ситуация были миграции – переселения избыточного населения на другие территории, причем вектор их был различным на разных этапах трипольской культуры. Традиционно это были лесостепные территории, и лишь в финале трипольское население устремилось в степь (Манзура, 2000, с. 289–287).

Еще одна крупная миграция связана с населением синкретичной животиловской (животиловско-волчанской) культурной группы, которая связывала значительные степные территории – от ареала обитания гординешских племен до майкопской культуры Предкавказья. Памятники ее известны в Северо-Западном Причерноморье, Побужье, Поднепровье. Кроме позднетрипольской (гординештской) и майкопской посуды, благодаря животиловский племенам, в степи распространяются плоскодонные кубки, чашки с петельчатыми ручками, лощеные неорнаментированные амфорки, возможно – повозки. Эпицентр миграции был связан с ареалом позднетрипольских (гординештских) племен, зоной наиболее сильных проявлений гординештского и майкопского влияний было Поднепровье (Рассамакін, 1997, с. 292–294; Rassamakin, 2003, p. 54–55). В результате миграций в степных культурах (постмариупольская/квитянская, дереивская, молюхобугорская) наблюдаются трипольские влияния как погребальной практике так и в производственной сфере Что касается усатовского населения, то следы его проникновения в другие ареалы незначительны, как в восточном (Рассамакін, 1997, с. 293), так и в западном направлении (Дергачов, 2004, с. 111; Nikolova L., 2000, p. 4).

Но с формированием ямной КИО меняется вектор миграций, он теперь направлен из ареала Северо-Западного Причерноморья, а не в него; на западное направление движения населения указывают многочисленные памятники Балкано-Карпатского варианта ямной КИО, датируемые в диапазоне 29–24 вв до н. э. (табл. 4.3). Буджакская культура появляется не позднее, чем ямная культурно-историческая общность в целом, последнюю датируют в диапазоне 3100–2200 ВС (Rassamakin, Nikolova A.V., 2008). Следовательно, продвижение на запад началось через несколько веков после формирования буджакской культуры, и это вполне логично: традиционно распространение ямного население связывали с наличием у него повозок (Anthony, 2007). А.В. Николова отметила, что основная часть дат для повозок Северного Причерноморья связана с диапазоном 2900–2500 ВС (Николова А.В., 2006, с. 85), поэтому вполне можно согласиться с тем, что миграции населения и появление у него повозок были явлениями взаимосвязанными.

Как мы отмечали в историографическом обзоре, собственно процесс миграций не получил однозначного определения. Среди исследователей эпохи палеометалла Северо-

Западного Причерноморья основными факторами считаются ухудшение климата (под которым понимается аридизация) и изменение культурной ситуации (появление в регионе на позднем этапе катакомбных племен и вытеснение под их воздействием буджакских). Именно эти причины, как полагают, были основными стимулами миграций, под их воздействием ямные (буджакские) племена Северо-Западного Причерноморья были вынуждены искать новые районы обитания, а необходимость в новых пастбищах стимулировала миграции степных скотоводов на запад (Черняков, 1996, с. 63; Яровой, 1985, с. 114; 2000, с. 42 и др.).

Характер взаимоотношения местных и пришлых племен также объяснялся исследователями по-разному. Предполагалось разрушительное движении «курганных народов» на Балканы (Гимбутас, 2006; Даниленко, 1974; Дергачев, 2000; и др.), крупномасштабное переселение степных скотоводов на запад Восточной Европы (Бочкарев, 2002, с. 48), постепенное и довольно длительное проникновение, сопровождающееся относительно мирными отношениями между скотоводами и земледельцами (Мерперт, 1978, с. 58; Яровой, 1985, с. 114). Одна из концепций предполагает вариант, который в современной терминологии получил название «маятниковые миграции»; отмечается движение населения не только на запад, но и возвращение его на исконные места обитания (Шмаглий,Черняков, 1970, с. 107). Возникают «поливариантные» концепции, пытающиеся совместить «милитаристские» и «мирные» миграции, осуществляемые группами ямных племен (Коробкова и др., 2005–2009, с. 225).

Мы полагаем, что роль ямного населения в культурогенезе Европы несколько преувеличена, продвижение на запад имело бóльшее значение для населения Северо-Западного Причерноморья, чем для европейских культур бронзового века, хотя точку зрения М. Гимбутас в том или ином контексте используют и современные археологи. Из Юго-Восточной Европы буджакским населением импортируются металлы, усваиваются технологии их обработки, воспринимаются отдельные типы керамики и элементы оформления, создаются серии подражательных форм посуды, способствуя процессам культурогенеза непосредственно в Северо-Западном Причерноморье. На этих аспектах мы останавливались в предыдущих главах. Продвижение катакомбных племен на запад и северо-запад было незначительным, тем не менее, и этот процесс отразился в материальной культуре – вероятно, с ним связаны отдельные находки сосудов и топоров КША и КШК в катакомбных погребениях региона. Следовательно, можно говорить об определенной роли миграционных процессов в жизни населения Северо-Западного Причерноморья, независимо от того, имел ли место приток или отток населения.

Итак, миграции трипольского населения в степную зону чаще всего связывают с кризисными явлениями, вызванными теми или иными причинами. Для буджакского населения высказываются разные точки зрения, но также связанные с существованием некоей кризисной ситуации, определяемой то ли климатическими изменениями (иссушением), то ли давлением пришлого населения. Для их верификации необходимо определить, какие природные и климатические события имели место на протяжении III тыс. до н. э., рассмотреть их возможное влияние на хозяйственно-экономическую жизнь древних обществ.

5.1. Моделирование жизнедеятельности населения Северо-Западного Причерноморья в контексте «стремительных» климатических изменений

Функционирование хозяйства древнего населения определяют, в основном, экономические, экологические, социальные и демографические факторы. Палеоэкологические характеристики важны для определения потенциальной продуктивности определенного географического региона; большое значение имеют климат, топография и близость к источникам воды. В то же время воздействие на один и тот же ландшафт у разного по происхождению населения может различаться по причине обладания

различным опытом (традицией) природопользования: каждая группа населения преобразовывает ландшафт по привычной схеме. Такой подход требует изучения проблем соприкосновения между природной средой и человеческими культурами.

Реконструкция ландшафта и климатических особенностей региона обитания являются актуальными при изучении хозяйства, экономики и образа жизни населения любого исторического периода. Но именно на ранних хронологических этапах зависимость человека от природного окружения была особенно ощутимой; к тому же, отсутствие письменности определяет и круг источников, привлекаемых к таким реконструкциям. Поэтому изучение археологических культур и культурно-исторических процессов в последние десятилетия опираются на исследования геологов, палеопочвоведов, палеоботаников, палеоэкологов и других специалистов, что позволяет реконструировать среду обитания древнего населения. Среди археологических работ можно выделить несколько направлений, каждое из которых связывает определенные культурные изменения с той или иной группой климатических факторов.

Достаточно популярной в археологической среде является схема климатических изменений, известная под названием «схема Блитта-Сернандера», которая к тому же используется в качестве хронологических рамок для археологических культур. Именно к ней «привязаны» схемы климатической эволюции в Северном Причерноморье в голоцене, выполненные различными авторами. При этом каждым из них предлагается собственная детальная периодизация, где реконструкции климатических условий не всегда совпадают (табл. 5.1). Одни исследователи обращают внимание на относительную синхронность динамики развития археологических культур и климатических изменений, имевших место в древности, предполагая определенную зависимость исторических процессов от климатических фаз (Кременецкий, 1991, 1997; Спиридонова, Алешинская 1999; Кореневский, 2006, с. 71–78 и др.). Другие считают такой подход несколько упрощенным (Kassianidou, Knapp, 2005, p. 216).

При изучении памятников, расположенных в прилитторальных территориях, исследователи привлекают к анализу эвстатические колебания морей, увязывая с трансгрессиями и регрессиями не только уровни залегания археологических остатков (Шилик, 1997–1999), но и культурные трансформации (Патокова и др., 1989; Бруяко и др., 1991; Дергачев, 2005). Помимо морских колебаний, рассматривается динамика водности рек (Пустовалов, 2001–2002, с. 319–323; 2005). К реконструкциям привлекаются и циклы солнечной активности, и 1850-летние циклы увлажненности климата (циклы Шнитникова), в сопоставлении с ритмами культурогенеза (Шнитников, 1969; Петренко, 1992 и др.).

В последние годы особое внимание уделяется климатическим аномалиям голоцена – «стремительным климатическим событиям» (СКС) и их воздействию на жизнь древних обществ. Данные архивов Гренландских льдов позволяют выделить шесть основных нестабильных периодов, во время которых произошло большинство ключевых аномалий. Эти периоды в календарном калиброванном времени соответствуют 9000–8000 cal BP, 6000–5000 cal BP, 4200–3800 cal BP, 3500–2500 cal BP, 1200–1000 cal BP, 600–150 cal BP (Mayewski et al., 2004; Rasmussen et al., 2006). Если традиционно даты BP нуждаются в калибровке для приведения их в соответствие с календарным возрастом, то хронология высокоточных климатических архивов (гренландских кернов) уже является календарной. Поэтому при сопоставлении их с калиброванными датами археологических памятников (BC) они уменьшаются на константу, равную 1950. Пики этих аномалий – так называемые «события» (events), характеризующиеся наиболее выраженными скачками среднегодовой температуры, рассматриваются как значимые явления в истории климата Земли. В контексте работы имеют значение два из выделяемых исследователями климатических событий: 5300 calBP, 4200 calBP. Рассмотрение археологической ситуации в период стремительных климатических событий, позволило исследователям зафиксировать определенные изменения в культурах на территории Северного и Западного Средиземноморья и Юго-Восточной

Европы именно в связи с конкретным проявлением изменений климата, а не в общем контексте (Weninger et al., 2006; 2009). В большинстве случаев последствия климатических аномалий трактуются исследователями как катастрофы, приводятся сведения об оставлении городов, исчезновении или миграции культур, смене исторических эпох и пр. Тем не менее, СКС вели не только к уменьшению количества населения, но и к изменению в стратегиях жизнеобеспечения.

На наш взгляд, в настоящее время данные естественных наук в сочетании с археологическими реалиями позволяют верифицировать как общеметодологические, так и собственно культурогенетические аспекты, вопросы культурных трансформаций, миграций и колонизаций (Иванова и др., 2011). Рассмотрение нескольких основных категорий климатических изменений и сопоставление их с культурными трансформациями может позволить определить наиболее значимые из климатических факторов в рамках определенных хронопериодов (Иванова и др., 2011а). С этим напрямую связана проверка достаточно традиционных представлений о негативном влиянии на человеческие сообщества собственно любых климатических перемен или же определенных климатических циклов («аридизация», «похолодание» и пр.).

Мы полагаем необходимым построение модели жизнедеятельности населения Северо-Западного Причерноморья, исходя из тех реперных событий «быстрого изменения климата», которые являются значимыми в рамках данной работы. Эти события анализировались разными исследователями на примере регионов Южной и Юго-Восточной Европы, Средиземноморья Передней Азии и достаточно многочисленных регионов земного шара (Haas et al., 1998; Weninger et al., 2006; 2009). Отметим, что для степного Причерноморья уже была предложена синхронизация палеоклиматических событий и археологических реалий для первой половины голоцена (Виноградова, Киосак, 2010) – в условиях преобладания присваивающей экономики.

И, наконец, достаточно интересную информацию для реконструкции экономики и хозяйства древнего населения предоставляют палеогеографические реконструкции северо-западного шельфа Черного моря, лиманов и лиманно-устьевых комплексов, а также реконструкция изменения уровня моря в голоцене.

В рамках данной работы возможна попытка сравнения изменений окружающей среды, динамики расселения и особенностей экономики населения региона в период раннего бронзового века. Особо это актуально при рассмотрении такого явления как миграции, которые могут быть связаны с климатическими изменениями, а могут определяться совершенно иными (политическими, экономическими и пр.) событиями или процессами. Мы полагаем, что рассмотрение археологической ситуации на фоне климатических колебаний позволит дать оценку как характеру миграций (или колонизации новых территорий), так и адаптационных возможностей древнего населения Северо-Западного Причерноморья в конце IV–III тыс. до н. э. Автор не ставит целью реконструировать или проанализировать полностью климатическую историю этого периода. Наоборот, объектом внимания становятся отдельные поворотные моменты, коррелирующие со значительными стремительными климатическими событиями. При этом наложение на графики суммы радиоуглеродных дат археологических памятников энеолита и бронзового века показывает наступление финала определенных археологических культур лишь после «события 4200 calBP»; напротив, «событие 5300 calBP», судя по всему, не имело выраженных негативных последствий (рис. 5.1; 5.2; 1.1).

Переход к бронзовому веку в Причерноморских степях датируют в диапазоне 3400–3200 BC, что соответствует времени перехода к завершающему этапу С-II в хронологии Трипольской культуры (Бурдо, Відейко, 1998; Videiko, 1999). С начальным периодом бронзового века связывают культурные трансформации и активизацию культурно-исторических процессов на территории Юго-Восточной Европы. С другой стороны, начинаются и климатические изменения – похолодание, уменьшение количества осадков и

начало аридизации в различных частях Европы. Финал Атлантика определяется как время короткопериодных резких изменений природной среды (Спиридонова, Лаврушин, 1997, с. 167). В степной зоне Украины аридным считается хронопериод 4500 – 3500 лет назад., или 3340/3100 – 1880/1770 ВС, с максимумом аридизации между 4200 и 3700 лет назад, или 2890/2700 – 2140/2030 ВС (Кременецкий, 1997, с. 43–44).

Не все исследователи согласны с тем, что с климатическими изменениями следует сопоставлять наступление очередной ступени в развитии человечества, т.к. совершенствование технологий (металлургии) не зависит от состояния климата. Однако решающим тут является, на наш взгляд, терминологический аспект и суть данной дефиниции. Необходимо определиться, воспринимать ли бронзовый век как распространение инноваций в металлургии (производство и дальнейшее доминирование изделий из бронзы) или как повсеместный переход к новым хозяйственным моделям (подвижное скотоводство или даже кочевничество), формирование новых социальных отношений и социумов нового типа (комплексные общества). По-видимому, второй аспект более полно отражает суть новой эпохи. Мы полагаем, что климатические изменения (аридизация климата) не были столь негативными или катастрофическими для пастушеского населения, как это традиционно постулируется в археологических и исторических исследованиях. Взаимоотношение между человеком и окружающей его природой лежит в диапазоне от адаптации к требованиям окружающей среды до активного приспособления её для собственных нужд. На наш взгляд, именно новые климатические условия, повлекшие за собой расширение ареала степной зоны, привели к формированию достаточно стабильных экосистем (т.е. взаимосвязанных совокупностей живых организмов и среды их обитания), что способствовало успешному развитию скотоводства как основы экономики степных культур. О положительном эффекте новых климатических условий говорит резкое увеличение количества степного населения, по сравнению с энеолитическим этапом. К тому же хронологические рамки основных культур раннего и среднего бронзового века практически совпадают с периодом максимальной аридизации (рис. 5.1. А; 5.2. А). Например: ямная культура Украины и Молдовы укладывается в рамки 3400/3300–2300/2250 ВС (Rassamakin, Nikolova A.V., 2008), восточная группа культуры шаровидных амфор датируется 2950–2350 ВС (Szmyt, 1999), а катакомбная культура – 2900–2200 ВС (Николова А.В., Рассамакин, 2009), с отличием в датировках разных регионов внутри каждой из культур.

По-видимому, начало формирования новых климатических условий «продлило жизнь» культурам энеолитической эпохи, которые сосуществовали уже с новыми культурами бронзового века. Именно экологические трансформации предоставили возможность трипольскому населению найти в определенной степени выход из начинающегося кризиса культурно-хозяйственной системы, продвинувшись в новую для себя экологическую зону (степь) и активно взаимодействуя с достаточно чуждым для себя культурами. Таким образом, им удалось отсрочить судьбу, постигшую многие достаточно сильные и яркие земледельческие культуры Европы. Напомним, что ранее сходным путем решило кризисную ситуацию население культуры Гумельница, переселившись в степь, что было первым примером адаптации земледельческого населения к степной зоне. Исследователи обратили внимание на то, что многие энеолитические общества юга Балкан и близлежащих регионов находились в преддверии цивилизационных процессов. Тем не менее, возможности тех или иных культурно-хозяйственных систем были исчерпаны. Затем наступил общественный катаклизм, культурный регресс и довольно быстрое угасание (Массон, 1996, с. 60).

Позитивные результаты новой климатической обстановки не должны удивлять, поскольку аридные стадии в разные эпохи носили разный характер. Наиболее мягкие из них отмечены для рубежа IVи III тыс. до н. э. и II и I тыс. до н. э., что связано с особенностями природной ритмики (Песочина, 2009).

Мы полагаем, что население культур Северо-Западного Причерноморья было адаптировано к новым экологическим условиям и не испытало на себе негативных последствий климатических изменений – «события 5300 cal BP». Этот вывод, казалось бы, противоречат традиционным взглядам на сущность миграционных процессов в кочевых обществах. Исследователи чаще всего при реконструкциях палеоклиматической ситуации полагают, что в определенных благоприятных климатических условиях (под ними предполагается гумидизация, или увлажнение) в кочевой среде происходит демографический взрыв, а при неких неблагоприятных условиях (аридизации, или иссушении) происходит отток избытка населения в иные районы (т.е. миграция). Совершенно противоположные, но вполне аргументированные выводы сделаны на основе анализа археологического материала раннего железного века, с использованием подробной характеристики климатических изменений в Европе, причем не только на основе данных не только почвоведения, но и античных письменных источников (Берлизов, 2004). Автор концепции полагает, что в Европейской степи изменение количества кочевого населения связано со степенью увлажнённости климата в обратной пропорции. Оказывается, что в аридные периоды зафиксировано больше захоронений, чем в гумидные. Следовательно, можно говорить о передвижках номадов из казалось бы «благоприятных» зон в «неблагоприятные», из увлажненных в засушливые. В процессе аридизации границ степи и леса смещалась к северу, а на юге, в степных регионах формировались пустынные и полупустынные ландшафты. Именно полупустынные ландшафты благоприятны для круглогодичного выпаса скота, несмотря на меньшие объемы кормов. Предполагается, что именно в таких условиях был сформирован окончательно кочевой уклад в степной зоне Евразии. Характерно, что именно во времена аридных эпох наблюдались демографические взрывы. Исследователи фиксируют их в Скифии (IV в. до н. э.), в Приуральской степи (в IV–III вв. до н. э.), за Доном, в Предкавказье (во II–I вв. до н. э.). Следует иметь в виду, что короткие периоды увлажненности (например, год) дают высокую урожайность и оказываются благоприятными для пастьбы. Но длительные периоды увлажненности демонстрируют отрицательные тенденции, которые, как правило, не рассматриваются и не анализируются. Между тем, переизбытки влаги в зимнее время приводят к формированию слишком глубокого снежного покрова, обледенению пастбищ, в таких ситуациях тебеневка становится невозможной. Другим проявлением увлажненности становится произвольное разрастание лесов. Геологи и почвоведы пришли к выводу о стабилизации южной границы лесов в позднем голоцене. С эпохами повышенной влажности связаны самые мощные перемещения кочевого населения в раннем железном веке. Вторжение причерноморских кочевников (киммерийцев и скифов) в Переднюю Азию происходило на фоне повышенной увлажненности в Европе VIII–V вв до н. э. Но во влажный период VII–V вв. до н. э. памятники кочевнического населения в Зауралье перемещаются к югу. В период увлажнения III в. до н. э. наблюдается уменьшение кочевнических комплексов к западу от Волги, но в то же время они на территории Заволжья и Приуралья. Также в гумидную эпоху (180–350 гг.) в Причерноморье широко распространяется население черняховской культуры (лесовики–германцы), которые вытеснили из этого ареала степные сарматские племена. В этот же период наблюдается движение сармат, а впоследствии и гуннов на территории Римской империи. Углубленный анализ приведенных нами вкратце фактов и положений позволил исследователю прийти к выводу, что появление номадизма в значительной степени могло быть детерминировано климатическими изменениями, формированием определенной экологической ниши. Именно в пустынях формируются наиболее благоприятные условия (относительно теплая зима) для круглогодичного выпаса скота. Засушливые периоды вели к устойчивости кочевых объединений, расширяли их экологическую нишу. Напротив, длительные гумидные периоды ухудшали условия для кочевого скотоводства и вели к перемещениям степного населения в меридиональном направлении. Данный вывод расходится с традиционными точками зрения о природе номадизма и движущих силах

исторических событий, тем не менее, автор концепции подтверждает ее археологическими реалиями (Берлизов, 2004, с. 325–335). Заметим, что комплексные исследования археологических культур и климатических изменений в Евразийских степях Южной Сибири в голоцене также продемонстрировали, что периоды увлажнений способствовали миграциям населения (Боковенко и др., 2005, с. 102).

На наш взгляд, эта концепция вполне применима к рассматриваемому нами периоду конца IV–III тыс. до н. э. Аридизация раннего железного века – это не первая аридизация, с которой пришлось столкнуться древним скотоводам. В рамках производящего хозяйства впервые эти климатические изменения почувствовали на себе скотоводческие племена эпохи ранней бронзы, т.е. носители усатовской, буджакской и катакомбной культур. Основная часть дат для буджакской и катакомбной культур связана с ранним и средним суббореалом. Созвучные данные получены при исследовании палеогеографии Ергеней (Северо-Западный Прикаспий) в позднем голоцене. Изучение погребенных палеопочв (на фоне радиоуглеродных дат) позволило установить связь периодов увеличения населения с регрессиями Каспийского моря в эпоху бронзы (Гольева и др., 2005, с. 17). Таким образом, можно предположить, что аридизация климата Причерноморских степей и связанные с ней трансформации не могли быть основной причиной продвижения населения ямной культуры в Карпато-Подунавье, где, кстати, происходили те же климатические изменения, что и в степном Причерноморье (Кременецкий, 1991, с. 103).

Для подтверждения этой гипотезы с помощью существующих методик, апробированных в археологических исследованиях (Крадин, 1996, 2001; Гаврилюк, 1999), нами произведена реконструкция моделей жизнеобеспечения населения буджакской культуры (учитывая урожайность степи в разных климатических условиях), вычислено возможное количество скотоводческого населения, способного прокормиться в степях Северо-Западного Причерноморья в условиях меняющегося климата. Эти данные сопоставлены с расчетами возможной плотности населения степи по данным погребальных памятников (Пустовалов, 1999).

С.Ж. Пустоваловым была рассчитана вероятная динамика численности степного населения Украины по материалам курганных могильников. Плотность ямного и катакомбного населения в среднем предполагается 0,2 человека на 1 кв. км, эта цифра несколько колеблется в различных регионах от 0,1 до 0,4 человека (Пустовалов, 1999, с. 19, 24–35). Для сравнения приведем данные по другим историческим периодам, вычисленные исследователями с помощью различных методик. Так, Б.Б. Агеев определяет плотность скотоводческо-земледельческого населения Северной Евразии эпохи неолита от 0,8 до 2 человек на кв. км (Агеев, 1981, с. 108), А.Н. Гей для катакомбного населения Кубани рассчитал плотность 0,14 человека на кв. км (Гей, 1990), для эпохи бронзы Среднего Подонья. А.Т. Синюк вычисляет цифру 2 человека на кв. км (Синюк, 1996, с. 290). Для Аркаима и его окрестностей (радиус 20–30 км) определена такая же плотность населения (Березкин, 1995, с. 31–36). Численность специфического региона в Нижнем Поволжье – Рын-песков – в срубное время определена в пределах 5–8 человек на кв. км (Иванов, Васильев, 1995, с. 159). Плотность оседлого населения эпохи поздней бронзы Саратовского Поволжья определяется в диапазоне от 0,3 до 2 человек на 1 кв. км (Сергеева, 2006, с. 137). Плотность населения скифов на всей территории степи Н.А. Гаврилюк определяет как 2,8 человек на кв. км (Гаврилюк, 1999, с. 119)., а хунну Центральной Азии – около 0,96 человек на кв. км (Крадин, 2001). Этнографические данные предоставляют сведения о кочевых скотоводах более поздних эпох. Так, плотность кочевников в степных районах Казахстана в конце XIX века колебалась от 0,36 до 3,03 человека на кв. км (Масанов, 1984, с. 38–39).

Считается, что основой хозяйства племен буджакской культуры было подвижное скотоводство (с элементами земледелия), при доминировании в стаде овец. Если воспользоваться этнографическими параллелями с более поздним временем, то для нормального выпаса овец и крупного рогатого скота оптимальное соотношение лошади и

овцы в стаде должно быть не менее чем 1:6. Разные виды животных при аналогичных пастбищных нагрузках по-разному влияют на продуктивность пастбищ. Так, наименьшая масса травостоя отмечается на пастбище овец, при выпасе лошадей масса травостоя сохраняется лучше всего. Крупный рогатый скот влияет на степные пастбища на среднем уровне, если сопоставлять с овцами и лошадьми. Он стравливает лишь определенные кормовые травы, поэтому распространяются сорняки, которые скот не поедает. При усилении выпаса в степном травостое происходит изменение соотношения сорных и естественных растений (Юнусбаев, 2001).

Другим немаловажным аспектом, связанным с продуктивностью пастбищ, являются климатические изменения, в результате которых подзоны степи в определенные хроноинтервалы интересующего нас периода (конец IV–III тыс. до н. э.) могут сдвигаться на подзону на север при потеплениях и на юг – при похолоданиях.

С.Ж. Пустовалов (Пустовалов, 2001–2002, с. 320–322) считает, что коэффициенты водности бассейна реки Днепр также отражают факт сдвигов подзон в катакомбное время. По его мнению, в этот период не наблюдалось иссушение климата, как считают палеоэкологии (Кременецкий, 1991), а большую часть современной настоящей степи занимала луговая степь и лесостепные просторы, в середине существования катакомбной культуры наблюдается современная картина, при большей залесенности пойм и балок. Мы полагаем, что следует согласиться с мнением тех специалистов, которые отмечают аридизацию климата на протяжении III тыс. до н. э. (когда в Степном Причерноморье обитали ямные, а затем и катакомбные племена), с резким его ухудшением лишь около 22 в. ВС (Кременецкий, 1991, с. 146–150; 1997, с. 40–44; Герасименко, 1997; Mayewski, 2004). Вероятно, именно с этим событием связан финал катакомбной культуры, как и ряда других культур этого периода.

Целесообразно построить несколько моделей для разных типов пастбищ и сопоставить эти данные с предполагаемой плотностью населения раннего и среднего бронзового века. Это позволит определить, были ли в течение III тыс. до н. э. на западе Причерноморских степей кризисные ситуации, которые могли заставить племена ямной культуры продвинуться далеко на запад, в Альфёльд, или же их пребывание в Карпато-Балканском регионе связано с иными причинами. В письменных источниках большая часть территории Северо-Западного Причерноморья в XIX веке предстает как оптимальная для выпаса скота (Свиньин, 2006). Степная растительность сохранилась до наших дней в первозданном виде лишь на небольших заповедных участках, что не позволяет использовать их для определения урожайности пастбищ в древности. Привлекать современные данные по урожайности пастбищ не вполне корректно, ввиду их истощения и разреженности в результате антропогенного воздействия. Так, урожайность некультивируемых естественных угодий Украины в наше время достигает от 7 ц/га до 13 ц/га зеленой массы (Писаренко и др., 2008). Поэтому мы будем исходить из минимальных показателей, которые в целом характерны для сухих (10–30 га/ц), песчаных (20–40 ц/га) и солонцеватых (20–40 ц/га) степей, и условно примем урожайность пастбищ в раннем бронзовом за 20 ц/га, а для сухих степей – 10 ц/га (Юнусбаев, 2001).

Численность домашних животных зависит от объемов пастбищных ресурсов. Для определения возможной продуктивности пастбищ Северо-Западного Причерноморья будем исходить из принятого в подобных реконструкциях допущения, когда к древним пастбищам приравнивается территория современных сельскохозяйственных угодий (Сергеева, 2006, 136). Для Одесской области они составляют 2,6 млн. га (Топчієв, 1998), для Республики Молдова около 2,5 млн га (Вартичан, 1982), именно эта территория в совокупности и составляет Северо-Западное Причерноморье. Учитывая, что методика построена на анализе кочевого общества, более позднего хронологического периода, мы предпримем попытку реконструировать лишь возможную минимальную численность населения региона в период ранней и средней бронзы которую, можно определить по формуле (1.2).

Модель 1. При средней урожайности 20 ц/га, суточной потребности одной овцы в 0,91 к.е. в день, получаем:

Числ.min = (0,0202 x 67,2 x 1 530 000) : (0,91 x 90)= 25 359 чел

Допустимая минимальная плотность населения составит в этом случае 0,5 чел/кв. км

Модель 2. При средней урожайности 10 ц/га, суточной потребности одной овцы в 0,91 к.е. в день, получаем:

Числ.min = (0,0202 x 33,6 x 1 530 000) : (0,91 x 90)= 12 679 чел.

Возможная минимальная плотность населения при низкой урожайности сухих пастбищ могла составлять 0,24 чел на 1 кв. км.

Таким образом, не превышая допустимую пастбищную нагрузку в различных типах биогеоценозов, в раннем и среднем бронзовом веке минимальная плотность населения могла составлять от 0,24 до 0,5 чел/кв. км.

Этот показатель выше той плотности населения ямной и катакомбной культур, которая была реконструирована по данным погребального обряда для степной зоны Украины (Пустовалов, 1999). Таким образом, даже в самой критической ситуации – при низкой урожайности сухих пастбищ – степь могла прокормить больше населения, чем в ней предположительно проживало. Следовательно, отсутствовал переизбыток населения как предпосылка для экономического и экологического кризиса. В данной конкретной ситуации под экологическим кризисом степи мы понимаем не только изменение климата в сторону его «ухудшения», но и вызванное антропогенным фактором явление дигрессии, связанное с перевыпасом животных, когда растительный покров степи угнетался из-за пастьбы избыточного количества животных.

При расчетах мы сознательно использовали минимальные уровни показателя урожайности различных видов степей, что могло наблюдаться лишь в кризисные годы. В реальной жизни в различные годы урожайность могла быть различной, в том числе и существенно выше той, что учитывалась при расчетах. Следовательно, климатические колебания, которые в конечном итоге привели к изменению характера степей Северо-Западного Причерноморья (от луговых в Атлантике к сухим в Суббореале, судя по данным палинологических разрезов) не могли привести к такому ухудшению экологической ситуации, которая потребовала бы от населения продвинуться далеко на запад в поисках «выхода из кризиса» (в Нижнее Подунавье и Альфёльд). Таким образом, «событие 5300 calBP» не имело негативных последствий ни для населения Северо-Западного Причерноморья, ни для более широкого ареала Причерноморской степной зоны. Напротив, можно говорить о его положительном влиянии на формирование и развитие степных скотоводческих культур эпохи бронзы и исторические судьбы населения позднеэнеолитического периода. Отметим мнение А.Е. Кислого, который считает, что ни переселение, ни даже внешняя агрессия не являются абсолютно деструктивными факторами, когда речь идет о развитии мощного социокультурного организма, имеющего достаточный потенциал (Кислий. 2010, с. 17).

Иную ситуацию, чем сложилась ранее, мы наблюдаем при рассмотрении «события 4200 calBP». Стремительное климатическое событие с условным названием «4200 calBC» значительно отличается от иных климатических событий, часто становящихся объектом внимания археологов и преисториков. При выразительных несомненных изменениях в ряде важнейших компонентов разнообразных экосистем в планетарном масштабе, его непосредственные проявления в различных регионах широко варьировали. Основным и наиболее мощным признаком климатических изменений этого периода является мощная засуха, засвидетельствованная почти во всей Африке, Евразии, Южной Америке

(Staubwasser, Weiss, 2006). По данным палеоэкологического моделирования, возможно некоторое снижение температур в Северной Америке и Евразии, которое парадоксальным образом, сопровождалось наступлением ледников на первом континенте и сокращением их площади на втором (Mayewski et al., 2004).

Изучаемое климатическое событие с учетом максимального интервала погрешностей датируется в широких рамках 2500–1500 лет до н. э. Некоторые палеоклиматические источники, обладающие высоким временным разрешением относительно фиксируемых осцилляций, указывают на то что, это СКС может быть датировано и точнее. Скорее всего, оно началось около 2200 г. до н. э. и продолжалось более 300 лет. В качестве «засухи XXII века до н. э.» оно давно и широко известно в истории Древнего Востока. Так, его влиянием, возможно, следует объяснять социальные изменения в рамках Хараппской цивилизации – переход от городского ее периода к пост-урбанистическому. Достаточно давно было выдвинуто предположение об этой засухе как ведущем факторе падения Аккадской державы и Древнего Царства в Египте. Таким образом, кризис ближневосточных государств конца III-го тыс. до н. э., весьма вероятно, хотя бы частично был связан с СКС 4200 calBP. Современные исследования палеоклиматических источников высокого временного разрешения позволили найти новые аргументы в пользу этих гипотез (Cullen et al. 2000, p. 381–382).

Влияние «события 4200 calBP» на природу и население Причерноморских степей пока малоизученно, хотя имеются комплексные исследования (в том числе с радиоуглеродным датированием черноземов) для прилегающих ареалов. Так, ранний и средний голоцен в пустынях Средней Азии и Казахстана характеризуется развитием мощных почв и достаточно влажным климатом. Резкое сокращение почвообразования и резкое высыхание озер происходит в эпоху бронзы (Александровский, 1997, с. 28). В Северо-Западном Прикаспии в период 2600–2300 ВС происходит замещение сухих степей на полупустынные ландшафты, а выявленные аномалии свидетельствуют не только о резкой аридизации климата, но и о настоящей климатической катастрофе (Шишлина, 2007, с. 298–299). На Нижнем Дону, в слоях поселения Раздорское, на временном отрезке 3800–3700 лет назад, наблюдается максимальное распространение маревых и минимальное распространение древесных пород в общем составе пыльцы. Для Нижнего Дона и Калмыкии фиксируется резкая наибольшая аридизация климата в период 4200–3700 лет назад, происходит ксерофитизация травяного покрова, продвижение на север и северо-запад подзоны злаковых степей и распространение засоленных грунтов. Около 3700 лет назад (2135–2035 ВС) датируется максимальная аридизация в Приазовье и на Украине (Кременецкий, 1997, с. 40–44). Характеристики почв и палиноматериалы свидетельствуют не только об аридном климате, но и том, что в регионе на данном временном отрезке доминировала сухостепная полынно-злаковая растительность при практическом отсутствии древесной. По сравнению с распространенной здесь современной разнотравно-злаковой степью, реконструируемый ландшафт означает сдвиг на три географические подзоны. Ухудшение природных условий было резким, можно говорить о глубоком иссушении климата, но не о похолодании (Герасименко, Горбов, 1996, с. 48; Герасименко, 1997; 2004).

«Событие 4200 calBP» нашло свое отражение в палинологических колонках Северо-Западного Причерноморья и близких к нему ареалах (Иванова и др., 2011, с.127–128). Полученные графики показывают, что для трех исследованных разрезов наблюдается тенденция снижения количества пыльцы древесной растительности, что является показателем иссушения климата (рис. 5.3). К сожалению, единственный палинологический разрез торфяника с территории собственно Северо-Западного Причерноморья (болото Чумай), имеющий радиоуглеродное датирование некоторых слоев (Волонтир, 1989), предоставляет мало информации для построения сравнительных графиков в интересующую нас эпоху. В связи с этим нами привлечены сведения о более информативных торфяниках степной Украины (Иванова и др., 2011).

Именно с периодом 2200–2000 ВС связывается финал основных культур, населявших Причерноморские степи с начального этапа бронзового века. Прекращают свое существование ямная и катакомбная культуры, культура шаровидных амфор. Блок культур шнуровой керамики сохраняется лишь в лесостепной зоне, где известны памятники среднеднепровской культуры, датируемые первой четвертью II тыс ВС (Szmyt, p. 1999, 273–274). На фоне выраженных негативных климатических изменений уменьшается количество населения (рис. 5.1. А; 5.2. А,В). Судя по небольшому количеству радиоуглеродных дат в диапазоне 21–20 вв ВС, немногочисленное население ямной и катакомбной культур доживает до начала следующей археологической эпохи, связанной с формирования новых культур, чтобы стать одним из субстратов нового и достаточно мощного культурного образования – культурного круга Бабино. Это подтверждается и антропологическими данными, регистрирующими единый тип части ямного и бабинского населения (Круц, 1997, с. 539), и возрождением в бабинском погребальном обряде ямных и катакомбных традиций. Генетическое родство населения буджакской и бабинской культур Северо-Западного Причерноморья подтверждают исследования ДНК (Иванова, Никитин, 2012).

Становление культурного круга Бабино датируют временем около 2200 ВС, причем бабинский культурогенез рассматривается исследователями в контексте образования блока посткатакомбных культур финала средней бронзы. Полагают, что он вызван глобальной экологической катастрофой начала среднесуббореального периода и является стимулированной трансформацией, связанной с импульсами Кавказского и Карпато-Дунайского очагов культурогенеза (Литвиненко, 2009). В конечном итоге, в Северном Причерноморье аридизация климата и военный разгром бабинским населением приводят к дезинтеграции катакомбного общества (Лысенко, 2008). Применительно к Северо-Западному Причерноморью имеет значение тезис о том, что военные отряды ранней Днепро-Донской Бабинской культуры были той силой, которая подорвала потестарную структуру и основы ингульской катакомбной культуры и положила начало трансформации последней в Днепро-Прутскую Бабинскую культуру (Литвиненко, 2009). Следовательно, в конце III тыс. до н. э. в основе культурных трансформаций, передвижек населения и расширении культурных ареалов находятся отнюдь не мирные побудительные мотивы.

Таким образом, последствия события 4200 calBP оказались совершенно иными и по силе, и по характеру, и по последствиям, чем предыдущая климатическая аномалия. Вместо трансформации культур и активизации культурно-исторических процессов, расцвета экономики нового типа – мы можем фиксировать культурный коллапс, одновременный финал целого ряда культур. Остатки населения раннего бронзового века были поглощены новым культурным образованием (Бабино), причем, скорее всего, можно говорить об определенной «милитаризации» этого общества, изменении культурных ценностей и жизненной парадигмы, что могло быть отдаленным следствием климатической катастрофы.

5.2. Палеогеографические реконструкции северо-западного шельфа и лиманов Черного моря

Степи Северо-Западного Причерноморья являются самым влажным участком среди всего пространства степной зоны Евразии. В то же время многочисленные лиманы и густая речная сеть обусловили зависимость региона от эвстатических колебаний. Исследования северо-западного шельфа Черного моря, лиманов и лиманно-устьевых комплексов уточняют даты и уровни имевших место трансгрессий и регрессий (Коніков, 2004; Konikov, 2007; Konikov et al. 2007; Ostrovsky et al., 2009; Yanko-Hombach, 2007). Эвстатические колебания могут влиять на микроклимат и характер расселения древнего населения региона, а поэтому имеют определенное значение для реконструкции его экономики и хозяйства. В контексте работы нас интересует так называемая черноморская трансгрессия, с двумя этапами – древнечерноморским и нижнечерноморским (рис. 5.4). В первом из них выделяется два пика

– нижняя древнечерноморская трансгрессия и верхняя древнечерноморская трансгрессия (Федоров, 1963; 1982). Их разделяет древнечерноморская регрессия с пиком в точке 8,2 ky BP. Между древнечерноморским и новочерноморским этапами прослеживается Тирианская регрессия, с максимум в точке 6,1 ky BP. Далее следует новочерноморский этап черноморской трансгрессии, в котором выделяется два пика – нижняя новочерноморская трансгрессии (пик приходится на 5000 ky BP) и верхняя новочерноморская трансгрессия (3200 ky BP). Их разделяет хаджибейская регрессия, достигающая своего пика около 4000 ky BP (Konikov et al., 2006).

Эвстатические колебания Черного моря прямо или опосредованно влияют на археологические источники региона, определяя топографию памятников и существование дорог в различные периоды. Они способствуют и перекрытию остатков поселенческих или погребальных памятников иловыми отложениями, порой – их затоплению. Но, в определенном смысле, эвстатика взаимосвязана с климатическими колебаниями, эти данные привлекаются при изучении динамики развития археологических культур (Коников и др., 2010; Konikov et al., 2012; Konikov et al., 2012a). Сопоставление, порой, носит прямолинейный характер, когда с регрессивными фазами сопоставляют приток населения в прилитторальные области, а с трансгрессивными – отток (Дергачев, 2005).

На самом деле, перемены климата не влияют на уровень моря в рамках жестких причинно-следственных связей. Уровень морского бассейна зависит, в первую очередь, от испаряемости, притоков поверхностных и разгрузке подземных вод, зимних и летних температур и осадков. Уровень моря «запаздывает» по отношению к глобальным температурным изменениям: сперва изменяется температура воздуха, затем постоянный сток и лишь через промежуток времени – уровень моря. Наиболее сильным изменениям в связи с регрессиями подвержены прибрежные территории и переходные формы рельефа – склоны, террасы, поймы. Более стабильны (и менее подвержены каким-либо влияниям со стороны моря) континентальные территории и водоразделы. Воздействие понижения уровня моря на природу и ландшафт двояко. Ведь параллельно с этим происходит изменение температурного режима в сторону континентальности. Усиливаются процессы засоления почв пойм, дельт и низменностей, уменьшаются ресурсы питьевой воды. На освобожденных площадях формируются соленые озера, отмирают леса и древесные растения, усыхают прибрежные заросли, понижается подпор грунтовых вод и повышается поступление влаги в атмосферу. В то же время – именно за счет освободившихся от воды прибрежных земель – происходит увеличение площадей, пригодных для скотоводства и земледелия, однако на фоне этих явлений может уменьшаться продуктивность пастбищ. Трансгрессия (поднятие уровня моря) влечет за собой установление новой береговой линии, формируются прибрежные заросли и галофитные луга, появляются новые озера, в почвах идут процессы рассоления. Восстанавливаются леса, в балках формируются плодородные почвы. Но на достаточном удалении от моря подъем грунтовых вод происходит в течение более длительного времени, поэтому изменения в почвенно-растительном покрове протекают медленно и даже на протяжении столетия почти не ощутимы (Гольева, 2000, с. 13–15).

На наш взгляд, в Северо-Западном Причерноморье сам факт регрессий и трансгрессий (если последние не носят характер катастроф) не является негативным или же позитивным фактором для экономической жизни древних обществ. В период регрессий могут наблюдаться передвижки или приток нового населения, возможно – в связи с образованием именно в это время достаточно удобных переправ, бродов и пересыпей. Так, в период Тирианской регрессии, в финале атлантического оптимума в Северо-Западном Причерноморье с территории Добруджи или юга Молдовы появляется культурная группа Болград-Алдень, древнейший вариант культуры Гумельница (Петренко, 2009). Собственно с нее начинается ранний энеолит степной части Северо-Западного Причерноморья (Субботин, 1983). Несмотря на единичные радиоуглеродные даты (Черных Е.Н. и др., 2000), эти памятники синхронизируются с периодом Триполье А по археологическому материалу.

Мигранты с румынского Прикарпатья принесли на Средний Днестр и Южный Буг культуру Прекукутени – раннее Триполье. Трипольское население в лесостепной зоне Северо-Западного Причерноморья появляется в конце периода А – начале периода В (по трипольской хронологии), что в абсолютных датах укладывается в период 4700/4600–4300/4200 ВС. В эпоху ранней бронзы, на фоне уменьшения Новочерноморской трансгрессии, в Северо-Западном Причерноморье распространяется население буджакской культуры, а на начальных этапах Хаджибейской регрессии – катакомбные племена. Время обитания здесь буджакского населения охватывает период 31–22 вв до н. э., а катакомбного – 26–22/21 вв. до н. э., согласно калиброванным датам (Иванова, 2009). Остатки поселений (летовок) катакомбной культуры в регионе малочисленны и невыразительны. Для единственного датированного поселения Змеиная балка получены три даты в диапазоне 2296–2139 ВС (Говедарица, Манзура, 2010, с. 308), что соответствует финалу катакомбной культуры в регионе. На пике Хаджибейской регрессии, совпавшей с максимальным иссушением климата, в Причерноморских степях, в том числе в Северо-Западном Причерноморье, распространяется население бабинской культуры. Ее памятники датируются в диапазоне 2200–1750 ВС (Литвиненко, 2009), для Северо-Западного Причерноморья немногочисленные даты охватывают хроноинтервал от 2215 ± 106 ВС до 1880–1730 ВС (Иванова, 2009). Климатические изменения в посткатакомбное время фиксируются на значительной территории южнорусских степей (Борисов и др., 2011, с. 144–154).

Немаловажное значение имеет реконструкция уровней эвстатических колебаний при анализе археологического материала, поскольку на отсутствии следов обитания населения в определенные археологические эпохи строятся исторические реконструкции (Дергачев, 2005). В эпоху бронзы в Северо-Западном Причерноморье поселения почти не известны, вплоть до позднего этапа бронзового века. Между тем данная ситуация может объясняться не негативным влиянием собственно трансгрессий и регрессий на условия жизни населения, а лишь на условия залегания остатков жизнедеятельности. Предполагают, что трансгрессия Черного моря и изменение геоморфологической ситуации привели к исчезновению многих памятников эпохи бронзы, однако уровень предшествующей регрессии был еще недостаточно изучен и считался равным –2 м (Бруяко и др., 1991, с. 10). Новейшие разработки геологов позволяют считать уровень Хаджибейской регрессии равным –17 м (Коніков, 2004), следовательно, к настоящему времени значительные прибрежные (равнинные) территории, доступные в раннем бронзовом веке, затоплены. Характерна, к примеру, топография поселений раннего бронзового века Среднего Приднепровья: они расположены на островах в поймах рек и на небольших мысах речных террас (Сыволап, 2001). Ситуация отчасти напоминает размещение кургана у с. Михай Браву (Румыния), расположенного на острове в дельте Дуная, близ переправы Килия – Килия Веке (Vasiliu, 1995a). Возможно, в речных, озерных и лиманных поймах располагались сезонные поселения и буджакского населения Северо-Западного Причерноморья. Известно, что пойменные земли ввиду аккумуляции (отложения наносов) особенно плодородны и могут использоваться и для земледелия, и как луговые пастбища для скота, поэтому сезонное обитание в поймах было бы вполне логичным. Отметим в подтверждение археологические находки на западном побережье Черного моря, где на прибрежных подводных террасах найдены памятников разных культур раннебронзового века: Езерово, Эзеро В, Михалич (Дергачев, 2005, с. 22).

Достаточно значимыми являются палеогеографические реконструкции северо-западного шельфа и лиманов, а также реконструкция изменения уровня моря в голоцене, построенные на основании традиционных геологических методов. К ним относятся лито-фациальный метод – характеристика изменчивости литологического состава отложений и фаунистических комплексов (Коников, Фащевский, 1999), использование абсолютных датировок, морфометрический анализ дна шельфа, лиманов и их береговых склонов и другие способы палеореконструкций (Коніков, 2004). Разработана реконструкция колебаний уровня

Черного моря за последние 20000 лет (рис. 5.4), которая демонстрирует характер соотношения термических и климатических изменений с эвстатикой Черного моря (Konikov, Pedan, 2006; Konikov, 2007). Определяется отсутствие линейной зависимости между изменением глобального термического режима и распределением осадков: периоды аридизации и увлажнения климата наблюдаются при разном температурном режиме, как при потеплении, так и похолодании (Konikov et al., 2010).

5.3. Причины и характер миграций в Балкано-Карпатский регион

Имеющиеся данные, на наш взгляд, могут свидетельствовать о возникновении в Северо-Западном Причерноморье в III тыс. до н. э. оптимальных природных условий для занятия подвижным скотоводством, расширении территорий, пригодных под пастбища. Можно говорить о стабилизации хозяйства и экономики в раннем бронзовом веке, о чем свидетельствует выраженное увеличение населения по сравнению с энеолитом – так, известно около 500 погребений позднего энеолита и усатовской культуры (за период 3500–2800 BC) и более 2500 погребений буджакской культуры (за период 3100–2200 BC). Мы полагаем, что не было большой переселенческой волны или нашествия, а имело место постепенное и поэтапное расселение в западном направлении определенной группы населения из Северо-Западного Причерноморья. Причем характерно значительное преобладание мужчин в составе переселенцев: в северо-западной Болгарии соотношение мужчин, женщин и детей определяется как 14:3:4 (Панайотов, 1989, с. 163), в Альфёльде – как 12:3 (Gerling et al., 2012, p. 1103). Для ямной КИО (и для буджакской культуры) также характерно преобладание мужских захоронений, но совершенно в ином соотношении – 2:1 (Иванова, 2001, с. 123). Такая диспропорция полов в Балкано-Карпатском регионе указывает, скорее всего, на переселение специализированной группы населения, а не на тотальную миграцию. К сожалению, небольшое количество дат и их широкие временные интервалы не позволяют восстановить последовательность освоения Балкано-Карпатского региона. Тем не менее, определенные данные предоставляет изотопный анализ. Так, изучение скелетных останков некоторых ямных курганов с территории Большой Венгерской равнины продемонстрировали следующую ситуацию: часть погребенных были местными жителями, т.е. не первым поколением ямных переселенцев, а часть пришли сюда из Трансильвании, с Западных Румынских гор (Апусени), с территории, которая расположена на расстоянии около 200 км к востоку от мест своего захоронения. Исследователи трактуют эти результаты как отражение системы сезонного отгонного скотоводства, с использованием высокогорных пастбищ летом и зимовками в Альфёльде (Gerling et al., p. 1107–1109). Но при использовании высокогорных пастбищ в летнее время, зимние пастбища, обычно, располагались в предгорьях, а поселения – между ними, в средней части (Гамкрелидзе, 1983). В данной ситуации речь может идти об определенных и устойчивых отношениях между двумя анклавами ямной КИО (Трансильвании и Альфёльда), приведших к переселению какой-то части населения из Апусени на запад. Для Балканской территории Л. Николова предполагает ежегодные откочевки ямного населения на зиму с территории Добруджи во Фракию, т.е на расстояние более 200 км (Nikolova L., 2010). Однако, как мы уже отмечали, специалисты считают, что естественным для степных пастухов были меридиональные перемещения со стадами, к тому же столь большие расстояния между летними и зимними пастбищами (как это предполагается: Апусени – Альфёльд и Южная Добруджа – Фракия) характерны для других природных зон, с малой обводненностью, небольшим количеством ежегодных осадков и склонностью к частым засухам, например, для Западного Казахстана (Андрианов, 1985, с. 62). Скорее всего, в рамках Балкано-Карпатского варианта ямной КИО такие перемещения населения на запад представляли собой колонизацию новых местностей. Освоив один регион, часть населения передвигалось в новый, при этом поддерживая связи со своей территорией, на это указывают, например, захоронения нескольких поколений людей,

пришедших в Альфёльд с высокогорья. Косвенным подтверждением такого принципа заселения новых территорий являются не только данные изотопного анализа, но и связи между соседними регионами на уровне материальной культуры. Примером может служить находки керамики культуры Мако не только в ямных погребениях, которые располагались в ареале этой культуры, но и на соседних восточных территориях – например, в Олтении (Vollmann, 2009, S. 272). Некоторые сходные редкие элементы обрядности выявлены в памятниках северо-западной Болгарии (Тырнава) и восточной Фракии (Ямбол), а аналогичные кубковидные сосуды – в северо-западной Болгарии (Тырнава) и Мунтении (Браилица). В захоронениях Румынской Молдовы и Северной Добруджи была найдена керамика буджакского облика. Следовательно, население, освоив новые регионы, продолжало контакты с исходной территорией, со временем продвигаясь далее и далее на запад. В итоге сформировавшая структура состояла не из изолированных, а из связанных в какой-то степени анклавов, что и позволило нам объединить их в рамках единого культурного варианта. В то же время такая сеть способствовала распространению артефактов, соединяя Северное Причерноморье, прежде всего его северо-западный регион, с отдаленными территориями Юго-Восточной и Центральной Европы.

По мнению С. Кадрова, миграция представляет собой политический и социокультурный факт. В основе миграций лежит социологический фактор, при этом мотивы действий человека формируются культурой и историей, а не прямым воздействием природных или экономических предпосылок. Природная среда (климатические изменения) могла быть лишь одной из необходимых предпосылок миграций человеческих коллективов, но никак не достаточной, потому что они определяются, в первую очередь, социальными механизмами. Концепцию, согласно которой миграции степного населения повлияли на культурно-цивилизационную ситуацию в Центральной Европе в эпоху ранней бронзы, исследователь считает «научным мифом» (Kadrow, 2010, p. 55–57). Заметим, что влияние Степи на европейские культуры подвергалось сомнению уже достаточно давно (Häusler, 1996; Николова Л., 2000).

Е. Неуступный, рассматривая миграции с позиций постпроцессуальной археологии, моделирует внутренние ее структуры, которые, в отличие от внешних, не проявляются в археологических артефактах (Neustupný, 1982, s. 278–293). Он отмечает важность для человеческих коллективов создания социальных связей и формирования определенных социальных сетей, без которых любой социальный организм оказывается в изоляции со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Межобщинные контакты, по его мнению, шли по нескольким направлениям:

1). Экономические отношения через обмен товаров или выполнение работ;

2). Общественные отношения через браки, и войны (что приводит к тому, что люди становились членами семьи, союзниками или врагами);

3). Отношения с остальным миром через ритуал. В этом случае погребальные ритуалы отражают «установление» социальных связей с предками и включение их в общие социальные сети, поскольку предки представляли собой специальную и очень важную группу из «иного мира».

Экономические отношения с другими общинами сосредоточены на создании социальных связей; их мотивацией была необходимость получения природных материалов или артефактов, хотя реальная потребность в таких вещах могла быть минимальной. Экономические и социальные связи создавали стабильность в обществе, были условием непрерывности подавления «нежелательной изменчивости» и вносили изменения, где они необходимы. Миграции всегда связаны с разрывом всех социальных связей, поэтому представить себе немотивированную миграцию просто невозможно. Причем не только были бы разорваны все социальные связи, но и возникли бы серьезные трудности, как у мигрантов, так и у населения, на чьей территории оказались пришельцы в результате миграции. Единственный вид миграции, корни которой лежат вне социального мира – это

миграция как результат природного явления в виде неконтролируемого роста численности населения. Причем даже в этом случае миграция не будет обязательной, чаще всего общество реагирует на различные демографические и природные (экологические) события путем адаптации (Neustupný, 1982, s. 286). Выводы Е. Неуступного подтвердились более поздними исследованиями. Например, изучение структуры поселений в южной Словакии в неолите-энеолите дало возможность выявить корреляцию между климатическими изменениями и изменением в социально-политической структуре, что проявилось в изменении моделей поселений (Tóth et al., 2011, p. 318–319).

Разработки Е. Неуступного вполне применимы к той культурно-исторической ситуации, которая связана с распространением ямного населения на запад. Главная особенность культурно-экономической эволюции отдельных культурных сообществ Северо-Западного Причерноморья (прежде всего, буджакской, в меньшей степени – катакомбных культур) заключается в том, что их развитие и расцвет приходится на эпохи, на первый взгляд, неблагоприятных природных условий, выраженных в стремительных климатических изменениях (аридизация, событие 5300 cal BP) и регрессиях Черноморского бассейна (хаджибейская регрессия). Тем не менее, на протяжении всего III тыс. до н. э. наблюдается широкое распространение в регионе населения буджакской культуры, а с середины III тыс. до н. э. – приток катакомбного. Эти данные свидетельствуют о высоких адаптивных возможностях населения и позволяют предположить, что не природные катаклизмы, а новые хозяйственные возможности явились тем фактором, который обусловил продвижение населения из Северо-Западного Причерноморья на территории Юго-Восточной и Центральной Европы. Параллельное развитие в раннем бронзовом веке двух регионов – Северо-Западного Причерноморья и Балкано-Карпатского ареала, двусторонние контакты в различные хронологические периоды, достаточно высокий социальный и экономический уровень, расширение границ обитания указывают на стабильность социума. В такой ситуации общество интересуют не только продукты питания (кормовая база для скота), но имеются и иные аттракторы для продвижения в новые регионы. По-видимому, именно металлы и изделия из них занимают особое место в жизни буджакского общества. С получением его могло быть связано продвижение населения на запад, в ареалы рудных проявлений. Поэтому, помимо расширения территорий для занятия подвижным скотоводством, можно говорить и о торговой направленности освоения Карпато-Балканского ареала в раннем бронзовом веке, о построения торгово-меновых путей и активного участия буджакских племен региона в обменных операциях с синхронным населением западных земель. Следовательно, климатические изменения не могли вызвать вынужденную миграцию буджакских племен на запад уже на рубеже IV и III тыс.до н. э. Лишь последствия климатической катастрофы события 4200 calBP оказались губительны для целой свиты скотоводческих культур раннебронзового века и привели к определенной деградации населения Северо-Западного Причерноморья, к кризисным ситуациям.

5.3.1. Особенности расселения ямных племен в Балкано-Карпатском ареале.

Картографирование медных рудопроявлений и памятников ямной КИО демонстрирует их достаточно определенную корреляцию, что может указывать на цели расселения ямных племен в определенных участках Балкано-Карпатского ареала (рис. 5.5). Стимулом передвижений на новые территории мог быть металл, а не только новые пастбища для скота, задачей было не разрушение балканских земледельческих культур и цивилизаций, а обоюдовыгодные связи и контакты. Рассмотрим возможные пути, по которым ямные племена могли продвигаться в Карпато-Балканском регионе. Собственно, два направления могут быть связаны с получением меди – это пути в Горную Фракию и в Трансильванию. Путь на Балканы начинался из Добруджи, куда можно было попасть, воспользовавшись переправой через Дунай. На левом берегу Дуная, в районе переправы (у с. Орловка Одесской области), расположен многослойный памятник, где известны захоронения эпохи позднего энеолита (Чернавода I) и ямной культуры. Транскультурный характер феномена уже

отмечался в литературе, при этом Каменная гора господствует на равнинной местности, а дунайские берега удобны для переправы (Бруяко, Ярошевич, 2001). Курганы на территории Румынии, расположенные вдоль Дуная и у г. Килия-Веке, возможно, маркируют еще одну переправу, которой могли пользоваться в период регрессивного состояния Черноморского бассейна. Добруджа была, по-видимому, освоена ямными племенами как своеобразная транзитная территория, при этом ямные памятники концентрируются в южной ее части. Из Южной Добруджи шел путь вдоль Дуная на запад, в Банат, и на юг, к медным рудникам Горной Фракии. Памятники ямной культуры во Фракии, вблизи месторождений меди, достаточно многочисленны, однако изделия из нее в ямных захоронениях региона не зафиксированы, несмотря на выделение здесь особого металлургического очага Эзеро, металл из которого известен в Северо-Западном Причерноморье. Но встречены разного типа серебряные подвески – в курганах Голяма Детелина, Пет могилы, Медникарово (Николова Л., 2000, с. 447, табл. 3). Украшения из золота и серебра обнаружены в кургане Трояново, который находился на территории современного медного рудника (Панайотов, 1989, с. 83). Эта ситуация заставляет вспомнить тезис о престижности раритетных вещей, доставленных издалека.

Во Фракии ямное население проживало совместно с населением культуры Эзеро, имея тесные взаимосвязи и контакты. При этом внимание привлекает тот факт, что керамика из погребений этого региона относится к культуре Коцофени, а не Эзеро (Панайотов, 1989). Вероятно, такая ситуация может указывать на взаимоотношения этой группы населения с другими ареалами ямной культуры, в частности с западом Нижнего Дуная (Тырнава), где связь с культурой Коцофени очень выражена. Металл из очага Эзеро в Северо-Западное Причерноморье поступал в достаточном количестве, учитывая тот факт, что снабжались им и сопредельные регионы. На территории современного рудника Трояново найдено погребение ямной культуры, что позволяет вспомнить захоронение подростка-металлурга на Каргалах (рудник Горный), также относящееся к ямной культуре. Правда, в Приуралье при погребенном была найдена литейная форма, а повышенная концентрация меди в костях рук уверенно позволила определить его профессию (Черных Е.Н., 2005, с. 181–183). Во Фракии о профессиональной принадлежности умерших никаких данных нет

Путь в Потисье начинался с территории Румынской Молдовы, куда ямное население попадало, используя, судя по топографии курганов, исторические переправы на реке Прут. Можно предположить использование тех пеших и конных переправ, которые известны из исторических источников и были задействованы, к примеру, в Прутском походе 1711 года, в казачьих походах, в первой и второй мировых войнах: к востоку от Черновцов на Украине, у с. Корпач – на севере Республики Молдова, Унгены – Яссы – в центральной части Прута, Котумори, Леушени, Леово – Фэльчиу, Кагул – в южной части Молдовы. Маршруты движения в Альфёльд можно восстановить, опираясь и на археологические находки, с привлечением для сопоставлений письменных источников и исторических данных более поздних эпох, например о продвижении средневековых кочевников в Паннонию. Печенеги, и половцы освоили три пути из южнорусских степей в среднеевропейскую равнину, в Венгрию: первый — через Железные ворота; второй — через Южные Карпаты по верховьям рек Олта, Муреша и Сомеша; третий — с верховьев Сирета и Прута на Тису (Расовский, 1993, с. 3). Первые два пути связаны с переправой через реку Прут, третий путь не требует пересечения крупных водных преград. В.А. Дергачев полагает, что в Среднее и Верхнее Потисье ямные племена попадали по Сучавской высокогорной дороге, проходящей на севере Трансильвании (Дергачев, 1986, с. 81). Долину Дуная пересекают многочисленные притоки (Жиу, Олт, Арджеш, Яломица, Сирет и др.), тем не менее, Нижнедунайская низменность (равнина) многие века служила транзитным путем для древнего населения при его движении на запад, в исторические области Центральной Европы: реки имеют снегово-дождевое питание, с весенними паводками и летней меженью (т.е. низким уровнем воды в реке,

который возникает всегда в одно и то же время года), поэтому не представляют проблем при переправах в летнее время.

Особо следует остановится на территории Трансильвании. Небольшое количество раскопанных здесь ямных погребений связано со слабой изученностью региона, тем не менее, роль этого региона трудно переоценить. Многие аспекты исторического развития Трансильвании обусловлены наличием в ней богатых природных ресурсов (медь, золото, серебро). Н.В. Рындина отмечает наличие тисо-трансильванского металлургического очага, функционировавшего в энеолите; с ранним бронзовым веком она сопоставляет очаг Эзеро (Рындина, 1993). Заметим, что связи между населением Трансильвании и энеолитическими племенами Северного Причерноморья прослеживают с середины V тыс. до н. э. Но исследователями предполагаются в это время различного рода контакты, в том числе торговые, а также двусторонние локальные переселения и миграции, которые продолжались и в бронзовом веке (Gogâltan, Ignat, 2011, p. 36–37). Эти данные в совокупности дают нам основание пересмотреть роль Трансильвании не только как транзитной дороги в Альфёльд, но и как возможной цели продвижения ямных племен. Анализ металла с тринадцати медных месторождений Трансильвании (методами рентгеновской дифрактометрии, оптической и электронной микроскопии) показал в некоторых из них значительное количество мышьяка, олова. Полученные результаты позволили предположить, что легирование меди носило естественный характер (Papalas, 2008, p. 236). Таким образом, мышьяковые бронзы могли поступать в Северное Причерноморье не только из кавказских рудников, а из Трансильвании, где они были освоены уже в позднем энеолите – раннем бронзовом веке населением культуры Коцофени. Уточнить это можно лишь специальными методами естественных наук.

Немаловажным условием для плавки руд является наличие лесов, дополнительное топливо необходимо и при подготовке к плавке сульфидных медных руд (они требуют предварительного обжига). В Северо-Западном Причерноморье на существование необходимой топливной базы косвенно указывает значительное количество погребений с деревянным перекрытием, находки повозок, изготовленных из дерева. Имелись локальные участки густых прирусловых ленточных лесов (Секерская, 1989, с. 132). Таким образом, доставка в регион именно руды логична, что подтверждается и находками в погребениях орудий для обработки медной руды. В этом контексте интересны наблюдения и выводы исследователей о природных изменениях на территории Большой Венгерской долины в суббореале. Отмечают, что в неолите 85 % территории Венгрии было покрыто дубово-буковыми лесами; близ болот и озер произрастали ива и тополь, в настоящее время эта цифра составляет 17 % (рис. 5.6). Полагают, что природные условия изменились, в основном, в результате антропогенной деятельности человека, хотя определенную роль могли играть и климатические колебания. Обезлесевание при этом связывают с увеличением металлопроизводства в медном и бронзовом веке, которое невозможно без наличия топлива (Duffy, 2010, p. 90–97). Поэтому мы считаем возможным предположить, что Трансильвания и Альфёльд были связаны производственными отношениями. Исследователи отмечают, что в Альфёльде отсутствуют месторождения важных природных минералов (медь, олово, соль). Несмотря на это, уже в середине III тыс. до н. э. территория Альфёльда была наиболее высокоразвитой в Карпатском бассейне, а в позднебронзовом веке здесь формируется один из наиболее значительных металлургических центров в Европе. Сырье для бронзолитейных мастерских было привозным, и это вполне естественно – перевозить руду гораздо рациональнее, чем древесину (Каврук, 2012, с. 30). На наш взгляд, вполне вероятно, что руда перевозилась в Альфёльд для последующей плавки и ямными племенами, этим может объяснять и огромное количество находящихся здесь курганов, и регулярные, в течение нескольких поколений перемещения населения из региона Западных Румынских гор, что было выявлено в результате изотопного анализа.

5.4. Природные ресурсы Юго-Восточной Европы и Северо-Западного Причерноморья как обменные эквиваленты

Одним из важнейших предметов обмена в медном и бронзовым веке были металлы, как в виде руды, так и слитков и готовых изделий. Полагают, что параллельно с развитием металлургии бронзового века шло интенсивное развитие соледобычи в масштабах всей Европы (Jockenhövel, 2010, S. 239). Судя по данным археологии и этнологии, соль зачастую выступала обменным эквивалентом, а наличие соляных источников имело особое значение – как для процессов жизнедеятельности человека, так и для развития экономики и торговли древних обществ.

5.4.1. Металлы, рудники и рудопроявления в Юго-Восточной Европе.

Вопросы добычи и движения меди (в разных его проявлениях, от руды до готовых изделий) в регионах Юго-Восточной Европы достаточно полно разработаны и освещены в научной литературе: выявлены рудные зоны и отдельные рудники, определены очаги металлургии и металлообработки, выделены (в зависимости от химического состава) группы металлов, прослежены связи между очагами и определенными археологическими культурами. Наконец, были очерчены границы и хронологические рамки металлургических провинций медного и бронзового века (Черных Е.Н., 1966; 1976; 1978а; Черных Е.Н. и др., 2000; Рындина, 1993; Авилова, 2007; и др.). Эти данные помогают определить характер и направление торговых связей населения эпохи палеометалла.

Изучение рудников и рудопроявлений Юго-Восточной Европы позволило исследователям выделить определенные медно-рудные районы, металл которых использовался или мог использоваться в древности (рис. 5.5).

1). Северная часть Восточных Карпат (районы Бая-Маре, Родна, Бая-Борша, Южная Буковина).

2). Западные Румынские горы – Апусени, рудные районы Металич и Бихор, с медными и полиметаллическими месторождениями. Для этого района характерно богатство руд с выходами на поверхность участков оруденения.

3). Группа месторождений Банат, Бор, Видин. Непосредственно к сербскому Банату примыкает огромный меднорудный район Бор-Майданпек (куда входит знаменитый рудник культуры Винча Рудна Глава).

4). Врачанская группа локализуется в пределах горных цепей Балкан, к юго-востоку и северо-западу от среднего течения р. Искыр; рудники этой группы являлись заметной базой горного дела и металлургии в средние века.

5). Верхнефракийская группа включает в себя месторождения и рудопроявления, приуроченные к выходам коренных пород на Фракийской низменности и южных склонах хребта Средна Гора. В эту группу входит и древнейший в мире рудник Ай-Бунар (Болгария), у г. Стара Загора (V тыс. до н. э.). Полагают, что металл, которым пользовалось население Северо-Западного Причерноморья (усатовская и буджакская культуры) происходит из фракийских рудников (Каменский, 1990, с. 248; Рындина, Дегтярева, 2002).

6). Странджанский горно-металлургический район (на юго-востоке Болгарии и северо-западе Европейской части Турции) выделяется тем, что наряду с колоссальными горными работами здесь имела место плавка меди. Основные разработки датируется античным и византийским периодами, но считается, что рудники могли эксплуатироваться и в энеолите

Наиболее значительными и мощными месторождениями являются район Баната, горы Металич, верхнефракийская и странджанская группы (Черных Е.Н., 1978, с. 16–23).

На территории Украины выделяются Донецкие медные песчаники. В настоящее время предполагается использование в степной зоне не только балкано-карпатского металла, а и Поднестровского, Донецкого и происходящего из других рудопроявлений Украины (Черных Л.А., 2002, с. 241; Татаринов, 2003, с. 196–204; Клочко, 2004; Бритюк, 2005, с. 182–185).

Но человеческий потенциал древних обществ был относительно невысок, к тому же у людей отсутствовали знания обо всех месторождениях, поэтому население вполне могло разрабатывать и малоперспективные с современной точки зрения залежи. Обнаружение древних рудников, особенно относящихся к медному или бронзовому веку – большая редкость. Некоторые древние рудники могли быть уничтожены позднейшими работами, иные уже выработаны и не позволяют проследить начальные этапы их освоения. Поэтому, при анализе металлургической базы древних горняков следует исходить из потенциальных возможностей добычи меди и ее доступности в том или ином регионе. Медные руды, в зависимости от характера входящих в их состав соединений, подразделяют на оксидные и сульфидные. Оксидные и карбонатные руды залегают выше, чем сульфидные, поэтому они были освоены ранее, при этом плавка их несколько проще. Преимущество сульфидных руд в том, что они распространены шире. Р. Коэн связывает с началом бронзового века именно переход к сульфидным рудам, что позволило освоить новые источники меди (Cowen, 1999). Накопление опыта, растущие потребности в металле и попытки расширения сырьевой базы привели к освоению добычи глубоко залегающих и гораздо более распространенных сульфидных руд, использование которых на Ближнем Востоке и в Европе началось с III тыс. до н. э. В отношении драгоценных металлов отметим, что наиболее богатые и многочисленные золоторудные местонахождения известны в Трансильвании, в основном в районе Бая-Маре, а также в Западных горах (т. н. «золотой четырехугольник»). В Болгарии, помимо золотоносных рек, известны месторождения золота (точнее – золотосеребряные руды) в рудном поясе Панагюриште (западная часть массива Средней Горы); золотомедный рудник Челопеч у южных склонов Балкан, в центральной части Болгарии, Крумовград на юго-востоке Болгарии. На востоке Македонии (в районе Балканских гор) расположено рудник Злетово (Евсеев, 2000). Древние разработки на этих рудниках не выявлены. Серебряные рудники известны в Центральной и Западной Европе (Агрикола, 1972).

В принципе, любые из известных ныне месторождений могли начать разрабатываться в бронзовом веке, чаще всего следы древних работ уничтожаются последующими. Считается, что в настоящее время уровень развития естественных наук позволяет с большей или меньшей степенью достоверности определить источники металлического сырья, вплоть до конкретного рудника (Gale, Stos-Gale, 1982). Так, в отношении месторождений серебра можно говорить о том, что каждый рудный район характеризуется своими значениями соотношения изотопов свинца, который, обычно, сопровождает серебро: Pb 208/Pb 206 и Pb 207/Pb 206. Степень их связи служит для определения источников свинца, попавшего в данный предмет (Gale, Stos-Gale, 1981; Niederschlag et al., 2003). Существует возможность исследования по микровключениям не только серебряных, но и бронзовых изделий (Gale, Stos-Gale, 1982a). Этот метод успешно применялся, к примеру, при изучении медной посуды Анатолии эпохи бронзы (Friedman, 1995).

5.4.2. Источники соли в Северо-Западном Причерноморье.

Реконструировать непосредственно процессы добычи соли древним населением Северо-Западного Причерноморья мы можем лишь по этнографическим и археологическим параллелям, самыми корректными из которых являются те, что относятся к изучаемому региону (Иванова, 2010; 2010a). Для естественной садки соли требуется сочетание нескольких факторов: наличие солеродных лиманов, определенная степень солености воды и соответствующая температура воздуха. Этим комплексом природных показателей в нужной степени обладал регион, что подробно описано в исторических источниках. Наиболее ранние письменные сведения о добыче соли в Северо-Западном Причерноморье относятся к XVI веку. Это – межгосударственный договор польского короля Сигизмунда с татарским ханом Сагиб-Гиреем (1540 год), где Сигизмунд оставляет за собой право брать соль в озере близ Хаджибея, и, уплатив пошлину, вывозить ее в Польшу (Маркевич, 2003). Для XVII в. известно, что соль здесь продолжали добывать, а турецкие солдаты, несшие службу в Хаджибее, получали жалование солью (Челеби, 1961, с. 108–109). Самосадную соль на

Хаджибее в конце XVIII в. собирали казаки для нужд казачьего войска (Скальковский, 1853). В неурожайный 1794 год Иосиф де Рибас посредством соли завел меновую торговлю с Бессарабией и Подолией, оттуда по Днестру и сухопутным путем он получил множество припасов и лес для построек (Скальковский, с. 1853, с. 38). Сведения о добыче соли в XVII–XIX вв на территории Северо-Западного Причерноморья имеются в источниках разного характера; и это не только отдельные отрывочные сведения или упоминания, но и полное описание технологических процессов (Скальковский, 1853; Шмаков, 1967; Свиньин, 2006). Пожалуй, нет региона, прямо или косвенно связанного с соледобычей, в такой степени обеспеченного подобной информацией, ее можно использовать для реконструкции этих процессов в древности.

Лиманы междуречья Южного Буга и Днестра являлись солеродными в разной степени, берега их покрыты скудной растительностью нескольких видов довольно яркого красного цвета (Salicornia, Salsola), из которых можно добывать соду (Шмаков, 1867, с 59). Соль осаждается в лиманах не каждый год, а, обычно, в годы сухие, следующие за рядом других, тоже сухих лет. Сохранились сведения об урожаях соли в 1774, 1824, 1826, 1828, 1830, 1831, 1835, 1847, 1853 гг. Нерегулярность садки соли предполагала организацию искусственных промыслов (Скальковский, 1853, с. 61–63). Лиманы Буджакской степи, Бессарабской и Припрутской Молдовы (Бессарбская группа), были присоединены к России в 1812 году по Бухарестскому трактату. А.А. Скальковский сообщает, что разрабатывались они мало или вообще не разрабатывались; поляки никогда не ездили в Буджак за солью, хотя другие торговые операции там производили (Скальковский, 1853, с. 484–485). Эти лиманы (озера) отделены от Черного моря песчаною грядою или пересыпью и носят имена своих турецких владельцев: Хаджи-Ибрагима, Алибейское, Карачаус, Сарьянское, Шаганское, Сасык (Кундук). На время написания А.А. Скальковским своей работы (1853 г.) соляной промысел действовал только на двух лиманах (озерах) Буджака – Шаганском и Алибейском. На Куяльницком лимане действовали соляные промыслы, которые состояли из бассейнов, огражденных деревянной плотиной и соединенных каналом с лиманом. Бассейны, в которые наливается вода из лимана, разделяются на запасные, приготовительные (маточные) и садочные. В приготовительных вода, налитая слоем не более 3 вершков, очищается, осаждая углекислую известь, сернокислую известь и углекислую магнезию. Здесь рапа доводится до густоты 25 % по ареометру Боме и потом спускается или переливается в садочные бассейны, где остается до осаждения поваренной соли. Садочные бассейны наливают от 5 до 6 вершков толщиной, чем глубже бассейн, тем крупнее получают соль. Также делают и запасные бассейны, в которые вода набиралась с осени для дальнейшего добавления в приготовительные бассейны, на тот случай если в лимане мало или нет воды (Шмаков, 1867, с. 57). Для лучшей садки нужны сухая погода и сильные восточные и юго-восточные ветры. Выволочка соли начинается с конца июля и происходит до сентября. Вес квадратной сажени (около 4,55 кв.м) соли бывает от 6 до 20 пудов. Солеломщики из бассейнов спускают рапу, лопатами разрубают соль, сбрасывают в кучи, затем перекладывают в ручные тачки и вывозят на берег, где складывают в бугры (кагаты). Бугры ничем не накрывают; в течение года происходит усушка и утечка от 1/6 до 1/5 количества сложенной соли, из нее выходит горечь. Соединения (сернокислый натр, хлористый магний и сернокислая магнезия), дающие соли горький вкус, имеют свойство разлагаться на воздухе, выветриваться и отделяться при перевозке. Вместе с этим из соли выходит часть воды, также горьковатой на вкус. Вот причина тому, почему лежавшая соль и перевезенная куда-нибудь лучше только что вынутой (Скальковский, 1853, с. 63–77).

Другой вариант сбора соли – на самосадочных озерах – описан А.А. Скальковским на примере Бессарабского соляного промысла, куда в год могло прийти до 60 000 повозок, 15 000 погонщиков, 120 000 голов скота. К ломке приступали, обычно, в августе. Рабочие въезжали повозками в озеро достаточно далеко от берегов, затем особого рода вилами и лопатами ломали соль и нагружали на повозки. По среднему вычислению, добыча соли в год

составляла от 3 до 6 млн. пудов, в меньших количествах соль добывалась и на других лиманах и соленых озерах (Скальковский, 1853, с. 491–506).. Куяльницкая соль завозилась не только в глубины нынешней Украины, но и в Западную Европу; перевозка ее осуществлялась на возах; на одном возу помещалось около 51 пуда соли (Скальковский, 1853, с. 82).

В наши дни методы добычи садочной соли в Северном Причерноморье практически не изменились (Позин, 1974). Описание современного производства совпадает с аналогичным промыслом в XIX веке, механизирован лишь последний этап – сборка соли комбайнами (Анализ, 2008).

Можно констатировать, что, в отличие от многих других районов Юго-Восточной Европы, население Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке находилось в исключительно выгодном положении. Добыча соли здесь не требовала никаких дополнительных природных ресурсов (топлива), связанных с выпариванием соли, или же значительных трудовых и организационных затрат (шахты); соль на местных лиманах садится естественным путем. Целенаправленные изыскания по выявлению археологических объектов, связанных производством соли, здесь не проводились, хотя при сборе самосадочной соли их просто быть не может. Отсутствуют и обобщающие работы, основанные на этнографических и исторических источниках, хотя район включается в предполагаемый ареал соледобычи (рис. 5.7). Геологические изыскания указывают на существование лиманов и пересыпей в Северо-Западном Причерноморье в интересующий нас период, а изучение состава донных отложений свидетельствует о повышенной солености лиманных вод (Бабинец, Сухоребрый, 1981, с. 107). По данным изучения химического состава и солености поровых вод донных отложений удалось выделить четыре цикла в изменчивости по глубине, сопоставимых с трансгрессивно-регрессивными, а по данным математического моделирования – от одного до трех этапов существенного осолонения (Коников, 1995). Несомненное значение имеет датировка эвстатических колебаний и уровень солености Черного моря, влияющий на соленость его лиманов. С бронзовым веком соотносится новочерноморский этап черноморской трансгрессии; исследованиями последних лет подтверждены палеогеографические построения П.В. Федорова, согласно которым на новочерноморском этапе бассейн Черного моря обладал более высокой соленостью, чем в наше время (Федоров, 1963). Анализ малакофауны из новочерноморских отложений также свидетельствует об этапе повышенной (по сравнению с современностью) солености Черного моря (Коніков, 2004; Konikov et al., 2007). Характерно, что в истории Азовского моря отмечается казантипский этап, синхронный новочерноморскому, с максимальной для голоцена соленостью (Антонова, Хоменко, 2006). Между тем, в последнем десятилетии неоднократно наблюдалась естественная садка соли на Куяльницком лимане (2008, 2010, 2012 гг). Следовательно, мы с уверенностью можем говорить о солеродности черноморских (и азовских) лиманов в период обитания здесь населения усатовской и буджакской культур. Эти данные могут служить свидетельством в пользу сбора соли (или производства ее в бассейнах) обитателями Северо-Западного Причерноморья в эпоху палеометалла. Способы добычи соли в Причерноморском ареале остаются неизменными столетиями поэтому вполне логично экстраполировать имеющиеся данные письменных источников и на более ранние эпохи.

Исследователи отмечают, что многими своими чертами усатовские памятники, традиционно считающиеся поселениями – Усатово–Большой Куяльник и Маяки – не отвечают сложившимся представлениям о селище как о месте обитания. Археологические остатки зафиксированы на наименее удобном во всех отношениях боковом каменистом выступе, источник питьевой воды находится достаточно далеко, на расстоянии около 1 км. Культурный слой памятника отличается от слоя, характерного для поселений, более вероятно его относить к бытовому мусору – были найдены раковины (часть из них целые), раздробленные кости животных, фрагменты керамики, кремня, золистые отложения

(Петренко, 2003, с 138–139). Мыс в течение суток и на протяжении всех сезонов продуваем очень сильными ветрами, сильно вымывается дождями, а весной – талой водой (Патокова, 1979, с. 11). На наш взгляд, есть основания считать их промысловыми поселениями (приисками), специализировавшимися на производстве садочной соли и сборе самосадочной. Нашему предположению не противоречит, а напротив, косвенным образом подтверждает его, трактовка этих объектов как культовых комплексов, где проводились обрядово-фестивальные празднества и жертвоприношения. В.Г. Петренко убедительно показал, что Усатово является ритуальным городищем (Петренко, 2003). Предложенная исследователем реконструкция, возможно, описывает ритуальную сторону проходивших на усатовском плато производственных процессов. Амбивалентные свойства соли практически повсеместно в мире обусловили ее участие в разнообразных ритуалах. Не меньшее впечатление, чем физические свойства готовой соли, на древних людей должен был производить «магический» процесс кристаллизации (садки) соли, ее «рождения».

Для промыслового комплекса по добыче соли место было выбрано чрезвычайно удачно – сильные ветра способствуют и садке соли, и сушке собранной соли, удалении из нее горечи. При сильных ветрах раньше начинается садка соли, также появляется возможность собирать за лето несколько урожаев. Топографическая ситуация здесь приближена к солеродным озерам Сиваша, расположенным на возвышенностях и доступных ветрам. На наш взгляд, все имеющиеся на усатовском промысловом поселении комплексы имеют отношение к различным процессам производства соли. Прежде всего, это относится к т. н. «жилищам», или «рвам», конфигурация которых, по нашему предположению, позволяет считать их парными (маточный + садочный) бассейнами для кристаллизации соли. Часть из них имеет глиняную обмазку (Патокова, 1979, с.15–17). Привлекают внимание и участки, оконтуренные ровиками и посыпанные мидиями (большинство из которых не было использовано в пищу), что вполне может трактоваться как дренажные площадки для складирования готовой продукции; известно окапывание ровиками готовых соляных буртов на соляных приисках XIX века (Скальковский, 1853; Шмаков, 1867). Ритуальным и, возможно, также связанным в какой-то степени с добычей соли мог быть и комплекс вблизи с. Маяки, имеющий много общего с Усатово (топография, планировка, материальные остатки). Земляной ров имел местами остатки обожженной глиняной обмазки (Патокова и др., 1989, с. 86–92). В качестве аналогии отметим использование для выпаривания соли на энеолитическом поселении Провадия вырытых в земле и обмазанных глиной ям. Считают, что переход от выпаривания в сосудах к выпариванию в специально оборудованных ямах (с использованием топлива и форм для брикетажа, которые помещались в эти ямы) отражает переход к промышленному производству соли, увеличению ее добычи. Это является, по мнению исследователя поселения В. Николова, сильным аргументом в пользу торговли солью (Nikolov, 2012, p. 21–27).

Скорее всего, именно соль транспортировалась вдоль Днестра (или по Днестру), в ареал трипольских племен; видимо, керамика и раритетные вещи, найденные в курганах Поднестровья, получены оттуда. Характерно, что в Буджаке наиболее «богатый» могильник усатовской культуры (Желтый Яр) расположен на лиманном комплексе Тузлы (Тузлы – Шаганы – Алибей – Курудиол – Бурнас), где в XIX веке находились мощные Тузловские соляные прииски. Соль являлась, по-видимому, обменным эквивалентом в торговых отношениях с населением Восточного Средиземноморья, где усатовцы выступали пассивной стороной, не проникая на территорию Юго-Восточной Европы и Передней Азии. Отметим находки в усатовских захоронениях изделий из серебра и экзотических вещей, происхождение которых может быть связано с отдаленными районами (Средиземноморье, Эгеида, Египет), порой, сочетаясь в рамках одного комплекса (Петренко, 1997). О нужде, к примеру, Передней Азии, в соли, несмотря на наличие нескольких соляных озер, свидетельствуют письменные источники – соль доставлялась в Турцию из Крыма и Буджака

как в средние века, так и в начале XX века. Но, вероятно, следует говорить о многоступенчатом обмене, а не о прямых контактах.

На самом раннем этапе буджакское население проникает в Подунавье, на Балканы, в Альфельд, видимо, обладая товаром, который мог заинтересовать потенциальных партнеров. Поэтому вполне возможно, что буджакские племена могли быть знакомы с приемами добывания соли в крупных масштабах, варьируя эти приемы в зависимости от климатических условий и периодов солеродности лиманов. Причем речь может идти как о сборе самосадочной соли, так и об устройстве примитивных бассейнов для садки соли. А описание А.А. Скальковским сбора соли с применением повозок (Скальковский, 1853, с. 491–506) заставляет вспомнить о наличии повозок у носителей буджакской культуры и возможности их применения в сходных ситуациях, а также для транспортировки соли. Специальные исследования соледобычи и брикетажа в Европе, в период от энеолита до раннего железного века, позволили выявить, что для формовки брикетов чаще всего применялись сосуды с расширяющимся горлом – типа стаканов, рюмок, мисок (рис. 5.8. 1); полагают, что формовка соляных слитков известна с неолита (Saile, 2008, p. 98). Заметим в связи с этим, что добыча соли североамериканскими индейцами, ничем не отличалась от европейских параллелей, будучи при этом относительно разнообразной. Здесь зафиксирован вариант брикетажа, который, как подчеркивают исследователи, не может быть выявлен археологическим путем, но был широко распространен, судя по этнографическим данным (Brown, 1981, p. 1–27). Мокрой соли придавалась разнообразная форма с помощью глиняных или деревянных сосудов, но сушка брикетов происходила не в форме (сосуде), а на циновке, куда соль выкладывалась из сосуда сразу после формовки: сосуд переворачивался дном вверх (рис. 5.8. 2). Аналогичным образом изготовление брикетов соли могло осуществляться и в Северо-Западном Причерноморье, без специализированной глиняной посуды. Для этих целей могли подходить обычные глиняные и деревянные сосуды, известные в буджакских и в катакомбных захоронениях региона, а также растительные циновки, в которые мокрую соль могли заворачивать для придания брикетам формы цилиндров (умение изготавливать циновки отразилось в использовании их в погребальной обрядности).

Мы уже обращали внимание на тот факт, что с захоронениями лиц, обладающих высоким социальным статусом и маркированных повозками, коррелируют и находки украшений из серебра (Иванова, 2000; 2001). Эти погребения концентрируются, преимущественно, вблизи лиманов и по Днестру (рис. 5.9). Вблизи солеродных лиманов (и вдоль Днестра) сосредоточена основная часть погребений с изделиями из металла (рис. 5.10) и с оружием (рис. 5.11). На наш взгляд, такое распределение артефактов указывает на особое значение лиманов как источников соли и торгового пути на север по Днестру. Несколько погребений с повозками и с каменными шлифованными топорами (которые считаются клейнодами) найдены в Попрутье, вблизи переправ, что также следует иметь в виду, реконструируя торговые пути.

Наконечники стрел в буджакских погребениях лишь в 6 случаях являлись инвентарем, и в 18 – причиной ранения (Иванова, 2001, с. 83). Это свидетельствует о напряженных взаимоотношениях между отдельными группами буджакского населения (Разумов, 2010). Гипотеза исследователей о вражде ямных и катакомбных племен не подтвердилась – в телах погребенных находят, как правило, наконечники стрел ямного облика. И не исключено, что напряжение связано именно с природным богатством – солью – и борьбой за право его обладания. Та часть буджакского населения, которая получила доступ к торговым путям, построила мирные взаимоотношения со своими торговыми партнерами, органично вписавшись в контекст истории Юго-Восточной Европы. По крайней мере, отсутствуют сведения о находках ямного оружия или захоронений воинов ямной культуры в ареалах балканских культур (Николова Л., 2000), культур шнуровой керамики или культуры шаровидных амфор (Szmyt, 1999).

Что касается катакомбного населения, то вполне вероятна добыча им соли в ареале Побужья. Затопленное катакомбное поселение на острове Орлов в Ягорлыцком заливе (Охотников, Островерхов, 1991, с. 23) может быть соотнесено с соляными источниками Кинбурнской косы; тогда наличие более сотни летовок этой культуры вдоль по побережью Южного Буга, маркируют соляной путь юг – север, к стационарным катакомбным поселениям (Матвеевка). Некоторые закономерности в размещении катакомбных памятников все же имеются – крупные могильники (Вишневое, Лиман, Приморское, Пуркары) группируются в относительной близости от солеродных лиманов, в основном, в Буджакской степи и низовьях Днестра (Субботин, 2000, с. 365, рис. 6).

Необходимо остановиться вкратце на природных условиях Крыма в эпоху бронзу и его возможной роли в добыче соли, учитывая его значение в новое время. Отмечают, что формирование Сиваша как водного бассейна началось лишь в I тыс. до н. э. До этого район представлял собой заболачивающиеся поды, имелись проточные пресные и солоноватые конечные водоемы, многочисленные речки и источники (Тощев, 2007, с. 7). Судя по этим данным, солеродный лиман еще не сформировался, поэтому значение Северо-Западного Причерноморья как района добычи соли в раннем бронзовом веке в этом контексте переоценить трудно.

Таким образом, наряду с районами соледобычи (Северо-Западное Причерноморье) существовали обширные территории, нуждающиеся в соли; эта диспропорция послужила основой создания обширных торговых путей в различные исторические эпохи, что подтверждено письменными источниками. Примитивность процессов соледобычи, а также солеродность лиманов рассматриваемого региона в древности, подтвержденная геологическими изысканиями, позволяют нам считать, что в раннем бронзовом веке в Северо-Западном Причерноморье имелись необходимые природные условия, а население обладало соответствующими техническими возможностями получения соли в больших объемах. В комплексе такая ситуация создала предпосылки использования соли в качестве обменного эквивалента с населением Юго-Восточной Европы, где соляные источники отсутствовали или были бедны, а технические возможности общества еще не позволяли начать разработку каменной соли.

5.5. Северо-Западное Причерноморье и Карпато-Балканский регион в системе хозяйственных и культурных связей

Мы полагаем, что связи между двумя ареалами ямной КИО – Северо-Западном Причерноморьем и Балкано-Карпатским – нашли отражение не только в отдельных предметах или типах керамики, но и в формировании особых путей, по которым циркулировали предметы обмена. Маркерами таких путей чаще всего выступают престижные артефакты, что отмечено для разных эпох и разных территорий. К примеру, вдоль «мурешского соляного пути» эпохи средней и поздней бронзы были найдены микенские мечи, а в последующую эпоху – ситулы типа Курд, а вдоль «сомешского соляного пути» – клады (Каврук, 2012, с. 25, 30). Трансъевразийский «оловянный» путь эпохи поздней бронзы маркирован кладами бронзовых изделий постсейминского горизонта (Куштан, 2012, с. 286). Маркерами черноморско-карпатского пути раннебронзового века мы считаем изделия из серебра (Иванова, 2007; 2010а), поскольку распространение серебра в Балкано-Карпатском регионе исследователи связывают именно с населением ямной КИО (Йованович, 1994). Подробнее мы рассмотрим этот аспект несколько ниже.

Говоря о металлообработке в среде усатовских и буджакских племен, целесообразно поставить вопрос, в каком виде мастера-металлурги получали металл: в виде слитков или в виде руды. Заметим, что транспортировка необработанной руды являлась довольно традиционной и в бронзовом веке, и в более поздние эпохи, например, в античный период. На Каргалинских рудниках в Южном Приуралье (рудник Горный) в связи с экологической

ситуацией – отсутствием пригодного для топлива леса – отмечена перевозка руды для дальнейшей плавки на запад, вплоть до Волги (около 400 км), где на поселениях срубной культуры прослежены следы плавки (Авилова, 2007, с. 40). Перевозка именно руды (касситерита) отмечается исследователями, изучающими добычу и распространение олова в бронзовом веке, причем на большие расстояния (Куштан, 2012, с. 284; Каврук, 2012, с. 30). Для периода античности зафиксирована перевозка руды морем в достаточно отдаленные регионы. Минералого-геохимические и петрографические данные по медно-полиметаллическим месторождениям Северной Анатолии показали их генетическое сходство с рудами и шлаками Ольвии. Предполагается доставка руды в Ольвию морским путем через греческие колонии, расположенные на Анатолийском побережье: Синопу, Амис, Гераклею, Трапезунд (Крапивина и др., 2004, с. 83–84).

Металлургия меди имеет свои особенности: перед плавкой руда должна быть раздроблена, измельчена (для освобождения от пустой породы). Поэтому вполне логичным при наличии собственной обработки меди является наличие специализированных орудий для ее дробления и растирания. В инвентаре буджакской культуры имеются три находки, которые, по определению Г.Ф. Коробковой, связаны с металлургией – это литейная форма для изготовления долота, (Алексеева, 1975, с. 247), пест-растиральник для медной руды, сделанный из фрагмента топора (Субботин, 2003, с. 77) и пест для дробления медной руды (Субботин, 2003, с. 83). Именно песты и являются наиболее интересными находками, которые косвенно подтверждают обработку и плавку руды на месте, а не работу с готовым металлом. Пест для растирания медной руды (по определению Г.Ф. Коробковой) известен и в катакомбной культуре – в захоронении Траповка 4/14 (Субботин и др., 1995, с. 33).

На наш взгляд, орудий для обработки металла в комплексах буджакской культуры Северо-Западного Причерноморья может быть выявлено больше, чем это определено на сегодняшний день; выделить их можно лишь при полном трасологическом исследовании каменных артефактов. Изделия из камня, обнаруженные на поселении ямной культуры Михайловка в Нижнем Поднепровье (Коробкова, Шапошникова, 2005, с. 115–124; 174–214) и в захоронениях Северо-Западного Причерноморья (Субботин, 2003, с. 202–211), по внешнему виду вполне сопоставимы. Трасологический анализ смог бы определить их функции, возможно, в чем-то изменив наши представления о хозяйстве населения Северо-Западного Причерноморья (как это случилось при дополнительном трасологическом изучении материалов Михайловского поселения).

Таким образом, вполне вероятным являются предположения о получении буджакскими племенами (преимущественно, с территории Балкано-Карпатского региона) медной руды, которая в дальнейшей перерабатывалась на месте. Этим реконструкциям не противоречит отсутствие в Северо-Западном Причерноморье мест, связанных с выплавкой металла: практически вблизи всех древних рудников, кроме района Странджа, отсутствуют подобные свидетельства плавки руды (Черных Е.Н., 1976). В Каргалах, несмотря на имеющиеся специальные площадки для плавки металла, отсутствуют какие-либо артефакты, связанные с этим процессом (сопла, литейные формы), за исключением литейной формы в погребении подростка на руднике Горном. Отсутствуют литейные формы и на Балканах. Н.В. Рындина объясняет этот факт тем, что материал, из которого были изготовлены формы (графит), после пребывания в огне не сохранялся (Рындина, 1993). Отсутствие сопел на Каргалах объясняется их преднамеренным уничтожением (Черных Е.Н., 2007). Эти трактовки применимы и к Северо-Западному Причерноморью.

Курганы и погребения ямной культуры в Балкано-Карпатском ареале, вероятно, маркируют опорные пункты вдоль пути на крайний запад европейской степи. Они немногочисленны и занимают определенные ниши в ареалах местных культур, возможно, с целью формирования культурных контактов непосредственно на местах добычи меди и бронзы. Выделенные анклавы ямной культуры отражают длительное и стабильное проживание на новых территориях, т.к. кратковременные торговые и обменные связи не

оставили бы практически никаких следов. Располагаясь в металлоносных регионах, богатых медной рудой и серебром, каждый анклав был ориентирован на установление взаимосвязей и отношений с определенной группой местного населения (определенной культурой). Такая структура исключает стихийность освоения территории и свидетельствует о целенаправленном расселении и длительном проживании на местах групп ямного населения, которые участвовали в обменных операциях, проживая в определенных «узловых» пунктах. Возможно, именно с этим торговым путем связано поступление меди Балкано-Карпатского металлургического центра в поселение Михайловка, этот источник подтвержден данными химического и спектрального анализа металла (Коробкова и др., 2005–2009, с. 209).

Особенности находок серебряных украшений в Юго-Восточной Европе (только в ямное время), концентрация их в буджакских погребениях Северо-Западного Причерноморья и комплексах Балкано-Карпатского варианта ямной КИО, заставляют нас остановиться на анализе этого вопроса достаточно подробно. Наиболее ранние изделия из серебра, изготовленные человеком, датируются IV тыс до н. э.; в Западной Анатолии, на поселении Беши-Султан (XXIV слой), найдено серебряное кольцо, датируемое 3942–3650 BC (Primas, 1995, с. 78). Долгое время предполагалась маргинальная роль европейских источников серебра при центральной позиции Малой Азии. Но оказалось, что в Европе серебро появилось одновременно с Ближним Востоком: небольшие серебряные кольца культуры Одзиери (Сардиния) датируются первой половиной IV тыс до н. э. С территорией Моравии связана находка купелированного серебра (золотого диска с серебряными украшениями), предполагается его производство на месте, что ставит под сомнение приоритет ближневосточных мастеров. М. Примас выделяет два этапа распространения золотых и серебряных изделий в Европе и на Ближнем Востоке:

1-й этап, 3300–2600 BC. Левант, Северный Кавказ, Юго-Восточная Европа (курганные культуры), Эгеида, Центральная и Западная Европа (начальный этап культуры колоколовидных кубков).

2-й этап, 2600–2100 BC. Дальнейшее распространение на тех же территориях, а также появление в Испании, Португалии и Британии. В этот период мода на серебряные спирали распространяется по Европе (Primas, 1995, с. 81–88).

В эпоху ранней бронзы (1 этап по М. Примас) в ареале Юго-Восточной Европы Северо-Западное Причерноморье выделяется количеством украшений из серебра, найденных в подкурганных захоронениях усатовской и буджакской культур. При этом в медном и бронзовом веке представительная серия серебряных изделий известна в Предкавказье (майкопско-новосвободненская общность, новотиторовская культура); но в энеолитических культурах и культурных группах степной зоны такие находки единичны. И если кавказские и донбасские (Нагольный кряж) источники серебра в восточном ареале Причерноморья сомнений у исследователей не вызывают, то происхождение этого металла на западе степной зоны довольно неопределенно.

В усатовской культуре зафиксированы древнейшие украшения из серебра в Украине и одни из древнейших в Европе; в основном, это – спиральные височные подвески, накосник, перстень. Большинство серебряных изделий соотносятся с ранней ступенью Усатово. Концентрируются находки практически в двух центрах – в Усатовском курганном могильнике и Александровском кургане на побережье Сухого лимана; всего в захоронениях усатовской культуры было найдено около 30 изделий из серебра; в Триполье и степном энеолите подобного рода находки единичны. Б. Йованович предполагает для позднетрипольских могильников Северо-Понтийского побережья, Южной Украины и Молдовы местное производство серебряных височных колец, хотя серебро было импортировано, возможно, из Восточного Средиземноморья (Jovanovič, 1993; Йованович, 1994). Версия о связях Северо-Западного Причерноморья с южными районами — Анатолией и Эгеидой – имеет давнюю историю. На такое направление связей указывают эгейские импорты в усатовских захоронениях, причем в одних комплексах с серебряными

украшениями (Петренко, 1997, с. 32). Это – медные кинжалы «анатолийского типа» с мышьяковым покрытием (Конькова, 1979, с. 176), древнейшие стекла (Островерхов, 1985, с. 179; 2001–2002, с. 388–401), бусы из средиземноморских морских кораллов, подвеска-амулет из типично египетского «алебастра» (Петрунь, 2000, с.180). Но не исключена вероятность сухопутного пути, учитывая, что некоторые исследователи (возможно – недостаточно обоснованно) включают усатовскую культуру в наиболее ранний бронзовый горизонт западнопричерноморского ареала (Nikolova L., 2005, с. 92). Вероятно, независимо от Усатово, серебряные украшения попадали в энеолитическую среду Северо-Западного Причерноморья, т.к. найденная на берегу озера Сасык (Траповка 10/14) подвеска в форме лунницы отлична по виду и от усатовских, и от ямных находок. Но этот тип подвесок известен в исполнении из золота – Саратены 1/7, Республика Молдова, для этого погребения имеется дата ЛУ–2454: 5140± 40 BP, или 3990–3810 BC (Яровой, 2000, с. 17).

Серебряные украшения найдены в ямных (и некоторых синхронных) комплексах Балкан, Нижнедунайской равнины и Потисья, в меньшем количестве, чем в Северо-Западном Причерноморье**.** Большинство погребений, содержащих украшения из серебра, связано с ямной КИО, но некоторые изделия найдены в захоронениях синхронных культур и культурных групп раннебронзового века Карпато-Подунавья (Челеи, Зимнича), причем только в тех комплексах, которые находятся на ямном «серебряном пути». Выделяются подвески нескольких видов:

1). Спиральные подвески в несколько оборотов (рис. 5.12. 5–7)

2). Подвески в виде серег с несомкнутыми (иногда заходящими друг за друга) концами. Два вида подвесок – с утолщением в средней части и в виде колец из проволоки толстого диаметра – получили в литературе название «тип Зимнича» (рис. 4.31. 15; 5.13. 8, 9, 15–17), эту культурную группу датируют РБВ II, синхронизируя с финалом культуры Чернавода II, т.е. серединой III тыс. до н. э. (Николова Л., 2000, с. 440). Их распространение в Юго-Восточной Европе следует связывать с населением Балкано-Карпатского варианта ямной КИО. Заметим, что в буджакских погребениях Северо-Западного Причерноморья, порой, их находили вместе со спиральными подвесками (Субботин, 2003, с. 159).

3). В небольшом количестве известны подвески в виде свернутых в трубочку пронизей, изготовленных из серебра (рис. 5.13. 3,4).

В могильнике Тырнава (рис. 4.32. 12) найдены золотые подвески типа Левкас, известные в памятниках Эгеиды и Восточного Средиземноморья, например, Мала Груда и Велика Груда (Maran, 2007). Известны находки этого типа в Трансильвании и в Северной Добрудже, предполагают их трансильванское происхождение, несмотря на первую находку за пределами региона.

Картографирование памятников позволяет выстроить цепочку курганов с находками серебряных изделий, которая тянется вдоль Дуная от Прута до Тисы (рис. 5.13). Кроме того, серебряные украшения были найдены в захоронениях на территории Южной Добруджи, в горной Фракии и в центре Нижнего Подунавья (могильник Горан-Слатина). Появление украшений из серебра в раннем бронзовом веке на Балканах Б. Йованович связывает с носителями ямной культуры, с исчезновением же степного погребального обряда исчезает и серебро. Возможно, некоторые серебряные спирали могли поступить в ямный ареал из усатовской среды, послужив импульсом для возникновения интереса и потребности в обретении изделий из этого металла. Анатолийских раритетов в ямных захоронениях, в отличие от усатовских, не обнаружено, поэтому непосредственные связи с Передней Азией выглядят сомнительно. Широко известны серебряные рудники, относящиеся к раннекикладскому периоду I–II в Восточном Средиземноморье (остров Сифнос и полуостров Лаурион в Аттике). Раннекикладский период синхронен раннеминойскому и Трое I; датировка их различна у разных исследователей, укладываясь, в целом, в диапазон 3400–2900гг до н. э. Но импорты серебряных изделий эгейского происхождения этого периода (за единичным исключением) ни на Балканах, ни на побережье Эгейского моря, неизвестны,

поэтому некоторые исследователи считают, что источники ямного серебра «загадочны» (Jovanovič, 1993; Йованович, 1994). Предполагается и «восточный вариант» происхождения серебра: его поставки в усатовское время из майкопско-новосвободненской общности, а в ямное – из среды новотиторовской культуры (Петренко, 1997). Действительно, А.Н. Гей отмечает близость усатовских и новосвободненских височных колец (Гей, 2000, с. 161). Но сходных форм изделия распространены очень широко – в Европе и Передней Азии – являясь универсальными в контексте украшений этой категории (Primas, 1995). Заметим, что и в буджакских погребениях, и в Подунавье встречаются серебряные подвески типа Зимнича, неизвестные в Предкавказье. Уже в самом начале бронзового века выделяются два центра, где концентрируются серебряные украшения – Северо-Западное Причерноморье (усатовская и буджакская культуры) и Прикубанье; в ареале между ними количество находок из серебра резко падает. Пожалуй, лишь бассейн реки Молочной и Присивашье выделяются количеством изделий, возможно, их источник находится в рудном районе Нагольный кряж на Донбассе. В степной зоне Украины, известен 41 экземпляр серебряных подвесок (рис. 5.13), в то время как в Северо-Западном Причерноморье было найдено более 100 изделий из серебра.

Картографирование серебряных украшений и известных серебряных месторождений (рис. 5.5; 5.13) позволяет предположить, что источники серебра усатовской и буджакской культур следует искать в Трансильвании или на западе Балканского полуострова. Отсутствие открытых древних шахт не столь важно – многие из них могли быть разрушены более поздними и более мощными разработками. К примеру, в горах Троодос на Кипре в начале XX века остатки древних рудников использовались для целевых изысканий потенциальных рудных местонахождений и были уничтожены (Knapp, 2000, p. 12). На наш взгляд, имеется объяснение и тому факту, что серебряные изделия связаны только с носителями ямной КИО, в то время как в синхронных соседних культурах их почти нет. Вероятно, спрос на серебро существовал исключительно в ямной среде (в основном, в ареале буджакской культуры), хотя добывать его могло население других культур. Сходную ситуацию можно проследить в других регионах. Так, в III тыс. до н. э. большая часть добываемого в Анатолии серебра в результате торговли уходила в Месопотамию – инициатива этого обмена принадлежала жителям Месопотамии, которые обменивали его на добываемое ими олово (Трейстер, 1996, с. 239). Возможно, определенные мировоззренческие концепции (или воспринятые усатовские традиции) обусловили потребности ямного населения именно в серебре при отсутствии таковых надобностей у автохтонного населения Балкано-Карпатского региона. Памятники раннего энеолита (например, знаменитый Варненский могильник) демонстрируют приоритет и ценность золота. Какие культуры могли быть в таком случае связаны с добычей серебра и производством украшений, неясно, но можно предположить несколько вариантов торговых связей**.** На раннем этапе ямной культуры начало «серебряного пути» могло находиться в Анатолии, откуда ювелирные изделия попадали в баденскую среду, а затем – в ямную. Связям блока баденских культур с Анатолией уделяется достаточно много внимания в исследованиях последних лет (Furholt et al., 2008), а об Альфёльде как зоне контакта баденской и ямной культур писали многие исследователи.

Серединой IV тыс. до н. э. датирует Э. Шерратт «горизонт культурных изменений в Европе», знаменующий начало бронзового века в Центральной Анатолии, Закавказье, на Эгейском море и на Балканах. К «переходному периоду» он относит распространение поздних культур Триполья и усатовскую культуру на Украине, Баден в Центральной Европе, средний неолит в Северо-Западной части Европы и энеолит в Юго-Восточной Европе. Этим же периодом датируются не только культурные трансформации, но и такие инновации, как появление плуга, повозок, вьючных животных, новые породы длинношерстных овец и использование их шерсти, приручение эквидов, а чуть позже и верблюдов, использование продуктов молочного брожения, новые формы посуды, связанные с молочным хозяйством, виноградное вино и пр., т.е. те явлении, которые выделил Э. Шеррат, озаглавив их как

«Secondary Products Revolution» (Sherratt, 1981, p. 261–305). Зародившись в общинах «плодородного полумесяца», аккумулируясь в городах Месопотамии, эти инновации в комплексе и очень быстро появились сперва в Юго-Восточной Анатолии и Закавказье, а затем в Европе, распространяясь по торгово-обменным маршрутам (Sherratt, 2006). Разного рода источники позволяют реконструировать сложную и динамичную картину исторического развития Юго-Восточной Европы в раннем бронзовом веке. Прежде всего, это касается места культуры Баден в европейской истории позднего энеолита-раннего бронзового века: оказывается, что все основные инновации в европейских культурах этого периода так или иначе связаны с «баденизацией» Европы (Horvath et al., 2008). «Революция вторичных продуктов», достижения которой распространились на огромной территории почти одновременно, позволила исследователям по-иному взглянуть на пути и скорость распространение инноваций в этой сфере (Sherratt, 1981). Так же стремительно распространялись и идеи («миграция идей» является достаточно популярным термином), к примеру, металлургические приемы (Черных Е.Н. и др., 2000). Технологические инновации привели к интенсификации культурных контактов в финале медного и начале бронзового века; они проявлялись в движении людей, товаров и идей по огромной территории Центральной и Юго-Восточной Европы. Инновации могли распространяться, конечно, и в ходе миграций на макро– и микроуровнях, в результате войн и набегов, в виде актов обмена, торговли, приобретения престижных и утилитарных товаров. Дальнейшие последствия нововведений нашли отражение в более тесных связях между культурами, образовании культурных блоков, установлении отношений между далекими геокультурными регионами и группами (Spasič, 2008, p. 31–45). Традиционно полагают, что основные нововведения в Центрально-Восточной Европе, ассоциированные с культурой Баден, происходят из Анатолии, Леванта и Юго-Восточной Европы. Скорость распространения инноваций на огромной территории позволила исследователям предположить, что технологическая революция распространялась в двух направлениях одновременно:

1) из Западной и Центрально-Восточной Европы. За этим направлением уже закрепился термин «Badenization», который в значительной степени в археологическом материале представлен распространением материалов Болераз-Чернавода III;

2) из Юго-Восточной Анатолии в Европу в связи с экспансией Урука (вынужденные эмигрировать «беженцы» из Трои II–V).

Предполагается, что скорость дисперсии этих нововведений была настолько высока, что сотни километров были покрыты в течение очень коротких отрезков времени (десяти лет или менее, что не может быть прослежено на радиоуглеродных датах). Инновации распространились быстро и на большой территории в силу своего революционного характера, причем в различных регионах воспринимались отдельные дискретные черты. Считают, что два направления пересеклись в ареале Карпатского бассейна (Horvath et al., 2008, p. 455).

На наш взгляд, появление и распространение серебряных изделий, оказалось включенным в эти процессы, наряду с золотом, медью, керамикой и другими артефактами и инновациями, происходящими с территории Анатолии. Ямные племена, вступив на территории Альфёльда в определенные отношения с носителями культуры Баден, оказались «в нужном месте в нужное время». А серебряные подвески, наряду с повозками, выступают очень яркими маркерами колонизации ямным населением территории Юго-Восточной Европы (рис. 5.13).

Мы уже останавливались на вопросах концентрации престижных находок в курганах (или могильниках) и на корреляции находок серебряных подвесок с находками остатков повозок (Иванова, 2001, с. 116–120). Аналогичная ситуация наблюдается и в Потисье, где не только на одном памятнике концентрируются четыре захоронения с повозками, но и в одном из них (Кетедьхаза 3/4) найдены серебряные височные подвески (Escedy, 1979, p. 21–22). Такое распределение находок иллюстрирует известные из этнографии (и воспринятые

археологами) сведения о том, что обмен и торговля в традиционных обществах были прерогативой элиты. Именно к социальной элите, судя по анализу погребального обряда, относятся захоронения с повозками и с серебряными подвесками в ямной (буджакской) общности Северо-Западного Причерноморья (Иванова, 2001, с. 140–150). На балканских материалах исследователи приходят к выводу, что технические инновации и развитие торговли выгодны для элиты и «менеджеров», т.к. это дает им приоритет в возможности обладания престижными артефактами. Усиливается социальная дифференциация общества, поэтому любые инновации имеют не только технологическое значение, но и социальное (Kassianidou, Knapp, 2005, с. 236). Для энеолитической эпохи такой подход применялся при анализе новоданиловской культурно группы (Телегин, 1991; Rassamakin, 1994). На наш взгляд, именно от носителей культуры Баден ямными племенами и была воспринята идея повозки, реализованная в погребальном обряде на другом семантическом уровне, чем у баденских племен: не модель, а «часть вместо целого» или же реальная повозка. Из Потисья, судя по картографии находок (рис. 5.13), начинается цепочка захоронений с серебряными украшениями, ведущая вдоль Дуная в Северо-Западное Причерноморье («серебряный путь»). Источников серебряных украшений гипотетически могло быть два: культура Баден, как распространитель анатолийских достижений, и культура колоколовидных кубков, для которой отмечена причастность к распространению серебряных украшений в Европе (Primas, 1995). Возможны и связи с разными источниками на разных хронологических этапах («бикеры», безусловно, более позднее образование), тем более, что и типология изделий, бытовавших в среде носителей ямной культуры различна (рис. 5.12). Но эти моменты требуют специального рассмотрения.

Общепризнано, что долины и русла рек не разъединяли, а соединяли народы и территории. Считают, что река Дунай предоставляет собой «торговый путь» с Востока в Центральную Европу, и Троя явилась своеобразными «воротами» в этой торговле (Kassianidou, Knapp, 2005, p. 236). Путь по долине реки Марицы известен с древности как кратчайший для связей регионов Европы с Малой Азией и территориями Ближнего и Среднего Востока. Курганы Горной Фракии, где были найдены серебряные украшения, расположены на довольно близком расстоянии (около 20 км) от русла Марицы. Поэтому не исключен импортный характер этих серебряных изделий с территории Малой Азии. В Марицу впадает река Тунджа, которая берет начало на южном склоне Балканских гор, у г. Калофера, расположенного в 15 км к западу от могильника Дубене-Саровка (Hristov, 2007). Этот могильник (культура Юнаците), с многочисленными золотыми украшениями и серебряными изделиями демонстрирует связи и с Анатолией, и с Центральной Европой, иллюстрируя, на наш взгляд, гипотезу баденско-анатолийских связей. Вероятно, не только в Карпатах, но и в центральной части Балканских гор пересеклись два разнокультурных направления, что проявилось в инвентаре этого уникального комплекса (Nikolova L., Görsdorf, 2002, p. 531–540).

Видимо, не случайно вблизи от комплекса Дубене находится курган с ямными захоронениями Долно Сахране, а к северу от Дубене, через Траянский перевал, расположен могильник ямной культуры Горан-Слатина, золотые и серебряные украшения из которого выделяются своим количеством на фоне остальных памятников ямной культуры Балкан. К северу от Горан-Слатина (на расстоянии около 60 км) находится переправа через Дунай, которой могли пользоваться при продвижении по торговым путям на север, в Карпатский регион (Николова Л., 2000). Локализация ямных курганов не только в ареалах рудопроявлений, но и вблизи торговых путей, может указывать на то, что ямное население Балкан могло быть включено в торговую сеть раннего бронзового века Юго-Восточной Европы.

В поисках «поставщика» серебряных спиралей в послебаденское время, на наш взгляд, можно обратиться к культуре колоколовидных кубков, распространенной на огромной территории Западной, Центральной и Северной Европы в 2900/2800 – 1900/1800 гг до н. э. Ее

предложено рассматривать не как единую культуру, а как археологическую традицию, связанную с массовыми торговыми контактами эпохи раннего бронзового века (Czebreszuk, 2004). Широкое распространение получила идея В.Г. Чайлда том, что именно носители этой культуры в значительной степени ускорили распространение бронзовой металлургии в Европе, активно занимаясь к тому же торговлей, поисками залежей меди и драгоценных металлов (Чайлд, 2005). Их расселение по европейскому континенту, не только к северу, но и на юг, в Эгеиду и Средиземноморье, способствовало построению обширной торговой сети, специализировавшейся на обменных операциях, прежде всего с металлом, что содействовало распространению моды на серебряные спирали по всей Европе во второй половине III тыс. до н. э. (Primas, 1995). Восточной границей распространения «бикеров» является территория современной Венгрии (Heyd, 2005), где имеются и ямные памятники с серебряными украшениями. Исследования последних лет позволили установить отдельные продвижения культуры колоколоколовидных кубков на север Молдовы. В могильнике у с. Коржеуцы были обнаружены комплексы, связанные с культурой колоколовидных кубков, в том числе своеобразная пластина – т. н. защита запястья, один из характерных элементов погребального инвентаря «бикеров» (Демченко, 2009, с. 23–25). Серебряные рудники известны в различных районах Карпат и Балкан, в Центральной Европе, на Пиренейском полуострове (считающемся прародиной носителей культуры колоколовидных кубков); вполне вероятно допустить в этот период местное производство серебряных спиралей в Европе, на базе местных источников серебра, учитывая быстрое распространение «моды» на серебро во второй половине III тыс. ВС.

Наиболее вероятно предположить получение ямными племенами обогащенной серебряной руды (или готовых слитков) из месторождений Карпато-Трансильванского бассейна. О добыче по крайней мере части его из полиметаллических медно-серебряных руд свидетельствует химический состав – высокое содержание меди в том серебре, из которого изготовлены проанализированные спиральные подвески, найденные в буджакских погребениях Северо-Западного Причерноморья (Ольговский, 1988, с. 137) и ямных памятниках Альфёльда (Dani, Nepper, 2006, p. 39–40). Выходы полиметаллических руд известны в Трансильвании, это – рудные районы Металич и Бихор, с медными и полиметаллическими месторождениями. В то же время к сербскому Банату примыкает огромный меднорудный район Бор-Майданпек, здесь известны и полиметаллические руды, и залежи серебра, а в Сербии исследованы курганы, оставленные ямным населением. Подвески из погребения культуры Вучедол в Малой Груде также изготовлены из серебра с большой (до 20 %) примесью меди, что сопоставимо с химическим составом подвесок из погребений ямного кургана Шарретудвари-Орхалом (Dani, Nepper, 2006, p. 39–40).

Роль серебра в ямной среде можно попытаться восстановить, рассмотрев контекст захоронений с металлическими украшениями. Они подразделяются на несколько типов (височные подвески, серьги, браслеты, бусины, перстни). И лишь одна категория украшений (спиралевидные подвески) известна в исполнении из трех разных металлов: серебра, золота, меди. Возникает вопрос: не могли ли подвески быть определенными меновыми/весовыми единицами? Н.И. Шишлина, анализируя памятники Северо-Западного Прикаспия в эпоху бронзы, пришла к выводу, что украшения, выполненные по определенному стандарту и бытовавшие в среде разнокультурного и разноэтничного населения, могли служить мерой обмена. К таким артефактам исследовательница относит бронзовые очковидные подвески и посоховидные булавки (Шишлина, 2007, с. 120). Глиняные формы для изготовления весовых слитков меди известны в захоронении литейщика катакомбной культуры (Кубышев, Черняков, 1985).

Взвешивание (на электронных весах) серебряных и золотых спиральных подвесок из коллекции Одесского археологического музея НАН Украины и учет опубликованных весовых показателей продемонстрировали, что вес изделия никак не связан с количеством витков (табл. 5.2). Погребения, где встречено наибольшее (по весу) количество серебра, либо

те, где при умершем находились многовитковые подвески, не имели особых внешних отличий от других захоронений этой же категории, хотя при обменных операциях это могло иметь значение. Другая особенность – вес золотых и серебряных подвесок в Северо-Западном Причерноморье уступает весу аналогичных изделий из Альфёльда (в публикациях отсутствуют сведения о весе всех находок Карпато-Подунавья). Скорее всего, такая ситуация связана с отдаленностью Северо-Западного Причерноморья от месторождений благородных металлов. К примеру, исследователи отмечают, что вариабельность размеров металлических серпов Восточной Европы также напрямую связана с приближенностью или отдаленностью от рудных источников. Крупные экземпляры концентрируются в непосредственной зоне месторождений меди, по мере удаления размеры и вес серпов неуклонно уменьшаются (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 86).

На наш взгляд, посредством буджакских племен украшения попадали в другие регионы ямной КИО, расположенные к востоку от ареала буджакской культуры. Именно серебряные изделия стали своеобразными маркерами, указывающими на включение населения Северо-Западного Причерноморья в те масштабные исторические процессы, что происходили в Европе в раннем бронзовом веке.

На первом этапе (по рубрикации М. Примас) Юго-Восточная Европа «отстает» от Причерноморских степей по количеству серебряных украшений. Вполне вероятно, что причину сложившейся ситуации следует искать в социальной и мировоззренческой сферах древних обществ. По-видимому, серебро не занимало особого места в модели мира европейского населения энеолитической и бронзовой эпох; судя по уникальным могильникам Варна и Дубене-Саровка в Болгарии, сокровищам Трои и пр., а также по количественным показателям распространения отдельных изделий из золота. В паре с золотом традиционно выступает медь, может быть, из-за близости цветовой гаммы двух металлов. И лишь у носителей ямных обрядовых традиций на доминирующую позицию выходит серебро. Возможно, интерес к серебру сформировался при контактах с усатовским населением, и именно серебряным спиралям отдавалось предпочтение.

Принято считать, что металл в погребениях имел скорее символическую, чем экономическую ценность (Шнирельман, 1988, с.75–76).. Исследователи отмечают престижность и социальную значимость неутилитарных металлических изделий. В целом, именно медь и золото были основными металлами, которые использовало население Юго-Восточной Европы для изготовления украшений и престижных артефактов. В базе данных Балкано-Карпатской металлургической провинции насчитывается около 4000 артефактов из меди и около 200 – из золота. (Авилова, 2007, с 32). В Циркумпонтийской металлургической провинции применяли медь/бронзу, золото, серебро. Здесь уже медь составляла менее 29 % массива, доминируют изделия из драгоценных металлов, причем преобладает золото. Диапазон его источников шире: помимо использования самородков, известен был и золотой песок. Для ее северного ареала в раннем бронзовом веке известно 7412 изделий из золота, 1413 из серебра, 4712 из меди. В среднем бронзовом веке в этом же регионе зафиксировано 5895 изделий из меди, 1989 – из золота, 165 – из серебра. В раннем бронзовом веке украшения составляют 84 % находок, орудия/оружие – 14 % (2% приходится на другие категории находок), в среднем бронзовом веке – 53 % и 39 % соответственно (Авилова, 2007, с. 34).

По нашим данным, в Северо-Западном Причерноморье в буджакских погребениях было найдено 186 изделий из меди, 114 из серебра, 5 из золота. Таким образом, отношение меди к серебру по провинции в целом составляет 3,3, а в Северо-Западном Причерноморье 1,6; удельный вес серебряных находок в буджакской культуре в два раза больше, чем в Циркумпонтийской провинции в целом.

5.6. Влияние освоения природных ресурсов на культурные и исторические процессы

Подводя итоги, отметим, что анализ археологических источников и культурной ситуации позволил нам прийти к выводу, что климатические изменения (аридизация) в раннем бронзовом веке предоставили возможность населению Северо-Западного Причерноморья использовать природные ресурсы в большем объеме, нежели ранее. С одной стороны, источником таких ресурсов выступали степные экосистемы. Расширение степной зоны и ее трансформация (к примеру, из луговой степи в сухую или в полупустыню) стимулировали развитие скотоводческого хозяйства. При влажном (гумидном) климате зимой наблюдается глубокий снежный покров, который затрудняет пастьбу и тебеновку, именно аридный климат создает лучшие условия и для формирования весенне-летнего травостоя, и для зимовки скота. Другим природным ресурсом, задействованным в хозяйственной жизни населения, могла быть соль, для естественной садки которой необходим жаркий засушливый климат. Территория Северо-Западного Причерноморья как уникальный регион, где сконцентрированы солеродные лиманы, предоставляла возможность получения соли наиболее экономически и технически рентабельным методом. В отличие от большинства районов Европы (в том числе территории Румынии, где имеются самые большие в Европе запасы каменной соли), в Северо-Западном Причерноморье ее добыча не требует ни организации сложного производства (шахты), ни особых технологических процессов, следовательно, не нуждается в использовании древесины для выпаривания. Насыщенность соляных рассолов в европейских источниках (от 2 % до 16 %) намного ниже той, которая необходима для садки соли (25 %), нужный уровень достигался путем выпаривания, для чего необходимо наличие лесов, организация работ. В лиманах Северо-Западного Причерноморья соответствующая концентрация рассолов достигается естественным путем, в силу климатических условий, в результате чего происходит ее естественная садка. Сбор самосадочной соли достаточно прост и примитивен, на что указывают имеющиеся письменные источники, которые описывают сбор способы ее добычи в XIX веке. Вероятно, в обмен на соль племена усатовской и буджакской культур получали из Балкано-Карпатского региона металлы (медь, бронзу, серебро), в виде руды, слитков или готовых артефактов.

Традиционно освоение природных ресурсов определяется экономическим потенциалом общества, уровнем его технологических достижений, развитием ремесел. Другой стороной данного процесса является новый уровень социального развития населения и тенденции общества к расширению культурных контактов. Причем это касается и тех обществ, которые владеют природными ресурсами, осваивают их добычу и обмен ими, и тех, которые в результате обмена получают природные ресурсы (и традиции их обработки). В этом контексте социальное развитие основано не только на накоплении богатств (продавца, посредника, получателя товара), но и на установлении определенных контактов и взаимоотношений. Исследователи отмечают возникновение многих из великих цивилизаций по краям «аридных» зон, в полупустынном и пустынном климате, который не только не помешал цивилизационным процессам в эпоху бронзы, а, напротив, способствовал им. Одним из объяснений этому видят как раз в контроле над природными ресурсами, в легкости и простоте добычи соли в аридных зонах. В них процесс кристаллизации соли наблюдается визуально, и именно соледобыча является основой расцвета экономики и прогресса в социальном развитии древних обществ. В районах с влажным климатом найти соляные источники и организовать добычу соли гораздо сложнее, поэтому подобные предпосылки и стимулы социо– и культурогенеза в них отсутствуют (Boboş, 2008, с. 16). Аридизация климата, начавшаяся в Северо-Западном Причерноморье в последней четверти IV тыс. до н. э., способствовала усилению процессов солеобразования; немаловажной в этой связи была регрессия Черного моря. Другой стороной этих процессов была возможность путешествий

на дальние расстояния, что определялось расширением степной зоны, увеличением межени рек. Сложившаяся ситуация, на наш взгляд стимулировала развитие обменных связей со всеми вытекающими последствиями. Одним из факторов было освоение пастбищных ресурсов, причем балкано-карпатское население ямной КИО существовало синхронно буджакскому, что также отвергает гипотезу массового переселения. Изотопный анализ подтверждает поэтапность заселения новых мест.

Мы полагаем, что освоение соледобычи оказалось мощным катализатором развития населения Северо-Западного Причерноморья в конце IV–III тыс. до н э. Вероятно, уже усатовская культура оказалась связанной с Балкано-Карпатским регионом и Восточным Средиземноморьем отношениями, построенными на обмене местных природных ресурсов (соль) на металл и престижные артефакты. К ним относятся медь, украшения из серебра (или серебро в слитках), украшения из природных материалов, возможно – стекла, кинжалы с имитацией серебрения. Собственные металлургические традиции, выделяемые Н.В. Рындиной в особый очаг металлообработки (Рындина, 1993), сложились, вероятно, в значительной степени благодаря контактам с северными соседями (позднетрипольскими племенами) – с одной стороны, и населением Балкано-Карпатского региона (обитавшим вблизи металлургических центров) – с другой. От них могли быть получены некоторые артефакты, металл (медь) и технологии работы с ним. Основой развития межкультурных отношений являлись обмен и торговля солью, которую население получало из лиманов Причерноморья, на что указывают остатки культово-производственных центров и находки импортных престижных вещей и металлов. При этом усатовцы не стремились на Балканы, осваивая Приднестровье и Попрутье в направлении торговых партнеров из среды трипольской культуры (выхватинской и гординештской локальных групп). Курганы с усатовскими захоронениями вдоль Днестра могут отмечать существование древнего торгового пути. Другим таким путем, вероятно, менее значимым, был Прут. По-видимому, можно считать усатовские племена первыми производителями соли Северо-Западного Причерноморья, чья деятельность получила отражение в археологических артефактах. Освоение технологий добычи соли способствовало расширению культурных связей и контактов, а также стимулировало процессы культурогенеза в различные исторические эпохи.

Буджакская культура, отчасти восприняв от усатовской ее торговые контакты, партнеров, технологии металлообработки (а также, видимо, и соледобычи), на раннем этапе своего существования распространилась по территории Юго-Восточной Европы, не оказывая значительного влияния на процессы культурных трансформаций, но привнося определенные инновации в среду европейских культур позднего энеолита – раннего бронзового века (в виде особенностей погребального обряда или некоторых форм керамики). Расположение ямных памятников вблизи металлорудных районов Юго-Восточной Европы, редкие керамические импорты (но многочисленные подражания и переработка инокультурных традиций собственно в ареале буджакской культуры), наконец, достаточно представительная коллекция серебряных, медных и бронзовых изделий, орудия металлообработки – все это свидетельствует не только об освоении пастушескими племенами новых пастбищ в Балкано-Карпатском ареале, но и об ориентации «ямной колонизации» на обменные отношения. Исследователи отмечают, что в основе возникновения обмена лежит экологическое разнообразие районов обитания тех или иных сообществ древности, в первую очередь – разнообразие сырьевых источников. В эпоху палеометалла существование обществ на соответствующем уровне технических достижений было невозможным без формирования системы обмена металлами, причем объектами обмена могли быть как руда, так и готовые изделия (Массон, 1974, с. 5, 8).

Археологические данные демонстрируют существование определенных маршрутов в распространении населения ямной КИО в Балкано-Карпатском регионе. Продвижение к фракийским медным месторождениям и медным залежам Балканским гор можно условно

назвать «медный путь», распространение серебряных артефактов вдоль Дуная и в Трансильвании, соответственно, маркирует «серебряный путь». Определенное значение в этом контексте имеют находки в Карпато-Дунайском регионе медных ножей ямного типа (рис. 4.36. 8–19; 5.14). На наш взгляд, продвижение населения буджакской культуры ямной КИО не было вынужденной миграцией, вызванной внешними (климатические изменения) или внутренними (демографический кризис, перевыпас) причинами. Нельзя считать этот процесс военной экспансией, или, напротив, вытеснением буджакского населения катакомбным. Мы полагаем, что, помимо освоения скотоводами новой экологической ниши (широко распространившейся зоны степей и полупустынь), имело место построение отношений нового уровня, связанных с обменом, продвижением на дальние расстояния и возвращением на исходную территорию. В этом контексте отметим наблюдения исследователей о том, что в III тыс. до н. э. усиление элиты как социальной группы, развитие транспорта привели к усилению торговли, импорту изделий роскоши, которые были найдены в захоронениях и кладах (Primas, 2007, s. 19).

Насыщенность Северо-Западного Причерноморья памятниками различных археологических культур традиционно объясняли его функцией «связующего звена» при движении населения на Балканы, к источникам металла. Но роль различных Карпато-Балканских месторождений в разные исторические периоды менялась, поэтому существовали и иные пути доставки металлов (например, по «лесостепному коридору»), минуя Северо-Западное Причерноморье (Рындина, 1993); к тому же следует учитывать использование месторождений в других регионах Восточной Европы. Тем не менее, «мост Восток-Запад», составной частью которого была территория Северо-Западного Причерноморья, функционировал стабильно, начиная с энеолита и вплоть до позднего средневековья (Manzura, 1993). В значительной степени он был связан, по нашему мнению, с ролью региона в торгово-обменных путях – как в прилегающие районы Причерноморья, так и достаточно далеко за их пределы в западном и северо-западном направлениях. Еще одним обменным направлением был север с торговыми путями по Днестру и Пруту, связывающими усатовское население с трипольским, а степь – с лесостепью. Масштабность такой «сети», сопоставимой с буджакским населением, не должна удивлять. По мнению Ю.Я. Рассамакина, в энеолите, в «эпоху престижного обмена», еще бóльшая территория была охвачена сетью, растянувшейся от Балкан до Волги. Она была связана с обменом кремня и металлов (медь), осуществляемым социальной элитой скелянской культуры, или новоданиловской культурной группой (Телегин, 1991; Rassamakin, 1994). К тому же реконструируемая Ю.Я. Рассамакиным структура была намного более сложной, поскольку она объединяла разрозненные локальные группы, в отличие от той, что сложилась в рамках единой ямной культурно-исторической общности. В раннем бронзовом веке в единую сеть были связаны два ее подразделения – буджакская культура Северо-Западного Причерноморья и Балкано-Карпатский вариант ямной КИО.

В данном контексте имеет смысл сопоставить некоторые характеристики буджакских захоронений Северо-Западного Причерноморья и памятников других регионов ямной КИО. Так, в Приуралье памятники ямной культуры, насыщенные металлическим инвентарем, расположены не в районе Каргалинских рудников (50–140 км к северо-западу от Оренбурга), чего следовало бы ожидать, учитывая широкое распространение каргалинской меди в ямной среде региона, а на реке Илек, близ Соль-Илецкого местонахождения, в 70 км к югу от Оренбурга (Моргунова, Кравцов, 1994). По нашему мнению, такая ситуация вполне объяснима: источники меди представляли ценность только для тех, кто обладал определенными знаниями и мастерством, в то время как соль была нужна и людям, и животным, а легкость ее добычи требовала охраны. Местонахождение представляло собой уникальный соляной купол, соленое ядро которого выходило на поверхность в виде горы Туз-Тюбе. Следов древних работ на ней не имеется, что не удивительно: добыча соли там длительно (включая новое время) велась очень доступным открытым методом,

следовательно древние разработки были разрушены более поздними выработками; к тому же к концу XIX века на месте горы появилась котловина и в дальнейшем образовалось соляное озеро.

Привлекает внимание топография памятников новотиторовской культуры. А.Н. Гей отмечает локализацию большинства захоронений не в степной, а в приморской зоне, что не вполне логично для степных скотоводов (Гей, 2000). Между тем, Восточное Приазовье изобилует соляными озерами и лиманами, возможно, привлекавшими новотиторовское население. Так же, как и в Северо-Западном Причерноморье (буджакская культура), в этом ареале в захоронениях новотиторовской культуры фиксируется концентрация повозок и серебряных украшений. Корреляция определенных социально значимых символов с источниками соли может отражать значение соледобычи в экономике древних обществ раннего бронзового века.

Все эти данные хорошо согласуются с мнением специалистов, изучавших памятники, связанные с добычей соли в энеолите. Предполагается, что именно обмен солью способствовал формированию торгово-обменных путей, появлению престижных золотых артефактов на Варненском некрополе. Обмен осуществлялся с территориями, расположенными к югу от Балканских гор, вплоть до греческих островов (Мелос) и северо-восточной Анатолии, и уже в это время соль выступает универсальным меновым эквивалентом. К тому же никаких иных товаров, кроме соли, посредством которых население могло получить уникальные артефакты, депонированные в Варненском могильнике, выявить не удалось. Соль была единственным «стратегическим продуктом» и, вместе с медью, была не только предпосылкой для активной и успешной торговли, но и в более поздние исторические эпохи выполняла роль «первых денег». Именно производство соли и торговля ею определили высокий уровень развития региона вблизи озера Варна в контексте балканских общин позднего энеолита (Nikolov, 2012, p. 21–27, 57–59).

Природные ресурсы, таким образом, являлись основой не только жизнедеятельности, но и обменных отношений, развившихся между населением Северо-Западного Причерноморья и Юго-Восточной Европы в раннем бронзовом веке, создавая предпосылки их продвижения в Балкано-Карпатский ареал. Аридизация способствовала развитию дорог, увеличивая периоды их использования, создавая возможности для перемещения населения на отдаленные расстояния с возвращением на исходную территорию. Анализ культурной ситуации позволяет определить распространение буджакской культуры ямной КИО на запад как своего рода двустороннюю коммуникацию, которая определяется как «циклы или петли обратных связей» (О'Коннор, Сеймор, 1997). В качестве свидетельства этих процессов можно рассматривать параллели в погребальном инвентаре захоронений ямной КИО двух регионов. Они могут быть объяснены связями анклавов переселившегося населения с исходными территориями и друг с другом.

Изделия из металла являются ярким маркером культурно-исторических связей Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке, причем наиболее вероятной является обменная интерпретация этих связей. Отсутствие месторождений меди, серебра и золота в изучаемом регионе дает основания считать импортом если не сами изделия, то сырье (в отличие от керамики, которая может быть подражанием, изготовленным местным мастером). Поэтому рассмотрение морфологии и технологических схем, применяемых при изготовлении металлических артефактов, а также их картографирование дает возможность реконструировать наиболее важные обменные пути населения Северо-Западного Причерноморья и прилегающих территорий в раннем бронзовом веке. Особое значение имеет не только учет захоронений с изделиями из металлов, но и предварительное соотнесение их с металлургической базой – конкретными рудниками и рудопроявлениями – возможными источниками сырья.

5.7. Феномен буджакской культуры.

В Северо-Западном Причерноморье среди обитавших здесь культур и культурных групп конца IV – III тыс. до н. э., безусловно, наиболее яркой была буджакская культура. Она привлекает внимание не только количеством связанных с нею погребальных памятников, но и длительностью своего существования (на протяжении всего рассматриваемого периода). Имеются все основания выделять ее как особую культуру в рамках ямной культурно-исторической общности, возникшую не на позднем этапе, а синхронно с началом формирования ямной КИО. Мы полагаем, что буджакская культура сложилась на основе местного энеолита, и ее население не является пришлым с востока, воспринявшим отдельные инокультурные традиции. О местном происхождении населения свидетельствуют данные антропологии (близость антропологических типов), параллели в погребальной обрядности и материальной культуре населения Северо-Западного Причерноморья позднего энеолита – раннего бронзового века.

Полагают, что к древним образованиям финала первобытной эпохи следует применить термин ранние комплексные общества (Массон, 1991, 1998). Они характеризуются усложнением социальных структур и их иерархией, становлением института лидеров, усложнением экономики, а также крупномасштабной организованной деятельностью. Племена буджакской культуры Северо-Западного Причерноморья можно по основным признакам соотнести с кругом комплексных обществ – видимо, на начальном этапе их формирования. Большой объем работ по возведению курганных насыпей и каменных подкурганных и надмогильных конструкций, необходимость регулирования общественных отношений определенного уровня и пр. актуализируют социальную роль и социальный статус лидеров.

Исходя из имеющегося свода радиоуглеродных дат и особенностей материального комплекса, в развитии буджакской культуры можно выделить два хронологических этапа: ранний (3100 – 2600/2500 ВС) и поздний (2600/2500 – 2200 ВС). Основным содержанием раннего этапа были формирование буджакской культуры, сосуществование с культурными группами позднего энеолита, восприятие инокультурных влияний, которые определили своеобразный ее облик, продвижение на соседние территории Юго-Восточной Европы. Развитие и некоторое видоизменение материальной культуры, перестройка связей, новые направления контактов, появление в ареале Северо-Западного Причерноморья катакомбного населения с востока, а также влияние этих событий на культурно-историческое развитие региона – составляют отличительные особенности позднего этапа.

Характерной чертой буджакского керамического комплекса является плоскодонность подавляющего большинства типов посуды; другой особенностью являются достаточно выраженные инокультурные параллели. Именно они, наряду с серией радиоуглеродных дат, на фоне курганной стратиграфии и планиграфии, послужили хронологическими реперами для выделения горизонтов или отдельных погребальных комплексов раннего и позднего этапов. Уже на раннем этапе были выработаны основные характерные для этой культуры керамические формы – так называемые буджакские банки, амфоровидные сосуды и амфоры. Среди доминирующих категорий керамики – горшки, преимущественно стройных пропорций с небольшим, прямым или отогнутым наружу венчиком. Процент округлодонных сосудов, традиционных во всем ареале ямной КИО, в Северо-Западном Причерноморье, крайне незначителен. В погребениях раннего этапа встречались миски, чаши, кувшины. С этим же этапом связаны металлические ножи определенной формы – ножи-«бритвы», при этом известны и ножи с овальным лезвием. В погребальном инвентаре встречались медные трубчатые пронизи, спиралевидные подвески, шилья, украшения из серебра. С ранним этапом соотносятся находки в погребениях деталей деревянных повозок. Позы погребенных и черты ритуала разнообразны. Помимо влияния культур местного энеолита и раннего бронзового века, на раннем этапе буджакской культуры реконструируются связи и

параллели с Днепро-Бугским ареалом ямной КИО, с культурами Юго-Восточной и Центральной Европы (Коцофени, Чернавода II, Езерово II, Эзеро, КША, КШК).

Изменения от раннего к позднему этапу проявляются в двух аспектах – развитие собственно буджакских характеристик и проявление инноваций, связанных с инокультурным влиянием. Керамический комплекс на позднем этапе несколько отличался от раннего: хотя существовали те же категории посуды, типы и варианты частично изменились. Горшки стали более унифицированы, они представлены, преимущественно, экземплярами стройных пропорций с высоким, отогнутым наружу венчиком, с максимальным расширением в средней части, имеется группа горшков приземистых пропорций. Банки и амфоровидные сосуды сохранили черты раннего этапа, но небольшая их часть характеризуется приземистостыми формами. К середине и второй половине III тыс. до н. э. можно отнести овальные экземпляры крупных амфор стройных пропорций, с высоким или коротким венчиком, чаще всего с узким дном. Кубки достаточно разнообразны, появляются формы, неизвестные на раннем этапе, а также украшенные шнуровым орнаментом. С поздним этапом связаны находки асков, некоторые редкие формы посуды. Расширяется ассортимент изделий из металла, кремня камня, кости, видоизменяются некоторые типы изделий. Медные/бронзовые ножи на позднем этапе характеризуются лишь одним типом – с овальной формой клинка, К этому же этапу относятся неизвестные ранее цельные медные браслеты, тесло с удлиненным лезвием. Находки в погребениях кремневого оружия (топоры, топоры, наконечники стрел и дротиков), вероятно, в большинстве своем также следует связывать с поздним этапом буджакской культуры. Отсутствуют повозки; имеются даты лишь для нескольких погребений, поэтому такой вывод несколько условен. Позы погребенных и черты погребальной обрядности на позднем этапе идентичны ранним, что не удивительно, учитывая консерватизм этого сегмента социальной и ритуальной жизни древних обществ.

На позднем этапе происходят изменения в культурном окружении буджакского населения, причем и в рамках ареала его обитания, и в окружающей ойкумене. Продвинувшись в середине III тыс. ВС с востока, в Северо-Западном Причерноморье распространяется катакомбное население. Продолжаются связи с культурами шнуровой керамики, некоторое время – с культурой шаровидных амфор, имеются параллели в керамическом комплексе с культурами Глина III-Шнекенберг, Мако-Косиги-Чака, Ливезиль, Винковци.

Таким образом, анализ археологического материала указывает на развитие и трансформацию материального комплекса буджакской культуры от раннего к позднему этапу, а также на изменение характера ее внешних связей. Деструкция буджакской культуры связана с последней четвертью III тыс. до н. э., когда около 2200 до н. э. (также с востока) приходит новое население, сопоставимое с культурным кругом Бабино. Остатки буджакских и катакомбных племен, по-видимому, были ассимилированы пришельцами. Их история, как и история новых культурных образований Европы, связана уже со II тыс. ВС до н. э.

Рассматриваемый нами хронологический период (конец IV – III тыс. до н. э.) характеризуется климатическим изменениями – усилением аридизации климата, эвстатическими колебаниями Черного моря. Тем не менее, наблюдается рост населения региона на фоне трансформаций жизненных условий, что свидетельствует о повышении его адаптивных возможностей. Исследователи отмечают, что в периоды кризисов в тех обществах, которые способны их преодолеть, потребность в трудовых ресурсах реализуется через повышение рождаемости (Кислий, 2004, с. 324). Уже позднеэнеолитическое население успешно адаптировалось и увеличило свою численность благодаря притоку мигрантов из ареала трипольской культуры, (т. е. из лесостепи в степь), что указывает на восприятие ими экологических условий Северо-Западного Причерноморья как благоприятных для переселения и для определенной трансформации производящей экономики из земледельческой в земледельческо-скотоводческую и скотоводческую. Тем не менее,

количество населения в этот период было существенно меньше, чем во время обитания в регионе буджакских племен. Буджакская культура зародилась в сформированной степной зоне и уже в достаточно аридных условиях, поэтому данная экологическая ситуация была для её населения отчасти привычной и естественной. Развитие буджакской культуры (значительное увеличение количества населения и распространение его в западном направлении) указывает не только на высокие адаптивные возможности ее носителей к изменяющейся природной среде (усиление аридизации), но и на изменения в различных сферах жизнедеятельности. Это проявилось в социальной сфере (формирование комплексного общества, института лидеров), производственной сфере (овладение процессами металлообработки, а также разработка инновационных приемов; освоение различных видов ремесленной деятельности), экономической сфере (расцвет производящего пастушеского хозяйства, установление обменных отношений с Юго-Восточной и Центральной Европой).

Аридизация способствовала развитию подвижного скотоводства (вероятно, отгонного характера). Помимо скотоводства, население занималось земледелием, причем выращивались не только просо – засухоустойчивая неприхотливая культура, но и пшеница однозернянка, пшеница мягкая карликовая и ячмень. О том, что эти зерновые не были продуктами обмена, указывают следы обмолотов в керамическом тесте и пыльца культурных злаков в сосудах из буджакских погребений (Кузьминова, 1990, с. 261–262). Набор культурных растений отличен от усатовского, который тяготеет к трипольскому (Кузьминова, 1990, с. 260); это говорит о своеобразии земледельческих навыков буджакских племен. В материальном комплексе буджакской культуры имеется представительная серия металлических артефактов. Орудия труда, связанные с металлообработкой (песты для дробления руды, литейная форма для отливки долотовидного орудия) свидетельствуют о местном производстве хотя бы части из них. Металлографические исследования указывают на наличие в Северо-Западном Причерноморье двух металлургических традиций и их параллельное использовании усатовскими и буджакскими металлургами, одна из которых была воспринята усатовцами из трипольского круга, а вторая, как считают специалисты, зародилась непосредственно в буджакской среде Северо-Западного Причерноморья (Каменский, 1990, с. 252). Такая ситуация позволяет предположить существование единого северо-западного (усатовско-буджакского) очага металлообработки, имеющего свои особенности. В отличие от других очагов Циркумпонтийской металлургической традиции, которые демонстрируют полное отсутствие связей с технологиями предшествующей (Балкано-Карпатской) металлургической провинции, население Северо-Западного Причерноморья продолжает развитие традиций предыдущего этапа, в то же время демонстрируя определенные инновации. Синкретические приемы были присущи металлургам и усатовской, и буджакской культур, хотя металлургия каждой из них имеет и свои особенности. В буджакских погребениях Северо-Западного Причерноморья наблюдается концентрация деревянных повозок (около двух десятков) – редкой находки и престижного символа в рамках ямной КИО. Не менее редкими и также престижными являются каменные шлифованные топоры и серебряные украшения, по количеству которых буджакская культура, безусловно, лидирует. Но, имея в распоряжении изделия из металлов и не обладая собственной меднорудной базой, буджакское население могло получать медную и серебряную руду (или изделия) только путем обмена. Этот процесс является двусторонним, должен был существовать еще один предмет обмена, который происходил бы из буджакской среды. В тех регионах, где проявляются связи с буджакской культурой, среди достоверных буджакских импортов каких-либо достойных эквивалентов металлу и руде не выявлено. Есть основания полагать, что буджакские (и усатовские) племена поставляли товар, который мог не сохраниться, тем не менее, являлся достаточно ценным в любую историческую эпоху, а именно – соль. Особые климатические условия в регионе способствовали естественным процессам солеобразования, тем самым повышая её

«рентабельность» и облегчая добычу. Другим компонентом племенного обмена мог быть скот, что широко практиковалось в различные исторические эпохи у различных народов.

Мы полагаем, что правы те исследователи, которые видят участие населения ямной КИО в процессах, происходивших в Балкано-Карпатском бассейне в эпоху ранней бронзы. Но результатом такого участия являлись не масштабные культурные трансформации в Европе, вызванные приходом «курганных культур» (концепция В.Г. Чайлда – М. Гимбутас), а возможные посреднические функции в передаче культурных влияний (Rassamakin, Nikolova A.V., 2008, p. 69; Wlodarczak, 2010). Сформировавшиеся обменные отношения, скорее всего, имели большее значение для самой буджакской культуры, нежели для культур энеолита и раннего бронзового века Юго-Восточной и Центральной Европы.

Подводя итоги отметим, что, на наш взгляд, буджакскую культуру следует расценивать как динамичное развивающееся общество, которое успешно занималось производящим хозяйством на фоне новой климатической ситуации. Эта культура доминировала в регионе на протяжении всего рассматриваемого нами хронологического периода. Позитивным явлением можно считать и продвижение буджакских племен на запад, приведшее к формированию Балкано-Карпатского ареала ямной КИО. В свое время еще Н.Я Мерперт отмечал, что междуречье Буга и Дуная было «важным плацдармом для вторжения степных племен в Подунавье и на Балканы» (Мерперт, 1982, с. 329). Действительно, Северо-Западное Причерноморье является ближайшим к Юго-Восточной Европе ареалом ямной КИО; к тому же материальная культура свидетельствует о связях двух регионов на протяжении всего III тыс. до н. э. Но сущность передвижек была несколько иной, чем это виделось и Н.Я. Мерперту, и другим исследователям. Из имеющихся интерпретаций буджакской миграции вполне можно исключить такие объяснения, как вынужденная миграция, военная экспансия, «первое крупномасштабное переселение эпохи бронзы» или «мощную волну степняков, которая ассимилировала на своем пути ряд местных культур» (Гимбутас, 2006, с. 444; Дергачев, 2000, с. 189, 190; Бочкарев, 2002, с. 48; Коробкова и др., 2005–2009, с. 224). Достаточно спорным является тезис о том, что ямная КИО была оказала мощное воздействие на процесс культурной трансформации Европы (Harrison, Heyd, 2007, p. 194–201; Демченко, 2013, с. 153). Возникновение синкретичных ямных анклавов в различных местностях Балкано-Карпатского ареала могло быть связано с продвижением к источникам металлов и установлению не только тесных контактов с местным населением (что отразилось в погребальных обрядах), но и отношений обмена природными ресурсами. Процесс расселения был постепенным и поэтапным, в нем участвовали сравнительно небольшие группы населения, в которых доминировали, судя по данным антропологии, лица мужского пола. Это и определило включение мигрантов не только в экономическую, но и в социальную жизнь населения местных культур – вероятно, во многом через брачные связи. А.Е. Кислым проанализированы с точки зрения демографии причины участия в дальних экспедициях и переселениях в эпоху бронзы, преимущественно, мужского населения – диспропорция полов, маскулинизация обществ (Кислый, Каприцын, 1994; Кислий, 2004; Кислый, 2011). Местная керамика, порой, черты местного погребального ритуала в ямных погребениях свидетельствуют о синкретизме – как одной из характерных черт Балкано-Карпатского варианта ямной КИО. Еще одной особенностью была связь между анклавами, а также с исходной территорией – Северо-Западным Причерноморьем.

В период конца IV – III тыс. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье исторические процессы определялись существованием здесь позднеэнеолитических групп населения, усатовской культуры раннего бронзового века, но в значительной степени – развитием, разнонаправленными связями и взаимодействиями двух больших культурно-исторических общностей – ямной и катакомбной. С первой из них была связана местная буджакская культура, а со второй – пришлое население, преимущественно, ингульской культуры; при незначительном проникновении носителей других катакомбных традиций. Около 2200 ВС в

Северо-Западном Причерноморье появляется население культурного круга Бабино, по-видимому, ассимилировавшее своих предшественников.

5.8. Миграции в контексте археологии и генетики

Проведенный нами анализ археологических материалов (на фоне данных естественных наук) показал, что буджакские племена не испытывали кризиса в период имевшей место аридизации климата, поскольку данные экологические условия способствовали развитию производящего хозяйства – подвижного скотоводства, основы экономической жизни населения. Кроме того, носителями буджакской культуры была создана обменная сеть, охватившая значительную территорию Юго-Восточной и Центральной Европы; основой ее был обмен природными ресурсами. Данная реконструкция созвучна мнению исследователей о том, что в эпоху бронзы складывается тенденция построения торговых сетей, с локализацией социально значимых объектов в «узлах» этих сетей (Jaeger, Czebreszuk, 2010, s. 232).

Движение артефактов шло из Карпато-Балканского региона в Северо-Западное Причерноморье, а оттуда – в восточном (за Южный Буг) и северном (вверх по течению Днестра) направлениях. У истоков этих отношений находились усатовские племена. Импортировалась медная руда, возможно и изделия из нее, серебряные украшения, а также «экзотические» товары из Передней Азии и Восточного Причерноморья, что особенно проявилось в усатовском погребальном инвентаре (Петрунь, 2000). Часть импортных изделий могла поступать транзитом в другие регионы ямной КИО, это подтверждается находками в этих областях серебряных височных подвесок. В Карпато-Балканский регион из Северо-Западного Причерноморья могла транспортироваться соль. Таким образом, наши выводы вполне согласуются с мнением исследователей, определяющих бронзовый век, как век торговли (Kristiansen, Larsson, 2005).

На основании углубленного археологического и генетического анализа А Г. Никитин предположил, что генетическое «вторжение» ирано-кавказского элемента в Европу в начале бронзы было не результатом миграции представителей ямной культурно-исторической общности, а следствием глобальных популяционных и культурных изменений в Евразии в конце атлантического климатического оптимума. До того, как в Европу попала степная генетика в начале бронзы, в степи оказалась центрально-европейская генетика в энеолите, а перемещение степного элемента в Европу было, по крайней мере отчасти, второй фазой «маятниковой» миграции европейских экспатриантов, возвращавшихся в историческую зону обитания (Иванова, Никитин, Киосак, 2018). Мы также приходим к выводу, что группы кочевых племен Понто-Каспийской степи, скорее всего, существовали как дискретные сообщества, хотя и объединённые общей идеологией и генетическим родством, включавшим в себя как ирано-кавказский (по всему ареалу), так и европейский фермерский (локально) генетические элементы.

Вопросы происхождения, развития, трансформации археологических культур часто связывают с перемещением групп населения на новые территории. Особое внимание представителями различных наук уделяется ЯКИО, поскольку именно с ней ряд исследователей связывает миграцию предков индоевропейцев в Европу. Несмотря на то, что многие археологи отказались от концепции Г. Чайлда - М. Гимбутас об индоевропейском нашествии на запад «курганных культур», тем не менее, существуют приверженцы точки зрения Н. Я. Мерперта о сложении ямной культуры в Волго-Уральском регионе и распространении её на другие территории. На основании сравнения геномных маркеров из останков представителей волго-уральской ЯК и представителей Европейских популяций от мезолита до бронзового века, западные археогенетики недавно предложили свой вариант концепции массовой миграции представителей этой культуры из Понто-Каспийской степи в Центральную Европу (Haak et al. 2015).

Анализ археологических данных, сопоставление их с результатами изотопного анализа позволили нам прийти к определенным выводам, которые не согласуются с данной концепцией. С одной стороны, они связаны с географическим аспектом, который указывает на тот факт, что предполагаемая миграция демонстрирует масштабное переселение из одной географической зоны (восточноевропейская степь) в другую – зону лесов. Такое резкое изменение хозяйственной парадигмы является весьма сомнительным. Кроме того, на наш взгляд, основные связи прослеживаются между европейскими культурами энеолита раннебронзового века и западным крылом ЯКИО – в основном с буджакской культурой Северо-Западного Причерноморья, а не с Волго-Уральским регионом (откуда брался материал для генетического исследования ЯКИО). Следовательно, исходной территорией, откуда степное население могло продвинуться в Балкано-Карпатский регион и, возможно, в Центральную Европу, следует считать ареал распространения буджакской культуры и ее генетических предшественников.

Именно из Северо-Западного Причерноморья начинался «дунайский путь ямной культуры» (Wlodarczak, 2010). Заметим, что и антропологические типы, характерные для Волго-Уралья, отсутствуют на западе Степного Причерноморья и в Степном Причерноморье в целом (Круц, 1997), что еще более уменьшает достоверность существования «восточной прародины» ямной КИО. Не решен однозначно вопрос и о причинах переселения ямного населения на запад. На наш взгляд, возникновение синкретичных ямных анклавов в различных местностях Балкано-Карпатского ареала могло быть связано с продвижением к источникам металлов и установлением не только тесных контактов с местным населением (что отразилось в погребальных обрядах), но и отношений обмена природными ресурсами. Процесс расселения был постепенным и поэтапным, в нем участвовали сравнительно небольшие группы населения, в которых доминировали, судя по данным антропологии, лица мужского пола. Это и определило включение мигрантов не только в экономическую, но и в социальную жизнь населения местных культур – вероятно, во многом через брачные связи.

Археологи чаще всего могут фиксировать проявление инноваций в материальной культуре. Но перемещение артефактов не всегда связано с перемещением населения. Казалось бы, более определенные ответы могут дать антропологи и генетики, реконструируя продвижение на другие территории носителей определенного антропологического типа или генетических мутаций. Но полученные выводы достаточно противоречивы, на что уже обращалось внимание (Клейн 2016, 2017 и др.). Данные генетиков о связи восточного крыла носителей ямной культуры («самарских ямников») с группами культур шнуровой керамики, казалось бы, подтвердили выводы, имеющие многолетнюю историю: именно миграция «ямников» в Центральную и Северную Европу привели к её индоевропеизации и изменению генофонда. Но вне поля зрения генетиков осталась территория многих регионов ямной кульутры, которая не является однородной: именно различия в материальной культуре способствовали выделению в ней отдельных локальных вариантов и культур.

С точки зрения генетики существует факт наличия общих генетических детерминантов у населения ямной КИО и КШК. За время после выхода статей, показавших эту связь (Allentoft et al. 2015; Haak et al. 2015; Mathieson et al. 2015), в обсуждениях результатов генетиками и археологами укрепилась идея, что причиной этой связи служит происхождение культур шнуровой керамики от ямной. Идея эта развивалась параллельно с основной идеей о массовой миграции представителей ямной КИО в Европу (Haak et al. 2015). Проблема в том, что с археологической точки зрения ни эта массовая миграция, ни происхождение «шнуровиков» от «ямников» не прослеживаются. Тем не менее, если нет оснований говорить о масштабных миграциях, необходимо объяснить выводы генетиков о сходстве по генофонду населения КШК Европы с носителями ЯКИО и ряд других вопросов.

Согласно генетическим данным, общий генетический элемент в ямной КИО и в КШК начинает прослеживаться у представителей хвалынской культуры из южного Урала (Самара) в энеолите (Mathieson et al. 2015). До его появления генетической подосновой в Понто

Каспийской степи являлись детерминанты на основе местного мезолита, по большей части сходные у хвалынцев и культур, оставивших после себя могильники Мариупольского типа (Mathieson et al. 2017). В начале энеолита в Самарской степи и в Днепровском Надпорожье появляется генетический элемент иранских неолитических фермеров с примесью кавказского элемента охотников и собирателей, но один от другого отделить не всегда возможно. Этот элемент становится преобладающим у самарских и нижнеднепровских ямных племен в раннем бронзовом веке. Одновременно этот элемент появляется и в юго-западном Причерноморье (энеолитический некрополь Варна I, 4600 4500 до н.э. и некрополь бронзового века в Медникарово, юго-восточная Болгария, 3000 2900 до н.э.) (Mathieson et al. 2017). В то же время в медникаровской и нижнеднепровской (Озера) пробах также присутствует генетический элемент, характеризующий неолитических фермеров Анатолии и Европы. Происхождение ирано-кавказского элемента и начало (и локализация) его появления в Понто Каспийской степи остаются неясными, но ясно то, что этот элемент присутствовал на всем степном ареале от Самары до Варны, по крайней мере, с энеолита. Неясно также и появление Анатолийского фермерского элемента у ямного населения юго-восточной Болгарии и Украины (Иванова, Никитин, Киосак, 2018).

Нами проанализирована археологическая и культурная ситуация в Северо-Западном Причерноморье в позднем энеолите – раннем бронзовом веке. Этот регион, судя по археологическим артефактам, теснее других был связан с миром Центральной Европы и Балкано-Карпатским ареалом в позднем энеолите и раннем бронзовом веке (рис. 5; 6). Следовательно, в нем могут быть найдены ответы на наиболее актуальные вопросы, посвященные гипотетическим миграциям. Исследователи отмечают тенденцию построения торговых сетей, с локализацией социально значимых объектов в «узлах» этих сетей (Jaeger, Czebreszuk, 2010, s. 232; Иванова, 2010). Поэтому концепции миграций и переселений, возродившиеся в последнее время, должны уступить место иным, не столь радикальным. Мы полагаем, что население Европы в энеолите и бронзовом веке активно осваивало торговые пути, связывающие порой весьма отдаленные территории, передвигаясь в различных направлениях и возвращаясь, возможно, не в полном составе, в места изначального обитания.

Исследования ДНК позволяют говорить о том, что население ЯКИО было генетически достаточно однородно, хотя и с присутствием локальных региональных особенностей, таким образом, демонстрируя разнообразие генетических интеграций как с запада, так и с востока. Именно данные генетики, на наш взгляд, позволят поставить точку в 100-летнем споре о происхождении ямной культуры. По-видимому, есть достаточно данных признать формирование ЯКИО на разнообразной основе местных энеолитических культур и культурных групп, а не на монокультурном субстрате.

Для объяснения присутствия генетического сходства носителей культур шнуровой керамики Центральной Европы и «ямников» Волго-Самарского междуречья предложен целый ряд моделей. Среди них – и контакты через малоизученные археологически (и в особенности палеогенетически) регионы («лесной коридор»), и распространение общего компонента из некоего единого центра во время, предшествующее раннему бронзовому веку, и многочисленные, хотя и не такие масштабные, подвижки разнообразного по происхождению энеолитического населения степи, лесостепи и Карпато-Дунайского региона, которые привели к «просачиванию» степного генетического наследия в центральноевропейский регион (движения «туда и обратно», «маятниковые», «циркулярные» миграции и т.д.). Медленное проникновение степных компонентов в первоначально все-таки достаточно однородный культурно и генетически мир ранних земледельцев фиксируется многократно в течение энеолита и заслуживает отдельного рассмотрения.

Генетическое сходство населения Центральной Европы и Понто-Каспийской степи могло сформироваться в течение энеолита и представлять собой закономерное следствие

«генетической реконкисты», когда генетический набор ранних земледельцев, доминирующий в неолите, медленно уступал первенствующее положение древнеевропейским и восточным генетическим детерминантам.

Данные генетики в некоторой степени служат дополнительным аргументом против концепций исследователей, которые ее формирование связывают с единым центром, независимо от локализации этого центра (Волго-Уральский регион, Днепро-Азовский) и единой культурой (хвалынской или среднестоговской), либо с хвалынско-среднестоговской общностью, или же синтезом среднестоговской и репинской культур. Рассмотрение ямной КИО в различных её аспектах (археологическом, генетическом, антропологическом) позволяет пересмотреть характер продвижения ямного населения на запад и признать его не миграцией, а интрузией, т.е. своеобразным «внедрением» в местную среду. Можно предположить, что имела место «торговая колонизация» с образованием анклавов, включающих в себя пришлое и местное население и постепенным продвижением на запад. Исходной территорией следует признать Северо-Западное Причерноморье (Иванова, Никитин, Киосак, 2018).

Схема Н.П. Герасименко (1997; 2004)		Схема Л.Г. Безусько (2009)		Схема К.В. Кременецкого (1991)		Схема Е.А. Спиридоновой, А.С. Алешинской (1999)	
фаза, временной интервал	характеристика климата юга Украины	фаза	датировки по ^{14}C	фаза	датировки по ^{14}C	фаза	характер климатических изменений
PB-1 (10300 – 9500 л.н.)	Высокая увлажненность и значительно холоднее, чем сейчас	PB-1	10500±2900 л.н.	PB-1			
PB-2 (9500-9000 л.н.)	Относительное похолодание и аридизация	PB-2		PB-2		BO-1 9500-9300 л.н.	Потепление
BO-1 (9000-8400 л.н.)	Появление широколистных пород, климат холоднее и влажнее современного	BO-1		BO-1		BO-2 9300-9000 л.н.	Похолодание
BO-2 (8400-8000 л.н.)	Редукция широколистных пород на фоне аридизации	BO-2		BO-2		BO-3 8600-8300 л.н.	Потепление
		BO-3	8020±70 л.н.	BO-3		BO-3 8200-7900 л.н.	Похолодание
7800-7400 л.н.	Климат более теплый и влажный, по сравнению с современным	AT-1	От 7820±80 до 7030±70 л.н.	AT-1	7030±70 до 6260±80 л.н.	AT-1 7200 л.н.	Потепление
7400-6900 л.н.	похолодание и аридизация климата						
6900-6300 л.н.	оптимум влажности, распространение	AT-2	От 6910±60 до 6140±100 л.н.	AT-2	5850±80 л.н.		Похолодание

Таблица 5.1. Схемы климатической эволюции в Северо-Западном Причерноморье в голоцене

(по: Иванова, Киосак, Виноградова, 2011; выполнена Е.И. Виноградовой)

Продолжение таблицы 1

	широколиственных пород						
6300-5800 л.н.	редукция широколиственной и распространение степной растительности					АТ-2 около 6000 л.н.	
5800-5300 л.н.	термический оптимум при некотором снижении влажности	АТ-3	От 6100±800 до 4960±200 л.н.	АТ-3	От 5260±60 л.н. до 4520±50 л.н.	АТ-3 5600-5300 л.н	Максимальное потепление
5300-4800 л.н.	фаза аридизации климата						
SB-1 (4600-4100 л.н.)	климат более холодный и влажный, чем современный	SB-1	от 4520±50 до 4160±80 л.н.	SB-1	3820±70 л.н.	SB-1 4500 л.н.;	Похолодание
SB-2 (4100-3300 л.н.)	аридизация климата	SB-2	от 3850±130 до 3280±80 л.н.			SB-2 4000 л.н.	Потепление
SB-3A (3300-2900 л.н.)	Увлажнение климата	SB-3	3100±200 л.н.	SB-2			
SB-3B (2900-2600 л.н.)	Иссушение климата				2270±50 л.н.		
SA-1A (2600-2200 л.н.)	Похолодание и увлажнение климата	SA-1	От 2700±50 до 2240±80 л.н.	SA-1		SA 2200 и 1000 л.н.	Потепление
SA-1B (2200-1600 л.н.)	Потепление и увеличение сухости				От 2130±100		
SA-2A (1600-	Похолодание с двумя субфазами:	SA-2	От 1510±120	SA-2			

Окончание таблицы 5.1.

1200 л.н.)	увлажнение (1600-1500 л.н.), аридизация (1500-1200 л.н.)		до 870±80 л.н.		до 840±50 л.н
SA-2B (1200-800 л.н.)	Потепление и увлажнение				
SA-3A (800-130 л.н.)	Общая тенденция к похолоданию и росту засушливости климата	SA-3	От 630±90 до 350±50 л.н.	SA-3	
SA-3B (от 130 л.н.)	Современное потепление				

PB-1, PB-2 – пребореал ранний и поздний; BO-1, BO-2 – бореал ранний и поздний; AT-1, AT-2, AT-3 – атлантик ранний, средний и поздний SB-1, SB-2, SB-3 – суббореал ранний, средний и поздний; SA-1, SA-2, SA-3 – субатлантик ранний, средний и поздний

Таблица 5.2

Вес серебряных и золотых украшений из погребений Северо-Западного Причерноморья и Юго-Восточной Европы

Вес (в гр.)	Количество витков	Памятник	Металл, проба
0,78	3	Глубокое 1/7	Золото,750
0,9	1,5	Брэвичень 4/4	Золото 750
1,33	2	Плавни 26/7	Золото,900
4,42	2,5	Тараклия 14/3	Золото 958
0,134	1	Островное 2/7	Серебро
0,135	1	Островное 2/7	Серебро
0,36	1,5	Корпач 2/12	Серебро 960
0,42	1,5	Брэвичень 7/2	Серебро 960
0,43	2,5	Бедражий Вэкь 25/12	Серебро 1000
0,43	1	Тецканы 1/10	Серебро 1000
0,46	1,5	Бедражий Вэкь 6/7	Серебро 1000
0,49	1	Брэвичень 7/2	Серебро 960
0,57	1	Корпач 2/12	Серебро 960
0,593	1	Ясски 1/18	Серебро
0,644	1	Парапоры 1/20	Серебро
0,67	2,5	Казаклия 3/7	Серебро 925
0,81	1	Рошканы 1/19	Серебро 1000
0,846	2,5	Ясски 1/18	Серебро
0,90	1,5	Ясски 5/22	Серебро
0,929	3	Островное 2/6	Серебро
0,972	3	Островное 2/6	Серебро
1,079	2	Островное 2/7	Серебро
1,258	2,5	Холмское 2/37	Серебро
1,48	1,5	Бедражий Вэкь 13/7	Серебро 1000
1,566	2	Шевченково 3/6	Серебро
1,566	2	Шевченково 3/6	Серебро
1,61	1	Рошканы 1/19	Серебро 925

1,715	1	Лиман 7/3	Серебро

Продолжение таблицы 5.2.

1,720	2,5	Ясски 1/18	Серебро
1,74	2,5	Казаклия 3/7	Серебро 1000
1,866	3	Утконосовка 6/1	Серебро
2,02	1,5	Бедражий Вэкь 13/7	Серебро 1000
2,219	1,5	Огородное,1980/6	Серебро
2,230	1,5	Огородное,1980/6	Серебро
2,44	1,5	Талмаз 3/14	Серебро 1000
2,530	1	Лиман 7/3	Серебро
2,63	2,5	Тирасполь 3/18	Серебро 925
2,79	1,5	Жюржюлешть 1/9	Серебро 916
2,94	4	Курчи 20/16	Серебро
2,947	2	Утконосовка 6/1	Серебро
2,96	1,5	Талмаз 3/14	Серебро 1000
3,26	4	Курчи 20/16	Серебро
3,919	4,5	Доброалександровка 1/5	Серебро
4,52	1,5	Бедражий Вэкь 6/7	Серебро 1000
4,759	1,5	Катаржино 1/11	Серебро
5,13	1,5	Жюржюлешть 1/9	Серебро 925
6,49	1,5	Жюржюлешть 1/9	Серебро 916
0,7	1,5	Горан-Слатина 3/3	Золото
2,1	1,5	Горан-Слатина 2/4	Золото
2,1	1,5	Горан-Слатина 2/4	Золото
3,9	1,5	Шарретудвари 1/4	Серебро
6,1	1,5	Шарретудвари 1/4	Золото
8,37	1,5	Шарретудвари 1/7	Золото
10,1	1,5	Шарретудвари 1/7	Серебро

(источники: Панайотов, 1989; Dani, Nipper, 2006; Иванова, 2007; Никулица, 2009)

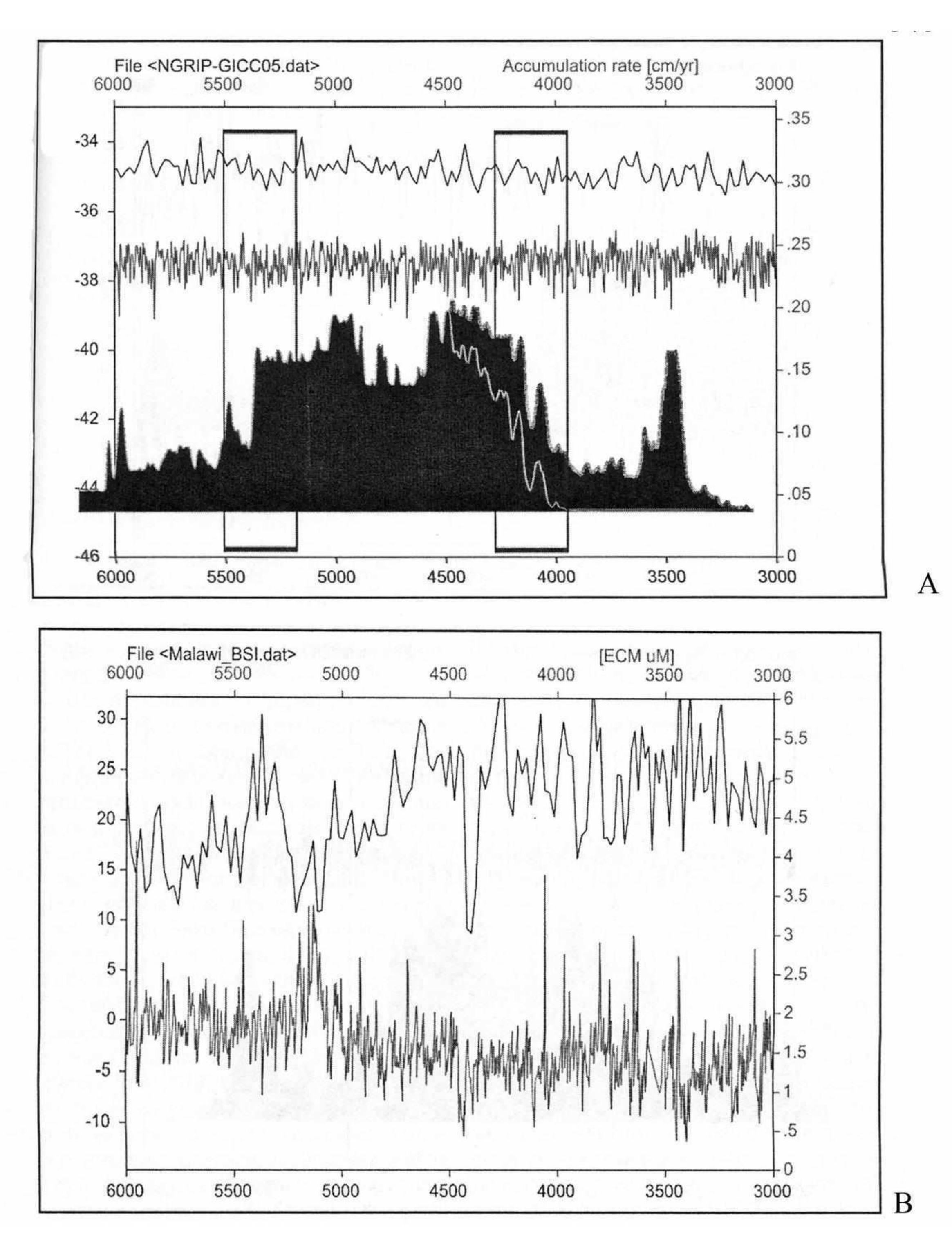

Рис. 5.1. Климатические осцилляции 5300 и 4200 cal. BP:

А - верхний график – изменение дельты 018 (отражает колебания температуры), нижний график – отражение скорости аккумуляции (отражает влажность), график с заполнением – сумма радиоуглеродных дат археологических памятников Северо-Западного Причерноморья);
В - верхний график - изменение концентрации биогенного SiO2 (BSI) – параметра, тесно связанного с засушливостью климата (оз. Малави), нижний график – электропроводимость (ЕСМ), показатель, связанный с количеством пылевых частиц, характеризующих аридные периоды; '
(по: Иванова и др., 2011; выполнены Д.В. Киосаком)

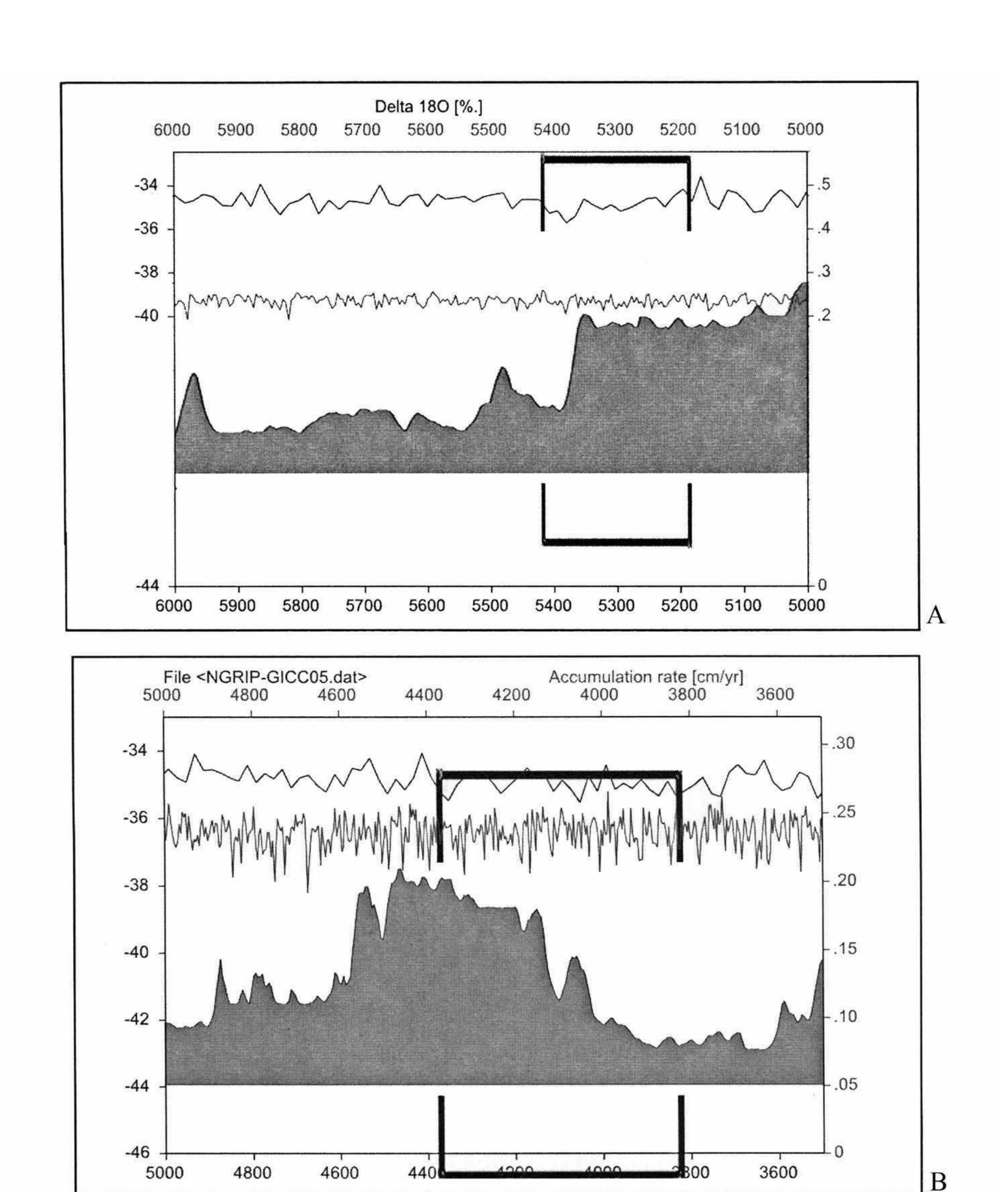

Рис. 5.2. Механизм событий 5300 и 4200 calBP и радиоуглеродная хронология раннего бронзового века Северо-Западного Причерноморья:

А- верхний график – изменение дельты 018, нижний график – изменение скорости аккумуляции;
В – верхний график - изменение дельты 018, нижний график – изменение скорости аккумуляции;
График с затемнением на рисунках А и В – сумма радиоуглеродных дат.
(по: Иванова и др., 2011, выполнены Д.В. Киосаком)

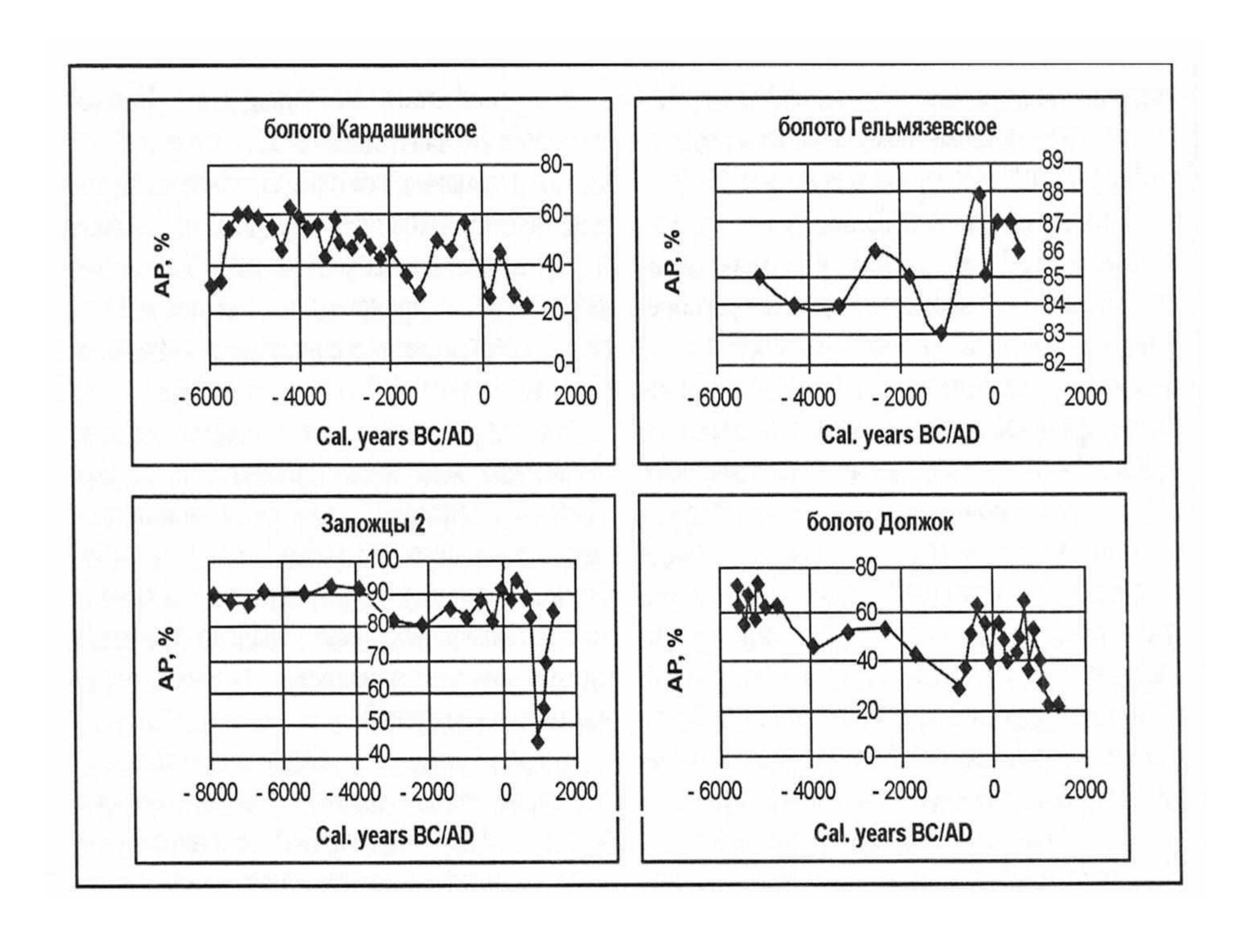

Рис. 5.3. Изменение содержания пыльцы древесной растительности (AP, %) в споро-пыльцевых спектрах на протяжении голоцена;

(по: Иванова и др., 2011, выполнены Е.И. Виноградовой)

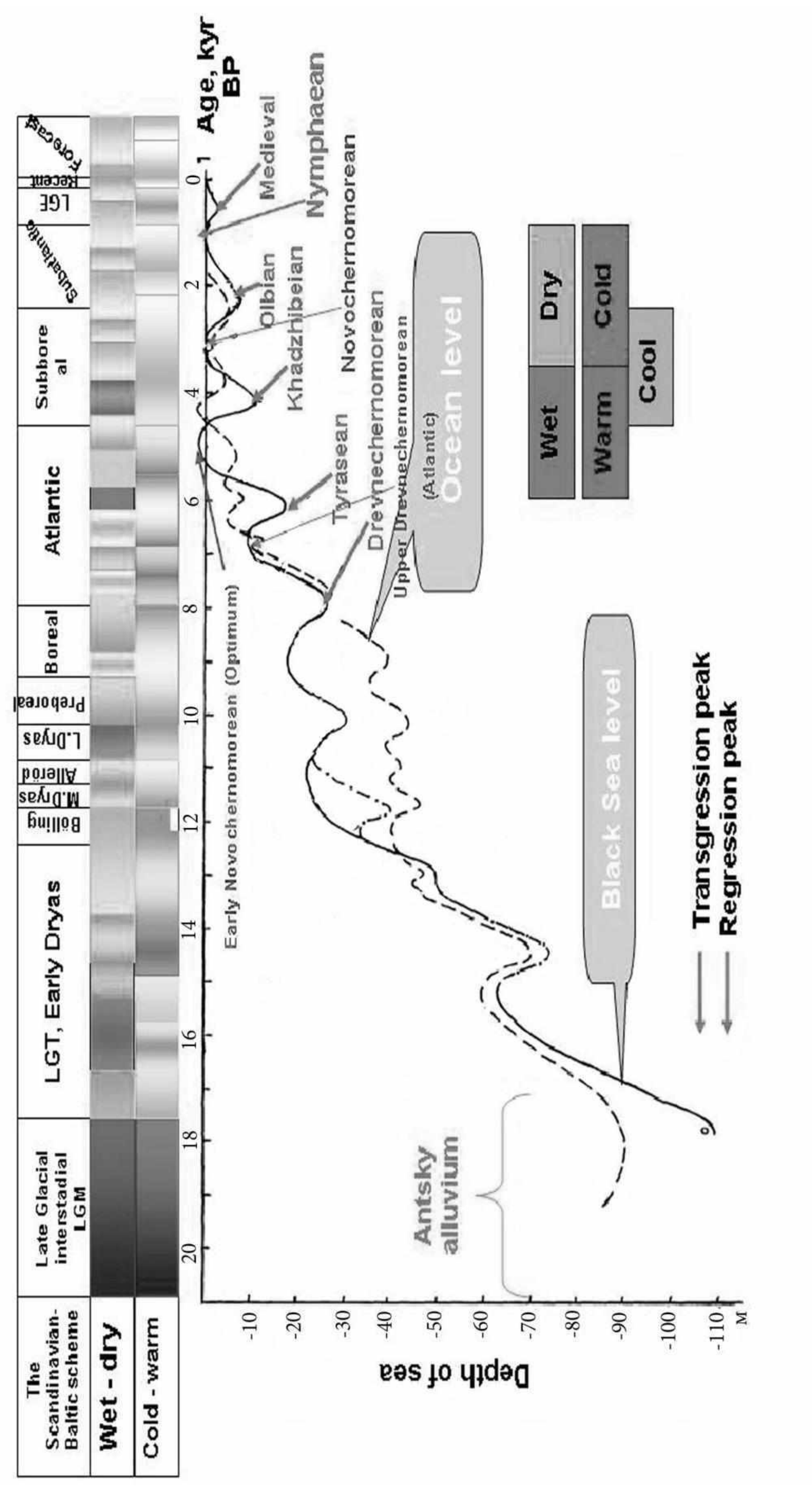

Рис. 5.4. Палеоклиматолого-географическая реконструкция Северо-Западного Причерноморья от последнего гляциального интерстадиала до наших дней

(по: Konikov, Ivanova, Vinogradova, 2010; выполнена Е.Г. Кониковым)

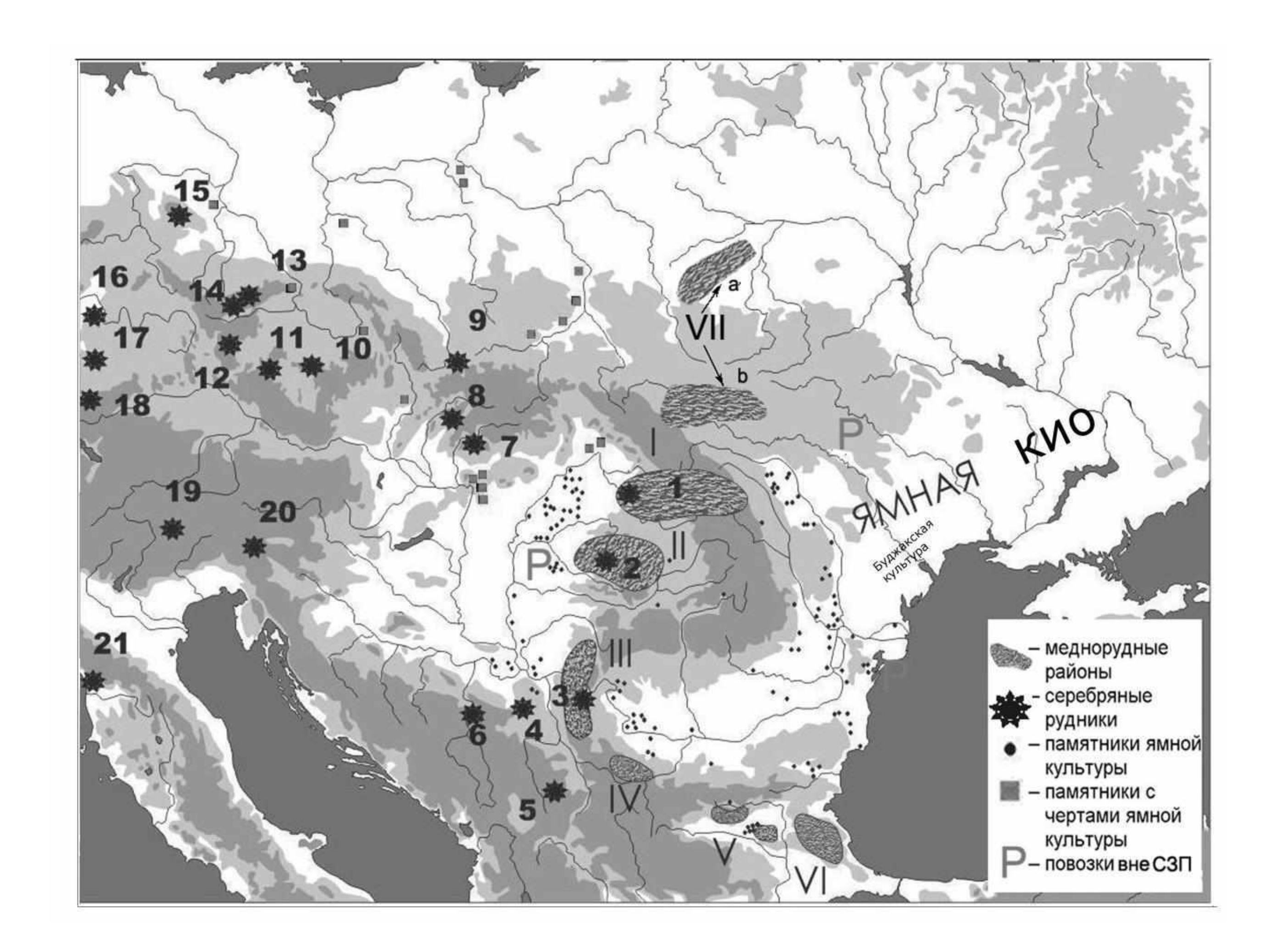

Рис. 5.5. Расположение меднорудных зон (по: Черных Е.Н., 1976; Клочко, 2004), **серебряных рудников и памятников Балкано-Карпатского варианта ямной КИО**

Аннотация к рис. 5.5. Расположение меднорудных районов (по: I-VI – Е.Н. Черных, 1976; VII – Клочко, 2004), **серебряных рудников и памятников Балкано-Карпатского варианта ямной КИО:**

Меднорудные районы: I – Северная часть Восточных Карпат (районы Бая-Маре, Родна, Бая-Борша, Южная Буковина); **II** – Западные Румынские горы (Апусени), рудные районы Металич и Бихор; **III** – Группа месторождений Банат, Бор, Видин; **IV** – Врачанская группа; **V** – Верхнефракийская группа; **VI** – Странджа; **VII** – a – самородная медь Волыни; b – медистые песчаники.

Современные серебряные рудники: 1 – Байя-Сприе, Кавник; 2 – горы Апусени, Вереспаток (Абруд); 3 – группа месторождений Бор, Рудна Глава, Майданпек; 4 – Рудник; 5 – Ново-Брдо; 6 – Сребреница; 7 – группа месторождений Шемниц, Пуканек, Нова Баня; 8 – Кремница; 9 – Олькуш.

Памятники, упоминаемые в работе: 1– Эсслинг; 2 – Нойзидль-ам-Зее; 3 – Генью; 4 – Шарретудвари-Орхалом, Балмазуйварош; 5 –Деваванья, Кетедьхаза; 6 – Войка, Ябука, Панчево-Три Буки; 7 – Батайника; 8 – Рогойевац, Перлез; 9 – Вербица; 10 – Тырнава, Кнежа, Хырлец; 11 – Раст Сика де Кымп; 12 – Байя де Криш; 13 – Зимнича; 14 – Горан-Слатина; 15 – Стара Загора; 16 – Нова Загора, Сыбрано; 17 – Трояново, Голяма Детелина; 18 – Ямбол, Бояново; 19 – Мадара, Невша; 20 – Плачидол, Езерово; 21 – Аричешти-Рахтивань; 22 – Плоешти-Трияж; 23 – Гурбанешти; 24 – Смеени; 25 – Браилица; 26 – Михай Браву; 27 – Налбант; 28 – Лункавица; 29 – Килия Векь; 30 – Лиешти; 31 – Главанешти; 32 – Валя Лупулуй

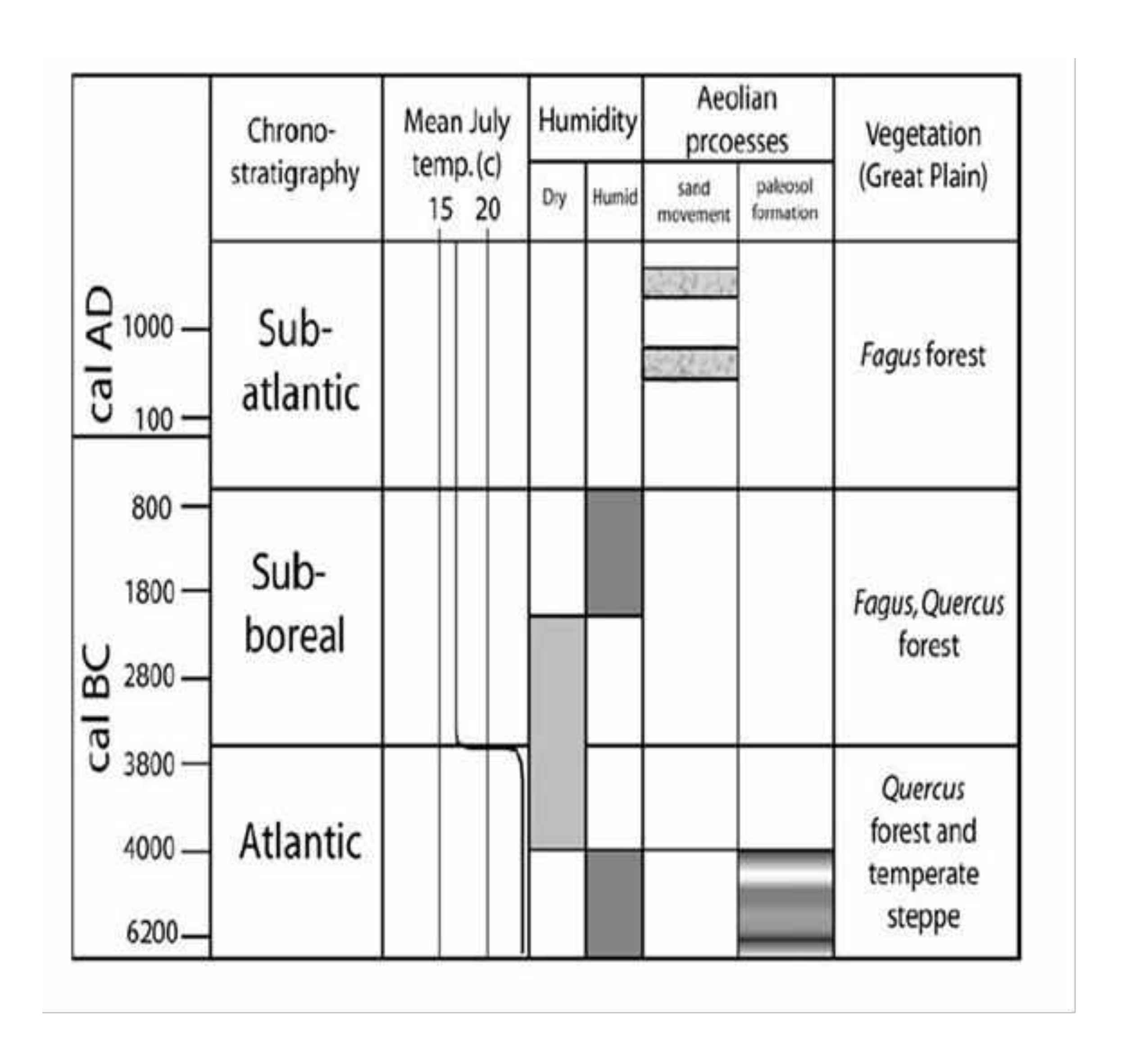

Рис. 5.6. Хроностратиграфия бассейна Паннонии в голоцене

(по: Duffy, 2010)

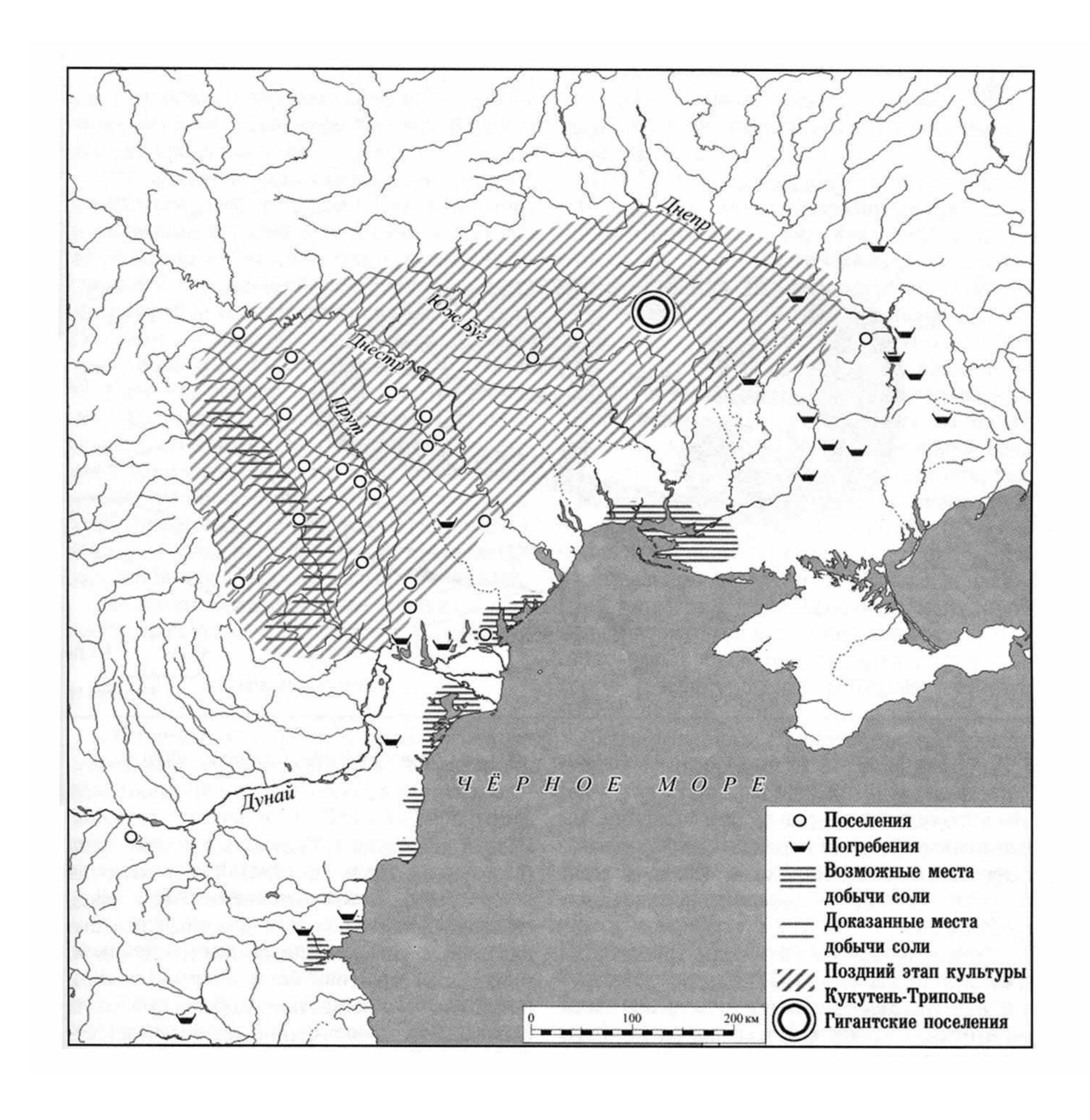
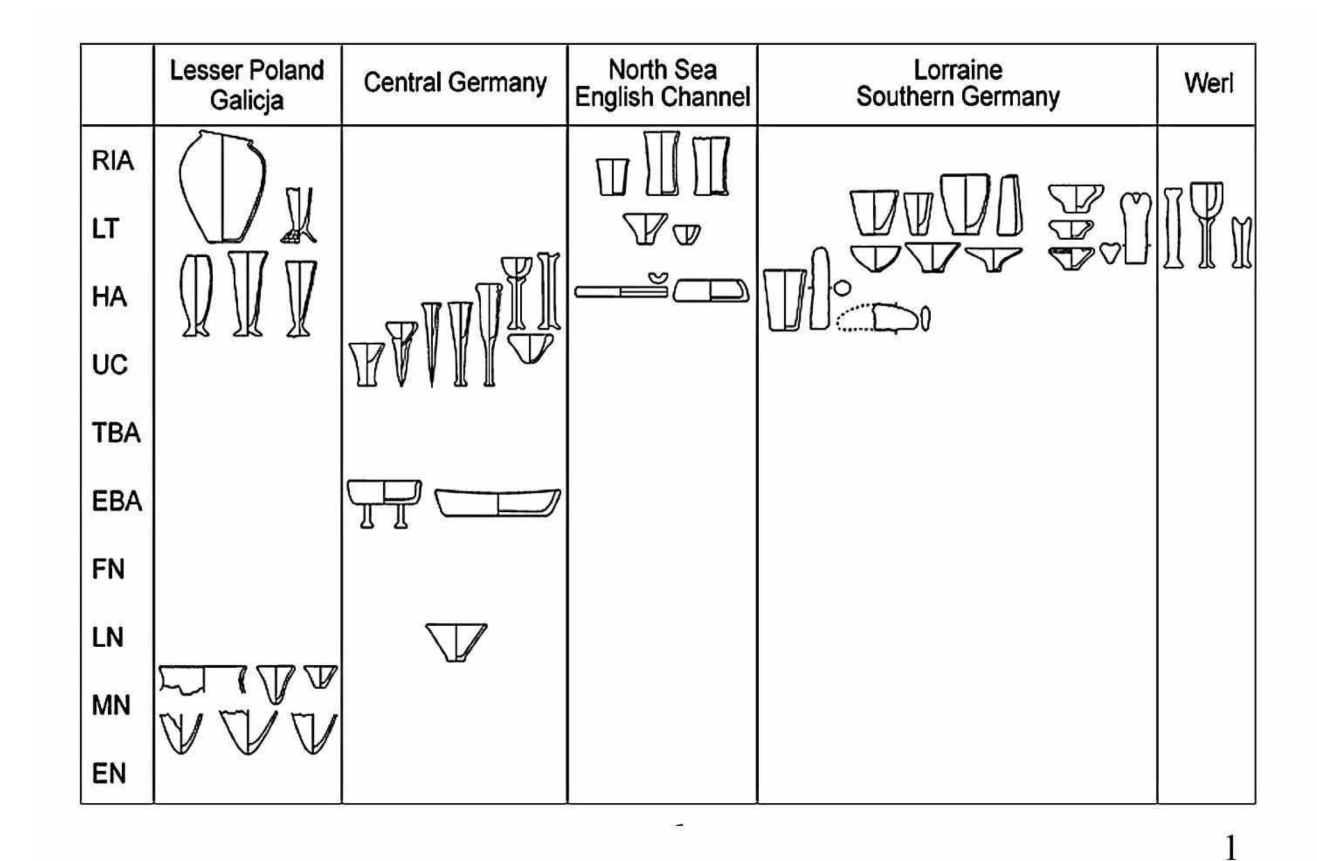

Рис. 5.7. Потенциальные районы добычи соли в неолите

(по: Monah, 2008)

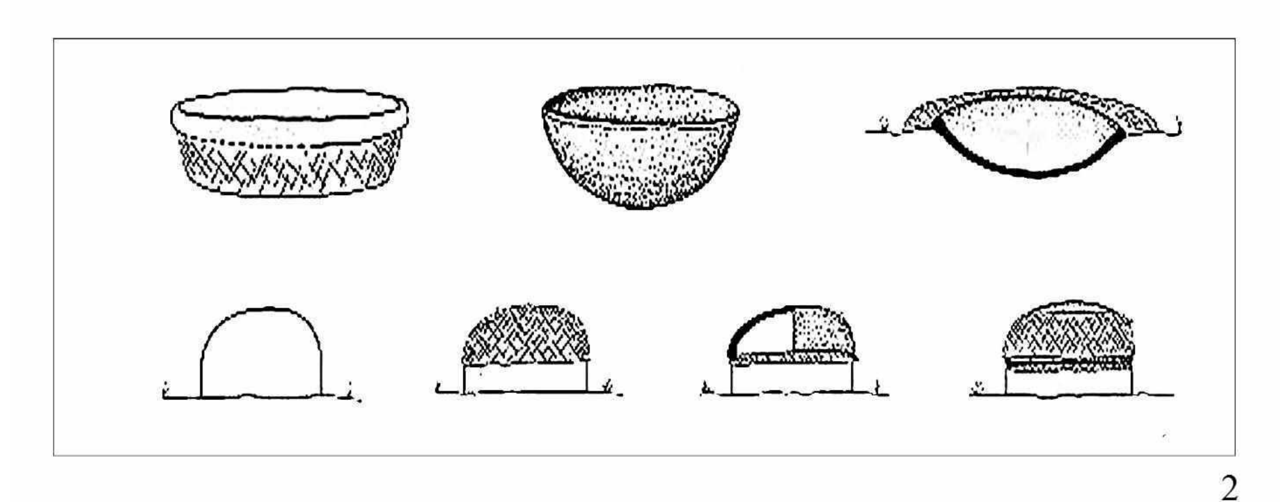

Рис. 5.8. Развитие форм для брикетажа соли в различных регионах:

1 - Центральная Европа от неолита до римской эпохи. Условные обозначения: EN - Early Neolithic; MN - Middle Neolithic; LN -Late Neolothic; FN - Final Neolothic; EBA - Early Bronze Age; TBA - Tumulus Bronze Age; ETC - Urnfield Culture; HA - Hallstatt; LT - La Tene; RIA - Roman Iron Age;
2- брикетаж соли у индейцев Северной Америки;
(по: 1 - Saile, 2008; 2 - Brown, 1981)

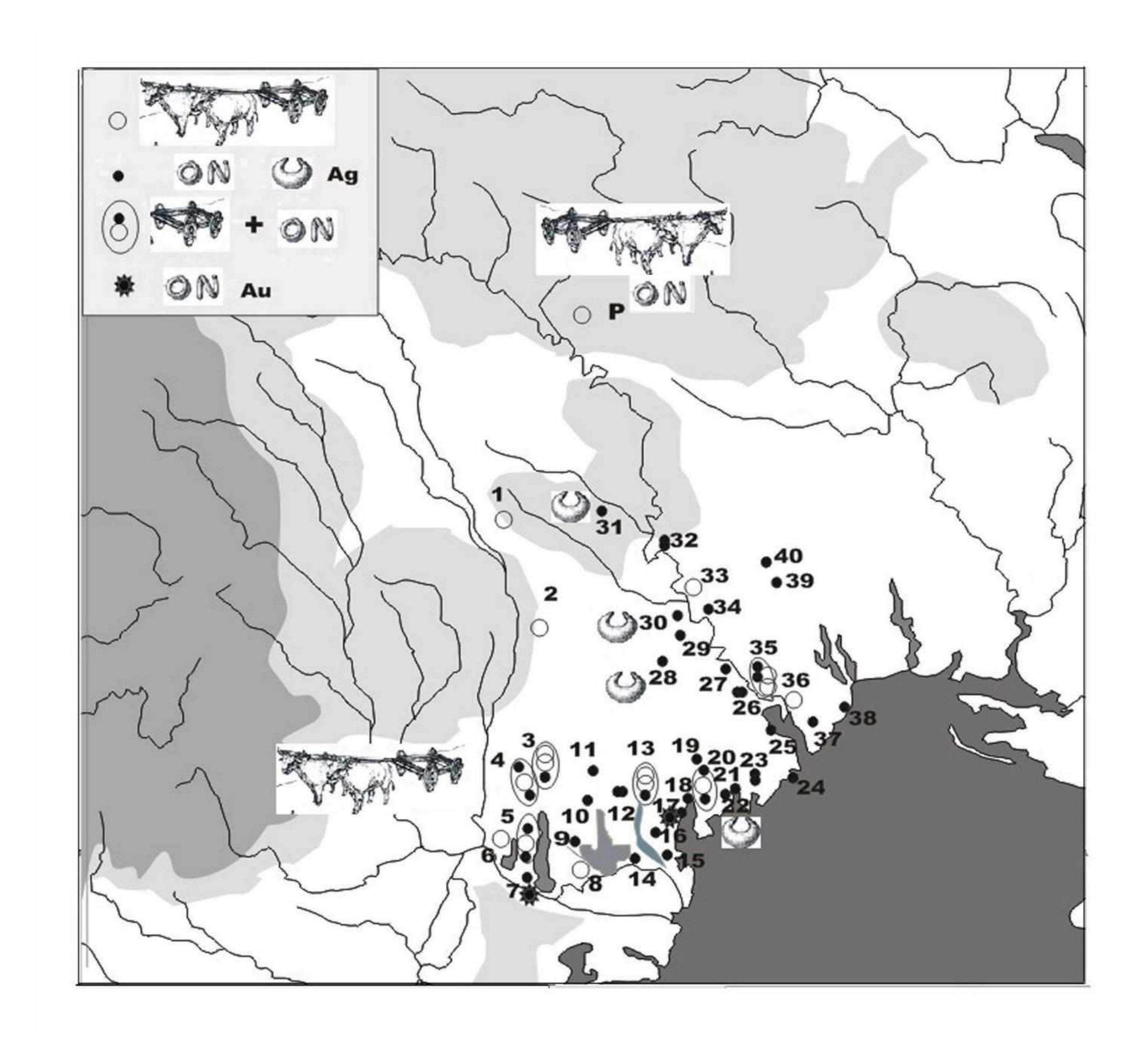

Рис. 5.9. Повозки и серебряные украшения в Северо-Западном Причерноморье:

1 - Петрешты, 2 - Саратены; 3 - Тараклия, 4 - Балабан, 5 - Курчи, 6 - Этулия, 7 - Плавни, 8 - Богатое, 9 - Утконосовка, 10 - Каменка, 11 - Огородное, 12 - Островное, 13 - Холмское, 14 - Кислица, 15 - Парапоры, 16 - Шевченково, 17 - Нерушай, 18 - Глубокое, 19 - Белолесье, 20 - Новоселица, 21 - Дивизия, 22 - Лиман, 23 - Алкалия, 24 - Сергеевка, 25 - Семеновка, 26 - Оланешты, 27 - Пуркары, 28 - Каушаны, 29 - Хаджимус, 30 - Рошканы, 31- Оргеев, 32 - Красное, 33 - Никольское, 34 - Тирасполь, 35 - Ясски, 36 - Маяки, 37 -Доброалександровка, 38 - Санжейка, 39 -Бараново, 40 - Катаржино; Р - Писаревка, Винницкая область

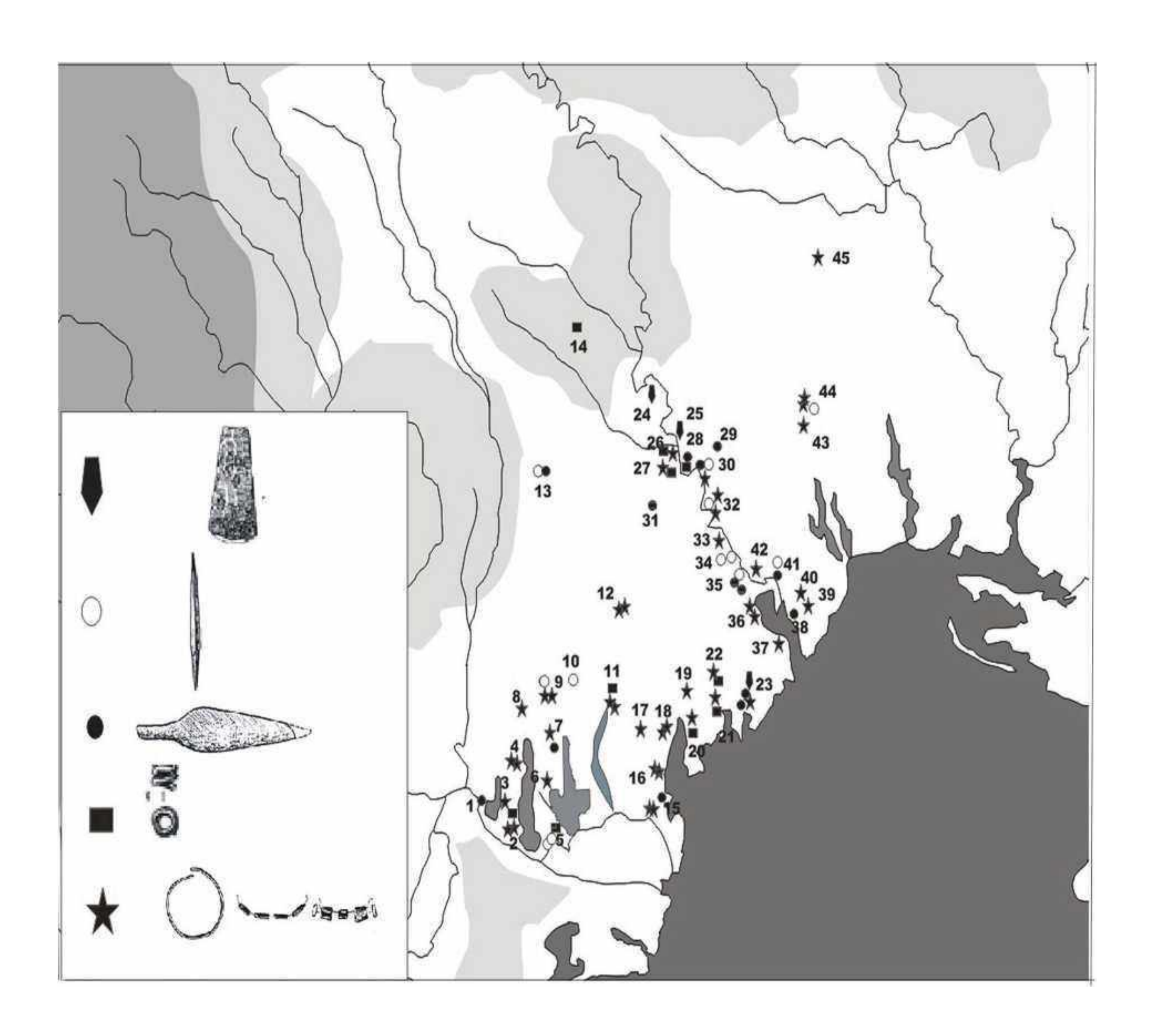

Рис. 5.10. Погребения Северо-Западного Причерноморья с медными артефактами:

1 - Фрикацей; 2 - Плавни; 3 - Нагорное; 4 - Курчи; 5 - Богатое; 6 -Утконосовка; 7 - Новокаменка; 8 - Балабан; 9 - Тараклия, 10 - Конгаз; 11 - Холмское; 12 -Березино; 13 - Градиште; 14 - Оргеев; 15 - Приморское; 16 - Нерушай; 17 - Баштановка; 18 - Глубокое; 19 - Белолесье; 20 - Траповка; 21 - Лиман; 22 - Дивизия; 23 - Алкалия; 24 - Коржево; 25 - Бычок; 26 - Гура-Быкулуй; 27 - Рошканы; 28 - Терновка; 29 - Глиное; 30- Тирасполь; 31 - Каушаны; 32 -Слободзея; 33 - Новые Раскаецы; 34 - Пуркары; 35 - Оланешты; 36 - Семеновка; 37 - Турлаки; 38 - Николаевка; 39 - Новоградковка; 40 - Петродолинское; 41 - Ясски; 42 - Беляевка; 43 -Бараново; 44 - Катаржино; 45 - Григорьевка

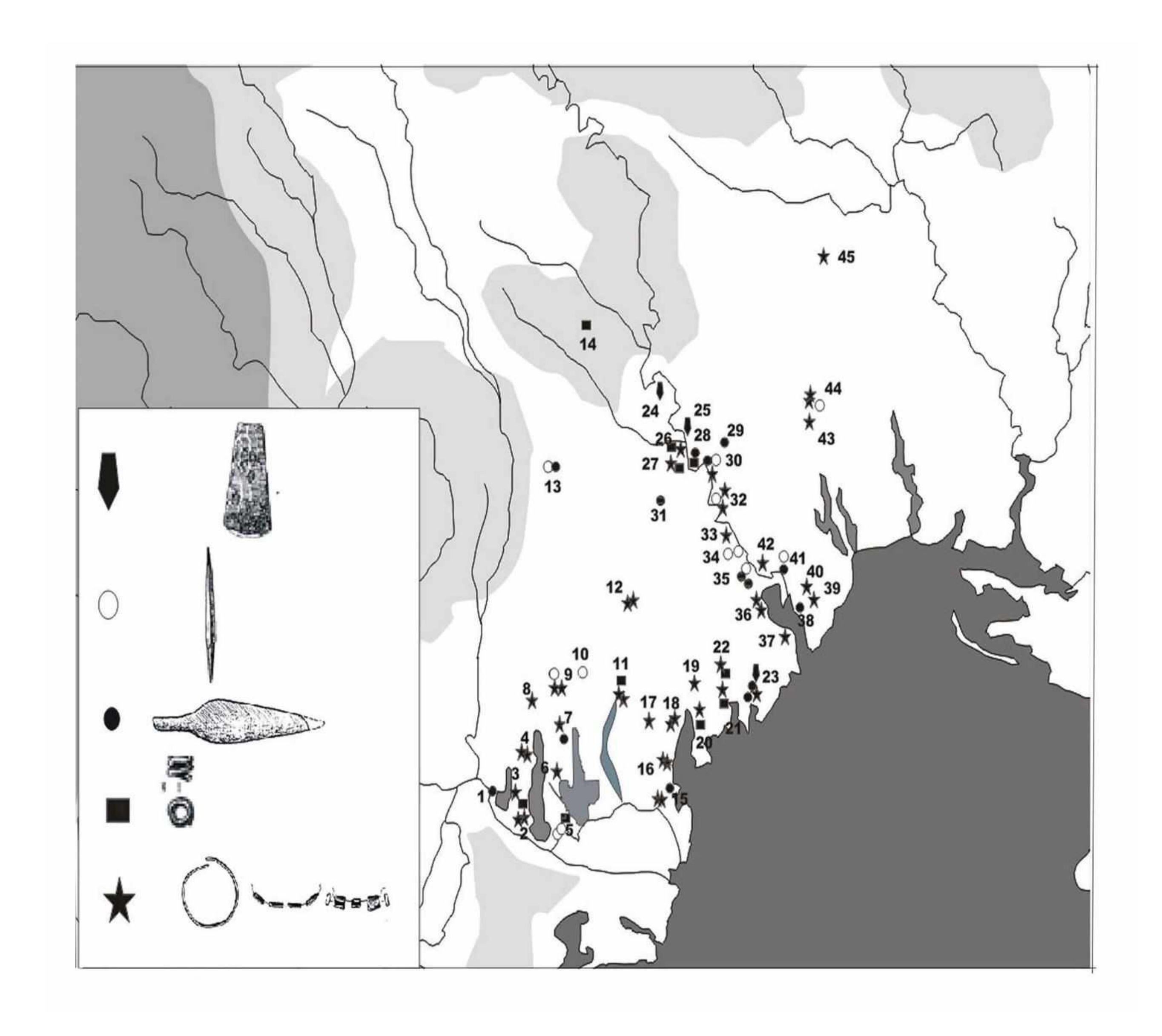

Рис. 5.11. Погребения с оружием в Северо-Западном Причерноморье:

1 - Гаваноасе, 2 - Богатое, 3 - Каменка (Украина), 4 - Балабан, 5 - Тараклия, 6 - Копчак, 7 - Светлый, 8 - Саратены, 9 - Гура-Галбене, 10 - Градище, 11 - Чимишлия, 12 - Бравичены, 13 - Каменка (Молдова), 14 - Рошканы, 15 - Гура- Быкулуй, 16 - Хаджимус, 17 - Березино, 18 - Пуркары, 19 - Капланы, 20 - Арцыз, 21 - Холмское, 22 - Червонный Яр, 23 - Мирное, 24 - Баштановка, 25 - Белолесье, 26 - Кочковатое, 27 - Желтый Яр, 28 - Дивизия, 29 - Алкалия, 30 - Семеновка, 31 - Турлаки, 32 - Александровка, 33 - Слободка-Романовка, 34 - Дальник, 35 - Ефимовка, 36 - Петродолинское, 37 - Маяки, 38 - Ясски, 39 - Глиное, 40 - Слободзея, 41 - Никольское, 42 - Бараново, 43 - Григорьевка

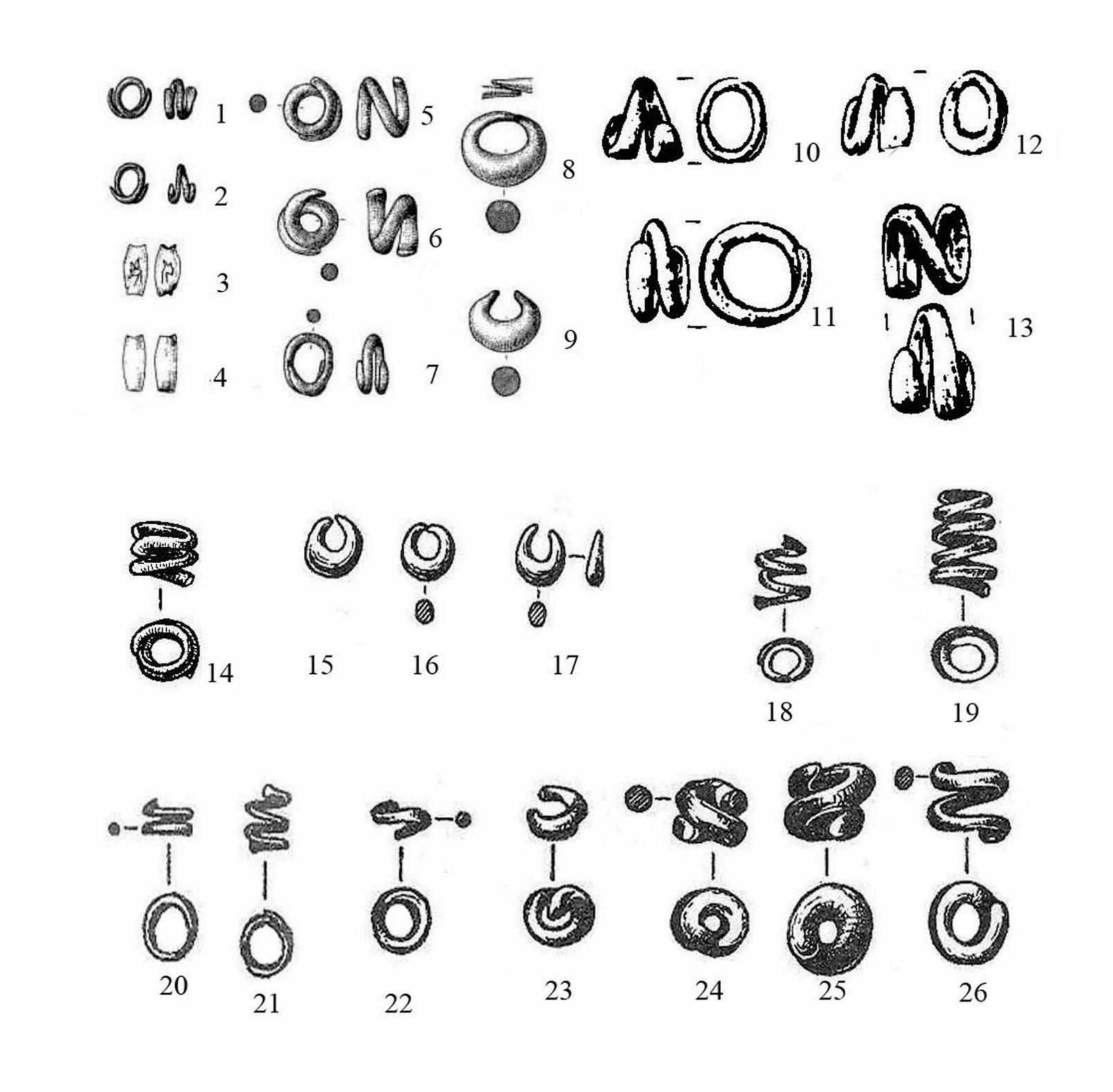

Рис. 5.12. Украшения из золота и серебра из погребальных памятников Юго-Восточной Европы:

1-4 - Горан-Слатина; 5-9 - Зимнича; 10,13-Шарретудвари-Орхалом, п.7; 11,12 - Шарретудвари-Орхалом, п. 4; 14 - Садовое 1/26; 15,16 - Лиман 7/3; 17 - Бравичены 2/7; 18 - Островное 2/7; 19 - Доброалександровка 1/5; 20 - Плавни 26/7; 21 - Глубокое 1/7; 22 - Красное 5/19; 23 - Ясски 5/22; 24 - Плавни 8/31; 25 - Алкалия 23/9; 26 - Бараново 1/10;
(1-15, 18-22 - серебро; 10, 13, 20, 21 - золото);
(по: 1-9 Primas, 1995; 10-13 - Dani, Nepper, 2006; 10-22 - Субботин, 2003)

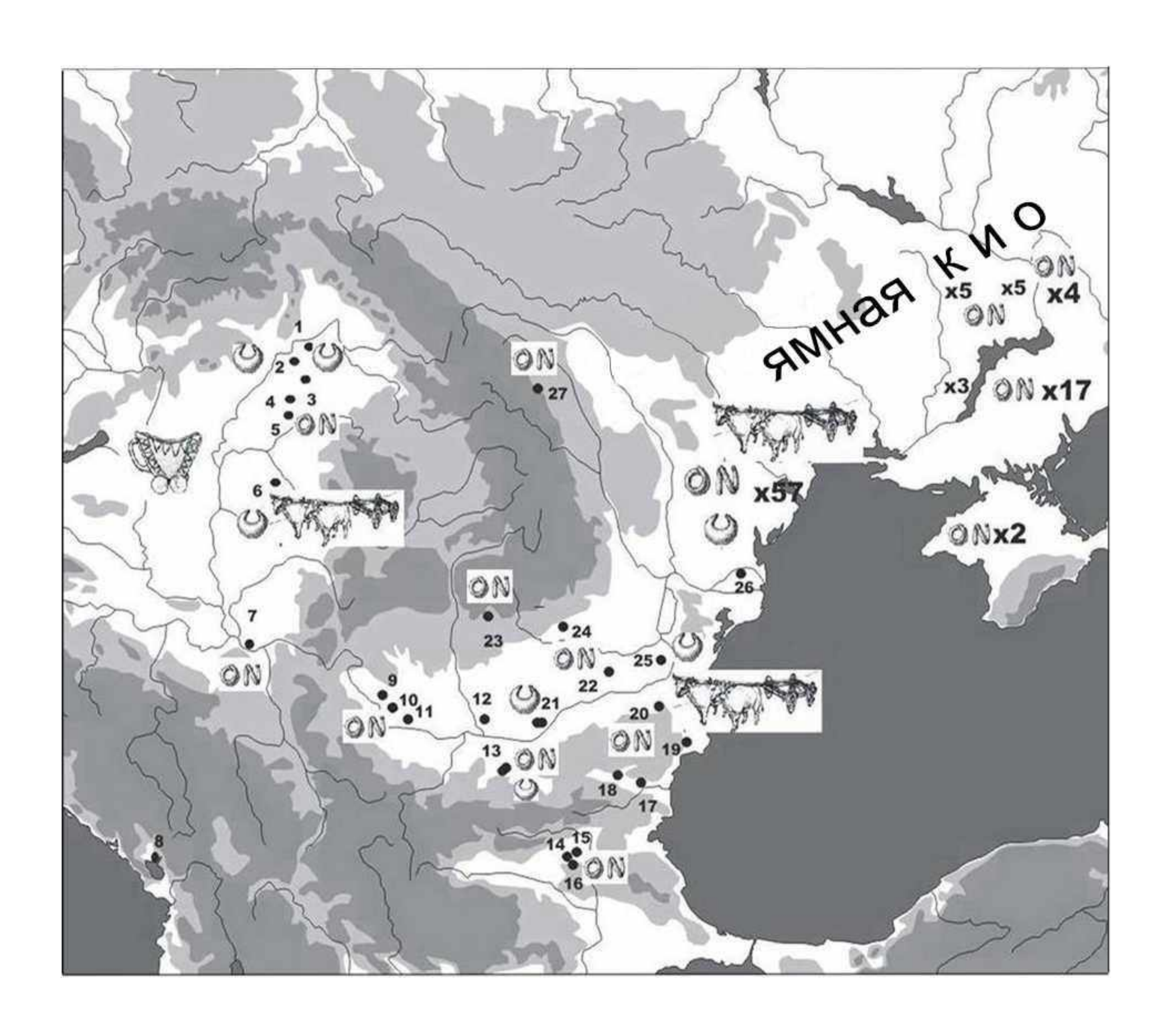

Рис. 5.13. Погребения с серебряными украшениями на территории Карпато-Подунавья:

1 - Буй-Фекетехалом; 2 - Тисаеслар; 3 - Баймазулварош; 4 - Дебрецен-Байнок-халом; 5 - Шареттудвари-Орхалом; 6 - Кетедтхаза; 7 - Войловица; 8 - Мала Груда; 9 - Вербица; 10 - Пленица; 11 - Джубега; 12 - Челей; 13 - Горан-Слати- на; 14 - Пет Могилы; 15 - Голяма Детелина; 16 - Трояново; 17 - Мадара; 18 - Калугерица; 19 - Плачидол; 20 - Жегларци-Орляк; 21 - Зимнича; 22 - Гурбанешты; 23 - Вылени-Дымбовица; 24 - Плоешти; 25 - Стелница; 26 - Михай Браву; 27 - Броштень

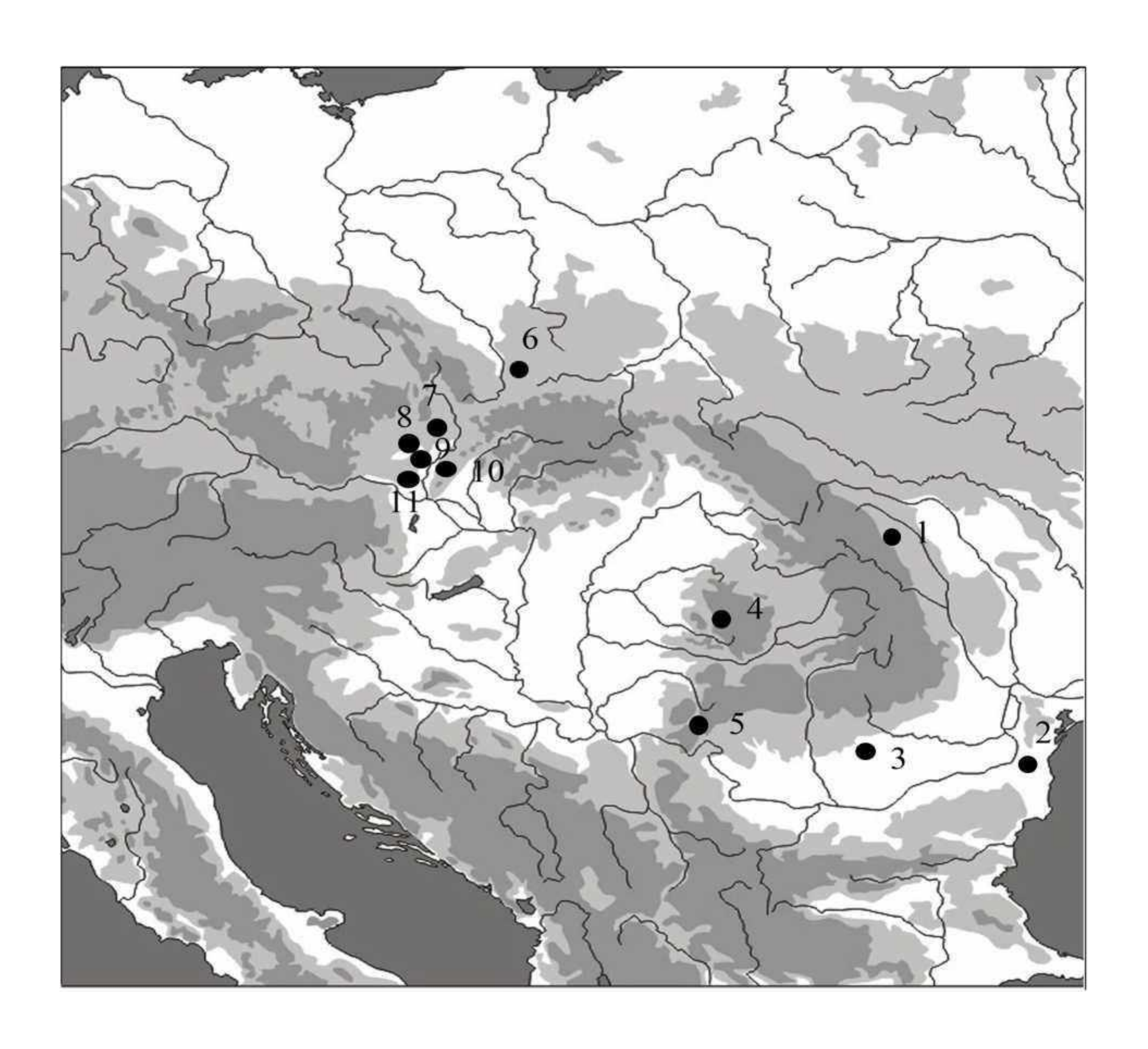

Рис. 5.14. Медные/бронзовые ножи ямного типа из погребений Карпато-Подунавья:

1- Тырпешты; 2 - Михай Витеазе; 3 - Одайя Туркулуй; 4 - Крачунель; 5 - Баиле Херкулане; 6 - Моркувки 1/1; 7 - Велешовиче, п. 77, 1/1; 8 - Летонице; 9 - Важаны-над-Литавой, п. 1; 10 - Кружек, п. 1; 11 - Павлов, п. 5;
(по: 1-5 - Bajenaru, Popescu, 2012; 6-11 - Wlodarczak, 2010

ГЛАВА 6
КУЛЬТУРНОЕ ОКРУЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В КОНЦЕ IV – III ТЫС. ДО Н. Э.

Реконструкция культурно-исторических процессов предполагает комплексный подход к изучению археологического материала, а также рассмотрение культур региона в контексте позднего энеолита – раннего бронзового века Юго-Восточной Европы. Археологи и выделяют Юго-Восточную Европу достаточно произвольно, порой подменяя этим названием совсем другой регион – юг Восточной Европы, в таких построениях в состав юго-восточной Европы ошибочно включается Северное Причерноморье, а порой и вся Украина. Географы оперируют четырьмя частями Европы (Северная, Южная, Восточная, Западная), геополитики в последнее время стали выделять Центральновосточную Европу. В картографии регион Юго-Восточная Европа выделяется достаточно четко, поэтому в нашей работе мы ориентируемся на наиболее корректные определения картографов (рис. 6. 1).

В Главе 4 мы отмечали существование определенного перелома в историческом развитии Юго-Восточной и Центральной Европы в середине III тыс. до н. э. Он фиксируется в культурно-хронологических схемах европейских исследователей, несмотря на различные его интерпретации и на различное наименование определенных периодов в разных регионах Европы. Единая хронологическая периодизация для археологических культур Европы пока не выработана, поэтому мы приводим наиболее важные для нас разработки последних десятилетий (6.2.–6.5).

6.1. Культуры Юго-Восточной и Восточной Европы в конце IV – середине III тыс. до н. э. (рис. 6. 6.1)

Культура воронковидных кубков (КВК) – одна из наиболее мощных культур европейского позднего неолита (энеолита). Ее хронологическая позиция несколько более ранняя, чем интересующий нас культурный горизонт, хотя полученные не так давно серии радиоуглеродных дат позволили в некоторых регионах датировать ее временем 3500–2600 BC, с выделением внутри этого диапазона хронологических этапов (Przybyl, 2009, s. 141–147). Культура занимала значительные территории, соотносимые с современными Данией, югом Швеции, Голландией, Германией, Чехией, Польшей; восточной границей являются памятники устья Вислы. Но известны ее анклавы и на крайнем западе Украины. Полагают, что поселения КВК существовали в западной части Волынской возвышенности, в прибрежных районах Южного Буга, вплоть до второй четверти III BC, причем синхронно с подольской группой культуры шаровидных амфор (Шмит, 2001–2002, с. 257). Почти все известные на территории Украины немногочисленные памятники представляют собой остатки поселений, считается, что основой хозяйства были оседлое скотоводство и земледелие (Пелещишин, 1985, с. 278).

Предполагаются двусторонние связи с трипольским населением, а также опосредованные (через трипольских групп лесостепи) восприятия некоторых керамических традиций КВК усатовским населением (Патокова и др., 1989, с. 111; Дергачев, 1999, с. 204; Przybyl, 2009, s. 16–19). В то же время культура воронковидных кубков в отдельных регионах испытала сильное влияние культуры Баден.

Культура Баден, крупнейшая культура европейского континента в конце медного – начале бронзового века, зародилась в Центральной Европе (Шварцвальд), и ее традиции довольно быстро проникли на север, запад и в направлении юго-восточной Европы, преимущественно, по течению Дуная, до его устья, заняв огромные территории. Крайней северо-восточной границей распространения баденской культуры в Потисье была территория Закарпатья. На позднем этапе ареал культуры сократилась, тем не менее, по новым данным, позднейшие ее памятники датируются первой третью III тыс. BC (Horváth, 2009; Przybyl, 2009, s. 160, rys. 31) .

Ее включают в культурный блок Болераз – Баден, который на протяжении своего существования прошел несколько внутренних фаз развития: протоБолераз IA/B (3700–3500 BC); ранний и классический Болераз IB/C (3500–3350 BC); поздний, или постБолераз IC/IIA – ранний классический Баден IIA/B (3350–3100 BC); поздний классический Баден IIB/III (3100/3000–2900 BC), позднейший Баден IV – постБаден (2900–2600 BC) (Horváth, 2009, p. 104). Происхождение блока связывают с культурой воронковидных кубков и культурой линейно-ленточной керамики (Mallory, 1997, p. 44). Фаза IIa считается переходным этапом от Болераза к Бадену; культурная трансформация, как полагают, связана с проникновением населения культуры Костолац (Horváth, 2011в, P. 5). На позднебаденском этапе фиксируются связи с культурой Коцофени, носители которой проникают в Словакию из Трансильвании (Vlodar, 2008, s. 77–78).

Для культуры известны большое количество поселений и могильники. Поселения отличаются по размерам и местам локализации. Население занималось земледелием и скотоводством. На поселениях среди костей домашних животных преобладает крупный рогатый скот, реже встречаются овцы, козы, свиньи и лошади. Объектами охоты были медведи, кабаны, зубры, косули, волки, лисы, зайцы. Данные палеоботаники позволили определить, что население баденской культуры культивировало пшеницу (эммер), ячмень, просо, овес, занималось собирательством. В погребальном обряде преобладает ингумация (со скорченным положением скелета), кремация встречается реже. Грунтовые могильники включают в себя от нескольких единиц до нескольких сотен захоронений, поза погребенного детерминирована полом умершего: мужчин хоронили на правом боку, а женщина на левом (Kalicz, 1999). Известны захоронения животных, каменные антропоморфные стелы (Mallory, 1997, p. 43–44). Для этой культуры характерна керамика темного цвета, с лощением, с прочерченным, точечным или канеллированным орнаментом: кувшины с высокой ручкой, миски (часть с перегородками), амфоры, в т.ч. антропоморфные, пифосообразные сосуды крупных размеров (рис. 6. 7. 2–22), а также каменные полированные топоры, кремневые наконечники стрел, медные украшения, кинжалы, шилья, глиняные фигурки, модели повозок (рис. 6. 7. 1). Считают, что население вело достаточно подвижный образ жизни. В регионах за пределами основного ареала она могла развиваться с перерывами, в отдельных случаях она не являлась самостоятельной археологической культурой, лишь обогатив репертуар местных культур. В материковой Греции (например, Долиана, Ситагри, Дикили Таш) находки культуры Баден, вероятно, появились только в результате обмена (Horváth et al., 2008, p. 456).

Носителями культуры Баден очень рано были восприняты эпохальные инновации, с культурой Баден связывают установление связей с Анатолией и Эгеидой, освоение колесного транспорта в период 3600–3300 BC, формирование новых керамических традиций. Эта культура играла важную роль в распространении новых знаний и достижений Secondary Products Revolution (Sherratt, 1981). Некоторые компоненты культуры играли надрегиональную роль, другие проявлялись на определенных территориях (Furholt, 2008). Распространение культуры проявлялось через распространение отдельных ее элементов и культурно-технических инноваций энеолитической и бронзовой эпох. Полагают, что влияние культуры Баден можно фиксировать в нескольких аспектах: распространение элементов материальной культуры – сырья (кремень, обсидиан), керамических форм; идеологических представлений – особенностей погребального обряда (антропоморфные стелы, захоронения крупного рогатого скота); знаний (колесо, транспортные средства, плуг, вторичные продукты животноводства) (Horváth, 2009, p. 113).

Исследователи отмечают динамичность культуры: постоянно менялись не только материальная составляющая, но и места распространения, направления контактов, характерно проживание анклавами. Именно связями с разнообразными культурами и восприятиями от них отдельных элементов объясняется смена фаз в процессе развития культуры (Horváth, 2009, p. 103–112). Среди культур, с которыми у культуры Баден на позднем и позднейшем этапах проявлялись в той или иной степени связи в Карпатском ареале, называют Костолац, ямную, Вучедол, Мако, культуру колоколовидных кубков, Марош, Ниршег, Шомодьвар-Винковци и

др. (Escedy, 1977; Horváth, 2011в, p. 5;). Отмечают «баденизацию» культуры воронковидных кубков (Przybyl, 2009, s. 160–163). Баденские элементы были восприняты, трансформированы инкорпорированы в социокультурную сферу отдельных групп культуры шаровидных амфор (Szmyt, 2008, p. 228). Подчеркивается особая роль баденских элементов в формировании культуры Злота в Малопольше (Kowalewska-Marszalek, 2008, p. 245). Отмечают также влияние баденской культуры на трипольскую, что проявилось не только в керамическом комплексе, но и в погребальных традициях софиеевской локальной группы (Videiko, 2008, p. 297). Восточной периферией культуры Баден являются немногочисленные поселения в предгорьях Карпат, на территории Украины.

Культура Костолац возникла в Северо-Восточной Боснии в последней четверти IV тыс до н. э и распространилась впоследствии до территорий Словакии, Трансильвании и Олтении. Просуществовала до начала III тыс. до н. э. Считают, что костолацкая культура оказала большое влияние на сложение культуры Вучедол (Roman, 1977; Tasic, 1995), или же являлась ее ранним горизонтом (Balen, 2005). Катализатором изменений, приведших к переформированию культуры Костолац в Вучедол, видят ямную культуру, курганы которой встречаются в ареале культуры Костолац на ее позднем этапе (Tasic, 1995). На раннем этапе своего существования культура Костолац занимала территории северной Боснии, Славонии и Срема, а на позднем она простиралась до Словакии на западе и Олтении на востоке, где фиксируют симбиоз с культурой Коцофени. На территории Болгарии синкретические комплексы Костолац – Коцофени датируют в диапазоне 3200–2800 BC (Görsdorf, Bojadžiev, 1996, S. 107).

Население вело оседлый образ жизни, занимаясь земледелием и скотоводством. В керамическом комплексе преобладают чаши с высокими ручками, кубки, миски, горшки, амфоры (рис. 6. 8. 1–13). На позднем этапе линейная и точечная орнаментация сменяются рельефной, в сочетании с белой пастой. Ряд курганов ямной культуры в Сербии (Ябука, Панчево) были расположены на поселениях культуры Костолац (Tasić, 1995).

Культура Вучедол сложилась на территории восточной Славонии и Срема около 2800 BC, в период расцвета культура достигала территории Словакии на севере, Адриатического побережья на юге, Карпатских гор на востоке и Альпийских гор на западе. Она занимала территории, ранее освоенные населением культуры Баден. Культура представлена поселениями (их известно около 500) и погребениями. На некоторых поселениях прослежены остатки укреплений, площадь их в диапазоне от 1500 до 30000 кв.м. Темнолощеная керамика оформлена резной орнаментацией в виде различных геометрических фигур), заполненной белой пастой, рифлением. Наиболее распространены чаши, кувшины, амфоры, кубки, известны сосуды в виде птиц (рис. 6. 8. 14–23). На городище Вучедол были найдены плавильные печи, медный шлак, глиняные и песчаниковые формы для отливки. Из металлов (в том числе благородных) были изготовлены кинжалы (черешковые и с заклепками), проушные топоры, наконечники копий, спирали, резцы, долота. Способы погребения были разнообразны ингумация, кремация, захоронения в урнах, цисты, подкурганные погребения в могильных ямах. Такое разнообразие погребальных обрядов, по мнению исследователей, указывает на экономическую и социальную дифференциацию, что особенно ярко демонстрируют курганы у Мала Груда (Durman, 1988, p. 48). Известны захоронения животных.

Экспансия наблюдалась на позднем этапе вучедольской культуры, широкое ее распространение привело к деструкции и образованию на ее основе новых культурных типов (Dimitrijevič, 1988, p. 49). Полагают, что вучедольская культура оказала значительное влияние на развитие европейских культур и переходу к бронзовому веку (по европейской шкале). С нею связывают т. н. «протоиндустриальную революцию» – совершенствование металлургии, распространение разнообразных изделий из металла (Durman, 1988, p. 48). Начальный этап поствучедольского горизонта датируют рубежом 2600/2500 BC (Бакович, Говедарица, 2010, с. 277).

К северу и северо-западу от ареала обитания буджакской культуры расположены памятники культуры шаровидных амфор (КША), которую, в целом, датируют в диапазоне 3500–2000 ВС (Szmyt, 1999, p. 84). Комплексы КША распространены на значительных территориях Центральной и Юго-Восточной Европы (современные Германия, Чехия, Словакия, Польша, юго-запад Белоруси, лесостепь правобережной Украины, север Молдовы, Пруто-Карпатская область Румынии). Культура представлена могильниками и поселениями (Свєшніков, 1983). Выделяется несколько территориальных групп со своими особенностями и хронологией. По мнению исследователей, лесостепная зона Украины (Волынь и Подолия) и Молдавская возвышенность заселяются племенами КША из ареала люблинской группы (Шмит, 2001–2002, с. 257). Формируется ядро восточной группы КША, которая потом развилась в волынскую и подольскую группы, которые М. Шмит датирует в диапазоне 3000/2950–2400/2350 ВС. Около 2850–2800 племена КША появились в течении Верхнего Днестра (Шмит, 2001–2002, с. 257). При этом постепенно была занята территория, на которой обитало позднетрипольское население: весь регион городской группы, частично – гординештской, косеновской и софиевской групп (Szmyt, 1999, p. 204). Достаточно рано, судя по имеющимся радиоуглеродным датам около 3000 ВС, мигранты появились к югу от Днестра, образовав сиретскую (или молдавскую) подгруппу (Mihăilescu-Bîrliba, Szmyt, 2003, p. 111). Восточные группы КША граничили непосредственно с ареалом буджакской культуры, имели место отдельные проникновения в Северо-Западное Причерноморье, контакты с буджакским населением, возможно, брачные, что отразилось в появлении в регионе импортной керамики КША и имитаций.

В западном ареале были распространены, преимущественно, подкурганные погребения в ямах или цистах, в восточной группе – грунтовые погребения в каменных ящиках, изредка известны трупосожжения. Фиксируются отличия между группами и в приемах домостроительства. Погребальный инвентарь имеет свои особенности, выразившиеся в орнаментации сосудов (мотив «рыбьей чешуи»), наличии костяных ажурных пряжек, что отсутствует в других группах (рис. 6. 9). В то же время имеются и общие, характерные для всего ареала КША, традиции. Предполагается, что население КША вело оседлый образ жизни, занималось земледелием и скотоводством мясного и молочного направления (Свешников, 1985, с. 289).

Культурно-историческая область культур шнуровой керамики (КШК), занимавшая значительную часть Восточной, Средней и Северной Европы, формируется на рубеже IV–III тыс. до н. э. Она просуществовала вплоть до последней четверти III тыс. до н. э. Западной границей ареала КШК была река Рейн, южной – Альпы, на востоке граница достигала верховья бассейна Днепра и верхней Волги, а северная граница проходила через Скандинавию и немецкий берег Северного моря до устья Рейна. С ее появлением связывают широкое распространение курганного обряда в Европе. В рамках КШК выделяются относительно разновременные культуры. В центральной части региона общность была «умеренно однородной», по терминологии Я. Чебрешука; особым своеобразием отличались альпийский и балтийский регионы и северо-восток, что, возможно, связано с различными экологическими нишами обитания (Czebreszuk, 2004a, p. 472). Популярная в свое время теория «общеевропейского горизонта» (Buchvaldek, 1966) подверглась сомнению, исследователи пришли к выводу о своеобразии тех или иных шнуровых культур и региональных групп с начальных этапов их формирования (Wlodarczak, 2010). Предположительно связанные с этим горизонтом особенности (амфоры, кубки, топоры) сохраняются и в более позднее время (Czebreszuk, 2004a, p. 468). Вопрос этот пока остается открытым: несмотря на противоречивость определения, составляющие его компоненты встречаются на раннем этапе развития КШК на огромной территории. Отмечают одновременность появления шнуровых памятников в различных регионах и быстрое распространение культурных характеристик древнейшего культурного горизонта. Механизм этого распространения неизвестен, возможно, он связан с формированием новых социальных структур (Wlodarczak, 2006, s. 214). Полагают. что распространение культурных черт КША происходило не вследствие миграций, а в

результате формирования коммуникационной сети, охватившей широкую территорию. «Горизонт А» в таком случае следует понимать как совокупность связующих форм в рамках региональных контекстов, датировать его сложение можно 28 веком до н.э. (Furcholt, 2003). Все эти положения относятся к регионам Центральной и Северной Европы и Прибалтики, в Восточной Европе известны лишь отдельные находки этого времени (Березанская, 1971, Зальцман, 210, с. 87).

Характерной чертой общности является шнуровая орнаментация на сосудах, хотя известна неорнаментированная керамика; в то же время шнур употреблялся при украшении сосудов и других культур энеолита и бронзового века. Культуры представлены поселениями и погребениями – как грунтовыми, так и подкурганными. В памятниках КШК, помимо специфической керамики, зафиксированы находки каменных шлифованных топоров, кремневых топоров-тесел и наконечников стрел. Известно, что население вело оседлый образ жизни, выращивало полбу, пшеницу, ячмень, горох, чечевицу, занималось скотоводством. Погребальный обряд имел свои особенности: умершие размещались по оси восток-запад, с лицом, обращенным на юг, но мужчины были уложены на правом боку, головой на запад, а женщины – на левом, головой на восток. В целом, КШК датируется в рамках III тыс. до н. э., однако существуют определенные региональные различия в отношении начального и конечного этапов. Самые ранние даты (рубеж IV–III тыс. до н. э.) известны для Куявии (Krusza Zamkowa) и Малопольши (курган Srednia), в центральной и южной Польше (Kośko, 1997;) Kośko, Klochko, 2009). Неожиданно ранние даты получены для прибалтийской культуры Жуцево (Зальцман, 2010, с. 82). В остальных регионах Европы памятники КШК появились после 2900 ВС. Полагают, что зародившись в центральной части своей области, культуры КШК распространились на запад, достигнув юго-западных границ около 2725 до н. э. Около 2500 до н. э. наблюдается распространение в другом направлении, на северо-восток, вплоть до верховий Волги (Furholt, 2003).

Во многих районах (от Нижнего Рейна до Куявии) ранние памятники КШК синхронны поздним комплексам культуры воронковидных кубков, также КШК синхронна поздним памятникам культуры шаровидных амфор. В Моравии КШК сосуществует достаточно долго с культурой колоколовидных кубков, в течение всего времени обитания там носителей двух культур, вплоть до смены их унетицкой культурой (Kopacz, Šebela, 2006, s. 17). К западу от Вислы, наблюдается их сосуществование, которое продлилось вплоть до середины III тыс. до н. э. (Czebreshuk, 2004a, p. 469). И лишь на территории Малопольши две культурные общности сосуществуют достаточно поздно и короткий период – около 2440–2250 ВС (Wlodarczak, 2006, s. 128; Budziszewski, Włodarczak, 2010, s. 119). Такая ситуация соответствует постепенному продвижению культуры колоколовидных кубков на восток, а последний вариант отражает переселение небольшой группы людей (фаза А2 среднего периода культуры колоколовидных кубков) из Моравии в Малопольшу (Heyd, 2005). Отмечается сходство многих компонентов культуры воронковидных кубков и КШК. В то же время ей присущи определенные инновации, не характерные (или малохарактерные) для синхронного и предшествующего горизонтов: приоритет одного захоронения, сооружение курганных насыпей, образ жизни, связанный с использованием временных поселений, возрождение использования лука (о чем свидетельствуют многочисленные находки кремневых наконечников стрел). Полагают, что в целом население КШК являлось подвижными скотоводами.

Исчезновение общности культур шнуровой керамики наблюдается между 2300–2100 гг до н. э., и только на востоке она существовала после 2000 г до н. э. (среднеднепровская культура КШК, фатьяновская культура) (Czebruszuk, 2004a, p. 468–469).

Культурная общность демонстрирует региональную дифференциацию, в контексте работы представляют интерес те культуры, которые расположены ближе всего к восточному ареалу ямной КИО. Из них с первой половиной III тыс. до н. э. связаны культура Злота и центральногерманская группа КШК, остальные, зародившись в конце раннего этапа (или на порубежье), существовали на протяжении позднего (Wlodarczak, 2006, s. 128, 136). Целесообразно рассмотреть их в совокупности, несмотря на разные хронологические позиции,

поскольку зарождение их так или иначе связано с первой половиной III тыс. до н. э. Отметим мнение С.С. Березанской, что буджакская и катакомбные культуры могут быть также включены в список шнуровых (Березанская, 1998, с. 61).

Культура Злота, являясь локальным явлением на территории Малопольши, связана с кругом культур шнуровой керамики (Krzak, 1976). Она датируется достаточно ранним временем, в диапазоне 2900–2600 ВС (Wlodarczak, 2006, s. 128; Czebruszuk, 2004a, p. 471). Представлена остатками поселений и грунтовыми могильниками с захоронениями в ямах, реже – в катакомбах, появление которых связывают с возможным влиянием энеолитических культур Северного Причерноморья (Wlodarczak, 2008, s. 563). Встречаются коллективные погребения (до восьми человек в одном комплексе), хотя преобладают индивидуальные, со скорченными на боку костяками. Полагают, что керамика ее связана не только с КШК, но и с культурами Баден (Kowalewska-Marszalek, 2006) и КША, что придало ей своеобразный облик (рис. 6. 10. 1). Выделена группа сосудов, имеющая аналогии в культурах и культурных группах позднего Триполья этапа С2 – усатовской, выхватинской, гординештской, городской (Wlodarczak, 2008a, s. 563–565). Помимо керамики, в погребениях культуры Злота были найдены изделия из янтаря (пластины, кнопки, бусины), кремневые топоры, наконечники стрел, подвески из зубов животных, костяные шилья. Предполагают, что население вело оседлый образ жизни, занимаясь земледелием и скотоводством (Czebruszuk, 2004a, p. 471).

Среднегерманская (саксо-тюрингская) культура шнуровой керамики была распространена в бассейне р. Заале, хотя аналогичные памятники известны и на юго-восток от этого региона, вплоть до центральной части Чехии, и к западу, частично занимая Рейнскую область (Buchvaldek, 1986). Ее формирование связано с ранним этапом КШК, культура представлена поселениями и погребениями в грунтовых могильниках и курганах. Одной из особенностей культуры являются амфоры с округлым туловом и ручками, расположенными на линии максимального расширения (т. н. амфоры тюрингского типа) и кубки с яйцевидным корпусом и высокой прямой шейкой. Другим вариантом кубков являются приземистые сосуды S-образного профиля с загнутым наружу краем, которые в отдельных случаях украшены орнаментом, характерным для культуры колоколовидных кубков (штампованный зигзагообразный орнамент, волнистые ленты). Известны и подражания пластинам («защита запястья»), характерным для культуры кубков. Керамика саксо-тюрингской культуры на раннем этапе близка по типам керамике культур шаровидных амфор и воронковидных кубков. В орнаментации доминируют горизонтальный шнур и «висящие» треугольники, которые традиционно размещались на плечиках амфор и на шейках кубков. На более позднем этапе амфоры и кубки уже неорнаментированы или же украшены елочным узором выполненным с помощью штампа (рис. 6. 11). Еще одним характерным артефактом является каменный шлифованный топор, выполненный с фасетками на ребрах. В погребениях были найдены, преимущественно медные, реже – серебряные спирали, янтарные бусины. Погребения совершались в простых ямах, зафиксирована обкладка могил деревом, камнями и глиной, под курганами известны захоронения и в мегалитических цистах. Крупные размеры могильников, видимо, указывают на оседлость населения, занимавшегося скотоводством (крупный рогатый скот, овцы, свиньи) и земледелием. Отдельные курганы известны не только на равнинах, но и в горной местности.

Богемско-моравская культура датируется достаточно поздним временем в рамках КШК – фазой III, согласно хронологии, разработанной М. Бухвальдеком, при этом исследователь подчеркивал важность культурных влияний Карпатского бассейна и Балкан. Небольшая часть материалов сопоставима с «общеевропейским шнуровым горизонтом» (Buchvaldek, 1986). Культура известна, преимущественно, по грунтовым погребальным памятникам, наиболее крупный могильник Виклетице насчитывал 164 захоронения. На основании типологического анализа керамики и наличия импортов, предполагается, что большая часть ранних памятников датируется в диапазоне 2450–2400 ВС, таким образом, распространение КШК в Моравии происходит в тот период, когда формирование других культур этой культурной области уже завершено. В то же время известна небольшая группа более ранних памятников КШК на этой

территории (Wlodarczak, 2010, s. 310, 315). В керамике чрезвычайно редки тюрингские амфоры и кубки, но распространены кувшины, характерные для культур Карпатского бассейна (рис. 6. 12). Также в погребениях Моравии и прилегающей к ней Южной Австрии присутствуют медные ножи определенных типов, отсутствующие в других ареалах КШК, но известные в степных культурах, прежде всего в ямной (Wlodarczak, 2010, s. 314–315). Движение этих типов ножей можно проследить с востока, через Трансильванию и вдоль Дуная (Băjenaru, Popescu, 2012, p. 423, fig. 1).

Восточнословацкая культура шнуровой керамики расположена вблизи северного отрога Карпат, на территории восточной Словакии, юго-восточной Польши и в закарпатской Украине. Культура представлена подкурганными захоронениями (традиционно с одним захоронением под одной насыпью), часто безынвентарными, в могильных ямах или каменных ящиках. Известны обряды ингумации (с положением не только скорчено на боку, но и на спине) и кремации. Керамика, в основном, миски, черпаки, кубки, представленные чаще всего фрагментами (Балагури, 1985). Она находит аналоги в культурах Мако-Косиги-Чака и Ниршег-Затин. Признаками, отличающими эту культуру от других КШК, являются редкость кремневых изделий и почти полное отсутствие каменных артефактов. Захоронения на уровне древнего горизонта кострища возле погребений (Wlodarczak, 2010, 316–317).

Малопольская КШК, локализуясь на юге Польши (Machnik, 1966; Czebruszuk, 2004a, p. 471), занимает достаточно позднюю хронологическую позицию, развитие ее связано со второй половиной III тыс. до н. э. (2600–2300 BC), хотя отдельные проникновения населения КШК известны на этапе «горизонта А» (Wlodarczak, 2006, s. 89–121). Основу малопольских памятников КШК составляет краковско-сандомирская группа. Она известна, главным образом, по грунтовым кладбищам с одиночными погребениями, где были захоронены по несколько десятков человек. Известны погребения в курганах, но они не образуют отдельных кладбищ. Характерной чертой является наличие катакомбных гробниц, такая погребальная конструкция в круге КШК известна лишь в культуре Злота. В погребальном инвентаре – керамика, обладающая своими особенностями орнаментации (рис. 6. 10. 2–5), каменные шлифованные топоры, кремневые наконечники стрел, отщепы. Орнаментальная стилистика связана с местными группами КША и культурой Злота. В своем развитии КШК Малопольши прошла несколько фаз. На позднем этапе фиксируются связи с КШК Богемии, Моравии, Центральной Германии, с культурой колоколовидных кубков, протомежановицкой фазой и межановицкой культурой (Wlodarczak, 2006, s. 203–204). Известно несколько кратковременных поселений. Полагают, что основным занятием населения было подвижное скотоводство. (Czebruszuk, 2004a, p. 471).

Подкарпатская культура связана, в основном, с территорией Верхнего Поднестровья, хотя немногочисленные памятники имеются и в Подолии. В ней выделяют три хронологических периода. Отсутствие абсолютных дат затрудняет ее хронологию, хотя предполагается, что она возникла в первой половине III тыс. до н. э. и синхронна другим культурам шнуровой керамики, по крайней мере, на территории Малопольши (Бунятян, 2010, с. 26). М.Шмит считает, что проникновение поздних шнуровых племен на территорию Волыни и Подолии происходило одновременно с КША или несколько позже, т.е. в первой половине III тыс. до н. э. (Шмит, 2001–2002, с. 257). И все же некоторые исследователи предполагает поздний характер этой культуры и связывают ее существование, в основном, со второй половиной III тыс. до н. э. (Machnik, 1979, s. 57; Дергачев, 1999, с. 205, рис. 25; с. 209, рис. 29). Отметим, что серединой III тыс. до н. э. датирует продвижение шнуровых племен на восток и М. Фургольт (Furholt, 2003), поэтому поздняя хронологическая позиция этой культуры (вторая половина III тыс. до н. э.) также выглядит вполне логичной. Мы полагаем, что окончательные выводы могут быть сделаны после появления свода радиоуглеродных дат. Отмечают, что население территории Малопольши, Западной Волыни, Верхней Приднестровья и (в меньшей степени) Подолья развивалось в тесной взаимосвязи. При этом границы определенных группировок менялись на протяжении времени; стимулятором

взаимодействий выступало, население Западной Волыни (Бунятян, 2010, с. 22). Эти взаимодействия и определяли суть исторических процессов в ареале подкарпатской культуры.

Культура известна по поселениям и погребениям, среди которых можно отметить подкурганные и грунтовые. Помимо погребений в простых ямах, зафиксированы случаи погребения в каменных гробницах. В погребальном обряде преобладает ингумация, реже встречается кремации. Среди инвентаря – керамика (амфоры, кубки), каменные сверленые топоры, кремневые топоры ножи, наконечники копий и стрел, имеющие аналогии в других шнуровых культурах, изделия из металла и природных материалов (рис. 6. 13. 1). Данных, которые бы раскрывали особенности хозяйства племен подкарпатской культуры, известно немного. Предполагается доминирование скотоводческого уклада при подсобном характере земледелии.

Позднюю позицию (финал подкарпатской культуры) занимает синкретичная культурная группа Кавско-Колпец, в которой присутствуют и черты среднеднепровской культуры (Machnik, 1979, s. 61–62; Бунятян, 2010, с. 20–21).

Среднеднепровская культура также относится к кругу шнуровых культур, она была распространена в Среднем Поднепровье – на севере Украины, юго-востоке Белоруссии и юго-западе европейской части России. Внутри ее ареала выявлены определенные локальные особенности, тем не менее, включение ее в круг культур шнуровой керамики общепризнано. Памятники среднеднепровской культуры датируют в пределах XXVII–XX вв до н. э. (Бунятян, 2008, с. 10). На территории Украины лишь единичные погребения можно гипотетично соотнести с общеевропейским и классическим горизонтами КШК, отмечается ее перерастание в «эпишнуровой горизонт» (Бунятян, Самолюк, 2011, с. 253). Большинство радиоуглеродных дат СДК лежит в диапазоне 2530–1790 ВС (Szmyt, 1999, p. 96–98). Культура, представленная поселениями и погребениями (грунтовыми и подкурганными), обладает определенными особенностями – отсутствием амфор и распространением своеобразной формы кубков (с перехватом посередине, выпуклым или плоским дном), в которых видят и определенное влияние культуры колоколовидных кубков. Посуду делят на столовую и кухонную, последняя встречена только на поселениях, в погребальных комплексах представлены оба типа. Помимо керамики известны орудия труда и оружие, изготовленные из кремня, камня, кости; можно отметить топоры, ножи, шилья (рис. 6. 13. 2). Украшения изготавливались из янтаря (подвески), кости (молоточковидные булавки, ожерелья из зубов животных) и меди или бронзы (подвески, височные кольца, бляхи, браслеты, пронизи, гривны). Отметим, что металлические изделия немногочисленны. На поселениях были найдены остатки жилищ столбовой конструкции, в них обнаружены очаги и хозяйственные ямы. Основными направлениями хозяйственной деятельности были скотоводство, земледелие, охота и рыболовство.

Погребальный обряд достаточно разнообразен, известны кремация и ингумация, последний вариант представлен погребениями с вытянутыми и со скорченными костяками. Вытянутые погребения синхронны ингульской катакомбной культуре, под влиянием которой эта поза, возможно, и появилась в среднеднепровской культуре (Бунятян, 2005, с. 34). Часть скорченных захоронений синхронна позднеямной культуре и предшествуют вытянутым погребениям. Более поздняя хронологическая группа скорченных захоронений синхронна вытянутым и соотносится с эпишнуровым горизонтом культур Прикарпатья (Бунятян, 2008, с. 12).

Среди достаточно большого количества культур и культурных групп, которые выделяются в Балкано-Карпатском регионе, отметим те из них, которые – так или иначе – соседствовали с населением буджакской культуры. Следует указать на некоторые надкультурные явления – так, в керамическом комплексе практически всего Балканского ареала выделяется общий набор форм, включающий полусферические и конические миски и амфоры различных типов.

В позднейшем энеолите-раннем бронзовом веке в регионе Северо-Восточных Балкан развивается свита культур, представляющая две генетические линии развития: Хотница – Чернавода III, Чернавода I – Фолтешть – Чернавода II (Манзура, 2001–2002, с. 469).

Культура Чернавода III основана, в целом, на центрально-балканских традициях. Культура Хотница и (в меньшей степени) культура Чернавода I были одними из главных компонентов в ее сложении, но оригинальный керамический комплекс сформировался под влиянием культурных импульсов, которые были направлены из Карпатского бассейна в район Нижнего Дуная. Полагают, что и традиции Болераза, наложившиеся на местные керамические формы, сыграли роль в сложении культуры Чернавода III (Oanţă-Marghitu, 1999; Nikolova L., 2001). Поселения, являющиеся основным типом памятников, распространены в восточной Болгарии, Олтении, Мунтении, Добрудже, перекрывая ареал предшествующей культуры Хотница. В керамическом комплексе культуры представлены банковидные сосуды, глубокие чаши-кубки, овальные и конические миски, двуручные шаровидные амфоры, сосуды с вертикальными или горизонтальными туннельными ручками, миски и блюда с одной или двумя петлевидными ручками, чашки и пр. (рис. 6. 14). Наиболее распространенной техникой орнаментации являются канелюры, валики, шишечки, резной и штампованный узоры. Кухонная посуда украшалась валиками с пальцевыми или ногтевыми вдавлениями. Конические или овальные шишечки размещались под венчиком или посреди тулова. Резной орнамент, как правило, геометрический, состоит из елочных композиций, заштрихованных треугольников. Шнуровой орнамент использовался редко (Манзура, 2001–2002, с. 469–472, 479–485). Особенностью керамического комплекса являются ручки разных форм: круглые, ленточные, тоннельные, канеллированные, в виде конических налепов Полагают, что эти элементы получили дальнейшее развитие в оформлении керамики культуры Чернавода II и, возможно, буджакской культуры. Начальные этапы культуры Чернавода III предшествуют формированию Эзеро А (XIII строительный горизонт), конец синхронизируется с горизонтом Чернавода II – ямная культура (Драганов, 1990, с. 178). Считается, что возникновение блока культур Чернавода III – Болераз отмечает начало бронзового века Юго-Восточной Европы, этот процесс определен влиянием двух факторов – проникновением северопонтийских племен с востока и влиянием анатолийских центров с юга. Культура Чернавода III в этой ситуации выступает своеобразным «фильтром», передаточной средой, распространяющей инновации (Roman, 1981, p. 32; Roman, 2001).

Культура Чернавода II (частью которой является тип Фолтешть II) известна в восточном ареале Нижнего Дуная (Мунтения, Добруджа, территория к югу от Дуная); полагают, что она не только хронологически следует за культурой Чернавода III, но воспринимает частично ее традиции (Roman, 1981, p. 40). По мнению исследователей, культура сыграла важную роль в генезисе бронзового века, причем движения населения по оси «север-юг» способствовали распространению инноваций на значительные территории (Morintz, Roman, 1968; 1970; Berciu et al., 1973; Роман, 2010, с. 96–97). Культура представлена поселениями и погребениями со скорченными на боку скелетами. В керамическом комплексе – горшки различных конфигураций, чашки, миски; выделяются округлые амфоры с ручками, края которых оформлены валиком, переходящим на тулово сосуда (рис. 6. 15). Характерная особенность оформления – насечки по краю венчика и по плечикам сосудов, углубления, нанесенные штампом по всему тулову. Элементы Чернавода II прослеживаются в культурах Езерово II (Добруджа) и Эзеро на западном Побережье Черного моря (Роман, 2010, с. 97). Полагают, что частью комплекса Чернавода II является тип Фолтешти (Dinu, 1987, Патокова и др., 1989, с. 84).

Культура Эзеро занимала район Северной Фракии, наиболее известен эпонимный памятник; в слое эпохи ранней бронзы было выделено XIII стратиграфических горизонтов; имеется 7 дат для слоёв 13–11, они находятся в диапазоне 3350–2450 BC (Horváth, 2009, p. 110). В своем развитии культура проходит несколько этапов, отмеченных как AI, AII, BI, BII. По отдельным характеристикам культура Эзеро близка более несколько ранней культуре Чернавода III (Драганов, 1990, с. 172). Планировка и фортификационные сооружения Эзеро

не является исключением. Остатки каменных стен обнаружены также и на других многослойных поселениях Фракии (Катинчаров, 1987). Среди керамических изделий выделяются аски, кубки, миски, горшки, пифосообразные сосуды (рис. 6. 16). Поверхность сосудов лощёная, оформлена налепами, ручками различных конфигураций – язычковыми, тоннельными, с утолщениями и валиками по краям. Около 40 % всех сосудов были орнаментированы. Распространены рельефные орнаменты, реже встречаются прочерченные, накольчатые и штампованные; это геометрические композиции, расположенные в верхней половине сосуда и подчеркивающие определенные элементы его формы. Ими покрыты миски, реже горшки и урны, гораздо реже – некоторые типы кувшинов и глубоких горшков. Шнуровой орнамент в культуре Эзеро неизвестен в ранних слоях, он получил наибольшее распространение на его втором этапе. Полагают, что этот вид орнаментации может указывать на культурные контакты с Северным Причерноморьем (Катинчаров, 1987).

Среди найденных артефактов – изделия из кремня (ножи, лезвия серпов, скребки), изделия из камня (песты, зернотёрки, топоры, тёсла, молоты,), изделия из кости и рога (шилья и мотыги), меди и бронзы (тёсла, долота, ножи, иглы), каменные и глиняные литейные формы. Население занималось земледелием, выращивая ячмень и пшеницу, а также скотоводством: найдены кости коровы, овцы, козы, свиньи (Езеро, 1979).

Ряд керамических форм полностью совпадают с формами восточного Средиземноморья и Троей, поэтому некоторые исследователи считают ее северной периферией троянского культурного круга (Mallory, 1997). В то же время полагают, что культуру Эзеро следует соотносить с блоком балкано-дунайских культур, куда входили также Троя I–I, Баден, Коцофени, Караново VII. Этот горизонт датируют в диапазоне от последней четверти IV тыс до н. э. до середины III тыс до н. э. (Görsdorf, Bojadžiev, 1996). Выводы подтверждаются и при анализе кремневого производства. После сравнительного анализа синхронных ансамблей кремневых артефактов северной Болгарии, северной Греции и турецкой части Фракии исследователи полагают, что они вместе с Верхнефракийской низменностью принадлежат к одной культурной общности. Одновременно с этим наблюдаются и некоторые местные особенности каменного инвентаря (Златева-Узунова, Курчатов, 2002).

Изучение многослойных поселений на территории Фракии (культура Эзеро) и Северо-Восточной Греции позволили исследователям сопоставить культуры Балкан в прямом стратиграфическом соотношении с культурами Эгейского мира. Предполагается, что энеолит Балканского полуострова предшествует началу эпохи бронзы Эгейско-Анатолийской области. В то же время ранний бронзовый век Фракии можно синхронизировать с Эгейско-Анатолийским регионом и Критом (Катинчаров, 1974). Продолжение традиций Эзеро видят в более позднем культурном горизонте Нова Загора.

Культура Езерово II (рис. 6. 17), расположенная на северо-востоке Болгарии, традиционно включается исследователями в один хронологической горизонт с культурами Чернавода II и Эзеро, отмечается при этом и близость в материальной культуре (Tončeva, 1981). Среди керамических форм распространены аски, сосуды горшковидных форм с рельефным и углубленным орнаментом (шнур, защипы, налепы). Л. Николова считает культуру очень важным компонентом в истории Балкан. По ее мнению, на Балканах в раннем бронзовом веке есть два отличных друг от друга больших региона – запад и восток. На востоке известна керамика со шнуровой орнаментацией, в то время как на западе доминирует «ложный шнур». В Центральной части севера Болгарии на памятнике Дубене, прослеживаются смешанные традиции. В свое время Н.Я. Мерперт при раскопках телля Эзеро предполагал, что появление в определенных его слоях шнуровой орнаментации отражает влияние традиций Центральной Европы (Езеро, 1979). По мнению Л. Николовой, население восточной части Балкан, в частности, носители культуры Езерово II, установило взаимосвязи с северо-западным побережьем Черного моря, откуда и были восприняты традиции шнуровой орнаментации. Важным моментом является тот факт, что шнуровая орнаментация отсутствует в Трое, несмотря на большое сходство троянской и балканской керамики. О распространении

традиций шнуровой орнаментации на западном побережье Черного моря в раннем бронзовом веке под влиянием степных племен Причерноморья писали и ранее (Bailey, Panayotov, 1995, p. 228–230).

Культура Коцофени занимала Олтению, западную часть Мунтении, Банат, Трансильванию, северо-восточную Сербию, а также северо-запад Болгарии, где она известна как культура Магура (Панойотов, 1988). Происхождение культуры Коцофени связывают с культурами Баден и Чернавода III, отмечают контакты с культурами Вучедол, Костолац, КША, ямной, Бубани-Хум II, Эзеро и другими, что отражено в памятниках синкретических типов и взаимных импортах. В частности, связи с ямной культурой фиксируют погребения в кургане Гурбанешты и грунтовом могильнике Браилица в Румынии, в курганах Кнежа и Тырнава в Болгарии (Roman, 1976, Popa, 2009). Радиоуглеродные даты синхронных культур позволяют определить период существования Коцофени в диапазоне между 3500–2500 BC (Raczky, 1995; Popa, 2009). П. Роман выделил три этапа культуры Коцофени, первый из них синхронизируется с культурами Чернавода III, Баден, второй – с культурами Баден и Костолац, третий – с культурами Костолац и Вучедол AB (Roman, 1976, p. 75; Roman, 1977). Отмечают не только синхронизацию, но и взаимосвязи между сопоставляемыми культурами. В то же время керамика и украшения культуры Коцофени находят аналоги в памятниках эгейско-анатолийского круга: Дикили-Таш, Троя I и II, Кум-тепе, Полиохни синий и зеленый (Popa, 2009 p. 52).

Территория культуры делится на два больших ареала, расположенных к северу и к югу от Карпат, в целом, известно около 850 пунктов (в том числе обитаемых пещер), связанных с культурой Коцофени. В Болгарии эта культура известна под названием Магура, или Магура – Коцофени (Александров, 1994). Территория культуры делится на два больших ареала, расположенных к северу и к югу от Карпат, в целом, известно около 850 пунктов (в том числе обитаемых пещер), связанных с культурой Коцофени. Другой наиболее плотно заселенной областью являлся участок пролегающего в скалах русла Дуная между Голубац/Турну Северин–Кладово, и к северу от гор Черней (Popa, 2009, p. 4). Современный пункт Турну Северин соответствует особому географическому региону – Железным воротам – ущелью в долине Дуная, на границе Сербии и Румынии, в месте сближения Карпат и Стара-Планины. Это было место традиционной переправы через Дунай, связывающей его среднее и нижнее течение, Центральную Европу с Юго-Восточной. По-видимому, в этом регионе население культуры Коцофени могло контролировать/использовать пути, ведущие в Альфельд и Центральную Европу.

Основными памятниками являются поселения, чаще – небольших размеров, известны грунтовые и подкурганные захоронения; известны ингумация (в скорченном на боку положении) и кремация; кремация (порой, в урнах) чаще встречается в грунтовых могильниках.

Выразительна и чрезвычайно разнообразна керамика: чаши, миски, кубки, кувшины, амфоры, вазы, сосуды с арковидными ручками, горшки, аски, стаканы, чашки и другие (рис. 6. 18; 6. 19). При этом типология орнамента, как и формы сосудов, выступает хронологическим признаком (Roman, 1976; Popa, 2004). Распространен тонкий прочерченный орнамент, покрывающий нередко все тулово, ногтевые насечки по плечиками или краю венчика. Встречается инкрустация белой пастой, традиционным являлось лощение (Popa, 2009, p. 26). Известны костяные и глиняные орудия для обработки поверхностей сосудов, кремневые орудия для нанесения орнамента, антропоморфные и зооморфные статуэтки, многочисленны глиняные ложки и т. н. «ложки-бутылки». Из глины изготавливали и украшения – подвески, бусины браслеты и кольца. Известна одна модель повозки и немногочисленные модели колес. Среди орудий труда, найденных при раскопках поселений, отмечают изготовленные из кости проколки, кинжалы, долота, шпатели, скребки, мотыги, наконечники стрел, а также роговые мотыги, топоры, кинжалы. Из кости, рога, раковин, охры изготавливали украшения. Из камня изготовлены шлифованные топоры, растиральники, изогнутые ножи, серпы. Особенностью является небольшой процент кремневых изделий, использование кварцитов и обсидиана

(Popa, 2009, p. 30). О развитии местной металлургии свидетельствуют печи для плавки руды на поселениях Куптоаре-Пиатра Илишовий, Молдова Веке-Хумка, Ла Островул Корбулуй. Металлические артефакты изготовлены из чистой меди и из бронзы (Ciugudean, 2002). Возможно добыча меди в горах Апусени, Догнеча, Валя Сака и Рудна Глава (Сербия). Из меди и бронзы изготовлены ножи, кинжалы, топоры, шилья, иглы, украшения – браслеты, пронизи, подвески (рис. 6. 19. 20–33).

Отмечают, что на 75 % поселений среди костей животных преобладал крупный рогатый скот, и лишь в районе Апусени – овцы; предполагается отгонный тип скотоводства, с годовыми или сезонными перемещениями (Ciugudean, 1996; 2000). Вероятно, уже в это время можно говорить о выпасе скота на высокогорных пастбищах, как это практиковалось в античности и средневековье. Большая территория распространения культуры, долговременные и краткосрочные поселения, позволяют предполагать сосуществование оседлого и кочевого образа жизни у населения культуры Коцофени (Popa, 2006; 2009, p. 52). О занятиях земледелием свидетельствуют находки сельскохозяйственных орудий: мотыг, серпов, зернотерок; на нескольких поселениях были найдены зерна пшеницы. На поселении Чикэу-Салиште, этап Коцофени II, определены кости быка, использовавшегося в качестве тягловой силы; это позволило исследователям предположить наличие пашенного земледелия (Popa, 2009, p. 25).

Культуры Пруто-Карпатского региона. В Пруто-Карпатской зоне начало бронзового века датируют около 2900 г до н. э., и связывают его с появлением в этом регионе носителей ямной культуры; ему предшествует транзитный (переходный) период от энеолита к эпохе бронзы. Автохтонное население представлено позднетрипольскими культурными комплексами Городиштя-Гординешты, Ербичени-Хабашешти, культурой Фолтешти II. Одни исследователи полагают, что следует говорить о культурном комплексе Городиштя-Ербичени-Фолтешти II (Dumitroaia, 2000), другие видят в них отдельные культурные образования, хотя сходство их материальной культуры не оспаривается (Roman, 1981). Наиболее представительной из местных культур раннего бронзового века Румынской Молдовы считается культура Тырпешти, выделялись культурные типы Алдешти, Вэнатори-Болотешти. Пришлым было население культуры шаровидных амфор, занимавшее северо-восток Молдовы (Comșa, 1978; Burtânescu, 1996; 2002). В Запрутской Молдове известны памятники «степного энеолита», аналогичные тем, что были распространены в Северо-Западном Причерноморье; полагают, эта ситуация отражает проникновение отдельных групп населения на запад (Burtanescu, 2002).

6.2. Культуры Юго-Восточной и Восточной Европы во второй половине III тыс. до н. э. (рис. 6. 6.2).

Вторая половина III тыс до н. э. связана со значительными культурными переменами. В начале этого этапа происходят культурные трансформации как в Карпато-Подунавье, так и на центральноевропейских территориях. Они связаны, с одной стороны, с упадком культуры Вучедол (2600/2500 BC) и формированием блока культур поствучедольского круга в центральноевропейском ареале. К последним относятся Мако-Косиги-Чака, Шомодьвар-Винковци, Надьрев, Ниршег, Питварош, Чепель (рис. 6. 3). С другой стороны, в это же время в Карпато-Подунавье формируются культурный блок Глина III–Шнекенберг. С этим же рубежом сопоставимы преобразования в ареале КШК – развитие богемско-моравской культуры, формирование локальных групп в Малопольше, сокальской группы (на основе поздних памятников КШК и среднеднепровской культуры) на Сокальском кряже, распространение на Украине подкарпатской культуры и пр. Несколько позже (около 2350 BC) наблюдаются дезинтеграция культуры шаровидных амфор, прекращают существование подольская и волынская ее группы. Последняя четверть III тыс. до н.э. ознаменована угасанием культуры шнуровой керамики (с сохранением отдельных культур лишь на востоке), формированием постшнурового культурного горизонта (стжижовская, городско-здовбицкая

культуры, почапская группа памятников). Значительные европейские территории теперь занимают унетицкая и межановицкая культуры, датируемые в диапазоне 2200–1800/1600 BC.

Культура Глина III-Шнекенберг занимала низовья Дуная и обе стороны Южных Карпат, частично Восточные Карпаты. Памятники позднего этапа известны в некоторых районах северной Болгарии. Под этим названием объединены две культуры, имеющие генетические связи и состаляющие единый горизонт; собственно культура Глина является несколько более ранней (Machnik, 1991, p. 9–10). Основным субстратом Глина-Шнекенберг видят культуры Коцофени и Чернавода II, также прослеживается южное направление влияний из ареала восточнобалканских культур Крицана, Агриса Магула III, Эзеро VI–IV (Petrescu-Dîmboviţa 1974; Machnik, 1991, p. 39). С другой стороны, предполагается возникновение культуры Глина в Мунтении на основе культуры Чернавода II, с включением в этот процесс горизонта Зимнича, и ее дальнейшее продвижение на запад (Schuster, 2000).

Культура представлена неукрепленными поселениями (около 300) и погребениями. На поселениях выявлены остатки каменного домостроительства. Полагают, что небольшие поселки, остатки костей стадных животных и собак указывают на подвижное животноводство как образ жизни (Schuster, 1998/2000, s. 362). Погребения происходят, в основном, с территории Трансильвании и центральной части северной Валахии. Погребальный обряд достаточно разнообразен, известны ингумация и кремация, захоронения, выполненные в цистах и простых ямах, под курганными насыпями или без них. В случае ингумации умершего располагали скорчено на боку (чаще левом), в погребальном инвентаре – керамика, оружие, медные украшения. Исследователи при рассмотрении керамики и других артефактов фиксируют на разных этапах связи с культурами Карпатского басейна, в частности, Жигодин, Шомодьвар – Винковци, Ниршег, Хлопице – Веселе, Белотик – Бела Црква, а также с поздними группами КША и КШК верхнего Поднестровья и Подолии, культурой колоколовидных кубков. Некоторые характерные орнаментальные мотивы проявляются в культуре Мако-Косиги-Чака и группе Чепель. На позднем этапе известны артефакты, происходящие из ареалов культур Тей и Вербичиоара. Предполагается связь культуры Глина III и культурной группы Зимнича, проявившаяся на уровне погребальной обрядности. С другой стороны, керамика позволяет реконструировать взаимоотношения с южными Балканами и Эгейско-Анатолийским миром (Machnik, 1991, p. 9–17, 37–39).

В керамическом комплексе немногочисленную группу составляют тонкостенные темные сосуды, чаще встречаются более грубые изделия, изготовленные из серой и красной глины с примесью шамота. Преобладают низкие миски, кружки, кувшины, аски, кубки, амфоры (рис. 6. 20). Из других глиняных артефактов повсеместно распространены ложки, бусины, модели топоров и колеса от моделей повозок; известна и повозка. Пластика представлена глиняными фигурками быков и реалистическими антропоморфными статуэтками. Среди изделий из кремня выделяются наконечники стрел с выемкой в основании. Каменные топоры многочисленны и имеют разнообразные конфигурации известны «вогнутые ножи», с приостренной и отполированной одной стороной. Топоры из металла достаточно развиты и представлены тремя основными типами: Корбаска, Думбравиоара, Веселиново, хотя встречаются и другие разновидности. Из меди выполнены плоские топоры-тесла, черешковые ножи и кинжалы с отверстиями для крепления рукояти. Медные шилья имели прямоугольное сечение и утолщение в средней части. Из украшений известны браслеты с несомкнутыми концами, овальные или плоские в сечении. П. Роман полагает, что с культурой Глина III-Шнекенберг следует связывать становление нового уровня развития доисторической металлургии; на это указывают, прежде всего, серийные продукции топоров, а также уровень добычи меди и развитие торговых путей (Roman, 1986). Металлографический анализ позволил определить, что медь из Трансильванского очага распространялась достаточно далеко и найдена в Нижнем Поднестровье, Попрутье, на Волыни (Рындина, 1980).

Я. Махник синхронизирует старшую фазу А культуры Глина III-Шнекенберг с Эзеро VI–IV, Михалич, Караново VIIb, а младшую фазу В – с Эзеро IV–III, Юнаците VIII–I, Стара Загора VIII (рис. 6. 4. 1). В абсолютных датах, на основе радиоуглеродной хронологии и

сопоставительного анализа, культуру Глина III-Шнекенберг помещают и в более узкий диапазон 2650–2450 ВС (Băjenaru, 1998). Таким образом, процесс ее формирования синхронен финалу раннего этапа буджакской культуры.

Группа Ливезиль, памятники которой расположены близ восточной оконечности гор Апусени, представлена поселенческими памятниками (наиболее известен Ливезиль – «Байя») и подкурганными захоронениями, умерших размещали непосредственно на земле без использования могильных ям. Кремация характерна, в основном, для раннего этапа, причем останки могли быть помещены в урну или рассеяны. Керамика группы Ливезиль может быть подразделена на два типа – грубые изделия из глины красноватого цвета и изделия из тонкой темной глины, в ней проявляются традиции позднего этапа Коцофени (Ciugudean, Anghel, 2000) Сосуды (в основном, кувшины, амфоры и чаши) оформлены барботином, горизонтальными полосами с прочерченными диагоналями и ромбами. Выделяют амфоры типа Ливезиль (рис. 6. 24. 11–13), оформленные налепным валиком, которые известны также в Подунавье и на юге Европы (Ciugudean, 1996, 88, fig. 8/2; 21/2). Среди других артефактов – металлические топоры (типа Думбравиоара и Баньябюк), каменные топоры и ножи изогнутой формы, а также небольшие костяные и кремневые орудия. Украшения представлены пронизями из зубов животных, известны различные типы металлических украшений (из меди и мышьяковой бронзы), в том числе двойные спиральные подвески, серьги, браслеты и иглы. Особенно стоит отметить два золотых височных кольца типа Левкас и типа Ампоица, параллели которым известны в Эгейском море и Адриатике. Некоторые украшения напоминают изделия культуры Чернавода II, зооморфные фигурки имеют аналогии во многих культурах раннего бронзового века Карпат (Ciugudean, 1996).

Культурный тип Зимнича, или горизонт Зимнича-Батин (Roman, 1986, 35; Nikolova L., 1999, p. 209–211, 365), представлен преимущественно погребальными комплексами, наиболее крупный из них – эпонимный грунтовый могильник (Alexandrescu, 1974). Полагают, что и поселение Забала следует включить в этот горизонт (Schuster, 1997, p. 156). Погребения распространены в Мунтении и прилегающей территории северной Болгарии (Motzoi-Chicideanu, Olteanu, 2000, p. 25, fig. 10; Schuster, Morintz, 2006, S. 43–50). Умерших хоронили в грунтовых ямах, скорчено на правом боку, головой на запад или на юг. Часто могилы были покрыты каменными плитами.

Керамика представлена асками, амфорами, кувшинами, чашами (рис. 6. 21. 1–7). Я. Махник относит к типу Зимнича аски особой формы – с округлым, а не асимметричным туловом (Alexandrescu, 1974; Machnik, 1991, p. 17). Выделен определенный тип серебряных украшений (кольца-подвески с несомкнутыми концами, порой, с утолщением в средней части), получивший название «тип Зимнича» (рис. 6. 21. 8). Они были найдены по всей Юго-Восточной Европе, между восточной Украиной и восточной Венгрией (Motzoi-Chicideanu, Olteanu, 2000). Культурный тип Зимнича мог выступать связующим звеном и в хронологическом, и в генетическом плане между культурами Чернавода II и Глина III-Шнекенберг (Schuster, 2000). В погребальном инвентаре исследователи видят влияние культуры Глина III-Шнекенберг. В то же время в керамике достаточно много черт, указывающих на связи с культурами Коцофени и Езерово II (Roman, 1986, p. 30).

Культурная группа Жигодин занимала небольшую территорию на востоке Трансильвании; румынские исследователи относят ее к кругу шнуровых культур. Из 11 известных поселений наиболее информативным является трехслойное поселение Леличени, где были найдены остатки домостроительства. Керамика и по форме сосудов (кувшины, аски, миски с воронковидным венчиком), и по их оформление (плотно врезанные линии) напоминает посуду Schneckenberg B. Однако наиболее типична керамика, украшенная шнуровым орнаментом, широко распространен мотив треугольников с отпечатками шнура (рис.6. 21. 9–16). Полагают, что некоторые сходные сосуды в культурах Глина, а также Мако и Ниршег, появились под влиянием Жигодин. Из других артефактов отмечают каменные топоры, изогнутые ножи, кремневые наконечники стрел с выемкой в основании. На поселении Леличени найдены литейные формы для изготовления топоров типа Думбравиоара и

кинжалов (Roman et al., 1973). Известно лишь единственное захоронение – кремация, с помещением останков (в урне) в цисту под курганной насыпью (Ciugudean, 1995, p. 144). Происхождение культурной группы Жигодин связывают с поздними фазами центральноевропейских (богемской и моравской) групп КШК. В то же время ее керамический комплекс находился под сильным воздействием импульсов с юга, в частности, из круга Вучедольской и пост-Вучедольских культур (Machnik 1991, p. 41–42). С другой стороны, предполагают синхронизацию Жигодин с культурой Мако и считают её проявлением культуры Глина III-Шнекенберг при ее продвижении в Трансильванию, где произошло слияние с поздним этапом культуры Вучедол (Bertemes, 1998, 199–203). На памятниках ее встречена керамика, связанная с культурой колоколовидных кубков и особый вариант (выполненный из кости) пластин «защита запястья» (Heyd, 2005).

На Среднем Дунае с рассматриваемым периодом связана иная группа культур и культурных групп – Шомодьвар – Винковци, Ниршег, Мако-Косиги-Чака, Чепель (рис. 6. 4. 1).

Культурный блок Мако-Косиги-Чага считают одним из ключевых в формировании раннего бронзового века Центральной Европы. Памятники его размещены на территории современных Венгрии и юго-запада Словакии, не так давно обнаружены и в румынском Банате (Woidich, 2009). Время формирования – конец первой половины III тыс. BC. Полагают, что эта культура, вместе с группой Ниршег, культурой Йевишовице в Словакии, культурным типом Мелк в Нижней Австрии и культурой Ривнач в Богемии составляла единый культурный комплекс, происходящий от культуры Вучедол (Vladar, 1964, 1966). Культура представлена, в основном, поселениями; их небольшие размеры и короткий период обитания позволили предположить мобильный образ жизни населения (Ciugudean, 1995). Погребения немногочисленны, преобладает кремация. Предполагают, что захоронения по обряду ингумации отражают связи с ямной культурой (Ciugudean, 1996, 1997). В керамическом комплексе – кувшины, чаши, орнаментированные изнутри, амфоры, горшки крупных размеров, до 30–40 см высотой (рис. 6. 22). Среди других находок – глиняные ложки, колеса от моделей повозок. Находки из органических и минеральных материалов редки (топоры, молоты, точильные камни). Из металла изготовлены, в основном, мелкие предметы, например, трубчатые пронизи, известны находки топоров, а также ножа/кинжала. Происхождение культуры связывают с местной генетической подосновой, куда включают предшествующие культуры (Баден, Вучедол), предполагая также инокультурные влияния: ямной культуры и балкано-эгейско-анатолийского круга на позднем этапе. Фиксируются и связи с поздними шнуровыми группами Моравии (Machnik, 1991, p. 78). В румынском Банате прослеживается влияние культуры Шомодьвар-Винковци (Woidich, 2009, S. 356). Имеются радиоуглеродные даты с поселенческих комплексов Домони, Иллё, согласно которым можно датировать эту культуру второй половиной III тыс. до н. э., в диапазоне 25–21 BC (Kulcsàr, 2011, p. 186).

Группу Ниршег, или Ниршег-Затин (названную по двум характерным памятникам на территории Венгрии и Словакии) относят к древнейшим в свите культур раннего бронзового века Среднего Дуная, по хронологии Я. Махника (Machnik, 1991, p. 48). Памятники ее расположены к северу от ареала, занятого культурой Глина III-Шнекенберг, в северо-восточной части Карпатских гор, в бассейне рек Тиса и Бодрог. Большинство памятников представляет собой небольшие поселения или стоянки. Среди останков домашних животных на поселениях обнаружены кости, принадлежащие крупному рогатому скоту, овцам, лошадям. Полагают, что небольшие поселения указывают на подвижный образ жизни, связанный со скотоводством и пастушеством, проживанием небольшими семейными группами. Среди занятий населения известны охота (в частности, благородного оленя и дикого кабана), рыболовство (Dani, 1999, 75). Немногочисленные погребения (найденные только на территории Венгрии и Румынии) располагались недалеко от поселений, на речных террасах или дюнах. Преобладает кремация, при ингумации положение скелетов не достаточно ясно ввиду случайности находок. Керамика делится на группы по качеству исполнения, более грубая использовалась и как погребальные урны. Известны профилированные кувшины,

порой с цилиндрическим горлом и налепами по бокам, остальные типы (чаши, горшки, амфоры) имеют аналогии в других культурах, «присвоение» достигается с помощью типичного их украшения (рис. 6. 23). Часть посуды орнаментирована в прочерченном стиле, применялась техники инкрустации, преобладает мотив зигзага в разных вариациях (Machnik, 1991, p. 48–55). Также типичны маленькие ручки и налепы. На поселениях находят изготовленные из глины колеса от моделей повозок, модели жилищ, ложки. Некоторые изделия из глины и кости интерпретируются как идолы (Kalicz, 1984). Радиоуглеродные даты немногочисленны, ранние памятники датируются концом III – началом II тыс. до н. э. (Kulcsàr, 2011, p. 186).

Группа Чепель характеризуется сходством с культурой Мако-Косиги-Чака и ранним этапом культуры Надьрев – с одной стороны и культурой колоколовидных кубков – с другой. Это достаточно ярко проявилось в ее керамическом комплексе и артефактах. Памятники (поселения и погребения) немногочисленны, расположены вдоль берега Дуная к северу от Будапешта. Находки представлены, в основном, керамикой и костями животных. В большинстве погребений, которые чаще всего находились невдалеке от поселений, использовался обряд кремации. При ингумации скелеты уложены скорчено на правом или левом боку, в инвентаре – вещи, характерные для культуры колоколовидных кубков: керамика, медные кинжалы, «пластины лучников» (рис.6. 24. 1–10), костяные кнопки, а в могилах с кремацией без урн были найдены орнаментированные кубки. В керамическом комплексе поселений – кувшины, миски, амфоры специфичной формы (ручки крепились к нижней части тулова), вазы в виде широкогорлых двуручных амфор. Многочисленны находки шильев, преимущественно, на поселениях, что, как полагают, указывает на местное производство. Население занималось животноводством, разводили лошадей и крупный рогатый скот. Группу Чепель синхронизируют с поздним этапом культуры колоколовидных кубков, возможны связи с поздними группами КШК Богемии и Моравии и культурой Глина III-Шнекенберг (Machnik, 1991, p. 82–100). Некоторые исследователи полагают возможным говорить о единой группе Bell Beaker-Czepel (колоколовидные кубки-Чепель), для нее имеется серия из 14 радиоуглеродных дат в диапазоне 28–21 вв до н. э., что ведет к необходимости пересмотра существующих хронологических рамок для этой группы (Kulcsàr, 2011, p. 187).

В румынской Молдове небольшой период времени продолжается развитие местных культурных групп предшествующего периода (Тырпешти), в то же время имели место передвижки с востока (буджакская и катакомбная культуры) и с запада и северо-запада (Шнекенберг В, КШК, Жигодин). Особое место по-прежнему отводится культуре шаровидных амфор. Видимо, периферийное положение Карпато-Прутского региона, с одной стороны, его роль своеобразного «коридора» при продвижении различных групп степного населения в Карпатскую котловину, Подунавье, Балканы, способствовали культурной стабильности, по сравнению с более динамичными регионами Центральной и Юго-Восточной Европы.

Ян Махник предполагает во второй половине III тыс. – начале II тыс. до н. э. сложение в рамках Карпат-Дунайского ареала особой культурной общности, названной им «Цивилизация раннебронзового века», которая включала в себя блок синхронных культур. Выделяется три региона: 1). Нижний Дунай, культура Шнекенберг-Глина III; 2). Средний Дунай, культуры Ниршег, Мако-Косиги-Чака, Чепель, Питварош, ранний Надьрев; 3). Северные отроги Карпат и юго-запад Словакии, культура Хлопице-Веселе, культура колоколовидных кубков, поздний этап. В культурах, составляющих этот комплекс, проявляются общие черты – в керамике, металлических артефактах, элементах погребальной обрядности (Machnik, 1991, p. 173–185). Металлургия была, по мнению исследователя, одним из важнейших факторов, стимулирующих мобильность населения, контакты между человеческими коллективами, содействуя их быстрому развитию (Machnik, 1991, p. 185).

Анализ археологического материала на фоне исследований европейских археологов позволили определить тот культурный контекст, в который было включено – в той или иной степени – население Северо-Западного Причерноморья.

Круг эпишнуровых культур. На Украины к ним относят городско-здовбицкую и стжижовскую культуры расположенные на территории Волыни, а также почапскую группу на Подолии, восходящую к центральноевропейской культуре Хлопице-Веселе. Городско-здовбицкую культуру датируют в пределах 2400/2300 – 1600 ВС, стжижовская культура появляется на рубеже III и II тыс. до н. э., завершаются обе культуры одновременно (Бунятян, Позіховський, 2011, с. 99). К карпатским эпишнуровым культурам относят межановицкую, которая была распространена в основном, на востоке Польши, в верховьях бассейна Вислы, достигая на востоке Сандомирской возвышенности, а на западе – Меховской. Помимо шнурового субстрата, в ее керамическом комплексе отмечают влияние дунайских культур. Культура представлена поселениями и грунтовыми могильниками, в котором достаточно ярко проявляются черты КШК (Kozlowski, 1999). Протомежановицкую фазу датируют 23 в. до н. э., а начальный этап межановицкой культуры связывают с 22 в. до н. э. (Wlodarczak, 2006, s. 128).

Значительные регионы Центральной Европы в это время занимает унетицкая культура, которую считают разноэтничным конгломератом, но в качестве основных субстратов видят культуры шнуровой керамики и колоколовидных кубков. Культура просуществовала с 2300 по 1700/1600 ВС (Greenfield, 2001, p. 135; Jiráň, 2008, s. 28–29, Tab. 1). Ее памятники известны в Словакии, Моравии, Богемии, Южной и Центральной Германии и Южной Польши. Полагают, что ее формирование и развитие было связано, в основном, с добычей меди и олова на территориях распространения культуры. Именно эта отрасль послужила основой для быстрого развития не только собственной металлургии, но и торговли бронзой, в частности, в северные районы Европы (Эчеди, Ковач, 2003, с. 354–365).

Однако эти культуры уже соотносятся с иной эпохой, со следующим хронологическим периодом бронзового века.

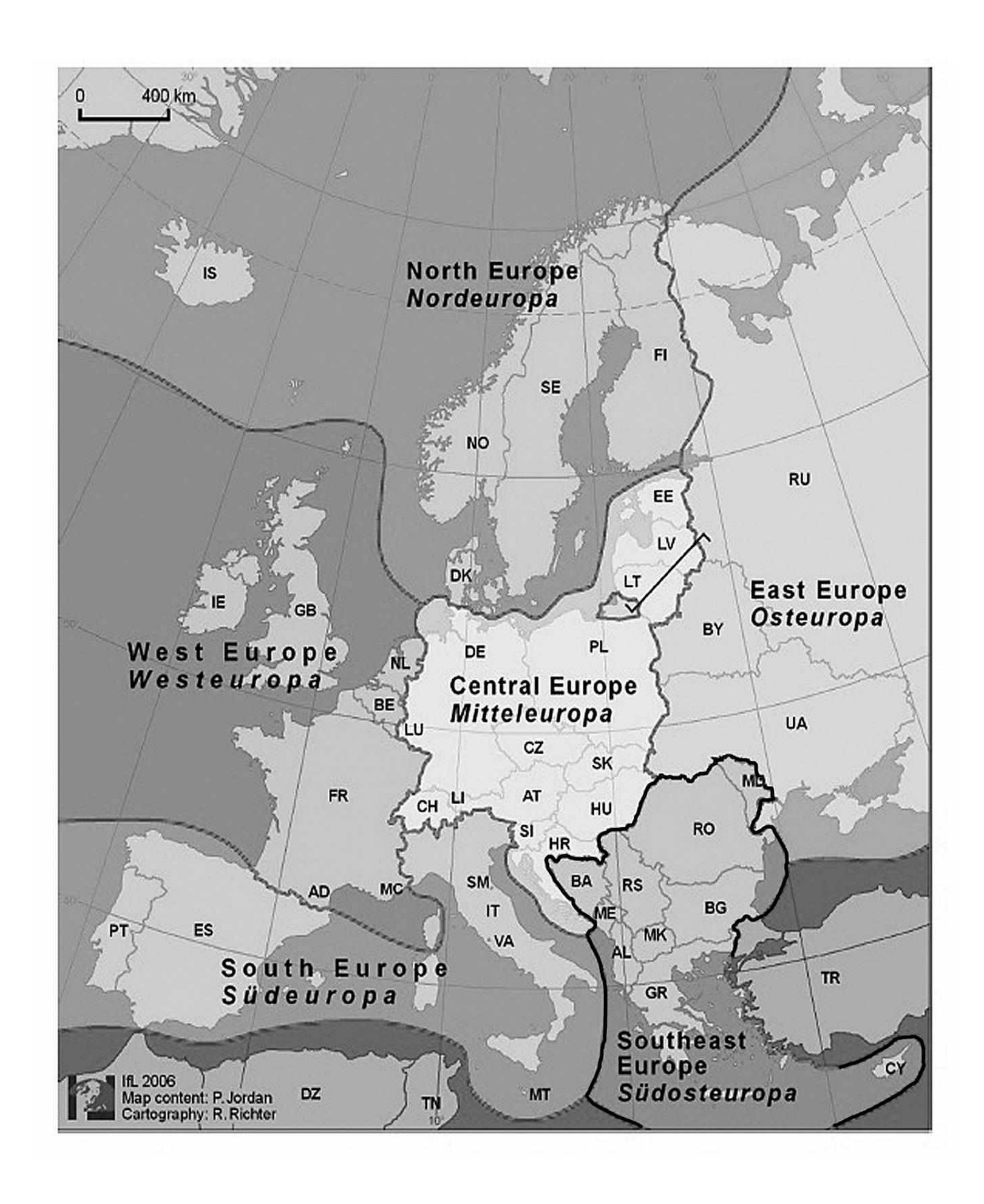

Рис. 6.1. Районирование европейского континента

(по: Federal Agency for Cartography and Geodesy in Frankfurt
http://141.74.33.52/stagn/Portals/0/070925_Europe_cultural_ger_eng_gr.pdf)

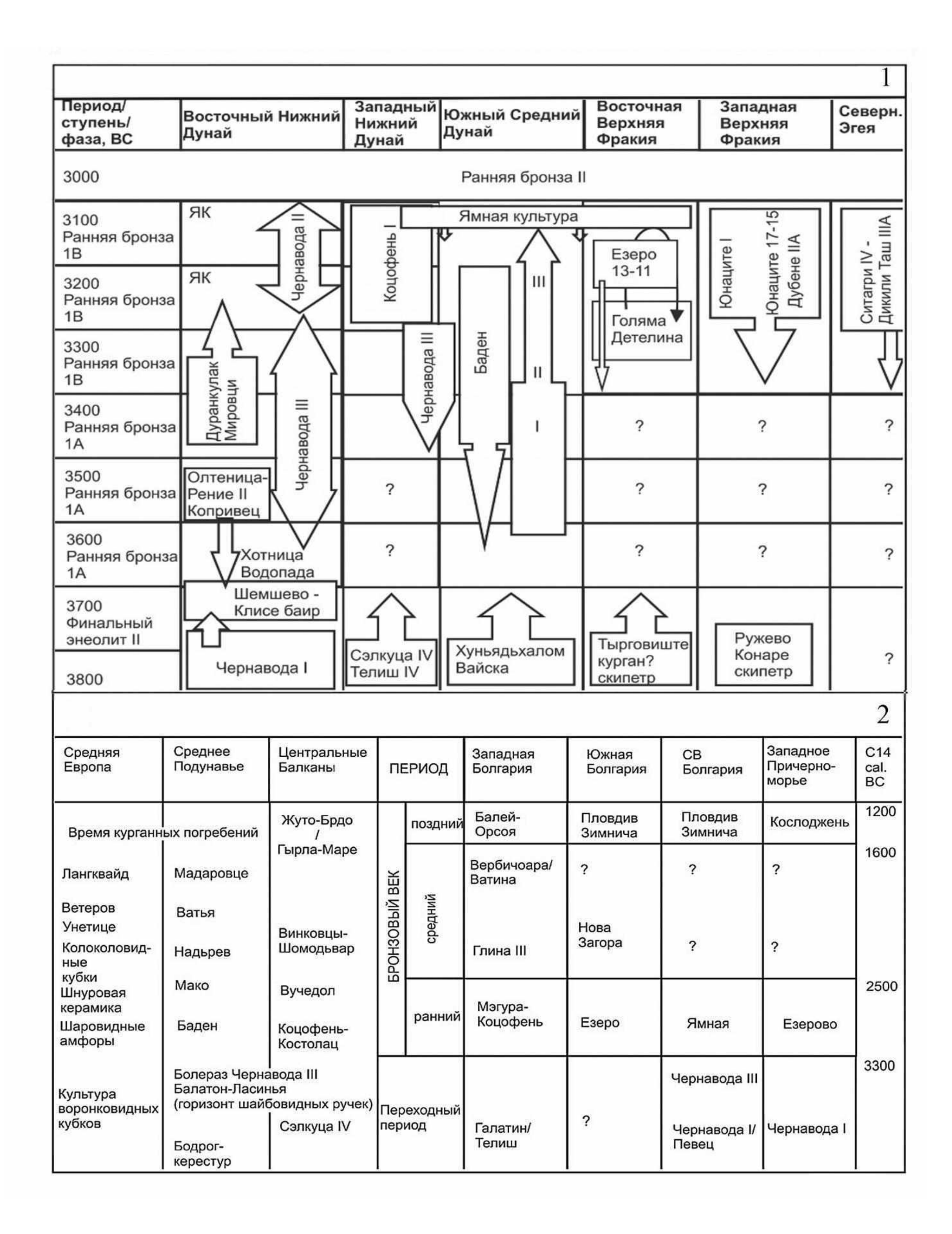

Рис. 6.2. Хронология культур позднего энеолита - бронзового века в Центральной и Юго-Восточной Европе

(по: 1 - Nikolova, 2001; 2 - Gorsdorf, Bojadziev, 1996)

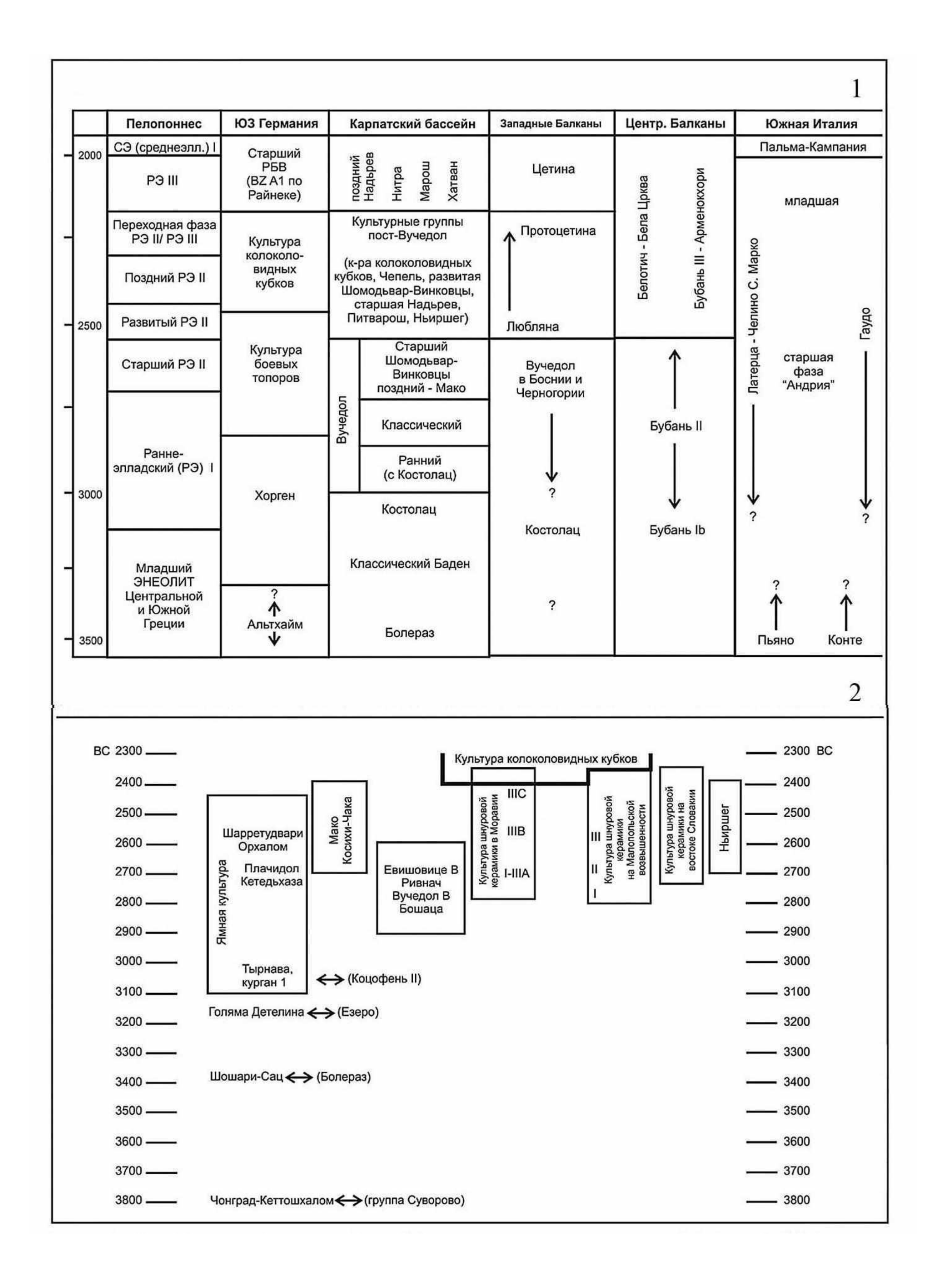

Рис. 6.3. Хронология культур позднего энеолит-бронзового века в Центральной и Юго-Восточной Европе

(по: 1 - Maran, 2007; 2 - Wlodarczak, 2010)

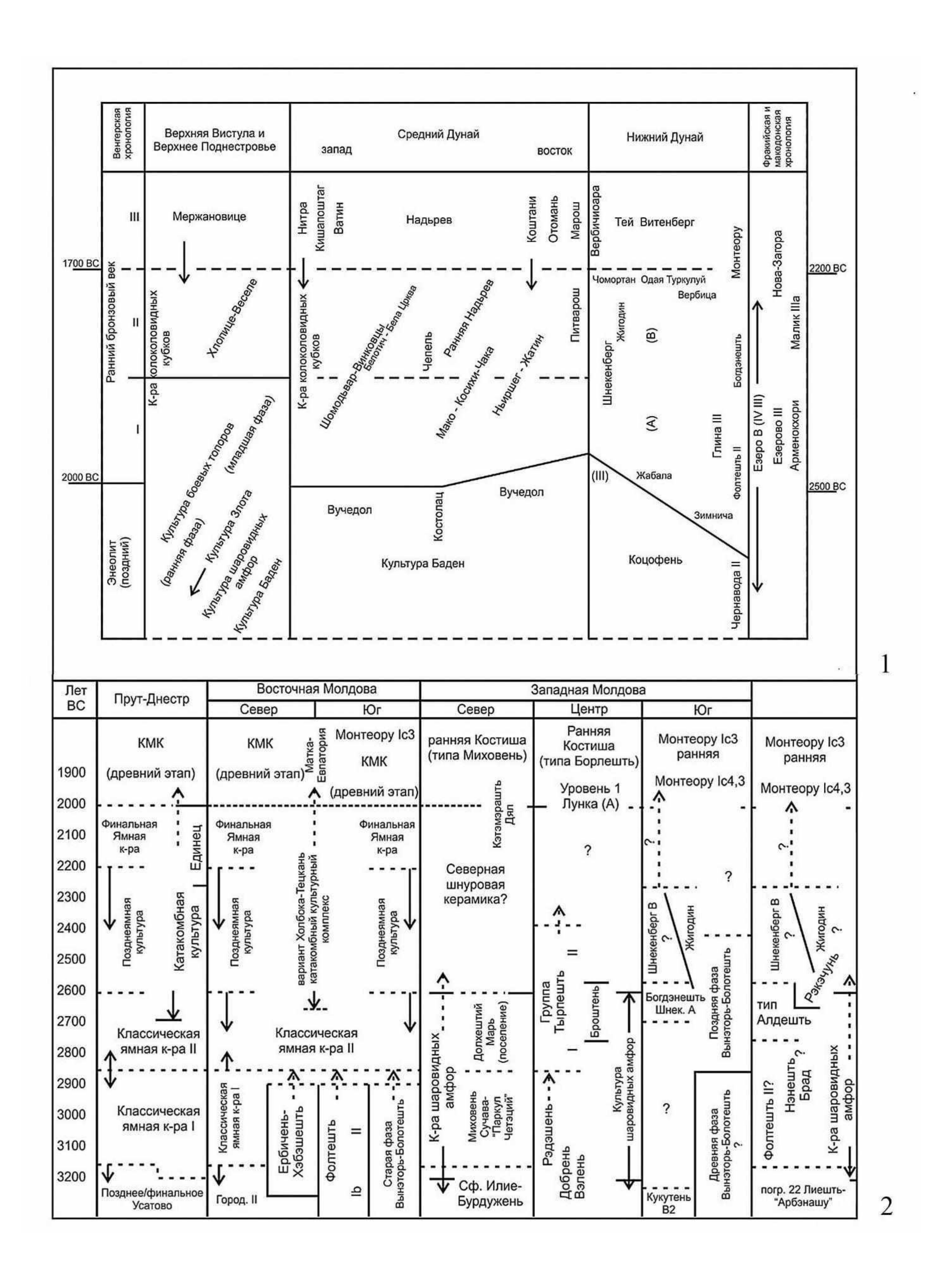

Рис. 6.4. Хронология культур позднего энеолита-раннего бронзового века в Центральной и Юго-Восточной Европе:

(по: 1- Machnik, 1991; 2 - Burtanescu, 2002)

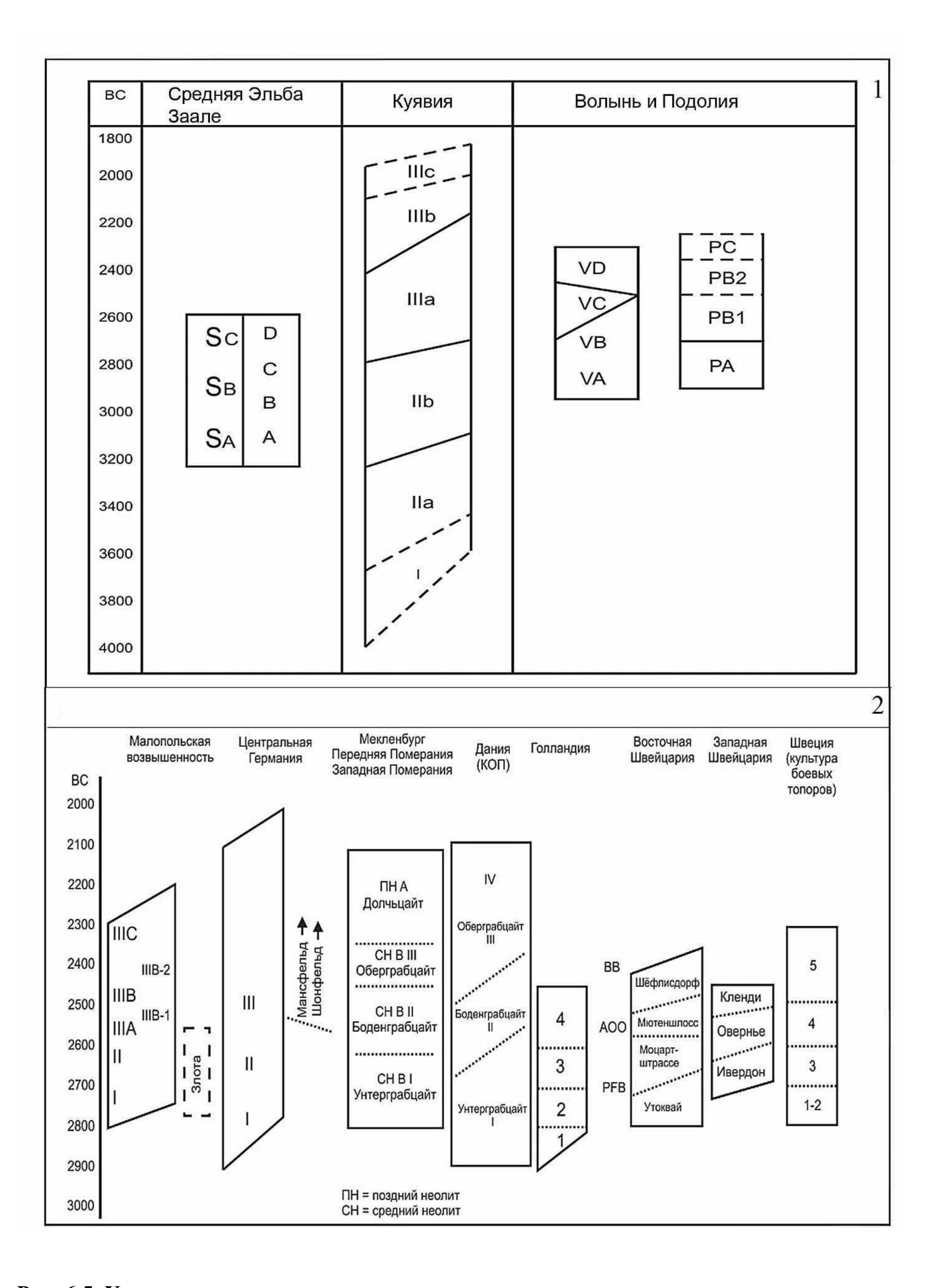

Рис. 6.5. Хронологическая позиция культур и культурных групп КША(1) и КШК (2)

(по: 1 - Szmyt, 1999; 2 - Wlodarczak, 2006)

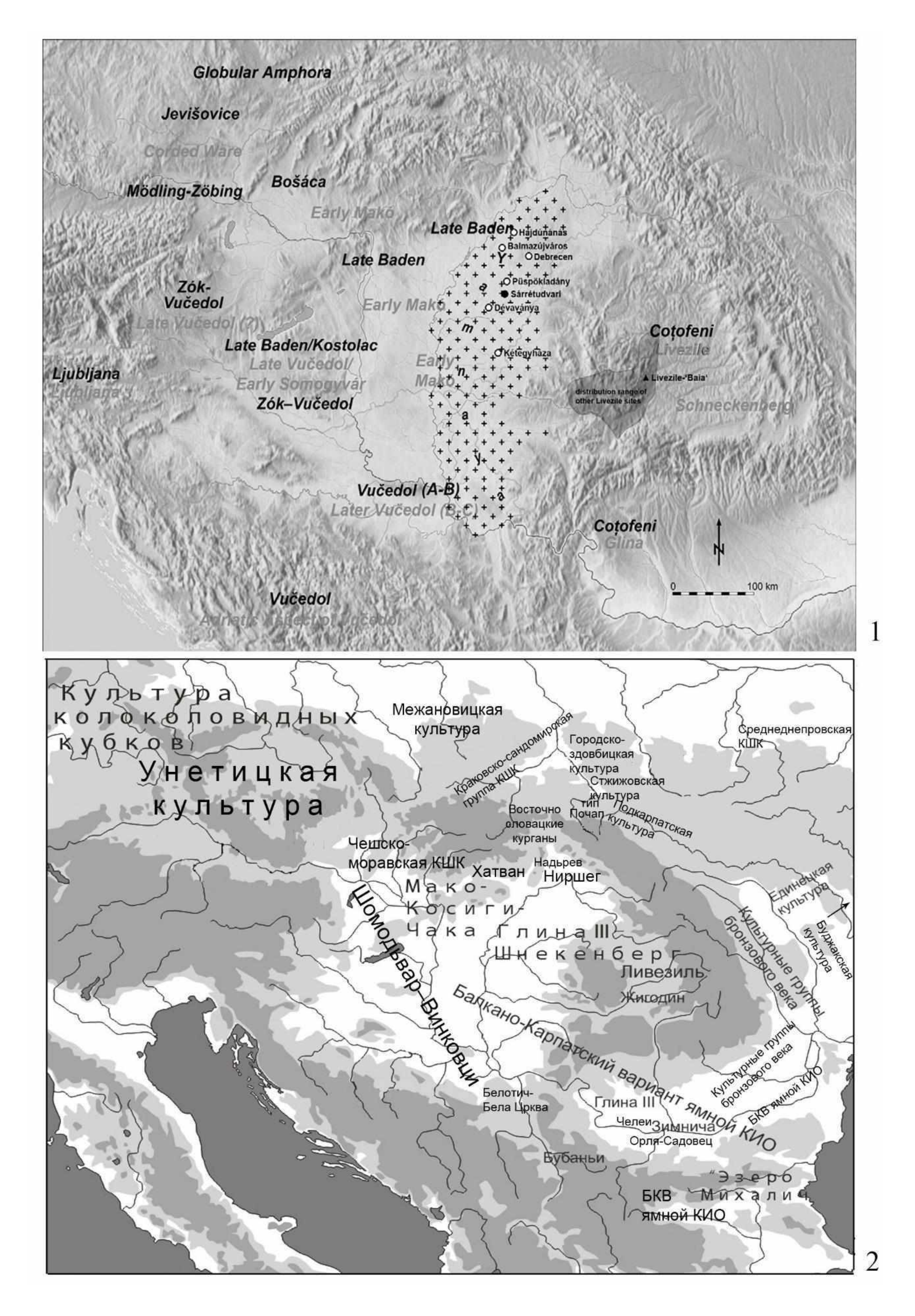

Рис. 6.6. Культурная ситуация в Юго-Восточной и Центральной Европе в III тыс. до н.э. (культуры, синхронные Балкано-Карпатскому варианту ямной КИО):

1 - первая половина III тыс. до н. э. (по: Gerling et al., 2012); 2 - вторая половина III тыс. до н. э.

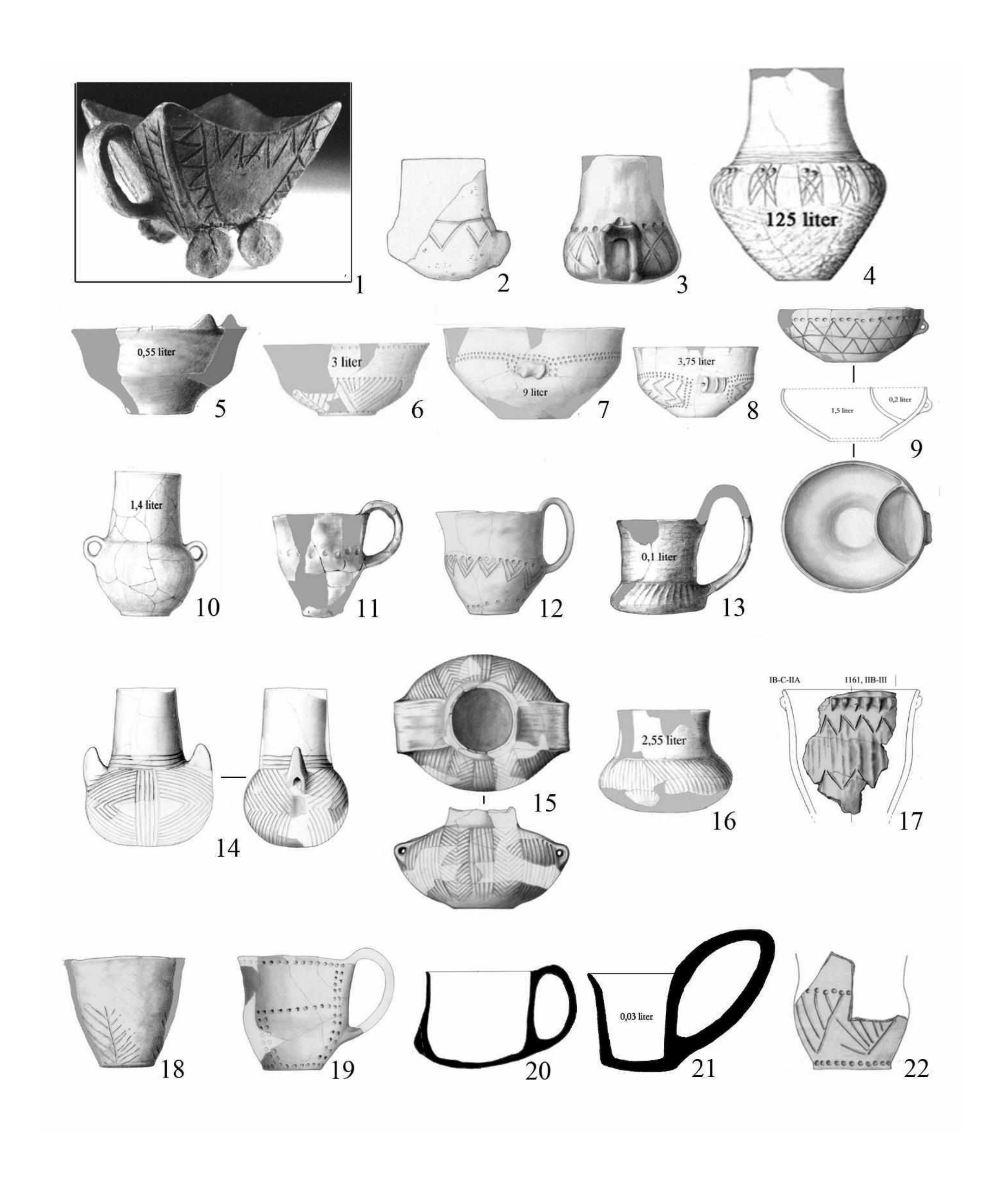

Рис. 6.7. Керамика и модель повозки культуры Баден (поздний и позднейший этапы):

1 - Szigetszentmarton; 2-22 - поселение Balatonoszod-Temetoi (1-17 - фаза II B-III; 18, 19 - фаза III; 20 - фаза III B-IV; 21, 22 - фаза III-IV);
(по: 1 - Horvath, 2010; 2-22 - Horvath, 2011a)

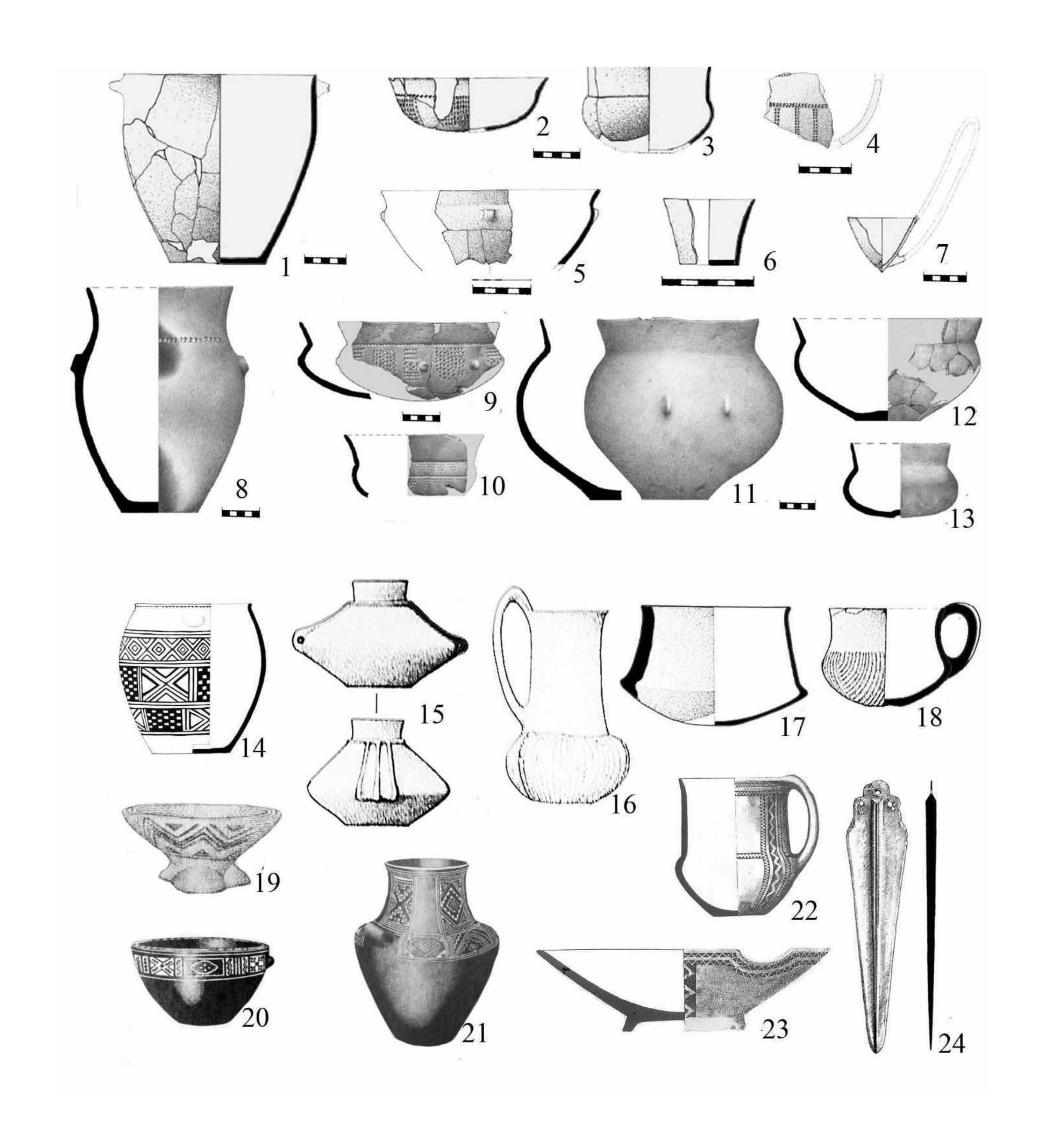
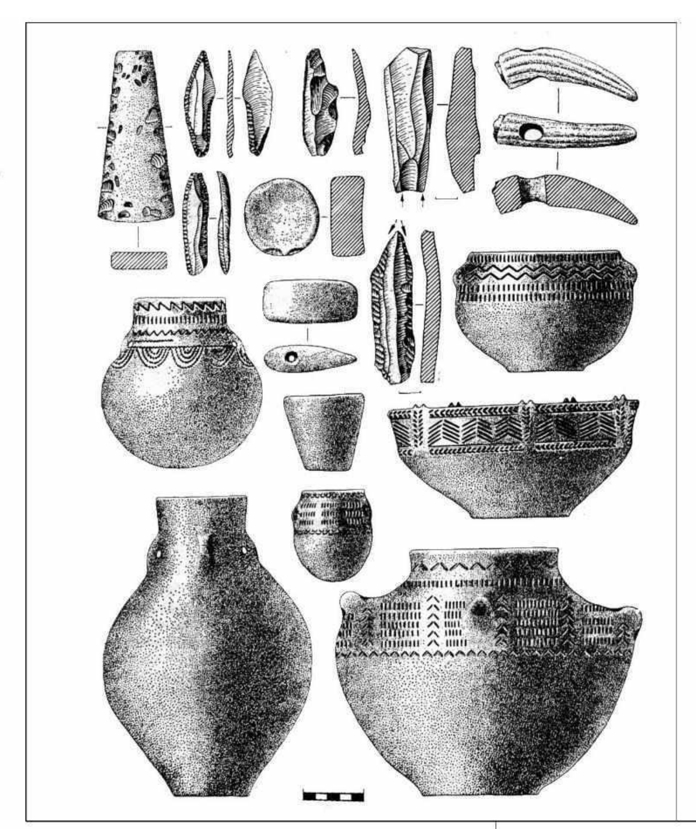

Рис. 6.8. Материалы, характеризующие культуры Костолац и Вучедол:

1-7 - поселение Вучедол, слой Костолац; 8-13 - могильник Балатонбоглар; 14-23 - керамика культуры Вучедол; 24 - кинжал из серебра;

(по: 1-7- Balen, 2005; 8-13 - Siclosi, 2004; 14-18 - Durman, 1988; 19-21 - Mtiller-Karpe, 1974; 22-24 - Dimitrijevic, 1988)

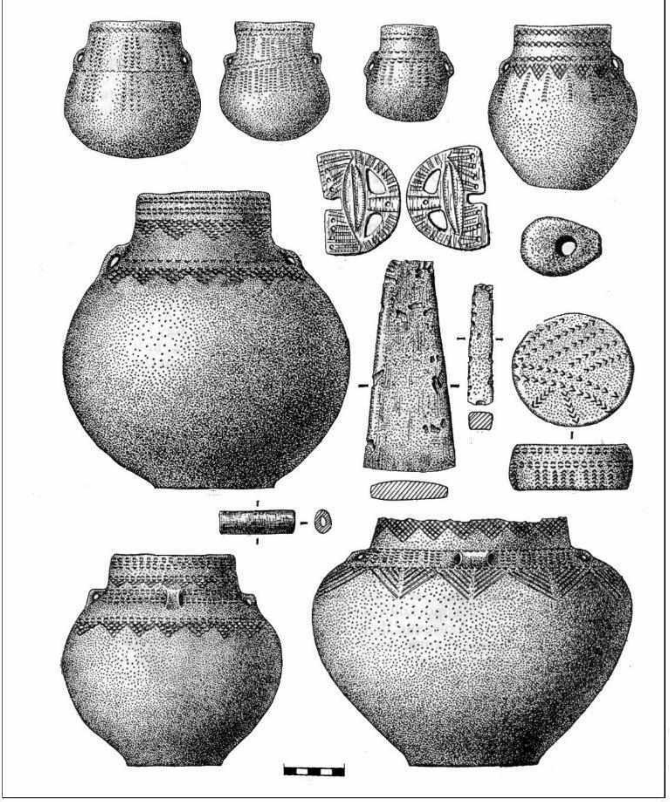

Рис. 6.9. Основные черты волынской (1) и подольской (2) групп КША
(по: Свешников, 1985)

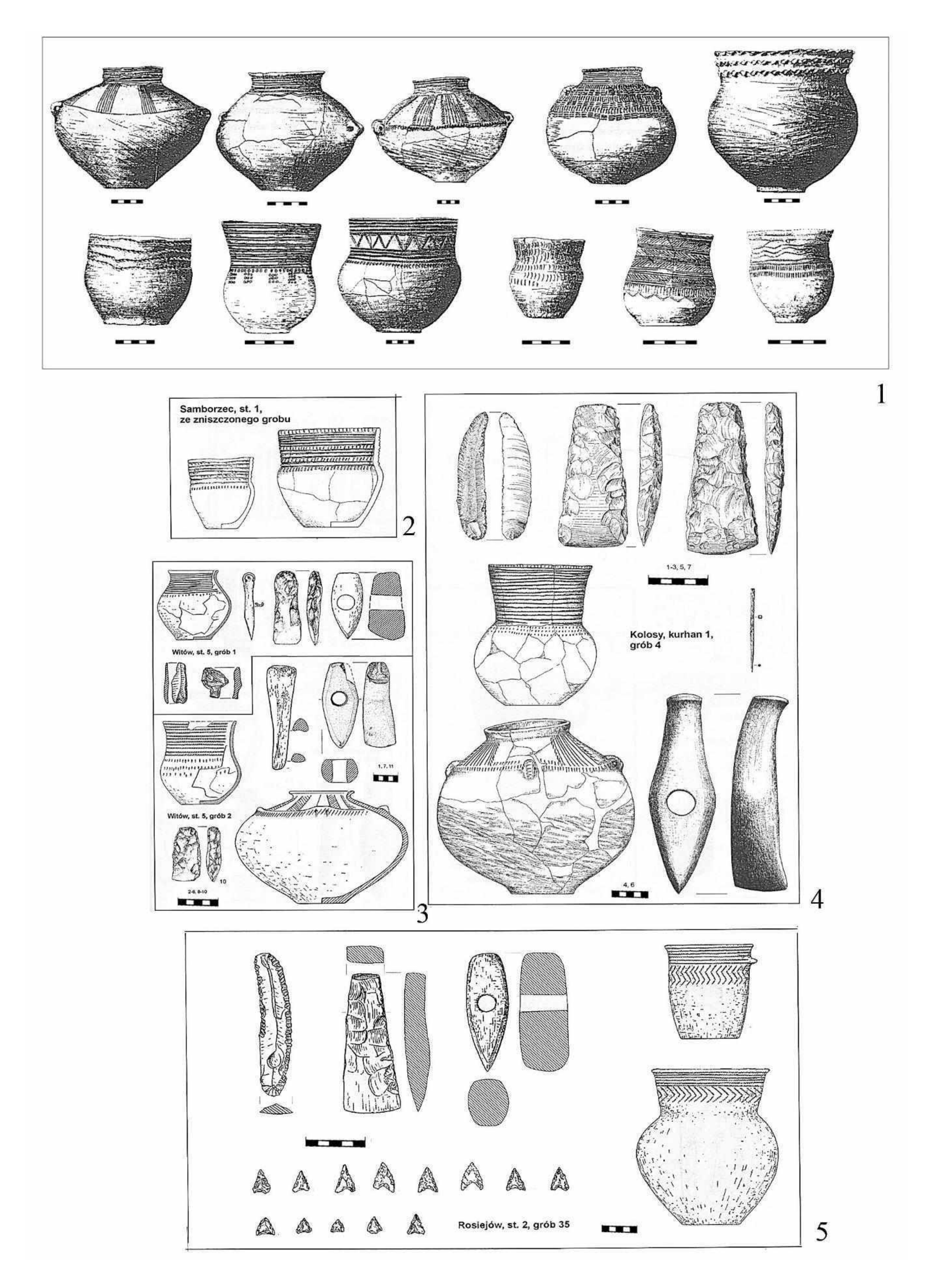

Рис. 6.10. Материалы, характеризующие культуру Злота и краковско-сандомировскую группу КШК:

1 - культура Злота; 2-5 - краковско-сандомировская группа, разные хронологические этапы;

(по: 1 - Krzak, 1976; 2-5 - Wlodarczak, 2006)

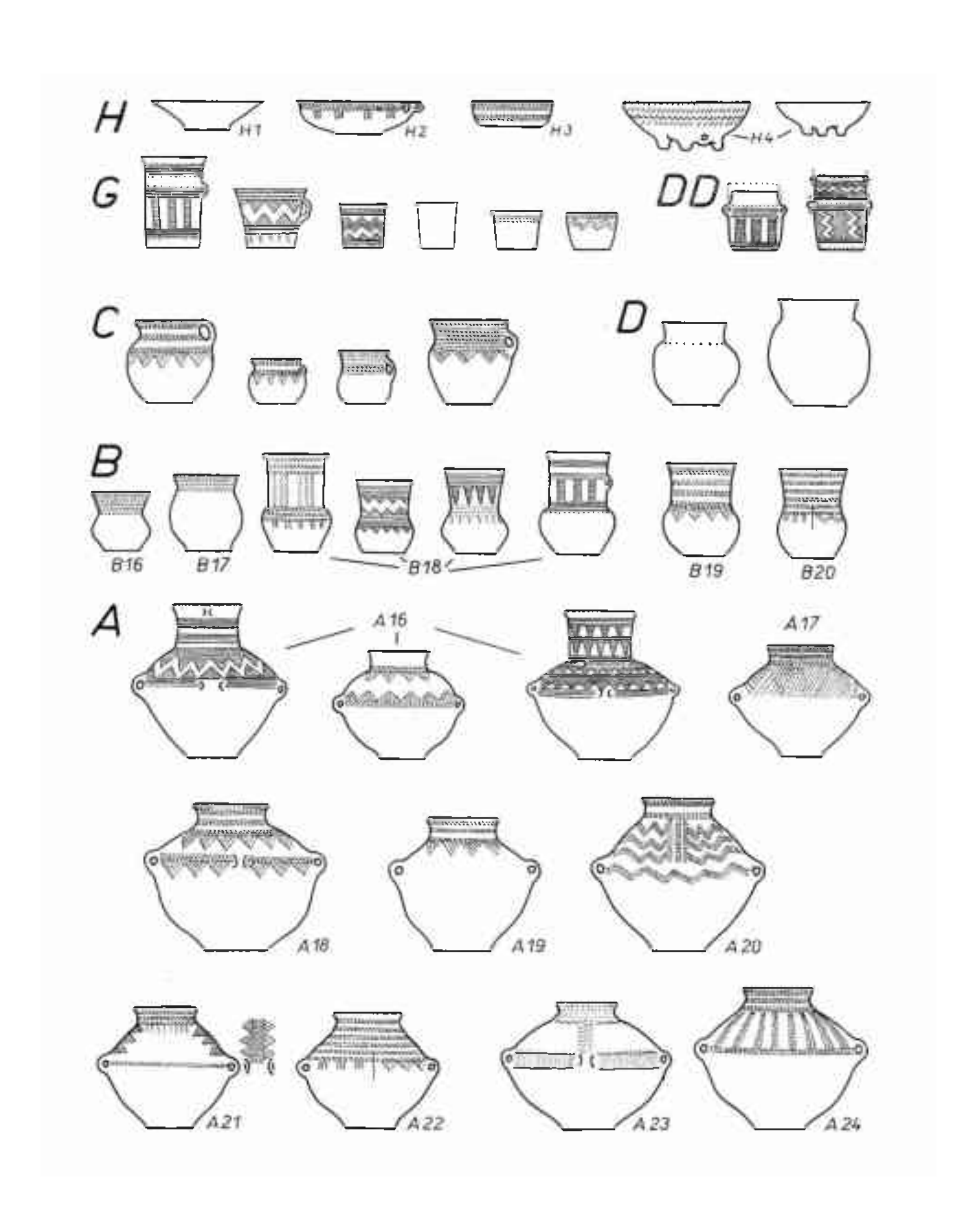

Рис. 6.11. Керамика КШК из Средней Германии

(по: Buchvaldek, 1966)

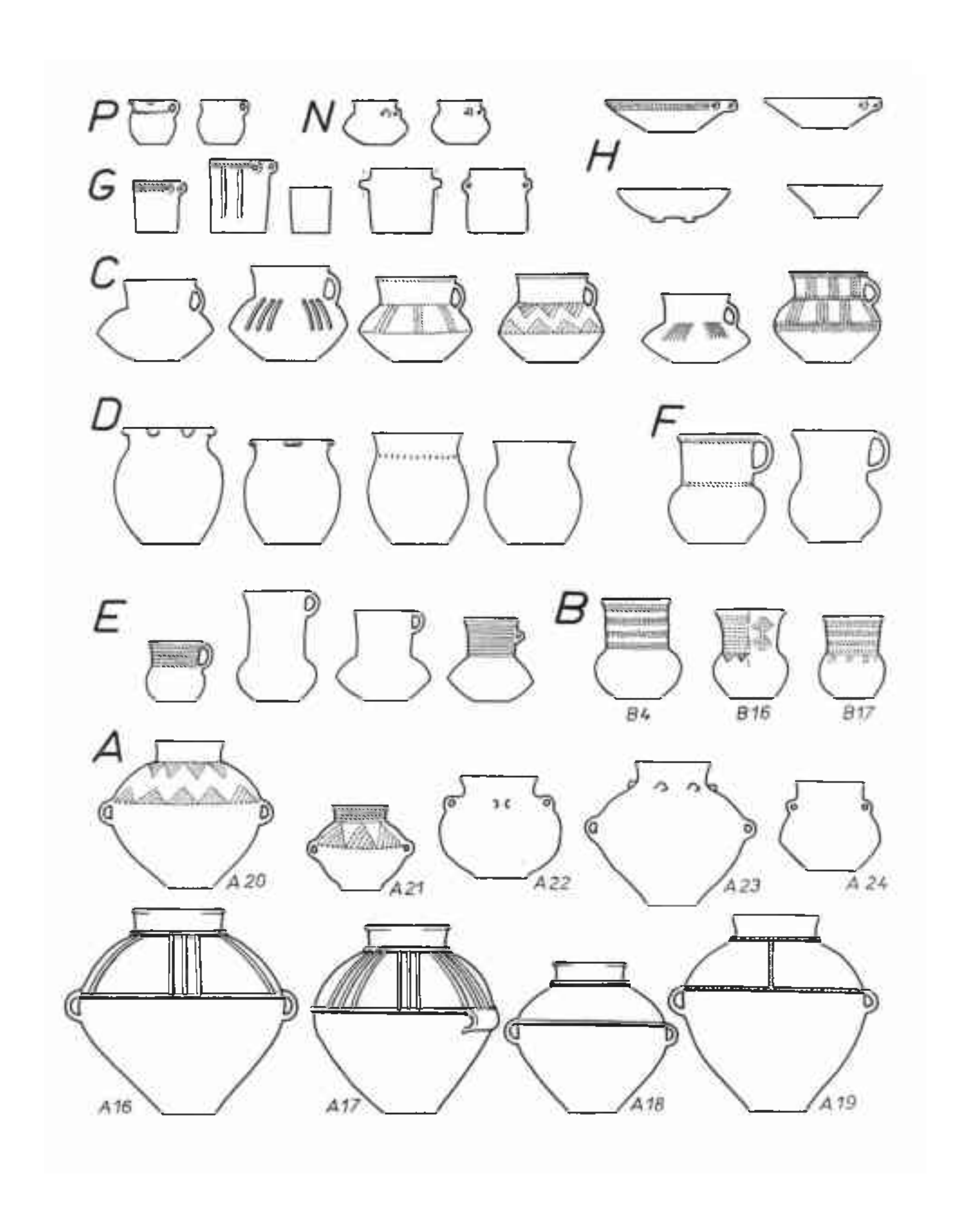

Рис. 6.12. Керамика КШК из Богемии

(по: Buchvaldek, 1966)

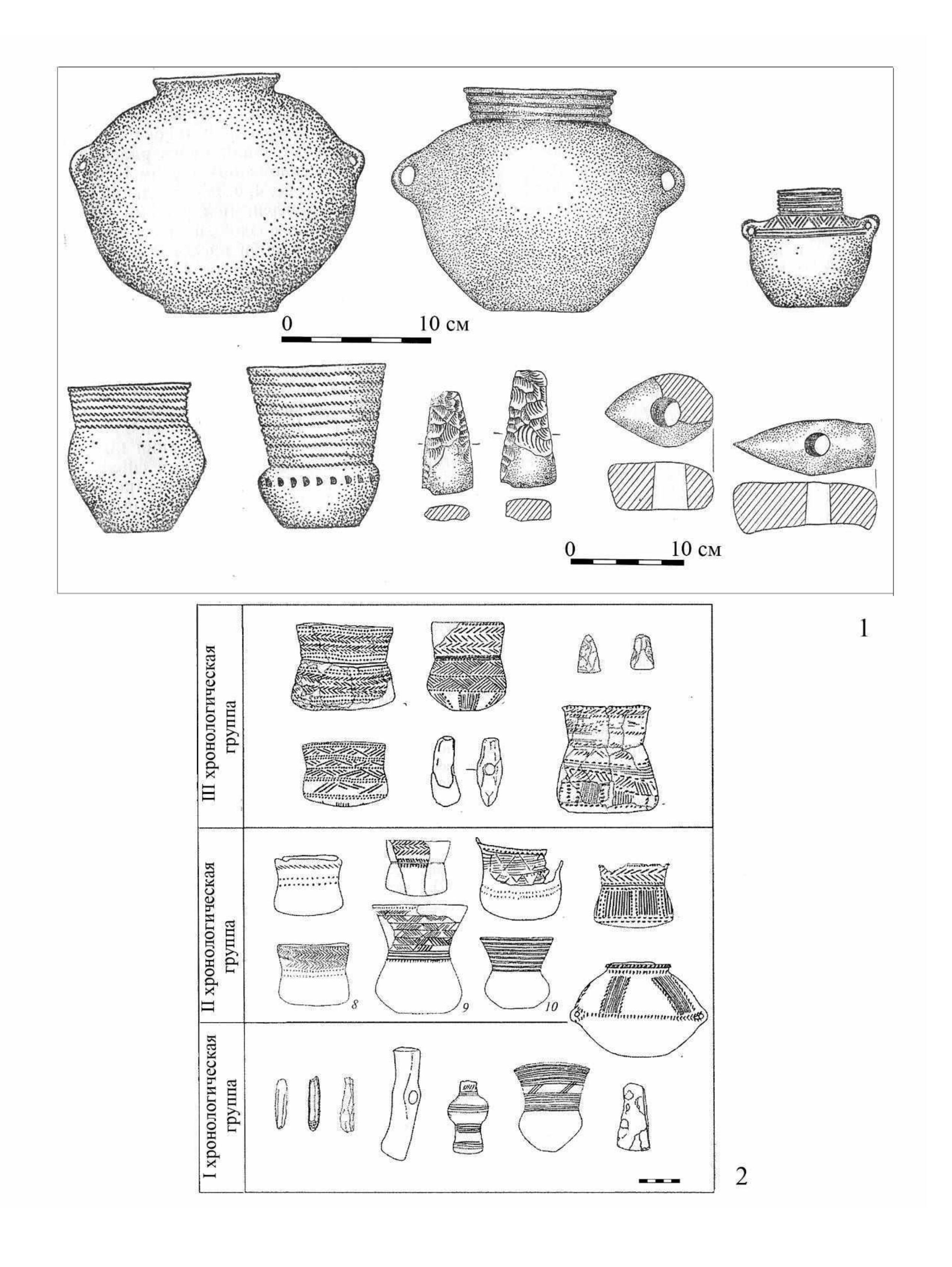

Рис. 6.13. Материалы, характеризующие подкарпатску. и среднеднепровскую культуры:

1 - подкарпатская культура; 2 - среднеднепровская культура;
(по: 1 - Свешников, 1974; 2 - Бунятян, 2008)

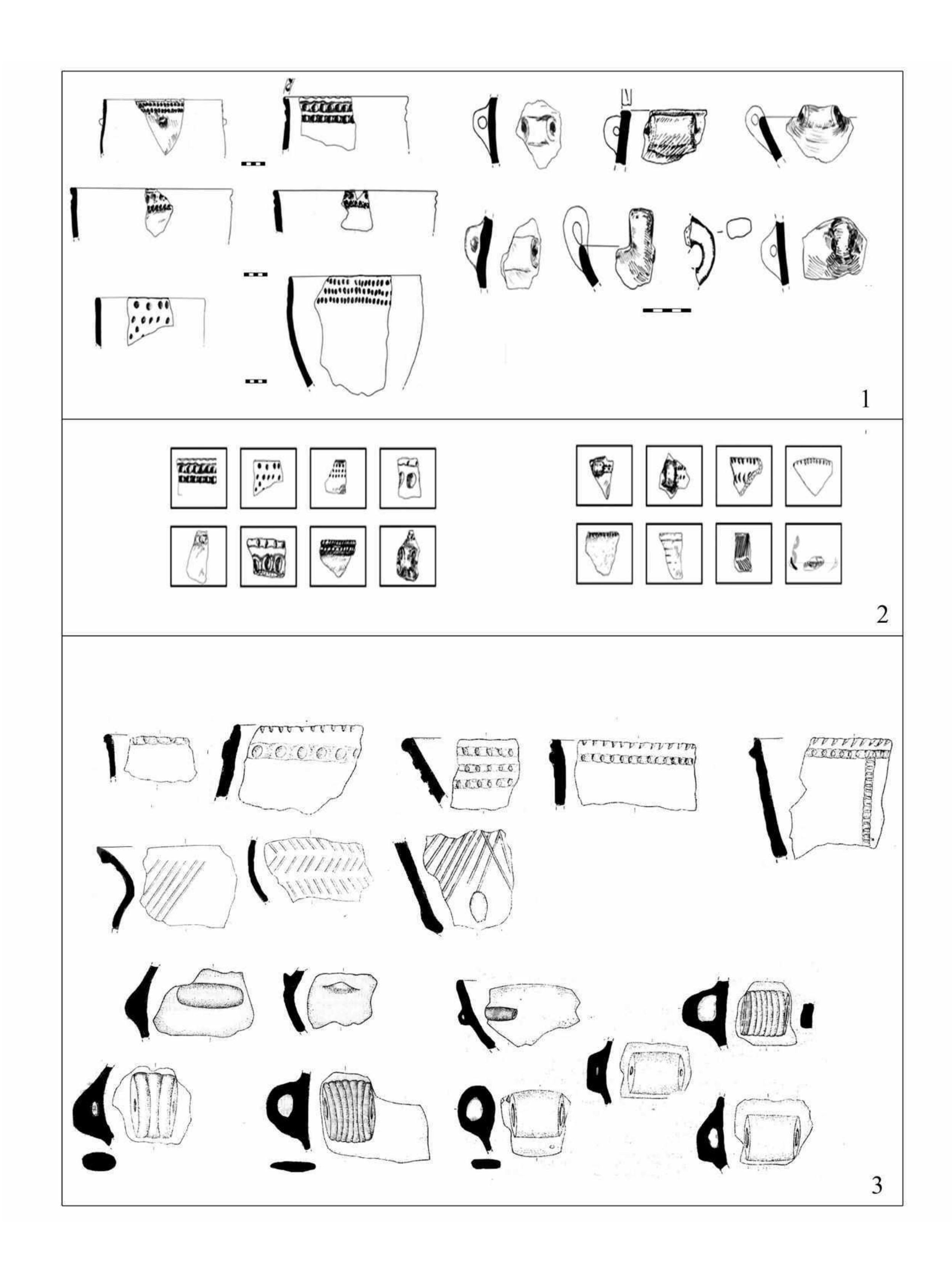

Рис. 6. 14. Материалы, характеризующие культуру Чернавода III

1 - фрагменты сосудов с поселения Бада-Бунар; 2 - варианты орнаментации сосудов на поселении Бада-Бунар; 3 - керамика слоя II поселения Дуранку- лак;
(по: 1,2 - Hristova, 2010; 3 - Драганов, 1990)

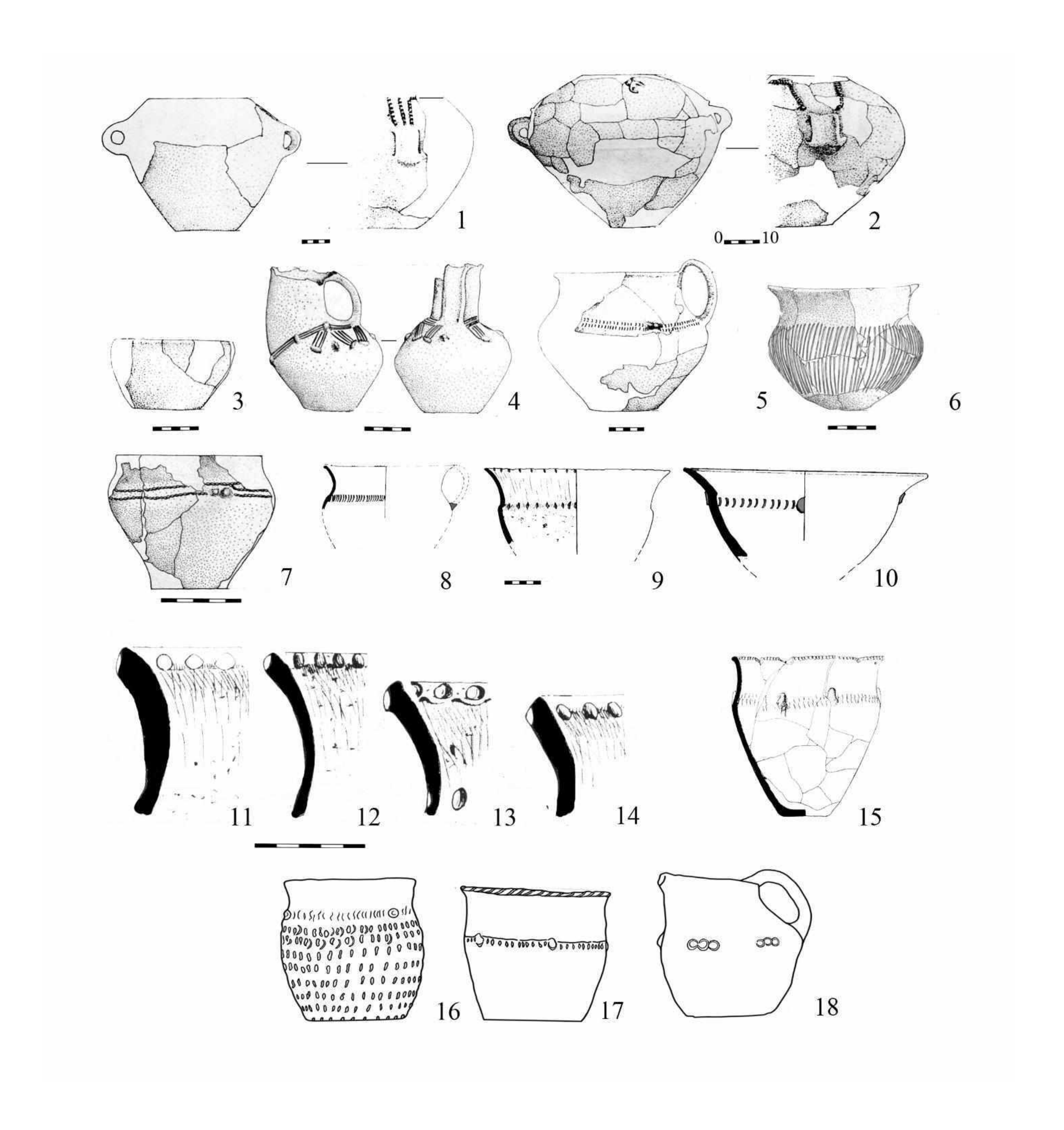

Рис. 6.15. Материалы, характеризующие культуру Чернавода П/Фолтешти II

(по: 1-10 - Petrescu-Dimbovita, Dinu, 1974; 11-15 - Berciu et al., 1973; 16-18 - Simache, Teodorescu, 1962; 16-18 - прорисовка с фотографий С.В .Ивановой)

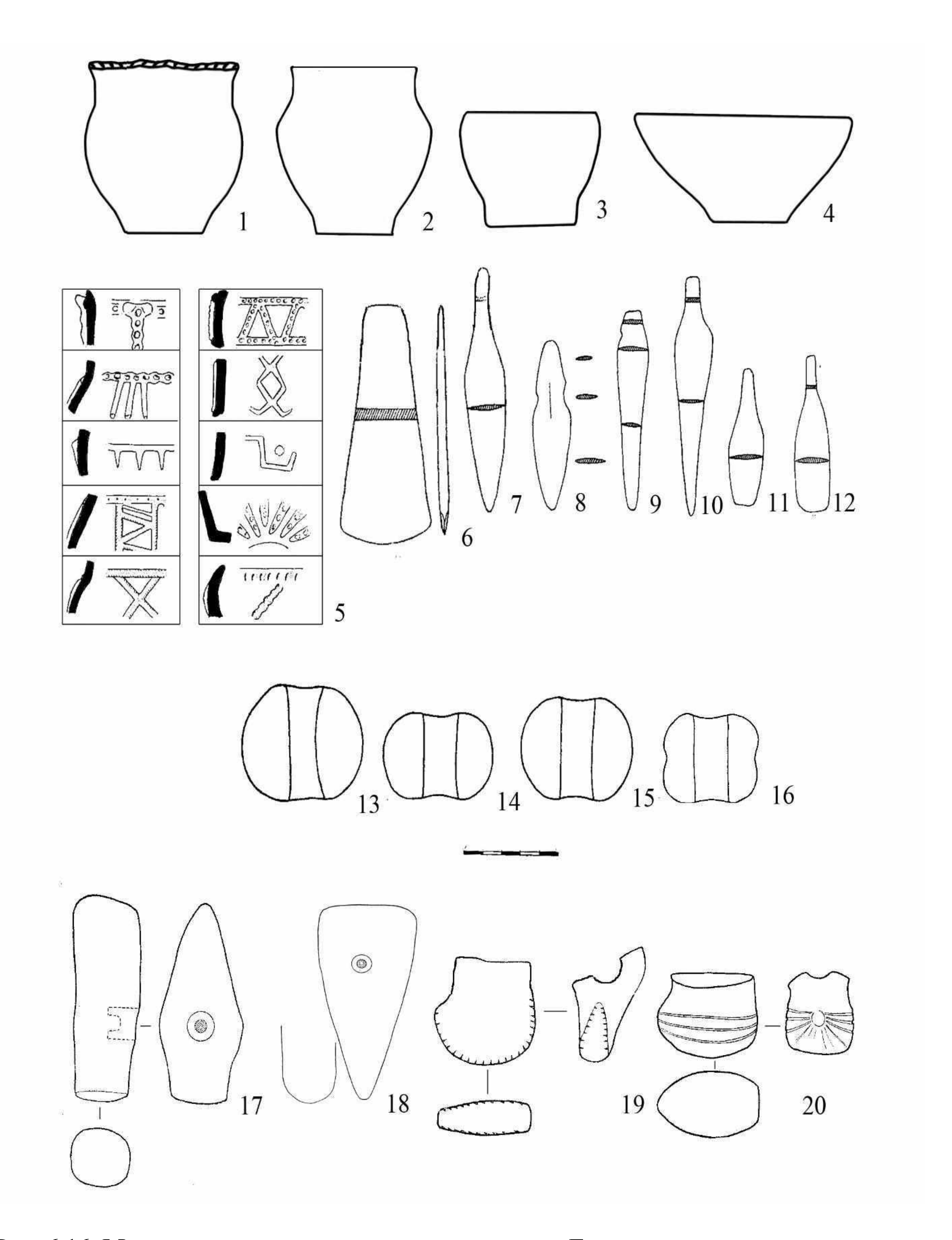

Рис. 6.16. Материалы, характеризующие культуру Езеро:

1-4 - керамика; 5 - образцы рельефного оранмента на сосудах; 6 - топор; 7-12 - ножи; 13-16 - булавы; 17-20 - топоры и фрагменты орнаментированных топоров;
(по: Езеро, 1979);
(1- 5 - глина; 6-12 - бронза; 13-20 - камень)

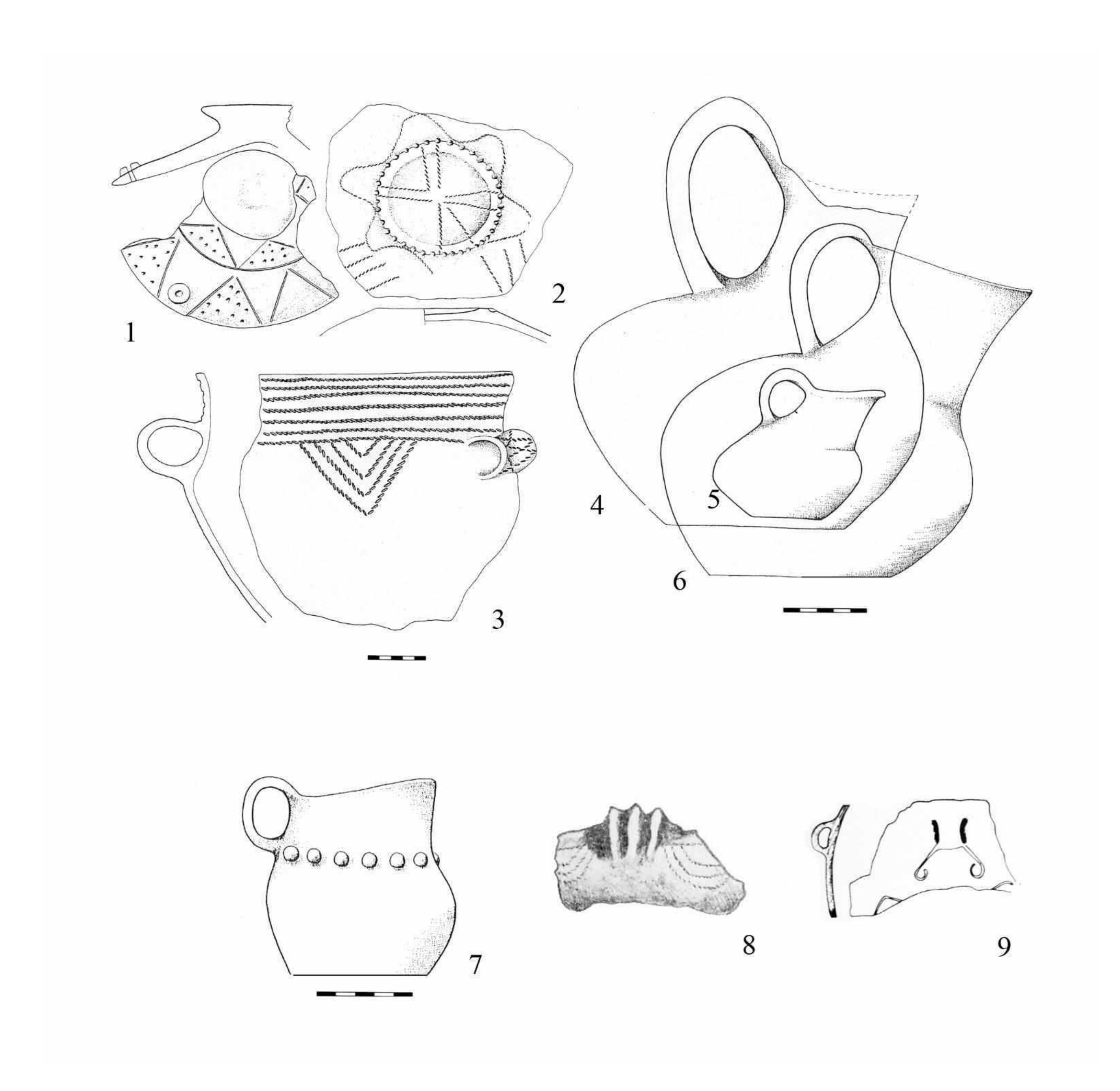

Рис. 6.17. Материалы, характеризующие культуру Езерово II

(по: 1-7 - Roman et al., 1992; 8,9 - Tonceva, 1981)

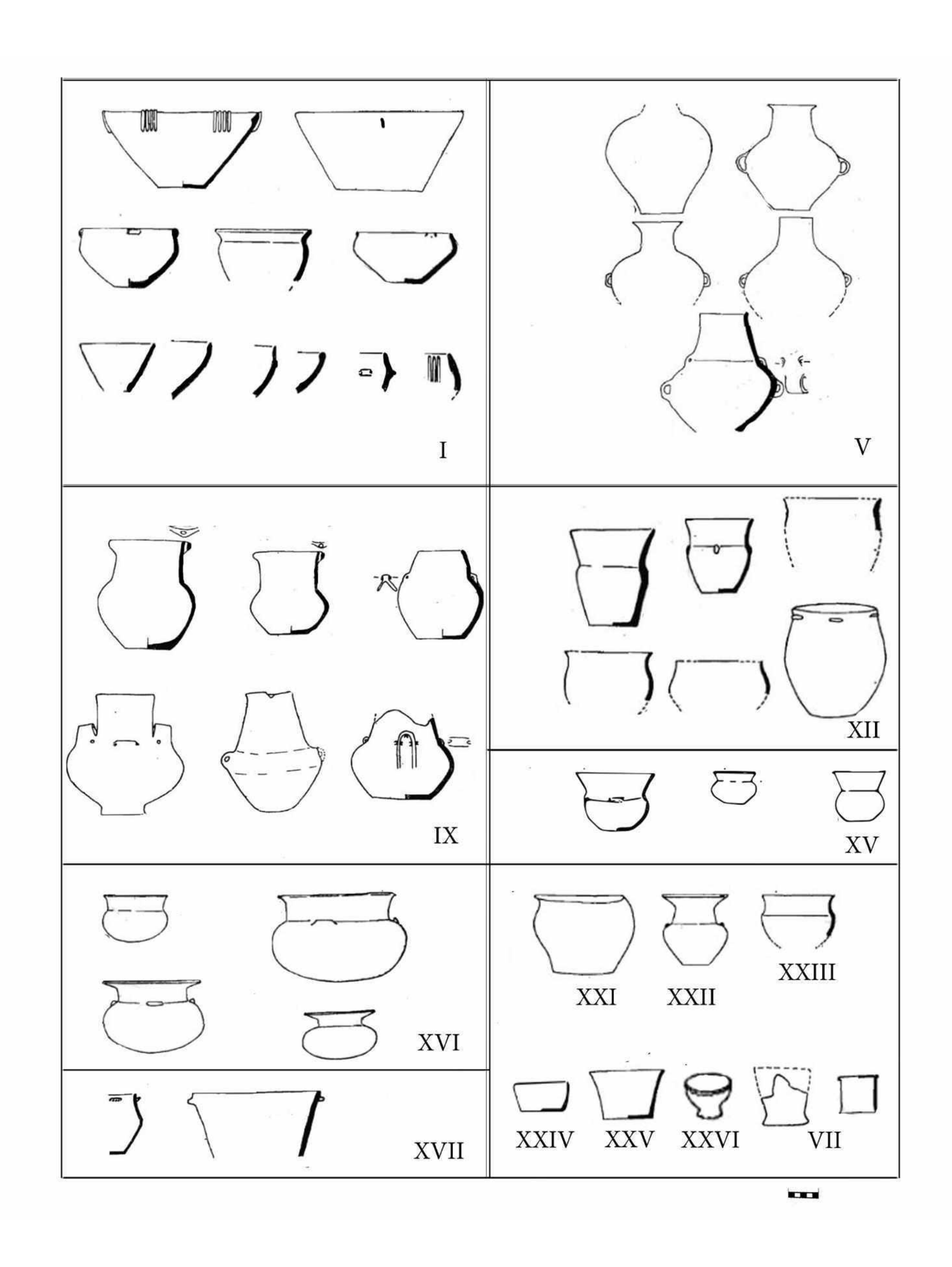

Рис. 6.18. Некоторые типы керамики культуры Коцофени

(по: Roman, 1976)

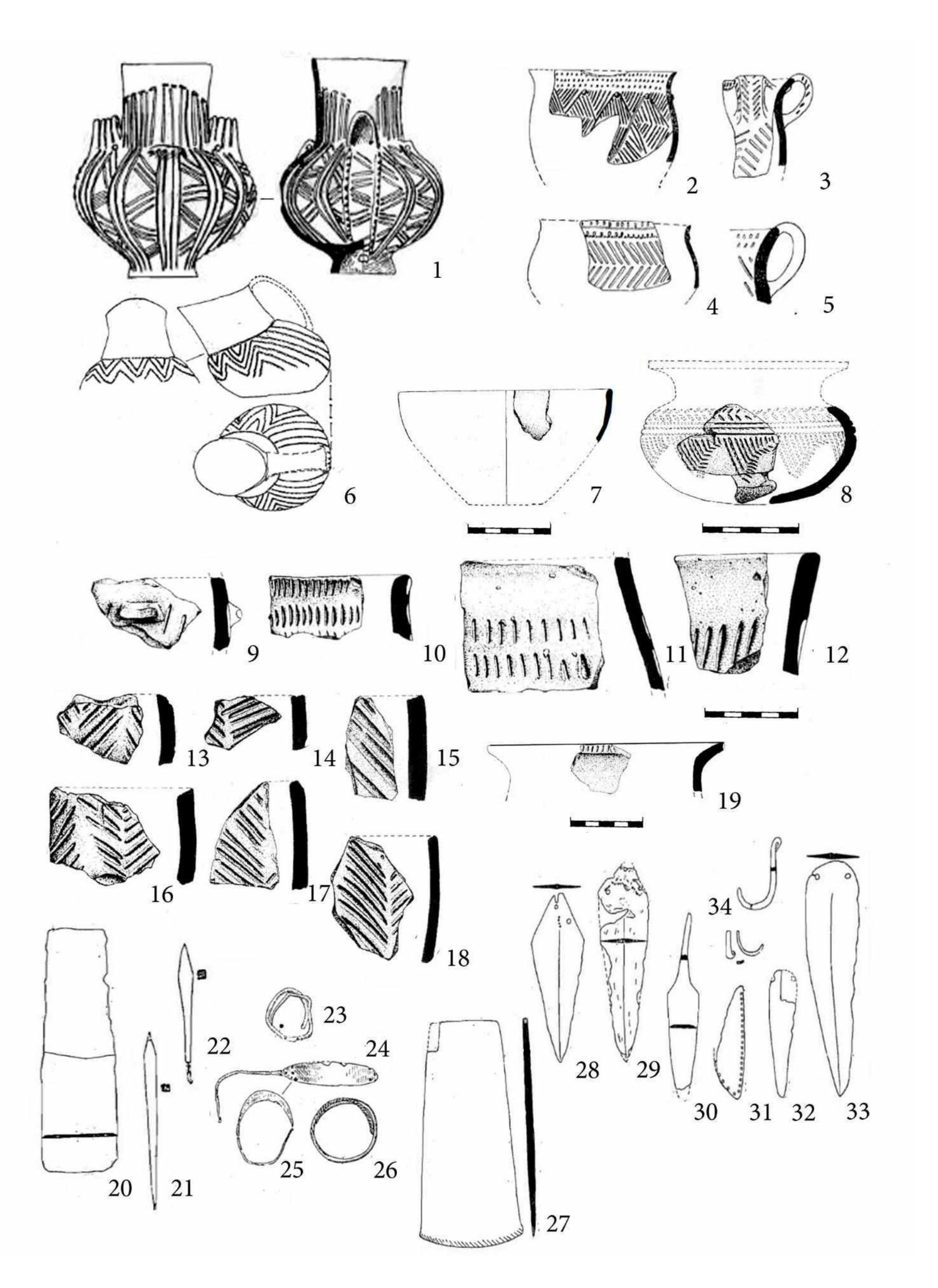

Рис. 6.19. Керамика (1-19) и металлические артефакты (20-33) культуры Коцофени

(по: 1-6, 20-33 - Roman, 1976; 7-17 - Popa, 1997/98)

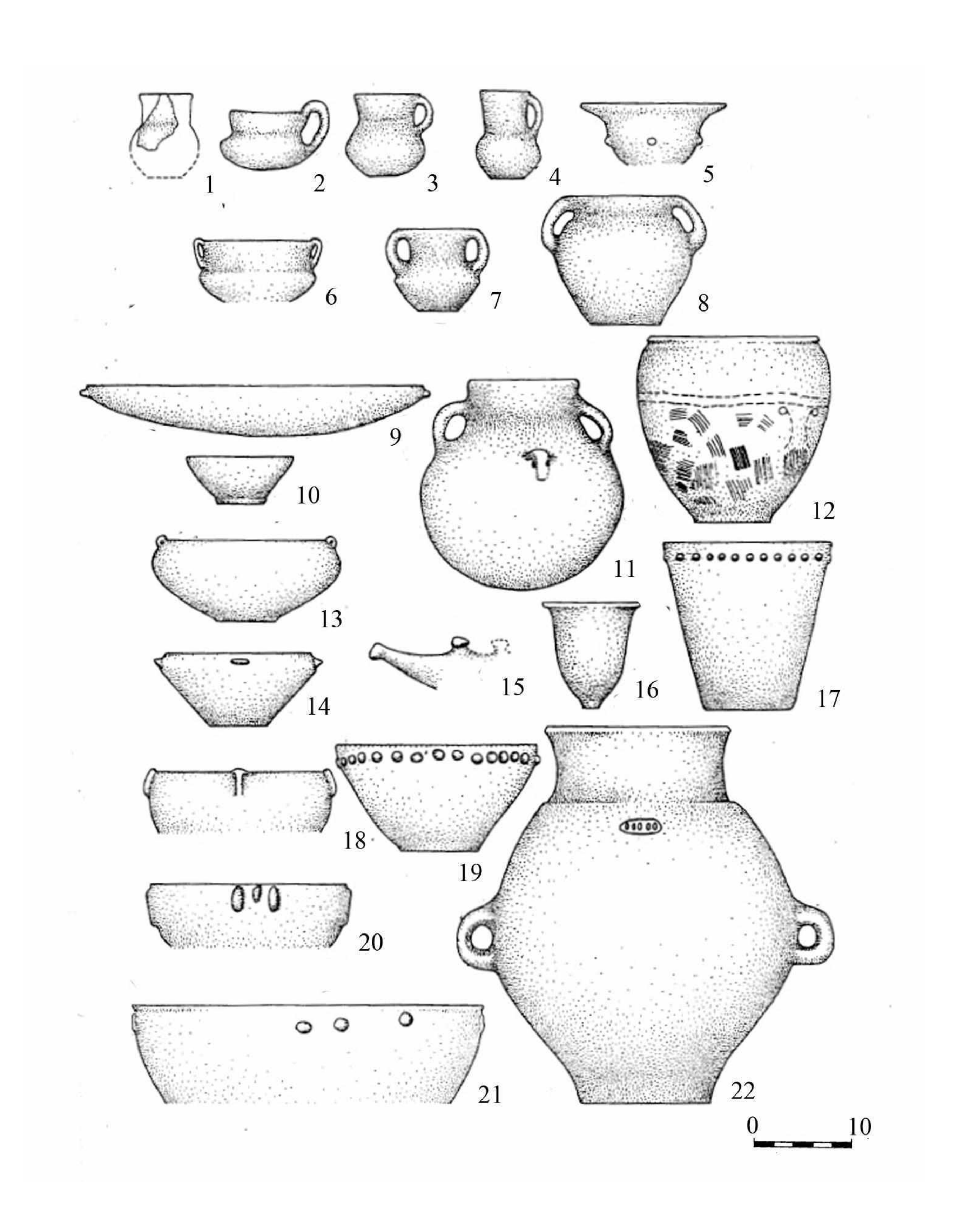

Рис. 6.20. Керамика культуры Шнекенберг-Глина III

(по: Machnik, 1991)

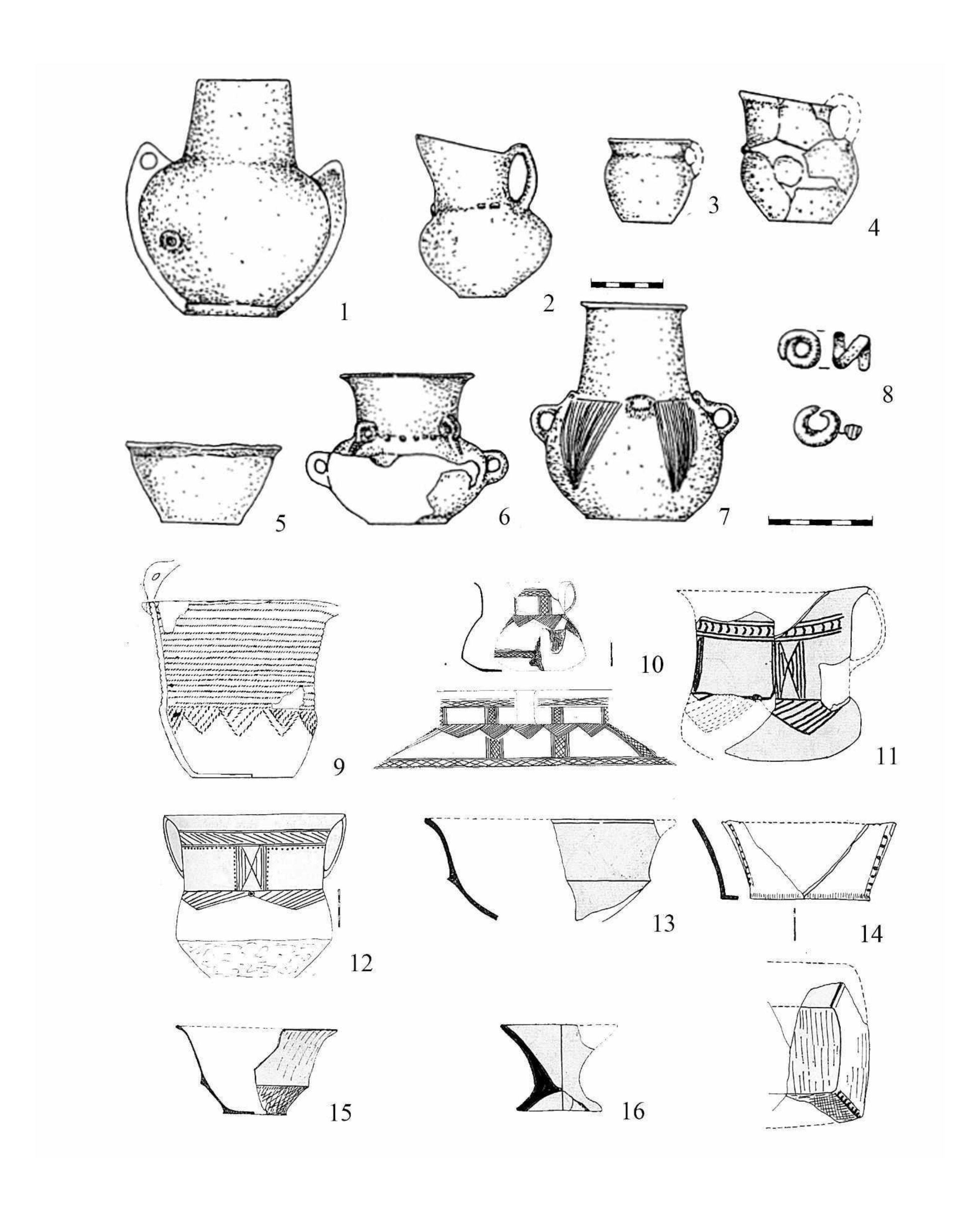

Рис. 6.21. Материалы, характеризующие культурный тип Зимнича и культурную группу Жигодин:

1-8 - Зимнича; 9-16 - Жигодин;
(по: 1-8 - Machnik, 1991; 9-16 -Roman et al., 1973)
(1-7, 9-16 - керамика, 8 - подвески из серебра)

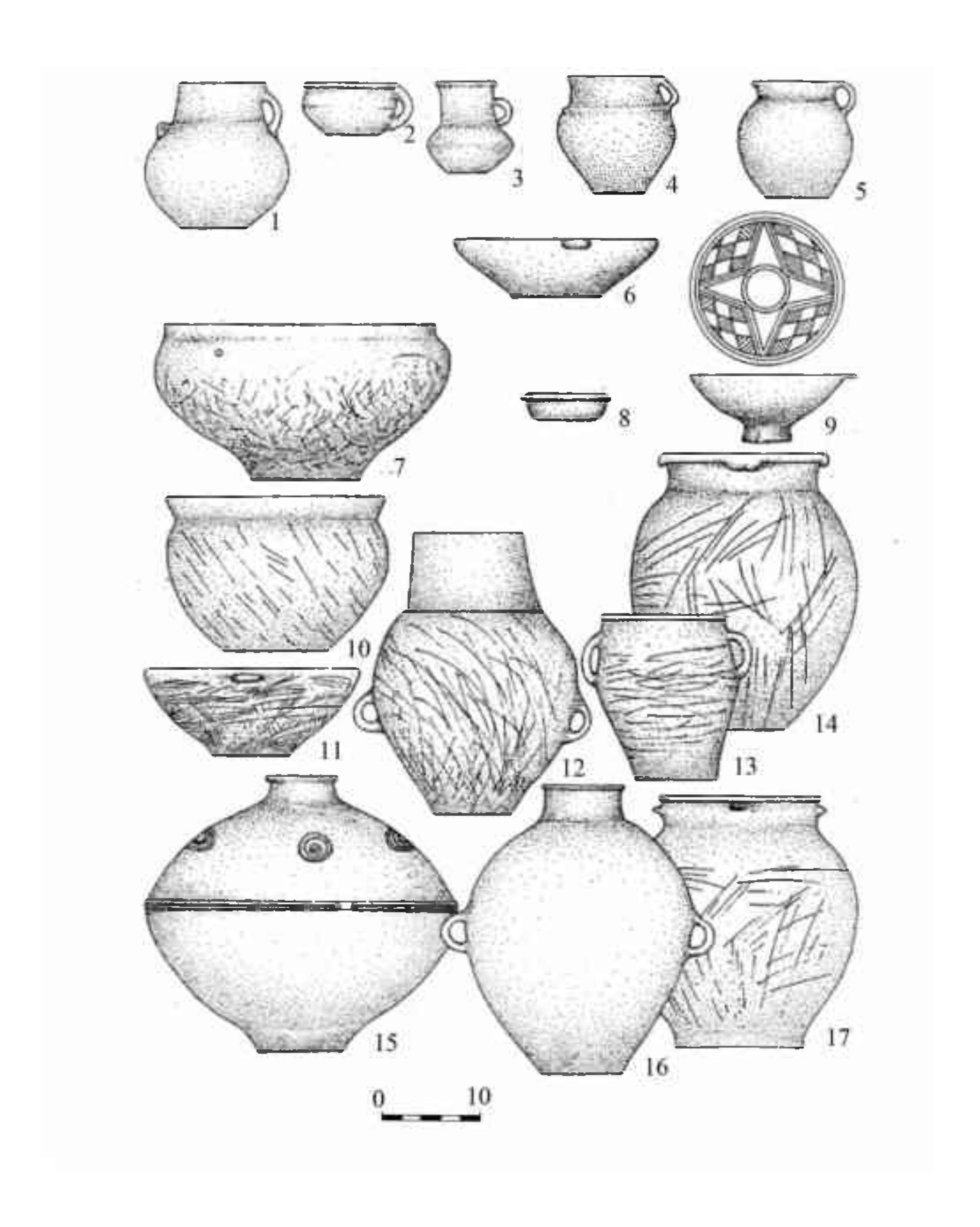

Рис. 6.22. Керамика культуры Мако-Косиги-Чака

(по: Machnik, 1991)

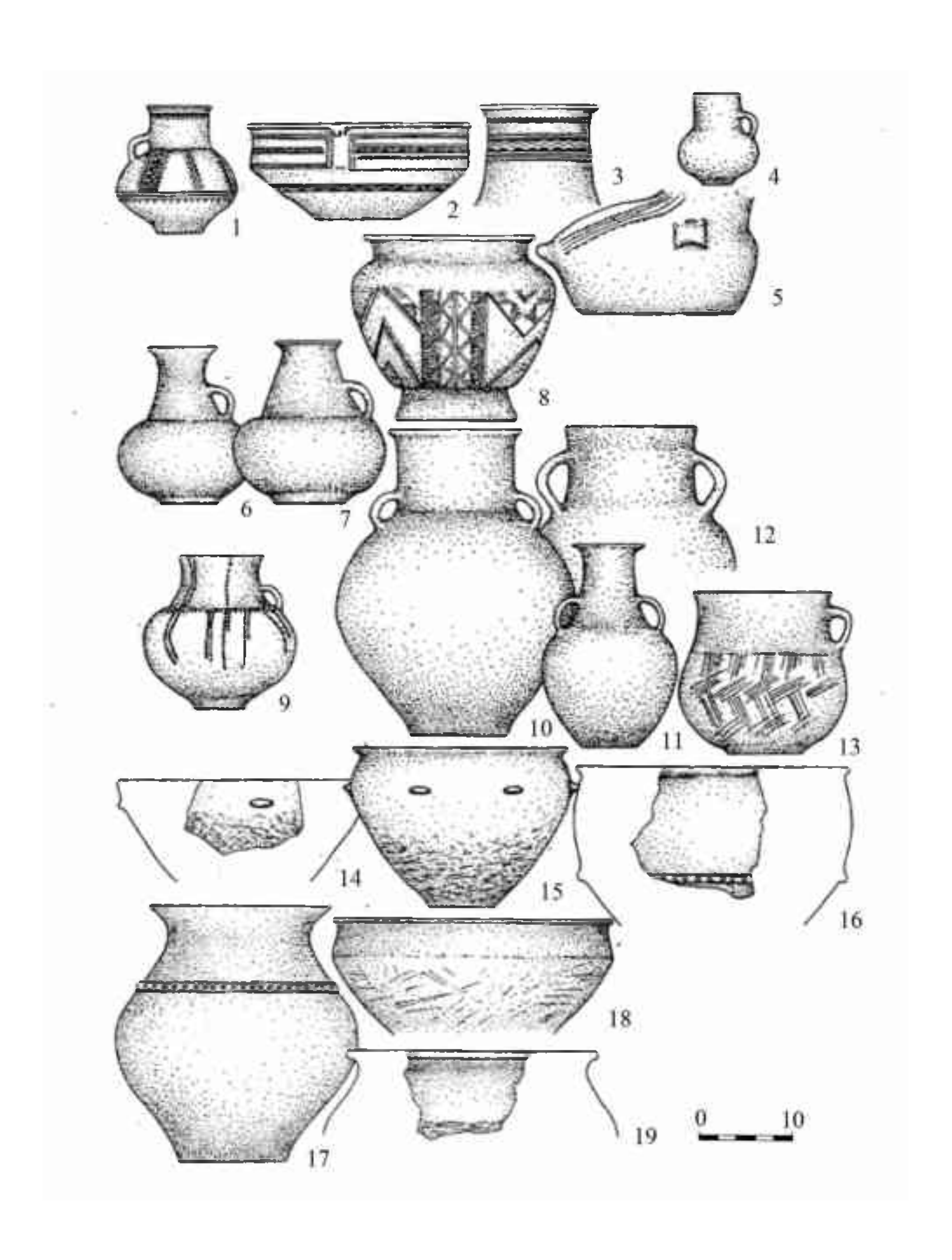

Рис. 6.23. Керамика культурной группы Ниршег-Затин

(по: Machnik, 1991)

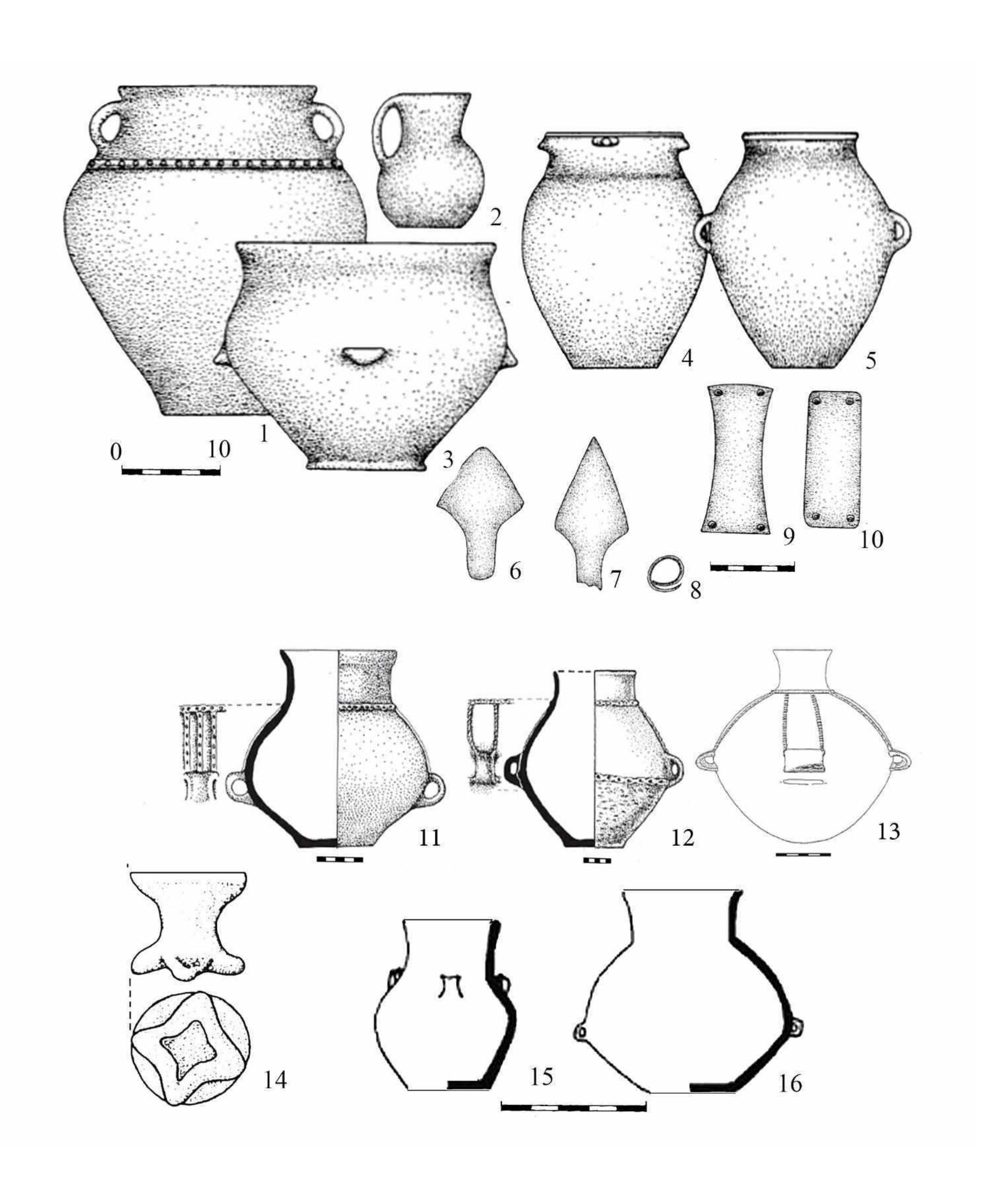

Рис. 6.24. Материалы, характеризующие культурные группы Чепель и Ливезиль:

1-10-Чепель (1-керамика, 6, 7 - медные кинжалы, 8-серебряная спиральная подвеска, 9, 10 - каменные пластины «защита запястья»); 11-16 - Ливезиль, керамика;

(по: 1-10 - Machnik, 1991; 11-13 - Ciugudean, 2011; 14 - Ciugudean, 2000; 15, 16 - Roman, 1976)

ВЫВОДЫ

Вплоть до настоящего времени единой концепции исторического развития Северо-Западного Причерноморья в эпоху палеометалла выработано не было. Позиции различных авторов, связанные с проблемами сложения и развития археологических культур, контактов и взаимодействий на разных хронологических этапах, механизма и причин миграций – слабо согласуются друг с другом.

Комплексный подход к изучению археологического материала, данные курганной стратиграфии и абсолютного датирования, выявление импортов и подражаний в инвентаре культур Северо-Западного Причерноморья позволили уточнить хронологию и периодизацию памятников. Рассмотрение захоронений мигрантов с территории Северного Причерноморья в курганах Балкано-Карпатского ареала, на фоне синхронных культур региона, дали возможность реконструировать время и характер их взаимодействия.

В историческом развитии Северо-Западного Причерноморья на протяжении конца IV–III тыс. до н. э. выделены два этапа. Условным рубежом между ними мы считаем середину III тыс. до н. э. (2600/2500 ВС). Имеющиеся радиоуглеродные даты позволяют определить время существования буджакских памятников региона в диапазоне 3100–2200 ВС, что соответствует датировке памятников ямной КИО в целом. Небольшая серия радиоуглеродных дат, полученная для катакомбных памятников Северо-Западного Причерноморья, укладывается в диапазон от 2500–2000 ВС, указывая на их относительно поздний характер. В отличие от других ареалов ямной культурно-исторической области, материальный комплекс буджакской культуры предоставляет возможность синхронизации его с широким кругом культур Юго-Восточной и Центральной Европы: инокультурные артефакты, присутствующие в погребениях Северо-Западного Причерноморья, выступают своеобразными хронологическими реперами. Наряду с радиоуглеродными датами, они позволяют датировать захоронения и стратиграфические слои в курганах. Такой подход дал нам возможность достаточно определенно соотнести погребальный инвентарь с хронологическими периодами буджакской культуры. Выделение (соотносительно с хронологическими периодами) раннего и позднего комплексов материальной культуры явилось одним из компонентов для реконструкции исторического развития Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке. Другим компонентом следует считать интеркультурные связи и взаимодействия, проявившиеся как в ареале обитания буджакской культуры, так и в Балкано-Карпатском регионе.

Основным содержанием раннего этапа (3100–2600/2500 ВС) были:

- формирование буджакской культуры на основе местных традиций; сосуществование с культурными группами позднего энеолита;
- восприятие инокультурных влияний, которые определили своеобразный ее облик;
- продвижение на соседние территории.

Отличительные особенности позднего этапа (2600/2500–2200 ВС) составляли:

- перестройка связей,
- новые направления контактов,
- появление в ареале Северо-Западного Причерноморья катакомбного населения с востока,
- влияние комплекса событий на культурно-историческое развитие региона.

Были проанализированы основные элементы погребального обряда и особенности материальной культуры памятников региона, охарактеризовано их место в системе синхронных и диахронных культур Юго-Восточной Европы. Анализ источников позволил подтвердить и обосновать предположение исследователей (Клейн, 1975; Черняков, 1979) о существовании в Северо-Западном Причерноморье особой культуры раннего бронзового века (нерушайской, буджакской – по терминологии этих авторов). Компаративный анализ на фоне

уточненной хронологии позволил прийти к выводу о формировании буджакской культуры на начальной стадии образования ямной культурно-исторической общности в целом, а не на ее позднем этапе, как предполагалось ранее. Определение хронологической позиции буджакской культуры не только позволило установить тот культурный контекст, в котором культура формировалась и развивалась, но и реконструировать культурно-исторические связи и взаимоотношения, создав основу для реконструкции исторического развития Северо-Западного Причерноморья в раннем и среднем бронзовом веке.

Рассмотрение памятников катакомбной культуры показало, что эти комплексы не выделяются из собственно ареала катакомбной КИО, хотя и отличаются некоторым своеобразием; обособлять их в отдельную «одесскую» группу, как предлагали исследователи, нет оснований. Большинство погребений в регионе соотносится с ингульской катакомбной культурой.

Выполненный на основе сравнительно-типологического метода сопоставительный анализ керамического комплекса и других артефактов синхронных культур позволил определить потенциальные связи населения Северо-Западного Причерноморья в рассматриваемый период. На наш взгляд, характерной особенностью буджакской культуры была переработка инокультурных традиций, а не простой импорт керамики и артефактов, хотя и он имел место. В керамическом комплексе буджакской культуры проявились и параллели с другими культурами, и подражания, и восприятие лишь отдельных элементов оформления, и синкретизм: порой, разнокультурные элементы сочетались в одном изделии. В то же время были созданы специфические формы сосудов, характерные только для буджакского керамического комплекса. По-видимому, продолжались взаимоотношения с переселившимся на запад (Балкано-Карпатский ареал) выходцами из среды буджакского населения

Определение истоков керамических традиций позволило охарактеризовать материальную культуру раннего и позднего этапов буджакской культуры, уточнить динамику ее изменений. Отличия между этапами связаны не только с изменением культурной ситуации в самом Северо-Западном Причерноморье, но и с изменением культурного окружения и, соответственно – изменением характера взаимосвязей. *На раннем этапе* выявляются параллели с культурами Коцофени, Костолац, культурой шаровидных амфор, Чернавода II, Езерово II, Эзеро, а также с культурами шнуровой керамики. Изменения в составе соседних культур предшествующего этапа, появление новых или перемещения уже известных – повлияли и на характер контактов и связей буджакских племен, и на облик материальной культуры в целом. *На позднем этапе* продолжились связи с культурами шнуровой керамики, некоторое время – с культурой шаровидных амфор, устанавливаются контакты с культурными блоками Глина III-Шнекенберг, Мако-Косиги-Чака, Шомодьвар-Винковци. В финале существования буджакской культуры (22 векк до н.э.) наблюдаются незначительные контакты с населением культурного круга Бабино, проявившиеся в погребальном обряде и керамике. Изменения от раннего к позднему этапу проявляются в двух аспектах: развитие собственно буджакских характеристик и восприятие инокультурного влияния.

Новые данные, связанные с абсолютной и относительной датировкой культур Балкано-Карпатского региона, увеличение источниковедческой базы, уточнили круг культур, контакты с которыми повлияли на сложение керамического комплекса и развитие металлообработки буджакской культуры. Выявленные исследователями взаимовлияния в области металлургии усатовских и буджаких племен позволили ставить вопрос о выделении северо-западного (усатовско-буджакского) очага металлообработки на раннем этапе буджакской культуры: синкретизм в технологиях был присущ и усатовским, и буджакским мастерам. В качестве источников металла могут быть названы месторождения Фракии и Трансильвании.

Анализ археологического материала и исследования европейских археологов предоставили возможность определить тот культурный контекст, в который было включено – в той или иной степени – население Северо-Западного Причерноморья. Имеются достаточные основания объединить все ямные памятники Юго-Восточной и Центральной Европы в отдельный Балкано-Карпатский вариант ямной КИО, характерными особенностями которого

являлись синкретизм, слияние ямных и местных черт в инвентаре и элементах погребальной обрядности. Фиксируются связи с исходной территорией и различных ямных анклавов между собой в границах Балкано-Карпатского ареала. Изотопный анализ указывает на поэтапность освоения территории Карпатской котловины, продвижение населения из одних регионов в соседние.

Все эти данные в указывают не на массовое вторжение или крупномасштабные миграции населения ямной культуры, а о постепенной колонизации определенных регионов, аккультурации и взаимовлиянии разных культур. И, наконец, картографирование курганов и могильников демонстрирует расселение ямных племен вблизи металлорудных зон. На наш взгляд, именно металл (наряду с изменениями в окружающей среде вследствие аридизации) был основным аттрактором, определившим направления колонизации Балкано-Карпатского ареала населением ямной КИО. а также фактором, влиявшим на взаимоотношения пришлого и автохтонного населения. Металлургия была одним из важнейших стимулов, определявших мобильность населения, контакты между человеческими коллективами.

Степи Северо-Западного Причерноморья являются самым влажным участком среди всего пространства степной зоны Евразии. В то же время многочисленные лиманы и густая речная сеть обусловили зависимость региона от эвстатических колебаний Черного моря. Имеющиеся данные могут свидетельствовать о возникновении в Северо-Западном Причерноморье в III тыс. до н. э. оптимальных природных условий для занятия подвижным скотоводством, значительного расширении территорий, пригодных под пастбища.

Можно говорить о стабилизации хозяйства и экономики в раннем бронзовом веке, о чем свидетельствует рост численности населения Северо-Западного Причерноморья в раннем и среднем бронзовом веке, по сравнению с предшествующим (энеолитическим) периодом. Отличительной чертой культурно-экономической эволюции культурных сообществ Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке (прежде всего, буджакской, в меньшей степени – катакомбных культур) проявилась в том, что их развитие и расцвет совпадали с эпохами, на первый взгляд, неблагоприятных природных условий, выраженных в стремительных климатических изменениях («событие 5300 cal BP»), аридизации и регрессиях Черноморского бассейна (Хаджибейская регрессия). Тем не менее, на протяжении всего III тыс. до н. э. наблюдается широкое распространение в регионе памятников буджакской культуры, а с середины III тыс. до н. э. – приток катакомбных племен.

Археологические источники и культурная ситуация в регионе указывают на то, что климатические изменения (аридизация) в раннем и среднем бронзовом веке послужили стимулом дальнейшего развития населению Северо-Западного Причерноморья, а использование природные ресурсов стимулировало позитивные изменения в хозяйственном укладе. С одной стороны, такие ресурсы предоставляли степные экосистемы; расширение степной зоны и ее трансформации обеспечивали развитие мобильного скотоводческого хозяйства. Другой категорией природных ресурсов, задействованных в хозяйственной жизни населения, были минералы и полезные ископаемые. Племена усатовской и буджакской культур получали из Балкано-Карпатского региона металлы (медь, бронзу, серебро), в виде руды, слитков или готовых артефактов. Обменным эквивалентом в этих отношениях могла выступать соль, для естественной садки которой необходим жаркий засушливый климат. К тому же аридизация способствовала становлению и развитию сети дорог, увеличивая периоды их использования, стимулируя перемещение населения на отдаленные расстояния, освоение новых территорий, формирование торгово-обменных путей.

История населения Северо-Западного Причерноморья эпохи палеометалла была достаточно динамичной, отражающей взаимосвязи различных групп населения – с одной стороны и статус региона как контактной зоны – с другой. Взаимодействия и перемещения населения, построение торговых сетей и дальнедистанционные миграции не только приводили к формированию новых культур или развитию уже существующих, но и были своеобразным катализатором экономического развития.

Появление в Балкано-Карпатском ареале нового культурного феномена – Балкано-Карпатского варианта ямной культурно-исторической общности –имело значение исторического развития Северо-Западного Причерноморья, с одной стороны, Юго-Восточной и Центральной Европы – с другой. Археологические источники и данные естественных наук не позволяют согласиться с гипотезой о нашествии племен ямной культуры на запад, причем независимо от его интерпретации – как мирного переселения или завоевания. На основании имеющихся данных следует говорить о постепенном и – самое важное – поэтапном заселении территорий, дальнейшем продвижении носителей ямной культуры из одного освоенного региона в другой, о связях ямного населения различных регионов внутри Балкано-Карпатского ареала, построении сети торговых/обменных путей. Северо-Западное Причерноморье узловым пунктом и передаточной средой, распространявшей инновации и артефакты в восточном направлении, где обитало население, составлявшее ямную культурно-историческую общность.

THE HISTORY OF THE POPULATION OF NORTH-WEST BLACK SEA AT THE END OF IV-III MILLENNIUM BC

Summary[1]

1. Late Eneolithic and Early Bronze Age on the northern Black Sea Coast

The Late Eneolithic/Early Bronze Age on the northern Black Sea Coast is traditionally held to embrace the sites that are dated between 3400/3200 and 2750 BC or to stage CII on the taxonomic chronological scale of the Tripolye culture (Videiko, 1999; Rassamakin, 2004). It is this time interval that researchers believe to have coincided with the dawn of the Bronze Age (cal. 3200 BC) (Отрощенко et al., 2008, p. 219). It follows that there co-existed cultures, formally contemporaneous, but belonging to different ages. This is an illustration of the fact that prehistoric societies not only developed unevenly but also that periods distinguished by archaeologists reflect, apart from chronology, the evolution of societies as well. The sites dating to the Late Eneolithic (LA) and Early Bronze Age (EBA) are unevenly distributed throughout the north-western Black Sea Coast. Some were recorded only in the south, mostly on the Budzhak Steppe. These are the complexes of the Usatovo culture, burials of the Černavoda culture (Khadzyder cultural group) and the 'Katarzhyno type' sites (post- Sredny Stog) (fig. 4.4, 1-4). Others are known only from the northern portion of the north-western Black Sea Coast (forest-steppe in the interfluve between the Dniester and Prut rivers). These are sites belonging to the late stage of the Tripolye culture (stage C II): the Gordineşti group (fig. 4.2, 10-14). in the Prut drainage basin and the Chirileni group in the Prut-Dniester interfluve (fig. 4.2. 15-18). Finally, some Late Eneolithic sites were discovered throughout the north-western Black Sea Coast: in both its northern and southern parts. These are burials of the 'Zhyvotilovka type' (Zhyvotilovka-Volchansk) and ones known as 'extended burials' (fig. 4.4, 14-22). Moreover, a quite significant number of burials found in the north-western Black Sea Coast are dated by researchers simply to the 'Late Eneolithic'; determining their cultural affiliation within this age is rather troublesome

Vykhvatintsy-type sites, represented by settlements and flat (ground) cemeteries, are known from the middle Dniester drainage basin, specifically from the onfluence with the Reut River in the south to the town of Soroca in the north. We know of about 50 Vykhvatintsy-type sites. On the settlements of this type, remains of clay dwellings and pithouses are found while flat cemeteries feature inhumations in oval and rectangular pits. The dead usually lie crouched on their left side although crouched supine burials are also known; they are oriented northeast in most cases. The set of tools and weapons is small, metal is rare, grave inventories feature mostly painted pottery (fig. 4.2, 1-9). The anthropomorphic sculpture is represented by schematic figures of Vykhvatina type. Three statuettes on a cube-shaped pedestal belong to the imports of the Usatovo culture (Дергачев Манзура, 1991, p. 10).

Chirileni-type sites are believed to be transitional (from the perspective of chronology) between the Vykhvatintsy and Gordineşti types, hence researchers also refer to them by the terms 'post-Vykhvatintsy' and 'pre-Gordineşti'. The pottery shows similarities to Usatovo and Vykhvatintsy materials, on the one part, and to Gordineşti materials on the other (fig. 4.2. 15-18). The similarities concern both pottery forms and painting. The origins of Chirileni-type sites can be linked to the impact of genetically different traditions, which were present in the Vykhvatintsy and Brînzeni types of Tripolye and of the Usatovo, Černavoda I and Folteşti cultures (Бикбаев, 1994, p. 68–69). Recent years have witnessed the publication of materials from two cemeteries of Chirileni: Cunicea (Топал, Церна 2010) and Oxentea (Яровой, Церна, Попович, 2012). Both cemeteries are flat and are situated in the middle Dniester drainage basin; the former has been partly investigated while from the latter available materials have been collected in various years. Only fragmentarily

[1] S. Ivanova. Connections between the Budzhak Culture and Central European groups of the Corded Ware Culture. *Baltic-Pontic Studies,* vol. 18: 2013, p. 86-120; S. Ivanova,, G. Toschev. The Middle-Dniester cultural contact area of Early Metal Age societies. the frontier of Pontic and Baltic drainage basins in the 4th/3rd-2nd millennium BC. *Baltic-Pontic Studies,* vol. 20: 2015, p. 331-397

does the pottery reflect the combination of Vykhvatintsy and Gordineşti traits. Close to the Cunicea cemetery, there are several Late Tripolye settlement sites (Топал, Церна, 2010, p. 289-292).

Gordineşti-type sites of Tripolye CII phase V.A. Dergachev propose the name 'Gordineşti', because in his opinion it was the excavated Gordineşti site that could serve as the paragon of traits characteristic of this type of sites (Дергачев, 1980, p. 117). In Romania, sites of this type are combined into the Horodiştea group, although some Romanian researchers distinguish a group or even a culture named Horodiştea–Erbiceni-Gordineşti-Kasperovka (Alaiba, 2004, p. 78; 2007, p. 130). The Horodiştea site has yielded the following radiocarbon dates in interval from 4495 ±18 BP; 3331-3101 (1 sigma), 3340-3046 BC (2 sigma) to 4235 ±30 BP; 2908-2783 (1 sigma), 2916-2703 BC (2 sigma) (Mantu, 1998, p. 252).

V.A. Dergachev thought that Gordineşti-type sites were located in the middle and upper Prut and Dniester drainage basins, and on the upper Boh River (1980, p.119). Worth mentioning in this context, the opinion of S.N. Ryzhov, who has analyzed pottery from the settlements of the late stage of the Tripolye culture in the Boh-Dniester interfluve, holds that the Gordineşti group should be restricted to sites with Gordineşti-Horodiştea-Erbiceni-type pottery to be found in the drain-age basins of the Moldova, Siret, Prut and partially Dniester rivers and that sites situated in the upper and partially middle Dniester drainage basin and in western Podolia ought to be excluded from it (2001-2002, p. 198). The sites of the Gordineşti group include settlements, burials and a hoard found on the Tsvilkovtsy site. Objects making up the hoard, 822 in number, were found in a globular amphora with two handles on the upper portion of the belly. Copper had been used to make 68 objects: bracelets, and long tube-like and cylindrical beads. Other objects included a necklace of 122 red deer teeth, 275 mollusk shell beads and 367 limestone beads. The ceramics complex consists of painted serving ceramics and unpainted cooking ceramics (fig. 4.2, 10-14). A characteristic trait of painted ornaments is their geometric style while relief ornaments on the unpainted ceramics take the form of single and double appliqué bosses on the upper portion of the belly, as well as pinched ornaments and nail impressions along the bottom edge. As typical of this group are considered lids with a mushroom top and bowls with a profiled lip. V.A. Dergachev believed that the Gordineşti group was genetically linked to the Brînzeni group (1980, p. 85, 89). The discovery of Chirileni sites justified a belief that it was they that could be considered the genetic base of the Gordineşti cultural group (Бикбаев, 1994, p. 68-69). However, the development stages of the Late Tripolye groups of Vykhvatintsy, Chirileni and Gordineşti, and any transitional forms or contacts between them, have not been sufficiently studied (Яровой, Церна, Попович 2012: 298).

Researchers identify also the influence of the Baden culture on the rise of the Gordineşti group, as well as the impact of the Funnel Beaker culture (FBC) and GAC traditions (Videiko, 2000, p. 36, 46, 47), visible in the form and ornamentation of pottery and other artefacts. A number of ornamentation elements on Gordineşti pottery have analogies in the Vistula drainage basin in the Złota and Rzucewo cultures (Kośko, 2014, fig. 7), which may have influenced the frontiers of the Pontic and Baltic drainage basins (Videiko, 2000, p. 46). Gordineşti-type anthropomorphic art includes single statuettes. Ornaments of this type are known from a hoard found on the Tsviklovtsy site. Tools were represented by a metal adze, stone axe-hammers, grindstones, fabricators, flint scrapers, sickles, drill bits, and axes. There were also flint arrow points, bone knobbed shaft-hole axes, perforators, slicks and hoes (Дергачев 1980: 121-122).

In principle, Gordineşti-type sites are represented by settlements in which single intramurals burials were recorded, with few flat funerary complexes outside settlements also being known. Generally speaking, however, it can be said that the funerary rite of the Gordineşti-group tribes as such has not been identified yet. Burials within settlements are rather an exception than a rule. Did the Gordineşti community adopt the barrow rite or did it use only cemeteries and flat burials? Do Zhyvotilovka-type burials form a separate cultural group or are they merely a type within the Gordineşti cultural group? Should barrows, where burials follow a similar funerary rite but lack any grave goods, be assigned to one of the two groups in question or should a separate group be distinguished? Perhaps, in consequence, we should revisit the idea pro-posed by I.V. Manzura

(Манзура, Тельнов 1992: 127) and distinguish a Gordineşti cultural-chronological horizon which would encompass all the sites that show one way or another any connections to the Gordineşti group of the Late Tripolye culture. It will be possible no doubt to answer these questions as soon as a sufficiently comprehensive database is accumulated.

Zhyvotilovka-Volchansk cultural group. We also know of burials with Gordineşti pottery located in barrows. They were joined together to form a 'Zhyvotilovka cultural group'. Its characteristic trait can be seen in a peculiar funerary rite – a strongly contracted position on the right side (although cases of placing the corpse on the left side are also known), with the hands placed in front of the face or the chest. The pit is usually rectangular or oval, sometimes with a rather narrow step running around it. The western and southern orientations dominate. It is believed that the traits of this group show both pre-Caucasian (Maikop) and Late Tripolye influence, which include pottery having a Gordineşti look. To the southern (Maikop) influence, researchers attribute bone (more rarely metal) hook- or crosier-shaped pendants, cylinder-shaped beads, slick-surface pottery and southern orientation. I.F. Kovaleva, who distinguished Zhyvotilovka-type sites, explains their emergence with the movement of Gordineşti communities southeast as far as the lower course of the Samara River, on the left bank of the Dnieper (1978, 1991). The north-western movement of people is evidenced by a burial in a barrow on the Zavishnia site, Lviv district (Дергачев, Манзура, 1991, p. 143). Furthermore, it is observed that 'Caucasian imports' (slick-surface beakers, bone and metal hooked pendants) moved in the opposite direction as well. Researchers record a concentration of such syncretic Zhyvotilovka-type sites close to the south-eastern frontier of the Tripolye culture and in the north-western periphery of Maikop culture communities. In the central portion of the territory in question, such finds are rarer (Гей, 2011, c. 14).

Not all the sites classified as the Zhyvotilovka-Volchansk type demonstrate the co-occurrence of all the 'obligatory' components of the funerary rite and inventory. For example, there are burials with pottery but without any bone pendants, and vice versa (fig. 4/4, 17-20). On the eastern bank of the Dnieper, on the middle course of the Samara, a locally-made amphora was found (Boguslav 23/12), which displays analogies to the GAC (Ковалева, 1991; Szmyt 1999, p. 151). In the west of the area in question, amphorae characteristic of the entire Late Tripolye horizon stand out. In Gordineşti-type settlements and Zhyvotilovka-group burials, there are encountered beakers with a tall cylindrical neck and globular belly. Some researchers link their origins to the FBC. They also record the impact of Carpathian and central European cultures on shaping the ceramic complex of the Zhyvotilovka cultural group (Рассамакiн, 1997, p. 293). In the north of the Prut and Danube interfluve, only single barrow burials represent the Zhyvotilovka cultural group. These are: Bursuceni 1/20, 1/21, 1/25, Văratic2/1, Costeşti 2/2, 4/1. They are supplemented by a burial from Corlăteni 1/1, Romania. The inventory from a grave in Costeşti 2/2 – asymmetrical, triangular arrows – is linked to North Caucasus sites (Дергачев, 1982, c. 11-12, 27), in particular the Maikop culture (Ларина, 1989, c. 74). The latest discoveries of Zhyvotilovka-Volchansk group features have been made by the Yampil Expedition of the Adam Mickiewicz University in Poznań and the Institute of Archaeology, Ukrainian NAS in Kiev (see Klochko et al. 2015; Goslar et al. 2015).

Researchers believe that the Zhyvotilovka community played a special role in establishing contacts ('bridge') between rather distant areas; the North Caucasus, on the one part, and the Boh and Dniester rivers, on the other part. Yu.Ya. Rassamakin sees in this process a more active role of Caucasian tribes, although he admits that the first impulse originated from Gordineşti group (2002, p. 50). A.N. Gey in turn, discussing Zhyvotilovka-type assemblages, believes that the role of migrations should not be overestimated in this case. Finds of objects may be a sign of long-standing interactions and relations of various kinds. Moreover, migrations could have consisted of the series of small shifts or 'shuttle' movements. Such movements and contacts could have had various purposes: exchange, trade, spoils of war, borrowing of technological devices, etc. (2011, p. 16-17). The cultural attribution of these sites presents a problem, though. Researchers tend to assign one and the same burials, located in barrows, to the Zhyvotilovka type and the Late Tripolye Gordineşti

group and Niznemikhailovka type. The criteria of distinguishing ‘Gordineşti-type burials’ vary from author to author; they include pit shape, dimensions and orientation (Ларина, 2003, с.64), or the presence of Gordineşti pottery or a bone ‘pendant-hook’, as well as corpse arrangement and orientation (Манзура, Тельнов, 1992, с. 121, 127). A more cautious approach to this problem is taken by D. Topal and S. Tserna. They distinguish a group of sites using the criterion of ‘Gordineşti time’, believing that today there are no other clear criteria for distinguishing Gordineşti-type burials (2010, c. 294). However, there still remains the question of distinguishing between Zhyvotilovka and Usatovo burials without any grave goods. In the Usatovo culture, about 60 per cent of corpses lie on their left side, about 10 per cent on the right, and about 20 per cent lie supine. In 30 per cent of burials, the skeleton lay in the position of 348 adoration, i.e. its hands were close to the face (Патокова et al,. 1989, с. 95-96). The Zhyvotilovka rite, in turn, is characterized by the placing of the dead on their right side, with the hands arranged close to the face as well, but there are also corpses found lying on the left side. Sometimes, both arrangements are recorded in a single grave. In terms of orientation, the Usatovo funerary rite is known for the preference for north-eastern and north-western directions. It is believed, in contrast, that in the Zhyvotilovka rite, western and southern orientations dominate, but arrangements according to various points of the compass are recorded as well. As a result, it is not always possible to determine the cultural attribution of burials deprived of any grave goods. Some burials of the Zhyvotilovka group from the north-western Black Sea Coast have radiocarbon dates, coinciding with period CII of the Tripolye culturing, in period between 4548±28 BP; 3345-3120 (1 сигма), 3360-3100 BC (2 сигма), and 4410±50 BP;3148-3018 (1 сигма), 3213-2953 BC (2 сигма). (Петренко, Ковалюх, 2003: 108). They are supplemented by a burial from the Vinogradnyi 2/4 site on the north-eastern Azov Sea Coast: Ki-15166: 4020±60BP; 2630-2460 (1 sigma), 2900-2300 BC (Рассамакин, 2009, с. 290).

According to T. Demchenko, the identification of the Bursuceni cultural group in the Carpathian-Dniester area at the end of the Eneolithic period is of principle significance. Probably, it was this particular area where a new cultural phenomenon was formed. It originated from the agricultural environment, moved eastwards in search of new areas and started a shuttle migration. The bearers of the tradition of Late Tripolye turned to be a linking chain between the cultures of the Carpathian-Dniester area, which testify strong Anatolian / Aegean influences, and those of the North Caucasus, formed in the periphery of Western Asia. Taking into consideration the scale of this process which took place at the turn of the IV and III millennia in the Azov – Black Sea region, its name should reflect the polar geographical points, which are also the points of its origination, which are the Gordineşti cultural group of the Tripolye, and the late Maykop culture. Hence, the proper label for this reality would be the Gordineşti – Late Maykop phenomenon, which reflect the spread of the Gordinesht-Late Maikop community At the present state of our knowledge the following six groups within the phenomenon could be identified. These are: I - Bursuceni (Carpatho-Dniester area), II - Zhivotilovskaya (the Dnieper area), III – Volchanskaya (Azov area), IV – Crimean (Crimean peninsula), V – Donskaya (Lower Don basin) and VI – the Kuban basin area (North Caucasus) (Демченко, 2016).

Group of extended burials (post-Mariupol/Kvitanska group) determined by I.F. Kovaleva. Sites of this type are spread throughout the north-western Black Sea Coast, both in the steppe and forest-steppe zones. The group of extended burials is not homogeneous in terms of both chronology and typology (fig. 4.3). There are primary and secondary (sunk) burials. Sunk burials always succeed Late Eneolithic crouched or extended burials. Their inventories are rather uncharacteristic (flint goods, pottery tempered with crushed shells and ornamented with combing patterns on the surface). A few extended burials were also observed, judging by stratigraphy, in the mass of YC features in this region. They are the latest in this rather diversified and time-varied group. It is presumed that extended burials were practised over a long period of time (Eneolithic and Bronze Age) and in different cultures on the north-western Black Sea Coast (Субботин, 1991, с. 72). I.F. Kovaleva, however, formed them into a territorial group of the post-Mariupol burials of the north-western Black Sea Coast marked by a later chronological position in comparison with other regions (2002). Yu.Ya. Rassamakin linked the extended burials to the Kvitiana culture by observing

that in the Dniester-Prut interfluve and on the lower Dniester the set of principal traits was lost (2000, p. 163-164) and synchronized the extended burials of the Dniester-Danube interfluve with the Usatovo culture (2013, p. 29). He dated the Kvitiana culture in the broad chronological framework of the Tripolye culture to phases BII–CI/CII–CII (2013, p. 38). I.V. Manzura on the other hand, believes that from the chronological perspective extended burials can be tied to the various periods of the Eneolithic (2013: 139-153; Leviţki et al. 1996, p. 59–61). He traces the tradition of extended burials to the influence exerted by the populations living on the lower Danube or to the local (i.e. of the Prut-Dniester) Mesolithic tradition. The discovery of a Mesolithic cemetery in Sacarovca, northern Moldova, featuring an analogous funerary rite, proves his point (Манзура, 2013, p. 151). Some late period burials may be attributed to the post-Mariupol culture (Манзура, 2010, p. 44). Furthermore, one may argue Manzura is very right to believe that such burials do not represent a uniform archaeological culture but may be considered as belonging to several typological groups or ones existing at various times. Besides stratigraphic data, the form of the grave chamber is important. To the variants of its corners (generally examined throughout the Black Sea Coast), researchers turned their attention already some time ago (Николова, Рассамакин, 1985, p. 52–53).

I.V. Manzura, having analyzed barrow stratigraphy, concluded that the most archaic group was made up of burials deposited in wide, oval pits. This tradition continued for a long time, practically throughout the Eneolithic and until the Early Bronze Age, i.e. from the second half of the 5th to the end of the 4th millennium BC. The second group of burials, ones placed in narrow, elongated pits, may in his opinion be preliminarily dated to the 4th millennium BC. The latest of burial groups, comprising burials placed in rectangular pits, should be considered as belonging already to the Early Bronze Age, within the YC, which can be dated to the first half of the 3rd millennium BC (Манзура, 2013: 150–151). Extended burials without any gave goods on the north-western Black Sea Coast have yielded a few radiocarbon dates: from 4530 ± 40 BP; 3360-3110 (1 сигма), 3370-3090 BC (2 сигма) till 4010 + 60 BP; 2621-2463 (1 сигма), 2900-2300 BC (2 сигма) (Петренко, Ковалюх 2003: 106).

The Budzhak Culture. V.A. Dergachev referred to the North-Western Pontic Region (the territory between the southern Bug, the Prut and the Danube) as the "contact zone" that displayed interactions between various cultural entities and the region manifested itself as an area of interaction between several cultural and historical factors. In his opinion, the south-eastern European one was predominant in the Eneolithic and the Bronze Age. The eastern European was the second most important; the third (middle European) was less significant (Дергачев, 1988). The role of each of the factors changed in different epochs. P. Wlodarczak noted the impact of four factors in the early Bronze Age: the local late Tripolye (Usatovo), the eastern one, connected to the Northern Pontic and Northern Caspian cattle-breeding steppe entities; the Western one, connected with the Early Bronze Age of Anatolya and the Balkans; and the Northern, which was determined by the emergence in direct proximity of the Globular Amphora culture area. The influence of different cultures from the west and the east was manifested in the formation in the region of a specific Budzhak culture of the early Bronze Age (Wlodarczak, 2010).

Graves of the North-Western Pontic Region were identified by N. Merpert into a specific cultural version of the Yamnaya cultural-historic entity community (Мерперт, 1974). Later on, L. Klein referred them to a particular "Nerushayska" culture (Клейн, 1975), which I. Cherniakov renamed into the "Late Yamnaya Budzhak" culture (Черняков, 1979)[2]. In our view, the specificity of the Budzhak culture was manifested already at its formation stage, which allows synchronizing it with the Yamnaya cultural-historical region in general: 3100-2200 BC (fig. 1.1; 1.2) and not only with the late Yamnaya period. Two stages in the genesis of the Budzhak culture can be identified: the early and the late, with the boundary within the range of 2600/2500 BC.

[2] Other researchers also suggested their names, but the name introduced by I. Chernyakov, in its various versions (Budzhak culture, Budzhak culture version, Budzhak culture group) proved to be the most commonly used

To date, almost 500 Eneolithic and Early Bronze barrows have been excavated in the North-Western Pontic Region; over 2600 burials of the Budzhak culture have been found (fig. 2.1; fig. 2.2). It is significant that, three fourth of the barrows were built by Budzhak tribes themselves, while in other cases they used Eneolithic or Usatovo mounds. No settlements have been known to occur in the North-Western Pontic Region, but there are traces of short-term Yamnaya settlements – Tashlyk II and Tashlyk III – on the left bank of the Southern Bug River (Шапошникова et al., 1986, 8). Possibly, season's settlements of the Budzhak tribes, like those in other regions, could be located in river, lake and estuary floodplains and are now hidden under the sludge. Barrows of the Budzhak culture are located in groups and form burial sites; single mounds also occur. The barrows' height ranges from 1 to 3 m (with the diameter of 30--60 m) only some of the barrows were higher than 5 m (with a diameter of 80-100 m), some barrows lower than 1m also occurred. Other elements of barrow architecture were ditches (ring-shaped, with one or more bridges). The graves could be grouped into curves and circles (fig. 2.3) and the bodies had been placed with a clockwise or counterclockwise orientation (Дворянинов et al., 1981). The burial chambers were rectangular pits; other shapes were rare ((fig. 2.4; 2.5).).About one-third of the pits were made with rectangular shelves; round or square shelves also occurred (fig. 2.10).

The pit floor was covered with remainders of plant litter, sprinkled with ochre of various shades; there were traces of woven mats on the shelves (fig. 2.10, 2). Traces of various rituals could be registered not only in the burial chamber, but also on its roof: remainders of bonfires, animal bones or skeletons. Burial chambers often had stone or wooden roofs (fig. 2.4). A boat-like construction was found on the roof of grave 8/8 near the village of Semenovka (fig.2.5, 3-4). A wooden roof could be longitudinal or trans-verse; a stone roof could be made of large and small stones, processed slabs, among which anthropomorphic stellae occurred (fig.2.4, 4; 2.6). Burials in stone cist graves were found in barrows of the North-Western Pontic Region (fig. 2.7-2.8).In our view, burials of that type, including the ones connected with influences and traditions of other (Kemi-Oba, Globular Amphorae) cultures should be regarded within the framework of the Budzhak culture. Indicators of that include the key components of the funeral ritual: the method of inhumation, the position of the body and the grave goods. Some burials were made in stone cist graves with the walls covered with drawings made with red ochre (Velikoziminovo 1/1, Stari Belyary 1/14, Alkaliya 33/3, Katarzhino 1/1). Radiocarbon dates for that group of graves (2700–2200 BC) synchronous with the period of existence of the Budzhak monuments in the region (Szmyt, Cherniakov, 1999; Иванова et al., 2005: 98). Some 17 graves of the North-Western Pontic Region contained remainders of wooden carts – both wheels and parts of the carcass (fig.2.5). Complexes with four cart wheels are predominant, though in some cases the burial contained three wheels (Kholmskoye 2/10) and two wheels (5 graves). Five main positions of the buried body can be identified:

(1) curled on the back, arms stretched along the body (fig. 2.5, 2; 2.10, 1-2) legs had been placed with knees up, but then fell to one side or the other, or fell apart (or has been deliberately placed?) in a rhomb position (57.2%)

(2) bent to the right (fig. 2.10, 6), the left arm bent in the elbow, the hand at the pelvis, stomach or chest; the right arm stretched along the body (16.3%);

(3) legs bent to the left (fig. 2.5, 1), the right hand placed at the pelvis (13.1%);

(4) on the right side, with different positions of arms (7.3);

(5) on the crouched left side (fig. 2.11, 9), with different positions of arms (6.1%).

While some researchers trace more fractional gradation within these variants (Яровой, 1985), others merge them into three groups: on the back, on the right side, on the left side (Рычков, 1990, Николова, 1992). Inhumations of variant 1 dominate in numbers and in most cases are the main ones in burial mounds. Graves with dissected skeletons and cenotaphs also occur. Rare features of the funeral ritual include single cases of cremation and the sitting position of the body. Individual categories of grave goods (some types of vessels and jewellry) correlate, more or less clearly, with certain positions of the body, this fact allowed E. Yarovoy to identify "ritual groups" (Яровой, 1985, с. 95).

The pottery (467 intact and restored vessels) comprises over 40 % of the total number of finds. The production technique used to make the vessels was a traditional one: handmade, with admixtures of grog, limestone or sand, with the surface treatment with a putty knife, tufts of vegetation, glazers. The colour varies from rose and yellow hues to dark-grey. The surface of some kind of vessels is covered with engobe. The main kinds of vessels are pots (fig.2.15-2.21), "Budzhak jars" (fig. 2.31-2.35), amphorae (fig.2.22-2.23; 2.27), amphora-like vessels (fig. 2.24-2.26), beakers and beaker-like vessels (Fig. 5:7, 8), bowls (fig. 2.28-2.29), cups (fig. 2.36-2.38). Round-bottomed vessels (fig. 2.20), jars, cups (fig.2.30, 7-11) and askoses (fig. 2.30, 1-6) were less common. Apart from the pottery, burials contained tools and weapons (fig. 2.40): stone and flint axes, copper and bronze knives and awls and jewellry made of silver, copper, gold and bone (fig. 2.41).

Part II. Connections between the Budzhak Culture and Carpathian-Danube region and Central Cultures

The information obtained as a result of many years of excavations of barrows of the North-Western Pontic Region allow defining the Budzhak culture not only as a unique structural entity within the Yamnaya cultural-historical area, but also as a mobile community opened to "cultural dialogue" and capable of long-distance migrations. Indications of that include imports, imitations, derivatives in the material complex, as well as the population's westward movement to the Balkan – Carpathian Region. N.Ya. Merpert was the first to define the territory from which the westward migration occurred: the area between the Bug and the Danube rivers (Мерперт, 1982, c. 329), i.e., the area populated by the Budzhak tribes.

To a large extent, it is the pottery that allows identifying the directions of the Budzhak tribes' relations and contacts. Some of the vessels have parallels in terms of their shapes and styles in various cultures of the late Eneolithic – Early Bronze Age in south-eastern and central Europe (fig. 4.13; 4.14). At the early stage we are able to reconstruct the relations in two main directions: eastbound (with tribes of the Yamnaya cultural-historical area) and westbound (with cultures of the Carpathian – Balkan Region). In the late Eneolithic and the early Bronze Age, the same categories of pottery – amphorae, beakers and askoses – occurred both in the Balkan – Danube Region and the Budzhak culture. It is possible to speak about similarity of some forms with vessels of the Coţofeni, Cernavoda II and Zimnicea cultures (fig. 4.13). Some elements of decoration of the Budzhak pottery, as well as most of the stone axes, have parallels in the Ezero and Ezerovo II cultures. The connection between the two cultures is reflected by a group of amphorae that have their analogies in the Globular Amphora culture (Szmyt, 1999).At the late stage the Budzhak population, probably, made connections with synchronous cultures of the Carpathian basin. The Budzhak pottery complex displays influences of the Glina III – Schneckenberg, Makó-Kosihý-Čaka, Somogyvár-Vinkovci (fig.4.14) cultures. Some elements of pottery from Budzhak graves of that period have parallels with several cultures at the same time and that is not surprising. Machnik included those cultures into the so-called "European civilization of the Early Bronze Age", while the proximity of their pottery complex (identification of some types of pottery that were common in that horizon) and similarity of metal artefacts is one of the distinguishing features of that entity (Machnik, 1991, p. 174–181).

Some of the later amphorae are similar to those of the Makó-Kosihý-Čaka cul-ture[3] (e.g., Kamenka 3/13, 6/18, etc.). In that context, it is interesting to compare an amphora from the Battonya settlement of that culture (Vollman, 2009, p. 284, Plate 2,12) with an amphora from Kamenka 3/13 (fig.4.9, 15). Apart from two loop-like handles both amphorae have an additional protrusion; however, it is located at the amphora's neck in Battonya and on its body in Kamenka; in the latter case it looks like a typical handle with a vertical through hole, which has been known to occur on Budzhak jars and small amphorae. An amphora from Sărăteni 2/10 (fig. 4.9, 11) is similar to the vessels of the same kind from the Somogyvár-Vinkovci culture (Kalicz-Schreiber, 1989, 281, Fig. 3,16). Researchers note the arrival of metal to the North-Western Pontic Region from the Ezero

[3] I would like to thank Professor Jan Machnik for drawing my attention to this.

metallurgical source (Каменский, 1990). The proliferation of silver objects in south-eastern Europe was linked with the Yamnaya tribe migration to the area (Jovanovich, 1994). However, the sources of silver were probably located in the Transylvania. Possibly, Transylvanian copper and poly-metal ores were used, given that we know of natural bronze deposits in the area (Duffy, 2010). The finds of Budzhak pottery in Romanian Moldova and Dobrogea (Simion, 1991) confirm the fact that the westward proliferation of the Yamnaya cultural-historical entity should be primarily connected with the migration of the Budzhak population. An indirect proof of that is the geographic location of the North-Western Pontic Region.

Contacts and connections with Corded Ware cultures: early stage. Judging by the finds, contacts with the Corded Ware cultures had been already established in the first half of the 3rd mill. BC (fig. 4.15). The early-stage pottery includes two beakers (Butor 9/3, Trapovka 6/20), which, most probably, may be referred to Horizon A[4] (fig. 2.28. 15, 16). The same common European horizon may include a beaker from Myrne 1/12[5] (fig. 2.28. 13). According to P. Włodarczak and Kośko, most of the amphorae, found in the Budzhak culture area, were connected to the early stage (2800–2600 BC) (fig. 2.22). Some items with a spherical body also have their parallels with Horizon A (fig. 2.22. 2, 3, 16), others – with later groups of the Corded Ware, the Bohemia-Moravia and the middle German cultures (fig. 2.22 1, 5, 8). Of particular interest are so-called "oval" amphorae with relief décor on the handles and the body in the form of rolls with incisions (fig. 2.22. 14, 18, 19). This kind of amphorae was not common, but it still occurs in southern areas of the Corded Ware culture and its origin is believed to be connected to the Carpathian Basin culture circle. Włodarczak explains the emergence of innovations in the southern areas of the Corded Ware culture (genesis of the barrow ritual, proliferation of individual graves and some other elements of the material culture, in particular, "oval" amphorae, as compared with the spherical "Thuringia" amphorae) by the absorption of new ideas from the Carpathian basin and the Northern Balkans District. The transformations under way in that territory were greatly influenced by the Yamnaya tribes, which served as a transit environment that ensured proliferation of innovations (Włodarczak, 2010, p. 305). The Yamnaya population moves far westwards, Yamnaya graves bearing local features (Vucedol) are known in Gönyü in the West of Hungary, Neusiedl-am-See in eastern Austria; Essling near Vienna and Bleckendorf, Saxony-Anhalt (Harrison, Heyd, 2007; Heyd, 2011). The search for analogies to the so-called "corded" (or "ovoid", "oval") amphorae from burials of the Budzhak culture demonstrated the complexity of a univocal solution of the problem. The point is that the type of pottery in question is typical not only for the Corded Ware cultures but is also broadly represented in cultures of the Balkan – Danube Region. Analogies and handles of some amphorae have been found there (fig. 2.22. 7, 14). A visual study of available items of that type of amphorae allows speaking about various technological methods and, hence, a possibility that some of them are of a different origin. Some amphorae resemble pottery of several cultures (Cernavodă II, Corded Ware culture), while comparing others is rather conditional due to obvious differences. These kinds of amphorae have their parallels not only in the Corded Ware culture, but also in the cultures of the Carpathian hollow: Makó-Kosihý-Čaka (Kamenka 3/13, 6/18, Trapovka, b. 1), in the central Balkan area – Vinkovci (Sarateny 2/10). Most probably, we may speak about local (imitation) production of the majority of amphorae, which have their analogies in cultures of south-eastern and central Europe, mostly in the Balkan – Danube Region. Manifestations of that include the decoration of amphorae with a plastic ornament and in the shape of handles and in the combination of various cultures' elements in a single object.

Of particular interest is an amphora from Trapovka 1/18 (fig. 2.22. :19), made in accordance with Corded Ware traditions but having a slightly asymmetric body and a slant rim, which makes it related to askoses known in the Lower Danube Region's cultures. The vessel demonstrates an original combination of several cultural traditions; probably, it was locally produced. On some

[4] I would like thank Dr. Piotr Włodarczak for his help in the identification of cultural parallels and the chronological position of those beakers and a range of vessels of the Budzhak culture

[5] I would like to thank Professor Jan Machnik for defining the chronological position of this vessel.

amphorae, there were three (Kamenka 3/13) or four handles (Gradiška I, 5/11) instead of two. In these cases the extra handles were similar to typical "Budzhak" handles (pseudo-tunnel and tang-like), which indicates local production of those amphorae. An amphora with four handles (two of them pseudo-tunnel) was found in 2013 during the excavations of the Hlinaia burial mound in the Dniester Region, Moldova.[6]

Amphorae of elongated proportions occasionally occurred in complexes of the Corded Ware culture (Buchvaldek, 1958). Nevertheless, the shape of the body of the amphora and its decoration style are an important chronological feature. The early stage (and the "common European horizon of the Corded Ware culture") is characterized by the proliferation of amphorae with a spherical body.

Amphorae with an elongated body belong to a somewhat later time; Buchvaldek connects their origin with cultures of the Lower Danube and identifies a special "Danube type" with its distinguishing relief (rolled) ornament, which is rather common in synchronous cultures of the Lower Danube (Buchvaldek, 1997, p. 182). P. Włodarczak points to the fact that "oval" amphorae had existed since the Early Bronze Age practically throughout the entire Balkan – Carpathian basin, but in the Corded Ware Region they were found only in the areas adjacent to the proliferation of the Yamnaya culture, i.e., in the Transniestria and the southern groups: Bohemia, Moravia and Lower Austria.

At the same time the researcher, having identified the "Danube way", also noted a certain influence of the Yamnaya culture on the formation of a pottery complex in some groups of the Corded Ware culture. The Yamnaya population served as the intermediary that enabled the Corded Ware communities to absorb the types of amphorae that were typical for Carpathian cultures, as well as some elements of the funeral ritual. The Yamnaya influence is the most visible in the Moravia group (Włodarczak, 2010, p. 302). In addition to parallels in the group of large amphorae, some similar elements, in the view of P. Włodarczak, could be traced among small amphorae and amphora-like vessels. The stylistics of an amphora-like vessel from Olănești 1/15 (fig. 2.25. 6) is similar to that of vessels of the middle German group of the Corded Ware culture. Corded Ware traditions could also be traced in the décor of small amphorae from Gradiška I, 5/1 (fig. 2.24. 10), Mykhailovka 3/6 (fig. 2.25. 3), Nikolskoye 16/16 (fig. 2.25. 12). The amphora from Gradiška I, 5/1 and a fragment of an amphora from Curci 1/6 were of terracotta colour and polished; their shape and décor are comparable with central European samples. An amphora-like vessel from Purcari 1/28 (fig. 2.25. 17) is similar to the vessel from the late Corded Ware burial Viktorov, b. 8 (Machnik, 1960, p. 69–72). In its turn, it shows similarity with vessels from the territory of middle Germany; the complex of Abtsbessingen, containing similar vessels, is dated within the range of 2600–2500 BC: KI-4139, 3960 + 85 BP (Dresely, Müller, 2001, p. 310, Fig. 17). Hence, it is quite acceptable to date the Purcari vessel to the mid-3rd mill. BC or some time later. It is worthy of note that some burials bearing Yamnaya traces have been found in central Europe on the territories of the contemporary Czech Republic, Slovakia, eastern Germany and Poland (fig. 5.5). However, here these graves (about two dozen all in all) do not comprise any single cultural group and were found in burial mounds of different cultures – the Corded Ware, the Funnel Beaker, Nitra and Únětice (Bátora, 2006, p. 190). Therefore, we may speak about parallels between pottery complexes of the Corded Ware and the Budzhak cultures. Reproductions, borrowings and imitations in the Budzhak pottery reflect the presence of certain connections and impulses from the Corded Ware cultures. The production and decoration technique of some of the amphorae found in the North-Western Pontic Region (clay, processed surface, extra handles, similar to those present on the "Budzhak jars" and amphora-like vessels) point to syncretism, the emergence of local traditions and the Corded Ware culture. In addition to pottery, there are other goods reflecting connections with the Corded Ware culture. Those include polished stone axes[7] – Berezino 1/2), Slobozia 1/19. Usually

[6] I would like to thank the authors of the excavation V. Sinika, S.N. Razumov and S.D. Lysenko for this information.
[7] I would like to thank Dr. Viktor Klochko for their definition.

researchers of the North-Western classed all axes, found in Budzhak graves, to the Corded Ware culture, which is incorrect.

Flint axe-adzes from the territory of the North-Western Pontic Region are not identified clearly enough and they may be provisionally referred to either the Globular Amphorae or the Corded Ware culture (Szmyt, 2000). Razumov links their origin with the Corded Ware cultures (Разумов, 2010; 2011).

Contacts and connections with Corded Ware Cultures: late stage. Connections with Corded Ware cultures continued in the second half of the 3rd mill. BC (fig. 4.16). There are two burial sites that contain sets of weapons of the Corded Ware culture: Purcari 1/38 and Alcalia 33/3 (fig. 2.13). The first (fig. 2.13. 1) is believed to be the evidence of close contacts between the Corded Ware and Yamnaya (in this case, the Budzhak) cultures of the late stage (Клочко, 2006, с. 67). The collection of weaponry present in the second burial (fig. 2.13. 2) may also be considered to belong to the late Corded Ware, although the flint axe is somewhat shorter than axes of the Corded Ware type and the black diorite mace resembles Catacomb objects (Клочко, 2006, с. 70). All kinds of weapons, found in the Budzhak graves, are mostly located in the Lower Dniester area and in the Budzhak territory that is adjacent to the sea. The presence of weapons in the Budzhak graves can be explained in different ways: by the tension that emerged in relations between different groups of the population and by the borrowing of such practice from the Corded Ware environment, contacts with which were rather visible.

Decoration of pottery in some cases may also point out to connections between the Budzhak and the Corded Ware cultures. The borrowing of “alien” ornamental compositions and translating them into traditional pottery have been known to occur in various cultures of the Bronze Age. Another way of adopting foreign cultures’ traditions of vessel decoration – altering the ornamentation technique while preserving the previous ornamental schemes – was registered in the Balkans (Катинчаров, 1987, с. 173). Some borrowings of this kind can be also found on Budzhak pottery. Hence, the motif represented by shaded triangles – Semenovka 8/18, is similar to the pottery decoration in Halle (Saale) Region (Saxony – Anhalt State), as well as in Bohemia, although individual finds of vessels with similar ornaments (but of different shapes) were registered in the Sokal ridge, where they represented imported goods (Machnik, 2009). Stylistics in the decoration of some middle German beakers (Matthias, 1982, Pl. 54, 10; 109, 6) are similar to those of the North-Western Pontic Region, for example, a vessel from the Kholodnaya Balka 1/13 (fig. 2.28. 15), on which horizontal marks of a cord (arranged in a spiral) are located on the rim and shaded triangles with their tops up are located on the body. According to Włodarczak , the influence of late cultures of the Corded Ware circle can be traced on the beakers from Curci 3/9 (fig. 2.28. 10), Bashtanovka 7/12 (fig. 2.28. 5), Yefimovka 9/17 (fig. 2.28. 9). The local production of these beakers is indicated not only by the vessel’s shape, but also by the disfigured ornamental schemes, interrupted rhythm of the ornament and the horizontal frieze broken by a zigzag. However, such infringements on the standards do occur in the periphery of the Corded Ware culture. For instance, similar “non-standard” motifs with a broken ornamental rhythm were noted on beakers from the territory of the extreme western periphery of the Corded Ware culture: from the south-western part of Germany, on the Tauber River (Dresely, 2004, Taf. 10. 3). and from Denmark (Hübner, 2005). A beaker-like vessel from Bashtanovka 7/21 grave (fig. 4.12), decorated with horizontal impressions in the ornamentation on beakers of the late group of the Corded Ware culture in Germany, according to P. Włodarczak (Matthias, 1982, pl. 29, 7). A variety of methods of making the cord ornament on the vessel’s surface: around the rim in the shape of a spiral, with a single cord, with a triple cord or a braid have been registered in the Budzhak culture. The first and the third versions have analogies in the decoration of pottery in central Germany. Some researchers expected that corded ornaments would appear on Budzhak pottery under the influence of Catacomb cultures. However, the drawn ornament was predominant on Catacomb vessels of the North-Western Pontic Region and the area between the Bug and the Dnieper rivers; hence, we may assume that the ornamentation technique used for decoration of some of the vessels could be connected with the influence of the Corded Ware culture.

P. Włodarczak reconstructed the Danube way of westward migration of the Yamnaya tribes (Włodarczak, 2010). The routes of migration to Alfeld could be restored based on archaeological finds with the use of written sources and historic data from later epochs, e.g., about the migration of Medieval nomads to Pannonia. Pechenegs and Cumans mastered three ways from the southern Rus steppes to the central European Plain, to Hungary: the first, through the Iron Gates; the second, through the southern Carpathians in the headwaters of the Olt, Mures and Szomes rivers; the third, from the Upper Siret and Prut rivers to the Tisza (Расовский, 1933, с. 3). The first two ways were connected with crossing over the River Prut, while the third way did not require crossing major water obstacles. According to Dergachev, the Yamnaya tribes got to the Middle and Upper Tisza River area on the Suchava highland road, which ran in the north of Transylvania (Дергачев, 1986, с. 81). Ciugudean reconstructed the movement of the Yamnaya tribes to Transylvania by the rivers of Mures and Szomes (Ciugudean, 2011, p. 29–30). Meanwhile, the way along the Danube or the Carpathian hollow was not the only one used in the relations between the Budzhak and the Corded Ware cultures. We may also speak about the movement towards the west (north-west). The amphorae, comparable to the Corded Ware samples, found in the north of the Republic of Moldova, marked the westward direction of the contacts along the Prut and the Dniester. The researchers pointed out to the Dniester way (Klochko, Kośko, 2009, p. 300), which, most probably, linked the Budzhak culture and the Corded Ware culture. A burial found on the San River combined the features of the Corded Ware, Yamnaya and Catacomb cultures (Kośko, Klochko, Olszewski, 2012). In this context, interesting finds were made in Yamnaya graves in the Vinnitsa Region in the Middle Dniester area (information provided by Razumov). Hence, finds in the burial mound near the village of Porohy included amphorae of various kinds – both of oval shape that had been usual for the early types of the Corded Ware culture (Porohy 2/6) and of elongated proportions, with a cut-apart little relief roller at the bottom of the rim (Porohy 1/8). A unique amphorae handle from Sloboda Podlesna was made in the shape of a bucranium; most probably, it could be compared with handles of the ovoid amphorae from the North-Western Pontic Region and vessels belonging to cultures of the Balkan-Carpathian Region: Cernavodă III, Cernavodă II, Glina III, on which the relief roller resembles, rather schematically, bucrania. Grave Pysarivka 6/2 of the Vinnitsa Region on the Dniester contained a wooden cart (Zahoruiko et al., 1993). Probably, its emergence was also connected with the Budzhak population's northward migration from the North-Western Pontic Region along the Dniester.

The authors believe that the Dniester way linked the population of the late Eneolithic – Early Bronze Age of the North-Western Pontic Region not only with the Sokal ridge or Malopolska, where the pottery complex of the Zlota culture contained vessels comparable with the pottery of the Usatovo type (Włodarczak, 2008, p. 520). Probably, the Budzhak population migrated westwards to central Europe across Malopolska and northern slopes of the Carpathians. The evidence of such connections could be found in the presence of Yamnaya graves in the central European area (fig. 5.5), as well as in the similarity of individual shapes of pottery and ornamental motifs (fig. 4.15; 4.16). The possibility of using that route is confirmed by modern-time written sources. At the end of XIX centure, a group of peasant wine-makers moved from the Swiss town of Vevey to the Lower Dniester area and founded the Shabo settlement (Belgorod-Dniestrovsky District of the Odessa Region). Thirty people, including women and children, accompanied by cattle, arrived in eight carts drawn by oxen and horses; they brought grape seedlings with them. Their route went through St. Gallen, Munich, Vienna and further southwards from Kraków to Lemberg, then through Chişinău to the banks of the Dniester estuary, to the area of the future Shabo settlement. It took the migrants 3 months and 10 days to cover the distance of 2649 km. [8] J. Machnik believes that the Globular Amphora population had served as kind of a barrier that blocked the proliferation and migration of other cultures and that contacts between them became possible only after the decay of the Globular Amphora culture in the second half of the 3rd mill. BC (Machnik, 1979, p. 60). However, the analysis of the pottery complex and the dates of some complexes indicate rather early connections

[8] The information was obtained in the Wine Culture Museum in Shabo, Odessa Region.

between the Budzhak culture and the Corded Ware culture, which had not been encountered by the populated territories in the Pre-Carpathian Region. The evidence of that can be seen in the early types of beakers and amphorae in the North-Western Pontic Region as well as to the north of it. Possibly, those objects marked the routes connecting the Budzhak culture with cultures of the central European circle. Arguably, these conclusions are contradicted by the absence of Yamnaya graves in the Upper Dniester area and Malopolska. Probably, one needs to refer to anthropological data in order to explain that phenomenon. Ethnologists are aware of taboos that banned the inhumation of the dead on foreign territories (the presence of hostile deities, alien ancestors, or other reasons). Given the symbolic nature of the funeral ritual, one may assume that the populations in question had different cultural traditions and different semiospheres.[9]

G. Toschev provided justification of his opinion that during the Bronze Age the Crimea had served as a transit territory linking the Northern Pontic steppes with the Northern Caucasus (Тощев, 2007, c. 8). The eastward proliferation of the Budzhak traditions shall now be considered. In this context, an interesting inhumation can be found at Istochnoye 12/5, which contained a Corded Ware-looking beaker (Генинг, Корпусова, 1989, с. 33), which had analogies in the North-Western Pontic Region. One should also take note of the pottery from the Crimean Yamnaya burials, which likewise resembles the Budzhak items (Тощев, 2007, 43, рис. 13,10; 44, Fig. 14:1; 45, Fig. 15. 7 et al.). When analysing the Yamnaya pottery of the Steppe Ukraine, Nikolova emphasised a rather significant degree of similarity between the North-Western Pontic Region, the south of the Kherson Region and the Crimea (Ніколова, Мамчич, 1997). Taking into account all the above observations, the proliferation of a common anthropological type on those territories does not appear coincidental (Круц, 1997, c. 381) in a rather diverse anthropological composition of the population of the Yamnaya cultural-historical entity as a whole (Круц, 1997, c. 380–383; Шишлина, 2007, c. 121-122). Yet another part of the picture of the Budzhak culture’s western and eastern connections and its possible status as a transfer medium of different cultural traditions are vessels of the Globular Amphora and the Corded Ware.

Conclusion. A specific feature of the cultural – historical genesis of the North-Western Pontic Region at the turn of the 4th to the 3rd mill. BC is manifested by relations of its population with a foreign cultural environment. This concerns, first and foremost, the Budzhak culture that is a component of the Yamnaya cultural-historical region. The Budzhak culture represents connections with the Carpathian and Danube, the Corded Ware and the Globular Amphora cultures. The contacts were reflected in two aspects: imports, imitations and parallels in the Budzhak pottery and the occurrence of the Yamnaya burials found in other territories. Some forms of pottery and elements of its décor are rather surprisingly similar to central European groups of the Corded Ware culture. The analysis of the mainland culture of the Budzhak population enables us to assume the existence of contacts with the Corded Ware culture circle as early as in the first half of the 3rd mill. BC.

Acknowledgements. I would like to express my gratitude to Professor Jan Machnik, Professor Aleksander Kośko (Adam Mickiewicz University, Poznan), Professor Marzena Szmyt (Museum of Archaeology, Poznan), Professor Viktor Klochko (National University of Kyiv Mohyla Academy, Kyiv), Dr. hab. Piotr Włodarczak (Institute of Archaeology, Polish Academy of Sciences, Kraków) for their consultations during the work on this papers.

Translated by Piotr T. Żebrowski (Part I)
Translated by Inna Pidluska (Part II)

[9] “The semiosphere can be understood as a system above all other semiotic formations and at the same time, one that coalesces them into a united whole. The semiosphere in itself embraces all semiotic spaces and functions as a field of interaction of sign systems of various types” (Лотман, 1992, c. 11).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А
Список памятников буджакской культуры Северо-Западного Причерноморья (на 2013 год), использованных в работе (2632 погребения) (в числителе указан номер кургана, в знаменателе - номер погребения)

Памятники Украины

Агеевка, 1/1, 1/2, 1/5, 1/7, 1/8, 1/10 (Субботин и др, 1988).

Алкалия, 4/2, 4/7, 4/8, 4/10; 5/3, 5/5, 5/6, 5/7, 5/8, 5/11, 5/12, 5/14, 5/16; 8/2, 8/3; 15/1; 25/1, 25/3, 25/4, 25/5, 25/6 (Субботин и др., 1987); 33/3, 33/4, 33/5, 33/6, 33/7, 33/8, 33/9, 33/10, 34/11, 33/13; 35/1, 35/2, 35/3, 35/5, 35/6, 35/7; 36/3 (Субботин и др., 1988).

Александровка, 1/5, 1/7, 1/16, 1/21, 1/24, 1/25, 1/32а (Бейлекчи, Петренко, 1993; Petrenko, Beilekchi, 2000).

Арцыз, 1/10, 1/12, 1/16, 1/17, 1/18, 1/19, 1/20, 1/22, 1/23 (Шмаглий и др., 1972).

Бановка, 1/1, 1/2 (Гудкова и др., 1984).

Бараново, курган «Солдатская слава» 1/3, 1/4, 1/9, 1/10, 1/11 (Иванова и др., 2005).

Баштановка, 4/7, 4/10, 4/11, 4/12, 4/13, 4/13, 4/14, 4/18, 4/22, 4/23, 4/24, 4/25; 5/13; 7/4, 7/6, 7/10, 7/11, 7/12, 7/13, 7/14, 7/15, 7/16; 8/5, 8/6; 10/33 (Шмаглий, Черняков, 1970).

Белолесье, 1/8, 1/10, 1/12; 3/3, 3/6, 3/8, 3/10, 3/14, 3/15, 3/17, 3/19, 3/20, 3/23, 3/24, 3/25, 3/26, 3/27; 4/1, 4/2, 4/3, 4/4, 4/5, 4/7; 6/3, 6/4; 7/2, 7/3, 7/4, 7/6, 7/7, 7/8, 7/9; 11/2, 11/3, 11/8, 11/9, 11/10 (Субботин и др., 1998).

Беляевка, 1/4, 1/9, 1/12, 1/16, 1/19, 1/20, 1/22, 1/23, 1/28, 1/29, 1/30, 1/31, 1/32, 1/34, 1/35, 1/37 (Алексеева, 1971).

Березино, к. 2, к. 3 – 2 погребения; к. 4 – 1 погребение (Загинайло и др., 1978).

Богатое, 1/5, 1/6, 1/7; 2/4, 2/6, 2/7, 2/8, 2/9, 2/11, 2/12, 2/13, 2/14, 2/15, 2/16, 2/17; 3/1; 4/2 (Алексеева, Тощев, 2009).

Болград, 1/2, 1/3; 1/6, 1/7, 1/8, 1/10, 1/11, 1/12; 3/1, 3/2; 4/2, 4/4; 5/6; 7/4 (Субботин, Шмаглий, 1970).

Большой Аджалык, 1/4, 1/5, 1/8, 1/9 (Субботин и др., 1988).

Борисовка, 8/1, 8/2, 8/4, 8/5, 8/6, 8/7, 8/9, 8/10, 8/11, 8/12, 8/13; 9/2, 9/3, 9/4, 9/6 (Шмаглий, Черняков, 1970).

Вапнярка, 4/14, 4/15, 4/16, 4/18 (Иванова и др., 2005а; Иванова и др., 2012).

Великодолинское, 1/1, 1/2, 1/4, 1/8 (Субботин и др., 1976).

Великозименово, 1/1, 1/2, 1/5, 1/6, 1/8, 1/9 (Петренко, Тощев, 1990; Иванова и др., 2005).

Виноградовка, 1/1, 1/2, 1/3, 1/4, 6/2, 6/4; 7/1, 7/2, 7/4, 7/7 (Шмаглий и др., 1972).

Вишневое, 8/1, 8/2, 8/3, 8/4, 8/5, 8/6, 8/7; 11/5, 11/9, 11/10, 11/12, 11/13; 13/4, 13/5, 13/6, 13/7, 13/8, 13/10; 17/4, 17/5, 17/6, 17/7, 17/12, 17/18, 17/19, 17/20, 17/27, 17/36, 17/37, 17/38, 17/42, 17/43, 17/49, 17/50, 17/55 (Дворянинов и др., 1985); 18/1, 18/4, 18/7; 52/3, 52/12, 52/13, 52/14, 52/35, 52/40; 53/3, 53/6; 54/1, 54/2, 54/7, 54/8, 54/10; 56/1, 56/4, 56/9, 56/13, 56/15; 58/1 (Субботин и др., 1998).

Владычень, 1/2, 1/4, 1/5, 1/6, 1/9; 2/2, 2/4, 2/5, 2/6, 2/7; 4/1; 13/1 (Гудкова и др., 1984).

Глубокое, 1/5, 1/6, 1/7, 1/9, 1/11, 1/12, 1/13, 1/14, 1/15, 1/19, 1/20, 1/21, 1/22, 1/23, 1/24, 1/25, 1/26; 2/4, 2/5, 2/6, 2/7, 2/8, 2/9, 2/10, 2/11 (Шмаглий, Черняков, 1970).

Градешка I, 5/1, 5/2, 5/7, 5/8, 5/9, 5/10, 5/11; 6/1; Градешка II. 1/1, 1/2; 3/1; 5/3, 5/7 (Субботин и др., 1995).

Григорьевка, 1/3; 1/6, 1/7, 1/8, 1/9, 1/10, 1/11, 1/12, 1/13 (Субботин, 1982).

Дальник, Беляевского района, 1/1, 1/2, 1/3, 1/4, 1/5, 1/6, 1/7; 2/2, 2/4, 2/6, 2/7, 2/8, 2/9; 3/1, 3/3 (Алексеева, 1979).

Дальник, Овидиопольского района, 1/2, 1/3, 1/5; 2/2, 2/3; 3/1, 3/3, 3/4 (Субботин, Дзиговский, 1989).

Дербент, 2/3, 2/4 (Гудкова и др., 1984).

Десантное, 1/7, 1/8, 1/9, 1/10, 1/11, 1/12, 1/13, 1/14, 1/15, 1/16, 1/17, 1/19 (Алексеева, 1974).

Дзинилор, 1/7, 1/17, 1/19; 3/2, 3/3, 3/7, 3/12; 9/4, 9/9, 9/10, 9/11, 9/12, 9/14, 9/15, 9/18 (Гудкова и др., 1979).

Дивизия I, 16/4 (Субботин и др., 1985); Дивизия II. 1/1, 1/4, 1/7, 1/9, 1/10, 1/12, 1/13; 2/1, 2/5, 2/6, 2/7; 4/1, 4/4; 5/1, 5/7, 5/8; 6/1, 6/3, 6/4, 6/6; 8/1 (Субботин и др., 2001–2002).

Доброалександровка, 1/1, 1/3, 1/4, 1/5 (Алексеева, 1973).

Дубиново, 1/5, 1/13 (Иванова и др., 2005).

Ефимовка, 2/2, 2/5, 2/9, 2/12, 2/13, 2/14, 2/21, 2/23; 3/2, 3/5, 3/9, 3/10, 3/11, 3/12, 3/13, 3/15, 3/17; 5/2; 6/1, 6/3, 6/6, 6/7, 6/9; 9/10, 9/11, 9/12, 9/13, 9/14, 9/16, 9/17, 9/18, 9/19, 9/21; 10/6, 10/7, 10/10 (Шмаглий, Черняков, 1985).

Желтый Яр, 1/4, 1/5, 1/6, 1/13, 1/14, 1/16, 1/22; 2/5, 2/7, 2/8, 2/13; 3/6, 3/7, 3/8, 3/9, 3/12, 3/14, 3/18, 3/21; 5/4, 5/10, 5/13, 5/15; 6/4, 6/5; 7/2, 7/3; 8/2, 8/3; 11/2 (Субботин и др., 1981).

Жовтневое, 4/5, 4/6, 4/7, 4/8 (Субботин, 1984).

Заря, 2/2 (Черняков и др., 1982).

Каланчак, 3/6, 3/9, 3/19, 3/20, 3/22 (Гудкова и др., 1982).

Кальчево, 3/9, 3/10, 3/14 (Субботин, 1988).

Каменка I, 1/2, 4/2 (Шмаглий и др., 1970); Каменка II. 1/1, 1/2, 1/3; 2/2 (Шмаглий и др., 1971).

Каролино-Бугаз, 1/5, 1/6, 1/7, 1/11, 1/12, 1/13, 1/14, 1/15, 1/16; 3/3 (Загинайло и др., 1987).

Крестовая могила (Подгорное), 1/3, 1/4, 1/15, 1/18, 1/23 (Гудкова, 1993).

Катаржино, 1/1, 1/2, 1/6, 1/7, 1/8, 1/9, 1/11, 1/12, 1/13, 1/14, 1/16, 1/21; 2/5, 2/6 (Иванова и др., 2005).

Кислица, 1/3, 1/6; 2/3, 2/4, 2/10, 2/11; 4/1, 4/12; 5/3; 6/3; 8/1, 8/3, 8/5, 8/6, 8/7, 8/9, 8/15, 8/16 (Гудкова и др., 1995).

Ковалевка I, 1/4, 1/5, 1/6, 1/8, 1/10, 1/11; 3/2, 3/7, 3/8, 3/10;4/3,4/4, 4/5, 4/6, 4/12, 4/14, 4/16; 6/2, 6/3, 6/6 (Ковпаненко и др., 1978).

Ковалевка II, 1/4, 1/7, 1/9, 1/10, 1/12; 2/1, 2/2; 6/4, 6/7, 6/8, 6/11, 6/12; 8/3; 8/4; 8/5, 6/6, 8/7, 8/8; 9/2, 9/7, 9/9 (Ковпаненко и др., 1978).

Ковалевка III, 1/6, 1/8, 1/9, 1/10, 1/11, 1/12; 2/2, 2/3, 2/4, 2/5, 2/6, 2/7 (Ковпаненко и др., 1978).

Ковалевка V, 1/1, 1/2; 3/2, 3/7, 3/8, 3/9, 3/10 (Ковпаненко и др., 1978).

Ковалевка VI, 1/1а, 1/3, 1/5; 2/1,2/2, 2/7, 2/12, 2/14, 2/15, 2/19, 2/23, 2/28; 3/2; 4/12, 4/13, 4/16 (Ковпаненко, Гаврилюк, 2002).

Корчино, 1/1, 1/3, 1/9,1/10, 1/12, 1/13, 1/14 (Шапошникова и др., 1986).

Кочковатое, 23/2; 24/4; 28/7, 28/8, 28/12; 30/6 (Ванчугов и др., 1992).

Кубей, 1/5, 1/6, 1/9, 1/10, 1/11, 1/16, 1/17; 4/2; 19/4, 19/5 (Субботин и др., 1986); 21/5, 21/7, 21/12, 21/14, 21/16; 22/7, 22/9, 22/14, 22/15, 22/18, 22/19; 23/1, 23/2, 23/4, 23/5, 23/6, 23/7, 23/8, 23/11, 23/14, 23/15, 23/16, 23/18 (Субботин и др., 1987).

Кугурлуй, 1/1, 2/1, 2/2 (Гудкова и др., 1984.)

Курчи, 1/2, 1/3, 1/5, 1/6, 1/7, 1/8; 3/1, 3/2, 3/5, 3/7, 3/8, 3/9, 3/10, 3/11; 8/6; 9/3, 9/4; 12/2, 12/3; 20/1, 20/3, 20/7, 20/10, 20/11, 20/12, 20/14, 20/15, 20/16, 20/17, 20/19, 20/22, 20/23; 23/1; 26/3, 26/4, 26/5, 26/6, 26/7; Курчи I, 1/1, 1/2, 1/3, 1/4, 1/6, 1/7; 2/8, 2/10, 2/12, 2/13 (Тощев, 1992).

Лиман, 1/4; 2/2, 2/3, 2/10; 7/3, 7/7; 8/5; 9/1, 9/2; 10/5; 3А/9, 3А/12, 3А/16, 3А/17, 3А/19, 3А/21, 3А/23, 3А/29, 3А/30, 3А/42, 3А/51, 3А/52, 3А/57 (Субботин, Тощев, 2002).

Марьяновка, 1/6 (Субботин, 1982).

Маяки I, 5/3, 5/4, 5/5; 6/1 (Шмаглий, Черняков, 1985); Маяки II. 1/6, 1/12, 1/13, 1/15, 1/18, 1/19 (Зиньковский, Патокова, 1978); Маяки III. 1/4, 1/5, 1/6, 1/8, 1/9, 1/15, 1/16; 2/3, 2/6, 2/7, 2/8, 2/12, 2/13 (Черняков и др., 1982); Маяки IV. 1/1; 2/4; 3/1; 5/1; 6/1; 7/7; 9/1 (Черняков, Дзиговский, 1983).

Мирное, Беляевского района,1/2, 1/4, 1/5, 1/7, 1/8, 1/10, 1/11, 1/12, 1/13 (Алексеева, 1979).

Мирное, Килийского района, 1/4, 1/9, 1/10, 1/11, 1/12, 1/13, 1/14, 1/15, 1/16 (Алексеева, 1974); 1/52, 1/53, 1/58, 1/59 (Тощев, 1978).

Михайловка, 1/2, 3/1, 3/5, 3/6, 3/7, 3/8, 3/9, 3/10, 3/11, 3/12, 3/13, 3/14 (Черняков и др., 1982).

Молога, 1/4, (Малюкевич, Субботин, 2002), 2/3, 2/14, 2/36, 2/39, 2/41, 2/52, 2/60, 2/86, 2/95, 2/96, 2/107, 2/124; 2/140 (Малюкевич, Агульников, 2005).

Мреснота могила, 1/1, 1/2, 1/3,1/4, 1/5, 1/6, 1/7, 1/11; 2/1, 2/5, 2/6, 2/8, 2/9 (Гудкова и др., 1984).

Нагорное, 7/1, 7/2; 8/1, 8/2 (Гудкова и др, 1981); 14/2, 14/4б, 14/5, 14/6, 14/7, 14/8, 14/9, 14/11, 14/12, 14/13, 14/14, 14/15, 14/16, 14/17; 15/1, 15/4, 15/7, 15/10, 15/13; 19/1 (Тощев, 1992).

Надлиманское, 1/2, 1/5, 1/8 (Алексеева, Булатович, 1990).

Неделково, 8/1 (Дзиговский, 1991).

Нерушай, 1/14, 1/15; 9/9, 9/16, 9/31, 9/32, 9/33, 9/37, 9/49, 9/56, 9/57, 9/60, 9/74, 9/76, 9/81, 9/84, 9/85, 9/86; 10/10, 10/11, 10/13, 10/15, 10/16, 10/17 (Шмаглий, Черняков, 1970).

Николаевка (Ефимовка), 1/4, 1/5, 1/6; 2/7, 2/8; 4/3, 4/4, 4/5, 4/6, 4/7, 4/8, 4/9, 4/10 (Шмаглий, Черняков, 1985); 8/5, 8/7, 8/10, 8/11, 8/13, 8/15, 8/16, 8/17, 8/18, 8/21, 8/22 (Алексеева, Булатович, 1990).

Новая Долина I, 1/1, 1/2, 1/3, 1/4 (Алексеева, 1979); Новая Долина II, 3/2, 3/3, 3/7, 3/11 (Петренко и др., 2002).

Новоградковка, 1/1, 1/2, 1/3, 1/4, 1/7, 1/9, 1/10, 1/11; 2/6, 2/7, 2/8, 2/9, 2/11; 3/1, 3/4, 3/5, 3/6, 3/7, 3/8, 3/9, 3/10; 4/2, 4/3, 4/8, 4/9; 5/1, 5/2, 5/3, 5/4 (Субботин и др., 1986).

Новогригорьевка, курган «Любаша» 2/2, 2/7, 2/8, 2/10, 2/16, 2/19 (Иванова и др., 2005).

Новокаменка, 1/1, 1/2, 1/3, 1/4, 1/5, 1/6, 1/7, 1/8, 1/10, 1/11, 1/12, 1/13, 1/14; 2/3 (Шмаглий и др., 1971).

Ново-Красное, 1/3 (Алексеева, 1996).

Новоселица, 3/2; 19/7, 19/10, 19/11, 19/12, 19/13, 19/14, 19/16, 19/17, 19/18, 19/19, 19/26, 19/28, 19/30; 20/1, 20/2, 20/8, 20/9; 21/1, 21/3, 21/4 (Субботин и др., 1995).

Новоюрьевка, 1/5, 1/6, 1/7, 1/8, 1/10, 1/11, 1/13, 1/14, 1/15, 1/16; 2/1 (Шапошникова и др., 1986).

Овидиополь, 1/1 (Шмаглий, Черняков, 1985).

Огородное I, 1/2, 1/14, 1/15, 1/17, 1/18; Огородное II, 1/4, 1/6, 1/8, 1/12, 1/14, 1/15 (Субботин и др., 1970); Огородное III, 1/4, 1/6, 1/11, 1/12, 1/14, 1/15, 1/16 (Субботин и др., 1984).

Одесский курган (Слободка-Романовка), 1/15, 1/20 (Добровольский, 1915).

Озерное, 1/2, 1/5, 1/7 (Гудкова и др, 1995).

Островное, 2/1, 2/5, 2/6, 2/7, 2/8, 2/11, 2/13, 4/1 (Алексеева, 1976а).

Павловка I, 1/14 (Кнауэр, 1902).

Павловка II, 2/1, 2/2, 2/7, 2/8 (Алексеева, 1994).

Парапоры, 1/1, 1/3, 1/6, 1/8, 1/9, 1/10, 1/11, 1/12, 1/16, 1/19, 1/20; 2/2, 2/3, 2/5, 2/6, 2/8, 2/9, 2/11, 2/12, 2/13 (Алексеева, 1975).

Петродолинское, 1/1, 1/3, 1/4, 1/9; 3/2, 3/7 (Алексеева, 1979).

Плавни, 1/1, 1/2, 1/3, 1/5, 1/6, 1/7; 2/5, 2/6, 2/7, 2/8, 2/9, 2/10; 3/2, 3/9; 4/3; 5/4; 8/6, 8/9, 8/11, 8/18, 8/24, 8/25, 8/26, 8/27, 8/29, 8/31, 8/32, 8/33, 8/34, 8/36, 8/36; 9/3, 9/4, 9/5, 9/6, 9/8, 9/11, 9/13, 9/14; 11, 10/2, 10/3, 10/5; 11/11, 11/13; 12/5, 12/6, 12/9, 12/10, 12/11; 13/15; 15/1, 15/2, 15/5, 15/7; 16/7, 17/5, 17/7, 17/9; 20/4, 20/13, 20/15; 23/5; 26/2, 26/3, 26/4, 26/5, 26/6, 26/7; 30/5 (Андрух и др., 1985).

Покровка, 1/6, 1/13, 1/15, 1/16, 1/18, 1/19; 2/3, 2/7; 3/12, 3/4; 3/9,3/6, 3/13; 4/2, 4/4 (Шапошникова и др., 1986).

Помазаны, 1/2, 1/7, 1/8, 1/9, 1/11, 1/13, 1/15 (Тощев, Редина, 1991).

Попильное, 1/6; 1/7; 1/10, 14 (Никитин, 1981).

Приморское, 1/2, 1/4, 1/9, 1/10, 1/11, 1/12, 1/13, 1/19, 1/25, 1/32, 1/34, 1/40, 1/46, 1/47, 1/50; 2/3 (Чеботаренко и др., 1993).

Ревова, 3/3, 3/4, 3/6, 3/7, 3/15, 3/16, 3/20 (Иванова и др., 2005).

Садовое, 1/1, 1/5, 1/7, 1/8, 1/18, 1/26, 1/32 (Малюкевич, 1990).

Санжейка, 1/1, 1/2, 1/4, 1/5, 1/8, 1/12, 1/13, 1/14 (Алексеева, 1973).

Сарата, 5/5 (Кнауэр, 1889); 10/18 (Кнауэр, 1890).

Семеновка, 1/5, 1/6, 1/8; 2/2, 2/3, 2/6, 2/7; 8/3, 8/5, 8/6, 8/8, 8/9, 8/10, 8/12, 8/13, 8/15, 8/16, 8/17, 8/18, 8/22, 8/23, 8/24; 12/1, 12/2, 12/3; 14/1, 14/2, 14/3, 14/5, 14/7, 14/8, 14/11, 14/12, 14/14, 14/19, 14/21, 14/22, 14/23, 14/24; 19/2, 19/3, 19/4, 19/5, 19/9, 19/11; 17/3, 17/5 (Субботин, 1985).

Сергеевка, 1/2, 1/5, 1/6, 1/8, 1/9, 1/10, 1/11, 1/14; 2/2, 2/3; 11/4, 11/5, 11/6, 11/7 (Дзиговський, Субботін, 1997).

Старые Беляры, 1/6, 1/14, 1/30 (Петренко, 1991).

Струмок, 1/3, 1/6, 1/8, 1/10, 1/11, 1/13, 1/16, 1/18; 5/3, 5/11, 5/12, 5/13; 6/3, 6/4, 6/5, 6/7, 6/8, 6/15 (Гудкова и др., 1979; Гудкова и др., 1980).

Суворово I, 1/1; 2/2; 10/1; 11/2 Суворово II, 1/4 (Шмаглий и др., 1970; Шмаглий и др., 1971).

Сычавка 1/9, 1/10, 1/13, 1/15, 1/19 (Іванова, Савельєв, 2011).

Татарбунары, 1/3, 1/4, 1/6, 1/7 (Субботин, 1988).

Тимково, 1/1, 1/2, 1/4, 1/6 (Островерхов и др., 1993).

Траповка I. 1/9, 1/14, 1/15, 1/16 (Ванчугов и др., 1976). Траповка II. 1/6, 1/8, 1/9, 1/10, 1/11, 1/16; 4/5, 4/6, 4/7, 4/8, 4/9, 4/10, 4/11, 4/12, 4/13; 5/1; 6/4, 6/7, 6/12, 6/14, 6/15, 6/16, 6/17, 6/18, 6/19, 6/20; 10/4, 10/6, 10/10, 10/11, 10/12, 10/13 (Субботин и др., 1995).

Турлаки, 1/4, 1/5, 1/7, 1/8; 2/4, 2/5, 2/6, 2/7, 2/8; 1/3 (Черняков, Дзиговский, 1983).

Утконосовка, 1/1, 1/2, 1/3, 1/4, 1/5, 1/6; 2/2, 2/4, 2/5; 6/1, 6/2 (Шмаглий и др., 1970; Шмаглий и др., 1971).

Фрикацей, 1/2, 1/5; 2/1, 2/2, 2/6, 2/10, 2/14, 2/15, 2/16; 3/1, 3/3; 4/1, 4/3, 4/11, 4/19, 4/22, 4/23, 4/24, 4/27, 4/29, 4/30, 4/31 (Тощев, Сапожников, 1990); 7/1; 9/3, 9/4; 10/1, 10/2, 10/5, 10/9, 10/10, 10/11, 10/12, 10/13, 10/14, 10/15, 10/16 (Гудкова и др., 1981).

Хаджидер, 2/2, 2/3; 6/2, 6/3а; Костюкова могила /3, 5, 7, 13, 16, 17, 18, 21, 22, 23, 24, 25, 29, 33; Хаджидер III, 13/1, 13/7, 13/8, 13/14, 13/15 (Субботин и др., 1988).

Холмское, 1/4, 1/7, 1/8, 1/14, 1/15, 1/16, 1/18, 1/19, 1/21, 1/22, 1/24, 1/26, 1/28, 1/29, 1/31; 2/2, 2/4, 2/5, 2/7, 2/8, 2/10, 2/13, 2/15, 2/16, 2/17, 2/21, 2/25, 2/26, 2/27, 2/28, 2/29, 2/30, 2/31, 2/32, 2/33, 2/37; 3/5, 3/6; 5/4, 5/9, 5/14, 5/15; 8/4; 9/1; 10/1; 11/2 (Черняков и др., 1986).

Холодная балка 1/2, 1/6-7, 1/13, 1/15, 1/19, 1/25 (Петренко, 2010).

Чауш, 1/4, 2/3, 2/4, 20/2, 20/3 (Гудкова и др., 1981).

Черноморка, к. 1, четыре погребения (Синицин, 1960)

Червоный Яр I, 1/1, 1/2, 1/3, 1/4, 1/5, 1/6, 1/7, 1/8, 1/9; Червоный Яр II, 1/1, 1/2, 1/3; 2/1, 2/3; Червоный Яр III, 4/2 (Алексеева, 1975).

Шевченково, 1/1, 1/3, 1/4, 1/6, 1/7, 1/8; 2/2 (Алексеева, 1974); 3/1, 3/2, 3/3, 3/4, 3/5, 3/6, 3/7, 3/8, 3/9, 3/10, 3/11, 3/12, 3/13 (Алексеева, 1975).

Щербанка, 1/1, 1/3, 1/5, 1/6, 1/7, 1/10, 1/16, 1/17, 1/18, 1/22, 1/23, 1/25, 1/30 (Бейлекчи, 1993).

Ясски, 1/2, 1/4, 1/8, 1/9, 1/15, 1/18, 1/23, 1/24, 1/25, 1/26, 1/27, 1/28, 1/30, 1/33; 2/1, 2/2, 2/10, 2/11; 3/2, 3/3, 3/3а, 3/4, 3/5, 3/6, 3/7, 3/11; 5/2, 5/4, 5/8, 5/9, 5/18, 5/19, 5/21, 5/22, 5/23, 5/24, 5/26, 5/27, 5/28; 6/3, 6/4, 6/5, 6/10, 6/11, 6/12, 6/13, 6/14, 6/15, 6/16, 6/17 (Алексеева, 1976).

Памятники Республики Молдова

Балабан, 1/3; 2/2, 2/3, 2/4; 3/3, 3/4, 3/5; 4/2, 4/3, 4/5, 4/6, 4/7; 8/1, 8/2; 9/4; 13/3, 13/5, 13/6, 13/7, 13/8, 13/10, 13/11, 13/12, 13/14, 13/15, 13/16, 13/17, 13/18; 14/1; 15/1; 16/1; 17/3, 17/5; 21/5 (Чеботаренко и др., 1989).

Балабанешты, 1/3, 1/6, 1/7, 1/8, 1/9, 1/12, 1/13, 1/14, 1/24; 2/1, 2/2, 2/5, 2/6, 2/7 (Агульников, Бейлекчи, 1987).

Бешалма, 1/20 (Дергачев, 1973).

Бравичены, 1/1, 1/10, 1/11, 1/12, 1/14; 2/2, 2/3, 2/4, 2/5, 2/7, 2/8, 2/9; 3/1, 4/4, 7/2, 7/4, 7/8, 7/9, 7/12, 7/13; 9/5, 9/6; 11/1, 11/8, 11/9; 12/1, 12/2, 12/3; 13/4, 13/5, 13/6, 13/7; 15/4; 16/1, 16/4, 16/6, 16/8, 16/9, 16/10, 16/11; 17/1, 17/3, 17/4, 17/5; 18/1, 18/2, 18/3, 18/5; 19/1, 19/4; 19/5, 19/7. 19/8, 19/11; 23/1, 23/3, 23/7; 24/3 (Ларина и др., 2008).

Бурлэнешть, 1/3, 1/4, 1/7, 1,12, 1/13; 2/3; 3/3, 3/7; 4/3, 4/5, 4/6, 4/7, 4/12, 4/13; 5/3, 4/4 (Демченко, Левицкий, 2006).

Бутор. 3/6, (Мелюкова, 1974); Бутор I. 1/2, 1/4, 1/5, 1/6, 1/7, 1/9, 1/10, 1/13; 9/1, 9/2, 9/3, 9/5, 9/6, 9/7, 9/8, 9/9 (Мелюкова, 1974а).

Бычок, 1/3, 1/4, 1/5, 1/6, 1/7, 1/9, 1/15 (Агульников, 1985).

Ваду-луй-Исак, 1/2;1/7; 2/2; 3/1; 3/3; 3/4; 3/5; 3/6; 3/7 (Agulnikov, Ursu 2008).

Валя-Пержей, 1/16 (Оболдуева, 1955).

Васильевка, 31/7, 31/15; 40/2, 40/3, 40/5, 40/6, 40/9, 40/10, 40/12, 40/13, 30/13; 41/3, 41/4, 42/2, 42/3; 43/6 (Кетрару, Серова, 1992).

Владимировка, 1/3, 1/5, 1/8, 1/12 (Демченко, Левицкий, 2001).

Гаваноаса, 4/3; 9/2 (Агульников, 1991).

Глиное, 1/1, 1/6 (Яровой, 1984а).

Градище, 1/2, 1/17, 1/20 (Яровой, Агульников, 1979).

Григоровка, 1/1, 1/2, 1/3, 1/4, 1/5, 1/6, 1/7, 1/8, 1/9, 1/12 (Агульников, Попович, 2010).

Гура-Быкулуй, 2/2; 3/2, 3/6, 3/8, 3/13, 3/14; 4/1, 4/2, 4/4; 5/3, 5/4, 5/7, 5/13; 6/1, 6/3, 6/4; 7/2, 7/3, 7/4; 8/6, 8/11, 8/13, 8/14; 9/1, 9/2, 9/3, 9/7, 9/8 (Дергачев, 1984).

Гура-Галбене, 1/3; 2/3, 2/4, 2/5, 2/7, 2/12 (Дергачев, 1973).

Дойбань, 1/2,1/3,1/4, 1/5; 3/3, 3/4 (Тельнов и др., 2008).

Думяны, 1/7, 1/10; 3/2, 3/5 (Демченко, 1988).

Екатериновка, 1/2, 1/4, 1/11, 1/12, 1/13, 1/16; 2/4 (Дергачев, 1973).

Етулия I, 1/4, 1/5, 1/6, 1/8, 1/10, 1/14, 1/18 (Серова, 1976; 1981); Етулия II. 1/2, 1/6, 1/7, 1/8, 1/10, 1/12, 1/16 (Борзияк, 1984).

Жюржюлешть, 2/3, 2/9, 2/10, 2,13, 2/14; 3/1, 3/3, 3/5, 3/6, 3/7, 3/8, 3/9, 3/10, 3/11, 3/13 (Хахеу, Попович, 2010).

Зырнешты, 1/9, 1/10 (Кетрару, 1969).

Казаклия, 3/13, 8/5; 17/2, 17/3, 17/5, 17/7, 17/9, 17/10, 17/14, 17/17, 17/19, 17/20, 17/24, 17/25, 17/26, 17/27 (Agulnikov, 1995; Агульников, 2011).

Каменка, 1/1, 1/3, 1/4, 1/7, 1/8, 1/9; 2/3, 2/4, 2/5, 2/6; 3/1, 3/3, 3/6, 3/8, 3/9, 3/10, 3/12, 3/13, 3/14, 3/15, 3/16; 4/1, 4/3, 4/4, 4/5, 4/6, 4/7; 5/4, 5/5, 5/6, 5/7, 5/8, 5/9; 6/3, 6/8, 6/9, 6/10, 6/11, 6/13, 6/16, 6/17, 6/18, 6/19, 6/20, 6/21, 6/22, 6/25, 6/27, 6/28; 7/1, 7/3, 7/4, 7/5, 7/6, 7/7, 7/8, 7/9, 7/10, 7/11, 7/12 (Манзура и др., 1992).

Капланы, 1/2, 1/3, 1/4, 1/5, 1/6, 1/7, 1/10, 1/11, 1/12, 1/15 (Агульников, 1984).

Карабетовка, 1/13 (Дергачев, 1973).

Каушаны I, 1/1, 1/2, 1/3, (Дергачев, 1973); Каушаны II, 1/3, 1/4, 1/5, 1/7, 1/10, 1/12, 1/13, 1/14, 1/18; 2/2, 2/6; 3/1; 4/3; 5/2, 5/3, 5/4, 5/5 (Чеботаренко и др., 1989).

Кетросы, 1/3, 1/5, 1/6, 1/8 (Яровой, 1983).

Кириленъ, 1/1, 1/2, 1/3, 1/5, 1,7, 1/8, 1,9, 1/10, 1/14, 1/15, 1/16, 1/18, 1/19; 2/1, 2/3, 2/4, 2/8, 2/9, 2/10, 2/12, 2/13, 2/16, 2/22, 2/23 (Абызова, Клочко, 2000; 2003-2004).

Кирка, 1/1, 1/3, 1/6, 1/7, 1/10 (Дергачев, Сава 2001-2002).

Киркаешты, 1/6, 1/7; 2/4, 2/7; 4/1, 4/2, 4/6, 4/7; 5/2, 5/4, 5/5, 5/6 (Чеботаренко и др., 1989).

Конгаз, 1/5 (Каменский, 1990).

Константиновка, 1/3,1/8, 1/9 (Агульников, Сава 2004).
Комрат, 1/1 (Дергачев, 1973).
Копчак, 3/2, 3/3, 3/6, 3/8, 3/9, 3/10, 3/11, 3/12 (Бейлекчи, 1990).
Коржеуцы, 1/3; 2/1, 3/1; 4/1, 4/7, 4/8, 4/9; 5/1, 6/3, 7/3; 8/1, 8/4, 8/5; 9/2, 9/3 (Leviţki, Demcenko, 1994).
Коржово, 2/2, 2/11, 2/13, 2/17; 4/2, 4/4; 4/6 (Борзияк и др., 1983); 8/2, 8/4 (Борзияк, Левицкий, 1989).
Корпач I, 1/5; 4/1, 4/3, 4/5; 5/3, 5/5, 5/6 (Дергачев, 1982); Корпач II, 2/4, 2/6, 2/7, 2/8, 2/9, 2/11, 2/12, 2/13, 2/14, 2/15, 2/16; 3/1, 3/2, 3/3, 3/4, 3/5, 3/6; 4/1, 4/2, 4/4, 4/5 (Яровой, 1984).
Костешты, 1/5, 1/6, 1/7, 1/9, 1/12; 3/1, 3/2, 3/5; 5/2; 6/1; 8/2 (Дергачев, 1982).
Котюжень, 1/3, 1/4, 1/5, 1/6; 3/3, 3/6, 3/8, 3/10, 3/11, 3/12, 3/14, 3/15, 3/15, 3/17 (Агульников, 1992).
Красное, 1/4, 1/5; 2/4, 2/5, 2/6; 3/4; 4/1; 5/4; 7/1, 7/2; 9/1, 9/2, 9/3, 9/4, 9/6, 9/8, 9/19, 9/20, 9/23; 10/1, 10/2, 10/3, 10/4, 10/5 (Серова, Яровой, 1987).
Крихана-Веке, 1/3, 4/5, 4/6, 4/7, 4/8, 4,10, 4/12, 4/20 (Агульников и др., 1997).
Кузмин, 1/2, 2/2, 2/6, 2/7, 3/1,3\2, 4/1, 4,3, 4,4, 4/5 (Бубулич, Хахеу 2002).
Мэркулешть, 1/1; 1/2; 2/2 (Левинский, Тентюк 1990); 3/1, 3/2, 3/3, 3/5, 3/6, 3/8, 3/9, 3/10, 3/11, 3/12, 3/14, 3/15, 3/16 (Бейлекчи, 1992).
Медвежа, 1/4; 3/1; 4/2, 4/4; 5/1, 5/2, 5/3, 5/4 (Савва, Дергачев, 1984).
Мокра, 1/3,1/6, 1/7, 1/8, 1/9, 1/12, 1/13, 1/14, 1/15; 3/1, 3/4, 3/6, 3/7, 3/8; 4/2 (Кашуба и др., 2001-2002).
Мындрешты, 1/1, 1/3, 1/4, 1/8 (Дергачев, 1973).
Никольское, 1/1, 1/4, 1/6, 1/9, 1/11, 1/14, 1/17; 7/28, 7/33, 7/42, 7/43, 7/44, 7/45, 7/46, 7/47; 8/13, 8/14, 8/21; 10/1, 10/2, 10/3, 10/5, 10/7, 10/8; 11/1, 11/2, 11/3, 11/5, 11/7, 11/8; 12 /2, 12/3, 12/4; 13/1, 13/8, 16/1, 16/6, 16/7, 16/13, 16/16, 16/17; 17/1, 17/9 (Агульников, Сава, 2004).
Новые Костешты, 1/1 (Дергачев, 1982).
Ново-Котовск, 1/1, 1/5, 1/7, 1/9 (Агульников, 1992; Агульников, Сава, 2004).
Новые Раскаецы, 1/2, 1/4, 1/6, 1/11, 1/14, 1/16, 1/20, 1/26, 1/29; 2/1, 2/4, 2/5, 2/6, 2/8, 2/11, 2/12 (Яровой, 1990).
Новые Дуруиторы I, 1/2 (Дергачев, 1982); Новые Дуруиторы II (Варатик), 1/1, 1/5, 1/6, 1/7, 1/8, 1/10, 1/11 (Ларина, 1989); Новые Дуруиторы III, 1/2, 1/3, 1/5; 2/1, 2/3, 2/4 (Демченко, 1988), 3/3, 3/4, 4/1, 4/2, 4,3, 5/4, 5/5, 5/6, 6/2, 6/5, 7/2, 7/3 (Демченко, 2007).
Оланешты, 1/1, 1/3, 1/7, 1/8, 1/9, 1/14, 1/15, 1/16, 1/26, 1/27, 1/28, 1/29, 1/32; 2/7, 2/10, 2/12; 5/1, 5/2, 5/3, 5/4, 5/5, 5/6; 6/2, 6/4, 6/6, 6/8, 6/14; 8/2, 8/3, 8/4, 8/5, 8/7, 8/8; 13/4, 13/5, 13/6, 13/8, 13/11, 13/12; 14/1, 14/3, 14/4; 15/2, 15/4 (Яровой, 1990).
Орхей, 1/1, 1/2, 1/3, 1/4, 1/5 1/6, 1/8, 1/9 (Попович, 2008).
Парканы, 162/5; 184/2; 197/2, 197/4; 198/1; 200/1, 200/2, 200/3, 200/6, 200/7 (Дергачев, 1973; Манзура и др., 1992).
Петрешты, 1/8; 3/9 (Яровой, 1986).
Плоское, 263/2 (Дергачев, 1973).
Подойма, 3/6. 3/7, 3/8 (Бубулич, Хахеу, 2002).
Пуркары, 1/1, 1/2, 1/4, 1/13, 1/15, 1/18, 1/19, 1/23, 1/28, 1/31, 1/34, 1/38; 2/3, 2/6, 2/9, 2/14; 3/3, 3/4, 3/5, 3/6, 3/7, 3/9; 4/1, 4/2 (Яровой, 1990).
Рошканы, 1/1, 1/2, 1/3, 1/5, 1/7, 1/10, 1/11, 1/13, 1/15, 1/16, 1/18, 1/19; 2/2, 2/3; 3/6, 3/8, 3/9; 4/6, 4/7, 4/8, 4/13, 4/14, 4/16, 4/17, 4/19; 5/2, 5/8, 5/9, 5/10, 5/11; 6/1, 6/4, 6/5, 6/6, 6/7 (Дергачев и др., 1989).
Саратены, 1/1, 1/4, 1/5, 1/6, 1/8, 1/9, 1/10, 1/12, 1/13; 2/1, 2/4, 2/5, 2/8, 2/9, 2/10; 3/1, 3/2, 3/3, 3/11, 3/12, 3/13, 3/14; 4/1, 4/2, 4/4, 4/5, 4/6, 4/7, 4/9, 4/11, 4/12, 4/13, 6/4 (Leviţki et al., 1996).
Светлый, 1/1, 1/3, 1/4, 1/6, 1/7, 1/10, 1/12, 1/14, 1/16, 1/24, 1/27; 3/1, 3/5, 3/8, 3/10, 3/20, 3/25, 3/26 (Манзура, 1984).
Сербка, 1/2 (Дергачев, 1973).
Слободзея, 1/4, 1/19; 4/4, 4/8 (Агульников, Левинский, 1988).

Спея, 1/2, 1/5, 1/6, 1/8, 1/9, 1/10, 1/12; 3/2 (Дергачев и др., 1992).

Старые Дубоссары, 1/1, 1/4, 1/14, 1/16, 1/18, 1/19, 1/23, 1/24, 1/28 (Борзияк, Левицкий, 1989).

Старые Куконешты, 1/1, 1/3, 1/7; 2/2, 2/3; 3/5; (Дергачев, 1982).

Талмаз, 3/1, 3/2, 3/4, 3/5, 3/7, 3/9, 3/14 (Агульников, Яровой, 2004).

Тараклия I, 1/2 (Дергачев, 1973); Тараклия II, 1/5, 1/6, 1/9, 1/19; 2/4, 2/8; 3/3, 3/4, 3/5, 3/6, 3/7, 3/17; 4/2, 4/5, 4/10; 10/18, 10/19, 14/1, 14/16, 16/5; 18/10 (Гроссу, Хахеу, Агульников, 1983; Савва, Агульников, Манзура, 1984; Агульников, Савва, 1986; Агульников, 2001; 2002; Agulnikov, 1995).

Терновка, I 224/1; 244/5; 253/1; 255/1; 295/1; 350/1; 351/1; 391/3, 391/4, 391/5; 193/4; 194/1 (Дергачев, 1973). Терновка II, 1/1, 1/5, 2/2, 2/3А, 2/4 2/5, 2/7, 2/8, 2/10, 2/12, 2/13, 2/14, 2/17, 2/18 (Савва, Клочко 2002).

Тецканы, 1/1, 1/2, 1/7, 1/8, 1/9, 1/11, 1/12 (Глазов, Курчатов 2005).

Тирасполь, 3/5, 3/9, 3/11, 3/12, 3/13, 3/18, 3/19, 3/21, 3/22, 3/24, 3/25 (Савва, 1988).

Томай, 1/2, 1/3, 1/6, 1/7, 1/8, 1/9, 1/10, 1/12, 1/13 (Левицкий, 1983).

Тудорово, 1/2, 1/8; 2/1, 2/2, 2/3, 2/4, 2/5, 2/8, 2/9, 2/10 (Мелюкова, 1962; Дергачев, 1973).

Урсоая, 1/1, 1/2, 1/3; 2/1, 2/4, 2/5; 3/1, 3/2, 3/3, 3/4, 3/5, 3/6, 3/9, 3/12, 3/15 (Чеботаренко и др., 1989).

Фрунзе, 1/3, 1/7, 1/8, 1/9 (Агульников, Сава, 2004).

Фрунзены, 1/1, 1/2, 1/4, 1/6 (Дергачев, 1973).

Хаджиллар, 2/10, 2/12, 2/14, 2/17, 2/20 (Агульников и др., 2001).

Хаджимус, 2/7, 2/13, 2/16, 2/17, 2/18 (Чеботаренко и др., 1989).

Ханкауцы, 1/2, 1/3, 1/4, 1/7, 1/9, 1/12; 2/4, 2/5, 2/6, 2/7, 2/8 (Дергачев, 1982).

Хрустовая, 1/1, 1/2, 1/3, 1/4, 1/5, 1/6, 1/7, 1/8, 1/9 (Яровой, 1980).

Чимишены, 5/4, 5/5 (Агульников, Бейлекчи, 1987).

Чимишлия, 1/3, 1/5, 1/7, 1/9, 1/11, 1/12, 1/13, 1/14, 1/15 (Дергачев, 1973).

Чобручи I, 348/1 (Дергачев, 1973); Чобручи II, 1/2, 1/4, 1/8, 1/9, 1/10, 1/11, 1/12, 1/16 (Дергачев, 1973); Чобручи III, 1/11; 4/10 (Агульников, 1989).

Чокылтяны, 2/6, 2/9, 2/10, 2/13; 3/3; 4/1, 4/2, 4/3, 4/4, 4/5; 5/3, 5/6, 5/7, 5/9 (Кетрару, Хахеу, 1990).

Чоропканы, 1/2 (Гроссу, Савва, 1987).

Щербаки, 1/1, 1/2, 1/5, 1/6 (Дергачев, 1982); 2/2, 2/3 (Ларина, 1989).

Яблона, 1/1, 1/3, 1/4, 1/7, 1/8, 1/11, 1/15, 1/16, 1/17, 1/18, 1/19 (Яровой, 1983а).

Приложение Б
Каталог керамики буджакской культуры
(на 2013 год)

Горшки: Алкалия 4/2, Алкалия 4/10, Алкалия 7/1, Алкалия 34/5, Алкалия 34/7, Балабан 3/3, Балабан 4/5, Балабан 13/10, Баштановка 4/17, Баштановка 7/21, Белолесье 1/5, Белолесье 7/2, Белолесье 11/9, Болград 4/4, Бравичены 1/10, Бравичены 2/3, Бравичены 7/13, Бравичены 23/3, Бурлэнешть к. 2, насыпь, Вапнярка 4/18, Вапнярка 4/18, Виноградовка 7/2, Вишневове 17/22, Вишневое 52/3, Вишневое 56/1, , Вишневое 56/8, Владычень 1/2, Глубокое 1/11, Глубокое 1/23, Глубокое к. 2 насыпь, Градешка I, 5/8, Градешка I, 5/12, Григорьевка 1/3, Гура-Быкулуй 3/6, Гура-Быкулкуй 8/6, Гура-Быкулуй 8/6, Гура-Быкулуй 8/6, Дальник Овидипольского района 1/2, Дзинилор 9/14, Дубиново 1/13, Ефимовка 3/10, Ефимовка 3/10, Ефимовка 10/6, Желтый Яр 5/4, Желтый Яр 8/3, Жюржюлешть 3/2, Жюржюлешть 3/13, Жюржюлешть 3/15, Каменка (Молдова) 5/4, Каменка (Молдова) 5/6, Каменка (Молдова) 7/5, Каменка Молдова 445/7; Катаржино 1/9, Каушаны 1/18, Кирилень 3/22, Кислица 1/8, Ковалевка I, 1/11, Ковалевка I, 4/14, Ковалевка I, 6/2, Ковалевка I, I2/2, Ковалевка II, 1/10, Ковалевка II, 1/11, Ковалевка II, 8/4, Ковалевка II, 9/7, Ковалевка II, 4/22, Ковалевка II, 6/11, Ковалевка III, 1/9, Ковалевка IV, 1/13, Коржово 2/33, Копчак 3/9, Корпач 2/9, Крестовая могила 1/19, Кубей 1/9, Кубей 1/11, Кубей 21/5, Кубей 21/14, Кугурлуй 2/7, Курчи 1/2, Курчи I, 87, Маяки 1/15, Маяки II, 1/15, Медвежа 4/4, Мокра 1/6, Мокра 1/12, Молога 2/86, Мреснота могила 1/3, Нагорное 14/17, Нагорное 14/17, Нагорное 15/10, Нагорное 15/12, Нерушай 9/56, Нечаянное 2/9, Николаевка 8/8, Николаевка 8/10, Николаевка 8/11, Никольское 4/13, Никольское 8/21, Никольское 16/17, Новоградковка 1/4, Новоградковка 1/10, Новоградковка 1/10, Новоградковка 2/7, Новокаменка 1/5, Новоселица 3/2, Новые Дуруиторы 4/2, Новые Раскаецы 1/2, Новые Раскаецы 1/4, Оланешты 1/3, Оланешты 5/5, Оланешты 8/7, Оланешты, 13/11, Оланешты 15/4, Оланешты 8/4, Оланешты 13/8, Одесский курган, Петродолинское 1/4, Плавни 3/9, Плавни 8/26, Плавни 9/6, Подойма 3/6, Пуркары 2/9, Пуркары 3/9, Рошканы 3/9, Рошканы 4/8, Саратены 1/13, Саратены 1/13, Саратены 2/1, Саратены 2/5, Саратены 3/14, Саратены 4/11, Семеновка 1/5, Семеновка 2/2, Семеновка 8/21, Семеновка 19/3, Семеновка 19/5, Семеновка 19/9, Сергеевка 11/5, Солдатская слава, п. 9, Старые Беляры 1/13, Сычавка 1/10, Талмаз 3/9, Терновка II, 2/12, Тирасполь 1/19, Томай 1/6, Траповка 1/8, Траповка 1/18, , Траповка 6/10, Траповка 10/11, Тудорово 2/4, Фрикацей 4/29, Холмское 2/7, Холмское 2/17, Холодная балка 1/6, , Червонный Яр I, 1/6, Червонный Яр II, к. 1 насыпь, Черноморка, к. 1, Шевченково 1/2, Щербанка 1/7, Этулия 1/17, Ясски 1/27, Ясски 6/13.

Округлодонные сосуды: Градище 1/16, Дальник 3/1, Дальник 3/3, Ковалевка I, 6/2, Ковалевка III 1/9, Нерушай 9/49, Сергеевка 1/10.

Амфоры: Белолесье 1 насыпь, Бурсучены 1/14, Бурсучены 1/19, Градешка I, 5/ 11, Гура-Галбене 2/5, Ефимовка 10/7, Казаклия 3/13, Каменка Молдова 3/13, Каменка Молдова 6/18, Каушаны 1/4, Каушаны 1/18, Огородное III, к. 1, насыпь, Островное 2/12, Саратены 2/10, Тараклия II, 10/19, Яблона 1/1, Ясски 5/26.

Амфоровидные сосуды: Алкалия, к. 25/ров, Баштановка 7/12, Болград 3/1, Болград 4/2, Болград 5/6, Великодолинское 1/13, Вишневое 11/4, Вишневое 52/40, Владычень 1/2, Градешка I, 5/ 2, Градешка I, 5/ 11, Гура-Быкулуй 7/1, Дзинилор 9/12, Дивизия II 1/7, Доброалександровка 1/3, Ковалевка VII, 4/2, Кубей 1/16, Курчи I, 1/6, Лиман 3А/17, «Любаша»/ 2, Мокра 1/3, Михайловка 3/6, Молога 2/3, Мындрешты 1/1, Нагорное 15/7, Никольское 16/16, Новокаменка 1/5, Новокаменка 1/13, Новокаменка к. 1, насыпь, Оланешты 1/15, Оланешты 1/27, Оланешты 13/2, Парканы 184/1-3, Плавни 12/9, Плавни 5/3, Приморское 1/13, Приморское 1, насыпь, Пуркары 1/28, Ревова 3/7, Семеновка 2/2, Семеновка 2/6, Семеновка 14/5, Семеновка 19/4, Семеновка 19/, Солдатская слава, п. 9, Струмок 1/16, Тараклия I, 1/13, Терновка 179, Траповка 1/18, Тудорово 2/насыпь, Урсоая, к. 1, насыпь, Хаджиллар 2/14, Холмское 1/21, Холмское 2/13, Холодная балка 1/7, Червонный Яр II, насыпь,

Амфоры КША: Ефимовка 2/14, Каменка, Молдова 3/14,, Корпач 2/13, Корпач 2/7, Маркулешты 3/8, Мокра 3/4, Новоселица 19/13, Оргеев (Орхей) 1/3, Татарбунары 1/2.

Кубки и кубковидные сосуды: Баштановка 7/12, Беляевка 1/32, Бутор 9/3, Вишневое 56/1; Глубокое 2/8, Дальник Овидиопольского района, 3/6, Дивизия II 2/5, Ефимовка 9/17, Казаклия 17/26, Каменка к. 1, насыпь, Каменка (Молдова) 7/5, Ковалевка II, 6/11, Крихана-Веке 1/12 , Кубей 21/5, Курчи 3/9, Курчи 3/11, Курчи 8/8, Мирное 1/12, Молога 2/3, Николаевка 4/6 , Николаевка 8/10, Николаевка 8/11, Новые Раскаецы 2/1, Огородное II, 1/14, Огородное III, 1/16, Островное к. 2, насыпь, Парканы к. 87, Пуркары 1/23, Траповка 4/5; Траповка 6/20, Траповка 10/6, Хаджидер 2/3, Холмское 1/16, Холодная балка 1/13, Червоный Яр I, к. 1, насыпь, Чобручи 1/11, Ясски к. 1 насыпь, Ясски 5/24.

Аски: Глубокое 2/11, Дивизия II, 5/7, Ковалевка I, 3,2, Кубей 21/5, Матроска, к. 1, Урсоая 3/6.

Кувшины: Болград 1/12, Глубокое 1/24, Маяки 1/18, Новая Долина 3/5, Новоградковка 2/9, Струмок 1/3, Тараклия 16/5, Фрикацей 1/5, Оланешты 1/28.

Банки: Алкалия 5/3, Алкалия 5/6, Алкалия 34/6, Белолесье к. 1, насыпь, Баштановка 4/25, Бравичены 16/9, Вапнярка 4/16, Великозиминово 1/2, Вишневое 17/36, Глубокое 1/25, Градешка I, 5/1, Градешка I, 5/2, Григорьевка 1/12, Гура-Быкулуй 3/2, Гура-Быкулуй 5/13, Дзинилор 9/11, Дивизия II 6/3, Доброалександровка 1/3, Ефимовка 2/23, Ефимовка 3/5, Ефимовка 6/6, Желтый Яр 3/12, Жюржюлешть 2/14, Капланы 1/15, Кирка 1/7, Кислица 8/16, Ковалевка VIII, 1/10, Коржево 2/13, Коржево 8/4, Красное 9/23, Красное 9/23, Лиман 3А/17, Молога 2/96, Нагорное 14/15, Нагорное 14/16, Нерушай 9/56, Нерушай 9/74, Никольское 7/46, Никольское 10/4, Новая Долина II 3/3, Новоградковка 3/6, Новоградковка 3/10, Новоградковка 3/10, Новоградковка 5/3, Новоградковка 5/3, Новокаменка, к. 1 насыпь, Новые Раскаецы 2/12, Новоселица 19/19, Оланешты 1/26, Оланешты 1/26, Оланешты 1/27, Оланешты 6/4, Плавни 12/5, Плавни 15/5, Плавни 9/12, Приморское 1/12, Приморское 1/34, Пуркары 1/23, Рошканы 1/13, Ревова 3/7, Садовое 1/18, Саратены 3/13, Саратены 6/4, Светлый 3/10, Семеновка 2/2, Семеновка 8/2, Семеновка 8/16, Семеновка 8/18, Семеновка 12/2, Семеновка 14/21, Семеновка 19/4, Сергеевка 11/7, Старые Беляры 1/14, Сычавка 1/15, Траповка 1/8, Траповка 1/8, Урсоая 3/12, Фрикацей 10/14, Холмское 1/4, Червонный Яр I 1/2, Щербанка 1/10, Этулия II, 1/6, Ясски 2/5, Ясски 3/6.

Чаши: Алкалия 4/2, Алкалия 35/1, Арцыз 1/22, Бараново 1/9, Белолесье 3/8, Беляевка 1/34, Болград 5/6, Борисовка 8/7, Виноградовка 1/3, Вишневое 52/12, Вишневое 52/3, Гура-Быкулуй 3/6, Ефимовка 3/4, Ефимовка 3/5, Желтый Яр 1/1, Желтый Яр 3/12, Казаклия 17/14, Каменка (Молдова) 3/15, Каменка (Молдова) 4/4, Каменка (Молдова) 7/4, Ковалевка II, 3/11, Ковалевка II, 3/11, Ковалевка VII, 4/4, Копчак 3/9, Красное 9/23, Лиман 2/3, Маяки 1/18, Молога 2/39, Молога 2/96, Нагорное 14/16, Нерушай 10/10, Нерушай 9/12, Николаевка 2/6, Николаевка 8/11, Николаевка 8/12, Никольское 16/16, Новоградковка 1/10, Новоградковка 2/9, Одесский курган, Оланешты 1/14; Оланешты 13, насыпь, Плавни 1/6, Плавни 18/8, Пуркары 3/9, Санжейка 1/12, Семеновка 8/16, Струмок 1/16, Талмаз 1/4, Траповка 1/8, Тудорово 2/6, Хаджидер 13/8, Хаджидер 13/ 5, Холмское 2/7, Червоный Яр I, 1/2, Чобручи 1/12, Ясски 2/10.

Миски: Алкалия 8/3, Беляевка 1/20, Дальник II, 3/3, Ефимовка 2/23, Ефимовка 3/15, Ковалевка VIII, 1/12, Новоградковка 5/3, Новоградковка 5/4, Новые Раскаецы 2/12, Приморское 1/34, Старые Дубоссары 1/28, Холмское 2/8, Холмское 5/14.

Кружки: Вишневое 54/1, Новоградковка 2/9.

Воронки: Новоградковка 1/4, Новоградковка 1/10, Новоградковка 2/9.

Кратеровидные сосуды: Тараклия 14/1, Казаклия 8/5.

Сосуды «с носиком»: Белолесье 3/15, Тудорово 2/1.

Биконическеи чаши: Курчи 3/8, Светлый 1/10.

Фляга: Ковалевка IV, 1/11.

Узкогорлый кубок: Тараклия 14/16.

Прямоугольный сосуд: Григоровка 1/8.

Приложение В

Список памятников катакомбных культур Северо-Западного Причерноморья (на 2013 год), использованных в работе (531 погребение) (в числителе указан номер кургана, в знаменателе - номер погребения)

Агеевка, 1/1 (Субботин и др., 1988).

Александровка, 1/9, 10, 11, 18, 19, 23, 27, 29, 31 (Бейлекчи, Петренко, 1993; Petrenko, Beilekchi, 2000).

Алкалия, 35/4 (Субботин и др., 1988).

Балабан, 3/2 (Чеботаренко и др., 1989).

Балабанешты, 1/1, 26 (Агульников, Бейлекчи, 1987).

Бараново, курган «Солдатская слава», 1/1 (Иванова и др., 2005).

Баштановка, 4/20 (Шмаглий, Черняков, 1970).

Безеда, 2 кургана, 24 погребения (Яровой, 1990а).

Беленькое, 1/64, 98 (Бруяко, Росохацкий, 2000).

Белолесье, 3/11 (Субботин и др., 1998).

Березань, 1/2, 4, 5, 6а, 6б (Алексеева, 1979).

Богатое, 1/1, 2 (Гудкова и др., 1978).

Болград, 1/9 (Субботин, Шмаглий, 1970).

Большой Аджалык, 1/10 (Субботин и др., 1988).

Борисовка, 2/1 (Шмаглий, Черняков, 1970).

Буторы, 1/9 (Мелюкова, 1974а).

Бычок, 1/11, 13 (Агульников, 1985).

Вапнярка, 4/1, 3, 8, 13, 20 (Иванова и др., 2012).

Великодолинское, 1/2, 5 (Субботин и др., 1976).

Великозименово, 1/3, 4 (Петренко, Тощев, 1990; Иванова и др., 2005).

Виноградовка, 6/1 (Шмаглий и др., 1972).

Вишневое, 11/2, 7, 8; 13/3; 17/5, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 22, 23, 24, 25, 26, 30, 31, 32, 35, 39, 41, 45, 47, 48, 53, 54; 18/9; 52/11; 56/12, 14 (Дворянинов и др., 1985; Субботин и др., 1998).

Гармацкое, 1 (Дергачев, 1981).

Глиное II, 1/4, 24, 31, 44 (Яровой, 1984, Яровой, Четвериков, 1996); 1/51, 1/52 (Разумов и др., 2013).

Градиште, 1/9, 22 (Оболдуева, 1955).

Григориополь (Красное) 1/5 (Серова, Яровой, 1987).

Гура-Быкулуй, 1/4, 5, 7; 5/9, 11, 12, 14, 15; 8/16 (Дергачев, 1984).

Гура-Галбене, 1/6 (Дергачев, 1973).

Дальник (Овидиопольский район), 1/6 (Субботин, Дзиговский, 1989); Данчены, п. 302, 308 (Дергачев, 1981).

Дзинилор,1/9 (Гудкова и др., 1979).

Дивизия, 19/1; Дивизия II, 3/4; 4/1,3; 5/4 (Субботин и др., 2001-2002).

Дойна, 1/8 (Чирков, Бубулич, 1990).

Дубиново, 1/8, 9, 10, 11, 12 (Иванова и др., 2005).

Думены, 1/4, 9 (Дергачев, 1986).

Етулия, 1/14 (Борзияк, 1984).

Ефимовка, 2/1, 16, 17; 5/2; 9/2, 20 (Шмаглий, Черняков, 1985).

Желтый Яр 1/10, 15; 2/10; 3/16, 17; 5/3, 16; 7/2-а, 6 (Субботин и др., 1981).

Казаклия, 17/8, 11, 12 (Агульников, 2011).

Каменка (Окница), 3/5 (Манзура и др., 1992).

Каролино-Бугаз, 1/17,19 (Загинайло и др., 1987).

Катаржино, 1/3 (Иванова и др., 2005).

Каушаны, 1/ 8, 9, 15 (Чеботаренко и др., 1989).

Кириленъ, 2/17, 19; 3/9, 12, 13, 19 (Абызова, Клочко, 2000; 2003-2004).

Кирка, 1/11 (Дергачев, Сава, 2001-2002).
Кислица, 8/8, 13 (Гудкова и др., 1995).
Ковалевка I, 1/3; 4/13, 15, 17 (Ковпаненко и др., 1978).
Ковалевка II, 6/13; 8/7 (Ковпаненко и др., 1978).
Ковалевка III, 1/14, 15 (Ковпаненко и др., 1978).
Ковалевка V, 1/3, 4; 3/3, 4, 6 (Ковпаненко и др., 1978).
Ковалевка VI, 1/4, 9, 10; 2/4, 5, 8, 19а, 25, 26, 30, 31, 32, 33; 4/5, 15 (Ковпаненко, Гаврилюк, 2002).
Кодрул-Ноу, 1/4, 1/5, 1/9; 2/3, 2/4, 2/5, 2/6, 2/7, 2/8; 3/1, 3/2, 3/3, 3/4, 3/10 (Дергачев, 1986; Яровой 1990а).
Константиновка, 1/6 (Агульников, Сава, 2004).
Коржеуцы, 4/10 (Leviţki , Demcenko, 1994).
Коржово, 2/14; 4/5 (Борзияк и др., 1983).
Корпач, 1/2, 3; 4/4; 3/7 (Дергачев, 1982; Яровой, 1984).
Котюжень, 1/1 (Агульников, 1992).
Кочковатое, 47/1 (Ванчугов и др., 1992).
Кошары, 1/5 (Патокова и др., 1989).
Крихана Веке, 1/17, 19 (Агульников и др., 1997).
Кузмин, 2/5 (Бубулич, Хахеу, 2002).
Курчи, 20/13, 21; Курчи I, 2/4, 9 (Тощев, 1992).
Кырнацени, 1/17; 2/6, 9; 7/23 (Демченко, Левицкий. 1997).
Лиман, 1/3; 2/4,11; 8/4; 3А/25, 31, 33, 35, 40, 45, 54, 55, 60, 62 (Субботин, Тощев, 2002).
Маяки III, 1/12; 2/10 (Черняков и др., 1982); Маяки IV, 7/5, 7 (Черняков, Дзиговский, 1983).
Медвежа, 4/6 (Савва, Дергачев, 1984а).
Мерень, 1/4 (Дергачев, Сава, 2001–2002).
Мирное (Килийский район), 1/17 (Тощев, 1978).
Молога, 1/3 (Малюкевич, Субботин, 2002).
Монаши, п.1 (Кремер, 1971).
Мэркулешть 1/7, (Левинский, Тентюк 1990).
Надлиманское, 1/6 (Алексеева, Булатович, 1990).
Неделково, 1/1 (Дзиговский, 1991).
Николаевка (Ефимовка), 1/8, 19 (Шмаглий, Черняков, 1985).
Никольское, 1/13, 15; 8/11; 11/6, 7; 13/7 (Агульников, Сава, 2004).
Новая Долина II, 1/ 6, 8, 9, 12 (Петренко и др., 2002).
Новоградковка 4/7 (Субботин и др., 1986).
Новогригорьевка, курган «Любаша», 2/1,4,17-18 (Иванова и др., 2005).
Новоселица, 19/21, 22, 23; 52/11; 56/14; 57/3 (Субботин и др., 1995).
Новые Дуруиторы, 1/4, 6; 2/2, 5; 3/2; 4/6 (Демченко, 1988; 2007).
Новые Раскаецы, 1/7, 8, 12, 32; 2/3 (Яровой, 1990).
Огородное I, 1/12 (Субботин, Загинайло, Шмаглий, 1970).
Одесский курган (Слободка-Романовка) /1, 14, 16, 22, 26, 27, 31 (Добровольский, 1915).
Оланешты, 1/2, 4, 10, 30, 31; 6/9, 13/2, 14/2 (Яровой, 1990).
Петродолинское, 1/10, 11 (Алексеева, 1979).
Попильная, 1/2, 12, 16 (Никитин, 1981).
Приморское, 1/7, 14, 18, 24, 26, 27, 28, 33, 35, 54, 55, 58 (Чеботаренко и др., 1993).
Пуркары, 1/3, 9, 10, 12, 14, 32, 35, 36, 37, 38; 2/16; 5/8 (Яровой, 1990).
Ревова, 3/8, 10, 13 (Иванова и др., 2005).
Роксоланы 1/17 (Загинайло и др. 1978).
Рошканы, 1/6, 9, 12, 17; 2/5, 6; 3/10; 4/5, 10, 11, 12, 15; 4/18; 5/5, 6; 6/2, 3, 6, 8 (Дергачев и др., 1989).
Садовое, 1/15 (Малюкевич, 1990).

Санжейка, 1/11 (Алексеева, 1973).
Светлый, 1/2, 9, 11, 22, 25, 26; 3/14, 17, 21, 22, 27 (Манзура, 1984).
Семеновка, 9/1, 14/15, 16 (Субботин, 1985).
Сергеевка, 1/3, 12, 13 (Дзиговский, Субботин, 1997).
Спея, 1/7 (Дергачев, Манзура, 1992).
Старые Беляры, 1/2, 3, 17, 19, 20, 21, 32, 33 (Петренко, 1991).
Старые Дубоссары, 1/12, 1/15 (Борзияк, Левицкий, 1989).
Старые Куконешты 1/9; 5/3,7; 9/21а,22,27; 10/2; 16/3, 6, 13; 18/1; 19/3 (Дергачев, 1986).
Струмок, 5/8; 6/16 (Гудкова и др., 1980).
Суворово II, 1/3 (Шмаглий и др., 1971).
Суклея, п. 1 (Яровой, 2008).
Сычавка, 1/12 (Іванова, Савельєв, 2011).
Сэретень, 3/9 (Leviţki et al., 1996).
Талмаз, 3/13, 15, 16 (Агульников, Яровой, 2004).
Тараклия I, 3/2, 4,8,10,17; Тараклия II, 1/8, 11; 15, 16, 17, 18в; 2/8, 11,13; 3/8, 10, 12, 13, 18; 4/3, 9; 10/1,3,6; 12/2, 4; 13/4; 14,7; 16/8; 18/26 (Агульников, Савва, 1986; Дергачев, 1986); Тараклия-поселение, 10, 11, 12 (Агульников, 2001).
Татарбунары, 1/8 (Субботин, 1988).
Тецканы, 1/5, 6 (Глазов, Курчатов, 2005).
Тирасполь I, 3/1, 7, 11, 17, 20; Тирасполь II, 1/1 (Савва, 1987).
Томай, 1/17 (Левицкий, 1983).
Траповка, 1/7, 13, 14, 17, 18; 4/14; 6/11, 13; 10/1, 5, 7, 8 (Субботин и др., 1995).
Урсоая, 3/11, 13, 16, 17, 18, 19 (Чеботаренко и др., 1989).
Утконосовка, 2/4; 4/1; 5/2 (Шмаглий и др., 1971).
Хаджидер, Костюкова могила /4, 6; 1/8, 15, 19, 20, 28, 30; 6/3; 6/5; 13/3, 10; к. 13/3,10 (Субботин и др., 1988).
Ханкауцы, 1/8 (Дергачев, 1982).
Холмское, 2/9, 14, 22, 24; 3/; 5/7, 11 (Черняков и др.. 1986).
Холодная Балка, 1/11, 16, 18, 21, 22, 24, 26, 27 (Петренко, 2010).
Червонный Яр, 2/2 (Алексеева, 1975а)
Чимишлия, 1/11 (Дергачев, 1973).
Чобручи, 4/6, 7, 29, 34, 35 (Агульников, 1989).
Чоропканы, 1/5 (Гроссу, Савва, 1987).
Шевченково (г. Одесса), 1/1 (Диамант и др., 1978).
Щербанка, 1/4, 28 (Бейлекчи, 1993)
Ясски, 1/22, 2/8, 2/9, 2/12, 2/14, 3/10, 3/12, 5/11, 5/12, 5/13, 5/17 (Алексеева, 1976).

Приложение Г
Каталог керамики из катакомбных захоронений Северо-Западного Причерноморья (на 2013 год)

Амфоры и амфоровидные сосуды: Баштановка 4/20, Дубиново 1/11, Ковалевка III, 1/14, Ковалевка VI, 1/10, Ковалевка VI, 1/9, Ковалевка VI, 2/30, Ковалевка VI, 2/31, Коржеуцы 4/10, Лиман 3А, насыпь, Старые Беляры 1, насыпь, Хаджидер I, Костюкова могила, п. 15.

Горшки: Балабанешты 1/1, Белолесье 3/11, Белолесье 5/4, Бычок 1/13, Вапнярка 4/1, Вапнярка 4/3, Вапнярка 4/20, Великозименово 1/4, Вишневое 17/5, Вишневое 17/5, Вишневое 17/11, Вишневое 17/13, Вишневое 17/15, Вишневое 17/16, Вишневое 17/22, Вишневое 17/53, Глинное 1/43, Гура-Быкулуй 1/5, Гура-Быкулуй 1/5, Гура-Быкулуй 5/9, Гура-Галбене, Дальник Овидиопольского района 1/6, Дзинилор 1/9, Дзинилор 5/4, Дивизия II, 5/4, Дубиново 1/8, Думяны 1/4, Думяны 1/4, Ефимовка 2/1, Ефимовка 3/3, Казаклия 17/11, Катлабух 1/8, Кислица 8/8, Кислица 8/12, Ковалевка I, 4/17, Ковалевка I, 1/15, Ковалевка II, 2/4, Ковалевка II, 6/13, Ковалевка V, 3/4, Ковалевка VI, 1/4, Ковалевка VI, 2/8, Ковалевка VI, 2/25, Ковалевка VI, 2/26, Ковалевка VI, 2/4, Ковалевка VI, 4/5, Коржево 2/14, Корпач 1/3, Красное 9/5, Лиман 3А/25, Лиман 3А/25, Лиман 3А/60, Медвежа 4/6, Мерень I, 1/4, Мирное 1/17, Михайловка-Александровка, случайная находка, Никольское к.3, насыпь, Никольское 8/11, Новые Дуруиторы 2/5, Новые Дуруиторы 3/2, Новые Дуруиторы III, 1/4, Новая Долина 3/12, Новые Раскаецы 1/7, Огородное 1/12, Петродолинское 1/10, Пуркары 1/9, Рошканы 1/6, Рошканы 2/5, Рошканы 4/15, Светлый 1/2, Светлый 1/22, Светлый 3/27, Семеновка 9/1, Семеновка 14/16, Сергеевка 1/3, Сергеевка 1/12, Сергеевка 1/13, Слободка-Романовка 1/14, Старые Беляры 1/17, Старые Беляры 1/20, Старые Беляры 1/21, Старые Беляры 1/32, Старые Беляры 1/33, Старые Дубоссары 1/12, Тараклия II 1/11, Тараклия II, 1/8, Тараклия II, 14/12, Тирасполь 3/17, Тирасполь 3/17, Траповка 1/13, Урсоая 3/11, Хаджидер 13/3, Хаджидер I, Костюкова могила п. 20, Хаджидер I, Костюкова могила, п. 30, Холмское 2/14, Холмское 2/22, Холодная балка 1/21, Чимишлия 1/1, Шевченково 1/2, Ясски 2/8, Ясски 3/12, Ясски 5/12.

Корчаги: Рошканы 4/6; Рошканы 3/10.

Чаши и чашевидные сосуды: Алкалия 35/4, Вапнярка 4/25, Великозименово 1/4, Вишневое 11/2, Вишневое 17/31, Вишневое 17/53, Желтый Яр 1/10, Ковалевка I, 4/15, Ковалевка I, 4/13, Ковалевка II, 6/13, Ковалевка VI, 2/31, Ковалевка VI, 4/6, Монаши 1/1, Никольское 8/11, Новая Долина 3/6, Новая Долина 3/6, Новые Дуруиторы 3/4, Пуркары 1/3, Пуркары 5/8, Ревова 3/13, Светлый 1/25, Слободка-Романовка, Слободка-Романовка, Старые Беляры 1/33, Суклея 1/1, Суклея 1/1; Талмаз 3/15, Тараклия II, 2/8, Траповка 10/1, Траповка 10/7, Урсоая 3/11, Хаджидер, Костюкова могила п.20, Холмское 2/14, Холодная Балка 1/21, Холодная Балка 1/22, Холодная Балка 1/26, Щербанка 1/28.

Единичные формы: Великодолинское 2/5 (кувшинчик со шнуровым орнаментом), Вишневое 17/31 (буджакская банка), Лиман 2/4 (амфорка буджакская), Светлый 3/17 (кружка орнаментированная), Суворово II, 1/3 (одноручный сосуд).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абызова Е. Н. Курганный могильник у с. Кирилень / Е. Н. Абызова, Е.О. Клочко // Stratum plus. — 2000. — №2. — С. 516–527.
2. Абызова Е. Н. Курганный могильник у с. Кирилены / Е. Н. Абызова, Е.О. Клочко // Stratum plus. — 2003/2004. — №2. — С. 266–319.
3. Авилова Л. И. Развитие металлопроизводства в эпоху раннего металла (энеолит – поздний бронзовый век): состояние проблемы и перспективы исследований /Л.И. Авилова // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. — №2 (52). — 2007. — С. 30–44.
4. Агеев Б. Б. Пьяноборский союз племен / Б.Б. Авилов // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала — Уфа: БФ АН СССР, 1981. — С. 101–109.
5. Агрикола Г. О месторождениях и рудниках в старое и новое время. / Георг Агрикола [пер. с нем. Л.В. Кургановой]. — М.: Недра, 1972. — 79 с.
6. Агульников С. М. Курган эпохи бронзы у с. Капланы / С. М. Агульников // Курганы в зонах новостроек Молдавии. — Кишинев: Штиинца, 1984. — С. 90–97.
7. Агульников С. М. Охранные раскопки кургана у с. Бычок / С. М. Агульников // АИМ в 1981 году. — Кишинев: Штиинца, 1985 — С. 41–52.
8. Агульников С. М. Отчет о работе Суворовской новостроечной археологической экспедиции в 1989 году / С. М. Агульников // НА ИА и ДИ РМ. — 1989. — № 297. 67 с., 35 табл.
9. Агульников С. М. Отчет о работе Кагульской новостроечной экспедиции в 1990 году / С.М. Агульников // НА ИА и ДИ РМ. — Кишинев, 1991. — № 311. — 19 с., 10 табл.
10. Агульников С. М. Курган эпохи бронзы у с. Ново-Котовск / С.М. Агульников // ДСПК. — 1992. — Вып. 3. — С. 33–40.
11. Агульников С. М. Погребения эпохи бронзы на поселении культуры Гумельница у пгт Тараклия / С.М. Агульников // ССПК. — 2001. — Вип. IX. — С. 118–132.
12. Агульников С.М. Погребения «аристократии» ямной культуры из кургана 10 у пос. Тараклия / С.М. Агульников // Северное Причерноморье от энеолита до античности. — Тирасполь: ПГУб 2002. – С. 88–99.
13. Агульников С. М. Археологическое наследие Буджака / С.М. Агульников // Revista de Etnologie şi Culturologie. — Chišinau, 2008. — Т. 3. — Р. 227–244.
14. Агульников С. М. Раскопки кургана 17 у с. Казаклия в 1985 г. / С.М. Агульников // Revista arheologica. Serie nouǎ. — Chišinau, 2011. — Т. VII (1–2). — Р. 129–156.
15. Агульников С. М. Археологические исследования в Верхнепугачевском массиве / С.М. Агульников, В.С. Бейлекчи // Молдавское Поднестровье в первобытную эпоху. — Кишинев, Штиинца, 1987. — С. 64–86.
16. Агульников С. М. Курган эпохи бронзы у с. Крихана Веке на Нижнем Пруте / С.М. Агульников, В.Г. Бубулич, С.И. Курчатов // ДСПК. — 1997. — Вып. 6. — С. 84–98.
17. Агульников С. М. Курганный могильник у с. Хаджиллар в Нижнем Поднестровье / С.М. Агульников, В.Г. Бубулич, С.И. Курчатов // ССПК. — 2001. — Вип. IX. — С. 95–115.
18. Агульников С. М. Отчет о полевых исследованиях Слободзеевской новостроечной экспедиции в 1987 году / С.М. Агульников, А.Н. Левинский // НА ИА и ДИ РМ. — Кишинев, 1988. — № 266. — 41 с., 28 табл.
19. Агульников С. М. Курган эпохи ранней бронзы у с. Григоровка / С.М. Агульников, С.С. Попович // МАСП. — 2010. — Вып. 9. — С. 156–171.
20. Агульников С. М. Могильник эпохи ранней бронзы Змеиная балка у с. Кошары / С.М. Агульников, Е.Ф. Редина // Revista archeologicǎ. Serie nouǎ, Chişinǎu, 2005. — Т. 2. — S. 267–276.
21. Агульников С. М. Курганы эпохи энеолита-бронзы у пгт Тараклия / С.М. Агульников, Е.Н. Савва // АИМ в 1982 году. — Кишинев: Штиинца, 1986. — С. 34–54.
22. Агульников С. Исследование курганов на левобережье Днестра / С. Агульников, Е. Сава. — Кишинэу: CEP USM, 2004. — 243 с.
23. Агульников С. М. Энеолитический курган у с. Талмаз в Нижнем Поднестровье Молдавии / С.М. Агульников, Е.В. Яровой // Карпатика. — Ужгород, 2004. — Вип. 31.— С. 12–29.
24. Александров Ст. По въпроса погребалните обреди на култура Коцофени / Ст. Александров // Марица-Изток. Археологические проучвания. — София, 1994. — т. II. — С. 85–90.
25. Александровский А. Л. Степи Северного Кавказа в голоцене по данным палепочвенных исследований / А.Л. Александровский // Труды ГИМ. — 1997. — Вып. 97. — С.30–47.

26. Александровский А. Л. Изменения почв и природной среды на юге России в голоцене / А.Л. Александровский // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. – М.: ООО Таус, 2002. —Вып. 1—2. — С. 109–119.
27. Алексеев А. О. Магнитные свойства погребенных почв археологических памятников – запись климатических условий степей Приволжской возвышенности в голоцене / А.О. Алексеев, Т.В. Алексеева, В.А. Демкин // Материалы по археологии Волго-Донских степей. — Волгоград: ВолГУ, 2004. — Вып. 2. — С. 96–106.
28. Алексеева И. Л. Раскопки Беляевского кургана в 1966 году / И.Л. Алексеева // МАСП. — Одесса: Маяк, 1971.— Вып. 7. — С. 32–41.
29. Алексеева И. Л. Отчет о работе Днестро-Дунайской археологической экспедиции ОАМ АН УССР в 1973 году / И.Л. Алексеева // НА ОАМ НАНУ. — Инв. № 87480. — Одесса, 1973. — 15 с., 23 илл.
30. Алексеева И. Л. Отчет о раскопках курганов эпохи меди-бронзы и раннего железного века у сел Десантное, Мирное, Шевченково, Червоный Яр Килийского района Одесской области / И.Л. Алексеева // НА ИА НАНУ. — 1974/62. — Киев, 1974. — 55 с., 18 илл.
31. Алексеева И.Л. Работы в Килийском районе / И.Л. Алексеева // Археологические открытия в 1974 году. — М.: Наука, 1975. — С. 246–247.
32. Алексеева И. Л. Отчет о работе Днестро-Дунайской археологической экспедиции ОАМ АН УССР в 1975 году / И.Л. Алексеева // НА ИА НАНУ. — 1975/87. — Киев, 1975а. — 19 с., 9 илл.
33. Алексеева И. Л. О древнейших энеолитических погребениях Северо-Западного Причерноморья / И.Л. Алексеева // МАСП. — 1976. — Вып. 8.— С. 176–186.
34. Алексеева И. Л. Отчет о работе Нижне-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства 1-й очереди Нижне-Днестровской оросительной системы в 1976 году / И.Л. Алексеева // НА ИА НАНУ — 1976а/87. — 47 с., 56 табл.
35. Алексеева И. Л. Отчет о работе Буго-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства 2-й очереди Нижне-Днестровской оросительной системы в 1979 году / И.Л. Алексеева // НА ИА НАНУ. — 1979/1. — 26 с, 35 табл.
36. Алексеева И. Л. Элементы культур шнуровой керамики в памятниках ранней поры бронзового века Северо-Западного Причерноморья / И.Л. Алексеева // Северное Причерноморье. — К.: Наукова думка, 1984. — С. 23–34.
37. Алексеева И. Л. Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье / Ирина Леонидовна Алексеева. — К.: Наукова думка, 1992. — 131 с.
38. Алексеева И. Л. Погребения эпохи энеолита-ранней бронзы в курганах Правобережья Когильника / И.Л. Алексеева // КС ОАО.— Одесса: Гермес, 1994. — С. 63–67.
39. Алексеева И. Л. Раскопки кургана у с. Ново-Красное (междуречье рек Днестр – Тростянец) / И.Л. Алексеева // Древнее Причерноморье: III чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского; Одесса 1996 г. / Одесский археологический музей НАНУ [и др.]. — Одесса: Гермес, 1996. — С. 7–9.
40. Алексеева И. Л. Два кургана на левобережье Днестровского лимана / И.Л. Алексеева, С.А. Булатович // Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины. — Одесса, Запорожье: ЗГУ, 1990. — С. 35–48.
41. Алексеева И.Л. Курганная группа у с. Богатое Одесской области / И.Л. Алексеева, Г.Н. Тощев // Музейний вісник. — Запоріжжя, 2009. — №9. — С. 40–50.
42. Алексеева И. Л. Погребения с повозками ранней поры бронзового века Северо-Западного Причерноморья / И.Л. Алексеева, Н.М. Шмаглий // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. — К.: Наукова думка, 1985. — С. 15–22.
43. Анализ рынка поваренной соли в СНГ. — 2008 — Режим доступу: www.newchemistry.ru/rep.php?id=533 — название с экрана.
44. Андрианов Б. В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс / Б.В. Андрианов // Советская этнография. — 1968 — №2. — С. 22–34.
45. Андрух С. И. Курганы у с. Плавни в низовьях Дуная С.И. Андрух, А.О. Добролюбский, Г.Н. Тощев // М., 1985. — 158 с. — Деп. в ИНИОН АН СССР 13. 06. 85, № 21110.
46. Антипина Е.Е. Методы моделирования относительной численности домашних животных в хозяйстве древних поселений: от остеологического спектра к составу стада / Е.Е. Антипина // Матеріали та дослідження з археології Східної Європи: від неоліту до кіммерійців. Луганськ, 2007. № 7. С. 297–303.

47. Антонова В. М. К вопросу о новочерноморской трансгрессии азово-черноморского бассейна / В.М. Антонова, А.А. Хоменко // Позднекайнозойская геологическая история севера аридной зоны. — Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2006. — С. 18–21.
48. Апальков И. Е. Экономика, организация и планирование сельскохозяйственного производства / Апальков И.Е., Смирнов А.С. — М.: Колос, 1989. — 568 с.
49. Артеменко И. И. Среднеднепровская культура / И.И. Артеменко // Археология Украинской ССР. — Т. 1 — К.: Наукова думка, 1985. — С. 364–375.
50. Бабинец А. Е. О гидрогеохимических особенностях донных отложений лиманов северо-западного Причерноморья / А.Е. Бабинец, А.А. Сухоребрый // Геологический журнал. — 1981 — Т. 41. — № 2. — С. 104–111.
51. Бакович М., Говедарица Б. Находки из «княжеского» кургана Груда Больевича в Подгорице,Черногория / М. Бакович, Б. Говедарица // Stratum plus. — 2010. — №2. — С. 269–279.
52. Балагури Э. А. Восточнословацкие курганы / Э.А. Балагури // Археология Украинской ССР. — Т.1. — К.: Наукова думка, 1985. — С. 395–397.
53. Барбаро И. Путешествие в Тану / Иосиф Барбаро // Барбаро и Контарини о России; [пер. с итал. Е.Ч. Скржинская]. — Л: Наука, 1971. — С. 137–167.
54. Безусько А. Г. Сучасний стан і перспективи палінологічних досліджень відкладів голоцену України для цілей археології / А.Г. Безусько, Л.Г. Безусько // Наукові записки НаУКМА — 2000. — №18. — С. 275–278.
55. Безусько Л. Г. До питання про клімат і рослинність степової зони України в голоцені / [Л.Г. Безусько, Т.В. Безусько, С.О. Єсилевський, М.М. Ковалюх] // Наукові записки НаУКМА. — 2000. —№18. — С. 284–287.
56. Безусько Л.Г. Палінологічні дослідження відкладів голоцену степової України: паліностратиграфічні та палеоекологічні аспекти / Л.Г. Безусько, А.Г. Безусько // Збірник наукових праць Інституту геологічних наук НАН України. — К.: ІГ НАНУ — 2009. — С. 400–405.
57. Бейлекчи В. В. Курган у с. Щербанка / В.В. Бейлекчи // ДСПК. — 1993. — Вып. 4. — С. 62–78.
58. Бейлекчи В. В. Отчет о работе Александровского отряда Одесского охранного археологического центра в 1993 году / В.В.Бейлекчи, В.Г. Петренко // Архив Одесского охранного археологического центра. — Одесса, 1993а — № 18.— 37 с.
59. Бейлекчи В. С. Раскопки кургана у с. Копчак / В.С. Бейлекчи // АИМ в 1985 г. — Кишинев: Штиинца, 1990. — С. 34–49.
60. Бейлекчи В. С. Раскопки кургана 3 у с. Мэркулешть / В.С. Бейлекчи // АИМ в 1986 г. — Кишинев: Штиинца, 1992. — С. 72–87.
61. Бербек Ю. Г. Археологические разведки побережья Хаджибейского лимана / Ю.Г. Бербек, В.Л. Денисюк // МАСП. — 2009. — Вып. 9. — С. 175–180.
62. Березанская С. С. Рец. на: Попова Т.Б. Племена катакомбной культуры. — М., 1955 / С.С. Березанская, О.Г. Шапошникова // СА. — 1957. — №2. — С. 271–272.
63. Березанская С.С. О так называемом общеевропейском горизонте культур шнуровой керамики / С.С. Березанская // СА. — 1971. — №4. — С. 36–49.
64. Березанская С. С. КМК – культура или керамический стиль / С.С. Березанская // Проблемы изучения ККИО и КИОМК. — Запорожье: ЗГУ. — 1998. — С. 60–65.
65. Березанская С. С. Ремесло эпохи энеолита – бронзы на Украине /С.С. Березанская, Е.В. Цвек, В.И. Клочко. — К.: Наукова думка, 1984. — 190 с.
66. Березкин Ю. Е. Аркаим как церемониальный центр: взгляд американиста / Ю.Е. Березкин // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы средней и Восточной Европы: материалы научной конференции; Санкт-Петербург 21–25 августа 1995 г. / Институт истории материальной культуры РАН. — СПб., 1995. — С. 29–39.
67. Берестнев С. И. К проблеме курганов и курганной стратиграфии / С.И. Берестнев // Старожитності. — Харьков: НМЦ, 2005. — С. 97–116.
68. Берлизов Н. Е. О влиянии климатических изменений в Южнорусских степях на расселение савромато-сарматских племён / Н. Е. Берлизов // Интеграция науки и высшего образования в социально-культурной сфере. — Краснодар, 2004. — Вып. 2. — С. 325–335.
69. Бесстужев Г. Н. Нож и шило – аксессуары обряда посвящения (трактовка по находкам в погребениях эпохи раннего металла) / Г.Н. Бесстужев // Древности Кубани: материалы научного семинара; Краснодар 1987 г. / Краснодарский государственный историко-культурный заповедник. — Краснодар, 1987. — С. 12–14.

70. Бибиков С. Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита / С.Н. Бибиков // СА — 1969 — № 4. — С. 5–22.
71. Бикбаев В. М. Предгординештские памятники типа Кирилень в Северной Молдове / В.М. Бикбаев // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. –V в. н. э.): материалы международной археологической конференции; Тирасполь 10–14 октября 1994 г / Приднестровский государственный Университет. — Тирасполь: ПГУ, 1994. — С. 64–69.
72. Біляєва С. О. Взаємовідносини східнослов’янского і тюркського світів у XIII-XVIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень в Україні): дис. ... д.і.н.: 07.00.04 / Білєва Світлана Олександрівна; Ін-т археології. — К., 2011. — 32 с.
73. Боковенко Н. А. Этюд о скифских бронзовых котлах Северного Причерноморья / Н.А. Боковенко // Клейн Л.С. Археологическая типология. — Л.: АН СССР, 1991. — С. 256–263.
74. Боковенко Н. А. Развитие археологических культур и климатические изменения в Евразийских степях Южной Сибири в голоцене / Н.А. Боковенко, В.А. Дергачев, В.Г. Дирксен // Труды ГИМ. — 2005. — вып. 145. — С. 96–102.
75. Болтенко М. Ф. Раскопки Усатовобольшекуяльницкого поля культурных остатков (близ Одессы). / М.Ф. Болтенко // Вісник Одеської комісії краєзнавства. — 1925. — №2/3. — С. 48–66.
76. Болтрик Ю. В. Переправы Нижнего Днепра в скифское время / Ю.В. Болтрик // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: тезисы докладов конференции, посвященной 100-летию Б. Н. Гракова; Запорожье, 1999 г. / Запорожский государственный Университет. — Запорожье: ЗГУ, 1999. — С. 45–47.
77. Болтрик Ю. В. До питання про політичний строй Скіфії / Ю.В. Болтрик // ССПК. — 2004. — Вип. XI. — С. 38–40.
78. Болтрик Ю. В. О позднеямных чертах в катакомбном погребальном обряде / Ю.В. Болтрик, В.Н. Левченко, Е.Е. Фиалко // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. — К.: РАМУС, 1991. — С. 57–84
79. Борзияк И. А. Раскопки курганов на станции Етулия в 1989 году / И.А. Борзияк // Курганы в зоне новостроек Молдавии. — Кишинев: Штиинца, 1984.— С. 76–89.
80. Борзияк И. А. Исследования двух курганов в Криулянском районе / И.А. Борзияк, О.Г. Левицкий // АИМ в 1984 году.— Кишинев: Штиинца, 1989. — С. 109–127.
81. Борзияк И. А. Коржевские курганы / И.А. Борзияк, И.В. Манзура, О.Г. Левицкий // АИМ в 1979 – 1980 гг. – Кишинев: Штиинца, 1983. — С. 3–27.
82. Борисов А. В. Палеопочвы и природные условия южнорусских степей в посткатакомбное время / А.В. Борисов, Р.А. Мимоход, В.А. Демкин // КСИА. — 2011. — № 225. — С. 144–154.
83. Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма / О.Р. Бородин // Причерноморье в средние века. М.: Наука. — 1991 — С. 173–190.
84. Бочкарев В.С. Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник / В.С. Бочкарев. — М.: Наука, 1991. — 156 с.
85. Бочкарев В. С. Эпоха бронзы в степной и лесостепной Евразии / В.С. Бочкарев // История татар с древнейших времен; Т 1. / Народы степной Евразии в древности. — Казань: Рухият, 2002. — С. 46–68.
86. Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы / Сергей Никифорович Братченко. — К.: Наукова думка, 1976. — 251 с.
87. Братченко С.Н. К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) / С.Н. Братченко // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. — К.: Наукова думка, 1977. — С. 21–42.
88. Братченко С. Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу / Сергей Никифорович Братченко. — Луганськ: Шлях, 2001. — 196 с.
89. Братченко С. Н. Могили бронзової доби в басейні р. Деркул / С.Н. Братченко // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. — Луганск: СНУ. — 2003 — С. 162–225.
90. Братченко С. Н. Катакомбная культурно-историческая общность / С.Н. Братченко, О.Г. Шапошникова // Археология УРСР; т.1. — К.: Наукова думка, 1985. — С. 403–419.
91. Бритюк А. А. Восточная Украина как один из сырьевых центров в эпоху раннего металла / А.А. Бритюк // Вісник Східноукраїнського національного університету ім. В.Даля / №4 (86). — Луганськ: СНУ. — 2005. — С. 182–185.
92. Бруяко И. В. Изменение уровня Черного моря от эпохи камня до средних веков (по результатам исследования северо-западного шельфа) / И.В. Бруяко, В.А. Карпов, В.Г. Петренко // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. — Вып. 2. — М. — 1991. — С. 8–18.

93. Бруяко И.В. Погребения эпохи бронзы из позднеантичного могильника Беленькое // И.В. Бруяко, А.А. Росохацкий // Stratum plus/ – 2000 – №2. – С. 563–568.
94. Бруяко И. В. Городище у с. Новосельское на Нижнем Дунае / И.В. Бруяко, Ю.И. Ярошевич. — Одесса: Гермес, 2001. — 144 с.
95. Брюсов А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. / Александр Яковлевич Брюсов. — М.: АН СССР. — 1952. — 263 с.
96. Брюсов А. Я. Археологические культуры и этнические общности / А.Я. Брюсов // СА — 1956. — № 1. — С. 18–37.
97. Брюсов А. Я. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. (этногенетический очерк) / А.Я. Брюсов // СА. — 1965. — №2. — с. 47–56.
98. Брюсов А. Я. Каменные боевые сверленые топоры на территории Европейской части СССР / А.Я. Брюсов, М.П. Зимина // Свод археологических источников — М.: АН ССР, 1966. — Вып. В 4–4. — 99 с.
99. Бубулич В.Г. Исследования курганов в Каменском районе на левобережье Среднего Днестра / В.Г. Бубулич, В.П. Хахеу // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. — Тирасполь: ПГУ, 2002. — С. 112–148.
100. Бунятян К. П. Напрямки господарчої діяльності населення причорноморських степів доби бронзи / К.П. Бунятян // Древности Северского Донца. — Луганск, 2001. — Вып. 5. — С. 76–84.
101. Бунятян К.П. До реконструкції способу життя скотарів степової смуги Північного Надчорномор'я / К.П. Бунятян // Наукові записки НаУКМА . — 2002. — Вип. 20. — С. 155—160.
102. Бунятян К.П. Хронологія та періодизація поховань середньодніпровської культури Правобережної України / К.П. Бунятян // Археологія. — 2005. — № 4. — С. 26–36.
103. Бунятян К.П. Західні міґранти в Середній Наддніпрянщині близько середини 3 тис. cal BC / К.П. Бунятян // Матеріали та дослідження з археології Східної України. — Луганськ: СНУ, 2007. — Вип. 7. — С. 92–95.
104. Бунятян К.П. Хронологія та періодизація середньодніпровської культури Правобережної України / К.П. Бунятян // Археологія. — 2008. — №2. — С. 3–13.
105. Бунятян К. П. Підкарпатська культура шнурової кераміки / К.П. Бунятян // Археологія. — 2010. — № 2. — С.18–30.
106. Бунятян К. П. Поселення городсько-здовбицької культури неподалік Острога / К.П. Бунятян, О.Л. Позіховський // Археологія. — 2011. – № 3. – С. 82–101.
107. Бунятян К.П. Прояви середньодніпровської культури на теренах Волині і проблема давніх шляхів / К.П. Бунятян, В. Самолюк // Między Bałtykiem a Morzem Czarnym. — Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2011. — S. 247–257.
108. Бурдо Н. Б. Основи хронології Трипілля-Кукутені / Н.Б. Бурдо, М.Ю. Відейко— Археологія. — 1998. — № 2. — С. 3–14.
109. Ванчугов В. П. Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья / В.П. Ванчугов, Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский. — К.: Наукова думка, 1992. — 89 с.
110. Ванчугов В. П. Охранные раскопки у с. Траповка / В.П. Ванчугов, А.Г. Загинайло, Г.Н. Тощев // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. — Киев–Одесса: Вища школа, 1976. — С. 214–223.
111. Вартичан И. К. Советская Молдавия. Краткая энциклопедия / Иосиф Константинович Вартичан — Кишинев: Главная редакция Молдавской советской энциклопедии. — 1982. — 711 с.
112. Васильев И. Б. Энеолит Поволжья / Игорь Борисович Васильев. — Куйбышев: КПУ, 1981. — 130 с.
113. Васильев И. Б. Ямная и полтавкинская культуры / И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов, М.А. Турецкий // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. — Самара: СГУ. — 2000. — С. 6–64.
114. Виноградова Е. И. Основные климатические события голоцена и развитие материальной культуры населения Буджака / Е.И. Виноградова // Науково-методичний журнал МДГУ ім. П. Могили. — 2008. — №83. — С. 44–48.
115. Виноградова Е. И. Календарная хронология заселения Северо-Западного Причерноморья в первой половине голоцена (9700–5400 лет до н. э.). / Е.И. Виноградова, Д.В. Киосак // Stratum Plus. — 2010. — №2. С. 177–199.
116. Волонтир Н. Н. К истории растительности Молдавии в голоцене / Н.Н. Волонтир // Четвертичный период. Палеонтология и археология. — Кишинев. — 1989. — С. 90–97.

117. Гаврилюк Н. А. История экономики степной Скифии VI–III вв до н. э. / Надежда Авксентиевна Гаврилюк. — К.: ИА НАНУ, 1999. — 424 с.
118. Галкин Л. Л. Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов / Л.Л. Галкин // СА. — 1975. — №3. — С. 186–192.
119. Гамкрелидзе Б.В. Социально-культурные проблемы скотоводства горцев Центрального Кавказа: автореф. дис. ... д.и.н.: 07. 00. 07 / Гамкрелидзе Бахва Вахтангович; Институт истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили АН ГССР. — Тбилис, 1983. — 54 с.
120. Гей А. Н. Опыт палеодемографического анализа общества степных скотоводов эпохи бронзы (по погребальным памятникам Прикубанья) / А.Н. Гей // КСИА. — 1990. — Вып. 201. — 78–87.
121. Гей А. Н. О некоторых проблемах изучения бронзового века на юге Европейской России // РА. — 1999. — №1. — С.34–50.
122. Гей А. Н. Новотиторовская культура / Александр Николаевич Гей. — Москва: Новый Сад. — 2000. — 222 с.
123. Гей А. Н. Спорные вопросы и перспективы изучения катакомбной культурно-исторической общности / А.Н. Гей // КСИА — 2011. — № 225 — С. 3–10.
124. Генинг В. В. К вопросу о "кеми-обинских" погребениях Степного Поднепровья / В.В. Генинг // тезисы докладов VI республиканской конференции молодых ученых ИА АН УССР; Киев октябрь 1987 / ИА АН УССР. — К.: Наукова думка, 1987.— С. 37–38.
125. Генинг В. В. Археологические памятники Крымского Присивашья. Курганы у с. Источное и с. Болотное / В.В. Генинг, В.Н. Корпусова. — К.: Ин-т зоологии, 1989. — 60 с. — (Препринт /АН УССР, Ин-т зоологии).
126. Генинг В. Ф. Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии / В.Ф. Генинг. — Киев: Наукова думка. — 1992. — 188 с.
127. Герасименко Н. П. Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене / Н.А. Герасименко // Археологический альманах. — 1997. — Вып. 6. — С.3–64.
128. Герасименко Н. П. Розвиток зональних ландшафтів четвертинного періоду на території України: автореф. дис. ... д. геогр. н.: 11.00.04 / Герасименко Наталія Петрівна; Інститут географії НАНУ — К., 2004. — 40 с.
129. Герасименко Н.П. Хроностратиграфия и палеоэкология эпохи бронзы Северо-Восточного Приазовья / Н.П. Герасименко, В.Н. Горбов // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век): материалы международной конференции / ДГУ [и др.]— Донецк: ДонГУ, 1996. — Ч. 2. — С. 47–49.
130. Геродот. История в девяти книгах / Геродот; перевод с греч. Г. А. Стратановского. — Л. : Наука, 1972. — 600 с.
131. Гиббсон Дж. Как менялся климат Земли / Дж. Гиббсон, П. Аггарвал // Бюллетень МАГАТЭ. — 2001. — № 43/2. — Режим доступа: iaea.org/Publications/Magazines/Bulletin/Bull432/Russian/article1_rus.pdf. — Название с экрана.
132. Гизер С. Н. Кочевое хозяйство буджакских ногайцев (особенности хозяйственно-культурного типа) / С.Н. Гизер // Записки історичного факультету. — Одеса, 1999. — вип. 9. — С. 41–55.
133. Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы / Мария Гимбутас. — Москва: РОССПЭН. — 2006. — 572 с.
134. Глазов В. Тецканские курганы. Новое в погребальном обряде сармат Днестровско-Прутского региона / В. Глазов, С. Курчатов // Revista arheologica. Serie nouă. — 2005. — № 1(1). — С. 301–320.
135. Говедарица Б. Новые материалы раннего бронзового века на Тилигульском лимане / Б. Говедарица, И. Манзура // Stratum plus. — 2010. — № 2. — С. 299–308.
136. Гольева А. А. Взаимодействие человека и природы в Северо-Западном Прикаспии в эпоху бронзы / А.А. Гольева // Труды ГИМ. — 2000. — Вып. 120. — С. 10–30.
137. Гольева А. А. Палеогеография Ергеней в позднем голоцене / А.А. Гольева, О.А. Чичагова, В.П. Чичагов // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий: материалы международной конференции; Ростов-на-Дону, Азов, 18–20 мая 2005 г. / РАН [и др.]. — Ростов-на-Дону: ООО «ЦВВР», 2005. — С. 16–17.
138. Городцов В. А. Результаты археологического исследования в Изюмском уезде Херсонской губернии в 1901 году / В.А. Городцов // Труды XII Археологического съезда. — М., 1905.— Т. 1.— С. 174–225.
139. Городцов В. А. Классификация погребений Одесского кургана / В.А. Городцов // Отчет исторического музея в Москве за 1915 год. — М., 1917. — С. 17–28.

140. Гроссман Л. Антропология и география о взаимоотношениях человека с природной средой / Л. Гроссман // Новые идеи в географии: географические аспекты экологии человека. — М.: Прогресс, 1971. – С. 40–73.
141. Гроссу В. И. Отчет о полевых работах курганного отряда Буджакской новостроечной экспедиции по исследованию курганной группы у с. Тараклия в 1983 году / В.И. Гроссу, С.М. Агульников, В.П. Хахеу / НА ИА и ДИ РМ. — Кишинев, 1983. — № 195. — 42 с., 20 табл., 10 фото.
142. Гросу В.И. Археологические исследования у с. Чоропканы / В.И. Гросу, Е.Н. Савва // Известия АН МССР. Сер. обществ. Наук. — 1987. — № 2. — С. 71–74.
143. Гудкова А. В. Курган ямной культуры Крестовая могила в низовьях Днестра / А.В. Гудкова // Древности Причерноморских степей. — К.: Наукова думка, 1993. — С. 22–28.
144. Гудкова А. В. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1978 году / А.В. Гудкова, И.Л. Алексеева, Г.Н. Тощев / НА ИА НАН Украины. — К., 1978. — № 1978/15. — 139 с., 132 табл.
145. Гудкова А. В. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1979 году / А.В. Гудкова, А.О. Добролюбский, Г.Н. Тощев / НА ИА НАН Украины. — К., 1979. — № 1979/5. — 94 с., 62 илл.
146. Гудкова А. В. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1980 году / А.В. Гудкова, А.О. Добролюбский, Г.Н. Тощев / НА ИА НАН Украины. — К., 1980. — № 1980/7. — 119 с., 72 табл.
147. Гудкова А. В. Отчет о работе Измаильской новостроечной экпедиции ИА АН УССР в 1981 году / А.В. Гудкова, А.О. Добролюбский, Г.Н. Тощев / НА ИА НАН Украины. — К., 1981. — № 1981/1. — 94 с., 79 табл.
148. Гудкова А. В. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1982 году / А.В. Гудкова, Г.Н. Тощев, М.М. Фокеев / ИА НАН Украины; Архив ИА НАН Украины. — Инв. № 1982/6. – Киев, 1982. — 56 с., 61 табл.
149. Гудкова А. В. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1984 году / А.В. Гудкова, Г.Н. Тощев, М.М. Фокеев / НА ИА НАН Украины. — К., 1984. — № 1984/158. — 124 с., 62 табл.
150. Гудкова А. В. Курганы у сел Кислица и Озерное Одесской области / А.В. Гудкова Г.Н. Тощев, Г.Ф. Чеботаренко //ДСПК — 1995. — Вып 5. — С. 91–109.
151. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Лев Николаевич Гумилев. — М.: Мысль, 1992 — 766 с.
152. Д'Асколи Э. Д. Описание Чёрного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли Д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 / Э.Д. Д'Асколи; перевод с итал. Н. Пименова // Записки Императорского Одесского общества Истории и Древностей. — 1902. Т. XXIV. — С. 96–134.
153. Даниленко В. Н. О ранних звеньях развития степных восточноевропейских культур шнуровой керамики / В.Н. Даниленко // КСИА АН УССР. — 1955. – Вып. 4. — С. 126–128.
154. Даниленко В. Н. Энеолит Украины / Валентин Николаевич Даниленко. — К.: Наукова думка, 1974. — 176 с.
155. Дворянинов С. А. Раскопки курганной группы у с. Вишневое / С.А. Дворянинов, А.Н. Дзиговский, Л.В. Субботин // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. — К.: Наукова думка, 1985. — С. 132 –174.
156. Дворянинов С. А. К изучению ориентировки ямных погребений / С.А. Дворянинов, В.Г. Петренко, Н.А. Рычков // Древности Северо-Западного Причерноморья. — К.: Наукова думка, 1981. — С. 22–38.
157. Демин Ю. И. Таблицы расчета кормовых площадей / Юрий Иванович Демин. — М.: Колос. — 1973. — 175 с.
158. Демкин В. А. Природная среда восточноевропейских степей в древности и средневековье / В.А. Демкин Т.С. Демкина // Экология древних и современных обществ: тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию РАН; Тюмень 18–19 ноября 1999 — Тюмень, 1999. — С. 49–50.
159. Демкин В.А. Динамика природных условий и древнее население восточноевропейских степей с эпохи бронзы до средневековья / В.А. Демкин, И.В. Сергацков, Т.С. Дёмкина // Известия Российской Академии Наук. Серия географическая. — 2004. —№3. — С.41–47.
160. Демкина Т. С. Микробиологическая характеристика погребенных почв археологических памятников: новый подход в изучении палеоэкологии комплексных обществ / Т.С. Демкина,

В.А. Демкин // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. — Челябинск. — 1999. — С. 321–325.
161. Демченко Т. А. Исследования курганов в Рышканском районе / Т.А. Демченко // АИМ в 1983 году.— Кишинев: Штиинца, 1988. — С. 70–74.
162. Демченко Т. Археологические исследования курганов левобережья Среднего Прута (раскопки 1982 и 1984 гг) / Т. Демченко // Tyragetia. Serie nouǎ. — 2007. — V. 1 [XVI]. — № 1. — С. 195–215.
163. Демченко Т. К вопросу о круге памятников единецкой культурной группы /Т. Демченко // Tyragetia. Serie nouǎ. — 2008. — Т. 2 [XVII]. —№ 2. — С. 189–203.
164. Демченко Т. Памятники типа Коржеуць в контексте истории центральной и восточной Европы раннего бронзового века / Т. Демченко // Tyragetia. Serie nouǎ. — 2009. — Т. 3 [XVIII]. —№1. — С. 9–30.
165. Демченко Т.И. Сосуд в виде птицы с территории Пруто-Днестровского междуречья / Т.И. Демченко // Stratum plus. — 2013. — № 2. — С. 141–168.
166. Демченко Т. К вопросу о выделении культурной груп-пы Бурсучень в рамках Гординештско-позднемайкопского феномена / Т. Демченко // Culturi, procese şi contexte în arheologie. Volum omagial Oleg Leviţki la 60 de ani — Chişinău: Garamont-Studio, 2016. — С.84 – 99.
167. Демченко Т.И. Исследования курганов эпохи бронзы в Каушанском районе. / Т.И. Демченко, О.Г. Левицкий // Vestigii arheologice din Moldova. — Chişinău: Academiei de Ştiinţe RM, 1997. — С. 155–188.
168. Демченко Т. Курган эпохи бронзы у с. Владимировка / Т. Демченко, О. Левицкий // ДСПК. — 2001. — Вып. 7. — С. 133–140.
169. Демченко Т. И. Курганы у села Бурлэнешть / Т.И. Демченко, О.Г. Левицкий // Revista arheologică. Serie nouǎ. — 2006. — №2 (1–2). — С. 293–327.
170. Дергачев В. А. Памятники эпохи бронзы. Археологическая карта Молдавии / Валентин Анисимович Дергачев. — Кишинев: Штиинца, 1973.— Вып. 3. – 127 с.
171. Дергачев В. А. Памятники позднего Триполья / Валентин Анисимович Дергачев. — Кишинев: Штиинца. — 1980. — 205 с.
172. Дергачев В. А. Раскопки в Данченах и некоторые вопросы изучения памятников позднего Триполья и катакомбной культуры / В.А. Дергачев // АИМ в 1974–76 г. — Кишинев: Штиинца, 1981. — С. 35–45.
173. Дергачев В. А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте / Валентин Анисимович Дергачев. — Кишинев: Штиинца, 1982. — 140 с.
174. Дергачев В. А. Курганы у с. Гура-Быкулуй / В.А. Дергачев // Курганы в зонах новостроек Молдавии. — Кишинев: Штиинца, 1984. — С. 3–36.
175. Дергачев В. А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы / Валентин Анисимович Дергачев. — Кишинев: Штиинца, 1986. — 222 с.
176. Дергачев В. А. Молдавия и соседние территории в эпоху энеолита-бронзы: авторефДергачев В. А. О понятии «контактная зона» / В.А. Дергачев // Археологические культуры и культурная трансформация: материалы методологического семинара; Лениград 1991 г. / ЛОИА АН СССР. — Л., 1991. — С. 76–82.
177. Дергачев В. А. Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья. К проблеме взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы / В.А. Дергачев // Stratum plus. — 1999. — №2. — С. 169–221.
178. Дергачев В. А. Два этюда в защиту миграционной концепции / В.А. Дергачев // Stratum plus. — 2000. — №2. — С. 188–236.
179. Дергачов В. О. Пізній період Трипільської культури / В.О. Дергачов // Енциклопедія трипільської цивілізації. — К.: Укрполіграфмедіа, 2004. — С. 109–114.
180. Дергачев В. Неолитизация Северо-Понтийской зоны и Балкан в контексте разливов морей. / В. Дергачев // Revista arheologică. Serie nouǎ. — 2005. — Т.1. — № 1. — С. 4–33.
181. Дергачев В. А. Рошканские курганы / В.А. Дергачев, И.А. Борзияк, И.В. Манзура. — Кишинев: Штиинца, 1989. —73 с.
182. Дергачев В. А. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы / В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев — Кишинев: Штиинца, 2002. — 348 с.
183. Дергачев В.А. Погребальные комплексы позднего Триполья / В.А. Дергачев, И.В. Манзура. — Кишинев: Штиинца. — 1991. — 337 с.
184. Дергачев В. А. Курганы эпохи бронзы у с. Спея района Анений Ной / В.А. Дергачев, И.В. Манзура, Е.Н. Савва // АИМ в 1986 г. — Кишинев: Штиинца, 1992. — С. 88–104.

185. Дергачев В.А. Исследования курганов в окрестностях сел. Мерень и Кирка / В.А. Дергачев, Е.Н. Сава // Stratum plus. — 2001–2002. — №2. — С. 526–562.
186. Джеймс П. Все возможные миры: история географических идей / П. Джеймс, Д. Мартин — М.: Прогресс, 1988. — 671 с.
187. Дзиговский А. Н. Раскопки курганов на севере Одесской области / А.Н. Дзиговский // Археологічні дослідженя на Україні у 1990 р. — К., 1991. — С. 19–20.
188. Дзиговський О. М. Сергіївський могильник та його місце серед курганних пам'яток Приморської зони Буджака / О.М. Дзиговський, Л.В. Субботин // Археология и этнология Восточной Европы. — Одесса: Гермес, 1997. — С. 168–191.
189. Дзиговский А. Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель / Александр Николаевич Дзиговский. — Одесса: Гермес, 2003. — 240 с.
190. Диамант Э.И., Морозовская Т.В., Черняков И.Т. Раскопки кургана в Одессе / Э.И. Диамант, Т.В. Морозовская, И.Т. Черняков // АО 1978 г. — М.: Наука, 1979. — С. 327–328.
191. Дион Хрисостом. Речь XXXVI / Дион Хрисостом; пер. с греч. М. Грабарь-Пассек // Поздняя греческая проза. — М.: ГИЗ ХЛ, 1961. — С. 92–97.
192. Добровольский А. В. Раскопки кургана в предместье Одессы Слободка-Романовка / А.В. Добровольский // Записки Одесского общества истории и древностей. — Т. 32. — Одесса, 1915. — С. 123–145.
193. Долуханов П. М. Верхний палеолит и мезолит Европы: опыт многомерного анализа / П.М. Долуханов // Проблемы реконструкции в археологии. — Новосибирск: Наука. — 1985. — С. 55–62.
194. Драганов В. Културата Чернавода III на територията на България и по Западното Черноморско крайбрежие / В. Драганов // Добруджа. — № 7 — 1990. — С. 156–179.
195. Дремов И. И. Древнейшие подкурганные захоронения степного Заволжья / И.И. Дремов, А.И. Юдин // СА — 1992. — № 4.— С. 18–31.
196. Дровосекова О.В. Материалы епохи энеолита и бронзового века из с. Капуловка Днепропетровской области / О.В. Дровосекова // ССПК. — 2002. — Вип. X. — С. 131–154.
197. Дьяконов И. М. Типы этнических передвижений в ранней древности (IV–I тыс. до н. э.) / И.М. Дьяконов // Древний Восток. — Ереван: АН Арм. ССР, 1983. — С. 5–23.
198. Евсеев А. А. Атлас мира для минеролога / Александр Андреевич Евсеев. — Москва: Ассоциация Экост. 2000. — 284 с.
199. Евдокимов Г.Л. О раннем этапе катакомбной культуры в Северном Причерноморье / Г.Л. Евдокимов // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: тезисы докладов конференции; Донецк 3–6 декабря 1979 г. / ИА АН УССР [и др.]. — Донецк: ДонГУ, 1979. — С. 45–46.
200. Езеро. Раннобронзовото селище при с. Езеро / [Г.И. Георгиев [и др.] — София: Българска академия на науките, 1979. — 547 с.
201. Зальцман Э.Б. Поселения культуры шнуровой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики / Э.Б. Зальцман. — Тверь: ИА РАН, 2010. —313 с.
202. Завьялова М. П. Проблема моделирования в историческом исследовании: автореф. дис. ... к. филос. н.: 09.00.11 / Маргарита Павловна Завьялова; Том. гос. ун-т. — Томск, 1970. — 20 с.
203. Загинайло А. Г. Охранные раскопки Березинских курганов / А.Г. Загинайло, В.Г. Кушнир О.В. Устянский // АО 1977 года. — М.: Наука, 1978. — С.324–325.
204. Загинайло А. Г. Каролино-Бугазский могильник / А.Г. Загинайло, И.Т. Черняков, В.Г. Петренко // Новые исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. — К.: Наукова думка, 1987. — С. 99–108.
205. Збенович В. Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья / Владимир Гецелевич Збенович — Киев: Наукова думка, 1974. — 176 с.
206. Збенович В. Г. Место Трипольской культуры в энеолите Причерноморья / В.Г. Збенович // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. — Тбилиси: Мецниереба, 1987. — С. 109–119.
207. Зиньковский К. В. Исследования Маякского могильника в 1974 году / К.В. Зиньковский Э.Ф. Патокова // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. — Киев: Наукова думка, 1978. — С. 134–144.
208. Зиньковский К. В. Погребения с охрой в Усатовских могильниках / К.В. Зиньковский, В.Г. Петренко // СА. — 1987. — № 4. — С. 24–39.
209. Зирра В. Культура погребений с охрой в Закарпатских областях РНР / В. Зирра // Материалы и исследования юго-запада СССР и РНР. — Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1960. — С. 97–128.

210. Златева-Узунова Р. Параметры каменного производства и пути распространения видов сырья в раннебронзовую эпоху на территории Верхнефракийской низменности, Болгария / Р. Златева-Узунова, В. Курчатов // Восточноевропейский археологический журнал). — май-июнь 2002. — Режим доступа http://archaeology.kiev.ua/journal/030502/zlateva_kurchatov.htm. — Название с экрана.
211. Золотун В. П. Некотоыре свойства палеопочв и вопросы датирования курганов на юге Украины /В.П. Золотун // МАСП. — 1970. – вып. 6. — С. 168–179.
212. Зубарь В. М. На берегах Боспора Киммерийского / В.М. Зубарь, А.С. Русяева. — К.: Стилос. — 2004. — 239 с.
213. Иванов И. В. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене / И.В. Иванов, И.Б. Васильев. — М.: Интеллект. 1995. — 264 с.
214. Иванова С. В. Захоронения детей и проблема наследования социального статуса / С.В. Иванова // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: тезисы докладов VII Донской археологической конференции; Ростов-на-Дону 22–26 ноября 1998 года / Ростовский государственный Университет [и др.]. — Ростов-на-Дону: РГУ, 1998. — С. 37–38.
215. Иванова С. В. О хронологии и периодизации памятников ямной культуры Северо-Западного Причерноморья / С.В. Иванова // КС ОАО. — Одесса: ТЭС, 1999. —С. 52–57.
216. Иванова С. В. Об особенностях расселения племен ямной культуры в Северо-Западном Причерноморье / С.В. Иванова // Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії: матеріали міжнародової конференції; Дніпропетровськ 6–10 грудня 1999 р. / Дніпропетровський державний Університет [та ін..]. — Дніпропетровськ: ДДУ, 1999а. — С. 63–64.
217. Иванова С. В. О социальном устройстве ямного общества Северо-Западного Причерноморья / С.В. Иванова // Stratum plus. — 2000. — №2. — С.388–403.
218. Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья / Светлана Владимировна Иванова. — Одесса: Друк, 2001. — 243 с.
219. Иванова С. В. Бинарные оппозиции в погребальном обряде ямной культуры / С.В. Иванова // Stratum plus. — 2001–2002. — №2. — С. 308–316.
220. Иванова С. В. О социальной позиции детей в ямном обществе / С.В. Иванова // ССПК. — 2002. — Вип. Х. — С.34–39.
221. Иванова С. В. Трудовые затраты: универсальный знак или знаковая система / С.В. Иванова // Сучасні проблеми археології: тези доповідей міжнародової конференції, присвяченої пам’яті В.Ф. Генінга, 26–28 березня 2002 р. / ІА НАНУ — Київ: Наукова думка, 2002а. — С. 87–88.
222. Иванова С.В. Ямные погребения Северо-Западного Причерноморья с украшениями из металла / С.В. Иванова // Донская археология. — 2002б. —№ 3–4. — С. 25–31.
223. Иванова С.В. Погребальная обрядность: Дискурсивно-мировоззренческий аспект / С.В. Иванова // Структурно-семиотические исследования в археологии. — Донецк: ДНУ, 2002в. — т. 1. — С. 45—54.
224. Иванова С. В. Ямная культура Северо-Западного Причерноморья: стратиграфия и хронология / С.В. Иванова // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее; Москва 14–19 апреля 2003 / Государственный Исторический музей /— М.: ГИМ, 2003. — Ч. 1. — С. 87–90.
225. Иванова С. В. Ранний бронзовый век и трансформация культур / С.В. Иванова // Stratum plus. — 2003–2004. — №2. — С. 86–93.
226. Иванова С. В. О мировоззренческих представлениях индоевропейцев / С.В. Иванова // Thracians and circumpontic world: IX International Congress of Thracology; Chişinău – Vadul lui Vodă, 6–11 September 2004 / Universitatea de Stat din Moldova — Chişinău: Cartdidact, 2004. — P. 33–35.
227. Иванова С. В. Хозяйственно-культурный тип племен бронзового века и курганная стратиграфия / С.В. Иванова // Проблеми дослідження пам’яток археології Східної України. — Луганськ: СНУ, 2005а. — С.51–53.
228. Иванова С. В. Знак и денотат: смысловая нагрузка орнаментальных схем в ямной и катакомбной культурах (один из возможных вариантов интерпретации) / С.В. Иванова // Структурно-семиотические исследования в археологии. — Донецк: ДНУ, 2005б. — т. 2. – С. 143–152.
229. Иванова С. В. Вопросы стратиграфии и хронологии памятников ямной культуры Северо-Западного Причерноморья / С.В. Иванова // Труды ГИМ — 2005в. — Вып. 145. —. С. 38–43.
230. Иванова С. В. Об особенностях курганного строительства в Северо-Западном Причерноморье в эпоху ранней бронзы / С.В. Иванова // ССПК. — 2005г. — Вип. XII. — С. 55–72.
231. Иванова С. В. Между жизнью и смертью: представления о структуре мифоритуального пространства / С.В. Иванова // Stratum plus. — 2005–2009. — С. 325–344.

232. Иванова С. В. Ямная культурно-историческая общность: радиоуглеродное датирование и проблемы формирования / С.В. Иванова // РА. — 2006. — №2. — С.113–12.
233. Иванова С. В. О концепции восточного происхождения ямной культурно-исторической общности / С.В. Иванова // Вопросы археологии Поволжья. — Самара: Науч.-техн. центр, 2006а. — Вып. 4. — С. 203–209.
234. Иванова С. В. «Серебряный век» Северо-Западного Причерноморья / С.В. Иванова // Матеріали та дослідження з археології України. — Луганськ: СНУ, 2007 — Вип.7. — С. 85–92.
235. Иванова С. В. О моделировании курганного пространства в бронзовом веке / С.В. Иванова // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. — Курган: КГУ, 2007а. — С. 65–71.
236. Иванова С. В.. Исторические процессы в Юго-Восточной Европе (энеолит-ранний бронзовый век) / С.В. Иванова // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. — Оренбург: ОГПУ. — 2009. — С. 49–58.
237. Иванова С. В. Природные ресурсы и экономика древних обществ / С.В. Иванова // Stratum plus. — 2010. —№ 2. — С. 49–99.
238. Иванова С. В. Торговые пути и миграции в бронзовом веке / С.В. Иванова // МАСП. — Одесса: СМИЛ, 2010а. — Вып 11. — С.158–249.
239. Иванова С.В. История населения Северо–Западного Причерноморья в бронзовом веке (инвайроментальный подход) / С.В. Иванова // Индоевропейская история в свете новых исследований. — М: Изд–во МГОУ, 2010б. — С. 124–134.
240. Иванова С.В. Об истоках формирования буджакской культуры / С.В. Иванова // ССПК — 2012. — Вип. XVI. — С. 18–62.
241. Иванова С.В. Культурно-исторические контакты населения Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке: Запад–Восток / С.В. Иванова // Stratum plus. — 2013. — № 2. — С. 199–258.
242. Иванова С.В. Типология и классификация амфор из погребений буджакской культуры Северо-Западного Причерноморья // Древнее Причерноморье. — Одесса: ФЛП «А.С. Фридман», 2013а. — Вып. Х. — С. 256–266.
243. Иванова С. В. Ямная (буджакская) культура / С.В. Иванова // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: СМИЛ, 2013б. — С. 211—254.
244. Иванова С. В. Катакомбные культуры / С.В. Иванова // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. — Одесса: СМИЛ, 2013в. — С. 255–275.
245. Иванова С. В. Бронзовый век Северо-Западного Причерноморья (историко-археологический очерк) / Ванчугов В.П., Иванова С.В // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: СМИЛ, 2013г. — С. 335–345.
246. Иванова С. В. Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической области / С.В. Иванова // РА. — 2014. — № 2. — С. 5-20.
247. Иванова С. В. «Протобуджакский горизонт» Северо-Западного Причерноморья / С.В. Иванова // Stratum plus. — 2015. — №2. — С. 275-294.
248. Иванова С. В. Маятниковые миграции в циркум-понтийской степи и Центральной Европе в эпоху палеометалла и проблема генезиса ямной культуры / С. В. Иванова, А. Г. Никитин, Д. В. Киосак // Археологія і давня історія України: — К.: ІА НАН України, 2018. — Вип. 1 (26). — С. 101-146.
249. Иванова С. В. Курган эпохи палеометалла на берегу Аджалыкского лимана в Одесской области / С.В. Иванова, Н. Е. Ветчинникова // ССПК. — 2009. — Вип. XV. — С. 43–48.
250. Иванова С.В. Раскопки курганов в зоне реконструкции автотрассы Одесса – Киев в Одесской области / С.В. Иванова, А.Н. Дзиговский, С.П. Смольянинова // Археологічні дослідження в Україні 2002–2003.— К.: ІА НАН України; Запоріжжя: Дике Поле, 2005а — Вип. 7. — С. 141–145.
251. Иванова С. В. Об интрепретации металлических артефактов эпохи палеометалла / С.В. Иванова, Д.В. Киосак // Человек в истории и культуре. — Одесса: СМИЛ, 2012. — Вып. 2. — С. 240–245.
252. Иванова С. В. Модели жизнедеятельности населения Северо-Западного Причерноморья и климатические аномалии (6200—2000 лет до н. э.) / С.В. Иванова, Д.В. Киосак, Е.И. Виноградова // Stratum plus. — 2011. — № 2. — С. 101–140.
253. Иванова С. Палеоэкология и культурная динамика. Голоцен Северо-Западного Причерноморья / С. Иванова, Д. Киосак, Е. Виноградова — Saarbrüken: LAP Lambert, 2011a. — 267 с.
254. Иванова С. В. Популяционная динамика степных культур энеолита и ранней бронзы с точки зрения археогенетики / С.В. Иванова, А.Г. Никитин // Stratum plus. — 2012 — №2. — С. 31–45.

255. Иванова С.В. Очерки истории и археологии Днестро-Бугского междуречья / С.В. Иванова, А.О. Островерхов, О.К. Савельев // Киев: КНТ, 2012. — 300 с.
256. Иванова С. В. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра / С.В. Иванова, В.Г. Петренко Н. Е. Ветчинникова. — Одесса: ОГПУ. — 2005. — 205 с.
257. Иванова С. В. О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической области / С.В. Иванова, В.В. Цимиданов // Археологический альманах.— Донецк: Донеччина, 1993. — Вып. 2.— С. 23–24.
258. Иванова С. В. Погребения с топорами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья / С.В. Иванова, В.В. Цимиданов // Наукові праці історичного факультету Запорізьского державного Університету. — Запоріжжя: Просвіта, 1998.— Вип. 4. — С. 141–162.
259. Иванова С. В. Воинство в ямном обществе Северо-Западного Причерноморья / С.В. Иванова, В.В. Цимиданов // Старожитності 2004. — Харьков: НМЦ МД, 2004. — С.133–141.
260. Іванова С. В. Поховання ямної культури з отворами у Північно-Західному Причорномор'ї / С.В. Іванова // Археологія. — 2001. — №2.— С.83–93.
261. Іванова С. В. До питання про кераміку і ментальність давніх суспільств (за матеріалами до ранньої бронзи Північно-Західного Причорномор'я / С.В. Іванова // Український керамологічнийний журнал. —2003. — №1. — С.18–24.
262. Іванова С.В. Нові радіовуглецеві дати для пам'яток Північно-Західного Причорномор'я / С.В. Іванова // Археологія. — №3. — 2010. — С.69–75.
263. Іванова С. В. Курган біля с. Сичавка Одеської області / С.В. Іванова, О.К. Савельєв // Археологія. — 2011. — №3. — С. 70–82.
264. Іванова С. В. Про статево-вікову стратифікацію населення ямної спільноти Північно-Західного Причорномор'я / С.В. Іванова, Л.В. Субботин // Археологія. — 2001. — №3.— С.44–57.
265. Іванова С.В. Ямна культура: походження та міграції в контексті теорії фронтиру / С.В. Іванова, А.Г. Нікітін // Записки історичного факультету ОНУ імені І.І. Мечникова. — 2020. — № 31. — С. 17–39.
266. Йованович Б. Энеолитическое серебро Балкан и Северо-понтийского региона/ Б. Йованович // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов V тыс. до н. э. – V в. н. э.: материалы международной археологической конференции; Тирасполь 10–14 октября 1994 г / Приднестровский государственный Университет. — Тирасполь: ПГУ, 1994. — С. 41–42.
267. Исаченко А. Г. Развитие географических идей / Анатолий Григорьевич Исаченко — М.: Мысль, 1971. — 416 с.
268. Каврук В. Олово и соль в Карпатском бассейне в бронзовом веке / В. Каврук // Revista Arheologică, Serie nouă. — 2011 — Т. VII. — № 1–2. — P. 5–46.
269. Каврук В. Олово и соль в Карпатском бассейне в бронзовом веке (часть II) / В. Каврук // Revista Arheologică, Serie nouă. — 2012 — Т. VIII. — № 1–2. — P. 16–36.
270. Кадеев В. И.. Очерки истории экономики Херсонеса в I–II веках н. э. / Владимир Иванович Кадеев. — Харьков: ХГУ, 1970. — 164 с.
271. Кайзер Э. Проблемы абсолютного датирования катакомбной культуры Северного Причерноморья / Э. Кайзер // КСИА. — 2011 — № 225. — С. 15–27.
272. Калимонов И.К. Теория и методология истории / И.К. Калимонов. — Казань: КГУ, 2009. — 136 с.
273. Каменский А. Г. Результаты спектрального и металлографического исследования металлических предметов из памятников эпохи бронзы с территории Молдовы / А.Г. Каменский // Яровой Е. В. Курганы энеолита-бронзы Нижнего Поднестровья. — Кишинев: Штиинца, 1990. — С. 247–258.
274. Катинчаров Р. Периодизация и характеристика на културата през бронзовата епоха в Южна България / Р. Катинчаров// Археология. — София, 1974. — № 1. — С. 1–22.
275. Катинчаров Р. Ранний бронзовый век Фракии и его культурные связи и взаимоотношения с соседними областями /Р. Катинчаров // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. — Тбилиси: Мениереба, 1987. — С. 168–175.
276. Качалова Н.К. Эрмитажная коллекция Н.Е.Бранденбурга. Эпоха железа / Наталья Кирилловна Качалова– САИ. – В4-12. – 1974. 55 с.
277. Кашуба М.Т. Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с. Мокра) / М.Т. Кашуба, С.И. Курчатов, Т.А. Щербакова // Stratum plus. — 2001–2002. — №4 — С. 180–252.

278. Кетрару Н. А. Археологические исследования в Кагульском районе в 1958 году / Н.А. Кетрару // Далекое прошлое Молдавии. — Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1969. — С. 35–54.
279. Кетрару Н.А. Отчет о полевых исследованиях Дубоссарской экспедиции в 1980 г. Архив МАЭ АН МССР. № 159, 25 с., 42 илл.
280. Кетрару Н. А. Исследования курганов в Дубэссарском районе / Н.А. Кетрару, Н.Л. Серова // АИМ в 1986 г.. — Кишинев: Штиинца, 1992. — С.141–171.
281. Кетрару Н. А. Чокылтянские курганы / Н.А. Кетрару, В.П. Хахеу // АИМ в 1985 году. — Кишинев: Штиинца, 1990. — С. 49–73.
282. Кидирниязов Д. С. Ногайцы в XV–XVIII вв.: автореф. дисс. … д.и.н.: 07.00.06 / Кидирниязов Даниял Сайдахмедович; Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский научный центр РАН. — Махачкала, 2001. — 52 с.
283. Кислый А. Е. Демоэкономический анализ населения катакомбных культур с учетом некоторых исторических закономерностей развития/ А.Е. Кислый // КСИА. — 2011. — № 225. — С. 100–108.
284. Кислый А. Е. Паледомография: теория и методика, проблемы и решения / А.Е. Кислый, И.И. Каприцын. — Запорожьее: ЗГУ, 1994. — 161 с.
285. Кислий О. Є. Етноекономіка Криму на фоні Північного Причорномор'я: епоха бронзи / О.Є. Кислий // Наукові праці історичного факультету Запорізького Державного Університету. — 2004 . — вип.18. — С.322–330.
286. Кислий О. Є. Демографічний вимір історії / Олександр Євгенович Кислий. — К.: Арістей, 2005. — 328 с.
287. Кислий О. Є. Археологічні, історичні дані про системні зміни якості населення та закономірності історичного розвитку / О.Є. Кислий // Археологический альманах. — 2009. — № 20. — С. 17–22.
288. Кислий О. Є. Можливості археології як науки у моделюванні кризових явищ у трансформації суспільства / Кислий О.Є. // Проблеми історії та археології України: матеріали міжнародної конференції ХНУ ім. Каразіна 28–29 жовтня 2008 р. / Харківський Національний Університет ім. Каразіна [та ін.]. — Харків: ТОВ «НТМТ», 2010. — С. 17–18.
289. Кислий О. Є. Економіко-демографічний та історико-археологічний концепт сучасної методології історії / О.Є. Кислий // Таврійські студії. Історія. — 2012. — № 2. — Режим доступа: http://archive.nbuv.gov.ua/e-journals/tavst/2012_2/pdf/1.pdf. — название с экрана.
290. Кияшко А. В. О культурном единстве позднеямных и раннекатакомбных памятников эпохи средней бронзы / А.В. Кияшко // Проблемы археологии юго-восточной Европы: тезисы докладов VII Донской археологической конференции; Ростов-на-Дону 22–26 ноября 1998 г. / Ростовский государственный Университет [и др.]. — Ростов-на-Дону: РГУ, 1998. — С. 42–43.
291. Кияшко А. В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья / Александр Владимирович Кияшко. — Волгоград: ВГУ, 1999. — 182 с.
292. Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира / Александр Владимирович Кияшко. — Волгоград: ВГУ, 2002. — 268 с.
293. Клейн Л. С. Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры / Л.С. Клейн // Вестник Ленинградского университета. — 1962. — № 2. — С. 74–87.
294. Клейн Л. С. Происхождение Донецкой катакомбной культуры: автореф. дис. ... к.и.н.: 07.00.06 / Клейн Лев Самуилович; ЛОИА АН СССР. — Л., 1968. — 19 с.
295. Клейн Л. С. Катакомбная культура или катакомбные культуры? / Л.С. Клейн // Статистико-комбинаторные методы в археологии. — М.: Наука, 1970. — С. 165–169.
296. Клейн Л. С. Рец. на: Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра. — МАСП. — Одесса, 1970. — Вып. 6 / Л.С. Клейн // СА. — 1975. — № 1. — С. 297–304.
297. Клейн Л. С. Археологические источники. / Лев Самуилович Клейн. — Л: ЛГУ, 1978. — 120 с.
298. Клейн Л.С. Понятие типа в современной археологии / Л.С. Клейн // Типы в культуре. — Л.: ЛГУ, 1979. — С. 50–74.
299. Клейн Л.С. Археологическая типология. / Л.С. Клейн. — Л.: АН СССР, 1991. — 448 с.
300. Клейн Л. С. Миграция: археологические признаки / Л.С. Клейн // Stratum plus. — 1999. — №1. — С. 52–71.
301. Клейн Л.С. Археология в седле (Косинна с расстояния в 70 лет) / Л.С. Клейн // Stratum plus. — 2000. — № 4. — С. 88–140.
302. Клейн Л.С. Перегляд катакомбної спільності (про дискусійну працю С.Ж. Пустовалова) / Л.С. Клейн // Археологія. — 2009. — № 4. — С. 90–103.

303. Клейн Л. С. Общие проблемы культурогенеза энеолита и бронзового века степной зоны Северной Евразии / Л.С. Клейн // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). Санкт–Петербург: ИИМК РАН, 2016. — С. 6–13.
304. Клейн Л.С. Ямная, не ямная (обзор современных работ о курганных погребениях Подунавья) /Л.С. Клейн // Stratum plus. — 2017. — № 2. — С. 361–378.
305. Клещенко А.А. Северокавказская культура Закубанья: автореф. дисс. … к.и.н.: 07.00.06 / Клещенко Александр Александрович; ИА РАН. — М., 2011. — 22 с.
306. Клочко В. І. Металургія та металообробне виробництво трипільської культури // Енциклопедія Трипільської цивілізації. — Т. 1. — К.: Укрполиграфмедиа, 2004. — С. 219–222.
307. Клочко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України / Віктор Іванович Клочко. — К.: АртЕк, 2006. — 337 с.
308. Клочко В. Торговельний шлях Буг-Бог / В. Клочко // Na pograniczu światów. Studia z praziejów międzymorza baltycko-pontyjskiego. — Poznań: Adam Mickiewicz University, 2008. — S. 240–249.
309. Кнауэр Ф. И. О курганах, раскопанных в Южной Бессарабии / Ф.И. Кнауэр // Чтенія въ историческомъ обществе Нестора Летописца. — 1889. — №3. — С. 32–49.
310. Кнауэр Ф. И. Вторая археологическая раскопка около с. Сараты (в Южной Бессарабии) / Ф.И. Кнауэр // Чтенія въ историческомъ обществе Нестора Летописца — 1890. — №4. — С. 30–41.
311. Кнауэр Ф. И. Раскопки в Аккерманском уезде Бессарабской губернии / Ф.И. Кнауэр // Труды XI Археологического Съезда. — М., 1902. — С. 150–151.
312. Князькин И.О. Половцы в Нижнем Подунавье / И.О. Князькин // Вопросы истории. — 2000. — № 3. — С. 121–130.
313. Ковалева И.Ф. Погребания животиловского типа в Присамарье / И.Ф. Ковалева // Курганные древности степного Поднепровья Ш–I тыс. до н. э. — Днепропетровск: ДГУ, 1978. — с.46–49.
314. Ковалева И.Ф. Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов / Ирина Федоровна Ковалева. — Днепропетровск: ДГУ, 1983. — 108 с.
315. Ковалева И.Ф. Север степного Поднепровья в энеолите-бронзовом веке / Ирина Федоровна Ковалева. — Днепропетровск: ДГУ, 1984. — 80 с.
316. Ковалева И. Ф. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины) / Ирина Федоровна Ковалева. — Днепропетровск: ДГУ, 1989. — 90 с.
317. Ковалева И. Ф. Предстепье Левобережной Украины в катакомбное время / И.Ф. Ковалева // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: тезисы докладов всесоюзного семинара; Запорожье 1990 г. / Институт прхеологии АН УССР [и др.]. — Запорожье: ЗГУ, 1990. — С. 22–24.
318. Ковалева И.Ф. Погребения с майкопским инвентарем в левобережье Днепра (к выделению живтиловского культурного типа) /И.Ф. Ковалева // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск: ДГУ, 1991. — С. 69–88.
319. Ковалева И. Ф. Интеграционные процессы в позднем энеолите степного Днепро-Бугского междуречья / И.Ф. Ковалева // Проблемы истории и археологии Украины: материалы международной научной конференции; Харьков 16–18 мая 2001 г. / Харьковский Национальный Университет. — Харьков: ХНУ, 2001. — С. 19–20.
320. Ковалева И. Ф. К выделению территориальных групп в постмариупольской культуре / И.Ф. Ковалева // Проблемы археологии Евразии. — М.: ИА РАН, 2002. — С.51–67.
321. Ковалева И. Ф. Скелянская культура: историография проблемы / И. Ф. Ковалева // Проблеми археології Подніпров`я. —Дніпропетровськ: ДНУ, 2012. — С. 3–11.
322. Ковалева И. Ф. Раскопки курганов эпохи бронзы в Правобережном Предстепье / И.Ф. Ковалева, В.Н. Шалабудов // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск: ДГУ, 1992. — С. 4–46.
323. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / Иван Дмитриевич Ковальченко. — М.: Наука, 1987. — 446 с.
324. Ковпаненко Г. Т. Раскопки курганов у с. Ковалевка / Г.Т. Ковпаненко, Е.П. Бунятян, Н.А. Гаврилюк // Курганы на Южном Буге. — К.: Наукова думка, 1978. — С.7–132.
325. Ковпаненко Г. Т. Курганы у с. Ковалевка (группа VI) / Г.Т. Ковпаненко, Н.А. Гаврилюк // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 р. — К.: ІА НАНУ — 2002. — С. 259–276.
326. Комплексное использование земель Евразийских степей. Тарутинская степь // Программа ТАСИС Европейского союза. — Режим доступа: http://www.steppe.org.ua/about.php. — название с экрана.

327. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. [В 17 частях] / В.Х. Кондараки — Николаев: Типография В.М. Краевскаго, 1873. — Ч. 1. — 249 с.
328. Коников Е.Г. Влияние условий осадконакопления на формирование физико-механических свойств верхнеплейстоцен-голоценовых глинистых отложений Причерноморских лиманов и шельфа: автореф. дисс. … д. геол. н.: 04.00.04; 04.00.10 / Евгений Георгиевич Коников; ОГУ им. И.И. Мечникова. — Одесса, 1995. — 34 с.
329. Коников Е.Г. Палеоклиматы, палеогеография и освоение человеком Северо-Западного Причерноморья в раннем и среднем голоцене / Е.Г. Коников, С.В. Иванова, Д.В. Киосак // Черноморский регион в условиях глобальных изменений климата: закономерности развития природной среды за последние 20 тысяч лет и прогноз на текущее столетие. — М.: МГУ. — 2010 — С. 98—117.
330. Коников Е. Г. Литология и палеогеография средне-верхне-плейстоценовых отложений Каркинитского залива / Е.Г. Коников, С.Н. Фащевский // Доклады Национальной академии наук Украины — 1999. — № 7. — С. 121–125.
331. Коніков Є. Г. Екзодинамічна модель умов осадконакопичення і формування берегових. систем північно-західної частини Чорного моря протягом останніх 18 000 років / Є.Г. Коніков // Вісник Одеського Національного Університету. Географічні та геологічні науки. —2004 — Т.9. — № 4. —С. 161 –179.
332. Константин Багрянородный. Об управлении империей. / Константин Багрянородный; пер. с греч. под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. — М.: Наука, 1991. — 496 с.
333. Константінеску Л. Ф. Ранньоямні поховання північно-східного Подоння / Л.Ф. Константінеску // Археологія. — 1984. — Вип. 45. — С. 61–68.
334. Конча С. В. Концепція «степових інвазій» М. Гімбутас. Спроба критичного аналізу / С.В. Конча // Археологія. — 2001 — №3. — 35–43.
335. Конькова Л. В. Металлографическое исследование металлических изделий из памятников усатовского типа / Л.В. Конькова // Патокова Э.Ф. Усатовское поселение и могильники. — К.: Наукова думка, 1979. — С.161–176.
336. Кореневский С. Н. О металлических ножах ямной, катакомбной и полтавкинской культур / С.Н. Кореневский // СА. — 1976. — № 2. — С. 33–48.
337. Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии / Сергей Николаевич Кореневский. — М.: Наука, 2004. — 244 с.
338. Кореневский С.Н. Динамика культур ранних земледельцев и скотоводов юго-запада Восточной Европы и Кавказа в свете схемы Блитта-Сернандера в середине атлантического периода и в начале суббореального периода голоцена / С.Н. Кореневский // Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов: материалы I Абхазской конференции; Сухум 6–11 ноября 2006 г. / Абхазский Институт гуманитарных исследований [и др.] — Сухум: АГУ, 2006 — С. 39–43.
339. Кореняко В.А. К критике концепций Л.Н. Гумилева / В.А. Кореняко // Этнографическое обозрение. — 2006. — № 3 — С. 22–35.
340. Коробкова Г. Ф. Проблемы изучения древнеямной культурной общности в свете исследования Михайловского поселения / Г.Ф. Коробкова, М.Б Рысин, О.Г. Шапошникова // Stratum plus. — 2005–2009. — №2. — С. 10–267.
341. Коробкова Г.Ф. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры / Г.Ф. Коробкова, О.Г. Шапошникова. — СПб: Европейский дом, 2005. — 316 с.
342. Косько О. Ритуальний об'єкт населення Причорноморської культурної спільноти доби ранньої бронзи на р. Сян / О. Косько, В.І. Клочко, А. Ольшевський // Археологія. — 2012. — №2. — С. 67–75.
343. Крадин Н. Н. Империя Хунну / Николай Николаевич Крадин. — Владивосток: Дальнаука, 1996. — 164 с.
344. Крадин Н. Н. Империя Хунну [Издание 2-е, перераб. и доп.] / Николай Николаевич Крадин. — М.: Логос, 2001. — 312 с.
345. Крапивина В. В. О металлургическом производстве в Ольвии (цветные металлы) / В.В. Крапивина, В.И. Маничев, В.В. Крутиков // Палеоекономіка раннього залізного віку на території України. — К.: Київський шлях, 2004. — С. 66–87.
346. Кременецкий К. В. Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины / Константин Владимирович Кременецкий. — М.: АН СССР, 1991. — 193 с.

347. Кременецкий К. В. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии / К.В. Кременецкий // Труды ГИМ. — 1997. — №97. — С. 30–47.
348. Кремер А. М. Катакомбное погребение у с. Монаши Одесской области / А.М. Кремер // МАСП. — 1971. — Вып.7. — С. 210–211.
349. Кривцова-Гракова О. А. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры / О.А. Кривцова-Гракова // Труды ГИМ — 1938. — №8. — С.33–38.
350. Круц С.И. Палеоантропологические исследования степного Поднепровья / С.И. Круц. — К.: Наукова думка, 1984. — 205 с.
351. Круц С. І. Антропологічний склад населення / С.І. Круц // Давня історія України. — Т.1. К.: Наукова думка, 1997. — С. 374–383.
352. Кубышев А. И. К проблеме существования весовой системы у племён бронзового века степей Восточной Европы (на материалах погребения литейщика катакомбной культуры) / А.И. Кубышев, И.Т Черняков // СА. — 1985. — №1.— С. 39–54.
353. Кузнецов П. Ф. Ямная культура Волго-Уралья. Периодизация, хронология, межрегиональный контекст / П.Ф. Кузнецов // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. — М.: ИА РАН, 2008.— Т 1. — С. 358–360.
354. Кузнецов П. Ф. Датировка памятника у Репина хутора и хронология культурно-родственных материалов эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной Европы / П.Ф. Кузнецов // РА. — 2013. — № 1. — С. 13–21.
355. Кузнецов П.Ф. Етнокультурні зв'язки степового населення східної Європи за доби ранньої бронзи / П.Ф. Кузнецов, О.О. Хохлов // Археологія. — 2011. — № 1. — С. 3–11.
356. Кузнецов П.Ф Датировка памятника у Репина хутора и хронология культурно-родственных материалов эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной Европы / П.Ф. Кузнецов // РА. — 2013. — №1. — с. 13–21.
357. Кузьминова Н. Н. Палеоботанический и палинологический анализы материалов из курганов Нижнего Поднестровья / Н.Н. Кузьминова // Яровой Е. В. Курганы энеолита-эпохи бронзы Нижнего Поднестровья.— Кишинев: Штиинца, 1990. — С. 259–265.
358. Кузьминова Н. Н. Культурные растения на западе Степного Причерноморья в середине III–II тыс. до н. э. / Н.Н. Кузьминова, В.Г. Петренко // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР: тези доповідей XX Республіканської конференції; Одеса, жовтень 1989 р. / ІА НАНУ — К.: Наукова думка, 1989. — С. 119–120.
359. Кульпин Э. С. Цивилизационный феномен Золотой Орды (Колонизация южнорусских степей в XIII–XV веках) / Кульпин Э.С. // Общественные науки и современность. — 2001. — № 3. — С. 74–88.
360. Кульпин Э. С. Социоестественная история – ответ на вызовы времени // Историческая психология и социология истории / Кульпин Э.С. —2008. — № 1. — С. 197–206.
361. Культуры эпохи бронзы на территории Украины / [Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н.]. — К.: Наукова думка. —1986. — 168 с.
362. Кушнір В.Г. Господарство та побут населення Південно-Західної України в епоху розпаду первісного суспільства: автореф. дисс. … к.і.н.: 07.00.01 / Кушнір Вячеслав Григорович; ОДУ ім.. І.І. Мечнікова. — Одеса, 1999. — 16 с.
363. Куштан Д. П. Трансъеразийский «оловянный» путь эпохи поздней бронзы / Д.П. Куштан // Российский археологический ежегодник. – СПб., 2012. – № 2. – С. 284–300.
364. Кънчев М. Надгробна Могила II (Голямата Могила) до село Голяма Детелина, община Раднево / М. Кънчев // Марица-Изток. Археологически проучвания. — Раднево, 1995. — т.3.—С. 49–74.
365. Кънчева Т. Некропол от късната бронзова епоха, източно от Нова Загора / Т. Кънчева // Археология — София, 1990. — № 4. — С. 8–14.
366. Лагодовська О. Ф. Усатівська культура та її місце в археологічному минулому України / О.Ф. Лагодовська // Віснік АН УРСР. — 1947. — Т. 6. — С.47–57.
367. Лагодовська О.Ф. Пам'ятки Усатівського типу / О.Ф. Лагодовська // Археологія. — 1953. — Т. 8. — С. 95–108
368. Лагодовська О. Ф. Михайлівське поселення / О.Ф. Лагодовська, О.Г. Шапошникова, М.І. Макаревич. — К.: Наукова думка, 1962. — 246 с.
369. Ларина О. В. Новые курганные материалы энеолита-ранней бронзы на Среднем Пруте / О.В. Ларина // АИМ в 1984 году. — Кишинев: Штиинца, 1989. — С. 61 –78.

370. Ларина О. Брэвиченские курганы / О. Ларина, И. Манзура, В. Хахеу Кишинев: Ин-т культурного наследия, 2008 — 130 с.
371. Латынин Б. А. К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой / Б.А. Латынин // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. — 1964. — Вып. 6.— С. 53–71.
372. Левин М. Г. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области / М.Г. Левин, Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. — 1955 — №4. — С. 3–17.
373. Левинский А. Н. Исследование курганов у с. Мэркулешть / А.Н. Левинский, И.С. Тентюк // Исследования молодых ученых Молдавии. — Кишинев, Штиинца, 1990. — С. 93–100.
374. Левицкий О. Г. Курганы эпохи бронзы у с. Томай / О.Г. Левицкий // АИМ в 1983 году. — Кишинев: Штиинца, 1983. — С. 35–44.
375. Литвиненко Р. А. Катакомбное наследие в бабинской культуре / Р.А. Литвиненко // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова; Санкт-Петербург 11–15 марта 2002 г.— СПб, 2002. — С. 183–190.
376. Литвиненко Р. О. Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток): автореф. дисс. … д.і.н.: 07.00.04 /Литвиненко Роман Олександрович; ІА НАНУ. — К., 2009. — 32 с.
377. Литвиненко Р. О. Донецько-Донськой катакомбний компонент у бабинській культурогенезі / Р.О. Литвиненко // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ: СНУ, 2011. — С. 179–200.
378. Лысенко С. Д. Костяные пряжки Среднего Поднепровья – отголоски « героической эпохи» в евразийской степи / С.Д. Лысенко // Происхождение и развитие колесничества. Луганск: Глобус, 2008. — С. 165–181.
379. Макарович П. Нові ізотопні дати для тшинецького культурного кола із Середньовартівської низини, Польща / П. Макарович // Матеріали та дослідженняз археології Східної України. — Луганськ: СНУ, 2007. — Вип. 7. С. 127–132.
380. Малюкевич А. Е. Отчет о работе Моложского отряда ОАМ в 1990 году / А.Е. Малюкевич // НА ИА НАНУ. — Киев, 1990/170. — 45 с., 54 табл.
381. Малюкевич А. Раскопки кургана №2 у с. Молога в Нижнем Поднестровье / А. Малюкевич, С. Агульников // Revista arheologica. Serie nouă — Chişinău, 2005. — Т. 1. — №1. — Р. 193—211.
382. Малюкевич А. Е. Раскопки усатовского кургана №1 в селе Молога / А.Е. Малюкевич, Л.В. Субботин // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр. — К.: НАНУ, 2002. — С. 50–52.
383. Манзура И. В. Исследования курганов у пос. Светлый / И.В. Манзура // Курганы в зонах новостроек Молдавии. — Кишинев: Штиинца, 1984. — С. 109–143.
384. Манзура И. В. Переходный период от энеолита к эпохе бронзы в Нижнем Поднестровье и Попрутье: автореф. дис. … к.и.н.: 07.00.06 / Манзура Игорь Васильевич; ЛОИА АН СССР — Л., 1990. — 25 с.
385. Манзура И. В. Степные восточноевропейские общности энеолита-ранней бронзы в хронологической системе балкано-дунайских культур / И.В. Манзура // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы. — Кишинев, 1992. — С. 87–101.
386. Манзура И. В. Владеющие скипетрами / И.В. Манзура // Stratum plus. — 2000. — №2. — С. 237–295.
387. Манзура И. В. Проблема формирования культур раннего бронзового века на Северо-Восточных Балканах / И.В. Манзура // Stratum plus. — 2001–2002. — №2 — С. 468–485.
388. Манзура И. В. Северное Причерноморье в энеолите и бронзовом веке: ступени колонизации / И. В. Манзура // Stratum plus. — 2003–2004. — № 2. — С. 63–85.
389. Манзура И.В. «Вытянутые» погребения эпохи энеолита в Карпато-Днестровском регионе / И.В. Манзура // Tyragetia, Serie nouă. — 2010. — Т. IV— № 1. — Р. 35–47.
390. Манзура И.В. Культуры степного энеолита / И.В. Манзура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. — Одесса: СМИЛ, 2013. — С. 115–153.
391. Манзура И. В. Каменские курганы / И.В. Манзура, Е.О. Клочко, Е.Н. Савва. — Кишинев: Штиинца, 1992. — 133 с.
392. Манзура И. В. Исследования курганов у с. Паркань / И.В. Манзура, О.В. Ларина, Е.Н. Савва // АИМ в 1986 г. — Кишинев: Штиинца, 1992. — С. 171–189.
393. Манько В. А. Проблемы абсолютной хронологии мезолита-энеолита Подонечья / В.А. Манько, С.А. Телиженко // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. — Луганск: ВНУ им. В. Даля, 2003. — вып. 1. — С. 31–65.

394. Марина З.П. К вопросу о восточных элементах в ямной культуре левобережной Украины / З.П. Марина // Проблемы археологии Евразии. — М., 2002. — С.96–103.
395. Маркевич М. Історія Малоросії / Микола Андрійович Маркевич. — К.: Ін Юре, 2003. — 664 с.
396. Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков / Н. Э. Масанов. — Алма-Ата: Наука, 1984. — 176 с.
397. Масанов Н. Э. Особенности функционирования традиционного кочевого общества казахов / Н. Э. Масанов // Труды ГИМ — 2000. — Вып. 120. — С. 116–131.
398. Массон В. М. Развитие обмена и торговли в древних обществах / В.М. Массон // КСИА. — 1974. — №138. – С. 3–11.
399. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии) / В.М. Массон. — Л.: Наука, 1976. — 196 с.
400. Массон В. М. Феномен ранних комплексных обществ в древней истории В.М. Массон // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. — СПб, 1991 — С. 3–9.
401. Массон В. М. Исторические реконструкции в археологии / Вадим Михайлович Массон. — Самара: СПГУ, 1996. — 103 с.
402. Массон В. М. Ритмы культурогенеза и концепция ранних комплексных обществ / В.М. Массон // Вестник российского научного гуманитарного фонда. — СПб, 1998. — № 3. — С. 1–95.
403. Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке / Наталья Петровна Матвеева — Новосибирск: Наука, 2000. — 399 с.
404. Матюшин Г. Н. Археологический словарь / Геральд Николаевич Матюшин. — М.: Просвещение, 1996. — 304 с.
405. Меллори Дж. Индоевропейские прародины / Дж. Мэллори // Вестник древней истории. — 1997. — № 1. — С. 61–82.
406. Мельник А. А. Реконструкция повозки ямной культуры // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины / А.А. Мельник, И.Л. Сердюкова. — Киев: Наукова думка, 1988. — С. 118–124.
407. Мелюкова А. И. Курган Усатовского типа у села Тудорово / А.И. Мелюкова // КСИА. — 1962. Выл. 88. — С. 74–83.
408. Мелюкова А. И. Работы западно-скифской экспедиции / А.И. Мелюкова // АИМ в 1973 году. — Кишинев: Штиинца, 1974. — С. 53–78.
409. Мелюкова А. И. Раскопки курганов у с. Буторы Григориопольского района / А.И. Мелюкова // АИМ в 1972 году. — Кишинев: Штиинца, 1974а. — С. 77–95.
410. Мерперт Н. Я. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке / Н.Я. Мерперт // КСИА. — 1965. — Вып. 105. — С. 10–20.
411. Мерперт Н. Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы: автореф дис... д.и.н.: 07. 00. 06 / Мерперт Николай Яковлевич; ИА АН СССР. — М., 1968. — 84 с.
412. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья / Николай Яковлевич Мерперт. — М.: Наука, 1974. — 166 с.
413. Мерперт Н. Я. Из истории древнеямных племен / Н.Я. Мерперт // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. — М.: Наука, 1977.— С. 68–80.
414. Мерперт Н. Я. О племенных союзах древнейших скотоводов Восточной Европы / Н.Я. Мерперт // Проблемы советской археологии. — М.: Наука, 1978. — С. 18–24.
415. Мерперт Н. Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита / Н.Я. Мерперт // СА. — 1978а. — №3. — С. 9–28.
416. Мерперт Н. Я. Энеолит юга СССР и евразийские степи / Н.Я. Мерперт // Энеолит СССР. Археология СССР. — М.: АН СССР, 1982. — С. 321–331.
417. Мерперт Н. Я. Циркумпонтийская зона в раннем бронзовом веке: вопросы культурных контактов / Н.Я. Мерперт// Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. — Тбилиси: Мениереба, 1987. — С.89–97.
418. Мильков Ф. Н. Ландшафтная сфера Земли / Федор Николаевич Мильков — М.: Мысль, 1970. — 224 с.
419. Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов / Роман Александрович Мимоход. — М.: Таус, 2009. — 288 с.
420. Мимоход Р. А. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований / Р.А. Мимоход // КСИА — 2011. — № 225. — С. 28–53.

421. Мовша Т. Г. Поздний этап трипольской культуры / Т.Г. Мовша // Археология Украинской ССР. — К.: Наукова думка, 1985. — Т. 1. — 223–262.
422. Мовша Т. Г. К проблеме взаимодействия древних земледельцев Трипольско-Кукутенской общности с носителями культур Понтийских степей / Т.Г. Мовша // Проблеми археології Подніпров'я. — Дніпропетровськ: ДУ, 2000. — С. 29–53.
423. Монгайт А. Л. Археологические культуры и этнические общности / А.Л. Монгайт. — Народы Азии и Африки. — 1967. — № 1. — С. 53–76.
424. Моргунова Н. Л. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья / Н.Л. Моргунова // Проблемы археологии Евразии: К 80-летию Н.Я. Мерперта. — М.: ИА РАН, 2002. — С. 104–116.
425. Моргунова Н. Л. Хронология и периодизация энеолита Волжско-Уральского междуречья в свете радиоуглеродного датирования / Н.Л. Моргунова // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. — Оренбург: ОГПУ, 2009. — С. 6–26.
426. Моргунова Н.Л. О культурном статусе и хронологии памятников репинского типа в Заволжье и Приуралье / Н.Л. Моргунова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2014а. — т. 16. — №3 (2). — С. 585–591.
427. Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области / Нина Леонидовна Моргунова. — Оренбург: Издательство ОГПУ, 2014. — 348 с.
428. Моргунова Н. Л. Памятники древнеямной культуры на Илеке / Н.Л. Моргунова, А.Ю. Кравцов. — Екатеринбург: УИФ Наука, 1994.— 153 с.
429. Мордкович В.Г. Судьба степей / В.Г. Мордкович, А.М. Гиляров, А.А. Тишков. — Новосибирск: Мангазея, 1997. — 208 с.
430. Мочалов О. Д. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья / Олег Дмитриевич Мочалов. — Самара: СГПУ, 2008. — 252 с.
431. Мочалов О.Д. Диагностические признаки керамики ямной культурно-исторической области / О.Д. Мочалов //Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. — Оренбург: ОГПУ, 2009 — С. 78–87.
432. Нечитайло А. Л. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы / Аннета Леонидовна Нечитайло. — К. Наукова думка, 1991. — 115 с.
433. Нечитайло А.Л. Традиции древних культур Дагестана в катакомбных памятниках Украины / А.Л. Нечитайло, М.Г. Гаджиев // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: тезисы докладов Всесоюзного семинара; Запорожье 1990 / Институт археологии АН УССР [и др.]. — Запорожье: ЗГУ, 1990. — С. 50–52.
434. Никитин В. И. Погребения эпохи бронзы в кургане у с. Попильная / В.И. Никитин // Древности Северо-Западного Причерноморья. — К.: Наукова думка, 1981. — С. 54–63.
435. Никитин В. И. Матвеевка-1 – поселение катакомбной культуры на Южном Буге / В.И. Никитин // СА. — 1989. — №2. — С. 136–150.
436. Никитин В. И. Экспериментально-трассологический анализ орудий с поселения Ингульской катакомбной культуры Матвеевка I (р. Южный Буг) / В.И. Никитин, А.М. Балушкин // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: тезисы докладов Всесоюзного семинара; Запорожье 1990 / Институт археологии АН УССР [и др.]. — Запорожье: ЗГУ, 1990. — С. 57–58.
437. Никитин В. И. Поселения и стойбища в Нижнем Побужье / В.И. Никитин // Проблемы археологии Северного Причерноморья. — Херсон: херсонський краеведческий музей, 1991. — С. 34–48.
438. Николаева Н.А. Этно-культурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока / Надежда Александровна Николаева. — М.: МГОУ, 2011 — 536 с.
439. Николов В. Праисторически солодобивен център Провадия-Солницата / Васил Николов. — София: Егмонт България, 2008. — 352 с.
440. Николова А. В. Хронологическая классификация памятников ямной культуры степной зоны Украины: автореф. дис. ... к.и.н.: 07. 00. 04 / Николова Алла Владимировна; ИА НАНУ. — Киев, 1992. — 21 с.
441. Николова А. В. К вопросу об эволюции погребального обряда ямной культуры евразийских степей / А.В. Николова // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): материалы международной археологической конференции; Тирасполь 10–14 октября 1994 г / Приднестровский государственный Университет. — Тирасполь: ПГУ, 1994. — С. 91–94.

442. Николова А. В. Хронология ямной и катакомбной культуры степной Украины: некоторые вопросы датировки методом 14С / А.В. Николова //. Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация: материалы международной конференции, посвященной 100-летию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы; Самара 2001 г. / ИА РАН [и др.]. — Самара: ООО НТЦ, 2001. — С.104–107.
443. Николова А. В. О месте «репинских» памятников в ямной культурно-исторической общности (некоторые вопросы историографии) / А.В. Николова // Проблеми археології Подніпров'я. — Дніпропетровськ: ДГУ, 2002. — С. 37–59.
444. Николова А. В. К вопросу о культурной атрибуции погребений ранней бронзы с остатками транспортных средств в Северном Причерноморье / А.В. Николова // Археологические памятники Восточной Европы. — Воронеж, 2006. — Вып.12. — С. 79–86.
445. Николова А. В. О позднеэнеолитических памятниках Правобережья Днепра / А.В. Николова, Ю.Я. Рассамакин // СА. — 1985. — №3. — С. 37–56.
446. Николова А. В. Глиняная модель колыбельки из Каланчака и некоторые вопросы хронологии ранней и средней бронзы Днепро-Донецкого региона / А.В. Николова, Ю.Я. Рассамакин // Tyragetia. Serie nouă. — 2009. —Т. III [XVIII]. — № 1. — С. 31–58.
447. Николова А. В. О ножах-«бритвах» ранней бронзы Северного Причерноморья / А.В. Николова, Л.А. Черных // Stratum plus. — 2012. — №2. — С. 303–324.
448. Николова А. В. Курганы эпохи бронзы в низовьях Днепра и Ингульца (по материалам Краснознаменской экспедиции) / А.В. Николова, Л.А. Черных, Г.Л. Евдокимов // Матеріали та дослідження з археології Східної України. — Луганськ: СНУ, 2011. — Вип. 11. — С. 94–164.
449. Ніколова А. В.. Абсолютна хронологія ямної культури Північного Надчорномор'я в світлі дендродат / А.В. Ніколова. // Археологія.— 2012. — № 4. — С. 14–31.
450. Ніколова А.В. До методики класифікації посуду ямної культури / А.В. Николова, Т.І. Мамчич // Археологія. — 1997. — №3.— С. 101–115.
451. Ніколова А.В. До однієї з концепцій соціального розвитку носіїв катакомбної культури // А.В. Николова, Л.А. Черних / Археологія. — 1997. — №1. — С. 107–119.
452. Николова Л. Ямная культура на Балканах (Динамика структуры погребального обряда и соотношение с другими культурами ранней бронзы) /Л. Николова // Stratum plus. — 2000. — №2. — С. 423–458.
453. Николова Л. К археологии социальных изменений (по материалам позднего доисторического периода на Балканах) / Л. Николова // Stratum plus. — 2001/2002. — №2. — С. 280–294.
454. Никулица А. Ювелирные изделия из золота и серебра, обнаруженные при раскопках памятников эпох энеолита и бронзы (по материалам фондов НМ АИМ / А. Никулица // Tyragetia. Serie nouă. — 2009. — Т. III [XVIII]. — № 1. — P. 157–168.
455. Новицкий Е. Ю. Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья / Евгений Юльевич Новицкий. — Одесса: Управление культуры, 1990. — 181 с.
456. Оболдуева Т. Г. Курган эпохи бронзы на р. Когильник / Т.Г. Оболдуева // Известия Молдавского Филиала АН СССР. — 1955. — № 5 (25). — С. 31–48.
457. Ольговский С. Я. О цветной металлообработке у племен ямной культуры / С.Я. Ольговский // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. — К.: Наукова думка, 1988. — С. 135–140 .
458. Орловская Л. Б. Спектроаналитическое исследование цветного металла эпохи ранней бронзы Молдавии (предварительные итоги) / Л.Б. Орловская // Яровой Е. В. Курганы энеолита-эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. — Кишинев: Штиинца, 1990. — С. 241–245.
459. Островерхов А. С. Стекляные бусы в памятниках позднего Триполья / А.С. Островерхов // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. — К.: Наукова думка, 1985. — С. 174–180.
460. Островерхов А.С. Новые катакомбные памятники Северо-Западного Причерноморья / А.С. Островерхов, И.В. Сапожников // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: тезисы докладов всесоюзного семинара; Запорожье 1990 г. / Институт археологии АН СССР [и др.]. — Запорожье, 1990. — С. 72–76.
461. Островерхов А. С. В. Курган эпохи бронзы-энеолита у с. Тимково / А.С. Островерхов, Л.В. Субботин, А.В. Субботин // Археологічні дослідження в Україні в 1991 року. — Луцьк, 1993.— С. 83–84.

462. Отрощенко В. В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). — К., 2001. — 290 с.
463. Отрощенко В. В. Обряд моделирования по черепу у племен катакомбной общности / В.В. Отрощенко, С.Ж. Пустовалов // Духовная культура древних обществ на территории Украины. – К.: Наукова думка, 1991. — С. 59–84.
464. Отрощенко В. В. Доба бронзи на теренах України / В.В. Отрощенко, Ю.Я. Рассамакін, Л.А. Черних // Україна. Хронологія розвитку. — К.: КВШЦ, 2008. — Т.1. — С .219–331.
465. Отрощенко В. В. Стрекала как орудия труда и атрибуты власти / В.В. Отрощенко, Л.А. Черных // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: тезисы докладов VII Донской археологической конференции; Ростов-на-Дону 22–26 ноября 1998 года / Ростовский государственный Университет [и др.]. — Ростов-на-Дону: РГУ, 1998. — С. 59–60
466. Охотников С. Б. Подводные археологические исследования в Северо-Западной части Черного моря / С.В. Охотников, А.С. Островерхов // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. — М.: НИИ Культуры, 1991. — Вып. 2 — С. 19–27.
467. О'Коннор Дж. Введение в нейролингвистическое программирование/ Дж. О'Коннор, Д. Сеймор / Пер. с англ. А.Б. Бродский. — Челябинск: Версия, 1997. — 256 с.
468. Палагута И. В. Искусство ранних земледельцев Европы: культурно-антропологические аспекты: автореф. дис. … докт. ист. наук: 07.00.07 / Палагута Илья Владимирович; музей археологии и этнографии им. Петра Великого РАН. — СПб, 2010. — 45 с
469. Панайотов И. Ямната культура в Българските земи. / Иван Панайотов. — София, 1989. — 191 с. — (Разкопки и проучвания; т. XXI).
470. Панайотов И. За култура Магура-Коцофени в българските земи / И. Панайотов, С. Александров // Археология. — София, 1988. — т. XXX. — № 2. — С. 1–15.
471. Пассек Т.С. Периодизация поселений трипольской культуры (III–II тысячелетия до н.э.) / Татьяна Сергеевна Пассек // МИА. — 1949. — № 10. — 245 с.
472. Патокова Э. Ф. Усатовское поселение и могильники / Эмилия Федоровна Патокова — К.: Наукова думка, 1979. — 186 с.
473. Патокова Э. Ф. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье / Э.Ф. Патокова, В.Г. Петренко, Н.Б. Бурдо. — К.: Наукова думка, 1989. — 144 с.
474. Пашкевич Г. А. Динамика растительного покрова Северо-Западного Причерноморья в голоцене, его изменения под влиянием человека / Г.А. Пашкевич // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. — М.: Наука, 1981. — С. 74–86.
475. Пащенко В. М. Різноманітність та історичні трансформації ландшафтів / В.М. Пащенко // Ландшафти і сучасність. — К.– Вінниця: Гіпаніс, 2000. — С. 57–62.
476. Пелещишин Н. А.. Культура воронковидных сосудов / Н.А. Пелещишин // Археология Украинской СССР. — К.: Наукова думка, 1985.—Т. 1. — С. 273–280.
477. Песочина Л. С. Закономерности циклической изменчивости почв и природных условий степных ландшафтов Приазовья во второй половине голоцена / Л.С. Песочина // Степи степной Евразии: материалы V международного симпозиума. — Оренбург: ИПК Газромпечать, 2009. — С. 530–533.
478. Петренко В. Г. Памятники энеолита и поворот эпохи к бронзовому веку в Северо-Западном Причерноморье / В.Г. Петренко // История и археология Нижнего Подунавья: тезисы докладов научно-практического семинара; Рени 1989 г. — Рени, 1989. — С.18–20.
479. Петренко В. Г. Курган бронзового века у с. Старые Беляры / В.Г. Петренко // Вороновка II. Поселение позднебронзового века в Северо-Западном Причерноморье. — К.: Наукова думка, 1991. — С. 77–91.
480. Петренко В. Г. К относительной хронологи усатовской культуры / В.Г. Петренко // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): материалы международной конференции; Тирасполь 10–14 декабря 1990 г. / Приднестровский государственный Университет. — К.: ККТНК, 1991а. — С. 74–75.
481. Петренко В. Г. Опыт корреляции климатических и культурных ритмов / В.Г. Петренко // Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза: материалы научно-методического семинара; Одесса 18–19 мая 1992 / Одесский археологический музей НАНУ [и др.]. — Одесса, 1992. — С. 23–25.
482. Петренко В. Г. Золото и серебро в энеолите Северо-Западного Причерноморья / В.Г. Петренко // Новые страницы древней истории Южной Украины: тезисы докладов международной конференции; Николаев 1997 г. — Николаев: Возможности Киммерии, 1997. — С. 31–32.

483. Петренко В. Г. Проблема «Триполье и Степь» и памятники энеолита – ранней бронзы Северо-Западного Причерноморья / В.Г. Петренко // МАСП. — 2009. — Вып. 9. — С. 10–38.
484. Петренко В. Г. Курган эпохи палеометалла на побережье Хаджибейского лимана / В.Г. Петренко // МАСП. — 2010. — Вып.11. — С. 303–368.
485. Петренко В. Г. О погребальных памятниках Усатовского типа на Тилигуле / В.Г. Петренко // Земледельцы и скотоводы Древней Европы. Проблемы, новые открытия, гипотезы. – К. – СПб: ИА НАНУ; ИИМК РАН, 2012. — С. 161–169.
486. Петренко В.Г. Металл и усатовская культура /В.Г. Петренко // Північне Приазов'я в епоху кам'яного віку-енеоліту. Матеріали міжнародової конференції до 100-річчя від дня народження В.М. Даниленка. – Мелітополь; смт Мирне, 2013. – С. 146-153.
487. Петренко В.Г. Усатовская культура /В.Г. Петренко // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. – К., 2013а. – С. 163-210.
488. Петренко В. Г. Второй Беляевский курган / В.Г. Петренко // ССПК. – № 17. – 2014.– С. 71-106.
489. Петренко В., Кайзер Э. Комплексный памятник Маяки: новые изотопные даты и вопросы хронологии различных культур // МАСП. — 2012. – №12. — С. 31–61.
490. Петренко В. Г. Новые данные по радиоуглеродной хронологии энеолита Северо-Западного Причерноморья / В.Г. Петренко, Н.Н. Ковалюх // Трипільські поселення-гіганти. — Київ: Корвін пресс, 2003. — С. 102–110.
491. Петренко В. Г. Новые археологические памятники, разведанные в долине Кучургана / В.Г. Петренко, В.К. Кожухарь // МАСП. — 2012. — №12. – С.349–366.
492. Петренко В. Г. Новый курган эпохи энеолита-бронзы в Нижнем Поднестровье / В.Г. Петренко, А.С. Островерхов, И.В. Сапожников // ССПК — 2002. — Вып. Х. — С. 39–63.
493. Петренко В. Г. Великозиминовский курган бронзового века / В.Г. Петренко, Г.Н. Тощев // Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины. — Одесса; Запорожье, 1990. — С. 71–87.
494. Петренко В. Г. Епонімне Усатове та проблема генези усатівської культури / В.Г. Петренко // Трипільська цивілізація у спадщині України: матеріали конференції, присвяченої 110-річчю відкриття трипільської культури; Київ 30-31 травня 2003 р. — К.: Просвіта, 2003. — С. 137–144.
495. Петрунь В. Ф. Нижнее Поднестровье как эталон археолого-петрографического полігона / В.Ф. Петрунь // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья: материалы полевого семинара; Тирасполь 2000 г. / Приднестровский государственный Университет [и др.]. — Тирасполь: ПГУ, 2000. — С. 178–182.
496. Петрунь В. Ф. О белых инкрустационных пастах керамики трипольских и некоторых других памятников территории Украины и сопредельных стран / В.Ф. Петрунь // Stratum plus. — 2000а. — № 2. — С. 474–482.
497. Петрунь В. Ф. О составе и происхождении минерального сырья из курганов Буго-Днестровского междуречья / В.Ф. Петрунь // Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н. Е. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. — Одесса: КП ОГТ, 2005. — С. 200–204.
498. Писаренко В.М. Агроекологія: навчальний посібник для студентів вузів / В.М. Писаренко, П.В. Писаренко, В.В. Писаренко. — Полтава: Оріяна, 2008. — 255 с.
499. Подобед В. А. Погребения с шильями и иглами в культурах Восточной Европы эпохи поздней бронзы и предскифского времени (степь и лесостепь) / В.А. Подобед, В.В. Цимиданов // Донецький археологічний збірник. — 2009/2010. — № 13/14. — С.98–120.
500. Позин М. Е. Технология минеральных солей / Макс Ефимович Позин. — Л.: Химия, 1974. — Т 1. — 767 с.
501. Полідович Ю. Б. Курган доби бронзи "Розкопана Могила"поблизу м. Дружківка Донецької області / Ю.Б. Полідович // Археологический альманах. —Донецк, 2011 — №25. — С. 71–156.
502. Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры / Т.Б. Попова // Труды ГИМ. — М., 1955. — С. 65–105.
503. Попович С. Исследования кургана у с. Орхей / С. Попович // Revista Archaeologica. Serie nouă. — 2008. — Т. IV. — № 1. — Р. 93–99.
504. Потапов Л. В. Бурятия: концептуальные основы стратегии устойчивого развития / Л.В. Потапов, К.Ш. Шагжиев, А.А. Варламов. — М.: Круглый год, 2000. — 511 с.
505. Потемкина Т. М. Особенности структуры сакрального пространства энеолитических курганов со столбовыми конструкциями (по материалам Северного Причерноморья) / Т.М. Потемкина // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. — М.: ИА РАН, 2004. — С. 215–250.

506. Потемкина Т.М. Курган эпохи энеолита – ранней бронзы у с. Ревова Одесской области / Т.М. Потемкина, С.В. Иванова // Stratum plus. — 2003–2004. — С. 145–162.
507. Пустовалов С. Ж. Этническая структура катакомбного населения Северного Причерноморья / Сергей Жанович Пустовалов. — К.: Наукова думка, 1992. — 151 с.
508. Пустовалов С. Ж. О возможности реконструкции сословно-кастовой системы по археологическим материалам / С.Ж. Пустовалов //ДСПК, 1995. — Вып. V. — С. 21–35.
509. Пустовалов С. Ж. Некоторые проблемы изучения колесного, транспорта эпохи бронзы / С.Ж. Пустовалов // Проблемы изучения. ККИО и КИОМК. — Запорожье: ЗГУ, 1998. — С. 50–55.
510. Пустовалов С. Ж. До реконструкції динаміки чисельності степового населення України за матеріалами курганних могильників: (енеоліт – пізні кочовики) / Пустовалов С.Ж. // Наукові записки НаУКМА. Теорія та історія культури. — 1999. — Вип. 13.— С. 17–32.
511. Пустовалов С.Ж. Классификация катакомбной керамики / С.Ж. Пустовалов // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона: Материалы 5-го Украинско-Российского полевого археологического семинара. — Киев, Воронеж, 2001. — С. 88–95.
512. Пустовалов С. Ж. Динамика изменений климата среднего голоцена и некоторые проблемы социально-экономических реконструкций катакомбного общества Северного Причерноморья / Пустовалов С.Ж. // Stratum plus. — 2001–2002. — № 2. — С. 317–334.
513. Пустовалов С. Ж. Анализ радиокарбонных дат из погребений ямной и катакомбной общностей, опубликованных в BPS No. 7 1999 / С.Ж. Пустовалов // Vita Antiqua. — 2003. — № 5–6. С. 45–59.
514. Пустовалов С. Ж. Етносоціальна характеристика ямного суспільства Північного Причорномор’я / С.Ж. Пустовалов // Наукові записки НаУКМА. Історія. — 2000. — т. 18. — С. 156–165.
515. Пустовалов С. Ж. Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор`я / Сергій Жанович Пустовалов. — К.: Шлях, 2005. — 412 с.
516. Разумов С. М. Крем’яні вироби населення Надчорномор’я доби ранньої та середньої бронзи (за матеріалами поховань): автореф. дис. … к.і.н.: 07.00.04 / Разумов Сергій Миколійович; ІА НАНУ — К., 2010. — 19 с.
517. Разумов С. Н. Курганы эпохи бронзы могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра / С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, В.С. Синика // Stratum plus. — 2013. — №2. — С. 297–340.
518. Ракитов А. И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход / Анатолий Ильич Ракитов. — М.: Политиздат, 1982. — 303 с.
519. Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии / Д.А. Расовский // Сборник статей по археологии и византиноведению. — Прага. 1993. —Т. 6. — С. 82–142.
520. Рассамакин Ю.Я. Степная культовая монументальная архитектура: в поисках истоков традиции / Ю.Я. Рассамакин // Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам‘яного віку по раннє середньовіччя): матеріали міжнародної археологічної конференції; Дніпропетровськ 6–10 грудня 1999; ДДУ [та ін.] –Дніпропетровськ: ДДУ, 1999 — С. 56–60.
521. Рассамакин Ю. Я Квитянская культура: история и современное состояние проблемы / Ю.Я. Рассамакин // Stratum plus. — 2000. — №2. — С. 117–177.
522. Рассамакин Ю. Я. Новый энеолитический могильник на р. Ингулец и проблема выделения «постстоговских» погребений / Ю.Я. Рассамакин, Г.Л. Евдокимов // Археологический альманах. — 2001. — Вып. 10. — С. 71–86.
523. Рассамакін Ю. Я. Світ скотарів / Ю.Я. Рассамакін // Давня історія України. — К.: Наукова думка, 1997. — Т.1.— С. 273–301.
524. Рассамакін Ю.Я. Степи Північного Причорномор’я за доби міді / Ю.Я. Рассамакін // Україна. Хронологія розвитку. — К.: КВШЦ, 2008. — Т.1. — С. 202–218.
525. Рассамакін Ю.Я. Поховання квітянської культури в контексті абсолютної хронології / Ю.Я. Рассамакін // Археологія. — 2013. —№4. — С. 17-40.
526. Роман П. Культуры Чернавода в европейском контексте / П. Роман // Индоевропейская история в свете нових исследований. — М.: МГОУ. — 2010. С. 93–98.
527. Романчук А. И. Херсонес VI – первой половины IX в. / Алла Ильинична Романчук. — Свердловск: УрГУ, 1976. — 42 с.
528. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны / Гильом де Рубрук; пер. с лат. А.И. Малеина / М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. — 232 с.
529. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (вопросы теории) / Л.Л. Рыбаковский. — Режим доступа: // http://rybakovsky.ru/migracia2.html — Название с экрана.

530. Рындина Н. В. Металл в культурах шнуровой керамики Украинского Предкарпатья Подолии и Волыни / Н.В. Рындина // СА. — 1980. — № 3. — С. 24–41.
531. Рындина Н. В. Древнейшее металлообрабатывающее производство юго-восточной Европы (истоки и развитие в неолите-энеолите): автореф. дис. … д.и.н.: 07.00.06 / Рындина Наталья Вадимовна / ИА АН СССР. — М., 1993. — 45 с.
532. Рындина Н. В. Феномен «серебристых» покрытий на изделиях из мышьяковых сплавов раннего бронзового века (юг Восточной Европы) / Н.В. Рындина // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V век н. э.): материалы III международной конференции; Тирасполь, 5–8 ноября 2002 г. / Приднестровский государственный Университет. — Тирасполь: ПГУ, 2002. — С. 92–96.
533. Рындина Н. В. Энеолит и бронзовый век / Н.В. Рындина, А.Д. Дегтярева. — М.: МГУ, 2002. — 226 с.
534. Рычков Н. А. Этническая характеристика населения ямной культуры Северного Причерноморья: автореф. дис. ... к.и.н.: 07. 00. 06 / Рычков Николай Александрович; ИА АН УССР. — К., 1990. — 16 с.
535. Рычков Н. А. К вопросу о сосуществовании носителей ямной и катакомбной культур / Н.А. Рычков // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): материалы III международной конференции; Тирасполь 5–8 ноября 2002 г. / Приднестровский государственный Университет. — Тирасполь: ПГУ, 2002. — С. 120–122.
536. Ричков М.О. Населення ямної культури Степової України / Микола Олександрович Ричков. — Київ: Київська Академія Евробізнесу, 1994. — 150 с.
537. Савва Е. Н. Исследование кургана у г. Тирасполя / Е.Н. Савва // АИМ в 1983 году. — Кишинев: Штиинца, 1988.— С. 44–59.
538. Савва Е. Н. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья / Евгений Николаевич Савва.— Кишинев: Штиинца, 1992.— 217 с.
539. Савва Е. Н. Отчет о полевых исследованиях Буджакской новостроечной экспедиции в 1984 году / Е.Н. Савва, С.М. Агульников, И.В. Манзура //НА ИА и ДИ РМ. — Кишинев, 1984. —№ 212. — 135 с., 210 табл.
540. Савва Е. Н. Раскопки курганов у с. Медвежа / Е.Н. Савва, В.А. Дергачев // Курганы в зонах новостроек Молдавии.— Кишинев: Штиинца, 1984. — С. 98–108.
541. Савва Е. Н. Раскопки курганов и поселения эпохи поздней бронзы Кривое озеро у села Терновка в Поднестровье / Е.Н. Савва, Е.О. Клочко // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. — Тирасполь: ПГУ. — 2002. — С. 149–179 .
542. Санжаров С. Н. О сопоставлении раннекатакомбных древностей Юго-Восточной Европы с культурой Злоты Малопольши / С.Н. Санжаров // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: тезисы докладов Всесоюзного семинара; Запорожье 1990 г. / Институт археологии АН УССР [и др.]. — Запорожье: ЗГУ, 1990. — С. 62–65.
543. Санжаров С. Н.. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья / Сергей Николаевич Санжаров. — Луганск: СНУ, 2001. — 171 с.
544. Санжаров С. Н. Финальнокатакомбные материалы поселения Заозерное I в Подонцовье и некоторые вопросы интерпретации позднейших катакомбных памятников / С.Н. Санжаров // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ: СНУ, 2011. — С. 164–177.
545. Санжаров С. Н. Поселения неолита – ранней бронзы Северского Донца / С.Н. Санжаров, А.А. Бритюк, Н.С. Котова. — Луганск: СНУ, 2000. — 128 с.
546. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины / Владимир Александрович Сафронов. — Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1989. — 399 с.
547. Сафронов В. А. Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе / В.А. Сафронов, Н.А. Николаева // Катакомбные культуры Северного Кавказа. — Орджоникидзе: СОУ, 1981. — С. 4–26.
548. Свешников И. К. Культура шаровидных амфор / И.К. Свешников // Археология УССР. — К.: Наукова думка, 1985. — т.1. — С. 280–291 с.
549. Свєшніков І. К. Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III — на початку II тисячоліття до нашої ери / Ігор Кирилович Свєшніков. — К.: Наукова думка, 1974. — 207 с.
550. Свєшніков І. К. Племена культури кулястих амфор / І.К. Свєшніков // Стародавнє населення Прикарпаття та Волині за доби первіснообщинного ладу. — К.: Наукова думка, 1983. — С. 96–185.

551. Свешникова О. С. Историческая интерпретация археологического источника в отечественной археологии (Конец 1920-х - середина 1950-х гг.): автореф. дис. … к.и.н: 07.00.09 / Свешникова Ольга Сергеевна; Омский гос. Ун–т им. Ф.М. Достоевского. — Омск, 2006. — 26 с.
552. Свиньин П. П. Описание Бессарабии / П.П. Свиньин // Stratum plus. — 2006. — № 5. — С.344–352.
553. Секерская Е. П. Новые остеологические материалы поселения Маяки / Е.П. Секерская // Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. — К.: Наукова думка, 1989. — С. 131–133.
554. Семенов Ю. И. Обмен экономический / Ю.И. Семенов // Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Свод экономических понятий и терминов. — М.: Наука,1986. — С.93–96.
555. Сергеева О. В. Палеодемографические оценки численности населения эпохи поздней бронзы в Саратовском Поволжье / О.В. Сергеева // Археология Восточноевропейской степи. — Саратов: Научная книга, 2006. — Вып. 6. — С. 132–140.
556. Серова Н. А. Раскопки кургана у с. Етулия / Н.А. Серова // АО в 1975 году. — М.: Наука, 1976. — С. 476.
557. Серова Н. А. Исследование кургана у с. Етулия / / Н.А. Серова // АИМ в 1974–1976 г. — Кишинев: Штиинца, 1981. — С. 58–70.
558. Серова Н. А. Григориопольские курганы / Н.А. Серова, Е.В. Яровой. — Кишинев: Штиинца, 1987. — 154 с.
559. Синицин М. С. Курган у с. Чорноморка під Одесою / М.С. Синицин // МАСП. —1960. — Вып. 3. — С. 191–193.
560. Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона / А.Т. Синюк // СА. — 1981. —№4. — С. 8–20.
561. Синюк А. Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник) / Арсен Тигранович Синюк. — Воронеж: ВГУ, 1983. — 192 с.
562. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона / Арсен Тигранович Синюк. — Воронеж: ВГПУ, 1996. — 350 с.
563. Синюк А.Т. Бассейн Верхнего и Среднего Дона в эпоху энеолита // А.Т. Синюк // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж: ВГПУ, 1999. — С. 23–44.
564. Скальковский А. А. Опыт статистического описания Новороссийского края: в 2 ч. / Аполлон Александрович Скальковский. — Одесса: тип. Францова и Нитче, 1850–1853. — Ч. 2: Хозяйственная статистика Новороссийского края. —1853. — 552 с.
565. Смынтына Е.В. Миграции населения и способ культурно-исторической адаптации: некоторые проблемы соотношения (по материалам мезолитических поселений Украины) / Е.В. Смынтына // Vita Antiqua. — 1999. — № 2. — С. 31–37.
566. Сминтина О. В. Теоретичні питання дослідження екології давньої людини / Олена Валентинівна Сминтина. — Одеса: Астропринт, 2004. — 103 с.
567. Смирнов А. М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце / Александр Михайлович Смирнов. – М. РАН, 1996. — 182 с.
568. Соловьев Л. Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчире / Л.Н. Соловьев // Труды Абхазского государственного музея. — 1947 — №1. — С. 23–55.
569. Спиридонова Е.А. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа / Е.А. Спиридонова, А.С. Алешинская // РА. — 1999. —№1. —С. 33–43.
570. Спиридонова Е. А. Корреляция геолого-палеоэкологических событий голоцена арктической, бореальной и аридной зон Восточной Европы / Е.А. Спиридонова, Ю.А. Лаврушин // Четвертичная геология и палеогеография России. — М.: ГЕОС, 1997. — С. 151–171.
571. Спицына Л. А. Северско-донецкий ареал репинской культуры / Л.А. Спицына // Древности Северского Донца. — Луганск, 2000. — №4. — С. 53–75.
572. Стефанова М. Керамичен комплекс от края на ранната бронзова епоха от селищната могила «Къндача» при гр. Брезово, Пловдивско / М. Стефанова // Известия Национален Историски Музей. — 2002. — Т. XIII. — С. 5–12.
573. Страбон. География в 17 книгах / Страбон; Перевод, статья и комментарии. Г.А.Стратановского. — М: Наука, 1964. — 944 с.
574. Субботин Л. В. Два кургана эпохи бронзы в Буго-Днестровском междуречье / Л.В. Субботин // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья.— К.: Наукова думка, 1982. — С. 100–110.

575. Субботин Л. В. Памятники культуры Гумельница Юго-Запада Украины / Леонид Васильевич Субботин. — К.: Наукова думка, 1983. — 139 с.
576. Субботин Л. В. Курган у с. Жовтневое / Л.В. Субботин // Курганы в зонах новостроек Молдавии. — Кишинев: Штиинца, 1984.— С. 142–152.
577. Субботин Л. В. Семеновский могильник эпохи энеолита-бронзы / Л.В. Субботин // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья.— К.: Наукова думка, 1985. — С. 45–95.
578. Субботин Л. В. Мегалитическое погребение у с. Татарбунары / Л.В. Субботин // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. — К.: Наукова думка, 1988. —С. 124–130.
579. Субботин Л. В. О культурно-хронологическом месте древнейших вытянутых погребений Буджакской степи / Л.В. Субботин // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н .э. – V в. н. э.): материалы международной конференции; Тирасполь 10–14 декабря 1990 г. / Приднестровский государственный Университет — К.: ККТНК, 1991. — С. 71–72.
580. Субботин Л. В. Некоторые аспекты хозяйственно-производственной деятельности ямных и катакомбных племен степной зоны Северо-Западного Причерноморья / Л.В. Субботин // Древности Причерноморских степей. — К.: Наукова думка, 1993. — С. 9–22.
581. Субботин Л.В. Художественное плетение у ямных племен / Л.В. Субботин // Древнее Причерноморье. КСОАО. — Одесса: Гермес, 1993а. — С. 33–36
582. Субботин Л. В. Гробницы кеми-обинского типа Северо-Западного Причерноморья / Л.В. Субботин // РА.— 1995. — № 3.— С. 193–197.
583. Субботин Л. В. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы / Л.В. Субботин // Stratum plus. —2000. — №2. — С. 350–387.
584. Субботин Л. В. Орудия труда, оружие и украшения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья / Леонид Васильевич Субботин. — Одесса: Полис, 2003. — 236 с.
585. Субботин Л. В. Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1989 году / Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский // НА ИА НАН Украины. —1989/35. — 44 с., 31 илл.
586. Субботин Л. В. Охранные раскопки у с. Огородное / Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, В.Н. Майоров // Северное Причерноморье. — К.: Наукова думка, 1984. — С. 104–112.
587. Субботин Л. В. Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1988 году / Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, А.С. Островерхов // НА ИА НАН Украины. 1988/23. — 157 с., 61 табл.
588. Субботин Л. В. Археологические древности Буджака. Курганы у сел Вишневое и Белолесье / Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, А.С. Островерхов. — Одесса: Унда ЛТД, 1998. — 173 с.
589. Субботин Л. В. Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1987 году / Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, М.М. Фокеев // НА ИА НАН Украины. — 1987/24. — 125 с., 75 табл.
590. Субботин Л. В. Памятники эпохи бронзы курганного могильника Градешка / Л.В. Субботин, А.О. Добролюбский, Г.Н. Тощев // ДСПК — 1995. — Вып. V. — С. 109–126.
591. Субботин Л. В. Курганы у с. Огородное / Л.В. Субботин, А.Г. Загинайло, Н.М. Шмаглий // МАСП. — 1970. — Вып. 6.— С. 130–155.
592. Субботин Л. В. Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции в 1981 году / Л.В. Субботин, А.С. Островерхов, А.Н. Дзиговский // НА ИА НАН Украины. — 1981/7. — 51 с., 37 табл.
593. Субботин Л. В. Археологические древности Буджака. Курганы у с. Траповка и Новоселица / Л.В. Субботин, А.С. Островерхов, А.Н. Дзиговский. — Одесса: Гермес, 1995. — 134 с.
594. Субботин Л. В. Курганный могильник Дивизия II в междуречье Хаджидера и Алкалии / Л.В. Субботин, И.В. Сапожников, А.В. Субботин // Stratum plus. —2001–2002. —№2. — С. 563–581.
595. Субботин Л. В. Археологические древности Буджака. Курганная группа у с. Лиман / Л.В. Субботин, Г.Н. Тощев. — Запорожье: ЗГУ, 2002. — 106 с.
596. Субботин Л. В. Отчет о работе Дунай-Днестровской археологической экспедиции ИА АН УССР в 1985 году / Л.В. Субботин, Г.Н. Тощев, М.М. Фокеев // НА ИА НАН Украины. — 1985/10. — 112 с., 82 илл.
597. Субботин Л. В. Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1986 году / Л.В. Субботин, М.М. Фокеев, И.В. Сапожников // ИА НАН Украины; Архив ИА НАН Украины. — Инв. № 1986/20. — Киев, 1986. — 125 с., 67 табл.

598. Субботин Л. В. Некоторые проблемы древнейшей истории Северо-Западного Причерноморья (по материалам раскопок курганов у с. Великодолинское) / Л.В. Субботин, И.Т. Черняков, В.И. Ядвичук // МАСП. — Одесса: Маяк, 1976. — Вып. 8. — С. 186–201.
599. Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, / Павел Сумароков. — Москва: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1800. — 238 с.
600. Сыволап М. П. Краткая характеристика памятников ямной культуры Среднего Поднепровья / М.П Сыволап // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация: материалы международной конференции, посвященной 100-летию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы; Самара 2001 г. / ИА РАН [и др.].— Самара: ООО НТЦ, 2001. — С.109–117.
601. Тасич Н. Междуусобные связи Южно-русских степей и Подунавья в энеолите / Н. Тасич // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. — Тбилиси: Мецниереба, 1987. — С.200–205.
602. Татаринов С. И. Минерально-сырьевая база Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы в Восточной Украине / С.И. Татаринов // Проблеми гірничої археології: доповіді II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару. – Алчевськ: ДГМІ, 2003. — С.196–204.
603. Телегин Д. Я. Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита Юга Украины / Д.Я. Телегин // СА. — 1977. — № 2. — С. 5–19.
604. Телегин Д. Я. Еще раз о выделении памятников новоданиловского типа эпохи меди // Д.Я. Телегин / Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): материалы международной конференции; Тирасполь 10–14 декабря 1990 г. / Приднестровский государственный Университет. — К.: ККТНК, 1991. — С. 60–61.
605. Телегін Д. Я. Середньостогівська культура епохи міді / Телегін Дмитро Якович. — К.: Наукова думка, 1973. — 172 с.
606. Тельнов Н. Полевые исследования у с. Дойбань-2 Дубэссарского района в 2007 г. / Н. Тельнов, И. Четвериков, В. Синика // Revista Arheologica. Serie nouă. — 2008. — Т. 4. — № 1. — С. 80−92.
607. Тесленко Д. Л. Ямные погребения Днепровского Надпорожья и Правобережнего Предстепья с металлическими изделиями / Д.Л. Тесленко // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск: ДГУ, 1998. — С. 27–37.
608. Титов В. С. К изучению миграций бронзового века / В.С. Титов // Археология Старого и Нового Света. — М.: Наука, 1982. — С. 89–145.
609. Титов В. С. Европа в каменном и бронзовом веке / В.С. Титов // История Европы. — М.: Наука, 1988. — С. 47–123.
610. Ткаченко В.С. Итоги натурного пастбищного эксперимента по выпасанию лошадей в Хомутовской степи / В.С. Ткаченко, В.П. Гелюта, А.П. Генов // Український ботанічний журнал. — 2009. — №1. — С. 53–70.
611. Тодорова Х. Най-ранните търговски контакти на Северозападното Причерноморие / Х. Тодорова // Добруджа. — 1993. № 10. С. 10–19.
612. Толочко П. П. Давня історія України, в 3 томах. / П.П. Толочко (ред.). — К.: Наукова думка: т. 1. Первісне суспільство. — 1997. — 558 с; т.2. Скіфо-антична доба. — 1998. — 494 с.; т.3. Слов'яно-руська доба. — 2000. — 606 с.
613. Толочко П. П. Передмова / П.П. Толочко // Давня історія України. — К.: Науков думка, 1997а.— Т.1. — С. 3–14.
614. Толочко П. П. Україна. Хронологія розвитку / П.П. Толочко (ред.). — т.1. — К.: КВІЦ, 2008 — 703 с.
615. Топчієв О. Г. Географія Одещини. Природа населення, господарство / Олександр Григорович Топчієв. — Одеса: Астропринт, 1998. — 88 с.
616. Тощев Г. Н. Раскопки кургана у с. Мирное Одесской области / Г.Н. Тощев // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. — К.: Наукова думка, 1978. — С. 157–159.
617. Тощев Г. Н. О культурно-хронологическом соотношении ямных и катакомбных погребений Северо-Западного Причерноморья / Г.Н. Тощев // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: тезисы докладов конференции; Донецк 3–6 декабря 1979 г. / ИА АН УССР [и др.]. — Донецк: ДонГУ, 1979. — С. 36–37.

618. Тощев Г. Н. О памятниках катакомбной культуры на территории Северо-Западного Причерноморья / Г.Н. Тощев // Древности Северо-Западного Причерноморья. — К.: Наукова думка, 1981. — С. 63–71.
619. Тощев Г. Н. Средний период бронзового века Северо-Западного Причерноморья: автореф. дисс. ... к.и.н.: 07. 00. 06 / Тощев Геннадий Николаевич; ИА АН УССР. — К., 1982. – 17 с.
620. Тощев Г. Н. Средний период бронзового века Юго-Запада СССР / Геннадий Николаевич Тощев. — Запорожье, 1987. — 227 с. — Деп. В ИНИОН АН СССР 19.06.1987, № 29903.
621. Тощев Г.Н. Западный ареал памятников катакомбной культуры / Г.Н. Тощев // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. — К, 1991. — С. 85–101.
622. Тощев Г. Н. Курганы эпохи бронзы междуречья Ялпуга и Кагула / Геннадий Николаевич Тощев. — Запорожье: ЗГУ, 1992. — 50 с.
623. Тощев Г. Н. Катакомбные комплексы Северо-Западного Причерноморья с оружием / Г.Н. Тощев // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья: материалы полевого семинара; Тирасполь 2000 г. / Приднестровский государственный Университет [и др.]. — Тирасполь: ПГУ, 2000. — С.99–103.
624. Тощев Г. Н. К вопросу о Кеми-обинской культуре / Г.Н. Тощев // Старожитності 2004. — Харьков: НМЦ МД, 2004. — С. 96–113.
625. Тощев Г. Н. Крым в епоху бронзы / Геннадий Николаевич Тощев. — Запорожье: ЗНУ, 2007. — 304 с.
626. Тощев Г. Н. Курганная группа у с. Помазаны Одесской области Г.Н. Тощев, Е.Ф. Редина. — ДСПК, 1991. — Вып II. — С. 95–104.
627. Тощев Г. Н. Курганная группа у станции Фрикацей / Г.Н. Тощев, И.В. Сапожников // ДСПК. — 1990. — вып 1. — С. 13–31.
628. Трейстер М. И. Троянские клады (атрибуция, хронология, исторический контекст) / М.И. Трейстер // Сокровища Трои. — М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина – Леонардо Арте, 1996. — С. 197–240.
629. Трубачев О.Н. Рец.: Сафронов В.А. Индоевропейские прародины / О.Н. Трубачев // Сафронов В.А. Индоевропейские прародины — Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1989. — С. 394–397.
630. Турецкий М.А. Ямная культура Волго-Уральского региона, (проблемы исследования погребального обряда). — дисс. … к.и.н.: 07.00.06 / М.А. Турецкий / ИА РАН — М., 1992. — 20 с.
631. Турецкий М.А. Проблемы культурогенеза в эпоху раннего - начала среднего бронзового века в степной зоне Волго-Уралья / М.А. Турецкий // Археологические памятники Оренбуржья.— Оренбург: ОГПУ, 2007. — Вып.VIII. — С. 116–129.
632. Федоров П. В. Стратиграфия четвертичных отложений Крымско-Кавказского побережья и некоторые вопросы геологической истории Черного моря / Петр Владимирович Федоров. — М.: АН СССР, 1963. —158 с. — (Труды Геологического Института АН СССР, вып. 88).
633. Федоров П. В. Послеледниковая трансгрессия Черного моря и проблема изменений уровня океана за последние 15000 лет / П.В. Федоров // Колебания уровня морей и океанов за последние 15000 лет. — М.: Наука, 1982. — С. 151–155.
634. Фисенко В. А. Племена катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия: автореф. дисс. … к.и.н.: 07.00.06 / В.А. Фисенко / ЛОИА АН СССР. — Л., 1967. — 20 с.
635. Фисенко В. А. Погребения ямно-катакомбного типа Калмыкии и их место среди памятников бронзовой эпохи Северо-Западного Прикаспия / В.А. Фисенко // СА. — 1970. — №1. — С. 58–66.
636. Формозов А. А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке / Александр Александрович Формозов. — М.: АН СССР, 1959. — 124 с.
637. Хахеу В. Раскопки курганов у с. Жюржюлешть в Нижнем Попрутье / В. Хахеу, С. Попович // Revista arheologica. Serie nouă. — 2010. — Т. VI. — № 1. — С. 130–150.
638. Хохлов А.А. Палеоантропология Волго-Уралья эпох неолита-бронзы. автореф. дисс. … д.и.н.: 03. 03. 02 / Александр Александрович Хохлов, Институт антропологии и этнологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. — М., 2013. — 34 с
639. Христова Т., Узунов Ж. Коллективен гроб з трупополагане от ранната бронзова епоха при Събрано, Новозагорско / Т. Христова, Ж. Узунов // Археология. — София, 2012. — LIII, кн. 1. — С. 62–68.
640. Цимиданов В.В. Культурно-хронологическая интерпретация погребений энеолита – эпохи бронзы кургана “Розкопана Могила” (Донбасс) / В.В. Цимиданов // Археологический альманах. — 2011. — № 25. — С. 156–179.

641. Чайлд В. Г. У истоков европейской цивилизации / Вир Гордон Чайлд; пер. с англ. М. Б. Свиридовой-Граковой и Н. В. Ширяевой. — М.: Изд-во Иностранной литературы, 1952. — 466 с.
642. Чайлд В. Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации / Вир Гордон Чайлд; пер. с англ. И. А. Емец. — М.: Центрполиграф, 2005. — 127 с.
643. Чебоксаров Н.Н. Народы. Расы. Культуры / Н.Н. Чебоксаров, И.А. Чебоксарова. — М.: Наука, — 253 с.
644. Чеботаренко Г. Ф. Курганы у с. Приморское / Г.Ф. Чеботаренко, И.Т. Черняков, Г.Н. Тощев // ДСПК. — 1993. — Вып. IV. — С. 46–61.
645. Чеботаренко Г. Ф. Курганы Буджакской степи / Г.Ф. Чеботаренко, Е.В. Яровой, Н.П. Тельнов. — Кишинев: Штиинца, 1989.— 207 с.
646. Челеби Э. Книга путешествия / Эвлия Челеби; пер. под ред. А.С. Тверитиновой. — Вып. 1. Земли Молдавии и Украины. — М.: Наука, 1961. —338 с.
647. Челеби Э. Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Эвлия Челеби; пер. под ред. А.Д. Желтякова. — Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана.— М.: Наука, 1983. — 376 с. (Памятники литературы народов Востока. Переводы. VI).
648. Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы / Евгений Николаевич Черных. — М.: Наука, 1966. — 144 с.
649. Черных Е. Н. Древняя металлообработка на юго-западе СССР / Евгений Николаевич Черных. — М.: Наука, 1976. — 302 с.
650. Черных Е. Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии / Евгений Николаевич Черных. — София: БАН Археологический институт, 1978. — 387 с.
651. Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизации эпохи раннего металла на территории СССР / Е.Н. Черных // СА. — 1978а. — №4. — С. 53–82.
652. Черных Е. Н. Культурные контакты в Циркумпонтийской области / Е.Н. Черных // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. — Тбилиси: Мецниереба, 1987. — С. 98–108.
653. Черных Е. Н. Металл и древние культуры. Узловые проблемы исследования / Е.Н. Черных // Естественнонаучные методы в археологии. — М.: Наука, 1989. — С.14–30.
654. Черных Е. Н. Каргалы: феномен и парадоксы развития: в 5 томах / Евгений Николаевич Черных. — М.: Языки славянской культуры. — Т. 4. — 2005. —— 239 с.; Т. 5. — 2007. — 199 с.
655. Черных Е. Н. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология / Е.Н. Черных, Л.А. Авилова, Л.Б. Орловская. — М.: Институт археологии РАН, 2000. — 95 с.
656. Черных Е. Н. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур / Е.Н. Черных, Л.Б. Орловская // РА. — 2004. — № 1. — С. 84–99.
657. Черных Е. Н. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности / Е.Н. Черных, Л.Б. Орловская // РА. — 2004. — № 2. — С. 15–29.
658. Черных Л. А. Проблемы изучения металлопроизводства степных культур Украины (эпоха энеолита-средней бронзы) / Л.А. Черных // Сучасні проблеми археології. — К.: Наукова думка, 2002. — С. 240–242.
659. Черных Л.А. О некоторых региональных особенностях погребальных памятников раннекатакомбного горизонта в Украине / Л.А. Черных // Проблеми гірничої археології: матеріали міжнародного Картамиського польового археологічного семінару. — Алчевськ: ДонДТУ, 2007. — С. 88–99.
660. Черных Л.А. Бронзовые ножи из памятников ямной КИО Украины (классификация по выборке предметов, предварительные итоги) / Л.А. Черных // Проблеми гірничої археології: матеріали міжнародного Картамиського польового археологічного семінару. — Алчевськ: ДонДТУ, 2009. — С. 43–77.
661. Черняков И. Т. Культурно-хронологическое своеобразие памятников эпохи бронзы Северо-Западного Причерноморья / И.Т. Черняков // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: тезисы докладов конференции; Донецк 3–6 декабря 1979 г. / ИА АН УССР [и др.]. — Донецк: ДонГУ, 1979. — С. 8–10.
662. Черняков И. Т. Культура многоваликовой керамики – восточный ареал Карпато-Балканского очага культурогенеза / И.Т. Черняков // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век): материалы международной конференции; Донецк 1996 г. / ДГУ [и др.]— Донецк: ДонГУ, 1996. — Ч. 1. — С. 59–64.
663. Черняков И. Т. Отчет о работе Буго-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1983 году / И.Т. Черняков, А.Н. Дзиговский // НА ИА НАН Украины. — 1983/13. — 35 с., 43 табл.

664. Черняков И. Т. Отчет о работе Буго-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1982 году / И.Т. Черняков, А.О. Добролюбский, А.Н. Дзиговский // НА ИА НАН Украины. — 1982/7. — 59 с.
665. Черняков И. Т. Холмские курганы / И.Т. Черняков, В.Н. Станко, А.В. Гудкова // Новые исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. — К.: Наукова думка, 1986. — С. 53–96.
666. Черняков И. Т. Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная / И.Т. Черняков, Г.Н. Тощев // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. — К.: Наукова думка, 1985.— С. 5–31.
667. Черняховский Д.А. Опустынивание и экологические проблемы пастбищного животноводства в степных регионах юга России / Д.А. Черняховский // Степной бюлетень. — 2002 — № 11. — Режим доступа: http://www.ecoclub.nsu.ru/books/Step-11/04.htm. — название с экрана.
668. Чибилев А. А. Экологическая оптимизаций степних ландашфтов / Александр Александрович Чибилев. — Свердловск: УрОАН СССР, 1992. — 172 с.
669. Чирков А. Отчет о раскопках Прутской Новостроечной археологической экспедиции у с. Дойна в 1990 г / А. Чирков, В. Бубулич // НА ИА и ДИ РМ. — 1990. — № 310. — 37 с., 20 табл.
670. Чмихов М. О. Хронологія археологічних пам’яток епохи міді-бронзи на території України / М.О. Чмихов, І.Т. Черняков. — К.: Наукова думка, 1988. — 180 с.
671. Чумичкин А. А. Методика последовательной обработки результатов анкетирования совокупности опрашиваемых, разбитой на разновеликие выборки / А.А. Чумичкин // Вестник Удмуртского Университета. — 2009. — № 2. — С. 119–125.
672. Шапошникова О. Г. Катакомбна культурна область / О.Г. Шапошникова // Археологія Української РСР. — К.: Наукова думка, 1971. — т.1. — С. 317–334.
673. Шапошникова О. Г. Ямная культурно-историческая общность / О.Г. Шапошникова // Археологія Украïнської ССР. — К.: Наукова думка, 1985. — Т. I. — С. 336–352.
674. Шапошникова О.Г. О памятниках эпохи меди-бронзы в бассейне р. Ингула / О.Г. Шапошникова, В.С. Бочкарев, И.Н. Шарафутдинова // Древности Поингулья. — К.: Наукова думка, 1977. — С. 7–36.
675. Шапошникова О. Г. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) / О.Г. Шапошникова, В.Н. Фоменко, Н.Д. Довженко — К.: Наукова думка, 1986. — 158 с.
676. Шарафутдінова І.М. Орнаментовані сокири-молотки з катакомбних поховань на Інгулі / І.М. Шарафутдінова // Археологія. — 1980. — № 33. — С.60–70.
677. Шер Я. А. Типологический метод в археологии и статистика / Я.А. Шер // VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. — М., 1966. — С. 253–266.
678. Шевченко А. В. Антропология населения Южнорусских степей / А.В. Шевченко // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. — Л.: Наука, 1986. — С. 121–215.
679. Шилик К. К. Колебания Черного моря по геологическим, археологическим и историческим данным / К.К. Шилик // Добруджа. — 1997–1999. — № 14–16. — С. 10–33.
680. Шилов В. П. Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века / В.П. Шилов // СА. — 1975.— № 1.— С. 5–16.
681. Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.) / Наталия Ивановна Шишлина. — М.: Унопринт, 2007. — 400 с. — (Труды ГИМ; вып. 165).
682. Шишлина Н.И. К вопросу о сезонной системе использования пастбищ носителями ямной культуры Прикаспийских степей в III тыс. до н. э. / Н.И. Шишлина, В.Э. Булатов // Труды ГИМ. — 2000. — Вып. 120.— С. 43–53.
683. Шишлина Н. И. К вотросу о поправке на резервуарный эффект и радиуглеродной хронологии Северо-Западного Прикаспия / Н.И. Шишлина, Й. Ван дер Плихт, В.С. Севастьянов, Э.П. Зазовская, О.А. Чичагова // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. — Оренбург: ОГПУ, 2006. — С. 112–114.
684. Шмаглий Н. М. Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра / Н.М. Шмаглий, И.Т. Черняков // МАСП. — 1970. — Вып. 6. — С. 5–90.
685. Шмаглий Н. М. Курганы на левобережье Нижнего Днестра // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья / Н.М. Шмаглий, И.Т. Черняков. — К.: Наукова думка, 1985. — С. 95–132.

686. Шмаглий Н. М. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства Суворовской оросительной системы в 1970 году / Н.М. Шмаглий, И.Т. Черняков, И.Л. Алексеева // НА ИА НАН Украины. — 1970/40. — 38 с., 38 табл., 71 рис.
687. Шмаглий Н. М. Отчет о работе Днестро-Дунайской экспедиции ИА АН УССР и ОАМ за 1971 год / Н.М. Шмаглий, И.Т. Черняков, И.Л. Алексеева // НА ИА НАН Украины. —1971/26. — 27 с., 46 табл.
688. Шмаглий Н. М. Отчет о работе Днестро-Дунайской экспедиции ИА АН УССР и ОАМ за 1972 год / Н.М. Шмаглий, И.Т. Черняков, И.Л. Алексеева // НА ИА НАН Украины.— 1972/14. — 35 с, 36 илл.
689. Шмаков И. Одесские лиманы / И. Шмаков // Труды Одесского статистического комитета. – Одесса, 1867. — Вып. 2. — С. 37–64.
690. Шмит М. Из исследований контактов между культурами шаровидных амфор и позднего Триполья / М. Шмит // Stratum plus. — 2001–2002. — №2. — С. 246–259.
691. Шнирельман В. А. Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей / В.А. Шнирельман // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. — М.: Наука, 1986. — С. 236–426.
692. Шнирельман В.А. Производственные предпосылки возникновения первобытного общества / В.А. Шнирельман // История первобытного общества. Эпоха классобразования. — М.: Наука, 1988. — С. 5–139.
693. Шнитников А. В. Внутригодовая изменчивость общей увлажненности континентов / Арсений Владимирович Шнитников. — Л.: Недра, 1969. — 246 с.
694. Щепинский А. А. Древности Степного Крыма. Северное Присивашье / А.А. Щепинский, Е.Н. Черепанова. — Симферополь: Крым, 1969. — 327 с.
695. Эварницкий Д. И. История запорожских казаков / Дмитрий Иванович Эварницкий (Яворницкий). СПб: — Типография И.Н. Скороходова, 1892. —Т. 1. — 636 с.
696. Эчеди И. Центральная Европа / И. Эчеди, Т. Ковач // История человечества. — Т. 1. — М.: Магистр-Пресс, 2003. — С. 361–374.
697. Юдин А.И. Культурно-исторические процессы в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья: автореф. дисс. … д.и.н.: 07.00.06 / Юдин Александр Иванович; СГУ им. Н. Г. Чернышевского. — Саратов, 2006. — 46 с.
698. Юнусбаев У.Б. Оптимизация нагрузки на естественные степные пастбища / Урал Булатович Юнусбаев. — Саратов: Научная книга. — 2001— 48 с.
699. Яровой Е. В. Курган ямной культуры у с. Хрустовая / Е.В. Яровой // АИМ в 1974–1975 гг.— Кишинев: Штиинца, 1980.— С. 45–58.
700. Яровой Е. В. Охранные раскопки у с. Кетросы / Е.В. Яровой // Первобытные древности Молдавии.— Кишинев: Штиинца, 1983. — С. 110–128.
701. Яровой Е.В. Курган эпохи ранней бронзы у с. Яблона / Е.В. Яровой // АИМ в 1979–1980 гг. — Кишинев: Штиинца, 1983а — С. 193–210.
702. Яровой Е. В. Погребальный обряд некоторых скотоводческих племен Среднего Прута (по материалам раскопок курганов у с. Корпач) / Е.В. Яровой // Курганы в зоне новостроек Молдавии.— Кишинев: Штиинца, 1984.— С. 37–75.
703. Яровой Е. В. Работы Слободзейской экспедиции / Е.В. Яровой // АО в 1982 году.— М.: Наука, 1984а. — С. 417–418.
704. Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена юго-запада СССР (классификация погребального обряда) / Евгений Васильевич Яровой. — Кишинев: Штиинца, 1985. — 122 с.
705. Яровой Е. В. Отчет о полевых исследованиях Прутской новостроечной экспедиции в 1986 году / Е.В. Яровой // НА ИА и ДИ РМ.— Кишинев, 1986. № 252. — 133 с., 108 табл.
706. Яровой Е. В. Курганы эпохи энеолита-бронзы Нижнего Поднестровья / Евгений Васильевич Яровой.— Кишинев: Штиинца, 1990. — 269 с.
707. Яровой Е.В. Катакомбные погребения лесостепной Молдавии / Е.В. Яровой // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: тезисы докладов Всесоюзного семинара; Запорожье 1990 / Институт археологии АН УССР [и др.]. — Запорожье: ЗГУ, 1990а. — С. 116–119
708. Яровой Е. В. К вопросу о земледелии у скотоводческих племен Северо-Западного Причерноморья / Е.В. Яровой // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): материалы международной конференции; Тирасполь 10–14 декабря 1990 г. / Приднестровский гоударственный Университет. — К.: ККТНК, 1991. — С. 89–90.

709. Яровой Е.В. О так называемой «буджакской культуре» / Е.В. Яровой // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): материалы международной конференции; Тирасполь 10–14 декабря 1990 г. / Приднестровский гоударственный Университет. — К.: ККТНК, 1991а. — С. 96–97.
710. Яровой Е. В. О культурной принадлежности основных курганных погребений с восточной ориентировкой / Е.В. Яровой // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): материалы международной археологической конференции; Тирасполь 10–14 октября 1994 г / Приднестровский государственный Университет. — Тирасполь: ПГУ, 1994. — С. 30–32.
711. Яровой Е.В. Уникальное захоронение катакомбной культуры в Нижнем Поднестровье / Е.В. Яровой, И.А. Четвериков // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век): материалы международной конференции / ДГУ [и др.]— Донецк: ДонГУ, 1996. — Ч. 1. — С. 46–49.
712. Яровой Е. В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла: автореф. дисс. … д.и.н.: 07.00.06 / Яровой Евгений Васильевич; ИА РАН. — М., 2000. — 48 с.
713. Яровой Е. В. Случайная находка катакомбного погребения в с. Суклея / Е.В. Яровой // КС ОАО. — 2008. — С. 76–80.
714. Яровой Е. В., Агульников С. М. Курганный могильник у с. Градище / Е.В. Яровой, С.М. Агульников // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: тезисы докладов конференции; Донецк 3–6 декабря 1979 г. / ИА АН УССР [и др.]. — Донецк: ДонГУ, 1979. — С. 21–23.
715. Agulnikov S. Importari de pe cursul interior al Dunarii in complexele archaeologice ale bronzului timpuris din stepa Bugeacului / S. Agulnikov // Cercetări Arheologice în Aria Nord Tracă. — Bucureşti: Institutul Român de Tracologie, 1995. — P. 81–86.
716. Agulnicov S. Cercetările de salvare la tumulul de la Rogojeni, r-nul Şoldăneşti / S. Agulnicov, E. Mistreanu, S. Popovici // Arheologia previntivă în Republica Moldova. – 2014. – vol.1, nr. 1-2. – p. 35-42.
717. Agulnicov S., Mistreanu E. Cercetări de salvare la tumulul de lângă s. Brânzenii Noi (r-nul Teleneşti / S. Agulnicov, E. Mistreanu // Arheologia previntivă în Republica Moldova. – 2014. – vol.1, nr. 1-2. – p. 43-54.
718. Agulnikov S. Complexe funerare tumulare din zona Prutului inferior / S. Agulnikov, I. Ursu // Revista Archeologica. Serie nouă. — T. IV. —№ 1, 2008. — P. 61–79.
719. Alexandrescu A. La nécropole du Bronze ancienne de Zimnicea (dép. de Teleorman) / A. Alexandrescu // Dacia. Serie nouă. — 1974. — № 18. — P. 79–94.
720. Ailincăi S.C. Une découverte funéraire du début de l'Age de Bronze en Dobroudja (Sud-est de Roumanie). Le tumulus de Rahman (com. Casimcea, dep. Tulcea) / Ailincăi S.C., Mihail F., Carozza L., Constantinescu M., Soficaru A., Micu C. // Prilozy Instituta za arheologiju u Zagrebu. – 2014. – №31. – p. 135-149.
721. Allentoft M. E. Population genomics of Bronze Age Eurasia / M.E. Allentoft, M. Sikora, K.–G. Sjögren. [et al.], E. Willerslev // Nature. —2015. —№ 522.— P. 167–172. doi:10.1038/nature14507
722. Alley R. B. Comparison of deep ice cores / R.B. Alley, A.J. Gow, S.J. Johnsen, J. Kipfstuhl // Nature, 1995. — № 373 — P. 393–394.
723. Alley R. B. Ice-Core Evidence of Abrupt Climate Changes / R.B. Alley // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. — 2000. — T. 97. — № 4. — P. 1331–1334.
724. Anthony D. Prehistoric migration as social process / Anthony D. // BAR Internatianal Series. — 1997. — T. 664. — P. 21–32.
725. Anthony D. Horse, the Wheel and Language. How Bronze-Age riders from the Eurasian steppes shaped the Modern World / David Anthony. — Princeton-Oxford: Princeton University Press, 2007. — 483 p.
726. Asioli A. Rapid communication – Short-term climate changes during the Last Glacial-Holocene transition: comparison between Mediterranean records and the GRIP event stratigraphy / A. Asioli, F. Trincardi, J.J. Lowe, F. Oldfield // Journal of Quaternary Science/ — 1999. — № 14. —P. 373–381.
727. Bailey D.W. Prehistoric Bulgaria / D.W. Bailey, I. Panayotov —Madison: Prehistory Press, 1995. — 353 p.
728. Băjenaru R. Discuţii privind cronologia absolută a culturii Glina / R. Băjenaru // SCIV. — 1998— T. 49. —№ 1. — 3–22.

729. Băjenaru R. Pumnalele de metal cu limbă la mâner din bronzul timpuriu şimijlociu din spaţiul carpato-dunărean / R. Băjenaru, A.-D. Popescu // Un monument din Carpaţii Orientali cu reprezentări din preistorie şi evul mediu. — Brăila – Buzău: Editura Istros, 2012. — P. 363–433.
730. Balen J. The Kostolac Horizon at Vučedol / J. Balen // Opuscula Archaeologica, Zagreb. — 2005. — T. 29. — P. 25–40.
731. Bátora J. Štúdie ku komunikácii medzi strednou a východnou Európou v dobe bronzovej / Jozef Bátora. — Bratislava: Petrus, 2006. — 315 s.
732. Berciu D. Cultura Cernavoda II. Asezarea din sectorul b de la Cernavoda / D. Berciu, S. Morintz, P. Roman // SCIVA. — 1973. — T. 24, № 3. — P. 373–407.
733. Berecki S. Discoveries Belonging to the Schneckenberg Culture from Şincai, Transylvania / S. Berecki, A. Balazs // Bronze Age rites and rituals in the Carpathian Basin. — Targu Mureş: Editura Mega, 2011. — P. 59–73.
734. Bertemes F. Überlegungen zur Datierung und Bedeutung der schnurverzierten Keramik im nordöstlichen Karpatenbecken und Siebenbürgen // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. / F. Bertemes— München – Rahden/ Westfalen, 1998 — P. 191–209. — (Prähistorschen Archäologie in Südosteuropa; Band 12).
735. Biagi P. De Francesco A.M., Marco B. New data on the archaeological obsidian from the Middle-Late Neolithic and the Chalcolithic sites of the Banat and Transylvania (Romania) / P. Biagi, A.M. De Francesco, B. Marco // The Lengyel, Polgár and related cultures in the Middle/Late Neolithic in Central Europe. — Cracovia, 2007. — P. 309–326.
736. Boboş I. Salt Deposits from the Molasse of Eastern Carpathians / I. Boboş // Salt, practices and knowledge: Abstracts of International Colloquium 1– 5 octobre 2008, Iaşi / Université «AL.I. CUZA». — Iaşi: Université «AL.I. CUZA», 2008. — P. 15–17.
737. Bogdanović M. Dobrača, Umka, nekropolja bronzanog doba i naselje starijeg gvozdenog doba / M. Bogdanović // Glasnik Srpskog arheološkog društva. — Beograd, 1996. — № 12. — S. 77–88.
738. Boltrik Y. Pontic trade routs – Baltic Sea Area as a map of Scythian expansion / Y Boltrik // BPS. — 2009. — T. 14. — P. 402–414.
739. Brown I. W. The Role of Salt in Eastern North American Prehistory / I.W. Brown // Anthropological Study. — Louisiana: Louisiana Archaeological Survey and Antiquities Commission, 1981.— № 3 — P. 1–27.
740. Buchvaldek M. Hroby se śnurovou keramikou ze Sulejovic / M. Buchvaldek // Památky archeologické. — 1958. — № 1. — S. 15–39.
741. Buchvaldek M. Die Schnurkeramik in Mitteleuropa – Zur Herausstellung der Fundgruppen und der Frage ihrer gegenseitigen Beziehungen / M. Buchvaldek // Památky archeologické. — 1966. — № 1. — P. 126–171.
742. Buchvaldek M. Otazka continuity v ceskomoravskem mladsim eneolitu / M. Buchvaldek // Praehistorika. — Praha, 1978. — T. VII. — P. 35–64.
743. Buchvaldek M. Kultura se snurovou keramikou ve stredni Evrope. I. Skupiny mezi Harzem a Bilymi Karpaty / M. Buchvaldek // Praehistorica XII. — 1986. — S. 1–160.
744. Buchvaldek M. Die südosteuropäischen Elemente in der Schnurkeramik / M. Buchvaldek // Chronos. Beiträge zur prähistorischen Archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa. — Eselkamp: Verlag, 1997. — S. 181–185.
745. Buchvaldek M. Vicletice. Ein Schnurkeramisches Gräberfeld / M. Buchvaldek, D. Koutecky. — Praha: Universiteta Karlova, 1970. — 306 s.
746. Budziszewski J. Kultura pucharów dzwonowatych na Wyżynie Małopolskiej / J. Budziszewski, P. Włodarczak. — Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii PAN, 2010. — 247 s.
747. Bunjatjan K.P. Bronzezeitliche Bestattungen aus dem unteren Dneprgebiet / K.P. Bunjatjan, E. Kaiser, A.V. Nikolova. — Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraums. — Langenweisbach: Beier & Beran, 2006— Band 8. — 300 s.
748. Burtânescu F. Considerați asurpa unor morminte tumulare de pe teritoriul Moldovei (perioda de tranziție-bronzul timporiu) / F. Burtânescu // Traco-Dacica. — 1996. — T. XVII, № 1–2. — P. 82–116.
749. Burtânescu F. Epoca timpurie a bronzului între Carpați și Prut / F. Burtânescu— București: Vavila Edinf SRL, 2002. — 591 p.
750. Cavruk V. Prehistoric production and exchange of salt in the Carpathian-Danube Region / V. Cavruc, A. Hardimg // Salt and Gold: The Role of Salt in Prehistoric Europe. — Provadia: Verlag Faber, 2012. — P. 173–200.

751. Ciugudean H. Manifestări etno-culturale aparţinând bronzului timpuriu transilvănean. Ethno-cultural manifestations of the Transilvanian Early Bronze Age / H. Ciugudean / Comori ale epocii bronzului din România. Treasures of the Bronze Age in Romania. Bucureşti: Muzeul Național de Istorie a României, 1995. — P. 137–147.
752. Ciugudean H. Epoca timpurie a bronzului încentrul şi sud-vestul Transilvaniei / Horia Ciugudean. — Bucureşti: Vavila Edinf SRL, 1996. — 127 p. — (Bibliotheca Thracologica; T. XIII).
753. Ciugudean H. The Early and Middle Bronze Age in Transylvania – General View / H. Ciugudean // The Bronze Age Civilization in Transylvania. The Bronze Age. — The First Golden Age of Europe. — Alba Iulia: National Museum of the Union, 1997 — p. 33–45.
754. Ciugudean H. Eneoliticul final în Transilvania şi Banat: cultura Coţofeni / Horia Ciugudean — Timişoara: Editura Mirton, 2000. — 284 p.
755. Ciugudean H. O noua asezare apartinand grupului Livezile descoperita la Cheile Manastirii (jud. Alba) / H. Ciugudean, D. Anghel // Apulum. — 2000. — T. 37, № 1. — P. 151–160.
756. Ciugudean H. The Copper Metallurgy in the Coţofeni Culture (Transylvania and Banat) / H. Ciugudean // Apulum. — 2002. — T. 39. — P. 95–106.
757. Ciugudean H. Mounds and Mountains: Burial Rituals in Early Bronze Age Transylvania / H. Ciugudean // Bronze Age Rites and Rituals in the Carpathian Basin. — Tàrgu Mureș: Editura MEGA, 2011. — P. 21–59.
758. Ciută M. Două piese ceramice minore descoperite în situl Şeuşa –„Gorgan“, com. Ciugud, jud. Alba / M. Ciută, A.-T. Marc // Studia Universitatis Cibiniensis. Series Historica. — 2009. — T. 6. — P. 23–32.
759. Comșa E. Unele problem privind populațile de stepă din nord-vestul Mări Negre din perioda eneolitica pină la începtul epocii bronzului / E. Comșa // SCIVA. — 1978 — T. 29, № 3. — P. 353–363.
760. Cotoi O. The pottery, an indicator of the trades between the Cucuteni and the neighbouring communities in the Lower Danube area / O. Cotoi // Analele Universităţii “Dunărea de Jos” din Galaţi. — 2008. — Seria 19 — T. VII. — P. 7–17.
761. Cowen R. Exploiting the Earth / Richard Cowen. — Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press, 1999. — Режим доступа: http://www.geology.ucdavis.edu/~cowen/~GEL115/index.html. — Название с экрана.
762. Cullen H. M. Hemming Climate change and the collapse of the Akkadian empire: Evidence from the deep sea / H.M. Cullen, P.B. de Menocal // Geology. — 2000. — T. 28, № 4. — P. 379–382.
763. Czebreszuk J. Spolecznişci Kujaw w początkah epoki brązu / J. Czebreszuk. — Poznań: UAM, 1996. — 382 s.
764. Czebreszuk J. Bell Beakers from West to East / J. Czebreszuk // Encyclopedia of the Barbarian World. — London: Charles Scribner's Sons, 2004. — P. 476–485.
765. Czebreszuk J. Corded Ware from East to West / J. Czebreszuk // Encyclopedia of the Barbarian World. — London: Charles Scribner's Sons, 2004a. — P. 467–476.
766. Czebreszuk J. Ways of Amber in the Northern Pontic Area / J. Czebreszuk // BPS. — 2009. — V. 14. — P. 87–102.
767. Dani J. A kora bronzkori nyírség-kultúra települései Polgár határában / J. Dani // A Debreceni Déri Múzeum Évkönyve 1997/98. — 1999. — P. 49–128.
768. Dani J. Sarretudvari Őrhalom tumulus grave from the beginning of the EBA in Eastern Hungary / J. Dani, I. Nepper // Communicationes archæologicæ Hungariæ. — 2006. — P. 29–63.
769. Dergačev V.A. Kulturelle und historische Entwicklungen zwishen Karpaten und Dnepr. Zu den Beziehungen zwischen frühen Gesselschaften im nördlichen Südost– und Osteuropa / V.A. Dergačev // Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. — 1998. — P. 27–64.
770. Dimitrijevič S. The Vučedol Culture in Danube, Drava and Sava Area / S. Dimitrijevič // Vučedol three thousand years b.c. — Zagreb: Muzejski proctor, 1988. — P. 49–51.
771. Dinu M. Le problems des tombes à ocre dans les regions orientales de la Roumanie / M. Dinu // Prehistoria Alpina. — 1974. T. 10. — P. 261–275.
772. Dinu M. Quelques remarques sur la continuité de la céramique peinte du type Cucuteni durant les civilisation Horodiştea-Erbiceni et Gorodsk / M. Dinu // La civilisation de Cucuteni en contexte européen. — Iaşi: Universitatea AL.I. Cuza, 1987. — P. 133–143.
773. Dresely V. Schnurkeramik und schnurkeramiker im Taubertal / Veit Dresely. — Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 2004. — 369 S. und 71 Taf.
774. Dresely V. Die absolutchronologische Datierung der Scnurkeramik im Tauber-und Mittelelbe-Saale-Gebeit / V. Dresely, J. Müller // Die absolute Chronologie im Mitteleuropa 3000–2000 v. Chr. — Studien zur Archäologie in Ostmitteleuropa. — Poznan– Bamberg, 2001. — Band 1. — S. 287–318.

775. Duffy P. R. Complexity and autonomy in Bronze Age Europe: assessing cultural developments in Eastern Hungary: a dissertation submitted for the degree of Doctor of Philosophy (Anthropology) / Duffy Paul R.; the University of Michigan. — Michigan, 2010. — 533 p. — Режим доступа: http://www.deepblue.lib.umich.edu/bitstream/2027.42/75970/1/pduffy_1.pdf. — Название с экрана.
776. Dumitroaia Gh. Comunitati preistorice din Nord-Estul României / Gheorghe Dumitroaia. — Piatra-Niamț: Ed.Muzeul de Istoria, 2000. — 334 p.
777. Durman A. The Vučedol Culture / A. Durman // Vučedol three thousand years b.c. — Zagreb: Muzejski proctor, 1988. — P. 45–48.
778. Escedy I. Angaben zur Frage dar Somogyvár-Vinkovci Kultur / I. Escedy // Die Frühbronzezeit im Karpatenbecken und in den Nachbargebieten. — Budapest-Velem: MTA KESZ, 1977. — P. 67–78.
779. Ecsedy I. The People of the Pit-grave Kurgans in Eastern Hungary / István Escedy. — Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979. — 147 p.
780. Friedman E.S. Technological Style in Early Bronze Age Anatolia: Abstract of Dissertation submitted for the Degree of Doctor of Philosophy (Anthropology) / Friedman Elizabeth S.; the University of Chicago — Chicago, 1995. — Режим доступа: http://www.oi.uchicago.edu/research/library/dissertation/proposals/friedman.html.— Название с экрана.
781. Frînculeasa A. Contribuţii privind mormintele jamnaja din Muntenia. Cercetări arheologice la Ariceştii-Rahtivani – jud. Prahova / Frînculeasa A // Tyragetia. Serie nouă. — 2007. — T. I [XVI]. — № 1. — P. 181–193.
782. Frînculeasa A. Descoperiri funerare din epoca bronzului la Budureasca – Vadu Săpat, jud. Prahova / A. Frînculeasa // Materiale şi Cercetări Arheologice (serie nouă). — 2011. — T. VII. — P. 51–71.
783. Frînculeasa A. Morminte din epoca bronzului de la Sudiţi (jud. Buzău) / A. Frînculeasa // SCIVA. — 2011a. — T. 62, № 3–4. — P. 251–264.
784. Frinculeasa A. Bronze Age Tumulary Graves Recently Investigated in Northern Wallachia / Frinculeasa A., Preda B., Negrea O., Soicaru A. D. // Dacia, n. s. – 2013. – № 57. – P. 23–63.
785. Furholt M. Absolutchronologie und die Entstehung der Schnurkeramik / M. Furholt. — Режим доступу: http://www.jungsteinsite.uni-kiel.de/pdf/2003_furholt.pdf. — Название с экрана.
786. Furholt M. Pottery, cultures, people? The European Baden material re-examined / M. Furholt // Antiquity. — 2008. № 9. — Режим доступа: http://www.findarticles.com/p/articles/mi_hb3284/is_317_82/ai_n31390606/. — Название с экрана.
787. Furholt M. Baden complex and the outside world: proceedings of the 12th Annual Meeting of the EAA in Cracow. 19–24th September 2006 / M. Furholt, M. Szmyt, A. Zastawny (eds). — Bonn: Rudolf Habelt GmbH, 2008. — 215 p. — (Studien zür Archäologie in Ostmitteleuopa; Band 4).
788. Gaidarska B. Salt Research in Bulgaria / B. Gaidarska, J**.** Chapman // L'exploitation du sel à travers le temps. — Piatra-Niamţ: Editura Constantin Matasa, 2007. — P. 147–160.
789. Gale N. H. Cycladic lead and silver metallurgy / N.H. Gale, Z. Stos-Gale // Annuals of British school at Athens. — 1981. — T. 78. — P. 169–224.
790. Gale N. H. Lead and silver in ancient Aegean / N.H. Gale, Z. Stos-Gale // Scientific American. — 1982. — T. 244, № 6 — P. 176–192.
791. Gale N.H. Bronze age copper sources in Mediterranean: a new approach / N.H. Gale, Z. Stos-Gale // Science. — 1982a. — T. 216. — P. 11–18.
792. Gerling C. Immigration and transhumance in the Early Bronze Age Carpathian Basin: the occupants of a kurgan / C. Gerling, E. Banffy, J. Dani // Antiquity. — 2012 — № 86 — P. 1097–1111.
793. Gogâltan F. Early and Middle Bronze Age Chronology in South-West Romania. General Aspects / F. Gogâltan // The Early and Middle Bronze Age in the Carpatian Basin. — Alba Iulia: Muzeul Naţional al Unirii, 1998. — P. 191–212. — (Bibliotheca Musei Apvlensis; T. 8).
794. Gogâltan F. Transilvania şi spaţiul nord-pontic. Primele contacte (4500–3500 a. Chr.) / F. Gogâltan, A. Ignat // Tyragetia. Serie nouă — 2011 — T. V [XX]. — № 1. — P. 7–38.
795. Görsdorf J. Zur absoluten Chronologie der bulgarischen Urgeschichte. Berliner 14C-Datierungen von bulgarischen archäologischen Fundplätzen / J. Görsdorf, J. Bojadžiev // Eurasia Antiqua — 1996. — Band 2. — S. 105–173.
796. Goslar T. Chronometry of Late Eneolithic and 'Early Bronze' cultures in the Middle Dniester area: investigations of the Yampil Barrow Complex / T. Goslar, V. Klochko, A. Kośko, P. Włodarczak, D. Żurkiewicz // BPS. — 2015. —t. 20.— P. 256–291.
797. Greenfield H. European Early Bronze Age / H. Greenfield // Encyclopedia of Prehistory. —Vol. 4. Springer, 2001. — P. 139–156.

798. Haak W. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe / W. Haak, I. Lazaridis, N. Patterson et al. // Nature. — 2015. — № 522, 207–211. doi:10.1038/nature14317
799. Haas J. N. Synchronous Holocene climatic oscillations recorded on the Swiss Plateau and at timberline in the Alps / J.N. Haas, I. Rischoz, W. Tinner // Holocene — 1998. — № 8. — P. 301–309.
800. Häusler A. Die Gräber der älteren Ockergrabkultur zwischen Dnepr und Karpaten / A. Häusler. — Berlin : Akademie-Verlag, 1976. — 222 p.
801. Häusler A. Invasionen aus der nordpontischen Steppen nach Mitteleuropa im Neolithicum und in der Bronzezeit. Realität oder Phantasieprodukt? / A. Häusler // Archäologische Informationen. — 1996. — T. 19. — S. 75–88.
802. Harrison R. J. The Transformation of Europe in the Third Millennium BC: The Example of 'Le Petit Chasseur I+III' (Sion, Valais, Switzerland) / R.J. Harrison, V. Heyd // Praehistorische Zeitschrift — 2007. — T. 82. — № 2. — P. 129–214.
803. Harţuche N. Complexul arheologic Brăiliţa / Nicolae Harţuche. — Bucureşti: Institutul Român de Tracologie, 2002. — 316 p. — (Bibliotheca Thracologica; T. 35).
804. Harțuche N. Catalogul selectiv al colectiei de arheologie a Muzeul Brailei / N. Harțuche, F. Anastasiu. — Galaţi, 1976. — 472 p.
805. Heyd V. When the West Meets the East. The Eastern Periphery of the Bell Beaker Phenomenon and Its Relation with the Aegean Early Bronze Age // Aegaeum. — 2005. — T. 27. — P. 91–104. — Режим доступа: http://www.aegeobalkanprehistory.net/article.php?id_art=10 . — Название с экрана.
806. Heyd V. Yamnaya Groups and Tumuli West of the Pontus / V. Heyd // Ancestral landscapes: burial mounds in the Copper and Bronze Ages (Central and Eastern Europe – Balkans – Adriatic – Aegean, 4th – 2nd millennium BC): abstracts of the Conference in Udine, May 15–18 2008 / Università di Udine. — Udine, 2008. — P. 14–15.
807. Heyd V. Yamnaya Groups and Tumuli West of the Black Sea / V. Heyd // Ancestral Landscapes: Burial mounds in the Copper and Bronze Ages. — Lyon: Archéorient, 2011. — P. 529–549.
808. Horváth T. The intercultural connections of the Baden culture / T. Horváth // ΜΩΜΟΣ. — 2009. — T. VI. — P. 101–149. — Режим доступа к журналу:
http://www.archeo.mta.hu/hun/munkatars/horvathtunde/MOMOS2009.pdf. — Название с экрана.
809. Horváth T. A szárazföldi szállítás kezdete és hatása a Boleráz/Baden kultúrák életében (The dawn and the impact of overland transport in the life of Boleráz/Baden Culture) / T. Horváth // Nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve — 2010. — T. LII — P. 95–139.
810. Horváth T. Hajdúnánás–Tedej–Lyukas-halom. An interdisciplinary survey of a typical kurgan from the Great Hungarian Plain region: a case study (The revision of the kurgans from the territory of Hungary) / T. Horváth // BAR International Series. — 2011. — T. 2238. P. 71–131.
811. Horváth T. A késő rézkor időszaka más szemszögből: tipo–kronológiai megfigyelések a Balatonőszöd–Temetői dűlői késő rézkori Boleráz/Baden település leletanyagán / T. Horváth // Gesta. — 2011a. — T. X. — P. 3–135.
812. Horváth T. A Boleráz, Baden és Kostolac kultúrák kronológiai és térbeli helyzete, és interkulturális kapcsolatai / T. Horváth // Specimina Electronica Antiquitatis. – 2011в. — 12. — Режим доступа к журналу: http://www.archeo.mta.hu/hun/munkatars/horvathtunde/sea_12_2011_horvath.pdf. — Название с экрана.
813. Horváth T. New radiocarbon dates for the Baden culture / T. Horvath, E. Svingor, V. Molnar // Radiocarbon. — 2008. — T. 50, № 3. — Режим доступа к журналу:
http://www.archeo.mta.hu/hun/munkatars/horvathtunde/radiocarbon.pdf. — Название с экрана.
814. Hristov M. Necropolis and Ritual Structures from the Early Bronze Age near the Village of Dubene, Karlovo Region / M. Hristov // Aegeo-Balkan Prehistory. — 2007. — Режим доступа к журналу:
http://www.aegeobalkanprehistory.net/article.php?id_art=32007. — Название с экрана.
815. Hristova R. Pottery from the beginning of the Early Bronze Age from Bada Bunar, near Karnobat / R. Hristova // Donau-Archäologieю — 2010. — Режим доступа к журналу:
http://www.donau-archaeologie.de/doku.php/artikel/bada_bunar. — Название с экрана.
816. Hübner E. Jungneolithische Gräber auf der Jütischen Halbinsel. Typologische und chronologische Studien zur Einzelgrabkultur / E.Hübner / Kobenhavn: Der Kongelige Nordiske oldskirftselskab, 2005. — (in 3 Bänden).
817. Jockenhövel A. Bronzezeitliche Sole in Mitteldeutschland:Gewinnung - Distribution – Symbolik // A. Jockenhövel // Salt and Gold: The Role of Salt in Prehistoric Europe. — Provadia: Verlag Faber, 2012. — P. 239–257.

818. Iliev I. The Pit Grave Culture in the Lower Tundzha Valley / I. Iliev // Studia Praehistorica — 2011. — № 14. — P. 381–398.
819. Ivanova S. Social Differentiation in the Pit-Grave Society: Reconstruction Based on Burial Data / S. Ivanova // // British Archaeological Report. International Series 1139 (I). — Oxford, 2003— P. 157–169.
820. Ivanova S. Gender and Age Stratification in Pit Grave Society / S. Ivanova // 9th annual Meeting of EAA: Final Programm and Abstracts; St. Petrsburg 10–14 September 2003 / European Association of Archaeologists. — St. Petrsburg, 2003a. — P. 117.
821. Ivanova S. Problems of the social reproduction in the Pit Grave communities / S. Ivanova // 13th annual Meeting of EAA: Final Programm and Abstracts; Zadar 18–23 September 2007 / European Association of Archaeologists. — Zadar, 2007. — P. 180–181.
822. Ivanova S. Amfory w grobach kultury jamowej w północno-zachodniej części Nadczarnomorza / S. Ivanova, A. Kośko, P. Włodarczak // Archaeologia Bimaris. – Poznań, 2013. —T. 6. (в печати).
823. Jaeger M. Does a Periphery Look Like that? The Cultural Landscape of the Unetice Culture's Kościan Group / M. Jaeger, J. Czebreszuk // Univesitätsforschungen zur prähistorischen Arhäologie. — 2010. — T. 191. — P. 217–237.
824. Jiráň L. Doba bronzová. Archeologie pravěkých Čech 5 / Luboš Jiráň — Praha: Archeologický ústav AV ČR, 2008. — 265 s.
825. Jovanovič B. Silver in the Yamna (Pit-Grave) Culture in the Balkans / B. Jovanovič // The Journal of Indo-European Studies. — 1993. — T. 21, № 3–4. — P. 207–214.
826. Kaiser E. Studien zur Katakombengrabkultur zwischen Dnepr und Prut / Elke Kaiser. — Archäologie in Eurasien. — Mainz, 2003. —T. 14. — 685 s.
827. Kadrow S. Examples of Migration in the Early Phases of the Metal Ages from a Contemporary Sociological Perspective / S. Kadrow // Migrations in Bronze and Early Iron Age Europe. — Krakow: Jagiellonian University, 2010. — P. 47–62.
828. Kalicz N. Die Nyírség-Kultur / N. Kalicz // Kulturen der Frühbronzezeit des Karpatenbeckens und Nordbalkans. — Belgrad, 1984. — P. 109–123 (Balcano-Pannonica; T. 22).
829. Kalicz N. Östliche Beziehungen während der Kupferzeit in Ungarn / N. Kalicz // Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. —München–Rahden/Westf, 1998. — S. 163–177. — (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa; Band 12).
830. Kalicz N. A késő rézkori Báden kultúra temetője Mezőcsát-Hörcsögösön és Tiszavasvári-Gyepároson. (Das Gräberfeld der spätkupferzeitlichen Badener Kultur in Mezőcsát-Hörcsögös und in Tiszavasvári-Gyepáros) / N. Kalicz // Herman Ottó Múzeum Évkönyve. — 1999. — T. XXXVII. P. 57–101.
831. Kalicz-Schreiber R. Die älteste Bronzezeit in Nordwestungarn und ihre Bezienhungen / R. Kalicz-Schreiber // Praehistorica. — 1989 — T. XV–XIV. — P. 249–255.
832. Kassianidou V. Archaeometallurgy in the Mediterranian: the Social Context of Mining, Technology and Trade / V. Kassianidou, A. Knapp // The archaeology of Mediterranean prehistory. — Oxford: Blackwell Publishing, 2005. — P. 215–251.
833. Kavruk V. The North Pontic Saltscapes / V. Kavruk, S. Ivanova, M.-T. Alexianu // Abstract book. 24th EAA Annual Meeting. 5-8 of September 2018. Barcelona: EAA, p. 893-894.
834. Kilikoglu V. Carpatia Obsidian in Macedonia, Greece / V. Kilikoglu, Y. Bassiakos, K. Souvetzis // Archaeometry 94 / Proceedings of the 2°th International Symposium on Archaeometry. — Ankara, 1996. — P. 343–349.
835. Klochko V. The societies od Cordered Ware Cultures and those of Black Sea steppes (Yamnaya and Catacomb Grave Cultures) in the route network between the Baltic and Black Seas / V. Klochko, A. Kośko // BPS. — 2009. — T. 14. — P. 269–301.
836. Klochko V. Tripolye (Gordineşti group), Yamnaya and Catacomb culture cemeteries, Prydnistrianske, site 1, Yampil Region, Vinnitsa Oblast: archaeometric, chronometric description and taxonomic, topogenetic discussion / V. Klochko, A. Kośko, S. Razumov, M. Potupczyk, P. Włodarczak, D. Żurkiewicz, S. Ivanova // BPS. — 2015. —t. 20. — P. 183–255.
837. Knapp B.Mediterranean Bronze Age trade: distance, power, and place distance / B. Knapp // Aegaeum. — 1998. — № 18. Режим доступа к журналу: http://www2.ulg.ac.be/archgrec/aegaeum18pdf.html. — Название с экрана.
838. Knapp B. Archaeology, science-based archaeology and the Mediterranean Bronze Age metals trade / B. Knapp // European journal of archaeology. — 2000 — T. 3, № 1. — P. 31–56.
839. Knapp B. Prehistory in Mediterranian: The Connecting and The Corrupting Sea / E. Blake, B. Knapp // The Archaeology of Mediterranian Prehistory. — Oxford: Blackwell Publishing, 2004. — P. 1–24.

840. Konikov E. G. Sea-level fluctuations and coastline migration in the northwestern Black Sea area over the last 18 ky based on high resolution lithological-genetic analysis of sediment architecture / E.G. Konikov // The Black Sea Flood Question: Changes in Coastline, Climate, and Human Settlement. — Dordrecht: Springer, 2007. — P. 405–435.
841. Konikov E. The Late Pleistocene And Holocene Of The North-Western Black Sea Area: Palaeogeography, Palaeoclimate And Archaeology / E. Konikov, N. Gerasimenko, S. Ivanova // At the edge of the sea: sediments, geomorphology, tectonics and stratigraphy in Quaternary studies. Book of the Section of the European Quaternary Stratigraphy of INQUA. Sassari, Sardinia, Italy. September 26–27 — Sassari, 2012. — P. 56–57.
842. Konikov E. The role of the liman-baymouth complexes in human settlement the Eneolithic to Bronze Age / E. Konikov, S.Ivanova, E. Vinogradova // IGCP 521 – INQUA 501: Extended Abstracts of Sixth Plenary Meeting and Field Trip. 27 September – 6 October 2010 / Hellenic centre for marine research [et al]. — Rhodes, 2010. — P.101–103.
843. Konikov E. G. Geoarchaeology: the Problem of Settlement in the Coastal Zone of North-West Black Sea Region (an Inter-Disciplinary Study) / E.G. Konikov, S.V. Ivanova, D.V. Kiosak // Stratigraphy and sedimentology of oil-gas basins. International scientific journal. Azerbaijan national Academy of Sciences. Branch of Earth Sciences. — 2012a. — №1. — P. 3–17.
844. Konikov E. G. Paleogeographic reconstuctions of sea-level change and coastline migration on the northwestern Black Sea shelf over the past 18 kyr. / E.G. Konikov, O.G. Likhodedova, G.S. Pedan // Journal Quaternary International. — 2007. — №167–168. — P. 49–60.
845. Konikov E.G. Geological-lithological structure of limans as a key to decoding Late Neoeuxine and Holocene history of the Black Sea / E.G. Konikov, G.S. Pedan // Black Sea–Mediterranean corridor during the last 30 ky: sea level change and human adaptation: IGCP 521 INQUA 501: Extended Abstracts of Second Plenary Meeting and Field Trip August 20–28, 2006 / Odessa I.I. Mechnikov National University [et al]. — Odessa: Astroprint, 2006. — P. 89–91.
846. Kopacz J, Šebela L. Kultura Unetycka i grupa Wieterzovska na Morawach na podstawie materialów krzemieniarskich / J. Kopacz, L. Šebela. — Kraków – Brno: Polska Akademia Umiejętności, 2006. — 298 s.
847. Kośko A. Chronological-genetic framework of the "A horizon" feature in the development of the Kuiavian FBC / A. Kośko // Early Corded Ware Culture The A-Horizon – fiction or fact? — International Symposium in Jutland 2–7 May 1994 / Arkaeologiske Rapporter fra Esbjerg Museum. — 1997. — № 2. — P. 125–133.
848. Kośko A. Transit routs between the Baltic and the Black Seas: early development stages – from the 3rd to the middle of the 1st millennium BC / A. Kośko, V. Klochko // BPS. —2009. — V. 14. — P. 9–18.
849. Kośko A. Central European Lowland societies and the Pontic Area in the 4th–4th/3 th millennium BC/ A. Kośko, M. Szmyt // BPS. — 2009. — V. 14. — P. 191–213.
850. Kośko A. Traits of "Early Bronze" Pontic Cultures in the development of Lowland and Eastern European forest cultural environment in the Baltic southern drainage basin. An outline of the state of research / A. Kośko // BPS. — 2014. — № 19. — P. 53-73.
851. Kovalyukh N., Nazarov S. Radiocarbon dating calibration in archeological studies / N. Kovalyukh, S. Nazarov // The foundation of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850. BPS. —1999. — V. 7. — P. 12–27.
852. Kowalewska-Marszalek H. The Most Distant Outskirts. The Baden Elemens in the Zlota Culture (Little Poland) / H. Kowalewska-Marszalek // Baden complex and the outside world: proceedings of the 12th Annual Meeting of the EAA in Cracow. 19–24th September 2006 — Bonn: Rudolf Habelt GmbH, 2008. (Studien zür Archäologie in Ostmitteleuopa; Band 4). — P. 233–246.
853. Kozlowski J. K. Encyklopedia Historyczna Świata. T. I. / J.K. Kozlowski — Kraków: Opress, 1999. — 543 s.
854. Kristiansen K. The rice of Bronze Age society / K. Kristiansen, Larsson T.B. — Cambrige: Cambridge University Press, 2005. — 521 p.
855. Krauss R. Indizien für Mittelbronzezeit in Nordbulgarien / R. Krauss // Archaeologia Bulgarica. — 2006. — T. X, № 3 — S. 3–26.
856. Krzak Z. The Zlota Culture / Zygmunt Krzak — Wrozlaw: PAN, 1976. — 254 p.
857. Kulcsàr G. Untangling the Early Bronze Age in the Middle Danube Valley / G. Kulcsár // Ten Thousand Years along The Middle Danube. — Budapest: Archaeolingua, 2011. — P. 179–210. — (Varia Archaeologica Hungarica; T. XXVI).

858. Lazarovici G., Lazarovici C.-M. Some Salt Sources in Transylvania and their Connections with the Archaeological Sites in the Area/ G. Lazarovici, C.-M. Lazarovici // BAR International Series. — 2011. — T. 2198. — P. 89–110.
859. Leahu V. Les fuilles archéologique de Cățelu Nou / V. Leahu // Cercetari archeologice in Bucureşti. — Bucureşti: Muzeul de istorie a orasului. — 1965. — T. 2. — P. 11–75.
860. Leviţki O. Grupul tumular de la Corjeuti-Briceni / O. Levitki, T. Demcenko // Memoria Antiquitatis. — 1994. — T. XIX. — P.213–233.
861. Leviţki O. Necropola tumulară de la Sărăteni / O. Leviţki, I. Manzura, T. Demcenco. — Bucureşti: Vavila Edint SRL, 1996. — 156 p. — (Bibliotheca Thracologica; T. XVII).
862. Liuşnea M.-D. Observaţii privind perioada bronzului timpuriu în Sud-Estul Europei / M.-D. Liuşnea // Peuce — 2007. — T. 5. — P. 77–106.
863. Machnik J. Zabytki z kurganiv kultury keramiky sznurowej w Wiktorowie (USSR) / J. Machnik // Materiale archeologiczne. — Krakow, 1960. —T. I. — s. 69–72.
864. Machnik J. Studia nad kulturą ceramiki sznurowej w Małopolsce / Jan Eugeniusz Machnik. — Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. — 1966. — 266 s.
865. Machnik J. Ze studiów nad kulturą ceramiki sznurowej w dorzeczu górnego Dniestru / J. Machnik // Acta Archaeologica Carpathica. — 1979. — XIX. — S. 50–71.
866. Machnik J. The earliest Bronze Age in the Carpatian Basin / Jan Eugeniusz Machnik. — Bradford: Bradford Univercity, 1991. — 209 p.
867. Machnik J. Radiocarbon Chronology of the Corded Ware Culture of Grzeda Sokalska. A Middle Dnieper Traits Perspective / J. Machnik // BPS — 1999 — T. 7. — P. 221–250.
868. Machnik J. Short and long-distance pastoral journeys along ancient upland routes in Europe in the 3rd Millenium BC/ J. Machnik // BPS. — 2009. — T. 14. — P. 214–222.
869. Mallory J. P. Encyclopedia of Indo-European Culture / J.P. Mallory. — London and Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997. — 829 p.
870. Manzura I. The East-West Interaction in the Mirror of the Eneolithic and Early Bronze Cultures in the Northwest Pontic / I. Manzura // Revista archeologica. — 1993. — № 1. — P. 23–54.
871. Maran J. Kulturwandel auf dem griechischen Festland und den Kykladen im späten 3. Jahrtausend v. Chr. Studien zu den kulturellen Verhältnissen in Südosteuropa und dem zentralen sowie östlichen Mittelmeerraum in der späten Kupfer- und frühen Bronzezeit / Joseph Maran — Bonn: Habelt, 1998. — 574 s. (Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie; T. 53)
872. Maran J. Seaborne Contacts between the Aegean, the Balkans and the Central Mediterranean in the 3rd Millennium BC / J. Maran // Aegaeum. — 2007. — № 27. — P. 3–21. — Режим доступа к журналу: http://www.aegeobalkanprehistory.net/article.php?id_art=13. — Название с экрана.
873. Matthias W. Kataloge zur mitteldeutschen Schnurkeramik, Teil V: Mittleres Saalegebiet / Matthias W. — Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1982. —222 p. — (Veröffentlichungen des Landesmuseums für Vorgeschichte in Halle; Band 35).
874. Mathieson I. Genome–wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians /I. Mathieson, I. Lazaridis N. Rohland et al. // Nature. — 2015. — №528. — P. 499–503. doi:10.1038/nature16152
875. Mathieson I. The Genomic History of Southeastern Europe / I. Mathieson, S. Alpaslan-Roodenberg, S. Posth et al. // Nature. — 2018. — № 555. — P. 197-203. doi:10.1038/nature25778.
876. Mayewski P. Holocene climate variability / P. Mayewski, E. Rohling, E. Stager // Quaternary Research. — 2004. —T. 62. — P. 243–255. — Режим доступа к журналу: http://ylymac.gps.caltech.edu/AGU/AGU_2008/Zz_Others/Li_agu08/Mayewski2004.pdf. — Название с экрана
877. Meese D. A. The Greenland Ice Sheet Project 2 depth-age scale: Methods and resultsn / D.A. Meese, A.J. Gow, R.B. Alley // Journal of Geophysical Research. — 1997. — T. 102. — P. 411–423.
878. Mihăilescu-Bîrliba V., Szmyt M. Radiocarbon Chronology of the Moldavian (Siret) subgroup of the Globular Amphora Culture / V. Mihăilescu-Bîrliba, M. Szmyt // BPS. – 2003. – T. 12. – P. 82–112.
879. Milisauskas S. European prehistory: a survey / Sarunas Milisauskas. — New York: Springer, 2002. — 445 p.
880. Mircea M. A Re-evaluation of Salt-Resources for the Cucuteni-Tripolie Area / M. Mircea, M. Alexianu // L'exploitation du sel à travers le temps. Piatra-Niamţ: Editura Constantin Matasa, 2007. — P. 199–220.
881. Moga I. Salt extraction and imagery in the ancient Near east / I. Moga // Journal for Interdisciplinary research on Religion and Science. — 2009. — № 4. — P. 175–213.

882. Monah D. L'Approvisionnement en sel des tribus Cucuteni et Tripolye / D. Monach // Salt, practices and knowledge: Abstracts of International Colloquium 1 – 5 octobre 2008 / Université AL.I. CUZA. — Iaşi: Université AL.I. CUZA, 2008. — P. 18–19.
883. Monach D. Recherches sur l'exploitation préhistorique du sel in Roumanie/ D. Monach, G. Dumitroaia // L'exploitation du sel à travers le temps. — Piatra-Niamţ: Editura Constantin Matasa, 2007. — P. 13–34.
884. Morintz S. Aspekte des Ausgangs des Äneolithikums und der Übergangsstufe zur Bronzezeit im Raum der Niederdonau / S. Morintz, P. Roman // Dacia. Serie nouă. — T. 12, 1968. — P. 45–128.
885. Morintz S. Cu privire la cronologia perioadei de tranziţie de la eneolitic la epoca bronzului in Romania / S. Morintz, P. Roman // SCIVA. — 1970. — T. 21, № 4. — P. 557–570.
886. Morintz S. Cercetări archeologice la Hîrşova şi imperejurimi / S. Morintz, D. Şerbănescu // SCIVA. — 1974. — T. 25, № 1. – P. 49–71.
887. Motzoi-Chicideanu I. Un mormânt în cistă din piatră descoperit la Văleni-Dâmboviţa / I. Motzoi-Chicideanu, Gh. Olteanu // SCIV. — T. 51, № 1–2. — 2000. — P. 3–70.
888. Müller-Karpe H. Handbuch der Vorgeschichte. Teil 3. / H. Müller-Karpe — München: Beck Zustand, 1974. — 752 S.
889. Munteanu R. Cucuteni-Slatina Veche (Romania). Prehistoric exploitation of a Salt Resource / R. Munteanu, D. Garvăn, D. Nicola // L'exploitation du sel à travers le temps. — Piatra-Niamţ: Editura Constantin Matasa, 2007. —P. 57–70.
890. Neustupný E. Prehistoric migrations by infiltration / E. Neustupný // Archeologicky Rozhledy. — Praha, 1982. — T. 34. — S. 278–293.
891. Niederschlag E. The determination of lead isotope ration by multiple collector ICP-MS: A case study of Early Bronze Age Artefacts and their possible relation with ore deposits of Erzebirge / E. Niederschlag, E. Pernicka, Th. Seifert // Archaeometry — 2003. — T. 45. — № 1. — P. 61–100.
892. Nikolov V. Tell Provadia-Solnitsata: Prähistorische Salzgewinnungszentrum / V. Nikolov // Salt, practices and knowledge: Abstracts of International Colloquium 1– 5 octobre 2008, Iaşi / Université AL.I. CUZA. — Iaşi: Université AL.I. CUZA, 2008. — P. 12.
893. Nikolov V. Provadia-Solnitsata (NE Bulgaria): A Salt-Producing Center of the 6th and 5th Millennia BC / V. Nikolov // Archaeology and Anthropology of Salt: A Diachronic Approach // BAR International Series. — 2011. — T. 2198. — P. 59–65.
894. Nikolov V. Salt, early complex society, urbanization: Provadia-Solnitsata (5500–4200 BC) / V. Nikolov // Salt and Gold: The Role of Salt in Prehistoric Europe. — Provadia: Verlag Faber, 2012. — P. 11–65.
895. Nikolova A.V. Die absolute Chronologie der Jamnaja-Kultur im nördlichen Schwarzmeergebiet auf der Grundlage erster dendrochronologischer Daten / A.V. Nikolova, E. Kaiser // Eurasia Antiqua. — 2009. — Band 15. — P. 209–240.
896. Nikolova L. The Balkans in Later Prehistory. Periodization, Chronology and Cultural Development in the Final Copper and Early Bronze Age (Fourth and Third Millenia BC) / L. Nikolova — Oxford: Archaeopress, 1999. — 442 p. (BAR International Series; V. 791).
897. Nikolova L. Social transformations and evolution in the Balkans in the fourth and third millennia BC / L. Nikolova // RPRP. — 2000. — № 4. — P. 1–8.
898. Nikolova L. Approach to the Genesis and Initial Development of the Early Bronze Age in the Lower Danube Basin and in the Southern Balkans / L. Nikolova // Cernavodă III-Boleráz. Ein vorgeschichtliches phänomen zwischen dem oberrhein und der unteren Donau. — Bucureşti: S.C. Vavila Edinf, 2001. — P. 236–261.
899. Nikolova L. Social changes and cultural interactions in later Balkan prehistory later fifth and fourth millennia cal BC / L. Nikolova // RPRP. — 2005. — № 6–7. — P. 87–96.
900. Nikolova L. Malkata Momina Mogila (Bulgarie): Early Bronze Age / L. Nikolova // Examiner. — 2010. — № 12. — Режим доступа к журналу: http://www.archeolog-home.com/pages/content/malkata-momina-mogila-bulgarie. — Название с экрана.
901. Nikolova L. New radiocarbon dates from the Balkans (Dubene-Sarovka): approach to the Early Bronze absolute chronology in Upper Thrace / L. Nikolova, J. Görsdorf // Radiocarbon. — 2002. — T. 44, № 2. — P. 531–540.
902. Oancea S. Some issues regarding the Late Eneolithic in the Middle and Lower Danube basin / S. Oancea // Romanian journal of archaeology. — 1999. — Режим доступа к журналу: http://apar.archaeology.ro/so_artrjaeng.htm. — Название с экрана.

903. Oanţă-Marghitu S. The Cernavoda III-Boleráz Phenomeno” after 30 years / S. Oanţă-Marghitu // Romanian journal of archaeology. — 1999. — Режим доступа к журналу: http://www.archaeology.ro/so_cernav_eng.htm. — Название с экрана.
904. Ostrovsky A., Konikov E., Arslanov Kh. Transgressive-regressive fluctuations of water level in the Black Sea based on Study of the baymouth barrier of Khadzhibeisky liman/ A. Ostrovsky, E. Konikov, Kh. Arslanov // IGCP 521–INQUA 501 Fourth Plenary Meeting and Field Trip, Istambul 22–23 August 2009 / Kadir Has University [et al.] — Istambul, 2009. –P. 138–140.
905. Papalas C.A. Bronze Age metallurgy of the Eastern Carpathian Basin: A holistic exploration: The Dissertation submitted for the Degree of Doctor of Philosophy (Anthropology) / Christopher A. Papalas; Arizona State University. — Tucson, 2008. — 256 p. — Режим доступа:
http://www.docstoc.com/docs/47021444/Bronze-Age-metallurgy. — Название с экрана.
906. Petrenko V.G. The Alexandrovka barrow. The burial site of the Usatovo culture elite / V.G. Petrenko, V.V. Beilekchi // Funeral practices as forms of cultural identity (bronze and iron ages): Proceedingsof the 4-th International Colloquium of Funeral Archaeology / L'institut De Recherches Eco-Museologiques de Tulcea. — Tulcea: L'institut De Recherches Eco-Museologiques, 2000. — P. 47–49.
907. Petrescu-Dîmboviţa M. La civilisation Glina III-Schneckenberg à lumiere de nouvelles recherché / M. Petrescu-Dîmboviţa // Preistoria Alpina. — Trento, 1974. — T. 10. — P. 277–289.
908. Petrescu-Dîmboviţa M. Nouvelles fouilles archéologiques à. Folteşti (dép. de Galaţi) / M. Petrescu-Dîmboviţa, M. Dinu// Dacia. Serie nouă. — 1974. — T. 18. P. 19–72.
909. Popa C.I. Contribuţii la cunoşterea perioadei detranziţie de la eneolitic la epocabronzului în bazinul Cugirului / C.I. Popa // Contributions Regarding the Translation Period from Eneolithic to the Bronze Age in Cugir´s Basin (Alba District) // Sargetia. — 1997/98. — T. 27. — № 1. — P. 51–101.
910. Popa C. I. Reprezentări speciale pe ceramica de tip Coţofeni. Aspecte ale cultului urano-solar înpreistorie / C.I. Popa // Apulum. — 2004. — T. XLI. — P. 113–145.
911. Popa C.I. O groapă de cult Coţofeni de la Sebeş-Râpa Roşie / C.I. Popa // Apulum. — 2006. — T. XLIII, № 1. — P. 45–70.
912. Popa C.I. Cultura Coţofeni. Cu specială privire asupra Transilvaniei: Tezei de doctorat / Popa Cristian Ioan; Universitatea „1 Decembrie 1918” Alba Iulia. — Alba Iulia, 2009. — 59 p.
913. Price T. D. The characterization of biologically available Strontium isotope ratios for the study of prehistoric migration / T.D. Price, J. H. Burton, R.A. Bentley // Archaeometry. — 2002. — Vol. 44. — P. 117-135.
914. Primas M. Gold and silver during the III-rd Mill. Cal. BC / M.Primas // Prehistoric Gold in Europe: mines, metallurgy, and manufacture. — Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995. — P. 77–114.
915. Primas M. Innovationstransfer vor 5000 Jahren. Knotenpunkte an Land- und Wasserwegen zwischen Vorderasien und Europa / M. Primas // Eueasia Antiqua. — 2007. —Band 13. — S. 1–19.
916. Przybyl A. Spoleczności późnoneolitycznej kultuty pucharów lejkowatych na Kujawach. Problem wplywów z kręgu kultury badeńskiej / A. Przybyl. — Poznań: UAM, 2009. — 301 s.
917. Raczky P. New data on the absolute chronology of the Copper age in the Carpathian Basin / P. Raczky // Neuere Daten zur Siedlungsgeschichte und Chronologie der Kupferzeit des Karpatenbeckens. — Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1995. — P. 51–60. — (Inventaria Prehistorica Hungariae; V. 7).
918. Ramsey B. C. Radiocarbon Calibration and Analysis of Stratigraphy: The OxCal Program / B.C. Ramsey // Radiocarbon. — 1995. — T. 37. — № 2.— P. 425–430.
919. Ramsey B. C. Probability and Dating / B.C. Ramsey // Radiocarbon. — 1998. — T. 40, № 1. — 461–474.
920. Rasmussen S. O. A new Greenland ice core chronology for the last glacial termination / S.O. Rasmussen, K.K. Andersen, A.M. Svensson // Journal of Geophysical Research. — 2006. — № 111 (D06102). — Доступа к журналу: http://www.agu.org/pubs/crossref/2006/2005JD006079.shtml. — Название с экрана.
921. Rassamakin Y.Y. The main directions of the development of early pastoral societies of Northern Pontic Zone: 4500-2450 BC (Pre-yamnaya cultures and Yamnaya culture) / Y.Y. Rassamakin // BPS. — 1994. — Vol. 2. — P.29–70.
922. Rassamakin Y. Y. The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500–2300 BC / Y.Y. Rassamakin // Late prehistoric exploitation of the Eurasian Steppe. — Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 1999. — P. 59–182.
923. Rassamakin Yu. Ya. Aspects of Pontic Steppe Development (4550–3000 BC) in Light of the New Cultural-chronological Model / Yu.Ya. Rassamakin // Ancient interactions: east and west in Eurasia. — Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research. —2003. — P. 49–73.

924. Rassamakin Ju. Ja. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr. / Ju.Ja. Rassamakin — Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2004. — Teil I. — 234 s.; Teil II. — 546 s. — (Archäologie in Eurasien; Band 17).
925. Rassamakin Y. Ya. Carpathian Imports and Imitations in Context of Eneolithic and Bronze Age of the Black See Area / Y.Ya. Rassamakin, A.V. Nikolova // Import and Imitation in Archeology. — Langenweibach: Beier & Beran, 2008. — P. 51–88.
926. Roman P. Cultura Coţofeni / Petre Roman. — Bucureşti, 1976. — 217 p. — (Biblioteca de arheologie; T. XXVI).
927. Roman P. Noţiunea de "cultura Kostolac" / P. Roman // SCIVA. — 1977. — 28, № 3. — P. 419–429.
928. Roman P. Forme de manifestare cultural din eneoliticul tarziu si perioada de tranzitie spre epoca bronzului / P. Roman // SCIVA. — 1981. —T. 32, № 1. — P. 21–42.
929. Roman P. Perioada timpurie a epocii bronzului pe teritoriul României / P. Roman // SCIVA —1986. — T. 37, № 1. — P. 29–55.
930. Roman P. Die Cernavodă III – Boleráz-Kulturerscheinung im Gebiet der Unteren Donau / P. Roman // Cernavodă III – Boleráz. Ein vorgeschichtliches Phänomen zwischen dem Oberrhein und der Unteren Donau: Symposium Mangalia/Neptun 18–24. Oktober 1999. – Bucureşti: Vavila Edinf S.R.L., 2001. — P. 13–59.
931. Roman P. Cultura Jigodin / P. Roman, I. Pal, H. Csaba // SCIV. — 1973. — T. 24, № 4. — P. 539–574.
932. Roman P. Beiträge zur Problematik der schnurverzierten Keramik Südosteuropas / Petre I. Roman, Ann Dodd-Opritescu, Pál János. — Mainz am Rein: Verlag Philip von Zabern, 1992. — S. 270.
933. Rosetti D.V. Movilele funerare de la Gurbăneşti (r. Lehliu, reg. Bucureşti) / D.V. Rosetti // Materialele si cercetari arheologice. — 1959. — T. VI. — P. 791–816.
934. Ruttkay E. Das endneolithische Hügelgrab Von Neusiedl am See, Burgenland / E. Ruttkay // Budapest Régiségei. — 2002. — T. XXXVI. — P. 145—170.
935. Saile T. Early Salt-Making in Central Europe: Patterns of Salt Production and Trade in the Neolithic / T. Saile // Analecta Archaeologica Ressoviensia. — Rzeszów, 2008. — T. 3. — P. 97–127.
936. Saile T. Salt in the Neolithic of Central Europe: production and distribution / T. Saile // Salt and Gold: The Role of Salt in Prehistoric Europe. — Provadia: Verlag Faber, 2012. — P. 225–238.
937. Schuster C. Perioada timpurie a epocii bronzului in bazinele Argeşului şi Ialomiţei superioare / C. Schuster // Bibliotheca Thracologica. — 1997. — T. XX. — P. 151–159.
938. Schuster C. Zu den Ursachen der Ausbreitung (von Osten nach Westen) der Glina – Kultur / C. Schuster // Cercetări arheologice. — 1998/2000. — T. 11, № 2. — S. 361–370.
939. Schuster C. Zur Besiedlungen der West- und Mittelwalahei (Romänien) in der Frühbronzezeit / C. Schuster // RPRP — 2000. — T. 4. — S. 9–19.
940. Schuster C. Zu den frühbronzezeitlichen Siedlungen und Bestattungen in Südrumänien / C. Schuster, A. Morintz // Acta Terrae Septemcastrensis. — 2006. — T. 5, № 1. — S. 43–50.
941. Sherratt A. Plough and pastoralism: aspects of thesecondary products revolution / A. Sherratt // Pattern of the Past: The studies in honour of David Clark. — Cambridge: Cambridge University Press, 1981. — P. 261–305.
942. Sherratt A. La traction animale et la transformation de l'Europe néolithique / A. Sherratt // Premiers chariots, premiers araires. La diffusion de la traction animale en Europe pendant les IVe et IIIe millénaires avant notre ére. — Paris. CNRS Edition, 2006. — Режим доступа к PDF file англ. текста:
http://www.archatlas.dept.shef.ac.uk/people/Frasnois.pdf. — Название с экрана.
943. Siclósi Z. A Kostolac-kultúra újabb temetkézesei Balatonbogláron / Z. Siclośi // Somogyi Múseumok Közleményei — 2004. — T. 16. — P. 139–160.
944. Simache N. Săpăturile arheologice de salvare de la Smeeni / N. Simache, V. Teodorescu // Materiale si cecetari arheologice. — 1962. — T. VIII. — P. 273–276.
945. Simion G. O noua cultura de la inseputul epozii bronzului pe teritoriul Istro-Pontic / G. Simion // Peuce. — 1991. — T. X, № I. — P. 33–34.
946. Ślusarska K. Funeral rites of the catacomb community: 2800–1900BC. Ritual, tanathology and geographical origins / K. Ślusarska // BPS. — 2007. — T. 13. — 213 s.
947. Sochacki Z. Kwestia pobytu stepowków w Europie poludniowo-wschodniej w eneolicie oraz ich stosunku do środowiska autochtonicznego / Z. Sochacki // Archeologia Polski. — 1997. — T. XLII, z. 1–2. — S. 53–61.

948. Spasič N. Horizontal and vertical communication axis in the Middle and Late Eneolithic / N. Spasič // Analele Banatului. Arheologie – Istorie. — Timişoara, 2008. — T. XVI. — P. 31–45.
949. Srejović D. Humke stepskih odlika na teritoriji Srbije / D. Srejović // Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja. — Sarajevo, 1976. — T. XIII. — P. 117–130.
950. Srejović D. Kulture bakarnog i ranog bronzanog doba na tlu Srbije / D. Srejović // Istorija srpskog naroda. / D. Srejović — Beograd: Srpska književna zadruga, 1994. — T. I. — Режим доступа: http://www.rastko.rs/arheologija/srejovic/dsrejovic-eneolit_c.html. — Название с экрана.
951. Stadler P. 14C Datierung der beiden Bestattungen aus dem Hügelgrab von Neusiedl am See / P. Stadler // Budapest Régiségei. — 2002. — T. 36. — P. 171–173.
952. Staubwasser M. Holocene climate and cultural evolution in the late prehistoric-early historic West Asia / M. Staubwasser, H. Weiss // Quaternary Research. — 2006. — T. 66. — 372–387. — Режим доступа к журналу:
http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0033589406001116. — Название с экрана.
953. Stefanova I. Chronological framework for the Lateglacial pollen and macrofossil sequence in the Pirin Mountains, Bulgaria: Lake Besbog and Lake Kremensko-5 / I. Stefanova, J. Atanassova, M. Delcheva // Holocene. — 2006. — T. 16. — P. 877–892. — Режим доступа к журналу:
http://hol.sagepub.com/content/16/6/877. — Название с экрана.
954. Stoyanova P. Late Neolithic Pottery for Salt Production in Tell Provadia – Solnitsata / P. Stoyanova // Salt, practices and knowledge: Abstracts of International Colloquium 1– 5 octobre 2008, Iaşi / Université «AL.I. CUZA». — Iaşi: Université «AL.I. CUZA», 2008. — P. 13.
955. Székely Z. Contribuţii la cunoaşterea epocii bronzului in sud-estul Transilvaniei / Z. Székely // SCIVA. — 1971. — T. 22, № 3. — P. 377–386.
956. Szmyt M. Between West and East. People of the Globular Amphora Culture in Eastern Europe 2960–2350 BC / Marzena Szmyt. — Poznań: Adam Mickiewicz University, 1999. — 349 p. — (BPS; T. 8).
957. Szmyt M. In the Far of Two Worlds. On the Study of Contacts between the Societs of the Globular Amphora and Yamnaya Cultutes / M. Szmyt // A Turing of Ages. — Kraków IAE PAN, 2000. — P. 443–466.
958. Szmyt M. Ze studiów nad kontaktami społeczeństw środkowoeuropejskich I stepowych. Relacje ludności kultury amfor kulistych i kultury jamowej / M. Szmyt // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): материалы III международной конференции; Тирасполь 5–8 ноября 2002 г. / Приднестровский государственный Университет. — Тирасполь: ПГУ, 2002. — С. 111–115.
959. Szmyt M. Baden Patterns in the Milieu of the Globular Amphorae: Transformation, Incorporation and Long Continunity /M. Szmyt // Baden complex and the outside world: proceedings of the 12th Annual Meeting of the EAA in Cracow. 19–24th September 2006 — Bonn: Rudolf Habelt GmbH, 2008. — P. 217–232. (Studien zür Archäologie in Ostmitteleuopa; Band 4).
960. Szmyt M. Eastern European Destinations of Central European Cultural Pattern. The case of Globular Amphora Culture (End of the 4th – Middle oa the 3rd Millenium BC) / M. Szmyt // BPS. — 2009. — V. 14. — P. 232–251.
961. Szmyt M. Radiocarbon Chronology of «Akkiembetski Kurgan». A PreliminaryReport / M. Szmyt, I.T. Chernyakov // The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. — Poznań: Adam Mickiewicz University, 1999. — P. 196–202. — (BPS; V. 7).
962. Takorova D. Long distance contacts in later prehistory: ecological, economical and social implications / D. Takorova // Salt and Gold: The Role of Salt in Prehistoric Europe. — Provadia: Verlag Faber, 2012. — P. 123–126.
963. Tasić N. Eneolithic cultures of Central and West Balkans / Nikola Tasić. — Belgrade: Draganić, 1995. — 205 p.
964. Tasič N. Salt use in Early and Middle Neolithic of the Balkan Penisola / N. Tasič // BAR International Series. — 2000. — T. 854. — P. 35–40.
965. Todorova H. Neue Angaben zur Neolithisierung der Balkanhalbinsel / H. Todorova // Morgenrot der Kulturen. Frühe Etappen der Menschheitsgeschichte in Mittel– und Südosteuropa. Festschrift für Nándor Kalicz zum 75. —Budapest; Archaeolingua Alapitvany, 2003. — S. 83–88.
966. Tončeva G. Un habitat lacustre da l'âge du bronze ancien dans les environs de la ville da Varna (Ézérovo II) / G. Tončeva // Dacia. Serie nouă. — 1981. — T. XXV. — P. 41–62.
967. Torrence R. Production and exchange of stone tools: Prehistoric obsidian in the Aegean / R. Torrence. — Cambridge: Cambridge University Press, 1986. — 256 p.

968. Tosčev G. Cultura catacombelor fi contactele ei īn partea de vest a arealului / G. Tosčev // Thraco-Dacica. — 1998. — T. XIX, № 1–2. — 51–69.
969. Tóth P. Adaptation of settlement strategies to environmental conditions in southern Slovakia in the Neolithic and Eneolithic / P. Tóth, P. Demján, K. Griačová // Documenta Praehistorica. — 2011. — T. XXXVIII. — P. 307–321.
970. Ulanici A. Săpăturile arheologice efectuate la Braneț in anul 1976 / A. Ulanici // Cercetare arheologice. — 1979. — T. III. — P. 27–38.
971. Vasiliu I. Cercetări arheologice în Delta Dunării. Mormintele cu ocru de la Chilia Veche / I. Vasiliu // Peuce. — 1995a. — T. XI. — P. 49–87.
972. Vasiliu I. Mormintele cu ocru de la Luncaviţa Movila „Mocuţa" / I. Vasiliu // Peuce — 1995b. — T. XI. — P. 89–115.
973. Vasiliu I. Noi informaţii privind epoca bronzului în nordul Dobrogei. Movilele funerare de la Luncaviţa punctul „Drumul Vacilor" / I. Vasiliu // Peuce. — 1995c, — T. XI. — P. 117–140.
974. Vasiliu I. Date noi privind înmormântările cu ocru din Dobrogea. Movilele funerare de la Mihai Bravu / I. Vasiliu // Peuce. — 1995d. — T. XI. — 141–175.
975. Vasiliu I. Noi informații privind epoca bronzului in Nordul Dobrogei / I. Vasiliu // Peuce. Serie nouă. — 2007. — T. V. — P. 113–138.
976. Vasiliu I. Cercetările arheologice de salvare de la Nalbant, jud. Tulcea / I. Vasiliu // Peuce. Serie nouă. — 2008 — T. 6. — P. 41–62.
977. Videiko M. Tripolye – "pastoral" contacts. Facts and character of interactions, 4800 –3200 BC / M. Videiko // Nomadism and Pastoralism into the Circle OF Baltic Pontic early agrarian cultures. — Poznań: Adam Mickiewicz University: 1994. — P. 29–71. — (BPS; V. 2).
978. Videiko M. Y. Radiocarbon chronology of the Late Tripolye Culture / M.Y. Videiko // The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures Between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. — Poznań: Adam Mickiewicz University, 1999. — P. 34–72 — (BPS; V. 7).
979. Videiko M. Baden Culture Influences to East of the Carrathian Mountains / M. Videiko // Baden complex and the outside world: proceedings of the 12th Annual Meeting of the EAA in Cracow. 19–24th September 2006 — Bonn: Rudolf Habelt GmbH, 2008. — P. 289–298. (Studien zür Archäologie in Ostmitteleuopa; Band 4).
980. Vladar J. K niekotorym otàzkam začatkov doby bronzovej na Jugozapadnom Slovensku / J. Vladar // Slovenska Archeologia. — 1964. — T. XII. — P. 357–390.
981. Vladar J. Zur Problematik der Kosihy-Čaka-Gruppe in der Slovakei / J. Vladar // Slovenska archeologia. — 1966. — T. XIV, № 2. — P. 245–336.
982. Vladar J. K problematike kultúrnej príslušnosti keramiky so šnúrovou ornamentikou z Košíc-Barce / J. Vladar // Studia Historica Nitriensia — 2008 — T. 14. — S. 75–93.
983. Vogt U. Die latenezeitliche Saline von Bad Nauheim / U. Vogt // The Thracian World at the Crossroads of Civilizations I. Proceedings of the Seventh International Congress of Thracology (Constanţa-Mangalia-Tulcea 20–26 May 1996) / Institut Romãn de Thracologie. — Bucharest: Vavila Edinf SRL, 1996. — P. 181–183.
984. Vollmann D. Der Makó-Kosihy-Čaka-Komplex und die früheste Nagyrév-Kultur an Donau und Theiß / D. Vollmann // Zeiten – Kulturen – Systeme. Gedenkschrift für Jan Lichardus. — Langenweißbach: Beier & Beran, 2009. — 271–288.
985. Weller O. The earliest salt production in the world: an early Neolithic exploitation in Poiana Slatinei-Lunca, Romania / O. Weller, G. Dumitroaia // Antiquity. — 2005. — T. 79. — Режим доступа к журналу: http://antiquity.ac.uk/projgall/weller/. — Название с экрана.
986. Weller O. First salt making in Europe: an overview from Neolithic times / O. Weller // Documenta Praehistorica. — 2015.— T. XLII. — P. 185-196.
987. Weninger B. Climate forcing due to the 8200 cal yr BP event observed at early neolithic sites in the eastern Mediterranean / B. Weninger, E. Alram-Stern, E. Bauer // Quaternary Research. — 2006. — T. 66 — P. 401–420. — Режим доступа к журналу: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0033589406001116. — Название с экрана.
988. Weninger B. The Impact of Rapid Climate Change on prehistoric societies during the Holocene in the Eastern Mediterranean / B. Weninger, L. Clare, E.J. Rohling // Documenta Praehistorica. — 2009. —T. XXXVI. — P. 7–59.
989. Wlodarczak P. Kultura keramiki sznurowej na wyżynie Małopolskiej / Piotr Wlodarczak. — Krakow: Instytut archeologii i etnologii PAN, 2006. — 346 s.

990. Wlodarczak P. Radiocarbon chronology of Corded Ware culture in the light of dendrochronological datings of late neolithic lake dwellings in Switzerland / P. Wlodarczak // Archeologia Polski — 2007. — T. 52, № 1–2. — P. 35–80.
991. Włodarczak P. Kultura złocka i problem genezy kultury ceramiki sznurowej w Małopolsce / P. Wlodarczak // Na pograniczu światów. Studia z pradziejów międzymorza bałtycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Kośko w 60 rocznicę urodzin. — Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2008. — S. 511–532.
992. Włodarczak P. Dunajski szlak kultury grobów jamowycha problem genezy kultury ceramiki sznurowej / P. Włodarczak // Mente et rutro. Studia archeologica Johanni Machnik viro doctissimo octogesimo vitae anno ab amicis, collegis et discipulis oblata. — Rzeszów: Archaeologica Ressoviensis, 2010. — S. 299–325.
993. Woidich M. Uivar Und der Beginn der Bronzezeit Im Rumänischen Banat / M. Woidich // Analele Banatului. Arheologie – Istorie. — Timişoara, 2009. — T. XVII. — P. 357–365.
994. Yanko-Hombach V. Controversy over Noah’s Flood in the Black Sea: geological and foraminiferal evidence from the shelf / V. Yanko-Hombach // The Black Sea Flood Question: Changes in Coastline, Climate and Human Settlement. — Dordrecht: Springer, 2007. — P. 149–189.
995. Zoffmann Z. K. Anthropological sketch of the prehistoric population of the Carpathian Basin / Z.K. Zoffmann // Acta Biologica Szegediensis. — 2000. — T. 44. — № 1–4. — P. 75–79.

Список сокращений

АИМ	– Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
Вісник АН СРСР	– Вісник Академії Наук УРСР. К.
ДСПК	– Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ИА и ДИ РМ	– Институт археологии и древней истории Республики Молдова.
ИА НАН Украины	– Институт археологии Национальной Академии Наук Украины. К.
ИА АН УССР	– Институт археологии Академии Наук УССР. К.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КС ОАО	– Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса.
ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение Институт ареологии АН СССР. Л.
МАСП	– Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.
НА ИА НАНУ	– Научный архив Института археологии НАН Украины. К.
НА ИА и ДИ РМ	– Научный архив Института археологии и древней истории Республики Молдова. Кишинев.
Наукові записки НаУКМА	– Наукові записки Національного Університету Києво-Могилянська Академія. К.
ООАЦ	– Одесский охранный археологический центр. Одесса.
РА	– Российская археология. М.
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.
ССПК	– Старожитності степового Причорномор'я та Криму. Запоріжжя.
Труды ГИМ	–Труды Государственного Исторического музея. М.
Труды ГИН	– Труды Геологического Института АН СССР. М.
BAR	– British Archaeological Reports. Oxford.
BPS	– Baltic-Pontic Studies. Poznań.
RPRP	– Reports of Prehistoric Research Projects. Salt Lake City.
SCIV	– Studii si cercetari de istorie veche. Bucuresti
SCIVA	– Studii si cercetari de istorie veche şi archeologie. Bucuresti.

Наукове видання

ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ

НАЦІОНАЛЬНОЇ АКАДЕМІЇ НАУК УКРАЇНИ

ІВАНОВА Світлана Володимирівна

ІСТОРІЯ НАСЕЛЕННЯ

ПІВНІЧНО-ЗАХІДНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я

НАПРИКІНЦІ IV–III ТИС. ДО Н. Е.

Російською мовою

Надруковано в авторській редакції

Здано до складання. 09.11.2021р. Підписано до друку 20.11.2021р.

Формат 60х84/8. Папір офсетний. Друк офсетний.

Гарнітура Times. Ум. друк. арк. 29,93.

Тираж 100 прим. Зам. № 0000.

Видавець
ТОВ «Видавничий дім “Бук-Друк”»
м. Житомир, вул. М. Бердичівська, 17А.
тел.: 063 101 22 33

Свідоцтво серія ДК № 7412 від 27.07.2021 р.

Друк та палітурні роботи ФОП О.О. Євенок
м. Житомир, вул. М. Бердичівська, 17А
тел.: 063 101 22 33, e-mail: bookovych@gmail.com

Свідоцтво серія ДК № 3544 від 05.08.2009 р.